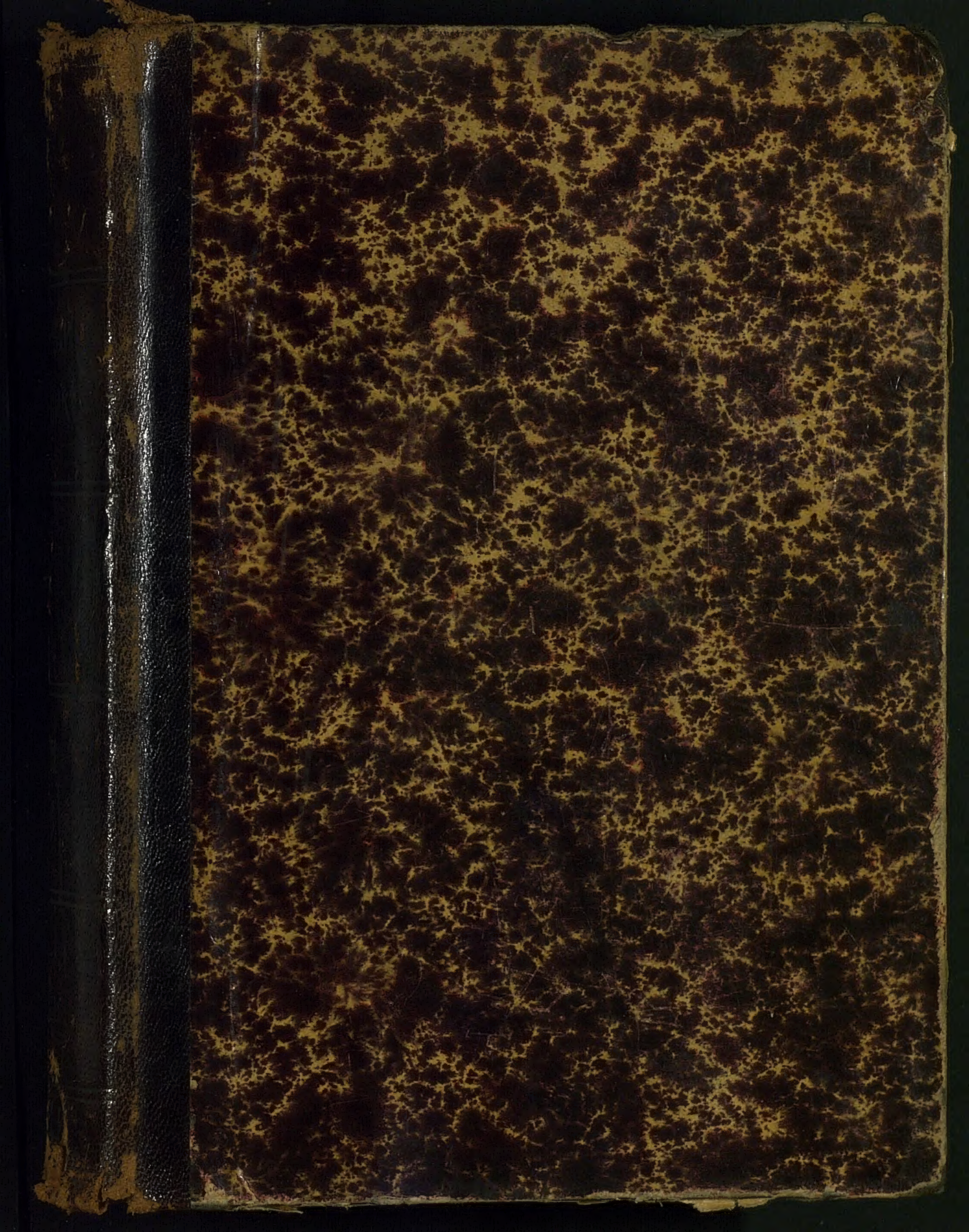
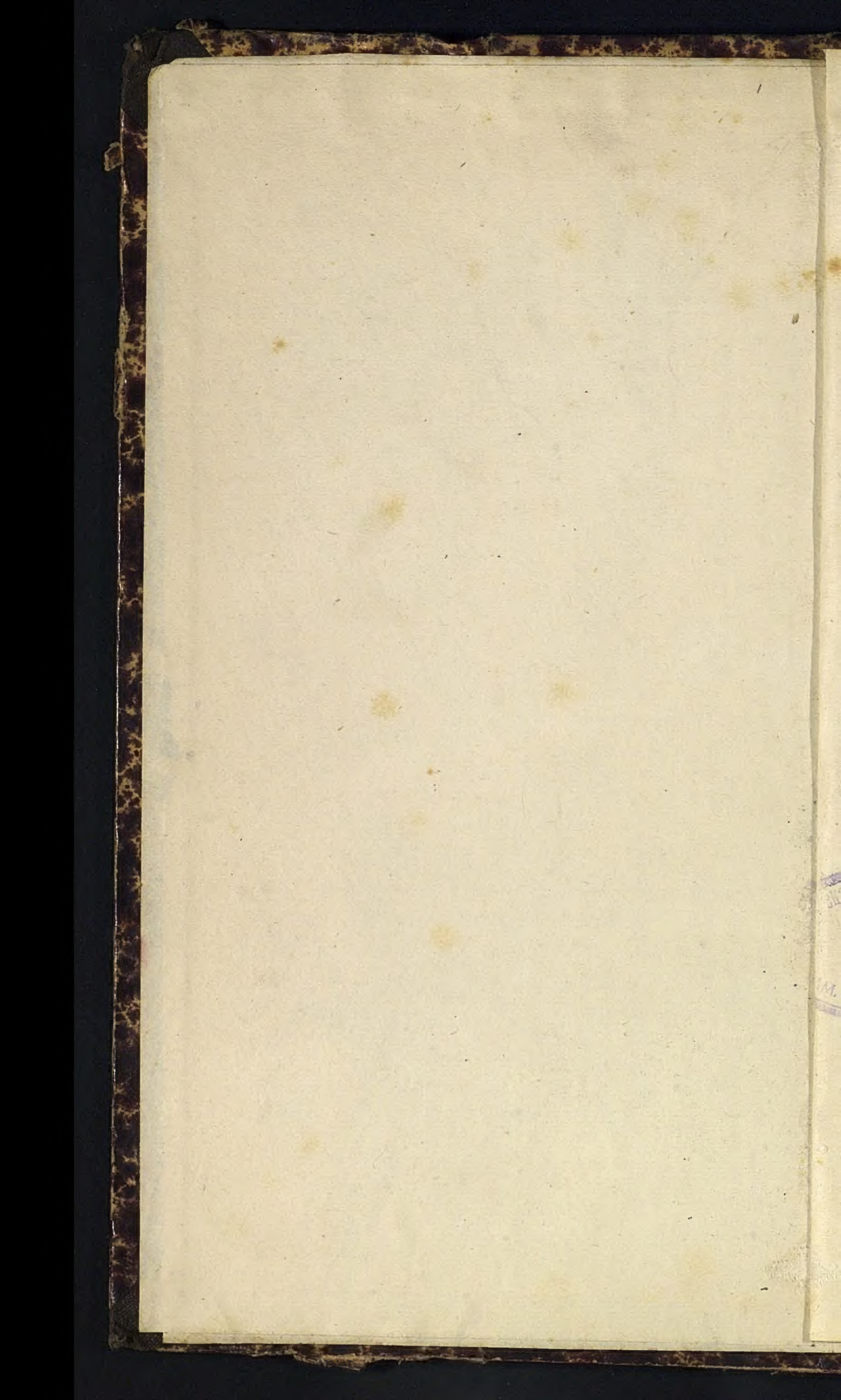
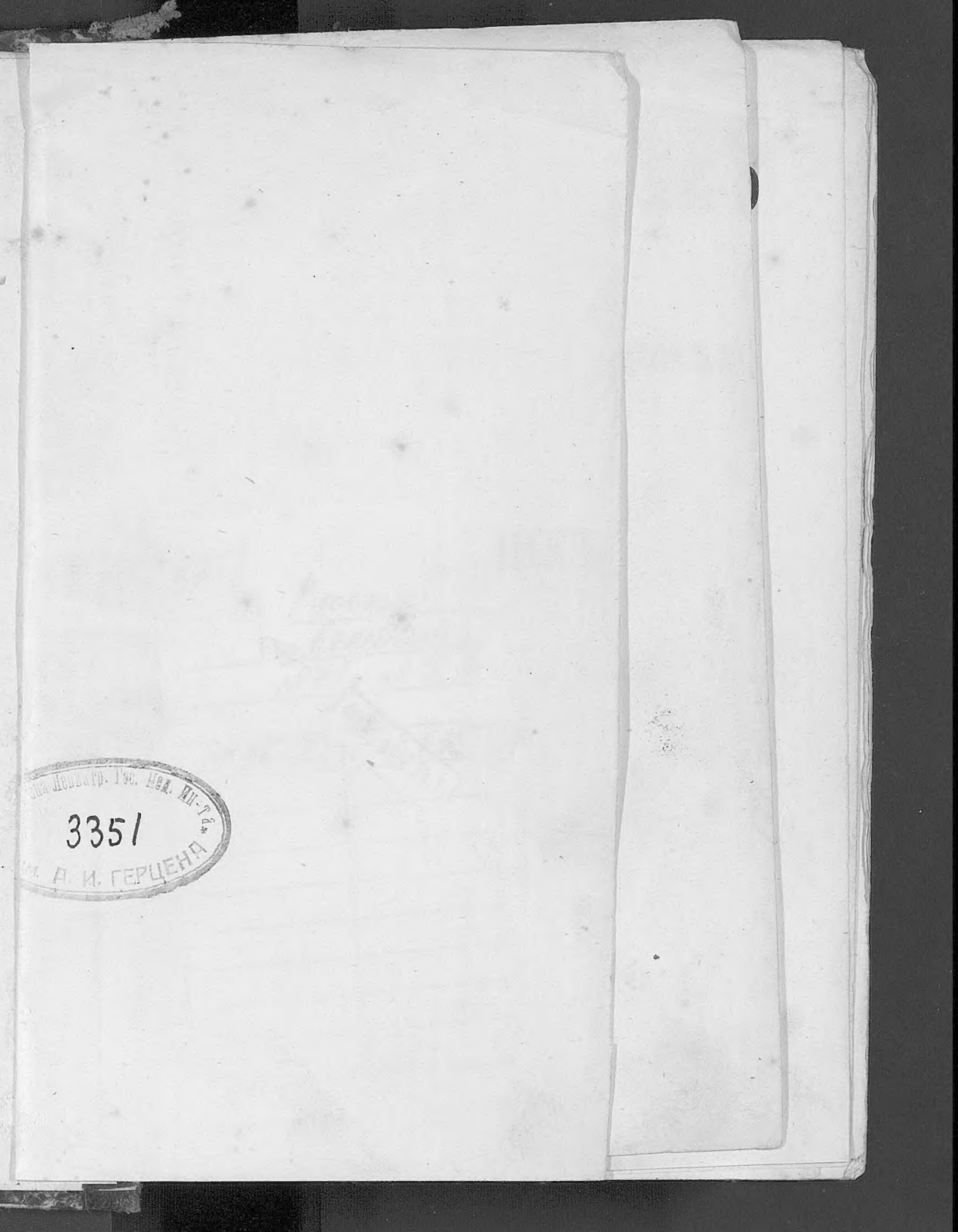

Ленингр. Гос. Пед. Ин-та
3351
А. И. ГЕРЦЕНА

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый
М. Катковымъ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ТРЕТІЙ.

№ 5, 6

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1871.

БѢЛАЯ-КРИНИЦА

ДО ПРІѢЗДА АМВРОСІЯ*

(ИЗЪ ИСТОРІИ БѢЛОКРИНИЦКОЙ ІЕРАРХІИ)

VI.

Итакъ Павелъ и Алимпій отправились въ Вѣну „рекурсовать“ противъ губернскаго рѣшенія по дѣлу объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ. Люди бывалые, видавшіе и „Адестъ“ и Петербургъ, подолгу живавшіе въ Черновцахъ, они были однакоже до такой степени поражены великолѣпіемъ австрійской столицы, громадностью зданій, многолюдствомъ и всѣмъ вообще, совершенно чуждымъ для Русскаго строемъ жизни, кипѣвшей на вѣнскихъ улицахъ, что въ первое время „ходили по огромнымъ высотою стогнамъ аки въ темномъ лѣсу, аки глухіе и нѣмые“.... ** Въ свою очередь и вѣнскіе жители немало дивились, встрѣчая Павла и Алимпія на стогнахъ своего града, гдѣ они представляли невиданное до тѣхъ поръ явленіе. Полномочные посланники Бѣлокриницкаго монастыря, строго слѣдуя предписаніямъ монастырскаго устава и ничѣмъ не стѣсняясь, ходили по вѣнскимъ улицамъ „во всемъ своемъ чину,“ въ клобукахъ съ вѣнчикомъ, покрытыхъ каптыремъ, въ манатейкахъ и съ лѣстов-

---

* См. *Русск. Вѣстн.* 1870, №№ 10 и 12.

** Письмо Павла изъ Вѣны къ благотворителямъ, отъ 14го іюля 1843 года.

ками. Это ихъ одѣяніе и служило предметомъ удивленія и любопытства для жителей Вѣны: „въ разсужденіи нашего страннаго для нихъ образа столь удивляются, разказывалъ самъ Павелъ, что даже если по какому-либо случаю гдѣ идя на минутку остановишься вопросить кого-либо о чемъ, или въ лавкѣ что-либо купить, то со всѣхъ сторонъ толлами соберется народъ и обступя дивятся аки на какое чудовище, потому что такого вида человѣка, какъ мы, никто здѣсь и сроду не видалъ.“ * При всемъ этомъ Павелъ весьма доволенъ былъ вѣжливостью вѣнскихъ жителей, и въ самомъ любопытствѣ съ какимъ они разсматривали невиданныхъ людей не нашелъ ничего дерзкаго и оскорбительнаго. Еще больше Павелъ и Алимпій довольны были вниманіемъ и благосклонностью тѣхъ лицъ съ которыми приходилось имъ входить въ сношенія по своему дѣлу. Прежде всего они отыскали рекомендованныхъ имъ черновицкими благопріятелями адвокатовъ. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, г. Дворачекъ, хорошо образованный юристъ, Славянинъ родомъ, свободно объяснявшійся по-русски, сношенія съ которымъ по этому самому были всего удобнѣе, отнесся къ нимъ съ особеннымъ участіемъ, охотно согласился взять на себя главные хлопоты по ихъ дѣлу и оказалъ имъ дѣйствительно большую помощь.

Разспросивъ у Павла всѣ подробности дѣла и разсмотрѣвъ всѣ привезенные имъ документы, Дворачекъ нашелъ что послѣ состоявшагося въ губерніи рѣшенія, дѣйствительно, ничего болѣе не осталось дѣлать, какъ подать на высочайшее имя „рекурсъ.“ Правда, по зрѣломъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, онъ не могъ не сознаться что губернское начальство въ своемъ рѣшеніи опиралось на законныхъ основаніяхъ и что напротивъ притязанія бѣлокриницкихъ просителей и дѣйствія ихъ черновицкихъ благопріятелей во многомъ лишены и законности и правильности; но при всемъ этомъ, какъ человѣкъ искусный въ адвокатскихъ хитростяхъ, онъ надѣялся и обнадеживалъ Павла что дѣло еще не проиграно: нужно только поискуснѣе составить рекурсъ и лицамъ власть имѣющимъ указать въ бѣлокриницкомъ предпріятіи такія стороны которыя, по его соображеніямъ, всего скорѣе могли расположить ихъ въ пользу этого предпріятія.

Рекурсъ составленный въ Черновцахъ Дворачекъ нашелъ

* Письмо Павла.

нужнымъ подвергнуть тщательному исправленію. Изъ-подъ его редакціи документъ сей вышелъ наконецъ достойнымъ своего назначенія. *

Прежде всего въ немъ излагается исторія переселенія задунайскихъ липованъ въ Буковину, излагается, правда, очень кратко, но при этомъ однакоже не забыто упомянуть что „вскорѣ по своемъ пришествіи, липованы построили въ Бѣлой-Криницѣ монастырь,“ и что съ тѣхъ поръ и по настоящее время, шестьдесятъ уже лѣтъ, „монастырь сей у нихъ существуетъ, даже приведенъ теперь въ гораздо лучшее противъ прежняго положеніе.“ Затѣмъ въ трогательныхъ чертахъ изображается главное и какъ бы единственное зло, какое претерпѣваютъ въ настоящее время и монастырь и всѣ липованскія общества въ Буковинѣ, зло проистекающее отъ крайняго оскудѣнія священствомъ: „ибо для посвященія духовныхъ лицъ не имѣется во всемъ Австрійскомъ государствѣ ни одного святителя липованской религіи, и посему только съ великимъ трудомъ и весьма рѣдко липованскія общества имѣютъ возможность достать священника изъ Россіи, и эти со значительными издержками получаемые изъ Россіи священники остаются въ Буковинѣ только на малое время, а потомъ уѣзжаютъ либо въ Россію обратно, либо дальше за границу къ старовѣрческимъ обществамъ проживающимъ въ Молдавіи и по ту сторону Дуная, гдѣ также господствуетъ величайшій недостатокъ въ духовенствѣ липованскаго обряда.“ Проистекающее отсюда бѣдственное положеніе старовѣрческихъ обществъ, ихъ скорбь, доходящая почти до отчаянія (говорится дальше) „не позволяютъ намъ—инокамъ оставаться равнодушными и недѣятельными, тѣмъ больше что мы давно уже горячее имѣемъ желаніе посредствомъ исполненія духовныхъ

* Павелъ, въ томъ же письмѣ изъ Вѣны: „Сочиненный нашъ еще въ Черновцахъ рекурсъ (то-есть аппелляцію) мы здѣсь *по разуму умныхъ людей* еще оный передѣлывали и даже два раза набѣло переписывали, и конечно съ Божіею помощію привели въ порядокъ.“ Сохранившійся въ *Бѣлокриницкомъ архивѣ* экземпляръ *Рекурса*, которымъ мы пользуемся, есть, какъ надобно полагать, тотъ самый, первый разъ переписанный въ Вѣнѣ, о которомъ упоминается въ письмѣ Павла и съ котораго потомъ переписанъ былъ экземпляръ поданный императору Фердинанду: онъ писанъ на листахъ большаго формата, красивымъ почеркомъ; на поляхъ и въ текстѣ сдѣланы рукой Дворачка поправки и дополненія.

требъ, чрезъ содѣйствіе народному просвѣщенію и распространеніе религіознаго образованія не только удовлетворить нуждамъ общества, но и послужить наилучшимъ образомъ государству, такъ какъ мы совершенно назначили себя къ духовному званію и посвятили все свое время и силы на пріобрѣтеніе *ученыхъ знаній* (wissenschaftlichen Kentnissen), необходимыхъ для открытой религіозной проповѣди, въ чемъ препятствуетъ намъ только невозможность получить хиротонію, за неимѣніемъ святителя.“ „И вотъ мы всеподданнѣйше подписавшіеся, дабы устранить столь бѣдственное положеніе липованскихъ обществъ и достигнуть нашихъ благихъ цѣлей, столь полезныхъ для самого правительства, въ февралѣ 1840 года, „подали чрезъ Буковинскій крайзамтъ въ высокую кесаро-королевскую Галицкую губернію просьбу о дозволеніи прибыть въ Бѣлую-Криницу нашего обряда святителю (Weihbischof), который могъ бы совершать у насъ хиротонію и оставался бы у насъ верховнымъ пастыремъ (Oberhirt). По приказанію крайзамта, мы послали также въ высокую кесаро-королевскую губернію и нашъ монастырскій уставъ. Потомъ извѣстившись что по нѣкоторому враждебному для нашего обряда вліянію, поставляется препятствіе даже и дальнѣйшему существованію нашего монастыря, мы, на основаніи высочайшей привилегіи блаженной памяти императора Іосифа II, подали непосредственно высокой кесаро-королевской губерніи вторичную просьбу о сохраненіи состоящаго въ Бѣлой-Криницѣ христіанскаго старовѣрческаго монастыря неприкосновеннымъ. Однако высокая кесаро-королевская губернія, декретами отъ 21го марта 1842 года и отъ 16го октября того же года, опредѣлила—учрежденіе монастыря въ Бѣлой-Криницѣ признать дѣломъ непозволительнымъ, незаконнымъ и нетерпимымъ.“ Приведя вслѣдъ за симъ съ буквальной точностью тѣ, уже извѣстные читателямъ, четыре пункта губернской резолюціи въ которыхъ изложены основанія къ такому строгому опредѣленію, податели рекурса съ глубочайшимъ страхопочитаніемъ объясняютъ что высокое губернское рѣшеніе приведенными здѣсь доказательствами, или основаніями ни въ какомъ случаѣ оправдано быть не можетъ, и что эти доказательства они могутъ легко опровергнуть.

Опроверженіе губернской „резолюціи“ по каждому ея пункту и составляетъ собственно задачу и существенное содержаніе „рекурса“.

Главнымъ образомъ вниманіе остановлено впрочемъ на *нео-*

вомъ пунктѣ „резолюціи". Въ этомъ первомъ пунктѣ, какъ мы видѣли, говорилось что „привилегіей Іосифа II предоставлено липованамъ только ненарушимое отправленіе богослуженія и духовныхъ требъ, также привезеніе изъ-за границы попа ихъ націи, но не дано никакого права на заведеніе чуждаго пастырскимъ обязанностямъ, посвященнаго только уединенію и созерцанію, монастырскаго института". Все здѣсь сказанное „рекурсъ" признаетъ несправедливымъ. 1) Губернское начальство несправедливо будто бы объяснило смыслъ привилегіи Іосифа II, утверждая что буковинскимъ липованамъ привилегія не давала права на учрежденіе монастыря. Въ „рекурсѣ" напротивъ утверждается что именно привилегіей Іосифа II и предоставлено липованамъ такое право. Въ доказательство этого приведены слѣдующія соображенія: переселившимся въ Буковину старовѣрческимъ обществамъ и *ихъ духовенству* было дозволено привилегіей ненарушимое отправленіе богослуженія, духовныхъ требъ и всѣхъ вообще религіозныхъ обрядовъ; но духовенство, „которое пришло съ липованами въ Буковину, состояло не изъ бѣлыхъ только священниковъ, а также и изъ иноковъ, которые по самымъ правиламъ религіи (nach der Religionsgrundsätzen) непремѣнно должны жить въ монастырѣ и въ немъ только могутъ отправлять богослуженіе: значитъ имъ дозволено было всевысочайшею привилегіей и открыто устроить монастырь. Это явствуетъ также изъ того что въ высочайшей привилегіи говорится вообще о духовенствѣ, никакого различія между бѣлымъ и монашествующимъ духовенствомъ не полагается, и воспрещенія относительно пребыванія иноковъ не сдѣлано". Всѣ эти соображенія съ липованской точки зрѣнія были совершенно правильны; мы говорили уже что такъ именно разумѣли смыслъ привилегіи и первые буковинскіе липованы, для которыхъ показалось совершенною неожиданностью и непонятно было распоряженіе правительства объ уничтоженіи заведеннаго ими въ Тарновецкомъ лѣсу монастыря. Но въ „рекурсѣ" доказывалось что точно такъ же будто бы понимало смыслъ привилегіи и само правительство, такъ какъ оно имѣло точныя свѣдѣнія о переселеніи въ Буковину липованскихъ иноковъ и нисколько переселенію ихъ не препятствовало, чего будто бы никакъ не могло случиться еслибы правительство имѣло въ виду воспрепятствовать учрежденію монастыря у липованъ, хотя въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, было именно такъ, — не

препятствуя липованскимъ инокамъ переходить въ Буковину, правительство однакоже требовало чтобъ они жили не въ монастырѣ, а на одинаковыхъ съ прочими липованами правахъ.

2) Неправильно будто бы указано губернскимъ начальствомъ и главное назначеніе липованскаго монастыря. „Единственная цѣль нашего института не есть уединеніе и созерцаніе, какъ сказано въ высокомъ губернскомъ рѣшеніи, напротивъ, главная цѣль нашего института есть исполненіе богослуженія, религіознаго обученія и пастырской должности" (seelsorgerlichen Berufes). Всѣ знакомые съ истиннымъ назначеніемъ иноческой жизни, и прежде всего сами старообрядцы, должны согласиться что „уединеніе и созерцаніе" вмѣстѣ съ исполненіемъ церковныхъ службъ составляютъ существенную ея принадлежность, и что напротивъ исправленіе пастырской должности, составляющее прямую обязанность бѣлаго духовенства, назначенію иночества вовсе не соотвѣтствуетъ и никакъ не можетъ быть почитаемо за „главную цѣль монастырскаго института". Значитъ губернское начальство не отступило отъ истины, назвавъ уединеніе и созерцаніе главнымъ назначеніемъ липованскаго монастырскаго института; но составителямъ *Рекурса* для ихъ цѣли нужно было доказать что именно отправленіе пастырской должности составляетъ между прочимъ главное назначеніе липованскаго монастыря, и вотъ сказанному въ губернскомъ рѣшеніи они противопоставляютъ свидѣтельство, по ихъ мнѣнію, не подлежащее прекаванію, единственное откуда можно почерпнуть правильное понятіе объ этомъ монастырѣ, — „приложенный къ рекурсу монастырскій уставъ", и именно статью о епископѣ. „А если у насъ, говорится далѣе, въ настоящее время, по той причинѣ что всѣ старые священники умерли, существуютъ лишь простые иноки, не имѣющіе высшаго посвященія, то въ этомъ должно видѣть только слѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, случайное, противъ нашей воли послѣдовавшее, удобоисправимое затрудненіе, но никакъ не отличительное свойство, принадлежащее къ самой сущности нашего института."

Наконецъ 3) неправильно будто бы утверждается въ губернской „резолюціи" что привилегіей Іосифа II разрѣшено липованамъ только привезти одного попа изъ-за границы. „Противъ сего," сказано въ рекурсѣ, „мы находимъ себя вынужденными всепокорнѣйше замѣтить что въ высочайшей привилегіи нельзя найти и слѣдовъ подобнаго ея значенія, и

еслибы мы должны были довольствоваться однимъ только заграничнымъ священникомъ, то это не было бы совершенною свободой, какъ сказано во всевысочайшей привилегіи, а скорѣе стѣсненіемъ и даже лишеніемъ всякой возможности исправленія нашей религіи, потому что и за границей (въ Россіи и Молдавіи) немного священниковъ нашей вѣры.“ И затѣмъ, сказавъ опять какія притѣсненія чинитъ русское правительство старообрядческому духовенству, „рекурсѣ“ снова обращается къ главному предмету просьбы бѣлокриницкихъ иноковъ. „Единственное средство навсегда вывести изъ печальнаго положенія наши старовѣрческія общества заключается именно въ томъ чтобы вмѣсто частаго призыванія духовныхъ изъ-за границы, однажды опредѣлить къ намъ своего святителя на высказанныхъ въ нашемъ бѣлокриницкомъ уставѣ основаніяхъ. Тогда мы уже не стали бы звать священниковъ изъ нерасположенной къ намъ Россіи, а въ послѣдствіи также не нуждались бы и въ святителѣ изъ-за границы, потому что, по нашему церковному обряду, въ крайне нужныхъ обстоятельствахъ нашъ святитель можетъ назначить себѣ намѣстника. Такимъ образомъ у нашихъ австрійскихъ старовѣровъ явится исправленіе всѣхъ религіозныхъ и духовныхъ требъ.“

„Мы увѣрены,“ далѣе говорится въ рекурсѣ, „что это наше всепокорнѣйшее прошеніе не встрѣтитъ на пути своемъ никакого препятствія, и чрезъ всемилостивѣйшее снисхожденіе къ сей нашей просьбѣ устранятся всѣ прежде упомянутые недостатки, чрезъ что притомъ для государства не можетъ произойти никакого убытка, потому что монастырь обязывается нашего святителя самъ отъ себя содержать и никогда не просить на сей предметъ пособія или вспомоществованія отъ высокаго правительства. Всѣ христіанскія общества въ великой Австрійской монархіи имѣютъ, кромѣ многочисленнаго свѣтскаго духовенства, и своего собственнаго епископа, а также, смотря по обстоятельствамъ, и монастырскія учрежденія для тѣхъ которые желаютъ жить въ монастырскомъ уединеніи: почему же это должно быть воспрещено только для христіанъ-старовѣровъ (Altglaubigen Christen), которымъ по всевысочайшей привилегіи всемилостивѣйше дозволено полное отправленіе ихъ религіи и которые кромѣ своихъ иноковъ не имѣютъ въ Буковинѣ другаго духовенства?...“

Здѣсь признано умѣстнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній

противъ того лица рѣшенію котораго ближайшимъ образомъ подлежалъ этотъ вопросъ и которымъ однажды онъ былъ уже рѣшенъ не въ пользу липованъ:

„Мы съ глубочайшею скорбію узнали что изданію высокою губерніей тяжкаго для насъ рѣшенія много содѣйствовало мнѣніе поданное отъ его преосвященства, господина буковинскаго греко-неуніатскаго (griechisch nicht unirten) епископа, который будто бы неблагосклонно отозвался объ нашихъ особенностяхъ, нашемъ образованіи и нашихъ способностяхъ.

„Но мы полагаемъ что это неблагосклонное мнѣніе имѣетъ свое основаніе только въ непріязненности господина епископа, который желаетъ притѣснять нашъ монастырь и воспрепятствовать существованію духовенства нашей націи и нашей религіи, съ тою единственно цѣлію чтобы принудить насъ либо принять греческую неуніатскую религію, либо переселиться отсюда, дабы такимъ образомъ избавиться въ Буковинѣ отъ того обряда которому онъ не можетъ благопріятствовать.

„Мы не состоимъ подъ властію буковинскаго греко-неуніатскаго епископа. Правда, пришедшимъ въ 1784 году липованамъ предписано было со стороны начальства что они должны находиться въ подчиненіи буковинскому господину епископу, и собственно карловицкому митрополиту; но какъ это распоряженіе началамъ нашей религіи и самой всевысочайшей привилегіи было противно, то липованы такого условія принять не могли и хотѣли даже возвратиться обратно въ Молдавію, почему требованіе это и было тогда же отмѣнено, а липованамъ дано увѣреніе что они не будутъ въ подчиненіи ни у буковинскаго господина епископа, ни у карловицкаго митрополита, какъ это можно видѣть изъ донесенія Сучавской кесаро-королевской директоріи Буковинской областной администраціи (Landesadministration) отъ 19го января 1784 года. Посему буковинскаго греко-неуніатскаго епископа Евгенія Гакманъ нельзя почитать имѣющимъ право давать мнѣніе въ нашихъ религіозныхъ дѣлахъ“.

Этими искусно составленными, хотя въ сущности несправедливыми замѣчаніями о русскомъ и православномъ епископѣ Евгеніи, въ которыхъ наброшена тѣнь на личныя его отношенія къ старообрядческому населенію Буковины и отрицается его право на какое бы то ни было участіе въ рѣшеніи вопроса о липованской іерархіи, — этими замѣчаніями и

окончен разборъ перваго пункта губернской „резолюціи", составляющій бо́льшую половину *Рекурса*.

Во *второмъ* пунктѣ резолюціи сдѣлано было точное указаніе на состоявшіяся въ 1784 и 1791 годахъ правительственныя распоряженія о закрытіи липованскаго монастыря въ Бѣлой-Криницѣ, и мы уже имѣли случай замѣтить что именно опроверженіе этого пункта представляло особенныя трудности. По этому составители рекурса ограничились слѣдующимъ краткимъ и уклончивымъ противъ него возраженіемъ: „Что высокимъ рескриптомъ придворнаго военнаго совѣта отъ 1784 года *будто бы* запрещено было основаніе нашего монастыря, — это невѣроятно (es ist nicht glaubwürdig), потому что тогда старовѣры, имѣя въ рукахъ всевысочайшую привилегію, *не имѣли никакой надобности* просить еще другаго особаго на то разрѣшенія". „И еслибы такой рескриптъ существовалъ дѣйствительно, то Буковинскій крайзамтъ не могъ бы дать игумену Симеону, въ 1788 году, позволенія чтобы пришли въ Буковину еще нѣсколько иноковъ. Въ высокомъ губернскомъ рѣшеніи упоминается кромѣ того что *якобы* дано было такое же запрещеніе *какимъ-то* губернскимъ декретомъ отъ 1791 года. Но ни этотъ декретъ, ни тотъ рескриптъ придворнаго военнаго совѣта никогда старовѣрческому духовенству доставляемы не были, и при устроеніи нашего старовѣрческаго монастыря препятствія со стороны правительства никогда не дѣлалось. Самъ славный кесаро - королевскій Буковинскій крайзамтъ на нашу просьбу—сообщить намъ о содержаніи помянутаго высокаго губернскаго декрета отъ 1791 года и рескрипта придворнаго военнаго совѣта отъ 1784 года, отвѣтилъ только что сихъ актовъ отыскать не могутъ". Такимъ образомъ, благодаря обязательности крайзамтскихъ чиновниковъ, бѣлокриницкіе просители не затруднились подвергнуть сомнѣнію даже самое существованіе упомянутыхъ въ губернской резолюціи официіальныхъ документовъ, а вмѣстѣ съ этимъ заподозрить и самыхъ губернскихъ властей какъ бы въ намѣренной ссылкѣ на подложные документы, — вообще отважились на поступокъ очень смѣлый, такъ какъ при строгомъ изслѣдованіи дѣла не трудно было бы доискаться истины. Но, видно, главный редакторъ „рекурса" имѣлъ основаніе твердо разчитывать что подобнаго изслѣдованія возбуждено не будетъ, что вообще по этому дѣлу столичныя власти поддерживать губернію не ста-

нутъ, почему и не нашелъ нужнымъ исключить изъ рекурса сказанное противъ втораго пункта губернской резолюціи.

Противъ выраженнаго въ *третьемъ* пунктѣ мнѣнія что „метрики никакой связи съ религіей и богослуженіемъ не имѣютъ“, въ рекурсѣ не безъ основанія замѣчено что напротивъ тогда только метрическія книги могутъ имѣть значеніе правильно составленныхъ свидѣтельствъ о родившихся, сочетавшихся бракомъ и умершихъ, когда ихъ будутъ вести лица законно призванныя и обязанныя совершать крещеніе, вѣнчаніе и погребеніе, каковыми могутъ-быть единственно священники, и пока не будетъ у липованъ священниковъ, дотолѣ невозможно установить у нихъ и правильнаго веденія метрикъ. Возложить это дѣло на думенію, или на кого-либо изъ мірянъ, значило бы не достигнуть цѣли: „ибо за неимѣніемъ липованскаго духовенства въ Буковинѣ, крещеніе и вѣнчаніе у буковинскихъ липованъ совершается большею частію въ Россіи, или въ Молдавіи, и такой составитель метрикъ (Mätrikelbuchfuhrer) о многихъ совершившихся крещеніяхъ, или вѣнчаніяхъ либо совсѣмъ не зналъ бы, либо получалъ бы свѣдѣнія только по слухамъ.“

И на сдѣланное въ *четвертомъ* пунктѣ резолюціи замѣчаніе что Бѣлокриницкій монастырь „состоитъ изъ непостриженныхъ бѣльцовъ“, въ рекурсѣ съ твердостью отвѣчено: „напротивъ, въ монастырѣ нашемъ имѣются только немногіе бѣльцы, препровождающіе время въ искусѣ, остальные же всѣ вообще дѣйствительные иноки, получившіе отъ іеромонаха первое посвященіе, какъ это можно видѣть изъ прилагаемаго устава. У насъ, правда, въ настоящее время не имѣется іеромонаха, но это зависитъ не отъ характера нашего института, а отъ того что у насъ нѣтъ архипастыря, или святителя, который одинъ только можетъ въ священныя степени поставлять. И это самое обстоятельство должно служить основаніемъ не къ закрытію монастыря, а скорѣе къ разрѣшенію имѣть намъ святителя, который чрезъ посвященіе нынѣ находящихся у насъ иноковъ, могъ бы столь нужный для липовановъ монастырь сдѣлать и разсадникомъ (Pflanzschule) духовенства.“ Но въ этомъ же четвертомъ пунктѣ находилось и то замѣчаніе объ иностранцахъ, составляющихъ большинство монастырскихъ жителей въ Бѣлой-Криницѣ, противъ котораго повидимому такъ трудно было сдѣлать возраженіе, ибо весь почти Бѣлокриницкій монастырь состоялъ дѣйстви-

тельно изъ бѣглыхъ русскихъ раскольниковъ. Вотъ что однакоже отвѣчено въ рекурсѣ на это щекотливое замѣчаніе: „Монастырь нашъ не состоитъ изъ иностранцевъ, какъ утверждаетъ высокое губернское рѣшеніе, ибо нынѣ уже правительственнымъ порядкомъ (amtlich) дознано что почти всѣ иноки Бѣлокриницкаго монастыря либо здѣшніе урожденцы, либо если и пришли изъ-за границы, то все-таки рождены отъ австрійскихъ подданныхъ и потому, согласно § 28 гражданскихъ законовъ, владѣютъ правами австрійскаго подданнаго и гражданина. Если же между ними и нашлись бы нѣкоторые иностранцы, то развѣ только изъ Молдавіи; а это не можетъ быть препятствіемъ къ существованію монастыря, тѣмъ болѣе что здѣсь дѣло касается самаго монастыря, а не лицъ.“ * Такимъ образомъ и въ этомъ, весьма осторожно выраженномъ отвѣтѣ ложь прикрыта опять ссылкой на свидѣтельство мѣстнаго управленія.

Наконецъ, въ заключеніе рекурса, сдѣлано слѣдующее патетическое обращеніе къ императору Фердинанду:

„Безсмертный монархъ, блаженной памяти императоръ Іосифъ II прибывшему сюда липованскому духовенству даровалъ совершеннѣйшую религіозную свободу.

„Многолюбезнѣйшій, вѣчно незабвенный блаженнѣйшій императоръ Францъ I соблюдалъ вышеупомянутую всевысочайшую привилегію въ полной ея силѣ.

„Ужели это доброе дѣло, которое вашего величества знаменитые предки устроили и защищали, должно теперь разориться? О, конечно нѣтъ! Мы пребываемъ въ твердой увѣренности что ваше августѣйшее величество, какъ наслѣдникъ ихъ высокихъ добродѣтелей, будете столько же милостивы къ без-

---

* Въ находящемся у насъ спискѣ „рекурса“ противъ этого мѣста рукой Павла сдѣлана слѣдующая замѣтка карандашомъ: „Спросить есть ли что тутъ дѣло не о лицахъ, а о монастырѣ.“ Должно-быть эта мысль о различеніи лицъ, составляющихъ монастырское братство отъ самаго монастыря, какъ института, принадлежала самому Павлу и онъ очень заботился чтобы въ нѣмецкомъ текстѣ рекурса она была удержана, — вообще видно что Павла сильно безпокоило сказанное въ губернской резолюціи объ иностранцахъ населяющихъ Бѣлокриницкій монастырь. Къ словамъ: zu mahl es sich hier um die Sache selbst, nicht aber um Personen kandelt, въ рекурсѣ было еще прибавлено: und einige Personen unbeschadet der Sache, eben so leicht ausgenommen, als auch entfernt werden können.“ Но даже и эта фраза признана не безопасною, — она зачеркнута и въ послѣднюю редакцію рекурса не вошла.

защитнымъ и не допустите чтобъ имъ безъ всякой вины оказывали несправедливость.

„Между тѣмъ мы, съ глубочайшимъ страхопочитаніемъ подписавшіеся, полагая что оправдали необходимость того о чемъ просимъ и достаточно показали несостоятельность и несправедливость возбужденнаго противъ насъ со стороны высокой кесаро-королевской губерніи противодѣйствія, повергаемъ къ престолу вашего величества въ оригиналѣ нашъ уставъ, со всепокорнѣйшею просьбой чтобы ваше величество благоволили всемилостивѣйше утвердить существованіе нашего монастыря и нашъ монастырскій уставъ, и разрѣшить намъ пріобрѣтеніе, откуда бы то ни было, по нашему желанію, за исключеніемъ одной только Россіи, святителя нашего обряда и нашей націи, подъ тѣмъ вышеуказаннымъ условіемъ что мы содержать его будемъ сами отъ себя и никакого вспомоществованія просить не станемъ, и такимъ образомъ изъ урожденныхъ мѣстныхъ жителей учредить духовенство, котораго преимущественною обязанностью будетъ—вѣчно молить Царя царствующихъ, какъ это мы и теперь дѣлаемъ повседневно, да прославитъ Онъ вашего величества отеческое царствованіе миромъ, тишиной и непрестающимъ благополучіемъ, и да сохранитъ австрійскій скипетръ въ блескѣ и процвѣтаніи нынѣ и на всегдашнія времена....“

Какъ ни искусно изложены были въ рекурсѣ разные доводы въ опроверженіе губернской резолюціи, однакоже не трудно было бы разоблачить всю несостоятельность этихъ доводовъ, еслибы только высшее правительство пожелало надлежащимъ образомъ провѣрить ихъ. И самъ адвокатъ бѣлокриницкихъ просителей, обѣщая привести ихъ дѣло къ успѣшному концу, разчитывалъ конечно не на доводы изложенные въ рекурсѣ, а главнымъ образомъ на то что въ дѣлѣ этомъ были стороны которыя всего скорѣе могли расположить австрійское правительство въ его пользу, а съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлать снисходительнымъ и къ сказанному въ рекурсѣ. Выгодныя стороны заключались именно въ томъ что предпріятіе бѣлокриницкихъ искателей „древлеправославнаго“ архіерейства съ полной основательностью можно было выставить какъ дѣло вредное для русскихъ интересовъ, во всякомъ случаѣ грозящее опасными послѣдствіями и крайне непріятное для Россіи, а враждебныя этому предпріятію распоряженія львовскихъ властей, дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ галицкаго православнаго епископа,—объяснить ихъ сочувствіемъ православно-русскимъ интересамъ и національною враждой ко всему что̀ этимъ интересамъ противно. Намеки на это были уже сдѣланы

и въ самомъ рекурсѣ,—тамъ гдѣ говорилось о непріязненныхъ якобы отношеніяхъ епископа Евгенія къ липованамъ и о притѣсненіяхъ претерпѣваемыхъ старообрядцами и ихъ духовенствомъ отъ русскаго правительства. Но въ рекурсѣ, какъ офиціальномъ документѣ, неудобно было раскрывать въ подробности почему бѣлокриницкая затѣя должна быть крайне непріятна для Россіи, какими опасностями угрожаетъ она интересамъ православія, составляющаго одинъ изъ главныхъ элементовъ силы Русскаго народа и Русскаго государства, какъ съ учрежденіемъ старообрядской архіерейской каѳедры расколъ въ Россіи долженъ еще больше усилиться въ ущербъ православію, и въ то же время русскіе раскольники, имѣющіе огромное вліяніе на массы народа и безъ того уже недовольные русскимъ правительствомъ, естественно должны будутъ тяготѣть къ Австріи, гдѣ ихъ религія пользуется свободой и покровительствомъ государственной власти, откуда они снабжены священствомъ и гдѣ постоянно будетъ находиться средоточіе ихъ церковнаго управленія, подобно тому какъ теперь буковинскіе старообрядцы стоятъ въ зависимости отъ Россіи, гдѣ они получаютъ, хоть и съ большимъ трудомъ, священниковъ. Для того чтобы все это надлежащимъ образомъ разъяснить лицамъ стоящимъ во главѣ правительства и особенно извѣстнымъ своимъ нерасположеніемъ къ Россіи, нужно было представиться имъ лично, имѣть съ ними конфиденціальную бесѣду,—къ чему особенной трудности не представлялось. Слухи о странныхъ людяхъ появившихся на улицахъ Вѣны и возбудившихъ здѣсь такое любопытство распространились далеко: объ нихъ стало извѣстно и при дворѣ, и въ салонахъ вѣнской знати, и въ министерскихъ кабинетахъ, — лица самаго высокаго положенія интересовались знать что̀ это за люди и зачѣмъ пріѣхали въ Вѣну. * И вотъ дѣйствительно Павелъ и Алимпій, руководимые своимъ адвокатомъ, легко получаютъ аудіенціи у самого императора Фердинанда и у высшихъ сановниковъ имперіи, гдѣ, при посредствѣ того же г. Дворачка, и можно было съ полной откровенностью объ-

* Такъ напримѣръ, эрцгерцогъ Францъ-Карлъ, братъ императора Фердинанда и нареченный наслѣдникъ его престола, принимая Павла и Алимпія, самъ говорилъ что очень желалъ съ ними видѣться, такъ какъ замѣтилъ ихъ однажды, проѣзжая по улицѣ. (Письмо Павла.)

ясниться относительно того о чемъ неудобно было распространяться въ рекурсѣ.

1го (12го) іюля происходило представленіе императору Фердинанду. Павелъ и Алимпій для большой торжественности облеклись въ соборныя мантіи; одинъ взялъ въ руки возвращенную изъ губерніи книгу монастырскаго Устава, другой— тщательно переписанный на большихъ листахъ „рекурсъ“ и при немъ точныя копіи полученной отъ Іосифа II привилегіи и того губернскаго рѣшенія опроверженію котораго главнымъ образомъ посвященъ рекурсъ. * Дворачекъ сопровождалъ ихъ въ качествѣ переводчика. Подавъ рекурсъ и прочіе документы, какъ пишетъ самъ Павелъ,—въ собственныя его, государя императора, руки, „они и словесно, чрезъ толмача, о главныхъ пунктахъ своего дѣла ему объяснились.“ „Царь принялъ насъ, — продолжаетъ Павелъ,—очень привѣтственно и сказалъ: по надлежащемъ разсмотрѣніи, если будетъ возможно, немедленно удовлетворитъ нашу просьбу.“ ** Послѣ того, соблюдая надлежащую постепенность, бѣлокриницкіе депутаты испросили аудіенцію у наслѣднаго принца, эрцгерцога Франца-Карла. Для него, равно какъ и для прочихъ лицъ которымъ считалось необходимымъ представиться, приготовлено было сокращенное изложеніе рекурса вмѣстѣ съ копіями губернскаго рѣшенія и знаменитой привилегіи. *** Представленіе эрцгерцогу Францу происходило 4го (16го) іюля. „Подавъ ему также лично наше прошеніе, разказываетъ Павелъ, и на словахъ чрезъ нашего толмача объяснились и защиты отъ его высочества просили“. „Герцогъ сей, родной братъ царскій, прибавляетъ Павелъ, столь желательно насъ принялъ, даже и благодарилъ что лично къ нему явились.“ ****

* Въ томъ самомъ видѣ какъ представлялся императору Фердинанду, — въ соборной мантіи и съ Уставомъ въ рукѣ, — инокъ Павелъ изображенъ былъ въ послѣдствіи на портретѣ, который вмѣстѣ съ портретомъ Амвросія (оба во весь ростъ) поставленъ былъ въ монастырской трапезѣ. Съ этого масляными красками сдѣланнаго портрета снята потомъ, уже по смерти Павла, фотографическая копія.

** Письмо отъ 14го іюня 1843.

*** Всѣ эти документы, „для подачи важнымъ лицамъ, могущимъ содѣйствовать предпріятію“, приготовлены были, по свидѣтельству Павла, въ шести экземплярахъ. (Тамъ же.)

**** Тамъ же.

Итакъ, два раскольническіе монаха, бѣжавшіе изъ Россіи, назвавшись буковинскими липованами, и именно въ качествѣ депутатовъ отъ Буковинскаго липованскаго общества, имѣли высокую честь представиться самому австрійскому императору и наслѣднику его императорскаго апостолическаго величества: событіе дотолѣ небывалое въ лѣтописяхъ раскола! Учредители бѣлокриницкой іерархіи имѣли полное право имъ гордиться, видѣть въ немъ особенную съ своей стороны заслугу для всего старообрядческаго міра. Впрочемъ для существа дѣла были не столько важны эти ихъ аудіенціи у австрійскаго императора и его наслѣдника, сколько представленія тѣмъ лицамъ изъ стоявшихъ во главѣ правительства отъ которыхъ всего больше зависѣла судьба ихъ предпріятія. Большимъ вліяніемъ на дѣла при особѣ императора пользовался тогда его дядя, эрцгерцогъ Лудвигъ: „за несовершеннымъ здоровьемъ царя, замѣчаетъ Павелъ, онъ правилъ всѣми царскими дѣлами.“ Ему-то особенно, по соображеніямъ адвоката, нужно было разъяснить сущность бѣлокриницкаго предпріятія съ тѣхъ сторонъ которыя всего лучше могли расположить въ его пользу австрійское правительство. 8го (20го) іюля эрцгерцогъ Лудвигъ принималъ депутатовъ вмѣстѣ съ Дворачкомъ. Онъ вошелъ въ самые подробные разспросы объ ихъ дѣлѣ и такъ заинтересованъ былъ предпріятіемъ бѣлокриницкихъ учредителей „древлеправославнаго“ архіерейства, отнесся къ нему съ такимъ сочувствіемъ что былъ готовъ немедленно исполнить ихъ просьбу, еслибы только не требовалось соблюсти въ теченіи дѣла формальный порядокъ, во всякомъ случаѣ обѣщалъ имъ свое покровительство и защиту. Инокъ Павелъ, говоря объ этомъ представленіи эрцгерцогу Лудвигу, о томъ какъ „внимательно онъ разспрашивалъ на словахъ о всемъ ихъ дѣлѣ“ и какъ вообще благосклонно принималъ ихъ, сдѣлалъ такое замѣчаніе: „по всему кажется что не позволятъ кому-либо насъ обидѣть и даже вскорѣ желали бы насъ вполнѣ удовлетворить; но какъ дѣло воспрепятствовано губерніей, то по закону надлежитъ не прежде приступить къ исполненію нашей просьбы, какъ прежде истребовать противу нашего рекурса отъ губерніи подробное объясненіе, на чемъ она рѣшеніе свое основала, и когда возвратится дѣло изъ губерніи, тогда уже приступятъ къ надлежащему разсмотрѣнію и рѣшенію.“ Другимъ наиболѣе сильнымъ лицомъ, отъ котораго много зависѣла дальнѣйшая судьба предпріятія и

на помощь котораго могли смѣло разчитывать въ дѣлѣ опасномъ для русскихъ интересовъ, былъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Коловратъ. Ему депутація представлялась 11го (23го) числа: вручили нужные документы и также „на словахъ чрезъ толмача обо всемъ довольно объяснились“. Надежда что министръ съ особеннымъ участіемъ отнесется къ дѣлу которое должно было причинить непріятность Россіи и ущербъ русскимъ интересамъ оправдалась вполнѣ: „сія столь важная особа, разказываетъ Павелъ, кажется больше всѣхъ возымѣлъ ревность къ полному удовлетворенію нашей просьбы и наконецъ съ лылкостію сказалъ: завтра же буду видѣть его высочество эрцгерцога Лудвига и буду о вашемъ дѣлѣ говорить, и когда возвратится дѣло изъ губерніи, я буду онос видѣть! Тѣмъ окончивъ аудіенцію, мы, нижайше благодаря его высокопревосходительство, почтенно раскланялись.“ * Наконецъ депутаты не забыли представиться и тѣмъ лицамъ на ближайшее разсмотрѣніе которыхъ должно было поступить ихъ дѣло, по полученіи надлежащихъ справокъ изъ губерніи. **

Всѣ эти представленія лицамъ власть имущимъ, ихъ вниманіе и благосклонность, особенно же милостивыя обѣщанія столь высокихъ и сильныхъ особъ какъ эрцгерцогъ Лудвигъ и графъ Коловратъ, преисполнили душу Павла отраднѣйшими надеждами: дѣло, испорченное губерніей, онъ считалъ уже если не вполнѣ выиграннымъ, то по крайней мѣрѣ исправленнымъ и выведеннымъ на желаемый путь. Тогда же, подъ свѣжими пріятными впечатлѣніями всѣхъ этихъ аудіенцій у превысокихъ особъ, Павелъ въ дружескомъ посланіи къ своимъ благопріятелямъ писалъ: „*Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ!* Воистину, *велій Господь и велія крѣпость Его*, и *разуму Его нѣсть числа!* Который и малѣйшее мравіе неожиданно окриляетъ и самыхъ младенцевъ умудряетъ! Тако и нынѣ воистину Онъ *тожде есть, и лѣта Его* во благодѣяніяхъ *не оскудѣютъ!* Помогъ намъ испорченное наше дѣло поправить!“ „Однако, при-

* Письмо отъ 14 іюня 1843.

** Павелъ, тамъ же: „Были мы съ таковыми же краткими прошеніями (извлеченіями изъ рекурса) у референдовъ, которые разсматривать будутъ наше дѣло, но не прежде какъ возвратится изъ губерніи“. Въ рукописи Чмигунова есть извѣстіе что кромѣ названныхъ выше лицъ, прошенія были поданы: „тайнымъ совѣтникамъ Истлю и Вайсу, министру Инцаги и барону Миниху“. (*Сбор.* Кельсіева, ч. I, стр. 156.)

бавляетъ онъ далѣе, хотя съ помощію Божіею для общей пользы наши труды и добрѣ теперь снова засѣяны, но не у еще время плоды жати и не часъ спати, а наипаче недремлемо бдѣти, дабы между прочимъ какой врагъ не насѣялъ бы какихъ недобрыхъ плевелъ. Того ради мы теперь абіе спѣшимъ ѣхать въ губернію, къ соперникамъ нашимъ прямо въ лице, въ томъ несомнѣнномъ уповаціи: аще Богъ дѣло строитъ, то уже человѣкъ не разрушитъ. Щедрый и всемогущій Господь силенъ есть укротити и самые свирѣпые звѣри, яко не только не враждати, но и мировати творитъ льву съ тѣльцемъ и волку съ овцой, кольми паче человѣковъ! Выправивши же въ губерніи свое дѣло, аще Господь восхощетъ и живи будемъ, паки должны будемъ поспѣшать сюда же въ столицу и здѣсь ожидать опредѣленной Богомъ судьбы, рѣшительнаго конца. Впрочемъ воля Господня да будетъ! Наше есть тщатися произволять, а Божіе на пользу совершать.“ *

Опасенія Павла оказались не напрасны; онъ очень справедливо замѣтилъ что для нихъ, искателей „древлеправославнаго“ архіерейства, еще не наступило время жатвы и покоя, что теперь-то напротивъ и надлежитъ имъ „недремлемо бдѣти“. Высокія персоны, такъ милостиво ихъ принявшія, не измѣнили своего расположенія къ нимъ, попрежнему вполнѣ желали и готовы были удовлетворить ихъ просьбу, но оказалось что губернія въ основаніе своего рѣшенія относительно Бѣлокриницкаго монастыря имѣла положительный, „еще при Іосифѣ II состоявшійся законъ, которымъ прежде бывшіе монастыри, даже господствующей религіи, во всей Австрійской имперіи подвергались уничтоженію, а учрежденіе новыхъ строго воспрещалось, за исключеніемъ однакоже тѣхъ которые могли представить въ обезпеченіе прочнаго на будущее время существованія недвижимую собственность или достаточный капиталъ, и притомъ еще имѣли своимъ назначеніемъ не упражненіе только въ богомысліи, не провожденіе только иноческой, такъ-называемой созерцательной жизни, но приносили какую-нибудь пользу государству, напримѣръ воспитаніемъ юношества, призрѣніемъ бѣдныхъ, уходомъ за больными или инымъ какимъ способомъ. Называя въ своемъ рѣшеніи Бѣлокриницкій монастырь „институтомъ посвященнымъ только уединенію и созерцанію“, губернское начальство

---

* Письмо отъ 14го іюня 1843

именно указывало на этотъ законъ императора Іосифа, сохранявшій въ имперіи всю силу дѣйствующаго закона, который поэтому не могъ быть нарушенъ и столичными властями, при всей ихъ готовности рѣшить дѣло о Бѣлокриницкомъ монастырѣ въ пользу просителей: ибо, какъ выразился по сему случаю Павелъ, „законы и царей выше". Но была возможность по крайней мѣрѣ обойти законъ Іосифа II, подведя Бѣлокриницкій монастырь подъ допущенныя въ этомъ законѣ исключенія: слѣдовало только принять во вниманіе что и въ „рекурсѣ" и въ Уставѣ главнымъ назначеніемъ Бѣлокриницкаго монастыря поставлена общественная польза — снабженіе всего липованскаго населенія Буковины законнымъ священствомъ посредствомъ учрежденія въ монастырѣ архіерейской каѳедры, содѣйствіе этимъ самымъ правильному веденію у липованъ метрическихъ записей и наконецъ образованіе липованскаго юношества въ предположенномъ къ учрежденію училищѣ, а на содержаніе и монастыря, и епископа, и школы указаны собственныя монастырскія средства, съ обязательствомъ никакихъ вспоможеній отъ правительства не требовать. На это дѣйствительно и обратили вниманіе высокіе покровители бѣлокриницкихъ депутатовъ, не измѣнившіе своему обѣщанію сдѣлать все возможное въ ихъ пользу: рѣшено было по поводу рекурса ограничиться истребованіемъ отъ губерніи точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній главнымъ образомъ о средствахъ обезпечивающихъ существованіе монастыря, о затрудненіяхъ претерпѣваемыхъ липованами въ пріобрѣтеніи священниковъ, о ихъ желаніи имѣть своего епископа,— вообще такого рода свѣдѣній на основаніи которыхъ можно было бы признать Бѣлокриницкій монастырь не подлежащимъ общему закону о монастыряхъ.

Въ первыхъ числахъ августа состоялось относительно рекурса высочайшее опредѣленіе, сущность котораго Павелъ въ одномъ изъ писемъ своихъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ: „Государь императоръ самъ собственноручно на рекурсъ нашъ положилъ сигнатуру для скорѣйшаго учиненія отъ губерніи справокъ и чтобы чрезъ крайзамтъ о нашемъ монастырѣ сдѣлать обстоятельное и вѣрнѣйшее изслѣдованіе: дѣйствительно ли общества наши такъ нуждаются священствомъ и просятъ сего позволенія о водвореніи особаго своей религіи святителя, и сколь они значительны, и будетъ ли у нихъ вестись всегдашній порядокъ, а наипаче изслѣдовать съ подробнымъ

описаніемъ все состояніе монастыря, можетъ ли монастырь, согласно своего прошенія, соотвѣтствовать въ содержаніи при монастырѣ особаго своей религіи епископа къ непрерывному навсегда существованію епископіи, и на сей предметъ имѣетъ ли монастырь нынѣ въ собственныхъ своихъ рукахъ или наличный капиталъ, или какія съ доходами недвижимыя имущества, и какой съ оныхъ есть монастырю доходъ, котораго бы достаточно было для монастыря и для епископа безъ всякаго попрошажества". „Итакъ теперь, продолжаетъ Павелъ, кажется видно что по всевысочайшему мнѣнію сіи главные пункты нужны для окончательнаго рѣшенія на позволеніе намъ своего епископа: а) точно ли наши общества крайнюю необходимость въ томъ имѣютъ и монастырь ходатайствовать о водвореніи епископа просятъ; б) если монастырь пріемлетъ всю сію обязанность на свое иждивеніе, то дѣйствительно ли имѣетъ нынѣ въ собственныхъ своихъ рукахъ такой достатокъ который бы каждогодно и навсегда соотвѣтствовать могъ сему предмету". *

6го (18го) августа 1843 года рекурсъ препровожденъ былъ подлинникомъ изъ гофъ-канцеляріи въ губернію, съ предписаніемъ сдѣлать требуемыя состоявшейся на ономъ собственноручною императорскою „сигнатурой" распоряженія, именно собрать, чрезъ посредство Буковинскаго крайзамта, свѣдѣнія о томъ дѣйствительно ли желаютъ липованскія общества въ Буковинѣ имѣть своего епископа, особенно же о томъ есть ли у нихъ достаточныя и надежныя средства на всегдашнее содержаніе епископа: „хотя (въ уставѣ и рекурсѣ) показаны незначительныя издержки на содержаніе святителя; но такъ какъ современемъ могутъ они увеличиться, то и нужно знать могутъ ли липованы обезпечить его содержаніе па всегдашнее время". Кромѣ того гофъ-канцелярія предписывала губерніи собрать, чрезъ посредство же крайзамта, свѣдѣнія относительно веденія метрикъ у липованъ, и еще доставить въ канцелярію всѣ акты касающіеся первоначальнаго поселенія липованъ въ Буковинѣ, документы о числѣ жителей въ липованскихъ селеніяхъ, за все время ихъ существованія, и о церковныхъ дѣлахъ у липованъ, а также всѣ акты и рѣшенія по настоящему дѣлу о монастырѣ и епископѣ. Предписывалось наконецъ ускорить производство дѣла и представить

* Письмо отъ 16го октября 1843 года.

оное въ канцелярію не позднѣе 1го октября. * Во исполненіе этого предписанія, 20го августа (1го сентября) послано изъ губерніи въ крайзамтъ распоряженіе чтобы немедленно назначена была коммиссія для произведенія въ липованскихъ селеніяхъ слѣдствія по всѣмъ пунктамъ изложеннымъ въ предписаніи императорской гофъ-канцеляріи.

VII.

Назначеніе новой слѣдственной коммиссіи и даже самые пункты которые она должна была разслѣдовать по требованію столичныхъ властей, хотя и дѣйствовавшихъ при этомъ въ видахъ особенной благосклонности къ бѣлокриницкимъ просителямъ, привели Павла въ большое затрудненіе. Вмѣсто того чтобы въ губерніи смѣло стать „прямо въ лицо своимъ соперникамъ", онъ поспѣшилъ въ Бѣлую-Криницу, гдѣ присутствіе его было необходимо и гдѣ опять его ожидали трудные и опасные хлопоты. Изъ прежнихъ опытовъ ему хорошо было извѣстно какъ липованскія общества, да и монастырскіе жители не любятъ и боятся всякихъ коммиссій, съ которыми уже довольно приходилось имъ вѣдаться по милости пришлыхъ искателей архіерейства. А новая коммиссія могла показаться тѣмъ страшнѣе что первоначальное ея назначеніе шло не отъ крайзамта, даже не отъ губерніи, а изъ самой императорской гофъ-канцеляріи. Притомъ же одинъ изъ вопросовъ которые должна была изслѣдовать коммиссія касался именно липованскихъ громадъ,—имъ приходилось теперь дать рѣшительный отвѣтъ, дѣйствительно ли желаютъ они имѣть своего епископа. Нужно было все вліяніе и все искусство Павла чтобъ убѣдить липованъ не отказываться отъ прежняго на этотъ счетъ рѣшенія и не бояться вновь назначенной коммиссіи. Еще больше затрудненій представлялъ другой вопросъ, который должна была изслѣдовать коммиссія,—вопросъ о наличныхъ средствахъ Бѣлокриницкаго монастыря, достаточны ли они чтобы навсегда обезпечить существованіе епископа. Легко было расписать въ Уставѣ доходы съ разныхъ угодій и садовъ, небывалыхъ рыбныхъ прудовъ, хлѣбныхъ запашекъ и т. п.; коммиссія же не ограничится одними увѣреніями;

---

* Предпис. гофъ-канц. отъ 18го (6го) августа 1843 года (*Бѣлокр. арх.*).

нужно будетъ какъ-нибудь прикрыть обманъ, какъ-нибудь доказать коммиссіи что монастырь нисколько не нуждается въ средствахъ: но какъ это сдѣлать? недоумѣвали всѣ знавшіе тогдашнюю крайнюю скудость монастыря, недоумѣвалъ и самъ Павелъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ благотворителямъ онъ очень откровенно и живо изобразилъ въ какомъ затруднительномъ положеніи находился въ то время. „Не безызвѣстно вамъ", писалъ онъ, „какія наши общества малодушныя и безъ числа мнительныя; они еще и отъ прежнихъ, бывшихъ за насъ о родѣ жизни вопросовъ большую оскому имѣютъ. А это дѣло не маловажное! Они прямо всегда такъ говорятъ: какъ что-нибудь противное въ несостояніи повстрѣчается, то иноки всѣ разбѣгутся, какъ зайцы, а вся опека ляжетъ на нихъ. Почему страшатся и помыслить къ чему-либо въ нашемъ этомъ дѣлѣ подписываться. Что же касается до состоянія монастыря нашего, можетъ ли онъ всегда соотвѣтствовать епископскому вкупѣ и братскому содержанію своею собственностію, то для всей здѣшней окрестности вещь удивленію есть достойна, на что̀ мы только надѣясь такъ дерзаемъ и кого утруждаемъ! самого императора! И не только сіе удивляетъ постороннихъ, но ужасаетъ даже нѣкихъ и нашихъ монастырскихъ о Христѣ братій, малодушныхъ сущихъ, такую принимать на себя ужасную обязанность, мысля въ себѣ такъ: кто знаетъ что̀ далѣе будетъ! Ибо собственные наши доходы соотвѣтствовать могутъ только развѣ для одного немудраго крестьянина, а не для монастыря и толикаго числа народа: а кольми паче для епископіи и помыслить страшно! Обязательство же дать самому императору, дѣло не маловажное,—какъ говорится, близь царя, близь смерти! Да хотя бы монастырь и дерзнулъ завѣрять императора что имѣемъ два сада съ фруктовыми деревами, пожертвованные отъ христолюбцевъ собственно монастырю въ вѣчность, съ одного же собираются для продовольствія своего, а съ другаго фрукты отдаются въ продажу, съ коего нынѣ получили 125 левовъ, то-есть по-русски 125 рублей ассигнаціями: но что̀ это значитъ для содержанія всего монастыря, а наипаче епископа? Правительство почтетъ, по ихъ цѣнности, только для одного епископа сію статью, аки комаръ для слона! Развѣ будемъ увеличивать свои статьи и поставлять цѣну какъ бы комара за вола? Но съ императоромъ худо шутить! да это и не шутка. Если скажемъ что капиталъ де-

нежный имѣемъ, то коммиссія не захочетъ себя одурачить, а потребуетъ видимаго доказательства, или налицо денежную сумму, или на оную какой билетъ, или вексель. А отказаться теперь невозможно: поелику *рекурсъ* поданъ лично самому императору, и въ томъ увѣрили царя что монастырь собственнымъ своимъ коштомъ епископа достать и навсегда содержать можетъ; повѣренные же имѣютъ у себя полномочную довѣренность, законнымъ порядкомъ засвидѣтельствованную. Вотъ, по-писанному, яко же древле нѣкогда рече Сусанна: *тѣсно ми есть отвсюду!* Окрестность же вся здѣсь и языки съ удивленнымъ взоромъ смотрятъ на сіе наше предпріятіе, аки на какой-либо важный театръ, и такъ гласятъ: что̀ тутъ хощетъ быти? развѣ самъ Богъ пріидетъ и сотворитъ, яко же искони изъ ничего сотворилъ всяческая! Ибо всюду гремитъ сіе наше новое и удивительное дѣло; извѣстно наше состояніе, какое было доселѣ, и что̀ хощетъ быть. Итакъ, дѣло до такой точки дошло что коммиссія, имѣющая быть по именному высочайшему повелѣнію, можетъ рѣшить все наше предпріятіе тѣмъ: или быть монастырю и епископу, или изгладить изъ мыслей и память о епископѣ, а монастырь вовсе уничтожить, если только не покажемъ фундусу, то-есть наличнаго капитала, или какихъ съ достаточными доходами имѣній." *

Въ эту тревожную пору, когда, по словамъ Павла, долженъ былъ рѣшиться вопросъ: *бытъ или не бытъ?* Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для него и для его сотрудниковъ могло служить то обстоятельство что непосредственное назначеніе коммиссіи зависѣло все-таки отъ благосклонно расположеннаго къ нимъ крайзамта, что ближайшимъ образомъ приходилось вѣдаться все-таки съ крайзамтскими чиновниками, съ которыми они уже привыкли обходиться. И, надобно полагать, именно этому благосклонному расположенію къ нимъ крайзамта они обязаны были вопервыхъ тѣмъ что, несмотря на предписаніе высшихъ властей о скорѣйшемъ производствѣ дѣла, слѣдственная коммиссія очень долго не являлась въ Бѣлую-Криницу. По предписанію губерніи, отъ 20го августа (1го сентября), крайзамтъ только 7го (19го) сентября сдѣлалъ распоряженіе

* Письмо къ благотворителямъ изъ Бѣлокриницкаго монастыря, отъ 16го октября 1843 года (*Сборн. о. Онуфрія*). Письмо это подписано настоятелемъ инокомъ Геронтіемъ; но сочинялъ его, безъ сомнѣнія, Павелъ.

о назначеніи крайскоммиссара для производства слѣдствія, а этотъ послѣдній въ свою очередь промедлилъ еще болѣе мѣсяца и въ Бѣлую-Криницу пріѣхалъ уже 15го (27го) октября. У Павла съ братіей было такимъ образомъ достаточно времени чтобы приготовиться къ принятію напугавшей ихъ коммиссіи, чтобы придумать что-нибудь для поправленія дѣла: въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, пока ожидали коммиссію, они, какъ пишетъ самъ Павелъ, „всякій почти день и всякую ночь съ братіей совѣтовались, неусыпно Бога на помощь призывая“,—и дѣйствительно усовѣтовали что̀ сдѣлать.

Относительно липованскихъ громадъ употреблено было прежнее, испытанное средство—дѣйствовать просьбами, убѣжденіями и обѣщаніями только на старшихъ и начальныхъ людей. Опять инокъ Павелъ и Геронтій пошли кланяться къ бѣлокриницкимъ и климоуцкимъ сельскимъ властямъ и почетнымъ лицамъ—къ Поляку Ивану Кирилову, дьяку Кипріяну Тимоѳеевý и другимъ, опять увѣряли всячески что на содержаніе епископа не потребуется отъ липованскихъ обществъ ни одного крейцера, и умоляли только объ одномъ, чтобы на вопросъ коммиссіи отвѣтили за себя и за свои громады что въ епископѣ крайне нуждаются и имѣть его вседушевно желаютъ. Липова̀нскіе старшины и теперь не отказались исполнить умиленныя просьбы сладкоглаголиваго Павла. А чтобы дѣло было вѣрнѣе, Павелъ предложилъ имъ—заранѣе, до пріѣзда коммиссіи, дать Бѣлокриницкому монастырю письменное свидѣтельство что предпріятіе иноковъ учредить въ семъ монастырѣ епископскую каѳедру съ нуждами и желаніями липованскихъ громадъ вполнѣ согласно и о дарованіи имъ епископа они всеусердно просятъ правительство. Къ величайшему удовольствію Павла, старшины исполнили и эту просьбу, полагая, вѣроятно, что гораздо удобнѣе отвѣчать письменно (въ чемъ, разумѣется, помогъ имъ самъ Павелъ), нежели лично держать отвѣтъ предъ коммиссіей. Получивъ желаемый документъ отъ Бѣлокриницкаго и Климоуцкаго обществъ, скрѣпленный подписью старшинъ и сельскими печатями, Павлу уже не трудно было склонить къ написанію такого же документа и два другія липованскія общества въ Буковинѣ—Соколинское и Мехидрское. * Такимъ образомъ одно затруд-

* Павелъ, въ томъ же письмѣ: „Съ двухъ ближайшихъ обществъ просили сельскихъ начальниковъ и коихъ позначительнѣе людей, и убѣдили ихъ согласиться на такомъ условіи что монастырь на пред-

неніе можно было считать благополучно устраненнымъ: монастырь имѣлъ теперь отъ обществъ липованскихъ письменныя удостовѣренія въ дѣйствительномъ ихъ желаніи пріобрѣсть своего епископа, которыя можно было представить крайскоммиссару и отъ которыхъ старшины общества не могли уже отказаться, еслибы даже и лично позваны были къ отвѣту предъ коммиссіей.

Не такъ легко было устранить другое и самое главное затрудненіе—по вопросу о средствахъ какими монастырь можетъ обезпечить содержаніе епископа. * Прежде всего требовалось, очевидно, приготовиться къ отчету о показанныхъ въ монастырскомъ уставѣ фундаментальныхъ статьяхъ дохода. Что онѣ существуютъ въ дѣйствительности, это еще можно было доказать: на владѣніе нѣкоторыми изъ грунтовъ, именно участками Иларіона Коровьи-ножки а Евдокіи Еѳимовой, монастырь имѣлъ документы; нашли еще какой-то „декретъ Буковинскаго кесаро-королевскаго крайзамта на издавна принадлежащій монастырю (якобы) рыбный прудъ;“ относительно негодной ни къ какому употребленію земли въ Тарновицкомъ лѣсу, гдѣ прежде стоялъ монастырь, за неименіемъ документовъ на владѣніе, придумали ограничиться „планомъ.“ Но какъ доказать что эти „грунты“ дѣйствительно приносятъ монастырю тѣ довольно значительные доходы какіе расписаны въ монастырскомъ уставѣ? Только слѣпой могъ не примѣтить что въ этомъ описаніи, какъ выразился Павелъ, „поставляли комара за вола,“ и что дѣйствительныхъ мона-

---

метъ святителя не потребуетъ отъ нихъ, ни на ходатайство, ни на содержаніе епископское, ни одного грецаря, а только бы на спросъ коммиссіи они показали что дѣйствительно желаютъ имѣть своего епископа и крайне необходимую нужду въ томъ имѣютъ, для рукоположенія священниковъ изъ своихъ старовѣровъ, здѣшнихъ урожденцовъ, для исполненія въ обществахъ липованскихъ требъ, а безъ священника быть не могутъ. И Богъ вложилъ имъ въ сердце, паче всякаго нашего чаянія, они въ томъ сдѣлали на монастырь отъ себя довѣренность, на которой сами своеручно подписались и сельскія свои печати приложили. Въ другія же дальнія два селенія нарочно ѣздили отъ монастыря посланные: и тѣ, смотря на первыхъ, то же сдѣлали. Итакъ, съ Божією помощію, въ первомъ пунктѣ успокоились.“

* Самъ Павелъ находилъ что „въ этомъ пунктѣ о собственности монастырской заключалась самая важность.“ Тамъ же.

стырскихъ доходовъ съ разныхъ грунтовъ, опять по признанію самого Павла, достаточно „развѣ только для одного немудраго крестьянина, а не для монастыря и толикаго числа народа, кольми паче для епископа." Всю надежду въ этомъ отношеніи возложили на пріобрѣтеніе извѣстнымъ способомъ благоснисходительности ожидаемаго крайскоммиссара.... Однакоже Павелъ и Геронтій съ братіей очень хорошо понимали что крайскоммиссаръ, при всей къ нимъ благосклонности, въ такомъ только случаѣ можетъ пройти молчаніемъ недостаточность пріобрѣтаемаго отъ грунтовъ дохода и явное несоотвѣтствіе его съ указаннымъ въ монастырскомъ уставѣ, если найдутся въ монастырѣ другія именно денежныя средства, вполнѣ достаточныя на содержаніе епископа, и что поэтому крайне необходимо пріобрѣсти достаточную сумму денегъ для предъявленія коммиссіи. Собственно говоря, инокъ Павелъ не обманывалъ ни липованскія общества, ни австрійское правительство, утверждая что Бѣлокриницкій монастырь будетъ содержать епископа на собственный счетъ: онъ имѣлъ твердыя основанія разчитывать на самыя обильныя приношенія отъ россійскихъ старообрядцевъ, которыми существованіе монастыря и епископской каѳедры будетъ вполнѣ обезпечено. Но эти вѣрные разчеты относились къ будущему: господа Рахмановы, Симоновы, Шелапутины, Солдатенковы и др. готовы были и обѣщали выдавать Павлу десятки тысячъ рублей, но не ранѣе, какъ *по окончаніи дѣла* объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры, или по крайней мѣрѣ когда дѣло это поставлено будетъ внѣ всякихъ сомнѣній. Теперь же средства какими могли располагать бѣлокриницкіе учредители старообрядческаго архіерейства, были очень не велики. Въ первое время по пріѣздѣ Павла и Геронтія въ Бѣлую-Криницу, помогалъ имъ первоначальникъ всего дѣла, петербургскій купецъ Сергѣй Громовъ, чрезъ посредство брата Павлова, Алексѣя Великодворскаго, который состоялъ у него на службѣ; но въ 1841 году, къ великому огорченію Павла и всей бѣлокриницкой братіи, Громовъ умеръ. Правда, и послѣ этого Алексѣй Великодворскій доставлялъ брату вспомоществованія, частію отъ наслѣдниковъ Громова, частію отъ другаго благотворителя, петербургскаго же купца Волкова; получались вспоможенія и отъ московскихъ старообрядцевъ; но все это были незначительныя суммы и притомъ, что имѣлось въ наличности необходимо требовалось на текущіе расходы и прежде всего на

пріобрѣтеніе благосклонности самого ожидаемаго крайском-миссара. Откуда же теперь взять потребную сумму для предъявленія коммиссіи? Это былъ главный и самый трудный вопросъ, обсуждавшійся на денноношныхъ собраніяхъ бѣлокриницкаго братства. Рѣшили наконецъ употребить въ дѣло свои обычныя средства—ложь и обманъ, назвавъ ихъ, также по обычаю, отъ Бога ниспосланною мудростію: именно придумали просить зажиточныхъ людей изъ тѣхъ же липованскихъ обществъ—Бѣлокриницкаго и Климоуцкаго, не дадутъ ли они монастырю, только на время коммиссіонной ревизіи, свои наличныя деньги, чтобы настоятель могъ ихъ представить коммиссіи, какъ собственный монастырскій капиталъ, завѣривъ ихъ Богомъ и совѣстію что немедленно по минованіи надобности всѣ оныя деньги въ совершенной сохранности и съ чувствительнѣйшей благодарностію возращены будутъ владѣльцамъ. А такъ какъ нельзя было ожидать чтобы сборъ наличныхъ липованскихъ капиталовъ могъ быть значителенъ, то вмѣстѣ съ этимъ Павелъ и Геронтій придумали еще другую искусную уловку: просить нѣкоторыхъ, особенно зажиточныхъ и болѣе расположенныхъ къ нимъ людей между тѣми же липованами, чтобы дали монастырю заемныя письма, якобы состоятъ ему должными извѣстныя суммы, причемъ монастырь съ своей стороны, для полнаго ихъ успокоенія и обезпеченія отъ всякой случайности, выдастъ имъ въ то же самое время росписки что должныя суммы уже уплачены ими сполна: векселя эти и могли бы быть представлены коммиссіи въ видѣ принадлежащихъ монастырю денежныхъ документовъ. Всѣ эти недобросовѣстныя уловки, затѣянныя впрочемъ ad maiorem Dei gloriam, инокъ Павелъ, со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ и даромъ убѣжденія, умѣлъ дѣйствительно представить липованамъ какъ дѣло богоугодное и душеспасительное, предпріемлемое на пользу „вдовствующія невѣсты, древлеправославныя Христовы церкве", притомъ же (что̀ было всего важнѣе) нисколько для нихъ неубыточное,—и липованскія сердца склонились на всѣ его предложенія, даже безпоповцы изъ селенія Климоуцъ не отказались снабдить монастырь своими наличными капиталами.*

---

* Изъ климоуцкихъ безпоповцевъ услугу оказалъ въ этомъ случаѣ—Михаилъ Ѳедоровъ, считавшійся очень богатымъ человѣкомъ (см. о немъ въ запискѣ Надеждина *Сборн.* Кельсіева. ч. I, стр. 94).

Умиленный такими, почти неожиданными успѣхами своихъ замысловъ—обмануть правительство, Павелъ, кажется, искренно видѣлъ здѣсь какое-то устроеніе свыше: „воистину Божіимъ промысломъ сіе было“, восклицаетъ онъ, описавши какъ удалось провести коммиссію, „Богъ умудряетъ и самые младенцы, умилостивляетъ и самыхъ чужевѣрцевъ!...“ * Векселей по небывалымъ займамъ липованы выдали монастырю на 10.000 левовъ серебромъ. ** Показанія большей суммы не просили отъ нихъ потому что еще прежде Павелъ и Алимпій написали лично отъ себя „завѣщательные акты“ монастырю, якобы они предоставляютъ въ полную монастырскую собственность принадлежащіе имъ наслѣдственные капиталы по 5.000 левовъ каждый. *** Такимъ образомъ, кромѣ обѣщанной липованами наличной суммы, монастырь могъ представить ревизіонной коммиссіи документовъ на 20.000 левовъ серебромъ. Теперь оставалось только сдѣлать подробную опись (инвентарь) монастырскихъ имуществъ и доходовъ, съ приложеніемъ всѣхъ имѣющихся налицо дукументовъ, что и было исполнено Павломъ, какъ монастырскимъ письмоводителемъ, со свойственной ему аккуратностію.

Итакъ, медленностію крайзамта и крайскомиссара въ монастырѣ умѣли воспользоваться какъ нельзя лучше, успѣли приготовить все что только можно было для отвѣта на главные вопросы, разсмотрѣніемъ которыхъ должна была заняться коммиссія, и довольно спокойно стали ожидать ея прибытія, хотя однакоже не безъ тревоги, такъ какъ и самъ Павелъ, несмотря на всѣ разглагольствія о Промыслѣ, пекущемся даже о малѣйшемъ мравіи, о Богѣ, умудряющемъ младенцы и посрамляющемъ мудрыя міра, долженъ былъ внутренно сознаться что затѣяно не совсѣмъ чистое дѣло, что монастырь можетъ подвергнуться за него тяжкой отвѣтственности по законамъ. Но ободряла надежда на пріобрѣтеніе благоснисходительности назначеннаго крайзамтомъ начальника коммиссіи и на то что въ случаѣ крайности „иноки могутъ и разбѣжаться какъ зайцы...“

---

* Павелъ, въ письмѣ отъ 16го октября.

** Векселя эти даны двумя бѣлокриницкими липованами—Перепелкой и Дѣемъ Парамоновымъ, какъ торговцами болѣе другихъ зажиточными.

*** Завѣщательные акты написаны Павломъ и Алимпіемъ 13го сентября 1843 года.

15го (27го) октября прибылъ наконецъ давно ожидаемый крайскоммиссаръ, баронъ Капе. Геронтій и Павелъ поспѣшили явиться къ нему на поклонъ. Конфиденціальныя объясненія кончились благополучно: благоснисходительность барона-крайскоммиссара была пріобрѣтена, хотя и дорогою цѣной, принимая въ соображеніе тогдашнюю скудость монастыря *. Въ тотъ же день коммиссія приступила къ своему дѣлу. Прежде всего произведенъ былъ осмотръ самаго монастыря, и описаніе найденнаго по осмотру внесено въ протоколъ. Изъ того какъ составлено это описаніе, не трудно уже видѣть что крайскоммиссаръ дѣйствительно согласился оказывать бѣлокриницкой братіи всевозможную снисходительность. Вотъ что говорилось въ протоколѣ о Бѣлокриницкомъ монастырѣ: „Липованскій монастырь имѣетъ положеніе въ средѣ селенія Фонтана-Альба, на грунтѣ отъ Иларіона Петровича монастырю дарованномъ, въ саду высокою градой огражденномъ. Среди этого сада стоитъ церковь: устроена изъ дерева *въ самомъ лучшемъ состояніи*, такъ какъ и прочія греческія церкви устроены, въ которой не болѣе какъ на 200 человѣкъ мѣста имѣется. Церковь имѣетъ три верха главъ съ крестами, изъ которыхъ въ первомъ колокольня. По показанію иноковъ и старшихъ отъ громады и начальниковъ сельскихъ, первоначально, назадъ тому лѣтъ шестьдесятъ, устроенный липованскими иноками монастырь находился въ лѣсу; но такъ какъ этотъ монастырь ограбленъ, (то) и перенесенъ въ самое селеніе съ иноками, въ которомъ селеніи теперешній монастырь ихъ *собственнымъ коштомъ устроенъ и всегда исправлялся* **...

* По свидѣтельству о. Онуфрія, барону Кане дано было 500 лев. сер.

** Достойно вниманія что противъ этого мѣста сдѣлано *замѣчаніе*, въ которомъ приведено извлеченіе изъ состоявшихся въ 1791 году опредѣленій о переводѣ липованскихъ иноковъ съ прежняго мѣста жительства, на Тарновкѣ, въ селеніе Бѣлая-Криница, то-есть изъ тѣхъ самыхъ документовъ на которые приведена ссылка въ послѣдней губернской резолюціи и существованіе которыхъ въ „рекурсѣ“ подвергнуто сомнѣнію, такъ какъ будто бы и самый крайзамтъ отыскать этихъ документовъ не могъ. Впрочемъ выписка приведена здѣсь неточно: говорится только о томъ что инокамъ велѣно жить въ Бѣлой-Криницѣ, а о томъ что имѣть общежитіе, или монастырь воспрещено, не упоминается. Такимъ образомъ выписка эта приведена, очевидно, съ цѣлію доказать что монастырь издавна существуетъ въ Бѣлой-Криницѣ, съ дозволенія правительства. Этимъ,

тельно сношеній по церковнымъ дѣламъ „съ прочими рускими громадами“ и относительно веденія метрикъ. По первому вопросу коммиссія удовольствовалась уже приготовленными письменными удостовѣреніями старшинъ четырехъ липованскихъ селеній, что епископа они дѣйствительно желаютъ имѣть, ибо терпятъ крайнюю нужду въ священствѣ; иноки Бѣлокриницкаго монастыря на допросѣ показали также что Павелъ и Алимпій подали прошеніе о епископѣ по общему желанію монастырскаго братства, на что̀ и выдана имъ полномочная довѣренность, каковую „не только теперь, но и впредь въ полной силѣ братство утверждаетъ.“ * По двумъ другимъ вопросамъ, настоятель монастыря и „старшіе громады Бѣлой-Криницы сельскіе начальники объяснили что къ исполненію религійныхъ требъ, липованскія громады собственнымъ коштомъ привозятъ изъ Россіи, именно изъ Бессарабіи, священника, однако здѣсь оставаться долго не можетъ, потому что онъ обыкновенно черезъ границу безъ паспорта тайно къ нимъ приходитъ, ибо Россія на такую отлучку никогда паспорта не даетъ;“ что сіи иностранные священники метрическихъ записей не дѣлаютъ, почему въ липованскихъ громадахъ веденія метрикъ не было и нѣтъ; что липованамъ необходимо имѣть своихъ священниковъ, которыхъ постановлялъ бы имъ собственный ихъ святитель, дабы учредить, согласно предписанію начальства, правильное веденіе метрикъ. ** Записавъ всѣ эти показанія въ протоколъ, коммиссія заключила свои занятія, и въ тотъ же день крайскоммиссаръ уѣхалъ изъ Бѣлой-Криницы. Своей снисходительностью и внимательностью къ желаніямъ бѣлокриницкихъ старцевъ члены этой коммиссіи оставили въ монастырѣ самое пріятное воспоминаніе: „Всѣ наши желанія, писалъ Павелъ, члены приняли со вниманіемъ и обходились съ нами *такъ благочинно и почтенно, чего лучше и не бываетъ!* И съ надеждой насъ оставили ожидать монаршей милости, ибо они заключили въ коммиссіонномъ протоколѣ что монастырь въ состояніи соотвѣтствовать во всемъ своему прошенію.“ *** Вообще Павелъ и вся братія опять ожили духомъ. Одно только приводило въ сомнѣніе—какъ бы и въ самомъ дѣлѣ высшія власти не потре-

---

* Прот. 16го (28го) октября § 4.

** Тамъ же § 6.

*** Письмо отъ 16го октября 1843.

бовали внесенія въ государственный банкъ не существующихъ монастырскихъ капиталовъ. По сему случаю Павелъ и Алимпій нашли нужнымъ даже нарочно съѣздить въ Вѣну, посовѣтоваться съ своими адвокатами и въ случаѣ надобности похлопотать гдѣ слѣдуетъ чтобы такого стѣснительнаго для нихъ распоряженія не дѣлали, въ чемъ однакоже надобности не оказалось.

Когда слѣдственная коммиссія представила свои протоколы крайзамту, сей послѣдній не нашелъ въ нихъ ничего сомнительнаго, и со всѣми относящимися къ онымъ документами препроводилъ въ губернію, приложивъ также, согласно предписанію губернскаго начальства, и прочіе документы по дѣлу о липованахъ. Съ своей стороны крайзамтъ доносилъ губерніи что относительно учрежденія архіерейской каѳедры у липованъ остается при прежнемъ своемъ мнѣніи, находя вопросъ о липованскомъ епископѣ имѣющимъ тѣсную связь съ важнымъ вопросомъ о введеніи у липованъ правильныхъ метрическихъ записей. *

Но въ губерніи иначе взглянули на дѣйствія крайскоммиссара, барона Кане; не остались довольны и распоряженіями самого крайзамта. Нашли именно что крайзамтъ выслалъ не всѣ нужные документы по дѣлу о липованской архіерейской каѳедрѣ: такъ именно не были доставлены протоколы прежнихъ слѣдственныхъ коммиссій, составленные крайскоммиссарами Вагнеромъ и Шаловскимъ, тогда какъ для соображенія по настоящему дѣлу протоколы эти представлялись необходимо нужными. А что баронъ Кане произвелъ слѣдствіе неполно и небрежно, это губернскому начальству легко было усмотрѣть изъ самыхъ коммиссіонныхъ протоколовъ. Замѣчено вопервыхъ, что крайскоммиссаръ никакъ не долженъ былъ ограничиваться одной только „общей декларацiей,“ подписанной старшинами и депутатами отъ четырехъ липованскихъ громадъ, гдѣ они свидѣтельствуютъ что съ прошеніемъ монастырскаго братства о дарованіи епископа липованамъ согласны, не упоминая даже имѣютъ ли достаточныя средства на постоянное содержаніе и монастыря и епископа. Найдено потомъ что и самыя показанія о монастырскихъ имѣніяхъ и капиталахъ представляютъ много сомнительнаго. Особенно невѣроятнымъ и удивительнымъ показалось: какъ могли дать монастырю по 5000 лев. сер., изъ

* Донесеніе крайзамта № 20.512 (*Бѣлокр. арх.*).

Иноки живутъ кругомъ монастыря, въ четырехъ деревяныхъ домахъ, въ кельяхъ, и кромѣ церковной службы они занимаются разными ремеслами, которыя къ ихъ существованію нужны. Одежда иноковъ обыкновенно небогатая, такая *какъ изображена въ ихъ книгѣ Устава*; весь приборъ въ ихъ зданіяхъ также не богатъ и все отъ ихъ трудовъ сдѣланный. Они живутъ употребляя только рыбу, фрукты и горохъ, картофли, фасоль, мамалыгу; никогда не ѣдятъ ни мяса, ни сала и всегда только постную употребляютъ пищу, а молоко и прочее только изрѣдка позволяется имъ. Прочее провожденіе жизни *описано подробно въ ихъ статутахъ*." * Затѣмъ, по осмотрѣ монастыря, настоятель инокъ Геронтій, при собственной объяснительной запискѣ, представилъ коммиссіи опись монастырскихъ имѣній и капиталовъ, со всѣми относящимися сюда документами. ** Порядка ради, коммиссія сдѣлала осмотръ и монастырскихъ грунтовъ съ угодьями. Между тѣмъ, пока члены коммиссіи занимались этими осмотрами, за-

---

конечно, и слѣдуетъ объяснить внесеніе ея въ протоколъ, несмотря на то что она противорѣчитъ сказанному въ „рекурсѣ".

* Протоk. 15го (27го) октября 1843 года § 2 (*Бѣлокр. арх.*). Вся тетрадь протоколовъ этой коммиссіи писана рукой Павла и весьма поспѣшно: это или переводъ составленныхъ коммиссіей протоколовъ, или можетъ-быть черновый списокъ ихъ, составленный самимъ Павломъ.

** Въ третьемъ пунктѣ объяснительной записки Геронтія именно говорилось: „Касательно статистическихъ обстоятельствъ, мы представляемъ при семъ изъ монастырской описи выписку, съ принадлежащими къ ней въ пяти копіяхъ документами, какъ-то: 1) на собственный монастырскій грунтъ плановую карту; 2) на рыбный прудъ отъ издавна монастырю принадлежащій Буковинскаго кесаро-королевскаго крайзамта декретъ за № 22.959; 3) на имущество движимое и недвижимое, дарованное въ вѣчность монастырю по духовному завѣщанію покойнаго старообрядца Иларіона Петровича, о судебномъ рѣшеніи декретъ думенія Кучурмаре, за № 1.594; 4) на таковое же имущество, дарованное также въ вѣчность монастырю отъ покойной дѣвицы Евдокіи Еѳимовой, духовное завѣщаніе, и 5) на денежную сумму 10.000 левовъ серебромъ, дарованную въ вѣчность монастырю, отъ двухъ иноковъ, Алимпія Милорадова и Павла Васильева, завѣщательный актъ" (*Бѣлокр. арх.*). Въ послѣдствіи Геронтій писалъ что въ монастырскомъ инвентаріумѣ показано было „всего движимаго и недвижимаго состоянія близъ 50.000 гульденовъ серебра" (*Памятн.*, рукоп. написанная въ Шлиссельбургѣ).

ранѣе оповѣщенные липованы, точно исполняя свое обѣщаніе, собрались въ настоятельскихъ кельяхъ съ своими наличными деньгами, и когда коммиссія должна была приступить къ повѣркѣ монастырскихъ суммъ, вручили ихъ настоятелю, который въ свою очередь передалъ ихъ коммиссару: принесенныхъ липованами денегъ оказалось 6.000 левовъ серебромъ,— коммиссія пересчитала ихъ и возвратила Геронтію, который, согласно обѣщанію, вручилъ ихъ немедленно владѣльцамъ, все это время сокровенно сидѣвшимъ въ особой комнатѣ. * Точно такъ же коммиссія произвела повѣрку представленныхъ настоятелемъ векселей и нашла ихъ не подлежащими сомнѣнію; было только замѣчено, и то въ видахъ благожеланія монастырю, что было бы лучше и вѣрнѣе, отданныя подъ векселя суммы помѣстить въ государственный банкъ, и что правительство, по всей вѣроятности, того потребуетъ. „Члены коммиссіи, писалъ Павелъ, ** полагаютъ что такъ какъ заемныя векселя отъ людей изъ числа торговцевъ, нашихъ старовѣровъ, и не имѣютъ въ обезпеченіе никакихъ залоговъ, то сумнительно напередъ дабы сумма не ущербла, или вовсе не погибла (которой вовсе не было ***), въ случаѣ какого упадка занимателей. Уповательно (говорятъ) что на всякій способъ императоръ непремѣнно повелитъ всю тую ходящую сумму въ безсумнѣнное обезпеченіе представить въ государственный банкъ.“ По осмотрѣ и повѣркѣ имѣній и капиталовъ, якобы принадлежащихъ монастырю, коммиссія составила слѣдующій протоколъ: „На имѣніе и весь монастырскій приборъ вообще Геронтій Леоновъ, настоятель монастыря, инвентаріумъ коммиссіи предложилъ. Сей инвентарь *по всѣмъ пунктамъ повѣрялъ и нашелъ истинно такъ какъ въ немъ значится*, съ тѣмъ что *сумму наличныхъ денегъ при коммиссіи самъ коммиссаръ пересчиталъ*. Этимъ занятіемъ день цѣлый изошелъ и коммиссія на другой отложена.“ ****

Для другаго дня коммиссіи оставалось не много дѣла. Нужно было спросить монастырское братство и липованскія громады дѣйствительно ли желаютъ они имѣть епископа, какъ о томъ ходатайствуютъ иноки Павелъ и Алимпій и еще, по порученію крайзамта, отобрать отъ нихъ показанія относи-

* Письмо Павла отъ 16го октября 1843.

** Въ томъ же письмѣ.

*** Насмѣшливое замѣчаніе самого Павла.

**** Протоколъ 15го (27го) октября § 3 (*Бѣлокр. арх.*)

Бѣлой-Криницы. Допросъ, какъ сказано выше, происходилъ 5го (17го) февраля. Въ протоколѣ говорится что была собрана вся Бѣлокриницкая громада; но ей предложено избрать уполномоченныхъ для отвѣта предъ коммисіей за всю громаду, на что̀ и дать симъ послѣднимъ формальную довѣренность: „выбрали въ присутствіи коммиссіи двухъ хозяевъ, Ивана Кирилова (Поляка) и Кипріяна Тимоѳеева (дьяка); громада по избраніи депутатовъ разошлась, а депутаты спрашиваемы были.“ * Первымъ вопроснымъ пунктомъ требовалось дать подробное показаніе о числѣ жителей въ селеніи, объ ихъ имуществѣ и доходахъ: и въ показаніи, дѣйствительно, приводится, составленное по конскрипціи 1843 года, исчисленіе жителей обоего пола, количества принадлежащей имъ разныхъ качествъ земли и получаемыхъ отъ нея доходовъ, также рогатаго скота и лошадей. ** Затѣмъ вотъ что̀ говорится о разныхъ другихъ источникахъ благосостоянія бѣлокриницкихъ липованъ:

„Кромѣ поля, скота и прочихъ хозяйственныхъ доходовъ, имѣемъ въ нашемъ селѣ 43 сада съ разныхъ сортовъ лучшими фруктами, 14 алейныхъ заводовъ, 9 вѣтряныхъ мельницъ, 13 рыбныхъ ставовъ, которые собственно своимъ промысломъ

* Протоколъ коммиссіи 1844 года § 4-й. Къ протоколу приложена и довѣренность, засвидѣтельствованная подписями бѣлокриницкихъ липованъ и скрѣпленная общественной печатью. Въ ней сказано что „повѣренные“ уполномачиваются по вопросамъ коммиссіи о пріобрѣтеніи епископа и содержаніи его на собственный коштъ дать положительный отвѣтъ, и вообще „по совѣсти, отъ имя громады и ихъ дѣтей и ихъ потомковъ, все дѣлать, и что̀ сдѣлаютъ они, все то громада пріемлетъ и на все обязуется.“ Къ этому сдѣлано, вѣроятно по требованію коммиссара, особое прибавленіе, что Бѣлокриницкая громада уполномочиваетъ своихъ депутатовъ „давать всѣ нужныя объявленія крайзамтской коммиссіи и касательно метрическихъ книгъ“ (*Бѣлокр. арх.*) Допросъ и прочихъ трехъ липованскихъ обществъ происходилъ также чрезъ посредство депутатовъ, уполномоченныхъ точно такими же довѣренностями отъ своихъ обществъ: на сохранившемся экземплярѣ довѣренности Бѣлокриницкой громады сдѣлана замѣтка: „такъ равно и прочихъ трехъ громадъ одного содержанія.“

** Точно такія же по этому пункту сдѣланы показанія и прочими тремя обществами. Выше мы имѣли случай привести эти числовыя данныя о населеніи липованскихъ слободъ въ Буковинѣ и принадлежащихъ имъ земляхъ.

сами устроили. Кромѣ того имѣемъ въ Бѣлой-Криницѣ многое число мастеровыхъ плотниковъ, повозочныхъ и санныхъ мастеровъ и прочихъ рукодѣлій. Бо́льшая часть жителей занимаются значительною торговлей, а особливо въ Молдавіи, хозяйственными желѣзными орудіями, какъ-то: плуги, лопаты, топоры и проч., о чемъ всѣмъ есть извѣстно. Наши жители имѣютъ въ Черновцахъ 9 складовъ и 1 склепъ, въ Радовцахъ 6 и въ Серетѣ 2 склада съ разными собственными продуктами: фрукты, медъ, воскъ и проч., и такими же продуктами не только Буковину, но даже Галицію и Молдавію снабжаютъ. А особливо производятъ наши липоване очень значительное число конопляннаго алею въ своихъ заводахъ, которые находятся въ нашемъ селеніи въ Радовцахъ, котораго много отправляемъ и за границу. Также наши липоване засѣваютъ на своихъ и на наемныхъ поляхъ очень много льна, которымъ снабдѣваютъ Галицію и даже отправляютъ въ Молдавію. Наши же жители здѣсь первые мастера вѣтряныхъ мельницъ и построили таковыхъ много и по сторонамъ; то же и по контрактамъ дѣлаютъ въ Галиціи и Молдавіи значительные ставы, отъ чего имѣютъ хорошій заработокъ. Незначительные же жители занимаются разноской мелкихъ товаровъ и собираютъ щетину, а также и скота много откармливаютъ въ продажу."

Изъ этого описанія само собою явствовало что бѣлокриницкіе липоване живутъ въ полномъ довольствѣ и имѣютъ достаточныя, хорошо обезпеченныя средства чтобы жертвовать на содержаніе монастыря и епископа. Но *хотятъ ли* они жертвовать, и если хотятъ, то *сколько именно?* Таковы были два новые вопросные пункта, на которые слѣдовало отвѣтить депутамъ Бѣлокриницкой громады. Отвѣчать на эти, такъ прямо поставленные вопросы было не легко. Павелъ, какъ мы видѣли, постоянно увѣрялъ липованъ что на содержаніе епископа имъ не придется жертвовать не единаго крейцера; но сказать откровенно что на этотъ предметъ они дѣйствительно ничего давать не будутъ, значило бы испортить дѣло; а написать что они обязуются доставлять извѣстную сумму на содержаніе монастыря и епископа было неудобно въ томъ отношеніи что такой отвѣтъ прямо противорѣчилъ бы увѣреніямъ Павла, и подписать его липоване не согласились бы. Чтобы выдти изъ затрудненія, Павелъ далъ отвѣтъ въ которомъ не сказано было ни да, ни нѣтъ, но вмѣстѣ говорилось и то и другое:

своего отческаго наслѣдства, иноки Павелъ Васильевъ и Алимпій Милорадовъ, о которыхъ есть офиціальныя свѣдѣнія * что они дѣти простыхъ людей Бѣлокриницкой громады, и что отецъ послѣдняго имѣлъ пропитаніе отъ ручнаго заработка". На основаніи такихъ соображеній послѣдовало изъ губерніи, отъ 29го декабря 1843 (10 января 1844) года, новое предписаніе крайзамту, чтобы недостающіе документы по дѣлу о липованской архіерейской каѳедрѣ были разысканы и высланы въ губернію, и чтобы слѣдствіе въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ и липованскихъ селеніяхъ произведено было вновь, съ большей полнотой и строгостью,—чтобъ именно, согласно декрету императорской гофъ-канцеляріи, въ точности дознано было какъ велико число липованъ въ каждомъ селеніи, „какъ значительны ихъ имущества, доходы съ заработковъ и проч., и въ состояніи ли они содержать монастырь и епископа," также относительно суммы въ 10.000 левовъ серебромъ чтобы сдѣлано было самое тщательное изслѣдованіе, имѣютъ ли и откуда могутъ имѣть ее иноки Павелъ и Алимпій. „Губернія надѣется, сказано въ заключеніе, что панъ крайсгауптманъ все предписанное сдѣлаетъ скоро и вполнѣ удовлетворительно". **

Согласно этому предписанію, крайзамтъ, 7го (26-го) января 1844 года, сдѣлалъ распоряженіе чтобы тотъ же баронъ Кане опять ѣхалъ въ Бѣлую-Криницу для произведенія новаго коммиссіоннаго слѣдствія. 4го (16го) февраля новая коммиссія составила первый протоколъ. Въ немъ только опредѣлены главные пункты, относительно которыхъ по предписанію губерніи надлежитъ произвести изслѣдованіе; допросовъ же липованамъ въ этотъ день никакихъ не было, по той причинѣ что многіе изъ нихъ находились тогда въ Радоуцахъ на ярмаркѣ и „прежде ночи домой возвратиться не могли." Затѣмъ коммиссія занималась слѣдствіемъ въ теченіе пяти дней, производя со строгимъ соблюденіемъ всѣхъ формальностей допросы депутатамъ липованскихъ громадъ и прочимъ соприкосновеннымъ къ дѣлу лицамъ. 5го (17го) февраля допрошена Бѣлокриницкая громада (въ тотъ же день взято показаніе съ

* Свѣдѣнія эти найдены въ актахъ крайзамта 1840 года № 6619 и 1841 года № 5221. (Протоколъ слѣдственной коммиссіи 1844 года § 1й. *Бѣлокриницкій архивъ.*)

** Губернское предписаніе отъ 10 января 1844 года (29 декабря 1843 года), № 81,444. (*Бѣлокриницкій архивъ.*)

Павла и Алимпія по вопросу о завѣщанныхъ ими въ пользу монастыря 10.000 левовъ), 6го (18го)—Климоуцкая, 8го (20го)—Соколинская, 10го (22-го)—Мехидрская. Бѣлокриницкіе и климоуцкіе липованы собраны были въ селеніи Бѣлая-Криница; а въ Соколинцы и Мехидру ѣздили для допросовъ сами члены коммиссіи.

Это новое слѣдствіе, несмотря на всю формальную строгость дѣлопроизводства, было уже не такъ страшно для бѣлокриницкаго братства, какъ предшедшее: теперь собственный, личный интересъ долженъ былъ заставить барона крайскоммиссара при отобраніи показаній отъ липованскихъ громадъ и монастырскихъ жителей всячески имъ потворствовать, чтобы не впасть въ противорѣчіе съ своими прежними протоколами. Однакоже и эта коммиссія представляла не мало непріятнаго для учредителей старообрядческаго архіерейства: непріятно было что губернское начальство, несмотря на „рекурсъ,“ на императорскую „сигнатуру“ и на всѣ успѣхи Павла и Алимпія въ Вѣнѣ, не хочетъ, какъ теперь оказалось, измѣнить своихъ прежнихъ непріязненныхъ отношеній къ дѣлу о липованскомъ епископѣ, и то что опять приходилось толковать съ липованами, которымъ уже очень прискучили всѣ эти коммиссіи, и то, наконецъ, что дѣло вообще затягивалось, что все прибывали новые и новые хлопоты. Прибыли хлопоты главнымъ образомъ для Павла: ему предстояло не мало труда, и именно надъ тѣмъ чтобы заготовить для каждаго липованскаго общества письменные отвѣты по вопроснымъ пунктамъ, отвѣты, которые должны были войти (и дѣйствительно вошли) въ коммиссіонные протоколы, какъ бы собственные, непосредственно данные липованскими депутатами на допросахъ коммиссіи. Эту не очень легкую задачу Павелъ исполнилъ въ совершенствѣ. Заготовленные имъ отвѣты отъ четырехъ липованскихъ обществъ, правда, походятъ одинъ на другой, различаются только въ мелочахъ и частностяхъ; но иначе не могло и быть по самому существу дѣла. Они замѣчательны собственно тѣмъ что представляютъ образчикъ самой беззастѣнчивой лжи и рѣдкаго умѣнья „выдавать комарей за воловъ,“ по выраженію самого Павла. * Для примѣра достаточно привести показанія липованскаго общества

* Что всѣ показанія (за исключеніемъ можетъ-быть одного Алимпіева) суть произведеніе Павла, въ этомъ легко убѣдиться изъ самаго ихъ изложенія, обличающаго именно Павлову руку.

какъ по нашему закону изъ имя отца мое имя происходитъ), родился въ Бѣлой-Криницѣ и былъ здѣшній подданный,* и уже болѣе 40 лѣтъ какъ отсель перешелъ въ Молдавію, тамъ женился и занимался торговымъ промысломъ и въ 1818 году померъ. Такихъ, здѣсь рожденныхъ и въ Молдавіи значительною торговлей занимающихся липовановъ и теперь есть очень много. О томъ имѣю ли дѣйствительно имѣніе, прошу спросить здѣшнюю громаду, которая моего покойнаго отца и его имѣніе совершенно знаетъ, и можетъ подтвердить что я дѣйствительно отъ онаго 5.000 левовъ серебромъ въ наслѣдство получилъ, и эту сумму, 13го сентября 1843 года, здѣшнему липованскому монастырю подарилъ, будучи членомъ сего монастыря.“ ** Показаніе Алимпія, согласно его характеру, отличалось еще большей отвагой,—онъ смѣло утверждалъ что отецъ его, Савва Милорадовъ, умершій въ 1837 году въ Бессарабіи, оставилъ ему въ наслѣдство даже 8.500 левовъ серебромъ, на что впрочемъ письменныхъ документовъ у него — Алимпія Милорадова не имѣется; а въ подтвержденіе того что онъ дѣйствительно получилъ въ наслѣдство деньги, изъ которыхъ пожертвовалъ монастырю 5.000 левовъ, ссылался также на свидѣтельство мѣстныхъ липованъ. *** Коммиссія

* Сказать что отецъ родился въ австрійскихъ владѣніяхъ, Павлу было необходимо для того чтобы доказать свое право на жительство въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, о чемъ и въ рекурсѣ сказано было: „Если нѣкоторые (бѣлокриницкіе иноки) и пришли изъ-за границы, то все-таки *рождены отъ автрійскихъ подданныхъ* и потому, согласно § 28 гражданскихъ законовъ, владѣютъ правами австрійскаго подданнаго и гражданина“.

** Протоk. слѣд. ком. 1844, §§ 9 и 10.

*** Тамъ же, § 11. Любопытства ради приводимъ вполнѣ и это куріозное показаніе: „Я называюсь Алимпій Милорадовъ; родился въ Бѣлой-Криницѣ; 39 лѣтъ, старовѣрскаго закона; есть инокъ здѣшняго монастыря. Мой отецъ Савва Петровъ, сынъ Петра Милорадова, моего дѣда (а между тѣмъ, какъ извѣстно, эту фамилію придумалъ для себя самъ Алимпій, передѣлавъ ее, на великороссійскій ладъ, изъ фамиліи Милорадовича, уважаемаго имъ воителя), померъ тому лѣтъ 12 въ Бессарабіи. Онъ былъ здѣшній урожденный липованъ, а отецъ его тому 56 лѣтъ сюда прибылъ. Онъ церковныя книги переписывалъ, женился въ Бѣлой-Криницѣ и жилъ переплетчикомъ книгъ. По смерти моей матери, онъ поступилъ въ здѣшній монастырь, въ постриженіи названъ инокъ Симеонъ Петровъ. Онъ жилъ 14 лѣтъ въ здѣшнемъ монастырѣ инокомъ; послѣ перешелъ въ

предложила депутатамъ Бѣлокриницкой громады подтвердить эти показанія; депутаты отвѣчали: „Мы подтверждаемъ что истинно объявленіе иноковъ Павла Васильева и Алимпія Милорадова касательно ихъ происхожденія и наслѣдственныхъ обстоятельствъ, съ тѣмъ что кто знаетъ положеніе здѣшнихъ липованъ, тотъ не будетъ сомнѣваться что оные, отъ здѣшнихъ липовановъ происходящіи иноки такія суммы въ наслѣдствіе получили и въ состояніи по 5.000 левовъ серебромъ здѣшнему монастырю подарить: въ здѣшнихъ громадахъ находятся липованы кои промысломъ и торговлей болѣе 10.000 левовъ пріобрѣли.“ * Наконецъ, для соблюденія формальной правильности допроса, крайскоммиссаръ произвелъ о доставшихся Павлу и Алимпію наслѣдствахъ офиціальную справку въ дѣлахъ думеніи Гадикъ-Фальва, и на основаніи этой справки сдѣлалъ въ протоколѣ слѣдующее оригинальное заключеніе: „Касательно подтвержденія объявленія о наслѣдственныхъ суммахъ Павла Васильева и Алимпія Милорадова подписавшійся коммиссаръ дѣлалъ разсмотрѣніе въ наслѣдственныхъ актахъ по умершихъ липованахъ селеній Бѣлой-Криницы и Климоуцъ; но нигдѣ именъ родителей ихъ не нашелъ: потому и ихъ объявленіе, подтвержденное Бѣлокриницкою громадой, что родители ихъ за границей померли, есть достовѣрно.“ ** Для того именно Павелъ съ Алимпіемъ и показали своихъ вымышленныхъ родителей-липованъ умершими за границей, въ Молдавіи и Бессарабіи, чтобы сдѣлать безопасными всякія справки; но выводъ къ какому пришелъ крайскоммиссаръ, не отыскавъ въ дѣлахъ думеніи никакихъ свѣдѣній о Васильѣ Ѳедотовѣ и Саввѣ Милорадовѣ, все-таки представляется совершенно неожиданнымъ и, очевидно, внушенъ ему тѣмъ же

Молдавію и меня взялъ съ собою. Въ теченіе времени сдѣлали его настоятелемъ Серковскаго монастыря. Тамъ жилъ 10 лѣтъ въ мостырѣ онъ очень экономно и въ наслѣдство полученное имъ отъ дѣда моего имѣніе еще умножилъ. Въ 1832 году отецъ мой въ Бессарабіи въ монастырѣ померъ, оставивъ мнѣ въ наслѣдство словеснымъ распоряженіемъ 8.500 левовъ серебромъ. На это я письменныхъ документовъ не имѣю, однакожъ на здѣшнюю относусь громаду, которая подтвердитъ что я сіи 5.000 левовъ серебромъ, которые я здѣшнему липовановскому монастырю документально подарилъ, дѣйствительно въ наслѣдство отъ отца моего получилъ.“

* Прот. слѣд. ком. 1844 года, § 12.

** Тамъ же § 18.

„На вопросъ: хочетъ ли громада обязаться на содержаніе монастыря и священства? мы отвѣчаемъ отъ имени громады, какъ депутаты, что въ теперешнее время таковая обязанность не есть нужна, потому что иноки нашего монастыря, въ прошеніи поданномъ его величеству, о учрежденіи святителя, существованіи монастыря и утвержденіи устава, сами обязались содержать святителя и монастырь собственнымъ коштомъ. А что они въ состояніи дѣйствительно своимъ имѣніемъ выполнить оное (обязательство), о семъ явствуетъ изъ актовъ сдѣланныхъ (прежней) крайзамтской коммиссіей. Кромѣ того: липованы обязаны по нашимъ церковнымъ законамъ давать десятую часть ежегодныхъ доходовъ священству; однакоже они того у насъ не желаютъ и не есть нужно. Но, дабы удовлетворить правительство, мы пріемлемъ на свою обязанность содержаніе духовнаго святителя нашего закона и нашего монастыря, *въ томъ случаѣ если нужно будетъ*, по нашему состоянію и возможности.“

Затѣмъ вотъ что̀ отвѣчено на другой вопросъ, о суммѣ какую согласны жертвовать бѣлокриницкіе липоване на содержаніе епископа:

„Братство монастыря, какъ сказано, обязалось содержать собственнымъ коштомъ святителя, по положенію монастырскаго устава: потому мы полагаемъ что теперь не нужно количество суммы дѣйствительно обозначать, какъ монастырь еще въ состояніи это выполнить; но правительство тѣмъ должно довольно остаться что мы всегда готовы давать безъ принужденія что̀ только будетъ нужно. А что мы дѣйствительно въ возможности къ выполненію нашего обѣщанія, доказываетъ обстоятельство нашего имѣнія и промысла.“

Послѣдній вопросъ, предложенный депутатамъ Бѣлокриницкаго липованскаго общества, касался веденія метрикъ, и отвѣтъ на него, какъ и прошлый разъ, сведенъ былъ къ слѣдующему заключенію: „Необходимо нужно дабы его величество желаніе наше о учрежденіи святителя нашего закона удовлетворилъ: тогда бы къ провожденію предписанныхъ метрическихъ книгъ не было никакого препятствія; когда бы мы имѣли священниковъ нашего закона, тогда бы для каждаго селенія установленный священникъ обязанъ былъ, по предписанію правительства, метрическія книги вести.“ *

---

* Прот. слѣд. ком. 1844 года, §§ 4—6.

Таковы были составленные Павломъ и занесенные въ протоколъ коммиссіи показанія уполномоченныхъ Бѣлокриницкой громады. Чтобы придать имъ больше достовѣрности и вполнѣ соблюсти формальную правильность дѣлопроизводства, въ предотвращеніе новыхъ замѣчаній изъ губерніи, крайскоммиссаръ отнесся къ мѣстному мандаторіату за повѣркой и удостовѣреніемъ громадскихъ „показаній касательно имѣній и хозяйственныхъ обстоятельствъ.“ Панъ-мандаторъ былъ свой человѣкъ: онъ засвидѣтельствовалъ что „показанныя обстоятельства имѣній, доходы и прочее, по конскрипціи 1843 года и по грунтовымъ платежнымъ записямъ, нашелъ правильными.“ *

Показанія депутатовъ трехъ прочихъ липованскихъ громадъ, по тѣмъ же вопроснымъ пунктамъ, какъ было уже замѣчено, въ сущности не отличались отъ показаній депутатовъ бѣлокриницкихъ: послѣ официіальныхъ свѣдѣній о количествѣ жителей, земли и скота, слѣдовали такія же преувеличенныя описанія разныхъ хозяйственныхъ заведеній, промысловъ и т. п., и тѣ же лукавые, двусмысленные отвѣты по вопросу о содержаніи будущаго епискола.“ **

Но верхъ безстыдства въ сплетеніи всякаго рода лжи составляютъ показанія двухъ пресловутыхъ иноковъ Павла и Алимпія о 10.000 левовъ, якобы пожертвованныхъ ими Бѣлокриницкому монастырю. Вотъ какую сказку сочинилъ о себѣ урожденецъ валдайской подгородной ямской слободы Петръ, а въ иночествѣ Павелъ Васильевъ Великодворскій: „Я называюсь Павелъ Васильевъ, сынъ Василья Ѳедотова, родился въ Молдавіи, въ Боташанахъ; около 40 лѣтъ; старогреческаго закона. По смерти отца моего, 1818 года, пришелъ въ Буковину, поступилъ въ Бѣлокриницкій монастырь инокомъ, въ которомъ по сіе время живу. Отецъ мой, покойный Василій Ѳедотовъ (такъ

---

* Прот. слѣд. ком. 1844 года, § 8.

** Тамъ же §§ 14—17, 19—26. Показанія этихъ липованскихъ громадъ также засвидѣтельствованы мѣстными мандаторіатами—Гадикъ-Фальва, Санктъ-Илія и Бергометъ. Достойно замѣчанія что показанія Климоуцкой громады сдѣланы отъ имени всѣхъ жителей селенія, тогда какъ большинство сихъ послѣднихъ принадлежитъ къ безпоповскому толку и никакого отношенія къ дѣлу объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ не имѣло. Даже одинъ изъ выборныхъ климоуцкихъ, подписавшій всѣ протоколы, былъ безпоповецъ, упомянутый выше Михаилъ Ѳедоровъ.

за что всѣ наши общества съ незабвеннымъ чувствованіемъ останутся къ вамъ на вѣки благодарны, а Всевышній Творецъ возвеличитъ славу вашего высокопревосходительства въ благоцвѣтущемъ блистаніи на многая лѣта"....* Но губернское начальство, на основаніи вѣрныхъ, хотя неофиціальныхъ свѣдѣній, будучи убѣждено въ фальшивости всего затѣяннаго въ Бѣлой-Криницѣ дѣла и хорошо зная о самозванствѣ самихъ бѣлокриницкихъ депутатовъ, не хотѣло имѣть и сношеній съ этими заграничными выходцами, такъ нагло выдающими себя за природныхъ липованъ: никакого отвѣта на ихъ прошенія изъ губерніума не послѣдовало. Однакоже, по полученіи протоколовъ второй слѣдственной коммиссіи, въ губерніи не могли не видѣть что дальнѣйшія усилія воспрепятствовать ихъ затѣямъ будутъ безполезны, и что во всякомъ случаѣ по этому непріятному дѣлу необходимо дать отзывъ въ императорскую гофъ-канцелярію. Къ большому огорченію людей защищавшихъ интересы православія и ясно понимавшихъ намѣренія учредителей старообрядческой іерархіи въ Буковинѣ, въ это именно время скончался одинъ изъ самыхъ ревностныхъ противниковъ бѣлокриницкой затѣи—г. Бѣлявскій, завѣдывавшій въ губерніи дѣлами иностранныхъ религій, каковое событіе благочестивые братія Бѣлокриницкой обители привѣтствовали, напротивъ, какъ благое для нихъ предзнаменованіе.... **

Между тѣмъ Павелъ и Алимпій, не получая въ губерніи отвѣта на свои прошенія, успѣли однакожъ узнать что дѣло ихъ, со всѣми документами, „рекурсомъ," Уставомъ и пр. уже

* *Бѣлокр. арх.* На этомъ прошеніи рукой Павла сдѣлана помѣтка: „составлено марта 1го дня 1844 года (то-есть спустя недѣли три по окончаніи послѣдняго коммиссіоннаго слѣдствія), а подано...."

** Вотъ что, напримѣръ, писалъ объ этомъ Геронтій: „Тако въ нашу пользу и вторая коммиссія порученіе своего дѣла кончила и губерніалу сіе доставивъ. По полученіи же сего коммиссіоннаго достовѣрнаго свѣдѣнія, губерніальный интереса нашего сопернатъ (sic), иностранныхъ религій духовныхъ дѣлъ референдъ, господинъ Бѣлявскій, коему процессъ нашего дѣла принадлежалъ, не терпя отъ липованъ побѣжденна себе зрѣти, сей убо дипломатъ (?) и духовному своему отцу успѣлъ ли отнестися, не вѣмъ, Богъ вѣсть, но на другой же день не явился въ свою канцелярію, но поспѣшилъ отъ должности своея удалиться на вѣчную свою дачу, юже въ семъ житіи геройствомъ своимъ стяжавъ".... (*Памятникъ*, рукоп. писанная въ Шлиссельбургѣ.)

отправлено въ гофъ-канцелярію *. Какое при этомъ губернія постановила рѣшеніе, въ точности развѣдать они не могли; но уже тѣмъ однимъ что поданныя ими просьбы оставлены безъ всякаго отвѣта и относительно всего дѣла соблюдается таинственность, возбуждалось подозрѣніе что рѣшеніе послѣдовало опять не въ ихъ пользу. По сему случаю они сами немедленно отправились въ Вѣну. Здѣсь имъ также, повидимому, не удалось собрать точныхъ свѣдѣній объ отвѣтѣ присланномъ изъ губерніи, только на основаніи указанныхъ выше соображеній о неблагопріятномъ его содержаніи составлена была, очевидно, съ помощію вѣнскаго адвоката, „промеморія" которую они и подали въ императорскую гофъ-канцелярію. „Мы *полагаемъ*, говорилось въ промеморіи, что губернія и теперь представляемыя духовныя нужды староверцевъ въ резонъ не принимаетъ. Слѣдовательно она не хочетъ соблаговолить того чтобы мы, вѣрноподанные австрійскому скипетру, удовлетворялись своимъ покоемъ и устройствомъ благочинія, безъ заимствованія изъ чужихъ краевъ для удовлетворенія духовной нужды, но оставляетъ старовѣрцамъ то что̀ доселѣ было, то-есть завсегда заимствоваться священниками изъ Россіи, которыхъ они съ великимъ изнуреніемъ оттоль доставали посредствомъ своихъ единовѣрныхъ обществъ... Теперь же Россія приняла строгія мѣры не только въ охраненіи границы, но даже и самыя тѣ въ Россіи единовѣрныя съ нами общества, сверхъ существующихъ первыхъ священниковъ, ** вновь болѣе имѣть у себя таковыхъ уже позволенія не имѣютъ. Потому теперь здѣсь нашимъ старовѣрцамъ настоитъ въ священствѣ наибольшая нужда, какъ именно изъяснено въ нашемъ рекурсѣ. Итакъ, если не позволяется старовѣрцамъ, на правилахъ въ монастырскомъ уставѣ изображенныхъ, имѣть своего святителя: слѣдовательно не позволяется имъ имѣть и парахіальныхъ священниковъ, и монастыря, и настоятеля и самыхъ даже иноковъ. Поелику всѣ сіи происходятъ только отъ святителя; святитель же, по нашей религіи, происходитъ изъ чина иноческаго. А подъ симъ

* Въ промеморіи они писали: „губернія, отправивъ дѣло ко двору, намъ на прошеніе наше ничего не объявила."

** Здѣсь разумѣются бѣглые попы, существованіе которыхъ въ обществахъ старообрядческихъ было дозволено указомъ 26 марта 1822 года.

благоснисхожденіемъ къ бѣлокриницкой братіи, съ какимъ производилъ онъ и прежнее и настоящее слѣдствія.

Продолжая до конца это благоснисхожденіе, крайскоммиссаръ въ заключеніе всѣхъ протоколовъ сдѣлалъ такой общій отзывъ о липованахъ: „Они ведутъ жизнь очень религіозно и богобоязно. Громада Бѣлой-Криницы имѣетъ богатую церковь съ куполами, устроенную собственнымъ коштомъ, по подобію какъ и прочія старогреческія церкви; съ богатымъ внутреннимъ украшеніемъ. И громада Климоуцъ тоже имѣетъ церковь и каплицу; и громада Мехидра тоже имѣетъ свою каплицу. Впрочемъ каждый липованъ въ своемъ порядочномъ домѣ имѣетъ образами и прочимъ приборомъ украшенную божницу, которая у него въ весьма высокомъ почтеніи. Каждый липованъ, входя въ домъ, дѣлаетъ на себѣ рукой крестъ и говоритъ: *Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ.* То же самое говоритъ прежде всякаго яденія и питія. И ни одинъ липованъ ни трубки не куритъ, ни табаку не нюхаетъ, такъ что даже и въ домахъ ихъ этого дѣлать не позволено. Содержаніе поста строжайше наблюдаютъ и въ теперешнемъ великомъ постѣ они теплой стравы не ѣдятъ, а ѣдятъ капусту квашенную и огурцы, и то только одинъ разъ въ день. Въ ихъ домахъ вездѣ особливая чистота: они имѣютъ около постелей и предъ иконами занавѣсы, столы покрываютъ хорошими скатертями; народъ очень старательный и промышленный и всегда встаютъ на работы очень рано.“ [1]

VIII.

Итакъ, оба произведенныя барономъ Кане коммиссіонныя слѣдствія кончились какъ нельзя болѣе благопріятно для учредителей старообрядческаго архіерейства въ Бѣлой-Криницѣ. Теперь они ясно видѣли что повредить ихъ дѣлу губернія не можетъ, что благодаря покровительству крайзамта и его коммиссаровъ, дѣло это съ формальной стороны не представляетъ уже ничего сомнительнаго въ тѣхъ пунктахъ относительно

[1] Прот. слѣд. ком. 1844 г. § 27. Всѣ эти подробности, со включеніемъ даже молитвы Іисусовой, въ выраженіяхъ исключительно употребляемыхъ старообрядцами, указаны и изложены, безъ сомнѣнія, Павломъ, хотя крайскоммиссаръ и заключилъ свой протоколъ словами: „все таковое самъ видѣлъ.“

которыхъ, именно ради формы, предписано было изъ Вѣны навести нужныя справки, и потому всякое дальнѣйшее противодѣйствіе губерніи уже весьма легко будетъ представить благоснисходительнымъ столичнымъ властямъ, какъ явное притязаніе и притѣсненіе со стороны губернскаго начальства.... Съ этого времени бѣлокриницкое братство въ своихъ отношеніяхъ къ губерніи дѣйствительно обнаруживаетъ особенную смѣлость и самоувѣренность. Какъ только слѣдственная коммиссія заключила свои занятія, и протоколы ея, вмѣстѣ съ „отыскавшимся протоколомъ Вагнера", * были отосланы во Львовъ, туда же отправились депутаты Бѣлокриницкаго монастыря Павелъ и Алимпій. Они подали „высокославной губерніи" просьбу, въ которой между прочимъ доказывали что ея рѣшеніе, уничтожить Бѣлокриницкій монастырь, несправедливо, что теперь, изъ доставленныхъ крайзамтомъ актовъ и протоколовъ, она сама должна видѣть что „монастырь изначала, съ вѣдома правительства въ Буковинѣ, основался и уже около шестидесяти лѣтъ тамъ существуетъ", и назначеніемъ его служитъ „не одно только упражненіе въ богомысліи (контемплятивѣ), а совсѣмъ напротивъ, какъ обстоятельно объяснено сіе въ рекурсѣ". Самая же просьба состояла въ томъ чтобы губернія *„по крайней мѣрѣ теперь* вошла въ надлежащее разсмотрѣніе крайнѣйшихъ духовныхъ нуждъ липованскихъ громадъ и желаніе ихъ (относительно монастыря и епископа) удовлетворила". ** Тогда же Павелъ и Алимпій подали особое прошеніе „президенту губерніума" барону фонъ-Гохфельдъ. Объяснивъ кратко обстоятельства дѣла, поступившаго, послѣ двухъ коммиссіонныхъ слѣдствій, опять въ губернію на разсмотрѣніе, они писали: „изъявите, ваше превосходительство, съ своей стороны отеческое ваше благоволеніе къ безпрепятственному исполненію нашего прошенія (о монастырѣ и епископѣ), ибо удовлетвореніемъ этой покорнѣйшей нашей просьбы отнюдь не можетъ причиниться никакого вреда или ущерба ни общему благу государства, ниже частнымъ какимъ лицамъ, но паче будетъ сугубая польза—государству благочиніе, а самимъ обществамъ нашимъ отъ толикихъ настоящихъ духовныхъ бѣдствованій вожделѣнное спокойствіе,

---

* Объ этомъ упоминается въ протоколахъ коммиссіи 1844 года. § 1.

** Выписка изъ этого прошенія приведена въ промеморіи, вскорѣ потомъ поданной въ гофъ-канцелярію (*Бѣлокр. арх.*).

непозволеніемъ епископа разумѣется что старовѣрцы теперь уже или изгоняются изъ Австрійскаго государства, или принуждаются перейти въ иную религію. Такое принужденіе совершенно противно дарованной имъ всевысочайшей привилегіи, въ которой позволена имъ неограниченная вольность религіи и духовенства, и не только таковой привилегіи, но даже и общему толеранцъ-патенту.“ Почти то же самое, какъ мы видѣли, говорилось и въ рекурсѣ, но не такъ смѣло и рѣшительно какъ теперь. А вотъ и новое возраженіе противъ предполагаемыхъ притязаній губерніи, уже прямо заимствованное просителями изъ современныхъ обстоятельствъ дѣла и опять высказанное съ тою твердостью какую давала имъ теперь увѣренность въ несомнѣнномъ успѣхѣ ихъ просьбы „Не затрудняется ли губернія, говорится дальше въ промеморіи, на позволеніе старовѣрцамъ своего святителя развѣ тѣмъ что они не имѣютъ въ своихъ обществахъ много числа народу, или опасается недостатка въ фундусѣ на всегдашнее содержаніе святителя? Но самыя правила старовѣрческой религіи не позволяютъ излишней роскоши имѣть святителю, что̀ явствуетъ въ нашемъ монастырскомъ уставѣ (приложенномъ при рекурсѣ поданномъ его величеству), въ *предметѣ о святителѣ*. Святитель долженъ быть у насъ, по образу древнихъ святыхъ іерарховъ, подражая начальнику вѣрѣ Іисусу Христу, въ самоумѣренномъ смиреніи, то-есть во всѣхъ житейскихъ потребахъ такъ какъ нынѣ есть нашего монастыря настоятель; но только святитель отличенъ будетъ саномъ и свѣтлыми церковными облаченіями во время богослуженія. *А на таковое содержаніе одинъ монастырь нашъ есть въ состояніи, общества же сверхъ того во всякомъ случаѣ обязались быть готовыми на помощь, что̀ правительство можетъ видѣть изъ коммиссіонныхъ протоколовъ.* Уповательно же что и здравое разсужденіе правительства можетъ разпознать сущность сего дѣла, какъ самая естественность показываетъ потребу, яко не для святителя есть народъ, но для народа святитель необходимо есть нуженъ. Да и законъ христіанскій никакъ не судитъ якобы только во множественномъ числѣ народу потребно имѣть благочиніе, а въ маломъ не потребно. Ибо въ прежніе вѣка вселенская церковь не взирала на число народа, но судила предстоящія въ нихъ нужды, такъ что въ царство Авреліана, 5575 (267) года, Григорій Неокесарійскій былъ поставленъ еписко-

помъ въ Неокесарію, гдѣ имѣлось христіанъ всего только осьмнадцать человѣкъ. Слѣдовательно лучше быть хотя малому числу народа, но въ благочиніи, нежели и малому и не въ благочиніи. А также извѣстно есть изъ церковной исторіи что въ древности, даже и кромѣ нужныхъ случаевъ, при самомъ полномъ господствованіи вселенской церкви, права позволяли сверхъ градскихъ епископовъ устроять и въ селахъ особые епископы, какъ явствуетъ изъ соборныхъ правилъ: 8 пр. 1го Никейскаго вселенскаго собора и прочихъ, Антіохійскаго пр. 13 и 20, Неокесарійскаго пр. 13 же, и Анкирскаго пр. 13". *

Промеморія эта подана была въ іюнѣ мѣсяцѣ. Спустя немного времени изъ губерніи присланъ былъ въ гофъ-канцелярію новый отзывъ по дѣлу о липованскомъ монастырѣ и епископѣ. Губернія наконецъ принуждена была сдѣлать уступку, дала мнѣніе что просьбу липованъ о дозволеніи монастыря въ Бѣлой-Криницѣ можно уважить; но вмѣсто просимаго ими епископа полагала достаточнымъ дозволить липованамъ имѣть въ монастырѣ настоятеля и священниковъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ губернскомъ опредѣленіи, Павелъ и Алимпій, все еще жившіе въ Вѣнѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ подали на имя президента императорской гофъ-канцеляріи графа Инцаги новую промеморію. Они объясняли что настоятелей Бѣлокриницкій монастырь имѣетъ и имѣлъ издавна; но поставлять священниковъ липованамъ, въ чемъ эти послѣдніе, какъ признала и

* *Бѣлокр. арх.* Павелъ и Алимпій были уже такъ увѣрены въ скоромъ и счастливомъ окончаніи ихъ дѣла что въ промеморію хотѣли даже внести слѣдующую просьбу: „Титуловать нашъ монастырь и будущаго святителя, согласно всевысочайшей привилегіи, даже и самой нашей религіи, старовѣрческими, а не по простонародному названію—липованскими. Ибо то названіе липованами произошло не отъ существа нашей вѣры, ниже отъ предводителей, коими основалась осѣдланность старовѣрцевъ въ Буковинѣ, но можетъ-быть только со взгляду отъ сосѣдственныхъ польскихъ, или прусскихъ филипповъ, которые также называются липованами.... Но филиппоны не одного съ нами содержанія религіи: они не признаютъ главныхъ таинъ церковныхъ, какъ-то: священства, мѵропомазанія, священнодѣйствія; наша религія отстоитъ отъ той секты филиппоновъ, подобно какъ римско-католическая религія отстоитъ отъ прочихъ сектовъ протестантскихъ, Лютера и Кальвина". Однакоже вся эта статья въ находящемся у насъ спискѣ промеморіи зачеркнута,—назначена къ исключенію.

сама губернія, крайне нуждаются, настоятель монастыря не можетъ, ибо право сіе принадлежитъ только однимъ епископамъ. „Почему (писали они дальше) мы въ обязанность себѣ поставляемъ *настаивать* чтобы намъ для посвященія потребныхъ священниковъ дозволено было на все будущее время имѣть если не обергирта, то хотя консекратора“ что̀ будетъ согласно и всевысочайшей привилегіи, „въ которой вольное нашей религіи содержаніе намъ допущено“, равно какъ и средствамъ монастыря будетъ соотвѣтствовать, ибо „мы своимъ коштомъ консекратора содержать въ состояніи“. Здѣсь наконецъ они просили, ихъ будущаго епископа, а равно и самый обрядъ ихъ, не называть „по простонародному *липованскимъ,* какъ называетъ высокая губернія („противъ каковаго названія, ошибочнаго и фальшиваго, они усиленно протестуютъ“), а именовать *старовѣрческимъ,* каковое названіе употреблено и въ высочайшей привилегіи.“ *

Цѣлый годъ прошелъ съ того времени какъ Павелъ и Алимпій пріѣзжали первый разъ въ Вѣну и были такъ милостиво, такъ внимательно приняты высшими чинами имперіи и самимъ императоромъ Фердинандомъ. Оказалось что въ теченіе этого времени расположеніе къ нимъ высокихъ персонъ ни мало не охладѣло: ихъ промеморіи и личныя просьбы были приняты съ прежней благосклонностью. И такъ какъ изъ присланныхъ губерніей документовъ оказывалось что относительно тѣхъ пунктовъ по которымъ предписано было произвести справки, двѣ слѣдственныя коммиссіи ничего сомнительнаго не нашли, то императорская гофъ-канцелярія постановила, вопреки мнѣнію губерніи, рѣшить дѣло о липованскомъ монастырѣ и о епископѣ согласно прошенію бѣлокриницкихъ депутатовъ. ** Въ то время императора Фердинанда не было въ Вѣнѣ,—онъ осматривалъ войска въ Венгріи: туда на высочайшее утвержденіе и было послано состоявшееся по ли-

* Промеморія гр. Инцаги (*Бѣлокр. арх.*).

** Принятію такого рѣшенія много содѣйствовали, безъ сомнѣнія, указанныя выше враждебныя для Россіи политическія соображенія. Надеждинъ рѣшительно утверждаетъ что умыселъ раскольниковъ увѣнчался успѣхомъ „вслѣдствіе тайнаго сочувствія къ нему со стороны австрійскаго правительства, угадавшаго тутъ недобрую будущность для православія вообще и для православной Россіи въ особенности“; въ этомъ, прибавляетъ Надеждинъ, сознался ему „въ дружески откровенной бесѣдѣ, самъ преосвященный Евгеній, епископъ черновицкій“ (Кельс. *Сбор.* ч. I, стр. 103).

повансkому дѣлу опредѣленіе. * Здѣсь-то, 6го (18го) сентября 1844 года, императоръ Фердинандъ подписалъ наконецъ слѣдующаго содержанія декретъ объ учрежденіи въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ старообрядческой ахіерейской каѳедры:

„По прошенію липованской громады и старовѣрческихъ иноковъ въ Бѣлой-Криницѣ,

„а) всемилостивѣйше дозволяется привезти изъ-за границы одно духовное лицо, именно архипастыря, или епископа, съ тѣмъ что онъ можетъ преподавать находящимся въ Бѣлой-Криницѣ липованскимъ инокамъ высшее посвященіе и имѣетъ еще поставить себѣ преемника, который также долженъ будетъ поставлять священниковъ, равно какъ избрать и посвятить преемника себѣ. Однакоже имѣющее теперь прибыть изъ-за границы духовное лицо обязуется прежде вступленія въ должность, чрезъ посредство губерніи, сообщить гофъканцеляріи о своемъ имени, чтобы можно было дипломатическимъ путемъ собрать о немъ свѣдѣнія и удостовѣриться что никакихъ сомнѣній относительно его не существуетъ.

„А такъ какъ по правиламъ греко-восточнаго обряда высшее духовенство можетъ быть производимо только изъ монаховъ, то его величество

„б) всемилостивѣйше соизволяетъ дальнѣйшее существованіе издавна находящагося въ Бѣлой-Криницѣ монастыря утвердить. **

---

* Извѣстіе объ этомъ находимъ у Геронтія. Вотъ какъ витійствовалъ онъ, воспоминая въ Шлиссельбургской крѣпости достигнутые тогда успѣхи: „Высоко и шумно интересъ дѣла нашего возлетѣлъ, и яко изъ фонтана клубомъ источникъ живыя воды испусти, и яко наводненная рѣка быстро дѣла нашего интересъ потекъ и скоро высочайшей дистанціи достигъ. Но тамо его императорскаго величества присутствія зрѣти не улучилъ, и паки стремглавъ теченіе свое направи вслѣдъ его императорскаго величества гнати, и яко рѣка наводненна быстро текуще, своего предѣла достигше, въ море впадаетъ, сице и нашего дѣла интересъ въ моневрахъ венгерской арміи на смотру его императорскаго величества достигъ, гдѣ и предѣлъ приказомъ его императорскаго величества резолюцію себѣ получилъ." (*Памят.*).

** Текстъ императорскаго декрета приведенъ въ увѣдомленіи, выданномъ изъ крайзамта депутатамъ Бѣлокриницкаго монастыря за №№ 19.997. Ради особенной важности этого документа для исторіи бѣлокриницкой іерархіи, приводимъ здѣсь и нѣмецкій текстъ его:

Въ первомъ изъ этихъ пунктовъ, который собственно и составляетъ законное (въ отношеніи къ государственной власти) основаніе существующей доселѣ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ старообрядческой аріерейской каѳедры, заслуживаютъ особеннаго вниманія два слѣдующія обстоятельства: 1) епископу, котораго дозволено привезти изъ-за границы, императорскимъ декретомъ предоставлялось право рукополагать въ священныя степени собственно *липованскихъ иноковъ находящихся въ Бѣлой-Криницѣ*, то-есть, по точному смыслу этихъ словъ, не давалось ему права посвящать мірянъ, хотя бы они были липоване и жили въ Бѣлой-Криницѣ, а также и самыхъ иноковъ, если они по происхожденію не липованы и живутъ не въ Бѣлой-Криницѣ; 2) о личности епископа который привезенъ будетъ изъ-за границы предписывалось собрать дипломатическимъ путемъ свѣдѣнія, не имѣется ли относительно его какихъ-либо сомнѣній, то-есть, въ отправленіе своей должности у липованъ, по смыслу этой статьи, могъ онъ вступить тогда только когда по наведеніи точныхъ справокъ не окажется никакихъ относительно его сомнѣній. Условія, очевидно, стѣснительныя для бѣлокриницкихъ учредителей архіерейства. Павелъ, безъ сомнѣнія, понималъ это

Ueber das Gesuch der Lippowaner Gemeinde und der Altgläuber Möntche in Fontina - alba a) die Einführung eines ausländischen Geislichen, als Oberhirten, oder Weihbischof allergnädigst zu genehmigen geruhet, der den in Fontina alba befindlichen Lippowaners Mönchen die höheren Weihen zu ertheilen im Stande ist, und der zugleich seinen Nachfolger zu ordiniren hätte, welcher dann wieder zur Priesterweihe, so wie zur Benennung und Ordinazion seines Nachfogers befähiget wäre. Doch ist der gegenwartig aus dem Auslande einzuführende Priester mittelst des Guberniums der Hofkanzlei vorlaufig namhaft zu machen, um über denselben im diplomatischen Wege Auskünfte einholen, und sich so von dessen Unbedenklichkeit die Ueberzeugung verschaffen zu können.—Nachdem aber nach den Satzungen des griechisch orientalischen Ritus die höhere Geistlichkeit nur aus den Mönchen hervorgehen kann, so haben Seine Majestat b) sich allergnädigst bewogen befunden den Fortbestand des in Bialo-Kiernica seit vielen Jahren befindlichen Klosters zu genehmigen. Объ этомъ самомъ декретѣ упоминается въ напечатанномъ у Кельсіева „проектѣ меморіи" нашего правительства австрійскому, составленномъ въ августѣ 1847 года (Сбор. Кел. ч. I, стр. 150); но число, когда послѣдовало изданіе декрета, здѣсь указано не совсѣмъ вѣрно, именно 12го (24го) сентября вмѣсто 6го (18го) сентября.

очень хорошо; но хлопотать объ отмѣнѣ было невозможно, да и крайней надобности, по его мнѣнію, не представлялось, такъ какъ достигнувъ самаго главнаго, получивъ дозволеніе имѣть епископа въ Бѣлой-Криницѣ, онъ надѣялся, при своей ловкости въ дѣлахъ подобнаго рода, съ остальными затрудненіями справиться легко....

О состоявшемся высочайшемъ рѣшеніи по дѣлу о липованскомъ монастырѣ и епископѣ императорская гофъ-канцелярія, указомъ отъ 17го (29го) сентября, сообщила для зависящихъ распоряженій губерніи, причемъ съ своей стороны предписывала имѣть въ виду „что иноки и липованское общество обязались: а) монастырь и епископа содержать на собственныя средства, не требуя отъ правительства никакой помощи, б) собственнымъ коштомъ устроить въ Бѣлой-Криницѣ и содержать сельскую школу"; * за исполненіемъ этого послѣдняго обязательства гофъ-канцелярія предписывала губернскому начальству имѣть особенный надзоръ. О всѣхъ этихъ рѣшеніяхъ и распоряженіяхъ верховной власти губернія въ свою очередь сообщила Буковинскому крайзамту, и наконецъ сей послѣдній имѣлъ удовольствіе офиціально увѣдомить депутатовъ Бѣлокриницкаго монастыря, иноковъ Павла Васильева и Алимпія Милорадова, присовокупляя что имъ поставляется въ обязанность, какъ только найденъ будетъ дозволенный епископъ, донести о немъ чрезъ посредство крайзамта губерніи, съ точнымъ обозначеніемъ гдѣ епископъ сей въ послѣднее время находился (mit genauer Angabe, wo sich derselbe zuletzt aufhielt), дабы можно было приступить къ дальнѣйшимъ относительно его распоряженіямъ. ** Тогда же крайзамтъ препрово-

* Das Gubernium in die Kentniss gesetzt, dass da sich die Mönche und Lippowaner Gemeinde erklärt haben a) das Kloster und den Weihbischof aus eigenen Mitteln zu erhalten ohne hiezu einen Beitrag von der Regirung ansprechen zu wollen, und zugleich b) sich verpflichteten eine Dorfschule im Orte auf eigene Kosten errichten und unterhalten zu wollen, auch in letzter Beziehung die geeignete Ueberwachung einzuleiten sei.

** Изъ губерніи крайзамту предписаніе дано отъ 22го сентября (4го октября) 1844 года за № 63.748, а изъ крайзамта увѣдомленіе въ Бѣлокриницкій монастырь послано 1го (12го) ноября, за № 19.997. Подлинное увѣдомленіе, которымъ мы здѣсь пользовались, тщательно переписанное на большомъ листѣ, находится въ *Бѣлокриницкомъ архивѣ*; есть и переводъ, писанный Алимпіемъ, тотъ самый что̀ напечатанъ въ Павловой церковной исторіи (стр. 176—179).

дилъ въ монастырь и возвращенный изъ Вѣны полный экземпляръ Устава, *для храненія* при монастырскихъ актахъ и *для руководства*" (zur Aufbewahrung in deu Kloster-Acten und zur Richtschnur).

„Такъ совершилось,—говоритъ ученый наблюдатель, посѣтившій Буковину вскорѣ послѣ описаннаго нами времени,—такъ совершилось событіе, до сихъ поръ небывалое въ мірѣ раскольничьемъ и такое о какомъ раскольники не смѣли и помышлять въ самыхъ дерзкихъ, въ самыхъ заносчивыхъ мечтаніяхъ.... Благоустроенное, могущественное государство, какова Австрія, торжественно даруетъ имъ всѣми формами гражданской законности обезпеченную епископскую каѳедру, и слѣдовательно, расколъ, доселѣ пресмыкавшійся темной, отверженной сектой, возводитъ на степень офиціально признанной церкви! Понятно, какой восторгъ, какое потрясеніе должно было произвесть это во всемъ мірѣ раскольничьемъ. У буковинскихъ раскольниковъ, по общему отзыву туземцевъ, съ тѣхъ поръ обнаружилось чрезвычайное одушевленіе и движеніе. Я самъ, посѣщая ихъ, былъ лично свидѣтелемъ что у нихъ только и мыслей, только и рѣчей что о будущемъ архіереѣ"..*

Но если кто имѣлъ тогда всѣ основанія торжествовать и ликовать, то именно Павелъ и его сотрудники. Четырехлѣтніе постоянные, можно сказать, неусыпные хлопоты, сопряженные со столькими трудами, опасностями и страхами, на которые потрачено столько ума и краснорѣчія, столько лжи, разныхъ обмановъ и хитростей, наконецъ увѣнчались вожделѣннымъ успѣхомъ! Предпріятіе составившее задачу и интересъ всей ихъ жизни наполовину осуществилось! Павелъ и Геронтій съ братіей, дѣйствительно, ликовали; но среди ликованій твердо помнили и то что время полнаго торжества и покоя все еще не наступило, что въ будущемъ предстоитъ еще много разнаго рода трудовъ.

Н. СУББОТИНЪ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

* Надеждинъ, въ *Зап. о заграничныхъ раскольникахъ* (Сбор. Кельс. ч. 1, стр. 106).

БОЖЕНА НѢМЦОВА

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Въ 1862 году чешскій литераторъ Антонинъ Сойка напечаталъ объявленіе о предполагаемомъ изданіи сборника біографій замѣчательнѣйшихъ славянскихъ дѣятелей, подъ названіемъ *Наши мужи*, и помѣстилъ между ними и Божену Нѣмцову. Одна чешская газета даже задала вопросъ: „Какъ, и Божена Нѣмцова тоже мужъ?“ На это Сойка отвѣчалъ на первой же страницѣ біографіи Нѣмцовой, * что „хоть она и не носила фрака, но тѣмъ не менѣе смѣло могла стать на ряду со всякимъ мущиной, и въ духовномъ отношеніи стояла много выше своихъ соотечественницъ“. Дѣйствительно, появленіе у Чеховъ такой писательницы какъ Нѣмцова весьма знаменательно по многимъ соображеніямъ. Кому неизвѣстно положеніе австрійскихъ Славянъ въ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія! Говорить о правительственномъ гнетѣ, подавлявшемъ славянскія народности въ Австріи, о деморализаціи, подготовляемой „народамъ Австріи“ системами въ родѣ Баховской, о разстройствѣ матеріальныхъ силъ государства—значило бы повторять давно знакомыя истины. И въ то время какъ славянскій писатель, казалось, осужденъ былъ—или погрузиться въ археологическія изысканія, избрать

* Лучшая біографія Нѣмцовой написана Сойкой; затѣмъ слѣдуетъ указать на біографіи Н., помѣщенныя въ журналѣ *Obrazy Života* за 1862 г., и въ чешскомъ энциклопедическомъ словарѣ, томъ пятый.

тотъ неопредѣленный родъ литературныхъ произведеній гдѣ писатель не заботится ни о художественной, ни о жизненной истинѣ, и гдѣ царитъ фраза да неопредѣленныя стремленія духа—въ то время у Чеховъ появляется писательница которая строго вникаетъ въ бытъ своего народа, изучаетъ его прошедшее, сознаетъ его настоящее и рисуетъ его въ живыхъ краскахъ, не гонясь за мишурой, не прибѣгая къ рутиннымъ замашкамъ.

Лучшая сторона таланта Нѣмцовой заключалась не въ одномъ только обладаніи предметомъ, но и въ полномъ самообладаніи—качествѣ не часто достающемся на долю писателя. Съ любовью относилась Нѣмцова къ жизни своего народа и эта любовь на первый планъ выдвигаетъ ея любимцевъ. Они заслоняютъ индивидуальность писательницы, и только порой пробивается ея завѣтная мысль что женщина не должна забывать своего назначенія, своего воспитательнаго призванія, что „пока женщина не будетъ раздѣлять труда мущины, до той поры онъ будетъ строить зданіе на рыхлой почвѣ".

Нѣмцова, горячо любя свой народъ и изучивъ его характеръ, его нравы и обычаи, старалась всѣми силами возбудить въ женщинахъ любовь ко всему родному и высказала свою мысль объ этомъ въ своемъ стихотвореніи *Z'enam Ceskym*, въ которомъ она обращается къ чешскимъ матерямъ, напоминая имъ о воспитаніи дѣтей ихъ въ духѣ славянской народности—воспитаніи которое одно можетъ приготовить изъ нихъ полезныхъ для родины дѣятелей. Нѣмцова чутко слѣдила за пробужденіемъ своего народа, и когда въ 1848 году между сельскимъ населеніемъ, еще не уяснившимъ себѣ идей политической свободы, начались различныя недоразумѣнія по поводу конституціи, то и тутъ она сумѣла объяснить ему въ своей *Сельской политикѣ* что̀ такое конституція, какія она даетъ права и какія налагаетъ обязанности. Бо́льшую часть своей жизни Нѣмцова прожила въ селахъ и небольшихъ мѣстечкахъ, стало-быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сельскимъ населеніемъ, и она старательно поддерживала эти сношенія чтобъ имѣть всегда возможность быть полезною сельскому люду. Гдѣ бы она не жила,—а ей рѣдко приходилось жить на одномъ мѣстѣ, — она вездѣ ходила изъ села въ село, учила дѣтей читать, взрослыхъ снабжала книгами, объясняла имъ непонятное для нихъ, разказывала имъ о жизни и подвигахъ предковъ, возбуждая такимъ образомъ патріотизмъ. За это

она пользовалась со стороны сельчанъ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, которыя, въ свою очередь, нерѣдко возбуждали подозрѣнія австрійской полиціи, считавшей Нѣмцову небезопасною пропагандисткой. И она дѣйствительно была опасна для Баховскаго и ему подобныхъ министерствъ, старавшихся окончательно заглушить въ Славянахъ ихъ національное самосознаніе, между тѣмъ какъ Нѣмцова старалась поддержать его и словомъ и дѣломъ, насколько доставало ея силъ.

На литературное поприще Нѣмцова выступила въ очень молодыхъ годахъ и начала его нѣсколькими стихотвореніями, не имѣющими особеннаго поэтическаго значенія, но дышащими горячею любовью къ своему народу. Послѣ того она перешла къ собранію чешскихъ сказокъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1845 году. Потомъ уже она начала писать небольшіе разказы и постепенно совершенствуясь, дошла до своихъ лучшихъ произведеній: *Doblý člověk*, *Pohorská vesnice* и *Babička*. Ея произведенія, всѣ безъ исключенія, носятъ на себѣ народный отпечатокъ и живо изображаютъ бытъ чешскаго и словенскаго сельскаго люда, между которымъ Нѣмцовой приводилось жить такъ часто. Впрочемъ она изрѣдка заглядывала и въ высшія сферы общества и очень вѣрно схватывала нѣкоторыя черты изъ жизни привилегированныхъ классовъ чешскаго населенія; но симпатіи Нѣмцовой были, очевидно, на сторонѣ старины, удержавшейся въ низшихъ классахъ общества, старины, какъ хранительницы исконныхъ славянскихъ началъ. Высшее чешское сословіе, увлеченное сознательно и безсознательно потокомъ германизаціи, не представляло для Нѣмцовой ничего привлекательнаго. Конечно, она сумѣла бы справиться и съ этимъ неблагодарнымъ матеріаломъ, но отрицательное представленіе было не въ характерѣ ея таланта. И такова была любовь Нѣмцовой къ своей землѣ, къ героямъ своихъ разказовъ, таково было умѣнье изображать ихъ что они, несмотря на свою обыденность, нравятся читателю; несмотря порой на сходство свое другъ съ другомъ, не смѣшиваются въ его представленіи, не надоѣдаютъ ему своею внѣшнею идилличностью, и въ то же время и русскій человѣкъ, и Полякъ, и Лужичанинъ, и Хорватъ найдутъ въ ряду героевъ Нѣмцовой своихъ, нерѣдко, добрыхъ знакомыхъ, встрѣтятъ характеры столь понятные Славянину. Не даромъ же на всѣ славянскія нарѣчія переведены или переводятся нѣкоторыя произведенія Нѣмцовой. Да и не мудрено что талантливая писательни-

ца живо набрасывала очеркъ той или другой личности, если она брала ихъ живьемъ изъ жизни, если она часто рисовала предъ нами портреты дорогихъ ей людей! Но это не фотографическіе портреты: въ нихъ мы видимъ людей въ различныя минуты ихъ существованія, и въ будни, и въ праздникъ ихъ жизни; въ нихъ нѣтъ безжизненности или односторонности, свойственной фотографической работѣ; въ нихъ отражаются дѣйствительные, живые люди. Очеркъ жизни писательницы уяснитъ намъ съ кого были писаны, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ этихъ портретовъ....

Божена Нѣмцова (урожденная Варвара Панкелова), родилась 5го февраля 1820 года въ Вѣнѣ. Мать ея была Чешка, а отецъ Нѣмецъ, человѣкъ добрый, честный и горячо любившій Чешскій народъ. Въ 1821 году отецъ Нѣмцовой поступилъ на службу къ графу Шуленбургу и переселился со всѣмъ своимъ семействомъ въ Ратиборицы. Такъ какъ отецъ почти постоянно былъ въ разъѣздахъ, то воспитаніе Божены лежало на попеченіи матери, хотя и отецъ тоже имѣлъ на нее большое вліяніе. Изо всѣхъ своихъ четырнадцати человѣкъ дѣтей онъ всѣхъ больше любилъ Божену и усердно заботился о ея развитіи. Умирая, онъ благословилъ ее и порадовался ея преданности своему народу, который она обогатила своими произведеніями, полнаго значенія которыхъ отецъ ея не понималъ, хотя и предчувствовалъ блистательную будущность своей дочери. Третьимъ воспитателемъ Нѣмцовой была незабвенная для нея бабушка, которую она такъ превосходно обрисовала въ своемъ разказѣ *Бабушка.* Послѣ первоначальнаго домашняго воспитанія, Нѣмцова начала съ шестилѣтняго возраста посѣщать школу въ Скалицѣ и потомъ для окончанія своего образованія была отправлена въ Хвалковицы, гдѣ она училась также музыкѣ и пѣнію. Тамъ она жила у управляющаго зàмкомъ, человѣка весьма образованнаго и много способствовавшаго ея духовному развитію. Онъ развивалъ въ ней любознательность и любовь къ чтенію, въ чемъ ему много помогали учитель и капелланъ, который между прочимъ училъ своихъ учениковъ и ученицъ писать стихи. Еще въ дѣтствѣ Нѣмцова начала писать стихи. Кромѣ того управляющій познакомилъ ее съ нѣмецкою литературой. Много книгъ, болѣе или менѣе доступныхъ ея пониманію, были собраны въ отдѣльной комнаткѣ зàмка, гдѣ она до поздней ночи, въ полномъ одиночествѣ,

наслаждалась чтеніемъ нѣмецкихъ авторовъ. Каждую субботу вечеромъ она отправлялась въ Ратиборицы, гдѣ ее съ нетерпѣніемъ ожидала мать и бабушка. Но дома ей было какъ-то скучно и она постоянно стремилась въ Хвалковицы, гдѣ она могла читать на просторѣ. Достигнувъ тринадцатилѣтняго возраста, Нѣмцова почувствовала сильную наклонность къ монастырской жизни, которую можно объяснить отчасти набожностію, отчасти любовью къ одиночеству, къ которому она такъ привыкла въ зáмкѣ. Въ послѣдствіи Нѣмцова отказалась отъ своего желанія поступить въ монастырь, куда прежде тянула ее увѣренность что монахини имѣютъ болѣе возможности къ своему образованію. * Жизнь свою въ Хвалковицахъ и первый приходъ свой въ школу она описала въ своемъ разказѣ *Панъ-учитель*, въ которомъ очень живо изобразила личность самого учителя и всю обстановку школы. Да кромѣ того сохранилось нѣсколько ея писемъ, писанныхъ сю въ 1854—55 годахъ и тоже наполненныхъ воспоминаніями о тогдашнемъ счастливомъ времени. Мы приводимъ здѣсь одно изъ нихъ, въ которомъ такъ ясно отпечатлѣлась ея наблюдательность, поэтическое настроеніе ея души и милое простодушіе, которымъ дышала вся ея личность.

„Я какъ сейчасъ вижу этихъ Хвалковичанъ (писала она), какъ сейчасъ вижу полуоднновленный и полуразрушившійся зáмокъ, въ которомъ было такое обиліе мрачныхъ склеповъ и темницъ, такое обиліе ужасныхъ преданій что я умирала отъ страха, идя вечеромъ изъ людской, помѣщавшейся на одномъ концѣ зáмка, въ наши комнаты, находившіяся на другомъ его концѣ. Я боялась еще болѣе если въ остроконечныя окна этихъ мрачныхъ корридоровъ смотрѣла луна, потому что тогда мнѣ чудились фантастическія тѣни во всѣхъ темныхъ углахъ. Прибавьте къ этому еще то что я за минуту до отхода изъ людской выслушала разказъ о томъ что съ нѣкотораго времени по этимъ корридорамъ ходитъ бѣлая женщина, или что тамъ является убитый изъ рода Добренскихъ; что онъ носитъ подъ мышкой свою голову и въ бѣломъ саванѣ прогуливается по корридору отъ залы до часовни, стало-быть именно около моей комнаты, не забудьте при этомъ о моемъ воображеніи, слишкомъ возбужденномъ разказами моей бабушки, и вамъ ужь не покажется удивительнымъ что я боялась взглянуть за дверь, какъ только подавали свѣчи. А моя комната! Да я въ ней совершенно терялась, такъ она была высока и велика; окна огромныя съ дубовыми рамами, двери

* Далѣе приводится письмо гдѣ Нѣмцова сама разказываетъ объ этомъ моментѣ своей жизни.

тоже дубовыя, съ тяжелыми желѣзными задвижками, на которыя я обыкновенно запиралась на ночь. Но человѣкъ привыкаетъ ко всему, и я вскорѣ привыкла къ зàмку и чувствовала себя тамъ какъ дома, охотно воображая себя тою самой „Burgfräulein" о которой я такъ много читала. На башнѣ зàмка уже съ давнихъ поръ, какъ говорили, жилъ аистъ. Сохранилось также преданіе что этотъ домашній аистъ какимъ-то образомъ освободилъ одного изъ Добренскихъ изъ турецкаго плѣна. Зàмокъ стоитъ на утесистой возвышенности, у подошвы которой находится прудъ, заросшій камышомъ, а за прудомъ холмъ, на которомъ помѣщается церковь, домъ священника, школа и нѣсколько разбросанныхъ зданій; остальные же дома находятся въ долинѣ. Отъ зàмка къ пруду ведетъ лѣстница высѣченная въ скалѣ, потомъ надо было идти черезъ плотину на холмъ, а тамъ уже прямая дорога въ школу. Общество окружавшее меня дома вы уже знаете изъ *Бабушки*, мнѣ остается только описать вамъ общество въ которое я попала въ Хвалковицахъ.

„Господинъ у котораго я жила, родомъ изъ Пруссіи, былъ близкимъ другомъ моего отца, человѣкъ самый образованный изъ чиновниковъ всего околотка. У него была отличная библіотека, служившая не для одной декораціи. Шекспиръ, Гёте были его любимцами. Онъ зналъ не только классиковъ, но и новѣйшихъ авторовъ, читалъ по-французски и по-англійски, выписывалъ всѣ лучшіе журналы и сверхъ всего этого любилъ еще садоводство. Хотя онъ благоволилъ къ Чехамъ, но образъ мыслей у него былъ чисто нѣмецкій. Онъ былъ добрый, веселый человѣкъ, почитатель красоты, охотникъ попить и поѣсть, радушный, однимъ словомъ, очень милый человѣкъ, и онъ могъ бы сдѣлать много хорошаго, еслибъ его не давили такъ семейныя обстоятельства. Жена его, бывшая прежде камеристкой княгини, была когда-то красавицей; у нея были голубые какъ небо глаза и черные волосы; это было все чтò осталось отъ ея прежней красоты. Она была и не глупа и имѣла доброе сердце, но чтò же было дѣлать, если они положительно не сходились въ характерахъ и только мучили другъ друга. Ихъ раздѣляло уже и то что она была очень набожною католичкой, а онъ былъ протестантъ и не слишкомъ жаловалъ священниковъ. Она не позволяла задѣвать аристократію; ей были дороги воспоминанія о томъ времени когда она была еще камеристкой, а онъ язвилъ ее за это самою безпощадною ироніей. Онъ охотно приглашалъ бы къ себѣ каждый день гостей, а она очень рѣдко бывала щедрою на угощеніе. Онъ любилъ чешскую кухню, а она готовила намъ кушанье по какой-то нѣмецкой поваренной книжкѣ, такъ что иногда и я не могла ѣсть, хотя въ то время мой желудокъ все могъ переваривать. Если она видѣла что онъ не ѣстъ, то тотчасъ пускалась въ слезы и говорила: „Aber, August, es ist ja gut, iss nur."—„Ich glaub's, liebe Netti, habe aber keinen Appetit", отвѣчалъ онъ съ усмѣшкой. Вставъ

изъ-за стола, онъ выпивалъ стаканъ вина, бралъ палку и уходилъ въ поле, что̀ всегда было признакомъ его недовольства. И это бывало не рѣдко; потомъ стало повторяться все чаще и чаще, и наконецъ дѣло дошло до того что онъ бывалъ пьянъ каждый день. Для нея это было ужасно, потому что когда у него шумѣло въ головѣ, онъ начиналъ прямо говорить о своей душевной боли и преслѣдовалъ жену жесточайшею сатирой. Сколько разъ я заставала ее на колѣнахъ, съ руками протянутыми къ Распятію, всю въ слезахъ. Тогда мнѣ бывало жаль ее, а послѣ опять становилось жаль его. Онъ желалъ бы пользоваться удовольствіями, а она почти круглый годъ бывала больна и круглый годъ ходила закутанная во фланель! Ложась вечеромъ спать, она куталась какъ извощикъ собирающійся въ Амстердамъ. Она надѣвала фланелевые панталоны, юбку, лифъ и чулки, сверхъ всего этого еще теплую кофту, а на шею большой бѣлый платокъ. Голову она прикрывала чернымъ чепцомъ, а сверхъ него еще бѣлымъ платкомъ.... Страшно было смотрѣть на нее.... Кровати ихъ стояли рядомъ, но онъ обыкновенно читалъ до поздней ночи, не обращая на нее ни малѣйшаго вниманія; а утромъ только-что проснется, опять за чтеніе, и всѣмъ уже было извѣстно что онъ сердился, если съ нимъ заговаривали въ это время. Она была страшно ревнива и часто мучила его этимъ. У нихъ было трое дѣтей... Онъ былъ недоволенъ что дѣти были не такъ умны, какъ бы онъ желалъ... За то ужь я надоѣдала ему каждую минуту: то приходила за книгой, то просила объяснить мнѣ что-нибудь, и онъ бывалъ этимъ очень доволенъ. Онъ самъ выбиралъ мнѣ книги, заставлялъ меня потомъ разказывать все прочитанное и объяснялъ мнѣ то чего я не понимала; для изученія географіи глобусъ былъ всегда къ моимъ услугамъ; по вечерамъ я обязана была читать вслухъ,—однимъ словомъ, я сдѣлалась его любимицей и этимъ возбудила материнскую ревность въ его женѣ. Въ послѣдствіи стало еще хуже.... Я читала до поздней ночи, поглощая *Тысячу и одна ночь*, повѣсти Клаурена, фонъ-деръ-Вельде, и брала потихоньку изъ библіотеки тѣ книги которыя мнѣ не давалъ управляющій.... Но Клауренъ мнѣ опротивѣлъ, я влюбилась въ Тромлица, въ драмы Шиллера и начала выписывать стихи. Въ головѣ моей перепутывались событія историческаго и фантастическаго міра; если книга интересовала меня, то я начинала мечтать и уже не обращала никакого вниманія, если учительница бранила меня за разсѣянность. Я думала совсѣмъ о другомъ, а не о считаніи точекъ и крестиковъ. Однако я должна сознаться что хотя я развилась и очень рано, но сознаніе еще не проснулось во мнѣ. Въ душѣ моей было какое-то стремленіе, которое я не умѣла ни назвать, ни опредѣлить и которое я не сознавала вполнѣ.

„Въ замкѣ жило еще двое мущинъ: старшій писарь и практикантъ, * молодой человѣкъ, родственникъ управляющаго,

* Младшій чиновникъ, не получающій еще жалованья.

пріѣхавшій въ Чехію только на нѣсколько лѣтъ. Его звали Леопольдомъ Вейсфлогъ. Ему было лѣтъ семнадцать когда я поселилась въ замкѣ. Это былъ красивый блондинъ, крѣлкаго сложенія, но безъ всякаго выраженія въ лицѣ, молодой, добрый малый, но глуповатый. Мы были большими друзьями; но когда начали говорить что онъ влюбленъ въ меня, то я разсердилась и былъ конецъ дружбѣ.

„Старшій писарь былъ совсѣмъ иной. Онъ былъ уже не молодъ, этакъ лѣтъ тридцати шести, смуглый, небольшаго роста, но прекрасно сложенъ. Въ лицѣ его было что-то демоническое, но выраженіе его не было непріятнымъ. Лобъ у него былъ высокій, волосъ было мало, но они были блестящіе, темнокаштановые; онъ имѣлъ красивые усы, полные губы, отличные зубы, небольшой, но красивый носъ. Глаза у него были просто дьявольскіе: большіе, сѣрозеленые съ черными рѣсницами. Онъ умѣлъ бросать задумчивые, нѣжные взгляды, такъ что всѣ дѣвушки сходили по немъ съ ума; если же онъ смотрѣлъ на кого-нибудь въ упоръ, не спуская глазъ, — что̀ онъ любилъ дѣлать вѣроятно изъ пустаго кокетства, — то человѣкъ находился въ такомъ же состояніи какъ птичка подъ вліяніемъ кошачьяго взора. Странный это былъ человѣкъ. Иногда онъ дѣлался необузданнымъ, расточительнымъ, а потомъ опять становился порядочнымъ человѣкомъ. Иногда онъ смѣялся надъ цѣлымъ свѣтомъ и никакое чувство не было для него свято, между тѣмъ какъ я сама была свидѣтельницей нѣжности его чувствъ. Онъ казался холоднымъ, а на дѣлѣ былъ самымъ страстнымъ человѣкомъ. Онъ былъ уменъ, умѣлъ держать себя въ обществѣ, говорилъ немного, но всегда хорошо. Онъ любилъ бывать въ веселой компаніи, а самъ никогда не бывалъ веселъ. Хотя онъ страстно любилъ танцы, но и во время танца онъ не оживлялся, а становился блѣднѣе обыкновеннаго и глаза его горѣли такъ что становилось страшно. Онъ былъ всегда просто, но чисто одѣтъ и очень любилъ чистое, тонкое бѣлье.

„Къ женщинамъ онъ не имѣлъ никакого уваженія. Никогда я не видала чтобъ онъ у кого-нибудь изъ нихъ поцѣловалъ руку или сказалъ кому комплиментъ, хотя этого всѣ добивались. Нашу хозяйку онъ не ставилъ ни во что̀, и она постоянно служила мишенью его остроумію. Онъ почти управлялъ всѣмъ домомъ. Хозяинъ любилъ его, а хозяйка и мы всѣ боялись его. По крайней мѣрѣ я трепетала предъ нимъ; меня морозъ подиралъ по кожѣ, когда онъ обращалъ на меня свой взоръ, или когда я видѣла его мохнатую руку; но сердиться на него я все-таки не могла. И я была единственная особа которую онъ любилъ; въ послѣдствіи я видѣла какъ онъ плакалъ.... Тогда же онъ чтилъ только мою молодость и хотя, по словамъ нашей хозяйки, онъ и самъ любилъ говорить двусмысленности, однако онъ всегда начиналъ кричать на того кто осмѣливался въ моемъ присутствіи произнести какое-нибудь двусмысленное слово. Онъ также много разъ бранилъ меня,

если я рвала платье, лазя по скаламъ или если я каталась на ослѣ, который меня ронялъ иногда въ грязь, тогда уже мнѣ не было проходу отъ его насмѣшекъ. Но я все переносила отъ него, только бы онъ не глядѣлъ на меня такъ многозначательно. Этого я ужасно боялась. Теперь довольно. Сколько же я написала о нѣсколькихъ особахъ! Но эти особы нераздѣльны съ моею молодостью, и я вѣроятно буду имѣть въ нихъ надобность при какомъ-нибудь новомъ сочиненіи; это только ихъ скелетъ. Я уже столько написала вамъ, что должна попросить извиненія! У женщинъ сердце словно восковое. Каждый образъ легко отпечатлѣвается въ немъ. Но что же во всемъ этомъ толку, если все написанное мною кажется мнѣ блѣднымъ, безплоднымъ, холоднымъ и мнѣ уже начинаетъ казаться что и въ жилахъ моихъ тоже ледъ. Такъ что я готова заплакать надъ собою, когда посмотрю на себя, а все-таки во мнѣ пышетъ пламя сильныхъ страстей! Иногда подавленная ужасомъ, я протягиваю руки, чтобы прижать къ груди цѣлый свѣтъ.... иногда во мнѣ просыпается тоска по человѣкѣ, который бы любилъ меня такъ же какъ я бы стала его любить.... но что я говорю.... для такихъ идеаловъ теперь уже не время: geh ins Kloster, mein Kind.... oder lass dich rasiren.... Покойной ночи! говоритъ Гамлетъ.... Покойной ночи!!"

Изъ этого письма, писаннаго Нѣмцовой въ зрѣлыхъ годахъ, ясно видно какъ она была наблюдательна еще въ дѣтствѣ. Отъ ея дѣтскаго вниманія не ускользнула не только внѣшняя, но и внутренняя жизнь всѣхъ окружавшихъ ее. Эта же самая наблюдательность возбудила въ ней въ послѣдствіи такую сильную любовь къ народу и была незамѣтною помощницей во всѣхъ ея трудахъ. Изъ этихъ словъ Нѣмцовой мы видимъ уже что не только сама „бабушка", но и „Тальянецъ"— типъ схваченный съ натуры, оставившій, какъ видно, слѣды въ ея дѣтскомъ сердцѣ.

Достигнувъ тринадцати-лѣтняго возраста, Нѣмцова снова вернулась въ Ратиборицы, къ своему семейному очагу, гдѣ и прожила все время до замужства. И здѣсь она имѣла доступъ къ графской библіотекѣ и имѣла полную возможность еще короче познакомиться съ Гёте, Шиллеромъ, Ламартиномъ, Байрономъ и друг. Тогда же въ ней проснулось желаніе написать что-нибудь, но такъ какъ она еще не вполнѣ владѣла чешскимъ языкомъ, то и написала небольшой разказъ по-нѣмецки, который потомъ сожгла.

Въ 1837 году, по желанію отца, она вышла замужъ за Іосифа Нѣмца, чиновника министерства финансовъ въ Костельцѣ. Жизнь въ Костельцѣ дала ей матеріалъ для разказовъ:

Chudi lidé (Бѣдные люди) и *Dobrý člověk.* * Оба разказа отличаются удивительною задушевностью и производятъ на читателя такое пріятное впечатлѣніе что рѣшительно не хочется оторваться отъ чтенія. А между тѣмъ въ нихъ описывается самая простая, ежедневная жизнь; но какъ вѣрно изображены живые люди и какъ зорко подмѣчены малѣйшія движенія ихъ сердецъ! Стóитъ прочитать хоть одинъ разговоръ стариковъ въ *Chudi lidé* или нѣсколько сценъ изъ разказа *Dobrý člověk* и невольно убѣдишься что всѣ эти лица взяты изъ жизни цѣликомъ, со всѣми ихъ добродѣтелями и недостатками.

Нѣсколько времени спустя, молодые супруги переселились въ Польшу, гдѣ тамошній капелланъ Кунцъ познакомилъ Нѣмцову съ чешскою литературой. Тамъ она прочитала сочиненія Тыля, возбудившія горячій патріотизмъ во многихъ сердцахъ, и ею овладѣло сильнѣйшее желаніе стяжать себѣ авторскую славу.

Въ 1840 году она въ первый разъ была въ Прагѣ, а въ 1841 году она уже перебралась туда съ мужемъ на постоянное житье. Здѣсь она познакомилась съ горячими патріотами и передовыми людьми того времени: съ Пихлемъ, Эрбеномъ, Вилани, Шумавскимъ, Клацелемъ, Ригеромъ, Томичкомъ, и домъ ея вскорѣ сдѣлался средоточіемъ патріотовъ. Шумавскій познакомилъ ее съ семействомъ доктора Станька и Богуславой Райской, вышедшею въ послѣдствіи за Челяковскаго; со всѣми этими лицами Нѣмцова поддерживала потомъ неразрывныя дружескія отношенія. Въ послѣдствіи, когда на нее обрушилось столько невзгодъ, она поддерживала себя только воспоминаніями объ этомъ веселомъ, счастливомъ времени. Только эти воспоминанія и придавали ей силы въ тѣ тяжелыя минуты, когда она чувствовала что почва постепенно исчезаетъ подъ ея ногами, и видѣла что не можетъ достигнть своей цѣли и передать народу все хранящееся въ ея сердцѣ.

„Душа моя—писала она въ 1854 году—нерѣдко уподобляется озеру, которое отъ малѣйшаго вѣтерка приходитъ въ волненіе и волны долго не затихаютъ на немъ. Одна мысль погоняетъ другую, какъ облака, набѣгающія во время бури одно другаго чернѣе, пока наконецъ все небо не покроется тучами, изъ которыхъ не льется дождя, и громъ не гремитъ, но

* Переводъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1867 годъ.

что-то ворчитъ и блещетъ,—съ которыми играетъ бурный вѣтеръ, но все-таки не разгоняетъ и не очищаетъ неба.... Я гдѣ-то читала стихотвореніе, которое мнѣ очень понравилось. Вотъ оно:

Dumpf rauscht der See, die Nebel zieh'n
Wie Geister an den Felsen hin;
Es wiegt der Sonne letzter Schein
Mit blut'gem Kuss die Wellen ein.

Am Felsenhang die Weide steht,
Das grüne Haar von Wind verweht,
So lange einsam steht sie dort,
Der Strom nimmt ihre Blüthen fort.

Du meiner Seele treues Bild;
Du graue Weide sturmdurchwühlt,
Was auch dein Inn'res glühend spricht,
Die kalte Welt versteht es nicht.

O kehr zurück, du alte Zeit,
Du Mainacht der Vergangenheit!
O kehr' zurück, o kehr' zurück—
Bring meine Todten und mein Glück!—

„Не знаю кому оно принадлежитъ! Не правда ли, вѣдь каждый изъ насъ пожалѣетъ о томъ что̀ уже прошло; но прошлаго не воротишь! Что̀ бы было толку, еслибы кто-нибудь могъ возвратить намъ молодость и не могъ бы дать намъ то же счастливое настроеніе духа! Если я припомню свою жизнь съ десяти лѣтъ и до нынѣ, то я сама прихожу въ удивленіе и думаю: нѣтъ, это не ты, это невозможно! Еслибы вы меня знали когда мнѣ было двѣнадцать - тринадцать лѣтъ.... Это время я всего больше люблю вспоминать. Тогда я уже вполнѣ развилась тѣлесно, но будучи еще не то ребенкомъ, не то взрослою дѣвушкой, я нисколько ни стыдилась влѣзть при мальчикахъ на дерево, или, идя изъ школы, поднять юбку выше колѣнъ и бродить по водѣ; я даже не стѣснялась сѣсть верхомъ на лошадь и покататься по лугу. Въ то время меня еще радовали новые башмаки, платья и ленты, и я не могла дождаться воскресенья, когда мнѣ позволятъ надѣть ихъ въ церковь. Я еще тогда не стыдилась, если мать при людяхъ давала мнѣ толчокъ въ спину, когда я пережигала какой-нибудь соусъ; мнѣ было мало горя, если отецъ говорилъ мнѣ при студентахъ: „Aber stell dich doch grad, steh nicht so verbogen und zieh nicht immer die Nase hinauf, dumme Grede!“ Это была его любимая брань. Если въ то время мущины и останавливались предо мною съ замѣчаніемъ: „какая красавица!“ то эти слова не западали мнѣ въ душу. Смѣяться и танцовать на гумнѣ ли, въ комнатѣ ли, или на лугу—мнѣ было все равно, только бы потанцовать. Я была

такая веселая попрыгунья; лучшимъ удовольствіемъ было для меня влѣзать на деревья, на лошадей, драться съ мальчиками. Я была очень упряма, не любила уступать. Мать моя, строгая и не разговорчивая съ дѣтьми, давала мнѣ всегда отрывистыя приказанія и за всякую малость тотчасъ наказывала, а я должна была просить прощенья, да еще поблагодарить за наказаніе. Это для меня было ужасно, и никогда не сдѣлала бы этого, хоть бы мнѣ пришлось за это поплатиться жизнью. Иногда въ душѣ моей являлось какое-то понукающее чувство, но ноги не трогались съ мѣста и языкъ не шевелился. Отецъ же могъ со мною дѣлать все что̀ ему было угодно: онъ зналъ меня и всегда говорилъ съ нами привѣтливо: я была готова идти въ огонь, когда онъ бывало взглянетъ на меня своими прекрасными голубыми глазами и скажетъ: „Пойди-ка, моя Бета, сдѣлай то или это!“ Если онъ меня и наказывалъ, то это меня нисколько не оскорбляло.... да и наказаніе всегда было заслуженное, исключая одного раза.... за тотъ поцѣлуй!—Тогда я еще умѣла горячо молиться! Какъ сейчасъ вижу ту комнату въ которой было такое множество образовъ. Тамъ одинъ образъ, Христа и Самарянки, нравился мнѣ больше всѣхъ; во время молитвы я не спускала съ него глазъ и такъ долго смотрѣла, что онъ наконецъ переставалъ быть для меня образомъ! Предъ глазами моими воплощался Христосъ, Ему я молилась и у Него просила всего въ чемъ чувствовала потребность. Отецъ хвалилъ меня за набожность и ставилъ въ примѣръ другимъ дѣтямъ, которыя вечеромъ, во время молитвы, дремали, а днемъ—зѣвали и толкали другъ друга. Они не видали предъ собою живаго изображенія Христа! Тогда я всего больше любила читать *Исторію Женевьевы*; тогда я часто мечтала о заколдованныхъ принцессахъ, баснословныхъ подвигахъ, а любимѣйшею моею мечтой было идти въ монастырь, потому что я слыхала, будто монахини многому учатся, какъ студенты, а это доставило бы мнѣ большое удовольствіе.

„Я была еще небольшая, когда меня отправили въ мѣстечко Хвалковицы, отстоявшее отъ нашего дома на часъ ходьбы. Тамъ я жила у управляющаго, у жены учителя училась шить, а у него самого—музыкѣ и нѣмецкому языку. При какой обстановкѣ, между какими людьми я жила до тѣхъ поръ, вы можете узнать изъ *Бабушки*—тамъ недостаетъ только нѣсколькихъ лицъ. Въ Хвалковицахъ я попала въ иное общество,—тамъ начались первые, пренаивные романы, которые всѣ удержались у меня въ памяти, но не въ сердцѣ. Однако я пустилась въ разказы, какъ будто бы я членъ ученаго общества и мнѣ вмѣнено въ обязанность написать свою біографію! Я и не подумала о томъ что вѣдь вамъ скучно читать о такихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Простите! Такъ всегда со мной бываетъ при воспоминаніи о моей молодости, и я всегда съ большимъ удовольствіемъ начинаю о ней раз-

казывать. Когда я умру, вы можете написать мою біографію,—я понемножку все разкажу вамъ и не умолчу ни о чемъ, ни о желаніяхъ дѣвическаго сердца, даже ни о томъ какъ я научилась узнавать красоту, однимъ словомъ—ни о чемъ. Но вдругъ я вамъ не могу описать всего, я слишкомъ надоѣла бы вамъ, потому что я невольно увлекаюсь подробностями и тѣшусь ребяческими пустяками, которые никакъ не могутъ интересовать читателя, хотя бы онъ и былъ моимъ другомъ.... Снизойдя въ Валгалу моего сердца, я съ удовольствіемъ останавливаюсь предъ картиной моей дѣвической жизни—это было самое счастливое время—тогда еще идеалъ мой не былъ разрушенъ.... Я никого не любила, выходя замужъ, и оплакивала только свою свободу, я сожалѣла только о разрушеніи на вѣки моихъ мечтаній и идеаловъ. Я думала что въ любви къ мужу я найду удовлетвореніе всѣхъ своихъ стремленій, дополненіе самой себя.... Нерѣдко мой жизненный путь озарялся свѣтомъ, который я принимала за сіяніе звѣзды, между тѣмъ какъ это былъ блуждающій огонекъ, который могъ завести меня только въ болото. Въ этой Валгалѣ нашли бы вы, другъ мой, много картинъ, увѣнчанныхъ розами, плющемъ и иммортелями и украшенныхъ перлами. Есть тамъ и рамки безъ картинъ. Нѣкогда и въ нихъ находились картины—и я считала ихъ идеальными—но въ послѣдствіи, къ сожалѣнію, должна была сознаться что это весьма некрасивая мазня! Краски поблѣднѣли, осталась только грязная бумага.... и я выбросила ее. Но рамка осталась у меня на память о томъ что не все то золото что̀ блеститъ. Я испытала много горя въ жизни, много горькихъ разочарованій.... Я была близка къ отчаянію.... и все-таки, несмотря ни на что̀, я не потеряла довѣрія и любви къ людямъ! — Иногда впрочемъ я чувствую себя несчастною, лишнею на этомъ свѣтѣ, такъ что совершенно равнодушно разсталась бы съ жизнью; потомъ это чувство опять проходитъ; но все-таки иногда такая борьба уноситъ съ собою частичку жизни! Вы пишите что мнѣ остается еще наслажденіе работать, для своихъ дѣтей.... да, вы правы въ этомъ. Я люблю своихъ дѣтей и охотно работаю для нихъ и буду работать, пока буду въ состояніи. А еслибъ ихъ не было.... тогда бы было не то!—Вы мнѣ писали что я имѣю полное право гордиться тѣмъ что народъ почитаетъ меня и что люди питаютъ ко мнѣ уваженіе,—право, этому и вы сами не вѣрили, когда писали, да и я только улыбаюсь въ отвѣтъ на это.... Честная душа, искреннее стараніе усовершенствоваться, быть полезною народу, насколько хватаетъ силъ—вотъ все что̀ ставитъ меня выше обыкновенныхъ женщинъ, которыя Богъ вѣсть для чего живутъ на свѣтѣ.“

Въ 1842 году Нѣмцова познакомилась съ Чейкой и Небескимъ, которые уговорили ее напечатать первое характеристическое стихотвореніе *Ženam Českým* (Чешскимъ женщи-

намъ), и оно появилось въ 1843 году въ журналѣ *Květy*; въ послѣдствіи въ журналѣ *Včela* за 1844 годъ были напечатаны еще стихотворенія: *Moje vlast*, (*Моя отчизна*) *Znameni*, *Zasnoubeni*, *Touha*, *Hwězda* и нѣсколько другихъ мелкихъ поэтическихъ произведеній. Но всѣ эти стихотворенія далеко ниже ея произведеній писанныхъ въ прозѣ.

Въ то же время д-ръ Чейка обратилъ ея вниманіе на народную поэзію и навелъ ее на мысль собрать и выдать народныя сказки. Нѣмецкія народныя сказки издавались въ Германіи братьями Гриммами и Музеусомъ и каждый изъ нихъ придерживался своего собственнаго плана. Гриммы старались изъ всего собраннаго матеріала добыть самую чистую, первоначальную форму сказки, а Музеусъ дополнялъ и украшалъ насколько хватало находчивости. Нѣмцова же держалась средины, она придавала сказкамъ поэтическій смыслъ тамъ гдѣ въ немъ чувствовался недостатокъ. Такимъ образомъ въ 1845 году были напечатаны сказки: *Vodnik*, *Silný Ctibor*, *Devět křizu* (двѣ послѣднія разказаны вкратцѣ въ ея *Бабушкѣ*), *Rousín*, *Divotvorná harfa* и много другихъ. Всѣ онѣ вошли въ послѣдствіи въ полное собраніе ея сочиненій. На ея сказки критика не обратила большаго вниманія. Одинъ только Тыль сочувственно отозвался о нихъ въ журналѣ *Květy* за 1845 годъ. „Многоуважаемая писательница,“ писалъ онъ, „называетъ сказки народными, но мы думаемъ что ихъ по праву можно назвать и ея собственными, потому что въ нихъ все, исключая историческаго фона, возникло въ сокровищницѣ ея сердца и духа. Конечно, въ дѣйствительности, между народомъ сказки такъ не разказываются, но это еще не значитъ что мы можемъ требовать чтобы всѣ разказывали одинаково, чтобъ одинъ не смѣлъ понимать и высказываться живѣе чѣмъ другой. При всемъ поэтическомъ краснорѣчіи, при всѣхъ прикрасахъ можно сохранить прекрасную простоту сказки. Да кромѣ того, я думаю что народная сказка не историческій документъ, въ которомъ нельзя измѣнить ни одной черточки, сдѣланной иногда очень неловкою рукой. Разказываніе въ такъ-называемомъ народномъ тонѣ бываетъ иногда слишкомъ дѣтскимъ и вялымъ. Въ этомъ отношеніи Нѣмцовой нечего бояться. Воспринявъ содержаніе изъ устъ народа, она создала изъ него новое, оригинальное произведеніе, не оскорбивъ ни въ чемъ его происхожденіе. Слогъ у нея мягкій, гибкій, очень похожъ на пре-

красный и искусно воздѣлываемый цвѣтникъ, если сказку въ устахъ народа можно назвать природнымъ лугомъ; и хотя она кое-что и прибавила своего къ первобытному матеріалу, но оно срослось съ народнымъ содержаніемъ въ одно художественное цѣлое. Всюду видно глубокое пониманіе нашей даровитой писательницы, и намъ остается только пожелать чтобъ она поскорѣе выступила и на другомъ поприщѣ, гдѣ духъ ея могъ бы творить самостоятельно. Тамъ мы ее привѣтствовали бы еще съ большею любовью."

Если такъ поверхностно смотрѣлъ на значеніе сказки одинъ изъ извѣстнѣйшихъ чешскихъ литераторовъ того времени, то что̀ же удивительнаго что писательница только-что выступившая на литературную арену нецеремонно обращалась съ народною сказкой!

Въ 1845 году Нѣмцова переселилась въ Домажлицы, доставившіе ей огромный матеріалъ для послѣдующихъ работъ. Она тамъ изучила до малѣйшихъ подробностей старинные чешскіе нравы, обычаи и оригинальный покрой одежды, которые тамъ сохранились лучше чѣмъ въ другихъ краяхъ Чехіи. Тамъ она написала *Картины Домажлицкаго края* (Obrazy z okolí Domažlického) помѣщенныя въ журналѣ *Květy*. Эти очерки представляютъ нѣсколько отдѣльныхъ картинъ и разговоровъ Нѣмцовой съ крестьянами. Очерки эти служатъ лучшимъ доказательствомъ усилій Нѣмцовой пробудить въ сельскомъ населеніи самосознаніе и возбудить въ немъ потребность учиться, въ особенности въ женщинахъ. Вотъ что̀ она говоритъ въ нихъ по этому поводу: „Я думаю что мать должна учиться не только для себя, но и для своихъ дѣтей. Пора бы женщинамъ отказаться отъ мысли что онѣ живутъ на свѣтѣ только такъ себѣ, для парада! Каждая изъ нихъ должна, по мѣрѣ силъ своихъ, восполнять частички въ огромной цѣлости человѣчества. Время это уже настало. Если храмъ нашей народности долженъ возбудить удивленіе свѣта и если мы желаемъ чтобы дѣти наши пѣли въ немъ *Te Deum*, то мы не должны стоять сложа руки и смотрѣть какъ трудолюбиво мущины прибавляютъ камень къ камню. Въ рукахъ нашихъ находятся сокровища, и матери должны стараться чтобъ эти сокровища не служили къ украшенію чужой одежды, но чтобъ украшали стѣны собственнаго храма, чтобъ онъ засіялъ какъ жаркое солнце. Для этого нужна только любовь. Многія скажутъ: „Чего же она хочетъ? Вѣдь мы говоримъ по-чешски и

„заставляемъ дѣтей учиться этому языку!“ Такая любовь равняется фразѣ: „Я люблю этого человѣка сама не знаю за что.“ Такая любовь безполезна для отечества. Его мы должны любить по убѣжденію, обязаны знать его изъ конца въ конецъ, обязаны знать съ какою цѣлію мы его любимъ, и эту-то горячую, сознательную любовь мы должны вложить въ сердца нашихъ дѣтей. Такую любовь не уничтожитъ ни гроза, ни буря, и смѣло можно поставить на нее цѣлыя скалы. Еслибы чешскія женщины выполнили такъ свою задачу и еслибы наше племя воскликнуло послѣ побѣды „аллилуія!“, тогда бы онѣ безъ хвастовства могли встать на ряду съ мущинами и сказать: „и мы принесли лепту славѣ нашего отечества!“

Живя въ Домажлицахъ, Нѣмцова навѣщала окрестныя деревни и старалась возбудить въ простомъ народѣ, въ особенности въ дѣвушкахъ, охоту къ чтенію и любовь къ родной исторіи. Она снабжала крестьянъ книгами, никогда не отказывалась отъ бесѣды съ ними, и мало-по-малу сдѣлалась всеобщею любимицей, несмотря на то что сначала Домажличане крѣпко гнѣвались на нее и устроили ей даже Katzenmusik, за то что она осмѣлилась писать о Домажлицкомъ краѣ. Они не остановились на этомъ, а вздумали еще послать въ журналъ *Včela* жалобу на постыдный поступокъ Нѣмцовой, съ прибавленіемъ что если редакторъ напечатаетъ эту жалобу, то за оказаніе такой услуги городу Домажлицамъ онъ будетъ награжденъ отличнымъ индѣйскимъ пѣтухомъ. Извѣстнѣйшій чешскій публицистъ 1848—50 годовъ Гавличекъ, бывшій тогда редакторомъ журнала *Včela*, счелъ своею обязанностью вывести Домажличанъ изъ заблужденія, хотя бы и самымъ деликатнымъ образомъ, и выбравъ эпиграфомъ пословицу: „не вино тому виной что люди бываютъ пьяны“, онъ далъ имъ слѣдующій отвѣтъ: „Недавно мы получили изъ Домажлицъ неприличную корреспонденцію о Нѣмцовой, которую мы только потому не напечатали что подобное произведеніе не можетъ послужить къ чести автора. Во всей статьѣ видна только злость, но мы нигдѣ не нашли приличнаго къ ней повода, ни доказательствъ противъ сочиненія Нѣмцовой (*Obrazy z okoli Domažlického*). Очерки эти были встрѣчены похвалой не только въ Прагѣ, но повсюду, и мы вполнѣ согласны со всѣми тамъ высказанными убѣжденіями и взглядами г-жи Нѣмцовой. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ г-жа Нѣмцова, касательно народнаго образа мыслей и чешской образованности,

высказывается съ непохвальной стороны о Домажлицахъ, то въ этомъ ее никто не станетъ обвинять, даже сами благомыслящіе Домажличане. Къ сожалѣнію, весь нашъ народъ еще нуждается въ такомъ побужденіи къ народному образу мыслей, но ни одинъ благоразумный человѣкъ не будетъ сердиться на такіе упреки.... Очерки г-жи Нѣмцовой,—говоритъ далѣе Гавличекъ, — служатъ къ чести, а не поруганію Домажличанъ. Было бы очень странно еслибъ уважаемую во всей Чехіи писательницу стали порицать одни Домажличане."

Но вскорѣ нерасположеніе замѣнилось внимательностью, и Нѣмцова сдѣлалась любимицей Домажличанъ, что не мало напугало австрійскую полицію, подозрѣвающую въ опасной пропагандѣ каждаго народнаго любимца.

Въ Домажлицахъ Нѣмцова написала еще разказъ изъ народнаго быта: *Pohorská vesnice.* * Этотъ разказъ сама писательница считала лучшимъ своимъ произведеніемъ. Въ главномъ его героѣ очень вѣрно изображена личность тамошняго крестьянина, часто подвергающагося искушенію сдѣлаться браконьеромъ и контрабандистомъ, благодаря близости баварской границы, и одерживающаго верхъ надъ искушеніемъ, благодаря любви дѣвушки и дружбѣ съ болѣе развитымъ товарищемъ, а отчасти и вліянію владѣльца имѣнія, который поставилъ своею задачей довести крестьянъ до сознанія ихъ пользъ. Разказъ обилуетъ множествомъ живыхъ, ненатянутыхъ, хотя подчасъ и идиллическихъ сценъ. Особенно хороша сцена когда герой разказа признается своему другу во всѣхъ своихъ порокахъ, а этотъ послѣдній начинаетъ утѣшать его и перечислять его хорошія качества, которыхъ у него тоже не мало, но которыя, благодаря его застѣнчивости, извѣстны только одному его товарищу. Сельское общественное мнѣніе заклеймило нашего героя позорнымъ именемъ контрабандиста и браконьера, что, впрочемъ, не мѣшаетъ молодой дѣвушкѣ горячо полюбить его и приложить всѣ старанія къ его исправленію, съ помощью его товарища. Завязка разказа очень проста и естественна, характеры весьма разнообразны и отлично выдержаны. Только развязка немножко картинна и затѣйлива, что составляетъ, кажется, единственный недостатокъ

---

* Пер. въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1866, подъ заглавіемъ: *Въ Шумавскихъ горахъ.*

разказа. Домажлицкій же край далъ Нѣмцовой матеріалъ для небольшаго, но художественнаго разказа *Карла.* *

Наконецъ наступилъ знаменательный для австрійскихъ Славянъ 1848 годъ. Чешскій народъ получилъ конституцію, и сельскій людъ различно объяснялъ себѣ ея значеніе; одни воображали что она избавитъ ихъ не только отъ барщины, но и отъ податей; другіе, менѣе довѣрчивые, объясняли уничтоженіе барщины тѣмъ что предвидится война, и паны боятся крестьянъ, а поэтому и хотятъ ихъ задобрить. Много было тому подобныхъ толковъ. Нѣмцова взялась за перо чтобъ объяснить народу значеніе конституціи, и написала свою *Сельскую политику*, въ которой изобразила всѣ народные споры и догадки о значеніи конституціи, раскрывъ всѣ ихъ заблужденія и объяснивъ все непонятное. Но годъ спустя послѣ октроированной конституціи снова начались преслѣдованія противъ свободнаго народнаго развитія. Реакція смущала народъ тѣмъ что при конституціи положеніе его ухудшилось: подати увеличены, повсюду дороговизна, бѣдность, и всѣмъ этимъ народъ обязанъ де конституціи.

Бахъ, сдѣлавшись министромъ, не замедлилъ опутать полицейскими сѣтями всѣ края Австріи. Повсюду были разсѣяны шпіоны, такъ что никто, даже у себя дома, не былъ отъ нихъ въ безопасности. Нѣмцова умолкла.

Въ 1850 году мужъ ея былъ назначенъ коммиссаромъ въ Угрію, но она не послѣдовала за нимъ, а переселилась въ Прагу, чтобы заняться воспитаніемъ дѣтей. Въ 1851 году, для подкрѣпленія своего здоровья, она отправилась въ Угрію; на пути она познакомилась въ Вѣнѣ со знаменитымъ Колларомъ и профессоромъ Шемберой. ** Въ 1853 году она опять была въ Угріи и вскорѣ, по возвращеніи оттуда, сильно занемогла. Здоровье ея страдало отъ душевныхъ волненій: мужъ ея, *за распространеніе панславистическихъ тенденцій*, какъ увидимъ ниже изъ ея письма, былъ лишенъ мѣста, съ назначеніемъ ничтожнаго пенсіона. Это обстоятельство повергло семью Нѣмцовыхъ въ нищету, и Божена, чтобъ избѣжать крайней нужды, поступила съ отчаянія въ сидѣлки въ домѣ умалишенныхъ! Но ея слабые нервы не выдержали этой трудной

---

* Напечатанъ въ 1855 въ альманахѣ *Чешскіе перлы.*

** Эта поѣздка тоже описана ею.

обязанности, и въ первое же дежурство съ нею сдѣлались очень сильныя судороги, принудившія ее отказаться отъ этой должности.

Читателямъ можетъ показаться страннымъ что такая даровитая писательница, такъ много работавшая, не была въ состояніи прокормить свою семью. Но это обстоятельство объясняется тѣмъ что большинство чешскихъ писателей получаетъ крайне малое вознагражденіе за литературные труды и вслѣдствіе этого всѣ они терпѣли и терпятъ недостатокъ въ средствахъ къ жизни. И Нѣмцова не избѣгла общей участи и послѣднія десять лѣтъ своей жизни прожила въ крайней бѣдности, лишенная всякой матеріальной поддержки со стороны мужа, но несмотря на все это, лишенія не заглушили ея таланта и не сдѣлали ее простой литературною поденьщицей, способной когда угодно написать нѣсколько листовъ ни о чемъ. Вотъ какъ она сама описываетъ это печальное время въ одномъ изъ своихъ писемъ.

„Я получила изъ Угріи такое непріятное извѣстіе что до сихъ поръ не могу придти въ себя. Выслушайте меня! Данекъ пріѣхалъ изъ Быстрицы въ Дермоты и предложилъ мужу поѣхать не надолго въ Быстрицу. Отчасти изъ желанія повидаться съ товарищами, а отчасти и изъ разчета, мужъ принялъ это предложеніе, взялъ отпускъ и они отправились. Но изъ Быстрицы Данекъ вздумалъ съѣздить въ Сентъ-Миклошъ, чтобы посмотрѣть продававшійся тамъ домъ, и пригласилъ опять съ собой мужа, который и поѣхалъ съ нимъ. Паспортовъ съ ними не было, вслѣдствіе чего ихъ взяли жандармы и посадили въ Сентъ-Миклошъ въ тюрьму. Ихъ заподозрили въ томъ что они русскіе эмиссары. Пока производилось слѣдствіе и былъ полученъ отвѣтъ изъ Пресбурга, прошло двѣ недѣли, и только по окончаніи всей этой процедуры ихъ освободили. Между тѣмъ по этому подозрѣнію у обоихъ былъ сдѣланъ обыскъ. У мужа все перерыли, конфисковали каждый клочокъ бумаги, портреты, книги и календари. Мнѣ всего болѣе досадно то что онъ не сжегъ мои письма, портретъ Гавличка и его *Духъ народныхъ новинъ*; это было съ его стороны весьма легкомысленно. Въ моихъ письмахъ они найдутъ подтвержденіе того что я Славянка, что я благоволю къ Русскимъ и ненавижу Нѣмцевъ, вообще они найдутъ тамъ себѣ мало похвалъ! Такъ какъ совѣтникъ обвинилъ моего мужа въ томъ что онъ ѣздилъ къ Словакамъ „zur Verbreitung panslawistischer Tendenzen," то ему прекратили выдачу жалованья. Не правда ли какія хорошія вѣсти? Теперь мнѣ придется искать какой-нибудь должности, но не знаю гдѣ и когда я ее найду. Другъ мой, иногда жизнь мнѣ

дѣлается до того противной что я бываю готова покончить съ нею! Но потомъ, какъ подумаю что на свѣтѣ есть много, очень много людей еще несчастнѣе меня, то мнѣ становится совѣстно за мое малодушіе.... Бываютъ минуты когда человѣкъ углубляется въ прошедшее, гдѣ встрѣчается съ дорогими для него особами, тогда имъ овладѣваетъ невыразимое желаніе осуществить свои мечты, увидать въ дѣйствительности эти лица, поговорить съ ними, пожаловаться имъ, попросить у нихъ прощенія и съ своей стороны простить имъ. И я иногда углубляюсь такимъ образомъ въ самые сокровенные уголки своего сердца—своего храма—своей Валгалы, гдѣ сокрыта вся моя святыня. Долго я остаюсь тамъ въ самозабвеніи, вѣнчаю чело дорогихъ моихъ, всегда свѣжими цвѣтами любви и съ плачемъ молюсь ихъ изображеніямъ. Такія мгновенія хотя и грустны для меня, но все-таки сладки; они оставляютъ въ моемъ сердцѣ тоску и печаль. Было бы ужасно, еслибъ у насъ не было памяти, еслибы мы не могли иногда жить прошедшимъ! Не приходило вамъ никогда въ голову что это было бы ужасно? Но мнѣ сейчасъ пришло на мысль что было бы хорошо, еслибы наши заимодавцы вдругъ потеряли память.... По крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ, пока я снова устрою свои дѣла.... Я нынѣшній годъ настоящій узникъ. Я еще совсѣмъ не видала зелени, а скоро уже опять придетъ зима, которую я ненавижу.... Хоть бы недѣльки на двѣ куда-нибудь за городъ, да пожить безъ заботы, тогда я бы терпѣливо перенесла зиму; это мнѣ необходимо и для того чтобъ я могла работать, потому что я теперь чувствую не только тѣлесную, но и душевную усталость, слабость.... Съ тѣхъ поръ какъ вы уѣхали, я написала очень мало.... Да и писала-то большею частью письма и просьбы и—сказать между нами—жаль потраченной бумаги, потому что я все равно ни откуда не добьюсь ничего. Сколько я бѣгала, хлопотала, просила.... все безполезно! Завтра пойду къ Ганкѣ.... У меня были Фричь съ Сойкой и немножко отвлекли меня отъ моихъ заботъ.... Мнѣ была очень пріятна ваша любезность, которой вы хотѣли почтить меня, но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и безотрадномъ положеніи, въ которомъ я нахожусь теперь, помѣщеніе портрета regierungsfeindlichen Person было бы слишкомъ не выгодно и вредно для вашего альманаха *Lada Niola*.... О еслибъ уже было лѣто! восклицаетъ она далѣе, я съ такимъ удовольствіемъ мечтаю о томъ что вы пріѣдете къ намъ въ горы, что мы проживемъ вмѣстѣ нѣсколько отрадныхъ дней, но, увы, это тщетное желаніе! Если нельзя наслаждаться дѣйствительностью, то буду наслаждаться сномъ! Какъ часто я во снѣ утоляла желаніе видѣть море.... Какъ часто я во снѣ наслаждалась видомъ живописныхъ странъ. Сонъ приводитъ ко мнѣ дорогихъ для меня людей, которыхъ въ дѣйствительности я уже никогда не увижу.... во снѣ я иногда бываю самою собой.... бываю минутами счастлива! Зачѣмъ же жалѣть о томъ что это только сонъ, если впечатлѣніе его остается

во мнѣ цѣлый день. За такой сонъ я всегда бываю очень признательна."

Во всемъ письмѣ слышится затаенный плачъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него вѣетъ какою-то покорностью судьбѣ. Нѣмцова и въ этомъ ужасномъ положеніи нашла себѣ исходъ; она погрузилась въ свое прошедшее, когда ей жилось такъ легко и когда она смотрѣла на жизнь чрезъ розовую призму. Самыя мельчайшія подробности того времени пріобрѣтали для нея большую цѣну, и эти-то *дорогія* для нея воспоминанія дали ей матеріалъ для лучшаго ея произведенія *Бабушка*, картины изъ сельскаго быта Чеховъ, * начертанныя по ея собственнымъ словамъ „для облегченія души въ такія тяжелыя времена."

Въ этомъ произведеніи на первомъ планѣ стоитъ старушка-бабушка—рѣзкій контрастъ съ новымъ поколѣніемъ—придерживающаяся всѣхъ старинныхъ преданій и обычаевъ и поучающая своихъ внучатъ и всѣхъ окружающихъ „въ любви къ родинѣ и къ роднымъ обычаямъ." *Бабушка* не романъ, не повѣсть, а дѣйствительно „картины сельской жизни въ Чехіи." Дѣйствующія лица въ *Бабушкѣ* взяты изъ дѣйствительной жизни; каждое изъ нихъ обладаетъ своимъ характеромъ, ясно сознаннымъ и очерченнымъ Нѣмцовой, которая проживъ бо́льшую часть своей жизни съ сельчанами, сумѣла, благодаря своей замѣчательной наблюдательности, подмѣтить всѣ черты народнаго характера. Этимъ произведеніемъ Нѣмцова принесла огромную пользу своему народу и указала ему на то чѣмъ онъ долженъ дорожить болѣе всего на свѣтѣ. Сверхъ того въ *Бабушкѣ* много поэзіи, много живыхъ картинъ чешской природы. *Бабушкой* Нѣмцова дала доказательство того что при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ она могла бы создать нѣчто болѣе грандіозное, потому что талантъ ея видимо зрѣлъ съ лѣтами. Но, къ сожалѣнію, она была уже слишкомъ утомлена заботами о поддержкѣ своей семьи и здоровье ея все болѣе и болѣе слабѣло и не позволяло ей работать попрежнему. Вслѣдствіе этого, осенью 1855 года, она поѣхала лѣчиться на Сліачскія воды въ Угрію. Здѣсь она поступала такъ же какъ въ Чехіи: ходила отъ деревни къ деревнѣ, собирала сказки, не пропускала случая поговорить со стариками о томъ что̀ они еще застали и чего теперь уже не

---

* Пер. въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1866.

было, знакомилась съ бытомъ крестьянъ и всюду встрѣчала самый радушный пріемъ, возбуждавшій подозрѣнія въ австрійской жандармеріи. Тогда въ Австріи каждый интересовавшійся сколько-нибудь Славянами, считался опаснымъ пропагандистомъ и возмутителемъ, и Нѣмцова принуждена была оставить Угрію чтобъ избѣжать преслѣдованій Баховскихъ жандармовъ. Несмотря на всѣ препятствія, она во время своихъ странствованій по Угріи, успѣла собрать богатый матеріалъ для своихъ послѣдующихъ работъ. Плодомъ этой поѣздки были ея статьи: *Uherské město*,* *Starožitnosti na Slovensku*, ** *Obrazy ze Života Slovaku*, *** *Zvolenské lesy a kraje*, **** потомъ хорошенькій разказъ *Chyže pod horami* и наконецъ словенскія сказки. Всѣ эти произведенія были помѣщены въ различныхъ журналахъ, исключая сказокъ, которыя вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 1858 году. Въ этихъ сказкахъ она подробно описываетъ характеръ и образъ жизни Словаковъ, Мадьяръ, даже Цыганъ живущихъ въ Угріи, но главнѣйшимъ образомъ Словаковъ; ихъ костюмы въ различныхъ округахъ, различные обряды, сельское хозяйство. Въ *Зволенскихъ лѣсахъ* она подробно описываетъ промышленность и внутреннее богатство края, † его рудники, казенныя лѣсныя сѣчи; описываетъ мѣстную флору съ сохраненіемъ народныхъ словенскихъ наименованій; кромѣ того описываетъ много игръ и присказокъ. Въ своемъ разказѣ *Chyze pod horami*, она изобразила словенскую семью, потомковъ чешскихъ эмигрантовъ, гонимыхъ за свободу совѣсти, со всею ихъ простою обстановкой, но эта простота придаетъ разказу много прелести и естественности.

Въ отдѣльное изданіе словенскихъ сказокъ вошли не только сказки собранныя самою Нѣмцовой, но и собранныя Римавскимъ (Францисци, бывшимъ редакторомъ *Пештъ-Budинскихъ Вѣдомостей*) и Рейсомъ. Во время своего пребыванія въ Угріи, въ 1852 году, Нѣмцова познакомилась съ Францисци, который и подарилъ ей на память первый выпускъ собранныхъ имъ сказокъ, второй выпускъ которыхъ не вышелъ въ

* *Угорскій городъ* (Дермоты).

** *Древности въ землѣ Словаковъ.*

*** *Картины изъ жизни Словаковъ.*

**** *Зволенскіе лѣса.*

† Пер. въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1867 годъ, подъ заглавіемъ: *Горная идилія.*

свѣтъ за неимѣніемъ издателя. Въ свою третью поѣздку въ Угрію Нѣмцова узнала о судьбѣ собранія сказокъ Франциси и предложила ему сыскать для нихъ издателя въ Прагѣ, а если и это не удастся, то въ такомъ случаѣ она вызвалась перевести ихъ на чешскій языкъ и тогда уже напечатать. Ни одинъ изъ пражскихъ издателей не рѣшился издать ихъ въ оригиналѣ, часто по торговымъ разчетамъ, и поэтому Нѣмцова перевела ихъ, сохранивъ только нѣкоторыя словенскія выраженія. Къ этому же собранію она присоединила сказки слышанныя и записанныя ею самой, и въ прибавленіи къ нему упомянула о всѣхъ разказывавшихъ ей эти сказки. При переводѣ она главнѣйшимъ образомъ соображалась съ требованіями чешскихъ читателей, зная напередъ что ей трудно будетъ угодить Словакамъ. Она вездѣ строго придерживалась оригинала, хотя и позволяла себѣ сокращать слишкомъ длинные разговоры. Кромѣ того она имѣла намѣреніе въ послѣдствіи познакомить чешскихъ читателей и со сказками другихъ славянскихъ народовъ. Съ этою цѣлію она начала переводить сербскія сказки Караджича, и часть своего перевода послала какому-то книгопродавцу-издателю, у котораго она и затерялась. Она написала еще разказы: *Sestry*, *Vzámku a podzámči*, * *Rozavka*, *Diva Bara* и нѣсколько другихъ, разбросанныхъ по журналамъ, альманахамъ и календарямъ за разные годы. Сверхъ всего этого она перевела съ нѣмецкаго комедію: *Das Urbild der Tartufe* и оставила недоконченными: *Cesta z pouti*, картина изъ жизни, собраніе неизвѣстныхъ доселѣ славянскихъ пѣсенъ, поговорокъ и пословицъ, собраніе словъ для словаря, сочиненіе о воспитаніи женщинъ и наконецъ два плана для большихъ романовъ безъ заглавія.

И несмотря на такое множество работъ, Нѣмцова не переставала бороться съ нуждой, благодаря слишкомъ низкой платѣ за литературные труды.

Безсонныя ночи проводимыя за работой и постоянныя заботы о насущномъ хлѣбѣ все болѣе и болѣе подрывали здоровье Нѣмцовой и она наконецъ настолько выбилась изъ силъ что не могла уже заниматься умственною работой. Въ это тяжелое для нея время литомышльскій книгопродавецъ Августа предложилъ ей издать полное собраніе ея сочиненій, за весьма

* Пер. въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1867.

скромное вознагражденіе. Вслѣдствіе этого она, уже больная, отправилась въ Литомышль, чтобы самой наблюдать за печатаніемъ и привести свои сочиненія въ надлежащій порядокъ. Такъ какъ она принуждена была отправиться въ Литомышль безъ всякихъ средствъ, то Августа обязался на это время платить за столъ который она должна была получать въ той гостиницѣ гдѣ она поселилась. Но въ одно прекрасное утро Августа объявилъ содержателю гостиницы чтобъ онъ ничего не отпускалъ Нѣмцовой на его счетъ, а ей объявилъ что она должна работать. Онъ очень хорошо зналъ что Нѣмцовой не на что уѣхать обратно въ Прагу и нисколько не стыдился воспользоваться ея безвыходнымъ положеніемъ. Она продолжала работать и въ продолженіе нѣсколькихъ дней питалась однимъ хлѣбомъ, ожидая денегъ изъ Праги. Она могла проживать ежедневно отъ 4 до 8 крейцеровъ — положеніе весьма незавидное. Наконецъ и послѣднія силы оставили ее,—болѣзнь усилилась. Въ Прагу она была привезена уже умирающею! Это событіе конечно возбудило негодованіе всѣхъ ея друзей, которые поспѣшили заявить ей свое участіе и окружили ее всевозможными удобствами; но увы! уже ничто не могло возвратить страдалицу къ жизни.

Несмотря на тяжкія страданія, она до конца жизни не утратила свою душевную силу, и еще за два дня до смерти вела весьма оживленный разговоръ съ Эрбеномъ и интересовалась его работами. За день до ея смерти, Августа прислалъ ей первый выпускъ ея сочиненій. Она осмотрѣла его и съ сердцемъ отбросила прочь: такъ небрежно и некрасиво онъ былъ отпечатанъ!

Она умерла 21го декабря 1862 года.

Большинство Пражанъ и особенно Пражанокъ цѣнили Нѣмцову при жизни, а по смерти ея доказали свое уваженіе къ ея памяти, устроивъ ей великолѣпные похороны.

Каждый считалъ своимъ долгомъ проводить до послѣдняго жилища эту замѣчательную женщину. Не только Чехи, но и другіе Славяне живущіе въ Прагѣ почтили ея память присутствіемъ на похоронахъ. Катафалкъ, за которымъ слѣдовало нѣсколько тысячъ народа, былъ украшенъ лавровыми вѣнками, отъ которыхъ во всѣ стороны развѣвались ленты всѣхъ славянскихъ цвѣтовъ. На одной изъ нихъ блистала крупная надпись: „Dcery českoslovanské spisovatelce *Babičky*". * По

* „Дочери Чешско-Славянскаго народа, сочинительницѣ *Бабушки*."

обѣимъ сторонамъ катафалка шли дѣвицы одѣтыя въ трауръ съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Рядомъ съ ними шли чешскіе писатели и другіе Славяне, — всѣ въ своихъ народныхъ костюмахъ. Далѣе слѣдовали родственники покойной, профессора, депутаты сейма и др. Останки Нѣмцовой покоятся на Вышеградѣ.

Собраніе сочиненій Нѣмцовой, вышедшее въ 8 томахъ, въ 1862—63 годахъ, напечатано различными шрифтами, переполнено опечатками; при немъ нѣтъ ни толковыхъ оглавленій, ни даже заглавій. Если кому вздумается отыскать какой-нибудь разказъ, то приходится рыться во всѣхъ восьми томахъ, пока найдется желаемое. Августа счелъ кромѣ того нужнымъ снабдить это изданіе „Словомъ къ читателямъ", въ которомъ онъ превозноситъ до небесъ писательницу, но одинъ взглядъ на изданіе убѣдитъ каждаго въ неуваженіи издателя къ таланту писательницы, и каждому эти похвалы покажутся самою злою насмѣшкой, въ особенности при чтеніи заключительныхъ словъ издателя: „Изъ этого краткаго проспекта, говоритъ онъ, каждый можетъ видѣть какъ богато разнообразіемъ и занимательностью будетъ это полное изданіе сочиненій первой нашей писательницы. Издатель употребитъ всѣ старанія чтобы выпуски выходили правильно и вскорѣ одинъ за другимъ и позаботится о красивомъ и изящномъ ихъ видѣ, такъ что это изданіе можетъ послужить элегантнымъ и весьма приличнымъ подаркомъ нашимъ дѣвушкамъ и дамамъ для удовольствія, возбужденія и усиленія благородства чувствъ и истиннаго, дѣятельнаго патріотизма...." Въ послѣднемъ Августа дѣйствительно не ошибся! Чтеніе сочиненій Нѣмцовой, даже въ его безобразномъ изданіи, принесетъ пользу и доставитъ удовольствіе не однимъ чешскимъ женщинамъ, которыхъ призывала Нѣмцова воспрянуть отъ сна въ настоящее утро новой Чехіи....

Э. П.

ОБЪ ОБМАНѢ

ВЪ ЮРИДИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Вопросъ, когда можетъ быть преслѣдуемъ уголовно обманъ совершенный при заключеніи двухсторонняго договора, принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ въ наукѣ, не рѣшается поэтому удовлетворительно въ законодательствахъ; не легко справляется съ нимъ и практика. Дѣйствительно чрезвычайно трудно провести твердую границу между обманомъ въ юридическомъ смыслѣ и обманомъ который не переходитъ въ правонарушеніе, такъ чтобы не оставалось никакого сомнѣнія относительно правоваго свойства дѣйствія, и всего менѣе можно тутъ руководствоваться нашимъ нравственнымъ чувствомъ. Не все то что̀ возмущаетъ его есть непремѣнно и не право и должно подлежать наказанію.

Намъ довелось прочитать въ *Новомъ Архивѣ уголовнаго права* одно дѣло, въ которомъ шла рѣчь объ обманѣ и которое въ разныхъ судебныхъ инстанціяхъ рѣшено было различно, и мы пользуемся имъ для того чтобы высказать наше посильное мнѣніе о вышеупомянутомъ вопросѣ и затѣмъ обсудить и тотъ приговоръ который по подобному же дѣлу данъ былъ у насъ—разумѣемъ дѣло Кольякова.

Къ продавцу лотерейныхъ билетовъ въ Дрезденѣ явился поденьщикъ и подъ предлогомъ что ему приснились во снѣ многіе изъ нумеровъ, просилъ продавца продать ему одинъ изъ этихъ нумеровъ. Продавецъ исполнилъ желаніе поденьщика, и онъ купилъ у него билетъ, который давалъ ему право на восьмую часть выигрыша нумера 20.605. Спустя часъ пос-

лѣ этой сдѣлки, продавецъ получилъ увѣдомленіе что въ тотъ самый день, на происходившемъ въ Лейпцигѣ розыгрышѣ, выиграли всѣ пригрезившіеся поденьщику билеты, и на его долю пришлось 400 талеровъ. Но затѣмъ было дознано что поденьщикъ утромъ этого дня былъ въ Лейпцигѣ, присутствовалъ при розыгрышѣ и по окончаніи его возвратился съ пассажирскимъ поѣздомъ въ Дрезденъ, гдѣ и купилъ билетъ въ 5 часовъ пополудни.

Городской судъ усомнился было назначить слѣдствіе, но аппелляціонный судъ предписалъ произвести слѣдствіе, и по окончаніи его поденьщикъ приговоренъ былъ за покушеніе на обманъ къ годичному заключенію въ рабочемъ домѣ. Аппелляціонный судъ, понизивъ это наказаніе до 4хъ мѣсяцевъ, призналъ однакоже дѣйствіе поденьщика за обманъ подлежащій карѣ уголовныхъ законовъ. Поденьщикъ перенесъ дѣло въ высшій судъ и былъ оправданъ.

Дѣло поденьщика, безспорно, нечестное дѣло; честный человѣкъ не рѣшился бы поступить такъ какъ поступилъ онъ. Но въ торговлѣ подобныя дѣла принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ и не служатъ ни въ какое предосужденіе совершающимъ ихъ.

Обманъ поденьщика состоялъ въ томъ что онъ скрылъ при покупкѣ билета обстоятельство извѣстное и благопріятное ему и неизвѣстное и неблагопріятное для торговца и сдѣлалъ чрезъ то выгодную покупку для себя и невыгодную для продавца лотерейныхъ билетовъ. Но не то ли же самое дѣлаетъ и купецъ который получивши свѣдѣніе что въ такой-то странѣ извѣстный товаръ, вслѣдствіе большаго требованія на него, высоко поднялся въ цѣнѣ, или что тамъ или тутъ ожидается объявленіе войны, а слѣдовательно и возвышеніе цѣны на всѣ товары, прежде чѣмъ и другіе купцы узнаютъ о томъ, скупаетъ у нихъ товары, не сообщая имъ полученныхъ свѣдѣній. Или банкиръ получаетъ по телеграфу увѣдомленіе о перемѣнѣ курса нѣкоторыхъ государственныхъ бумагъ и пользуясь невѣдѣніемъ о томъ другихъ, покупаетъ или продаетъ эти бумаги, смотря по тому возвысился или упалъ на нихъ курсъ. Въ сущности и онъ поступаетъ съ своими собратьями какъ поступилъ поденьщикъ. Никто однакоже не осуждаетъ за то ни купцовъ, ни банкировъ. Безъ подобныхъ операцій нельзя и обойтись въ торговлѣ, и то законодательство которое бы запретило ихъ подорвало бы торговлю въ самомъ корнѣ. Въ торгов-

лѣ тотъ и капралъ кто раньше всталъ, а кто проспалъ, тотъ и проигралъ, тѣмъ она и заманчива что допускаетъ спекуляцію.

Не подлежатъ преслѣдованію и тѣ уловки къ которымъ прибѣгаютъ мелкіе торговцы при продажѣ товаровъ: расхваливаніе и преувеличеніе ихъ годности, увѣреніе что товаръ достался по случаю или продается въ убытокъ по особымъ обстоятельствамъ, запрашиваніе цѣны втрое и т. под. Все это не можетъ быть поводомъ даже къ гражданскому иску. Купецъ естественно желаетъ подороже продать, а покупщикъ подешевле купить, и какъ тотъ при сдѣлкѣ имѣетъ полное право хвалить свой товаръ, такъ и этотъ можетъ его хулить и предлагать за него самую низкую цѣну, и кто кого перехитритъ, тотъ и правъ. In pretio emtionis et venditionis naturaliter licere contrahentibus se circumvenire, говоритъ Помпоній. И для недѣйствительности только договора по гражданскому праву требуется совершенно иного рода обманъ. Онъ долженъ относиться къ главному предмету и имѣть рѣшительное вліяніе на изъявленіе согласія на заключеніе договора, такъ что, не будь обмана, договоръ и не состоялся бы.

Для того же чтобъ обманъ могъ быть преслѣдуемъ уголовно и слѣдовательно былъ признанъ мошенничествомъ требуются кромѣ того еще слѣдующія условія:

1) Онъ долженъ быть злонамѣренный, прямо направленный не къ полученію только излишней прибыли, какъ въ вышепоименованныхъ торговыхъ операціяхъ и продѣлкахъ, а къ явному вреду другаго, и имѣть цѣлію завѣдомо противузаконное, хищническое присвоеніе чужой собственности, и 2) для совершенія его должны быть употреблены такія уловки и козни которыя легко могли ввести въ заблужденіе и расположить къ довѣренности и усыпить бдительность. Въ чемъ состоятъ эти уловки или козни—въ словахъ или дѣйствіяхъ? это совершенно все равно для понятія мошенничества.

Мошенникъ такой же грабитель какъ и тотъ который насильно отнимаетъ чужую собственность; различны только средства, а цѣль у мошенника та же что̀ и у грабителя.

Разными способами мошенники обираютъ тѣхъ которые попадаютъ къ нимъ въ передѣлку. Мелкіе мошенники берутъ больше наглостью и дерзостью, а которые покрупнѣе, тѣ дерзостью и хитростью. Мелкіе мошенники обманываютъ, продавая негодный товаръ за годный,—гнилое сукно за прочное, линючій ситецъ за нелинючій; не настоящій товаръ за на-

стоящій, полотно своего издѣлія за голландское, матрацъ набитый мочалой—за набитый конскимъ волосомъ, мѣдные жетоны за золотыя монеты, оловянныя серьги за серебряныя, грошевые кресты за многоцѣнные, поддѣльный товаръ за настоящій, старое, перекрашенное и передѣланное платье за новое, и берутъ за все это непомѣрную цѣну. Когда же сойдутся въ цѣнѣ и отпускаютъ товары, то обмѣриваютъ, обвѣшиваютъ и обсчитываютъ въ числѣ проданныхъ вещей, въ счетѣ денегъ за товаръ и при сдачѣ ихъ. Для обмѣриванія же и обвѣшиванія они или употребляютъ не настоящія мѣры и вѣсы, или портятъ настоящія, прицѣпляютъ къ вѣсамъ лишнія тяжести, подталкиваютъ ихъ и проч. Крупные же мошенники принимаютъ вымышленныя имена, присвояютъ себѣ не принадлежащіе имъ титулы, званія и должности, составляютъ документы на все это, акты на владѣніе богатыми, но нигдѣ не существующими имѣніями; ими же самими сочиненными рекомендательными и дружескими письмами высокопоставленныхъ лицъ открываютъ себѣ доступъ въ самые знатные дома и свиваютъ даже тамъ гнѣзда, вступая въ супружескія связи; занимаютъ подъ залогъ тѣхъ имѣній значительныя суммы, на основаніи тѣхъ же писемъ обольщаютъ исходатайствованіемъ почетныхъ или выгодныхъ мѣстъ, приглашаютъ къ участію въ небывалыхъ предпріятіяхъ, которыя должны доставить огромную прибыль, продаютъ секреты на мнимыя, но также прибыльныя изобрѣтенія и пр. Къ числу же крупныхъ мошенниковъ принадлежатъ и злостные банкроты, ростовщики, которые берутъ непомѣрный ростъ, и шулера, которые навѣрное обыгрываютъ въ карты, завлекая въ свои притоны довѣрчивыхъ людей посредствомъ искусно разставленныхъ силковъ и злоупотребляя для того самыми дорогими связями родства, дружбы и товарищества.

Ни одного изъ этихъ условій нѣтъ въ дѣлѣ поденьщика.

1) Злонамѣреннымъ дѣйствіе поденьщика не может быть признано ни въ какомъ случаѣ. Купить билетъ и даже выбрать его изъ числа оставшихся въ кассѣ билетовъ онъ имѣлъ полное право; напротивъ открыть продавцу билетовъ что его сонъ выдумка и онъ навѣрное знаетъ что названные имъ нумера выиграли, онъ не имѣлъ никакой юридической обязанности, точно такъ же какъ нѣтъ ея для купцовъ и банкировъ

которые пользуются незнаніемъ своихъ собратьевъ, для того чтобы наживаться на ихъ счетъ. Знать какіе нумера выиграли и какіе проиграли на послѣдовавшемъ розыгрышѣ обязанъ былъ скорѣе самъ продавецъ ихъ, такъ какъ это дѣло всего ближе касалось его интереса или по крайней мѣрѣ интереса тѣхъ которые ввѣрили ему продажу билетовъ.

Еслибы впрочемъ продавецъ и зналъ что названные поденьщикомъ нумера выиграли, то и тогда онъ не имѣлъ бы никакого права отказать поденьщику въ покупкѣ одного изъ этихъ билетовъ. Послѣ розыгрыша лотереи, должны продаваться или всѣ вообще билеты, выигравшіе и проигравшіе, или никакіе. Если поденьщикъ поступилъ незаконно, купивъ завѣдомо выигравшій билетъ, то также незаконно поступило бы и лотерейное управленіе, еслибы послѣ розыгрыша лотереи дозволило продавать и покупать только завѣдомо проигравшіе билеты. Поденьщика обвинили въ мошенничествѣ за то что онъ купилъ, пріобрѣвши билетъ отъ продавца ихъ, не надежду только выигрыша, подобно всѣмъ другимъ, которые покупаютъ лотерейный билетъ на рискъ, а самый выигрышъ; а управленіе лотереи, въ случаѣ еслибы оно, послѣ розыгрыша лотереи, продавало только проигравшіе билеты, слѣдовало бы обвинить въ мошенничествѣ за то что оно продавало бы тогда завѣдомо вѣрный проигрышъ. Управленіе и послѣ розыгрыша лотереи не запретило продавать всѣ вообще билеты, разрѣшило слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ покупать и выигравшіе билеты, и такъ какъ оно послѣ того само продаетъ и завѣдомо проигравшіе билеты, то не имѣетъ никакого права претендовать и на то что у него могутъ быть куплены и завѣдомо выигравшіе. Поденьщикъ слѣдовательно, купивши завѣдомо выигравшій билетъ, воспользовался лишь своимъ правомъ, предоставленнымъ ему самимъ управленіемъ.

Если кто и у частнаго человѣка покупаетъ лотерейный билетъ, зная что онъ уже выигралъ, то и тутъ покупщикъ не всегда можетъ подлежать обвиненію въ мошенничествѣ. Если владѣлецъ лотерейнаго билета, не зная что онъ уже выигралъ, самъ желаетъ продать его, то воспользоваться его невѣдѣніемъ для того чтобъ обобрать его, хотя и не честно, но право не заходитъ такъ далеко въ требованіяхъ безкорыстія относительно совершенія сдѣлокъ, и признаетъ вполнѣ действительными и такія сдѣлки въ которыхъ вся выгода явно находится на сторонѣ одного контрагента;

только бы было полное, добровольное согласіе на то и другаго контрагента. Потому добровольная продажа выигрывшаго билета, хотя бы то по незнанію этого обстоятельства, владѣльцемъ его, никакъ не можетъ быть признана не имѣющею законной силы, а покупка его мошенничествомъ. Если же напротивъ, покупщикъ, зная о выигрышѣ, самъ подговариваетъ находящагося въ невѣдѣніи владѣльца продать ему билетъ и слѣдовательно сознательно злоупотребляетъ его незнаніемъ для того чтобы склонить къ невыгодной сдѣлкѣ, то это уже мошенничество. Предостерегать другаго отъ ошибки и не пользоваться ею никто не обязанъ по закону, но намѣренно вводить другаго въ заблужденіе и, пользуясь имъ, обирать его, значитъ позволять себѣ безсовѣстный и наглый обманъ.

2) Поденьщикъ же придумалъ и обманъ до того грубый и прозрачный что при малѣйшемъ вниманіи и осторожности со стороны продавца билетовъ онъ скорѣе способенъ былъ возбудить въ немъ подозрѣніе, чѣмъ расположить его исполнить просьбу поденьщика. Обманъ быть-можетъ даже и не былъ нуженъ для поденьщика и во всякомъ случаѣ легко могъ быть и предупрежденъ. Продавецъ билетовъ не могъ бы отказать ему въ выборѣ билетовъ для покупки изъ всѣхъ оставшихся въ кассѣ билетовъ, еслибъ онъ и не разказалъ ему сказку о своихъ грезахъ, а просто попросилъ о томъ. Этою сказкой онъ только выдавалъ себя. Для того же чтобы предупредить обманъ поденьщика, управленію лотереи стоило бы только продавать билеты лишь до дня розыгрыша, или же озаботиться чтобы продавцы билетовъ благовременно получали свѣдѣнія о результатахъ его. Оно не сдѣлало ни того, ни другаго, и должно слѣдовательно пенять только на свою нераспорядительность, которая и ввела его въ убытокъ. Мошенничествомъ нельзя слѣдовательно признать продѣлку поденьщика.

Но нельзя ли по крайней мѣрѣ преслѣдовать поденьщика за учиненный имъ обманъ судомъ гражданскимъ и отыскивать съ него вознагражденіе за убытокъ? Отрицательный отвѣтъ и на этотъ вопросъ открывается уже изъ того что̀ мы сказали выше о недѣйствительности сдѣлокъ по гражданскому праву. Обманъ поденьщика относился къ совершенно постороннему обстоятельству и потому не могъ имѣть вовсе никакого вліянія на заключеніе договора. Продавецъ билетовъ не потому продалъ билетъ поденьщику что тотъ видѣлъ этотъ билетъ во снѣ, а потому что билеты и находи-

лись у него для того чтобы продавать по востребованію, и если онъ далъ поденьщику выбрать купленный имъ билетъ изъ числа билетовъ пригрезившихся тому, то сдѣлалъ это сколько въ угоду ему, столько же и въ своемъ интересѣ. Чѣмъ привѣтливѣе продавецъ, тѣмъ болѣе и покупателей у него, а чѣмъ больше покупателей, тѣмъ больше и сбытъ и барышъ. Еще можно говорить о вліяніи на заключеніе договора вышеприведенныхъ купеческихъ и банкирскихъ операцій. Тамъ конечно договоръ не состоялся бы еслибъ и покупатель и продавецъ знали почему дѣлается покупка и продажа, но такъ какъ и при этихъ операціяхъ незнаніе не принадлежитъ къ существу договора, и покупаютъ и продаютъ и купцы и банкиры не потому что ничего не знаютъ о перемѣнѣ въ курсѣ или о возвышеніи цѣны на товары, а потому что покупать и продавать есть ихъ профессія, то и ихъ договоръ не считается недѣйствительнымъ. Покупка и продажа совершается съ обоюднаго согласія, и нѣтъ никакого недоразумѣнія относительно предмета ихъ; существуетъ только ошибка насчетъ выгодности сдѣлки—въ цѣнѣ товара, а въ цѣнѣ всякій воленъ. Для продавца же лотерейныхъ билетовъ даже и совершенно все равно по какой причинѣ покупатели покупаютъ и выбираютъ билеты, потому ли что они пригрезились покупщикамъ во снѣ или что послѣдніе по суевѣрію считаютъ нѣкоторые изъ нихъ особенно счастливыми для себя или наконецъ просто потому что они болѣе чѣмъ другіе нравятся имъ? Обо всемъ этомъ продавецъ не имѣетъ права и спрашивать покупщиковъ.

Но и взыскивать съ поденьщика вовсе нечего и некому. Купивши выигравшій билетъ, онъ не причинилъ никакого убытка не только продавцу билетовъ, но и самому управленію. Продавецъ билетовъ получилъ отъ поденщика, такъ же какъ и отъ другихъ покупщиковъ, прибыль. Билеты находились у него на коммиссіи отъ управленія, и отъ продажи каждаго изъ билетовъ онъ долженъ былъ получать условленный процентъ; процентъ этотъ продавецъ выручилъ и отъ продажи билета поденьщику. Управленіе же хотя и потерпѣло убытокъ, потому что еслибы завѣдомо выигравшій билетъ не былъ проданъ, то оно не имѣло бы нужды уплачивать упавшій на него выигрышъ; но что̀ оно потеряло отъ продажи такого билета, то могло воротить назадъ отъ продажи завѣдомо проигравшихъ билетовъ. Если же ему не удалось это, то оно само виновато

въ томъ что пустилось въ такой невыгодный торгъ. Выигравшій билетъ могъ, кромѣ того, купить и всякій другой случайно, и поденьщику, еслибы онъ былъ похитрѣе, слѣдовало бы только поручить покупку замѣченнаго имъ билета кому-либо другому, кто не былъ при розыгрышѣ, и никто бы и не провѣдалъ о его продѣлкѣ. Было бы гораздо разумнѣе озоботиться чтобы подобныя продѣлки не были возможны, чѣмъ подавать къ нимъ поводъ несовершенствомъ въ устройствѣ лотерейнаго управленія и потомъ за свою собственную оплошность взыскивать съ другихъ. И воръ не такъ виноватъ когда плохо кладутъ и тѣмъ его въ грѣхъ вводятъ.

Обманъ заключаетъ въ себѣ и извѣстное дѣло полковника Колзакова; но и у насъ различные суды взглянули на него совершенно не одинаково. Мировой судья и окружный судъ признали поступокъ обвиняемаго мошенничествомъ; въ обманѣ, но безъ похищенія, обвинили его и присяжные, но сенатъ, напротивъ, не нашелъ въ его дѣйствіи никакого мошенничества.

Въ сущности дѣло это состояло въ слѣдующемъ:

Отставной полковникъ Колзаковъ продалъ надворной совѣтницѣ Киркоръ, чрезъ посредство мужа ея, пару лошадей за 365 рублей. Продавая ихъ, Колзаковъ завѣрялъ что онѣ никакихъ пороковъ не имѣютъ, но черезъ нѣсколько дней оказалось что копыта переднихъ ногъ правой лошади имѣютъ заклепки, искусно замазанныя черною мазью. По освидѣтельствованіи же лошадей ветеринарнымъ врачомъ Квятковскимъ найдено было что обѣ лошади страдаютъ хроническимъ ревматизмомъ копытъ, что правая лошадь уже полгода страдаетъ отъ трещинъ копытъ, имѣющихъ заклепки, а лѣвая подвержена неизлѣчимой болѣзни не менѣе года, и обѣ лошади для ѣзды весьма неудобны. Другой экспертъ, Богатыревъ, подтвердивъ въ сущности экспертизу Квятковскаго, прибавилъ что заклепки сдѣланы такъ искусно что увидѣть ихъ можно только при самомъ тщательномъ осмотрѣ. Колзаковъ однакоже отрицалъ что онъ скрылъ при продажѣ пороки лошадей, напротивъ утверждалъ что онъ объяснялъ Киркору о трещинахъ и заклепкахъ на копытахъ у правой лошади. Но это прямо было опровергнуто мировымъ судьей и свидѣтельницей Константиновой, которая показала что на разбирательствѣ у перваго полковникъ Колзаковъ говорилъ что онъ продалъ лошадей безъ пороковъ и о заклепкахъ на копытахъ ничего не зналъ. А что онъ

зналъ и даже хотѣлъ скрыть трещины, это видно, вопервыхъ, изъ того что, по показанію двухъ свидѣтелей, онъ велѣлъ одному изъ нихъ хорошенько замазать копыта у лошадей и въ особенности на трещинахъ, и, вовторыхъ, изъ показанія кузнеца, который, по его приказанію, сдѣлалъ заклепки. Кромѣ того Киркоръ показалъ еще что, покупая лошадей, онъ говорилъ Колзакову что онъ толку въ лошадяхъ не знаетъ и очень радъ что ему приходится имѣть дѣло не съ барышникомъ, а съ человѣкомъ на котораго можно положиться, и просилъ продать лошадей смирныхъ и здоровыхъ и годныхъ для городской ѣзды. На это Колзаковъ отвѣчалъ: пусть положится на него, лошади хорошія. А еще прежде Киркору сказано было кучеромъ одного изъ его знакомыхъ, рекомендовавшимъ ему лошадей, что они продаются по случаю отъѣзда за границу, тогда какъ полковникъ Колзаковъ, напротивъ, барышничалъ лошадьми. Улики эти не были опровергнуты на судѣ, за исключеніемъ только того что два эксперта, приглашенные защитой, признали лошадей хотя и не совсѣмъ здоровыми, но стоящими той цѣны за которую они были проданы.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, присяжные признали Колзакова виновнымъ въ обманѣ, но безъ похищенія. Затѣмъ судъ приговорилъ виновнаго къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца. Но сенатъ отмѣнилъ этотъ приговоръ, какъ основанный на неправильномъ толкованіи смысла закона.

Остановимся на этомъ рѣшеніи.

Окружный судъ подвелъ дѣло Колзакова подъ двѣ статьи закона: 173 ст. Уст. о наказ. налаг. мировыми судьями и 1667 ст. Улож. о наказ. и призналъ его слѣдовательно виновнымъ въ мошенничествѣ, заключавшемся въ обманѣ относительно качества проданнаго имъ предмета. Чтобы судить о томъ правиленъ ли этотъ взглядъ, очевидно необходимо и тутъ разсмотрѣть: заключаются ли въ дѣлѣ тѣ признаки которыми мошенничество отличается отъ всѣхъ другихъ, по наружности сходныхъ съ нимъ дѣйствій?

1. Признакъ злонамѣренности отвергли въ дѣйствіи Колзакова и присяжные, признавъ его виновнымъ въ обманѣ, но безъ похищенія. Сдѣлали они это, безъ всякаго сомнѣнія, потому что приглашенные защитой эксперты заяви-

ли что проданныя Колзаковымъ лошади стоятъ даже дороже того что̀ онъ получилъ за нихъ. Но самъ Колзаковъ, очевидно, не былъ увѣренъ чтобы, несмотря на пороки, ему дали надлежащую цѣну за лошадей; иначе ему не было бы никакой нужды ни увѣрять Киркора, въ отвѣтъ на его просьбу продать лошадей смирныхъ, здоровыхъ и годныхъ для городской ѣзды, что лошади хорошія, ни скрывать ихъ недостатки. Онъ, слѣдовательно, хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять за лошадей съ покупщика дороже, чѣмъ онѣ по его мнѣнію стоили, и если не взялъ, то не по своей волѣ. Онъ все таки виновенъ поэтому если и не въ совершеніи мошенничества, то въ покушеніи на него.

2. Другой признакъ мошенничества въ дѣлѣ Колзакова былъ положительно отвергнутъ, при разсмотрѣніи его въ сенатѣ, оберъ-прокуроромъ, нынѣ сенаторомъ, Ковалевскимъ, на томъ основаніи что обманъ Колзакова былъ совершенъ на словахъ, а обманъ совершенный на словахъ не можетъ быть, по мнѣнію г. Ковалевскаго, признанъ мошенничествомъ. Присяжные хотя и признали Колзакова виновнымъ въ сокрытіи недостатковъ лошадей, разсуждаетъ г. Ковалевскій, но въ чемъ собственно состояло оно, въ одномъ ли только умолчаніи о порокахъ, или же Колзаковъ учинилъ какое-либо приготовленіе для того чтобы ввести Киркоръ въ заблужденіе, того изъ отвѣтовъ присяжныхъ не видно. Но не подлежитъ сомнѣнію что не только простое умолчаніе о скрытыхъ недостаткахъ товаровъ, но и положительныя удостовѣренія продавца о наличности такихъ качествъ его которыя на самомъ дѣлѣ не существуютъ, не могутъ быть поводомъ къ уголовному преслѣдованію продавца, потому что защита закона въ сдѣлкахъ совершенно зависящихъ отъ добровольнаго согласія сторонъ можетъ быть допущена только въ случаѣ когда одна изъ нихъ дѣйствіями другой поставлена будетъ въ невозможность уберечь себя отъ обмана, несмотря на обыкновенную осторожность и предусмотрительность, которыя необходимы и обязательны при совершеніи каждой гражданской сдѣлки. Но въ такомъ беззащитномъ положеніи сторона еще не находится отъ того только что продавецъ умолчалъ о недостаткахъ товара или завѣдомо ложно удостовѣрялъ о качествахъ товара дѣйствительно не существовавшихъ. Законъ долженъ предполагать въ каждомъ лицѣ совершающемъ какую-либо сдѣлку знаніе свойства того предмета о которомъ идетъ

дѣло, и что каждый покупающій какой-либо предметъ провѣритъ или приметъ мѣры для удостовѣренія въ качествѣ его и такимъ образомъ предохранитъ себя отъ убыточной сдѣлки. Если же этого не сдѣлано, то потерпѣвшая сторона сама виновата въ неосмотрительности и въ нерадѣніи о собственныхъ интересахъ. Болѣе распространенное толкованіе обмана можетъ повести къ уголовному преслѣдованію простыхъ и ничтожныхъ обмановъ, отъ которыхъ всякій человѣкъ, при обыкновенной внимательности и осторожности, можетъ уберечься, и притомъ можетъ имѣть вредное вліяніе на твердость и обязательность гражданскихъ сдѣлокъ. На этомъ основаніи, обманомъ въ качествѣ товара должно разумѣть лишь особыя приготовленія и дѣянія продавца которыми онъ ввелъ въ заблужденіе покупателя относительно качества товара, и притомъ если эти приготовленія и дѣянія будутъ такого рода что ихъ нельзя было раскрыть обыкновенными мѣрами предусмотрительности, обязательной для каждаго лица вступающаго въ гражданскую сдѣлку.

Осторожность и предусмотрительность—качества безспорно весьма полезныя въ гражданскихъ сдѣлкахъ и даже вообще въ жизни; но что̀ такое обыкновенная осторожность и предусмотрительность? Въ чемъ состоятъ эти качества и по какимъ признакамъ можно безошибочно судить что обманутый не соблюлъ обыкновенной осторожности при совершеніи сдѣлки и слѣдовательно самъ виноватъ въ томъ что его обманули? Принимать это во всѣхъ случаяхъ, когда обманъ состоитъ только въ томъ что продавецъ умолчалъ о недостаткахъ товара или завѣдомо ложно удостовѣрялъ покупщика о качествахъ товара дѣйствительно не существовавшихъ, едва ли можно. Всякій, конечно, въ своемъ интересѣ долженъ бы былъ знать свойство того предмета который покупаетъ, и когда нужно, то и повѣрять его качества; но многіе ли знаютъ это и поступаютъ такъ? Да и возможны ли всегда это знаніе и эта повѣрка?

Вопервыхъ, вездѣ есть огромная масса людей неразвитыхъ, которымъ чуждо и вообще всякое знаніе и которые вслѣдствіе этого чрезвычайно легковѣрны и довѣрчивы. Ихъ поэтому не сто̀итъ никакого труда увѣрить въ чемъ угодно, и вовсе не нужно никакихъ приготовленій, а достаточно и однихъ увѣреній, даже явно нелѣпыхъ, для того чтобы склонить на всякую, явно невыгодную сдѣлку для нихъ. Люди эти охотно покупаютъ и мѣдные жетоны за золотую монету, и оловянныя серь-

ги за серебряныя, и старое, поношенное, но перекрашенное платье за новое и вообще легко поддаются всякому самому грубому обману. Неужели же вся эта огромная масса людей, потому только что она по невѣжеству и необходимому спутнику его, крайнему легковѣрію, не умѣетъ отличить мѣди отъ золота, олова отъ серебра и пр., должна быть отдана на жертву ловкимъ пройдохамъ? Неужели негодяи, которые эксплуатируютъ легковѣріе простыхъ людей и отнимаютъ у нихъ кровавымъ трудомъ нажитую копѣйку, должны оставаться ненаказанными, потому только что они обманываютъ ихъ лишь на словахъ? Привольное житье было бы мошенникамъ, еслибъ это было такъ, и—плохо, очень плохо пришлось бы простымъ людямъ! Но вовторыхъ, и люди образованные никакъ не могутъ знать свойства всѣхъ товаровъ которые они покупаютъ для удовлетворенія всѣхъ своихъ разнообразныхъ нуждъ и потребностей и еще менѣе повѣрять всякій разъ то ли имъ отпускаютъ чего они требовали. И спеціалисты, которые всю жизнь торгуютъ однимъ товаромъ, когда запасаются имъ, не всегда полагаются на свое знаніе, а вмѣсто всякой повѣрки договариваются съ продавцомъ что въ случаѣ если товаръ окажется недоброкачественнымъ, они имѣютъ право возвратить его продавцу, даже въ издѣліи. Можно ли же ставить въ вину тому кто для удовлетворенія своихъ разнообразныхъ потребностей покупаетъ сегодня одно, а завтра другое, когда онъ по незнанію попадетъ въ ловушку и положившись на увѣренія продавца, вмѣсто хорошаго товара, получитъ негодный, вмѣсто прочнаго сукна—гнилое; вмѣсто матраца набитаго конскимъ волосомъ—набитый мочалой? И хотѣлось бы повѣрить доброкачественность товара, но нѣтъ никакихъ средствъ, и поневолѣ приходится покупать на вѣру въ честное слово продавца, а продавецъ пользуется этимъ и обманываетъ. Что̀ тутъ дѣлать? какъ уберечься отъ обмана? Даже когда можно и сто́итъ посовѣтоваться, не всегда можно добиться добраго совѣта. Попробуйте купить лошадь, и два коновала, къ которымъ вы обратитесь за совѣтомъ, скажутъ одинъ: что лошадь хороша, а другой—никуда не годится. Такъ было и въ дѣлѣ Колзакова. Но иногда и никакого особеннаго знанія не требуется для сдѣлки, и она такъ проста и обыкновенна что о какомъ-либо обманѣ при совершеніи ея нельзя и думать, а между тѣмъ даже человѣкъ который обыкновенно не легко поддается и хитро придуман-

нымъ кознямъ дѣлается иногда жертвой самаго наглаго обмана, оттого только что принимаетъ за чистую монету слова другаго. Приходитъ должникъ къ заимодавцу и объявивъ ему что пришелъ уплатить по заемному письму, проситъ сдѣлать на немъ надпись въ уплатѣ долга и кладетъ на столъ кошелекъ, туго набитый золотомъ; заимодавецъ видитъ это и охотно исполняетъ просьбу должника, но этотъ, въ то время какъ тотъ дѣлаетъ надпись, непримѣтно для него подбираетъ къ рукамъ кошелекъ, и получивъ заемное письмо, уходитъ не заплативъ денегъ. Приходитъ другой должникъ къ другому заимодавцу, который не разъ съ нимъ имѣлъ дѣло, и говоритъ ему что онъ у такого-то нотаріуса переписалъ имѣющееся у заимодавца долговое обязательство на него и проситъ заимодавца возвратить ему сіе послѣднее; заимодавецъ возвращаетъ, но оказывается что должникомъ ни у какого нотаріуса никакого новаго долговаго обязательства составлено не было. Нѣкто покупаетъ на биржѣ значительную сумму облигацій испанскаго займа, беретъ ихъ къ себѣ, проситъ дать ему повѣрить счетъ, находитъ его вѣрнымъ, даетъ задатокъ и проситъ продавца дойти съ нимъ для полученія остальной суммы до банкирской конторы, но на пути туда скрывается. Соблюдена ли была въ этихъ случаяхъ обманутыми обыкновенная осторожность и предусмотрительность или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ былъ еще употребленъ для вовлеченія въ обманъ и ловкій маневръ, а во второмъ и третьемъ все дѣло происходило чрезвычайно просто, и обманъ состоялъ въ однихъ словахъ; но французскій кассаціонный судъ не усомнился признать не только первую, но и третью продѣлку — мошенничествомъ, а во второмъ случаѣ хотя и отвергъ мошенничество, но потому только что обманщикъ не имѣлъ въ виду, когда обманывалъ, ни убѣдить въ существованіи небывалыхъ предпріятій, мнимаго вліянія или кредита, ни поселить надежду успѣха или опасеніе неудачи или ожиданіе какого-либо непредвидѣннаго или сказочнаго событія,— признаки, которые по французскому кодексу необходимо требуются для того чтобъ обманъ могъ быть признанъ мошенничествомъ. Наконецъ много значитъ для характеристики обмана и то кто обманываетъ. Есть люди которые по самому своему званію и общественному положенію заслуживаютъ особеннаго довѣрія и противъ которыхъ поэтому остеречься чрезвычайно трудно, и напротивъ есть не мало и такихъ

которымъ ни въ чемъ нельзя вѣрить и съ которыми поэтому при всякой сдѣлкѣ надобно держать ухо востро. Обманъ первыхъ, и по нашимъ законамъ, безъ сомнѣнія по этой причинѣ, считается особенно важнымъ.

Никакой, слѣдовательно, обыкновенной, одинаково для всѣхъ обязательной осторожности и предусмотрительности при совершеніи гражданскихъ сдѣлокъ нѣтъ и быть не можетъ; напротивъ каждый можетъ быть осторожнымъ и предусмотрителенъ только въ своей мѣрѣ и по своимъ средствамъ, а посему и вопросъ о томъ когда обманъ должно считать мошенничествомъ, зависитъ не отъ того былъ ли обманутый вообще осторожен при совершеніи сдѣлки, а отъ того въ какой мѣрѣ по своему индивидуальному свойству онъ могъ быть осторожнымъ и предусмотрительнымъ или былъ способенъ дѣйствовать осторожно и предусмотрительно въ то время когда подвергся обману. Въ чемъ же состоялъ обманъ, въ однихъ ли только положительно ложныхъ удостовѣреніяхъ о не существующихъ качествахъ товаровъ, или въ умолчаніи только о скрытыхъ недостаткахъ ихъ, или въ особенныхъ приготовленіяхъ, это для понятія мошенничества совершенно все равно и можетъ имѣть вліяніе только на степень тяжести его. Признаніе или непризнаніе обмана мошенничествомъ всегда должно поэтому зависѣть отъ обстоятельствъ даннаго случая. Должно изслѣдовать—кто, кого и при какихъ обстоятельствахъ обманулъ, и никогда не рѣшать вопросъ о свойствѣ обмана отвлеченно.

Такъ именно толкуютъ и французскіе юристы, введенные во французскую судебную практику кассаціоннымъ судомъ слова: prevoyance ordinaire — обыкновенная предусмотрительность. И они считаютъ возможнымъ и справедливымъ только конкретное рѣшеніе вопроса, и основываясь на многихъ рѣшеніяхъ кассаціоннаго суда, утверждаютъ что и самъ онъ держится такого же пониманія означенныхъ словъ.

Женщина пришла къ ювелиру, и предложивъ купить у нея бриллiантовый уборъ, оставила его у него. На другой день явилось къ ювелиру третье, подосланное женщиной лицо и предложило за уборъ высшую цѣну, и ювелиръ поспѣшилъ купить уборъ. Обманъ открылся, ювелиръ подалъ жалобу, но кассаціонный судъ отвергъ ее на томъ основаніи что продѣлка женщины не могла обмануть обыкновенную предусмотрительность и въ особенности предусмотрительность которая должна руководить дѣйствіями торговцевъ въ ихъ оборотахъ.

Поясняя это рѣшеніе кассаціоннаго суда и имѣя въ виду и другія подобныя рѣшенія, Эли и Шово разсуждаютъ такимъ образомъ: Предусмотрительность людская весьма много зависитъ отъ воспитанія, образованія и опытности. Если нѣкоторые по невѣжеству или недостатку понятливости лишены обыкновенной предусмотрительности, слѣдуетъ ли оставлять ихъ беззащитными? Потому что дабы обмануть ихъ достаточно самое грубое мошенничество, должно ли оставлять мошенника безъ наказанія? Дѣйствіе посредствомъ котораго совершается обманъ должно быть обсуживаемо не иначе какъ въ его отношеніи къ проницательности и благоразумію того лица которое сдѣлалось жертвой обмана; его свойство должно быть опредѣляемо качествами ума, общественнымъ положеніемъ и родомъ занятій этого лица. Должно изслѣдовать не то—способно ли было дѣйствіе обмануть обыкновенное благоразуміе людей, потому что это благоразуміе имѣетъ столько степеней и можетъ быть то больше, то меньше, смотря по ихъ индивидуальнымъ свойствамъ; должно изслѣдовать—способно ли было дѣйствіе усыпить благоразуміе того кто жалуется на обманъ, обмануть его при той образованности и проницательности, которыя предполагаютъ его состояніе, воспитаніе и положеніе, однимъ словомъ, не былъ ли онъ самъ неосторожeнъ и непредусмотрителенъ и виноватъ въ томъ что слишкомъ легко поддался грубому обману.

Это обсужденіе должно быть, слѣдовательно, чисто относительное, а не какъ основанное на общемъ правилѣ. Общество должно защищать своихъ членовъ противъ всякой неправды и всякихъ плутней противъ которыхъ они сами не въ состояніи защищаться; оно должно ограждать ихъ не только противъ всякаго насилія, но и противъ козней, которыя застигаютъ ихъ въ расплохъ и опутываютъ ихъ свободу. Но дѣйствіе уголовнаго закона пріостанавливается тотчасъ, когда обманъ не имѣетъ такого дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, когда съ одной стороны, обманъ не заключаетъ въ себѣ слишкомъ большаго нравственнаго насилія, а съ другой, лицо противъ котораго онъ былъ направленъ обладало нужнымъ благоразуміемъ, чтобы быть въ состояніи примѣтить западню и избѣжать ея; когда не столько обманъ, сколько собственное необдуманное увлеченіе вызываетъ рѣшимость лица, то законъ не долженъ вступаться; достаточно, если онъ замѣчаетъ слѣды воли, можетъ-быть и слѣпой, но настолько свободной что

она еще могла дѣйствовать; воля должна быть признаваема свободною и не связанною когда козни обманщика придуманы не настолько искусно чтобы подавить ее. Уголовный законъ не долженъ охранять гражданъ противъ ихъ собственныхъ ошибокъ, но только противъ насилія и обмановъ, отъ которыхъ не можетъ предохранить ихъ собственное благоразуміе. Не всѣ впрочемъ козни одинаково преступны; иногда онѣ придумываются съ такимъ искусствомъ что предъ нима оказывается безсильною и самая величайшая осторожность; иногда же, напротивъ, такъ грубы, что очевидны и для самаго недальновиднаго человѣка; въ первомъ случаѣ, онѣ обнаруживаютъ навыкъ въ обманѣ, такую преступную смѣтливость которая увеличиваетъ преступность обмана; въ послѣднемъ же случаѣ, ихъ простота свидѣтельствуетъ о нерѣшительности обманщика и можетъ даже наводить сомнѣніе относительно его намѣренія.

Особенно вредно и опасно у насъ ограничивать область мошенничества такими обманами которые совершаются съ особыми приготовленіями. Въ нашей торговлѣ обманъ возведенъ почти-что въ основный принципъ ея. Существуютъ и поговорки которыя самымъ рельефнымъ образомъ выражаютъ господствующій характеръ нашей торговли: не обманутъ—не продать, на ловца и звѣрь бѣжитъ, на то и щука въ морѣ чтобы карась не дремалъ. Въ силу этихъ коренныхъ началъ, искусство обманывать покупателей доведено у насъ до такого совершенства что никто не можетъ быть увѣренъ въ томъ что его не обманули при покупкѣ, если не въ качествѣ, то въ цѣнѣ товара. Запрашиваніе за товаръ втрое, вчетверо до того въ обычаѣ у нашихъ торговцевъ, что и наши prix fixes не всегда гарантируютъ покупателей отъ передачи даже и въ лучшихъ магазинахъ. Но это еще сносно и вызываетъ на жалобу лишь когда за дорогую цѣну дается товаръ дрянной, что̀ также случается; но иногда бываетъ и то что продается товаръ одного качества, а отпускается другаго, худшаго. Когда же набѣгаетъ на ловца подходящій звѣрь, простакъ съ туго набитымъ кошелькомъ, то за нимъ начинается погоня какъ за настоящимъ звѣремъ. Его закидываютъ словами и товарами, и насильно навязываютъ ему кучу ненужнаго хлама, и отуманивъ простяка, чуть не своими руками берутъ изъ его кошелька деньги за проданный товаръ по аптекарскому счету.

Всѣ эти продѣлки дѣлаются изъ-подтишка; что же должно быть тогда когда можно совершать ихъ не опасаясь никакого наказанія? И чѣмъ лучше эти дѣйствія мелкаго воровства? Въ оплошности и тотъ виноватъ у кого вытаскиваютъ изъ кармана платокъ, кошелекъ, часы; но вору это не служитъ же въ оправданіе.

Опасеніе что уголовное преслѣдованіе простыхъ и несложныхъ обмановъ можетъ имѣть вредное вліяніе на твердость гражданскихъ сдѣлокъ, если признать его справедливымъ, все-таки не настолько важно, чтобъ изъ-за него можно было равнодушно смотрѣть на то какъ люди злоупотребляютъ довѣренностью тѣхъ которые вступаютъ съ ними въ сдѣлки. Отъ уголовнаго преслѣдованія простыхъ и несложныхъ обмановъ можно въ крайнемъ случаѣ ожидать умноженія числа неосновательныхъ и ябедническихъ жалобъ, но ненаказанность ихъ необходимо поведетъ къ ослабленію довѣрія, безъ котораго невозможны никакія сдѣлки, невозможна и вообще никакая торговля. Да и самимъ торговцамъ обманъ рѣдко когда служилъ въ пользу. Можно обмануть разъ, два, а въ третій разъ къ нечестному продавцу никто уже и не пойдетъ, и на концѣ торговли такого торговца почти всегда стоитъ банкротство, которое впрочемъ иногда и само употребляется какъ способъ наживы и служитъ въ то же время и осязательнымъ доказательствомъ того какъ вредно всякое послабленіе въ преслѣдованіи мошенничества. Только основанная на честныхъ правилахъ торговля представляетъ надежный путь къ обогащенію.

Въ началѣ честная торговля не приноситъ, правда, большихъ барышей, но именно потому она и ведетъ прямымъ путемъ къ обогащенію что не спѣшитъ заразъ пріобрѣсти многое. Дешевизна товаровъ, при несомнѣнной доброкачественности ихъ, естественно привлекаетъ покупателей; къ продавцу у котораго надѣются получить хорошій товаръ по сходной цѣнѣ, всѣ идутъ охотно; число его покупателей постоянно увеличивается; капиталъ, употребленный на торговлю, вслѣдствіе того, обращается быстро, и небольшой барышъ становится большимъ. Посему всѣ настоящіе торговцы, истинные купцы, которые правильно понимаютъ интересы торговли и дорожатъ честію своего званія, не въ пользу торговли основанной на обманѣ: обманомъ промышляютъ обыкновенно мелкіе тор-

гаши и аферисты. Обманомъ нажитое рѣдко идетъ и въ прокъ, что легко пріобрѣтается, то также легко и спускается.

„Пусть думаютъ нѣкоторые, говоритъ нѣмецкій криминалистъ Эшеръ, что они отстаиваютъ дѣло торговли, когда въ противность мнѣнію всѣхъ настоящихъ и благородно мыслящихъ купцовъ утверждаютъ будто сущность торговли и оборотовъ въ томъ чтобы всякій старался по возможности наживаться на счетъ другаго и понадуть его; будто запретить торговцу измышлять средства какъ бы побольше пріобрѣсть прибыли, значило бы уничтожить и самую торговлю: на то де у всякаго и глаза чтобы смотрѣть въ оба, и кто половчѣе, тотъ по справедливости долженъ имѣть и выгоду. Настоящіе купцы не могутъ такъ разсуждать; тѣ купцы которые дорожатъ честію своего званія не могутъ признать своими сочленами тѣхъ кто такъ мыслитъ. Подобная торговля, которая держится только обманомъ и изубыточеньемъ, въ которой прибыль для одного есть потеря для другаго, не торговля, а мошенничество или ажіотажъ. Въ то время какъ исторія, разумъ и опытъ показываютъ что такое торгашество портитъ народную нравственность и ведетъ къ упадку и самыя государства, наука государственнаго хозяйства систематически доказываетъ что торговля основанная на обманѣ не только не способствуетъ къ увеличенію народнаго богатства, но и явно вредитъ ему, и что напротивъ отъ той торговли которую только и одобряютъ разумъ и наука государственнаго хозяйства и которая соединяетъ націи и служитъ для взаимнаго обмѣна ихъ излишковъ и пополненія недостатковъ, оба контрагента выигрываютъ. Душа торговли есть кредитъ, и этотъ кредитъ можетъ быть упроченъ лишь посредствомъ строгаго наказанія обмана. Истинная торговля есть не иное что какъ способъ употреблять съ пользой свой капиталъ, свое время, свою дѣятельность, свои пріобрѣтенныя свѣдѣнія; чѣмъ большее богатство свѣдѣній и чѣмъ значительнѣе капиталы требуются для ея производства, тѣмъ болѣе и барышъ, потому что тѣмъ менѣе и конкурренція. Могутъ конечно и случайныя обстоятельства увеличить барышъ, какъ случайно увеличивается прибыль земледѣльца, когда его произведенія возрастаютъ въ цѣнѣ по случаю войны или по другимъ обстоятельствамъ. Наконецъ нѣкоторыя спекуляціи уполномочиваютъ на бóльшую прибыль, потому что онѣ, по самому своему свойству, соединены съ большею опасностію, какъ

напримѣръ морская торговля. Такою торговлей, конечно, никто бы не захотѣлъ и не могъ бы заниматься, еслибы предметы ея тѣми которые имѣютъ въ нихъ нужду не были хорошо оплачиваемы. Но во всемъ этомъ нѣтъ ничего такого что бы хотя отдаленнымъ образомъ доказывало необходимость обмана для процвѣтанія торговли и что бы говорило въ пользу тѣхъ которые всучиваютъ покупателямъ дрянной товаръ, или земли не слышатъ подъ собой, когда имъ удаются какія-либо безумныя предпріятія, и напротивъ, стараются возбудить общее участіе къ себѣ, когда, вслѣдствіе такой безразсудной жадности къ прибытку, расточаютъ чужое добро и подъ конецъ объявляютъ себя несостоятельными. Какъ обманщиковъ должно наказывать и тѣхъ которые завѣдомо продаютъ туземное сукно за французское или англійское; товары низшаго качества и обработки ложно за товары извѣстной фабрики, произведенія которой отличаются особенною доброкачественностію; картины, гравюры и пр. завѣдомо ложно подъ именемъ знаменитыхъ мастеровъ; новыя произведенія искусства за старинныя рѣдкости; поддѣльное вино за цѣльное; обыкновенныхъ барановъ и овецъ за испанскихъ и пр. Чтобъ отрицать что и такія дѣйствія должны подлежать наказанію, нужно прежде доказать что всякій кто въ торговлѣ и при сдѣлкахъ вѣритъ въ добросовѣстность другаго—олухъ, который долженъ нести наказаніе за свою глупость, тоесть каждый обязанъ имѣть всѣ необходимыя и особенныя свѣдѣнія о всѣхъ предметахъ которые покупаетъ для себя или по порученію.... Ссылаются на римское право, которое отличало простой обманъ отъ подлога и только послѣдній подвергало наказанію; обманъ, напротивъ, дозволяло преслѣдовать только путемъ гражданскимъ, признавая на обманѣ основанныя сдѣлки недѣйствительными и приговаривая обманщика къ вознагражденію убытка. На это слѣдуетъ отвѣчать что Римляне и за воровство не наказывали уголовно, а приговаривали виновныхъ также только въ вознагражденію убытка и взыскивали съ нихъ вдвое противъ похищеннаго ими, и то когда потерпѣвшій отъ воровства самъ искалъ на ворѣ, а государство вовсе не заботилось о томъ. Въ древней Римской республикѣ не было ни полиціи, ни уголовнаго суда, въ нашемъ смыслѣ, которые бы обязаны были по долгу званія преслѣдовать и наказывать преступленія. Только за важнѣйшія государственныя преступленія было угрожаемо наказаніемъ, но и за нихъ вступались

лишь тогда, когда отважный гражданинъ или мстительный клеветникъ требовалъ къ суду виновнаго. Отъ такого, совершенно не похожаго на наше, государственнаго и судебнаго устройства выводить какія-либо заключенія относительно ненаказуемости обмана тѣмъ менѣе позволительно что Римляне не были и торговымъ народомъ, и простой народъ находился у нихъ подъ суммарною юстиціей и бичемъ господъ. Но и при всемъ этомъ у Римлянъ и простые обманы могли быть преслѣдуемы, по крайней мѣрѣ посредствомъ actio stellionatus. Да и actio doli для гордаго гражданина владычнаго города было не просто гражданскимъ искомъ въ нашемъ смыслѣ, но чувствительнымъ наказаніемъ, ибо въ случаѣ успѣха, одно покрывало виновнаго безчестіемъ и поэтому дозволялось съ большимъ разборомъ. Посредствомъ actio doli, равно какъ и stellionatus, можно было преслѣдовать всякое дѣйствіе злонамѣренное, когда имъ былъ причиняемъ ущербъ въ имуществѣ."

Во всѣхъ видахъ преслѣдуетъ обманъ и наше отечественное законодательство, и толкованіе что обманъ не наказуемъ при совершеніи гражданскихъ сдѣлокъ, даже когда онъ состоитъ въ качествѣ товаровъ, совершенно чуждо ему. Не только нельзя вывести этого толкованія, даже и съ натяжкой, изъ того опредѣленія которое дается мошенничеству въ нашемъ Сводѣ, но оно прямо противно самымъ точнымъ и опредѣленнымъ постановленіямъ нашихъ законовъ.

1. Мошенничество слѣдующимъ образомъ опредѣляется въ Сводѣ Законовъ:

„Мошенничествомъ признается всякое посредствомъ какого-либо обмана похищеніе чужихъ вещей или денегъ, или иного движимаго имущества."

Изъ этого опредѣленія открывается ясно что по нашимъ законамъ для того чтобы извѣстное дѣйствіе могло быть признано мошенничествомъ, требуются только два признака: оно должно, вопервыхъ, заключать въ себѣ похищеніе, и вовторыхъ, какъ средство для совершенія похищенія, долженъ быть употребленъ обманъ. Какой обманъ? Объ этомъ не говорится въ опредѣленіи ничего, но слова посредствомъ *какого-либо* обмана ясно указываютъ на то что достаточенъ всякій обманъ, въ чемъ бы онъ ни состоялъ и какъ бы ни совершался, на словахъ или на дѣлѣ, съ особенными приготовленіями или безъ всякихъ приготовленій. А 2) въ ст. 1.688 Улож. прямо обозна-

чаются, какъ способы совершенія обмана для побужденія къ дачѣ обязательствъ, ложныя извѣстія, свѣдѣнія и увѣренія, и о приготовленіяхъ говорится лишь какъ объ обстоятельствѣ увеличивающемъ вину и наказаніе обманщика. Наконецъ 3) и въ статьяхъ Устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, 173, вмѣстѣ съ обманомъ въ качествѣ товаровъ, запрещаются и обмѣръ и обвѣсъ при продажѣ, куплѣ и мѣнѣ товаровъ и другіе обманы въ количествѣ товаровъ и въ разсчетѣ платежа и при размѣнѣ денегъ, а въ ст. 174 уравниваются со всѣми вышеозначенными дѣйствіями: подмѣнъ вещей, ввѣренныхъ для храненія, переноски, перевозки или иного доставленія, и выманиваніе у кого-либо денегъ посредствомъ сообщенія ложныхъ извѣстій или подъ видомъ выгодныхъ предпріятій, мнимыхъ расходовъ по какому-либо дѣлу, благотворительныхъ приношеній; невозвращеніе, по уплатѣ долга, заемнаго письма, векселя, росписки, подписаннаго покупателемъ счета или неозначеніе на нихъ о полученіи слѣдовавшихъ денегъ, съ намѣреніемъ вновь потребовать уплаченное; невозвращеніе, при полной уплатѣ долга, даннаго въ обезпеченіе займа заклада, и наконецъ отдача, безъ уполномочія на то, въ наемъ или безмездное пользованіе чужаго движимаго имущества, съ намѣреніемъ присвоить себѣ слѣдующія за наемъ деньги или извлечь изъ сего другую противозаконную выгоду,—все самыя простыя и несложныя плутни, которыя могутъ быть совершаемы и безъ всякихъ особенныхъ приготовленій, и наконецъ, въ статьѣ 175, за всѣ эти дѣйствія, не исключая и обмана въ качествѣ товаровъ, предписывается только увеличивать наказаніе, когда для совершенія обмана сдѣланы были какія-либо особыя приготовленія.

Все это показываетъ ясно что особыя приготовленія и по нашимъ законамъ вовсе не составляютъ необходимаго условія наказуемости обмана при гражданскихъ сдѣлкахъ, и что слѣдовательно и обману въ качествѣ товаровъ признакъ этотъ можетъ быть навязанъ только совершенно произвольно.

Нашему обману въ качествѣ товаровъ соотвѣтствуетъ во Франціи обманъ въ натурѣ товаровъ. По кодексу Наполеона, обманъ этотъ составляетъ особое самостоятельное преступленіе—tromperie, и тѣмъ именно и отличается отъ мошенничества—escroquerie, что совершается болѣе на словахъ чѣмъ на дѣлѣ, и не подчиняется, подобно мошенничеству, никакимъ

особеннымъ условіамъ и не требуетъ непремѣнно и приготовленій. Словомъ *натура* замѣнено въ Наполеоновскомъ кодексѣ *качество*, по той же причинѣ по которой въ разбираемомъ нами толкованіи признано было за нужное обставить обманъ въ качествѣ товаровъ особыми приготовленіями, для предупрежденія ябедническихъ и недѣльныхъ процессовъ. Но законодательное собраніе находило и это ограниченіе недостаточнымъ и полагало что было бы полезно внести въ законъ еще слѣдующія слова: „въ происхожденіи и родѣ товаровъ". Тогда бы слѣдовало считать виновнымъ въ обманѣ при продажѣ товаровъ того кто бы, продавъ лошадь, отпустилъ другую, или вмѣсто лувьёвскаго сукна надѣлилъ покупателя эльбевскимъ; законъ прилагался бы лишь къ тѣмъ случаямъ когда бы не было тождества между купленнымъ и отпущеннымъ товаромъ, и недѣльныя жалобы были бы устранены. Государственный совѣтъ не принялъ этой поправки, и Наполеоновъ кодексъ запрещаетъ только обманъ въ натурѣ товаровъ. Необходимо чтобы доставленный товаръ не только былъ другой, но чтобы между тѣмъ и другимъ была существенная разница. Обманъ въ качествѣ только товара, также какъ и обманъ въ цѣнѣ, можетъ быть предотвращенъ. Въ качествѣ товара можно удостовѣриться, а цѣну сбить, а относительно натуры товара покупатели часто поневолѣ должны полагаться на продавца.

Такимъ образомъ проступокъ конечно опредѣляется точнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ остаются безнаказанными обманы часто болѣе вредные и чувствительные чѣмъ обманъ въ натурѣ товаровъ. Кому продаютъ матерію смѣшанную съ пенькой, но хорошую, за чисто шерстяную, тотъ едва ли большій терпитъ убытокъ, чѣмъ тотъ кому за прочное продаютъ гнилое, хотя и чисто шерстяное сукно. Да и труднѣе ли впасть въ ошибку въ первомъ чѣмъ въ послѣднемъ случаѣ? Вы желаете имѣть пару платья изъ лучшаго англійскаго матеріала и заказываете ее лучшему портному, но онъ изготовляетъ ее изъ тонкаго и казистаго, но русскаго сукна: какъ узнать что вы обмануты? Спора нѣтъ въ томъ что злоупотребленіямъ должно по возможности противодѣйствовать, но косвенно разрѣшать для этого обманы, значитъ ставить на мѣсто одного меньшаго зла другое большее.

Обращаясь затѣмъ къ дѣлу Колзакова, находимъ что совершенный имъ обманъ состоялъ и не въ однихъ ложныхъ

удостовѣреніяхъ о не существовавшихъ качествахъ проданныхъ имъ лошадей и не въ простомъ умолчаніи о ихъ недостаткахъ, а и въ сокрытіи ихъ, и что для этого были сдѣланы имъ и особенныя приготовленія. Въ сокрытіи недостатковъ лошадей обвинили Колзакова и присяжные; но имъ, къ сожалѣнію, не предложенъ былъ вопросъ о томъ въ чемъ состояло это сокрытіе, и тѣмъ дана возможность опровергнуть ихъ приговоръ, но самое существо дѣла отъ этого промаха суда нисколько не измѣнилось. Пороки лошадей были несомнѣнно намѣренно скрыты, и для этого уже заблаговременно были приняты весьма дѣйствительныя мѣры, которыя легко могли ввести въ заблужденіе и болѣе опытнаго покупателя.

Продавецъ еще лѣтомъ приказалъ сдѣлать заклепки на копытахъ лошадей, а предъ продажей велѣлъ хорошенько замазать копыта, въ особенности на трещинахъ, и при осмотрѣ лошадей покупателемъ, показывать ихъ такъ чтобы скрыть отъ него заклепки. Но и независимо отъ того, однихъ завѣреній Колзакова о доброкачественности лошадей было вполнѣ достаточно чтобы ввести Киркоръ въ заблужденіе. Продаетъ лицо внушающее, повидимому, довѣренность; покупатель при самомъ началѣ сдѣлки съ полною откровенностью объявляетъ что онъ толку въ лошадяхъ не знаетъ, радъ поэтому что имѣетъ дѣло не съ барышникомъ и проситъ продать ему лошадей смирныхъ, здоровыхъ и годныхъ для городской ѣзды; продавецъ спѣшитъ успокоить его самымъ положительнымъ удостовѣреніемъ что лошади хороші́я, но вслѣдъ затѣмъ онъ тотчасъ отдаетъ приказаніе замазать получше копыта лошадей и показывать ихъ покупателю такъ чтобъ онъ не примѣтилъ заклепокъ.

Очевидная недобросовѣстность дѣла побудила присяжныхъ признать продавца виновнымъ, несмотря на то что похищеніе ему не удалось. Чутьемъ отгадали они что дѣло не въ дѣлѣ только, а и еще болѣе въ намѣреніи. Судъ подвелъ дѣло подъ законы объ обманѣ и мошенничествѣ, по всей вѣроятности потому что обманъ въ качествѣ товара былъ совершенъ имъ вполнѣ. Лошади, хотя и стоили того что̀ взялъ за нихъ продавецъ, но не имѣли тѣхъ качествъ которыя онъ приписывалъ имъ и оказались негодными для покупщика. Вслѣдствіе этого сдѣлка не могла не быть убыточна для покупателя. Деньги отданныя за лошадей оставались безъ обращенія; безъ сомнѣнія сдѣланы были и нѣкоторыя издерж-

ки по поводу покупки, да и процессъ конечно не обошелся безъ нихъ.

Продавецъ въ разсматриваемомъ случаѣ понесъ, конечно, не легкое наказаніе, попавъ на скамью подсудимыхъ и вытерпѣвъ муку уголовнаго процесса по обвиненію въ мошенничествѣ. Непризнаніе его дѣйствія подлежащимъ законной карѣ имѣетъ важность въ иномъ отношеніи. Не можетъ ли оно быть истолковано какъ косвенное разрѣшеніе обманывать при продажѣ не только лошадей, но и всякаго другаго товара, насчетъ качества; надобно только остерегаться чтобы притомъ не было ничего такого что̀ бы могло быть признано за особое приготовленіе и затѣмъ, не опасаясь взысканія, обирать простаковъ, которые еще вѣрятъ въ честность людскую, и не запасшись свѣдѣніями во всѣхъ возможныхъ товарахъ, вступаютъ въ гражданскія сдѣлки. Не спросясь броду не суйся въ воду!

С. БАРШЕВЪ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ И НРАВООПИСАТЕЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Слышно что въ Петербургѣ предпринято полное изданіе сочиненій Екатерины; говорятъ что въ это изданіе войдутъ не только тѣ ея произведенія которыя когда-либо были напечатаны, или хоть предназначались для печати, не только тѣ которыя имѣютъ какое-нибудь литературное достоинство, но и вся ея переписка политическая, литературная и интимная. Нельзя не радоваться такому извѣстію, но нельзя не сказать и того что въ настоящее время, къ великому стыду своему, Россія не имѣетъ хоть сколько-нибудь сноснаго собранія сочиненій Екатерины, даже такихъ обнародованіе коихъ не можетъ подавать повода къ какимъ-либо сомнѣніямъ и не заключаетъ въ себѣ ничего щекотливаго. Любопытное и во многихъ отношеніяхъ важное ея сочиненіе *Antidote*, нѣсколько разъ напечатанное за границей, никогда не удостоилось этой чести въ Россіи, и только въ прошломъ году наша публика могла прочесть его въ русскомъ переводѣ. Въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Екатерины нѣтъ и помину объ *Антидотѣ*; равно какъ о многихъ драматическихъ ея піесахъ; изъ огромной переписки которую вела Екатерина, напечатаны, или правильнѣе, перепечатаны лишь незначительные клочки; *Были и Небылицы* напечатаны безъ всякаго смысла, и все это свалено въ три жал-

кіе въ типографскомъ отношеніи томика, подвергшіеся сверхъ того немаловажнымъ ампутаціямъ со стороны цензуры.

Екатерина II не представляетъ собою конечно такого крупнаго явленія въ нашей литературѣ какъ Ломоносовъ или Карамзинъ; самое громкое изъ ея сочиненій, *Наказъ*, не есть произведеніе самостоятельное и заимствуетъ главнымъ образомъ свое въ самомъ дѣлѣ необыкновенно важное значеніе отъ высокаго положенія своего автора. Естественно что слова: „мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать что мы сотворены для нашего народа" имѣютъ въ устахъ императрицы совсѣмъ не то значеніе какое имѣли бы они въ устахъ частнаго человѣка; воззванія къ милосердію судей, порицаніе пытки и вообще духъ человѣколюбія, коимъ проникнутъ *Наказъ*, не составляли новости въ публицистикѣ тогдашней Европы, но произвели глубокое впечатлѣніе какъ за границей, такъ и въ особенности въ Россіи, потому именно что *Наказъ* вышелъ изъ-подъ пера коимъ водила самодержавная рука. Положеніе Екатерины сообщаетъ особенную важность горячему заступничеству за Русскій народъ, замѣчаемому въ *Антидотѣ*, благосклоннымъ отзывамъ о нашей старинѣ и старанію выставить на видъ сочувственныя стороны нашей исторіи, которыя мы находимъ какъ въ помянутомъ сочиненіи, такъ и въ *Запискахъ касательно Россійской Исторіи*; гуманныя понятія, разсѣянныя въ книжечкахъ написанныхъ ею для своихъ внуковъ, получаютъ особенное значеніе, потому что они свидѣтельствуютъ объ образѣ мыслей русской государыни и служатъ ключомъ къ объясненію личнаго характера императора Александра I; самая переписка Екатерины съ литераторами и учеными, очень любопытная впрочемъ какъ историческій матеріалъ, представляла бы для насъ конечно гораздо менѣе интереса, еслибы не открывала какъ смотрѣла на науку и литературу женщина во власти которой было покровительствовать имъ въ своихъ владѣніяхъ или преслѣдовать ихъ. *

Таково исключительное положеніе крупныхъ политическихъ дѣятелей когда они выступаютъ на литературное поприще. Какъ бы ни были посредственны ихъ стихи и проза, необходимо изучать ихъ если не въ интересѣ чисто-литературномъ и художественномъ, то въ интересѣ исторіи, какъ матеріалъ

* О всѣхъ этихъ сочиненіяхъ ея смотри статью мою: *Екатерина II какъ писательница*, въ *Зарѣ* 1869 и 1870 годовъ.

для изученія характера и различныхъ душевныхъ настроеній лицъ имѣвшихъ, по своему положенію, большое вліяніе на судьбы цѣлыхъ народовъ. Но при изученіи сочиненій коронованныхъ писателей необходимо имѣть въ виду еще одну особенность, а именно то что подъ рукой у нихъ всегда бываютъ помощники. Возможно ли, напримѣръ, чтобы Фридрихъ II, среди тревожныхъ обстоятельствъ своего царствованія, среди жестокихъ войнъ и безпрестанныхъ политическихъ заботъ, написалъ самъ, одинъ, безъ всякой посторонней помощи всю ту массу сочиненій которая издана подъ его именемъ? Возможно ли чтобъ онъ самъ лично производилъ всѣ справки необходимыя для его *Мемуаровъ*, *Исторіи Семилѣтней войны* и *Бранденбургскаго Дома*? Конечно нѣтъ. Изъ собственноручныхъ его депешъ извѣстно что онъ не очень правильно и даже не совсѣмъ складно писалъ по-французски, а между тѣмъ всѣ его печатныя сочиненія написаны прекраснымъ французскимъ языкомъ. Мы знаемъ что въ теченіе нѣкотораго времени его прозу и стихи выправлялъ Вольтеръ и что послѣдній имѣлъ за ними не мало дѣла; нѣтъ сомнѣнія что до прибытія Вольтера въ Потсдамъ и послѣ того какъ онъ разсорился съ своимъ вѣнценоснымъ другомъ, были другіе стилисты и грамотѣи которые держали корректуру сочиненій Прусскаго короля; нѣтъ сомнѣнія также что были у него подъ рукой и другіе помощники, такіе которые рылись въ историческихъ сочиненіяхъ и архивахъ для того чтобы доставлять державному писателю фактическія данныя,—и тѣмъ не менѣе всѣ французскіе библіографы и каталогисты не только упоминаютъ о Фридрихѣ Великомъ какъ о французскомъ писателѣ, но и какъ о писателѣ замѣчательномъ.

Французскіе, а также нѣмецкіе каталогисты * и библіографы упоминаютъ также и о Екатеринѣ; но многіе изъ нихъ утверждаютъ что она только подписывала свое имя подъ сочиненіями которыя писали для нея другіе. Отчасти по этой причинѣ, а отчасти по незнанію, многія сочиненія несомнѣнно вышедшія изъ-подъ пера Екатерины не находятся въ иностранныхъ каталогахъ, или сопровождаются въ нихъ произвольными объясненіями. Такъ напримѣръ, въ *Manuel du Libraire*, Брюнѐ, подъ рубрикой Catherine II, упоминаетъ только о *Наказѣ* и о *Царевичѣ*

* На англійскій языкъ переведенъ изъ сочиненій Екатерины только *Наказъ* (см. *Bibl. Britannica.*)

Хлоръ (въ переводахъ), а *Антидотъ* (во французскомъ подлинникѣ) помѣщенъ особо, съ оговоркой что его „приписываютъ Екатеринѣ въ сообществѣ Шувалова"; въ другомъ мѣстѣ, перечисляя сочиненія аббата Шаппа, Брюнè говоритъ что возраженіе на его описаніе Россіи, то-есть *Антидотъ*, написано „по приказанію" Екатерины, слѣдовательно не ею самой. Другіе библіографы,—Кераръ (*La France littéraire*), Эбертъ (*Allg. bibliogr. Lexicon*) и Грессъ (*Trésor des Livres rares*), приписываютъ Екатеринѣ нѣкоторыя сочиненія о коихъ не упоминаетъ Брюнè, и даже такія которыхъ она вовсе не писала; Кераръ въ своемъ *Supercheries littéraires dévoilées* заявляетъ что *Антидотъ* написанъ вовсе не Екатериной, а княгиней Дашковой и скульпторомъ Фальконè; по словамъ этого библіографа, почти все приписываемое Екатеринѣ написано разными ея приближенными, а не ею, и слѣдовательно вся ея извѣстность какъ писательницы есть *supercherie littéraire*, начиная съ *Наказа*.

Но говоря такимъ образомъ, Керапъ доказалъ только то что онъ не изслѣдовалъ надлежащимъ образомъ библіографію Екатерины. Существуютъ брульйоны нѣкоторыхъ ея сочиненій, и между прочимъ *Наказа*, равно какъ нѣкоторыхъ ея піесъ, написанные собственною ея рукой; о непосредственномъ ея участіи въ переводѣ Мармонтелева *Велизарія* существуютъ свидѣтельства несомнѣнныя; о томъ что бóльшая часть ея театральныхъ піесъ написана ею самою говоритъ въ своихъ запискахъ Храповицкій, который обязанъ былъ переписывать и исправлять ихъ въ грамматическомъ отношеніи и придѣлывать куплеты къ нѣкоторымъ изъ нихъ; объ авторскихъ ея правахъ на другія комедіи и „пословицы" приписываемыя ей свидѣтельствуютъ графъ Сегюръ, одинъ изъ ближайшихъ членовъ ея литературнаго кружка, и Кастера, обращавшійся между приближенными Екатерины.* Поэтому относительно большей части ея сочиненій не можетъ быть сомнѣній; затѣмъ дѣло библіографовъ разъяснить авторскія права ея на остальныя, или же рѣшительно устранить эти права.

Къ сожалѣнію до сего времени даже русскими библіографами недостаточно было обращено вниманія на эту задачу; авторскія права Екатерины не подвергались изслѣдованію даже

---

* О всемъ этомъ см. подробности въ изслѣдованіи *Екатерина какъ писательница* (*Заря*, 1869 года).

въ отношеніи театральныхъ ея піесъ, о которыхъ писано у насъ довольно много. Митрополитъ Евгеній, говоря о Екатеринѣ какъ *писательницѣ*, въ своемъ *Словарѣ*, упоминаетъ лишь о весьма небольшой части приписываемыхъ ей піесъ; старѣйшіе наши каталогисты, Сопиковъ, Плавильщиковъ и Смирдинъ *, сильно разнорѣчатъ между собою въ этомъ отношеніи. Г. Лонгиновъ (*О драмат. соч. Екатерины II*) поименовалъ, по моему мнѣнію, совершенно вѣрно тѣ театральныя піесы которыя слѣдуетъ приписать Екатеринѣ, но онъ не объяснилъ какими именно соображеніями онъ при этомъ руководствовался; не коснулись вопроса объ авторскихъ правахъ Екатерины и гг. Галаховъ (*Истор. Хрестоматія*) и Геннади (*Библ. Запис.* 1858), отчасти пополнившіе изслѣдованіе г. Лонгинова. Вообще всѣ писавшіе у насъ о сочиненіяхъ Екатерины принимали вопросъ объ авторскихъ правахъ ея какъ бы находящимся внѣ сомнѣній, а онъ, напротивъ, подвергается весьма большимъ сомнѣніямъ, какъ читатели сами видятъ изъ сказаннаго объ иностранныхъ библіографахъ.

Эти сомнѣнія раздѣляются отчасти даже и русскими библіографами. Въ библіотекѣ Московскаго Публичнаго Музея есть, напримѣръ, два экземпляра комедіи *Мнимый Мудрецъ*, поступившіе туда въ числѣ книгъ г. Полторацкаго, и на заглавныхъ листахъ обоихъ этихъ экземпляровъ, тамъ гдѣ выставляется имя автора, рукой прежняго владѣльца написано: „Екатерины II“. Итакъ, одинъ изъ авторитетовъ нашихъ по части библіографіи признавалъ эту піесу за сочиненіе Екатерины. Съ другой стороны ни преосвященный Евгеній, ни г. Лонгиновъ не упоминаютъ о *Мнимомъ Мудрецѣ* въ числѣ ея сочиненій. Кто же правъ? Кто ошибается? Эта піеса находится въ каталогахъ Сопикова и Смирдина (№№ 5.453 и 7.176), но безъ имени автора, и лишь у одного Плавильщикова она показана въ *Указателѣ* въ числѣ сочиненій Екатерины (№ 5.726), но въ самомъ каталогѣ, при заглавіи этой піесы нѣтъ имени автора. Въ *Мнимомъ Мудрецѣ* осмѣяны суевѣры и шарлатаны, о чемъ написала нѣсколько комедій и Екатерина, и это, заодно съ показаніемъ Плавильщикова, вѣроятно побудило г. Полторацкаго приписать *Мудреца* Екатеринѣ; но постройка этой піесы во многомъ отличается отъ Екатерининскихъ; въ

* Не упоминаю о *Словарѣ* Новикова; въ немъ вовсе нѣтъ имени Екатерины.

ней болѣе движенія и разчета на сценическіе эффекты чѣмъ въ другихъ ея піесахъ, она не упоминается въ перепискѣ Екатерины съ докторомъ Циммерманомъ въ числѣ комедій которыми государыня старалась противодѣйствовать распространенію мистицизма и шарлатанства; наконецъ,—и это всего важнѣе,—о ней не упоминаетъ и Храповицкій, который находился уже при Екатеринѣ во время изданія этой піесы (1786) и который отмѣчалъ съ величайшею точностью въ своемъ дневникѣ о всѣхъ піесахъ выходившихъ изъ-подъ пера императрицы. Все это приводитъ насъ къ рѣшительному заключенію что г. Полторацкій ошибается.

Другое сочиненіе объ изслѣдованіи происхожденія котораго надлежало бы позаботиться нашимъ библіографамъ есть *Obidah* или *Obihadah*, приписываемое Екатеринѣ Керaромъ (*La Fr. litt.*) и Эбертомъ (*Allg. bibl. Lex.*). Это весьма рѣдкая брошюра, экземпляръ которой мнѣ случилось найти только въ Петербургской Публичной Библіотекѣ, а изъ русскихъ каталоговъ только у Сопикова (№ 6.942). Заглавіе этой брошюры, заключающей въ себѣ только 15 страницъ малаго формата и состоящей изъ двухъ текстовъ, — нѣмецкаго, съ лѣвой стороны) и русскаго,—по экземпляру Спб. Публичной Библіотеки, слѣдующее:

Obidah, eine morgenländische Erzählung. Обидагъ, восточная повѣсть, съ нѣмец. на рус. переведенная Семеномъ Великимъ прилежнымъ къ наукамъ юношею.—Спб.—Печ. съ дозволенія указнаго, у Шнора, 1786. (8).

Что касается до содержанія означенной брошюры, то оно можетъ быть передано въ слѣдующихъ немногихъ строкахъ. „Обидагъ Абенсиновъ сынъ, оставя рано поутру караванъ, продолжалъ свое путешествіе чрезъ поля индостанскія“. Мѣста коими онъ слѣдовалъ были чрезвычайно живописны, и авторъ пользуется этимъ чтобы распространиться о прелестяхъ природы, о „музыкѣ птицъ“ и т. п. Поддавшись этимъ прелестямъ, Обидагъ потерялъ дорогу и заблудился; между тѣмъ надвинулась гроза. „Тутъ подвигла его опасность на скорое печальное *воспоминованіе* всего прошедшаго (!) и онъ съ сожалѣніемъ увидѣлъ какъ теряютъ блаженство, предпочитая оному удобность. Онъ оплакивалъ нетерпѣливость свою, принудившую его искать убѣжища въ лѣсу, возненавидѣлъ неограниченную любопытность, влекущую его отъ одного малаго веселія къ другому“. Онъ сталъ молить небо о по-

мощи,—а буря между тѣмъ разразилась; описанію ея отведено широкое мѣсто, и въ это описаніе вставлены стихи, переданные по-русски въ слѣдующемъ подстрочномъ переводѣ:

Снѣжные ручьи, проливаясь съ вершинъ горъ,
Несли съ шумомъ воду свою въ долину,
И пастухъ слышалъ отдаленный шумъ на горѣ.

Среди распространившагося мрака Обидагъ увидѣлъ „сіяніе свѣчи" и набрелъ на хижину. Я здѣсь живу двадцать лѣтъ, сказалъ ему обитатель хижины,—и въ первый еще разъ человѣкъ сюда забрелъ. Обидагъ объяснилъ какъ онъ попалъ сюда. „Сынъ мой, сказалъ ему тогда пустынникъ, заблужденіе, недоумѣнія, опасности и спасеніе сего дня да учинятъ въ сердцѣ твоемъ глубокое впечатлѣніе. Разсуди, сынъ мой, что жизнь человѣческая есть путешествіе одного дня (eine Tagereise ist). Мы встаемъ утромъ молодости нашей съ свѣжими силами и преисполнены ожиданія.... и странствуемъ нѣсколько времени на стези (sic) благочестія къ обиталищамъ покоя. Скоро потомъ теряемъ мы ревность.... и вознамѣреваемся не страшиться болѣе пороковъ.... И такъ вступаемъ мы подъ вѣтвь выгодъ и успокоиваемся подъ тѣнью безопасности (Wir treten also in die Laube der Gemaechlichkeit und ruhen in dem Schatten der Sicherheit). Современемъ теряемъ мы блаженство невинности и укрощаемъ безпокойство наше чувственными удовольствіями.... ввергаемся въ роскошь и бродимъ въ лабиринтѣ непостоянства". Не слѣдуетъ, однако, отчаяваться, заключаетъ пустынникъ; знай „что истинные труды никогда не остаются безъ подкрѣпленія; что путешествующій обратиться можетъ послѣ всѣхъ своихъ заблужденій и что испрашивающій себѣ силы и бодрости отъ Всевышняго откроетъ себѣ путь хотя чрезъ опасность и тягость".

Мы полагаемъ что никто знакомый не съ обертками только сочиненій Екатерины, но съ ихъ содержаніемъ, не припишетъ ей этой блѣдно-сентиментальной фразеологіи; русскіе библіографы весьма основательно не упоминаютъ объ *Обидагѣ* въ числѣ сочиненій нашей государыни, а гг. Кераръ и Эбертъ хорошо сдѣлали бы вычеркнувъ эту сказку изъ своихъ каталоговъ подъ рубрикой Catherine II.

Въ настоящемъ изслѣдованіи будетъ обращено вниманіе на авторскія права Екатерины съ тѣмъ чтобъ опредѣлить ихъ по крайней мѣрѣ на столько сколько это возможно, не имѣя

въ виду большей части оставшихся послѣ нея бумагъ. Лица на которыхъ возложено изданіе этихъ бумагъ найдутъ вѣроятно брульйоны нѣкоторыхъ піесъ принуждающихъ меня къ библіографическимъ разысканіямъ и можетъ-быть опровергнутъ нѣкоторыя изъ моихъ заключеній, но за то можетъ-быть подтвердятъ другія. Во всякомъ случаѣ я не жалѣю о принятомъ на себя скучномъ трудѣ, рыться въ каталогахъ и библіографическихъ словаряхъ. Но плоды этихъ трудовъ могутъ показаться скучными читателю.... Въ такомъ случаѣ онъ хорошо сдѣлаетъ если пропуститъ всю библіографическую часть настоящаго изслѣдованія, то-есть всю I главу.

I.

1. а) Тайна противу (-) нелѣпаго общества (*anti-absurde*) *открытая непричастнымъ оному*, *соч. Имп. Екатерины II*, пер. съ франц. языка.—Съ фигурами.—Спб. 1759. (16°, ненум., 26 стр., 4 карт.). *

б. Тайна Общества, вздоровъ не терпящаго, *открытая человѣкомъ постороннимъ*, пер. съ фр. Спб., безъ означ. года (12). (Сопик. №11.680).

Оба эти заглавія принадлежатъ двумъ различнымъ переводамъ одной и той же піесы, которую Сопиковъ, пр. Евгеній, Плавильщиковъ (№ 1544) и Смирдинъ (№ 940) приписываютъ Екатеринѣ II. О томъ что она принадлежитъ перу Екатерины, можно заключить и изъ нѣсколькихъ словъ Храповицкаго (см. его *Записки*, подъ 7 августа 1793 года). По свидѣтельству г. Геннади (см. примѣчаніе его къ этимъ *Запискамъ*, подъ

* Заглавіе нѣкоторыхъ піесъ Екатерины не одинаково написано въ различныхъ библ. словаряхъ и каталогахъ. Помянутое сочиненіе названо: у пр. Евгенія, *Тайна противо нелѣп. об.*, и проч.; у Плавильщикова и Смирдина, *Тайна противо-нелѣп. об.* (№№ 1544 и 940). Тоже и въ *Пол. Соб. Соч. Екатерины* изд. Смирдинымъ; между тѣмъ какъ у Сопикова (№ 11.679) оно написано такъ какъ у насъ. Въ настоящемъ случаѣ заглавіе скопировано съ экземпляра находящагося въ Имп. Публ. Библіотекѣ, въ Петербургѣ. Какъ это заглавіе, такъ и заглавія прочихъ драматическихъ сочиненій Екатерины, имѣющихся въ этой библіотекѣ, далъ себѣ трудъ списать уважаемый А. Ѳ. Бычковъ. Онъ же благосклонно доставилъ мнѣ и нѣсколько интересныхъ библіографическихъ данныхъ, за что я спѣшу выразить ему здѣсь глубочайшую мою признательность.

означеннымъ числомъ) эта піеса была напечатана по-французки подъ заглавіемъ *Le secret de la société anti-absurde, dévoilé par quelqu'un, qui n'en est pas.* — Nouv. édit. avec figures, à Cologne, 1759,—заглавіе котораго мы однако не находимъ въ каталогахъ Керара, Брюнè и Гресса, ниже въ *Словарѣ Анонимовъ* Барбьè.

Впрочемъ относительно авторскихъ правъ Екатерины на названную піесу не предъявляется возраженій въ русской библіографіи; но недавно возникъ въ ней вопросъ о времени когда *Тайна* написана. Г. Лонгиновъ (*Новик. и Моск. Мартинисты*, 134) замѣтилъ что, по изслѣдованіямъ г. Полторацкаго, эта піеса была издана не въ 1759, а въ 1780 году, въ каковомъ году послѣдній нашелъ въ *въ Спб. Вѣдомостяхъ* объявленіе о помянутомъ сочиненіи. Г. Лонгиновъ полагаетъ съ своей стороны что будучи великою княгиней Екатерина не имѣла ни досуга писать и печатать, ни повода осмѣивать мистиковъ, которыхъ было де въ Россіи мало. Дѣйствительно, въ Прибавленіяхъ къ № 7. *Спб. Вѣд.* 1780 года мы читаемъ: „Противъ Казанской церькви (*sic*), въ лейбъ-кучерскомъ домѣ, у Вейтбрехта, продается книга *Le secret de la société anti-absurde, dévoilé par quelqu'un qui n'en est pas.* A Cologne, 1758, (а не въ 1759, какъ свидѣтельствуетъ г. Геннади въ помянутомъ прим. къ *Запискамъ* Хроповицкаго, 293), 30 коп.“ То же объявленіе повторяется и въ нѣсколькихъ послѣдующихъ нумерахъ названной газеты, а въ № 10, послѣ приведеннаго заглавія напечатано слѣдующее: *Das entdeckte Geheimniss der anti-absurden Gesellschaft durch Temand der kein Mitglied davon ist.* Köln, 1759, съ 4-мя гравиров. картинами, 50 коп.—Итакъ мы узнаемъ изъ этого объявленія что *Тайна* была переведена и на нѣмецкій языкъ, о чемъ едва ли когда заявлялось въ печати. * Но точно ли это сочиненіе появилось на трехъ показанныхъ языкахъ въ 1780 году, какъ полагаетъ г. Лонгиновъ, а не въ 1758 — 9мъ? Правда, мы не находимъ объявленій о немъ въ газетахъ и каталогахъ помянутыхъ годовъ, но точно также не находимъ своевременныхъ объявленій и о многихъ другихъ сочиненіяхъ. Объявленія о русскомъ переводѣ *Тайны* я не нашелъ въ газетахъ 1780 года; но если и дѣйствительно существуетъ о немъ объявленіе, то надо знать о которомъ именно изъ

* Экземпляръ нѣмецкаго перевода имѣется у Н. С. Тихонравова.

двухъ значащихся подъ буквами *а* и *б*? Не былъ ли первый сдѣланъ въ 1759 году, какъ свидѣтельствуетъ Соликовъ, а второй,—принадлежащій вѣроятно Храповицкому (см. его *Записки*, подъ 7 августа 1793 года) — въ 1780? Г. Лонгиновъ полагаетъ что въ 1759 году Екатеринѣ было не до литературныхъ занятій, такъ какъ она находилась въ это время подъ опалой за сношенія съ Бестужевымъ; но чтобы придавать серіозный авторитетъ этому соображенію, надо бы знать съ точностію не предшествовало ли сочиненіе *Тайны* аресту Бестужева, а мы знаемъ пока только то что этотъ арестъ произведенъ былъ въ 1758 году и что (судя по заглавію) въ томъ же году писана была помянутая піеса. Притомъ мы будемъ имѣть случай убѣдится что политическія тревоги и напряженная дѣятельность какъ будто вызывали и литературную дѣятельность въ Екатеринѣ. Время когда у нея на рукахъ была Турецкая война, Польскія волненія, Пугачевъ, чума, голодъ,—то-есть 1772 годъ,—было одною изъ самыхъ плодовитыхъ эпохъ литературной дѣятельности Екатерины. Г. Лонгиновъ думаетъ также что масонство было въ царствованіе Елисаветы такимъ еще слабымъ явленіемъ въ Россіи, что оно не могло обратить на себя вниманія Екатерины; но что оно не было явленіемъ ничтожнымъ по крайней мѣрѣ при дворѣ, въ гвардіи и вообще въ войскахъ, оказывается изъ самаго изслѣдованія г. Лонгинова о Мартинистахъ и еще болѣе изъ *Записокъ Болотова*; сближенію между Фридрихомъ Великимъ и Петромъ III, (великимъ княземъ) способствовало, говоритъ Болотовъ, „вошедшее въ тогдашнее время у насъ въ сильнѣйшее употребленіе масонство". Изъ письма канцлера Бестужева къ своему сыну (*Заря* 1870, № 10) видно что императрица Елисавета сильно гнѣвалась на послѣдняго за „хиромантическія и другія всякимъ суевѣрствомъ наполненныя книги" которыми онъ „упражнялся". Болотовъ утверждаетъ наконецъ что самъ великій князь былъ масономъ: вотъ слѣдовательно сколько случаевъ представлялось Екатеринѣ встрѣчаться съ масонствомъ, наблюдать его и смѣяться надъ нимъ По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мнѣ вовсе не кажется невозможнымъ чтобы *Тайна противо-нелѣпаго Общества* была написана въ 1758 году, а сличая эту піесу со всѣми прочими піесами Екатерины, даже самыми слабыми, я прихожу къ заключенію что ее слѣдуетъ почитать именно ея „пробой пера."

Всѣ три текста этой піесы,—французскій, нѣмецкій и рус-

скій весьма рѣдки и, сколько извѣстно, не имѣли послѣдующихъ изданій. *Тайна* перепечатана впервые въ собраніи сочиненій Екатерины Смирдина.

2. **О время! комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.—Соч. въ Ярославлѣ, во время чумы 1772 года. Печатана въ Санктпетербургѣ (8°, 79 стр.).**

Изъ всѣхъ піесъ Екатерины относящихся несомнѣнно къ 1772 году, *О Время* должна быть признана старѣйшею. Это видно изъ того что въ „приписаніи" автору комедіи *О Время*, коимъ начинается *Живописецъ*, говорится о впечатлѣніи произведенномъ „троекратнымъ" представленіемъ этой комедіи, а „приписаніе" помѣчено 12мъ апрѣля 1772 года; ни одна изъ піесъ Екатерины, время представленія коихъ извѣстно, не была дана ранѣе этой. А такъ какъ она помѣщена въ XI томѣ *Рос. Θеатра* прежде всѣхъ вообще „Ярославскихъ" піесъ Екатерины, писанныхъ „во время чумы", то мнѣ кажется справедливымъ и въ настоящемъ изслѣдованіи дать ей первое между ними мѣсто.

Права Екатерины на эту піесу никогда не возбуждали сомнѣнія, но еслибъ ихъ надо было доказывать, то можно было бы сослаться на *Записки* Храповицкаго (отъ 1го февраля 1786 и 20 мая 1871 год.) и особенно на помянутое „приписаніе" и отвѣтъ на оное.

По свидѣтельству *Драматич. Словаря* и Макарова (*Реперт.* 1841), *О Время* было много разъ играно на петербургской и московской публичныхъ сценахъ.

Что касается до времени появленія этой комедіи въ печати, то Сопиковъ (№ 5525), Смирдинъ (№ 7253), пр. Евгеній и *Драматич. Словарь*, а также гг. Лонгиновъ, * Галаховъ ** называютъ 1772 годъ, что̀ подтверждаетъ экземпляръ находящійся въ С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ, съ котораго списано вышеприведенное заглавіе. Затѣмъ было, повидимому, въ 1786 году сдѣлано второе изданіе, о коемъ упоминаетъ Плавильщиковъ (№ 5801), и въ томъ же году *О Время* напечатано въ *Рос. Θеатрѣ*, а отдѣльные оттуда оттиски пущены въ продажу. Наконецъ эта комедія перепечатана въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Екатерины.

Эта комедія, говоритъ Керарь, переведена на французскій

* *Драматич. соч. Екатерины II*, М., 1857.
** *Историч. Хрестоматія.*

языкъ Леклеркомъ подъ заглавіемъ: *O tems! O moeurs!* com. en 3 actes, comp. (à Iaroslaf) en 1772 (pendant le tems de la peste) et trad. du russe, etc.—F. Didot, Paris. 1826 (8°, 80 p.).

3. **Имянины госпожи Ворчалкиной**, ком. въ пяти дѣйст.—Сочинена въ Ярославлѣ.—Печатана въ Спб. (8°. заглав. листъ и 137 стр.)*.

О времени перваго представленія этой комедіи находится извѣстіе въ *Россійскомъ Өеатрѣ*: подъ спискомъ дѣйствующихъ лицъ напечатано: „Въ первый разъ представлена была на придворномъ театрѣ апрѣля 27 дня 1772 года.“

По свидѣтельству Макарова (*Реперт.* 1844), эта комедія написана М. И. Веревкинымъ, а не Екатериной, которая будто бы дала ему только планъ піесы; но въ *Словарѣ* пр. Евгенія, равно какъ въ каталогахъ Сопикова, Плавильщикова и Смирдина (№№ 5398, 5672 и 7124), она приписана Екатеринѣ и напечатана въ томѣ XI *Өеатра*, гдѣ помѣщены исключительно піесы Екатерины. Изъ новѣйшихъ библіографовъ занимавшихся драматическими ея сочиненіями, гг. Галаховъ, Лонгиновъ и Геннади не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній относительно правъ на нее Екатерины, а съ другой стороны, мы не находимъ никакихъ данныхъ подтверждающихъ свидѣтельство Макарова. Все это не допускаетъ вѣры къ свидѣтельству послѣдняго; если Веревкинъ принималъ какое-либо участіе въ сочиненіи помянутой комедіи, то развѣ такое какое принималъ Храповицкій въ позднѣйшихъ піесахъ Екатерины, то-есть отдѣлки деталей.

Имянины Ворчалкиной, представленныя первоначально на придворной сценѣ, были въ послѣдствіи даваемы и на публичномъ театрѣ въ Москвѣ и Петербургѣ и принимались, по свидѣтельству *Драматическаго Словаря*, публикой „съ отмѣннымъ удовольствіемъ.“

По свидѣтельству пр. Евгенія, *Имянины г-жи Ворчалкиной* напечатаны впервые въ 1772 году; по свидѣтельству Сопикова (№ 5398) и Плавильщикова (№ 5672)—въ 1774-мъ. Г. Галаховъ принимаетъ свидѣтельство пр. Евгенія, а гг. Лонгиновъ и Геннади (*Библіог. Зап.* 1858 года)—свидѣтельство помянутыхъ каталогистовъ. Но, вопервыхъ, эта піеса напечатана въ *Россійскомъ Өеатрѣ*, помѣщена вслѣдъ за *О Время* и предъ другими піесами Екатерины напечатанными несо-

* Заглавіе это списано съ экземпляра находящагося въ Спб. Пуб. Библіотекѣ.

мнѣнію въ 1772 году, а вовторыхъ, отмѣтки „сочинено въ Ярославлѣ" и „во время чумы" едвали допускаютъ право предполагать что эти піесы писались въ продолженіе трехъ лѣтъ. До болѣе положительныхъ опроверженій, я позволяю себѣ держаться мнѣнія что піесы писанныя „во время чумы" дѣйствительно написаны во время чумы.

Эта напечатана была впервые въ 1772 году, а потомъ, какъ показываетъ Плавильщиковъ, перепечатана въ 1774 и 1786 годахъ, и въ томъ же году въ томѣ XI *Росс. Ѳеатра. Имянины Ворчалкиной* переведены на французскій языкъ Бэромъ (G. de Baer) подъ заглавіемъ: *La fête du jour de nom* и находится въ *Chef-d'oeuvres des théatres étrangers.* (Гдѣ она неправильно приписана гр. Огинскому) и въ особомъ сборникѣ 1772 года, въ Королевской Библіотекѣ въ Парижѣ.

4. **Передняя знатнаго боярина, ком. въ одномъ дѣйств.—Соч. въ г. Ярославлѣ (*Росс. Ѳеатръ* т. XI).**

Объ этой піесѣ не упоминаютъ ни Сопиковъ, ни пр. Евгеній, ни Смирдинъ, ни *Драм. Словарь;* но у Плавильщикова она показана подъ № 5.824, съ отмѣткой *И. Е. II.*, а въ *Росс. Ѳеатръ* напечатана вмѣстѣ съ другими комедіями Екатерины, и съ обозначеніемъ „сочинено въ городѣ Ярославлѣ". Гг. Галаховъ и Лонгиновъ приписываютъ ее Екатеринѣ, и еслибы недостаточно было авторитета этихъ писателей и выше исчисленныхъ внѣшнихъ признаковъ, то содержаніе ея убѣдило бы окончательно что она вышла изъ-подъ того же пера которое писало во время первой Турецкой войны письма къ Вольтеру.

Передняя знатнаго Боярина, какъ сказано подъ ея заглавіемъ въ *Росс. Ѳеатръ*, представлена была на придворной сценѣ 18го сентября 1772 года; на публичномъ театрѣ она, кажется, не появлялась; покрайней мѣрѣ мы не встрѣчаемъ о томъ никакихъ извѣстій ни въ *Драм. Словарѣ* ни у Макарова (*Реперт.* 1841). Піеса эта была напечатана въ 1786 году въ *Росс. Ѳеатръ* и, по свидѣтельству Плавильщикова, въ томъ же году—отдѣльными брошюрами; этихъ брошюръ не имѣется ни въ одномъ извѣстномъ мнѣ книгохранилищѣ; но г. Лонгиновъ, который, вѣроятно, видѣлъ ихъ, утверждаетъ что это оттиски изъ *Росс. Ѳеатра.*

Передней знатнаго Боярина нѣтъ въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Екатерины, какъ, впрочемъ, и многихъ другихъ.

5. Госпожа Вѣстникова съ семьею, ком. въ одномъ дѣйствіи.— Соч. въ Ярославлѣ.—Печатана. въ Санктпетербургѣ (8°,49 стр.

Эта піеса сопровождается въ каталогахъ Сопикова (№ 5.343) и Плавильщикова (№ 5.614) отмѣткой *И. Е. II.*; пр. Евгеній называетъ ее въ числѣ сочиненій Екатерины, равно какъ и гг. Галаховъ, Лонгиновъ и Геннади. Въ каталогѣ Смирдина (№ 7.061) противъ нея не показано имени автора, но она напечатана въ его изданіи сочиненій Екатерины. Съ другой стороны, Макаровъ (*Реперт.* 1844) утверждаетъ что въ этой піесѣ только планъ принадлежитъ Екатеринѣ, но что написана она кн. Дашковой. Правъ ли Макаровъ — можно будетъ рѣшить лишь тогда когда отыщется брульйонъ этой піесы; а мы можемъ принять къ свѣдѣнію что и кн. Дашкова, также какъ Веревкинъ, помогала *можетъ-быть* Екатеринѣ въ сочиненіи ея піесъ до поступленія къ ней секретаремъ Храповицкаго.

О времени перваго представленія *Госпожи Вѣстниковой* нѣтъ никакихъ указаній. Напечатана она была, какъ свидѣтельствуютъ пр. Евгеній и Смирдинъ, къ 1772 году, а Сопиковъ и Плавильщиковъ—въ 1774 *, что повторяютъ за ними гг. Лонгиномъ, Галаховъ и Геннади; но имѣя въ виду что эта піеса „сочинена въ Ярославлѣ" и что она помѣщена въ *Росс. Θеатрѣ* вмѣстѣ съ прочими „Ярославскими" піесами, я принимаю свидѣтельство Смирдина и пр. Евгенія. Выставленное нами заглавіе списано съ экземпляра принадлежащаго С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ. Въ послѣдствіи, именно въ 1786 году, *Госпожа Вѣстникова* напечатана была *Росс. Θеатрѣ* и въ изданіи Смирдина сочиненій Екатерины.

Эта піеса переведена на французскій языкъ подъ заглавіемъ *Madame Vestnikova avce sa famille* и находится въ помянутомъ сборникѣ 1772 года, имѣющемся въ Королевской Библ. въ Парижѣ (*La Fr. litt.*)

6. Невѣста невидимка, ком. въ одномъ дѣйствіи.—Соч. въ Ярославлѣ (*Росс. Θеатръ*, т. XII).

Объ этой комедіи не упоминаютъ пр. Евгеній, Сопиковъ и Смирдинъ, который не помѣстилъ ее и въ своемъ изданіи сочиненій Екатерины; только Плавильщиковъ отвелъ ей мѣсто въ своемъ каталогѣ (№ 5.757), съ отмѣткой *И. Е. II.*, а за нимъ гг. Галаховъ и Лонгиновъ признаютъ ее за сочиненіе Екатерины. Содержаніе этой піесы не даетъ ключа къ разрѣшенію этого разнорѣчія, но такъ какъ на ея заглавіи въ

* Въ кат. Плавильщикова, вѣроятно по ошибкѣ, поставлено 1771.

Росс. Өеатръ выставлено „сочинено въ Ярославлѣ", то слѣдуетъ принять мнѣніе гг. Голахова и Лонгинова.

Помянутая отмѣтка заставляетъ думать что она была написана въ 1772 году. Была ли она когда-либо поставлена на сцену—неизвѣстно. Она была напечатана въ первый разъ, повидимому, въ 1786 году въ *Росс. Өеатръ* и оттиснута особыми брошюрами; г. Лонгиновъ утверждаетъ что на такой оттискъ и указано въ каталогѣ Плавильщикова. Въ изданіи Смирдина этой піесы нѣтъ.

7. Комедія Обманщикъ. Вторымъ тисненіемъ въ Санктпетербургѣ при Импер. Акад. Наукъ, 1786. (8°, 70 стр.)

Комедія *Обманщикъ* относится уже къ тому времени когда при Екатеринѣ состоялъ Храповицкій, ведшій—и притомъ съ большою точностью—ея литературный формуляръ. Относительно литературныхъ правъ ея на піесы упоминаемыя Храповицкимъ не можетъ быть сомнѣнія.

О комедіи *Обманщикъ* онъ отмѣтилъ что она была представлена впервые 4го января 1766 года, и что 11го января княгиня Дашкова поднесла императрицѣ печатный экземпляръ этой комедіи. Это былъ экземпляръ изданія сдѣланнаго въ концѣ 1785 года, о коемъ упоминается только въ *Словарѣ* пр. Евгенія и въ *Драм. Словарѣ*; Сопиковъ (№ 5.513), Плавильщиковъ (№ 5.795) и Смирдинъ (№ 7.249), а также Бакмейстеръ въ т. X своей *Russ. Bibliothek* говорятъ лишь о второмъ изданіи 1786 года, экземпляръ коего имѣется въ С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ. Въ 1787 году *Обманщикъ* былъ напечатанъ въ т. XIII *Росс. Өеатра* и наконецъ въ изданіи Смирдина.

Первое представленіе *Обманщика* было на придворномъ театрѣ, а въ послѣдствіи эта піеса отдана была на публичные театры.

Эта піеса была переведена Арндтомъ (*Храпов.*, 24го янв.) на нѣмецкій языкъ въ Петербургѣ подъ заглавіемъ *Der Betrüger* (1786), и этотъ переводъ показанъ у Бакмейстера. Но въ *Allg. bibl. Lexicon* Эберта упоминается, повидимому, другой еще переводъ *Обманщика* (1787. Riga). Эта же піеса переведена и на французскій языкъ, подъ заглавіемъ *Les Trompeurs* (*la Fr. litt*); Кераръ упоминаетъ въ числѣ переведенныхъ по-французски піесъ Екатерины *M. Kalifalkgerston*: это долженъ быть другой переводъ *Обманщика*, въ которомъ главное дѣйствующее лицо называется Калифалкжерстономъ.

8. **Обольщенный, ком. въ пяти дѣйст., втор. тисненіемъ Спб. при Имп. Акад. Н., 1786.**

Эта комедія писалась и напечатана въ одно, или почти въ одно время съ предшествующею. Въ словаряхъ *Драматическомъ* и пр. Евгенія ея появленіе въ печати отнесено къ 1785 году. Подъ тѣмъ же годомъ она показана у Сопикова (№ 5.521) и Плавильщикова (№ 5.797); у Смирдина она пропущена. Но въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ и въ Петерб. Пуб. Библіотетѣ есть экземпляры этой комедіи на коихъ значится 1786 годъ, съ обозначеніемъ что это второе изданіе (съ коего и списано приведенное нами заглавіе), а изъ этого необходимо заключить что первое изданіе *Обольщеннаго* было сдѣлано въ 1785 году, вопреки Бакмейстеру, который „полагаетъ" что оно должно быть отнесено къ 1786 году (т. X *Rus. Bibl.*). Послѣ того *Обольщенный* былъ напечатанъ въ 1787 году въ т. XIII *Росс. Ѳеатра* и наконецъ въ изданіи Смирдина.

Эта комедія появилась на придворной сценѣ 2го февраля 1786 года (*Зап. Храповиц.*), и по свидѣтельству *Др. Словаря*, часто была даваема на публичныхъ театрахъ Петербурга и Москвы.

Обольщенный переведенъ въ Петербургѣ на нѣмецкій языкъ Арндтомъ (*Хран.* стр. 7) и напечатанъ подъ заглавіемъ *Der Verblendete*, 1786, St. P-b. (*Rus. Bibl.*, t. X). Этотъ переводъ былъ посланъ къ доктору Циммерману, также какъ переводы *Обманщика* и *Шамана Сибирскаго*. Въ *Allg. bibl. Lexicon* Эберта указанъ еще другой, повидимому, переводъ, имѣющій то же заглавіе и тотъ же годъ, но сдѣланный въ Ригѣ; а если вѣрить Керару, то существовалъ и третій переводъ, или, по крайней мѣрѣ, третье изданіе, а именно Лейпцигское, *Обольщеннаго*, въ совокупности съ *Обманщикомъ* и *Разстроенною Семьей*. Эта піеса переведена и на французскій языкъ, подъ заглавіемъ *Les Trompés* (Quérard, *La Fr. litt.*).

9. **Опера комическая Ѳевей, составлена изъ словъ сказки, пѣсней Русскихъ и иныхъ сочиненій. Въ Санктпетербургѣ, при Имп. Акад. Наукъ. 1786 года (8°,40 стр.).** *

Храповицкій говоритъ, подъ 27го февраля 1786 года, что Екатерина читала эту піесу и послала ее для сочиненія къ

* Экземпляры этого изданія имѣются въ Петерб. Публ. Библ. и въ Моск. Пуб. Музеѣ.

ней музыки; значитъ *Февей* былъ тогда уже оконченъ. Въ 1786 году онъ былъ и напечатанъ, какъ свидѣтельствуютъ пр. Евгеній, Сопиковъ (№ 7.501), Смирдинъ (№ 7.740) и *Драматическій Словарь.* * Въ 1788 году онъ напечатанъ въ т. XX *Росс. Өеатра* и пущенъ оттисками въ продажу. Затѣмъ въ въ 1789 году онъ изданъ вновь съ музыкой В. Паскевича, которая „переложена для клавиръ съ голосами И. Прачемъ (Спб., въ тип. Горн. учил.).“ Экземпляръ этого изданія также имѣется въ Петерб. Публ. Библіотекѣ. **

Послѣ смерти Екатерины, *Февей* напечатанъ былъ лишь разъ — въ Смирдинскомъ изданіи. Онъ представленъ въ первый разъ на сценѣ Каменнаго (публичнаго?) театра 19го апрѣля 1786 года, а на Эрмитажной сценѣ—22го (*Храпов.*). По свидѣтельству Макарова (*Реперт.* 1844), эта опера играна была въ Петербургѣ успѣшно и неоднократно; но *Драматическій Словарь* упоминаетъ о представленіи ея лишь „у двора“.

10. **Новогородской богатырь Боеславичь, опера комическая, составлена изъ сказки, пѣсней Рускихъ и иныхъ сочиненій.— Въ Санктпетербургѣ, при Имп. Академіи Наукъ, 1786 года. (8°, 41 стр.).**

Подъ 15мъ мая 1866 года, Храповицкій отмѣтилъ: „переписывалъ оперу *Боеславича*“, чѣмъ и опредѣляется время окончанія Екатериной этой піесы.

27го ноября 1786 года *Боеславичь* игранъ впервые, по свидѣтельству Храповицкаго, на Эрмитажной сценѣ, но на публичной сценѣ онъ, повидимому, не появлялся; по крайней мѣрѣ о немъ не упоминаютъ ни *Драм. Словарь*, ни Макаровъ (*Реперт.* 1841).

Напечатана эта піеса впервые въ 1786 году, отдѣльною брошюрой, экземпляръ коей имѣется въ Петерб. Публ. Библ., а потомъ въ 1788 году въ т. XX *Росс. Өеатра* и пущена въ продажу отдѣльными оттисками; въ 1793 оттиснута вторично (Спб., при Импер. Акад. Н., 8°, 39 стр.), каковаго изданія экземпляръ имѣется въ Публ. Библ., а затѣмъ включена въ Смирдинское изданіе сочиненій Екатерины.

---

* У Плавильщикова (№ 6.098) показанъ 1788 годъ; надо думать что это опечатка.

** Заглавіе ея слѣдующее: „*Опера комическая Февей.*—Въ Спб., въ тип. Горн. Уч., 1789 (8°, 58 стр.) Къ ней музыка соч. В. Паскевича“ (CCIV стр.)

11. Опера комическая Храброй и смѣлой витязь Ахридѣичь. Въ Санктпетербургѣ, при Импер. Акад. Н., 1787 (8°, 48 стр.).

16го мая 1786 года Екатерина показывала Храповицкому начало этой піесы, первоначально называвшейся *Иванъ Царевичъ*, а 22го приказала ему придѣлать четвертый актъ; 27го опера была окончена и переписана, и Екатерина, принимая ее изъ рукъ своего секретаря, замѣтила что тутъ много его работы (хоры и куплеты).

О времени напечатанія *Ахридѣича* извѣстія разногласятъ. Храповицкій о томъ не упоминаетъ; пр. Евгеній, Сопиковъ (№ 7.505), Смирдинъ (№ 7.761) и *Драм. Словарь* называютъ 1787 годъ, Плавильщиковъ (№ 6.101)—1788. Всѣ эти противорѣчія разъясняются съ помощію экземпляровъ имѣющихся въ Петерб. Публ. Библ. и Московск. Публ. Музеѣ; на нихъ выставленъ 1787 годъ. Затѣмъ *Ахридѣичь* былъ напечатанъ, если справедливо показаніе Плавильщикова, въ 1788 году, и въ томъ же году въ т. XX *Росс. Θеатра*; наконецъ въ Смирдинскомъ изданіи.

Ахридѣичь былъ представленъ на Эрмитажной сценѣ впервые лишь 23го сентября 1787 года, вѣроятно по причинѣ поѣздки въ Крымъ, продолжавшейся съ января 1787 года по 11е іюля; въ октябрѣ эта піеса поставлена на Петербургской публичной сценѣ „съ наивеликолѣпнѣйшими декораціями", по свидѣтельству *Драмат. Словаря*, а при Александрѣ перешла и на Московскую публичную сцену (Макаровъ, *Реперт.* 1844).

12. Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье, вольное, но слабое переложеніе изъ Шакеспира, комедія.—Спб., при Импер. Акад. Н. 1786. (8°, 104 стр.).

О времени сочиненія этой піесы имѣется у Храповицкаго, подъ 15мъ іюня 1786 года, слѣдующая отмѣтка: „Свѣрялъ съ подлинникомъ комедію *Корзина*, изъ Шекспира." Обыкновенно у Храповицкаго встрѣчаются отмѣтки болѣе опредѣленнымъ образомъ указывающія на авторскія права Екатерины; о *Корзинѣ* не упоминаетъ и пр. Евгеній при исчисленіи (весьма не полномъ впрочемъ) драматическихъ сочиненій Екатерины, а у Сопикова (№ 5.324) и Плавильщикова

(№ 5.593) противъ этой піесы не выставлено имя переводчика, хотя инициалы имени Екатерины выставлены противъ большей части ея піесъ. Все это даетъ, повидимому, право смотрѣть на эту піесу съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ; но формула: „вольное, но слабое переложеніе изъ Шакеспира" почти та же которая употреблена въ *Рюрикѣ* и *Олегѣ*, несомнѣнно принадлежащихъ Екатеринѣ, извѣстное (весьма еще рѣдкое въ то время) уваженіе Екатерины къ великому англійскому драматургу, и наконецъ то обстоятельство что оба только-что названныя подражанія Шекспиру писались почти одновременно съ *Корзиной*, какъ бы подъ однимъ впечатлѣніемъ, не оставляютъ мѣста сомнѣніямъ; Смирдинъ несомнѣнно правъ, приписавъ *Корзину* Екатеринѣ (№ 7.041); но онъ не правъ назвавъ эту піесу ея сочиненіемъ: это явная и довольно посредственная передѣлка изъ *Merry wives of Windsor*.

Вышеприведенная отмѣтка Храповицкаго опредѣляетъ время окончанія Екатериной *Корзины*. Храповицкій умалчиваетъ о томъ была ли эта піеса представлена на придворной сценѣ, но за то она давалась на публичномъ театрѣ въ Петербургѣ и Москвѣ (*Драм. Слов.*).

Піеса эта напечатана, какъ сказано, въ 1786 году отдѣльною брошюрой, о чемъ упоминаютъ *Драм. Словарь* и Сопиковъ; экземпляры этого изданія имѣются въ Петербургской Публ. Библ. и въ Моск. Публ. Музеѣ. Потомъ помянутая піеса напечатана была въ 1787 году въ т. XIV *Росс. Ѳеатра* и отдѣльными оттисками, а затѣмъ въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Екатерины. По свидѣтельству Плавильщикова, она была издана отдѣльно еще въ 1787 году (№ 5.593); если это впрочемъ не отдѣльные оттиски изъ *Росс. Ѳеатра*.

13. Шаманъ Сибирской, комедія.—Въ Санктпетербургѣ, при Им. Акад. Наукъ, 1786 года (8°, 108 стр.).

На другой день послѣ того какъ Храповицкій получилъ предшествующую піесу для повѣрки съ оригиналомъ, а именно 16го іюня 1786, ему сданъ былъ и *Шаманъ Сибирской* „для того же"; но очевидно въ этихъ словахъ заключается обмолвка, такъ какъ послѣдняя піеса не переводъ и не подражаніе. Вѣроятно ему поручено было переписать и сдѣлать исправленія (*Храпов.*, 20го іюня).

24го сентября 1786 ее играли, по словамъ Храповицкаго, въ Эрмитажѣ, а затѣмъ она была представлена на публич-

номъ Петербургскомъ театрѣ „къ отмѣнному удовольствію публики“, и на Московскомъ, гдѣ повторялась неоднократно (*Драм. Словарь*).

Шаманъ напечатанъ въ 1786 году отдѣльною брошюрой, а въ 1787 въ т. XIII *Росс. Өеатра*. Ни Сопиковъ (№ 5.687), ни Плавильщиковъ (№ 5.973), ни Смирдинъ (№ 7.426) не упоминаютъ о послѣдующихъ изданіяхъ этой комедіи; она, повидимому, не перепечатывалась пока не попала въ Смирдинское изданіе.

Вслѣдъ за окончаніемъ *Шамана*, онъ былъ переведенъ Арндтомъ на нѣмецкій языкъ, подъ заглавіемъ: *Der Sibirische Schaman*, и напечатанъ въ 1786 году; это изданіе показано въ *Allg. bibl. Lex.* Эберта, но существуетъ еще особое изданіе въ коемъ заключаются *Шаманъ*, *Обманщикъ и Обольщенный* и полное заглавіе коего находится у г. Геннади: *Drei Lustspiele wider Schwärmerei und Aberglauben, von J. K. M. d. K. a. R.* Berlin und Stettin, bei Fr. Nicolai, 1788 (12°, XVI и 347). Изъ этого изданія былъ сдѣланъ особый оттискъ съ заглавнымъ листомъ и особою постраничною помѣткой, подъ заглавіемъ: *Der Sibirische Schaman.* Ein Lustspiel, von J. K. M. d. K. a. R. Berlin u. Stettin, bei Friedrich Nicolai, 1788 (8°, 139 стр.). *Шаманъ* переведенъ и на французскій языкъ подъ заглавіемъ: *Le Schaman de Sibérie* (Quérard, *La Fr. litt.*)

14. Историческое представленіе изъ жизни Рюрика, подражаніе Шакеспиру, безъ сохраненія театральныхъ обыкновенныхъ правилъ.—Спб. при Им. Академіи Наукъ, 1786 (8 д., 59 стр. *

О времени окончанія этой піесы мы узнаемъ отъ Храповицкаго: 7го августа 1786 года, онъ переписывалъ первый актъ *Рюрика*, а 1го сентября пятый. Піеса была послана затѣмъ къ Потемкину для исправленій (4го сентября).

Храповицкій не говоритъ былъ ли поставленъ *Рюрикъ* на сцену, но Кастера, включившій *Рюрика* въ изданный имъ *Théatre de l'Hermitage*, свидѣтельствуетъ (II, 369) что эта піеса была представлена на Эрмитажной сценѣ; на публичной сценѣ она не была, повидимому, поставлена; по крайней мѣрѣ

* Эта брошюра имѣется въ Моск. Публ. Музеѣ и Петерб. Публ. Библ.; буквальное заглавіе ея слѣдующее: „*Подражаніе Шакеспиру, историческое представленіе безъ сохраненія театральныхъ обыкновенныхъ правилъ изъ жизни Рюрика.*“ Таково же заглавіе этой піесы и въ *Росс. Өеатрѣ*.

Драматическій Словарь вовсе о ней не упоминаетъ, а Макаровъ (*Реперт.* 1844) выражаетъ сомнѣніе чтобъ она была играна предъ публикой.

Она была напечатана первоначально въ 1786 году отдѣльною брошюрой, а въ 1787 въ *Росс. Θеатрѣ*, потомъ въ 1802 въ *Эрмитажномъ Театрѣ* * (т. I) и наконецъ въ Смирдинскомъ изданіи. Что касается до послѣдующихъ изданій *Рюрика* отдѣльными брошюрами, то кромѣ оттисковъ изъ *Росс. Θеатра*, пущенныхъ въ продажу, мы находимъ о нихъ слѣдующія извѣстія: Сопиковъ (№ 5.403 и 5.404) говоритъ что въ 1787 году было второе изданіе, съ примѣчаніями Болтина, а въ 1792 году третье съ нѣмецкимъ переводомъ Фелькнера; Плавильщиковъ (№ 5.678) упоминаетъ объ одномъ только изданіи 1787 года, не объясняя снабжено ли оно примѣчаніями Болтина; Смирдинъ (№ 7.288) говоритъ объ одномъ лишь изданіи 1786 года. Въ дѣйствительности было три изданія этой піесы: *первое* въ 1786 году, экземпляры коего имѣются въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ и Петербургской Публичной Библіотекѣ, *второе* 1792 года, съ примѣчаніями Болтина, экземпляръ коего есть въ Петербургской Публичной Библіотекѣ и у меня, и наконецъ *третье* 1793 года, съ примѣчаніями Болтина, экземпляръ коего есть въ Петербургской Публичной Библіотекѣ. ** Сверхъ того г. Геннади (*Библ. Зап.* 1858) упоминаетъ объ изданіи 1792 года съ нѣмецкимъ переводомъ, заглавіе коего есть слѣдующее: *Hist. Drama nach Shakespeares Muster, ohne Beibehaltung der sonst üblichen Kunstregeln der Schaubühne, aus Rjurik's Leben*; 2-te *russ. Ausgabe mit Anmerkung v. General major Boltin*, St-Pb., bei d. Kais. Bergschule, 1792 (8°)

---

* Существуютъ два особыя изданія, которыя не слѣдуетъ смѣшивать: *Эрмитажный Театръ* (два т. 16°), неизвѣстно кѣмъ изданный, и *Ермитажный Театръ* (два т. 8°) изданный Пельскимъ. Оба изданія сдѣланы въ Москвѣ въ 1802 году.

** Для библіографовъ выписываю заглавія этихъ изданій:

Второе изданіе: „*Подражаніе Шакеспиру историческое представленіе безъ сохраненія обыкновенныхъ θеатральныхъ правилъ изъ жизни Рюрика*, вновь издан. съ прим. ген.-маіора И. Болтина.— Спб. въ Имп. типогр. 1792 (8°). Въ этомъ изданіи заключаются: *Отъ Издателя* XLVI стр., ненум. 2 и самой піесы 59 стр.

Третье изд. заглавіе то же „съ прим. г.-м. И. Болтина. — Третье изд. Въ Спб.—Печат. въ тип. корп. чужестр. единовѣрцевъ.“ 1793 (8°, LXIX, 2 ненум. и 88 стр.)

13, 56 и 43 двойныхъ страницъ. Это и есть, безъ сомнѣнія, то изданіе которое Сопиковъ называетъ третьимъ. Есть изданіе и на одномъ нѣмецкомъ языкѣ, вышедшее въ Петербургѣ, въ томъ же 1792 году.

Французскій переводъ *Рюрика*, напечатанный въ т. II Кастерова *Théatre de l'Hermitage*, имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Imitation de Schakespear, scène historique, sans observation d'aucune regle du Theatre, tirée de la vie de Rurick*, par Catherine II, Imp. de Russ.

15. **Начальное управленіе Олега, подражаніе Шакеспиру, безъ сохр. өеатр. обыкновен. правилъ.—При Импер. Акад. Наукъ, 1787 года.** (8°, заглавн. листъ и 77 стр.)

Въ запискахъ Храповицкаго отмѣчено что 8го сентября 1786 года ему отданъ былъ государыней для переписки первый, а 5го октября пятый актъ этой піесы, послѣ чего она послана къ Потемкину для поправокъ; хоры въ ней написаны Храповицкимъ (см. *Записки* его, подъ 2мъ ноября 1786), кромѣ нѣкоторыхъ, заимствованныхъ у Ломоносова, о чемъ оговорено въ самомъ текстѣ.

Около трехъ лѣтъ эта піеса пролежала въ портфеляхъ императрицы; лишь въ концѣ августа 1789 года (см. Храповицкаго) Екатерина занялась ея постановкой на Эрмитажной сценѣ, но за то постановила ее съ большою пышностью.* Первое представленіе *Олега* было 22го октября 7790, а 25го того же октября эта піеса дана была на „Каменномъ" то-есть публичномъ Петербургскомъ театрѣ (см. Храповицкаго). Она имѣла большой успѣхъ, по словамъ издателя *Лѣтописи русскаго Театра*, хотя должно замѣтить что другихъ извѣстій о томъ не имѣется; ни Макаровъ, ни *Драм. Слов.* вовсе даже не упоминаютъ о ней, такъ что это даетъ поводъ предполагать что *Олегъ* можетъ-быть и не былъ даваемъ на публичной сценѣ, кромѣ единственнаго раза, 25го октября 1790 года.

Онъ былъ напечатанъ первоначально въ 1787 году отдѣльною брошюрой, экземпляръ которой имѣется въ Петербургской Публичной Библіотекѣ. Относительно дальнѣйшихъ изданій *Олега* не имѣется свѣдѣній ни у Смирдина (№ 7.696), ни у Плавильщикова (№ 5.749); Сопиковъ (№№ 5.473 и 5.474) упоминаетъ только о двухъ изданіяхъ, но ихъ было три, а именно: въ 1791 году великолѣпное изданіе in folio и затѣмъ въ 1793

* См. подробности въ *Драм. Альбомъ* Арапова (*Снимки съ отмѣтокъ* и пр.)

(in octavo). Неполнота въ этомъ отношеніи нашихъ каталоговъ уже указана гг. Лонгиновымъ и Геннади, но не лишнимъ будетъ, кажется, опредѣлить болѣе точнымъ образомъ изданія 1791—93 годовъ. Первое изъ нихъ напечатано въ типографіи Горнаго Училища; на заглавномъ листѣ и предъ каждымъ актомъ находятся виньетки изображающія различныя сцены изъ піесы. Піесѣ, занимающей 38 стр. in folio, предпосланы: *Предувѣдомленіе* (2 стр.) и *Объясненіе на музыку господиномъ Сартіемъ сочиненную для историческаго представленія: Начальное управленіе Олега.* Подъ этимъ Объясненіемъ, занимающимъ пять страницъ (III—VII) подписано: „перевелъ Н. Львовъ“, но кому принадлежитъ подлинникъ, не объяснено. Можно однако безошибочно предположить что оно написано самимъ Сарти, получившимъ порученіе написать музыку къ *Олегу*, вмѣсто Чимарозы, на котораго это было первоначально возложено и работой котораго императрица была недовольна (Храп., 5го сентября 1789). Экземпляры этого изданія, отмѣченнаго *рѣдкимъ* въ каталогѣ Сопикова, имѣются въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ и въ Петербургской Публичной Библіотекѣ. Что касается до изданія 1793 года, то на заглавномъ листѣ его отмѣчено „вторымъ тисненіемъ“ и напечатано оно при Императорской Академіи Наукъ. Вся брошюра заключаетъ въ себѣ 77 стр., въ числѣ коихъ *Предувѣдомленіе* (то же что̀ и въ изданіи 1791 года) занимаетъ четыре ненумерованныя страницы. Независимо отъ трехъ указанныхъ изданій, *Олегъ* напечатанъ въ 1787 году въ т. XIV *Росс. Ѳеатра*, вмѣстѣ съ *Рюрикомъ* и передѣлкой изъ *Виндзорскихъ кумушекъ*, то-есть съ прочими піесами внушенными Шекспиромъ, и наконецъ въ Смирдинскомъ изданіи.

Эта піеса переведена на французскій языкъ; но въ изданіи Керара *La France littéraire* она приписана Державину; противъ имени этого поэта отмѣчено: „*Oleg*, drame historique, trad. de l'orig. russe par Catherine II. 1781.“

16. Игорь.

Окончивъ *Олега*, Екатерина принялась писать какое-то драматическое сочиненіе объ Игорѣ, о чемъ упоминаетъ Храповицкій, между 17мъ октября и 22мъ ноября 1786 года: въ этотъ день онъ получилъ для переписки четвертый актъ помянутой піесы, окончаніе которой было отложено за сборами въ Крымъ. Въ послѣдствіи (6го сентября 1789) Екатерина вспомнила о ней, но повидимому не довела ее до конца.

17. **Расточитель.**

23го ноября 1786 года Екатерина прочла Храповицкому начало піесы подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ, которую онъ называетъ подражаніемъ Шекспиру, и которая доведена была, какъ и предшествующая, до пятаго акта (Храп., 16 дек.), но осталась, повидимому, не конченною.

18. **Врунъ.**

Подъ 31мъ іюля 1787 года, слѣдовательно вскорѣ по возвращеніи изъ Крыма, Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ: „Примѣтилъ что пишутъ *Вруна*, комедію", и далѣе, 4го августа: „Читанъ мнѣ первый актъ комедіи; тутъ-то слуга врунъ". Этимъ и ограничиваются всѣ имѣющіяся донынѣ свѣдѣнія о названной комедіи. Г. Лонгиновъ полагаетъ что она осталась не конченною; можетъ-быть впрочемъ что нѣсколько сценъ изъ нея вошли въ *Les voyages de M-r Bontems*, (см. № 25) гдѣ введенъ лакей „врунъ".

19. Un *tiens* vaut toujours mieux que deux *tu l'auras*, proverbe. (*Recueil des pieces de l'Hermit.* t. I) *.

Объ этой піесѣ мы узнаемъ изъ *Записокъ* Храповицкаго что 22го августа 1787 года она была прислана ему императрицей для переписки. Храповицкій не говоритъ чтобъ она была поставлена на сцену. Кастера напечаталъ ее въ своемъ *Théatre de l'Hermitage*, подъ заглавіемъ: *Le Tracassier*, и выставилъ имя автора; въ *Ермитажномъ Театрѣ* Пельскаго она напечатана подъ заглавіемъ *Сплетникъ*, а въ *Эрмитажномъ Театрѣ* названа *Смутникомъ*.

20. Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями, ком. въ 5 дѣйст.—Спб., при Импер. Акад. Наукъ, 1788. (8°, 130 стр.)

Екатерина начала писать эту комедію въ началѣ осени 1787 года, 2го октября окончила четвертый актъ, а 24го и пятый.

* Существуетъ два сборника піесъ игранныхъ въ Эрмитажѣ: 1) *Recueil de l'Hermitage* (четыре тома, 8°) изданный по распоряженію Екатерины и подъ руководствомъ Храповицкаго (см. его *Запис.* подъ 23 и 30 октября 1788) и 2) *Théatre de l'Hermitage*, изданный Кастерой (два тома, 8°). Заглавія французскихъ піесъ Екатерины будутъ выписываемы изъ перваго изданія, какъ нѣкоторымъ образомъ официальнаго, изданіе же Кастеры важно для насъ тѣмъ что въ немъ названы авторы напечатанныхъ піесъ. Всѣ приводимыя ниже піесы Екатерины отмѣчены ея именемъ въ изданіи Кастеры

Эта піеса была затѣмъ послана для разсмотрѣнія Мамонову, который и сдѣлалъ въ ней многія поправки (Храпов.). 29го декабря она была разыграна на Эрмитажной сценѣ *, а вскорѣ потомъ дана и на публичной петербургской сценѣ, и притомъ съ успѣхомъ (Храпов., 11го янв., 1786).

Разстроенная Семья напечатана первоначально отдѣльною брошюрой въ 1788 году (Сопик. № 5.589, Плав. № 5.868, Смирд. № 7.323), экземпляръ коей имѣется въ Петербургской Публичной Библіотекѣ. ** Затѣмъ извѣстіе въ *Словарѣ* пр. Евгенія, будто эта піеса напечатана впервые въ 1786 году оказывается явно ошибочнымъ, въ чемъ пр. Евгеній, за неимѣніемъ тогда еще въ виду *Записокъ Храповицкаго*, могъ бы убѣдиться изъ переписки Екатерины съ Циммерманомъ (см. письмо 28го мая). Кромѣ того *Разстроенная Семья* напечатана въ томъ же 1788 году въ т. XX *Россійскаго Өеатра*, причемъ пущены въ продажу отдѣльные оттиски, и наконецъ въ Смирдинскомъ изданіи.

Эта комедія переведена Арндтомъ на нѣмецкій языкъ (Храп., 6го февраля 1788); надо думать что былъ и другой переводъ кромѣ Арндтова (сдѣланнаго въ Петербургѣ), показанный у Эберта (*Allg. bibl. Lex.*) подъ заглавіемъ: *Der Familienzwist durch falsche Warnung u. Argwohn*, Berl. 1789. Съ своей стороны Кераръ упоминаетъ о французскомъ переводѣ этой піесы, подъ заглавіемъ: *La Désunion de famille par faux avis et soupçons*, 1787 (?).

21. **Злорѣчивые.**

Подъ 4мъ октября 1787 года Храповицкій записалъ: „Поднесъ переводъ съ англійскаго на нѣмецкій языкъ комедіи г. Шеридана, *Die Laesterschule* (*Школа Злословія*)“; а 29го того же октября онъ отмѣтилъ: „читано начало перевода *Злорѣчивыхъ* или *Клеветниковъ*, англійской комедіи“. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ переводѣ мы не имѣемъ, изъ чего слѣду-

* Г. Лонгиновъ ошибочно утверждаетъ будто это представленіе происходило на публичной сценѣ; очевидно онъ не обратилъ вниманія на отмѣтку Храповицкаго подъ 11мъ января 1788. Точно такъ же ошибается г. Геннади, говоря (въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 46 *Записокъ Храповицкаго*) будто *Разстроенная семья* дана въ Эрмитажѣ въ первый разъ 7го января 1788.

** Точное заглавіе по этому экземпляру: „Комедія *Разстроенная Семья осторожками и подозрѣніями*,“ и пр.

етъ заключить что онъ не былъ конченъ. Въ 1794 году комедія Шеридана была напечатана въ русскомъ переводѣ, но этотъ переводъ былъ сдѣланъ Иваномъ Муравьевымъ.

22. Le Flatteur et les Flattés, proverbe.

Коротенькая эта піеса была написана, надо думать, въ апрѣлѣ 1788 года, даже во второй половинѣ этого мѣсяца; по крайней мѣрѣ она была разыграна на Эрмитажной сценѣ, по свидѣтельству Храповицкаго, 23го апрѣля, и вслѣдъ затѣмъ сдана была ему для переписки.

Les Flatteurs напечатаны въ т. Iмъ *Recueil des pièces de l'Hermitage* и въ *Théatre de l'Herm.* Кастеры; Пельскій назвалъ эту піесу *Льстецъ и Льстимые*, а издатель *Эрмитажнаго Театра—Льстецъ и Обольщенные*; дальнѣйшихъ упоминаній о ней мы не находимъ нигдѣ.

23. Недоразумѣнія, комедія въ 5 дѣйст.

Подъ 26мъ января 1788 года въ *Запискахъ Храповицкаго* отмѣчено: „Прочли первую сцену новой комедіи, гдѣ слуга съ служанкою описываютъ худо воспитаннаго жениха, Иготина." Такова дѣйствительно первая сцена *Недоразумѣній*. О томъ какъ эта комедія подвигалась и передѣлывалась находится много указаній у Храповицкаго (февр., іюнь); наконецъ она дописана была 19го іюня, но неправилась Екатеринѣ (Храп., 6го февр. 1789). 3го октября она была представлена въ первый разъ на Эрмитажной сценѣ, а такъ какъ въ этотъ разъ она понравилась государынѣ, то ее дали и на публичномъ театрѣ, 9го сентября, но чтобъ она была повторяема—о томъ не имѣется извѣстій.

Эта комедія напечатана въ 1789 году въ т. XXXI *Россійскаго Θеатра*, а въ послѣдствіи въ Смирдинскомъ изданіи. По свидѣтельству Плавильщикова (№ 5.761), она была напечатана и отдѣльно (Спб., 1789, 8°); впрочемъ ни Сопиковъ, ни Смирдинъ не упоминаютъ о томъ, и мнѣ нигдѣ не случалось видѣть *Недоразумѣній* особою брошюрой.

24. Кославъ.

Храповицкій отмѣтилъ подъ 29мъ іюля 1788 года: „Читали начало комической оперы *Кославъ*", которая была начата „чтобы разбить мысли", сильно омрачившіяся по поводу вторженія Шведовъ, и въ которой изображались военныя приготовленія Густава III; вотъ все что̀ мы знаемъ объ этой піесѣ, остав-

шейся не оконченною, но можетъ-быть обогатившей другія піесы на тотъ же сюжетъ.

25. Les voyages de M. Bontems, proverbe.

Изъ *Записокъ Храповицкаго* видно что эта піеса была озаглавлена первоначально *Marton et Crispin*, и что начало ея прочитано было Храповицкому 21го августа 1788 года. „Тутъ много соли, отмѣтилъ онъ, и относится къ войнѣ Шведской.“ 27го августа піеса была окончена, а 19го сентября представлена въ комнатахъ Мамонова.

Она напечатана въ т. Імъ *Recueil* и въ *Thèatre* Кастеры; у послѣдняго съ означеніемъ имени автора. Пельскій напечаталъ ее подъ заглавіемъ: *Путешествія г. Бонтама*, а издатель *Эрмитажнаго Театра* озаглавилъ ее *Путешествія Промотаева*.

26. Il n'y a point de mal sans bien, proverbe.

Подъ 11мъ сентября 1788 года Храповицкій отмѣтилъ: „Приказали переписать provérbe: *qu'il n'y a point de mal sans bien*“. 19го эта пословица была представлена вмѣстѣ съ предшествующею, а потомъ онѣ обѣ посланы къ заграничному литературному и политическому корреспонденту Екатерины, барону Гримму. * (Храпов., 30 окт.)

Эта піеса напечатана въ т. Імъ *Recueil* и въ *Thèatre* Кастеры, гдѣ авторомъ ея названа Екатерина. Въ *Театрѣ* Пельскаго она напечатана подъ заглавіемъ: *Нѣтъ худа безъ добра*, а въ *Эрмитажномъ Театрѣ* подъ заглавіемъ: *Не можетъ быть добра безъ худа*.

27. La Rage aux proverbes, proverbe.

12го октября 1788 года Екатерина прочла Храповицкому еще не конченную эту пословицу, а 14го и конецъ ея. Храповицкій записалъ о ней (21го окт.): „Она хороша, кругла и весела“, что̀ и справедливо; но поставлена она была не скоро: ее дали въ Эрмитажѣ лишь 14го декабря 1789 года.

La Rage aux Proverbes напечатана въ т. IIмъ *Récueil* и у Кастеры. Пельскій назвалъ ее: *Сумашествіе по Пословицамъ*, а издатель *Эрмитажнаго Театра* — *Глупое пристрастіе къ Пословицамъ*.

* См. о немъ въ № 9 *Зари* 1869 года: *Екатерина II какъ писательница*.

28. За мухой съ обухомъ.

23го октября 1788 года Храповицкій получилъ для переписки пословицу на русскомъ языкѣ *За мухой съ обухомъ*; но когда на другой день эта піеса была поднесена императрицѣ, то послѣдняя „призналась что надобно смягчить суровость именъ и выкинуть хвастовство Пострѣловой о вояжахъ“, и піеса была отложена. Эта Пострѣлова и ея хвастовство о своихъ вояжахъ могла показаться слишкомъ явною каррикатурой княгини Дашковой. Кажется что въ этой піесѣ изображалась смѣшная ссора княгини съ Л. А. Нарышкинымъ за то что съ дачи послѣдняго, смежной съ ея дачей, нѣсколько свиней забрели въ ея огородъ. Замѣчу кстати что г. Лонгиновъ явно ошибается, предполагая что эта ссора происходила съ Измайловымъ: Masson (*Mem. secrets*, *IX. cahier*), а также и Храповицкій положительно называютъ Нарышкина, и Нарышкинъ этотъ есть оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ.

Сколько извѣстно, *За Мухой съ Обухомъ* никогда не была напечатана.

29. За вздоръ Пошлины не платятъ.

Эта піеса тоже извѣстна намъ лишь по заглавію, да по немногимъ словамъ о ней Храповицкаго. Онъ отмѣтилъ подъ 17мъ ноября 1788 года: „Переписывалъ пословицу на русскій языкъ: *За Вздоръ Пошлины не платятъ.*“—„Она начата, продолжаетъ Храповицкій, графомъ А. М. Дмитріевымъ-Мамоновымъ и кончена Е. В—мъ. Онъ залѣнился и не кончилъ. Начато хорошо.“ Приведенныя слова Хроповицкаго: „переписывалъ на русскій языкъ“ не даютъ возможности рѣшить даже того на какомъ языкѣ писана эта піеса.

30. Горебогатырь Косометовичъ, опера комическая.—Спб. въ тип. Горн. Уч., 1789 (8°), 72 стр.

По экземпляру имѣющемуся въ Петерб. Пуб. Библ. и Московскомъ Пуб. Музеѣ, точное заглавіе этой піесы таково: *Сказка о Горебогатырѣ Косометовичѣ и Опера Комическая изъ словъ сказки составленная.* Послѣ заглавнаго листа слѣдуетъ обращеніе *Къ Читателю* (2 стр.), потомъ *Сказка о Горебогатырѣ Косометовичѣ* (стр. 3—24) и наконецъ *Опера Комическая Горебогатырь Косометовичъ* (стр. 27—72).

Подъ именемъ Горебогатыря выведенъ, какъ всѣмъ вѣ-

роятно извѣстно, король Шведскій Густавъ III, воспользовавшійся затруднительными обстоятельствами Россіи чтобы сдѣлать на нее нападеніе. Поэтому названная піеса находится въ духовномъ родствѣ съ *Кославомъ* и *Путешествіями Бонтана*; можетъ-быть даже что въ нее вошли нѣкоторыя мѣста изъ *Кослава*. Названіе *Горебогатырь* мы встрѣчаемъ у Храповицкаго впервые подъ 26 ноября 1788 года; 8го декабря піеса была уже переписана, а 29го января 1789 года представлена на Эрмитажной сценѣ. Первоначально ее предполагалось дать на публичномъ театрѣ, но кажется что князь Потемкинъ отклонилъ императрицу отъ этого намѣренія „для министровъ иностранныхъ" (Храп. 25го апр. 1789); за то въ Москвѣ ее разрѣшено было поставить на публичномъ театрѣ. Вѣроятно о представленіяхъ ее на московской сценѣ и вспоминаетъ московскій старожилъ Макаровъ (*Реперт.*, 1844); но они были и здѣсь, по словамъ его, прекращены, — вѣроятно вслѣдствіе заключенія мира со Шведами.

27го января 1789 года Храповицкій отмѣтилъ: „поднесъ печатную оперу съ музыкой." Экземпляръ изданія о которомъ говоритъ Храповицкій имѣется въ Спб. Пуб. Библіотекѣ. На заглавномъ его листѣ значится то же что̀ приведено выше, но съ прибавкой: „музыка къ оперѣ сочиненія Мартини." (CXLII стр.) Впрочемъ оба эти изданія одного формата, заключаютъ одинаковое число страницъ и печатаны въ одной типографіи, такъ что ихъ слѣдуетъ признать видоизмѣненіями одного и того же изданія. Да и не было повода дѣлать другаго: принявъ изъ рукъ Храповицкаго экземпляръ *Горебогатыря*, Екатерина запретила ему „раздавать" эту піесу,—не только пускать ее въ продажу; тѣмъ болѣе не могло быть сочтено приличнымъ продавать ее по возстановленіи мира со Шведами. Весьма вѣроятно поэтому что лишь очень небольшое число экземпляровъ *Горебогатыря* проникло въ публику; піесы этой нѣтъ и въ *Росс. Ѳеатрѣ*, и только Смирдинъ (№ 7652) и Сопиковъ (№ 7406) упоминаютъ о ней. Г. Лонгиновъ слѣдовательно совершенно справедливо выражаетъ отъ имени русскихъ библіофиловъ признательность Смирдину за напечатаніе ея въ своемъ изданіи сочиненій Екатерины. Въ интересѣ послѣднихъ не лишнимъ считаю сдѣлать извѣстнымъ что текстъ этой піесы, собственной руки Екатерины, и копія руки Храповицкаго находятся въ Москвѣ у Н. В. Сушкова; по нимъ можно прослѣдить такъ-сказать са-

мый процессъ сочиненія *Горебогатыря* и взвѣсить долю участія которое принималъ въ томъ Храповицкій.

31. Ѳедулъ съ дѣтьми, опера въ 1 дѣйствіи *.

5го декабря 1790 года Храповицкій отмѣтилъ: „Сказано мнѣ что на подобіе игрища изволитъ (Екатерина) дать оперу въ одномъ актѣ;“ 13го эта опера была сдана переписчикамъ, а 26го декабря Храповицкій поднесъ нѣсколько печатныхъ ея экземпляровъ императрицѣ.—Между тѣмъ ни одинъ каталогистъ не указываетъ на это изданіе; Сопиковъ (№ 7515) и Смирдинъ (№ 7751) называютъ 1792 годъ (Спб., 8°), Плавильщиковъ (№ 6110)—1798, пр. Евгеній—1793, а Макаровъ (*Реп.* 1844) говоритъ подобно Смирдину и Сопикову что *Ѳедулъ* напечатанъ въ 1792 году. Г. Лонгиновъ утверждаетъ что эта опера была напечатана въ 1790, 92 и 98 годахъ, но видѣлъ ли онъ образцикъ этихъ изданій или повторяетъ свидѣтельство каталогистовъ—мнѣ неизвѣстно. Я не имѣлъ случая видѣть ни одного изъ названныхъ изданій и могу въ этомъ случаѣ лишь повторить существующія показанія.

17го января 1792 года *Ѳедулъ* былъ разыгранъ на Эрмитажномъ театрѣ, но еще ранѣе онъ былъ поставленъ на публичной сценѣ; 10го января Храповицкій записалъ: „Сандуновъ говорилъ на счетъ дирекціи, играя въ свой бенефисъ въ городскомъ театрѣ“,—происшествіе весьма извѣстное относящееся къ представленію *Ѳедула*. Эта піеса имѣла успѣхъ; по свидѣтельству Макарова, „*Ѳедулъ* въ Петербургѣ и Москвѣ жилъ почти нескончаемо, а его Дуняша (дочь Ѳедула) съ пѣсней своей *Во селѣ, селѣ Покровскомъ* не выходила даже изъ самыхъ блестящихъ гостиныхъ.“

II.

Итакъ мы имѣемъ предъ собою полный репертуаръ Екатерины II. Чего же мы станемъ искать въ немъ? Что̀ постановимъ цѣлію нашего изученія?

Екатерина, какъ было уже сказано, не принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ въ сочиненіяхъ коихъ можно искать законовъ искусства, оригинальности формъ или правилъ языка. Еслибъ изслѣдованіе наше касалось этихъ вопросовъ, то намъ

* Это заглавіе заимствовано изъ Смирдинскаго изданія. Болѣе древнихъ изданій мнѣ не случилось видѣть.

пришлось бы сказать очень немного. Но мы постараемся пріурочивать литературную дѣятельность Екатерины къ ея дѣятельности политической, мы попытаемся уловить какъ отражались различныя перипетіи ея тревожнаго царствованія въ ея внутреннемъ мірѣ; мы будемъ искать въ ея драматическихъ сочиненіяхъ соотвѣтствій или противорѣчій ея офиціальнымъ провозглашеніямъ; мы будемъ стараться изучать ея воззрѣнія на то общество во главѣ котораго она стояла тридцать четыре года, которымъ она призвана была руководить; наконецъ мы станемъ искать въ ея сочиненіяхъ матеріала для изученія нравственнаго состоянія самого этого общества. Поставивъ предъ собою такую задачу, мы придемъ къ довольно любопытнымъ заключеніямъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мы придемъ къ выводамъ даже неожиданно богатымъ. Въ самомъ дѣлѣ, государь находится вообще въ положеніи невыгодномъ для того чтобы дѣлать наблюденія въ своей землѣ; въ его присутствіи рѣдко кто высказывается; рѣдко даже кто остается самимъ собою. Государь говоритъ, прочіе слушаютъ, а если и говорятъ, то слѣдя болѣе за его нежели за собственною мыслію. Притомъ сфера возможныхъ для государя наблюденій ограничивается немногими, говоря относительно, лицами, людьми извѣстнаго класса; внѣ этого избраннаго круга, государь лишенъ возможности дѣлать наблюденія надъ отдѣльными человѣческими единицами, надъ ихъ внутреннимъ міромъ, надъ ихъ домашнею жизнію, надъ ихъ индивидуальными чертами. И тѣмъ не менѣе однако мы увидимъ въ нѣкоторыхъ комедіяхъ Екатерины весьма оригинальные, мѣткіе и живые эскизы провинціальныхъ нравовъ людей средняго общества. Мы увидимъ что ей не незнакомы были глухіе переулки старой Москвы и даже бытъ, взаимныя отношенія и оригинальности людей проживавшихъ въ этихъ переулкахъ, которыя она, казалось бы, могла видѣть лишь издали, мелькомъ. Это черта весьма замѣчательная, доказывающая что Екатерина обладала большою природною наблюдательностью и большимъ природнымъ даромъ улавливать характеристическія черты людей, даромъ, который можетъ быть развился бы въ ней до замѣчательныхъ размѣровъ, еслибъ она занималась болѣе литературой чѣмъ управленіемъ.

Одинъ изъ типовъ которые наиболѣе удались Екатеринѣ есть типъ старой ханжи полной причудъ и суевѣрій. Такой типъ находится въ комедіи *О Время!* Пусть читатель пред-

ставитъ себѣ одинъ изъ переулковъ старинной Москвы,—Москвы какою она была „до Французовъ,"—и въ немъ большой деревянный, значительно осунувшійся домъ, стоящій среди обширнаго но грязнаго двора, съ обширнымъ же но запущеннымъ садомъ, съ бревенчатыми людскими и конюшнями, погнувшимися на бокъ отъ времени и небреженія хозяина, съ большими потускнѣвшими окнами. Въ этомъ обширномъ, но осунувшемся домѣ, съ задичалымъ садомъ, въ этой помѣщичьей усадьбѣ среди столицы, живутъ старуха Ханжихина, богатая, но скупая богомолка, съ внучкой своей Христиной, къ которой нѣкто Непустовъ присватываетъ своего молодаго пріятеля. Непустовъ пріѣзжаетъ однимъ утромъ чтобы потолковать объ этомъ дѣлѣ, но Мавра, горничная Ханжихиной,— условленный типъ субретокъ, мало имѣющій сходства съ дѣйствительностію,— объявляетъ ему что барыня „на молитвѣ". „Наша госпожа, говоритъ эта бойкая персона, либо молится, либо поучаетъ домочадцевъ; о постѣ и воздержаніи твердитъ она весьма часто всѣмъ своимъ людямъ, а особливо при раздачѣ мѣсячины или указнаго." Но молитва наконецъ совершена и старуха выходитъ: „въ платьѣ и головномъ уборѣ ея, по словамъ субретки, замѣчается совершенное изображеніе прародительскаго покроя, въ которомъ она и не малую добродѣтель и чистоту нравовъ поставляетъ". Ханжихина не прочь бы отдать внучку свою за Молокососова,—такова фамилія жениха,—да жаль разстаться съ приданымъ, и вотъ начинаются отговорки: до того ли нынче? Люди не даютъ покоя!... Вотъ какой нынче былъ случай: „Я обѣщалась, говоритъ Ханжихина, чтобы до вечерни положить пятьдесятъ поклоновъ предъ образомъ, которымъ покойная моя бабушка благословила покойную мою матушку, помяни ихъ Господи! И лишь только начала, анъ гляжу, вошелъ маминъ сынъ (лакей) и стоитъ какъ демонъ въ горницѣ. Я ему говорю: „поди вонъ, не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться"; а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила: „поди ты, сатана, вонъ", а онъ ничего не говоря, совъ мнѣ въ руку бумажку, да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете, что̀ въ этой бумажкѣ написано? О, несмысленная тварь! О, демонское навожденіе! Онъ осмѣлился просить позволенія жениться. Мнѣ, дескать, тридцать ужъ лѣтъ: мать де моя умерла, обшить, обмыть некому,—и для того женится!"... Нечего дѣлать, заключаетъ старуха, велѣла его высѣчь и положить женитьбу ту на спинѣ.

Непустовъ старается возвратить разговоръ на предметъ для котораго онъ пріѣхалъ, а старуха продолжаетъ свое. „Надлежало бы, говоритъ она, правительству-то сдѣлать такое учрежденіе чтобъ *оно*, вмѣсто насъ, людей-то бы нашихъ при женитьбѣ снабжало.... Да полно, нынче ничего не смотрятъ.“ Между тѣмъ входятъ одна за другой ежедневныя собесѣдницы Ханжихиной; первою является ея сестра, Вѣстникова.

Вѣстн. Здравствуй, сестрица матушка. Я безъ души къ тебѣ скакала. Знаешь ли ты какую чудную сложили свадьбу? По всему городу сказываютъ (да ужь и къ знатнымъ боярамъ дошло) что будто ты за Молокососова внучку свою выдаешь! Статочное ли это дѣло? Выдать дѣвку за такого несноснаго дурака! Да еще и нашей фамиліи дѣвку!... Я его.... вотъ этакого (указываетъ) знала; онъ и тогда и глупъ, и спѣсивъ былъ. Однажды пріѣхала я.... я.... къ матери его, хотѣла ей эту милость сдѣлать.... Онъ тогда былъ лѣтъ десяти; вошла въ горницу.... вѣдь мы таки не подлыя.... Поклонилась я всѣмъ, а онъ стоя въ углу играетъ мячикомъ, а на меня и не глядитъ; да и во весь вечеръ, подумай матка.... во весь вечеръ ко мнѣ и не подошелъ, какъ будто я уродъ какой? Съ того времени я терпѣть его не могу. Какая жь и нянюшка у него была! Да и матушка изрядная! Не у кого, правду сказать, и поучиться-то было. Няня была дѣвчища высокая, худощавая, косая, глупая; а мать, ты сама помнишь, дурища была непомѣрная....

Кстати, вдругъ перебиваетъ себя Вѣстникова, знаешь ли, сестрица, какой сейчасъ былъ со мной случай? „Не успѣла я еще со двора съѣхать, какъ кучеръ мой, зашатавшись, упалъ съ козелъ. Я думала.... не здѣсь будь сказано (*онѣ отплевываются, подергиваютъ себя за ухо и обдуваются*)“... Оказалось что кучеръ пьянъ. „Я кликнула людей, говоритъ Вѣстникова, и велѣла его сѣчь, а на его мѣсто посадила другаго; но тотъ плохо справлялся съ лошадьми, „ѣхалъ какъ сумасбродный“, лошади падали, два раза свалилось колесо.... „Да полно, въ томъ кучеръ не виноватъ: полиція ничего не смотритъ!“

Обѣ сестрицы начинаютъ охать; все де худо, отовсюду недобрыя вѣсти. Письмо изъ Петербурга пришло, говоритъ Вѣстникова, пишутъ что „вода тамъ прибыла такъ высоко что весь городъ потопила и люди насилу себѣ мѣсто на кровляхъ находили“.

— Какъ же, сударыня, замѣчаетъ Непустовъ, развѣ водой почта оттуда отправлена?

Но это замѣчаніе не принимается въ резонъ: „вы де ничему не вѣрите!“

— „Пишутъ, продолжаетъ Вѣстникова, еслибы вы знали какія у насъ къ масляницѣ готовятъ крутыя горы, то вы бы удивились и испужались!...“ „Замѣчаете, какой обинякъ? Я разумѣю что оно значитъ: *крутенька-то гора затѣвается!*“

Поучительная бесѣда сестрицъ прерывается докладомъ что пріѣхала г-жа Чудихина, но не рѣшается переступить порогъ, потому что услышала сверчка и проситъ своихъ пріятельницъ выйти къ ней. Онѣ уходятъ. Между тѣмъ является самъ женихъ. Онъ объясняетъ что ему нравится Христина, но что опасается, не дура ли она круглая. Я говорилъ съ нею, она ни слова не отвѣчаетъ; заговорилъ просто о постороннихъ вещахъ и тутъ не лучше! Сватъ успокоиваетъ его: это слѣдствіе дурнаго воспитанія, или правильнѣе отсутствіе всякаго воспитанія. „Христина, говоритъ онъ, ничему не учена и грамотѣ украдкой у меня училась, для того что бабушка ея всегда боялась чтобъ она, научась грамотѣ, не стала писать любовныхъ писемъ. Она до двѣнадцати лѣтъ и платья-то не знала, а бѣгала для легкости въ одной сорочкѣ; когда же пріѣзжали посторонніе къ намъ, то прятали ее въ спальнѣ за печкой.“ И точно, Христина сама признается Маврѣ что при Молокососовѣ чувствовала себя дура-дурой. „Но, говоритъ она, ты вѣдь знаешь что я съ мущинами, кромѣ Фалалея, бабушкина дурака, ни съ кѣмъ не говорила.“

Между тѣмъ Молокососовъ успѣлъ возстановить противъ себя всѣхъ трехъ пріятельницъ, громко разсмѣявшись когда Ханжихина разказывала что за годъ предъ кончиной ея мужа пѣтухъ снесъ яйцо. Но разбитная Мавра совѣтуетъ ему не отчаиваться, а расположить къ себѣ Вѣстникову, которая очень любитъ подарки. Молодой человѣкъ принимаетъ этотъ совѣтъ и начинаетъ ухаживать за старухой. Вотъ отрывокъ изъ сцены между Вѣстниковой, Молокососовымъ и Непустовымъ:

Молок. Я помню, сударыня, что милость ваша и къ матери моей была велика; еслибъ я могъ ласкаться чтобы вы....

Вѣстн. Да, мы таки друженько живали. Да ты, батька мой, слѣсивымъ мнѣ казался; а я таки и весь родъ-отъ вашъ знаю.

Непуст. Вы ошибаетесь, сударыня, онъ право не слѣсивъ; его видъ таковъ. А къ тому еще онъ и молодъ.

Вѣстн. И подлинно еще молодъ; я ребенкомъ его зазнала, а и я не выстарокъ.... Ха, ха!... (*Молокососову:*) Батюшка твой

не таковъ былъ: онъ помилуй Богъ какъ меня любилъ! Бывало какъ привяжется, такъ изъ дому выжить нельзя; ночь всю насквозь, до разсвѣта, сиживали вмѣстѣ; иногда и одинъ на одинъ, а скучно не бывало; а гулянья-то у насъ и подъ Марьиной рощей и въ подмосковныхъ; тамъ-то пляски-то, игранья, пѣнья-то!... Ужь куда покойникъ-отъ какой охотникъ былъ до пѣсенъ, а пуще всего любливалъ мой голосъ; да я изрядненько и пѣвала. Куда какія веселья у насъ бывали! Нынче таки ничего не видно, какъ будто нѣтъ молодыхъ. Они, право, такъ не веселятся какъ бывало мы забавлялись. Только нынче и слышно: комедіи, да оперы, да наряды; а мы-то бывало какъ съ постели, такъ и поскакали, и на головѣ, право, оправить некогда было. Зимою-то въ саняхъ, бывало, ночь на пролетъ прокатаешься: всю Москву-таки съ конца до конца изъѣздишь; того и смотри что попадешь въ полицію; да что̀ намъ до того, бывало? Хотя бы и случилось переночевать тамъ, вѣдь все знакомые, все друзья! Не сказавъ никому и выпустятъ! Нынѣ такія ли времена! Кажется люди-то всѣ перемѣнились: кромѣ охъ, да охъ! ничего не услышишь. (*Увидя на пальцѣ Молокососова перстень*) А, мой свѣтъ, да это еще отцовскій на тебѣ перстенекъ-отъ. Тотъ, право, самый; онъ, покойникъ, бывало, шучивалъ что на поминъ души своей его мнѣ оставитъ. Я знаю этотъ перстень.

Непуст. И я слыхалъ что онъ съ вами въ короткой дружбѣ былъ.

Вѣстн. Камешекъ-то не величекъ, да чистехонекъ.

(*Мавра мигаетъ Молокососову чтобъ онъ подарилъ перстень Вѣстниковой.*)

Вѣстн. Право, свѣтъ мой, чистехонекъ!

Молок. Позвольте, сударыня, чтобъ я слово родителя своего сдержалъ и примите отъ меня этотъ перстень въ знакъ моего почтенія.

Вѣстн. И.... батька мой.... вѣдь я не для того говорила (*не отдавая*).... Никакъ, мой свѣтъ; на что̀ такъ убытчишься.

Молок. Пожалуйте, сударыня, сдѣлайте мнѣ это одолженіе; я должностью почитаю себѣ исполнять обѣщанія родительскія и радоваться стану, исполняя толь пріятное завѣщаніе.

Послѣ этого Вѣстникова тотчасъ же становится адвокатомъ молодаго человѣка предъ сестрой. Къ несчастію, ей перечитъ Чудихина; но скоро представляется случай припугнуть эту глупую и суевѣрную старуху. Вотъ какъ это происходитъ.

(*Чудихина бѣжитъ, а за ней Христина.*)

Чудих. Ахъ! погибла я!... Умереть мнѣ, умереть!... Ахъ! Ужь умираю, чуть жива.... чуть дышу.... нѣтъ больше мочи....

(*Кидается у кулисъ на кресло.*)

Христина. Что̀ вамъ это сдѣлалось?

Чудих. Проклятая Мавра меня уморила своими разказами.

Подумай, пожалуй, свѣтъ мой: я сижу, да гадаю въ карты, и въ то самое время какъ у меня винновой-отъ король съ крестовою кралей предо мной лежали, и я тому порадовалась, она и сказала что я на томъ мѣстѣ сижу.... ахъ, тошно мнѣ... на томъ будто мѣстѣ на которомъ человѣкъ, назадъ тому тридцать лѣтъ, умеръ. . . . .
Я вѣдь испорчена, душа моя; злые люди меня смолоду попортили: всего боюсь! Да какъ и не бояться!? Вотъ гдѣ (*указываетъ на животъ*) у меня порча-то сидитъ и нывѣ...

Христ. Такъ вы животомъ недомогаете?

Чудих. У меня, свѣтъ мой, въ животѣ щука; смолоду впустила ее туда мнѣ, сонной, мачиха моя; она была колдунья и меня не любила; а въ спину засадила мнѣ собаку, и когда онѣ тамъ ссорятся, такъ я чувствую.... таки точнешенько слышу какъ щука хвостомъ хлестнетъ по собакѣ, а собака огрызается и ворчитъ. Ужасть, какая у меня тогда боль сдѣлается! Охъ, охъ!... Боюсь.... умру.... Вѣрно умру!...

(*Христина увидѣвъ что у Чудихиной на концѣ шейнаго платка два маленькіе узелка завязаны.*)

Христ. Чтò это за узелки, матушка, у васъ завязаны?

Чуд. И.... душа моя, ничего.... Въ одномъ четверговая соль, а въ другомъ росной ладанъ отъ уроковъ.

(*Въ это время вынимаетъ платокъ изъ кармана и съ нимъ выпадаютъ два корешка, крестъ-на-крестъ волосами перевязанные.*)

Христ. (*поднявъ*). А это чтò такое?

Чуд. А это корешки, свѣтъ мой, на которыхъ нашептано. Я ихъ ношу всегда чтобъ и меня-таки любили.

Входитъ Ханжихина съ сестрой. Потрясенная страхомъ неминуемой смерти Чудихина снова начинаетъ охать, а Вѣстникова спѣшитъ объяснить ей что это напущеніе за ея грѣхи:

Вѣстн. Ништо тебѣ! Для чего ты отговариваешь сестрицу выдать внучку за Молокососова? Вотъ Богъ тебя за то и наказалъ.

Чудих. Я грѣшна! Чтò мнѣ дѣлать? Люблю разбивать свадьбы, и признаюсь что для меня ничего нѣтъ пріятнѣй, какъ видѣть въ сватаньи разладъ. Вѣдаю что это дурно, да удержаться не могу; какъ-таки не промолвить словца, а молвится всегда худое. Я ужь и отцу духовному не одинъ разъ въ этомъ каялась. Всѣхъ амурщиковъ я съ природы ненавижу, и гдѣ только услышу про любовь, такъ тутъ врагъ меня и всунетъ.

Вѣстн. Ну, такъ я тебя утѣшу: вѣдь у Принковой разошелся ладъ съ Краткобродомъ. Мужъ свѣдалъ и, сказываютъ, жену-то прибилъ и бросилъ, а никто не знаетъ какой дьяволъ ему на ухо шепнулъ. . . . .
Какъ бы ему догадаться? Не вѣдаю.

Чудих. А я такъ вѣдаю, да и не дешево мнѣ стало это знать.

Вѣстн. Скажи, пожалуй, какъ?

Чудих. Я согрѣшила, окаянная: научила своего дворецкаго чтобъ онъ подкупилъ ихъ людей. Онъ это сдѣлалъ; а люди все и проболтали. Высказали гдѣ у нихъ съѣзды, какъ и долго ли они видятся. А послѣ я сама посылала за ними своего человѣка верхомъ, подсматривать, и знала всегда о ихъ свиданіи. Потомъ удалось мнѣ и письма ихъ получить въ свои руки, да какъ мнѣ до нихъ нужды нѣтъ, такъ я чрезъ третьи руки приказала ихъ вмѣсто жены отдать мужу. . . . . . А право, мой свѣтъ, сто рублей мнѣ это стало, и жаль денегъ-то, да радуюсь что удалось. Боялись же они меня очень!

Вѣстниковой удается наконецъ спровадить Чудихину и тогда она начинаетъ обрабатывать свою сестру. „Молокососовъ и богатъ и пригожъ, говоритъ она, а Христина родилась въ волосикахъ и въ сорочкѣ, и родясь три раза прокричала. Кормилица тебѣ будетъ на старости....“ Ханжихина начинаетъ умиляться. „Изъ пятнадцати человѣкъ дѣтей, вздыхаетъ она, никого не осталось. Правду сказать, было у меня и шестнадцатое дитя, да то не кормилецъ: какъ шестнадцатымъ-то я была брюхата, такъ злые люди выкрали ребенка и вложили каменекъ, и я помню, съ какимъ великимъ болемъ (sic) его родила, и теперь ношу его у себя за пазухой: каковъ ли ни на есть, да милъ мнѣ какъ настоящее дитя.“ Дѣло оканчивается разумѣется тѣмъ что старуха благословляетъ молодыхъ людей, но не даетъ всего давно обѣщаннаго приданаго, противъ чего, однако, никто не протестуетъ.

Таково содержаніе одной изъ лучшихъ комедій Екатерины. Критикъ настоящаго времени замѣтитъ что въ ней вообще мало драматическаго движенія, что дѣйствующія лица слишкомъ много говорятъ, что въ видѣ разказовъ сообщается читателю много такого что можно было бы изобразить въ драматической формѣ; что кромѣ трехъ старухъ, всѣ прочія лица лишены оригинальности, что даже и эти три старухи суть какъ бы вывѣски качествъ обозначенныхъ ихъ фамиліями. Но нашъ критикъ долженъ будетъ поставить часть этихъ несовершенствъ на счетъ эстетическихъ понятій XVIII вѣка, а съ другой стороны, онъ все-таки долженъ будетъ отдать справедливость наблюдательности автора и искусству съ коимъ онъ усвоилъ языкъ старыхъ московскихъ кумушекъ.

Но гдѣ могла встрѣчать Екатерина женщинъ подобнаго

сорта? Новѣйшія изслѣдованія бытовой стороны нашей исторіи XVIII вѣка убѣждают что даже при дворѣ, особенно при дворѣ Елисаветы, наблюдатель могъ подмѣтить много черт замѣченныхъ нами въ трехъ помянутыхъ старухахъ. Во всякомъ случаѣ Ханжихина, Вѣстникова и Чудихина должны были напоминать современникамъ Екатерины цѣлую категорію обывательницъ *Плющихи* или прихода *Георгія на Всполье*. Вотъ почему извѣстный Новиковъ, послѣ представленія разказанной мною комедіи, говоритъ въ своемъ *Живописцѣ*, обращаясь къ ея автору: „Вы первый сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ; вы первый съ такою благородною смѣлостью напали на пороки въ Россіи господствовавшіе." Вѣроятно Новикову было извѣстно имя автора комедіи *О Время*, когда онъ писалъ эти строки; но тѣмъ болѣе интереса заключается въ тѣхъ его словахъ въ которыхъ говорится о вліяніи Екатерининой сатиры на общество. „Истребите, говоритъ Новиковъ, изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лицо; порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя осмѣиваемаго себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать что пороки въ бѣдности только единой перомъ вашимъ угнетаются, а превосходительство удрученное пороками хотя въ первый разъ въ жизни своей возчувствуетъ равенство съ низкостепенными." *

Реальность есть самая выдающаяся сторона драматическаго таланта Екатерины, когда она давала ему волю. Можно жалѣть только что она не вполнѣ отдавалась свойственному ей чувству правды и не рѣдко слѣдовала рутинѣ, изображая людей какъ бы по установленнымъ образцамъ. За то нѣкоторыя черты въ ея комедіяхъ буквально вырваны изъ дѣйствительности. Можно держать пари что слѣдующее письмо одного стараго собачника къ сыну своему не сочинено, а цѣликомъ напечатано съ какого-нибудь подлинника, написаннаго рукой болѣе привычною держать свору и арапникъ чѣмъ перо:

„Другъ мой, Иванъ Филатьевичъ, здравствуй, буди надъ тобою наше родительское благословеніе. О себѣ доношу что

* *Живописецъ* 1772 года. (*Неизвѣстному г. сочинителю комедіи „О Время" приписаніе*).

въ суетахъ моихъ еще живъ, только старая моя болѣзнь животомъ весьма расходилась и никакой уже давно пользы нѣтъ; другой мѣсяцъ не встаю съ постели; къ тому жь, мой другъ, хлопотъ полонъ ротъ. Хлѣбъ дешевъ; травы хотя и хороши были прошлое лѣто, да подмокли; солома плоха. Пріѣзжай, мой другъ, самъ, да привези съ собой Антипку и сѣрую суку; вѣдь не знаешь бѣды: щенята ея всѣ подохли; я чуть съ ума отъ этого не сошелъ: такая сдѣлалась причина! До болѣзни своей, пока она меня не свалила, таскался я на полѣ: хорошо-таки повеселили.... Муропѣгой кобель, сынъ Вихревъ, изрядно скакалъ, да сука черная, Скасырка, потѣшила. Пріѣзжай, мой другъ, поскорѣе, а впрочемъ остаюсь.... отецъ вашъ Филатей Гремухинъ.“ *

Замѣчательно что всего менѣе художественной правды (если не считать разныхъ Добросердовыхъ, Правдиныхъ, лицъ завѣдомо безцвѣтныхъ) встрѣчается въ слугахъ и служанкахъ изображаемыхъ Екатериной. Изображая ихъ, она никакъ не могла отдѣлаться отъ типа Криспеновъ и Фаншоновъ, однако и въ этихъ, вообще неудающихся ей типахъ, читатель нерѣдко встрѣчаетъ черты несомнѣнно заимствованныя изъ дѣйствительности. Такія черты можно встрѣтить въ дворецкомъ Парамонѣ Исаевичѣ, въ комедіи *Недоразумѣнія*, въ третьемъ явленіи Іго акта *Имянинъ Ворчалкиной*, въ первой сценѣ комедіи *Разстроенная Семья* и н. др. Слѣдуетъ удивляться что женщина имѣвшая по своему положенію такъ мало случаевъ встрѣчаться съ людьми низшихъ классовъ могла подмѣтить хоть нѣкоторыя черты русскихъ дворецкихъ, лакеевъ и служанокъ. Въ комедіи *Г-жа Вѣстникова* мы встрѣчаемся съ весьма живымъ экземпляромъ торговки-вѣстовщицы. Терентьевна есть личность быстро, но очень удачно очерченная въ разговорѣ съ горничной Вѣстниковой и съ нею самой.

Къ числу удачныхъ типовъ изображенныхъ Екатериной въ ея первыхъ комедіяхъ слѣдуетъ отнести щеголей и щеголихъ ея времени. Въ лицѣ внучки г-жи Ханжихиной мы видѣли дѣвушку можетъ-быть и не менѣе другихъ одаренную отъ природы, но запуганную и доведенную до тупости стариннымъ воспитаніемъ; въ лицѣ Олимпіады Ворчалкиной ** Екатерина изобразила русскую *précieuse ridicule* и сохранила для потомства оригинальный жаргонъ модницъ и модниковъ ея

---

* *Имянины госпожи Ворчалкиной.*

** Тамъ же.

времени,—жоргонъ надъ которымъ издѣвается и Новиковъ въ своемъ *Живописцѣ*. * Піеса начинается слѣдующимъ разговоромъ Олимпіады съ ея горничной:

Олимпіада. Отцѣпись ты отъ меня!
Прасковья. Да что вы сегодня такъ не веселы?
Олимп. Я не выспалась.
Праск. А кто вамъ мѣшалъ спать?... Вы все-таки опоздали съ матушкой къ обѣднѣ ѣхать, а она сегодня именинница.
Олимп. Что жь дѣлать что опоздала; это мое несчастье, я встала на разсвѣтѣ и *ужасть, ужасть* какъ спѣшила.
Праск. Знать у васъ солнце всходитъ позже нежели у простыхъ людей....

Щеголиху безпокоитъ не мало ли она нарумянена, не слишкомъ ли низка возведенная изъ волосъ ея башня; потомъ она объявляетъ что меньшая сестра ея, Христина, *глазѣетъ* на Тарлыкина. „Я знаю, говоритъ она, что у нихъ великое *махаиье* (любезности); только мнѣ кажется что онъ въ *болванчики* (мужья) ей не годится....“ Вслѣдствіе нѣкоторыхъ сердечныхъ огорченій Христинѣ сдѣлалось дурно; вотъ какъ объ этомъ разказываетъ щеголиха Олимпіада: „Она *не славно помахала* и *посадила себѣ въ голову* вздоръ, а матушка *не нашла въ томъ своего счета* (n'a pas trouvé son compte) и заблагоразсудила повернуть сестрицыно желаніе вверхъ дномъ. Отъ того родилась у нея ипохондрія; она плачетъ, глаза ввалились и *ужасть какъ она страшна.* Ахъ, да какъ смѣшны Слесовъ и другіе, которые *даютъ себѣ воздухи* (se donnent des airs)... A propos, гдѣ Фирлюфюшковъ?“

Этотъ Фирлюфюшковъ есть парижскій петиметръ, пересаженный на русскую почву, или молодой изнѣженный Фальстафъ, Фальстафъ конца XVIII вѣка, который нюхаетъ eau de luce, на ночь натираетъ лицо французскою помадой и не можетъ безъ смѣху видѣть что на служанкѣ въ домѣ Ворчалкиной, несмотря на зимнее время, надѣто *круазе*: „Ah! diable! ха, ха, ха, ха! Въ нынѣшній saison на тебѣ *батавія!*... да еще не батавія, а самый легкій круазе!... ха, ха, ха, ха! *Уморишь, радость!*...“ Фирлюфюшковъ, какъ его англійскій прототипъ, дѣлаетъ долги, не платитъ ихъ и фанфаронитъ этимъ. Но ему иногда за то и достается: одинъ изъ его кредиторовъ, наскучивъ ждать и выведенный изъ терпѣнія его надменными манерами, переломилъ палку о его бока, къ великому

* *Опытъ Моднаго Словаря.* (*Живоп.*, 1772).

конечно, удовольствію райка 1772 года. Разумѣется, какъ только эта сцена кончилась и несговорчивый кредиторъ удалился, нашъ щеголь началъ снова пѣтушиться, увидѣвъ сбѣжавшихся на его крикъ людей: „c'est une petite rencontre, говоритъ онъ; это ничего не значитъ.“ Тѣмъ болѣе онъ пѣтушится предъ Олимпіадой; вотъ сцена между нимъ, ею и другимъ ея обожателемъ:

Олимп. Ахъ! радость! куда какъ ты несносенъ! Гдѣ такъ изволилъ по сю пору шататься?

Фирл. Ah, ma princesse! bonjour. Я ѣздилъ гулять, взять немного воздуха. Вы знаете что я умру, если долго въ одномъ мѣстѣ останусь. Я ничего не люблю что uniforme; одна только красота ваша навсегда поселилась въ мою голову. Oui, votre beauté est enracinée dans mon coeur.

Олимп. Ха, ха, ха! куда какъ ты славенъ!... (*Гремухину*). Мнѣ кажется онъ и впрямь вздумалъ меня любить! ха, ха, ха! какія чудеса! безпримѣрно!

Грем. Какія чудеса, сударыня? Не мудрено васъ полюбить: вы достойны любви.

Олимп. Немудрено! а мнѣ кажется мудрено. Да вамъ съ чего это не мудренымъ представляется?

Грем. Это само по себѣ разумѣется: съ того что вы прекрасны, что вы пріятны, что вы....

Фирл. (*Ухвативъ Гремухина за руку*) Permettez, madame, представить вамъ mon rival. Мнѣ такъ сдается что онъ въ васъ по уши влюбленъ.

Олимп. Ха, ха, ха! Нельзя статься! Вы оба ужасть какъ неславны.

Фирл. Оба! Вы шутите! vous badinez, madame; нельзя статься чтобъ я безприкладно не былъ славенъ для васъ. Я двѣ недѣли—deux semaines entières—всякой день ѣзжу сюда, и вамъ дѣлаю мой cour: будто я неславенъ? Я еще отъ роду ни въ одномъ домѣ такъ долго не бывалъ.

Олимп. Легкое ли дѣло! велика мнѣ до тебя нужда.... Скучно! Гдѣ Геркуловъ и Спесовъ? Ужъ куда какъ они несносны! Воля ихъ, какъ заболтаются такъ мочи нѣтъ. Я въ такой теперь дистракціи что отъ скуки чего-нибудь поѣла бы (*къ Антипу.*) Послушай мой дружокъ, скажи моей дѣвушкѣ чтобъ она мнѣ чего-нибудь принесла. A propos.... ха, ха, ха! Знаете ли вы что Геркуловъ на мнѣ вздумалъ жениться. Ахъ, какъ онъ неваженъ!... Чтобъ я пошла за него! Ужъ подлинно! Безпримѣрно бъ это было, чтобъ я пошла за такого дурака! Онъ весь свѣтъ передѣлать хочетъ, ха, ха, ха! Какая пустошь въ голову его вселилась! C'est un fou!

(*Входитъ Геркуловъ, кредиторъ Фирлюфюшкова.*)

Олимп. А, здравствуй, душа моя, неважный! Куда какъ мнѣ давеча досадилъ! Я не знаю какъ я жива, такъ я на тебя сердита, ужасть, ужасть!

Герк. За что̀ такой гнѣвъ, сударыня?

Олимп. За что̀? Это я знаю, но никогда не забуду. Уморишь! Ужъ подлинно, радость, уморишь! (*Фирлюфюшкову, который съ тѣхъ поръ какъ Геркуловъ вошелъ, въ великую пришелъ трусость*). Скажи ему что я его терпѣть не могу.

Если къ вышеприведенному присоединить нѣсколько чертъ барства, которыя мы замѣчаемъ въ Спесовѣ (*Имянины Ворчалкиной*), то намъ ничего не останется прибавить къ галлереѣ портретовъ, заключающихся въ „Ярославскихъ" комедіяхъ Екатерины. Но независимо отъ того, въ этихъ комедіяхъ есть много чертъ рисующихъ тогдашнее общество. Такъ напримѣръ, Екатерина очень вѣрно подмѣтила въ немъ легковѣріе свойственное мало-просвѣщенному обществу, относительно всякой новости, тѣмъ болѣе тревожной, раздражительной, особенно если она мало-мальски политическая. Мы уже видѣли образчикъ такого легковѣрія въ разговорѣ Ханжихиной съ ея сестрой и встрѣчаемъ его во многихъ другихъ сочиненіяхъ Екатерины, подлежащихъ нынѣ нашему разсмотрѣнію. Вотъ напримѣръ сцена изъ комедіи *Имянины г-жи Ворчалкиной*.

Ворчалк. А какой, батька мой, это споръ и какія у васъ дѣла?

Гремухинъ. Эти господа (*указывая на Спесова и Дремова*) хотятъ увѣрить будто праведный носится слухъ что скоро выйдетъ запрещеніе жениться, и такое будто запрещеніе на цѣлыя десять лѣтъ. Какъ тому статься чтобъ въ десять лѣтъ никто не женился?

Ворч. Ахъ, какое это неустройство будетъ! Что̀, развѣ ужъ родъ человѣческій перевесть хотятъ? Охъ, охъ! потерпитъ ли этому Богъ?

Дрем. Вранье! несбыточный вздоръ! глупости и нестаточныя бредни!

Ворч. Такъ, батька мой, такъ! Вы не вѣрите ничему. Вы станете обо всемъ спорить!

Дрем. По крайней мѣрѣ объ этомъ; этотъ слухъ дуракъ какой-нибудь выдумалъ.

Геркуловъ. Нѣтъ, сударь, не дуракъ, а всѣ, всѣ говорятъ.

Спесовъ. И я слышалъ!

Некопѣйковъ. И я отъ нихъ слышалъ.

Ворч. Вотъ, какъ не вѣрить! всѣ говорятъ! Ой, ой, ой! какія времена! какія нынѣ чудеса дѣлаются....

Точно такую же готовность вѣрить безъ критики всему тревожному мы находимъ въ г-жѣ *Вѣстниковой*. Не слыхала

ли какихъ вѣстей? спрашиваетъ она у названной уже нами торговки Терентьевны, которая съ товаромъ и сплетнями ежедневно рыскаетъ по городу.

Терент. Какъ не слыхать, матушка! По городу-то шатаешься, такъ наслышишься всего. У насъ полонъ ушатъ всегда вѣстей. Вотъ-таки, сказываютъ что у большихъ бояръ какія-то затѣи есть.
Вѣстн. Да отъ кого ты это слышала?
Терент. Отъ кого? отъ человѣка, правда, незнакомаго; онъ пьяный проврался, лежа на улицѣ, а племянникъ кума кумы моей на ту пору шолъ, и слышалъ, да имъ сказалъ, а они мнѣ. Сказываютъ что пьяной, какъ протрезвился, такъ сталъ запираться, говоря что онъ не знаетъ съ пьяна ли это ему пригрезилось, или отъ кого пьяный слышалъ. Только это не спроста.
Вѣстн. И сомнѣнья нѣтъ: сколько людей это говорили, какъ въ этомъ сомнѣваться. Охти мнѣ! Какія-то у насъ затѣи! Свѣтушка, свѣтушка, что-то изъ этого будетъ?

Нельзя не обратить вниманія на эти намеки „о затѣяхъ большихъ бояръ,“ и вообще на таинственныя и тревожныя вѣсти политическаго свойства, которыми угощаютъ другъ друга дѣйствующія лица комедій Екатерины. Какъ слова вложенныя въ уста Терентьевны, такъ и извѣстіе о „крутыхъ горкахъ“ вылились изъ-подъ пера Екатерины въ 1772 году, когда умы были возбуждены войной, чумой и Пугачевщиной. Черта подмѣченная Екатериной должна быть слѣдовательно признана очень вѣрною, очень реальною. Ее слѣдуетъ кромѣ того признать и очень глубокою, ибо эта готовность принять на вѣру тревожные слухи политическаго свойства,—слухи, которые съ такою жадностью ловили въ Петербургѣ и Москвѣ иностранные дипломаты и мемористы,—эта черта характеризуетъ русское общество въ продолженіе цѣлаго XVIII вѣка и не вполнѣ истребилась еще понынѣ. Можно пожалѣть только что Екатерина не дала еще большаго развитія этому глубоко вѣрному мотиву въ нашей исторіи. За то она коснулась другаго, не менѣе вѣрнаго и характеристическаго: готовности русскаго человѣка все относить къ правительству, все ставить ему на счетъ—какъ хорошее такъ и дурное. Мы видѣли что Ханжихина желала бы чтобы правительство снабжало приданымъ дворовыхъ людей, а сестра этой дамы—чтобы полиція наблюдала за исправностью ея экипажей. Всего требовать отъ правительства,

все предоставить правительству, съ тѣмъ чтобы самимъ сидѣть сложа руки, — и разумѣется, не имѣть никакого значенія,—есть черта уже отмѣченная исторіей и лишь въ самое недавнее время начавшая терять свою актуальность: черта естественнымъ дополненіемъ коей является нѣкоторое фрондерство, охота похулить не свое, не своими руками совершаемое дѣло. „И, батюшка, говоритъ въ одномъ мѣстѣ г-жа Ворчалкина, свѣтъ нынче таковъ! Всему дурному потачка есть. Кому смотрѣть? Кому запретить? И сами тѣ кому бы недопускать-то надобно было хохочутъ изо всей мочи, когда ругань другимъ слышатъ!“ Въ другомъ мѣстѣ та же самая Ворчалкина, по поводу одной слишкомъ явной сплетни, говоритъ: „Довольно уже, мой свѣтъ, видѣли мы всякой всячины, такъ и этому дивиться нечего: все статься можетъ. Вишь ты, каковъ нынѣ свѣтъ-отъ развратенъ: подкидышковъ.... что ужь больше этого?... подкидышковъ подбираютъ да кормятъ, да за ними ходятъ, какъ будто за благородными: такъ можно ли ужь въ чемъ сомнѣваться?“

Выходками и намеками на распоряженія правительства особенно богата небольшая піеса названная *Передняя знатнаго Боярина.* Собравшіеся просители разсуждаютъ между собой о текущихъ дѣлахъ, въ ожиданіи пріема; нѣкто бѣдная дворянка Выпивайкова жалуется что вино и пиво стали дороги.

Выпив. Правду сказать, какъ иначе и быть? Все дорого, такъ отъ того-то всѣ добрые обычаи и переводятся. А причиной всему, какъ ни говори, причиной всему война.... Все то и знай накладки....

Претантинъ. Городъ пустенекъ сталъ.... Насилу соберешь вечеркомъ партію въ карты поиграть. Цѣлый день ѣздишь, ѣздишь, и ни одного офицера на улицѣ не встрѣтится, не говоря уже молодаго. Пусто очень безъ нихъ, вездѣ пусто; а причиной тому война.

Периловъ. Давно бы миновалася, еслибы была ведена какъ надлежитъ.

Миремида. Это правда, батька. Мое и женское дѣло, да и я вижу что можно было войну-то инако, да и получше вести. Спросите-ка у господина Оранбара: вчера въ компаніи гдѣ и я была, онъ какъ поразказалъ какъ быть-то надлежало, такъ уши вянутъ! Говоритъ какъ книга! Не выкинешь словца!

Оранбаръ. Oh, madame, que dites vous! Пожалуй, сударикъ, здѣсь молчаніи. Здѣсь, вы знаваете, и двери слушаетъ и говоритъ.

Приведенная бесѣда открываетъ намъ очень любопытный просвѣтъ на описываемое время. Чтò за особа этотъ Оранбаръ? Это одинъ изъ тѣхъ Французовъ которые, завоевывая вниманіе русскаго общества развязностью своихъ сужденій и своимъ качествомъ Француза, развращали гражданское чувство нашихъ дѣдовъ, подобно тому какъ это дѣлывалось и гораздо позже. Въ переднюю, гдѣ происходитъ вышеприведенная сцена, является новое лицо—баронъ Доннершлагъ, „военный человѣкъ“. Онъ вступаетъ въ общую бесѣду.

„*Баронъ.* О чемъ рѣчь былъ?
Мирем. Такъ.... ничего.... постороннее....
Баронъ. А! Das gestehe ich! и Оранбаръ здѣсь!
Оранб. Слуга вашъ, monsieur le baron.
Перил. Ну, господинъ Оранбаръ, какъ же надлежало войну-то вести?
Баронъ. Какъ война вести? Кто? Оранбаръ о война говорить хочетъ? Онъ? Dass dich die schwere Noth! Онъ просто нишево не смыслитъ; онъ, я думаю, и перочинны пожикамъ драсса не смѣетъ.

Чтò нужды; Французъ, задѣтый за живое, и можетъ-быть получающій деньги за распространеніе тревоги въ русскомъ обществѣ, начинаетъ развивать идеи которыя въ это время герцогъ Шуазёль внушалъ французской журналистикѣ. Кто слыхалъ, восклицаетъ онъ, коверкая русскую рѣчь, идти навстрѣчу Туркамъ! Надо ждать чтобъ они сами пришли; башмаки дороги; надо деньги беречь: такъ разсуждаютъ во Франціи.—Ему замѣчаютъ что Турки однако сильно побиты (это было скоро послѣ Кагульской и Чесменской побѣдъ); Оранбаръ отвѣчаетъ: „Зачѣмъ Турокъ бить! Они тоже люди; надо спѣшить примириться съ ними; надо дать имъ денегъ; попросить чтобы Франція устроила примиреніе. Франція можетъ все чтò хочетъ, говоритъ онъ, и я, какъ одинъ изъ ея сыновъ, „пришелъ сюда чтобы все дурное исправить“. — „Я булъ въ свой земля и думалъ тамъ что здѣсь все ходятъ эдаки (*показываетъ какъ ходятъ на четверенькахъ*)!...“ Очевидный намекъ на Мерсье де-ла-Ривьера, про котораго Екатерина говорила то самое чтò Оранбаръ говорилъ самъ про себя.

III.

Мы обозрѣли бóльшую часть „Ярославскихъ“ піесъ Екатерины и познакомились съ тѣмъ какіе типы занимали ее въ этотъ первый періодъ ея литературной дѣятельности, и какъ

комическія стороны русскаго общества бросались ей въ глаза. Этотъ періодъ былъ очень плодовитъ; онъ заключаетъ въ себѣ пять и по большой части не маленькихъ піесъ; но онъ былъ очень непродолжителенъ, обнимая всего одинъ годъ. Съ 1772 года начинается длинный, десятилѣтній перерывъ въ литературной жизни Екатерины; даже съ Вольтеромъ она переписывалась въ это время гораздо рѣже, и только изъ словъ барона Гримма узнаемъ что переписка его съ императрицей была въ эту пору не только не менѣе, но даже болѣе дѣятельна чѣмъ когда-либо. * Это долгое молчаніе было прервано въ 1783 году одновременнымъ появленіемъ въ свѣтъ *Записокъ касательно Россійской Исторіи* и *Былей и Небылицъ*. Первое изъ этихъ сочиненій не относится къ настоящему изслѣдованію, съ послѣднимъ мы познакомимся, такъ какъ въ немъ мы найдемъ тѣ же черты которыхъ мы искали въ комедіяхъ Екатерины.

Были и Небылицы имѣютъ характеръ юмористическій и напоминаютъ въ этомъ отношеніи разсмотрѣнныя нами комедіи Екатерины, и тѣ и другія касаются тѣхъ же странностей, тѣхъ же недостатковъ, тѣхъ же нравственныхъ мотивовъ. Но почему Екатерина вдругъ предпочла форму журнальной статьи формѣ комедіи, и неужели она никогда предъ тѣмъ не выступала на полемическую арену? Изслѣдованія академика Пекарскаго, имѣвшаго случай разсматривать собственноручныя бумаги Екатерины, доказываютъ что дѣйствительно *Были и Небылицы* были не первыми ея опытами въ публицистикѣ, что нѣсколько статей ея было напечатано въ журналѣ *Всякая Всячина*, и что изъ-за Козицкаго,—издателя *Всячины*,—императрица въ значительной мѣрѣ руководила направленіемъ этого изданія. ** Козицкій былъ при ней тѣмъ же до 1775 года чѣмъ въ восьмидесятыхъ годахъ былъ Храповицкій, то-есть докладчикомъ по нѣкоторымъ дѣламъ и кромѣ того секретаремъ, или пожалуй, помощникомъ по дѣламъ литературнымъ. Этого одного уже достаточно чтобы предположить что *Всякая Всячина* была предпринята по крайней мѣрѣ не безъ вѣдома и одобренія Екатерины. Цѣлью этого изданія, которое началось въ 1769 году, была сатира и нравоученіе: „Пред-

---

* См. *Екатерина какъ писательница*, въ *Зарѣ* 1869.

** См. изслѣдованіе г. Пекарскаго о журнальной дѣятельности Екатерины въ *Зап. Акад.* 1863.

пріялъ я, говоритъ издатель обращаясь къ читателю, иногда дать вамъ полезныя наставленія, иногда будете смѣяться.“ Въ концѣ года онъ еще опредѣленнѣе выразилъ свою задачу: „Я хотѣлъ показать, заявлялъ онъ, *перве*, что люди иногда могутъ быть приведены чтобы смѣяться самимъ себѣ, *второе*, открыть дорогу всѣмъ кои умнѣе (способнѣе) меня давать людямъ наставленіе, забавляя ихъ, и *третье*—говорить Русскимъ о Русскихъ.“ *Всячина* дѣйствительно „открыла дорогу“ цѣлой фалангѣ другихъ подобныхъ ей періодическихъ изданій, имѣвшихъ, также какъ и она, задачей сатиру и нравоученіе. Но оказалось что ихъ сатира и нравоученіе были направлены не совсѣмъ туда куда желало изданіе Козицкаго. *Всячина* имѣла предметомъ исключительно русское общество; она его учила, надъ нимъ подсмѣивалась, а другія изданія обращались съ сатирой и нравоученіемъ къ обществу, и къ правительству; по крайней мѣрѣ къ его второстепеннымъ агентамъ; они жаловались на неправосудіе, на взятки и т. п., въ самыхъ обращеніяхъ къ обществу и его недостаткамъ послѣдователи *Всячины* обнаруживали рѣзкость, которая не нравилась этому журналу. Онъ началъ урезонивать своихъ собратовъ, стараясь сдерживать ихъ раздражительность, жаловался что они „впадаютъ въ меланхолію“ и требуютъ отъ людей невозможнаго совершенства. Мало-по-малу возгорѣлась между этимъ изданіемъ и другими горячая полемика, въ которой, называя *Всячину* „бабушкой“, послѣдніе говорили между прочимъ: „Мы, бабушка, тебѣ хотя и внучки, однако уже на возрастѣ.“ Ей прямо говорили что она „выжила изъ ума.“

Такія рѣзкія выходки противъ *Всячины* могли бы подать поводъ къ сомнѣніямъ насчетъ участія въ ней императрицы, но оно тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію. Г. Пекарскій нашелъ между рукописями Екатерины письмо написанное ею отъ имени Патрикѣя Правдомыслова, и другое, доставленное будто бы тому же Правдомыслову для помѣщенія во *Всячинѣ*, изъ которыхъ послѣднее, говоритъ г. Пекарскій, по мысли, языку и по нѣкоторымъ оборотамъ, сходно не только съ письмами Правдомыслова, напечатанными въ этомъ изданіи, но и съ нѣкоторыми другими статьями онаго. Эти рукописи, заключаетъ г. Пекарскій, „достаточно подтверждаютъ что императрица принимала участіе во *Всякой Всячинѣ*,“ * а потому полемика противъ этого изданія

* См. приложенія къ помянутому изданію г. Пекарскаго.

есть явленіе весьма замѣчательное въ отношеніи гражданскомъ.

Но это изданіе прекратилось въ 1770 году, равно какъ и многіе другіе сатирическіе журналы. Полемика и сатира замолкли по всей линіи нашей литературы, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Что касается Екатерины, то она, какъ мы знаемъ, обратилась къ сценическимъ сочиненіямъ и выступила снова на журнальную арену не ранѣе 1783 года.

Собесѣдникъ любителей Россійскаго Слова, въ которомъ печатались *Были и Небылицы*, имѣлъ гораздо болѣе офиціальности чѣмъ *Всякая Всячина*. Онъ издавался при Россійской Академіи, подъ непосредственнымъ руководствомъ президента оной, княгини Дашковой, и почти на половину наполнялся статьями самой Екатерины. Ея *Записки касательно Россійской Исторіи* печатались въ каждомъ нумерѣ этого изданія и занимали въ немъ широкое мѣсто. На этотъ разъ инкогнито государыни, которое едва ли вводило въ заблужденіе и читателей журнала Козицкаго, не могло составлять тайны для кого-либо какъ при дворѣ, такъ и въ литературныхъ кружкахъ; тѣмъ не менѣе и въ 1783 году, какъ въ 1769, изданію въ которомъ Екатерина участвовала и даже ей самой пришлось, какъ увидимъ, испытывать литературныя нападенія, свидѣтельствующія о самостоятельности людей ея времени и о такой свободѣ о какой нельзя было и помышлять не только до нея, но и послѣ.

Были и Небылицы, это большею частью остроумная, а иногда и проникнутая сатирой болтовня, не имѣющая ни опредѣленнаго плана, ни опредѣленной формы. Авторъ говоритъ иногда отъ своего имени о всевозможныхъ предметахъ, осмѣиваетъ замѣчаемыя имъ странности, чертитъ сатирическіе портреты; иногда онъ заставляетъ говорить въ такомъ же смыслѣ нѣкоего своего „Дѣдушку“, перемѣшивая все это отступленіями, примѣчаніями, оговорками, словомъ, слѣдуя всѣмъ прихотямъ своего пера. Для образца приведемъ начало этого сочиненія:

„Да будетъ свѣту извѣстно что я зналъ человѣка который имѣлъ домъ деревянный, на каменномъ фундаментѣ, половина вросшій въ землю, а другая съ наклонностію къ паденію, внутри весьма посредственно убранный; но ему казался тотъ домъ великолѣпенъ, понеже былъ его; той же причины ради, хотя его жена отъ утра до вечера брюзжала и слыла глупо-

ватой, дѣти же были сущіе шалуны, но онъ имъ цѣны не ставилъ и приписывалъ имъ душевныя и тѣлесныя, безсчетныя дарованія. У него была лошадь рыжая съ бѣльмомъ на глазу, другая вороная, короткошея, кургузая, которыхъ зимой впрягалъ онъ въ сани, а лѣтомъ поперемѣнно въ одноколку,—и тѣмъ красоту и добродѣтели приписывалъ. Однимъ словомъ, все что ему принадлежало,—мамы, няни, бани, вѣники, собаки, огородъ, пиво, полпиво, поваръ, все ему казалось отмѣнными качествами снабжено, для того только что ему принадлежало, и любилъ онъ себя и никого иного.

„Есть у меня сосѣдъ, который въ младенчествѣ слылъ умницей, въ юношествѣ оказывалъ желаніе умничать; въ совершеннолѣтствіи каковъ? Увидите изъ слѣдующаго: онъ ходитъ бодро; но когда два шага сдѣлаетъ направо, то одумавшись пойдетъ налѣво; тутъ встрѣчаемъ онъ мыслями, кои принуждаютъ его идти впередъ, потомъ возвращается вспять. Каковъ же путь его, таковы и мысли. Сосѣдъ мой отъ роду своего не говаривалъ пяти словъ и не дѣлалъ ни единаго шагу безъ раскаянія потомъ объ ономъ. Поутру вспомнитъ что у васъ столъ хорошъ; отъ утра до обѣда мучается нерѣшимостію: ѣхать ли, или не ѣхать къ вамъ? Рѣшится; къ обѣду къ вамъ поѣдетъ, сядетъ съ вами за столъ; тутъ вдругъ нападетъ на него воздержаніе отъ пищи: сколько ни будутъ подчивать, не станетъ ѣсть, подъ отговоркой что желудокъ или животъ болитъ, и отъ того сдѣлается угорепленнымъ; къ концу стола опомнится, когда кушаніе начнутъ прибирать; начнетъ тогда съ застылыхъ блюдъ что-нибудь хватать и оканчаетъ обѣдъ разказами, позабывъ что животомъ жаловался за полчаса предъ тѣмъ. Мой сосѣдъ двадцатью въ день скупъ и мотъ, богатъ и бѣденъ, хорошъ и дуренъ, доволенъ и недоволенъ, и все что изволишь; только счастливъ не бываетъ, для того что слѣдуетъ всѣмъ своимъ мыслямъ на часъ, и не имѣетъ ни единой которая бы не перебита была другой.

„Когда я гляжу на него, тогда онъ утуля глаза въ полъ, предо мною важничаетъ, труся однако меня мышленно. Часто я смѣюсь надъ нимъ; говоря съ нимъ дружески, привожу его въ чувство; но тѣмъ не поправляется его состояніе; лишь ропщетъ противу меня заочно, а въ глазахъ мнѣ льститъ. Бывъ съ нимъ въ размолвкѣ на Святой недѣлѣ, встрѣтилъ я его на улицѣ, спросилъ куда идетъ? Къ вечернѣ, отвѣтствовалъ онъ; но вмѣсто того, нѣсколько минутъ только спустя, завелъ меня къ танцовщицѣ, сія стоя предъ зеркаломъ пляску твердила; тутъ сосѣдъ мой тотчасъ вздумалъ поволочиться, началъ нравоучительныя проповѣди; пока говорилъ, пляска продолжалась предъ зеркаломъ безпрерывно, въ отвѣтъ же ему сказано было: „Куда, мой свѣтъ, ты скученъ!“ Съ тѣмъ мы и вышли.“

Далѣе авторъ начинаетъ разказывать о своемъ Дѣдушкѣ, въ уста которому влагаетъ иногда очень мѣткія замѣчанія.

„Когда мы молоды были, говорилъ онъ, тогда праздность въ конюховой одеждѣ * закутанная, подъ видомъ прогулки для здоровья, по улицамъ не шаталась. Сіе тогда почиталось безчинствомъ. Сонъ нашъ продолжался до полудня; остальную часть дня провожали у окошка, играніемъ въ карты до разсвѣта и далѣе; должность, въ которой невольно напряжены бывали, немного съ лѣнцой отправляли; но понеже казалось что въ свѣтѣ кое-что поправки требовало, то люди охотнѣе упражнялись нынѣшняго въ разговорахъ касающихся до поправленія того-сего; разговоры же сіи вели въ полголоса, или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли; слѣдовательно, громогласіе рѣдко между нами слышно было; бесѣды же получали отъ того нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ; ибо разговоры, смѣхъ, горе и все что̀ вздумать можешь открыто и громогласно отправляется." Дѣдушка примѣчаетъ что вообще чистосердечіе отъ того въ людяхъ выиграло, потому что скрытаго за пазухой мало остается; для изъясненія своей мысли употребляетъ онъ сравненіе, говоря: будто мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тягостью тайны, вдругъ яко плотина отъ сильной водополи прорвались, а накопленная вода стекаетъ до тѣхъ поръ, пока не осушивъ дна, онаго не откроетъ.... „Припомните мои слова (*опять говоритъ Дѣдушка*): всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее полноводіе; вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возымѣетъ теченіе естественнѣе прежняго; берега суть воспитаніе".

Послѣ Дѣдушки, который занимаетъ большое мѣсто въ *Быляхъ и Небылицахъ*, авторъ выводитъ маойра С. М. Л. Б. Е. (*Самолюбіе*), своихъ пріятелей И. И. И. „который болѣе плачетъ чѣмъ смѣется" и А. А. А. „который болѣе смѣется чѣмъ плачетъ"; онъ помѣщаетъ получаемыя будто бы имъ письма по поводу *Былей и Небылицъ*, свои на нихъ отвѣты, выдержки изъ записной книжки, статистическія свѣдѣнія о никогда не существовавшихъ странахъ, имѣющія, однако, сатирическій характеръ,—словомъ, въ отношеніи формы, *Были и Небылицы* представляютъ совершенный хаосъ; но за то онѣ наполнены мыслями, выходками, намеками, которыя во многихъ отношеніяхъ любопытны. Для примѣра приведемъ отрывки изъ *Записной Книжки* двоюродной сестры автора, свѣтской женщины того времени.

Вторникъ. Въ комедію я поѣхала: хотѣла видѣть К.
Я подозрѣваю что онъ *глазѣетъ* на *А.* Въ саду его не было.
. . . .

* Можетъ-быть намекъ на сапоги à l'écuyère, входившіе тогда въ моду вмѣстѣ съ англійскими фраками и круглыми шляпами.

А. сегодня дурно одѣта была. Она похожа на шефирку. (?)

. . . .

Середа. Сегодня мнѣ удачи ни въ чемъ нѣтъ, оттого что лѣвой ногой съ постели встала, да и кошку во снѣ видѣла.

. . . .

Пріѣзжала къ М..., ужасно какъ она скучна; непрестанно говоритъ о дѣтяхъ и ихъ воспитаніи.

. . . .

Пятница. Сегодня изъ комедіи на балъ. М. влюбленъ въ С. Какая это смѣшная тварь? А шляпку однакожъ къ лицу надѣваетъ.

З. любится съ Г. Онъ легокъ, а она—дунь-полети.

Суббота. Дома гостей имѣла.

Л. не пріѣзжалъ; я для него нарядилась и всѣхъ дѣвокъ перебранила: ни одна угодить не умѣла.

Сказываютъ что П. изъ окошка опустила на ниткѣ бумажку, а Ф., шедши мимо, бумажку отвязалъ.

И. ушла отъ отца черезъ заборъ, а Н. отъ мужа.

Воскресенье. К. пріѣхала въ половину службы (въ церковь). Всѣ обратились, какъ вошла.

Впредь надо стараться позже пріѣзжать.

Записная книжка нашей модницы не имѣетъ никакой непосредственной связи ни съ предшествующимъ ни съ послѣдующимъ; это игривый tableau de genre, вставленный въ рамку *Былей и Небылицъ*. И такихъ картинокъ въ этомъ сочиненіи множество. Вотъ для примѣра одна изъ нихъ:

Повѣсть не важная.

Человѣкъ одинъ, бывъ въ гостяхъ, началъ разказывать, и для того положилъ правую руку на брюхо, подъ сердцемъ (вѣроятно для того чтобы оной свободнѣе дѣйствовать): потомъ плюнулъ и утерся платкомъ, а за симъ сказалъ (про кого говорилъ) „ума у него не было ничего“. Тутъ онъ правую руку отвелъ отъ брюха, и сдѣлалъ ею крутой уголъ, привелъ ее паки съ своему животу, немного правѣе, подобно какъ пишется Л, прибавя снизу линейку, примѣрно Д. Потомъ, увидѣвъ разкащикъ что близь ногъ его паукъ ползетъ, протянулъ лѣвую ногу, раздавилъ ту тварь и потащилъ ногу къ себѣ; а какъ онъ на паука заглядѣлся, то между тѣмъ повторилъ слова: „не было ничего.“ За симъ остановился чтобъ отыскать въ умѣ продолженіе рѣчи и для того всталъ со стула, на которомъ сидѣлъ, и пошелъ къ огню, гдѣ оборотясь спиной и развернувъ кафтанъ, держалъ оный сзади обѣими руками. Теплота огня, посредствомъ спины, подѣйствовала столько, что нагнувшись впередъ, продолжая рѣчь начатую, молвилъ: „Онъ былъ гордъ, надмененъ и упрямъ до крайности.“ Тутъ почувствовалъ теплоты отъ огня болѣе, нежели ему надобно было. Отошелъ отъ огня, опустилъ руки отъ

плечъ въ прямую линію; каждая рука вошла безпрепятственно въ карманъ. Остановясь предъ тѣмъ съ кѣмъ говорилъ сказалъ образомъ вопроса, дѣйствуя руками въ карманахъ и подвигая руки впередъ: „Что съ нимъ дѣлать было?“ Здѣсь учинилось приключеніе; ибо, двигая полы впередъ, оными дотронулся до трубки, которую другой имѣлъ во рту и сонной рукой поддерживалъ, понеже слушатель, на креслахъ облокотясь локтемъ, заснулъ; трубка упала, изломалась, отъ чего сонный проснулся и сказалъ: „Тьфу пропасть, братецъ, что за глупая шутка!“

Приведенный юмористическій очеркъ списанъ, безъ сомнѣнія, съ натуры; но кто именно позировалъ предъ воображеніемъ автора—мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Вѣрно только то что эпиграмматическое и сатирическое направленіе нѣкоторыхъ сочиненій Екатерины не нравилось многимъ; многіе примѣняли къ себѣ самимъ ея эпиграммы и сатиры. Въ *Имянинахъ г-жи Ворчалкиной* мы читаемъ: „О батька мой, житья намъ бѣднымъ старухамъ нѣтъ, а ужь о почтеніи и говорить нечего... Вотъ сказываютъ, сдѣлана камедь намъ на ругательство...“ Вольно вамъ принимать на свой счетъ эту комедію, говорятъ старухѣ, а она возражаетъ; „Да какъ не возьмешь! Сказываютъ что сватья моя да кума тутъ представлены, да таки точнешенько описаны“... Тотъ же самый мотивъ звучитъ и въ письмѣ Петра Угадаева, напечатанномъ въ сочиненіи которое мы разсматриваемъ... „Господинъ или госпожа издательница *Былей и Небылицъ*, пишетъ этотъ мнимый корреспондентъ, напрасно изволите думать что въ описаніяхъ вашихъ закрытые лики остаются сокрытыми. Я и моя семья угадываемъ кто они таковы; да и не мы одни столько догадливы; знакомые намъ тоже угадываютъ. Я сіе вамъ сообщаю для осторожности вашей, ибо на васъ многіе сердятся.“ И надо думать что дѣйствительно многіе сердились за каррикатуры встрѣчаемыя въ *Быляхъ и Небылицахъ*: касательно Петровъ Угадаевыхъ, пишетъ авторъ *Небылицъ*, въ одномъ изъ своихъ *краткодлинныхъ отвѣтовъ*, „слышу только что семья ихъ часъ отъ часу болѣе распространяется“. Это и не удивительно. Независимо отъ сатирическихъ чертъ имѣющихъ значеніе общее, въ сочиненіяхъ Екатерины есть нерѣдко намеки на отдѣльныя личности. Такъ напримѣръ, по словамъ княгини Дашковой *, генералъ-проку-

* См. ея *Записки* въ русск. перев., 208.

рорѣ князь Вяземскій, задѣтый и въ *Фелицѣ* Державинымъ и въ *Сказкѣ о Царевичѣ Хлорѣ* самою императрицей, былъ этимъ очень недоволенъ и постоянно подозрѣвалъ намеки на себя въ *Небылицахъ*. Это сочиненіе и въ самомъ дѣлѣ наполнено портретами и каррикатурами, имѣющими очевидно характеръ личный. Такъ напримѣръ въ вышеприведенномъ изображеніи человѣка который постоянно

.....доволенъ самъ собой
Своимъ обѣдомъ и женой,—

всякій, прочитавшій со вниманіемъ *Записки Екатерины* узнаетъ Чоглокова, мужа одной изъ статсъ-дамъ ея великокняжескаго двора, „женщины брюзгливой и глуповатой." * Портретъ нерѣшительнаго, начертанный въ слѣдующей затѣмъ выдержкѣ, списанъ съ оберъ-каммергера И. И. Шувалова, какъ видно изъ слѣдующаго. По поводу одного непріятнаго замѣчанія, вызваннаго *Былями и Небылицами*, Екатерина написала къ княгинѣ Дашковой: „Это идетъ, безъ сомнѣнія, отъ оберъ-каммергера, за портретъ нерѣшительнаго, во второй части *Собесѣдника*", и присовокупляетъ относительно самой манеры и изложенія этого замѣчанія: „не совершенно ли (она) похожа на оберъ-каммергера, который во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ дѣлаетъ одинъ шагъ впередъ, а другой назадъ".

Довольно трудно выставить имена подъ всѣми портретами набросанными въ *Быляхъ и Небылицахъ*; но относительно нѣкоторыхъ это возможно. Такъ, весьма вѣроятно что „другъ мой А. А. А., который менѣе смѣется нежели плачетъ" и который „усланъ за масонскими дѣлами въ Швецію," есть не кто иной какъ князь А. Б. Куракинъ, ѣздившій,—правда лѣтъ за 7 предъ тѣмъ,—въ Швецію и имѣвшій туда порученіе между прочимъ отъ русскихъ масоновъ; къ сказанному заключенію подаютъ поводъ и слѣдующія слова *Небылицъ* касающіяся того же А. А. А.: „многіе сумнѣваются чтобъ (онъ) привезъ что-либо (изъ Швеціи), — развѣ какой новой градусъ или степень въ замѣну посланныхъ денегъ." Дѣйствительно, князь Куракинъ получилъ повышеніе въ масонскихъ градусахъ по возвращеніи своемъ изъ Швеціи; но за то незадолго до напечатанія *Небылицъ* онъ отправленъ былъ на житье въ одну изъ своихъ деревень. ** Имѣя это въ виду мы поймемъ намекъ

* *Записки княгини Дашковой*, стр. 321.

** *Новиковъ и Мартинисты* 105—109. Очень курьезно что при-

заключающійся въ слѣдующихъ словахъ автора *Небылицъ* въ письмѣ къ помянутому А. А. А.: „Духи для меня были забавны; послушалъ бы я охотно ихъ разказовъ! Они же очень вмѣстительны; говорятъ будто ихъ нѣсколько милліоновъ на булавочномъ концѣ могутъ обращаться, что̀ бы для насъ съ тобой очень хорошо было по причинѣ *тѣсноты нашей свѣтлицы....*" *

Теперь намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на нѣкоторые характеристическіе литературные пріемы замѣчаемые въ *Быляхъ и Небылицахъ.* Выше было сказано что въ разнообразной смѣси лоскутовъ, составляющихъ это сочиненіе, въ немъ находятся между прочимъ и письма на имя автора, напечатанныя вмѣстѣ съ его отвѣтами. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ дѣйствительно были получены Екатериной, и мы далѣе познакомимся съ ихъ авторами, но нѣкоторыя, безъ сомнѣнія, сочинены ею самой, и подписаны различными фантастическими именами. Въ большинствѣ случаевъ эти вымышленныя корреспонденціи никого не обманывали, да и писались вовсе не съ тѣмъ чтобы вводить въ заблужденіе кого бы то ни было; это былъ литературный пріемъ очень употребительный въ прошедшемъ вѣкѣ и очень удобный для того чтобы развить и, такъ сказать, подчеркнуть тѣ мысли которыя авторъ желалъ бы выставить съ особою выпуклостію; иногда, предвидя возможность возраженій, авторы сами излагали ихъ отъ имени вымышленнаго лица и потомъ побѣдоносно отвѣчали на нихъ сами же. Мы видѣли что Екатерина писала сама къ себѣ письма во *Всякой Всячинѣ* подъ именемъ Патрикѣя Правдомыслова; точно то же она дѣлала и въ *Небылицахъ.* Петръ Угадаевъ, о которомъ было уже упомянуто, есть, безъ сомнѣнія, псевдонимъ, подъ именемъ котораго она написала письмо сама къ себѣ. Точно такъ же Екатериной самою вѣроятно писаны: *Письмо изъ града Св. Петра* въ кн. III *Собесѣдника*, *Письмо къ автору Былей и Небылицъ* и отвѣтъ на него, въ книгѣ IV, такое же письмо *отъ восьми персонъ* съ отвѣтомъ на оное, въ книгѣ V, *Краткодлинный отвѣтъ* автора *Небылицъ* на

веденное мѣсто *Небылицъ* о масонахъ выпущено (вѣроятно цензурой) въ изданіяхъ какъ Глинки такъ и Смирдина: щекотливость удивительная!

* *Собесѣдникъ* томъ VI.

льстивое заявленіе издателей *Собесѣдника*, напечатанный въ книгѣ VI, письма Михаила Передкова и Ивана Нешорстова, равно какъ и нѣкоторыя другія мелкія статейки и замѣтки съ заглавіями, вставленныя въ текстъ *Былей и Небылицъ*.

Но эту фехтовку à armes courtoises не слѣдуетъ смѣшивать съ другою, настоящею полемикой, предметомъ коей были *Были и Небылицы* и которая, — замѣчательное доказательство свободы въ XVIII вѣкѣ, —печаталась въ томъ же *Собесѣдникѣ*, гдѣ помѣщались и статьи Екатерины. *

Мы прослѣдимъ эту любопытную полемику съ нѣкоторою подробностію.

Въ первой книгѣ *Собесѣдника* напечатано было начало *Записокъ касательно Россійской Исторіи*; еще набиралась вторая книга этого изданія, когда его редакціей, или точнѣе, княгиней Дашковой получено было *Посланіе*, ** въ которомъ заключалось нѣсколько стиллистическихъ и грамматическихъ поправокъ нѣкоего Любослова къ разнымъ статьямъ этого изданія и между прочимъ къ *Запискамъ касательно Россійской Исторіи*. Этотъ Любословъ былъ, по соображеніямъ г. Пекарскаго, никто иной какъ графъ Н. П. Румянцевъ, въ то время занимавшій дипломатическій постъ въ Германіи. Статья его была напечатана въ II книжкѣ *Собесѣдника*; но за то въ слѣдующей книжкѣ явился насмѣшливый на нее отвѣтъ, написанный или самою Екатериной или лицомъ весьма ей близкимъ (м.-б. Л. А. Нарышкинымъ). Онъ напечатанъ въ кн. III *Собесѣдника* подъ № XVII отдѣльно, то-есть не въ текстѣ *Былей и Небылицъ*. Этотъ отвѣтъ, тоже имѣющій форму письма къ автору, сопровождался письмомъ на имя издателя; въ нихъ шутливымъ тономъ какъ бы преподавались уроки автору *Записокъ*, а въ сущности поднимали на смѣхъ Любослова: „Я тѣмъ охотнѣе его наставляю, писалъ со-

---

* Сергѣй Глинка задумалъ издать *Были и Небылицы* отдѣльною книгой, включить въ нихъ неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, нѣкоторыя статьи хотя и касающіяся *Небылицъ*, но по большой части вовсе не принадлежащія перу Екатерины и напечатанныя въ *Собесѣдникѣ* отдѣльно, подъ особыми нумерами; въ послѣдствіи то же самое повторилъ Смирдинъ въ своемъ изданіи сочиненій Екатерины. Такимъ обрмзомъ эти издатели подали поводъ къ страннымъ недоумѣніямъ и сообщили довольно взъерошенному и безъ того виду *Небылицъ*, видъ совершенно нелѣпый.

** *Зап. Акад.*, 1863, стр. 33 и слѣд.

чинитель письма, что вижу дѣйствительную въ немъ способность. *Мы изъ него конечно что-нибудь сдѣлаемъ.* Въ будущемъ *Собесѣдникѣ* я тоже кое-что скажу и сочинителю *Былей и Небылицъ.*" Писать такимъ тономъ могла только сама Екатерина или развѣ кто-либо изъ ея приближенныхъ, съ ея дозволенія. Далѣе, подъ видомъ порицанія исторической работы Екатерины, объяснялась задача которую она имѣла въ виду, — популяризовать русскую исторію: „Неужто вы, говорилось автору *Записокъ*, вздумали намъ болѣе сказать въ тетрадкахъ своихъ, несть ли (sic) мы въ лѣтописцахъ начитаться можемъ!... Какое ваше, напримѣръ, о происхожденіи Россіянъ сухое и маловажное объясненіе! Не могли вы развѣ славному народу, каковъ есть нашъ, чудеснѣе сего дать колыбели? Не такъ, сударь, не такъ пишутъ исторію.... Вамъ все кажется (что) чему повѣрить трудно, того и въ исторіи писать не должно. Да намъ что это за забава читать лишь бытія простыя и возможныя!... Посмотрите какъ Иродотъ повѣствуетъ о Кирѣ и о Семирамидѣ! Онъ какъ (бы) съ ними живалъ! Плутархъ про Тезеевы и Ромуловы походы пишетъ, какъ бы онъ газеты того времени въ рукахъ имѣлъ. А вы.... вы и слоновыя кости, въ Сибирѣ лежащія, не вопрошаете: а мнѣ кажется что гдѣ слоновыя кости, тамъ вѣрно и слоны были. Вы предпочитаете сему описаніе нравовъ и обычаевъ и больше всего, мнѣ кажется, остерегаетесь витійства слога." Далѣе авторъ письма разоблачаетъ инкогнито Екатерины съ такою безцеремонностію что его не возможно не принять за ея alter ego: „Какъ писать и не читать никому своихъ писаній! Мнѣ кто-то сказывалъ что вы въ сей части довольно упражняетесь. Люди которые васъ знаютъ утверждаютъ что вы весьма много уже и въ свѣтъ таковыхъ сочиненій пустили, коихъ слѣдствія чувствительны...." Очевидно авторъ этой статьи есть или сама Екатерина, или кто-либо изъ близкихъ ей друзей, писавшій съ ея вѣдома или, по крайней мѣрѣ, согласія. Вообще въ *Собесѣдникѣ* осыпали насмѣшками Любослова. * Екатерина вздумала отпустить нѣсколько колкихъ намековъ насчетъ Любослова и въ своихъ *Небылицахъ*, и вложила въ уста Дѣдушки выходку противъ людей желающихъ очищать языкъ и между тѣмъ

* Напримѣръ въ *Отвѣтѣ отъ слова* „Такъ"; *съ искреннимъ сожалѣніемъ объ участи издателей* (кн. III *Собесѣдн.*), и пр.

„думающихъ на иностранномъ языкѣ“,—намекъ который очень располагаетъ подозрѣвать въ человѣкѣ противъ кого онъ направленъ Н. П. Румянцева. *

Но Румянцевъ,—если Любословъ точно былъ онъ,—не унимался и продолжалъ лѣзть въ полемику съ Екатериной; онъ прислалъ *Письмо къ почтеннымъ издателямъ* и *Начертаніе о россійскихъ сочиненіяхъ и россійскомъ языкѣ*, которое было напечатано въ VII книжкѣ *Собесѣдника*, подъ № XV, за подписью „Любословъ“, и вызвало родъ пародіи въ формѣ письма къ издателямъ (подъ № X въ т. VIII *Соб.*), оканчивающееся словами: „le ris tenta le rat, le rat tenté tâta le ris“, и авторомъ котораго была вѣроятно Екатерина. Кѣмъ написана эта шутка, не берусь рѣшить. Нѣкоторыя мѣста въ письмахъ Екатерины къ княгинѣ Дашковой, напечатанныя въ *Запискахъ* послѣдней, допускаютъ предположеніе что эта статейка вышла изъ-подъ пера императрицы; но пера ея нельзя узнать въ этомъ наборѣ высокопарныхъ фразъ, вѣроятно нарочно составленныхъ въ подражаніе слогу Любослова.

Въ одно время съ помянутымъ *Начертаніемъ*, именно въ октябрѣ 1783 года, княгиня Дашкова получила *Письмо* на имя автора *Небылицъ* съ приложенною къ нему статейкой о Петрѣ Великомъ. *Письмо* это было за странною подписью „Ни одной звѣзды во лбу не имѣющій“ и начиналось слѣдующими словами: „Съ вами (авторъ *Небылицъ*) все-таки, сударь, еще переписываться можно; вы по крайней мѣрѣ на письмо отвѣчаете; а какъ у васъ есть товарищъ,—г. сочинитель *Записокъ* о россійской исторіи, такъ отъ него даже о полученіи письма не дождешься отповѣда.“ Г. Пекарскій думаетъ что и подъ этимъ псевдонимомъ слѣдуетъ подразумѣвать графа Н. П. Румянцева; но не вѣроятно чтобъ одинъ изъ видныхъ дипломатовъ того времени не зналъ кто авторъ *Записокъ* и *Небылицъ*; да слѣдующія слова его устраняютъ и малѣйшее въ томъ сомнѣніе. „Я весьма ошибаюсь, или вы бы столько же свободно управляли какою имперіей, какъ свободно по бумагѣ перушкомъ своимъ водите.“ Что касается статейки о Петрѣ Великомъ, то въ ней видимо просвѣчиваетъ желаніе возвысить Петра на счетъ Екатерины. Неблагосклонность къ ней прикрыта, конечно, нѣсколькими похвалами ея мудрости, нѣсколькими звучными эпитетами. Поэтому мнѣ кажется весьма по-

* *Собесѣдн.*, кн. IV, 171.

мнительнымъ чтобы „Ни одной звѣзды во лбу не имѣющій“ былъ Румянцевъ; но кто бы ни былъ онъ, такая смѣлая критика Екатерины не только какъ писательницы, но и какъ государыни, и неблагосклонное сопоставленіе ея съ Петромъ Великимъ указываютъ на существованіе въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка такихъ понятій которымъ могутъ не изумляться развѣ въ такомъ старомъ конституціонномъ государствѣ какъ Англія. Княгиня Дашкова послала и *Письмо* и статью императрицѣ, которая приказала напечатать ихъ, но препроводила вмѣстѣ съ тѣмъ и написанный вѣроятно ею отвѣтъ, въ которомъ очень замѣтно сдержанное раздраженіе. Какъ *Письмо* и статья о Петрѣ, такъ и отвѣтъ Екатерины напечатаны въ VII книжкѣ *Собесѣдника* (№№ XIX и XX) а въ слѣдующей помѣщено было *Прошеніе къ Издателямъ* отъ имени „Всегдашняго *Собесѣдника* читателя“ чтобъ издатели не печатали статей подобныхъ вышеупомянутымъ, авторъ коихъ „думалъ на иностранномъ языкѣ“, согласно замѣчанію извѣстнаго Дѣдушки. Въ послѣдствіи княгиня Дашкова сама, подъ псевдонимомъ разнощика „Рыжаго Фролки“, разразилась насмѣшками надъ галлицизмами и неправильностями рѣчи „Ни одной звѣзды во лбу не имѣющаго.“

Одновременно съ этою полемикой въ *Собесѣдникѣ* началась другая, тоже вызванная *Былями и Небылицами*. Лѣтомъ 1783 года Фонъ-Визинъ прислалъ въ редакцію *Собесѣдника* рядъ такихъ вопросовъ, обращенныхъ къ автору *Небылицъ*, какіе рѣдко кто рѣшается задавать царственнымъ писателямъ, а особливо печатно. „Отчего, писалъ Фонъ-Визинъ, многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ? Отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства? Отчего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ по большой части къ носящимъ ихъ ни малѣйшаго почтенія? Чѣмъ можно возвысить упадшія души дворянства? Отчего у насъ не стыдно не дѣлать ничего? Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ, и весьма большіе?“ Такихъ вопросовъ задано было Фонъ-Визинымъ двадцать, и Екатерина, замѣчаетъ авторъ жизнеописанія Фонъ-Визина, * уже тѣмъ побѣдила противника своего что не отклонилась отъ состязанія съ нимъ. Разумѣется, онъ

* *Фонъ-Визинъ*, кн. Вяземскаго, 363, 285.

обращался къ ней такъ развязно потому что она являлась въ маскѣ; она рѣшилась допустить всѣ послѣдствія маскарада. Императрица послала вопросы Фонъ-Визина для напечатанія въ III части *Собесѣдника*, вмѣстѣ съ отвѣтомъ на нихъ. * Тѣмъ не менѣе безцеремонность Фонъ-Визина очень раздражила Екатерину, какъ видно изъ записки ея къ княгинѣ Дашковой. ** Она была увѣрена что Фонъ-Визинъ писалъ свои вопросы подъ внушеніемъ И. И. Шувалова, огорченнаго извѣстнымъ уже намъ портретомъ Нерѣшительнаго, и котораго Екатерина не любила еще будучи великою княгиней. Можетъ-быть не совершенно чуждъ былъ при этомъ и графъ Никита Панинъ, потерявшій въ это время значеніе при дворѣ и по заказу котораго, пишетъ князь Вяземскій въ біографіи Фонъ-Визина, этотъ послѣдній написалъ какое-то политическое сочиненіе для великаго князя Павла. Какъ бы то ни было, но Екатерина не уклонилась отъ сдѣланнаго ей вызова; она написала отвѣты, но сухіе, отрывистые, въ которыхъ авторъ *Недоросля* не могъ не видѣть признаковъ неудовольствія. На вопросъ: „какъ поднять упавшія души дворянства?“ Екатерина отвѣчала: „сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несумнѣнно колико души ободрены либо упали; самая наружность, походка и пр. то уже доказываетъ“. Какъ бы въ видѣ коментарія на приведенныя слова, Екатерина написала въ слѣдующемъ нумерѣ *Собесѣдника* слѣдующее: „Дѣдушка мой, на сихъ дняхъ читая въ *Собесѣдникѣ* вопросы Неизвѣстнаго и отвѣты на оные сочинителя *Былей и Небылицъ*, закрылъ книгу, потомъ глаза, наклонилъ голову на грудь и былъ нѣсколько времени безъ всякаго движенія. Окружающіе его (мы, внучата его, родные и двоюродные, съ полдесятка), подумали что, по своему обыкновенію, дѣдушка нашъ заснулъ, потому что отобѣдалъ; стали говорить вполголоса и ходить на цыпочкахъ; но когда онъ благосклонно промолвилъ: „что вы, щенята, перестали балагурить?“ тогда узнали мы что онъ только задумался; а какъ за симъ обыкновенно послѣдуетъ какое ни-на-есть достопамятное изреченіе или мысль, то приблизились мы къ нему, дабы что-нибудь изловить, но не муху. Не долго оставались мы въ ожиданіи; дѣ-

* Какъ вопросы, такъ и отвѣты напечатаны въ Смирдинскомъ изданіи въ текстѣ *Былей и Небылицъ*, хотя въ *Собесѣдникѣ* они помѣщены отдѣльно, подъ № XVI.

** См. *Записки* кн. Дашковой, стр. 321 и 322.

душка, выпрямясь на своемъ кожаномъ креслѣ, сказалъ: „Молокососы! не знаете вы что я знаю! Въ наши времена никто не любилъ вопросовъ, ибо съ оными и мысленно соединены были непріятныя обстоятельства; намъ подобные обороты кажутся неумѣстны; шуточные отвѣты на подобные вопросы не суть нашего вѣка; тогда каждый, поджавъ хвостъ, отъ оныхъ бѣгалъ.“

Но Фонъ-Визинъ не ограничился въ своихъ вопросахъ пессимистическимъ сопоставленіемъ въ общихъ чертахъ настоящаго времени съ минувшимъ; онъ забросилъ нѣсколько словъ которыя должны были казаться тѣмъ болѣе язвительными что они имѣли нѣкоторый видъ справедливости и были вѣроятно отголоскомъ общественныхъ толковъ. Таковъ напримѣръ вопросъ касательно шутовъ и балагуровъ, имѣющихъ большіе чины. Здѣсь ясенъ намекъ на Льва Нарышкина, извѣстнаго своимъ балагурствомъ и покровительствомъ сначала С. Солтыкову, а потомъ Понятовскому. Онъ былъ дѣйствительно балагуръ, весельчакъ, *шутникъ*, но не *шутъ*, какими были Лакоста или Педрилло; онъ забавлялъ дворъ и оказывалъ не весьма почтенныя услуги императрицѣ потому что балагурство было въ его нравѣ и потому что угодничество создавало ему пріятное положеніе при дворѣ, но не потому что онъ былъ къ тому обязанъ; надъ нимъ подшучивали даже дурачили его, но онъ имѣлъ право и не дозволить подобнаго съ собою обращенія, чего конечно не могли шуты Петра и Анны. Вообще надо было имѣть очень много пессимизма чтобы двору который забавлялъ Левъ Нарышкинъ, ставить въ примѣръ дворъ при которомъ князья Рюриковичи обязаны были имѣть попеченіе объ императрицыныхъ собакахъ или кудахтать какъ насѣдки. Вотъ почему Екатерина, отвѣчая Фонъ-Визину, написала между прочимъ: „Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли.“ Затѣмъ он опять пригласила Дѣдушку выразить свою мысль полнѣе:

„Дѣдушка, хотя и прикашливая, твердилъ непрестанно межъ зубовъ повторенный четырнадцатый вопросъ, который напечатанъ на 165 страницѣ *Собесѣдника*, части III подобно сему: „Хемъ, хемъ (хемъ, хемъ изображаетъ Дѣду„шкинъ кашель), хемъ, хемъ.... отчего, хемъ, хемъ.... „прежнія времена.... хемъ, хемъ.... шуты.... хемъ, хемъ.... „ни.... хемъ, хемъ.... и балагуры.... хемъ, хемъ... чиновъ не „ли... хемъ, хемъ, хемъ.., а нынѣ имѣютъ... хемъ, хемъ, хемъ „хемъ.... и весьма большіе?“ Тутъ дѣдушка умножилъ

мы такъ что число оныхъ безъ ошибки на бумагу положить нельзя. Хотя Дѣдушка сильно кашлялъ, но бывъ весьма занятъ вопросомъ, не забылъ оный. Отдохнувъ немного, началъ разбирать подробно члены его и говорилъ: „Отчего? отчего?... „Ясно оттого что въ прежнія времена врать не смѣли, а паче „письменно, безъ.... хемъ, хемъ, хемъ... опасенія. О! прежнія времена!“ Сію строку кончили множество хемъ-хемовъ. За сими слѣдовало въ очередь: „Шуты....“ (Дѣдушка всѣхъ сихъ по именамъ знаетъ, начиная съ древнихъ отличившихся и отличенныхъ во всѣхъ пяти эпохахъ нашей исторіи.)

„Когда Дѣдушка дошелъ до шпыней, тогда разворчался необычайно и крупно, говоря: „Шпынь безъ ума быть не можетъ; въ шпынствѣ есть острота; за то, продолжалъ онъ, что „человѣкъ остро что̀ скажетъ, вѣдь не лишить его выгодъ „тѣхъ кои въ обществѣ даются, въ обществѣ живущимъ, или „обществу служащимъ.“ Всѣ сіи также какъ и первыя произнесенія перемѣшаны были хемъ-хемами. Потомъ дѣло дошло до балагуровъ, кои, по сказкамъ Дѣдушкинымъ, бываютъ не скучны, когда къ словоохотію присоединяютъ природный умъ, или знаніе пріобрѣтеннаго смысла, либо знаніе старины, или что̀ ни есть подобное, а скучны лишь, говоритъ прародитель, „Мареміаны плачущія, и о всемъ мірѣ косо и криво пекущіяся, отъ коихъ обыкновенно въ десяти шагахъ слышенъ ужъ „духъ скрытой зависти противъ ближняго.“

Дѣдушкины *хемъ-хемы* не замедлили дойти по адресу и произвели впечатлѣніе; Фонъ-Визинъ поспѣшилъ съ своимъ mea culpa; въ V книжкѣ *Собесѣдника* было помѣщено письмо вопрошателя Екатерины, начинающееся такимъ образомъ: „По отвѣтамъ вашимъ вижу что я нѣкоторые вопросы не умѣлъ написать внятно и для того покорно васъ прошу принять здѣсь мое объясненіе.“ Далѣе онъ говоритъ: „Надобно быть извергу чтобъ не признавать какое ободреніе душамъ подается“, и старается смыть съ себя подозрѣніе въ „желчи злобы“. Въ заключеніе Фонъ-Визинъ говоритъ что отказывается отъ дальнѣйшихъ вопросовъ, „чтобъ не быть невольнымъ образомъ обвиняему въ свободоязычіи.... которое всей душой ненавидитъ“. Послѣ такого полнаго покаянія, сочинителю *Былей и Небылицъ* оставалось только произнести *аминь*.

Полемика съ Любословомъ и особенно политическая сторона заявленій „Ни одной звѣзды во лбу неимѣющаго“ и Фонъ-Визина задѣвали Екатерину за живое; она собственнымъ опытомъ убѣдилась въ настоящемъ случаѣ что ремесло литератора, а тѣмъ болѣе сатирика и юмориста, сопряжено со многими неудобствами; но она еще продолжала писать свои *Были и Небылицы*. Ее побудило прекратить ихъ, повидимому, маловажное

обстоятельство,—именно пререканія между княгиней Дашковой и Л. А. Нарышкинымъ.

Въ любопытномъ изслѣдованіи г. Пекарскаго, на которое я уже неоднократно ссылался, напечатаны извлеченныя изъ рукописей Екатерины двѣ маленькія статьи, касающіяся такъ рѣзко задѣтаго Фонъ-Визинымъ Нарышкина. Одна изъ нихъ изображаетъ въ юмористическомъ видѣ жизнь и приключенія его, а особенно поѣздку его въ Константинополь, куда онъ былъ посланъ во время пребыванія Екатерины въ Крыму. Одиссея его носитъ слѣдующее заглавіе: *Léoniana, ou dits et faits de sir Leon, grand écuyer, recueillis par ses amis*; * эта шуточная эпопея (оставшаяся повидимому въ проектѣ) свидѣтельствуетъ что забавный и услужливый Нарышкинъ былъ однимъ изъ самыхъ интимныхъ людей двора Екатерины, хотя не имѣлъ никогда политическаго значенія, а изъ другой статьи извлеченной г. Пекарскимъ изъ ея рукописей мы узнаемъ что Нарышкинъ былъ членомъ „Общества Незнающихъ". Это Общество, разказывалъ въ послѣдствіи Державинъ, ** существовало для обсужденія *Былей и Небылицъ*, по мѣрѣ изготовленія ихъ для печати, но кажется что оно занималось тоже пересмѣиваньемъ Рос. Академіи. Въ числѣ членовъ была и княгиня Дашкова. Нарышкинъ и Дашкова не любили другъ друга, между ними была даже явная ссора, подавшая поводъ, какъ мы видѣли, къ шутливой піесѣ *за Мухой съ обухомъ* и бывшая предметомъ насмѣшекъ цѣлаго двора. Охотники посмѣяться были на сторонѣ Нарышкина и, сколько можно судить по содержанію помянутой піесы,—заодно съ ними была и императрица. Она даже дозволила Нарышкину вступать съ издательницей *Собесѣдника* въ полемику по поводу *Былей и Небылицъ*; такъ онъ сочинилъ отъ имени „Извѣстнаго Каноника" ***, покровительствующаго будто бы *Былямъ и Небылицамъ*, письмо къ издателямъ *Собесѣдника*, въ которомъ очень ясно давалъ чувствовать имъ что чрезмѣрныя и настойчивыя похвалы расточаемыя ими помянутому сочиненію Ека-

* Часть этой статьи есть лишь программа для предположенной *Леоніаны*.

** *Объясненія на соч. Державина*, изд. Львовымъ, 22.

*** Объ этомъ Каноникѣ см. *Записки* кн. Дашковой. Въ русскомъ крайне безобразномъ переводѣ этихъ *Записокъ* онъ названъ почему-то Канономъ.

терины * компрометтируютъ ее. Такое письмо не могло быть пріятно княгинѣ Дашковой, но она напечатала его, конечно, по приказанію императрицы; оно находится въ т. VIIмъ *Собесѣдника* и подписано Ignorante Babinelli.

Но пререканія между Нарышкинымъ и княгиней Дашковой этимъ не кончились. Въ одномъ изъ засѣданій Общества Незнающихъ происходившемъ у императрицы въ концѣ октября или въ началѣ ноября 1783 года, Нарышкинъ вздумалъ произнести рѣчь, которая показалась княгинѣ Дашковой пародіей на ея рѣчь при открытіи Россійской Академіи, незадолго предъ тѣмъ происходившемъ. Это оскорбило княгиню; императрица, чтобъ ей „не скучно было", подарила ей 25 тыс. рублей. Между тѣмъ она получила для напечатанія въ *Собесѣдникѣ* двѣ рукописи: вышепомянутый отвѣтъ Любослову, который оканчивается словами: „le ris tenta le rat", и *Общества Незнающихъ ежедневная Записка*. Изъ писемъ императрицы къ княгинѣ Дашковой, приложенныхъ къ *Запискамъ* ** послѣдней, можно предположить, какъ выше сказано, что первая изъ помянутыхъ статей была написана Екатериной; что же касается до *Ежедневной Записки*, то она скрѣплена Извѣстнымъ Каноникомъ, то-есть Нарышкинымъ и вѣроятно имъ написана.

Общество Незнающихъ и его *Ежедневная Записка* есть не что иное какъ пародія на засѣданія Россійской Академіи и на ея протоколы, и поэтому княгиня затруднялась печатать ихъ и жаловалась на Каноника; но государыня явно приняла сторону этого Каноника, разсердилась на Дашкову и потребовала назадъ обѣ статьи доставленныя ею для *Собесѣдника*. Тогда княгиня поспѣшила заявить о своей готовности на всевозможныя уступки. „Заклинаю ваше величество, писала она, *** возвратить мнѣ бумаги которыя вы взяли сегодня утромъ и приказать о продолженіи протокола Каноника. Я никогда не считала этого серіознымъ; ваше величество припомните что въ продолженіе трехъ недѣль, когда доходили до меня слухи о мнѣніи въ публикѣ что насмѣхаются надъ возникающею Академіей, я не только не обращала на это вниманія, но сама шутила и диктовала Канонику...." Ничто не

* См. подстрочное примѣчаніе къ *Письму* (№ XIII) въ т. VI *Собесѣдника*.

** Отъ 16го ноября 1783, другое безъ числа, стр. 313.

*** Пекарскій, въ *Зап. Академіи* 1863, 21.

помогло; въ дальнѣйшихъ книжкахъ *Собесѣдника* мы не находимъ ни продолженія *Небылицъ*, хотя оно уже было написано, * ни статей Каноника, ни продолженія *Ежедневной Записки*, хотя княгиня Дашкова и публично въ своемъ изданіи, равно какъ въ письмахъ и записочкахъ на имя государыни, не переставала скорбѣть о прекращеніи ея юмористическихъ очерковъ. Въ книжкѣ XVI, говоря о причинахъ успѣха *Собесѣдника*, первое мѣсто отводится *Запискамъ о Русской Исторіи*, второе *Небылицамъ*. „*Дѣдушка* острыми и краткими изреченіями, друзья его, — одинъ который болѣе плачетъ нежели смѣется, горчайшими слезами, а другой, — который болѣе смѣется нежели плачетъ, громогласнымъ смѣхомъ, сдѣлали *Собесѣдникъ* знакомымъ съ знатными и модными дамами, и каждая изъ нихъ читала его съ удовольствіемъ....“

Но увы! княгинѣ Дашковой пришлось убѣдиться что сотрудничество вѣнценосныхъ авторовъ столько же выгодно какъ и опасно для журналовъ. **

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

---

* См. прилож. III къ помянутой статьѣ Пекарскаго въ *Зап. Акад.* 1863.

** Эта статья была уже напечатана когда я прочелъ въ *Запискахъ* Греча (*Р. Арх.* № 6) подтвержденіе моему предположенію о томъ что *Обидагъ* написанъ и переведенъ не Екатериной. Тамъ же имѣются извѣстія и о загадочной личности переводчика.

ДЕНЬ ВЪ АУЛѢ

I.

Вдали виднѣется аулъ, въ который мы ѣдемъ по гладкой и извилистой дорогѣ. Мѣстность около насъ ровная и однообразная. Полосы кукурузы и пшеницы смѣняются обширными полянами, покрытыми высокою сорною травой; за ними безконечно тянутся мелкій, колючій кустарникъ и до безобразія высокій бурьянъ. По правую сторону отъ насъ виднѣются высокіе, обрывистые берега Сунжи, вѣчно мутной и часто вонючей Сунжи, которая такъ щедро разноситъ по станицамъ и укрѣпленіямъ тяжелыя лихорадки. Влѣво, верстахъ въ 30ти отъ насъ, туманно очерчиваются черныя горы, это преддверіе къ лабиринту мрачныхъ ущелій, страшныхъ обрывовъ, чудовищныхъ трещинъ, чертовски стремительныхъ рѣчекъ и въ небо упирающихся вершинъ. Время около полудня. Солнце печетъ немилосердно; на ясномъ небѣ ни тучки. Бѣловатый туманъ, разлитый въ воздухѣ, какъ-то стушевываетъ всѣ контуры окружающаго, стѣсняетъ глазъ и наводитъ тоску. Чуть замѣтный вѣтерокъ дуетъ урывками. Душно. Чувствуется разслабленіе и апатія. Вспотѣвшія лошади подвигаются медленно и слегка пофыркиваютъ. Красивыя птицы яркихъ цвѣтовъ лѣниво перелетаютъ съ куста на кустъ. Вонъ слышится безобразный скрипъ проѣзжающихъ въ сторонѣ чеченскихъ арбъ. Вонъ расположилось стадо курдючныхъ барановъ, окруженное цѣлымъ десяткомъ волкообразныхъ со-

бакъ. Какъ чеченскія собаки ни злы вообще, и въ особенности на Русскихъ, но не рѣшились атаковать насъ единодушно, какъ сдѣлали бы во всякое другое время. Одна, другая полаяли и тотчасъ же улеглись, когда Чеченецъ-пастухъ, ободранный до крайней степени, безъ рубахи, прикрикнулъ *„доволла джале“* (прочь, собака).

На встрѣчу намъ отъ времени до времени проѣзжаютъ арбы съ сидящими въ нихъ женщинами; проходятъ молодыя и старыя Чеченки съ дѣтьми за спинами, проѣзжаютъ верховые Чеченцы. Женщины еще далеко до встрѣчи уже сворачиваютъ съ дороги и идутъ сторонкой, а когда поравняются, то останавливаются и поворачиваются къ намъ спиной—обычай. Сидящія въ арбахъ поднимаются и тоже спѣшатъ показать намъ свои спины. Мущины большею частью холодно смотрятъ на насъ и медленно, въ разтяжку отвѣчаютъ *Алейкомъ салам*ъ на предупредительное привѣтствіе переводчика *саламъ алейкомъ*; иногда встрѣчаются знакомые (кунаки). Такая встрѣча бываетъ чрезвычайно шумная. Послѣ обычнаго привѣтствія начинаются выкрикиванія: *а-а-а! марша-вуй* (здоровъ-ли? какъ твое здоровье?), *марша-къгльда*! (желаю безопасности) * и пр., пожатія рукъ, предупредительныя улыбки, разспросы о цѣли поѣздки, или въ этомъ родѣ. Не мѣшаетъ замѣтить что всѣ эти восторги въ большинствѣ случаевъ звучатъ фальшью, искусственностью, что̀ пожалуй не слишкомъ и скрываютъ. Встрѣчные разыгрываютъ эту патетическую сцену больше изъ любви къ эффектамъ, на которые Чеченцы такъ падки. Незнакомые иногда обращаются къ переводчику съ вопросомъ: кто ѣдетъ? *мохкъ буста-стекъ* (землю мѣритъ человѣкъ), отвѣчаетъ тотъ и разъѣзжаеться въ стороны. Встрѣчные, несмотря на жару, одѣты чуть не по зимнему, въ бешметахъ и черкескахъ, застегнутыхъ на всѣ крючки. Верховые обыкновенно вооружены кинжалами, шашками, пистолетами, а нѣкоторые и ружьями въ добавокъ. Пѣшіе одѣты легче и изъ оружія имѣютъ при себѣ или только кинжалъ, или кинжалъ спереди и пистолетъ сзади. Странный контрастъ съ этими вооруженными хозяевами плоскости составляютъ пришель-

---

* Слова эти имѣютъ широкій смыслъ всевозможныхъ добрыхъ пожеланій: здоровья, счастія, безопасности и пр., поэтому ихъ нельзя перевесть съ точностью на нашъ языкъ.

цы, наши солдаты. Нерѣдко встрѣчается ихъ человѣка по два, по три, частенько и по одному, пробирающихся изъ одного укрѣпленія въ другое, или въ какой-нибудь аулъ для покоса съ половины. * Оружія никакого. Разстегнутый, въ одной рубахѣ, съ сюртучкомъ подъ мышкой, плетется себѣ спокойно, будто по своей родной сторонушкѣ въ Тамбовской или Вятской губерніи.

—Эй! кунакъ! давай табакъ, моя—курить надо! кричитъ ему съ самоувѣреннымъ нахальствомъ первый встрѣчный Чеченецъ.

— Ну, ну, проваливай, бритая голова! Много васъ здѣсь, на всѣхъ не напасешься.

—Не хочешь давай? съ угрозой вопрошаетъ горецъ, чувствуя себя царемъ предъ пѣшимъ солдатикомъ. — Твоя давай не хочетъ? повторяетъ онъ въ томъ же тонѣ и тотчасъ же съ дѣтскою наивностью прибавляетъ: *твоя казенныгй бикъ*; черный чурекъ (хлѣбъ) кушай!

—А ты орда поганая, огрызается солдатикъ.

—Самъ ты орда, перебиваетъ его разсерженный джигитъ, и начинаетъ безцѣльно кружиться вокругъ пѣшаго, вымещая при этомъ всю свою злобу на бокахъ лошади. *Байгумъ* твоя! (бѣдный, говорится въ презрительномъ смыслѣ)—*одинъ рубахъ свой нѣтъ, все казенныгй*, прибавляетъ онъ въ заключеніе и оставляетъ солдата.

—Орда такъ орда и есть, твердитъ про себя воинъ, медленно подвигаясь по пыльной дорогѣ. — Что̀ ему дѣлается? Вотъ разъѣзжаетъ себѣ какъ шальной, и дѣлать ему больше нечего. И что̀ только начальство смотритъ на нихъ?....

Рядомъ со мною съ правой стороны ѣдетъ мой переводчикъ Ибрагимъ, съ лѣвой милиціонеръ. ** Замѣчаю что Ибрагимъ съ правой, потому что онъ никогда не согласится занимать мѣсто милиціонера—это для него неприлично, какъ для старшаго. Если мы ѣдемъ съ нимъ вдвоемъ, то онъ при встрѣчахъ съ Чеченцами старается быть непремѣнно правымъ, то-есть показать себя старшимъ. Онъ впрочемъ увѣренъ что я этого не понимаю.

---

* Чеченцы часто передаютъ свои покосы расположеннымъ вблизи ротамъ, съ тѣмъ что половина скошенной травы составляетъ плату за трудъ солдатъ, а другая остается за хозяевами.

** Чеченецъ служащій на туземномъ посту, изъ сотни туземной милиціи.

— А что, Ибрагимъ, не махнуть ли намъ рысью до аула? Жарко очень стало, пора бы въ холодокъ, говорю я и пріударяю лошадь.

— Погодите, Н. С., замѣчаетъ переводчикъ. — Вонъ кто-то навстрѣчу ѣдетъ—неловко такъ,—и тоже пріударяетъ лошадь и дергаетъ къ себѣ поводъ, будто джигитнуть хочетъ, а въ сущности для того чтобы не быть ни на шагъ сзади.

— Почему же неловко? спрашиваю.

— Да какъ же, при встрѣчахъ слѣдуетъ шагомъ. Вѣдь мы не мальчики, чтобы скакать, добавляетъ онъ съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ пренебреженія. Ибрагимъ дѣйствительно никогда не рѣшится на такую выходку. Это значило бы, по его мнѣнію, уронить себя въ глазахъ встрѣчнаго Чеченца.

Аулъ, въ который мы наконецъ въѣхали, раскинулся по легкому скату. Издали онъ казался кучей мазанокъ для разныхъ складовъ, и только высокія бѣлыя трубы, да зеленые сады, виднѣвшіеся между строеніями, напоминали о жилищахъ людей. Чтобы добраться до сакли старшины, намъ пришлось проѣхать множество узкихъ и мѣстами грязныхъ улицъ и переулковъ, окаймленныхъ съ обѣихъ сторонъ невысокими плетнями, за которыми виднѣлись фасады саклей съ чистенькими площадками впереди. Собаки десятками кидались на насъ со всѣхъ сторонъ, злобно обрывая хвосты у лошадей. Попадались кучи дѣтей, смотрѣвшихъ на насъ сначала съ удивленіемъ, и потомъ провожавшихъ самою забористою русскою бранью. Во многихъ аулахъ недалекихъ отъ крѣпостей вошло въ обыкновеніе наускивать дѣтей на Русскихъ, если тѣ показываются безъ солиднаго конвоя. За бранью, въ родѣ: подлецъ, мошенникъ, бродяга, и пр. пускаются иногда въ догонку комки грязи и камни, впрочемъ безъ намѣренія угодить въ цѣль. Попадались и грязныя оборванныя старухи, съ черньмъ бѣльемъ за плечами, и группы солидныхъ Чеченцевъ, медленно поворачивавшихъ головы въ нашу сторону, не переставая въ то же время курить и разговаривать между собою. Наконецъ, по указанію какого-то мальчика, намъ удалось добраться до старшины. Только-что мы въѣхали къ нему на дворъ, какъ два взрослые парня кинулись къ намъ на встрѣчу, схватили за повода лошадей и помогли намъ слѣзть. Вслѣдъ затѣмъ показался изъ сакли плотный старикъ, средняго роста, съ окладистою красною бородой и съ улыбкой на лукавомъ лицѣ, въ которой виднѣлась бездна го-

степріимства. Онъ очень симпатично посмотрѣлъ на меня и, пожавъ мою руку, повелъ въ саклю, гдѣ усадилъ на кровати въ переднемъ углу, у единственнаго окошечка, а переводчика на коврѣ и подушкахъ, постланныхъ на полу. Самъ же сталъ въ выжидательной позѣ.

—Ибрагимъ, обратился я къ переводчику,—разкажи ему за чѣмъ мы пріѣхали и въ чемъ нужна будетъ его помощь.

Все дѣло можно было передать въ двухъ словахъ, но *толмачъ*, по своему обыкновенію, говорилъ болѣе получаса. Задавалъ вопросы, на которые получалъ немедленно отвѣты, волновался, жестикулировалъ, видимо въ то же время наслаждаясь удовольствіемъ отъ постоянныхъ повтореній *дыкенъ-ду дыкенъ-ду* (очень хорошо), сопровождаемыхъ одобрительными киваніями головой. Пока онъ говорилъ, въ саклю уже успѣли забраться человѣкъ пять Чеченцевъ, любопытствовавшихъ узнать кто и зачѣмъ пріѣхалъ. А когда онъ кончилъ, то старикъ-старшина повернулся ко мнѣ, и улыбками, и киваньемъ головой старался выразить что онъ все понялъ и очень радъ моему пріѣзду, чему можно было и не повѣрить.

—*Да, хорошо! много-хорошо!* прибавилъ онъ въ заключеніе, чтобы все-таки что-нибудь сказать. Потомъ отдалъ приказаніе сыну распорядиться насчетъ русскаго чаю, хоть было около полудни, и закуски, а самъ, по моей просьбѣ, сѣлъ противъ насъ на маленькомъ кругленькомъ стульчикѣ.

— Ничего нѣтъ новаго въ Грозной? началъ онъ разспросы чрезъ переводчика.—Ярмарка скоро откроется—не слыхали?

Я отвѣтилъ.

Понемногу разговорились. Старшинѣ хотѣлось узнать скоро ли я кончу свои работы и какую награду получу за это, въ какомъ я чинѣ и сколько получаю жалованья? Сказанная мною очень ограниченная цифра, въ отвѣтъ на послѣдній вопросъ, заставила его, какъ и всѣхъ бывшихъ въ саклѣ, выразить удивленіе. Цифра показалась имъ чрезвычайно крупною сравнительно съ моими лѣтами и лицомъ.

Чеченцы не понимаютъ чтобы молодой человѣкъ могъ занимать хоть мало-мальски самостоятельную должность и получать порядочное, по ихъ счету (сходному со счетомъ нашихъ простолюдиновъ), содержаніе. Единственное логичное объясненіе этому факту они ищутъ въ заслугахъ отцовъ, по милости которыхъ благоволятъ и къ дѣтямъ. Но [illegible] сказать что положеніе ваше обусловливается только личными

качествами, то они станутъ въ рѣшительный тупикъ. Люди во мнѣніи Чеченца прежде всего дѣлятся на стариковъ и молодыхъ, на бородатыхъ и безбородыхъ. Первымъ должны быть почетъ, уваженіе, и разумѣется лучшія мѣста вездѣ; обязанность послѣднихъ являться послушными и расторопными орудіями въ рукахъ старшихъ, пока сами не доростутъ до длинныхъ бородъ и взрослыхъ дѣтей. Это въ извѣстной мѣрѣ логично по отношенію къ жизненному складу этого народа. Всѣ Чеченцы растутъ при совершенно сходной обстановкѣ, всѣ съ дѣтства проходятъ одну и ту же житейскую школу, всѣ пользуются одинаковыми правами и незнакомы съ сословными различіями. Такъ продолжается уже много поколѣній, и уровень знаній и способностей приблизительно одинаковъ у однолѣтковъ. Кто больше прожилъ, тотъ больше видѣлъ, больше испыталъ, больше воспринялъ новыхъ впечатлѣній, слѣдовательно долженъ быть опытнѣе, сметливѣе, словомъ, сильнѣе въ житейской мудрости. Индувидуальныя особенности при такихъ условіяхъ народной жизни оченъ слабы, такъ слабы что имъ отказываютъ въ какихъ бы то ни было общественныхъ преимуществахъ. Незначительные оттѣнки ума и характера пусть служатъ каждому въ его личныхъ дѣлахъ, помогаютъ ловчѣе красть, плутоватѣе наживать деньгу, или скорѣе другихъ дѣлаться идоломъ аульскихъ красавицъ. При общественной же оцѣнкѣ руководствуются критеріумомъ поважнѣе, и такимъ здѣсь являются лѣта.

— Его отецъ должно-быть былъ большимъ начальникомъ, когда ему молодому поручили такое важное дѣло? обратился старшина къ переводчику, ожидая разъясненія своему недоразумѣнію.

— Да, онъ сынъ генерала, служащаго въ Петербургѣ, брякнулъ Ибрагимъ, желая этимъ разомъ поднять и меня и свою особу. Объясненіе всѣхъ удовлетворило.

Въ саклю между тѣмъ вошли два старика и направились прямо ко мнѣ. Всѣ встали. Тотъ который былъ постарше (Джамалдинъ, какъ я узналъ послѣ) поздравствовался прежде съ своими, потомъ пріятельски протянулъ мнѣ руку и жестомъ попросилъ всѣхъ сѣсть. Другой тоже подалъ руку. Затѣмъ оба заняли первыя мѣста на полу.

— А что̀, кунакъ, обратился ко мнѣ первый съ улыбкой и на ломаномъ русскомъ языкѣ,—табакъ твоя есть?

— Есть.

— Давай, я папироска дѣлай. Табакъ мой совсѣмъ нѣтъ, ахча нѣтъ.

Старикъ былъ въ изодранной черкескѣ, безъ бешмета. Разстегнутый воротъ грязной и дырявой рубахи выказывалъ наружу загорѣлую волосатую грудь.

— Вашъ есть царь, продолжалъ онъ, закуривая полученную папиросу,—деньга даетъ, твой табакъ есть, бешметъ есть, черкеска есть.... все есть; мой царь нѣтъ, табакъ нѣтъ, черкеска плохой.... все....

Всѣ улыбнулись. Замѣчу что Чеченцы съ особенною любовью напираютъ на этотъ аргументъ въ обыкновенныхъ неслужебныхъ разговорахъ. Мы и богаты, и въ чинахъ, и большія должности занимаемъ только потому что правительство у насъ свое, а имъ оно чужое. Они бѣдные въ загонѣ; ихъ вѣчно обижаютъ; по ихъ желанію ничего не дѣлаютъ; въ нихъ не признаютъ ни особеннаго ума, ни особенной силы. Награды, чины, жалованье получаютъ всего какихъ-нибудь трое, четверо изъ сотни. Напрасно бы вы стали имъ доказывать что царь на всѣхъ смотритъ одинаково, или что въ настоящее время съ ними поступаютъ въ сотню разъ лучше чѣмъ съ русскимъ простолюдиномъ. Пусть ваши доказательства подкрѣпятся самыми очевидными указаніями на солдатъ, или сосѣднихъ казаковъ, положеніе которыхъ имъ хорошо извѣстно; исчислите имъ пожалуй доходъ и расходъ въ странѣ, укажите на всѣ полезныя преобразованія, гдѣ трудъ и деньги русскіе, тогда какъ всѣ выгоды принадлежатъ пока имъ однимъ, ваши слушатели все-таки останутся при своемъ убѣжденіи.

Джамалъ-эденъ или проще Джамалдинъ заговорилъ со мною съ полнѣйшею фамильярностью; онъ будто и смѣялся надомною и старался въ то же время казаться смѣшнымъ въ моихъ глазахъ, чтобы мнѣ не пришла охота обидѣться его шуточками. Черезъ нѣсколько минутъ мнѣ было извѣстно что старикъ очень любитъ *араку* (водку), чрезмѣрно падокъ до женщинъ, и сожалѣетъ что не можетъ часто бывать въ крѣпости; свои же его не любятъ за то что *байгумъ* (бѣдный) и бороды не краситъ. Черезъ полчаса онъ уже совершенно панибратски хлопалъ меня по плечу, отпуская при этомъ сальныя шуточки, которыя его же всѣхъ больше тѣшили. Спросилъ мою фами-

лію и началъ немилосердно ее коверкать, будто затрудняясь произнести правильно; безъ спроса взялъ изъ портъ-сигара вторую папиросу; примѣрилъ мою фуражку на бритую голову, словомъ, все время разыгрывалъ какого-то шута. Но за всѣми его выходками проглядывала между прочимъ тонкая иронія. Онъ издѣвался надъ добродушнымъ „урусомъ" (Русскій); онъ говорилъ мнѣ дерзости и этимъ хвастался предъ своими, но говорилъ въ своеобразной и безобидной формѣ. Добродушное презрѣніе къ представителю нелюбимаго имъ народа такъ и сквозило наружу изъ-за его безпрерывныхъ шуточекъ. Остальные Чеченцы лукаво и весело смѣялись.

Джамалдинъ очевидно слылъ между своими за славнаго малаго, вѣчно веселаго, оборваннаго и голоднаго. Онъ былъ непремѣннымъ членомъ всѣхъ свадебныхъ, похоронныхъ и прочихъ пирушекъ, и не упускалъ, конечно, случая поѣсть свѣжей баранины на чужой счетъ. Такихъ въ аулахъ много. Они зорко слѣдятъ за всѣми случаями по поводу которыхъ сосѣди рѣжутъ барана, и непремѣнно являются къ нимъ къ ужину. По праву стариковъ, получаютъ первыя мѣста въ компаніяхъ и наѣдаются очень плотно. Только такая эксплуатація народнаго обычая и даетъ имъ возможность съѣдать хоть когда-нибудь питательный обѣдъ. Дома же, за отсутствіемъ другаго, они довольствуются *сыскиль* (кукурузный хлѣбъ) съ бараньимъ сыромъ, размягченнымъ въ маслѣ, замѣняя это блюдо то молокомъ, то огурцами, то даровымъ виноградомъ или сливами, то лѣсными фруктами, смотря по времени года. Къ общественнымъ дѣламъ такіе старики чрезвычайно чутки и нерѣдко даютъ замѣчательно умные совѣты. Если муллы въ критическія минуты говорятъ народу разныя очень нравственныя притчи, то джамалдины увлекаютъ его анекдотцами, мѣткимъ словцомъ, или гаерской выходкой. Надъ нѣкоторыми изъ нихъ смѣются, когда они сами на то напрашиваются, но вообще ихъ уважаютъ, слушаютъ, разумѣется если они изъ хорошей фамиліи, что между Чеченцами составляетъ очень важную статью. Но при всемъ томъ слѣдуетъ замѣтить что такіе характеры не популярны въ народѣ, а теперь ихъ значеніе рѣшительно падаетъ. Старшина, у котораго я былъ въ гостяхъ, принадлежалъ къ тому же типу, но какъ зажиточный хозяинъ и должностное лицо притомъ, держался солиднѣе. О Русскихъ онъ имѣлъ кажется гораздо лучшее мнѣніе.

Другой старикъ, гораздо моложе Джамалдина, выглядѣлъ совершенно иначе. Платье на немъ было безукоризненное: изъ тонкаго сукна черкеска, высокая папаха, новые чювяки и вполнѣ модные ногавицы, каждая изъ двухъ кусковъ сукна, коричневаго и чернаго цвѣтовъ. Лицо смахивало на монгольское своимъ желто-блѣднымъ цвѣтомъ и опустившимися уголками глазъ. Во время нашего разговора съ оборваннымъ патріархомъ, Баргишъ (имя этого старика) только меня и слушалъ, на мои слова отзывчиво кивалъ головой, а шуточкамъ Джамалдина почти вовсе не смѣялся, или смѣялся какимъ-то внутреннимъ затаеннымъ смѣхомъ. Въ манерѣ его держаться проглядывала какая-то приторная угодливость. Стоило мнѣ или переводчику протянуть руку за кувшиномъ съ водой, какъ онъ предупредительно хватался за него и подавалъ намъ. Ибрагимъ что-то сталъ разыскивать вокругъ себя, и Баргишъ поспѣшилъ освѣдомиться въ чемъ дѣло. Если я оглядывался, его глаза направлялись въ ту же сторону, а когда я всталъ, онъ первый поднялся съ мѣста, хотя Джамалдинъ продолжалъ себѣ сидѣть спокойно. По чеченскому обычаю, если кто-нибудь изъ компаніи встаетъ, то всѣ кто младше его лѣтами должны также подняться съ своихъ мѣстъ и стоять обыкновенно до тѣхъ поръ пока тотъ не сядетъ опять или не произнесетъ любезнаго „уаха" (сиди), сопровождаемаго картиннымъ движеніемъ руки. Относительно Русскихъ, старшихъ большею частью по своему положенію, а не по лѣтамъ, держатся различно. Съ чиновникомъ значительнымъ или нужнымъ обходятся по всѣмъ правиламъ народной вѣжливости; предъ людьми низшихъ степеней встаютъ прежде всего служащіе; изъ остальныхъ же кто только видъ показываетъ что готовъ встать, кто вовсе не трогается съ мѣста; но есть и такіе, къ числу которыхъ принадлежитъ и Баргишъ, что вскакиваютъ уже черезчуръ предупредительно. Теперешняя молодежь впрочемъ менѣе церемонится съ нами.

Пользуясь случаемъ, Баргишъ тотчасъ началъ разспрашивать о разныхъ окружныхъ дѣлахъ, о слухахъ въ крѣпости по поводу недавно случившагося крупнаго убійства, о времени пріѣзда Великаго Князя, о томъ будетъ ли война и пр. Возраженій онъ не дѣлалъ, а принималъ мои слова съ какою-то намѣренно школьною вѣрой, будто предъ нимъ гласила сама мудрость. Чеченецъ этотъ былъ одинъ изъ тѣхъ мелкихъ хитрецовъ, которые составляютъ такъ-сказать подъ-породу, или

вторую степень хитрецовъ крупныхъ, довольно многочислен
ныхъ въ народѣ. Онъ вѣчно суетится, всѣмъ угождаетъ, об
всемъ старается знать и многозначительно мотать себѣ на
усъ. Ему кажется что онъ хитеръ и проницателенъ, но никт
не видитъ въ немъ этихъ качествъ; всѣ, напротивъ, смотрятъ
на него какъ на очень обыкновеннаго, даже ограниченнаг
малаго. Выдержки въ его характерѣ нѣтъ никакой. Сегодн
онъ вашъ, завтра завербуется въ противоположный лагер
Предложите ему отправиться вмѣстѣ на воровство, онъ с
гласится, да можетъ-быть завтра же донесетъ на васъ ког
слѣдуетъ, или изъ желанія оградить себя отъ отвѣтственност
или изъ желанія подслужиться начальству, и просто по без
лаберности натуришки. Доносчики именно изъ этихъ людей
выходятъ. Онъ то дерзокъ, то труслив. Его пожалуй мо
за безцѣнокъ подкупить на убійство, но въ другое время
трусливо переноситъ обиду. Въ душѣ онъ подлъ, но на кру
ное дѣло его не хватаетъ, а въ мелочахъ пересаливает
на собственную голову. Къ Русскимъ ему чрезвычайно х
чется подслужиться чтобы воспользоваться кое-какими зем
ными благами. Но и тутъ онъ не успѣваетъ. Намѣренна
услужливость и подобострастіе съ его стороны наводятъ вас
на мысль что изъ него можно сдѣлать хорошаго, расторопн
го слугу, хотя приближать его слишкомъ къ себѣ вовсе н
зачѣмъ. Такъ вы и начинаете на него смотрѣть, и самъ он
невольно втягивается въ свою роль. Такихъ добровольных
и хитренькихъ холоповъ изъ Чеченцевъ можно насчитать цѣ
лые десятки. По расторопности, угодливости эти люди не за
мѣнимы. Хоть мысль о серіозномъ вознагражденіи за лакей
ство и не оставляетъ такого Чеченца, но исполненіе ея с
каждымъ днемъ отодвигается все дальше и дальше. Даже в
ту минуту когда ему кажется что цѣль уже достигнута, не
премѣнно случится такъ что кто-нибудь перешагнетъ ему до
рогу. Только въ милиціонеры и попадетъ, и то по хлопотам
чиновной родни или за взятку вліятельному туземцу. А сдѣ
лайте Баргиша, ну хоть старшиной въ аулѣ, онъ черезъ пол
года запутается въ собственныхъ же сѣтяхъ. Начнетъ съ то
го что свяжется съ ворами, будетъ потакать и помогать имъ.
Людей незначительныхъ въ аульномъ обществѣ примется
давить, старикамъ кланяться, а предъ начальствомъ, если
нужно, говорить противъ собственныхъ же интересовъ. Фа
миліи онъ навѣрное незначительной, и свои его ни въ грошъ

не ставятъ, что̀ служитъ для него не малымъ источникомъ сѣтованій. Баргишъ всегда кому-нибудь служитъ и кому-нибудь подражаетъ. Являясь орудіемъ въ рукахъ хитрецовъ крупныхъ, онъ отъ нихъ же заимствуетъ свои признаки.

— Отчего это юнкеръ изъ Русскихъ скорѣй получаетъ офицерскій чинъ, тогда какъ изъ нашихъ служатъ, служатъ юнкерами, а чина все не получаютъ? обратился ко мнѣ Баргишъ чрезъ переводчика, когда былъ поданъ чай и всѣ понемногу сдвинулись къ столику, на который поставили деревянный подносъ. Замѣчу что многіе изъ Чеченцевъ никогда не обращаются къ намъ на ломаномъ русскомъ языкѣ. Другой и порядочно объясняется, но все-таки считаетъ нужнымъ прибѣгать къ посредству толмача. Зачѣмъ правовѣрному поганить себя произношеніемъ словъ на языкѣ христіанъ, если въ этомъ нѣтъ крайней надобности? Впрочемъ этотъ остатокъ прошлаго и между ними становится анахронизмомъ. Гораздо чаще политикуютъ въ этомъ отношеніи въ надеждѣ прислушаться къ откровенной бесѣдѣ Русскихъ.

У дверей между тѣмъ число любопытныхъ становилось все больше. Было нѣсколько человѣкъ среднихъ лѣтъ, но большинство—молодые люди. Среди взрослыхъ виднѣлись мальчуганы лѣтъ 10 — 12 съ длинными кинжалами или пистолетами за поясами. Кромѣ двухъ-трехъ одѣтыхъ щегольски, вся компанія выглядѣла довольно растрепанною. Безобразная папашка на головѣ, до невѣроятности дырявый бешметъ, оборванные чювяки на ногахъ и грязное подобіе нижняго бѣлья не слишкомъ гармонировали съ выразительными и бойкими лицами Чеченцевъ. Кто посолиднѣе сосали маленькія трубочки, набитыя махоркой; у другихъ красовалось въ зубахъ какое-то подобіе папиросы, сдѣланной изъ обрывка отъ кукурузнаго листка. Между молодежью виднѣлись настоящіе красавцы. Одинъ изъ нихъ мнѣ особенно врѣзался въ память: продолговатое лицо, крупныя и правильныя черты, большой прямой носъ, чуть загнутый книзу, тонкія губы и большіе глаза, обрамленные длинными рѣсницами — все напоминало собою типъ Кавказца, какимъ мы привыкли изображать его на нашихъ картинкахъ и какимъ онъ запечатлѣлся въ воображеніи Европейца. А стройный станъ и тонкая талія, охваченная узенькимъ ремешкомъ, и эта натуральная красота всѣхъ движеній, эта быстрота и легкость сами собою говорили о джигитскихъ качествахъ молодаго человѣка.

II.

Когда мы напились чаю и были убраны стаканы, сыновья старшины кинулись изъ сакли и внесли тазъ, кувшинъ изъ красной мѣди и домашняго издѣлья мыло темно-мраморнаго цвѣта. Я первый долженъ былъ совершить операцію омовенія рукъ, за мною старшій старикъ, затѣмъ слѣдующій и т. д. Грязное полотенце для утиранія переходило изъ рукъ въ руки тѣмъ же порядкомъ. И здѣсь опять обычай, съ которымъ буквально сталкиваешься на каждомъ шагу, какъ только попадешь въ чеченскую территорію. Если первый откажется помыть руки (Русскіе составляютъ исключеніе), или, — что еще комичнѣе,—помоетъ, но полотенцу для утиранья предпочтетъ свой платокъ или полу бешмета, то остальные, и не имѣющіе платковъ, и не желающіе пачкать бешметовъ, все-таки не должны дотрогиваться до завѣтной тряпицы, а такъ и остаются съ мокрыми руками, пока вода не испарится сама. По этому случаю существуетъ даже странное убѣжденіе что воздухъ лучше вытираетъ чѣмъ полотенце.

Подали закуску, состоявшую изъ кукурузныхъ блиновъ съ тонкимъ пластомъ сыру, вложеннымъ въ средину. Нашъ обѣдъ замѣняется у Чеченцевъ ужиномъ. Днемъ только кое-что перехватываютъ, къ вечеру же затапливаютъ камины и варятъ что-нибудь горячее. Баранъ, который рѣжется хозяиномъ для именитыхъ гостей, подается всегда въ это же время. Отъ того если заѣхать къ Чеченцу послѣ ужина, отъ котораго обыкновенно ничего не остается, не исключая и хлѣба, то можно надѣяться пробыть цѣлыя сутки полуголоднымъ, въ ожиданіи той блаженной минуты когда на огромномъ деревянномъ подносѣ, формы мелкой тарелки, подадутъ цѣлаго барана, лишеннаго только (кромѣ внутренностей) головы и груди. Эти почетныя части подаются большею частью особо, и если старшій въ затрапезной компаніи не заблагоразсудитъ ихъ испробовать, то оставляются до слѣдующаго утра.

Ѣли сначала молча, медленно и солидно, будто въ то же время и думу думали. Старшина то и дѣло любезно подкладывалъ мнѣ и переводчику лучшіе куски. Стоявшіе у дверей смотрѣли намъ прямо въ глаза, картинно опустивъ руки на оружіе.

— Какъ это Русскій звать? не вытерпѣлъ наконецъ болтливый Джамалдинъ и указалъ на блины.

Я сказалъ. Нѣкоторые тихо повторили.

— А это? а это? спрашивалъ онъ дальше, указывая поочереди на кувшинъ, полотенце, зеркало и пр. — А твой скажи: *румра*,* *іевлакъ*, *кузьга* и пр., училъ онъ меня чеченскимъ названіямъ тѣхъ же вещей, когда узналъ отъ меня русскія. Слова съ гортанными звуками я произносилъ неправильно. Чеченцы тихо смѣялись.

— А что̀, твой деньга много есть, аракъ не тащитъ? Твой аракъ давай! балясничалъ старикъ въ томъ же родѣ.

Какъ только поѣли, тотъ же поднос съ блинами перенесли въ противоположный уголъ, къ дверямъ, гдѣ его тотчасъ же окружили молодые люди, и присѣвъ на корточки, принялись уписывать остатки. Тѣмъ временемъ намъ подали всѣ принадлежности умыванья, въ которыхъ чувствовалась настоятельная необходимость: на рукахъ у всѣхъ лежали цѣлые пласты остывшаго сала. Ѣли, разумѣется, безъ всякихъ вспомогательныхъ орудій. Началось полосканіе ртовъ съ различными отхаркиваніями. Ибрагимъ и тутъ отличился какъ всегда. Онъ дольше всѣхъ полоскался, красиво отплевывался, фыркалъ и нѣсколько разъ пускалъ по направленію къ камину тонкія струи набранной въ ротъ воды: важничалъ.

Въ саклѣ однако стало нестерпимо душно отъ множества людей и своеобразнаго чеченскаго запаха. Меня гнало на дворъ освѣжиться, но я все-таки досидѣлъ до окончанія трапезы въ противоположномъ углу. Чеченское приличіе требуетъ непремѣнно оставаться на своемъ мѣстѣ пока не поѣдятъ всѣ. Но всему бываетъ конецъ. Когда и послѣдніе остатки выскребли изъ подноса, всѣ стали подниматься и выходить по немногу. Я, разумѣется, поспѣшилъ вырваться изъ пекла и помѣстился въ тѣни предъ саклей. Здѣсь было хорошо. Кругомъ чисто; легкій вѣтерокъ и освѣжаетъ и успокоиваетъ.

Шагахъ въ десяти отъ меня сидѣли двѣ хозяйскія дочери и сучили нитки. Съ моего пріѣзда онѣ нѣсколько разъ украдкой любопытно заглядывали въ саклю, но я не обратилъ тогда на нихъ вниманія. Теперь представлялся случай разсмотрѣть ихъ поближе. Старшая, на видъ лѣтъ семнадцати, была

---

* Буква *р* въ этомъ словѣ произносится какъ-то глухо гортанно, нѣсколько сходно съ произношеніемъ картавящихъ.

въ длинной желтой рубахѣ, безъ пояса, широкихъ красныхъ шараварахъ и маленькихъ сафьянныхъ туфляхъ съ высоким каблуками на турецкій манеръ; на голову была накинута л кая шаль, не повязанная концами. Изъ любопытства она по- вернула голову въ мою сторону, и я увидѣлъ глубокіе чер ные глаза съ длинно-длинными рѣсницами и густыми бровям лицо чрезвычайно нѣжнаго и смуглаго цвѣта, довольно боль- шой тонкій носъ, средней величины ротъ, тонкія розовыя гу бы и слегка выдающійся подбородокъ. При взглядѣ на эт красивое, живое и страстное лицо, я почему-то вспомнил тѣхъ безобразныхъ старухъ которыхъ встрѣчаешь въ этомъ народѣ. Младшая, лѣтъ двѣнадцати, была только въ одной длинной коричневой рубахѣ; ноги босы; стриженая голова съ оставленною въ круговую тонкою полосой волосъ, вершка въ два длины, ничѣмъ не покрытая; руки загорѣлыя. Круглое, нѣсколько плоское лицо, съ мелкими невыразительными чер- тами, нисколько не напоминало красиваго профиля сестры Видно было что онѣ отъ разныхъ матерей.

Операцію сученія нитокъ сестры производили довольно глу- по. Двѣ несученныя нитки, длиной аршина въ два, складыва- лись вмѣстѣ; одинъ конецъ прикрѣпляли къ ногѣ и другимъ сучили до нужной степени; затѣмъ нитку протирали лоску- томъ матеріи и откладывали въ сторону. Такъ же скручива- ли другую, третью и т. д. Этотъ первобытный способъ до- вольно общеупотребителенъ, хотя Чеченки хорошо знакомы и съ другимъ способомъ скручиванія при помощи веретена.

Сидя на стульчикѣ и дружески перекидываясь русски- ми и чеченскими словами съ окружившею меня моло- дежью, я какъ-то вынулъ портъ-сигаръ и открылъ его Вещица видимо заинтересовала красавицу. Я это замѣтилъ и протянулъ руку въ ея сторону. Дѣвушка легко встала, взяла портъ-сигаръ въ руки и съ наивнымъ удивленіемъ начала его разсматривать. Болѣе минуты она его перевертывала, откры- вала и проводила тонкими руками по красивымъ вышивкамъ Очень можетъ-быть что въ сердцѣ ея въ это время смутно закрадывалась зависть къ русской женщинѣ, дошедшей, какъ она должна была думать, до такого искусства въ вышиваньи. Ей, разумѣется, и въ голову не приходило что въ ея рукахъ машинная работа. Затѣмъ красавица любопытно взглянула мнѣ въ лицо и быстро возвратила вещь назадъ.

Замѣченная мною дѣвушка по лицу и стану не изъ распро-

страненнаго типа въ Чечнѣ. Гораздо чаще встрѣчается другой разрядъ женскихъ лицъ. Кругловатое смуглое лицо, здороваго лоснящагося цвѣта, съ сладострастно округленными чертами, небольшой мясистый носъ, плоскій лобъ, обыкновенно на половину покрытый обрѣзанною прядью волосъ, черные глаза съ паволокой, безъ выраженія, широкій ротъ и остроугольный подбородокъ. Такая женщина или дѣвушка довольно высока ростомъ и не особенно стройна, въ родѣ нашихъ купеческихъ дочекъ. Въ общемъ такая Чеченка производитъ довольно пріятное впечатлѣніе. Наивною улыбкой и дѣтскимъ чрезвычайно музыкальнымъ лепетомъ она напоминаетъ о своей умственной простотѣ и склонности къ послушанію; за то ея румянецъ во всю щеку и полный округленный станъ, ея томный взглядъ и роскошные черные волосы раскинутые скобками по сторонамъ лба, ясно говорятъ о расположеніи къ сладострастію и нѣгѣ.

Разыгравшаяся фантазія нашихъ поэтовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ надѣлила Чеченку разными идеальными качествами: чувствительностью, самоотверженіемъ, романическою страстностью и пр., которыхъ въ дѣйствительности и въ поминѣ нѣтъ. Правда, нельзя отказать чеченской женщинѣ въ извѣстной степени силы воли и энергіи. Здѣшніе старожилы помнятъ много эпизодовъ изъ прошлаго, когда Чеченка, если не выходила драться съ врагами, за то очень смѣло и очень коварно защищалась въ минуту опасности. Кровь джигитовъ течетъ и въ ея жилахъ. Но это случалось въ исключительный моментъ ея жизни, при обыденной же обстановкѣ она вовсе не такова. Природная энергія до такой степени парализована въ ней всѣмъ складомъ народной жизни этого полудикаго и къ тому же мусульманскаго племени; она такъ подавлена и невѣжествомъ, и традиціонными понятіями о ничтожествѣ ея роли въ семействѣ и даже вообще на землѣ, что, по правдѣ сказать, и не можетъ блистать какими-либо доблестями ума и сердца. Чеченка до замужества—это простая дѣвушка, живущая чисто растительною жизнію. Она хорошо ѣстъ, весело болтаетъ, еще веселѣй смѣется, любитъ потанцовать, но и мастерица на всѣ тяжелыя работы, не капризна и неприхотлива, а безусловная исполнительница воли матери. Она больше всѣхъ работница въ домѣ и больше всѣхъ пассивное лицо въ семействѣ, но это нисколько не мѣшаетъ ей весело смотрѣть на весь Божій міръ. Любовь къ

цвѣтнымъ тряпкамъ, къ побрякушкамъ украшающимъ эти тряпки, склонность къ скромному жеманству предъ мужскою молодежью, склонность къ сплетнямъ и пересудамъ отъ нечего дѣлать — вотъ почти весь ея внутренній міръ. Съ лѣтами такая дѣвушка становится страстною по физической потребности. Закулисныя тайны брачной жизни не выходятъ у ней изъ головы, составляя нескончаемую тему интимныхъ разговоровъ съ опытными подругами. Сдѣлавшись женой, Чеченка на первыхъ порахъ глупѣетъ отъ новой жизни, потомъ понемногу привыкаетъ къ своему положенію работницы, рабыни и любовницы. Вѣрность такой жены обусловливается конечно не нравственною чистотой, а трусостью предъ общественнымъ мнѣніемъ и мщеніемъ своего повелителя, которому недолго и безъ носа ее оставить, на что онъ имѣетъ право по обычаю. Очень часто случается впрочемъ и болѣе трагичная расправа, хотя презрѣніе общества и недовольство Чеченца-мужа не такого рода бездѣлицы чтобы ихъ легко было перенести. Но и у замужней женщины-Чеченки бываетъ благодатная пора въ жизни, это, такъ-сказать, самый блестящій фазисъ ея развитія. Проживъ съ мужемъ лѣтъ девять-десять, она уже перестаетъ быть пассивнымъ лицомъ въ домѣ, а становится болѣе или менѣе самостоятельною хозяйкой. Мужъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не прочь съ нею и посовѣтоваться; подростающія дѣти къ ней почтительны и послушны. Она уже не находится подъ руководствомъ какой-нибудь желчной старухи, но сама размышляетъ, заботится. Да и работа ее не утомляетъ, а удовлетворяетъ только вкоренившейся привычкѣ вѣчно что-нибудь дѣлать для увеличенія домашняго достатка. И славно бы такъ дожить свой вѣкъ, „но не то тебѣ пало на долю". Увлеченная мелочными заботами по хозяйству, она постепенно дѣлается грязнѣе, неряшливѣе. Печать страстности на лицѣ понемногу замѣняется печатью вседневной хлопотливости и экономической думы. На тѣлѣ слѣды пресыщенія; въ головѣ мысли о мукахъ ада и очень близкомъ свѣтопреставленіи; сухія холодныя губы все чаще шепчутъ слова молитвы. Все это въ глазахъ Чеченца вовсе не придаетъ красоты его подругѣ. Неблагодарный мужъ, больше почитатель женской красоты чѣмъ женскаго ума, къ которому во всякомъ случаѣ относится скептично, затѣваетъ новую свадьбу и приводитъ въ домъ вторую жену. Между женщинами начинается глухая борьба (открыто старшая попрежнему господствуетъ), результатомъ

которой бываетъ то что получившая отставку становится молчаливѣе, грязнѣе, еще усерднѣе начинаетъ доить коровъ и бить масло, еще чаще твердить молитву и ругать молодежь. А на высохшемъ и пожелтѣвшемъ лицѣ является страдальчески-злобное выраженіе.

Не всѣ Чеченки переживаютъ намѣченныя переходныя степени. Нѣкоторымъ вовсе не случается сдѣлаться полновластными хозяйками, такъ какъ жены вводятся въ домъ чрезвычайно скоро одна за другою. Особенно плохо приходится иногда женамъ состоятельныхъ Чеченцевъ, имѣющихъ по двѣ, по три и болѣе подругъ жизни; и хуже всего то что такой Чеченецъ часто изъ самодурства прогоняетъ отъ себя чѣмъ-нибудь неугодившую ему жену домой къ роднымъ. А тамъ ее ожидаетъ однообразное и скучное прозябаніе.

Слѣдуетъ замѣтить что старухи-матери вообще не могутъ пожаловаться на отсутствіе заботливости о нихъ со стороны дѣтей. Дочери преимущественно имъ угождаютъ, и вовсе не по любви, а по требованію обычая. Вездѣ господство обычая, являющагося въ частныхъ случаяхъ то нелѣпымъ, то разумнымъ, но въ общемъ все-таки безсмысленнаго и деспотическаго, такъ какъ въ основѣ его нѣтъ никакой идеи, и такъ какъ онъ сковываетъ всѣ мельчайшія проявленія индивидуализма.

— Отдохнуть не хочешь ли съ дороги? спросилъ меня подошедшій старшина. — Въ саклѣ теперь никого нѣтъ; а окошечко я сейчасъ запру чтобы тебя мухи не безпокоили.

Говоря это, онъ добродушно суетливо началъ сдвигать двѣ толстыя необдѣланныя дощечки, замѣняющія наши ставни.

Я отказался, а самого старика упросилъ прилечь и выспаться, если онъ къ этому привыкъ. Поручивъ меня заботливости своихъ сыновей, старшина ушелъ въ другую саклю. Ко мнѣ между тѣмъ подсѣлъ переводчикъ и началъ разказывать какъ онъ распорядился относительно занятій слѣдующаго дня.

— А чтобы лучше указывали мѣстность, прибавилъ онъ, — я велѣлъ быть съ нами старшинѣ, его помощнику, тремъ почетнымъ старикамъ и двумъ-тремъ изъ молодыхъ людей для услугъ въ случаѣ надобности.

— Съ какой же стати такъ много? возразилъ я. — Сколько разъ говорилъ тебѣ, Ибрагимъ, чтобы какъ можно меньше безпокоить народъ? Ну, старшина или помощникъ, два знающихъ мѣстность старика—и довольно.

— Да они сами этого хотятъ, такъ зачѣмъ же меньше брать, возразилъ онъ съ неудовольствіемъ.

Въ словахъ переводчика была отчасти правда. Почти ничего не дѣлая, и вѣчно интересуясь знать все и вся въ распоряженіяхъ начальства, Чеченцы готовы по поводу ничтожнаго факта сѣсть на лошадей и цѣлымъ ауломъ сопровождать васъ. Лежанье и болтовня прискучили, своей надобности съѣздить куда-нибудь не имѣется, а неугомонная кровь требуетъ развлеченія, и вотъ тутъ-то пріѣздъ какого-нибудь чиновника совершенно кстати. Уже навѣрное представится случай покрасоваться на застоявшемся конѣ, пошумѣть, поспорить, выказать свои діалектическія способности, а можетъ-быть и поджигитовать *, пострѣлять въ чью-нибудь убогенькую папашку, изрѣдка и пѣсню прокричать хоромъ. Но Чеченецъ большой политикъ и съ тонкостью различаетъ наѣзжающихъ къ нему гостей. Дешевыя оваціи устраиваются только любителямъ ихъ, расположеннымъ корчить изъ себя вліятельныхъ лицъ. Ко мнѣ же это не относилось. Цѣль моихъ поѣздокъ была извѣстна по всему округу и старшинамъ сообщалась только для формы. Самъ я тоже давно имъ присмотрѣлся и, по правдѣ сказать, слылъ между ними за очень не важную птицу. Потому я увѣренъ что десятокъ проводниковъ садились на коня лишь по прихоти переводчика, которому нравилась важность и картинность подобной кавалькады.

— *Ля илльля-илляляхъ!* (нѣтъ Бога кромѣ Бога), медленно и нараспѣвъ произнесъ Ибрагимъ послѣ небольшаго молчанія, проводя обѣими руками по лицу со лба до кончика бороды.—Время намазъ сдѣлать (совершить молитву), прибавилъ онъ про себя.—*Эй-кантъ!* (молодые люди) принесите воды, обратился онъ къ стоявшимъ около насъ молодымъ Чеченцамъ. Одинъ кинулся за принадлежностями омовенія, дру-

---

* Джигитовать — мчаться въ перегонку, или наскакивать однимъ конемъ на другаго. Происходитъ это слово отъ *джигитъ*, употребляемаго въ коранѣ, что̀ значитъ—воевать за вѣру. Но въ разговорной рѣчи оно утратило свой смыслъ и употребляется, кромѣ сказаннаго значенія, въ смыслѣ нашихъ словъ молодецъ, лихачъ. Замѣчательно что Чеченцы считаютъ его русскимъ, какъ множество и другихъ словъ, напримѣръ, *кунакъ*, *чурекъ*. Наши же солдаты убѣждены что пересыпая свою рѣчь такими словцами, они хотя на половину объясняются по-чеченски.

гой приготовился стягивать съ толмача чювяки * и ногавицы, третій принесъ изъ сакли коверъ и раскинулъ его на чистенькомъ мѣстѣ. Послѣ длиннаго и церемоннаго омовенія рукъ, ногъ и лица, Ибрагимъ сталъ на коверъ, крѣпче надвинулъ папаху, опустилъ внизъ руки и началъ молиться вслухъ, поминутно мѣняя тонъ голоса, распѣвая то тихо, то громко, то страстно и благоговѣйно, то съ какою-то намѣренною усталостью, съ гримасой муки на лицѣ, будто едва вырывая изъ гортани хриплые звуки. Непріятно смотрѣть на подобнаго молельщика.

Всѣ Чеченцы строго исполняютъ обряды омовенія и молитвы, какъ, впрочемъ, и остальные обряды. Очень рѣдкіе изъ молодежи позволяютъ себѣ на сторонѣ вольнодумничать, соединяя двукратное моленіе въ одно попространнѣе. Но обрядовою стороной и кончается въ большинствѣ случаевъ религіозность Чеченцевъ. Думать что всѣ они религіозные фанатики большая ошибка. Этимъ любятъ иногда щегольнутъ, прикрыть свои грѣшки, въ особенности въ преступленіяхъ противъ Русскихъ. Отчего, напримѣръ, не заявить что убійство христіанина совершено для спасенія души, что чѣмъ больше на совѣсти накопится такихъ преступленій, тѣмъ скорѣй угодишь въ рай Магомета? Недавно, напримѣръ, ранили въ Чечнѣ солдата. Онъ шелъ съ покоса въ укрѣпленіе, лежавшее отъ его пути не болѣе какъ въ полутора верстахъ. Встрѣчается ему Чеченецъ.

— Эй кунакъ, давай табакъ, моя—куритъ мало-мало надо! обращается онъ съ обычною просьбой къ солдату.

— Проваливай, братъ, проваливай! Много здѣсь вашего брата ходитъ, на всѣхъ не напасешься! возражаетъ ему солдатъ такою же обычною фразой.

— Давай твоя не хочетъ? съ угрозой спрашиваетъ сынъ горъ.

— Ступай!...

Раздается пистолетный выстрѣлъ, и жертва легкомысленнаго и взбалмошнаго дикаря, оскорбленнаго дерзостью отвѣта, падаетъ съ раздробленнымъ плечомъ. Чеченца тотчасъ схватили. На вопросъ о причинѣ его поступка онъ просто не могъ объяснить того чувства оскорбленнаго самолюбія и мгновенно вспыхнувшей ненависти къ нашему солдату что подня-

---

* Башмаки безъ подошвъ. Шьются изъ чернаго или краснаго сафьяна, и такъ что швъ приходится посрединѣ ступни.

ли его руку, а началъ оправдываться тѣмъ что *„урусъ собака, его надо убивай,"* и пр.

Но религіозныхъ въ строгомъ смыслѣ слова очень мало, хотя выдаются и настоящіе фанатики. Мнѣ случалось видѣть Чеченцовъ молившихся часа по полтора каждый разъ, слѣдовательно семь съ половиной часовъ въ сутки. Эти молились такъ что со стороны становилось жалко ихъ. Каждое слово молитвы произносилось съ глубокимъ чувствомъ и соотвѣтствующими тѣлодвиженіями и поклонами. Богомолецъ приходилъ, наконецъ, въ экстазъ. Потъ съ него лилъ градомъ; дыханіе становилось рѣдкимъ и тяжелымъ, взглядъ уходилъ внутрь, а голосъ звучалъ безотчетнымъ блаженствомъ. Но, повторяю, большинство рѣдко знаетъ болѣе двухъ трехъ обязательныхъ молитвъ и молится по привычкѣ, обычаю, а не рѣдко только изъ боязни общественнаго презрѣнія. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ тѣ кому удалось хватить нѣсколько глотковъ воздуха чужой жизни. На сторонѣ они не прочь, пожалуй, и поманкировать своими обязанностями къ Богу. То омовенія совершить некогда, то настроить себя на религіозный тонъ нельзя и пр. Но при случаѣ усердствуютъ безгранично.

Ученіе Магомета — это смѣсь чувственныхъ представленій, обѣщаній и требованій съ массой мелкихъ истинъ обыденнаго здраваго смысла и мистическихъ бредней, которыми пророкъ силился выяснить сущность мірозданія. Не трудно понять которая изъ этихъ трехъ частей корана совпала съ характеромъ горца. Полудикій и воинственный, склонный къ хищничеству и набѣгамъ, готовый ежеминутно жертвовать своею жизнію изъ одного молодечества, изъ хвастовства предъ аульными красавицами, или подъ вліяніемъ перваго ощущенія, Чеченецъ естественно долженъ былъ увлечься проповѣдью о преслѣдованіи невѣрныхъ, объ успокоительномъ фатализмѣ, о блаженствѣ и гуріяхъ въ раю, ожидающихъ погибшаго смертью *газавата* (смертью за вѣру, таками считаются всѣ павшіе въ борьбѣ съ Русскими). Его дикіе инстинкты нашли здѣсь и цѣль и оправданіе. И онъ поспѣшилъ принять религію дракъ и красавицъ.

Любопытно что въ кавказскомъ обществѣ распространено мнѣніе будто Чеченцы въ относительно недавнее время (90 лѣтъ тому назадъ, какъ сказано въ одной книжкѣ о кавказскихъ горцахъ) были христіанами. Не входя въ литературу

этого вопроса, укажу два аргумента въ опроверженіе многими признаннаго факта. Первый—это убѣжденіе Чеченцевъ-старожиловъ что христіанами они никогда не были. Одинъ почтенный старикъ ручался мнѣ въ томъ болѣе чѣмъ за пять поколѣній. „Еще мальчикомъ я слышалъ отъ стараго дѣда что нашъ народъ никогда не былъ крещенымъ.“ Другая дряхлая старуха говорила что навѣрное прошло не менѣе 12ти поколѣній съ тѣхъ поръ какъ они приняли ученіе Магомета, до этого же времени, какъ она слышала отъ стариковъ, у нихъ вѣры не было вовсе, а люди дѣлали что̀ хотѣли. Въ преданіяхъ фамилій объ ихъ родоначальникахъ обыкновенно говорится что съ того времени прошло уже 8, 10, 12 поколѣній, но всегда предполагается что родичи были мусульманами. Если поколѣніемъ обозначить 25ти-лѣтній періодъ времени, а Чеченцы обозначаютъ больше, то получимъ отъ 200 до 300 лѣтъ, когда магометанство уже существовало въ народѣ. Многіе изъ народа не прочь пожалуй утверждать что ученіе аравійскаго пророка приняли здѣсь очень недавно, а до того не знали никакой опредѣленной религіи. Но ихъ свидѣтельство слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ что само магометанство окрѣпло и выяснилось въ народѣ только со времени появленія въ горахъ имамовъ (въ 1830 году). Имамы потребовали однообразнаго и строгаго исполненія обрядовъ; они ввели религіозное судопроизводство (шаріатъ), они утвердили насколько могли правила нравственности, проповѣдуемыя кораномъ. Это и послужило причиной народнаго мнѣнія будто мусульманство введено только съ началомъ ихъ господства. Другой аргументъ тотъ что сколько ни вникаешь въ народное міросозерцаніе Чеченцевъ, сколько ни присматриваешься къ ихъ жизни и обычаямъ, сколько не прислушиваешься къ ихъ мнѣніямъ и преданіямъ старины, нигдѣ и ни въ чемъ не находишь слѣдовъ христіанства. Такъ, разумѣется, не могло бы быть, еслибы Чеченцы хоть одно столѣтіе, хоть поверхностно исповѣдовали религію Христа. Въ чеченскихъ аулахъ можно пожалуй услышать увѣренія что народъ дѣйствительно былъ крещенъ до водворенія магометанства. Но свидѣтельство ничѣмъ не потверждается; къ тому же въ Чечнѣ и теперь еще считаютъ христіанство чѣмъ-то въ родѣ идолопоклонства, и потому многіе не прочь отождествлять свое прошлое язычество съ нашею вѣрой.

Трудно, конечно, произнести теперь рѣшительное мнѣніе по

этому вопросу. Свидѣтельства стариковъ могутъ быть ошибочны. Отсутствіе какихъ бы то ни было памятниковъ христіанства также можетъ-быть только кажущееся. Вопросъ еще требуетъ разработки. Во всякомъ случаѣ если уже дѣлать предположеніе, то я скорѣе склоненъ думать что магометанство принято Чеченцами по крайней мѣрѣ лѣтъ 300 или даже болѣе тому назадъ, хотя съ тѣхъ поръ до появленія имамовъ оно играло очень незначительную роль въ исторіи народа: его вовсе не понимали и относились къ нему съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, продолжая жить по обычаямъ и повѣрьямъ предковъ. Рядомъ съ нимъ, очень вѣроятно, шло и язычество что̀ вовсе никого не смущало. Съ другой стороны, есть вѣроятіе думать что въ то же время Чеченцы уже были знакомы и съ христіанствомъ, хотя исповѣдывало его очень ничтожное число фамилій. Христіанство могло быть внесено европейскими миссіонерами, но оно играло такую ничтожную роль и, вѣроятно, такъ мало привлекало симпатіи горцевъ что быстро и безъ борьбы стушевалось предъ исламомъ, какъ только онъ принялъ характеръ религіи народной.

III.

Читатель не забылъ конечно что переводчикъ молится. Тѣмъ временемъ познакомимся вкратцѣ съ его біографіей.

Ибрагимъ Джулуртіевъ принадлежитъ къ довольно распространенному типу Чеченцевъ. Большинство такихъ въ настоящее время занимаютъ самыя разнообразныя служебныя должности, отъ виднаго начальника до простаго переводчика или милиціонера и поглощаютъ знатную часть суммы расходуемой на администрацію народа. Основныя черты этого типа таятся въ зародышѣ во всей чеченской народности; нѣтъ Чеченца на которомъ бы не лежалъ ихъ отпечатокъ. Личности же подобныя Ибрагиму являются полнѣйшимъ и рельефнѣйшимъ ихъ выраженіемъ и, очень вѣроятно, получили эту полноту въ минувшую, безпокойную эпоху.

Ибрагимъ красивъ, солиденъ и ловко сидитъ на конѣ. Правильное, съ крупными чертами лицо покрыто какою-то маской, за которою нѣтъ никакой возможности проникнуть въ его мысли или чувства. Онъ будетъ надувать васъ, или намѣренно говорить правду, или съ нетерпѣніемъ что-

нибудь выпытывать, всегда съ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ въ лицѣ. Говоритъ онъ по-русски бойко, красно и нѣсколько напыщенно. Въ интонанціи его голоса всегда много видимаго чувства и какого-то драматическаго огня, нисколько впрочемъ не сердечнаго. Это ловкій ораторъ на какія угодно темы и за и противъ. Манера говорить торжественно и драматично вытекаетъ должно-быть изъ самаго характера чеченскаго языка, бѣднаго словами вообще и богатаго варіяціями однихъ и тѣхъ же словъ. Ходитъ онъ мѣрно и величественно, глядитъ холодно и одѣвается въ высшей степени безукоризненно. За то смѣхъ его иногда до того дѣйствительно добродушный, звучитъ такимъ дѣтскимъ весельемъ что въ такую минуту можно почувствовать къ нему живую симпатію. Чеченцы вообще смѣются хорошо и много. Малѣйшій намекъ на остроту, чуть оригинальная выходка или перифраза, иногда одно намѣреніе кого-нибудь посмѣшить остальныхъ уже достаточно чтобы заставить этихъ наивныхъ людей хохотать до упаду. Отъ мѣткой остроты не унимаются въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, и старики обыкновенно заливаются даже болѣе молодежи. Въ этомъ они удивительно схожи съ дѣтьми.

Прошлое Ибрагима я узналъ въ часы монотонныхъ переѣздовъ изъ одного аула въ другой. Съ Русскимъ онъ любитъ поговорить о себѣ и не упускать случая при этомъ хвастнуть ловко придуманными подвигами, или безцеремонно перенесенными съ другой личности на себя. Онъ бы разумѣется не сталъ мнѣ разказывать, еслибъ угадывалъ что его прошлое меня вовсе не очаровываетъ, а производитъ совсѣмъ противоположное ощущеніе; онъ бы не фантазировалъ, еслибы хоть на минуту допустилъ что я могу отличить ложь отъ истины. Но такова сила своеобразнаго умственнаго склада, исключительнаго пониманія хорошаго и дурнаго что даже такой умный, какъ мой толмачъ, несмотря на знакомство съ Русскими, былъ вполнѣ увѣренъ что своимъ прошлымъ возвышается въ моихъ глазахъ; а убѣжденіе что простодушный *урусъ*, по своей тупости, приметъ какую угодно фальшь за истину, давало ему смѣлость до роскоши развивать свои вымыслы. Нужно долго пожить между Чеченцами чтобъ узнать какого они низкаго мнѣнія и о нашихъ способностяхъ, и о нашихъ нравственныхъ качествахъ. Они глубоко убѣждены что мы глупы и простодушны. Многаго, яснаго для нихъ какъ

день, мы, по ихъ мнѣнію, вовсе не въ состояніи понять. Надуть насъ рѣшительно ничего не стоитъ. Въ частной и общественной жизни, мы все дѣлаемъ навыворотъ, наши сужденія о людяхъ всегда ошибочны, щедроты нашего начальства всегда сыплются на тѣхъ кто ихъ менѣе всего заслуживаетъ. И ничего-то мы не выдумали, а все перенимаемъ отъ другихъ, то съ Запада, то отъ мудрыхъ, сильныхъ и богатыхъ Турокъ, то наконецъ отъ нихъ же самихъ; напримѣръ платье и оружіе для казаковъ. И храбрость наша (Чеченъ, само собою разумѣется, храбрѣе всѣхъ людей въ свѣтѣ), болѣе чѣмъ сомнительна, и деремся мы безъ всякихъ разумныхъ пріемовъ. Солдатъ нашъ самое грязное и тупое существо. Начальство лучше, но и тутъ лишь очень немногими признаются достоинства настоящихъ джигитовъ. На всѣхъ же остальныхъ смотрятъ свысока, не исключая и лицъ вліятельныхъ. О лицахъ царской фамиліи и высшихъ сановникахъ имѣютъ, впрочемъ, какое-то мистическое представленіе, сходное съ представленіемъ нашего простонародья.

Любопытно ихъ дѣленіе Русскихъ на настоящихъ и не настоящихъ, къ которымъ относятъ Нѣмцевъ, Грузинъ, Армянъ и пр. Настоящій Русскій, въ этомъ они сильно убѣждены, человѣкъ въ высшей степени добрый, снисходительный, прямодушный и справедливый; настоящій Русскій никого никогда не обижаетъ, а напротивъ всѣмъ покровительствуетъ; онъ всегда богатъ и живетъ роскошно, не жалѣетъ копѣйки, за услуги платитъ щедро и зла никогда не помнитъ. И многое бы произошло на Кавказѣ не такъ, еслибы побольше поселили этихъ фантастическихъ Русскихъ, думаетъ Чеченецъ, но *пача* (царь) ими дорожитъ и не отпускаетъ ихъ отъ себя. Въ этомъ представленіи такъ много идеализаціи что трудно допустить чтобъ оно образовалось путемъ дѣйствительнаго знакомства съ подобными Русскими, хотя очень можетъ быть что нѣкоторыя краски заимствованы изъ жизни тѣхъ баричей что во время оно появлялись въ рядахъ Кавказской арміи. Оно является скорѣе протестомъ противъ служащихъ по народному правленію, которыхъ Чеченцы вообще не любятъ.

Вотъ что я узналъ о прошломъ Ибрагима Джупурчіева. Во время войны онъ принадлежалъ къ обѣимъ враждовавшимъ сторонамъ. И той, и другой оказывалъ неоцѣнимыя услуги, въ той и другой, то пріобрѣталъ довѣріе, то преслѣдовался

какъ измѣнникъ. Не разъ ему грозили и русская висилица, и Шамилевское „башка долой", но онъ всегда ловко увертывался отъ наказанія чтобы снова заслужить довѣріе, набить карманы нашимъ золотомъ и снова измѣнить. Много ихъ было тогда рыболововъ въ мутной водѣ. Продѣлки ихъ знали, но они были не замѣнимы, и ихъ терпѣли. Для этихъ людей, служившихъ только личной корысти, было рѣшительно все равно, какой ни случится исходъ войны, лишь бы война продолжалась. Въ критическую минуту Ибрагимъ безъ зазрѣнія совѣсти шелъ на одновѣрцевъ, отстаивая интересы Русскихъ, а на другой день пускалъ пули въ бывшихъ друзей. Закаленность его натуры удивительная; онъ могъ цѣлыя сутки не слѣзать съ коня, по цѣлымъ недѣлямъ довольствоваться сухимъ кускомъ чурека. Бурка укрывала его отъ непогоды, конь уносилъ отъ преслѣдованія, балка служила для укрывательства. По характеру онъ смѣлъ, дерзокъ, нахаленъ, хитеръ и изворотливъ. Онъ никого не любитъ; въ немъ не возбудишь сожалѣнія; но онъ умѣетъ долго и сильно ненавидѣть, а отомстить тогда когда обидчикъ всего менѣе ожидалъ этого. Себя вообще онъ считаетъ чрезвычайно умнымъ и смѣтливымъ, потому смотритъ на всѣхъ свысока и никогда ничему не удивляется. Если вы ему что-нибудь разказываете, онъ всегда склоненъ вамъ не вѣрить; если онъ задаетъ вамъ какой-нибудь невинный вопросъ, то ужь навѣрное со скрытною цѣлью; если что-нибудь сообщаетъ по секрету, то для того чтобы вызвать на откровенность, заставить проболтаться. Добро и зло для него вещи безразличныя. Личныя выгоды—критерій всѣхъ поступковъ. У него только двѣ страсти: къ деньгамъ и тщеславію. За деньги онъ продастъ себя, вынесетъ самое жестокое оскорбленіе, хоть и постарается отомстить за него, когда представится къ тому случай. Скряжничество отчасти общая черта Чеченцевъ, но въ такихъ личностяхъ оно дошло до столповъ безобразія. Имѣя тысячи, онъ плачется на бѣдность, всегда готовъ протянуть руку за ничтожною подачкой и склоненъ дрожать надъ копѣйкой. Какая-нибудь пяти-рублевка въ состояніи разжечь въ немъ кровожадные инстинкты. Бывали случаи когда солдатъ падалъ подъ ударомъ кинжала только потому что по неосторожности показалъ Чеченцу синенькую или красную депозитку. Тщеславіе Ибрагима выражается желаніемъ вездѣ быть первымъ, корчить изъ себя вліятельнаго и всезнающаго, давать наставленія и совѣ-

ты, служить предметомъ разговоровъ, удивлять и выслушивать похвалы. Тонкій діалектикъ и интриганъ въ душѣ, онъ какъ прежде, такъ и теперь дѣйствительно знаетъ все чѣмъ интересуется народъ. Примѣшивая къ этимъ знаніямъ собственные вымыслы и разъясняя все по своему усмотрѣнію онъ невольно заставляетъ себя слушать, и гордится если его словамъ даютъ вѣру, если къ нему начинаютъ обращаться за совѣтами. Любовь Чеченцевъ къ политикѣ вполнѣ удовлетворяется этими господами. Замѣчу что разговоры объ общественныхъ вопросахъ, о начальствѣ, о предполагаемыхъ реформахъ, о разныхъ политическихъ слухахъ и пр. составляютъ страсть этого народа. Чеченца хоть хлѣбомъ не корми, только подавай ему новостей подобнаго рода. Старшіе въ аулахъ считаютъ даже необходимымъ кое-что узнавать положительно.

Не всѣ, разумѣется, были такъ счастливы какъ Джулурчіевъ, не всѣ обладали нужною ловкостью и хитростью чтобы каждую минуту увертываться отъ бѣды. Нужно послушать самого Ибрагима, сколько діалектической тонкости, сколько безсовѣстныхъ навѣтовъ, сколько отчаянной отваги наконецъ нужно было чтобы выкарабкаться изъ критическаго положенія. И много же ихъ сложило свои буйныя головушки подъ ударами шамилевскихъ мюридовъ; попадались и на русскія веревки. Но такъ какъ они все-таки не были народною аномаліей, то большинство ихъ благополучно пережило свои удалые подвиги и, угадавъ исходъ войны, отдалось въ руки побѣдителей.

— За кого же ты дрался, Ибрагимъ? спросилъ я его однажды.—У насъ говорятъ что вы отстаивали свою независимость, вѣру. Но въ такомъ случаѣ странно что многіе изъ васъ служили то Русскимъ, то Шамилю.

Въ отвѣтъ онъ разказалъ мнѣ какую-то длинную и запутанную исторію о кровникахъ. Кого-то убилъ его отецъ. Братъ убитаго началъ преслѣдовать сына и для этого подговорилъ нѣсколькихъ однофамильцевъ подкараулить Ибрагима когда онъ поѣдетъ по извѣстной дорогѣ. Но Джулурчіевъ былъ хитрѣе своего врага и счастливо миновалъ засаду. Тогда снова его зачали выслѣживать и довели до того что онъ долженъ былъ ранить родственника Шамилевскаго наиба * и чрезъ

* Начальникъ нѣсколькихъ ауловъ.

это попалъ въ опалу. Единственный способъ избавиться отъ смерти—это было бѣжать въ русскій отрядъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Отрядный начальникъ, къ которому онъ явился какъ только пріѣхалъ въ укрѣпленіе, принялъ его довольно подозрительно, но это его нисколько не озадачило. Онъ тотчасъ испросилъ себѣ аудіенцію и сообщилъ очень важную новость. А когда оказалось что Ибрагимъ не солгалъ, то его еще продержали нѣсколько времени подъ надзоромъ, потомъ обласкали и приняли въ русскую службу.

— Ну, а дальше? Какъ же ты опять очутился у Шамиля?

— Русскимъ я служилъ вѣрно и много хорошаго для нихъ сдѣлалъ, пустился онъ восхвалять себя. Бывало призоветъ меня Б. „Ибрагимъ, ты долженъ сегодняшнею же ночью узнать куда такой-то наибъ хочетъ завтра направить свои силы и сколько всадниковъ съ нимъ будетъ приблизительно! На издержки возьми сто рублей, когда вернешься получишь въ два раза больше.„ Я вышелъ, сѣлъ на коня и черезъ пять минутъ уже далекъ отъ крѣпости. Встрѣчаются немирные: „ты кто такой?“—„Чеченецъ.“—„Куда ѣдешь?“—„Къ наибу такому-то.“—„Для чего?“—„Нужно ему передать очень важную новость.“—„А-а! Въ чемъ же дѣло?“—„Всего не могу сказать, одному наибу это должно быть извѣстно.“—„А вы знаете только что Б. хочетъ завтра, далеко раньше солнечнаго восхода, когда еще правовѣрные не совершатъ утренняго *намаза* (молитвы), направить два баталіона въ аулъ К. и раззорить его.“—„А джалѣ! собака! Покажись онъ только! Ужъ не пригрезилось ли ему что у насъ пороху мало, или шашки притупились объ ихъ поганыя головы, или кони всѣ передохли? Покажись! Отъ кого же ты это узналъ?“—„Меня послалъ поручикъ Х., что получаетъ деньги отъ урусовъ и служитъ намъ. *Марша-алва* (прощайте)“, и ѣдешь дальше. Случалось угадаютъ что изъ мирныхъ и тогда кинутся въ погоню за тобою. Но лошадь у меня была такая что во всей Чечнѣ такой не найдется. Только махнешь предъ нею плетью, и она уже летитъ какъ по воздуху, не разбирая ни кустовъ, ни канавокъ.... Вдругъ около самой головы прожужжитъ пуля, это значитъ чувствуютъ что не догонятъ, такъ стрѣляютъ. Отвѣтишь и самъ выстрѣломъ и мчишься дальше; а черезъ нѣсколько минутъ уже помахиваешь надъ головой папахой и дразнишь ихъ, и смѣешься въ отвѣтъ на ихъ ругань. Въ полночь привозишь къ Б. всѣ нужныя свѣдѣнія. А сколько разъ я служилъ проводникомъ, бы-

валъ лазутчикомъ, сколько разъ сообщалъ такіе секреты которыхъ ни отъ кого бы не узнали! Но вѣдь у Русскихъ все такъ! служишь, служишь имъ, а случилось что нечаянно навелъ баталіонъ на немирныхъ, укрывшихся въ балкѣ, за кустами, и накинулись на тебя. Забудутъ все что̀ сдѣлалъ прежде и съ послѣднимъ сравняютъ. Еще бы я стерпѣлъ? На кого же бы я походилъ тогда? и т. д.

Очень вѣроятно что Ибрагимъ вретъ и баталіонъ навелъ на засаду вовсе не нечаянно. Но не въ томъ дѣло. Для насъ важно то что всѣ Чеченцы этого типа оправдываютъ свое поведеніе подобными причинами. Одинъ, напримѣръ, бѣжалъ отъ кровника, другой напротивъ передался намъ съ цѣлью отомстить за кровь, третій измѣнилъ народному дѣлу потому что былъ обиженъ кѣмъ-нибудь изъ Шамилевскихъ начальниковъ, четвертый потому что самъ обидѣлся тѣмъ что предъ нимъ было оказано предпочтеніе другому, пятый рѣшился мстить за отнятое у его родственника имущество и пр. А если спрашиваешь тѣхъ которые сами играли видныя роли въ средѣ Шамилевскаго начальства, то въ отвѣтъ являются другія оправданія своего ренегатства, напримѣръ незаслуженное будто бы подозрѣніе въ сношеніяхъ съ Русскими, намѣреніе самого имама смѣстить съ занимаемаго поста вслѣдствіе несправедливыхъ навѣтовъ и пр. и пр. Какъ будто всѣхъ этихъ причинъ совершенно достаточно для такого громаднаго количества перебѣжчиковъ? Будто бойцы за народное дѣло, за свободу и религію могутъ такъ легко мѣнять свое знамя? Ясно что настоящую причину этого явленія слѣдуетъ искать не въ мелкихъ передрягахъ кровниковъ, а гораздо глубже. За что̀ дрались Чеченцы? Говорятъ будто за религію и независимость. Но первая причина приложима только къ отдѣльнымъ фанатичнымъ личностямъ, народъ же, какъ я уже замѣтилъ прежде, удовлетворяется одною внѣшнею обрядностью. Религія не могла его заставить жертвовать своею кровью. Минутное увлеченіе горячею проповѣдью имама и его муллъ могло поджечь его только на время, а не обратить въ страстнаго и неутомимаго бойца. Если и мѣняютъ настоящее благосостояніе на загробное блаженство, то люди глубоко религіозные, имѣющіе иногда неправильное, но всегда ясное представленіе и о религіозномъ идеалѣ, и о будущей жизни, но вовсе не безсмысленные исполнители мертвыхъ формъ. Вторая причина также неосновательна. Шамилевскій деспо-

тизмъ никакъ нельзя назвать народною независимостью. Эта анархія, въ которой не было ни суда, ни правды, эти безъапелляціонныя права сильнаго надъ слабымъ, богатаго надъ бѣднымъ, этотъ повальный грабежъ и насиліе,—и на вершинѣ всѣхъ разнузданныхъ страстей безпощадный деспотизмъ, гнувшій все въ дугу во имя отвлеченныхъ цѣлей и давившій народъ въ пользу своихъ пособниковъ. Во всемъ этомъ нѣтъ и тѣни народной независимости. Чеченцы даже могли думать, а многіе навѣрное думали что имъ будетъ лучше подъ нашею властью. Жили же они полупокорно до 40 года и не могли пожаловаться на посягательство со стороны Русскихъ на ихъ права, или на стѣснительное вмѣшательство въ ихъ домашніе распорядки. Укрѣпляло въ этомъ убѣжденіи и ошибочное понятіе о насъ, напримѣръ хоть то что у Русскаго Царя денегъ гибель и онъ не скупится въ ихъ раздачѣ тому кто ему служитъ, тогда какъ Шамиль и самъ жилъ на ихъ счетъ. Правда, большинство чуяло что будетъ что-то другое, что многое перемѣнится и передѣлается; оно побаивалось за отдаленное будущее, но страхъ все-таки былъ туманный, никѣмъ не сознанный и потому не глубокій и безсильный. Безъ боязни ошибиться, я утверждаю что 3/4 Чеченцевъ не пробовали даже объяснить себѣ для чего они дерутся. Они ничего не отстаивали, ничего отдаленнаго не искали, а дрались изъ любви къ самому процессу драки, любви, взлелеянной въ нихъ всею прошлою народною жизнію. Это было ихъ настоящее дѣло и другаго они не знали; тутъ была вся живая струя ихъ жизни, скованной мертвою обрядностью внѣ этой струи. Прежде они дрались съ сосѣдними племенами и между собою, потомъ страстно отдались борьбѣ съ Русскими; теперь народъ въ лихорадочномъ состояніи именно потому что этого настоящаго дѣла у него нѣтъ. Война съ ея поэзіей и матеріальными благами была и цѣлью и средствомъ для сильнаго, страстнаго и въ то же время неразвитаго, незнакомаго съ наслажденіемъ въ трудѣ и умственно подавленнаго Чеченца. Азартная игра, сильныя и разнообразныя впечатлѣнія, опасности и лихорадочная торопливость дѣйствій—все вмѣстѣ давало исходъ всѣмъ силамъ его богатой натуры. Подъ вліяніемъ войны составился и идеалъ Чеченца. Авантюристъ, ловкій наѣздникъ, мѣткій стрѣлокъ, хвастунъ, задирала и хитрецъ—вотъ главныя качества этого идеала. Къ нему обращались помыслы всѣхъ; его воспѣвали въ пѣсняхъ; рапсоды разказывали объ

немъ удивительныя сказки, муллы пророчествовали ему райское блаженство.... Съ другой стороны, военная добыча составляла главный и неизсякаемый источникъ богатства. Чеченцы, какъ замѣчено прежде, любятъ деньги; но вся ихъ прошлая жизнь вовсе не пріучила ихъ къ кропотливой наживѣ. Для пріобрѣтеній они знали, а главное любили только два способа—грабежъ и хитрость. А гдѣ же они могли быть болѣе приложимыми какъ не въ войнѣ съ Русскими, когда случалось однимъ-двумя подвигами обезпечивать себя надолго, иногда на всю жизнь, или когда стоило подслужиться на время своему врагу и получить за это видную кучку золотыхъ?

Что дѣйствительно такъ слѣдуетъ смотрѣть на прошлую борьбу этого народа, что дѣйствительно независимость, религія, ненависть къ намъ, какъ причины, играли далеко второстепенную роль, были маленькими лодочками, привязанными къ большому кораблю своеобразнаго жизненнаго склада Горцевъ, — доказываетъ, между прочимъ, и многочисленность Ибрагимовъ, и легкая подкупность Чеченцевъ вообще. Съ другой стороны, отсутствіе той общественной ненависти къ перебѣжчикамъ, которая бы непремѣнно обрушилась на нихъ, еслибы народъ боролся во имя ясно сознанной цѣли, еслибы онъ смотрѣлъ на войну какъ на диссонансъ въ гармоніи вседневной жизни и торопился бы его уничтожить, а не какъ на органическое и постоянное дѣло. Когда девизъ „война для войны" объясняетъ собою всю сущность, тогда понятны и перебѣжчики изъ одного лагеря въ другой и полная терпимость къ нимъ. Ненавидятъ въ такихъ случаяхъ только миротворцевъ и трусовъ.

По замиреніи Кавказа, обстоятельства народной жизни измѣнились. Личности подобныя Ибрагиму кинулись на государственную службу; домашнее хозяйство ихъ не удовлетворяетъ; въ аулахъ не сидится. И теперь, какъ прежде, они жаждутъ интригъ, общественнаго вліянія. Многіе изъ нихъ занимаютъ довольно видные посты; другіе втираются хоть въ переводчики, хоть въ милиціонеры, чтобы все-таки вертѣться въ служебномъ кругу. По натурѣ они, разумѣется, все тѣ же и попрежнему служатъ только себѣ. Но форма ихъ дѣятельности измѣнилась; они уже не свободные художники по части интригъ и добыванія копѣйки, а служители ясно формированной программы. Теперь они не противорѣчатъ себѣ на каждомъ шагу, не дѣйствуютъ только по вдохновенію минуты, а

строго слѣдують по одному пути—пути чиновъ и денегъ. Замѣчательно наивное нахальство, съ которымъ они выражаютъ свои требованія: „я не бунтуюсь, народъ не возмущаю, даже ношу русскіе погончики, чего же больше? Развѣ это не одолженіе „урусамъ" которое должно оплачиваться золотомъ", думаетъ и говоритъ каждый Ибрагимъ. Чтобы достигнуть своихъ завѣтныхъ цѣлей, то-есть какъ можно выше стать въ іерархической лѣстницѣ и полнѣе набить свои карманы, они дали широкій ходъ хитрости и низкопоклонству. Видимому подобострастію ихъ нѣтъ границъ. Посмотрите на такого Чеченца около начальства. Въ лицѣ выраженіе преданности и всегдашней готовности къ услугамъ; въ рѣчи смиреніе, заискиваніе и лесть, самая грубая, самая неотесанная лесть. Положимъ что какой-нибудь изъ Ибрагимовъ разказываетъ вамъ недавній случай и самъ хорошо знаетъ что вы слышите объ этомъ въ первый разъ. Но стóитъ вамъ, если вы начальникъ, такъ себѣ сказать что это молъ я знаю, и онъ тотчасъ поспѣшитъ прибавить что вы напрасно ему объ этомъ напомнили: развѣ онъ сомнѣвается въ томъ что вамъ рѣшительно все извѣстно въ десять разъ больше, чѣмъ ему, разкащику.—Ну, братъ, меня не проведешь, замѣчаете вы въ другомъ случаѣ. „*Бахъ-ду, бахъ-ду*! (правда, правда)", восклицаетъ онъ радостно, будто ваши слова какъ разъ совпали съ его сокровенными мыслями. Въ переводѣ на русскій языкъ это значитъ: еще не родился тотъ смѣльчакъ который бы сумѣлъ, или рѣшился тебя надуть. „Чтò, народъ доволенъ моимъ распоряженіемъ?" спрашиваете вы его въ третьемъ случаѣ. „Какже, доволенъ, разумѣется доволенъ.... Народъ глупъ и не понимаетъ что если вы уже чтò сдѣлали, такъ хорошо.—А мы всѣ чтò же противъ васъ?...." и проч. Низкопоклонничаютъ даже предъ очень незначительными русскими чиновниками. Ничего что мелкая пташка, авось пригодится! И потому довольно чиновный и въ лѣтахъ иной Ибрагимъ кидается къ вашему сѣдлу, когда вы хотите слѣзать съ лошади, подбѣгаетъ къ вамъ, когда вы намѣрены снять сапогъ и проч. Безобразнѣе всего то что эта манера держать себя предъ Русскими входитъ въ моду. Иной солидный и гордый Чеченецъ дѣлаетъ это скрѣпя сердце, думая вѣроятно что у насъ только такими выходками низкопоклонства и выслуживаются.

Боюсь что меня обвинятъ въ перетолковываніи народнаго

обычая, по которому хозяинъ спѣшитъ оказывать всякія услуги гостю. Но вопервыхъ, относительно насъ очень много обычаевъ такого же характера другими Чеченцами вовсе не соблюдается, вовторыхъ, Ибрагимы уже сильно пересаливаютъ.

Совершенно иначе держатся эти Чеченцы предъ своими. Каждый изъ нихъ прежде всего старается внушить что онъ не только знаетъ все предпринимаемое начальствомъ, но пользуется довѣріемъ и вліяніемъ; безъ его совѣта часто ничего не предпринимаютъ, его слушаются, его предостереженіямъ даютъ громадный вѣсъ; кто-нибудь ужь навѣрное только его умомъ и живетъ. Изъ важныхъ чиновниковъ хоть одинъ да считается его закадычнымъ другомъ. Если простой, не чиновный и не служащій Чеченецъ въ чемъ-нибудь нуждается— обращайся къ нему: онъ всегда сумѣетъ помочь, если этого захочетъ. Воръ бѣги подъ его защиту; кто подрался—бѣги въ его саклю: онъ оградитъ отъ законнаго взысканія. Мнѣ случалось видѣть какъ очень не вліятельный чиновникъ-туземецъ пресеріозно принималъ жалобы отъ своихъ единовѣрцевъ: „хорошо, постараюсь сдѣлать, доложу объ этомъ высшему начальству", многозначительно произносили его уста. Мой Ибрагимъ, напримѣръ, во время нашихъ поѣздокъ, сумѣлъ поставить себя на такую высокую ногу, что ко мнѣ никто и не обращается уже съ разспросами о цѣли нашихъ разъѣздовъ, а спрашиваютъ его; и по нѣкоторымъ знакомымъ мнѣ словамъ и часто повторяющимся „полковникъ, командующій войсками," я угадываю что толмачъ не упускаетъ случая пустить пыль въ глаза слушателямъ. (Замѣчу, что я держусь съ Ибрагимомъ крайне просто; да и служебныя его обстоятельства такъ мало зависятъ отъ меня, что онъ давно уже третируетъ меня какъ ничтожество.)

Не подумайте что люди этого типа стараются казаться больше, важнѣе только изъ любви къ искусству; нѣтъ, они себѣ на умѣ. Этимъ путемъ они пріобрѣтаютъ популярность, дѣлаются дѣйствительно вліятельными лицами. У нихъ являются приверженцы, составляется свой лагерь. Ловкими намеками на свое іезуитское отношеніе къ Русскимъ, на неискренность и недоброжелательство къ намъ, и громкими въ то же время возгласами о своей приверженности къ народнымъ интересамъ они эксплуатируютъ довѣріе своего племени. Къ нимъ обращаются за разъясненіемъ разныхъ недоразумѣній;

воры и всѣ безпокойныя головы дѣйствительно прибѣгаютъ подъ ихъ покровительство: отъ этого у нихъ въ рукахъ частенько бываетъ нить всевозможныхъ преступленій. Они, впрочемъ оченъ секретно, становятся нерѣдко центрами недовольныхъ партій и направляютъ ихъ именно въ ту сторону гдѣ усматриваются препятствія для достиженія личныхъ цѣлей. Разнесется ли по ауламъ слухъ о неблагопріятныхъ для народа административныхъ проектахъ, возбудится ли нелѣпая надежда, усилится ли глухой ропотъ, явится ли злостная эпиграмма на прикосновеннаго къ нимъ русскаго чиновника, все это въ большинствѣ случаевъ раждается прежде въ ихъ головахъ. Не хочется, напримѣръ, Ибрагимамъ видѣть въ Чечнѣ наибовъ изъ Русскихъ, и вотъ въ народѣ разносится слухъ о какихъ-то темныхъ намѣреніяхъ правительства уничтожить туземныхъ чиновниковъ. Какъ-то смѣнили одного Чеченца-наиба. И пошли у него вечернія угощенія.—Ворота открылись настежъ, въѣзжай кто нашъ! Баранъ за бараномъ падали подъ ножами его сыновей; водка полилась,—и заговорили, зашушукали гости. О чемъ? я тамъ не былъ, да едва ли бы и понялъ что-нибудь, только увѣренъ что спичи произносились не во славу русскаго управленія краемъ....

Между собою люди этого типа живутъ въ постоянной враждѣ и вѣчно подкапываются одинъ подъ другаго, разумѣется тайно, потому что открыто они не ссорятся и не дружатся особенно; китайскія церемоніи и пресловутое гостепріимство строго соблюдаются обѣими сторонами. Въ своихъ семействахъ Ибрагимы по большей части страшные деспоты. Начиная съ любимѣйшихъ женъ и кончая послѣдними работницами, если таковыя имѣются, они на всѣхъ смотрятъ какъ на вещи, созданныя удовлетворять ихъ нужды и прихоти, и всѣхъ гнутъ въ дугу. Случается что у такого господина десятки тысячъ хранятся въ сундукахъ, а семейство все-таки держится въ черномъ тѣлѣ; *бепикъ* (кукурузный хлѣбъ) съ сыромъ и грязное оборванное платье, и вѣчные копѣечные труды также гнетутъ его домочадцевъ, какъ въ семействахъ послѣднихъ бѣдняковъ.

IV.

Годъ тому назадъ мнѣ случилось имѣть еще дѣло съ однимъ Чеченцемъ-чиновникомъ Ибрагимовскаго типа. Бей-Султанъ Мулатіевъ, поручикъ въ отставкѣ, уже нѣсколько лѣтъ какъ

оставилъ службу и поселился въ своемъ аулѣ, посреди многочисленнаго потомства. Бей-Султанъ старъ, но выглядитъ бодро не по лѣтамъ и на дняхъ опять женился на очень молоденькой дѣвушкѣ, 6й въ спискѣ его женъ. Всѣхъ дѣтей у него человѣкъ 5 мущинъ и кажется 4 дочери. Старшіе уже давно поженились, или повышли замужъ, а сладострастный старикъ, которому уже перевалило за шестой десятокъ, все не разстается съ амурными наклонностями. Мулатіевъ низенькаго роста, плотный, плечистый, не полный и сырой комплекціи. Сморщенное красное лицо чрезвычайно подвижно; оно способно поминутно выражать то злобу, то хитрость, то преданность, или подловатое заискиваніе, только серіозность, обыкновенная серіозность къ нему нейдетъ; въ этомъ случаѣ оно дѣлается чрезвычайно комичнымъ и возбуждаетъ смѣхъ, какъ лицо ребенка которому захотѣлось бы покорчить взрослаго. Бей-Султанъ богатъ и по слухамъ имѣетъ не одну тысячу въ желѣзной шкатулкѣ; хозяйство у него большое: тысячи двѣ баранты, десятки рогатаго скота и лошадей, виноградный садъ, земля, и ко всему этому порядочная пенсія; но живетъ онъ, разумѣется, по свински, скряжничаетъ безбожно, и готовъ лучше лишиться любимѣйшей жены, чѣмъ пожертвовать для нея лишнею тряпкой.

Дѣло по которому я къ нему пріѣхалъ было служебное. Исполнить его я долженъ былъ и могъ только по буквѣ предписанія, безъ всякихъ какихъ бы то ни было соглашеній, измѣненій или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Мулатіевъ обо всемъ былъ извѣщенъ заранѣе и отлично зналъ чѣмъ оно кончится, что кончится не въ его пользу. Но когда я въѣхалъ къ нему на дворъ, онъ съ удивительною легкостію выскочилъ ко мнѣ на встрѣчу и принялъ чуть не съ распростертыми объятіями, будто я Богъ-вѣсть какую радость привезъ къ нему въ домъ. Меня тотчасъ ввели въ чисто, даже роскошно убранную саклю и окружили всевозможными удобствами: на кровать постлали новенькіе ковры и набросали груду пуховыхъ подушекъ, принесли откуда-то русскій стулъ, подали умыться и проч. Въ то же время на дворѣ поднялась суматоха: однѣ изъ женъ хозяина вытаскивали изъ кладовыхъ самоваръ, отыскивали между хламомъ въ сундукахъ чай, сахаръ, другіе затапливали каминъ для приготовленія закуски. Самъ хозяинъ то выбѣгалъ изъ сакли и громко и многозначительно, какъ офицеръ предъ солдатами, командовалъ до-

машнимъ штатомъ, то возвращался ко мнѣ и съ лукавымъ заискиваніемъ спрашивалъ: не нужно ли чего, не чувствую ли себя хуже, чѣмъ дома, извинялся, безпокоился, корчилъ изъ себя потерявшаго голову, въ такомъ экстренномъ случаѣ, и опять убѣгалъ на дворъ.

— Зарѣзать къ вечеру барана для гостя? послышался во дворѣ голосъ молодаго человѣка, вѣроятно сына старика.

— Зачѣмъ? вспылилъ отецъ.—Вѣдь есть еще остатки того что̀ былъ зарѣзанъ недѣлю тому назадъ! И съ этимъ обойдемся!

Молодой человѣкъ сталъ уходить.

— Башко! позвалъ его отецъ обратно. Ну ужь нечего дѣлать, ступай въ баранту, выбери одного похуже и принеси. Опять теперь разоряйся чортъ знаетъ для кого? произнесъ онъ про себя даже какъ-то болѣзненно.

Чеченцы, при всей своей скупости, все-таки не считаютъ возможнымъ отпустить отъ себя мало-мальски значительнаго гостя безъ угощенія обычнымъ блюдомъ. Если у хозяина своихъ барановъ нѣтъ, онъ безъ всякихъ колебаній покупаетъ у сосѣдей на чистыя деньги. Остатками прошлаго рѣзанья, даже свѣжими угощаютъ очень рѣдко, потому что этимъ нарушается обычай. Сущность его заключается главнымъ образомъ въ почетѣ, который выражается рѣзаньемъ и подаваніемъ на блюдѣ всего барана. Колебаніе Мулатіева, обладателя двухъ тысячъ овецъ, весьма характерная черта скупости.

Когда все было устроено, Бей-Султанъ вернулся въ саклю и повелъ разговоръ издалека. Съ разспросовъ о грозненскихъ новостяхъ постепенно перешелъ къ разказу о своемъ прошломъ вліяніи въ краѣ, о своихъ заслугахъ, о своей дружбѣ съ разными знатными лицами, о томъ что его всѣ знаютъ и всегда съ готовностью удовлетворятъ всѣ его просьбы; хвастнулъ измышленнымъ первенствомъ своей фамиліи въ народѣ, и затѣмъ уже, будто такъ между прочимъ, прибавилъ вопросъ: какъ я намѣренъ поступить въ порученномъ мнѣ дѣлѣ? Я отвѣтилъ что, разумѣется, не отступлю отъ даннаго мнѣ предписанія.

— Ну, да! Я очень радъ что мы съ вами думаемъ совершенно одинаково, подхватилъ онъ любезно. — На что-нибудь незаконное я тоже никогда не соглашусь. Сдѣлайте только такъ чтобъ я не имѣлъ причины оставаться недовольнымъ

вами, продолжалъ онъ въ томъ же тонѣ, будто не замѣчая противорѣчія въ своихъ словахъ, — не обидьте меня, не лишите того что̀ я такъ давно уже считаю своимъ, и все будетъ хорошо, и мы разстанемся съ вами друзьями.

— Ну, обидѣть васъ я не могу, какъ не могу и наградить, возразилъ я. — Вотъ посмотрите мое предписаніе: какъ въ немъ сказано, такъ и сдѣлаю. Я подалъ ему бумагу.

— Нѣтъ, что̀ вы! Развѣ я вамъ не вѣрю что ли? Я только говорю что дѣло мы навѣрное обдѣлаемъ какъ слѣдуетъ. Зачѣмъ вамъ идти противъ меня? Зла я вамъ никакого не сдѣлалъ, мы даже не были знакомы до сихъ поръ, а что̀ до добра, то будьте увѣрены что я добра не забываю. Да, какъ слѣдуетъ его кончимъ.

— Разумѣется, какъ слѣдуетъ.

Помолчали.

— Теперь вы вотъ пріѣхали, и кончите все, повѣрять васъ, я знаю, не будутъ. Какъ рѣшите, такъ ужь и останется навсегда, только бы я былъ во всемъ согласенъ, продолжалъ онъ твердить съ какимъ-то затаеннымъ намѣреніемъ.—Не правда ли, вы не обидите меня? А я, если угодно, ничего не пожалѣю.

— Да оставьте пожалуста! Намъ кажется и переговариваться не о чемъ. Я изложилъ предъ нимъ подробно все дѣло и разъяснилъ какъ обязанъ рѣшить его.

Онъ вдругъ скорчилъ преглупѣйшую мину удивленія.

— Нѣтъ, что̀ вы! Вы должно-быть не поняли что̀ у васъ тамъ написано; совсѣмъ не то и говорите; прочтите пожалуста хорошенько. Глаза его лукаво забѣгали. — Или можетъ быть въ вашей бумагѣ ошибка сдѣлана, вѣдь это бываетъ. А вотъ лучше послушайте, я разкажу вамъ всю правду.

И онъ передалъ мнѣ исторію по поводу которой я пріѣхалъ, такъ своеобразно пелѣло и пришелъ въ заключеніе къ такимъ ловкимъ выводамъ, что мнѣ ничего больше не оставалось сдѣлать какъ засмѣяться.

Старика это кольнуло, но онъ сдержался.

— Ну чего же еще? Сейчасъ видно что вы хорошій человѣкъ, поразилъ онъ меня ловкостью своей тактики.—Я такого и просилъ у начальства. Еще бы съ вами да не отлично покончить дѣло? Вижу что мы останемся довольны другъ другомъ.

— Перестаньте же напирать на какое-то „будемъ довольны“. Что̀ мнѣ до этого за дѣло? Тому что̀ вы мнѣ сейчасъ разка-

зывали я ни на волосъ не вѣрю, да и надобности не имѣю вѣрить, а сдѣлаю такъ какъ передалъ вамъ нѣсколько минутъ тому назадъ. Понравится вамъ это или нѣтъ—мнѣ все равно.

— Ну, вотъ! И всѣ вы Русскіе такіе. Только перешагнулъ порогъ чужаго дома и уже ссориться. Что же, развѣ я самъ не служилъ Государю Императору, или послѣднимъ былъ между всѣми? заговорилъ онъ въ комически-серіозномъ, даже важномъ тонѣ. — Васъ прислали удовлетворить меня, такъ порѣшить дѣло чтобъ я не безпокоилъ начальство и самъ не безпокоился на старости лѣтъ, а вы мнѣ говорите какъ-то тамъ по-свойски, въ чемъ я вовсе ничего не понимаю. Вы пожалуста не подумайте что я пѣшка и вотъ такъ и поддамся! хорохорился онъ все больше и больше.—Я найду дорогу не въ Грозную только, но и въ Тифлисъ. Бей-Султана знаютъ и не обидятъ за его заслуги, не оставятъ безъ куска хлѣба.

Потомъ старикъ понизилъ голосъ и съ выраженіемъ ехидной догадливости на лицѣ прибавилъ:

— Васъ навѣрное подговорили обидѣть меня, но я не поддамся. Не на такого напали!

Закуска избавила меня отъ слушанія дальнѣйшихъ глупостей. Такъ какъ Бей-Султанъ уже обѣдалъ, то онъ вышелъ теперь совершить намазъ. Я послѣ закуски легъ отдохнуть, и потому до вечера мы уже не видѣлись съ нимъ больше.

Часовъ въ шесть, когда я всталъ, ко мнѣ явился старшій сынъ Мулатіева, мущина лѣтъ тридцати пяти, лицомъ удивительно похожій на отца и тоже объяснявшійся по-русски. Онъ совершенно неумѣстно началъ предлагать мнѣ свои услуги: „Не нужно ли воды, не желаю ли прогуляться, можетъ-быть любопытствую посмотрѣть на ихъ садъ или хочу выйти на рѣчку?“ Всѣ эти предложенія дѣлались съ приторною угодливостью и пересыпались намеками что хорошихъ людей обижать грѣхъ, что напрасно я думаю что за сдѣланное добро они не вознаградятъ меня по силамъ. „Отецъ нашъ можетъ-быть что и лишнее сказалъ, такъ это по простотѣ, но онъ дѣйствительно можетъ многое сдѣлать“ и пр. Словомъ, все тѣ же подступы къ моей бѣдной совѣсти и то же посягательство на мое терпѣніе. Однако этимъ не кончилось, какъ и слѣдовало ожидать. Черезъ часъ ко мнѣ пожаловалъ и старикъ, съ трубкой въ зубахъ. Въ манерахъ и рѣчи опять явилась приторная сладость, въ движеніяхъ подходцы кота. Онъ любезно освѣдомился хорошо ли мнѣ у него и съ коварною

печалью пожалѣлъ что не можетъ меня угостить какъ бы ему этого хотѣлось: даже кахетинскаго у него нѣтъ въ домѣ, не то что портеру или винъ подороже, къ которымъ, онъ знаетъ, мы будто бы такъ привыкли. Кстати вспомнилъ что когда-то и самъ пилъ шампанское у высокопоставленныхъ лицъ. Затѣмъ какъ-то незамѣтно перешелъ къ воспоминаніямъ прошлаго и увлекся.... На дворѣ уже была ночь. Въ саклю принесли сальную самодѣльную свѣчку и прилѣпили къ камину. Слабое мерцаніе вонючаго огарка едва освѣщало нашу комнату, увѣшанную разнообразнымъ оружіемъ, между которымъ самое видное мѣсто занималъ великолѣпный кинжалъ, усыпанный каменьями: подарокъ за измѣну. Красное лицо старика какъ-то расплывалось въ полутуманѣ и только маленькіе, кошачьяго цвѣта глаза какъ угольки блестѣли изъ-подъ сѣрыхъ бровей. Бей-Султанъ говорилъ, и предо мной постепенно обрисовывалась эта дѣйствительно интересная личность. Узналъ я что онъ былъ какимъ-то начальникомъ въ горахъ, и что народъ его боялся какъ огня, что много чеченскихъ головъ слетѣло по его прихотливому приказанію. „За одно куренье“, и онъ указалъ на дымившуюся трубку, „за одно куренье табаку сколько мнѣ привелось лоотнимать имуществъ или убивать—всѣхъ не сосчитаешь! Время было такое.“ Узналъ я что этотъ жестокій самодуръ, срубая головы единовѣрцевъ именемъ Шамиля, въ то же время интриговалъ противъ своего имама, переписывался съ русскимъ начальствомъ и за деньги исполнялъ все что отъ него требовали; много я узналъ подлаго, жестокаго и мерзкаго объ этой личности, которой хотѣлось доказать что я имѣю дѣло не съ простымъ Чеченцемъ, а съ человѣкомъ важнымъ, заслуженнымъ. Разказывалось все очень хвастливо, и только закончилось безсмысленною претензіей на Русскихъ что они плохо вознаграждаютъ такіе доблестные подвиги....

— Завтра же мы примемся за дѣло для котораго я пріѣхалъ, прервалъ я его сѣтованіе на нашу неблагодарность.—Нужно все приготовить.

— Будетъ все, не безпокойтесь, отвѣтилъ онъ мнѣ въ томъ тонѣ съ какимъ встрѣтилъ при пріѣздѣ.—Что нужно все говорите, хоть бы и дорого стоило, я добуду непремѣнно.

— Кромѣ законнаго я ничего отъ васъ не требую, отвѣтилъ я равнодушно.

— Ну что жь! Еслибы и не законное? Развѣ мы уже не пріятели?

Сынъ старика куда-то вышелъ.

— Вотъ что, извините меня что не знаю какъ васъ звать, заговорилъ Мулатіевъ заискивающимъ голосомъ,—вамъ, какъ замѣтилъ, понравились часы что висятъ вонъ на стѣнкѣ: возьмите пожалуста ихъ себѣ на память. Я отъ этого не обѣдняю, вы знаете; а вещица хорошенькая—можете посмотрѣть. Денегъ не предлагаю, знаю откажетесь, а это отчего же?

— Ну, мы съ вами еще не такъ хорошо покуначились чтобъ я могъ принять отъ васъ подарокъ, да и вамъ нѣтъ причины предлагать его мнѣ. Изъ своихъ вещей я ни одною не пожертвую въ замѣнъ вашихъ часовъ.

Это намекъ на сильно распространенный въ Чечнѣ обычай мѣняться вещами. Мѣняются оружіемъ, папахами, бурками, изрѣдка лошадьми и даже черкесками съ плечъ. Есть артисты которые отлично спекулируютъ на этотъ счетъ. Пріѣдетъ къ кому-нибудь вечеромъ, переночуетъ, а утромъ предъ отъѣздомъ довольно нахально заявляетъ что ему понравился, ну хоть, кинжалъ хозяина. Дѣлать нечего, приходится распоясаться и передать кинжалъ гостю, который тотчасъ замѣняетъ его своимъ. Одинъ кинжалъ можетъ-быть весь въ серебрѣ, а у другаго и ножны безъ кожи, одно дерево. Чаще впрочемъ берутъ не навсегда, а только на время, но результатъ все тотъ же. Считается за величайшій стыдъ пойти къ бывшему гостю и потребовать свою вещь назадъ. Что до папахъ, такъ онѣ такъ часто мѣняются что у иного въ годъ ихъ перебываетъ четыре-пять штукъ и всѣ различныхъ цѣнностей.

Обыкновеніе мѣнятся вещами въ знакъ куначества существуетъ и между русскими кавказцами, только далеко не съ тѣмъ характеромъ. Здѣсь уже требуется кромѣ полнаго обоюднаго согласія и извѣстная степень дружественныхъ отношеній, которыми мѣна и обусловливается. Въ этомъ смыслѣ и отвѣтилъ я Мулатіеву.

— Нѣтъ, мнѣ вашей вещи не нужно, вы только мою возьмите себѣ на память, продолжалъ настаивать Бей-Султанъ;— она вамъ пригодится.

— Оставьте.

— Ну, да возьмите же, обѣщайте взять!

— Вы меня ей-Богу смѣшите.

— Ахъ, Боже мой! Что же мнѣ съ вами дѣлать послѣ этого?

на лицѣ его выразились безпомощность и нетерпѣніе. — Можетъ-быть вы думаете что я васъ надуваю и послѣ не отдамъ часовъ, такъ возьмите ихъ сейчасъ. Дрожащими руками онъ снялъ съ гвоздочка золотые часики и подалъ ихъ мнѣ.

— Однако вѣдь это изъ рукъ вонъ! сталъ я выходить изъ терпѣнія.—Поймите же меня наконецъ. Что́ вамъ отъ меня нужно? Чтобъ я кончилъ дѣло по вашему желанію? Такъ вамъ уже сказано что я не могу и никогда не соглашусь хоть на волосъ отступить объ буквы предписанія. Вы знали съ чѣмъ командируютъ къ вамъ чиновника, ну и хлопотали бы объ измѣненіяхъ тамъ, у тѣхъ кто такъ порѣшилъ, а не у меня, исполнителя этого рѣшенія.

Мулатіевъ вскочилъ съ постели и нетерпѣливо сталъ шагать по комнатѣ. На лицѣ его выражалась безсильная злоба. Его поразила монотонность моихъ отвѣтовъ, въ которыхъ не слышалось ни одного звука похожаго на склонность къ компромису или хоть на активное участіе въ рѣшеніи вопроса. Я должно-быть показался ему какою-то машиной, камнемъ, а не живымъ существомъ съ обыкновенными страстями. Безхарактерный Чеченецъ чувствовалъ себя безпомощнымъ въ борьбѣ съ автоматомъ.

— Послушайте, началъ Бей-Султанъ снова,—я.... я не позволю вамъ приступить къ работѣ! Завтра же поѣду въ Грозную и буду просить чтобы ко мнѣ прислали другаго чиновника.

— Какъ вамъ угодно!

— Что̀ вы такое въ самомъ дѣлѣ? крикнулъ онъ раздраженно.—Пріѣхалъ въ чужой домъ и командуетъ какъ въ своемъ собственномъ! Что̀ я вамъ за слуга такой дался? Я капитанъ, я почетный старикъ въ народѣ, я....

Долго еще бурчалъ Мулатіевъ. Чего только онъ мнѣ не говорилъ въ этотъ вечеръ и какихъ только переходовъ онъ не дѣлалъ въ своей рѣчи! То льстилъ, умолялъ, унижался, то грозилъ и поднимался на ходули чтобы поразить меня своимъ величіемъ. Были минуты когда онъ темно намекалъ мнѣ что я могу быть въ опасности или что ему ничего не сто́итъ оклеветать меня заявленіемъ что я просилъ у него подарокъ и проч. Съ моими насмѣшками надъ его выходками онъ распоряжался какъ полный хозяинъ. Когда нужно было, пропускалъ ихъ мимо ушей или придавалъ имъ совершенно обратный смыслъ, въ минуту же озлобленія становился, напротивъ, до того обидчивъ что въ самомъ обыкновенномъ словѣ находилъ

намѣреніе оскорбить его достоинство. Словомъ, онъ умѣлъ играть свою роль, играть естественно, просто, потому что свыкся съ нею чуть ли не съ дѣтства.

— Ну, скажите что вамъ нравится изъ моихъ вещей? Выбирайте сами! или чего вы хотите? Можетъ-быть денегъ вамъ дать, заговорилъ онъ въ заключеніе мягкимъ, гадливымъ голосомъ, заглядывая мнѣ въ лицо, какъ ласковая сабака въ лицо своего хозяина. — Можетъ-быть боитесь что донесу послѣ? Такъ это напрасно! Бей-Султанъ знаетъ какъ обдѣлываются такія дѣлишки. И самъ бралъ и съ другими дѣлился. Мулатіевъ какъ-то вдругъ опустился, присмирѣлъ; въ голосѣ послышались дребезжащіе звуки, но не знаю почему они мнѣ показались притворными. Я вспомнилъ что это тотъ самый старикъ который когда-то безпощадно казнилъ единовѣрцевъ за одно подозрѣніе въ сношеніяхъ съ Русскими, хотя въ то же время былъ измѣнникомъ; его имущество составилось изъ крохъ бѣдныхъ собратьевъ загубленныхъ имъ только съ этою цѣлью; его деньги — это выручка за кровь имъ обманутыхъ удальцовъ; и теперь онъ чуть не пресмыкается у моихъ ногъ изъ-за денежной выгоды. Я почувствовалъ къ нему страшное отвращеніе.

Двѣ недѣли прожилъ я у Бей-Султана и все это время изучалъ его, какъ рѣдкій экземпляръ двуногихъ. Со мною онъ оставался такимъ же какъ и въ первый день, только къ концу второй недѣли заставлялъ меня за пищей посылать верстъ за 20 въ станицу, такъ какъ въ аулѣ, по его настояніямъ, ничего не хотѣли продавать. Но, помимо этого, я присмотрѣлся къ нему какъ главѣ дома, какъ къ отцу, какъ къ мужу, какъ къ гражданину среди своихъ одноаульцевъ, и рѣшительно пришелъ къ очень печальному заключенію.

Мулатіевъ не имѣетъ понятія ни о чести, ни о благородствѣ въ нашемъ смыслѣ этихъ словъ. Выраженія: унижаться подло, обманывать безнравственно—для него слова безъ смысла. Въ его умѣ не существуетъ дѣленія всѣхъ душевныхъ способностей на хорошія и дурныя; онѣ для него всѣ равныя и однокачественныя орудія въ борьбѣ за существованіе, и если онъ какимъ даетъ предпочтеніе, такъ тѣмъ только которыя оказываются пригоднѣе въ жизни; таковы хитрость, изворотливость, жестокость. Вообще же пускается въ ходъ та способность которая ближе всѣхъ приведетъ къ цѣли. Оттого Мулатіевъ повидимому въ постоянномъ противорѣчіи съ собою.

Онъ въ высшей степени безхарактеренъ. Онъ жестокъ, но его жестокость не есть противоположность мягкосердечію, то-есть отрицательная величина, соотвѣтствующая въ немъ же другой положительной, а просто самостоятельная способность, перешедшая къ нему вѣроятно по наслѣдству и развитая образомъ жизни. Совѣсти, въ нашемъ смыслѣ, у него нѣтъ; раскаяніе въ сдѣланной подлости можетъ явиться при сознаніи что этимъ только попорчено дѣло, что поступать слѣдовало иначе для достиженія лучшихъ результатовъ. Къ воровству, убійству онъ чувствуетъ чрезвычайно слабое отвращеніе, и потому при первомъ случаѣ сдѣлаетъ и то и другое. А если онъ въ настоящее время не крадетъ и не убиваетъ, такъ изъ простаго разчета что такъ поступать невыгодно. Замѣчательно что хотя Бей-Султанъ выглядитъ еще бодро, тѣмъ не менѣе онъ нравственно состарился: былое молодечество замѣнилось странною трусостью, что можетъ-быть и общая черта всѣхъ подобныхъ людей, а скряжничество перешло за ту черту гдѣ оно заглушаетъ всѣ остальныя чувства.

Намѣченный мною типъ Чеченцевъ (онъ ждетъ художника для своего воспроизведенія) самый зловредный въ краѣ и не для Русскихъ только, но и для своего народа. Онъ усиливаетъ роковое недоразумѣніе между Чеченцами и нами; онъ поддерживаетъ антагонизмъ, слѣдствіемъ котораго являются несчастія съ обѣихъ сторонъ. Онъ опошляетъ всѣ хорошія реформы, вводимыя въ край, покрываетъ ихъ совершенно другою, эхидною краской во время своего посредничества между побѣдителями и побѣжденными.

Но справедливость требуетъ сказать что люди этого типа не негодяи, не подонки общества, какими они оказываются если смотрѣть на нихъ съ нашей точки зрѣнія, это и не сознательные члены какого-нибудь ясно формулованнаго зловреднаго ученія. Типъ этотъ является самымъ естественнымъ продуктомъ всего семейнаго и общественнаго склада чеченской жизни. Личности болѣе другихъ подходящія къ нему, по большей части люди даровитые. Воспитаніе ихъ произошло при однихъ и тѣхъ же общихъ для всѣхъ условіяхъ; ихъ воззрѣнія образовались подъ непосредственнымъ давленіемъ народныхъ началъ и обстоятельствъ. Вся разница между ними и остальною массой та что они случайно были выдвинуты впередъ и какъ-то глубже окунулись въ эти обстоятельства. Но они ужаснулись бы, еслибъ имъ хоть разъ пришлось

взглянуть на свои поступки сквозь очки обще-человѣческой, или вѣрнѣе, европейской нравственности.

Я увѣренъ что большинство здѣсь служащихъ и имѣющихъ столкновенія съ Чеченцами, вполнѣ признаетъ справедливыми тѣ черты которыми я обозначилъ одинъ изъ выдающихся въ народѣ типовъ. Но, можетъ-быть, иначе отнесется къ набросанному типу читатель не бывавшій на Кавказѣ. Не рѣдкое ли это исключеніе, спроситъ читатель? Гдѣ же тѣ личности о которыхъ намъ такъ много писали и пѣли? Не выродились же эти гордые, дерзкіе джигиты, безстрастно падавшіе подъ ударами нашихъ штыковъ и копій, не переставая до послѣдней минуты проклинать врага и восхвалять Аллаха? Были же прямыя, честныя натуры?— Да, были! только не слѣдуетъ ихъ слишкомъ поэтизировать. Такіе, дѣйствительно, не измѣняли народному дѣлу. Въ дракахъ они являлись первыми; они сами формировали небольшія шайки и смѣло отправлялись въ дальніе набѣги, съ мыслію или возвратиться съ добычей, или сложить свои головы. Ихъ слова не только уважались своими, но считались неизмѣнными русскими начальниками. Они глубоко насъ ненавидѣли, никогда не склонялись къ сдѣлкамъ, и фактъ нашего владычества въ краѣ считаютъ дѣломъ судьбы. Такія личности есть и теперь. Нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ кой-какія должности и служатъ правдиво во имя даннаго обѣщанія. Другіе живутъ въ своихъ аулахъ, скучаютъ и молча думаютъ думу по поводу совершившагося факта, лишь изрѣдка напоминая молодежи чтобъ она берегла традиціи своихъ отцовъ. Всѣ эти люди представители консерватизма, проповѣдники застоя и ненавистники нововведеній.

V.

Сталъ надвигаться вечеръ. Тѣнь отъ сакли старшины захватила уже бо́льшую часть непространнаго двора. Косвенные лучи солнца, покрывая все попадавшееся на пути красноватымъ свѣтомъ, кокетливѣе заиграли съ снѣжными вершинами отдаленныхъ горъ. На окраинахъ неба появились разноцвѣтныя полосы. Почувствовалась вся прелесть южнаго короткаго вечера.

Изъ ущелья подулъ прохладный вѣтерокъ. Близь протекав-

шая рѣчка стала шумливѣе; аулъ оживился; чаще виднѣлись прохожіе и слышались гортанные звуки. Звѣня своими серебряными украшеніями, церемонно проходили дѣвушки-Чеченки съ ведерными кувшинами за плечами. На берегу уже ихъ ожидала живописно разсѣвшаяся толпа молодежи, съ намѣреніемъ полюбоваться на своихъ будущихъ женъ. Кавалеры острили и говорили комплименты, дѣвицы молча и изподлобья бросали на нихъ намѣренно холодные, безстрастные взгляды. На узкихъ улицахъ затѣснилась пригнанная баранта; поднялась пыль; послышались пріятные дѣтскіе голоса Чеченокъ, загонявшихъ своихъ буйволовъ и коровъ. Очень наивное междомѣтіе *уій!* * произносимое въ носъ, то и дѣло раздавалось то тутъ, то тамъ. Верховые проѣзжали на водопой, давая этимъ развлеченіе злившимся собакамъ. Черезъ улицу гдѣ-то послышался непріятный скрипъ арбныхъ колесъ; откуда-то донесся отвратительный крикъ лошака, принадлежавшаго, вѣроятно, остановившемуся у кунака Персіянину. На крышахъ сакли стали появляться группы Чеченцевъ.

Давно уже вставшій старшина приказалъ, по мысли переводчика, вынести ковры и подушки на луговую площадку двора. Мы съ Ибрагимомъ комфортабельно усѣлись. Вокругъ насъ живо собралась бойко и весело болтавшая молодежь. Большинство было красиво, стройно въ своихъ ситцевыхъ бешметахъ и коричневыхъ или бѣлыхъ черкескахъ, схваченныхъ узенькими ременными поясами, съ прикрѣпленными къ нимъ кинжалами и пистолетами. Чеченецъ, выходя изъ дому, даже къ сосѣду, почти всегда захватываетъ съ собою какое-нибудь оружіе. Кто безъ кинжала, такъ пистолетъ въ рукахъ, или шашка черезъ плечо, или, наконецъ, ружье, которое носятъ въ такомъ случаѣ какъ палку.

За чаемъ и разговорами мы и не замѣтили какъ надвинулась ночь и показался блѣдный серпъ луны. Вдругъ раздался медленный, душу захватывающій голосъ муллы, призывавшаго правовѣрныхъ къ молитвѣ, и оборвался какъ-то вдругъ, неожиданно. Кой-кто изъ компаніи съ чувствомъ произнесли *Ляилъ-ляха-Илъ-алла* и провели при этомъ руками по лицу, но съ мѣста никто не тронулся, давая этимъ, вѣроятно, знать что каждому и безъ предупрежденій извѣстны его обязанности къ Богу. Къ намъ въ это время подошелъ солидный, съ

* Что-то въ родѣ: ахъ-ти? или — ахъ Боже мой!

постнымъ лицомъ Чеченецъ и прервалъ шутливую болтовню съ молодежью. Послѣ привѣтствія своимъ, онъ сѣлъ на коверъ и обратился ко мнѣ съ разными разспросами и между прочимъ о религіи, благо мулла только-что напомнилъ объ этомъ. Понемногу разговорились и перешли на религіозный споръ. Всѣ замѣтно обрадовались такому обороту дѣла и съ нетерпѣніемъ приготовились слушать. Что-нибудь послушать—страсть Чеченца, а что Русскій скажетъ много любопытнаго, новаго — это знаютъ отлично. Чеченецъ заговорилъ довольно логично. Положенія его заключались въ слѣдующемъ: Главнымъ образомъ онъ удивлялся тому что Русскіе, какъ онъ замѣтилъ, молятся очень мало, а омовеній не совершаютъ вовсе. Это онъ находитъ признакомъ глупости, отсутствія сознанія что всѣми нашими поступками руководитъ всемогущій Промыселъ. Ему случалось даже слышать отъ нѣкоторыхъ словоохотливыхъ *урусовъ* что и загробной жизни нѣтъ, а человѣкъ родится и умираетъ какъ трава въ полѣ, которою кормятъ вола. Умретъ — сгніетъ въ землѣ и никакихъ слѣдовъ отъ него не останется, только что земля въ этомъ мѣстѣ будетъ плодороднѣе (смѣхъ компаніи). Между тѣмъ правдивый и мудрый коранъ говоритъ иначе, именно что всемогущій Аллахъ заранѣе опредѣлилъ всю жизнь человѣка, а за гробомъ воздастъ каждому по его заслугамъ. (*Бахъ-ду, бахъ-ду* — правда.) Ораторъ дивится, неужели русскій человѣкъ вообще такъ глупъ что не понимаетъ что его вѣра страшный вздоръ; онъ скорѣе готовъ думать что правдивый Аллахъ въ своемъ гнѣвѣ отнялъ у насъ способность понимать и чтить его. Да, въ этомъ онъ даже увѣренъ! (Слишкомъ правда!) Наказаніемъ Божіимъ представляются ему и разныя нелѣпости русской жизни, напримѣръ легкость съ какою говорится о священныхъ предметахъ, о которыхъ и упоминать грѣхъ. Тутъ онъ вспомнилъ какъ ему одинъ русскій *мальчикъ* (уничижительное названіе нашихъ молодыхъ безбородыхъ людей) хвастливо разказывалъ о томъ какъ движется луна, изъ чего она состоитъ, какой величины и пр. Даже о разстояніяхъ до каждой звѣзды говорилъ такъ будто онъ на нихъ былъ (безпрерывный смѣхъ). А обращеніе съ женскимъ поломъ и его развратное поведеніе, къ которому мужская половина совершенно равнодушна; отсутствіе уваженія къ старикамъ и подчиненія дѣтей къ родителямъ; неумѣнье рѣшать дѣла въ судахъ и пр. и пр. въ этомъ родѣ.

Этотъ религіозный и общественный споръ заинтересовали всѣхъ присутствовавшихъ. Мои возраженія сейчасъ же переводились на чеченскій языкъ, внимательно и холодно выслушивались, не заслуживая, повидимому, ничьего одобренія, кромѣ развѣ добродушнаго старшины, который будто находилъ нужнымъ ободрять меня кивками головы. Аргументы же моего противника, выраженные въ красивыхъ и пышныхъ фразахъ, вызывали на всѣхъ лицахъ одобрительныя улыбки, прерывавшіяся звонкимъ смѣхомъ, когда въ нихъ усматривалась острота. Чеченецъ, кажется, не слишкомъ вѣрилъ въ мою способность понимать его мудрствованія и потому старался вклеивать разныя простыя сравненія и шуточки, кромѣ того, не могъ же онъ упустить случай хвастнуть своимъ остроуміемъ предъ собратьями. Это-то и приводило въ восторгъ слушателей. Масса вездѣ масса. Разныя выходки спорящихъ интересовали присутствовавшихъ болѣе самой сущности спора. Мнѣ не хотѣлось остаться предъ оппонентомъ въ дуракахъ, и я тоже ударился въ остротцы, шуточки и анекдотцы. Споръ кончился самымъ веселымъ смѣхомъ всей компаніи, въ которой уже было съ десятокъ стариковъ и нѣсколько десятковъ молодежи.

Церемонія ужина была та же что при обѣденной закускѣ. Но теперь, на огромномъ подносѣ, внесенномъ сыномъ старшины, красовались чуть не всѣ продукты этого благодатнаго края. Разрѣзанный, или лучше разорванный на огромные куски жирный баранъ былъ окруженъ кучей кусковъ тѣста, сваренныхъ въ водѣ и съ виду похожихъ на малороссійскіе вареники. Рядомъ красовались тарелки и чашечки съ круто сваренными яйцами, жирною яичницей, кусками домашняго сыра и медомъ. На отдѣльной тарелкѣ лежала своеобразно и чрезвычайно вкусно приготовленная на маслѣ курица. Въ одной рукѣ гостепріимнаго хозяина очутилась бутылка съ водкой, въ другой наполненная рюмка, которую онъ, начавъ съ меня, обнесъ въ круговую тѣмъ же порядкомъ какъ это дѣлается у сосѣднихъ казаковъ. Должно-быть у нихъ переняли. Старикъ-балагуръ опять очутился около меня, но Баргиша не было. Съ нами ужинали: споривший со мною Чеченецъ, знатокъ, какъ я узналъ послѣ, арабскаго языка и корана, только-что пріѣхавшій шумливый и хвастливый торговецъ Чеченецъ, и самъ старшина.

— *Ца-ца-ца!* * наивничалъ оборванный Джамалдинъ, проглатывая одну рюмку за другою. — *Дыкенъ-дуарана! Славный водка!* повторялъ онъ, обращая ко мнѣ разгорѣвшееся отъ паровъ и удовольствія лицо.

— *Ашъ-дацъ! ашъ-дацъ!* (не надо, не хочу), ломался Ибрагимъ, отводя рукой рюмку, хотя все-таки выпивалъ.

Старшина и знатокъ арабскаго языка не пили, связанные зароками, что между Чеченцами не рѣдкость.

— Водки намъ вовсе не слѣдовало бы пить, высказался послѣдній. — Она и закономъ запрещена, да и не хорошо дѣйствуетъ на Чеченца. Какъ напьются, сейчасъ же начинаются ссоры, хватаются за оружіе: случается поранятъ другъ друга, а то и убьютъ кого-нибудь....

Въ пьяномъ видѣ Чеченецъ дѣйствительно большой буянъ. Страстность, вспыльчивость, злопамятность и мстительность— эти общія черты чеченскаго характера, скрываемыя обыкновенно подъ маской сдержанности и внѣшняго благообразія, ярко выступаютъ теперь наружу. Пьяный Чеченецъ придирается къ своему товарищу за каждое слово, припоминаетъ старыя, иногда уже поконченныя ссоры, хвастаетъ своею породой и личною удалью, дерзко остритъ насчетъ кого-нибудь изъ компаніи. Онъ весь огонь въ это время, глаза горятъ, въ движеніяхъ судорожная нетерпѣливость; онъ гикаетъ, стрѣляетъ въ воздухъ и то и дѣло хватается за оружіе. Понятно что почти ни одна пирушка не обходится здѣсь безъ дракъ. Стóитъ только одному начать, — поводъ всегда найдется,—остальные тотчасъ же присоединятся къ той или другой сторонѣ ссорящихся, и пошла общая свалка. Случается—одинъ, а то двое, трое тутъ же останутся на мѣстѣ, нѣсколько тяжело раненыхъ еле доплетутся до своихъ саклей, съ страшнымъ сознаніемъ что съ этой минуты они обзавелись *кровниками* или кровомстителями. Обзавестись кровникомъ значитъ знать что съ этой минуты вы обречены на смерть. Васъ будутъ преслѣдовать всюду, неумолимо и безпощадно. Вы обращаетесь въ дичь, за которою постоянно будутъ охотиться родные убитаго. Ваша смерть сдѣлается цѣлью ихъ жизни. И вы не спасетесь отъ ихъ пули или кинжала, если вамъ не удастся откупиться очень дорогою цѣной все-

* Радостное удивленіе. Произносится какъ употребляемое въ простонародіи для скликанья поросятъ.

возможныхъ униженій и матеріальныхъ затратъ. Трудно себѣ представить душевное состояніе преслѣдуемаго, когда онъ знаетъ что за каждымъ его движеніемъ зорко слѣдятъ, и что изъ-подъ каждаго кустика можетъ раздаться роковой для него выстрѣлъ. *

Чеченцы пьютъ водку довольно исправно. Мнѣ случалось видѣть мальчиковъ лѣтъ пятнадцати или шестнадцати выпивавшихъ по четыре или пяти обыкновенныхъ рюмокъ, нисколько при этомъ не хмѣлѣя. Взрослые уничтожаютъ иногда по полукварте (полуштофу). И замѣчательно что эти люди никогда не опохмѣляются. Многіе изъ нихъ меня увѣряли что утромъ другаго дня, даже послѣ сильныхъ возліяній, они не чувствуютъ ни малѣйшей головной боли и просыпаются обыкновенно бодрыми и здоровыми. Но Чеченцы не пьяницы въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Людей запивающихъ по вкоренившейся привычкѣ у нихъ нѣтъ вовсе; о спившихся съ кругу и понятія не имѣютъ. Пьютъ обыкновенно тогда только когда представляется къ тому законный поводъ, напримѣръ, пріѣздъ важнаго гостя или хорошаго кунака, свадьба, поминки, проводы, встрѣчи и пр.

Съ нашего стульчика блюдо описаннымъ уже порядкомъ перешло въ противоположный уголъ, гдѣ молодежь принялась уписывать остатки, тоже угощаясь водочкой, перешедшею въ руки сыновей старшины. Мы же тѣмъ временемъ выпили по доброй чашкѣ калмыцкаго чаю, который здѣсь въ большомъ употребленіи.

Наконецъ все прибрали. Говоръ сталъ усиливаться. Лица оживились. За духотой въ саклѣ всѣ высыпали на дворъ. Явилась откуда-то трехъ-струнная самодѣльная балалайка. Молодой человѣкъ сѣлъ на траву, ноги калачикомъ, и взялъ нѣсколько аккордовъ. Затѣмъ началъ настраивать инструментъ и когда кончилъ, то далъ свободу пальцамъ. Раздалась живая, хотя монотонная, но пріятная мелодія. Говоръ понемногу сталъ утихать. На лицахъ Чеченцевъ улыбка замѣнилась серіознымъ выраженіемъ. Всѣ ближе подвинулись къ музыканту, образовался кружокъ. Безпрерывно

* Теперь приняты, разумѣется, мѣры къ уничтоженію этого обычая. Но слишкомъ часто повторяющіяся еще убійства кровниковъ доказываютъ что народъ далекъ отъ мысли о замѣнѣ самоправнаго мщенія законнымъ назаканіемъ виновныхъ.

и долго лились живые звуки, пока музыкантъ не вдохновился.

„Валай-лай иллалай лайла яллайи!“

Запѣлъ онъ медленно и грустно, сначала тихо, потомъ все громче и громче. „Валай-лай иллалай лайла яллай!“ варьировалъ онъ все тотъ же припѣвъ, рѣзко переходя изъ одного тона въ другой и протягивая окончаніе. Иногда онъ повторялъ то же самое въ пятый, шестой и седьмой разъ; въ голосѣ его послышались скорбные звуки. Такъ поются иногда похоронныя пѣсни.

„Я поднялся на черныя горы и смотрѣлъ съ нихъ въ Большую Чечню *“. Запѣлъ онъ въ томъ же тонѣ недавно сложенную въ Чечнѣ пѣсню о послѣднемъ абрекѣ Варѣ (убитомъ въ 1865 году).

„Я поднялся на голыя горы и смотрѣлъ съ нихъ на Чехинскій народъ!“

Кружокъ Чеченцевъ сдвинулся къ пѣвцу. На всѣхъ лицахъ явилось торжественное вниманіе.

„Я искалъ человѣка который бы согласился быть мнѣ товарищемъ въ моей жизни и братомъ по вѣрѣ“.

Чеченецъ не пѣлъ, а только говорилъ въ тонъ балалайкѣ. Это было въ родѣ нашего речитатива. Каждая строфа кончалась долгимъ и быстрымъ переборомъ струнъ. Но пѣвецъ до того углубился въ положеніе воспѣваемаго героя, что казалось будто онъ импровизуетъ. Что-то вдохновенное слышилось въ его голосѣ, полномъ тоскливаго созерцанія павшаго абрека. Да онъ дѣйствительно импровизовалъ, иначе бы ему не удалось такъ цѣльно пропѣть всю эту пѣсню, какъ увидимъ дальше. О законченныхъ, а тѣмъ болѣе о риѳмованныхъ, или хорошо размѣренныхъ пѣсняхъ здѣсь нѣтъ и рѣчи. Существуютъ скорѣе темы для пѣсенъ, болѣе или менѣе разработанныя, существуетъ общая манера для ихъ сложенія, существуютъ ходячія фразы, которыя вставляетъ пѣвецъ въ свой сюжетъ, но пѣсенъ нѣтъ; Каждый мало-мальски хорошій пѣвецъ самъ подыскиваетъ и краски для лучшаго выраженія извѣстнаго момента, и размѣръ для большей музыкальности строфъ. Если одному удалось хорошо спѣть что-нибудь, и другимъ понравилось, то ему начинаютъ подражать. Но такъ какъ пѣсни не записываются и такъ какъ поютъ вообще

* Пѣсня эта переведена построчно, черезъ переводчика.

рѣдко, да кромѣ того нѣтъ законовъ стихосложенія, при помощи которыхъ онѣ бы сами собою запечатлѣвались въ памяти, то ясно что и повторяющимъ чужое все-таки приходится многое позабытое пополнять отъ себя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на два, на три аула приходится всего одинъ пѣвецъ тотъ съ грѣхомъ пополамъ. Народъ говоритъ что самые лучшіе пѣвцы ушли въ Турцію. Надо впрочемъ замѣтить что импровизовать на чеченскомъ языкѣ совсѣмъ не то что хоть напримѣръ на нашемъ: риѳмъ здѣсь не требуется, размѣръ нуженъ настолько чтобъ одна строфа была не слишкомъ длинна или коротка сравнительно съ другими и чтобы слышалось стихотворное сочетаніе словъ. Все дѣло заключается слѣдовательно главнымъ образомъ въ умѣньѣ красиво разказать какой-нибудь случай.

„Я голодъ утолялъ зелеными травами и вмѣсто воды пилъ сокъ шиповника!“ продолжалъ импровизаторъ.

„Отъ дождя я прятался въ лубковый шалашъ; постелью мнѣ служили листья лапуха.

„Когда я вспоминалъ о Богѣ, то восклицалъ *Аллахъ*, когда вспоминалъ о любовницѣ—обнималъ свое оружіе!“

— *Ойтъ!* гикнулъ кто-то изъ компаніи. *Ойтъ!* послышались затѣмъ восторженныя восклицанія.

„Уже звѣри отправлялись на добычу и пѣли пѣтухи, когда я, какъ раненый волкъ, вскочилъ съ постели, сѣлъ и началъ думать:

„Гдѣ бы мнѣ найти такого друга у котораго бы я могъ безопасно отдохнуть?“

Ойтъ! *Ваша вола ціони!* (чтобъ тебѣ лишиться брата).* Эта пѣсня, эти безпрерывные звуки балалайки, этотъ звучный и пріятный голосъ пѣвца, вѣроятно, не одному изъ кружка напомнили его удалые набѣги, его молодецкія драки и тѣ критическіе, голодные, холодные и бездомные часы, когда каждый изъ нихъ находился въ положеніи героя пѣсни. Всѣ слушатели были возбуждены; какъ-то никому не стоялось на одномъ мѣстѣ: стали переминаться съ ноги на ногу, склонять головы на плечи сосѣдей, обхватывать другъ друга за таліи.

„И вспомнилъ своего друга по имени Баша Ваганова, сѣлъ я на лошадь и поѣхалъ къ нему на дворъ.

„И сказалъ ему: *саламъ-алейкомъ*, Баша Вагановъ! Я пріѣхалъ къ тебѣ въ гости.

---

* Поговорка.

„— *Алейкомъ-саламъ*, отважный Вара! Ты слѣзай съ коня, зайди ко мнѣ въ саклю и не стѣсняясь ложись отдохнуть.

„И не бойся никого, кромѣ Бога. А мнѣ нужно съѣздить по своему дѣлу, сказалъ онъ,—и сѣлъ на лошадь проклятый!“

— Эй джале! (собака) процѣдилъ кто-то сквозь зубы. Остальные сдержанно молчали.

„Поѣхалъ онъ въ Шотайсѣтага и заѣхалъ къ Гуданту Мударову.

„— *Саламъ-алейкомъ*, Гудантъ Мударовъ!—*Алейкомъ-саламъ* Баша Вагановъ! Съ чѣмъ ты пріѣхалъ ко мнѣ въ гости?

„— Я пріѣхалъ тебѣ сказать: Вара, какъ волкъ счастливый въ своей добычѣ, и какъ левъ славный во всемъ народѣ, лежитъ теперь спокойно въ моей саклѣ.

„Гудантъ Мударовъ отвѣтилъ:—клянусь тебѣ Всемогущимъ Богомъ! Если ты говоришь истинную правду, то получишь за это чинъ съ жалованьемъ!“

„Гудантъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ крѣпость и сказалъ князю Т.:

„— Вара, какъ волкъ счастливый въ своей добычѣ и какъ левъ славный въ народѣ, лежитъ спокойно въ Бенай Атага.

„Князь Т. приказалъ сдѣлать тревогу: забить въ барабанъ для пѣхоты и заиграть въ рожокъ для кавалеріи.

„Гудантъ впереди, драгуны сзади скачутъ въ Бенай Атага. Налетѣли во дворъ Баша Ваганова и окружили его саклю, какъ токъ окружаютъ вороны.

„И сказали они Варѣ:—Сдайся намъ живой! У начальства мы выпросимъ тебѣ прощеніе, а у царя—чинъ съ жалованьемъ.

„— Какъ же мнѣ начальство проститъ и царь чинъ и жалованье дастъ, когда при мнѣ та шашка которою я убилъ полковника, и то ружье за плечами которымъ я убилъ генерала?

„И сказалъ еще:—Этотъ день смерти я искалъ всю жизнь свою и сегодня предстану предъ своего Всемогущаго Бога.

„И сказалъ еще: Прошу васъ, братья: кто мнѣ не хочетъ быть товарищемъ, тотъ пусть удалится отсюда!

„Начальникъ драгуновъ приказалъ имъ начать пальбу; драгуны сдѣлали по задней стѣнѣ нѣсколько залповъ и пробили ее.

„Вара выстрѣлилъ въ одного драгуна и убилъ его. И когда онъ не могъ больше держаться въ саклѣ, то выхватилъ шашку и бросился съ нею въ двери.

„Онъ бросился съ крикомъ *Алла!* и тутъ же упалъ отъ нѣсколькихъ выстрѣловъ.

„Съ неба слетѣли ангелы, изъ земли встали святые и взяли его сладкую душу и понесли на небо.“

— *Бахъ-ду! Бахъ-бахъ-ахъ* (слишкомъ правда)! Затѣмъ долгое бренчанье на балалайкѣ и молчаніе слушателей.

Пѣвецъ положилъ свой инструментъ и всталъ съ земли. Черезъ нѣсколько минутъ кто-то изъ кружка подхватилъ балалайку и забренчалъ и заоралъ во всю ивановскую: *Дела-лай ялла-лайи!...* остальные подхватили, и одиночная тоскливая пѣснь замѣнилась безобразнымъ хоровымъ ораньемъ. Тянувшіе басовые ноты такъ горланили, такъ надсаживались и хрипѣли, что не было никакой возможности слушать ихъ безъ непріятнаго ощущенія, въ родѣ того какое является при скрипѣ арбныхъ колесъ.

Что̀ до голосовъ, то пѣвческихъ голосовъ въ Чечнѣ чрезвычайно мало. За то не мало хриплыхъ крикуновъ. Замѣчу впрочемъ что хоровое пѣніе Чеченцевъ кажется безобразнымъ только съ нашей точки зрѣнія. На національное же ухо тѣ же звуки, какъ я замѣтилъ, производятъ чрезвычайно гармоническое впечатлѣніе.

Было уже поздно. Въ воздухѣ повѣяло сыростью. На небѣ кой-гдѣ появились прозрачныя тучки. Луна какъ-то воровски стала за нихъ припрятываться. Изъ аула не слышалось ни одного звука, только рѣчка, протекавшая за уступомъ, такъ расшумѣлась, какъ будто сотни мельницъ вертѣли на ней своими колесами. Вверху было торжественно, внизу все таинственно и неподвижно. Я отправился въ саклю, гдѣ руками красавицы была давно приготовлена постель. Всѣ стали расходиться.

С.

Укр. Грозное.

НА НОЖАХЪ*

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ТЕМНЫЯ СИЛЫ.

I. Два Вавилона.

Пока въ маленькомъ городкѣ люди оживали изъ мертвыхъ, женились и ссорились, то улаживая, то разстраивая свои маленькія дѣлишки, другіе герои нашего разказа, заняты были дѣлами если не болѣе достойными, то болѣе крупными. Парижъ дѣятельнѣйшимъ образомъ сносился съ Петербургомъ объ окончаніи плана въ силу котораго Бодростина должна была овдовѣть, получить всю благопріобрѣтенную часть мужнина состоянія и наградить Горданова своею рукой и богатствомъ.

Бельэтажъ большаго дома на Литейной, гдѣ жили Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ и Павелъ Николаевичъ Гордановъ, почти ежедневно корреспондировалъ съ небольшимъ, но удобнымъ и хорошо меблированнымъ отдѣленіемъ маленькаго Hotel

* См. *Русск. Вѣстн.* 1870 №№ 10, 11 и 12 и №№ 1, 2, 3 и 4й 1871.

de Maroc въ rue de Seine, гдѣ обитала Глафира Васильевна, а на верху, двумя этажами выше надъ нею, мѣстился въ крошечной мансардѣ Іосафъ Платоновичъ Висленевъ.

Формы постоянныхъ сношеній этихъ двухъ ложементовъ разнообразны и многоразличны, но по характеру ихъ было ясно что Парижъ играетъ, а Петербургъ пляшетъ подъ звуки волшебной флейты. Писалъ ли изъ Петербурга въ Парижъ Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ, или Гордановъ, или, вѣроятно многими позабытый, счастливый чухонецъ Генрихъ Ропшинъ, все выходило одно и то же: рѣзкія и шутливыя, даже полунасмѣшливыя письма Бодростина; короткіе и загадочные рапорты Горданова и точныя донесенія Ропшина, все это были матеріалы, при помощи которыхъ Глафира Васильевна подготовляла постановку послѣдней драмы, которую она сочинила для своего бенефиса, сама расписавъ въ ней роли. Все шло къ тому что надо было три раза хлопнуть въ ладоши и занавѣсъ взовьется и предъ зрителемъ совершится актъ хитраго и далеко разчитаннаго злодѣйства, безъ наказанія порока и безъ торжества правды.

Всеобщее нетерпѣніе по ту и по другую сторону завѣсы давно тихо шепчетъ слово „пора" и, наконецъ, это слово громко произносится самимъ геніемъ всей исторіи, Глафирой.

Въ самомъ дѣлѣ ей пора восторжествовать и успокоиться ей, можетъ-быть, болѣе чѣмъ всѣмъ надоѣли всѣ эти осторожные подходы, личины и маскарадъ.

Кто не видалъ Графиру Васильевну съ той поры какъ она разсталась съ Гордановымъ въ Москвѣ тотъ непремѣнно долженъ былъ бы крайне удивиться перемѣнѣ происшедшей въ ней въ теченіи ея полугодоваго отсутствія изъ Россіи. Житье въ Парижѣ до такой степени ее измѣнило что человѣку не очень пристально въ нее вглядывающемуся даже вовсе не легко было бы ее узнать. Сверкающая красота померкла; глаза, вмѣсто прежняго пламеннаго, обдающаго жаромъ взгляда, смотрятъ только тревожно, остро и подозрительно; у угловъ губъ пролегла тонкая морщинка, подъ глазами замѣтны темноватые круги, и вся кожа, такъ недавно вызывавшая у стараго Бодростина комплименты ея свѣжести аромату, подцвѣтилась желтоватымъ янтарнымъ отливомъ.

Глафира была теперь янтарь, но янтарь забытый, залежавшійся и какъ будто утратившій всю свою электрическую с

лу отъ долгаго бездѣйствія. Однако это, можетъ-быть, такъ только казалось. Взглянемъ на нее поближе.

Парижское утро начинается очень рано въ томъ далеко не аристократическомъ кварталѣ, гдѣ среди rue de Seine мѣстился незамѣчательный Hotel de Maroc, избранный по особымъ соображеніямъ Бодростиной для ея жительства. На зарѣ звонкія плиты узкихъ тротуаровъ оглашаются громкимъ хлопаньемъ тяжелой обуви работниковъ, рано покидающихъ свои постели и поспѣшающихъ къ дѣлу. Вслѣдъ затѣмъ раздаются звонки и слышится стукъ желѣзныхъ скобъ у дверей лавченокъ, гдѣ эти же рабочіе добиваются получить свою утреннюю порцію мутнаго абсенту; затѣмъ гремятъ фуры перевощиковъ мебели, бѣгутъ комиссіонеры съ своими носилками; кухарки со своими саками, гризетки со своими корзинами и кошками, и... день настал со всею его суетой: спать невозможно.

Лучшее помѣщеніе, которое занимала въ скромномъ отелѣ Глафира Васильевна Бодростина, въ этомъ отношеніи было самое худшее, потому что оно выходило на улицу, и огромныя окна ея невысокаго бельэтажа ни мало не защищали ее отъ ранняго уличнаго шума и треска. Поэтому Бодростина просыпалась очень рано, почти одновременно съ небогатымъ населеніемъ небогатаго квартала. Висленевъ, комната котораго была гораздо выше надъ землей, имѣлъ больше покоя и могъ спать дольше. Но о немъ рѣчь впереди.

Кварталъ уже болѣе получаса тому назадъ простучалъ и прогремѣлъ свою утреннюю тревогу, и подъ окнами Hotel de Maroc уже закурилась жаровня жарильщицы каштановъ, когда въ одномъ изъ оконъ бельэтажа зашевелилась густая занавѣса, и Глафира Васильевна, стуча деревянными каблучками изящныхъ туфель, потянула шнуры оконной шторы и взявъ съ камина небольшой старинной работы ящичекъ изъ сердолика съ янтаремъ и бирюзой, снова легла въ свою постель.

Часъ былъ еще ранній, и Бодростина не желая звать прислугу, открыла свой античный ящикъ и стала перебирать аккуратно сложенныя въ немъ письма.

Солнце, несмотря на ранній часъ утра, уже тепло освѣщало комнату, меблированную высокою старинною мебелью, и въ нишѣ, гдѣ помѣщалась кровать Глафиры, было столько свѣта что наша героиня могла свободно пробѣгать открытый ею архивъ. Она этимъ и занималась, она его пробѣгала, без-

престанно останавливаясь и задумываясь то надъ тѣмъ, то надъ другимъ листкомъ и затѣмъ опять брала новые.

По сосредоточенному выраженію ея лица нельзя было усомниться что предъ ней лежали не бальныя записочки и не родственныя письма о бабушкиномъ здоровьѣ, а переписка дѣловая и строгая, требующая провѣрки прошлому, обозрѣнія настоящему и рѣшенія въ будущемъ.

Вотъ въ ея рукахъ бѣлый листокъ толстой бумаги съ переплетеннымъ краснымъ вензелемъ М. Б. Это первое письмо полученное Глафирой за границей отъ ея мужа. Письмо не длинно, — оно начинается на одной страницѣ и кончается на другой. Въ немъ Михаилъ Андреевичъ отвѣчаетъ женѣ на ея полное негодованія письмо по поводу дошедшихъ до нее слуховъ о его романѣ съ княгиней Казимірой Антоновной Вахтерминской. Михаилъ Андреевичъ извиняется предъ женой что онъ отвѣчаетъ ей не скоро, потому что долго былъ очень занятъ однимъ весьма выгоднымъ предпріятіемъ и потомъ, не опровергая слуха о княгинѣ Казимірѣ, отшучивается довольно наглою шуткой, добавляя: „А что касается до вашихъ предостереженій меня насчетъ ея предательскаго нрава, то будьте, chère amie, спокойны и на мой и на свой счетъ, потому что je la tiens hors de vue“.

Вотъ другіе листки иной, совсѣмъ ординарной бумаги, иногда короткіе и не дописанные, иногда же исписанные вдоль и поперекъ твердымъ, ровнымъ почеркомъ: это письма Горданова. Ихъ много, даже можно бы сказать ихъ слишкомъ много, еслибы число ихъ пришлось сравнивать съ короткими письмами Бодростина, но довольно многочисленныя письма Горданова изчезали среди цѣлаго вороха высыпанныхъ Глафирой на колѣни скромныхъ листковъ синеватой клѣтчатой бумаги, исписанныхъ мелкимъ бисернымъ почеркомъ Ропшина. Чухонецъ былъ вѣрнѣе всѣхъ и писалъ Глафирѣ аккуратно почти всякій день въ теченіе всего ея отсутствія.

Два остальныя письма Бодростина, изъ которыхъ одно послѣдовало черезъ три мѣсяца послѣ перваго, а другое совсѣмъ на дняхъ, были очень коротки и лаконичны. Въ первомъ изъ нихъ Бодростинъ опять извинялся предъ женой что онъ ей за недосугомъ не пишетъ; говорилъ о своихъ обширныхъ и выгодныхъ торговыхъ предпріятіяхъ, которыя должны его обогатить и, наконецъ, удивлялся женѣ, чего она сидитъ въ Парижѣ и еще вдобавокъ, въ этомъ отвратительномъ кварталѣ гризетъ и

студентовъ. „Я этого не могу понять, добавлялъ онъ: если бы ты была старѣе пятнадцатью или двадцатью годами, я бы готовъ былъ повѣрить что ты *заинтересовалась* юношескою любовью какого-нибудь студіозуса; но ты еще молода для такой глупости. Спиритизму же твоему я, признаюсь тебѣ, что̀ ты хочешь дѣлай, не вѣрю, и когда Гордановъ недавно сказалъ мнѣ съ чьихъ-то словъ что ты живешь въ Hotel de Maroc потому что тамъ близко обитаетъ какой-то генералъ вашего ордена, котораго посѣщаетъ *самъ* Алланъ Кардекъ, мнѣ это даже сдѣлалось смѣшно. Hotel de Maroc и Алланъ Кардекъ—конечно, даже одно соединеніе этихъ звуковъ имѣетъ нѣчто внушающее, но что касается до генерала, то у тебя не можетъ быть такого дурнаго вкуса.... Кстати здѣсь, гдѣ теперь такъ много, очень много, даже, можетъ-быть, слишкомъ много молодыхъ генераловъ, мною замѣчено что какъ бы ни былъ молодъ генералъ, отъ него непремѣнно начинаетъ пахнуть старыми фортепіано. Особый и необъяснимый въ естествѣ нашемъ законъ.... Да неужто же, ma chère, ты въ самомъ дѣлѣ еще склонна во что-нибудь вѣрить и особенно вѣрить въ такую чепуху какъ спиритизмъ? А впрочемъ, ma foi, всѣ вѣры одинаково нелѣпы, и потому дѣлай что̀ хочешь“, заканчивалъ Михаилъ Андреевичъ, и въ post-scriptum освѣдомлялся о Висленевѣ, называя его „рыцаремъ печальнаго образа и эсклавомъ, текущимъ за колесницей своей побѣдительницы“.

Третье, самое недавнее письмо говорило что Михаилъ Андреевичъ на сихъ лишь дняхъ едва свалилъ съ шеи большія и совершенно непредвидѣнныя хлопоты и очень радъ будетъ вырваться домой въ деревню, гдѣ, по его распоряженію, быстро идутъ постройки фабрики и заводовъ на коихъ будутъ выдѣлываться въ обширномъ размѣрѣ разные животные продукты.

Глафира Васильевна знала всѣ эти „большія и совершенно непредвидѣнныя обстоятельства“ о которыхъ такъ коротко извѣщалъ ея мужъ и знала даже и то что онъ еще вовсе не свалилъ ихъ съ шеи и что ему не уѣхать изъ Петербурга безъ ея помощи.

II. Нимфа и Сатиръ.

Изъ обстоятельныхъ донесеній Горданова, заплетавшаго узлы вокругъ престарѣлаго Бодростина, и изъ подробнѣйшихъ отчетовъ Ропшина, шпіонившаго за Гордановымъ съ усердіемъ

ревниваго влюбленнаго, всячески старающагося опорочить и унизить своего соперника (каковымъ Ропшинъ считалъ Горданова), Глафира знала все и могла повѣрить всякую математическую выкладку дѣйствіемъ обратнымъ. Ропшинъ зорко слѣдилъ и за Гордановымъ, и за Кишенскимъ, который входилъ въ компанію съ Бодростинымъ въ качествѣ капиталиста и предалъ его при посредствѣ жены Висленева въ руки ловкой княгини Казиміры. Неблазный чухонецъ доносилъ Глафирѣ на всю эту компанію, обвиняя ее въ такихъ козняхъ и каверзахъ, которыя въ самомъ дѣлѣ заключали въ себѣ много возмутительнаго, но тѣмъ не менѣе не возмущали Глафиры. Для нея ничто не было ново, ни подлость Горданова, ни дряблая, старческая вѣтренность мужа, ни характеръ продѣлокъ Казиміры, и отчеты Ропшина ей были нужны только затѣмъ чтобы повѣрять образъ дѣйствій Павла Николаевича, которымъ Глафира теперь имѣла основаніе быть совершенно довольною. Гордановъ велъ дѣло именно такъ какъ было нужно Глафирѣ. Пользуясь слабостью Бодростина къ его уму и талантамъ, онъ тотчасъ же по прибытіи въ Петербургъ возобладалъ и двумя другими его слабостями. Онъ раздражилъ и раздулъ въ немъ духъ промышленной предпріимчивости, игравшій въ Михаилѣ Андреевичѣ всегда и особенно возбужденный въ послѣдніе годы при безобразномъ разгарѣ всеобщей страсти къ быстрой наживѣ. Но особенно посчастливилось Павлу Николаевичу сблизиться съ мужемъ Глафиры благодаря княгинѣ Казимірѣ, которая очаровала Бодростина съ первой же встрѣчи у Кишенскаго, залучившаго къ себѣ Михаила Андреевича для ознакомленія съ одною изъ тѣхъ аферъ которыми ловкіе столичные люди какъ сѣтями улавливаютъ заѣзжихъ въ столицу предпріимчивыхъ людей провинціальныхъ. Волокитство старика за Казимірой началось съ первыхъ же дней ихъ встрѣчи, и Ципри-Кипри очень мало преувеличивала положеніе дѣлъ описанныхъ ею въ извѣстномъ намъ письмѣ ея къ Подозерову. Но ухаживанье Бодростина за великолѣпною княгиней до пріѣзда Горданова ограничивалось стороной чисто художественной. Михаилъ Андреевичъ, изжившій весь свой вѣкъ то въ доморощенномъ помѣщичьемъ развратѣ, то въ легкихъ побѣдахъ надъ легкими же дамами губернскаго бомонда, гдѣ вниманіе Бодростина всегда высоко цѣнилось, сохранилъ очень много охоты къ дѣламъ этого сорта и, встрѣтивъ красивую

и шикарную княгиню, почувствовалъ неодолимое влеченье поклоняться ея красотѣ. Кишенскій замѣтилъ это и не далъ этой искрѣ погаснуть. Онъ немедленно же появился въ небогатомъ нумерѣ куда Казиміра пріѣхала съ желѣзной дороги вмѣстѣ съ польскимъ скрипачомъ, и съ золотою рыбкой, которую привезла въ маленькомъ изящномъ акваріѣ. Кишенскій, окинувъ взоромъ занимаемое Казиміpой помѣщеніе и ея необременительный багажъ, и выждавъ минуту когда скрипачъ оставилъ ихъ вдвоемъ tête-à-tête, прямо и безцеремонно спросилъ:

— Вы вся тутъ, ваше сіятельство?

— Вся, отвѣчала княгиня.

— Такъ надо значитъ у кого-нибудь перехватить.

— Ну, у кого же? полюбопытствовала княгиня.—У васъ вѣдь не перехватишь, не дадите.

— У меня!... про меня и говорить нечего: я и не дамъ, да у меня и нѣтъ суммъ которыя были бы достойны такой дамы какъ вы, а вотъ вчерашняго барина у меня вы не запримѣтили ли?

— Да, это кажется Бодростинъ?

— Кажется, повторилъ, улыбаясь, Кишенскій.—Ахъ, матушка ваше сіятельство: развѣ можно такъ говорить про такой кусочекъ?

— А что̀ такое?

— Да какъ же-съ: это *именно* Бодростинъ; то-есть *онъ самъ*, настоящій.—Бодростинъ, старой подруги вашей Глафиры Акатовой законный супругъ и обладатель ея прелестей, которыя, между нами говоря, всѣ одного вашего мизинчика не сто́ятъ и.... кромѣ того обладатель цѣлыхъ дву тьму денаріевъ, пенязей, злотницъ и ворoховъ зерна бурмитскаго.

— Что̀ же ему здѣсь нужно?

— Да вотъ подите же: еще богаче быть хочетъ. Это ужь такова человѣческая алчность вообще, а у него въ особенности. Онъ на все жаденъ, и его за это Богъ накажетъ.

— А что̀ такое?

— Да какъ же, развѣ вы вчера ничего не замѣтили?

— Рѣшительно ничего. А что̀ же такое, скажите пожалуста?

— Какъ вы вчера не замѣтили какъ онъ въ васъ стрѣлялъ взорами?

— Ну ужь это сочиненіе! молвила закраснѣвшись Казиміра. Она живо сознавала и чувствовала что Кишенскій говоритъ

правду и что онъ замѣтилъ именно то самое что̀ она и сама замѣтила и идетъ именно прямо къ тому что̀ ее занимало въ ея затруднительнѣйшемъ положеніи, безъ гроша денегъ и с скрипачомъ и золотою рыбкой.

Кишенскому не было ни малѣйшаго труда прочесть и истолковать себѣ смущеніе Казиміры, и онъ ни мало не медля тронулъ ее слегка за руку и сказалъ самымъ короткимъ тономъ:

— Ну такъ, матушка княгиня, и прекрасно: Этой первой мысли теперь васъ посѣтившей и не перемѣняйте. Такъ и будетъ сдѣлано. Понимаете: сдѣлано честно, безкорыстно, безъ всякаго куртажа.

Казиміра еще болѣе покраснѣла и пролепетала:

— Что̀ вы это такое?... почему вы знаете мои теперешнія мысли?

— Знаю-съ, отвѣчалъ смѣло Жидъ.

— Я вовсе и не думаю о Бодростинѣ, и что̀ онъ мнѣ такое!

— Онъ?... онъ ничего, дрянь, старый мѣшокъ съ деньгами, а... ваше сіятельство женщина съ сердцемъ, и тотъ кого вы любите бѣденъ и сиръ.... Правду я говорю? Надо *чѣмъ-нибудь* пожертвовать,—это лучше, чѣмъ все потерять, матушка княгиня!

Матушка княгиня не возражала, но благодарно пожала мошенническую руку Кишенскаго, а тотъ позже внушалъ Михаилу Андреевичу что для пріобрѣтенія настоящаго апломба въ средѣ крупныхъ дѣльцовъ Петербурга надо не пренебрегать ни чѣмъ, на чемъ можно основать свою силу и значеніе. Перечисляя многоразличные аттрибуты такой обстановки, Кишенскій дошелъ и до совѣта Бодростину блеснуть блестящею женщиной.

— Эта статья нынче много вѣситъ и заставляетъ говорить о человѣкѣ, рѣшилъ онъ и затѣмъ смѣло посовѣтовалъ Бодростину не пренебрегать этою статьей, тѣмъ болѣе что она можетъ доставлять пріятное развлеченіе.

— Согласенъ, батюшка, съ вами, отвѣчалъ ему Бодростинъ,—но вопервыхъ я старъ....

— Ну это не резонъ, перебилъ его Кишенскій, — старому утѣха нужнѣе чѣмъ молодому.

— Пожалуй что вы и правы, но вѣдь я, какъ знаете, женатъ.

— Ну помилуйте, кто же въ наше время изъ порядочныхъ

людей съ женами живетъ? У насъ въ Петербургѣ ужь и приказные нынче это за моветонъ считаютъ.

— Канальи!

— Да; что канальи, не они въ томъ виноваты, а это ужь таковъ вѣкъ. А къ тому же вѣдь я это совѣтую вамъ не въ серіозъ, а только для блезиру и притомъ имѣя въ виду одно случайное обстоятельство.

— Случайное обстоятельство!

— Да.

— Въ этомъ родѣ?

— Да, въ этомъ родѣ.

— Что̀ жь это такое: ужь не ту ли вы Француженочку хотите отбить у графа что̀ была съ нимъ вчера на пуантѣ?

— Ну вотъ: нашли что̀ отбивать—Француженку! Что̀ она такое значитъ?

— Ну нѣтъ, вы этого не говорите: она хороша.

— Хороша-съ, чортъ ее знаетъ что̀ она такое: безъ рода, безъ племени. Нѣтъ, надо изловить знаменитость.

— Пѣвицу или танцовщицу что ль?

— Ну что̀ за танцовщицы! Нѣтъ, надо блеснуть дамочкой изъ свѣта, съ именемъ и пожалуй съ титуломъ, и я въ томъ смыслѣ веду съ вами и рѣчь. Вы видѣли у меня вчера княгиню Вахтерминскую?

— Прелесть!

— Надѣюсь что прелесть, а у нея, кажется, дорожный баулъ пустенекъ и...

— Да будто вы это считаете возможнымъ? вопросилъ въ недоумѣніи Бодростинъ.

— То-есть я ничего особеннаго не считаю возможнымъ, но вполнѣ увѣренъ въ одной возможности крайне обязать и разодолжить ее при ея нынѣшнихъ обстоятельствахъ и сдѣлать ее своею attachée, бывать съ нею гдѣ съ такими дамами принято быть; принимать въ ея домѣ....

— Но позвольте, возразилъ Бодростинъ, я замѣтилъ что при ней этотъ польскій скрипачъ.

— А-га, вы это замѣтили! Я тоже замѣтилъ что вы это взяли на примѣчаніе. О, да вы ходокъ по этой части!

— Да какъ же не замѣтить: вѣдь это сейчасъ видно.

— Ну и пускай себѣ будетъ видно; этими господами стѣсняться нечего, да и это наконецъ ужь ея дѣло или ихъ общее дѣло, а не наше. Мы же свое начнемъ по порядку, оно у насъ

порядкомъ тогда и пойдетъ. Вотъ она теперь третью недѣ[лю] живетъ въ нумеркѣ, и вѣдь она же, не видя этому никако[го] исхода, конечно о чемъ-нибудь думаетъ.

— Конечно.

— То-то-съ что „конечно". А о чемъ въ такомъ положені[и] думаютъ дамы у которыхъ нить благодатнаго притока обо[р]валась—это намъ тоже должно быть извѣстно.

— По крайней мѣрѣ догадываться можно.

— Да-съ; можно даже и не ошибаться. Такъ вотъ у нея те[]перь первое и даже самое страстное пожалуй желаніе имѣ[ть] свой ложементъ, то-есть хорошенькую уютную квартирку [и] пару сѣренькихъ лошадокъ съ колясочкой, хоть не очень сер[]дитой цѣны. И все это она, разумѣется, приметъ съ нѣжнѣй[]шею благодарностью.

— Вы думаете?

— Да непремѣнно такъ-съ, приметъ и еще съ нѣжнѣйше[ю] благодарностью и обязательствомъ чтобъ этотъ ея скрипач[ъ] поселился отдѣльно, и она вошла бы въ приготовленный на[]ми для нее уголокъ съ одною своею золотою рыбкой. И мы будемъ навѣщать ее въ ея одиночествѣ и любоваться какъ е[я] золотая рыбка плещется, потомъ иногда прокатимся съ не[й] на ея коняшкахъ попросту: вы рядкомъ съ ней, а я на перед[]ней лавочкѣ.

— Что̀ же, это бы все ничего... то-есть, это очень пріятно

— Да и воистину-съ, чтобы вы знали, пріятно и вамъ [и] мнѣ, потому что я по всѣмъ этимъ мѣстамъ рыщу по своей обязанности фельетониста. Знаете вѣдь „эпиграмма хохотунья трется, вьется средь народа, и тутъ увидѣвши урода, ему [и] вцѣпится въ глаза." Таковъ нашъ хлѣбъ, и вотъ какъ собакѣ снится хлѣбъ, а рыбка рыбаку, я и проектирую наши буду[]щія parties de plaisir: мнѣ хлѣбъ, а вамъ рыбка. Идет[ъ] что ли? Надо пользоваться обстоятельствами и временемъ, иначе, извините меня, я знатокъ въ такихъ дѣлахъ: этакая женщина какъ Казиміра, съ ея наружностью, именемъ и ла[]сками, долго въ запамяти въ Петербургѣ не останется и да[]леко пойдетъ.

Бодростинъ, которому Казиміра нравилась безмѣрно и ко[]торый млѣлъ отъ одной мысли завладѣть ею на тѣхъ или другихъ основаніяхъ, разрѣшилъ Кишенскому пользоваться и временемъ и обстоятельствами, и не прошло недѣли, какъ прекрасная Казиміра пріѣхала къ Михаилу Андреевичу на

своихъ лошадяхъ и въ своей коляскѣ просить его о какомъ-то ничтожномъ совѣтѣ и тутъ же пригласила его въ свой салонъ и при этомъ нѣжно, нѣжно и крѣпко пожала его руку.

III. Собакѣ снится хлѣбъ, а рыба рыбаку.

Съ сихъ поръ Михаилъ Андреевичъ сдѣлался хозяиномъ Казиміриныхъ апартаментовъ и опекуномъ жизни „маленькой княгини", но все это ограничивалось для него лишь правомъ бесѣдовать съ нею вдвоемъ, цѣловать ея ручки, щекотать перышкомъ ея шейку и платить ея большіе, большіе расходы по счетамъ, шедшимъ чрезъ руки Кишенскаго и непомѣрно возроставшимъ отъ его прикосновенія.

Механика устроенная Кишенскимъ шла прекрасно: Бодростинъ не успѣлъ оглянуться, какъ Казиміра сдѣлалась его потребностью: онъ у нея отдыхалъ отъ хлопотъ, она его смѣшила и тѣшила своею граціозною игривостью и остроуміемъ, взятымъ на память изъ Парижа; у нея собирались нужные Бодростину люди, при посредствѣ которыхъ старикъ одновременно раскидывалъ свои широкіе коммерческіе планы и въ тоже время молодѣлъ душой и тѣломъ.

Скрипачъ не мѣшалъ ничему, Кишенскій, бывшій душой всего этого дѣла, все обставилъ безукоризненно, и самъ пилъ, ѣлъ, золотилъ руки и наслаждался лелѣя дальновидный планъ обобрать Бодростина въ конецъ. Плана этого Кишенскій, разумѣется, не открывалъ никому, а тѣмъ менѣе Казимірѣ, которая съ перваго же шага смѣтила что верткій фельетонистъ, шпіонъ, соціалистъ и закладчикъ хлопочетъ не даромъ и не изъ-за того чтобы только попить и поѣсть у нея на Бодростинскій счетъ. Но она не шла далѣе предположенія что Кишенскій устроилъ ея карьеру съ тѣмъ чтобы поживиться отъ счетовъ и расходовъ. Она легко смекнула что если это дѣло пойдетъ такимъ теченіемъ на годъ, на два, то Кишинскій можетъ нажить съ этой сдѣлки шесть, семь тысячъ рублей. Казимірѣ было жаль этихъ денегъ, но съ другой стороны, она не могла разчитывать чтобъ исторія эта потянулась на годъ, на два. Она понимала что какъ ни очаровался ею Бодростинъ и какъ заботливо ни станетъ она охранять это очарованіе, старикъ все-таки не поставитъ ради ея на карту все свое положеніе и не далеко время когда сѣрымъ лошадямъ станетъ нечего ѣсть и нечѣмъ будетъ платить за роскошный поже-

менгъ и не на что станетъ жить бѣдному скрипач... ному изъ квартиры княгини и удостоивавшемуся отъ ... ки и утѣшенія въ уютныхъ двухъ комнаткахъ нанятыхъ ... отдѣльно vis-a-vis съ квартирой Казиміры.

Скрипачъ, взирая по вечерамъ на освѣщенныя окна кня... ниныхъ апартаментовъ, тоже смекалъ что все это непроч... что все это можетъ кончиться прежде чѣмъ успѣешь с... хватиться.

При такомъ согласіи во взглядѣ влюбленныхъ. они наш... случай другъ съ другомъ объясниться, и результатомъ ... переговоровъ у Казиміры явилось рѣшеніе попросить у Б... ростина тысячу рублей взаймы безъ посредства Кишенска... Рѣшеніе это удалось безъ малѣйшаго затрудненія и прит... съ соблюденіемъ полнѣйшаго достоинства. Черезъ мѣсяцъ ... емъ повторился еще на одну тысячу, а немного спустя встр... тился еще экстренный случай по которому потребовалось т... тысячи. Бодростинъ все давалъ, но наконецъ и ему наскуч... ло давать, да и Казимірѣ стало неловко просить. Тогда ... одинъ прелестный день Кишенскій, посѣтивъ свои редакці... гдѣ въ одной онъ гремѣлъ противъ распущенности соврем... ныхъ нравовъ, а въ другой настрочилъ сквозной намекъ ... нѣкоей очаровательной княгинѣ В., возвратился домой и сид... за ширмой въ закладной комнатѣ, слышалъ какъ кто-то тол... нулся съ просьбой ссуды подъ векселекъ г. Бодростина.

Кишенскаго это изумило. Никакъ не думая чтобы Бо... ростинъ могъ нуждаться въ наличныхъ деньгахъ, Кишенскій принялъ изъ рукъ дамы посредницы вексель, списалъ его в... памятную книжечку и возвратилъ съ отказомъ въ дисконтѣ.

Ему можетъ-быть слѣдовало бы извѣстить объ этомъ Бо... ростина, но долговременная жизнь на кожахъ отуманила его прозорливость и отучила его отъ всякой искренности.

— Чего добраго, можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ Бод... стинъ совсѣмъ не такъ благонадеженъ, какъ говорятъ, ... малъ Кишенскій и продолжалъ помалчивать.

Время шло. Михаилъ Андреевичъ расходовался самъ ... свои предпріятія и платилъ расходы Казиміры, платилъ и рас... ходы Кишенскаго по отыскиванію путей къ осуществленію великаго дѣла освѣщенія городовъ удивительно дешевымъ способомъ, а Кишенскій грѣлъ руки со счетовъ Казиміры и рвалъ куртажи съ тѣхъ ловкихъ людей которымъ предавалъ Бодростина, расхваливая въ газетахъ и ихъ самихъ и ихъ

геніальные планы, а между тѣмъ земля, полнящаяся слухами, стала этимъ временемъ доносить Кишенскому вѣсти что то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, еще и еще проскальзываютъ то собственные векселя Бодростина, то бланкированные имъ векселя Казиміры.

Кишенскій заподозрилъ что дѣло что-то не чисто и сообщилъ о томъ женѣ Висленева, которая поэкзаменовала Казиміру и, замѣтивъ въ ней нѣкоторое смущеніе, пришла къ тѣмъ же самымъ заключеніямъ что̀ и Кишинскій. Тутъ непремѣнно должна была крыться какая-нибудь темная штука. Тихонъ Ларіоновичъ понялъ что княгиня хотѣла его одурачить и рѣшился наказать ее. Онъ могъ бы наказать ее и больно, открывъ всю эту исторію Бодростину, но этимъ бы все разстроилось, и самъ Кишинскій лишился бы хорошихъ доходовъ. Онъ предпочелъ только *проучить* „маленькую княгиню", и удалясь подъ различными предлогами отъ участія въ ея дѣлахъ съ Бодростинымъ, поговорилъ о своихъ подозрѣніяхъ при Ципри-Кипри, результатомъ чего явилось извѣстное письмо послѣдней къ Подозерову. Кишинскій думалъ пугнуть ихъ Глафирой и промахнулся,—той это было только на руку.

IV. Другой рыбакъ съ иною отвагой.

Командированный въ силу этихъ извѣстій Гордановъ засталъ дѣло въ тяжкомъ кризисѣ. Кишинскій прятался и писалъ въ своихъ фельетонахъ намеки на то самое мошенничество которое самъ устроилъ; Михаилъ Бодростинъ былъ смущенъ полученными имъ по городской почтѣ анонимными письмами, извѣщавшими его что указываемое въ такой-то газетѣ дѣло о фальшивыхъ векселяхъ непосредственно касается его. Съ одной стороны, угрожающій по этому случаю скандалъ, а съ другой, подрывъ кредита раздражалъ его безмѣрно, и смущенный старикъ довѣрялъ свою досаду одной Казимірѣ, но та на эту пору тоже не находила у себя для него запаса утѣшеній.

Внезапное прибытіе Горданова въ Петербургъ въ эти смятенные дни было для Михаила Андреевича величайшею радостію. Онъ все разказалъ Горданову и попросилъ его розыскать въ чемъ можетъ заключаться дѣло и вывесть все на чистую воду, если можно однако безъ всякой огласки.

Гордановъ взялся все обдѣлать и поскакалъ. Онъ по-

бывалъ, гдѣ зналъ, въ разныхъ мѣстахъ и потомъ у Кишинскаго, который при видѣ его, улыбнулся, сгасъ и напомнилъ ему о долгѣ.

— Мой долгъ будетъ красенъ платежомъ, отвѣчалъ ему съ презрѣніемъ Гордановъ,—а вы вотъ скажите мнѣ: что̀ за слухи ходятъ о Бодростинскихъ бланкахъ и векселяхъ.

Кишинскій отозвался болѣзнью и полнымъ объ этомъ невѣдѣніемъ, но присовѣтывалъ однако же Горданову толкнуться къ начальнику сыскной полиціи, или къ оберъ-полицеймейстеру, а также поговорить съ Казиміpой и кстати подумать о долгѣ. Гордановъ на первый совѣтъ, куда ему толкнуться ничего не отвѣтилъ, а о долгѣ обѣщалъ поговорить послѣзавтра, и прямо отправился къ княгинѣ Казимірѣ.

Конфиденціи которыя имѣлъ Павелъ Николаевичъ съ очаровательною безпаспортною княгиней повели къ тому что Михаилъ Андреевичъ видѣлъ ея милыя слезы, пріялъ ея раскаяніе въ увлеченіи недостойнымъ человѣкомъ, и разжалобясь, остался самъ ея единственнымъ утѣшителемъ, тогда какъ Гордановъ отправился немедленно перемѣстить скрипача, такъ чтобы не было и слѣда. Съ этихъ поръ отношенія Бодростина къ красавицѣ княгинѣ вступили въ совершенно новую фазу, причемъ не мало значенія имѣли усердіе и талантъ Горданова.

Княгиня ни за что̀ не хотѣла разстаться съ своимъ скрипачемъ. Даже сознавшись, подъ страшными угрозами Горданова, въ томъ что фальшивые векселя отъ имени Бодростина фабриковалъ скрипачъ и что онъ же дѣлалъ отъ его имени ручательныя подписи на обязательствахъ, которыя она сама писала по его просьбамъ, княгиня ни за что̀ не хотѣла оставить своего возлюбленнаго.

— Мы лучше бѣжимъ оба изъ Россіи, сказала она Горданову, ломая свои руки.

— Постойте, постойте! отвѣчалъ ей спокойно, соображая и обдумывая, Гордановъ. Бѣжать хорошо, но именно, какъ вы сказали, надо „лучше бѣжать“, а не кое-какъ.

И онъ предложилъ ей короткій и ясный планъ выпроводить артиста одного.

Княгиня отвѣчала отрицательно.

— Отчего-же-съ? допрашивалъ Гордановъ. Если любите его, такъ и будете любить: пусть онъ подождетъ васъ гдѣ-нибудь

за границей, а вы пока здѣсь.... хорошенько подкуетесь на золотыя подковки.

— Нѣтъ; это невозможно.

— Ревнуете что-ли вы его?

— Да; и ревную, и....

— Вы пожалуста договаривайте, а то вѣдь время дорого, и каждую минуту на слѣдъ этой продѣлки можетъ накинуться полиція. Почему вы не можете съ нимъ разлучиться?

Княгиня молчала.

— Залогъ его любви что-ли вы можетъ-быть храните? отбилъ безцеремонно Гордановъ.

Княгиня вспыхнула и взглянула на дѣльца умоляющимъ взглядомъ.

— Понимаю васъ, понимаю, успокоилъ ея Гордановъ. Но вѣроятно еще не скоро?... Ну такъ мы вотъ что.... Что у васъ есть залогъ его любви это даже прекрасно, но самъ онъ здѣсь теперь не у мѣста и дѣлу мѣшаетъ: онъ васъ тоже вѣрно ревнуетъ?

— Ну конечно... развѣ ему пріятно? отвѣчала сквозь слезы княгиня.

— Да, да; разумѣется, я такъ и думалъ, но впрочемъ это ужъ всегда такъ бываетъ. Оттого все у васъ до сихъ поръ такъ вяло и шло что вы связаны его мученіями.

Княгиня вдругъ вздрогнула и зарыдала.

— Ну-съ, не убивайтесь, утѣшалъ ее Гордановъ;—положитесь на меня. Я такъ устрою, что вамъ никакого труда не будетъ стоить приласкать старичка. Что въ самомъ дѣлѣ: онъ вѣдь то же что дитя... Чѣмъ тутъ терзаться-то?

Княгиня молчала.

— Да; приласкайте его; родственно, но хорошенько, повторилъ Гордановъ, такъ чтобъ у него ушки на макушкѣ запрыгали, и всю эту бѣду съ векселями мы сбудемъ и новую добудемъ.... А того молодца мы пока припрячемъ отъ глазъ подалѣе. Хорошо?... ну и прекрасно! А вы тѣмъ временемъ позакрѣпитесь, позаручитесь капитальцемъ и на свою и на младенцеву долю....

Княгиня не выдержала и произнесла съ омерзеніемъ:—фуй, Гордановъ, что вы говорите!

— Дѣло говорю-съ, дѣло. И главное, все это будетъ сдѣлано безъ посредства этого подлаго Жида Тишки.

— Ахъ да! ужъ Бога ради только безъ него!

— Да ужь объ этомъ вы не хлопочите: я его самъ ненавижу, повѣрьте, не менѣе вашего.

— Онъ такой негодяй!... мнѣ даже одинъ видъ его вселяетъ отвращеніе.

— Конечно, видъ его прегнусный.

— Ну ужь я не знаю, но я его всегда терпѣть не могла, въ теперешнемъ моемъ положеніи....

— Да; въ теперешнемъ вашемъ положеніи это совсѣмъ не годится. Ну, вы его за то болѣе и не увидите. А во всемъ остальномъ прошу васъ не того... не возмущаться. Что̀ дѣлать судьба! помните какъ это говоритъ Прекрасная Елена „Судьба!"

Княгиня покачала головой и хруснула энергически пальцами, оглянулась по сторонамъ покоя и тяжело вздохнула, какъ бы отъ нестерпимой боли.

— Что́-съ? шепнулъ ей въ это время Гордановъ.

— Да ничего... „судьба... судьба!"

Гордановъ всталъ и проговорилъ:

— А судьбѣ благоразуміе велитъ покоряться. Онъ протянулъ княгинѣ руку.

— Я покоряюсь, молвила въ отвѣтъ княгиня.

Затѣмъ, когда былъ доставленъ Бодростинъ и когда онъ былъ оставленъ при требующей прощенія и утѣшенія княгинѣ, Павелъ Николаевичъ въ самые часы ихъ нѣжныхъ изліяній другъ предъ другомъ предался неожиданному коварству.

V. Рыбакъ рыбака видитъ.

Гордановъ обѣщалъ княгинѣ что спрячетъ ея скрипача гдѣ-нибудь неподалеку за чертой Петербурга, но спрячетъ такъ удобно что для влюбленныхъ останется еще возможность хотя рѣдкихъ свиданій, но устроилъ все иначе.

Вмѣсто того чтобы хлопотать о перевозѣ счастливаго артиста за городскую черту, Гордановъ, явясь къ нему на другое утро, предъявилъ ему бумагу по силѣ которой всякая полицейская власть обязана была оказывать Павлу Николаевичу содѣйствіе въ поимкѣ названнаго въ ней артиста.

Тотъ оторопѣлъ и растерявшись только осматривалъ Горданова съ ногъ до головы. Онъ, очевидно, никогда не видалъ птицъ такого полета.

— Вы не выдумайте однако защищаться, заговорилъ тихо Гордановъ, замѣтивъ что артистъ, собравшись съ мыслями, озирается по сторонамъ:—это будетъ безполезно, потому что вопервыхъ, я не позволю вамъ сойти съ мѣста, и у меня въ карманѣ револьверъ, а вовторыхъ, я совсѣмъ не то за что̀ вы меня принимаете. Вамъ этого не понять; я Ѳедотъ, да не тотъ: я пришелъ васъ спасти. Поняли теперь?

— Н....н....ѣ....т....ъ, беззвучно уронилъ потерявшійся артистъ.

— Нѣтъ? очень жаль, а мнѣ разъяснять вамъ это некогда, но впрочемъ странно что вы будучи Полякомъ этого не понимаете: я иду дорогой проложенною вашими же соотчичами, служу и вашимъ и нашимъ. Бѣгите пока можете: я васъ отпускаю, но бѣгите ловко, не попадайтесь подъ мой слѣдъ, за вами могутъ пуститься другіе охотники, не изъ нашихъ.... Тѣ ужъ не будутъ такъ милостивы какъ я.

— Но за что̀ же вы ко мнѣ такъ милостивы?

— Ну ужъ это мое дѣло. Я знаю что вамъ меня вознаграждать нечѣмъ.

— Совершенно нечѣмъ.

— Но однако вы мнѣ отдадите что̀ у васъ есть готоваго.

— То-есть что̀ же такое вы желаете получить?

— То-есть я желаю получить векселя княгини съ Бодростинскими надписями.

Артистъ началъ было увѣрять что у него ничего подобнаго нѣтъ, но когда Гордановъ пугнулъ его обыскомъ, то онъ струсилъ и смятенно подалъ два векселя, которые Павелъ Николаевичъ прочелъ, посмотрѣлъ и объявилъ что работа въ своемъ родѣ совершеннѣйшая, и затѣмъ спряталъ векселя въ карманъ, а артисту велѣлъ какъ можно скорѣе убираться, о чемъ тотъ и не заставлялъ себѣ болѣе повторять.

Онъ одѣвался, лепеча Горданову что ѣдучи въ Россію онъ никакъ не думалъ заниматься здѣсь подобными дѣлами, но что его неудачи шли за неудачей, музыки его никто не хотѣлъ слушать и вотъ....

Гордановъ этому даже пособолѣзновалъ и сказалъ что наша петербургская публика въ музыкальномъ отношеніи очень разборчива и что у насъ не мало европейскихъ знаменитостей проваливалось, а затѣмъ далъ артисту нотацію не бросаться ни на одну желѣзную дорогу, ибо тамъ ему угрожалъ бы телеграфъ, а посовѣтовалъ ему сѣсть на финляндскій пароходъ и благополучно удирать въ Стокгольмъ, а оттуда

въ любое мѣсто, гдѣ могутъ найтись охотники слушать ег музыку.

Артистъ такъ и сдѣлалъ. О княгинѣ онъ было заикнулся но Гордановъ такъ вѣско и внушительно помахалъ пальцемъ что тотъ и языкъ потерялъ.

— Вы объ этомъ и думать не смѣйте! И писать ей не смѣйте, иначе вы погибли, наказывалъ Гордановъ.

— А она?

— О ней не безпокойтесь. Развѣ вы не понимаете въ чемъ дѣло и почему васъ только высылаютъ?

Артистъ при всемъ горестномъ своемъ положеніи осклабился.

— Она остается здѣсь, потому что ея присутствіе тутъ доставляетъ удовольствіе... Тутъ Гордановъ пригнулся и шепнулъ что-то на ухо артисту. Тотъ даже присѣлъ. Черезъ часъ онъ уже плылъ подъ густымъ дымомъ финляндскаго парохода.

Выпроводивъ артиста съ такими напутствіями, Павелъ Николаевичъ стройно установлялъ отношенія Бодростина съ княгиней Казимірой, которая хватилась скрипача на другой день, но, пометавшись всюду, убѣдилась что его нѣтъ и искать его негдѣ. Кризисъ разрѣшился у ней обиліемъ нервныхъ слезъ и припадкомъ отчаянной раздражительности, которую Бодростинъ не зналъ какъ успокоить и искалъ въ этомъ случаѣ помощи и содѣйствія Горданова, но тоже искалъ напрасно потому что и Ропшинъ, и слуги разосланные за Павломъ Николаевичемъ нигдѣ его не могли отыскать.

Его лишь случайно нашелъ Кишинскій на станціи Варшавской желѣзной дороги. Они оба столкнулись, отвернулись другъ отъ друга и разошлись, но потомъ снова столкнулись и заговорили, когда поѣздъ отъѣхалъ и они остались на платформѣ.

— Вы вѣрно кого-нибудь хотѣли проводить? спросилъ Кишенскій, здравствуясь съ Гордановымъ.

— Да-съ, я-съ хотѣлъ-съ кого-то проводить; а вы тоже проводить желали? отвѣчалъ не безъ насмѣшки въ голосѣ Гордановъ.

— Да, и я.

— Только не удалось?

— Не удалось.

— Представьте и мнѣ тоже! Какъ вы думаете, гдѣ онъ теперь каналья?

— Вы о комъ же говорите?

— Да все о немъ же, о немъ.

— То-есть....

— То-есть о томъ кого вы хотѣли встрѣтить, или проводить, да не проводили и не встрѣтили. Скажите, дорого вамъ платятъ за вашу службу по этой части?

— Я думаю столько же сколько и вамъ.

— Столько же!... ну этого быть не можетъ.

— А отчего вы такъ думаете?

— Да вы не сто́ите столько, сколько я.

— Вотъ какъ!

— Конечно! Я о васъ полюбопытствовалъ: вы вѣдь употребляетесь для дѣлъ грязненькихъ, грубыхъ этакихъ.... да?

— Да-съ; я языковъ не знаю, отвѣчалъ спокойно Кишенскій.

— Ну не одно это только, что вы языковъ не знаете, а у васъ.... вообще, я думаю, очень многаго недостаетъ для тонкихъ сношеній.

— Напримѣръ-съ, чего же бы это еще мнѣ не достаетъ?

— Напримѣръ? нечего тутъ напримѣръ! Напримѣръ вы вотъ совсѣмъ для хорошаго общества не годитесь.

— Да я и не гонюсь-съ за этимъ обществомъ-съ, и не гонюсь-съ; но вы напрасно тоже думаете что васъ озолотятъ. Надуютъ-съ! Ужь много такихъ же какъ вы франтовъ разлетались: думали тоже что имъ за ихъ бонъ-тонъ пивѣсть сколько отсыпятъ. Вздоръ-съ! и здѣсь есть кому деньги-то забирать...

— Да, вы много понимаете! отвѣтилъ съ презрѣніемъ Гордановъ.

— Я-то понимаю. Я знаю изъ-за чего вы сюда ударились. При этихъ словахъ Кишенскій побагровѣлъ отъ досады и молвилъ:—но вы не безпокойтесь, кто бы васъ ни защищалъ за ваши обѣщанія открыть что-то важное, вы мнѣ все-таки отдадите деньги, потому что вы ихъ должны.

— Да, долженъ, не спорю, но отдамъ не скоро, отвѣчалъ насмѣхаясь надъ нимъ Гордановъ.

— Да-съ; отдадите.

— Только не скоро.

— И это же подло. Чѣмъ же вы хвастаетесь? тѣмъ что вамъ удалось представиться важнымъ дѣятелемъ, способнымъ обнаружить невѣдомо какія махинаціи, и что я принужденъ долгъ вамъ отсрочить, какъ нужному человѣку, я отсрочу-съ,

отсрочу; но.... но мы съ вами, господинъ Гордановъ, все-таки сочтемся.

— Какъ же, какъ же: непремѣнно сочтемся, я вотъ удостовѣрюсь правду ли вы мнѣ все это сказали и тогда сочтемся.

— Да, сочтемся-съ, потому знаете ли что̀ я вамъ скажу:—видѣлъ много всякихъ мошенниковъ и плутовъ, но со всѣми съ ними можно вести дѣло, а съ такими людьми какіе теперь пошли....

— И плутовать нельзя?

— Именно.

— Это значитъ близка кончина міра.

— И я то же думаю.

— Ну, такъ совѣтую же вамъ прочее время живота вашего скончать въ мирѣ и покаяніи, сказалъ ему насмѣшливо Гордановъ и крикнувъ кучера уѣхалъ, взметая пыль въ глаза оставшемуся на тротуарѣ ростовщику.

— Ослушаться и представить на него ко взысканію? думалъ идучи въ одну изъ своихъ редакцій Кишенскій, но.... вопервыхъ, у него ничего нѣтъ и онъ отсидится въ долговомъ, да и только, а кромѣ того.... бѣды наживешь: разорвать всѣ вл. связи, станутъ на каждомъ шагу придираться по кассѣ... Вотъ чортъ возьми что страшно-то и скверно, а впрочемъ дьяволъ меня дернулъ разоблачать предъ нимъ тайны учрежденія! Все это несдержанное зло закипѣло, а онъ этимъ можетъ воспользоваться и перессорить меня съ начальствомъ... Да!.. Какъ бы не такъ: сейчасъ и перессоритъ? Да кто же ему повѣритъ?... Кто же у насъ кому-нибудь вѣритъ? и мнѣ не вѣрятъ и ему не повѣрятъ, какъ я самъ никому не вѣрю... Кругомъ пошло!

Но мы оставимъ на время и Кишенскаго, какъ оставили артиста и послѣшимъ къ позабытой нами Глафирѣ Васильевнѣ, которая во все это время, какъ мы окидывали бѣглымъ взоромъ операціи нашихъ достойныхъ дѣятелей, продолжаетъ оставаться сидя въ своей постели предъ ларцомъ, изъ котораго на ея колѣни высылана куча пестрыхъ листковъ почтовой бумаги.

VI. Отбой.

Глафира Васильевна имѣла предъ собою обстоятельную лѣтопись всѣхъ петербургскихъ событій и притомъ съ различныхъ сторонъ. Помимо вѣсти отъ Горданова, Ропшина и самого Бодростина, были еще письма Цыпри-Кипри (она

получала по десяти рублей за каждое письмо съ [illegible] на Горданова), и наконецъ вчера Глафира получила двѣ письма, изъ которыхъ одно было написано почеркомъ заставившимъ Висленева затрепетать.

Бодростина это замѣтила и спросила Жозефа о причинѣ его замѣшательства, но онъ могъ только молча указать рукой на пакетъ.

Глафира разорвала конвертъ и прочтя внизу исписаннаго листка имя „Кишенскій“, махнула Висленеву рукой чтобъ онъ вышелъ.

Это было часъ за полночь, по возвращеніи Бодростиной и состоявшаго при ней Висленева со спиритской бесѣды у Аллана Кардека, куда Бодростина учащала съ неизмѣннымъ постоянствомъ и гдѣ давно освоилась со всѣми прибывающими медіумами, видящими, слышащими, пишущими, рисующими или говорящими, и со всѣми „философами“ убѣжденными въ истинѣ спиритской системы, но ничего необыкновеннымъ путемъ не видящихъ, не слышащихъ и не говорящихъ. Глафира Васильевна принадлежала къ послѣднимъ, то-есть къ спиритамъ не одареннымъ необыкновенными способностями, а только „убѣжденнымъ въ ученіи спиритизма и въ способности медіумовъ“, Висленевъ же былъ медіумъ видящій, слышащій, пишущій и говорящій. Способности эти обнаружились въ немъ быстро и внезапно, сначала предчувствіями, которыя онъ имѣлъ поджидая Бодростину въ пограничномъ городишкѣ, откуда послѣ своего побѣга прислалъ Горданову письмо подписанное псевдонимомъ Esperance, а потомъ.... потомъ духи начали писать его рукой увѣщанія Бодростиной полюбить Іосафа Платоновича. Глафира Васильевна читала эти „общенія“ духа, и повидимому внимала имъ и вѣрила, но.... но для Висленева все еще не наступало счастливаго времени когда подобныя увѣщанія духа были бы излишними.

Такъ было во все время состоянія Висленева за границей при особѣ Бодростиной и такъ стояло дѣло и въ минуту когда Глафира, прочтя подпись Кишенскаго подъ полученнымъ ею письмомъ, дала Висленеву рукой знакъ удалиться.

Кто (какъ мы) долго не видя Висленева, увидалъ бы его въ эту минуту, или вообще увидалъ бы его съ тѣхъ поръ какъ онъ выскочилъ изъ фіакра, подавъ руку траурной Бодростиной и сопровождалъ ее неся за нею шаль, тотъ на-

шелъ бы въ немъ ужасную перемѣну: темя его еще болѣе пр рѣдѣло, носъ вытянулся, и на блѣдныхъ щекахъ обозначал красноватыя, какъ-будто наинъекцированныя карминомъ ки: глаза его точно сейчасъ только проснулись, и въ нихъ было какое-то смущеніе, смѣшанное съ робостью и расч на „авось вынесетъ", на „была-не-была." Вся его фигура сила отпечатокъ слѣдавшихъ его безпокойства, страсти рѣшимости.

Увидѣвъ противный для него почеркъ Кишенскаго и всл затѣмъ мановеніе руки, которымъ Бодростина удаляла изъ своей комнаты, онъ не осмѣлился возражать ей, но и тронулся къ двери, не вышелъ, а помялся на одномъ мѣ робко присѣлъ на стулъ и поникъ головой долу.

Бодростина внимательно читала письмо Кишенскаго и, читавъ его до конца, оборотила листокъ и начала читать н ново. Затѣмъ она положила письмо на колѣни, и разорв другой конвертъ, принялась читать посланіе Горданова.

Въ это время Висленевъ всталъ и тихо заходилъ по устл ной толстымъ зеленымъ сукномъ комнатѣ. Онъ шагалъ из угла въ уголъ, то закидывая голову назадъ и глядя въ по толокъ, то быстро опуская ее на грудь и какъ бы о чемъ то задумываясь. Во все это время уста его что-то шептал иногда довольно слышно, а руки дѣлали вздрагивающія дви женія, межъ тѣмъ какъ самъ онъ приближался по діагонал къ Бодростиной и вдругъ, внезапно остановясь возлѣ ея кре сла, тихо и какъ-будто небрежно взялъ съ ея колѣнъ письм Кишенскаго и хотѣлъ его пробѣжать, но Глафира, не пре кращая чтенія другаго письма, молча взяла изъ рукъ Висле нева похищенный имъ листокъ и положила его къ себѣ в карманъ.

Висленевъ не смущаясь отошелъ; еще нѣсколько разъ про шелся изъ конца въ конецъ комнаты и потомъ тихо при близясь къ двери осторожно вышелъ и побрелъ по темной лѣстницѣ въ свою мансарду.

„Черный царь" изъ поэмы Фрейлиграта уходя въ палатку съ своимъ барабаномъ, въ который онъ билъ находясь въ по зорномъ плѣну, не былъ такъ жалокъ и несчастливъ какъ Висленевъ, этотъ вождь разбѣжавшагося воинства, состоящій нынѣ на хлѣбахъ изъ милости.

Бодростина не обратила на него никакого вниманія и пр

должала читать и перечитывать полученныя ею письма, морщила лобъ и болѣзненно оживлялась. Да и было отъ чего.

Кишенскій, котораго она презирала и съ которымъ давно не хотѣла имѣть никакихъ сношеній, зная всю непріязнь къ нему Глафиры, рѣшился писать ей объ обстоятельствахъ важныхъ и притомъ такихъ которыя онъ, при всей своей зоркости, почиталъ совершенно неизвѣстными Бодростиной, межъ тѣмъ какъ они были ей извѣстны, но только частями, и становились тѣмъ интереснѣе, при разъясненіи ихъ съ новой точки зрѣнія. Кишенскій имѣлъ тѣ же взгляды что и Ропшинъ, служившій шпіономъ Глафиры за одинъ поцѣлуй, купленный цѣною предательства и подлога. Онъ видѣлъ что Гордановъ пугаетъ и запутываетъ старика Бодростина съ самыми темными предпринимателями, отбивая тѣмъ практику у самого Кишенскаго, который имѣлъ въ виду сдѣлать все это самъ съ непосредственною выгодой для себя. Не сознаваясь, разумѣется, въ этой послѣдней мысли, Кишенскій становился предъ Глафирой на нѣкоторую нравственную высоту, и чувствуя что ему не совсѣмъ ловко стоять предъ этою умною женщиной въ такой неестественной для него позиціи, оправдывался что „хотя ему и не къ лицу проповѣдывать мораль, но что есть на свѣтѣ вещи которыя все извиняютъ.“ Такимъ образомъ извинившись предъ Глафирой въ томъ что онъ позволяетъ себѣ стать за какую-то честность и обличать какое-то зло, онъ перешелъ къ изложенію болѣе или менѣе извѣстной намъ исторіи сближенія Михаила Андреевича Бодростина съ княгиней Казиміpой, указывалъ несомнѣнное участіе во всемъ этомъ Павла Горданова, который опутывалъ Бодростина съ помощію разной сволочи, собирающейся на рауты и ужины Казиміры, и.... Тутъ г. Кишенскій опять встрѣтилъ необходимость извиняться и подкрѣплять себя различными наведеніями и сопоставленіями. Онъ писалъ Бодростиной чтобъ она пріѣзжала „спасать мужа или его состояніе, потому что сношенія съ гнуснѣйшими негодяями, вовлекающими его въ отчаянныя предпріятія, угрожаютъ ему несомнѣнною бѣдой, то-есть разореніемъ.“ Но, выдавая Горданова, Кишенскій хорошо понималъ что Глафира, зная его, конечно станетъ доискиваться: какія выгоды имѣетъ онъ предостерегать ее и вредить Горданову? А Кишенскій не могъ указать никакихъ такихъ выгодъ чтобъ онѣ показались Глафирѣ вѣроятными

и потому прямо писалъ: „Не удивляйтесь моему поступку, почему я все это вамъ довожу: не хочу вамъ лгать, я дѣйствую въ этомъ случаѣ по мстительности, потому что Гордановъ мнѣ сдѣлалъ страшныя непріятности и защитился такими путями которыхъ нѣтъ на свѣтѣ презрѣннѣе и хуже. Я на это даже не могу намекнуть въ печати, потому что, какъ вы знаете, Гордановъ всегда умѣлъ держаться такъ что онъ ничѣмъ не извѣстенъ и о немъ нѣтъ повода говорить, вовторыхъ, это не безопасно, потому что его протекторы могутъ меня преслѣдовать, а втретьихъ, что̀ самое главное, наша петербургская печать въ этомъ случаѣ уподобилась тому пастуху въ баснѣ который шутя кричалъ: „волки, волки!“ когда никакихъ волковъ не было, и къ которому никто не вышелъ на помощь когда дѣйствительно напалъ на него волкъ. Такъ и съ нами: помните бывало мы отъ скуки шутя себѣ выкрикиваемъ: „шпіонъ, шпіонъ!“ и все думали что это ничего, а между тѣмъ вышло что мы этою легкомысленностію надѣлали себѣ ужасный вредъ, и нынче, когда таковые вправду изъ нашего лагеря размножились, мы уже настоящаго шпіона обличить не можемъ, ибо всякій подумаетъ что это не болѣе какъ по старому со злости и понапрасно. Не только печатать, а даже и дружески предупреждать стало безполезно, и я прекрасно это чувствую въ сію минуту, дописывая вамъ настоящія строки, но вѣрьте мнѣ что я вамъ говорю правду, вѣрьте.... вѣрьте хоть ради того, чортъ возьми, что стоя этакъ на ножахъ другъ съ другомъ, какъ стали у насъ другъ съ другомъ всѣ въ Россіи, приходится вѣрить что безъ довѣрія жить нельзя, что.... однимъ словомъ, *надо вѣрить*.“

„И это пишетъ Кишенскій“, подумала Глафира, и отбросивъ его листокъ, съ несравненно бо̀льшимъ вниманіемъ обратилась ко второму письму. Это было коротенькое письмо, въ которомъ Павелъ Николаевичъ выписалъ шутя извѣстныя слова Диккенса въ одной изъ блестящихъ главъ его романа *Домби и сынъ*, именно въ главѣ гдѣ описывается рожденіе этого сына. „Священнѣйшее таинство природы совершилось: за всколыхнувшимися завѣсами кровати послышался плачъ новаго пришельца въ этотъ міръ скорби.“ Далѣе онъ прибавлялъ что непосредственно затѣмъ исполнено таинство велѣній Глафиры, то-есть что „новый пришлецъ въ міръ скорби“ и унесенъ изъ комнаты гдѣ онъ увидѣлъ свѣтъ, на рукахъ

Михаила Андреевича и *имъ же* передалъ женщинѣ, которая благополучно сдала его въ Воспитательный Домъ. „Теперь, кончалъ Гордановъ, не имѣя чести знать далѣе вашихъ плановъ, заключаю мое сказаніе тѣмъ что cela vous concerne madame!"

Прочитавъ эти письма, по возвращеніи съ Висленевымъ изъ спиритской бесѣды, Глафира Васильевна уже не спала, а шумъ рано просыпающагося квартала не обезпокоилъ ее, а напротивъ былъ ей даже пріятенъ: живая натура этой женщины требовала не сна, а дѣятельности, и притомъ можетъ-быть такой кипучей какой Глафира Бодростина до сихъ поръ не оказывала ни разу.

VII. Monsieur Borné.

Переглядѣвъ наскоро всѣ письма, за которыми мы ее оставили, Глафира торопливо свалила весь этотъ архивъ назадъ въ античный ларецъ, и накинувъ на себя темный пеплумъ на мягкой индійской подкладкѣ, позвонила служанку и велѣла ей позвать monsieur Borné.

Дѣвушка отвѣтила „oui madame" и возвратясь черезъ минуту назадъ, объявила что требуемая особа сейчасъ явится.

Особа эта была никто иной какъ нашъ пріятель Іосафъ Платоновичъ Висленевъ.

Несмотря на то что Жозефъ, чуждый тревогъ своей принципальши, спалъ крѣпкимъ сномъ когда его разбудили, онъ успѣлъ встать и одѣться такъ проворно что Глафира Васильевна, дѣлавшая въ это время свой туалетъ, испугалась и воскликнула: „Боже мой! ma chére, сюда идетъ мущина!" но служанка, выглянувъ изъ-за двери, которую хотѣла запереть, тотчасъ же отмѣнила это намѣреніе и отвѣчала:

— Mais non madame. C'est monsieur Borné.

Но Глафиру Васильевну это все-таки не успокоило и она, приказавъ служанкѣ опустить портьеру, сказала Висленеву по-русски чтобъ онъ подождалъ ее въ корридорѣ.

— Хорошо-съ; я пробѣгу газеты *здѣсь*, отозвался Жозефъ.

— Нѣтъ; пробѣгите ихъ гораздо лучше *тамъ*, отвѣчала из-за драпировки Глафира.

— То-есть гдѣ это тамъ?... Опять идти къ себѣ на верхъ?

— Нѣтъ: присядьте просто на лѣстницѣ или походи-корридору.

— Да, присядьте на лѣстницѣ, недовольно пробурчалъ се подъ носъ Висленевъ, и выйдя за дверь, въ самомъ дѣлѣ пр сѣлъ на окнѣ и задумался, глядя на бродившую по дв пеструю цецарскую насѣдку привратницы. Онъ думалъ, и вмѣ повидимому, не сладкую думу, потому что опущенныя н зу вѣки его глазъ, несмотря на недавнее утреннее омове ихъ при утреннемъ туалетѣ, начинали видимо тяжелѣ наконецъ на одной рѣсницѣ его проступила и повисла сл которую онъ тщательно заслонилъ газетнымъ листомъ от пробѣгавшей мимо его въ ту минуту горничной и такъ в этомъ положеніи и остался.

„Боже, Боже!“ думалъ онъ, припоминая цецарку и ея це лятъ: „когда мы пріѣхали сюда съ Сѣверной желѣзной доро и я вошелъ къ привратницѣ спросить нѣтъ ли здѣсь пом щенія, меня встрѣтила вотъ эта самая пестрая курочка она тогда сама мнѣ казалась небольшимъ цыпленочкомъ вотъ она уже нанесла яицъ и водитъ своихъ дѣтей, а... мн тоже все еще водятъ и водятъ, и не вѣдаю я зачѣмъ я хожу...“

Онъ припомнилъ все что̀ онъ вынесъ. — конечно не в всю свою жизнь,—нѣтъ; это было бы слишкомъ много, да напрасно, потому что все претерпѣнное имъ въ Петербургѣ до бѣгства по оброку въ провинцію, онъ уже давно поза былъ и вѣроятно даже считалъ не существовавшимъ, какъ по забылъ и считалъ никогда не существовавшимъ происше ствія съ Гордановскимъ портфелемъ, до сихъ поръ ничѣмъ не оконченное и какъ будто позабытое самимъ Гордановымъ, и зеленое платье.... странное зеленое платье, которое бросил въ окно выпавшій изъ рукъ его ножъ.... Какъ человѣкъ ве дущій постоянную большую игру онъ давно пустилъ все это на смарку; но неудачъ которыя преслѣдовали его съ той поры какъ онъ встрѣтилъ въ чужихъ краяхъ Глафиру онъ не могъ забыть ни на минуту. Въ его страданіяхъ была уже та старческая особенность что онъ не чувствовалъ круп нѣйшихъ ударовъ нанесенныхъ ему нѣсколько времени на задъ, но нервно трепеталъ и замиралъ отъ всякаго булавоч наго укола въ недавнемъ; а они, эти уколы были часты и жгли его какъ моксы гальванической щетки. Они всѣ у него на счету и всѣ составляютъ рядъ ступеней, по которымъ онъ

далекъ до высшаго своего положенія съ покойнымъ monsieur Berné.

Вотъ краткій, но грустный перечень этихъ несчастій: бѣды начались съ самаго начала, или, лучше сказать, онѣ и не прерывались. Самая встрѣча Жозефа съ Глафирой была совсѣмъ не такою, какой онъ ожидалъ: Бодростина даже не остановилась въ томъ городкѣ, гдѣ онъ ее ждалъ, и не отпочила въ нанятой Жозефомъ садовой бесѣдкѣ, которую Висленевъ на послѣднія деньги убралъ цвѣтами и пр. Нѣтъ: эта холодная женщина едва кое-какъ наскоро повидалась съ нимъ чрезъ окно вагона, и велѣвъ ему догонять ее съ слѣдующимъ же поѣздомъ въ Прагѣ, понеслась далѣе. Это, разумѣется, было очень непріятно и само по себѣ, потому что добрѣйшій и любящій Жозефъ ожидалъ совсѣмъ не такого свиданія, но сюда примѣшивалась еще другая гадость: Глафира пригласила его *немедля* ѣхать за нею въ Прагу, что Жозефъ, конечно, охотно бы и исполнилъ, еслибъ у него были деньги, или была, по крайней мѣрѣ, наглость попросить ихъ тутъ же у Глафиры, но какъ у Іосафа Платоновича не было ни того ни другаго, то онъ не могъ выѣхать, и вмѣсто того чтобы летѣть въ Прагу съ слѣдующимъ поѣздомъ, какъ желало его влюбленное сердце, онъ долженъ былъ еще завести съ Глафирой Васильевной переписку о займѣ трехсотъ гульденовъ. Наконецъ онъ получилъ отъ нее эти деньги, но не прямо изъ ея рукъ, а чрезъ контору, и съ наказомъ, для вящаго маскированія этихъ отношеній, росписаться въ полученіи этихъ денегъ, какъ мажордомъ Бодростиной, что Висленевъ въ точности и исполнилъ, хотя и улыбался женскому капризу Глафиры, наименовавшей его въ переводномъ векселѣ своимъ мажордомомъ.... Помнитъ онъ далѣе какъ онъ летѣлъ въ Прагу, какъ онъ задыхаясь вбѣжалъ въ нумеръ отеля гдѣ пребывала Глафира и.... и потерялъ съ этой минуты свое положеніе равноправнаго съ нею человѣка. Онъ помнитъ Глафиру окруженную какимъ-то Чехомъ, двумя южными Славянами съ греческимъ монахомъ и двумя пожилыми русскими дамами съ сѣдыми пуклями, онъ помнитъ всѣ эти лица и помнитъ что прежде чѣмъ онъ рѣшилъ себѣ чему приписать ихъ присутствіе въ помѣщеніи Бодростиной, она, не давъ ему вымолвить слова и недопустивъ его поставить на полъ его бѣдный саквояжъ, сказала:

— А вотъ, наконецъ, и мой мажордомъ, теперь chère princesse мы можемъ ѣхать. Вы не развязывайте вашихъ вещей, monsieur Ioseph: мы сегодня же выѣзжаемъ. Вотъ вамъ деньги, отправьтесь на желѣзную дорогу и заготовьте семейное купе для меня съ баронессой и съ княгиней, и возьмите мѣсто втораго класса себѣ.

— Возьмете, любезный, тамъ также мѣсто и моему стряпчему, добавила сѣдая баронесса, вынимая изъ портмоне двумя пальцами австрійскую ассигнацію.

— Да, возьмите мѣсто стряпчему баронессы, приказала ему Глафира, и обратила свой слухъ и все свое вниманіе къ рѣчамъ Чеха, говорившаго объ утратѣ Славянами надежды на Россію.

Глафира, казалось, была вся поглощена рѣчами этого соплеменника, но человѣкъ болѣе Висленева наблюдательный не могъ бы не замѣтить что она нѣсколько зорко и даже нѣсколько тревожно слѣдила за всѣми дѣйствіями и движеніями Жозефа, и когда онъ вышелъ, даже подавила въ себѣ вздохъ отраднаго успокоенія.

Висленевъ могъ гордиться что онъ въ точности понялъ камертонъ Глафиры и въ совершенствѣ запѣлъ подъ него: Глафира могла быть покойна что съ этой поры Висленевъ уже не выйдетъ изъ своей лакейской роли.

Такъ и сталось: въ Прагѣ Іосафъ Платоновичъ не имѣлъ минуты чтобы переговорить съ Глафирой наединѣ: путешествуя до Парижа въ сообществѣ стряпчаго баронессы, онъ совсѣмъ почти не видалъ Глафиры, кромѣ двухъ исключительныхъ случаевъ, когда она звала его и давала ему порученія при таможенномъ досмотрѣ вещей. Съ баронессинымъ стряпчимъ, своимъ компаніономъ по второклассному вагону, новый мажордомъ говорилъ мало и неохотно: его унижало въ его собственныхъ глазахъ это сообщество съ человѣкомъ возведеннымъ въ званіе стряпчаго, очевидно, единственно ради важности, а въ самомъ дѣлѣ бывшимъ простымъ грамотнымъ дворецкимъ, которому было поручено веденіе дорожныхъ расходовъ и счетовъ и переписки по требованіямъ денегъ отъ управителей домовъ и земель баронессы. Принужденное сообщество съ такимъ человѣкомъ разумѣется не могло приносить Висленеву особаго удовольствія, тѣмъ болѣе что Іосафъ Платоновичъ съ первыхъ же словъ своего попутчика убѣдился что хотъ столъ [illegible] самой невысокой ст[illegible]

умственнаго развитія, и по несомнѣнному преобладанію въ немъ реализма, добивался только сравнительныхъ выводовъ изъ своего положенія при баронессѣ и положенія Висленева при его госпожѣ Бодростиной. Онъ жаловался ему на безпокойство характера и причудливость баронессы и описывалъ трудность своего положенія; весьма часто низводимаго безпокойною принципалкой до роли чисто лакейской. Висленевъ, не желая продолжать этого разговора, отвѣчалъ что въ его положеніи ничего подобнаго нѣтъ, да и быть не можетъ, какъ по характеру госпожи Бодростиной, такъ особенно по его личному характеру, о которомъ онъ отозвался съ большимъ почтеніемъ, какъ о характерѣ не допускающемъ ни малѣйшей приниженности. Баронессинъ стряпчій ему позавидовалъ, и эта зависть еще увеличилась въ немъ, когда онъ, сообщивъ Висленеву цифру своего жалованья, узналъ отъ Іосафа Платоновича что Бодростина платитъ ему гораздо дороже, — именно сто рублей въ мѣсяцъ. Висленевъ никакъ не могъ оцѣнить себя дешевле этой круглой цифры и столь раздражилъ этимъ хвастовствомъ баронессинаго стряпчаго что тотъ рѣшилъ во что̀ бы то ни стало немедленно же требовать себѣ прибавки „въ сравненіи съ сверстниками“, и перенося въ Кельнѣ сакъ своей баронессы, уже достаточно сгрубилъ ей и далъ ей почувствовать свое неудовольствіе.

VIII. Парижскія бѣды monsier Borné.

Въ Парижѣ съ Жозефомъ сдѣлалось нѣчто еще болѣе мудреное. Сноея свою унизительную роль дорогой, Висленевъ надѣялся что онъ въ первый и въ послѣдній разъ разыгрываетъ роль мажордома и твердо ступилъ на землю Парижа. И въ самомъ дѣлѣ здѣсь онъ у самаго амбаркадера былъ приглашенъ Глафирой въ экипажъ, сѣлъ съ нею рядомъ, надулся и промолчалъ во все время переѣзда, пока карета остановилась предъ темнымъ подъѣздомъ Hôtel de Maroc въ rue Seine.

Это притворное капризное дутье на Глафиру было новымъ неблагоразуміемъ со стороны Жозефа. Отмалчиваясь и дуясь онъ нисколько не затруднялъ положенія Глафиры, которая равнодушно смотрѣла на дома улицъ и не думала о Висленевѣ. Это дутье даже дало Глафирѣ поводъ поставить его въ Парижѣ на еще болѣе обидную ногу, чѣмъ прежде. Глафира

занялъ въ Hotel de Maroc лучшее отдѣленіе и потребовал petite chambre отдѣльно для своего секретаря. Висленевъ с на эти распоряженія, усугубляя свое молчаливое неудовольст не захотѣлъ окинуть глазомъ открытую предъ нимъ мансар верхняго этажа и за то былъ помѣщенъ въ такой гадост лачугѣ что и Бодростина, при всей своей пренебрежитель сти къ нему, не оставила бы его тамъ ни на одну мину еслибъ она видѣла эту жалкую клѣтку въ одно низенькое д ное окошечко подъ самымъ склономъ косаго потолка. Но Гл фира никогда здѣсь не была, никогда не видала помѣще своего несчастнаго секретаря и мажордома, и онъ такъ валялся тутъ въ этомъ никому не потребномъ чуланишк

Помнитъ онъ первые свои дни въ Парижѣ, гдѣ ни к онъ еще устанавливался и дулся, какъ бы имѣя прав что-то претендовать. Онъ упорно оставался въ своей к курѣ и ничего въ ней не приводилъ въ порядокъ и не ш къ Глафирѣ. Онъ хотѣлъ показать ко всему полное пре ніе и заставить Бодростину это замѣтить, но это рѣш тельно не удавалось. Глафира Васильевна не только не тала на него за его отсутствіе, но въ пять часовъ веч прислала ему пакетикъ въ которомъ былъ стофранковый б летъ и лаконическая записка карандашомъ, извѣщавшая что онъ здѣсь можетъ располагать своимъ временемъ как ему угодно и кушать гдѣ найдетъ удобнѣе, въ любую пор такъ какъ стола дома не будетъ. О назначеніи положенны ста франковъ не было сказано: это было дано на хлѣбъ су щный. Висленевъ, впрочемъ, думалъ было возвратить деньги, или намѣревался хоть поговорить что принимаетъ на благородныхъ кондиціяхъ взаймы, но дверь Бодрости была заперта, а затѣмъ, когда голодъ заставилъ его поч ассигнацію, онъ уже не думалъ о ней разговаривать. Тепе онъ только соображалъ о положеніи въ которомъ очут ся и о томъ какое взято самою Глафирой, конечно, по ственной своей волѣ. По его мнѣнію, ей, разумѣется, совс не такъ слѣдовало бы жить, и Висленевъ объ этомъ очень зонно разсуждалъ.

— Я бѣжалъ, я ушелъ отъ долговъ и отъ суда по этой скве ной исторіи Горданова съ Подозеровымъ, мнѣ уже такъ быть.... мнѣ простительно скитаться и жить какъ попало въ такомъ мурьѣ, потому что я и бѣденъ и боюсь обвиненія въ убійствѣ, да и не хочу попасть въ тюрьму за долги, но

Я этого рѣшительно не понимаю; я рѣшительно не понимаю и не могу понять зачѣмъ она такъ странно ведетъ себя? Что за выходки такія, и для чего она нырнула прямо сюда въ этотъ гадостный кварталъ и.... и возится съ какими-то старухами и стариками.... тогда какъ мы могли бы жить.... могли жить.... совсѣмъ иначе и безъ всякихъ стариковъ.... Да что это, наконецъ, за глупость въ самомъ дѣлѣ!

Висленеву стало такъ грустно, такъ досадно, даже такъ страшно что онъ не выдержалъ, и въ сумерки втораго дня своего пребыванія въ Парижѣ сбѣжалъ съ своей мансарды и толкнулся въ двери Бодростиной. Къ великому его счастію, двери эти на сей разъ были не заперты, и Іосафъ Платоновичъ, получивъ разрѣшеніе взойти, очутился въ пріятномъ полумракѣ предъ самою Глафирой, которая лежала на мягкомъ оттоманѣ предъ тлѣющимъ каминомъ и граціозно куталась въ волнистомъ пледѣ.

Здѣсь было такъ хорошо, тепло, уютно; темнопунцовый свѣтъ раскаленныхъ угольевъ нерѣшительно и томно сливался на срединѣ комнаты съ сѣрымъ свѣтомъ сумерекъ, и въ этомъ сліяніи какъ бы на самой чертѣ его колебалась тонущая въ мягкихъ подушкахъ дивана Глафира.

Она была очень хороша и въ эти минуты особенно напоминала одну изъ фей Шехеразады: вокругъ нея были даже клубы какого-то куренія, или это, можетъ-быть, только казалось.

Увидавъ въ такой обстановкѣ свою очаровательницу, Висленевъ позабылъ всѣ неудовольствія и лени, и швырнувъ куда попало фуражку, бросился къ оттоману, сталъ на колѣни и, схвативъ руку Глафиры, прильнулъ къ ней страстнымъ и долгимъ поцѣлуемъ. Разумъ его замутился.

Мягкій шелковый пеплумъ Глафиры издавалъ тончайшій запахъ свѣжаго сѣна,—запахъ сообщенный ему въ свою очередь очень причудливыми духами. Все болѣе и болѣе сгущающійся сумракъ, наступая сзади ея темною стѣной точно придвигалъ ее къ огню камина, свѣтъ котораго ограничивался все болѣе и болѣе тѣснымъ кругомъ. Остальной міръ весь былъ теменъ, и въ маленькомъ пятнѣ свѣта были только *онъ* и *она*.

Висленевъ вскинулъ голову и взглянулъ въ ярко-освѣщенное лицо Глафиры. Она глядѣла на него спокойными, задумчивыми глазами, и медленно поднявъ руку, стала тихо перебирать его волосы.

Это произвело на Іосафа Платоновича особенное, как бы магнетическое дѣйствіе, подъ вліяніемъ котораго онъ припавъ устами къ другой рукѣ Глафиры, присѣлъ на полъ положилъ голову на край дивана. Прошло нѣсколько минутъ и темнота еще гуще скутала эту пару, и магнетизмъ шевелящейся на головѣ Висленева нѣжной руки, вмѣстѣ съ усыпляющимъ тепломъ камина помутили ясность представленій въ его умѣ, до того что онъ изумился увидя надъ своимъ лицомъ лицо Глафиры. Бодростина облокотясь на руку склонясь смотрѣла на него черезъ лобъ.

— Вы кажется спите? спросила она его бодрымъ и свѣжимъ голосомъ, внезапно разогнавшимъ всю таинственность и всѣ чары полумрака.

— Да, я было задремалъ, отвѣчалъ Висленевъ, разчитывая огорчить этими словами женское самолюбіе Глафиры, но Бодростина повернула эту сонливость въ укоръ ему и добавила съ усмѣшкой:

— Хорошо, очень хорошо! Два дня дулся, а на третій пришелъ да и спитъ.... Нѣтъ, если вы такой, то я не хочу идти за васъ замужъ!

Висленевъ, боясь попасть въ рѣшительный тонъ, отвѣчалъ лишь съ легкимъ неудовольствіемъ что онъ не понимаетъ даже къ чему тутъ рѣчь о бракѣ, когда она замужемъ и онъ женатъ, но положеніе его таково что и безъ брака заставляетъ желать не малаго.

— Ничего меньше, отвѣчала Глафира,—или все, или ничего.

— Да я и имѣю одно „ничего", обиженно молвилъ Висленевъ.—Я вѣдь вамъ по правдѣ скажу, я ровно ничего не понимаю что̀ такое вы изъ меня строите. Это какое-то вышучиванье: что̀ же я шутъ что ли въ самомъ дѣлѣ, чтобы слыть мажордомомъ?

— А вамъ развѣ не все равно чѣмъ вы слывете и какъ называетесь?

— Извините меня; но мнѣ это совсѣмъ не все равно.

— Въ такомъ случаѣ, конечно.... я очень сожалѣю что я прибѣгла къ этимъ небольшимъ хитростямъ.... Но я вѣдь въ простотѣ моей судила по себѣ, что дѣло не въ названіи вещи а въ ея сути.

— Да вѣдь у меня же нѣтъ никакой и сути?

— А-а! если такъ, если для васъ суть заключается не въ

томъ чтобы видѣть меня и быть вмѣстѣ со мною, то разумѣется это не годится, и вы свободны меня оставить.

При этихъ словахъ она быстро отняла свою руку отъ его головы и начала зажигать спичку, держа ее въ такомъ отдаленіи между собою и Висленевымъ что послѣдній долженъ былъ посторониться и сѣлъ поодаль, ближе къ камину.

— Быть при васъ, повторилъ онъ вздыхая. — Да, суть въ томъ чтобы быть при васъ, но *чѣмъ быть?* Вотъ въ чемъ дѣло! Гм, вы говорите о своей простотѣ, а между тѣмъ вы сдѣлали меня вашимъ слугой.

— А вы хотите чтобъ я себя компрометтировала, чтобы вы были моимъ любовникомъ. Васъ унижаетъ быть моимъ слугой?

— Да-съ, унижаетъ, потому что дѣло въ томъ *какимъ* слугой быть! Слугой, да не дворецкимъ.

— Да, ну это можетъ-быть мой промахъ, но что дѣлать, надо поступать такъ какъ позволяютъ обстоятельства.

— Такихъ обстоятельствъ нѣтъ которыя бы заставляли человѣка унижать другаго равнаго до подобной низкой роли, до какой низведенъ я, потому что это останется на всю жизнь.

Бодростина расхохоталась и возразила:

— Какой вздоръ вы говорите! Почему же это останется на всю жизнь? Развѣ всѣ рыцари не бывали въ свою очередь прежде оруженосцами?

— То рыцари и тогда былъ вѣкъ, а теперь другой, и кто видѣлъ меня при васъ въ этомъ шутовскомъ положеніи лакея, для того уже я вѣчно останусь шутомъ.

— А я вамъ говорю что это неправда.

— Нѣтъ-съ, это правда, и мнѣ очень не весело что я въ этомъ водевилѣ изъ господъ попалъ въ лакеи.

— А вы были господиномъ? Это для меня новость.

Глафира тихо засмѣялась и снова добродушно коснулась рукой его головы.

— Если я и не былъ особеннымъ господиномъ, то.... все-таки до сихъ поръ я никогда не былъ и лакеемъ, проговорилъ смущенный Висленевъ.

— Ну такъ успокойтесь же, вы и теперь никакъ не лакей, а если уже вамъ непремѣнно хочется приравнивать свое положеніе къ водевильнымъ ролямъ, то вы „Стряпчій подъ столомъ".

Глафира опять разсмѣялась и затѣмъ серіознѣйшимъ и спокойнымъ тономъ прочитала своему собесѣднику нотацію за

его недовѣріе къ ней и недальновидность. Она разъяснила всѣ самомалѣйшія его сомнѣнія съ такою ясностію что Іосафъ Платоновичъ навсегда и прочно убѣдился не только въ цѣлесообразности, но даже и въ необходимости всѣхъ ея плановъ и предначертаній. Висленевъ безъ большаго труда увѣрился что Бодростина не могла и не можетъ выдавать его иначе какъ выдаетъ, то-есть за ея мажордома, потому что баронъ и графиня, доводясь родственницами Михаила Андреевича, не преминули бы сдѣлать своихъ заключеній насчетъ пребыванія Іосафа при ея особѣ и не только повредили бы ей въ Россіи, но и здѣсь на мѣстѣ, въ Парижѣ, не дали бы ступить шага въ тотъ кругъ, гдѣ она намѣрена встрѣтить людей способныхъ разъяснить томящіе ее отвлеченные вопросы. Однимъ словомъ, она прямо объявила что главнѣйшая цѣль ея прибытія въ Парижъ есть сближеніе съ Алланомъ Кардекомъ и другими вліятельнѣйшими лицами спиритскихъ кружковъ.

— Ваша роль, добавила она, поднимаясь съ дивана и становясь предъ Висленевымъ,—ваша роль, пока мы здѣсь и пока наши отношенія не могутъ быть иными какъ они есть, вполнѣ зависитъ отъ васъ. Назвать васъ тѣмъ чѣмъ вы названы я была вынуждена условіями моего и вашего положенія, и отъ васъ зависитъ все это даже и здѣсь сдѣлать не очень для васъ тяжелымъ, какъ это было до сей минуты, и же.... эта фиктивная разница можетъ вовсе исчезнуть. Какъ вы хотите?

— Разумѣется, я бы хотѣлъ чтобъ она исчезла.

— Въ такомъ случаѣ.... я не помню право.... мнѣ кажется когда мы были тамъ.... на хуторѣ, у Синтяниной....

— Да-съ.

— Когда мы были тамъ послѣ послѣдняго раза какъ былъ у меня Сумашедшій Бедуинъ, и разказывалъ про своего Испанскаго Дворянина....

— Предъ самою дуэлью Горданова?

— Да, предъ самымъ убійствомъ Подозерова.

— Вы говорите убійствомъ?

— Да, я говорю „убійствомъ“. Предъ самымъ этимъ событіемъ вы говорили что вы порой нѣчто такое чувствуете, что на васъ какъ-будто что-то такое находило или находитъ.

— Ахъ, да.... вы про это! Да, я иногда нѣчто этакое какъ будто ощущалъ.

— Что же именно такое?

— То-есть, какъ вамъ сказать: что̀ такое именно, этого я вамъ разказать не могу, но ощущалъ и именно что-то странное.

— На что̀ же это, напримѣръ, хоть похоже?

— Рѣшительно что ни на что̀ не похоже, а совсѣмъ что-то такое.... понять нельзя!

— Эту способность въ васъ слѣдовало бы опредѣлить. Я подозрѣваю въ васъ способность сдѣлаться медіумомъ, а если вы медіумъ, то поздравляю: вы можете доставить безконечную пользу и себѣ и обществу.

— Что̀ же, я готовъ, отвѣчалъ Висленевъ.

— Но только я говорю: васъ надо испытать.

— Съ величайшимъ моимъ удовольствіемъ.

— И тогда, если окажется что вы медіумъ, и какъ я полагаю, сильный медіумъ...

— Непремѣнно сильный, я это чувствую.

— Тогда каково бы ни было ваше положеніе, оно не только не помѣшаетъ намъ быть всегда вмѣстѣ на полномъ равенствѣ, но общество само станетъ у васъ заискивать и вы ему станете предписывать.

Бодростина замолчала, Висленевъ тоже безмолвствовалъ. Онъ что-то прозрѣвалъ въ напущенномъ Глафирой туманѣ, и вдали для него уже гдѣ-то мелодически рокотали привѣтные колокольчики, на звуки которыхъ онъ готовъ былъ спѣшить, какъ новый Вадимъ. Въ ушахъ у него тихо звонило, опущенныя руки тяжелѣли, подъ языкомъ становилось солоно, онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ теперь право сказать что ощущаетъ нѣчто неестественное, и естественнымъ путемъ едва могъ прошипѣть:

— А что̀ же такое напримѣръ я буду послѣ обществу предписывать?

— Взгляды, мнѣнія, мало ли что̀?

— Да, да, да, понимаю.

— Какъ посредникъ высшихъ силъ, вы можете сдѣлать очень много, можете реформировать нравственность, разъяснять неразрѣшимыя до сихъ поръ дилеммы.... ну, вообще обновлять, освѣжать, очищать человѣческое мышленіе.

— Да, да, понимаю: обновлять мышленіе и только.

— Какъ и только! удивилась Глафира.

— Да; то-есть можно только предписывать, обновлять мышленіе.... реформировать мораль и тому подобное, а ничего практическаго, реальнаго предписывать нельзя?

— Ничего реальнаго?... Гм! Глафира разсмѣялась и добавила:—а вамъ вѣрно думалось что вы можете дать предложеніе перевезти къ вамъ кассы Ротшильда или Томсона Бонар...

— Нѣтъ, я знаю что этого нельзя.

— Напрасно вы это знаете такимъ образомъ, потому что это напротивъ не нельзя, а весьма возможно.

У Висленева даже горло внутрь въ грудь потянуло.

— Какъ же возможно велѣть привезти къ себѣ кассы?

— Отчего же, если это будетъ внушено хорошимъ умомъ...

— Позвольте! позвольте! перебилъ, вскочивъ съ мѣста, Висленевъ.—Теперь я понимаю.

— Едва ли?

— Нѣтъ-съ, понимаю, совершенно понимаю.

При этомъ онъ, раскатился веселымъ смѣхомъ и заходилъ по комнатѣ.

Глафира молча зажгла свѣчи и пересѣла на другой диванъ.

— Теперь я понимаю все, заговорилъ, остановясь съ таинственнымъ видомъ, Гордановъ.—Я понимаю васъ, понимаю ваше отступничество отъ прежнихъ людей и отъ прежнихъ идей, и я васъ оправдываю.

— Благодарю, уронила Бодростина, начиная разрѣзывать новый томъ *Revue Spirite*.

— Да; я не только васъ оправдываю, но я даже пойду по вашимъ стопамъ смѣлѣе и далѣе. Извольте-съ, извольте! увѣренный отнынѣ что разрушеніе традицій и морали путемъ ласковаго спиритизма гораздо удобнѣе въ нашъ вѣкъ чѣмъ путемъ грубаго матеріализма, я.... я не только съ свободною совѣстью перехожу на вашу сторону, но.... но я съ этой минуты дѣлаюсь ревностнѣйшимъ гонителемъ всякаго грубаго матеріализма, кромѣ....

— Конечно, кромѣ матеріализма въ любви, перебила съ улыбкой Бодростина.

— И то нѣтъ; я вовсе не то хотѣлъ сказать, а я хотѣлъ бы кромѣ всего этого еще гдѣ-нибудь разразиться противъ матеріализма жестокою статьей и поставить свое имя въ числѣ его ярыхъ враговъ.

— Мѣсто готово.

— Гдѣ же?

— Идите переодѣньтесь и ѣдемъ.

Висленевъ всталъ, переодѣлся и поѣхалъ, и отъ этого ему сдѣлалось еще хуже.

IX. Онъ теряетъ свое имя и получаетъ имя Устина.

Итакъ они вышли, сѣли въ фіакръ и поѣхали. Ѣхали много ли, мало ли, долго ли, коротко ли, и остановились: сердце у Жозефа упало какъ предъ экзаменомъ и онъ перекрестился въ потемкахъ.

Теперь они уже не ѣхали, а шли.

Припоминаетъ Висленевъ, что онъ былъ введенъ Глафирой въ почтенное собраніе гдѣ встрѣтилъ очень много самыхъ разнообразныхъ и странныхъ лицъ, съ именами и безъ именъ, съ слѣдами искры Божіей и безъ этого божественнаго знака, но всѣ были равны, безъ чиновъ и безъ различій положенія. Однако при всей своей ненаблюдательности Висленевъ усмотрѣлъ что и здѣсь есть свои дѣленія, свой „естественный подборъ", своя аристократія и свой плебсъ,—первыхъ меньше, послѣднихъ цѣлая масса; физіономіи первыхъ спокойны и свидѣтельствуютъ о savoir faire; лица плебса дышатъ поэтическимъ смущеніемъ и тревогой простодушныхъ пастушковъ пришедшихъ къ волшебницѣ отыскивать слѣды отогнанныхъ ночью коней и воловъ своего стада.

По своей ненаходчивости и запуганности Висленевъ всего легче склоненъ былъ примкнуть къ искателямъ стадъ, но Глафира, вошедшая при содѣйствіи своей графини и баронессы въ аристократію спиритизма, выдвинула своего печальнаго рыцаря впередъ и дала ему помазаніе savoir faire. Висленевъ началъ пророчествовать, въ чемъ ему не мало помогли давнія упражненія въ этомъ родѣ въ нигилистическихъ кружкахъ Петербурга. Кромѣ того, священнодѣйствіе это здѣсь ему было облегчено необыкновенно ловкимъ пріемомъ Глафиры, которая у подъѣзда сказала ему что онъ не долженъ говорить по-французски, чтобы не стѣсняться своимъ тяжелымъ выговоромъ и, введя, тотчасъ отрекомендовала русскимъ человѣкомъ, совсѣмъ непонимающимъ французскаго языка, но одареннымъ замѣчательными медіумическими способностями, и въ доказательство его несвѣдущности въ языкѣ, громко сказала по-французски:

— Cet homme est *borné* mais il donne souvent des reponses aux questions les plus profondes.

Всѣ блажные и блаженные окинули Висленева внимательнымъ взглядомъ и въ дальнихъ рядахъ, гдѣ разслышана была только часть этой рекомендаціи, прокатило имя *monsieur Borné*, новаго медіума, новаго адепта великаго новаго ученія.

Такимъ образомъ съ Висленевымъ здѣсь на первомъ же шагу повторилось то же самое чѣмъ онъ такъ обижался въ Петербургѣ, гдѣ люди легкомысленно затеряли его собственное имя и усвоили ему названіе „Алинкина мужа“. Теперь здѣсь, въ спиритскомъ кружкѣ Парижа, онъ дѣлался monsieur Borné, что̀ ему тоже конечно не было особенно пріятно, но на что̀ онъ вначалѣ не могъ возразить по обязанности притворяться непонимающимъ французскаго языка, а потомъ... потомъ ему некогда было съ этимъ возиться: его заставили молиться „невѣдомому богу“, онъ удивлялся тому что чертили медіумы, слушалъ, вдохновлялся, уразумѣвалъ что все это и самъ онъ можетъ дѣлать не хуже добрыхъ людей и наконецъ, получивъ порученіе, для пробы своихъ способностей, вопросить духовъ: кто его геній хранитель? начерталъ безтрепетною рукой: „Благочестивый Устинъ.“

Это было первое несчастіе, котораго никто не можетъ понять и оцѣнить, если мы не скажемъ въ чемъ дѣло! А дѣло было въ томъ что Іосафъ Платоновичъ дѣйствительно не хотѣлъ записать себѣ въ покровители никакого Устина. Изо всѣхъ именъ христіанскихъ писателей Жозефъ съ великою натугой могъ припомнить одно имя Блаженнаго Августина и хотѣлъ его объявить и записать своимъ покровителемъ, но.... но написалъ вмѣсто Блаженный Августинъ, „Благочестивый Устинъ“, то-есть вмѣсто почтеннаго авторитетнаго духа, записалъ какого-то незнакомца, который Богъ вѣсть кто и ни вѣсть отъ кого названъ „благочестивымъ“.

Это до такой степени разсердило и смутило Жозефа что онъ сейчасъ же хотѣлъ зачеркнуть Благочестиваго Устина и написать себѣ инаго генія, но Глафира остановила его рѣшительнымъ движеніемъ и объявила что это невозможно, что духи не ошибаются.

Потомъ она взглянула на бумагу, одобрительно кивнула Висленеву и перевела собранію имя генія покровителя новаго медіума, причемъ поставила на видъ и его смущеніе и то что онъ написалъ имя вовсе о немъ не думая.

— О, это прекрасно! Вдохновенно! Божественно! послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Это такъ и должно быть, произнесъ, возведя къ небу рѣзко очерченные темною каемочкой глаза, тихій отецъ парижскихъ спиритовъ, и заложивъ по своей привычкѣ лѣвую руку за бортъ до верху застегнутаго длиннополаго коричневаго сюртука, положилъ два пальца правой руки на руку тощаго молодаго человѣка съ зеленовато-желтымъ лицомъ и нѣкоторымъ намекомъ на бакенбарды.

Тотъ сію же секунду взялъ со стола перо съ длинною ручкой изъ розоваго коралла, развернулъ золотообрѣзную книгу въ протемномъ сафьянѣ и начерталъ на надлежащемъ мѣстѣ: противъ имени Monsieur Borné наименованіе его потрона „Pieux Iustin."

Имя и значеніе Жозефа было составлено, и ему оставалось теперь только работать на этомъ амплуа сообщителя откровеній Благочестиваго Устина. Онъ въ этомъ и подвизался, подвизался много, упорно и съ постоянствомъ, пріобрѣлъ навыкъ вѣщать поученіями и отвѣчать на вопросы открытые и закрытые, и дѣлалъ это ловко и слылъ медіумомъ отличнымъ, но собственныя дѣла его по снисканію фавора у Бодростиной не подвигались. Она была вѣчно окружена сторонними людьми; у ея скромнаго отеля всегда можно было видѣть чей-нибудь экипажъ изъ именитыхъ иностранцевъ и не менѣе именитыхъ заѣзжихъ соотечественницъ: она была, по всеобщему мнѣнію, образцовая спиритка и добродѣтельнѣйшая женщина, а онъ.... онъ былъ медіумъ и monsieur Borné.

Въ такомъ положеніи были дѣла ихъ до самой той минуты когда Глафира Васильевна попросила Жозефа подождать ее за ея дверью, и онъ, сидя на лѣстничномъ окнѣ, перепустилъ предъ своими мысленными очами ленту своихъ невеселыхъ воспоминаній. Но вотъ сердце Жозефа встрепенулось: онъ услыхалъ сзади себя бодрый голосъ Глафиры, которой онъ приготовилъ сегодня эфектнѣйшій, по его соображеніямъ, сюрпризъ, вовсе не ожидая что и она тоже въ свою очередь не безъ готовности удивить его.

X. Устинъ не помогъ.

Дверь за которою сидѣлъ на окошечкѣ Висленевъ тихо отворилась, и на площадку лѣстницы вышла Глафира Васильевна, по обыкновенію вся въ черномъ, съ чернымъ антука въ рукахъ и съ лицомъ завѣшеннымъ до подбородка черною вуалеткой съ вышитыми мушками.

Стройная и сильная фигура ея была прекрасна: все на ней было свѣжо, чисто и необыкновенно ловко, и въ добавокъ все что̀ было на ней точно съ нею сливалось: ея скрипящій башмачокъ, ея шелестящее платье, этотъ прыгающій въ ея рукѣ тонкій антука и эта пестрая вуалетка, изъ-подъ которой еще ярче сверкаютъ ея страстные глаза и которая прибавляетъ столько нѣжности открытой нижней части лица, — все это было прекрасно, все увеличивало ея обаяніе и давало ей еще новый шикъ. Гордановъ, разжигая Висленева, сравнивалъ генеральшу Синтянину съ Гибралтаромъ. Это шло къ Александрѣ Ивановнѣ, если сравнивать ее съ Гибралтаромъ въ настоящемъ его положеніи, въ рукахъ англійской націи, сынамъ которой, къ чести ихъ, такъ мало свойственна измѣна. Глафиру тоже можно было сравнить съ Гибралтаромъ, но только съ измѣнникомъ-комендантомъ въ цитадели. Этотъ неуловимый запахъ, эта неопредѣленная атмосфера измѣнничества, растлѣвающіе и деморализующіе гарнизонъ и сбивающіе съ толку силы осаждающей арміи, носились и вѣяли вокругъ ее, и пахнули изъ ея глазъ на оторопѣвшаго Жозефа, проходя мимо котораго она сказала:

— Пойдемте!

Тонкій, долгій, бѣлый и волокнистый Висленевъ соскочилъ съ окна и засеменилъ за нею.

Сойдя внизъ на улицу, они взяли фіакръ. Въ первомъ же домѣ гдѣ они очутились Висленевъ былъ удивленъ, услыхавъ что Глафира прощается и говоритъ о какихъ-то своихъ внезапныхъ, но тягостныхъ предчувствіяхъ и о немедленномъ выѣздѣ въ Россію. Іосафъ Платоновичъ рѣшительно не могъ вѣрить ни словамъ спутницы, ни своимъ собственнымъ ушамъ, но тѣмъ не менѣе обтекалъ съ нею огромный кругъ ея спиритскаго знакомства, посѣтилъ съ ней всѣхъ ея бѣдныхъ, видѣлъ своими собственными глазами какъ она отсчитала и отдала въ спиритскую кассу круглую сумму на благотворительныя дѣла, и наконецъ очутясь послѣ всей этой гоньбы усталый и изнеможенный въ квартирѣ Глафиры, спросилъ ее: неужто они въ самомъ дѣлѣ уѣзжаютъ назадъ? и получилъ отвѣтъ: да, я уѣзжаю.

— Когда же мы ѣдемъ? освѣдомился Висленевъ и получилъ въ отвѣтъ: сегодня.

— Фу, чортъ возьми! Но это невозможно сегодня! возразилъ

онъ, и на это уже вовсе не удостоился отвѣта, между тѣмъ какъ приготовленія къ отъѣзду видимо довершались, и monsieur Borné былъ даже вытѣсненъ ради этихъ сборовъ изъ удобнаго помѣщенія Глафиры къ себѣ на душную вышку, гдѣ онъ едва могъ стоять выпрямясь..

Нежданная вѣсть о столь внезапномъ и быстромъ отъѣздѣ срѣзала Висленева, и быстрыя ноги его зашатались: возвратясь въ свою канурку, онъ забѣгалъ по ней изогнувшись изъ угла въ уголъ и наконецъ сталъ посрединѣ, уперъ перстъ въ лобъ и стоялъ держа на плечахъ своихъ потолокъ, какъ Атласъ держитъ землю. Monsieur Borné пришла счастливая мысль удержать Бодростину отъ немедленнаго выѣзда, доказавъ ей неосновательность ея предчувствій, и онъ тотчасъ же подсѣлъ согнувши ноги къ окошечку и написалъ къ себѣ письмо отъ Благочестиваго Устина. На этотъ разъ Благочестивый Устинъ предостерегалъ „желающую выѣхать“ чтобъ она не выѣзжала пока пройдетъ опасность о которой Благочестивый Устинъ обѣщался заблаговременно извѣстить, а въ другомъ.... въ другомъ онъ философствовалъ о бракѣ и отвѣчалъ на выставленный Висленевымъ вопросъ о томъ какъ смотрятъ на бракъ въ высшихъ мірахъ. Благочестивый Устинъ говорилъ о бракѣ какъ объ учрежденіи божественномъ въ смыслѣ союза любви и отрицалъ его значеніе гражданское, — выводомъ изъ всего этого выходило отрицаніе брака, съ достовѣрнымъ ручательствомъ что въ высшихъ областяхъ нѣтъ никакихъ положеній ни о какомъ бракѣ, въ полномъ смыслѣ этого понятія, и что потому понятія эти суетны, вздорны и не стóятъ вниманія. Благочестивый Устинъ ручался что всѣ нарушенія условной морали въ сношеніи половъ есть только земная выдумка и притомъ самая несостоятельная, ибо въ существѣ всякая нарушительница этой морали, даже въ самой крайней мѣрѣ, менѣе преступна, чѣмъ дитя сорвавшее стручокъ гороха изъ чужаго огорода, „ибо снабдить чѣмъ бы то ни было своимъ собственнымъ гораздо добродѣтельнѣе, чѣмъ взять что-нибудь чужое.“

Послѣднее сравненіе и силлогизмъ, которымъ Іосафъ Висленевъ придавалъ особенное значеніе, онъ почерпнулъ изъ *Корана* Стерна, нѣсколько томиковъ котораго, будучи пріобрѣтены Жозефомъ, составили его избранную походную библіотеку, вмѣстѣ съ *Парижскимъ Цирюльникомъ* Польдеко-

ка, *Хромымъ Бѣсомъ* Лесажа и *Книгой Духовъ* собранною изъ сверхъестественныхъ сочиненій Аланомъ Кардекомъ. Жозефъ почерпнулъ изъ Стерна оригинальность для своихъ сужденій, изъ Польдекока веселость и игривость, изъ Лесажа способную предпріимчивость, изъ Алана Кардека смѣлость говорить вѣщимъ языкомъ ветхій вздоръ спиритской философіи. Всѣмъ этимъ онъ заряжался какъ темная фокусная бутылка съ различными напитками и разливалъ по рюмочкамъ что̀ кому требовалось, но.... но хмѣль его не туманилъ той для которой вызывались всѣ эти туманныя картины: спиритка Глафира была къ одной части откровеній равнодушна, а къ другой даже относилась съ обиднымъ и схизматическимъ недовѣріемъ. Къ послѣдней области относились всѣ либеральныя сообщенія Благочестиваго Устина о бракѣ. Глафира крѣпко стояла за бракъ по формѣ, какъ онъ принятъ, и не убѣждалась никакими, ни естественными, ни сверхъестественными доводами въ пользу признанія его только по сущности. Не признавая революціи проповѣдуемой Висленевымъ при содѣйствіи Благочестиваго Устина и другихъ духовъ, она оказалась непреклонною рабой законовъ европейскаго общества и приводила Іосафа въ отчаяніе. Доживъ до такого возраста въ которомъ любовь уже начинаетъ повиноваться разуму и притомъ преслѣдуя цѣли совсѣмъ не любовныя и имѣя предъ глазами столь жалкаго соблазнителя какъ Висленевъ, Глафира небрегла словами любви и стала въ извѣстномъ смыслѣ plus royaliste que le roi. Она сказала Висленеву разъ и навсегда что она уже не ребенокъ и знаетъ что̀ такое значитъ любовь человѣка къ чужой женѣ, и потому повѣритъ только въ любовь *своего мужа*.

— Того который васъ не любитъ и обманываетъ? поставилъ ей на видъ Висленевъ.

— А развѣ женщину менѣе обманываетъ тотъ кто говоритъ ей что любитъ ее и между тѣмъ ничего не дѣлаетъ чтобы дать законное значеніе этой любви, отвѣчала Глафира.

— Что̀ же для этого надо сдѣлать?

— Надо быть моимъ мужемъ.

— Но вы замужемъ.

— По русскимъ законамъ допускается не одинъ бракъ.

— Да, я знаю что можно выдти замужъ и во второй разъ.

— И даже въ третій.

— Прекрасно-съ; но вѣдь все это конечно не вдругъ?

— О, разумѣется, не вдругъ.

— Такъ вѣдь стало-быть нужно чтобы прежде мужъ вашъ умеръ.

— Можетъ-быть.

— А какъ это сдѣлать? Это не отъ насъ зависитъ, и онъ можетъ прожить очень долго.

— Ну ужь я вамъ не могу отвѣчать какъ это сдѣлать, и отъ кого это зависитъ, и сколько онъ еще можетъ прожить, небрежно молвила Глафира и съ тѣхъ поръ не сказала Висленеву болѣе ни одного положительнаго слова, а только, по его выраженію, все „упорно стояла на бракѣ“.

Ни мало не измѣнили ея настроенія и послѣднія откровенія полученныя Іосафомъ въ его каморкѣ отъ Благочестиваго Устина и другихъ духовъ, переселенныхъ за свои совершенства въ высшія обители. Просмотрѣвъ предъявленныя Висленевымъ предостереженія насчетъ выѣзда, Глафира, которую Іосафъ засталъ за уборкой своихъ дорожныхъ вещей, спокойно взяла этотъ листокъ и сунувъ его въ объемистый портфель, набитый такою же литературой monsieur Borné, продолжала свое дѣло.

Іосафа это обидѣло и онъ дождавшись конца Глафириной работы спросилъ ее:

— Неужто она и послѣ этого ѣдетъ?

— Непремѣнно ѣду, отвѣчала Глафира. — А что̀ такое можетъ помѣшать?

— А это общеніе!

— О, что̀ могутъ значить эти пустяки!

— Какъ пустяки? Такъ вы, значитъ, этому не вѣрите?

— Не вѣрю.

— На какомъ же это основаніи?

— Я имѣю основаніе.

— Да вы что̀ же.... вы можетъ-быть отвергаете весь спиритизмъ?

— Нѣтъ, я его не отвергаю.

— Такъ.... вы отвергаете его опытную часть: отвергаете вѣроятность общеній? Это значитъ отвергаете все.

— Нисколько; напротивъ, я не только не отвергаю общеній, но я ими-то теперь и руководствуюсь.

— А если руководствуетесь, то вамъ въ такомъ случаѣ нельзя ѣхать.

— Нѣтъ, именно потому-то мнѣ и должно ѣхать, отвѣчала

Глафира и, выдвинувъ мизинцемъ изъ кучи неубранныхъ еще со стола бумагъ листокъ, проговорила: — Вотъ не хотите ли это прослушать?

На листкѣ собственнымъ почеркомъ Глафиры было написано всего только два слова: „revenez bientôt."

— Что жь это такое? воскликнулъ Висленевъ, который смекнулъ что тутъ нѣчто скрывается и въ рукахъ котораго эта страшная бумажка затрепетала.—Что это? повторилъ онъ.

— Это? Развѣ вы не видите? Это общеніе.

— Но вѣдь это вы сами написали?

— Да, я сама. А что такое?

— Да ничего-съ.... Но вы вѣдь не имѣете медіумическихъ способностей.

— То-есть я ихъ не имѣла до сегодняшняго дня, но когда вы прислали мнѣ ваше запрещеніе ѣхать, я была этимъ смущена и начавъ томиться вдругъ почувствовала въ рукѣ какое-то млѣніе.

— А-а! Я это знаю: это обманъ, это просто судорги.

— Нѣтъ, извините, совсѣмъ не судорги, а этакое совершенно особенное тяготѣніе.... потребность писать, и только-что взяла карандашъ, какъ вдругъ на бумагѣ безъ всякаго моего желанія получились вотъ эти самыя слова.

Висленевъ очутился въ положеніи самомъ затруднительномъ: онъ понялъ что Глафира наконецъ посягнула и на послѣднее его достояніе, на его даръ пророчества. Онъ рѣшилъ биться за это до послѣднихъ силъ.

— Позвольте, пролепеталъ онъ:—я не отвергаю что это пожалуй могло быть и могло быть именно точно такъ какъ вы разказываете, но вѣдь вы позабываете самое главное, что въ этихъ вещахъ нужна опытность и осторожность. Вы должны знать что вѣдь между духами есть очень много вчерашнихъ людей.

— Я это знаю.

— Да-съ; есть духи шаловливые, легкіе, вѣтряные, которымъ не только ничего не значитъ врать и паясничать, которые даже находятъ въ томъ удовольствіе и нарочно для своей потѣхи готовы Богъ вѣсть что внушать человѣку. Бывали вѣдь случаи ужасныхъ ошибокъ, что слушались долго какого-нибудь великаго духа, а потомъ вдругъ выходило что это гаерничалъ какой-нибудь самозванецъ, бродяжка, дрянь.

— Ахъ, знаю, знаю! Я къ сожалѣнію это очень хорошо знаю и должна сказать вамъ очень не отрадную вѣсть.

— Именно-съ? вопросилъ Висленевъ, предчувствуя что ему готовится ударъ еще болѣе тяжкій.

— Извѣстно вотъ что, что вашъ Благочестивый Устинъ...

— Ну ужъ что касается Благочестиваго Устина, то его не надо безпокоить, перебилъ Висленевъ.

— Нѣтъ; да что тутъ о безпокойствѣ! А дѣло вотъ въ чемъ, что никакого Благочестиваго Устина не было и нѣтъ.

— Какъ нѣтъ-съ! Какъ не было и нѣтъ-съ никакого Устина! Покорно васъ благодарю за такое сообщеніе! А кто же это по вашему мой геній хранитель?

— Не знаю, совершенно не знаю.

— Значитъ по вашему у меня нѣтъ что ли совсѣмъ генія?

— Не знаю.

— Но кто же тогда столько времени писалъ моею рукой?

— Ахъ! это ужасная мошенница, которую когда она была на землѣ звали Ребекка Шарпъ.

— Вздоръ-съ! не вѣрю, это вздоръ: я никакой Ребекки Шарпъ не знаю вовсе.

— Да вамъ и не нужно ее знать, а она вами дѣйствовала.... гадкая бездѣльница: вы были ея игрушкой.

— Но кто же она такая-съ?

— Она?... она лицо довольно извѣстное: она героиня романа Теккерея *Ярмарка Тщеславія*. О, она извѣстная, извѣстная плутовка!

— Кто вамъ это открылъ?

— Самъ Теккерей.

— Это можетъ-быть не вѣрно: это можетъ-быть легкій и шаловливый духъ надъ вами потѣшается.

— Ну, нѣтъ.

— Нѣтъ-съ; это надо повѣрить. Мы сейчасъ это повѣримъ, и Висленевъ засуетился отыскивая по столу карандашъ, но Глафира взяла его за руку и сказала что никакой повѣрки не нужно: съ этимъ она обернула предъ глазами Висленева бумажку на которой онъ за нѣсколько минутъ предъ симъ прочелъ „revenez bientôt“ и указала ему на другія строки, въ которыхъ рѣзко отрицался Благочестивый Устинъ и всѣ сообщенія сдѣланныя отъ его имени презрѣнною Ребеккой Шарпъ, а всего горестнѣе то что открытіе это было подпи-

сано авторитетнымъ духомъ, именемъ котораго, по спиритскому катехизису, не смѣютъ злоупотреблять духи мелкіе и шаловливые.

— Ну да, произнесъ Висленевъ сквозь зубы, кладя на столъ бумажку;—да, все это прекрасно, и на это нельзя возражать, но только скажите до чего мы дойдемъ, наконецъ, такимъ образомъ?

Онъ не замѣчалъ что въ своей потерянности онъ велъ разговоръ о томъ о чемъ думалъ, и вовсе не о томъ о чемъ хотѣлъ говорить.

Мало обращавшая на него вниманія Глафира замѣтила это и улыбнувшись спросила:

— А какъ вы думаете: до чего мы дойдемъ?

— Да что же, продолжалъ разсуждать Висленевъ,—мы прежде все отвергали и тогда насъ звали нигилистами, теперь за все хватаемся и надо всѣмъ сами смѣемся.... и.... чортъ знаетъ какъ насъ назвать?

Бодростина глядѣла на него молча, и по лицу ея бѣгала улыбка.

— Право, продолжалъ Висленевъ,—вѣдь это все выходитъ какое-то поголовное шарлатанство всѣмъ, и безвѣріемъ, и вѣрой, и матеріей, и духомъ. Да что же такое мы сами? Нѣтъ. Я васъ спрашиваю: что же мы? Всякая сволочь имѣетъ себѣ названіе, а мы.... мы какія-то темныя силы, изъ которыхъ невѣдомо что выйдетъ.

— Вы дѣлаете открытіе, уронила Глафира.

— Да что же-съ? я говорю истину.

— И я съ вами не спорю.

— Всѣ этакъ другъ съ другомъ.... на ножахъ, и во всемъ безъ удержа.... разойдемся, и въ концѣ другъ друга перерѣжемъ что ли?

— На ножахъ и безъ удержа, повторила за нимъ Глафира,— и другъ друга перерѣжемъ. А что же далѣе? Я васъ съ любопытствомъ слушаю: оказывается что вы тоже и говорящій медіумъ.

— Да-съ, „говорящій“, я говорящій.... Благодарю васъ покорно! Заговоришь, заговоришь разными велѣніями и разными языками какъ....

Но съ этимъ Висленевъ всталъ, и отойдя отъ Бодростиной прислонился къ косяку окна.

Межь тѣмъ Глафира позвала хозяина маленькаго отеля, и

не обращая никакого вниманія на Висленева, сдѣлала разсчетъ за свое помѣщеніе и за каморку Жозефа. Затѣмъ она отдала приказаніе приготовить ей къ вечеру фіакръ и отвезти на желѣзную дорогу ея багажъ. Когда все это было сказано, она отрадно вздохнула изъ полной груди, взяла книгу и стала читать, какъ будто ничего ея не ожидало.

Ей наконецъ надоѣло это скитанье, надоѣли эти долгіе сборы къ устройству себя на незыблемомъ основаніи, съ полновластіемъ богатства, и она теперь чувствовала себя прекрасно, какъ дитя въ окнѣ котораго уже занялась заря его именниннаго дня.

Она не замѣчала какъ Висленевъ, тотчасъ по выходѣ хозяина отеля, обернулся къ ней и лепеталъ: „какъ же я? что̀ же теперь будетъ со мной?“ и когда онъ въ десятый разъ повторилъ ей этотъ вопросъ и несмѣло коснулся ея руки, она еще разъ вздохнула, и какъ бы что-то припоминая, проговорила:

— Да, въ самомъ дѣлѣ: какъ же вы и что̀ будетъ теперь съ вами?

— Я рѣшительно не знаю этого: вы совсѣмъ сбили меня съ толку; я совсѣмъ потерялся.

— Постойте!... Какъ же это я въ самомъ дѣлѣ.... такъ разсѣянно?... Спросите скорѣе Устина!

Висленевъ взглянулъ на нее, потомъ покачалъ укоризненно головой и наконецъ, не выдержавъ, отвернулся и разсмѣялся.

Когда онъ оборотился полуоборотомъ къ Глафирѣ, желая взглянуть на нее искоса и съ тѣмъ вмѣстѣ скрыть отъ нея такъ не кстати прорвавшійся смѣхъ, онъ увидалъ что Бодростина тоже смѣется и.... оба вдругъ сняли свои маски и оба искренно расхохотались въ глаза другъ другу.

XI. Въ шутовскомъ колпакѣ.

Никто въ такой мѣрѣ какъ Висленевъ не представлялъ собою нагляднаго примѣра какъ искренно и неудержимо способенъ иногда человѣкъ хохотать надъ самимъ собою и надъ своимъ горемъ. Іосафъ Платоновичъ просто покатывался со смѣху: повиснувъ на одномъ мѣстѣ, онъ чуть только начиналъ успокоиваться, какъ взглянувъ на Бодростину, быстро перескакивалъ на другой стулъ и заливался снова.

— Бога ради!... умолялъ онъ,—не смѣшите меня болѣе, а то я.... умру.

— Упаси Богъ отъ такого несчастія, отвѣчала серіозно Глафира. — Съ кѣмъ же я тогда останусь?

Висленевъ опять покатился, закашлялся, и отбѣжавъ въ уголъ, застоналъ и заохалъ. Въ состояніи его было что-то истерическое, и Глафира, сжалясь надъ нимъ, встала и подала ему стаканъ воды.

Жозефъ пилъ эту воду съ такою же жадностію съ какой нѣкогда отпивался этимъ напиткомъ у Горданова отъ истерики возбужденной въ немъ притѣсненіями его жены и немилосердаго Кишенскаго. Разница заключалась только въ томъ что та давняя истерика вела его къ потерѣ чувствъ и къ совершенному разслабленію и упадку жизненности, межь тѣмъ какъ теперь съ каждымъ глоткомъ воды поданной ему бѣлыми, античными руками Глафиры въ него лилась сила безотчетной радости, упованія и надеждъ. Онъ схватилъ руки Бодростиной и припалъ къ нимъ своими устами.

— Не покидайте меня! шепталъ онъ между поцѣлуями.

— Я и не думала васъ покидать, отвѣчала, не отнимая у него своихъ рукъ, Глафира.

— Но вѣдь вы знаете что мнѣ нельзя возвращаться въ Россію.

— Отчего нельзя?... Нѣтъ, я этого не знала.

— Да какъ же не знали! Меня тамъ схватятъ.

— За долги?

— Ну, разумѣется. Чуть я только появлюсь въ Петербургѣ, сейчасъ и пожалуйте въ Tarasen Garten, это порядокъ извѣстный.

— Пустяки, у васъ есть дѣти: васъ нельзя сажать въ долговую тюрьму.

Висленевъ замоталъ головой.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ,—вы это говорите на общихъ основаніяхъ, а мое положеніе особенное, ножевое, меня не защититъ и то что у меня есть дѣти, то-есть я хотѣлъ сказать что.... ко мнѣ приписаны дѣти.

Бодростина выразила недоумѣніе, но Висленевъ сверхъ всякаго ея чаянія очень обстоятельно разъяснилъ особенныя преимущества своего положенія. Оказывалось что они состояли въ томъ что вообще претензіи бываютъ предъявляемы отъ стороннихъ лицъ, а его можетъ посадить собственная, по

его выраженію, „родная жена“ и мать тѣхъ самыхъ дѣтей которыми онъ могъ бы нѣсколько защищаться отъ иска лица посторонняго. Онъ здраво выводилъ что при представленной имъ роковой комбинаціи всякое правительственное попеченіе о дѣтской судьбѣ естественно сдѣлается излишнимъ, и вотъ въ этомъ-то и заключалась привилегія его положенія.

Глафира Васильевна не ожидала отъ Іосафа такой далекой и тонкой казуистической предусмотрительности. Такая комбинація какую вывелъ Висленевъ ей не приходила въ голову, и по своей крайней куріозности и новости поставила ее въ невозможность обнять и разъяснить ее себѣ сразу.

„Что же въ самомъ дѣлѣ,“ подумала Глафира, „вѣдь оно совершенно логично; что если сама мать дѣтей скажетъ: я не требую содѣйствія моего мужа въ содержаніи ребятъ, а прошу посадить его за долгъ мнѣ въ тюрьму, то кажется и взаправду едва ли найдутся логическія причины отказать ей въ такой справедливости.“

Глафира едва сдержала на своемъ лицѣ улыбку вызванную этими соображеніями о логикѣ юридической справедливости вексельнаго права, и желая успокоить злополучнаго Висленева, сказала что предполагаемая имъ комбинація такъ нова что едва ли предусмотрѣна закономъ и вѣроятно еще составитъ вопросъ, который можетъ разрѣшиться въ благопріятномъ для Іосафа смыслѣ. Но Жозефъ едва далъ окончить Бодростиной ея утѣшительныя слова и заговорилъ:

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ; я слуга вашъ покорный чтобъ я сталъ на это полагаться! Знаю я-съ какъ тамъ въ Петербургѣ на это смотрятъ. Гм!... Покорно васъ благодарю!... Нѣтъ; тамъ нашему брату мущинѣ пощады не ждать: тамъ этотъ женскій вопросъ и всѣ эти разные служебные якобинцы и разные пунцовые филантропы.... Куда тамъ съ ними мущинѣ!... Они сейчасъ все повернутъ въ интересахъ женскаго вопроса и.... мое почтеніе, мужа поминай какъ звали.

— Бѣдныя женщины! все на нихъ; даже и друзьямъ женскаго вопроса и тѣмъ достается.

— Да-съ, друзья.... Знаемъ мы этихъ друзей. Нужно равноправіе, а я во всѣ газеты посылалъ статьи объ открытіи мужскаго вопроса и нигдѣ не печатаютъ. Будто мы тѣмъ и виноваты что мы родимся мущинами, и за то женщины имѣютъ привилегію на всеобщее послабленіе къ нашимъ обидамъ, межь тѣмъ какъ мы даже вопроса о себѣ поднять не можемъ ни-

гдѣ кромѣ духовныхъ журналовъ, которыхъ никто не читаетъ. Это тоже прекрасно! Нѣтъ-съ; ужь я лучше сгину, пропа здѣсь на чужбинѣ, за границей, но въ Россію, гдѣ женскій в просъ, не поѣду. Ни за что, ни за что на свѣтѣ не поѣду!

— Какой вы однако злой!

— Нѣтъ-съ, извините меня. Это не я золъ, а скорѣе дру злы, отвѣчалъ онъ запальчиво, и развилъ что если въ Рос все такимъ образомъ пойдетъ, то это непремѣнно кончи ни больше, ни меньше какъ тѣмъ что оттуда всѣ мущин убѣгутъ въ Англію или въ Германію, и надъ Невой и Вол разовьется царство амазонокъ.

— Ну, а еслибы тамъ наконецъ рѣшились въ уровень с женскимъ вопросомъ поднять мужской вопросъ? спросила Г фира.

— Ни за что этого не будетъ, отвѣчалъ со вздохомъ В сленевъ.

— Ну, а еслибы?

— Нечего невозможнаго и предполагать, когда у наши монгольскихъ выродковъ все такіе инстинкты что они в на свѣтѣ готовы для женщинъ сдѣлать. И оно и понятно: женщинъ влюбляются и поддѣлываются къ ихъ волѣ и жел ніямъ, а мы мущины что такое?... Мы постоянно нуждаем въ женской ласкѣ, въ привѣтѣ; чувствуемъ любовь, прив каемъ къ женщинамъ, наконецъ.... наконецъ противъ насъ вс противъ насъ наконецъ сама природа! Мы такъ несовершен и мерзко созданы что одни жить не можемъ. Ну что ужь ту еще остается толковать? Гибель, гибель, гибель нашему по въ Россіи и болѣе ничего!

Бодростина весело разсмѣялась и замѣтила своему соб сѣднику что онъ неосторожно богохульствуетъ, порицая со вершенство творенія, чего ему, какъ спириту, дѣлать не на лежитъ; но онъ категорически опровергъ это обвиненіе и д казалъ что именно какъ спиритъ-то онъ и правъ, потому чт признаетъ планету и обитающіе на ней организмы еще въ п ріодѣ самаго ранняго развитія и вѣритъ что въ далекомъ и въ недалекомъ будущемъ воспослѣдуютъ усовершенствовані при которыхъ нынѣшняя естественная и все болѣе и болѣ усиливающаяся власть женщинъ надъ мущинами упразднитс

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы мнѣ говорите столь времени что вы меня любите? промолвила Бодростина.

— Говорю потому что люблю васъ, отвѣчалъ, всплеснувъ руками, Висленевъ.

— Нѣтъ, а вы гораздо лучше отъ этого эманципируйтесь.

— А что̀ дѣлать когда не могу.

— Значитъ кто же надъ вами деспотствуетъ: женщина или вы сами?

— Самъ, я самъ, я знаю что я самъ.

— Ну такъ эманципируйтесь отъ себя.

— Не могу-съ; въ томъ-то все и дѣло что не могу, такъ скверно созданъ.

Собесѣдники снова вмѣстѣ засмѣялись, и Бодростина, не отрицая настояній Жозефа что онъ „скверно созданъ", отвѣчала что женщины гораздо покорнѣе мущинъ волѣ Промысла, устроившаго все такъ какъ оно устроено, и затѣмъ прямо поворотила рѣчь къ насущному вопросу дня, то-есть къ тому какъ быть съ собою злополучному Іосафу?

По ея мнѣнію, ему не оставалось ничего иного какъ ѣхать съ нею назадъ въ Россію, а по его соображеніямъ, это было крайне рискованно, и хотя Глафира обнадеживала его что ея братъ Грегуаръ Акатовъ (котораго знавалъ встарину и Висленевъ) теперь предсѣдатель чуть ли не полусотни самыхъ невѣроятныхъ коммиссій и комитетовъ и ему не будетъ стоить особаго труда поднять въ одномъ изъ этихъ серіозныхъ учрежденій интересующій Іосафа мужской вопросъ, а можетъ-быть даже нарядить для этого вопроса особую коммиссію, съ выдѣленіемъ изъ нея особаго комитета, но бѣдный Жозефъ все моталъ головой и твердилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Но шутить довольно, какъ бы то ни было, я въ Россію ѣхать не могу.

— Но гдѣ же вы будете жить за границей?

— И за границей мнѣ жить негдѣ.

— Такъ какъ же быть?

— Я опять таки и этого не знаю.

— Но кто же это долженъ знать?

— И того не знаю.

Глафира улыбнулась и пожала плечами, — Висленевъ тоже улыбался: дѣла его, какъ мы видимъ, были не хороши, но онъ былъ увѣренъ что въ его положеніи начинаетъ дѣйствовать какое-то облегчающее обстоятельство,—его въ этомъ убѣждало его предчувствіе, и онъ не ошибался: Глафира Васильевна не хотѣла его покинуть, ибо приближались уже лукавые дни,

когда волокнистый Borné спиритскихъ собраній Парижа долженъ былъ совершить на родинѣ разбойничьи дѣла, къ которымъ онъ давно предназначался....

XII. Въ дыму и въ искрахъ.

Глафирѣ не много стоило, однако, труда показать Висленеву всю безцѣльность его дальнѣйшаго пребыванія за границей послѣ ея отъѣзда. Висленевъ самъ зналъ что онъ остается ни причемъ, и хотя страхъ долговой тюрьмы въ Россіи былъ такъ великъ что испепелялъ въ немъ даже самый недугъ любви къ Глафирѣ, когда Глафира, принявъ серіозную мину, сказала ему что всѣ эти страхи въ существѣ не очень страшны, и что она даетъ ему слово не только провести его благополучно чрезъ Петербургъ, но даже и увезти къ себѣ въ деревню, то Іосафъ выразилъ полное желаніе ее слушать и сказалъ:

— Конечно, я понимаю что возможно и спастись, потому что въ Петербургѣ я могу никуда не выходить и сидѣть запершись въ какой-нибудь комнатѣ, а въ вашей деревнѣ тамъ всѣ эти становые и все прочее въ вашей волѣ, да и къ тому же я могу переѣзжать изъ уѣзда въ уѣздъ, и меня моя драгоцѣнная супруга не изловитъ.

Онъ даже предался мечтамъ по этому случаю какъ онъ будетъ перебѣгать изъ Бодростинскаго имѣнія въ одномъ уѣздѣ въ другое его же имѣніе, находящееся въ другомъ уѣздѣ и сдѣлается такимъ образомъ неуловимымъ для безпощадной жены своей и ея друга Кишенскаго; и Іосафъ Платоновичъ, уносясь такими мечтами, сдѣлался даже веселъ и началъ трунить надъ затруднительнымъ положеніемъ въ которое онъ поставитъ этимъ коварствомъ несчастныхъ становыхъ; но Глафира неожиданно разбила весь этотъ хитрый планъ и разрушила его счастливую иллюзію. Она назвала все это ребяческою полумѣрой и на мѣсто невинной затѣи Висленева докончить дни свои въ укрывательствѣ отъ тюрьмы, сказала что ужь пора его совсѣмъ освободить отъ всѣхъ этихъ утѣсненій и эманципировать его такимъ благонадежнымъ способомъ чтобы онъ вездѣ свободно ходилъ и всѣмъ показывался, но былъ бы неуязвимъ для своихъ недруговъ.

Мысль эта, разумѣется, представилась Висленеву очарова-

тельною, но онъ, считая ее слишкомъ невѣроятною, опять требовалъ объясненія, а Глафира ему этого объясненія не давала.

— Я вамъ не могу этого разказать какъ я думаю это сдѣлать, но я это сдѣлаю, отвѣчала она на его вопросъ.

— Вы это такъ думаете только, или вы въ этомъ увѣрены?

— Это иначе не можетъ-быть, какъ я вамъ говорю.

— Но въ такомъ случаѣ почему же вы не хотите ничего сказать мнѣ: какъ вы это сдѣлаете?

— Потому что вамъ этого не нужно знать пока это сдѣлается.

— Вотъ тебѣ и разъ: но вѣдь я же долженъ быть въ чемъ-нибудь увѣренъ!

—Ну, и будьте увѣрены *во мнѣ*.

— Гмъ!... въ васъ.... Я это слышалъ.

— Что?... развѣ вы мнѣ не вѣрите?

— Нѣтъ; нѣтъ; не то.... не то.... я вамъ вѣрю, но вѣдь.... позвольте-съ.... вѣдь это все меня довольно близко касается и ужь по тому одному я долженъ.... поймите *я долженъ* знать что вы со мной намѣрены дѣлать?

— Нѣтъ, вы именно этого *не должны*.

— Почему-съ? скажите мнѣ разумную причину: почему?

— Потому что вы.... „скверно сотворены."

— Гмъ! шутка не отвѣтъ.

— Я и не шучу и мнѣ даже некогда съ вами шутить, потому что я сейчасъ уѣзжаю, и вотъ, я вижу, идутъ коммиссіонеры за моими вещами и приведенъ фіакръ. Хотите положиться на меня и ѣхать со мною назадъ въ Россію, съ твердою вѣрой что я васъ спасу, такъ идите забирайте свой богажъ и поѣдемъ, а не надѣетесь на меня, такъ надѣйтесь на себя съ Благочестивымъ Устиномъ и оставайтесь.

Въ это время въ комнату вошли коммиссіонеры, и Глафира имъ указала на свои упакованныя вещи, которыя тѣ должны были взять и доставить на желѣзную дорогу.

— Подождите же, я сейчасъ притащу свой сакъ-вояжъ,—пусть они и его захватятъ, произнесъ скороговоркой Висленевъ.

— Только пожалуста поскорѣй, а то мы можемъ опоздать на поѣздъ, торопила его Глафира.

— О, не бойтесь, не бойтесь: я въ одну минуту! воскликнулъ на быстромъ бѣгу Висленевъ и дѣйствительно не болѣе какъ черезъ пять минутъ явился съ пустымъ сакъ-вояжемъ въ

одной рукѣ, съ тросточкой, зонтикомъ и пледомъ въ друг
и съ бархатною фуражкой на головѣ.

Сдавъ вещи коммиссіонерамъ, онъ самъ сѣлъ съ Глафир
въ фіакръ и черезъ часъ уже ѣхалъ съ нею въ первок
сномъ вагонѣ по Сѣверной желѣзной дорогѣ.

До Берлина они нигдѣ не останавливались, и Жозефъ п
веселѣлъ. Онъ былъ доволенъ тѣмъ что ѣдетъ съ Глафир
рядомъ въ одномъ и томъ же классѣ и предавался разм
леніямъ насчетъ того что̀ съ нимъ должно произойти въ б
жайшемъ будущемъ.

Онъ уже давно потерялъ всякую надежду овладѣть л
бовью Глафиры, „поддавшейся, по его словамъ, новому тя
тѣнію на бракъ“, и даже не вѣрилъ чтобъ она когда-нибу
вступила съ нимъ и въ бракъ, „потому что какая ей въ это
выгода?“ Но, размышлялъ онъ далѣе: кто знаетъ, чѣмъ чор
нешутитъ.... по крайней мѣрѣ въ романахъ, надъ которы
я послѣднее время поработалъ, всѣ говорятъ о женскихъ к
призахъ, а ея поведеніе по отношенію ко мнѣ странно.... У
тамъ какъ это ни разбирай, а оно странно! Она все-таки пр
нимаетъ во мнѣ участіе.... Зачѣмъ же, почему и для чего з
ей, еслибъ она мною не интересовалась?... Гмъ! Нѣтъ, в
всемъ этомъ я вижу.... я вижу ясные шансы позволяющ
мнѣ надѣяться, но только одно скверно, что я женатъ, а он
замужемъ и намъ невозможно жениться. Развѣ тайно.... в
Молдавіи чтобы попъ обвѣнчалъ и въ книжку нигдѣ не зап
сывалъ?

Эта блестящая мысль его посѣтила ночью и онъ тотчас
же поспѣшилъ сообщить ее Глафирѣ, съ предложеніемъ п
вернуть изъ Берлина въ Молдавію и обвѣнчаться, но Гл
фира не соблазнилась этимъ и отвѣчала:

— Что̀ же это будетъ за бракъ такой?

— Да отчего же: вѣдь если это для совѣсти, такъ тамъ тоже
православный священникъ насъ будетъ вѣнчать.

— Прекрасный планъ, замѣтила ему отворачиваясь Глафир

— Ну, а если для положенія, бурчалъ Висленевъ, такъ то
да уже разумѣется....

— Что̀? уронила глядя въ окно Бодростина.

— Тогда ничего сдѣлать нельзя, пока Михаилъ Андреевичъ
живъ, отвѣтилъ вздохнувъ Висленевъ.

— Ну вотъ то-то и есть, а есть вещи и еще важнѣйшія
чѣмъ положеніе: это деньги.

— Да, деньги, деньги очень важны и дѣлаютъ большой эффектъ въ жизни, повторилъ Жозефъ слова нѣкогда сказанныя въ губернской гостиницѣ Гордановымъ.

— А всѣ эти деньги могли бы и должны.... быть ваши.... то-есть наши, если только....

При этихъ словахъ Глафира еще больше подалась въ окно и тотчасъ же увидала возлѣ своего лица любопытный ликъ Жозефа неотступно желавшаго знать: въ чемъ дѣло? какое „если“ можетъ разрушить замрѣявшій предъ очами души его „большой эффектъ въ жизни?“

Онъ такъ неотступно приставалъ съ этимъ вопросомъ къ Глафирѣ что она наконецъ сказала ему, какъ бы нехотя, что „если“ заключается въ томъ что значительнѣйшая доля состоянія ея мужа можетъ достаться его племяннику Кюлевейну.

— Этому кавалерійскому дураку-то? воскликнулъ съ сознаніемъ огромныхъ своихъ преимуществъ Висленевъ.

— Да; этому дураку.

— Ну, ужъ это глупость.

— Глупость, да весьма вѣроятная и возможная, и притомъ такая которой нельзя отвратить.

— Нельзя?

— Я думаю.

Они замолчали и продолжали попрежнему сидѣть другъ противъ друга, глядя въ открытое окно, мимо котораго свистѣлъ вѣтеръ и неслись красныя искры изъ трубы быстро мчавшагося локомотива.

Поѣздъ летѣлъ, грохоталъ и подскакивалъ на смычкахъ рельсовъ: Висленевъ все смотрѣлъ на дымъ, на искры и началъ думать: почему не предотвратятъ этихъ искръ? Почему на трубѣ локомотива не устроятъ какого-нибудь искрогасителя? И вдругъ встрепенулся что ему до этого совсѣмъ нѣтъ никакого дѣла, а что гораздо важнѣе найти средство какъ бы не досталось все Кюлевейну, и чуть только онъ пораздумалъ надъ этимъ, какъ сейчасъ же ему показалось что искомое средство есть и что онъ его даже нашелъ.

Жозефъ откашлянулся, крякнулъ разъ, крякнулъ еще, и взглядывая на Глафиру, произнесъ:

— А что.... если....

Она молча устремила на него свои глаза и казалось желала помочь ему высказываться, но Жозефъ ощущалъ въ этомъ нѣкоторое затрудненіе, ему казалось что его голосъ упалъ и

не слышенъ среди шума движенія, да и притомъ вагонъ, покачивая ихъ на своихъ ресорахъ, постоянно мѣняетъ положеніе ихъ лицъ: они трясутся, вздрагиваютъ и точно куда-то уносятся, какъ Каинъ и его тѣнь.

— Что же, все это вздоръ, почему не сказать, думалъ Висленевъ и набравъ храбрости молвилъ:—А что если этого Кюлевейна не станетъ? Онъ единственный прямой наслѣдникъ Михаила Андреевича, или есть еще и другіе?

— Я никого другаго не знаю, отвѣчала грубымъ контральтомъ Глафира,—но я не понимаю васъ почему это его вдругъ не станетъ?

— А если его.... того?

И Висленевъ сложивъ кисть лѣвой руки чайничкомъ, сдѣлалъ видъ какъ будто что-то навиваетъ: но въ это время колесо вагона подпрыгнуло и запищало на переводной стрѣлкѣ, и собесѣдники попятясь назадъ, подались вглубь своихъ мягкихъ креселъ.

Въ вагонѣ кромѣ ихъ двухъ всѣ спали. Когда поѣздъ остановился у платформы станціи, Глафира встала съ мѣста. Она оправила юбку своего суконнаго платья и насупя брови сказала Висленеву: „вы начинаете говорить странныя глупости.“

Съ этимъ она вышла, и не смѣвшій слѣдовать за нею Жозефъ видѣлъ изъ окна какъ она быстро, какъ темный духъ носилась, ходя взадъ и впередъ по платформѣ. Несмотря на то что на дворѣ еще стояли первыя числа марта и что ночной воздухъ подъ Берлиномъ былъ очень влаженъ и прохладенъ, Бодростина обмахивалась платкомъ и жадно впивала въ себя холодныя струи свѣжей атмосферы.

Висленевъ это видѣлъ и понималъ что путешественница чѣмъ-то сильно взволнована, но онъ этого отнюдь не приписывалъ своимъ словамъ,—до того онъ самъ привыкъ къ ихъ ничтожеству,—не соединялъ онъ этого и съ рѣзкимъ отвѣтомъ съ которымъ Глафира вышла изъ вагона,—это тоже для него была не новость и даже не рѣдкость; но онъ очень испугался когда послышался послѣдній звонокъ и вслѣдъ за тѣмъ поѣздъ тронулся одновременно съ кондукторскимъ свисткомъ, а Глафира не входила.

XIII. На краю погибели.

Это обстоятельство чуть не стоило жизни бѣдному Висленеву. Почувствовавъ что поѣздъ тронулся и покатился, Іосафъ Платоновичъ заметался, затрессяа, кинулся внутрь вагона, наступилъ на ноги двумъ спавшимъ пассажирамъ, потомъ метнулся назадъ, высунулся въ окно, звалъ, кричалъ и наконецъ, быстро оторвавшись отъ окна, кинулся опрометью къ двери и едва былъ удержанъ на вагонной ступени кондукторомъ: иначе онъ непремѣнно слетѣлъ бы внизъ и былъ бы или разрѣзанъ на рельсахъ или сдавленъ между буферами. Но къ счастію для него и для насъ, этого несчастія не случилось, благодаря бдительности и нѣмецкой аккуратности кондуктора, который не ограничился тѣмъ что изловилъ Висленева на краю пропасти, но неотступно усадилъ его на мѣсто, и въ виду его необъяснимаго волненія, присѣлъ возлѣ него самъ, чтобы не допустить его возобновить свою попытку броситься подъ вагонъ. А что Висленевъ имѣлъ намѣреніе найти смерть на рельсахъ, въ этомъ не сомнѣвался ни самъ кондукторъ, ни тѣ изъ пассажировъ которыхъ Жозефъ разбудилъ наступивъ на ихъ мазоли. Къ тому же, на несчастье путешественника, онъ, будучи рьянымъ врагомъ классицизма, не зналъ тоже никакихъ и новыхъ языковъ и могъ говорить только на своемъ родномъ. Мѣшая русскія слова съ нѣмецкими, онъ высказывалъ страшныя опасенія за судьбу оставшейся на станціи своей спутницы, но его никто не понималъ, и въ отвѣтъ на всѣ его моленія, жалобы и порывы вскочить, нѣмецкій кондукторъ, съ длиннымъ лицомъ, похожимъ на гороховую колбасу, присаживалъ его мощною рукой на мѣсто и приговаривалъ: „Sein sie ruhig!“ и затѣмъ продолжалъ вести въ полголоса бесѣду съ тѣми изъ пассажировъ которые проснулись и любопытно наблюдали эту сцену.

Плохо понимавшій по-нѣмецки Висленевъ не обращалъ вниманія на ихъ разговоръ, въ которомъ до ушей его чаще другихъ словъ долетало слово verrückt, и къ отягченію своего положенія оставался въ безвѣстности о томъ что его считаютъ сумашедшимъ. Въ его разстроенномъ воображеніи мелькнула мысль что Глафира на него донесла и выдала его, а

сама скрылась, а ему уже нѣтъ спасенія. Это было ужасное состояніе, и Висленевъ, потерявъ надежду вырваться изъ-подъ присмотра или объясниться съ суровымъ кондукторомъ, ѣхалъ въ полномъ отчаяніи. Онъ считалъ себя погибшимъ, видѣлъ себя уже разстрѣляннымъ, повѣшеннымъ, затеряннымъ, пропавшимъ безъ вѣсти и... упавшимъ духомъ, проклиналъ Глафиру. Иногда только ему входило въ голову что она можетъ-быть и въ мысли не имѣла доносить на то что онъ сдѣлалъ чайникомъ руку, а просто упустила поѣздъ. Но онъ не хотѣлъ ее жалѣть, онъ и тутъ хотѣлъ клясть и клялъ, если не за предательство и коварство, то за „проклятыя женскія фантазіи", ради которыхъ она вышла изъ вагона и пошла расхаживать.

„Чего? чего она вышла?" вопрошалъ онъ самого себя, и сжимая кулакъ свободной отъ кондукторскаго ареста руки, цѣдилъ сквозь зубы: „ухъ, какъ бы я, съ какимъ то-есть я удовольствіемъ всѣхъ этихъ женщинъ выпоролъ! Чудесно бы это было, и мужья бы меня даже навѣрное похвалили."

Но въ то самое время, когда онъ, изнывая въ своемъ безсиліи, въ сотый разъ повторялъ это невинное желаніе, подъ колесомъ вагона раздался опять визгъ переводной стрѣлки, ходъ поѣзда сталъ умѣреннѣе, и очамъ страдающаго Жозефа представилась живая, цвѣтущая красотой и здоровьемъ Глафира.

Такъ какъ въ этомъ романѣ читателямъ уже не разъ приходилось встрѣчать сцены относительно которыхъ, при поверхностномъ на нихъ взглядѣ, необходимо должно возникнуть предположеніе что въ разыгрываніи ихъ участвуютъ невѣдомыя силы незримаго міра, — тогда какъ ученымъ реалистамъ нашего времени достовѣрно извѣстно что нѣтъ никакого иного живаго міра, кромѣ того вѣнцомъ котораго мы имѣемъ честь числить насъ самихъ,—то необходимо сказать что внезапное появленіе Бодростиной въ вагонѣ не должно быть относимо къ ряду необъяснимыхъ явленій въ родѣ зеленаго платья, кирасирскаго мундира съ разрѣзанною спинкой; Гордановскаго секрета разбогатѣть, Синтянинскаго кольца съ соскобленною надписью; болѣзненнаго припадка Глафиры и другихъ темныхъ явленій, разъясненіе которыхъ остается за авторомъ въ недоимкѣ. Теперь мы уже не такъ далеки отъ всѣхъ этихъ разгадокъ, но разъясненіе появленія Бодростиной на всемъ ходу вагона не станемъ даже откладывать

ни на минуту и займемся имъ тотчасъ же,—дадимъ его какъ задатокъ къ тѣмъ расплатамъ какія за нами числятся и которыя мы въ свое время надѣемся произвести самою натуральною и ходячею монетой.

Дѣло было весьма просто и могло показаться страннымъ и невѣроятнымъ не по существу своему, а по взгляду который имѣлъ на него смотрящій.

Глафира Бодростина, издавна начертавъ себѣ планъ завладѣть огромнымъ состояніемъ своего мужа, ускользавшимъ отъ нея по ея же собственной винѣ, по ея неспособности совладѣть съ собою въ первые годы своего замужества и лицемѣрно или искренно составить себѣ прочную репутацію, взялась за это дѣло нѣсколько поздно, но она, какъ мы видѣли, не теряла надежды привести все къ такому концу какой для нея былъ нуженъ. Все это она вела исподволь, медленно и разсчетливо, соединяя множество лицъ и ихъ страстей и влеченій къ одному фокусу стекла, чрезъ которое желала показать міру актъ своего торжества. Простой планъ известь мужа и овладѣть его состояніемъ былъ извѣстенъ кромѣ ея самой одному Горданову, но Гордановъ не даромъ додумывался въ Москвѣ до того что это не весь планъ, а не болѣе какъ только намекъ на то чего желаетъ и къ чему стремится Глафира. Гордановъ не ошибался что еслибы дѣло шло только о томъ чтобъ убить Бодростина, то это можно было бы давно сдѣлать и ядомъ, и кинжаломъ, но Глафира чего-то, повидимому, выжидала. Это путало соображенія Горданова. Онъ не ошибался: она путала многихъ и не безъ умысла, и въ числѣ этихъ многихъ, его болѣе, чѣмъ кого-нибудь другаго. Глафира сама опасалась что Гордановъ это прозрѣлъ и насторожилъ вниманіе, но она была твердо увѣрена что онъ не можетъ разгадать ея плана въ его цѣломъ. Цѣлое это было извѣстно только ей одной и притомъ часто измѣнялось то въ той, то въ другой детали, отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ.

По непонятному влеченію контрастовъ, Глафира страстно любила Подозерова: это продолжалось уже цѣлые два года, и къ концу того періода съ котораго началась наша исторія, чувства Глафиры дошли до неодолимой страсти. Она нѣкогда ухаживала за Подозеровымъ и искала сближенія съ нимъ по тому стереотипному способу которымъ не брезгуютъ многія, но Подозеровъ, вѣчно занятый дѣлами крестьянъ, не да-

ромъ слылъ чудакомъ. Чувствуя омерзеніе къ разносторонней „направленской“ лжи, съ такимъ избыткомъ переполняющей въ наше время жизнь такъ-называемыхъ „мыслящихъ дѣятелей“ того или другаго закала, онъ съ чувствомъ глубокой и нервной гадливости удалялся отъ битыхъ ходовъ и искалъ своей доли въ безыскусственномъ и простомъ выполненіи своихъ обязанностей, изъ которыхъ первѣйшею считалъ заботу о своемъ собственномъ усовершенствованіи. Умная и начитанная Глафира часто съ нимъ бесѣдовала и полюбила его умъ, взгляды и правила, а потомъ, увидавъ что и самая жизнь его строго гармонируетъ съ этими правилами, полюбила и его самого.... по контрасту, но онъ не могъ, или не хотѣлъ быть ея любовникомъ. Это она видѣла и остановилась охотиться за нимъ на этомъ полѣ. Даже болѣе: раздумавъ, она поняла что онъ и не хорошъ былъ бы любовникомъ, что измѣнивъ въ этомъ случаѣ своимъ правиламъ, онъ потерялъ бы весь свой букетъ и пересталъ бы походить на самого себя. Тогда онъ пересталъ бы быть интереснымъ, и всякій гусаръ, всякій безпардонный враль, даже всякій нигилистъ въ этой роли были бы интереснѣе его. Но другое дѣло еслибъ онъ былъ ея мужъ.... На этомъ она останавливалась съ сладостнѣйшими мечтами; она впадала въ самую пасторальную сентиментальность, доходя даже до того что воображала его какимъ-то ребенкомъ, а себя его пѣстуньей, строила планы, какъ бы она лелѣяла его покой, окружа его довольствомъ, любовію, вниманіемъ. Она уносилась такъ далеко что подобно тому какъ сказочная невѣста ссорилась съ своимъ женихомъ по поводу выбора мужа для ихъ будущей дочери,—она негодовала на себя когда ей приходила въ голову мысль что воображаемый мужъ ея Подозеровъ наскучитъ ей, и она ему измѣнитъ.... и какъ онъ это снесетъ? Испанскимъ Дворяниномъ, Горацiемъ, благословляющимъ за то и за другое, или.... холодно пренебрежетъ ею и броситъ ее безъ вниманія? Броситъ ее.... красавицу-богачку? А что̀ же: она вѣдь не Лариса, она знаетъ что это возможно. Она это предвидѣла, негодовала на это и даже готова была плакать. Пусть психологи объяснятъ почему любовь порочныхъ людей часто бываетъ такою сентиментальною и противорѣчущею всѣмъ другимъ чертамъ ихъ характера; но это бываетъ такъ и это такъ было съ Глафирой и съ ея любовью къ Подозерову. Вызвавъ изъ блужданья въ пространствѣ Горданова, она хотѣла его рукой освободиться отъ мужа и тог-

да.... обмануть Горданова и выйти за Подозерова, если онъ женится.... Если?... Но почему же нѣтъ? И наконецъ самая забота объ этомъ приносила уже ей удовольствіе, но все это рушилось, сначала благодаря смазливому личику и какой-то таинственной прелести Лоры. Потомъ эта дуэль, въ которой Гордановъ настолько превзошелъ самого себя въ предательствѣ и слѣпой наглости что Глафира этого даже не ожидала, а потомъ.... потомъ все докончило извѣстіе о свадьбѣ Лоры, сообщенное Гордановымъ въ томъ же самомъ письмѣ при которомъ была прислана въ Парижъ прекрасная фотографическая карточка изображающая генеральшу Синтянину въ нѣжнѣйшей позѣ съ Павломъ Николаевичемъ. Сентиментальная любовь Глафиры была съ корнемъ вырвана этимъ извѣстіемъ, и съ нею откинуты всѣ затѣи по сердечной части, но... нѣчто впрочемъ осталось. Главное дѣло теперь было исправить репутацію. При помощи спиритизма и денегъ, это было устроено такъ легко что Глафира черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда въ Парижъ была принята самыми суровыми ревнительницами добродѣтели, получила отъ нихъ выраженія вниманія и дружбы и даже свободно могла бы дѣлать въ тайнѣ какія угодно тайныя дѣла, и въ свѣтѣ ей нашлась бы поддержка, и всякій намекъ на ея прошедшее почитался бы не иначе, какъ злонамѣренною клеветой. Но Глафира не спѣшила пользоваться этою легкою побѣдой, она выждала извѣстій о появленіи и о сдачѣ новорожденнаго младенца княгини Казиміры. Между тѣмъ бѣдный кварталъ въ которомъ она жила заговорилъ о ея святости, добротѣ и христіанскомъ милосердіи. Какъ актрисы собираютъ нумера газетъ въ которыхъ съ похвалой отзываются объ ихъ дебютахъ, такъ Бодростина собирала нумера гдѣ парижскіе фельетонисты мелкихъ газетъ писали напыщенный вздоръ о ея благодѣяніяхъ. Все это разумѣется стоило денегъ, но Глафира на это не скупилась. По мѣрѣ выхода этихъ газетныхъ мадригаловъ, Глафира посылала ихъ въ Петербургъ, гдѣ Гордановъ долженъ былъ хлопотать чтобъ ее въ газетахъ бранили за благодѣянія расточаемыя иностранцамъ. Другія газеты спѣшили услужливо оспаривать эти нападки, и имя Глафиры дѣлалось предметомъ разговоровъ и толковъ. Она пріобрѣла нѣсколько безсильныхъ враговъ, и множество друзей имѣющихъ вѣсъ и значеніе въ сферахъ гдѣ космополитизмъ Глафиры давалъ ей наилучшую рекомендацію.

Такимъ образомъ она возвращалась на родину съ цѣлою батареей презервативовъ, долженствовавшихъ охранять ее отъ заболѣваній недугами которые должна была породить ее собственная злая воля. Но приближеніе къ развязкѣ запутанныхъ ею узловъ все-таки дѣйствовало на нее непріятно... Натура въ ней, противъ воли ея, возмущалась и въ сердцѣ ея шевелилося нѣчто въ родѣ молитвы: да идетъ сія чаша мимо. Ея душевное состояніе было подобно состоянію деспота, который стремится къ абсолютному тиранству, опираясь на содѣйствіе низкихъ клевретовъ и предателей: она противъ воли своей презирала тѣхъ на кого опиралась и съ неудовольствіемъ уважала тѣхъ кого ненавидѣла. Отсюда получило свое начало, можетъ-быть не всегда умѣстное, ея полупрезрительное отношеніе ко всѣмъ ея темнымъ агеламъ, не исключая самаго старшаго изъ нихъ, Павла Николаевича Горданова. Когда эти люди слѣпо исполняли ея волю, она еще сносила свое положеніе, но когда тотъ или другой изъ ея пособниковъ неосторожно давалъ чувствовать что онъ проникаетъ въ ея планъ и даже самъ можетъ ей его подсказывать, то ей овладѣвало чувство нестерпимой гадливости. Поэтому, когда Висленевъ, коснувшись въ разговорѣ съ нею опасности какую имѣетъ для нея пребываніе въ живыхъ племянника ея мужа, ничего незначащаго кавалериста Кюлевейна, выговорилъ: „а если его... того?“ и при этомъ сдѣлалъ выразительный знакъ кистью руки, согнутой въ видѣ чайничка, Глафирѣ сдѣлалось невыносимо противно что ее проникъ и понялъ этотъ глубоко презираемый ею monsieur Borné, сохраняемый и приготовляемый ею хотя и на самую рѣшительную, но въ то же время на самую низкую послугу.

Эта гадливость была поводомъ къ тому что Глафира, вопервыхъ, далеко откинулась отъ Висленева въ глубину своего дивана, вовторыхъ, что она назвала слова его глупостью, несмотря на то что они выражали ея собственное мнѣніе, и втретьихъ, что она выбѣжала ища воздуху, вѣтру, чтобъ онъ обдулъ и освѣжилъ ея отъ тлетворной близости жалкаго Жозефа. Глафира оставалась на платформѣ станціи до послѣдней минуты, и потомъ, давъ кондуктору въ руку талеръ, ѣхала стоя на площадкѣ у двери вагона. Висленеву этого не пришло въ голову и онъ жестоко страдалъ, то порываясь бѣжать, то пытаясь сообщить попутчикамъ свое затруднительное положеніе. Онъ лепеталъ, подбирая черезъ пятое на де-

сятое нѣмецкія слова, о своей спутницѣ, объ ихъ разговорѣ насчетъ одного больнаго, который будто бы не хотѣлъ принимать лѣкарствъ и которому онъ совѣтывалъ дать это лекарство обманомъ. При этомъ Висленевъ опять изображалъ изъ свободной руки чайничекъ и прихлебывалъ воздухъ, но всѣмъ этимъ только потѣшалъ не понимавшихъ его Нѣмцевъ и наконецъ распотѣшилъ и Глафиру, которая съ прибытіемъ въ Берлинъ взошла въ вагонъ.

Ея появленіе чрезвычайно сконфузило Жозефа, и онъ залепеталъ было какія-то объясненія, но та, не слушая его, поблагодарила кондуктора, что онъ поберегъ ея сопутника и велѣла ему отпустить руку Жозефа, а тому дала знакъ помогать ей собирать находившіяся при ней дорожныя мелочи ея багажа.

Пассажиры толпились у выхода, и въ толпѣ можно было замѣтить спокойное и даже веселое лицо Бодростиной и робкій, тревожный зракъ Висленева. Приближеніе къ Россіи наполняло безпокойное воображеніе Жозефа неописанными страхами, и Іосафъ Платоновичъ уже млѣлъ и терялся въ Берлинѣ, а завтра ждалъ его еще большій страхъ и ужасъ: завтра онъ будетъ въ отечествѣ, „котораго и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ“, и увидитъ наконецъ свою жену и ея малютокъ, которые, безъ сомнѣнія, выросли и похорошѣли въ это время, какъ онъ находился въ бѣгахъ изъ Петербурга.

„Да и сколько ихъ тоже теперь у меня? это интересно,“ думалъ онъ, поспѣшая за Бодростиной и закрывая себѣ лицо коробкой съ ея шляпой. „Ухъ, отцы мои родные, жутко мнѣ, жутко! Ухъ, матушка святая Русь, еслибы ты была умница, да провалилася бы въ тартъ-тарары и вмѣстѣ съ моею женой, и ея дѣтьми и со всѣми твоими женскими и не женскими вопросами! То-то бы я благословилъ за это Господа!

И Висленевъ началъ часто креститься рукой по груди подъ бортомъ своего пальтишка.

XIV. Въ черномъ цвѣтѣ.

Несмотря на то что Берлинъ городъ не только не русскій, но даже не особенно расположенный къ Россіи, всѣ русскіе свободомышленники, къ числу которыхъ по привычкѣ причислялъ себя и Жозефъ Висленевъ, останавливаясь въ Берлинѣ на обратномъ пути изъ Лондона или Парижа, обыкновенно предвкушали и предвкушаютъ здѣсь нѣчто отечественное, или лучше сказать петербургское. Этому можетъ-быть много содѣйствуетъ и внѣшнее сходство обѣихъ столицъ. Тѣ же прямыя, широкія улицы, тѣ же зданія казенно-казарменнаго характера, тѣ же стоячіе воротники, тѣ же нѣмецкія вывѣски и та же нѣмецкая рѣчь и паспортная строгость, однимъ словомъ, многое и многое напоминающее что человѣкъ уже находится въ преддверіи русской столицы.

Висленевъ ощущалъ все это съ чуткостью самаго тонкокожаго инсекта, и чуть только они съ Глафирой пристали въ гостиницѣ, онъ тотчасъ выразилъ чрезвычайную дѣятельность. Ни мало не заботясь о томъ гдѣ его помѣстятъ и какъ будутъ трактовать въ краткое время пребыванія въ Берлинѣ, онъ бросилъ свой сакъ-вояжъ въ передней нумера, гдѣ расположилась отдохнуть Глафира, и попросилъ у нее взаймы десять талеровъ. (Онъ давно забылъ какъ имѣютъ свои собственныя деньги и постоянно бралъ у всѣхъ, у кого могъ, взаймы, и всегда маленькими суммами, и притомъ, къ чести его, всегда выпрашивалъ ихъ съ большимъ смущеніемъ и на самый кратчайшій срокъ.)

Бодростина никогда ему не отказывала въ ссудѣ, но и никогда не давала ему болѣе чѣмъ онъ просилъ, да и поступи она иначе, онъ бы этимъ ужасно обидѣлся. Такъ и на этотъ разъ она дала ему требуемые десять талеровъ, и отпуская его изъ дому, наказала чтобъ онъ не забалтывался и помнилъ что они сегодня же вечеромъ выѣзжаютъ.

— О, не безпокойтесь, не безпокойтесь, ужъ я не опоздаю, отвѣчалъ Жозефъ:—я иду по дѣлу, и вы увидите что я эти нѣсколько часовъ пребыванія въ Берлинѣ употреблю для себя съ большою пользой.

Съ этими словами онъ бросился за двери и убѣжалъ.

Глафира осталась одна и, улегшись одѣтая въ довольно жесткое кресло, думала и дремала, дремала и думала. Съ тѣхъ поръ какъ она получила, оказавшееся потомъ ложнымъ, извѣстіе о смерти Подозерова, будто бы убитаго Гордановымъ на дуэли, къ ней рѣдкими, но смѣлыми приступами начало подкрадываться одно странное чувство, нѣсколько общее съ тѣмъ что̀ ощущала во всѣ знаменательныя минуты своей жизни Лариса. При первомъ извѣстіи что Подозеровъ убитъ, Глафира не столько сожалѣла о немъ, сколько затруднялась опредѣлить: зачѣмъ же теперь ей все то что̀ она затѣяла и что̀ совершаетъ? Она находила что все это напрасный трудъ и рискъ, что для нея почти все равно пусть все идетъ своимъ порядкомъ, что она теперь ни къ кому уже не чувствуетъ особенной нѣжности. Это былъ тотъ же разломъ, съ тѣмъ же ощущеніемъ своей духовной нищеты, то же самое „нечѣмъ жить“ которое томило и обращало Богъ вѣсть во что̀ красавицу Лору. Бодростина выѣхала изъ деревни на окончаніе дѣла неохотно: она даже чувствовала лѣнь все это додѣлывать и даже охотно бы все это бросила, еслибы не исторія съ завѣщаніемъ, которую нельзя было оставить, потому что не равенъ часъ: Бодростинъ самъ могъ пожелать взять это завѣщаніе для какой-нибудь перемѣны, Чухонецъ Ропшинъ могъ взревновать и измѣнить ей.... Всего этого можно было опасаться. Это и подвигло Глафиру ѣхать поправлять свою репутацію, съ цѣлью освободиться отъ мужа и стать полновластною госпожой. Извѣстіе о выздоровленіи и женитьбѣ Подозерова не измѣнило ея настроенія. Впрочемъ въ Парижѣ разломъ и лѣнь еще щадили ее, но дорогой, когда она скрылась отъ Висленева изъ вагона и ѣхала на площадкѣ обдуваемая вѣтромъ и осыпаемая искрами, она опять ощутила подступъ этого внутренняго татя. Внутренній голосъ зашепталъ ей подъ свистъ вѣтра: „Брось! На что̀ тебѣ все это? Твоему мужу и безъ того не долго остается жить.... Онъ старъ; онъ самъ скоро умретъ своею естественною смертью.... На что̀ тебѣ этотъ грѣхъ его насильственной кончины?“

„Ни на что̀“, рѣшительно отвѣчала она сама себѣ, и чувствовала что разломъ овладѣваетъ ею все сильнѣе, и даже испугалась. „Какъ же теперь оставить: чѣмъ удовлетворить и куда дѣть всю эту несытую сволочь? Всѣ они, стоя на ножахъ другъ съ другомъ, переревнуются, перессорятся, и кто сдуру, кто изъ мстительности, всѣ выдадутъ другъ друга и ее въ

томъ часѣ.“ Тяжелыя эти мысли ея и соображенія не разз-
налъ, а только разсѣялъ на минуту своими представленіям
въ вагонѣ Висленевъ, и за то, какъ только онъ ушелъ,
тавивъ ее одну въ нумерѣ берлинской гостиницы, всѣ он
снова повисли предъ нею въ воздухѣ и качались скучно
безотвязно.

„Надо додѣлывать“, опять шептало ей ея соображеніе,
пусть такъ; ну, пусть надо: допустимъ даже что все это удас
ся и благополучно сойдетъ съ рукъ; ну, что же тогда далѣ
Чѣмъ жить?... Умомъ? Господи, но вѣдь не въ акушерки
мнѣ поступать! Умомъ можно жить живучи полною жизнью
сердцемъ.... Стало-быть надо жить сердцемъ?“

Глафира положила руку на грудь и покачала головой.

„Нѣтъ“, проговорила она себѣ, „нѣтъ, довольно этого, до-
вольно: я уже не могу любить.... Довольно, довольно: мнѣ нра-
вился чистый, нравственный контрастъ самой меня, но....
я не могу быть любима своимъ чистымъ, нравственнымъ кон-
трастомъ, да и.... я чувствую что и я его мало, очень ма
любила....“ А все остальное ей было безразлично противно. Е
даже стало мерзко играть въ ту игру которую она ведетъ с
Висленевымъ, Ропшинымъ и Гордановымъ, изъ которых
каждый втайнѣ одинъ отъ другаго разчитываетъ быть е
мужемъ.... Какой позоръ! Эта мизерія Висленевъ, или еще
же, этотъ Чухонецъ Ропшинъ.... О, спаси Боже, какая гадость
А Гордановъ?... этотъ холодный злодѣй и мерзавецъ, наглы
самонадѣянный, злой, коварный предатель и ея пагубникъ.

Глафира при этомъ воспоминаніи даже вся покраснѣла, сж
ла кулаки и скрипнувъ зубами почувствовала неодолимое
страстное желаніе впиться своими пальцами въ его шею
задушить его, какъ она едва этого не сдѣлала полгода тому
назадъ въ Москвѣ, при воспоминаніи что онъ не только убил
душевно ее самое, но и старался физически убить Подозеро-
ва, единственнаго человѣка чья нравственная чистота влекла
ее порой къ примиренію съ оскорбленнымъ ею и отворачива-
ющимся отъ нея человѣческимъ міромъ. Она глубоко ненави-
дѣла одного Горданова и ему одному.... одному ему на свѣтѣ
она хотѣла отомстить за себя тяжело и больно, и это было в
ея рукахъ. На этомъ она вела игру, которая вся теперь был
роздана и которую уже насталъ часъ разыгрывать.

„Въ ничью“, опять подсказалъ ей смущающій голосъ. „Въ

ничью, потому что.... что̀ же ты сдѣлаешь послѣ всего этого съ самою собой?“

„Я буду богата“, утѣшала себя Глафира.

„Ну, а далѣе?“ переговаривался голосъ.

„А далѣе?... А далѣе?... Я не знаю что̀ далѣе....“

И она лежала, кусая себѣ губы и досадливо вглядывалась въ ту страшную духовную нищету свою которая грозила ей послѣ осуществленія ея плана обладать громаднымъ вещественнымъ богатствомъ, и въ эти минуты Глафира была *человѣкъ*, болѣе чѣмъ всѣ ея партнеры. Она видѣла и мысленно измѣряла глубину своего паденія и слала горькія пени и проклятія тому кто оторвалъ ее отъ дающихъ опору преданій и опрокинулъ предъ ней всѣ идеалы простаго добра и простаго счастія....

Съ ней и надъ ней загодя совершалась казнь отрицанія, неотразимая для всякаго отрицателя, посягнувшаго на все святое души, но не лишеннаго того что̀ называется *натурой*. Она вкушала муки духовнаго нищенства и въ этомъ было ея преимущество предъ Гордановымъ и братіей, и въ этомъ же заключалось и сугубое несчастіе, ибо естественная природа зла, пораждающая одно зло изъ другаго, не пускала ее назадъ.

Всѣ тяжкіе выводы духовнаго прозрѣнія вдаль не помогали ей ни мало: выходило что она должна довершить то что̀ затѣяла, хотя бы только для того чтобъ отдѣлаться отъ стаи вороновъ, которыхъ она вызвала сама и которыхъ видъ ей столько теперь досадливъ и непріятенъ.

Она вздохнула, оглянулась вокругъ по пустому покою и хрустнувъ пальцами схваченныхъ рукъ, бросила ихъ съ досадой на колѣни и закрывъ глаза опустила голову и задремала.

Сѣрый сумракъ густѣлъ, по корридорамъ гостиницы вдали раздавались шаги и смолкали, въ комнатѣ же была ненарушимая тишь, среди которой слышалось глубокое сонное дыханіе Глафиры. Она спала не спокойно, — нѣтъ; спокойный сонъ тоже давно ее оставилъ, но дремота ея была тяжелая и крѣпкая, соотвѣтствующая большой потребности отдыха и большому желанію хоть на время уйти отъ себя и позабыться.

Потребность въ отдыхѣ удовлетворялась вполнѣ, желаніе позабыться лишь въ самой малой степени: могучій, прочный и выносливый организмъ Глафиры довольствовался самымъ незначительнымъ физическимъ отдыхомъ, и ея силы возрождались и нервы становились спокойны и крѣпки;

но забытье, котораго она жаждала, ее позабыло. Оно носилось гдѣ-то выше, лишь нижнимъ краемъ своей туманной одежды сокрывая отъ Глафиры головы и лица фигуръ наполнившихъ ея дорожный пріютъ, но она узнавала ихъ темные контуры. Они шевелились, и все ближе и ближе выдвигались изъ глубины покоя къ ея креслу, и тутъ вдругъ все затряслось, спуталось, упало на полъ тяжелою длинною куклой и застонало.

Глафира вздрогнула, обвела комнату полудремотнымъ взглядомъ и замѣтила что по полу комнаты прокатились одинъ за другимъ два мягкіе клубка сѣрой пряжи. Бодростина догадалась что это были двѣ нѣмецкія мыши, но она не могла понять что за коричневый черепъ киваетъ ей, вылѣзая изъ полу въ темномъ углѣ? Она всматривается и видитъ что это въ самомъ дѣлѣ черепъ, и вотъ, когда движенія его стали тише, вотъ видны ясно два бѣлые глаза.

Бодростина встала, направилась къ этому таинственному предмету и толкнувъ его ногой, равнодушно отошла и стала предъ окномъ въ которое были видны берлинскія кровли и вспыхнувшіе вдали рожки газа.

Предметъ казавшійся кивающею адамовой головой былъ полукруглый кожаный баулъ, который мыши столкнули съ дорожнаго сундука, а что такое были два бѣлые глаза, это даже и не занимало Глафиру, она знала что это двѣ замаскировавшія замки перламутровыя пуговицы. Она чувствовала себя теперь свѣжею и бодрою, и относилась къ недавнему своему разлому какъ къ слабости, которую надо откинуть, и только торопила время: „Скорѣй бы, скорѣй! думала она, скорѣе ѣхать и все бы скорѣе.... Но уже пора ѣхать! гдѣ же запропастился Висленевъ?“

Она вынула изъ-за корсажа часы, поднесла ихъ къ самымъ глазамъ и отличивъ черную стрѣлку на бѣломъ циферблатѣ, нетерпѣливо молвила про себя:

„Гдѣ можетъ до сихъ поръ оставаться этотъ дуракъ?“

Но прежде чѣмъ она успѣла составить себѣ какую-нибудь догадку въ отвѣтъ на это пытанье, ее поразилъ странный шорохъ за досчатою перегородкой, отдѣляющею переднюю.

— Что это? подумала Глафира и громко крикнула:—Эй! кто тамъ?

Отвѣта не было.

— Aber sagen sie doch: wer ist da? спросила она еще настой-

чивѣе и громче, но отвѣта снова не было, а только шорохъ послышался еще яснѣе и торопливѣе.

— Какъ это, однако, глупо что я оставила незапертою дверь за этимъ болваномъ! подумала Бодростина и хотя не струсивъ, однако, немного покраснѣвъ отъ мысли что во время дремоты къ ней очень легко могъ забраться воръ, или даже дерзкій грабитель, который, будучи теперь захваченъ ею на мѣстѣ преступленія, можетъ ни за что̀ ни про что̀ пырнуть ее ножомъ и дать всей судьбѣ ея такое заключеніе какого она сама никакъ не выводила, ни изъ своего прошлаго, ни изъ настоящаго.

XV. Удивилъ!

Опасенія Глафиры, однакоже, были напрасны: шорохъ за перегородкой не заключалъ въ себѣ ничего страшнаго и угрожающаго, а, напротивъ, обѣщалъ нѣчто смѣшное. Въ этомъ Бодростина удостовѣрилась въ ту же минуту, когда пожелавъ разрѣшить свое недоумѣніе, черкнула зажигательною спичкой о стоявшую на столѣ плитку опиленнаго песчаника.

— Не зажигайте, не зажигайте Бога ради огня! прокричалъ ей изъ-за перегородки знакомый голосъ Висленева, и шорохъ оберточною бумагой сталъ слышанъ еще рѣзче и торопливѣе.

— Что̀ это за вздоръ еще? спросила Глафира, опустивъ незажженную спичку.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, это не вздоръ; пожалуста не зажигайте.

— Да что̀ вы съ ума что ли сошли?

— Нѣтъ; только одну минуточку; еще одну только минуточку не зажигайте, а потомъ можно.

Глафира вмѣсто отвѣта черкнула новою спичкой, но та, вѣроятно, отсырѣла и не загоралась; другая тоже, у третьей отскочила головка; зажигая четвертую Бодростина уронила на полъ весь зажигательный снарядъ и стала подбирать его.

Во все это время Висленевъ усиленно ворочался, кряхтѣлъ и пыжился.

Но вотъ Глафира зажгла огонь, и въ ту же самую секунду Жозефъ сдѣлалъ самодовольное „у-у-ф-ъ", и добавилъ: „фу ты, Господи, какъ я вспотѣлъ!"

— Что даже находите нужнымъ объявить объ этомъ, отозвалась Бодростина, зажигая отъ одной свѣчи другую на подзеркальной доскѣ.—Но пожалуйте-ка сюда.

— Сейчасъ-съ.

И затѣмъ прошла еще минута, а Висленевъ не появлялся, между тѣмъ какъ въ узкій просвѣтъ подъ дверью, Глафирѣ были видны Висленевскіе сапоги.

— Да идите же скорѣе, а то мы изъ-за васъ еще опоздаемъ, крикнула Глафира.

— Иду-съ, иду.

И сапоги засуетились около двери, но опять ни съ мѣста.

Глафира подошла скорыми шагами къ двери, быстро отмахнула ее однимъ движеніемъ, но отмахнула не безъ труда и не безъ усилія потому что за дверью цѣлко держался за ручку и наконецъ вылетѣлъ на средину комнаты.... кто?... Какъ назвать это лицо? Глафира отступила два шага назадъ. Вмѣсто Жозефа предъ ней стоялъ.... чужой человѣкъ, брюнетъ съ лицомъ тщательно закрытымъ ладонями.

— Да что же это, наконецъ такое? воскликнула Глафира и однимъ движеніемъ отведя руки незнакомца отъ его таинственнаго лица, расхохоталась.

Предъ нею стоялъ Висленевъ, но не Висленевъ бѣлый и волокнистый, а жгучій, пламенный брюнетъ, съ темною родинкой на лбу у правой брови и съ другою такою же наперекось по серединѣ лѣвой щеки.

Лишь фигура да взоръ напоминали прежняго Висленева: онъ также мялся на мѣстѣ и то тупилъ глаза внизъ, то хотѣлъ ихъ поднять и разсмѣяться, что ему, наконецъ, и удалось. Видя недоумѣніе Глафиры, онъ вдругъ принялъ изъ несмѣлой и потерянной позы самую развязную, и шаркнувъ и размашисто поклонясь предъ Бодростиной, отнесъ въ сторону руку и произнесъ:

— Какъ вы находите?

— Довольно отвратительно. Объяснитесь пожалуста, что это за маскарадъ? Для чего это вы изволили окраситься въ эту вороную масть и расписали себѣ родимыми бородавками фронтонъ?

— Такъ.... совершенно такъ, потому что это такъ нужно, отвѣчалъ Висленевъ.

— Трусъ, произнесла, презрительно покачавъ на него головой, Глафира. — Ахъ, какой трусъ, и жалкій, презрѣнный трусъ, теряющій сознаніе и не вѣдающій что онъ дѣлаетъ.

— Можете говорить что вамъ угодно, а всякій борется за существованіе какъ онъ умѣетъ, отвѣчалъ обижаясь Жозефъ.—

Я за границей, при иностранныхъ законахъ о правѣ женщины не трусилъ и никогда бы не струсилъ, и не побоялся моей жены, будь я ей хоть даже вдесятеро болѣе долженъ, но когда мы въѣзжаемъ въ Россію, гдѣ на сторонѣ женщинъ законы, тутъ.... я какъ мущина обязанъ-съ беречь свою свободу отъ жениной власти; да-съ, я это обязанъ!

Глафира не возражала ни слова и глядя молча на перекрашеннаго Висленева, размышляла: какъ ей съ нимъ быть? Удобно ли ей везти его съ собою далѣе, послѣ его предусмотрительной, но неожиданной выходки? Ее вдругъ посѣтила мысль: не сдѣлалъ ли онъ это еще въ какихъ-нибудь иныхъ цѣляхъ?.. Кто его знаетъ: онъ что-то долго ходилъ, могъ зайти куда-нибудь въ богатый магазинъ и.... пожалуй, чего добраго, что-нибудь стянулъ? Что же удивительнаго для человѣка который рѣшился уже однажды подрѣзать пріятельскій потфель, довѣренный ему на сохраненіе? Но она еще посмотрѣла и рѣшила что это подозрѣніе не можетъ имѣть мѣста, потому что гдѣ ему рѣшиться и что-нибудь сдѣлать самому! Но про всякій случай.... про всякій случай она сказала что она съ нимъ рядомъ въ одномъ вагонѣ не поѣдетъ.

— Это почему? полюбопытствовалъ Жозефъ.

— А потому что тотъ же цирюльникъ который васъ раскрашивалъ конечно могѣ заподозрить ваше поведеніе и вѣроятно уже до сихъ поръ указалъ на васъ полиціи.

Іосафъ Платоновичъ затрясся и лепеталъ что онъ красился у самаго простаго мастера, въ глухой улицѣ, и что нынче красятся многіе очень порядочные люди, а что родинки онъ самъ сдѣлалъ себѣ ляписомъ. Впрочемъ онъ не сопротивлялся Глафириному рѣшенію и схвативъ свой сакъ-вояжъ, побѣжалъ на желѣзную дорогу чтобы взять себѣ мѣсто во второклассномъ вагонѣ. Тутъ онъ забился ранѣе всѣхъ въ темный уголъ, и замирая со страха, дожидалъ отхода поѣзда, межъ тѣмъ какъ выѣхавшая позже его изъ нумера Бодростина спокойно помѣстилась въ купе перваго класса.

XVI. Висленевъ въѣзжаетъ въ Петербургъ.

Во всю послѣднюю путину Жозефъ не покидалъ своего угла и показался Глафирѣ лишь въ Эйдкуненѣ, у тамо-

женнаго прилавка, но затѣмъ, переѣхавъ русскую границу, онъ началъ ей досаждать на каждой станціи, подбѣгая къ окну ея вагона и прося ее „серіозно“ сказать ему: имѣетъ ли она средство спасти его? Глафира нѣсколько разъ отвѣчала ему на это утвердительно, но потомъ ей надоѣло повторять ему одно и то же, и Висленевъ, не получая новыхъ подтвержденій на свои докучанья, сталъ варьировать вопросы. Теперь онъ добивался скоро ли по прибытіи въ Петербургъ надѣется Глафира улучить минуту чтобы заняться его дѣломъ.

— Скажите мнѣ это, Бога ради, потому что это мнѣ очень важно.... это меня безпокоитъ, говорилъ онъ.—Успокойте же меня, скажите: когда вы начнете?

— Въ первую же минуту, какъ только сниму въ Петербургѣ мою дорожную шляпку, отвѣчала Глафира.

— Ахъ, не шутите пожалуйста: мнѣ не надо шутокъ.

— Я не шучу и даю вамъ слово что я прежде всего займусь вашимъ дѣломъ. Вы будете первою моею заботой въ Россіи.

— Честное слово?

— Честнѣйшее, какое только я могу дать.

— Я вамъ вѣрю!

И онъ крѣпко пожималъ и встряхивалъ руку, которую ему нехотя подавала Бодростина, и убѣгалъ въ свой вагонъ, но на слѣдующей остановкѣ опять появлялся возлѣ окна и вопрошалъ:

— Такъ честное слово?

— Да, отвѣчала коротко Бодростина и при дальнѣйшихъ остановкахъ не стала открывать своего окна и притворялась спящею.

Жозефъ не осмѣливался ее безпокоить и довольствовался тѣмъ что бродилъ возлѣ ея вагона, жалостно засматривая и вздыхая, и затѣмъ исчезалъ до новой остановки.

Чѣмъ ближе они подъѣзжали къ Петербургу, тѣмъ злополучный Жозефъ становился все смущеннѣе и жалче, и когда за три послѣднія станціи, на стеклѣ окна показался двигающійся серебряный пятачокъ, что̀ выходило отъ прижатаго Висленевымъ къ стеклу кончика своего носа, то Глафира даже сжалилась надъ нимъ и открывъ окно сказала ему самымъ искреннимъ и задушевнымъ тономъ что она бдитъ

надъ нимъ; проситъ его успокоиться и увѣряетъ его что ему ровно нечего бояться.

— Ваше смущеніе и тревога можетъ гораздо болѣе вамъ вредить чѣмъ все на свѣтѣ, потому что она выдаетъ васъ на первомъ же шагу. Оставьте это и будьте веселы, посовѣтовала Бодростина, но Висленевъ отвѣчалъ что онъ перваго шага отнюдь не боится, ибо первый шагъ для него уже достаточно обезопасенъ, но за то слѣдующіе шаги, слѣдующіе дни и минуты.... вотъ что̀ его сокрушало!

Но въ этомъ онъ уже не получилъ утѣшенія: Глафира не слушала его словъ. По мѣрѣ окончательнаго приближенія къ Петербургу, гдѣ она готовилась дать большое генеральное сраженіе мужу, Казимірѣ и всѣмъ ихъ окружающимъ, Бодростина и сама была неспокойна и сосредоточенно углубляясь въ свои соображенія, кусала свои алыя губы и не слушала дребезжанья своего партнера.

Висленевъ едва добился отъ нея на послѣдней остановкѣ отвѣта на вопросъ: не будетъ ли ихъ кто-нибудь встрѣчать?

Глафира успокоила его что о ея пріѣздѣ никто не можетъ знать; что для нея самой необходимо чтобы пріѣздъ ея въ Петербургъ былъ для всѣхъ неожиданностію и что потому ихъ никто не встрѣтитъ.

— Ну, а если это случайно случится что кто-нибудь будетъ на станціи, напримѣръ моя жена? продолжалъ онъ въ тревогѣ.

— Ну, случайность чѣмъ же можно предотвратить? Впрочемъ вѣдь теперь уже вечеръ и вы перекрашены.

— Да; но по васъ могутъ догадаться, вѣдь вы въ своемъ видѣ въѣзжаете.

— Ну ужь я разумѣется перекрашиваться не буду; но вы, какъ остановится поѣздъ, берите свой сакъ, садитесь въ первую карету и подъѣзжайте къ подъѣзду: я сяду и васъ никто не увидитъ.

Это была послѣдняя ихъ умолвка на дорогѣ, и черезъ нѣсколько минутъ ѣзды предъ ними завиднѣлись вдали блудящія звѣздочки петербургскихъ огней, а наконецъ вотъ онъ и самъ „полнощныхъ странъ краса и диво“.

Суматоха, обыкновенно происходящая при выходѣ изъ вагоновъ, поглотила вниманіе Глафиры настолько что она, не ожидая помощи Висленева, почти и позабыла о немъ, но онъ самъ напомнилъ ей о себѣ и удивилъ ее еще болѣе чѣмъ въ Берлинѣ. Въ то время какъ посильщики несли за нею къ

выходу ея багажъ, къ ней подскочилъ высокій человѣкъ, съ огромною, длинною и окладистою черною бородой и усами и прошепталъ:

— Скорѣй, скорѣй.... все готово, карета у подъѣзда и вотъ ея нумеръ, а я бѣгу, потому что.... видите сколько женщинъ. И съ этимъ незнакомецъ сунулъ ей жестянку нанятой имъ кареты, а самъ юркнулъ въ толпу и исчезъ.

Излишне было бы говорить что этотъ чернобородый усачъ былъ опять никто иной какъ тотъ же Висленевъ. Но когда же успѣла вырости у него борода? Гдѣ онъ нашелъ мѣсто поддѣть ее: неужто тамъ же въ вагонѣ, или гдѣ-нибудь за угломъ отыскивая карету? Глафира однако не имѣла времени останавливаться надъ разрѣшеніемъ этого куріознаго вопроса и сѣвъ въ карету была поражена новымъ, страннымъ явленіемъ: бородачъ очутился у ея дверецъ, захлопнулъ ихъ и взвившись змѣемъ уже красовался на козлахъ рядомъ съ кучеромъ и притомъ въ вязаномъ, полосатомъ британскомъ колпачкѣ на головѣ.

— Фу, Боже мой, что̀ дѣлаетъ этотъ дуракъ, является въ городъ такимъ полосатымъ шутомъ? воскликнула съ негодованіемъ Глафира и, опустивъ переднее стекло экипажа, дернула Жозефа за руку и спросила его по-французски: на что это онъ дѣлаетъ?

— Ахъ, оставьте, Бога ради, оставьте меня, отвѣтилъ ей робко озираясь по сторонамъ Висленевъ.

— Зачѣмъ же вы какъ шутъ сидите на козлахъ? Велите остановиться и идите, спрячтесь въ карету.

— Нѣтъ, ни за что̀ на свѣтѣ! Мнѣ здѣсь лучше: пусть меня считаютъ лакеемъ; такъ безопаснѣй.

— Но гдѣ вы это все взяли?

— Въ Берлинѣ купилъ въ табачной лавкѣ.

— Какъ глупо!

— Ничего-съ, ничего не глупо: меня никто не видалъ какъ я покупалъ, какъ везъ и какъ надѣлъ въ темномъ углѣ, за дровами, когда бѣгалъ нанимать карету.

— Ну оставайтесь гдѣ хотите, рѣшила Глафира, опуская стекло.

Карета ѣхала, ѣхала и наконецъ заворачивая изъ улицы въ улицу, остановилась у подъѣзда большаго дома на Литейной: здѣсь жили Бодростинъ, Гордановъ и Ропшинъ.

XVII. Потопъ.

Какъ только экипажъ остановился, Висленевъ соскочилъ съ козелъ. Бодростина думала что онъ хочетъ открыть ей дверцы, но она ошиблась: его не было. Она вышла сама и полагая что Жозефъ снова удралъ куда-нибудь за уголъ чтобы снять съ себя бороду и усы, стала всходить по освѣщенной лѣстницѣ, приготовляясь въ какомъ тонѣ встрѣтить мужа, Павла Николаевича и Ропшина, если они дома. Но приготовленія эти были напрасны, потому что тѣхъ кого она ожидала увидѣть не было дома, и квартира представляла нѣчто странное: парадная дверь была распахнута настежь и открывала большую, свѣтлую переднюю, гдѣ въ различныхъ позахъ недоумѣнія находились три лакея на ногахъ и четвертый самый младшій лежалъ у самой двери на полу, съ разинутымъ въ нѣмомъ удивленіи ртомъ.

Все это представляло живую картину, которую однакоже Глафира не остановилась разсматривать, а вступивъ въ комнату спросила:

— Гдѣ баринъ?

Отвѣта не было; картина продолжалась.

Когда она повторила вопросъ, одинъ изъ лакеевъ кое-какъ процѣдилъ ей: Ихъ дома нѣтъ-съ, и съ этимъ схватилъ лампу и побѣжалъ вглубь помѣщенія.

— Дома ли г. Гордановъ?

— Нѣтъ-съ; ихъ тоже нѣтъ, отвѣчалъ другой лакей, схватилъ изъ-за шкафа половую щетку и побѣжалъ за первымъ.

Глафира спросила о Ропшинѣ и получила опять такой же отвѣтъ, послѣ котораго третій лакей убѣжалъ, схвативъ желѣзную кочережку отъ пылающаго камина.

Все это имѣло видъ какого-то погрома или партизанскаго сбора на рекогносцировку, и Бодростина потребовала объясненія этимъ странностямъ у послѣдняго, четвертаго лакея, все еще остававшагося на полу, но и этотъ, опомнясь, быстро вскочилъ, заперъ на задвижку дверь, и взявъ въ обѣ руки стоячую, тяжелую ясеневую вѣшалку, устремился съ нею по тому же направленію, куда поскакали его товарищи.

Глафира не могла понять что̀ такое происходитъ и пошла въ полутьмѣ амфиладой незнакомыхъ комнатъ въ ту сторону

куда помчались ополченные лакеи. Ее руководилъ долетавшій до нея шумъ вдругъ обратившійся въ гвалтъ настоящей осады.

Глафира удвоила шаги, путаясь о мебель, и завидѣла наконецъ отраженную полосу свѣта. Она оглядѣлась. Покой гдѣ она находилась былъ застланъ пушистымъ ковромъ и уставленъ мягкою, бархатною мебелью. Это былъ кабинетъ старика; влѣво за драпированными дверями виднѣлась его спальня, а правѣе, продолговатая комната или широкій корридоръ, совсѣмъ безъ мебели, и въ концѣ-то этой комнаты запертая дверь, у которой теперь толпились всѣ четыре лакея, суетясь, споря, не соглашаясь и въ то же время штурмуя эту дверь и кочергой, и щеткой, между тѣмъ какъ четвертый, позже всѣхъ прибывшій съ ясеневою вѣшалкой, дѣйствовалъ ею какъ стѣнобойною машиной.

Бодростина взяла одного изъ осаждавшихъ за плечо и отвела въ сторону.

— Что это вы дѣлаете? Что здѣсь за шумъ и за гвалтъ у васъ?

Лакей былъ нѣкоторое время въ замѣшательствѣ, но потомъ отвѣчалъ:

— Господъ нѣту дома; мы всѣ сидимъ и въ шашки занимаемся, а Петръ правительственную газету читалъ, а онъ и позвонилъ вотъ точно такъ какъ изволите слышать кто-то теперь звонитъ. Я Петру Аѳанасьеву говорю: отопри, говорю, Петръ Аѳанасьевъ, а Петръ Аѳанасьевъ какъ отодвинулъ задвижку, да только хотѣлъ спросить—кого ему нужно? А онъ какъ сиганетъ впередъ, да прямо черезъ Петра Аѳанасьева. Петръ Аѳанасьевъ, непосдержавшись, упалъ да и съ ногъ... Ахъ, какъ кто-то звонитъ!... А онъ прямо черезъ Петра Аѳанасьева, да вотъ какъ изволите видѣть.... черезъ всѣ комнаты проскочилъ, въ баринову ванную попалъ, сѣлъ и заперся.

— Да кто же, кто же такой? добивалась Глафира, начиная опасаться не набредаетъ ли она на разгадку необъяснимаго событія.

— Неизвѣстно-съ, отвѣчалъ лакей:—больше нельзя полагать какъ или Турокъ, или въ родѣ славянскихъ братій что въ каретахъ возили.... Ахъ какъ звонитъ проклятый!

И съ этимъ лакей, позвавъ съ собою двухъ другихъ своихъ сотоварищей, бросились отпирать двери, не покидая своихъ орудій, на случай еслибы звонокъ возвѣщалъ новое вторженіе. У двери ванной комнаты остался одинъ дѣйствовавшій вѣшалкой, который при новой суматохѣ остановился и будучи

отстраненъ Глафирой отъ двери, обтиралъ потъ выступавшій крупными каплями на его лицѣ.

Глафира межъ тѣмъ припала глазами къ замочной скважинѣ и видя что въ комнатѣ темно позвала Висленева.

— Это вы здѣсь? крикнула она сердито.

— Я, робко и едва слышно отозвался у самой двери Висленевъ.

— Отпирайте скорѣй!

— Ни за что на свѣтѣ.

Зная трусливое упрямство Жозефа, Глафира и не настаивала. Она обратилась къ снова предстоявшимъ ей въ сборѣ слугамъ и сказала кто она такая и кто незнакомецъ, запершій себя въ ванной комнатѣ Михаила Андреевича.

— Это одинъ нашъ знакомый, сумашедшій. Не трогайте его, пусть онъ сидитъ гдѣ ему хочется, онъ пріѣхалъ со мною и я сейчасъ напишу его роднымъ чтобы его взяли.

Съ этимъ она, обойдя съ огнемъ всю квартиру, распорядилась внести свои вещи въ кабинетъ мужа, а сама наскоро умылась, сдѣлала безъ всякой сторонней помощи довольно скромный туалетъ и пославъ человѣка за новою каретой, присѣла у мужнинаго письменнаго стола и написала: „Я ѣду къ брату Григорію и черезъ часъ возвращусь. Если вы ранѣе меня возвратитесь отъ княгини Казиміры, то распорядитесь избрать мнѣ въ вашей квартирѣ уголокъ для моего пріюта.“

Глафира хотѣла оставить этотъ листокъ на письменномъ столѣ, но вдругъ передумала; разорвала бумажку въ клочки и написала на другой слѣдующее: „Осмотрѣвъ вашу квартиру, я избираю себѣ для помѣщенія вашъ кабинетъ и прошу возлѣ помѣстить мою горничную, о выборѣ которой для меня прикажите позаботиться monsieur Ропшину. Глафира.“

Написавъ эту записочку, она вложила ее въ конвертъ и велѣла другому лакею немедленно отнести ее Михаилу Андреевичу въ квартиру Казиміры.

Потомъ Бодростина еще написала короткую, но обстоятельную и вѣжливую записку къ женѣ Висленева, давно потерянной нами изъ виду рыжей и статной Алинѣ. Глафира извѣщала ее что ея мужъ Жозефъ, давно страдая какими-то непонятными душевными недугами, наконецъ совсѣмъ сошелъ въ Парижѣ съума, и что она, Глафира, не желая оставить его въ такомъ положеніи на чужбинѣ, привезла его съ собою въ Россію. Но такъ какъ онъ иногда бываетъ довольно безпо-

коенъ и требуетъ постояннаго за собою надзора, то она просила Алину ни мало не медля пріѣхать за Жозефомъ и поручить его въ свое распоряженіе.

Этого письма уже не съ кѣмъ было отправить сію же минуту, потому что всѣ люди были въ разгонѣ, и Глафира, поручивъ его отнести оставшемуся единственному слугѣ, уѣхала въ приведенной ей извощичьей каретѣ, межъ тѣмъ какъ вслѣдъ за ея отъѣздомъ пошли звонокъ за звонкомъ, и одинъ за другимъ появились Бодростинъ, Гордановъ, Ропшинъ и наконецъ даже Кишенскій. Всѣ они были довольно разнообразно смущены неожиданнымъ и внезапнымъ прибытіемъ Глафиры и суетились и метались по квартирѣ.

Одинъ кто могъ бы сообщить имъ какія-нибудь свѣдѣнія былъ Висленевъ, но о немъ не было и помину, онъ сидѣлъ крѣпко-на-крѣпко запершись въ ванной и хранилъ глубочайшее молчаніе. Наконецъ слуги, замѣчая смятеніе господъ, сказали что съ барыней еще пріѣхалъ сумашедшій высокій, черный баринъ, съ огромною бородой и въ полосатой шапкѣ.

— Это вѣрно онъ! воскликнулъ Ропшинъ.

— Кто *онъ*? кто *онъ*? суетливо и съ неудовольствіемъ спрашивалъ старикъ Бодростинъ.

— Кто же какъ не Висленевъ? Мы отъ него сейчасъ можемъ узнать куда поѣхала Глафира Васильевна.

— Да; какъ не онъ! отрицалъ старикъ: вы изъ ума выжили: Висленевъ бѣлобрысый, а этотъ, слышите вы, говорятъ, огромный, черный и бородастый и потомъ еще сумашедшій.... Это ни кто иной какъ Водопьяновъ.... то-есть я хотѣлъ сказать „сумашедшій Бедуинъ“.

— Но гдѣ же они могли встрѣтиться?

— А вотъ мы это сейчасъ узнаемъ. Люди! всѣ сколько васъ есть, скорѣе сюда слесаря и отмычками отпереть дверь въ ванную.

Разгонъ слугъ послѣдовалъ еще сильнѣйшій, а въ это время какъ Бодростинъ, Ропшинъ, Гордановъ и Кишенскій остались одни, послѣдній вспомнилъ что съ нимъ въ пальто есть связка ключей и кинулся за ними чтобы попробовать отперееть загадочную дверь. Черезъ минуту желѣзо ключа застучало около замочной скважины, и въ то же мгновеніе въ ванной послышался странный гулъ: тамъ хлынула изъ крана вода, что-то застучало и загремѣло внизъ по открытой спускной мѣдной трубѣ.

— Великій Боже! что же это тамъ за чортъ такой сумашедшій? восклицалъ Бодростинъ, сообщавшій свое смятеніе прочимъ, а чортъ распоряжавшійся въ ванной тоже былъ не въ лучшемъ положеніи. Заслышавъ у двери работу злѣйшаго своего врага Кишенскаго, Жозефъ съ силой отчаянія хватался за все что нащупывалъ подъ руками и наконецъ осязавъ кранъ, дернулъ его такъ усердно что тотъ совсѣмъ выскочилъ вонъ и вода засвистала черезъ край ванны на средину комнаты и черезъ минуту уже стремилась отсюда быстрыми потоками подъ дверь въ другіе покои, угрожая наводненіемъ всей квартирѣ.

— Запирайте кранъ! запирайте кранъ! кричали ему всѣ, стуча кулаками въ крѣпкія двери ванной, но увы,—заключенный не могъ исполнить этого требованія, потому что выдернутый кранъ упалъ въ сточную трубу. Совершенно потерянный Жозефъ стоялъ какъ мраморный дельфинъ окачиваемый брызгами фонтана, межь тѣмъ какъ Бодростинъ, Гордановъ, Ропшинъ и Кишенскій, запруживая притокъ воды изъ-подъ дверей скомканымъ ковромъ, насѣли на этотъ коверъ и старались сколько возможно препятствовать распространенію потопа.

— Боже мой! Боже! ну день, ну.... ну что же это такое: сто тысячъ требовать за дитя, которое сама же она просила меня передать акушеркѣ? Гдѣ я возьму ей сто тысячъ и притомъ къ завтрашнему дню? А между тѣмъ она завтра подастъ просьбу.... уголовный судъ, скамья подсудимыхъ, улики прислуги и.... Сибирь, Сибирь и.... въ эту-то пору жена!

Такъ, сидя вмѣсто пресса на коврѣ, разсуждалъ Бодростинъ и уныло водилъ глазами по лицамъ своихъ сотоварищей, которыя казались ему еще унылѣе и хранили молчаніе.

Въ этомъ положеніи и застали ихъ набѣжавшіе слуги и слесаря, подоспѣвшіе сюда какъ разъ въ то время когда карета Глафиры остановилась у большаго, довольно роскошнаго дома на одной изъ петербургскихъ набережныхъ.

Оставивъ видѣнную нами глупую и шутовскую суматоху въ домѣ мужа, Глафира спокойно выходила по широкой лѣстницѣ темнаго камня въ апартаменты откуда она хотѣла пустить туманъ и смятеніе по направленіямъ хватающимъ далѣе кредѣловъ ея семейнаго круга.

Замѣчательная красота ея и умъ скрывали волненія, которыя она ощущала, идучи съ непреклонною волей и съ хоро-

шо обдуманнымъ намѣреніемъ, но и съ полнымъ сознаніемъ что она уже начинаетъ играть огнемъ.

Подойдя къ двери, она на минуту остановилась и прежде чѣмъ взяться за ручку насупила брови и еще разъ продумала: хорошо ли она это дѣлаетъ? Но вѣроятно по ея разсчетамъ выходило хорошо, потому что она сказала въ успокоеніе себѣ:

— Вздоръ! всѣ они здѣсь на ножахъ, и въ ложкѣ воды готовы потопить другъ друга. Куражъ, Графира, куражъ, и хотя вы, Павелъ Николаевичъ, хорошо загарантировались, но на всякаго мудреца бываетъ довольно простоты! и съ этимъ она смѣлою рукой пожала бѣлую пуговку звонка.

Воодушевившейся, разчетливой Бодростиной и въ умъ не приходило въ эту минуту что поученіе ея о простотѣ нападающей на мудрецовъ можетъ-быть ни для кого не имѣетъ столько подходящаго значенія, какъ для нея самой, съ которой не спускаетъ очей своего мщенія униженный и оскорбленный и въ жизни никогда не прощавшій ни одной своей обиды генералъ Синтянинъ. Бѣлоусый сухой старикъ, снявъ съ себя съ обидой мундиръ, затаилъ на сердцѣ всю злобу своего униженія и сидя по отставному положенію въ мерлушечьемъ архалучкѣ, зорко прозиралъ вдаль и вглубь своими безцвѣтными глазами и кое въ чемъ жестоко ошибался.... Синтянинъ считалъ Глафиру женщиной черною и коварною, и предчувствовалъ давно задуманный ею преступный замыселъ, но онъ былъ увѣренъ что Глафира безъ памяти любитъ Горданова и ведетъ все къ тому чтобы быть его женой. Эта ошибка была причиной того что Синтянинъ, преслѣдуя одну мысль—отмстить Горданову, безъ прямаго намѣренія разставилъ погибельныя сѣти Глафирѣ. Въ эти-то сѣти она и заносила теперь ногу....

НИКОЛАЙ ЛѢСКОВЪ.

(До слѣд. №).

ВЪ ЛѢСАХЪ*

XVII.

Въ лѣсахъ работаютъ только по зимамъ. Лѣтней порой въ дикую глушь рѣдко кто заглядываетъ. Не то что дорóгъ, даже мало-мальски торныхъ тропинокъ тамъ почти вовсе нѣтъ; за то много совсѣмъ непроходимыхъ мѣстъ... Гніющаго валежника пропасть, да кромѣ того то-и-дѣло попадаются обширныя глубокія болота, а мѣстами и трясины съ окнами, съ вадьями, съ чарусами.... Это страшныя, погибельныя мѣста для человѣка небывалаго. Кто отъ роду впервой попалъ въ невѣдомыя лѣсныя дебри—берегись—гляди въ оба!...

Вотъ на нѣсколько верстъ потянулся поросшій мохомъ кочкорникъ. Своими саженными пластами онъ покрываетъ глубокую, чуть не бездонную топь. Это „мшáва“ иначе моховое болото. Поросло оно мелкимъ, чахлымъ лѣсомъ, нога грузнетъ въ мягкомъ зыбунѣ, усѣянномъ багуномъ, звѣздоплавкой, мозгушей, лютикомъ и бѣлоусомъ. ** От тяжести идущаго человѣка зыбунъ ходенемъ ходитъ, и вдругъ иногда въ двухъ, трехъ шагахъ фонтаномъ брызнетъ вода черезъ едва замѣтную для глаза продушину. Тутъ ходить не безопасно,

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 1 и 3.

** Болотныя растенія: багунъ—*andromeda*; звѣздоплавка—*callitrice*, мозгуша—*geranium sylvaticum*; лютикъ—*aconitum*; бѣлоусъ—*nardis stricta*.

тутъ разомъ можно попасть въ болотную пучину и пропа-
ни за денежку.... Бѣжать, бѣжать отъ этого мѣста, бѣжать
скорѣй, бѣжать безъ оглядки, коли не хочется вѣрной поги-
ли.... Чуть только путникъ не поберегся, чуть только по-
знанію аль изъ удальства шагнулъ онъ впередъ пять, де-
шаговъ, ноги его начнетъ затягивать въ жидкую тряси-
и если ему не удастся поспѣшно и осторожно выбраться на-
задъ, онъ погибъ.... Бѣгать по трясинѣ или грузно ступ-
тоже бѣда....

Вотъ свѣтится маленькая полынья на грязнозеленой трясин-
Что-то въ родѣ колодца. Вода въ немъ вровень съ берегам-
Это „окно.“ Бѣда оступиться въ это окно — тамъ бездон-
пропасть. Не въ примѣръ опаснѣй оконъ „вадья“ — то
открытая, круглая полынья, но въ нѣсколько десятковъ са-
женъ. Берега ея шаговъ на пятдесятъ и больше изъ то-
каго торфянаго слоя едва прикрывающаго воду. Кто сту-
питъ на эту обманную почву, тому нѣтъ спасенья. Ва-
какъ разъ засосетъ бѣднягу въ бездну.

Но всего хуже „чаруса“. Окно, вадью можно издали увидать
и обойти,—чаруса непримѣтна. Выдравшись изъ глухаго лѣ-
гдѣ сухой валежникъ и гніющій буреломникъ высокими костра-
ми навалены на сырой болотистой почвѣ, путникъ вдругъ как-
бы по волшебному манію встрѣчаетъ предъ собой цвѣту-
щую поляну. Она такъ весело глядитъ на него, широко и раз-
дольно разстилаясь середи красноствольныхъ сосенъ и темн-
хвойныхъ елей. Ровная, гладкая она сплошь заросла густ-
сочной, свѣжей зеленью, усѣянною крупными бирюзовыми
незабудками, благоуханными бѣлыми кувшинчиками, пале-
выми адале́нями и ярко-желтыми кулавками.* Луговина так-
и манитъ къ себѣ путника. Въ самомъ дѣлѣ какъ сладк-
усталому, притомленному хоть маленько отдохнуть, понѣжить-
ся на этой душистой, ослѣпительно сверкающей изумрудной
муравѣ!... Но пропасть ему безъ покаянія, схоронить безъ
гроба, безъ савана, если только ступитъ онъ на эту закол-
ванную поляну. Изумрудная чаруса, съ ея красивыми благо-
ухающими цвѣтами, съ ея сочной свѣжей зеленью—тонкій
травяной коверъ раскинутый на поверхности бездоннаго озе-
ра. По этому ковру даже легкій заяцъ не сигаетъ, тоненькій,

* Болотныя растенія изъ породы ненюфаровъ (*nymphea*), разли-
чаются одни отъ другихъ по цвѣту и величинѣ своихъ цвѣтковъ.

быстроногій горностай не пробѣжитъ. Изъ обитателей лѣсовъ только и прыгаютъ по ней одни длинноносые голенастые кулики, ловя мошекъ и другихъ толкуновъ, что обо всякую пору и днемъ и ночью роями вьются надъ лѣсными болотами.... Столько этихъ куликовъ, отъ горбоносаго кроншнепа, до желтоброваго песчаника—бродитъ, бѣгаетъ и шмыгаетъ по чарусѣ, но никакому охотнику достать ихъ невозможно.

У лѣсниковъ каждая чаруса слыветъ мѣстомъ заколдованнымъ, нечистымъ. Разказываютъ что на чарусахъ по ночамъ бѣсовы огни горятъ, ровно свѣчки теплются. [*] А ину пору видаютъ середи чарусы болотницу, коль не родную сестру, такъ близкую сродницу всѣмъ этимъ окаяннымъ русалкамъ, водяницамъ и берегинямъ.... Въ свѣтлую, лѣтнюю ночь сидитъ водяница одна одинешенька и нѣжится на свѣтѣ яснаго мѣсяца... и чуть завидитъ человѣка, зачнетъ его прельщать всякими способами и манить въ свои бѣсовскія объятія... Черные волосы ея небрежно раскинуты по спинѣ и плечамъ, убраны осокой и незабудками, а тѣло все голое, но блѣдное, безкровное, полувоздушное. И блеститъ оно и сквозитъ предъ лучами мѣсяца... Изъ себя болотница такая красавица, какой не найдешь въ крещеномъ мірѣ, просто ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Глаза ровно тѣ незабудки которыми поросла чаруса, длинныя, пушистыя рѣсницы, тонкія, какъ уголь черныя брови.... только губы блѣдноваты, и ни въ лицѣ, ни въ полной наливной груди, ни во всемъ стройномъ станѣ болотной красавицы ни кровинки. А сидитъ она въ бѣлоснѣжномъ цвѣткѣ кувшинчика съ котелъ величиной... Хитритъ окаянная, обвести, обмануть хочетъ человѣка—сѣла она въ этотъ чудный цвѣтокъ чтобы спрятать гусиныя свои ноги съ черными перепонками. Какъ только завидитъ болотница человѣка—стараго ли малаго ли ей все равно,—такъ и зачнетъ тихимъ сладкимъ голосомъ, да таково жалобно, ровно сквозь слезы просить - молить вынуть ее изъ болота, вывести на бѣлый свѣтъ, показать ей красно солнышко, котораго она съ роду еще не видывала. А сама разводитъ руками, закидываетъ назадъ голову, манитъ къ себѣ на грудь человѣка, обѣщаетъ ему тысячи неслыханныхъ наслажденій, и кучи золота, и горы жемчуга перекатнаго.... Но

---

[*] Болотные огни.

горе тому кто соблазнится на красоту нечистой, кто повѣритъ льстивымъ словамъ ея и хоть шагъ одинъ ступитъ по чарусѣ: болотница уже возлѣ него и обвивъ бѣднягу бѣлоснѣжными, прозрачными руками, тихо опустится съ своей добычей въ бездонную пропасть болотной пучины.... Тутъ ни крика ни стона, ни вздоха, ни всплеска воды. Въ безмолвной тиши не станетъ человѣка, и его могила на вѣки останется никому неизвѣстною.

А тѣхъ что̀ постарѣй инымъ способомъ залучаетъ въ чарусу нечистая сила... Старецъ-пустынникъ подойдетъ къ пожилому человѣку, такой сгорбленный, изможденный, постный желѣзныя вериги у него на плечахъ, только креста не видно. И зачнетъ онъ вести бесѣду умильную о пустынномъ житіи, о постѣ, о молитвѣ, только Спасова имени не поминаетъ— только тѣмъ и познать окаяннаго можно... И зачаруетъ онъ совсѣмъ человѣка и станетъ его звать отдохнуть на малое время въ пустынной кельѣ.... Глядь, анъ середи чарусы и въ самомъ дѣлѣ келейка стоитъ, да такая хорошенькая, новенькая, уютная, такъ вотъ и манитъ человѣта зайти въ нее хоть на часочекъ.... Пойдетъ человѣкъ съ пустынникомъ по чарусѣ, глядь а ужь это не пустынникъ, а сѣдой старикъ съ широкимъ одутловатымъ и блѣдно-желтымъ лицомъ, и онъ ужь не тихо, не чинно заводитъ добрую рѣчь, а хохочетъ во всю глотку сильнымъ хохотомъ.... Это владыка чарусы—самъ болотнякикъ. Это онъ хохочетъ, скачетъ, пляшетъ, веселится, что успѣлъ заманить къ себѣ не умѣвшаго отчураться отъ его обаянія человѣка; это онъ радуется что завлекъ крещеную душу въ холодную пучину своего синяго подводнаго царства... Много, много чудесъ разказываютъ лѣсники про эти чарусы... Чего тамъ не бываетъ! Не даромъ изстари люди толкуютъ что въ тихомъ омутѣ черти водятся, а въ лѣсномъ болотѣ плодятся....

Но не однѣ вадьи да чарусы, не одна сила окаянная пугаетъ въ лѣтнюю пору лѣсниковъ. Не даютъ имъ работать въ лѣсахъ другіе враги.... Миріады разнообразныхъ комаровъ, отъ крошечной мошки, что̀ цѣлыми кучами забивается въ глаза, въ носъ и уши человѣка, до тощей длинноногой кара́моры, и день и ночь роями толкутся въ воздухѣ, столбами носятся надъ болотами, преслѣдуютъ человѣка нестерпимыми мученьями... Нѣтъ ему отъ камариной силы покоя ни въ знойный полдень, ни прохладнымъ вечеромъ, ни темной ночью, только

отрады, что въ дождливую погоду. Даже на дымныхъ смоляныхъ казанахъ и на скипидарныхъ заводахъ, не спятъ иначе какъ на подкурахъ, не то комары заѣдятъ до полусмерти. Врываютъ для того въ землю толстыя жерди сажени по три вышиной и на нихъ мостятъ для спанья палати; подъ этими палатями на землѣ раскладываютъ огонь:—курево и отгоняетъ комариную силу. Такъ и спятъ въ дыму прокопченые насквозь бѣдняги, да и тутъ не всегда удается имъ отдѣлаться отъ мелкихъ но несносныхъ своихъ мучителей.... А кромѣ того оводъ, слѣпни, пауты и страшный бичъ домашнихъ животныхъ строка. * Одной строкѣ достаточно залетѣть въ рой слѣпней, вьющихся обыкновенно надъ скотомъ и лошадьми, чтобъ цѣлая тройка, хоть и вовсе притомленная, закусивъ удила, лягаясь задними ногами и отчаянно размахивая по воздуху хвостами, помчалась зря, какъ бѣшеная, сломя голову.... Залетитъ строка въ стадо — весь скотъ взбѣсится, подниметъ неистовый ревъ и задравъ хвосты, зачнетъ метаться во всѣ стороны.... Бѣдные лоси и олени пуще всѣхъ терпятъ мученье отъ этой строки. Она садится на ноги, на спину иль на бока животнаго и прокусываетъ въ разныхъ мѣстахъ его кожу. Раны загноятся, и строка кладетъ туда яйца. На слѣдующую весну изъ яицъ выходятъ личинки и насквозь проѣдаютъ кожу бѣднаго животнаго. Въ это время лось переноситъ нестерпимыя муки, а строка снова рѣжетъ свѣжія мѣста его кожи и снова кладетъ туда яйца. Шкура снятая со звѣря убитаго лѣтомъ или осенью никуда не годится, она усѣяна круглыми дырами въ пятіалтынный и больше. Единственное спасенье бѣдныхъ звѣрей если они, понуривъ головы и дрожа всѣмъ тѣломъ, добредутъ до озера или рѣки.... Свѣжаго воздуха, идущаго отъ студеной воды, строка боится.... Да что толковать про беззащитныхъ оленей и лосей, самъ косолапый лѣсной бояринъ какъ огня боится строки. За недостаткомъ ли лосей, по другой ли какой причинѣ, это насѣкомое накидывается иногда и на медвѣдя. Забившись къ Мишкѣ въ загривокъ, въ ту пору какъ онъ линяетъ, строка начинаетъ прокусывать его толстую ко-

* Строка—*oestris.* Иные смѣшиваютъ строку со слѣпнями и паутами (*tabanus*), съ которыми она имѣетъ сходство. Но строка совсѣмъ другое насѣкомое, она водится въ лѣсахъ и залетаетъ въ сосѣднія поля если тамъ пасется скотъ. Однѣ строки не летаютъ, но всегда въ роѣ слѣпней.

жу. Заревет благимъ матомъ лѣсной бояринъ. Напрасно отм[illegible]хивается онъ передними лапами—строка не отстанетъ пок[illegible] огрызаясь и рыча на весь лѣсъ, то и дѣло кувыркаясь промеж[illegible] деревьевъ, не прибѣжитъ онъ къ водѣ и не погрузится въ [illegible] съ головой. Тѣмъ только косматый царь сѣверныхъ лѣсо[illegible] и спасается отъ крохотнаго палача сильныхъ и рослыхъ звѣ[illegible]рей.... Человѣка, слава Богу, строка не трогаетъ.

Нелюдно бываетъ въ лѣсахъ лѣтней порой. Еще промеж[illegible] Керженца и Ветлуги по нѣскольку топоровъ съ деревни лѣ[illegible]суетъ *, но дальше за Ветлугу къ вятской сторонѣ и в[illegible] сѣверъ за Лапшану лѣсники ни ногой, кромѣ тѣхъ толь[illegible] мѣстъ гдѣ липа ростетъ. Липу драть, мочало мочить мож[illegible] только въ соковую пору. **

За то зимой въ лѣсахъ и по раменямъ работа что̀ раз[illegible]вается кипитъ да взвариваетъ. Ро́нятъ деревья, волочатъ ш[illegible] къ сплаву, вяжутъ плоты, тешутъ сосновые брусья, еловы[illegible] чегенѝ и ко̀пани, *** рубятъ осину да березу на баклуши,**** колятъ лѣсъ на кадки, на бочки, на пересѣки и на всяк[illegible] другое щепное подѣлье. Стукъ топоровъ, трескъ падающих[illegible] лѣсинъ, крики лѣсниковъ, ржанье лошадей далеко разносят[illegible] по лѣснымъ дебрямъ....

Зимой крещеному человѣку въ лѣсу нечего и окаянна[illegible] бояться. Съ Никитина дня вся лѣсная нечисть засыпаетъ мертвымъ сномъ: и водяникъ, и болотняникъ, и бѣсов[illegible]скія красавицы чарусъ и омутовъ—всѣ сгинутъ, и ста[illegible]вится тогда въ лѣсахъ мѣсто чисто и свято... На покой христ[illegible]анскимъ душамъ спитъ окаянная сила до самаго вешняго Н[illegible]киты, † а съ нею заодно засыпаютъ и гады земные: змѣ[illegible]

---

* *Лѣсовать*—ходить въ лѣсъ на работу деревья ронить, брус[illegible] тесать и пр.

** *Соковая пора* когда деревья въ соку, то-есть весна и лѣто.

*** *Чегéнь*—еловое бревно отъ шести до двѣнадцати саженъ длин[illegible] идетъ на забойку въ учугахъ (на каспійскихъ и нижневолжских[illegible] рыбныхъ промыслахъ); *ко́панъ* или кокора—лѣсина съ частью кор[illegible]ня, образующая угольникъ, идетъ на стройку судовъ, на застрех[illegible] кровель крестьянскихъ домовъ и на санные полозья. На санные по[illegible]лозья идутъ иногда, впрочемъ, и не корневыя копани, а гнуты[illegible] лежины.

**** *Баклуша*—чурка, приготовленная для токарной выдѣлки дер[illegible]вянной посуды и ложекъ.

† Осенній Никита—15го сентября, весенній 3го апрѣля.

жабы и слѣпая мѣдяница *, та что какъ прыгнетъ, такъ насквозь человѣка и пройдетъ.... Лѣшій бурлитъ только до Ерофеева дня **, тутъ ему на глаза не попадайся: бѣсится космачый, не охота ему спать ложиться, рыщетъ по лѣсу, ломитъ деревья, гоняетъ звѣрей, но какъ только Ерофей-Офеня по башкѣ его лѣсиной хватитъ, пойдетъ окаянный сквозь землю и спитъ тамъ до Василія Парійскаго, какъ весна землю зачнетъ парить. ***

Послѣ Ерофеева дня, когда въ лѣсахъ отъ всякой нечисти и погани бѣсовской станетъ свободно, ждетъ не дождется лѣсникъ чтобъ морозъ поскорѣй выжалъ сокъ изъ деревьевъ и сковалъ болота и чарусы, а матушка-зима бѣлымъ пологомъ покрыла лѣсную пустыню. Знаетъ онъ что мѣсяца четыре придется ему безъ устали работать и принять за топоромъ не малые труды: вѣдь лѣсъ сѣчь не жалѣть плечъ... Да объ этомъ не тужитъ лѣсникъ и каждый день молится Богу, поскорѣй бы Господь бѣлую зиму на черную землю сослалъ.... Но вотъ ровно бѣлыя мухи запорхали въ воздухѣ пушистыя снѣжинки, тихо стали ложиться онѣ на сухую, промерзлую землю; гуще и гуще становятся потоки льющагося съ неба снѣжнаго пуха; все бѣлѣетъ: и улица, и кровли домовъ, и поля, и листва деревьевъ. Цѣлую ночь благодать Господня валитъ на землю. Къ утру красноогненнымъ шаромъ выкатилось на прояснѣвшее небо солнышко, и ярко освѣтило бѣлую, снѣжную пелену. У лѣсниковъ въ глазахъ рябитъ отъ ослѣпительнаго блеска, но рады они радешеньки и весело хлопочутъ сбираясь въ лѣсъ „лѣсовать". Суетятся и навзрыдъ голосятъ бабы, справляя проводы, ревутъ глядя на нихъ малые ребята, а лѣсники какъ на праздникъ спѣшатъ. Ладятъ сани, грузятъ ихъ запасами печенаго хлѣба и сухарей, крупой да горохомъ, гуленой **** да сушеными грибами съ рѣпчатымъ лукомъ. И вотъ на скорую руку простив-

* Слѣпая мѣдяница изъ породы ящерицъ (*anguis fragilis*) мѣдянистаго цвѣта, почти безъ ногъ и совершенно безвредная. Но есть змѣя мѣдянка, та ядовита. Лѣсной народъ мѣшаетъ эти двѣ породы земноводныхъ.

** Октября 4го, Св. Іероѳея епископа Аѳинскаго, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ Ерофея-Офени.

*** Апрѣля 12го.

**** Картофель.

шись съ домашними, грянули они разудалую пѣсню и съ гиканьемъ поскакали къ своимъ зимницамъ на трудовую жизнь вплоть до Плющихи. *

Артелями въ лѣсахъ больше работаютъ: человѣкъ по десяти, по двѣнадцати. На сплавъ рубить рядятъ лѣсниковъ лысковскіе промышленники, раздаютъ имъ на Покровъ задатки, а разчетъ даютъ передъ Пасхой, либо по сплавѣ плотовъ. Тутъ не безъ обману бываетъ: во всякомъ дѣлѣ толстосумъ сумѣетъ прижать мужика, но промежъ себя въ артели у лѣсниковъ всякое дѣло ведется на чистоту.... За то ужь чужой человѣкъ артели въ лапы не попадайся: не помилуетъ, оберетъ какъ липочку и въ грѣхъ того не поставитъ.

За недѣлю либо за двѣ до лѣсованья, артель выбираетъ старшо́го: смотрѣть за работой, ровнять въ дѣлѣ работниковъ и заправлять немудрымъ хозяйствомъ въ зимницѣ. Старшо́й, иначе „хозяинъ", распоряжается всѣми работами, и воля его непрекословна. Онъ ведетъ счетъ срубленнымъ деревьямъ, натесаннымъ брусьямъ, онъ же наблюдаетъ чтобы кто не отсталъ отъ другихъ въ работѣ, не вздумалъ бы жить чужимъ топоромъ, тяпуть даровщину... У хозяина въ прямомъ подначальи живетъ „подсыпка", паренекъ подростокъ, лѣтъ пятнадцати либо шестнадцати, которому еще не подъ силу столько наработать какъ взрослому лѣснику. За то подсыпка свой пай наверстываетъ стряпней на всю артель и заготовкой дровъ, смолья и лучины въ зимницу для тепла и свѣтла. Онъ же носитъ воду, и долженъ все прибрать и убрать, а когда запасы подойдутъ къ концу, ѣхать за новыми въ деревню.

Зимница, гдѣ послѣ цѣлодневной работы проводятъ ночи лѣсники—большая, четвероугольная яма, аршина въ полтора либо въ два глубины. Въ нее запущенъ бревенчатый срубъ, а надъ ней, поверхъ земли, выведено вѣнцовъ шесть-семь сруба. Пола нѣтъ, одна убитая земля, а потолокъ накатной, немножко сводомъ. Оконъ въ зимницѣ не бываетъ, да ихъ и незачѣмъ: люди тамъ бываютъ только ночью, дневнаго свѣта имъ не надо, а чуть утро забрезжитъ, они ужъ въ лѣсъ-лѣсовать и лѣсуютъ пока не наступятъ глубокія сумерки. И окно, и дверь, и дымволокъ ** замѣняются

* Марта 1го—Евдокіи Плющихи.

** Дымволокъ или дымникъ—отверстіе въ потолкѣ или въ стѣнѣ черной избы для выхода дыма.

однимъ отверстьемъ въ зимницѣ, оно прорублено вровень съ землей, въ аршинъ вышины, со створками, надъ которыми остается оконцо для дымовой тяги. Къ этому отверстію приставлена лѣстница, по которой спускаются внутрь. Середи зимницы обыкновенно стоитъ сбитый изъ глины кожуръ * либо вырыта тепленка, такая же какъ въ овинахъ. Она служитъ и для тепла, и для просушки одёжи. Дымъ изъ тепленки, подымаясь къ верху струями, стелется по потолку и выходитъ въ единственное отверстіе зимницы. Противъ этого отверстія придѣланы къ стѣнѣ широкія нары. Въ переднемъ углу, возлѣ наръ, поставленъ столъ для обѣда, возлѣ него переметная скамья ** и нѣсколько стульевъ, то-есть деревянныхъ обрубковъ. Въ другомъ углу очагъ съ подвѣшенными надъ нимъ котелками для варева. Вотъ и вся обстановка зимницы, черной, закоптѣлой, но теплой, всегда сухой и никогда не знающей какой такой угаръ на свѣтѣ бываетъ.... Непривычный человѣкъ не долго пробудетъ въ зимницѣ, а лѣсники ею не нахвалятся: привычка великое дѣло. И живутъ они въ своей мурьѣ мѣсяца по три по четыре, работая на волѣ отъ зари до зари, обѣдая когда утро еще не забрезжило и ужиная поздно вечеромъ, когда воротясь съ работы, уберутъ лошадей въ загонѣ, построенномъ изъ жердей и еловыхъ лапъ возлѣ зимницы. У людей по деревнямъ и красная Никольщина, и веселыя Святки, и широкая Масляница, — въ лѣсахъ нѣтъ праздниковъ, нѣтъ разбора днямъ.... Одинаково работаютъ лѣсники и въ будни, и въ праздникъ, и кромѣ „подсылки" никому изъ артельныхъ во всю зиму домой ходу нѣтъ. И къ нимъ изъ деревень никто не наѣзжаетъ.

XVIII.

Въ одной изъ такихъ зимницъ, рано поутру, человѣкъ десять лѣсниковъ, развалясь на нарахъ и завернувшись въ полушубки, спали богатырскимъ сномъ. Подъ утро намаявшагося за работой человѣка сонъ крѣпко разнимаетъ—тутъ

---

* Кожуръ—печь безъ трубы, какая обыкновенно бываетъ въ черной курной избѣ.

** Переметная скамья—не прикрѣпленная къ стѣнѣ, та что̀ приставляется къ столу во время обѣда.

его хоть въ гробъ клади да хорони. Такъ и теперь было въ зимницѣ лыковскихъ * лѣсниковъ, артели дяди Онуфрія.

Огонь въ тепленкѣ почти совсѣмъ потухъ. Угольки, перегорая, то свѣтились алымъ жаромъ, то мутились сѣрой плевкой. Въ зимницѣ было темно и тихо—только и звуковъ что иной лѣсникъ всхрапнетъ какъ добрая лошадь, а у другаго вдругъ ни съ того ни съ сего душа посомъ засвиститъ.

Одинъ дядя Онуфрій, хозяинъ артели, сѣдой, коренастый краснощекій старикъ, спитъ будкимъ соловьинымъ сномъ. Его дѣло рано встать, артель на ноги поднять, на работу ее урядить, пока утро еще не настало... Это ему давно ужъ за привычку и оттого проснулся онъ раньше всѣхъ. Потянулся дядя Онуфрій, протеръ глаза, и увидя что въ тепленкѣ огонь почти вовсе догорѣлъ, торопливо вскочилъ, перекрестился на скорую руку раза три-четыре, и подбросивъ въ тепленку нѣсколько полѣньевъ и смолья, сталъ наматывать на ноги просохшія за ночь онучи и обувать лапти. Обувшись и вздѣвъ на одну руку полушубокъ, взлѣзъ онъ по лѣсенкѣ, растворилъ створцы и поглядѣлъ на небо.... Стожары ** сильно наклонились къ краю небосклона, значитъ ночь на исходѣ, и утро близится.

— Эй вы, крещеные! Будетъ вамъ дрыхнуть-то! Долго спать — долгъ наспать... Вставать пора! кричалъ дядя Онуфрій на всю зимницу артельнымъ товарищамъ.

Никто не шевельнулся. Дядя Онуфрій пошелъ вдоль наръ и началъ толкать кулакомъ въ бока лѣсниковъ, крича во все горло:

— Эхъ! грому на васъ нѣтъ!.. Спятъ ровно убитые!... Вставай, вставай, ребятушки!... Много спать добра не видать!... Топоры по васъ давно встосковались. Ну же, ну подымайсь, молодцы!

Кто потянулся, кто поежился, кто глянувъ заспанными глазами на „старшого", опять зажмурился и повернулся на дру-

---

* Лыковщина—цѣлая волость лѣсниковъ на рѣкѣ Керженцѣ. Названа такъ по имени боярина князя Лыкова-Оболенскаго, которому была пожалована царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. Князь Лыковъ завѣщалъ эту волость Макарьеву Желтоводскому монастырю. Теперь тамъ государственные крестьяне.

** Созвѣздіе Большой Медвѣдицы. Въ иныхъ мѣстахъ Стожарами зовутъ Плеяды, но настоящее имя ихъ Утиное гнѣздо или Волосожары.

ой бокъ. Дядя Онуфрій межъ тѣмъ одѣлся какъ слѣдуетъ, умылся, то-есть размазалъ водой копоть по лицу, торопливо помолился передъ мѣднымъ образкомъ, поставленнымъ въ переднемъ углу, и подбросилъ въ телленку еще немного сухаго корневища.* Ало-багровымъ пламенемъ вспыхнуло смолистое дерево, черный дымъ клубами поднялся къ потолку и заходилъ тамъ струями. Въ зимницѣ посвѣтлѣло.

— Вставайте же, вставайте, а вы!... Чего разоспались, ровно маковой воды опились?... День на дворѣ! покрикивалъ дядя Онуфрій, ходя вдоль наръ, расталкивая лѣсниковъ и сдергивая съ нихъ армяки и полушубки.

— Петряйко, а Петряйко! поднимайся проворнѣй, пострѣлъ! Чего заспался? Ужь волкъ умылся, а кочетокъ давнымъ давно пропѣлъ. Пора за дѣло приниматься, стряпай живо обѣдать!...кричалъ онъ въ самое ухо артельному подсыпкѣ, подростку лѣтъ шестнадцати, своему племяннику.

Но Петряйкѣ не охота вставать. Жмется парнишко подъ шубенкой, думая самъ про себя: „дай хоть чуточку еще полежу, авось дядя не рѣзнетъ хворостиной“....

— Да вставай же, пострѣленокъ... Не то возьму слегу, огрѣю, крикнулъ дядя на племянника, сдернувъ съ него шубенку.— Дожидаться что ль тебя артели?... Вставай, принимайся за дѣло.

Петряйка вскочилъ, обулся и подойдя къ глиняному рукомойнику, сплеснулъ лицо. Нельзя сказать чтобъ онъ умылся, онъ размазалъ только копоть, обильно насѣвшую на лица, шеи и руки обитателей зимницы.... Лѣсники люди не привередливые: изъ грязи да изъ копоти зиму зименскую не выходятъ...

— Проворь, а ты проворь обѣдать-то, торопилъ племянника дядя Онуфрій:—Чтобъ у меня все живой рукой было состряпано... А я покамѣсть къ кóнямъ схожу.

И зажегши лучину, дядя Онуфрій полѣзъ на лѣсенку вонъ изъ зимницы.

Лѣсники одинъ за другимъ вставали, обувались въ просох-

---

* Корневище—часть дерева между корнемъ и стволомъ или комлемъ. Оно отрубается или отпиливается отъ бревна. Лѣсники дѣлятъ сосновое дерево на корень (въ землѣ), корневище, комель или стволъ, голомень или осле́дь (тонкая но еще чистая отъ вѣтвей лѣсина) и вершину съ сучьями.

шую за ночь у тепленки обувь, поочереди подходили къ рукомойнику и подобно дядѣ Онуфрію и Петряю размазывали по лицу грязь и копоть.... Потомъ кто пошелъ въ загонъ къ лошадямъ, кто топоры сталъ на точилѣ вострить, кто ладили разодранную наканунѣ одёжу.

Хоть заработки у лѣсниковъ не Богъ знаетъ какіе, далеко не тѣ что̀ у недальнихъ ихъ сосѣдей, въ Черной Рамени, да на Узолѣ, которы деревяну посуду и другую горянщину работаютъ, однакожъ и они не прочъ сладко поѣсть послѣ трудовъ праведныхъ. На Ветлугѣ и отчасти на Керженцѣ въ рѣдкомъ домѣ брага и сыченое сусло переводятся, даромъ что хлѣбъ чуть не съ Рождества покулной ѣдятъ. И убоина * у тамошняго мужика не за̀ диво и солонины на̀ зиму запасъ бываетъ, немалое подспорье этому по лѣснымъ деревушкамъ отъ лосей приходится.... У инаго крестьянина на одинъ пересѣкъ соленой лосины въ погребу стоитъ.... И до пшенничковъ, и до лапшенничковъ и до дынничковъ ** охочь лѣсникъ, но въ зимницѣ этого лакомства стряпать некогда да и негдѣ. Развѣ бабы когда изъ деревни на поклонъ мужьямъ съ подсылкой пришлютъ. Охочь лѣсникъ и до „продажной дури“—такъ зоветъ онъ зелено̀ вино,—но во время „лѣсованья“ продажная дурь не дозволяется. Заведись у котораго лѣсника хоть одна косушка вина, сейчасъ его артель разложитъ, вспоретъ и затѣмъ вонъ безъ разчету. Только трижды въ зиму и пьютъ: на Николу, на Рождество да на Масляницу, и то по самой малости. Брагу да сусло пьютъ и въ зимницахъ но понемногу и то на праздникахъ да послѣ нихъ....

Но теперь Великій постъ, къ тому жъ и лѣсованье къ концу: меньше двухъ недѣль оставалось до Плющихи, оттого и запасовъ въ зимницѣ остается немного. Петряйкина стряпня на этотъ разъ была не больно завидная. Развелъ онъ въ очагѣ огонь, въ одинъ котелокъ засыпалъ гороху, а въ другомъ сталъ приготовлять похлебку: покрошилъ гулены, сухихъ грибовъ, луку, засыпалъ все это гречневой крупой да гороховой мукой, сдобрилъ масломъ и поставилъ на огонь. Обѣдъ разомъ поспѣлъ. Приставили къ нарамъ столъ, къ столу переметную скамью и усѣлись. Петряйка

---

* Говядина.

** Дынничекъ—каша изъ тебеки (тыквы) съ просомъ, сваренной на молокѣ и сильно подрумяненой на сковородѣ.

нарѣзалъ черстваго хлѣба, разложилъ ломти да ложки, и поставилъ передъ усѣвшеюся артелью чашки съ похлебкой. Молча работала артель зубами, чашки скоро опростались. Петряйка выложилъ остальную похлебку, а когда лѣсники и это очистили, поставилъ имъ чашки съ горохомъ, накрошилъ туда рѣпчатаго луку и полилъ вдоволь льнянымъ масломъ. Это кушанье показалось особенно лакомо лѣсникамъ, ѣли да похваливали.

— Ай да Петряй! Клевашный * парень! говорилъ молодой лѣсникъ, Захаромъ звали, потряхивая кудрями.—Вотъ братъ уважилъ, такъ уважилъ.... За этотъ горохъ я у тебя, Петряйко, на свадьбѣ такъ нарѣжусь что цѣлый день пѣсни играть да плясать не устану.

— Мнѣ еще рано, ты самъ-то прежде женись, отшутился Петряйка.

— Невѣсты, парень, еще не выросли.... Покамѣсть и такъ побродимъ, отвѣчалъ Захаръ.

— А въ самомъ дѣлѣ, Захарушка, пора бы тебѣ вѣдь законъ свершить, вступился въ разговоръ дядя Онуфрій.—Что̀ такъ-то безъ пути болтаешься? Дляче не женишься? За тебя, за такого молодца, всяку бы дѣвку съ радостью выдали.

— Ну ихъ, бабья-то! отвѣчалъ Захаръ. — Терпѣть не могу. Дѣвки не въ примѣръ лучше. Съ ними забавнѣй—смѣхи да пѣсни, а бабы что̀! Только клохчутъ да хнычатъ.... Самое послѣднее дѣло!

— Экой дѣвушникъ! молвилъ на то лукаво усмѣхнувшись лѣсникъ Артемій.—А не знаешь развѣ что за дѣвокъ-то вашему брату ноги коломъ ломаютъ?

— А ты прежде излови, а потомъ и ломай. Экъ чѣмъ стращать вздумалъ, нахально отвѣчалъ Захаръ.

— То-то, то-то, Захаръ Игнатьичъ, гляди въ оба.... Знаемъ мы кой-что... Слыхали! сказалъ Артемій.

— Чего слыхалъ-то? Чего мнѣ глядѣть-то? крикнулъ разгорячившись Захаръ.

— Да хоть бы насчетъ Лещовской Параньки....

— Чего насчетъ Параньки? приставалъ Захаръ.—Чего? Говори что̀ знаешь! Ну, ну говори.

— То и говорю что высоко камешки кидаешь, отвѣтилъ Артемій. — Тутъ вашему брату не то что руки-ноги перело-

---

* Проворный, смѣтливый, разумный.

маютъ, а чего добраго и въ городъ на ставку свезутъ. Забылъ аль нѣтъ что дядя у Параньки въ головахъ сидитъ? сказалъ Артемій.

Захаръ закричалъ пуще прежняго и даже вскочилъ съ мѣста, ругаясь и сжимая кулаки, но дядя Онуфрій однимъ словомъ угомонилъ расходившихся ребятъ. Брань и ссоры во все лѣсованье ни подъ какимъ видомъ не дозволяются. Иной парень хоть на руготню и голова — огня не вздуетъ, замка не отопретъ не выругавшись хорошенько, а въ лѣсу не смѣетъ много растобарывать, а рукамъ волю давать и не вздумаетъ. Велитъ старшой замолчать, пали сердце свое сколько тебѣ угодно, а вздориться не моги. Послѣ, когда изъ лѣсу уѣдутъ, тамъ хоть ребра другъ дружкѣ переломай, но во время лѣсованья — ни-ни. Такой обычай ведется изстари у лѣсниковъ. Съ чего завелся такой хорошій обычай? спросили разъ у стараго лѣсника, лѣтъ тридцать сряду ходившаго лѣсовать хозяиномъ. „По нашимъ промысламъ безъ уйму нельзя, отвѣчалъ онъ, также вотъ и продажной дури въ лѣсу держать никакъ невозможно, потому не ровенъ часъ, топоръ изъ рукъ у нашего брата не выходитъ.... Долго ль окаянному человѣку во хмѣлю аль въ руготнѣ подъ руку толконуть.... Бывали дѣла, оттого сторожкò и держимся.“

Ребята смолкли, враждебно поглядывая другъ на друга, но ослушаться старшòго и подумать не смѣли... Стóитъ ему только слово сказать, разомъ вся артель какъ одинъ человѣкъ поднимется и такую вспорку задастъ ослушнику что въ другой разъ не задуритъ.

Петряйка ставилъ межь тѣмъ третье кушанье: наклалъ онъ въ чашки сухарей, развелъ квасомъ, положилъ въ эту тюрю соленыхъ груздей, рыжиковъ, да вареной свеклы, лучку туда покрошилъ и маслица подлилъ.

— Важно кушанье! похваливалъ дядя Онуфрій, уписывая крошево за обѣ щеки.—Ну проворнѣй, проворнѣй, ребята,—въ лѣсъ пора! Заря занимается, а на зарѣ не работать значитъ рубль изъ мошны потерять.

Лѣсники зачали ѣсть торопливѣе, Петряйка вытащилъ изъ закути курганъ * браги и поставилъ его на столъ.

---

* Курганъ или кунганъ (правильнѣе кумганъ), заимствованный у Татаръ, мѣдный или жестяной кувшинъ съ носкомъ, ручкой и крышкой.

— Экой у насъ проворъ подсыпка-то! похваливалъ дядя Онуфрій, поглаживая жилистою рукой по бѣлымъ, но сильно закопченымъ волосамъ Петряя, когда тотъ разливалъ брагу по корчикамъ. * — Всякій Божій день у него все послѣдышки да послѣдышки. Вотъ ужь двѣ недѣли какъ Масляница минула, а у него бражка все еще ведется. Сторо̀жь, сторо̀жь, Петрунюшка, сторо̀жь всяко добро, припасай его на черный день, выростешь большой — богатей будешь. Прокъ изъ тебя выйдетъ парнюга!... Чтой-то? вдругъ спросилъ, прерывая ласки свои и вставая съ наръ, дядя Онуфрій: — Никакъ пріѣхалъ кто-то? Выглянь-ка, Петряй, на волю, глянь кто такой?

Въ самомъ дѣлѣ слышались скрипъ полозьевъ, фырканье лошадей и людской говоръ.

Однимъ махомъ Петряйка вскочилъ на верхъ лѣсенки и растворивъ сгворцы высунулъ на волю бѣлокурую свою голову. Потомъ прыгнувъ на полъ, и разведя врозь руками, удивленнымъ голосомъ сказалъ:

— Невѣдомо какіе люди пріѣхали.... На двухъ тройкахъ.... Гусемъ.

— Что̀ за диковина! повязывая кушакъ, молвилъ дядя Онуфрій.—Что̀ за люди?... Кого это на тройкахъ принесло?

— Нешто лѣсной, аль исправникъ, отозвался Артемій.

— Коего шута на концѣ лѣсованья не видали здѣсь лѣсной съ исправникомъ? сказалъ дядя Онуфрій. — Опять же колокольцовъ не слыхать, а начальство развѣ безъ колокольцовъ поѣдетъ? Гляди Лысковцы ** не нагрянули ль.... Пусто бъ имъ было... Больше некому. Пойти посмотрѣть самому, прибавилъ онъ, направляясь къ лѣсенкѣ.

— Есть ли крещеные? раздался въ это время вверху громкій голосъ Потапа Максимыча.

— Лѣзь-полѣзай, милости просимъ, громко отозвался дядя Онуфрій.

Показалась изъ сгворокъ нога Потапа Максимыча, за ней

* Корчикъ или корецъ, особаго вида ковшъ для черпанья воды, квасу, для питья сусла и браги. Корцы бываютъ металлическіе (желѣзные), деревянные, но собственно корецъ дѣлается изъ древеснаго луба, такіе имѣютъ видъ стакановъ.

** Оптовые лѣсопромышленники изъ Лыскова. Ихъ не любятъ лѣсники за обманы и обиды.

другая, потомъ широкая спина его, обтянутая въ мурашкинскую дубленку. Слѣзъ наконецъ нашъ тысячникъ. Инымъ способомъ въ зимницу не попасть.

За Потаномъ Максимычемъ такимъ же образомъ слѣзъ паломникъ Стуколовъ, потомъ молчаливый купецъ Дюковъ, за ними два работника. Не вдругъ прокашлялись наѣзжіе гости, глотнувши дыма. Присѣвъ на полу, они едва переводили духъ и протирали поневолѣ плакавшіе глаза.

— Кого Господь даровалъ? спросилъ дядя Онуфрій.—Зимусь зименскую отъ чужихъ людей духу не было, на конецъ лѣсованья гости пожаловали..

— Заблудились мы, почтенный, въ вашихъ лѣсахъ, отвѣчалъ Потапъ Максимычъ, снимая промерзшую дубленку и подсаживаясь къ огню.

— Откуда Богъ занесъ въ наши палестины? спросилъ дядя Онуфрій.

— Изъ Красной Рамени, молвилъ Потапъ Максимычъ.

— А путь куда держите? продолжалъ спрашивать старшой артели.

— На Ветлугу пробираемся, отвѣчалъ Потапъ Максимычъ. Думали на Ялокшинскій зимнякъ свернуть, да оплошали. Теперь не знаемъ куда и заѣхали.

— Ялокшинскій зимнякъ отсель рукой подать, сказалъ дядя Онуфрій, — какихъ-нибудь десятокъ верстъ и того пожалуй не будетъ. Только дорога не приведи Господи. Вы подъ на саняхъ?

— Въ пошевняхъ, отвѣчалъ Потапъ Максимычъ....

— А пошевни-то небойсь большія да широкія.... еще подъ съ волочкàми *, продолжалъ разспрашивать дядя Онуфрій.

— Да, съ волочкàми, отвѣчалъ Потапъ Максимычъ.... А что?..

— А то что съ волочкàми отсель на Ялокшу вамъ не проѣхать. Лѣса тутъ густые, лапы на просѣкѣ рублены не высоко, волочки-то пожалуй и не пролѣзутъ, говорилъ дядя Онуфрій.

— Какъ же намъ быть? спрашивалъ въ раздумьѣ Потапъ Максимычъ.

— Да въ кое мѣсто вамъ на Ветлугу-то? спросилъ въ свою очередь дядя Онуфрій, оглядывая лёзу своего топора

* Волочòкъ или волчёкъ—верхъ повозки или кибитки, обитый циновкой. Иначе: лучокъ.

— Ѣзда намъ не близкая, отвѣтилъ Потапъ Максимычъ. За Усту надо къ Уренію, коли слыхалъ.

— Какъ не слыхать, молвилъ дядя Онуфрій. — Сами въ Урени не разъ бывали. За хлѣбомъ ѣздимъ.... Такъ вѣдь вамъ напередъ надо въ Нижнее Воскресенье, а тамъ ужь вплоть до Уреня большая дорога пойдетъ....

Ровная, гладкая, хоть кубаремъ катись, заговорили въ одинъ голосъ лѣсники....

За Воскресеньемъ слѣпой съ пути не собьется....

По Ветлугѣ степь пойдетъ до самаго Варнавина, а за Варнавиномъ какъ рѣку переѣдите — опять лѣса, — тамъ ужь и скончанья лѣсамъ не будетъ....

— Это мы и безъ тебя почтенный знаемъ, а вотъ научите вы какъ до Воскресенья намъ добраться? сказалъ Потапъ Максимовичъ.

— Развѣ къ нашимъ дворамъ, на Лыковщину отсель свернете, отвѣчалъ дядя Онуфрій.—Отъ насъ до Воскресенья путь торный, просѣка широкая, только крюку дадите: верстъ сорокъ коли не всѣ пятьдесятъ.

— Эко горе какое! молвилъ Потапъ Максимычъ. — Вечоръ цѣлый день плутали, цѣлу ночь не знай куда ѣхали, а тутъ еще пятьдесятъ верстъ крюку!... Вѣдь это лишнихъ полторы сутки наберется.

— А вамъ нешто къ спѣху? спросилъ дядя Онуфрій.

— Къ спѣху не къ спѣху, а не охота по вашимъ лѣсамъ безъ пути блудить, отвѣчалъ Потапъ Максимычъ.

— Да вы коли изъ Красной-то Рамени поѣхали? спросилъ дядя Онуфрій.

— На разсвѣтѣ. Теперь вотъ цѣлы сутки маемся, отвѣчалъ Потапъ Максимычъ.

— Гляди-ка, дѣло какое! качая головой, говорилъ дядя Онуфрій.—Видно впервой въ лѣсахъ-то?

— То-то и есть что допрежь николи не бывали. Ну ужь лѣса ваши—нечего сказать! Провалиться бъ имъ проклятымъ совсѣмъ! съ досадой примолвилъ Потапъ Максимычъ.

— Лѣса наши хорошіе, перебилъ его дядя Онуфрій.

Ему обидно стало что невѣдомо откуда заѣхавшій гость такъ неуважительно отозвался объ лѣсахъ. Какъ морякъ любитъ море, такъ коренной лѣсникъ любитъ родные лѣса свои, не въ примѣръ горячѣй любитъ ихъ чѣмъ пахарь свою пашню.

— Лѣса наши хорошіе, продолжалъ хмурясь и понуривъ го-

лову дядя Онуфрій.—Наши поильцы-кормильцы. Самъ Госпо лѣса выростилъ на пользу человѣка, Самъ Владыка свой са разсадилъ. Здѣсь каждо дерево Божье, зачѣмъ же лѣсамъ пр валиваться? И кѣмъ они кляты?... Это ты не хорошее, че ное слово молвилъ, господинъ купецъ. Не погнѣвайся, име отчества твого не знаю, а лѣса бранить не годится—пото они Божьи.

— Дерево-то пускай его Божье, а волки-то чьи? возраз Потапъ Максимычъ.—Какъ мы заночевали въ лѣсу, набѣжа этого проклятаго звѣрья видимо не видимо—чуть не сож ли, каленый ножъ имъ въ бокъ. Только огнемъ и оборонилис

— Да, волки теперь гуляютъ — ихняя пора, сказалъ дяд Онуфрій, Господь имъ эту пору показалъ.... Не однимъ л дямъ, а всякой твари сказалъ Онъ: „раститеся и множитесь" Да.... ихня пора.... И потомъ немного помолчавъ прибавил Значитъ вы не въ коренномъ лѣсу, ваше степенство, заноч вали, а гдѣ-нибудь на раменіі. Сѣрый въ теперешню пору в лѣсахъ не держится, больше въ поле наровитъ, теперь в въ лѣсу голодно. Безпремѣнно на раменіи ночевали, недале отъ какого-нибудь селенья. Къ намъ-то съ какой сторон подъѣхали?

— Да мы все на сиверъ держали, отвѣчалъ Потапъ Макс мычъ.

— Кажись бы не надо такъ, молвилъ дядя Онуфрій.—Как же такъ на сиверъ? Къ зимницѣ-то, говорю, съ коей сторо подъѣхали?

— Съ правой.

— Такъ какой же тутъ сиверъ? Ѣхали вы значитъ на осе никъ, сказалъ дядя Онуфрій.

— Какже ты вечоръ говорилъ что на сиверъ ѣдемъ? обр тился Потапъ Максимычъ къ Стуколову.

— Такъ по маткѣ выходило, угрюмо насупивъ брови и гл дя изъ подлобья отозвался паломникъ.

— Вотъ тебѣ и матка! крикнулъ Потапъ Максимычъ.— Пятьдесятъ верстъ крюку, да на придачу волки чуть не рас пластали!... Эхъ ты голова, Якимъ Прохорычъ, право голова!

— Чѣмъ же тутъ матка-то виновата? оправдывался Сту коловъ.—Развѣ по ней ѣхали; вѣдь я глядѣлъ въ нее как ужь съ пути сбились.

— Не сговоришь съ тобой: вѣчно по-своему! горячился По тапъ Максимычъ:—Такой ужь отродясь! Хоть колъ теш

на лысинѣ: упрямъ какъ чортъ карамышевскій, прости Господи!...

— Ой, ваше степенство, больно ты охочь *его* поминать! вступился дядя Онуфрій.—Здѣсь вѣдь лѣсъ, зимница.... У насъ *его* не поминаютъ! Не хорошо!... чернаго слова не говори.... Неровенъ часъ — пожалуй недоброе что̀ случится... А про каку это матку вы поминаете? прибавилъ онъ.

— Да вонъ у товарища у моего матка какая-то есть, шутъ ее знаетъ, досадливо отозвался Потапъ Максимычъ, указывая на Стуколова.—Всякія дороги слышь знаетъ. Коробочка, а въ ней какъ въ часахъ стрѣлка ходитъ, пояснилъ онъ дядѣ Онуфрію... Такъ пустое дѣло одно.

— Знаемъ и мы эту матку, отвѣтилъ дядя Онуфрій, снимая съ полки крашеный ставешокъ и вынимая оттуда компасъ. — Какъ намъ лѣсникамъ матки не знать? Безъ нея ину пору пропасть можно.... Такая что ли? спросилъ онъ, показывая свой компасъ Потапу Максимычу.

Диву дался Патапъ Максимычъ. Столько лѣтъ на свѣтѣ живетъ, книги тоже читаетъ, съ хорошими людьми водится, а досель не слыхалъ не вѣдалъ про такую штуку.... Думалось ему что паломникъ изъ-за моря вывезъ свою матку, а тутъ закоптѣлый лѣсникъ, послѣдній быть-можетъ человѣкъ, у себя въ зимницѣ самую эту вещь держитъ.

— Въ лѣсахъ матка самая пользительная вещь, продолжалъ дядя Онуфрій.—Безъ нея какъ разъ заблудишься, коли ходишь по незнаемымъ мѣстамъ. Дорога́я по нашимъ промысламъ эта штука.... Зайдешь ину пору далеко, лѣсъ то густой, частый, рослый, въ небо дыра. Ни солнышка, ни звѣздъ не видать, опознаться на мѣстѣ нечѣмъ. А съ маткой не пропадешь: отколь хошь на волю выведетъ.

— Значитъ твоя матка попортилась, Якимъ Прохорычъ, сказалъ Потапъ Максимычъ Стуколову.

— Отчего ей попортиться? Коли стрѣлка ходитъ, значитъ не попортилась, отвѣчалъ тотъ.

— Да слышишь ты аль нѣтъ, что вечоръ ей надо было на осенникъ казать, а она на сиверъ тянула, сказалъ Потапъ Максимычъ.

— Покажь-ка, ваше степенство, твою матку, молвилъ дядя Онуфрій, обращаясь къ Стуколову.

Паломникъ вынулъ компасъ. Дядя Онуфрій положилъ оба на столъ.

— Ничѣмъ не попорчена, сказалъ онъ, разсматривая ихъ.— Да и портиться тутъ нечему, потому что въ стрѣлкѣ не пружина какая, а одна только сила Божія.... Видишь въ одну сторону обѣ стрѣлки тянутъ.... Вонъ гдѣ сиверъ, тутъ будетъ полдень, тутъ закатъ, а тутъ встокъ, говорилъ дядя Онуфрій, показывая рукой страны свѣта по направленію магнитной стрѣлки.

— Отчего жь она давича не на осенникъ, а на сиверъ тянула? спросилъ у паломника Потапъ Максимычъ, пожимая отъ удивленья плечами и разглядывая компасы.

— Не знаю, отвѣтилъ Стуколовъ.

— А я такъ знаю, молвилъ дядя Онуфрій, обращаясь къ паломнику. Знаю отчего вечо̀ръ твоя матка на сторону воротила.... Коли хочешь скажу, чтобъ могъ ты своимъ разумомъ понимать тайную силу Божію.... Когда ты смотрѣлъ въ матку-то, въ которомъ часу?

— Съ вечера. Часа за два до полуночи, отвѣчалъ Стуколовъ.

— Такъ и есть, молвилъ дядя Онуфрій. — А на небо въ ту пору глядѣлъ?

— На небо? Какъ на небо?... спросилъ удивленный паломникъ.—Не помню.... Кажись не глядѣлъ.

— И никто изъ васъ не видалъ что̀ на̀ небѣ въ ту пору дѣялось? спросилъ дядя Онуфрій.

— Чему на̀ небѣ дѣяться? молвилъ Потапъ Максимычъ.— Ничего не дѣялось—небо какъ небо.

— То-то и есть что дѣялось, сказалъ дядя Онуфрій. Мы видѣли что̀ на небѣ передъ полночью было.—Тутъ-то вотъ и премудрая, тайная сила Творца Небеснаго.... И про ту силу великую не то что мы, люди старые, а подростки у насъ знаютъ. Петряйко! Что̀ вечоръ на̀ небѣ дѣялось? спросилъ онъ племянника.

— Па̀зори играли, бойко, тряхнувъ бѣлокурыми кудрями, отвѣчалъ Петряй.—Вечо̀ръ какъ намъ съ лѣсованья ѣхать, отбѣль по небу пошла, а тамъ и зо̀ри заиграли, лучи засвѣтили, столбы задышали, багрецами налились и заходили по небу. Споло̀хи даже били какъ мы ужинать сѣли: ровно громъ по лѣсу-то такъ и загудѣли.... Оттого матка и дурила что па̀зори на небѣ играли.

— Значитъ не въ ту̀ сторону показывала, пояснилъ дядя Онуфрій.—Это завсегда такъ бываетъ: еще отбѣлей не видать, а ужь стрѣлка начнетъ вздрагивать, а потомъ и

пойдетъ то туда, то сюда воротить.... Видишь ли какая тайная Божія сила совершается тутъ? Слыхалъ, поди, какъ за всенощной-то поютъ: „вся премудростію сотворилъ еси!“ Вотъ она премудрость-то! Это завсегда надо крещеному человѣку въ понятіи содержать.... Да, ваше степенство: „вся премудростію сотворилъ еси!“ Кажись вотъ хоть бы самая эта матка—что̀ такое? — Ребячья игрушка слѣпой человѣкъ подумаетъ! Анъ нѣтъ, тутъ премудрость Господня, тайная Божія сила.... Да. *

„Экой дошлый народецъ въ эти лѣса забился,“ думалъ самъ про себя Потапъ Максимычъ. „Мальчишка, материно молоко на губахъ не обсохло, и тотъ премудрость пони-

* *Пáзори*—сѣверное сіяніе. Слова „сѣверное сіяніе“ народъ не знаетъ. Это слово дѣланное, искусственное, придуманное въ кабинетѣ, едва ли не Ломоносовымъ, а ему, какъ Холмогорцу, не могло быть чуждымъ настоящее русское слово пáзори. Сѣверное сіяніе—буквальный переводъ нѣмецкаго *Nordlicht*. У насъ каждый переходъ столь обычнаго на Руси небеснаго явленія означается особымъ мѣткимъ словомъ. Такъ, начало пáзорей, когда на сѣверной сторонѣ неба начинаетъ какъ бы разливаться блѣдный бѣлый свѣтъ, подобный млечному пути, зовется *отбѣлью* или *бѣлью*. Слѣдующій затѣмъ переходъ, когда отбѣль сначала принимая розовый оттѣнокъ, потомъ постепенно багровѣетъ, называется зóрями (*зóри, зóрники*). Послѣ зóрей начинаютъ обыкновенно раскидываться по небу млечныя полосы. Это называютъ *лучами*. Если явленіе продолжается, *лучи* багровѣютъ и постепенно превращаются въ яркія, красныя и другихъ цвѣтовъ радуги, *столбы*. Эти столбы краснѣютъ болѣе и болѣе, что̀ называется *багрецы наливаются*. Столбы сходятся и расходятся—объ этомъ говорится *столбы играютъ*. Когда сильно играющіе столбы сопровождаются перекатнымъ трескомъ и какъ бы громомъ — это называется *сполóхами*. Если во время сѣвернаго сіянія зóри или столбы мерцаютъ, то-есть дѣлаются то свѣтлѣй, то блѣднѣй, тогда говорится: „зóри или столбы *дышатъ*“. Наши лѣсники, равно какъ и Поморы, обращающіеся съ компасомъ, давнымъ-давно знаютъ что „на пáзоряхъ матка дуритъ“, то-есть магнитная стрѣлка дѣлаетъ уклоненія. Случается что небо заволочено тучами, стоитъ непогодь, либо мятель мятетъ, и вдругъ „матка задуритъ“. Лѣсники тогда знаютъ что на небѣ пáзори заиграли, но за тучами ихъ не видать. Замѣчательно что какъ у Поморовъ, такъ и у лѣсниковъ нѣтъ повѣрья будто сѣверное сіяніе предвѣщаетъ войну либо моръ. Свойство магнитной стрѣлки и вліяніе на нее сѣвернаго сіянія они называютъ „тайной Божьей силой“.

маетъ, а старый отъ писанья такой гораздый что хоть бъ нашей матушкѣ Манефѣ въ пору.“

— Отъ кого это ты, малецъ, научился? спросилъ онъ Петряя.

— Дядя училъ, дядя Онуфрій, бойко отвѣтилъ подсыпка, указывая на дядю.

— А тебя кто научилъ? обратился Потапъ Максимычъ къ Онуфрію.

— Отъ отцовъ, отъ дѣдовъ научены; они тоже вѣкъ свой лѣсовали, отвѣтилъ дядя Онуфрій.

— Мудрости Господни! молвилъ въ раздумьѣ Потапъ Максимычъ.

Проговоривъ это, вдругъ увидѣлъ онъ что лѣсникъ Артемій, присѣвъ на корточки передъ тепленкой и вынувъ уголёкъ, положилъ его въ носогрѣйку, * и закурилъ свой тютюнъ. За нимъ Захаръ, потомъ другіе, и вотъ всѣ лѣсники, кромѣ Онуфрія да Петряя, усѣвшись вокругъ огонька, задымили трубки.

Стуколова инда передернуло. За Волгой-то, въ семъ искони древлеблагочестивомъ краѣ, въ семъ Аѳонѣ старообрядства, да еще въ самой-то глуши, въ лѣсахъ, курильщики треклятаго зелья объявились! Отсторонился паломникъ отъ тепленки, и сѣвъ въ углу зимницы, повернулъ лицо въ сторону.

— Поганитесь? съ легкой усмѣшкой спросилъ Потапъ Максимычъ, кивая дядѣ Онуфрію на курильщиковъ.

— А какое жь тутъ поганство? отвѣчалъ дядя Онуфрій.—Никакого поганства нѣтъ. Сказано: „всякъ злакъ на службу человѣкомъ“.—Чего жь тебѣ еще? И табакъ Божья трава, и ее Господь создалъ на пользу, какъ и всѣ иные древа, цвѣты и травы.

— Такъ нешто про табашное зелье сказано это слово въ писаніи? досадливо вмѣшался насупившійся Стуколовъ.—Аль не слыхалъ что есть „корень горести въ выспрь прозябаяй“? Не слыхивалъ откуда табакъ выросъ?

— Это что келейницы-то толкуютъ? со смѣхомъ отозвался Захаръ.—Врутъ онѣ смо́тницы **, пустое плетутъ.... Мы вѣдь не старовѣры, въ бабьё не вѣруемъ.

— Нешто церковники? спросилъ Потапъ Максимычъ дядю Онуфрія.

---

* Трубка, большею частію корневая, выложенная внутри жестью на коротенькомъ деревянномъ чубучкѣ.

** Смо́тникъ, смотница—то же что̀ сплетникъ, а также человѣкъ всякій вздоръ говорящій.

— Всѣ по церкви, отвѣчалъ дядя Онуфрій.—У насъ по всей Лыковщинѣ старовѣровъ спокон вѣку не важивалось. И дѣды, и прадѣды, всѣ при церкви были. Потому люди мы бѣдные, работные, достатковъ такихъ у насъ нѣтъ чтобы старовѣрничать. Вонъ по раменямъ и въ Черной Рамени, и въ Красной, и по Волгѣ, тамъ почитай всѣ поголовно старой вѣры держатся.... Потому — богачество.... А мы что̀? Люди маленькіе, худые, бѣдные.... Мы по церкви!

— А молитесь какъ? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Кто въ два перста, кто щепотью, какъ кто съизмала пріобыкъ такъ и молится.... У насъ этого въ важность не ставятъ, сказалъ дядя Онуфрій.

— И всѣ табашничаете? продолжалъ спрашивать Потапъ Максимычъ.

— Всѣ грѣшнымъ дѣломъ веселой травки держимся, отвѣчалъ дядя Онуфрій улыбаясь, и самъ началъ набивать трубку.—Намъ, ваше степенство, безъ табаку нельзя. Потому лѣтомъ пойдешь въ лѣсъ — столько тамъ этого овода, слѣпней, мошекъ и всякой комариной силы — только табачнымъ дымомъ и полегчишь себя, не то съѣдятъ, пусто бы имъ было. По нашимъ промысламъ безъ курева обойтись никакъ невозможно—всю кровь высосутъ, окаянные. Оно, конечно, и лѣсники тоже не сплошь табачничаютъ, и у насъ довольно старовѣровъ по лѣснымъ деревнямъ, за то ужъ и маются же они сердечные. Посмотрѣлъ бы ты на нихъ какъ они послѣ соку * домой приволокутся. Узнать нельзя человѣка, ровно стѣнь ходитъ. Боронятся и они отъ комариной силы: смолой, дегтемъ мажутся, да не больно это мазанье помогаетъ. Нѣтъ, по нашимъ мѣстамъ безъ табашнаго курева нельзя. А побывали бы вы, господа купцы, въ Ветлужскихъ верхотинахъ, у Верхняго Воскресенья? ** Тамъ и въ городу и вокругъ города по деревнямъ такіе ли еще табашники какъ у насъ: спятъ даже съ трубкой. Маленькій парнишка, отъ земли его не видать, а ужъ дымитъ изъ тятькиной трубчонки.... Въ гостятъ, на свадь-

* Послѣ драньи мочала, луба и бересты.

** Въ Ветлужскомъ краѣ, въ мѣстностяхъ нижняго теченья рѣки, городъ Ветлугу до сихъ поръ зовутъ Верхнимъ Воскресеньемъ, какъ назывался онъ до 1778 года, когда былъ обращенъ въ уѣздный городъ... Нижнее Воскресенье — большое село на рѣкѣ Ветлугѣ въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Иначе—Воскресенское. Это два главные торговые пункта по всему теченью Ветлуги.

бѣ, аль на крестинахъ, въ праздники тоже храмовые, у людей первымъ дѣломъ брага да сусло.... а тамъ горшки съ табакомъ гостямъ на столъ—горшокъ молотаго, да горшокъ крошенаго.... Надымятъ въ избѣ, инда у самихъ глаза вытѣстъ... Вотъ это настоящіе табашники, заправскіе, а мы что—мы такъ себѣ балуемся помаленьку.

— Отъ того видно Ветлугу-то и зовутъ поганой стороной, скрививъ лицо язвительной усмѣшкой, сказалъ Стуколовъ.

— Да вѣдь это тѣ же келейницы дурнымъ словомъ обзываютъ ветлужску сторону, а глядя на нихъ и старовѣры, отвѣчалъ дядя Онуфрій. — Только вѣдь это однѣ пустыя ихъ рѣчи... Какую онѣ тамъ погань нашли? Такіе жъ крещеные люди какъ и вездѣ живутъ....

— Въ церковь-то часто вы ходите? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Какъ же въ церковь не ходить? Чать мы, крещеные. Безъ церкви нельзя, отвѣчалъ дѣдъ Онуфрій. — Кое время дома живемъ, храмъ Божій не забываемъ, оно пожалуй хоть и не каждо воскресенье ходимъ, потому приходъ далеко, а все жъ церкви не чуждаемся. Вотъ здѣсь, въ лѣсахъ, праздниковъ ужь нѣтъ. Съ топоромъ не до моленья, особливо въ такой годъ какъ нонѣшній.... Зима-то нонѣ стала поздняя, только за два дня до Николы лѣсовать выѣхали.... Много ли тутъ времени на работу-то останется, много ль наработаешь?... Тутъ и праздники забудешь какіе они у Бога есть, и день и ночь только и думы у тебя какъ бы побольше деревъ сронить. Да, вѣдь, и то надо сказать, ваше степенство, примолвилъ лукаво улыбаясь дядя Онуфрій,—часто въ церковь-то ходить нашему брату накладно. Это вонъ келейницамъ хорошо на всемъ на готовомъ Богу-то молиться, а по нашимъ достаткамъ неприходится. Вѣдь повадишься къ вечернѣ, все едино что въ харчевню: нонѣ свѣча, завтра свѣча—глядишь анъ и шуба съ плеча. Съ нашего брата Господь не взыщетъ—потому недостатки.... Мы вѣдь люди простые, а простыхъ и Богъ проститъ.... Одначе закалякался я съ вами, господа купцы... Ребятушки ладь дровни, проворь лошадей... Лѣсовать пора!... громко крикнулъ дядя Онуфрій.

Лѣсники одинъ за другимъ полѣзли вонъ изъ зимницы.

XIX.

Дядя Онуфрій, оставшись съ гостями въ зимницѣ, помогалъ Петряю прибирать посуду, заливать очагъ и вообще приводить ночной притонъ въ нѣкоторый порядокъ.

— Сами-то вы отколь будете? спросилъ онъ Потапа Максимыча.

Потапъ Максимычъ назвалъ себя и подивился про себя что старый лѣсникъ доселѣ не слыхалъ его имени, столь громкаго за Волгой, а кажись чуть не шабры.

— Нешто про насъ не слыхалъ? спросилъ онъ дядю Онуфрія.

— Не доводилось, ваше степенство, отвѣчалъ дядя Онуфрій.—Вѣдь мы „раменскихъ"-то * мало знаемъ—все больше съ лысковскими да съ ветлужскими купцами хороводимся, съ понизовыми тоже.

— Экая однако глушь по вашимъ мѣстамъ, сказалъ Потапъ Максимычъ.

— Глухая сторона, ваше степенство, это твоя правда, какъ есть глушь, отвѣчалъ дядя Онуфрій.—Мы и въ своемъ-то городу раза по два на году бываемъ, только подушные казначею свести, да билетъ у лѣснаго выправить. Совсѣмъ особнякомъ живемъ, ровно отрѣзанные, а все жь не промѣняемъ своей глуши на чужу сторону. Хоть и бѣдны наши деревни, не то что на Волгѣ аль можетъ и по вашимъ раменямъ, однако жь свою сторону ни на какую не смѣняемъ.... У васъ хоть и веселье, хоть житье и привольное, да чужое, а у насъ по лѣсамъ хоть и горе да свое.... Пускай у насъ глушь, да не пошто намъ далеко, и здѣсь хорошо.

— Да, отвѣтилъ Потапъ Максимычъ,—извѣстно что всякому человѣку своя сторона мила.... Только какъ же у насъ будетъ почтенный?... Ужь вы какъ-нибудь выведите насъ на свѣтъ Божій, покажьте дорогу какъ на Ялокшу выѣхать.

— Пошто не указать — укажемъ, сказалъ дядя Онуфрій, — только не знаю какъ вы съ волочками сладите. Не пролѣзть съ ними сквозь лѣсину.... Опять же поди дорогу-то теперь всю

* Раменскими лѣсники зовутъ жителей Черной и Красной Рамени.

перемело, на Масляницѣ все вѣтрà дули, деревья-то обтрясло, снѣгу навалило.... Да постойте, господа честные, вотъ я молодца одного кликну—онъ ту дорогу лучше всѣхъ насъ знаетъ.... Артемушка! крикнулъ дядя Онуфрій изъ зимницы. —Артемъ!... погляди-ка на сани-то. Проѣдутъ на Ялокшу али нѣтъ, да слѣзь, родной, ко мнѣ не на долгое время....

Артемій слѣзъ и объявилъ что санямъ надо бы пройти, потому отводы не великіе, а волочки непремѣнно надо долой.

— Ну долой такъ долой, рѣшилъ Потапъ Максимычъ,—положимъ ихъ на сани, а не то и здѣсь покинемъ. У Воскресенья новы можно купить.

— У Воскресенья этого добра вволю, сказалъ дядя Онуфрій,—завтра же вы туда какъ разъ къ базару попадете. Вы не по хлѣбной ли части ѣдете?

— Нѣтъ, ѣдемъ по своему дѣлу, къ пріятелямъ въ гости молвилъ Потапъ Максимычъ.

— Такъ, проговорилъ дядя Онуфрій. — Инъ велите своимъ парнямъ волочки снимать — вмѣстѣ и поѣдемъ, намъ въ ту же сторону версты двѣ либо три ѣхать.

— Ну вотъ и ладно. Оттоль значитъ верстъ съ восемь до зимняка-то останется, молвилъ Потапъ Максимычъ и послалъ работниковъ отвязывать волочки.

— Верстъ восемь, можетъ и десять, а пожалуй и больше наберется, отвѣчалъ дядя Онуфрій.—Какія здѣсь версты! Дороги не мѣрены: гдѣ мужикъ по первопуткѣ проѣхалъ—тутъ на всю зиму и дорога.

— А какъ намъ разставанье придетъ, вы ужь, братцы, кто-нибудь, проводите насъ до зимняка-то, сказалъ Потапъ Максимычъ.

— Ужь на этомъ не погнѣвись, господинъ купецъ. По нашимъ порядкамъ этого сдѣлать нельзя—потому артель, сказалъ ему на то дядя Онуфрій.

— Чтò жь артель? Отчего нельзя? съ недоумѣньемъ спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Да какъ же? поѣдетъ который съ тобой, кто за него работать станетъ?... Тѣмъ артель и крѣпка что у каждаго работа въ ровень держится, одинъ передъ другимъ ни на макову росинку не должонъ передѣлать, аль не додѣлать.... А, какъ ты говоришь, чтобъ изъ артели кого въ вожатые дать, того ни коимъ образомъ нельзя.... Тотъ же прогулъ выйдетъ, а у насъ прогуловъ

нѣтъ, такъ на суймѣ * и сговариваемся чтобы ихъ во всю зиму не было.

— Да мы заплатимъ что̀ слѣдуетъ, сказалъ Потапъ Максимычъ.

— А кому заплатишь?... Платить-то некому!... Развѣ возможно чтобъ артельный лѣсникъ съ чужанина хоть малость какую принялъ? Развѣ артель спуститъ ему хоша копѣйку со стороны взять? Да вотъ я старшо̀й у нихъ, „хозяинъ“ прозываюсь, а возьми-ка я съ вашего степенства хоть мѣдную полушку, ребята не поглядятъ что я у нихъ голова, что борода у меня сѣда, а разложатъ да такую вспарку зададутъ, что и-и... У насъ на это строго.

— Мы всей артели заплатимъ, сказалъ Потапъ Максимычъ.

— Это ужь не мое дѣло, толкуй съ артелью. Какъ она захочетъ, такъ и прикажетъ, а тутъ не при чемъ, отвѣчалъ дядя Онуфрій.

— Коли такъ, сбирай артель, потолкуемъ, молвилъ Потапъ Максимычъ.

— Скликнуть артель не мудрое дѣло, только не знаю какъ это сдѣлать, потому что такого дѣла у насъ николи не бывало. Болѣ тридцати годовъ съ топоромъ хожу, а никогда того не бывало чтобъ изъ артели кого на сторону брали, въ раздумьи разсуждалъ дядя Онуфрій.

— Да ты только позови, можетъ сойдемся какъ-нибудь, сказалъ Потапъ Максимычъ.

— Позвать отчего не позвать! Позову—это можно, продолжалъ раздумывать дядя Онуфрій,—только у насъ николи такъ не водилось.... и обратясь къ Петряю, все еще перемывавшему въ грязной водѣ чашки и ложки, сказалъ: — Кликни ребятъ, Петряюшка, всѣ молъ идите до единаго.

Артель собралась. Спросила дядю Онуфрія за чѣмъ звалъ, тотъ не отвѣчалъ, а молча показалъ на Потапа Максимыча.

— Что̀ требуется, господинъ купецъ?... спросили лѣсники, оглядывая его съ недоумѣніемъ.

— Да вотъ видите ли, братцы, хочу я просить вашу артель дать намъ проводника до Ялокшинскаго зимняка, началъ Потапъ Максимычъ.

Артель загалдѣла, а Захаръ даже захохоталъ, глядя прямо въ глаза Потапу Максимычу.

---

* *Суймъ* или *суёмъ* (однородно съ словами сонмъ и сеймъ) — мірской сходъ, совѣщаніе о дѣлахъ.

— Въ умѣ ль ты, ваше степенство?... Какъ же это возможно изъ артели работника брать?... Гдѣ это слыхано?... Да кто пойдетъ провожать тебя?... Никто не пойдетъ.... Экъ что вздумалъ!... Чудакъ же ты право, господинъ купецъ?... кричали лѣсники, перебивая другъ дружку.

Насилу втолковалъ имъ Потапъ Максимычъ что артели оттого ущерба не будетъ, что онъ заплатитъ цѣну работы за весь день.

— Да какъ ты учтешь чего стоитъ работа въ день? Этого учесть нельзя, говорили лѣсники.

— Какъ не учесть, учтемъ, сказалъ Потапъ Максимычъ.— Сколько васъ въ артели?

— Одиннадцать человѣкъ, Петряй двѣнадцатый.

— А много ль денъ въ зиму работать?

— Смекай: выѣхали за два дня до Николы, уйдемъ на Плющиху, сказалъ Захаръ.

Посчиталъ Потапъ Максимычъ — восемьдесятъ семь дней вышло.

— Ты, ваше степенство, недѣлями считай, мы люди неграмотные—считать по днямъ не горазды—говорила артель.

— Двѣнадцать недѣль съ половиной, сказалъ Потапъ Максимычъ.

— Ну это такъ, загалдѣли лѣсники.... Намедни мы считали, то же выходило.

— Ну ладно, хорошо.... Теперь сказывайте много ль за зиму на каждаго человѣка заработка причтется? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— А кто его знаетъ? отвѣчали лѣсники.—Вотъ къ Святой сочтемся, такъ будемъ знать.

Безпорядицы и бестолочи въ переговорахъ было вдоволь. Считали барыши прошлой зимы, выходило безъ гривны полтора рубля на ассигнаціи въ день человѣку. Но этотъ счетъ въ толкъ не пошелъ, потому, говорилъ Захаръ, что зимушняя зима была сиротская, хвилеватая **, а нонѣшная морозная да вѣтряная. Сулилъ артели Потапъ Максимычъ цѣлковый за проводника,— и слушать не хотятъ. Какъ дескать наобумъ можно ладиться. Надо, говорятъ лѣсники, всякое дѣло по чести дѣлать, потому—артель. А дядя Онуфрій туритъ да туритъ кончать скорѣй переговоры, кричитъ на всю зим-

---

* Хвилеватая мокрая, дождливая и вьюжная.

лицу что заря совсѣмъ занялась — нечего лустяки городить— лѣсовать пора....

Потерялъ терпѣнье Потапъ Максимычъ. Такъ и подмываетъ его обойтись съ лѣсниками по свойски, какъ въ Осиповкѣ онъ середь токарей навыкъ.... Да во время вспомнилъ нашъ тысячникъ что въ лѣсахъ этимъ ничего не возьмешь, пожалуй еще хуже выйдетъ. — Не такой народъ, окрикомъ его не проймешь... Однакожь не вытерпѣлъ—крикнулъ.

— Да берите вы, дьяволы, сколько хотите. Сказывай сколько надо? За деньгами не стоимъ. Хотите три цѣлковыхъ получать?...

— Сказано тебѣ, въ зимницѣ *его* не поминать, строго, притопнувъ даже ногой, крикнулъ на Потапа Максимыча дядя Онуфрій.... Такъ въ лѣсахъ не водится!... А ты еще чернымъ *его* именемъ крещеный народъ обзываешь.... Есть на тебѣ крестъ-отъ аль нѣтъ?... Хочешь ругаться да вражье имя поминать, убирайся покамѣсть цѣлъ по добру по здорову.

— Народецъ! съ досадой молвилъ Потапъ Максимычъ, обращаясь къ Стуколову.—Что тутъ станешь дѣлать?

Паломникъ не отвѣчалъ.

— Говорите же сколько надо за проводника? Три цѣлковыхъ хотите? сказалъ Потапъ Максимычъ обращаясь къ лѣсникамъ.

Зачала артель галанить пуще прежняго. Спорамъ, крикамъ, безтолочи ни конца ни середки.... Видя что толку не добиться, Потапъ Максимычъ ужь хотѣлъ было бросить дѣло и ѣхать на авось, но Захаръ, что-то считавшій все время по пальцамъ, спросилъ его:

— Безъ двугривеннаго пять цѣлковыхъ дашь?

— За что жь это пять цѣлковыхъ? возразилъ Потапъ Максимычъ.—Сами говорите что въ прошлу зиму безъ гривны полтора рубли на монету каждому топору пришлось.

— Такъ и считано, молвилъ Захаръ.—Въ артели насъ двѣнадцать человѣкъ, по рублю — двѣнадцать рублей, по четыре гривны—четыре рубля восемь гривенъ—всего, значитъ, шестнадцать рублей восемь гривенъ по старому счету. Оно и выходитъ безъ двугривеннаго пять цѣлковыхъ.

— Да вѣдь ты на всю артель считаешь, а поѣдетъ одинъ, возразилъ Потапъ Максимычъ.

— Одинъ али вся артель, все единственно, отвѣтилъ Захаръ.—Ты вѣдь рядишься съ артелью; такъ артельну пла-

ту и давай.... а не хочешь, вотъ тѣ Богъ, а вотъ и порогъ. Толковать намъ недосужно—лѣсовать пора.

— Да вѣдь не вся жь артель провожать пойдетъ? сказалъ Потапъ Максимычъ.

— Это ужь твое дѣло.... Хочешь всю артель бери—слова не молвимъ—поѣдемъ всѣ до единаго, заголосили лѣсники.—Да зачѣмъ тебѣ сустолько народу?... И одинъ дорогу знаетъ... Не мудрость какая!

— А вы скорѣй, скорѣй ребятушки—день на дворѣ, лѣсовать пора, торопилъ дядя Онуфрій.

— Кто дорогу укажетъ тому и заплатимъ, молвилъ Потапъ Максимычъ.

— Этого нельзя, заголосили лѣсники.—Деньги при всѣхъ на давай, вотъ дядѣ Онуфрію за руки.

Дѣлать было нечего, пришлось согласиться. Потапъ Максимычъ отсчиталъ деньги и подалъ ихъ дядѣ Онуфрію.

— Стой, погоди, еще не совсѣмъ въ разчетѣ: сказалъ дядя Онуфрій, не принимая денегъ. Волочки-то здѣсь покинете аль съ собой захватите?

— Куда ихъ съ собой брать!... Покинуть надо, отвѣчалъ Потапъ Максимычъ.

— Такъ ихъ надо долой скостить.... Лишняго намъ не надо, молвилъ дядя Онуфрій.—Ребята видѣли волочки-то?

— Глядѣли, заговорили лѣсники.—Волочки—ничего. рогожей циновкой крыты, кошмой подбиты—рубля три на монету каждый стòитъ... Пожалуй и больше .. Клади по три рубля съ тремя пятаками.

— Что вы ребята? Да я за нихъ по пяти цѣлковыхъ платилъ, сказалъ Потапъ Максимычъ.

— На базарѣ? спросилъ Захаръ.

— Извѣстно на базарѣ.

— На базарѣ дешевле не купишь, а въ лѣсу какая имъ цѣна? подхватили лѣсники.—Здѣсь этого добра у насъ вдоволь. Хочешь, господинъ купецъ, скинемъ за волочки для твоей милости шесть рублевъ [illegible].... Какъ разъ три цѣлковыхъ выйдетъ.

Потапъ Максимычъ согласился и отдалъ деньги дядѣ Онуфрію. Тотъ поглядѣлъ бумажку на свѣтъ, показалъ ее каждому лѣснику, даже Петряйкѣ. Каждый пощупалъ бумажку, иной потеръ ее руками и посмотрѣлъ на свѣтъ.

— Чего разглядываешь? Не бойсь справская, сказалъ Потапъ Максимычъ.

— Видимъ что справская, настоящая государева, отвѣчалъ дядя Онуфрій. — А оглядѣть все-таки надо — безъ того нельзя, потому артель, надо чтобъ всѣ видѣли.... Нонѣ же этихъ проклятыхъ краснопрокъ* больно много развелось... Не поскорби, ваше степенство, не погнѣвайся.... Безъ того чтобъ бумажку не оглядѣть въ артели нельзя.

— О чемъ же вы спорили да сутырили** столько времени? сказалъ Потапъ Максимычъ, обращаясь къ артели. — Вѣдь сулилъ же я вамъ три цѣлковыхъ, объ волочкахъ и помину не было, у васъ же бы остались. Теперь тѣ же самыя деньги берете. Изъ-за чего жь мы время-то съ вами попусту теряли?

— А чтобъ обиды никому не было, рѣшилъ дядя Онуфрій.— Теперича, какъ до истиннаго конца дотолковались, оно и свято дѣло, и думы нѣтъ ни тебѣ, ни намъ, и сумнѣнья промежь насъ никакого не будетъ. А не разберись мы до послѣдней нитки, свара бы пожалуй въ артели пошла, а это ужь послѣднее дѣло.... У насъ все на согласѣ, все на порядкахъ.... Потому артель.

Потапу Максимычу не доводилось больше ничего, какъ замолчать передъ такими доводами.

— Тайную силу въ маткѣ да въ пазоряхъ знаютъ, а безтолочи середь ихъ не оберешься, сказалъ онъ полушепотомъ, наклонясь къ Стуколову.

— Табачники.... еретики!... сквозь зубы процѣдилъ паломникъ....

Потапъ Максимычъ, выйдя на середку зимницы, спросилъ, обращаясь къ артели:

— Кто жь изъ васъ лучше другихъ дорогу на Ялокшу знаетъ?

— Всѣ хорошо дорогу знаютъ, отвѣчалъ дядя Онуфрій. А вотъ Артемій, я тебѣ, ваше степенство, и давѣ сказывалъ лучше другихъ знаетъ, потому что недавно тутъ проѣзжалъ.

— Такъ пущай Артемій съ нами и поѣдетъ, рѣшилъ Потапъ Максимычъ.

— Этого нельзя, ваше степенство, отвѣчалъ тряхнувъ головой дядя Онуфрій.

---

* Въ Поволжскомъ краю фальшивыя ассигнаціи зовутъ „краснопрками", по селу Красному Яру, гдѣ много ихъ во время оно дѣлалось....

** *Сутырить, сутырничать* — спорить, вздорить, придираться, а также кляузничать. *Сутырь*—безтолковый споръ.

— Отчего же такъ? спросилъ удивленный Потапъ Максимычъ.

— Потому нельзя что артель, молвилъ, дядя Онуфрій.

— Какъ такъ?... возразилъ Потапъ Максимычъ. — Да сами же вы сказали что заплативши деньги на всѣхъ, могу я хоть цѣлую артель тащить....

— Можешь всю артель тащить.... Слово скажи—всѣ до единаго поѣдемъ, отвѣчалъ дядя Онуфрій.

— Такъ вѣдь и Артемій тутъ же будетъ? съ досадой спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Извѣстно, тутъ же будетъ, отвѣчалъ дядя Онуфрій.— Изъ артели парня не выкинешь?

— Артемья одного я и беру, а другихъ мнѣ не надо, горячился Потапъ Максимычъ.

— Этого нельзя, спокойно отвѣчалъ дядя Онуфрій.

— Почему жь нельзя?... Что̀ за безтолочь у васъ такая!.. Господи Царь Небесный!... Вотъ народецъ-то!... воскликнулъ, хлопая руками о полы, Потапъ Максимычъ.

— А отъ того и нельзя что артель, отвѣчалъ дядя Онуфрій.—Кому жеребей ладетъ, тотъ и поѣдетъ. Кусай гроши ребята.

Вынулъ каждый лѣсникъ изъ зепи * по грошу. На одномъ Захаръ накусалъ метку. Дядя Онуфрій взялъ шапку, и каждый парень кинулъ туда свой грошъ. Потрясъ старшо̀й шапкой, и лѣсники одинъ за другимъ зачали вынимать по грошу.

Кусаный грошъ достался Артемью.

— Экой ты удатной какой, господинъ купецъ, молвилъ дядя Онуфрій.—Кого облюбовалъ тотъ и достался.... Ну, ваше степенство, съ твоимъ бы счастьемъ да по грибы ходить.... Что̀ жь одного Артемья берешь, аль еще конаться ** велишь? прибавилъ онъ, обращаясь къ Потапу Максимычу.

— Лишній человѣкъ не мѣшаетъ, отвѣтилъ Потапъ Максимычъ. Въ пути всяко случиться можетъ: сани въ снѣгу загрузнутъ, аль другое что̀.

— Дѣло говоришь, замѣтилъ дядя Онуфрій, лишній человѣкъ въ пути не помѣха. Кидай ребята! примолвилъ онъ, обращаясь къ лѣсникамъ, снова принимаясь за шапку.

---

* *Зепь*—кожанная, иногда холщевая мошна привѣсная, а если носится за пазухой, то прикрѣпленная къ зипуну тесемкой иль ремешкомъ. Въ зепи держатъ деньги и паспортъ.

** *Конаться*—жеребей метать.

Жеребій выпалъ Петряю.

— Ишь ты дѣло-то какое! съ досадой молвилъ дядя Онуфрій, почесывая затылокъ. — Петряйкѣ досталось! Эко дѣло-то какое!.. Смотри же, парень, поспѣвай къ вечеру безпремѣнно, чтобы намъ безъ тебя не лечь спать голоднымъ.

Потапъ Максимычъ, посмотрѣвъ на Петряя, подумалъ что отъ подростка въ пути большаго проку не будетъ. Замѣтивъ что не только дядя Онуфрій, но вся артель недовольна тѣмъ что подсылкѣ ѣхать досталось, сказалъ, обращаясь къ лѣсникамъ:

— Коли Петряй вамъ нуженъ, пожалуй иного выбирайте, мнѣ все едино....

— Нельзя, ваше степенство, возразилъ дядя Онуфрій.—Никакъ невозможно, потому артель. Вынулся кусаный грошъ Петряйкѣ, значитъ ему и ѣхать.

— Да не все ль равно что одинъ что другой? сказалъ Потапъ Максимычъ.

— Оно конечно все едино, да ужь у насъ такіе порядки, говорилъ дядя Онуфрій. — Супротивъ нашихъ порядковъ идти нельзя, потому что ими артель держится. Я бы самъ съ великой радостью замѣсто мальца поѣхалъ, да и всякій бы за него поѣхалъ, таково онъ нуженъ намъ; только этому быть не можно, потому что жеребій ему достался.

— Ну, коли на то пошло, копайте третьяго, сказалъ Потапъ Максимычъ. — Отъ мальчугана пособи не много будетъ коли что̀ въ дорогѣ приключится.

— Третьяго бери, четвертаго бери, захочешь, всю артель за собой волочи — это твое дѣло, отвѣчалъ дядя Онуфрій. — А чтобы Петряйкѣ не ѣхать—нельзя.

— Чудаки вы, право, чудаки, молвилъ Потапъ Максимычъ.— Экіе порядки уставили!... Ну копайте живѣй.

Третьимъ ѣхать вышло самому дядѣ Онуфрію.

Но тѣмъ дѣло не кончилось: надо было теперь старшо̀го выбирать на мѣсто уѣзжавшаго Онуфрія. Тутъ ужь такой шумъ да гамъ поднялись что хоть вонъ бѣги, хоть святыхъ выноси.

— Да ты замѣсто себя кого бы нибудь самъ выбралъ, тутъ бы и дѣлу конецъ, а то галдятъ, галдятъ, а толку нѣтъ какъ нѣтъ, молвилъ Потапъ Максимычъ дядѣ Онуфрію, не принимавшему участія въ разговорѣ лѣсниковъ. Артемья и Петряя тоже тутъ не было, они ушли ладить дровешки себѣ и дядѣ Онуфрію.

— Нельзя мнѣ вступаться теперь, отвѣчалъ дядя Онуфрій.

— Отчего же?

— Оттого что на седнешній день я не въ артели. Какъ знаютъ, такъ и рѣшатъ, а мое дѣло сторона, отвѣчалъ дядя Онуфрій, одѣваясь въ путь.

Не скоро сговорились лѣсники. Снова пришлось гроши въ шапку кидать. Достался жеребій краснощекому, коренастому парню, Архиломъ звали. Только ему кусаный грошъ достался, онъ, дотолѣ стоявшій какъ нѣмой, живо началъ командовать.

— Проворь, ребята, проворь лошадей! кричалъ онъ на всю зимницу, туря лѣсниковъ.—И то гляди-ка сколько времени проваландались. Чтобъ у меня все живой рукой!... Ну!...

Лѣсники засуетились. Пяти минутъ не прошло, какъ всѣ ужъ ѣхали другъ за дружкой по узкой лѣсной тропѣ.

— Ну ужъ артель, будь они прокляты, съ досадой молвилъ Стуколову Потапъ Максимычъ, садясь въ сани.— Такой сутолочи, такой безтолочи сродясь не видывалъ.

— Извѣстно; табашники, церковники! Развѣ путнаго можно отъ нихъ ждать?... Бѣсъ мутитъ,—доступны они дьяволу, отозвался паломникъ.

— Ваше степенство! крикнулъ съ своихъ дровешекъ дядя Онуфрій, вслушавшись въ послѣдніе слова Стуколова.—Ужъ ты сдѣлай милость, языкъ-то укороти, да и прочимъ закажи. Въ лѣсахъ—поминать *его* не слѣдуетъ.

— Слышишь: не велятъ поминать, тихонько сказалъ Потапъ Максимычъ сѣвшему рядомъ съ нимъ паломнику.

— Это такъ по ихней жидовской вѣрѣ, шепталъ Стуколовъ.—Когда я по турецкимъ землямъ странствовалъ, а тамъ Жидовъ что твоя Польша, видимо не видимо, такъ я отъ достовѣрныхъ людей слыхалъ что Жиды Бога своего по-имени никогда не зовутъ, а все *онъ* да *онъ*.... Вотъ и табашники по ихнему подобію.... Едина вѣра!... Нехристь!... Вынеси только Господи поскорѣй отсель!... Не въ примѣръ лучше по вечерошнему съ волками ночевать, чѣмъ на совѣтѣ нечестивыхъ быть. Паче змія губительнаго, паче льва стрегущаго и гласомъ веліимъ рыкающа, страшны сѣдалища злочестивыхъ, сказалъ въ заключеніе паломникъ и съ головой завернулся въ шубу.

XX.

„Такъ вотъ она какова артель-то у нихъ“, разсуждалъ самъ съ собою Потапъ Максимычъ, лежа въ саняхъ рядомъ съ па-

ломичкомъ. „Промежь себя дѣло честно ведутъ, а попадись сторонній, какъ липку обдерутъ.... Ай да лѣсники. А ужь безтолочи-то, галдѣнья-то что!... Съ часъ мѣста по пусту провагандали, а кончили тѣмъ же, чѣмъ я зачалъ.... Правду говорятъ что артели думой не владати.... На работѣ артель золото, а на сходкѣ хуже кабацкой сумятицы....“

Дорога шла узенькая, легкія дровешки лѣсниковъ бойко катились впереди, но запряженныя гусемъ пошевни то-и-дѣло завязали промежь раскидистыхъ еловыхъ лапъ, какъ бѣлымъ руномъ покрытыхъ пушистымъ снѣгомъ. Въ иныхъ мѣстахъ приходилось ихъ прорубать чтобъ сдѣлать просѣку для проѣзда. Не догадайся Потапъ Максимычъ покинуть лѣсникамъ высокіе волочкù, пошевнямъ никакъ бы не проѣхать по густоразросшемуся краснолѣсью. Да умно и то сдѣлалъ что проводниковъ нанялъ. Лѣсная дорога сначала шла одна; но не успѣли и полверсты проѣхать, какъ пошли отъ нея и вправо, и влѣво частые поверты и такія же узенькія тропы, какъ сама дорога. По этимъ тропамъ лѣсники бревна изъ чащи вывозятъ къ сплаву. Безъ вожака небывалый какъ разъ запутался бы между ними и лыжными мàликами, * которыхъ съ разу и не различишь отъ санняго слѣда. А попробуй-ка пустись по мàлику, такъ и наткнешься либо на медвѣжью берлогу, либо на путикъ ставленный для лосинаго лова. **

Доѣхавъ до своей повертки, передніе лѣсники стали. За ними остановился и весь поѣздъ. Собралась артель въ кучу, опять голдовня зачалась.... Судили, рядили не лучше ль вожакамъ одну только подводу съ собой брать, а двѣ отдать артели на перевозку бревенъ. Поспорили, покричали, наконецъ рѣшили—быть дѣлу такъ.

Своротили лѣсники. Долго они аукались и перекликались съ Архиномъ и Петряемъ. Впереди Потапа Максимыча ѣхалъ на дровешкахъ дядя Онуфрій, Петряй присосѣдился къ храпѣвшему во всю ивановскую Дюкову, а Артемій примостился на облучкѣ пошевней въ которыхъ лежалъ Потапъ Ма-

---

* Мáликъ—слѣдъ оставшійся на снѣгу отъ лыжъ.

** Путикъ—прямая длинная городьба изъ пряселъ. По обоимъ концамъ путика вырываютъ ямы и прикрываютъ ихъ хворостомъ либо еловыми лапами. Лось или олень, подойдя къ путику, никогда не перескочитъ черезъ него, но непремѣнно пойдетъ вдоль, ища проходу. Такимъ образомъ звѣрь и попадаетъ въ яму.

ксимычъ, и спалъ повидимому богатырскимъ сномъ паломникъ Стуколовъ.

— Эка, парень, безтолочь-то какая у васъ, заговорилъ съ Артемьемъ Потапъ Максимычъ. — Неужель завсегда такъ бываетъ?

— Артель! молвилъ Артемій. — Безъ того нельзя чтобъ не погалдѣть.... Сколько головъ, столько умовъ.... Да еще каждый норовитъ по-своему. Какъ же не галдѣть?

— Да вы бы одному дали волю всякое дѣло рѣшать, вотъ хоть бы старшому.

— Нельзя того, господинъ купецъ, отвѣчалъ Артемій.— Другимъ обидно станетъ. Вѣдь это пожалуй на ту же стать пойдетъ какъ по другимъ мѣстамъ гдѣ на хозяевъ изъ-за ряженной платы работаютъ....

— Ну да, отвѣтилъ Потапъ Максимычъ.—Толку тутъ больше бы было.

— Обидно этакъ-то, господинъ купецъ, отвѣчалъ Артемій.— Пожалуй хоть нашего бы дядю Онуфрія къ примѣру взять.... Такого артельнаго хозяина и днемъ съ огнемъ не сыскать.... Обо всемъ старанье держитъ, обо всякой малости печется, душа человѣкъ: прямой, правдивый и по всему надежный. А дай-ка ты ему волю, тотчасъ величаться зачнетъ, потому—человѣкъ, а не ангелъ. Да хоша и по правдѣ поступать станетъ, все ужь ему вѣры не будетъ и слушаться его какъ теперь никто не станетъ. Нельзя, артель суймомъ держится.

— А въ деревнѣ какъ у васъ? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Въ деревнѣ свои порядки, артель только въ лѣсахъ, отвѣчалъ Артемій.

— Какъ же у васъ собирается она? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Извѣстно какъ. Придетъ осень, зачнемъ сговариваться какъ лѣсовать зимой, какъ артель собирать. Соберется десять либо двадцать топоровъ,—больше не бываетъ. Наберутся скоро, потому что всякому надо лѣсовать, безъ того деньгу не добудешь.... Ну соберутся, зачнутъ другъ у друга спрашивать кому въ хозяевахъ сидѣть. Одинъ на того мекаетъ, другой на другаго.... Такъ и толкуемъ день, два, ину пору и въ недѣлю не сговоримся.... Тутъ-то вотъ галдѣнья-то послушалъ бы ты. Тогда вѣдь вино да хмѣльное сусло льютъ, народъ-то въ задорѣ рѣдко безъ драки обойдется.... Наконецъ положатъ: идти кланяться къ такому-то — вотъ хоть бы къ дядѣ Онуфрію.

Ну и пойдемъ, придемъ въ избу, а онъ сидитъ, ровно ничего не знаетъ: „Что̀, говоритъ, скажете ребятушки? Какая вамъ отъ меня треба?“ А мы ему въ отвѣтъ: такъ молъ и такъ, столько-то насъ человѣкъ въ артель собралось, будь у насъ за хозяина. Тотъ, извѣстно дѣло, ломаться зачнетъ, безъ этого ужь нельзя: „и ума-то, говоритъ, у меня на такое дѣло не хватитъ, и старъ-то я сталъ, и топоръ у меня изъ рукъ валится“, ну и все такое. А мы стоимъ да кланяемся, покамѣсть не уломаемъ его. Какъ согласится, тотчасъ складчину по рублю аль по два: значитъ у лѣсничаго билеты править да поленныя платить. А которы на купцовъ работаютъ тѣ посылаютъ старшо̀го въ Лысково рядиться. Это ужь его дѣло. Оттого и выбираютъ человѣка ловкаго, бывалаго, чтобъ въ городѣ не запропалъ и чтобъ въ Лысковѣ купцы его не больно обошли, потому что эти лѣсные промышленники народъ дошлый, всячески норовятъ половчѣй нашего брата огрѣть.. Ну выправитъ старшой билеты, намъ отводное мѣсто укажутъ. Тутъ, собравшись, ждемъ и первопутки. Какъ только снѣгъ выпадетъ, мы въ лѣсъ.... Тутъ артель и зачинается.... Какъ выѣхали изъ деревни за околицу, старшо̀й и сталъ всему дѣлу голова: что̀ велитъ то и дѣлай. А коли стороннее какое дѣло подойдетъ, вотъ хоть бы ваше, тутъ ужь онъ не при чемъ, тутъ ужь артель что̀ хочетъ то и дѣлаетъ.

— А разчеты когда? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Послѣ Евдокіи-Плющихи, какъ домой воротимся, отвѣчалъ Артемій.—У хозяина кажда малость на счету.... Оттого и выбираемъ грамотнаго, чтобъ умѣлъ счетъ записать.... Да вотъ бѣда—грамотныхъ-то маловато у насъ, зачасто и такого выбираемъ чтобы по крайности бирки умѣлъ хорошо рѣзать. По этимъ биркамъ, аль по запискамъ и живетъ у насъ разчетъ. Сколько кто харчей изъ дома за зиму привезъ, сколько кто овса на лошадей, другаго прочаго—все въ цѣну ставимъ. Получимъ заработки, дѣлимъ поровну. На Страшной и деньги по рукамъ.

— А безъ артелей въ лѣсахъ работаютъ? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Мало, отвѣчалъ Артемій. — Тамъ ужь не такая работа. Почитай и выгоды никакой нѣтъ.... Какъ можно съ артелью сравнять! Въ артели всѣмъ лучше: и сытнѣй, и теплѣй, и прибыльнѣй. Опять же завсегда на̀-людяхъ.... Артелью лѣсовать

не въ примѣръ веселѣй, чѣмъ бродить одиночкой аль въ двой-никахъ.

— А въ лѣтнюю пору въ лѣсъ ходите? спросилъ Потапъ Ма-ксимычъ.

— Какъ не ходить? И лѣтомъ ходимъ, отвѣчалъ Артемій.— Вдаль однако не пускаемся, все больше по раменямъ.... Бере-сту деремъ, лубъ. Да это ужь иная работа, тутъ жизнь бѣд-вая, комары одолѣваютъ.

— Самъ-то ты ходишь по лѣтамъ? спросилъ Потапъ Ма-ксимычъ.

— Я-то? Какъ же? Иной годъ въ лѣса хожу, а иной на п-тахъ до Астрахани и на самое Каспійское море сплываю. Че-ге́нь туда да дрючки гоняемъ.... А въ лѣса больше на рябка да на тетерю хожу.... Ружьецо есть у меня немудрящее, грѣш-нымъ дѣломъ похлопываю. Только по нынѣшнимъ годамъ эту охоту бросать приходится: порохъ вздорожалъ, а дичины ста-ло меньше. Вотъ въ осилье да въ пленку * птицу ловить еще туда сюда.... Такъ и тутъ отъ звѣрья большая обида бываетъ: придешь, силки спущены, а отъ рябковъ только перышки остались, подлая лиса либо куница прежде тебя ихъ успѣла убрать.... Нѣтъ, кака нонѣ охота!... Само послѣднее дѣло!... А то ходятъ еще лѣтней порой въ лѣса золото копать, приба-вилъ Артемій.

— Какъ золото?... быстро привскочивъ въ саняхъ спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Такъ же.... Золота да серебра по нашимъ лѣсамъ много лежитъ, отвѣчалъ Артемій. — Записи такія есть гдѣ клад искать.... Хаживалъ и я.

— Что́ же? съ нетерпѣньемъ спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Не дается, отвѣчалъ Артемій.

— Какъ не дается?

— Такъ же и не дается. Сло́ва такого не знаю.... Вѣщбы** не знаю, отвѣчалъ Артемій.

— Да ты про что́ сказываешь? Говори толковѣй, молвилъ Потапъ Максимычъ.

---

* *Осилье*, затяжной узелъ, куда птица попадаетъ ногой. *Пленка* то же, но узелъ дѣлается изъ свитаго вдвое или втрое конскаго во-лоса. Осилья или пленки ставятся по одной на колышкахъ либо на лубочкѣ, на который посыпается приманка.

** Вѣщба̀—тайное слово и тайный обрядъ употребляемые при за-говорахъ, рытьѣ кладовъ, ворожбѣ и т. п.

— Про клады говорю, отвѣчалъ Артемій.—По нашимъ лѣсамъ кладовъ много зарыто. Издалека люди приходятъ клады копать....

— Клады!... проговорилъ Потапъ Максимычъ и спокойно развалился на перинѣ, разостланной въ саняхъ.

— Ну, разказывай какіе у васъ тутъ клады, черезъ нѣсколько времени сказалъ онъ, обращаясь къ Артемью.

— Всякіе клады тутъ лежатъ, отвѣчалъ Артемій.

— Какъ же такъ? спросилъ Потапъ Максимычъ. — Развѣ клады розные бываютъ?

— А какъ же? отвѣчалъ Артемій.—Есть клады самимъ Господомъ положонные—тѣ даются человѣку кого Богъ благословитъ.... А гдѣ, въ которомъ мѣстѣ тѣ Божьи клады положены никому невѣдомо. Кому Господь захочетъ богатство даровать тому тайну свою и открываетъ.... А иные клады людьми положены и къ нимъ приставлена темная сила. Объ этихъ кладахъ записи есть: тамъ прописано гдѣ кладъ зарытъ, какимъ видомъ является и съ какимъ зарокомъ положонъ.... Эти клады страшные....

— Отчего? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— На нихъ кровь, отвѣчалъ Артемій.—Съ бою то богатство было брато, кровью омыто, много душъ христіанскихъ за ту казну въ стары годы было загублено.

— Когда жь это было? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Давно.... сказалъ Артемій. — Еще въ тѣ поры какъ купцами да боярами посконна рубаха владала.

— Когда жь это было? При царѣ Горохѣ, какъ грузди съ опенками воевали?... смѣялся Потапъ Максимычъ.

— Въ казачьи времена, степенно отвѣтилъ Артемій.

— Чтò за казачьи времена такія? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Развѣ не слыхивалъ? сказалъ Артемій.—Вѣдь въ стары годы по всей Волгѣ народъ казачилъ.... Было время, господинъ купецъ, было золотое времечко, да по грѣхамъ нашимъ миновало.... Сѣрые люди жили на всей вольной волюшкѣ, сладко ѣли, пьяно пили, цвѣтнò платье носили—житье было раздалое, развеселое.... Вонъ теперь по Волгѣ пароходы взадъ и впередъ снуютъ, ладьи да барки ходятъ, плоты плывутъ.... Чьи пароходы, чьи плоты да барки? Купецкіе все. Завладали ваша братья купцы Волгой-матушкой.... А въ стары казачьи

годы не купецкіе люди волжскимъ раздольемъ владали, а на-ша братья, голытьба.

— Что̀ ты за чуху несешь? молвилъ Потапъ Максимычъ.— Никогда не бывало чтобъ Волга у голытьбы въ рукахъ была.

— Была, господинъ купецъ. Не спорь — правду сказываю, отвѣчалъ Артемій.

— Стара баба съ похмѣлья на печкѣ валялась, да во снѣ твою правду видѣла, а ты зря тѣ бабьи сказки и мелешь, сказалъ, усмѣхаясь, Потапъ Максимычъ.

— Вранью да небылицамъ короткій вѣкъ, а эта правда отъ старинныхъ людей до насъ дошла. Отцы, дѣды про нее намъ сказывали и пѣсни такія поются у насъ.... Значитъ правда истинная.

— Мало ль что̀ въ пѣсняхъ поютъ? Можно развѣ деревенской пѣсни вѣру дать? молвилъ Потапъ Максимычъ.

— Можно, господинъ купецъ, потому что: „сказка складка, пѣсня—быль“, отвѣтилъ Артемій. — А ты слушай что̀ я про здѣшнюю старину стану тебѣ разказывать: занятное дѣло, коли не знаешь.

— Ну, говори, разказывай, молвилъ Потапъ Максимычъ.— Съ молоду я охотникъ до сказокъ бывалъ.... На досугѣ отчего и на старости лѣтъ не послушать вашихъ розказней.

— Голытьба въ стары годы по нашимъ лѣсамъ жила, голытьба жила и промежъ полей, началъ Артемій. — Кормиться стало нечѣмъ: хлѣба недороды, подати большія, отъ бояръ да отъ приказныхъ людей утѣсненье.... Хоть въ землю зарывайся, хоть заживо въ гробъ ложись.... И побѣжала голытьба врозь, и стала она вольными казаками.... Тутъ и зачинались казачьи времена.... Котора голытьба на Украйну пошла — та Ляховъ да бусурмановъ побивала, свою казацкую кровь за Христову вѣру проливала.... Котора голытьба въ Сибирь махнула — та сибирскія мѣста полонила и великому государю Сибирскимъ царствомъ поклонилась.... А на Волгу на матушку посылала что̀ ни на есть сама послѣдня голытьба. На своей-то сторонѣ у ней не было ни кола ни двора, ни угла ни притулья, * одно только и оставалось за душой богачество: на-

* Притулъ или притулье — пріютъ, убѣжище, кровъ; происходитъ отъ глагола „притулять“, имѣющаго три значенія: прислонить или приставить, прикрыть и пріютить.

готы, да босоты изувѣшаны шесты, холоду да голоду анбары полны.... Вотъ, ладно, хорошо—высыпала та голытьба на Волгу и назвалась казаками.... Атаманы да есаулы снаряжали легки лодочки косныя и на тѣхъ на лодочкахъ пошли по матушкѣ по Волгѣ разгуливать.... Не попадай на встрѣчу суда купецкія, не попадайся бояре да приказные: людей въ воду, казну на себя!... Весломъ махнутъ—корабли возьмутъ, кистенемъ махнутъ—караванъ разобьютъ.... Вотъ каковы удальцы были казаки поволжскіе....

—Это ты про разбойниковъ? молвилъ Потапъ Максимычъ.

—По вашему разбойники, по нашему есаулы молодцы да вольные казаки, бойко отвѣтилъ Артемій, съ удальствомъ тряхнувъ головой и сверкнувъ черными глазами.—Спѣть что ли, господинъ купецъ? Словами не разкажешь.
спросилъ Артемій.

—Пой пожалуй, сказалъ Потапъ Максимычъ.

Запѣлъ Артемій одну изъ Разинскихъ пѣсенъ, которыхъ такъ много сохраняется въ Поволжьи:

Какъ повыше было села Лыскова,
Что пониже было села Юркина,
Супротивъ села Богомолова:
Въ луговой было сторонушкѣ,
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая омутистая,
Омутистая Лѣва Керженка. *

—Наша рѣченька голубушка! съ любовью примолвилъ Артемій, перервавъ пѣсню.—Въ стары годы и наша Лѣва Керженка славной рѣкой слыла, суда по ней ходили, косныя плавали.... Въ казачьи времена атаманы, да есаулы въ нашу родную рѣченьку зимовать заходили, тутъ они и дуванъ дуванили, нажитое на Волгѣ добро, значитъ, дѣлили.... А теперь и званья нашей рѣки не стало: завалило ее голубушку кор-

---

* Юркино, Богомолово, Лысково—села на правомъ, возвышенномъ берегу Волги. Противъ нихъ впадаетъ въ Волгу съ лѣвой стороны Керженецъ. Эту рѣку Керженецъ мѣстные жители иногда зовутъ „Лѣвой Керженкой“ то-есть впадающей въ Волгу съ лѣвой стороны. Въ пѣсняхъ тоже придается ей названье лѣвой. Замѣчательно что по-мордовски *кéрже*, *кéрженъ* значитъ лѣвый. Въ глубокую старину во всемъ Поволжьѣ отъ Оки до Суры жила Мордва. Отъ нихъ и пошло названіе Кéрженца.

ша́ми, занесло ее замоинами, ** пошли по ней мели да перекаты.... Такъ и пропала прежняя слава Керженца.

Громче прежняго свистнулъ Артемій, и тряхнувъ головой запѣлъ:

Выплывала легка лодочка,
Легка лодочка атаманская,
Атамана Стеньки Разина.
Еще всѣмъ лодка изукрашена,
Казаками изусажена,
На ней па̀русы шелко̀вые,
А весёлки позолочены.
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
На носу стоитъ есаулъ съ багромъ,
Посередь лодки парчево̀й шатеръ.
Какъ во томъ ли парчево̀мъ шатрѣ,
Лежитъ въ бочкахъ золота казна.
На казнѣ сидитъ красна дѣвица—
Атаманова полюбовница,
Есаулова сестра ро́дная,
Казакамъ-гребцамъ—тетушка.
Сидитъ дѣвка призадумалась,
Посидѣвши стала сказывать:
„Вы послушайте, добры молодцы,
Вы послушайте, милы племянники,
Ужь какъ мнѣ младой мало спа́лося,
Мало спа́лося, много видѣлось,
Не корыстенъ же мнѣ сонъ привидѣлся:
Атаману-то быть разстрѣлену,
Есаулу-то быть повѣшену,
Казакамъ-гребцамъ по тюрьмамъ сидѣть,
А мнѣ вашей ро́дной тетушкѣ
Потонуть въ Волгѣ-матушкѣ.“

— Вишь и дѣвки въ тѣ поры пророчили! сказалъ Артемій, оборотясь къ Потапу Максимычу. — Атаманова полюбовница вѣщій сонъ провидѣла.... Вѣщая дѣвка была.... Сказываютъ Соломонидой ее звали, а родомъ была отъ Стараго Макарья, купецкая дочь.... И все сбылось по ея слову, какъ видѣла во снѣ, такъ все и сталось.... Съ ней самой атаманъ тутъ же порѣшилъ — матушкѣ-Волгѣ ее пожертвовалъ. „Тридцать лѣтъ, говоритъ, съ годикомъ гулялъ я по Волгѣ-матушкѣ, тридцать

** Замоина—лежащее въ руслѣ подъ пескомъ затонувшее дерево; корша, или корча то же самое, но поверхъ песку.

лѣтъ съ годикомъ тѣшилъ свою душу молодецкую, а ничѣмъ еще поилицу нашу кормилицу я не жаловалъ. Не пожалую, говоритъ, ни казной золотой, ни дорогимъ перекатнымъ жемчугомъ, а пожалую тѣмъ чего въ свѣтѣ краше нѣтъ, что̀ намъ, есаулы-молодцы, дороже всего." Да съ этимъ словомъ какъ хватитъ Соломониду поперекъ живота, да какъ метнетъ ее со всего розмаху въ Волгу-матушку.... Вотъ каковъ былъ удалой атаманъ Стенька Разинъ, по прозванью Тимоѳеевичъ!...

— Разбойникъ, такъ разбойникъ и есть, сухо проговорилъ Патапъ Максимычъ.—Задаромъ христіанскую душу погубилъ.... Изъ озорства одного да изъ непутной похвальбы.... Какъ есть разбойникъ—не даромъ его на семи соборахъ прокляли....

Тутъ пошевни заѣхали въ такую чащу, что ни въ бокъ, ни впередъ. Мигомъ выскочили лѣсники и работники и въ пять топоровъ стали тяпать еловые сучья и лапы. Съ полчаса провозились покамѣстъ не прорубили свободной просѣки. Артемій опять присѣлъ на облучкѣ саней Патапа Максимыча.

— А что̀ жь ты про клады то хотѣлъ разказать? молвилъ ему Патапъ Максимычъ. — Заговорилъ про Стеньку Разина, да видно и забылъ.

— Про клады-то! отозвался Артемій. — А вотъ слушай.... Когда голытьба Волгой владала, атаманы съ есаулами каждо лѣто на косныхъ разъѣзжали, боярскія да купецкія суда очищали. И не только они суда грабили, доставалось городамъ и большимъ селамъ, деревень только да приселковъ не трогали, потому что тамъ голытьба свой вѣкъ коротала. Церквамъ Божьимъ да монастырямъ тоже спуску не было: не любили есаулы этихъ монаховъ, особенно „посельскихъ старцовъ", которы монастырскими крестьянами правили... Вотъ нашъ Макарьевъ монастырь, сказываютъ, отъ нихъ отборонился; брали его огненнымъ боемъ, да крѣпокъ — устоялъ.... Ну, вотъ есаулы-молодцы лѣто по Волгѣ погуляютъ, а осенью на Керженецъ въ лѣса зимовать. И теперь по здѣшнимъ мѣстамъ ихнія землянки знать.... Такія же были какъ наши. Въ этихъ самыхъ зимницахъ, а не то въ лѣсу на примѣтномъ мѣстѣ нажитое добро они въ землю и закалывали. Отъ того и клады.

— Гдѣ жь эти землянки? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да по разнымъ мѣстамъ, отвѣчалъ Артемій. Много ихъ тутъ по лѣсамъ-то. Вонъ хоть между Дорогучей да Першей* два дикіе камня изъ земли торчатъ, поболѣ, да поменѣ... оба съ виду на лошадей похожи. Такъ и зовутъ ихъ Ко… да Жеребенокъ. Промежъ тѣхъ камней, казацкія зимницы были, тутъ и клады зарыты. А то еще озера тутъ по лѣсамъ есть, Нестіаръ да Култаи, да Пекшеяръ прозываются, вокругъ нихъ тоже казацкія зимницы и клады въ нихъ зарыты. И по Ялокшѣ тоже, и по нашей лыковской рѣчонкѣ, Вишней прозывается. Между Конемъ и Жеребенкомъ большая зимница была, срубы до сей поры знать.... Грѣшнымъ дѣломъ, и я тутъ копался.

— Что жь, дорылся до чего-нибудь? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Гдѣ дорыться!... Есаулы-то вѣдь съ зарокомъ казну хоронили, отвѣчалъ Артемій.—Надо слово знать, вѣщбу такую... Кто эту вѣщбу знаетъ, только молви ее, кладъ самъ выйдетъ наружу.... А въ этомъ мѣстѣ кладъ-отъ важный положенъ. Еслибы достался, внукамъ, правнукамъ не прожить.... Двѣнадцать бочекъ золотой казны на серебряныхъ цѣпяхъ висятъ да кромѣ того золотая пушка.

— Какъ золотая пушка? съ удивленіемъ спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Такъ же золотая, изъ чистаго золота лита... И ядра при ней золотыя лежатъ, и жеребьи золотые, которыми Стенька Разинъ по бусурманамъ стрѣлялъ.... Вѣдь онъ Персіянское царство заполонилъ. Ты это слыхалъ ли?

— Нестаточное дѣло, вору царство полонить, молвилъ Потапъ Максимычъ.

— Вѣрно тебѣ говорю, рѣшительно сказалъ Артемій.— Кого хошь спрошай, всякъ тебѣ скажетъ. Видишь ли какъ дѣло было. Волга-матушка, въ Каспійское море пала, самъ я на то море не разъ съ чегенникомъ да съ дрючками хаживалъ. По сю сторону того моря сторона русская, крещеная, по ту бусурманская, персіянская. Услыхалъ Стенька Разинъ что за моремъ у бусурмановъ много тысячей крещенаго народа въ полону живетъ. Собираетъ онъ казачій кругъ, говоритъ казакамъ такую рѣчь: „Такъ и такъ, атаманы-молодцы, такъ и

---

* Лѣсныя рѣки владающія въ Ветлугу.

такъ, братцы-товарищи: пали до меня слухи что за моремъ у Персіяновъ много тысячей крещенаго народу полонено, живутъ въ тяжкой работѣ, въ великой нуждѣ и въ горькой неволѣ; надо бы намъ, братцы, не полѣниться, за море съѣздить потрудиться, ихъ сердечныхъ изъ той неволи выручить!" Есаулы-казаки на то слово въ одинъ голосъ гаркнули: „Веди насъ, батька, въ бусурманское царство, русскій полонъ выручать!..." Стенька Разинъ радъ тому радешенекъ, а самъ первымъ дѣломъ къ колдуну. Спрашиваетъ какъ ему русскій полонъ изъ бусурманской неволи выручить. Колдунъ ему и говоритъ: „За великое ты дѣло, Стенька, принимаешься; бусурманское царство осилить не мутовку облизать. Одной силой-храбростью тутъ не возьмешь, вѣщбу́ надо знать...."—„А какая же на то вѣщба́ есть?" спросилъ у колдуна Стенька Разинъ. Тотъ ему тайное слово сказалъ, да примолвилъ: „И съ вѣщбой не уѣдешь далеко, а вылей ты золотую пушку, къ ней золотыя ядра да золотые жеребья, да чтобъ золото было все церковное, а и лучше того монастырское.... И какъ станешь палить, вѣщбу́ говори, тутъ и заберешь въ свои руки царство бусурманское." Стенька Разинъ такъ все и сдѣлалъ какъ ему колдуномъ было приказано.

— Что̀ жь потомъ? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Извѣстно что̀, отвѣчалъ Артемій.—Зачалъ изъ золотой пушки палить да вѣщбу́ говорить—бусурманское царство ему и покорилось. Молодцы есаулы весь крещеный полонъ на Русь вывезли, а всякаго добра бусурманскаго столько набрали что и положить въ лодкахъ было некуда: въ воду много пометали. Самого царя бусурманскаго Стенька Разинъ на колъ посадилъ, а дочь его царевну въ полюбовницы взялъ. Дошлый казакъ былъ....

— Эту самую пушку ты и копалъ? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Эту самую, сказалъ Артемій.—Когда атаманъ воротился на Русскую землю, привезъ онъ ту пушку съ жеребьями да съ ядрами въ наши лѣса Керженецкіе и зарылъ ее въ большой зимницѣ промежъ Коня и Жеребенка. Записи такія есть.

— Какъ же это до̀ сихъ поръ никто той пушки не вынулъ? Вѣдь всѣ знаютъ въ какомъ мѣстѣ она закопана? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Экой ты, господинъ купецъ! отвѣчалъ Артемій. — Мало

знать гдѣ кладъ положенъ, надо знать какъ его взять... Да какъ и владать-то имъ тоже надо знать....

— А какъ же кладомъ владать надо когда его вироешь? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Это дѣло мудренѣй чѣмъ кладъ достать, отвѣчалъ Артемій. — Сколько ни было счастливыхъ которымъ клады доставались, всѣмъ почитай богатство не въ пользу пошло: тотъ сгорѣлъ, другой всѣхъ дѣтей перехоронилъ, третій самъ прогорѣлъ и съ кругу спился, а иной до палачовыхъ рукъ дошелъ.... Прахомъ больше такія деньги идутъ.... Врагъ счастливаго человѣка что кладъ вынулъ день и ночь караулитъ и на всякое худое дѣло наталкиваетъ.... Знамо хочется окаянному душой его завладѣть, чтобы душой своей расплатился за богатство. Потому какъ только кладъ ты вырылъ, позови поповъ молебенъ отпѣть, на церкву Божію вклады не пожалѣй, бѣднымъ половину денегъ раздай, и какого человѣка въ нуждѣ ни встрѣтишь, всякому помоги. Коли такъ поступишь—недобрая сила тебя не коснется, а богатство твое какъ вешняя вода на поёмахъ каждый день, кажду ночь прибывать зачнетъ. Сколько денегъ нищимъ ни раздашь, а ихъ какъ снѣгу въ степи, къ тебѣ въ домъ нанесетъ. Такъ и въ записяхъ старинныхъ написано: „А вынутый кладъ въ прокъ бы пошелъ, ино церковь Божью не забыть, нищей братьѣ расточить, вдову—сироту призрѣть, страннаго удоволить, алчнаго напитать, хладнаго обогрѣть." Такъ и про золоту пушку писано. * Хоша бы тотъ кладъ и лихимъ человѣкомъ былъ положенъ на чью голову — заклятье его не подѣйствуетъ, и вынутый кладъ вмѣнится тебѣ за кладъ самимъ Богомъ на счастье твое положенный.

— Развѣ Богъ кладетъ клады? съ усмѣшкой молвилъ Потапъ Максимычъ.—Экъ что̀ городишь!

— Какъ же не зарывать? возразилъ Артемій.—Зарываетъ!... Господь въ землю и золото и серебро и всякіе дорогіе камни тайной силой своей зарываетъ. То и есть Божій кладъ.... Золото вѣдь изъ земли роютъ же—а кто его туда положилъ?... Вѣстимо Богъ.

Потапъ Максимычъ насторожилъ уши, не перебивая Артемьева разказа. Привсталъ онъ съ перины, и склонивъ голову къ Артемью, ухватился руками за облучекъ, на которомъ тотъ сидѣлъ.

---

* Взято буквально изъ записи кладовъ.

— Когда Господь поволитъ мать сыру землю наградить, продолжалъ Артемій,—пошлетъ онъ ангела небеснаго на солнце и велитъ ему иверень * отъ солнца отщербить ** и вложить его въ громовую тучу..... И Господнею силой тотъ солнечный иверень разольется въ тучѣ чистымъ золотомъ. И по Божьему велѣнью пойдетъ та туча надъ землею и въ молоньяхъ золото на землю посылаетъ. Какъ только та молонья ударитъ, такъ золото и польется на землю и въ ней пескомъ разсыплется.... Это и есть Божій кладъ.... А серебро ангелъ господень съ яснаго мѣсяца беретъ, а камни самоцвѣтные со звѣздъ небесныхъ.... Вотъ каково чудна сила Божія...

— Да вѣдь грозы-то вездѣ бываютъ, — отчего жь не вездѣ роютъ золото? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Не во всяку тучу Богомъ золото кладется, отвѣтилъ Артемій,— а только въ ту въ котору Его святой волѣ угодно. Въ обиходной молоньѣ не золото, не серебро, а стрѣлка громовая кладется.... Видалъ что ли? Еще въ пескѣ находятъ, воду съ той стрѣлки пьютъ отъ боли въ животѣ... А въ солнечной тучѣ стрѣлки нѣтъ, только золото разсыпчатое. Вѣдь молонья молоньѣ рознь. Солнечная молонья разсыпается по небу ровно огненными волосами, бьетъ по землѣ не шибко, а точно какъ манна небесная сходитъ, и громъ отъ нея совсѣмъ другой... Тутъ не громъ гремитъ, а Господни ангелы Божью славу воспѣваютъ....

— А можно ль узнать такое мѣсто гдѣ золотая молонья пала, сказалъ Потапъ Максимычъ.

При этомъ вопросѣ спавшій Стуколовъ потянулся и раскрывъ воротникъ шубы, захрапѣлъ пуще прежняго.

— Господь да ангелы небесные только знаютъ гдѣ она выпала. И люди, которымъ Богъ благословитъ, находятъ такія мѣста. По тѣмъ мѣстамъ и роютъ золото, отвѣчалъ Артемій. — Въ Сибири много такихъ мѣстовъ....

— А ты нешто бывалъ въ Сибири то? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Самому быть не доводилось, отвѣчалъ Артемій,—а слыхать слыхалъ: у одного изъ нашихъ деревенскихъ сродники

* Иверень — осколокъ, черепокъ, небольшая отбитая часть отъ какой-нибудь вещи.

** Отщербить — отбить, отломить, говоря о посудѣ и вообще о хрупкой вещи.

на горахъ живутъ, * наши шабры ** дѣвку оттоль брали. Каждый годъ они ходятъ въ Сибирь на золотые пріиски, такъ они сказывали что золото тамъ въ лѣсахъ только находятъ. Повсюду на всемъ бѣломъ свѣтѣ оно только въ лѣсахъ.

— Въ лѣсахъ? переспросилъ Потапъ Максимычъ.

— Въ лѣсахъ, подтвердилъ Артемій.—Никогда Господь солнечную молонью близко отъ жила не пуститъ.... Людей Ему жалко, чтобъ ихъ не загубить?

— Чѣмъ же загубить? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— А какъ же? молвилъ Артемій.—Вѣдь солнечна молонья не простой чета. Хлыщетъ не шибко, а которо мѣсто падетъ, верстъ на десятокъ кругомъ живой души не остается...

— Отчего жь такъ? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— У Бога спроси!... Его тайна,—намъ грѣшнымъ разумѣть ее не дано?... отвѣчалъ Артемій.—Грозна вѣдь тайная-то сила Божья.

— А по здѣшнимъ лѣсамъ такая молонья выпадала? спросилъ послѣ нѣкотораго молчанья Потапъ Максимычъ.

Паломникъ опять шевельнулся во снѣ.

— По нашимъ мѣстамъ не слыхать, отозвался Артемій.—А тамъ на сиверъ, въ Ветлужскихъ верхотинахъ, сказываютъ, бывало Божье проявленье. Хвастать не стану, самъ не видалъ, а слыхалъ что по тамошнимъ лѣсамъ Божьихъ кладовъ довольно лежитъ.

— И золотой песокъ? торопливо спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Есть и пески золотые, отвѣчалъ Артемій.

— Которо мѣсто? съ нетерпѣніемъ спросилъ Потапъ Максимычъ.

Спавшій Стуколовъ вздрогнулъ и пересталъ всхрапывать...

— Доподлинно сказать тебѣ не могу, потому что тамошнихъ лѣсовъ хорошо не знаю, сказалъ Артемій.—Всего раза два въ ту сторону ѣздилъ, и то дальше Уреня не бывалъ. Доѣдешь, Богъ дастъ, спрошай тамъ у мужиковъ — скажутъ.

— Донесъ Богъ!... Вотъ и зимнякъ!... Ялокша!... крикнулъ дядя Онуфрій, сворачивая въ сторону, чтобы дать дорогу лошевнямъ.

На разставаньи Потапъ Максимычъ за сказки, за пѣсни,

* То-есть на правой сторонѣ Волги.

** Сосѣди.

а больше за добрыя вѣсти, хотѣлъ подарить Артемью цѣлковый. Тотъ не взялъ.

— Спасибо на ласкѣ, господинъ купецъ, молвилъ онъ, — а денегъ твоихъ не возьму.

— Экой парень, чудной ты какой, говорилъ ему Потапъ Максимычъ.—Бери коли даютъ.—На дорогѣ не поднимешь, пригодится.

— Какъ не пригодиться? сказалъ Артемій. — Только брать твои деньги мнѣ не приходится, потому артель....

— Нельзя Артемью съ тебя малую росинку взять, подтвердилъ дядя Онуфрій.—Онъ въ артели.

— Ну на артель примите, сказалъ Потапъ Максимычъ.

— Артель лишку не беретъ, сказалъ дядя Онуфрій, отстраняя руку Потапа Максимыча. — Что̀ слѣдовало взято—лишняго не надо.... Счастливо оставаться, ваше степенство!... Путь вамъ чистый, дорога скатертью!... Да вотъ что̀ еще я скажу тебѣ, господинъ купецъ, послушай ты меня старика: пока лѣсами ѣдешь, не говори чернаго слова. Въ степи какъ хочешь, а въ лѣсу *его* не поминай. До бѣды недалече.... Даромъ что зима теперь, что вся темная сила спитъ подъ землей...

Распрощались. Пошевни взяли въ право по Ялокшинскому зимняку, и наши путники еще засвѣтло добрались до Верхняго Воскресенья.

XXI.

На постояломъ дворѣ, на одной изъ широкихъ улицъ большаго, торговаго села Воскресенскаго̀, въ задней, чисто-прибранной горенкѣ за огромнымъ самоваромъ сидѣли наши путники: Потапъ Максимычъ съ паломникомъ и молчаливымъ купцомъ Дюковымъ. Рѣшили они заночевать у Воскресенья, чтобы дать роздыхъ лошадямъ, вдосталь измученнымъ отъ непривычной ѣзды по зимнякамъ и лѣснымъ тропамъ.

— Горазды же вы оба спать, молвилъ Потапъ Максимычъ, допивая пятый либо шестой стаканъ чаю. — Вѣдь ты отъ зимницы до Ялокши глазъ не раскрылъ Якимъ Прохорычъ, да и послѣ спалъ вплоть до Воскресенья.

— Сонъ что̀ богатство, отвѣтилъ паломникъ, —больше спишь, больше хочется.

— А со мной все время лѣсникъ калякалъ, продолжалъ Потапъ Максимычъ.—И пѣсни пѣлъ и сказки сказывалъ—забавный парень, молодецъ на всѣ руки.

— Слава тѣ Господи что сонъ меня одолѣлъ, отозвался Стуколовъ. — Не сквернились уши мои, не слыхали бѣсовскихъ пѣсенъ и нечестивыхъ рѣчей проклятаго табашника.

— Пошелъ расписывать! молвилъ Потапъ Максимычъ.— Вездѣ-то у тебя грѣхи да ереси, шагу не ступишь не осудивши кого.... Ну, что̀ за бѣда что они церковники? И между ними хорошіе люди зачастую попадаютъ, за то и между староверами есть таковскіе что снаружи то „Блаженъ мужъ", а внутри „Вскуе шаташася."

— Правая вѣра все покрываетъ, сказалъ паломникъ,—а общеніе съ еретикомъ въ погибель вѣчную ведетъ.... Не смотрѣли бы глаза мои на лица враговъ Божіихъ.

— Нашему брату этого нельзя, молвилъ Потапъ Максимычъ. — Живемъ въ міру, со всякимъ народомъ дѣла у насъ бываютъ, не токмо съ церковниками, съ Татарами иной разъ хороводимся.... И то мнѣ думается, что хорошій человѣкъ завсегда хорошъ, въ какую бы онъ вѣру не вѣровалъ.... Вѣдь Господь повелѣлъ возлюбить каждаго человѣка.

— Только не еретика, подхватилъ Стуколовъ. — Развѣ не слыхалъ что̀ про нихъ въ писаніи сказано: „и тати, и разбойники, и волхвы, и человѣкоубійцы, и всякіе другіе грѣшники войдутъ въ царство небесное, только имъ врагамъ Божіимъ нѣсть мѣста въ горнихъ обителяхъ"....

— Надоѣлъ ты, Якимъ Прохорычъ, этакими разговорами пуще горькой рѣдьки, съ недовольствомъ промолвилъ Потапъ Максимычъ.

— Обміршился ты весь, обміршился съ головы до ногъ, обошли тебя еретики, совсѣмъ обошли, горячо отвѣчалъ на то Стуколовъ.—Подумай о души спасеніи. Годы твои ужь не молодые, пора о Богѣ помышлять.

— Береги свои рѣчи про другихъ, а мнѣ онѣ не пригожи, съ сердцемъ отвѣтилъ Потапъ Максимычъ.—Хочешь на обратномъ пути въ Комаровъ завернемъ? Толкуй тамъ съ матерью Манефой.... Ты съ ней какъ разъ споешься: что ты, что она— одного сукна епанча, одного лѣсу кочерга.

Стуколовъ нѣсколько смутился.

— А знаешь ли что̀ пѣсенникъ-то сказывалъ? спросилъ послѣ недолгаго молчанія Потапъ Максимычъ.

— Почемъ я знаю? У сонпаго ушей нѣтъ, отвѣчалъ Стуколовъ.

— Про Стеньку Разина онъ сказки разказывалъ, про клады по лѣсамъ зарытые, а потомъ на земляное масло свелъ, сказалъ Потапъ Максимычъ.

Сонный Дюковъ вспрянулъ, уставивъ удивленные глаза на Потапа Максимыча. А Стуколовъ преспокойно студилъ вылитый на блюдечко чай.

— Слышишь? обратился къ нему Потапъ Максимычъ.—Про золотой песокъ парень-то сказывалъ. На Ветлугѣ дескать доподлинно есть такія мѣста.

— И безъ него знаемъ, безучастно промолвилъ Стуколовъ.

— Въ лѣсахъ, говоритъ, золото лежитъ, отo всякаго жила далече, а которо мѣсто оно въ землѣ лежитъ, того не знаетъ, продолжалъ Потапъ Максимычъ.

— Хоть бы и зналъ не сказалъ бы, замѣтилъ Стуколовъ.— Про такія дѣла развѣ всякому встрѣчному болтаютъ.

— Сказалъ же про клады гдѣ зарыты, и въ какомъ мѣстѣ золотая пушка лежитъ. Вотъ бы вырыть, Якимъ Прохорычъ, пожалуй лучше бы пріисковъ дѣло-то было.

— Пустое говоришь, Потапъ Максимычъ, сказалъ паломникъ.—"Мало ль чего народъ не вретъ? За вѣтромъ въ полѣ не угоняешься, а людскихъ рѣчей не переслушаешь. Да хоть бы и правда была, развѣ намъ слѣдъ за клады приниматься. Тутъ врагъ рода человѣческаго дѣйствуетъ, самъ треклятый сатана.... Душу свою что ли губить!.... Клады—приманка діавольская; розсыпь золотая—Божій даръ.

— Въ одно слово съ лѣсникомъ! воскликнулъ Потапъ Максимычъ. — То же самое и онъ говорилъ.

— Правдой значитъ обмолвился злочестивый языкъ еретическій.—Ину пору и это бываетъ. Самъ бѣсъ, когда захочетъ человѣка въ сѣти уловить, иной разъ праведное слово молвитъ. И корчится самъ и въ три погибели его отъ правды-то гнетъ, а все-таки ее вымолвитъ. И трепещетъ, а сказываетъ. Таковъ ужь ихъ проклятый родъ!...

— Да полно ли тебѣ, Якимъ Прохорычъ? съ досадой сказалъ Потапъ Максимычъ, вставая съ лавки.—О чемъ съ тобой ни заговори, все на дьявола своротишь.... Ишь какъ бѣсу-то полюбилось на твоемъ языкѣ сидѣть, сойти долой не хочется.

Паломникъ плюнулъ, и взглянувъ сердито на Потапа Максимыча, пробормоталъ какую-то молитву, глядя на иконы.

— Вѣсть Господь путь праведныхъ, путь же нечестивыхъ погибнетъ!... сказалъ онъ потомъ громкимъ голосомъ.

— Нѣтъ, Якимъ Прохорычъ, съ тобой братъ толковать надо поѣвши, молвилъ Потапъ Максимычъ.—Да кстати и объ ужинѣ не мѣшаетъ подумать.... Здѣсь, у Воскресенья, стерляди первый сортъ, не хуже васильсурскихъ. Спосылать что ли къ ловцамъ на Левиху. *

— Въ Великій-то постъ? испуганно воскликнулъ Стуколовъ.

— Въ пути дорожнымъ людямъ разрѣшается, сказалъ Потапъ Максимычъ.

— Поганься коли Бога забылъ, а мы и хлѣбца пожуемъ, молвилъ паломникъ сдержаннымъ голосомъ, не глядя на Потапа Максимыча.

— Эхъ вы постники безгрѣшные! Знавалъ я на своемъ вѣку много такихъ, шутилъ Потапъ Максимычъ.—Есть такія спасенныя души что въ середу молока не хлѣбнетъ, а молочницѣ въ велику пятницу спуску не дастъ.

Стуколовъ съ досады плюнулъ.

— Какъ же у насъ будетъ? продолжалъ Потапъ Максимычъ. Благословляй что ли, святъ мужъ, къ ловцамъ посылать... Рыбешка здѣсь рѣдкостная, янтарь янтаремъ.... Ну, Якимъ Прохорычъ, такъ ужь и быть, опоганимся, да вплоть до Святой и закаемся.... Право же говорю, дорожнымъ людямъ постъ разрѣшается.... Хоть матушку Манефу спроси.... На что мастерица посты разбирать, и та въ пути разрѣшаетъ.

— Отстань ты отъ меня ради Господа, молвилъ Стуколовъ.— Дѣлай какъ знашь, а другихъ въ грѣхъ не вводи.

Потапъ Максимычъ махнулъ рукой и вышелъ въ переднюю горницу къ хозяевамъ, чтобъ спосылать къ ловцамъ за рыбой.

Только-что вышелъ онъ, Дюковъ торопливо сказалъ паломнику:

— Про мѣстà разспрашивалъ! Ну, какъ помимо насъ спознаетъ?

— Не спознаетъ и не спознаетъ, рѣшительно отвѣчалъ Стуколовъ. Я все слышалъ что̀ лѣсникъ ему разказывалъ....

— То-то, чтобъ намъ въ дуракахъ не остаться, сказалъ Дюковъ.

— Будь покоенъ: попалъ карась въ нерето̀ ** не выскочитъ.

---

* Деревня въ верстѣ отъ Воскресенья на рѣкѣ Ветлугѣ, ловятъ лучшихъ стерлядей.

** Нерето̀, рыболовный снарядъ сплетенный изъ сѣти на обручахъ въ видѣ воронки.

XXII.

Оставимъ нашихъ путниковъ и посмотримъ что̀ въ Осиповкѣ дѣлается.

Всѣ глядятъ тамъ сумрачно, чѣмъ-то всѣ озабочены. У каждаго своя дума на умѣ, своя кручина на̀ сердцѣ.

Аксинья Захаровна съ утра до ночи въ хлопотахъ, и хоть старымъ костямъ ея не больно подъ силу, а день деньской бродитъ по дому. Двѣ у ней заботы: первая забота чтобъ Алексѣй безъ нужнаго дѣла не слонялся по дому и отнюдь бы не ходилъ въ верхнія горницы, а другая забота: не знаетъ что̀ дѣлать съ братцемъ любезнымъ.... Только Потапъ Максимычъ успѣлъ со двора съѣхать, Микешка-Волкъ закурилъ во всю ивановскую. Нахлѣбается съ ранняго утра хлѣбной слезы, и пойдетъ на весь день куралесить: бранится съ сестрой, ругаетъ племянницъ, вздоритъ съ работниками, и чуть завидитъ Алексѣя, тотчасъ въ драку.... И за старый промыселъ принялся: что̀ плохо лежитъ, само ему въ руку лѣзетъ, само просится въ кабакъ подъ закладъ. Согнать со двора хотѣла его Аксинья Захаровна, нейдетъ: „меня дескать самъ Потапъ Максимычъ жить къ себѣ пустилъ, я дескать ему въ Узеняхъ нуженъ, а ты мнѣ не указчица".... И денегъ ужь ему Аксинья Захаровна давала, только бы убирался изъ деревни вонъ—такъ и этимъ не могла избавиться отъ собинки: пропьянствуетъ на сторонѣ дня три, четыре, да по милымъ роднымъ и стоскуется—опять къ нимъ во дворъ....

И Настя и Параша такія сумрачныя, такія грустныя. На что̀ Параша, ко всему безучастная лѣнивая толстуха, и ту скука до̀ того одолѣла что хоть руки на себя поднять. За одно дѣло примется, не клеится, за другое, изъ рукъ вонъ валится; что̀ ни зачнетъ, тотчасъ броситъ, и опять за новое берется. Только и отрады какъ спать завалится....

У Насти другая скорбь, другая назо̀ла на душѣ. Тоскуетъ она по Фленушкѣ, безъ нея не съ кѣмъ словомъ перекинуться; тоскуетъ не видя по цѣлымъ днямъ Алексѣя; тоскуетъ видя его думчиваго, угрюмаго. Видѣться имъ рѣдко удавалось, на верхъ ему ходу нѣтъ, а когда бывало и придетъ по какому дѣлу, такъ Аксинья Захаровна по пята̀мъ за нимъ..... Тоскуетъ Настя днемъ, тоскуетъ ночью, мочитъ по-

душку горючьми слезми.... Безвѣстность будущаго истом ее.... Что̀ съ ней станется, какая судьба ей выпадетъ? Буд ли женой Алексѣя, иль на роду ей писано изныть въ один ствѣ, сокрушаясь по миломъ и кляня судьбу свою горьку

„Что̀ такое съ нимъ подѣялось? думала и передумыв Настя, сидя въ своей свѣтелкѣ? Что̀ за грусть за тоск него на сердцѣ? Спросишь—молчитъ, и ровно хмарой лиц него подернется.... И молчаливый такой сталъ, а самъ не у нется.... Разлюбить кажись бы еще некогда—да и не за чт За что̀ же, за что̀ разлюбить меня?... Я ему все отдала бе завѣтно, не пожалѣла своей чести дѣвичьей, не побоялас стыда-совѣсти, не устрашилась грознаго слова родительс го.... Думаю не придумаю.... Раскину умомъ-разумомъ, ра дать не могу — откуда такая остуда въ немъ?... Ужь нов зазнобы не завелось ли у него?...

И отъ одной мысли объ измѣнѣ Алексѣя въ глазахъ у На- сти туманилось, глаза сверкали зловѣщимъ блескомъ, а сер- дце ровно кипяткомъ обливалось....

Запала дума черная, и какъ не бьется Настя отогнать ее- не можетъ.... Небывалая разлучница такъ и мерещится в глазахъ ея....

У Алексѣя свои думы. Золотой песокъ съ ума не сходит „Денегъ, денегъ, казны золотой!“ думаетъ онъ самъ про се „Богатому вездѣ ширь да гладь, чего захочетъ все предъ н само выкладается. Ино дѣло бѣдному.... Ему только на ум какое дѣло вспадетъ, и то страшно покажется, а богатый тв свое хотѣнье—золотымъ молотомъ и желѣзны ворота̀ прок етъ. Тугая мошна не говоритъ, а чудеса творитъ—крякни д денежкой брякни, все тебѣ поклонится, все по твоему сд лается.“

Люба Алексѣю Настя, да съ пустымъ карманомъ какъ ее до- будешь. Хоть и сталъ онъ въ чести у Потапа Максимыча, - попробуй заикнись ему про дочку любимую, такой поворот задастъ что только охнешь. У тестя казны закрома полны, у зятя ни хижи ни крыши.—Развѣ на свѣтѣ такъ водится, разв такія свадьбы ладятся?... Уходомъ, какъ Фленушка говорила Но вѣдь это затѣя опасная, не таковъ мужикъ Потапъ Макси- мычъ, чтобъ такую обиду стерпѣлъ—не пришибетъ какъ соба ку, такъ заставитъ съ тюремнымъ горемъ спознаться.... Золо- та, золота!... Чѣмъ бы его ни добыть, а безъ того не жить.

Такія мысли туманили Алексѣеву голову. Тянетъ его на Ветлугу, гдѣ золото въ землѣ разсыпано.... Греби-загреба

набивай мошну дорогой казной, тогда не лиха бѣда и посвататься. — Другимъ тогда голосомъ заговоритъ Потапъ Максимычъ. — Не приходятъ Алексѣю на умъ ни погорѣлый отецъ, ни мать, душу свою положившая въ сыновьяхъ, ни сёстры.... ни любимый братецъ Саввушка. Черствое самолюбіе завладѣло Алексѣемъ: гнететъ его забота объ одномъ себѣ, до другихъ ему нужды нѣтъ.... Что грѣха таить — раздумывая о богатствѣ, мечтая какъ онъ развернется и заживетъ на славу, — не думалъ Алексѣй про Настю.... Золото, людской почетъ заслоняли въ его думахъ образъ миловидной дѣвушки въ пылу страстной любви беззавѣтно ему предавшейся.

А если не наростъ онъ на Ветлугѣ дорогой казны?... Пропадай тогда жизнь бѣдная, доля горькая!... А если помимо Ветлуги выпадутъ ему несмѣтныя деньги, во всемъ обилье, житье-бытье богатое?... И если за такую счастливую долю, надо будетъ покинуть Настю, забыть ее, другую полюбить?...

Думаетъ-передумываетъ Алексѣй думы тяжелыя. Алчность богатства, корысть грѣховная съ каждымъ днемъ разрастаются въ душѣ его.... И смотритъ онъ на свѣтъ Божій ровно хмара темная. Не слыхать отъ него ни звонкихъ пѣсней, ни прежнихъ веселыхъ рѣчей, не свѣтятся его глаза ясной радостью, не живитъ игривая улыбка лица его туманнаго.

Съ тяжкой тоской на душѣ, облокотившись на столъ и склонивъ голову, сидѣлъ Алексѣй въ своей боковушѣ. Роятся думы въ умѣ его, на яву грезится житье-бытье богатое.

Вдругъ надъ нимъ три раза ногой топнули. То былъ условный знакъ придуманный Фленушкой. Въ тотъ вечеръ какъ справляли канунъ имянинъ Аксиньи Захаровны она такую уловку придумала.

Алексѣй отодвинулъ оконницу и сталъ глядѣть какъ прилетитъ къ нему птичка про которую тогда говорила Фленушка.... Не въ первой было Алексѣю птичку ловить....

Изъ окна Настиной свѣтлицы, приходившейся какъ разъ надъ Алексѣевой боковушой, спустилась на снуркѣ записка.... Окна выходили на огородъ, занесенный сугробами, замѣтить было некому.

Алексѣй прочлъ записку. Настя писала что она стосковалась долго не видя милаго и хочетъ сейчасъ сойти къ нему. Благо пора выдалась удобная: набродившись съ утра, Аксинья За-

харовна заснула, работницы глядя на нее тоже завалились сумерничать.... Алексѣй черкнувъ на бумажкѣ одно слово „приходи“, подвязалъ ее на нитку. Птичка полетѣла кверху.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь въ боковушу растворилась и вошла Настя. Тихой поступью, медленно ступая, подошла она къ Алексѣю, обвила его шею бѣлоснѣжными руками и прилавъ къ плечу зарыдала.....

— Голубчикъ ты мой!... Ненаглядный!... говорила она всхлипывая и трепетно прижимаясь къ милому. Стосковалась я по тебѣ, измучилась.... Не милъ мнѣ вольный свѣтъ.... Тошнехонько!...

Алексѣй ласкалъ Настю, но ласки его не такъ были горячи, не такъ страстны и порывисты, какъ прежде....

— Чтой-то Алеша? покачавъ головой, молвила Настя.—Ровно ты и не радъ что я пришла къ тебѣ.

— Что это ты вздумала, Настасья Потаповна!... Какъ же мнѣ приходу твоему не раду быть? сухо проговорилъ Алексѣй, гладя Настю по головѣ.

— Настасья Потаповна! съ укоромъ прошептала дѣвушка... Развѣ я тебѣ Настасья Потаповна?... вскрикнула она вслѣдъ затѣмъ.

— Ну, не сердись, не гнѣвайся, моя разлапушка, съ напускной нѣжностью заговорилъ Алексѣй, цѣлуя Настю. Такъ съ языка сорвалось.

— Разлюбилъ ты меня!... Вотъ что!... стиснувъ зубы и отсторонясь отъ него молвила Настя.

— Что ты, что ты? Настенька, милая! Подумай какое ты слово сказала! говорилъ Алексѣй, взявъ ее за руку.

— Нечего тутъ думать! отрывисто и нахмуря брови молвила Настя, выдергивая руку.—Вижу я, все вижу.... Меня, парень, не проведешь! Сердце вѣщунъ—оно говоритъ что ты......

— Да послушай, началъ было Алексѣй.

— Тебѣ меня слушать!... Не мнѣ тебя!... Молчи! строго сказала Настя, отступивъ отъ него и скрестивъ руки.... Глаза ея заискрились гнѣвомъ.—Я все вижу, меня не обманешь.... Такой ли ты прежде былъ?... Чѣмъ я провинилась передъ тобой?.... А?... Говори чѣмъ?... Говори, скорѣй.... Что жь ты наругаться вздумалъ надо мной?... А?...

— Въ умѣ ль ты Настя?... Съ чего это ты взяла? говорилъ совсѣмъ ошеломленный словами ея Алексѣй.

— Молчи, говорятъ тебѣ, топнувъ ногой, крикнула Настя.—

Безсовѣстный ты человѣкъ! Ты думаешь я плакаться буду, убиваться?... Не на такую, братъ, дѣвку напалъ!... Сокрушаться ни по чемъ не стану.... Слышишь—ни по чемъ.... Только вотъ что я тебѣ скажу, молодецъ.... Коли заведется у тебя другая—не жить разлучницѣ.... Да и тебѣ не корыстно будетъ.... Помни мое слово!

И презрительно взглянувъ на Алексѣя, она быстро вышла изъ боковуши.

Какъ стоялъ такъ и остался Алексѣй, опустивъ руки и поникнувъ головою....

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

ПАМЯТНИКИ ПАРИЖА

ТЮЙЛЕРІЙСКІЙ ДВОРЕЦЪ И ГОРОДСКАЯ ДУМА

Страшный, безпримѣрный въ лѣтописяхъ міра разгромъ, покрывшій развалинами Парижъ, уничтожилъ до основанія два великолѣпныя вѣковыя зданія, Тюйлерійскій дворецъ и Парижскую Городскую Думу (Hôtel de Ville). Представляемъ читателямъ описаніе этихъ зданій и очеркъ исторической судьбы ихъ *.

I.

Построеніе Тюйлерійскаго дворца началъ Филиберъ Делормъ въ правленіе Катерины Медичи. Вдова Генриха II велѣла разрушить Турнельскій дворецъ, гдѣ супругъ ея палъ подъ копьемъ Мангомери, и вмѣстѣ съ дѣтьми поселилась въ старомъ Луврѣ. Старый Лувръ казался недостаточно великолѣпнымъ для италіянскаго вкуса Катерины и она велѣла выстроить себѣ увеселительный за̀мокъ на мѣстѣ прежнаго черепичнаго завода (les tuileries), носившаго названіе Ла-Сабловьеръ, гдѣ мать Франциска I купила себѣ загородный домъ, но гдѣ Францискъ I не хотѣлъ жить, предпочитая ему Фонтенбло, Амбуазъ и Шамборъ.

Что̀ же сдѣлалъ Филиберъ Делормъ? По его плану Тюйлери долженъ былъ стать дворцомъ, настоящимъ дворцомъ Валуа, съ царственнымъ фасадомъ, съ очаровательными садами,

* Описаніе Тюйлерійскаго дворца мы заимствовали изъ статьи Арсена Гуссе: *Le Palais de Tuileries*, а описаніе Городской Думы изъ очерка Ланфре *Hôtel de Ville*.

съ великолѣпными дворами, съ цѣлымъ рядомъ портиковъ, украшенныхъ гербами Валуа и Медичи. Дѣло Филибера Делорма ограничилось фасадомъ, но этотъ фасадъ остался вѣчнымъ памятникомъ его славы. Генрихъ IV продолжалъ дѣло Катерины Медичи; Анруэ Дюсерсо былъ пріемникомъ Филибера Делорма. Галлерея по берегу рѣки воздвиглась по голосу царственнаго Беарица, сказавшаго: „Тюйлери стóитъ обѣдни.“ И потолокъ тюйлерійской дворцовой церкви изображаетъ *вступленіе Генриха IV въ Парижъ.* Дюсерсо отстроилъ павильйонъ Флоры. Онъ сдѣлалъ изъ сферическаго павильйона четвероугольный и покрылъ его громаднымъ куполомъ, который и остался до послѣдняго времени.

Но кто долженъ былъ жить въ Тюйлери? То былъ королевскій дворецъ, но не дворецъ королей. Валуа не жили въ немъ. Катерина Медичи давала свои праздники и собирала свой дворъ въ Луврской залѣ Каріатидъ, созданной геніемъ Жана Гужона. Генрихъ IV также не жилъ въ Тюйлери; апартаменты Генриха, украшенные искусствомъ Пьера Леско, были въ Луврѣ, откуда виднѣе Парижъ. Вдова его Марія Медичи оплакивала его въ своемъ Люксанбурѣ, гдѣ спальня ея напоминаетъ еще стиль Рубенса. Ришелье выстроилъ Кардинальскій дворецъ (Palais Cardinal), но не занимался дворцомъ Тюйлерійскимъ. Взоры его были устремлены на Лувръ, гдѣ проживалъ Лудовикъ XIII.

Лудовикъ XIV также не жилъ въ Тюйлери. Мать его Анна Австрійская основала свою резиденцію въ Кардинальскомъ дворцѣ, который сдѣлался Королевскимъ дворцомъ (Palais Royal). Постройки въ Тюйлери пріостановились. Но въ 1660 году Лудовикъ XIV приказалъ своимъ архитекторамъ Лево и Дорбе приняться снова за постройки Филибера и Дюсерсо. Дюсерсо украсилъ средній павильйонъ только готическими и дорическими колоннами, Лево присоединилъ къ нимъ украшенія смѣшаннаго стиля и увѣнчалъ его балюстрадой. Родственница короля мадемуазель де-Монпансье поселилась наконецъ въ Тюйлери, который и сталъ съ тѣхъ поръ дворцомъ. Насупротивъ павильйона Флоры воздвигся Марсанскій павильйонъ. Тюйлери былъ преобразованъ. Дюсерсо поправилъ Филибера Делорма, Лево и Дорбе поправили Дюсерсо, а ихъ поправилъ уже въ новѣйшее время г. Фонтенъ, этотъ Дюсерсо Лудовика-Филиппа.

Лудовикъ XIV появлялся иногда въ Тюйлери чтобы да-

вать тамъ празднества, но любимымъ мѣстомъ его оставался всегда Версаль.

Въ то время какъ регентъ Филиппъ Орлеанскій проживалъ въ Пале-Роялѣ, король Лудовикъ XV оставался въ Тюйлери. Но какъ только онъ поднялся на ноги, то поспѣшилъ въ Версаль. Чѣмъ же сдѣлался Тюйлери? Его превратили въ оперный театръ. Королевская музыкальная академія, зданіе которой въ Пале-Роялѣ сгорѣло, помѣстилась въ Тюйлерійскомъ дворцѣ, въ громадной залѣ *des Machines*, воздвигнутой нѣкогда Лудовикомъ XIV въ честь Мольеровой *Психеи*.

Французская комедія вытѣснила оперу изъ Тюйлери. Корнель замѣнилъ тамъ Люлли, а Вольтеръ замѣнилъ Рашо съ его четырьмя традиціонными скрипками.

Однимъ изъ достопамятныхъ дней Тюйлери былъ день оваціи Вольтера, 30 марта 1778 года, во время представленія *Ирены*. Изгнанный Вольтеръ явился прямо во дворецъ короля Франціи и былъ тамъ увѣнчанъ. День этотъ можно назвать предвѣстіемъ революціи.

Когда Лудовикъ XVI прибылъ въ Тюйлери изъ Версаля вмѣстѣ съ королевой, то къ нимъ явилось, 19го октября 1789 года, національное собраніе. Президентъ сказалъ Маріи-Антуанеттѣ: „Величайшимъ удовольствіемъ для собранія было бы, ваше величество, еслибы вы взяли на руки ребенка, котораго жители столицы будутъ впредь считать своимъ согражданиномъ, — потомка стольких государей, нѣжно любимыхъ народомъ, преемника Лудовика IX, Генриха IV и того чьи добродѣтели составляютъ надежду Франціи.“

Королева отвѣчала: „Вотъ мой сынъ!“ И Марія-Антуанетта взяла на руки молодаго Лудовика и вынесла его въ залу гдѣ находилось собраніе.

26го мая 1791 года Барреръ сказалъ въ учредительномъ собраніи: „Первые предметы которые слѣдуетъ предоставить королю суть Лувръ и Тюйлери, памятники величія и нищеты, которымъ геній искусства начерталъ планъ и выстроилъ фасады, но которые были не окончены и даже преданы забвенію, благодаря беззаботности нѣкоторыхъ королей и корыстолюбію многихъ министровъ. Каждое поколѣніе ожидало окончанія этого памятника, достойнаго Аѳинъ и Рима, но было время когда наши короли, убѣгая отъ взоровъ народа, окружали себя вдали отъ столицы роскошью, придворными и солдатами. Тайна деспотизма въ томъ и состоитъ чтобы за-

ключаться въ отдаленномъ дворцѣ, посреди азіятской пышности, какъ бывало ставили божества въ глубинѣ храмовъ и лѣсовъ, чтобы вѣрнѣе поразить воображеніе людей. Необходима была великая революція чтобы возвратить народы свободѣ, и королей ихъ народамъ. Революція эта совершилась, и король Французовъ будетъ впредь обитать въ столицѣ государства. Вотъ наши проекты. Соединенные Тюйлери и Лувръ будутъ національнымъ дворцомъ, назначеннымъ для жительства короля...."

И собраніе постановило: „Соединенные Тюйлери и Лувръ будутъ національнымъ дворцомъ назначеннымъ для жительства короля и для помѣщенія всѣхъ памятниковъ наукъ и искусствъ и главныхъ заведеній народнаго просвѣщенія."

Король-бѣглецъ уже перестаетъ быть королемъ. Въ іюнѣ 1791 года Лудовика XVI задерживаютъ въ Вареннѣ. Собраніе постановляетъ какимъ образомъ поступать будутъ съ королемъ по возвращеніи его въ Тюйлери: „Какъ только король возвратится въ Тюйлерійскій дворецъ, къ нему временно назначена будетъ стража, которая подъ начальствомъ главнокомандующаго парижскою національною гвардіей будетъ заботиться объ его безопасности и отвѣчать за его особу. Временно и чаемому наслѣднику короны будетъ назначена особая стража, также подъ начальствомъ главнокомандующаго, и ему назначенъ будетъ главный надзиратель національнымъ собраніемъ".

Президентомъ собранія въ этотъ день былъ Александръ Богарне, мужъ той Жозефины которой суждено было вступить королевой въ Тюльерійскій дворецъ, ставшій тюрьмой Лудовика XVI. Какая превратность судьбы!

Изъ этой тюрьмы несчастный король переведенъ былъ въ другую, а въ Тюйлери, съ 4го сентября 1793 года, водворился комитетъ общественнаго спасенія, подъ предсѣдательствомъ Робеспьера. Оттуда выходили его кровавые декреты и тамъ же въ садахъ Тюйлери устроилъ Робеспьеръ празднество верховному существу. День этотъ, въ который Робеспьеръ присоединилъ шутовство къ террору, былъ предвѣстіемъ его паденія, и когда разразилось 9е термидора и пала его диктатура, онъ лежалъ раненый, ожидая смерти въ Тюйлери, на самомъ томъ столѣ комитета общественнаго спасенія гдѣ онъ подписывалъ свои кровавые декреты.

4го брюмера IV года закрывается національный конвентъ.

Средоточіе правительства переносится изъ Тюйлери въ Люксанбуръ; тамъ становится во главѣ собранія Баррасъ, и тамъ же мѣсто его заступаетъ Бонапартъ.

1го февраля 1800 года Бонапартъ вступилъ въ Тюйлери съ Жозефиной. Въ 1814 онъ оставилъ его съ Маріей-Луизой и Римскимъ королемъ. Никогда этотъ старинный дворецъ не представлялъ такого пестраго и разнообразнаго зрѣлища, какъ въ эти четырнадцать лѣтъ; никогда не оглашался онъ такъ часто восторженными криками, какъ въ это время. „Знаете ли почему они такъ громко меня привѣтствуютъ?" говорилъ Наполеонъ, стоя на балконѣ Тюйлерійскаго дворца, Бенжаменъ-Констану. „Потому что я самъ не что̀ иное какъ вѣнчанный народъ."

Лудовикъ XVIII и Карлъ X также занимали Тюйлерійскій дворецъ.

Въ 1848 году временное правительство настаивало чтобы въ Тюйлерійскомъ дворцѣ учреждена была богадѣльня для инвалидовъ гражданскаго вѣдомства. Въ 1852 году онъ сдѣлался жилищемъ Наполеона III, откуда онъ отправился чтобы принять начальство надъ арміей въ 1870 году и затѣмъ переселиться въ Вильгельмсгёэ.

Вотъ какъ описываетъ г. Арсенъ Гуссе впечатлѣніе производимое наружнымъ видомъ Тюйлерійскаго дворца:

„Со времени Филибера Делорма и Жана Бюллана, которые начали его при Катеринѣ Медичи, до Дюсерсо, увеличившаго его двумя павильйонами, до Луи Лево и Франсуа Дорби, которые докончили его роскошною и тяжелою рукой, до Лефюэля, перестроившаго павильйонъ Флоры, сколько стилей, сколько орденовъ, сколько фантазій! Но сколько ни одушевлялись строители музами Возрожденія, сколько стилей ни смѣшивали, сколько скульптурныхъ украшеній ни разсыпали по всѣмъ фасадамъ, сколько ни оживляли и не подкрашивали эту симметрическую массу, никогда не могли придать ей грандіознаго характера. Можно было повторить при этомъ слова сказанныя греческому живописцу изобразившему Венеру въ роскошномъ одѣяніи: „Ты не могъ сдѣлать ее прекрасною, за то сдѣлалъ богатою." Эта архитектура сохраняющая, однако, стиль Возрожденія, слишкомъ массивна въ своемъ величіи. Излишеству искусства принесено въ жертву самое искусство. Тюйлери похожъ на тѣхъ массивныхъ *parvenues* которыя являются ко двору, покрытыя діадемами, серьгами, ожерельями, кольцами и браслетами, и которыя не могутъ усвоить себѣ изящнаго вида аристократокъ."

Описаніе внутренняго расположенія дворца въ томъ видѣ какъ онъ оставался во время Наполеона III находимъ у того же автора.

Направо изъ передней идетъ *зала Перваго Консула*, названная такъ потому что въ ней виситъ портретъ перваго консула, въ красномъ платьѣ, работы Гро,—портретъ этотъ верхъ совершенства. Затѣмъ слѣдуетъ *зала Маршаловъ*, гдѣ изображены первые двѣнадцать маршаловъ имперіи, — тамъ давались обыкновенно придворные балы. За нею слѣдуетъ *зала Мира*, гдѣ находится красивая статуя держащая въ рукахъ рогъ изобилія. Ее называютъ также *залой Аполлона*. Лебрёнъ нарисовалъ въ ней *Аполлона и музъ*; Николай Лойръ изобразилъ на потолкѣ *Феба, пускающагося въ свой дневной путь*. На потолкѣ этомъ сохранились еще превосходные орнаменты временъ Лудовика XIV. Въ Тронной залѣ остается только плафонъ Фламаэля: *Религія покровительствующая Франціи*. Въ Тронной залѣ нѣтъ никакой мебели, ни картинъ, ни статуй, только одинъ бюстъ Наполеона I. Въ Залѣ Совѣта сохранился весь характеръ вѣка Лудовика XIV. Въ ней виситъ портретъ этого короля, писанный Филиппомъ де Шампенемъ, картина Лебрёна изображающая пріемъ посла королемъ, и портретъ г-жи де Ментеногъ. За тѣмъ слѣдуетъ *Галлерея Діаны*, знаменитая галлерея, гдѣ давались офиціальные обѣды и ужины. Революціи измѣнили ее первоначальный характеръ, который напрасно старались возстановить потомъ реставраціи; Лудовикъ-Филиппъ, любившій въ ней прохаживаться, увѣсилъ ее картинами временъ Лудовика XIV и Лудовика XV, хранившимися прежде въ Луврѣ. Галлерея Діаны примыкаетъ къ *павильйону Флоры*, который перестроилъ Наполеонъ III.

Всѣ исчисленныя нами комнаты выходятъ на дворъ Тюйлерійскаго за́мка. Комнаты императрицы, примыкающія къ нимъ, обращены окнами въ садъ; онѣ состоятъ изъ спальни, охраняемой двумя божествами, писанными Лебрёномъ—Минервой и Діаной. Всѣ украшенія въ стилѣ вѣка Лудовика XIV; здѣсь была библіотека Наполеона I. Вся мебель розоваго дерева, украшенная бронзой времени Лудовика XVI. Подлѣ спальни находятся молельня и капелла. Затѣмъ слѣдуетъ библіотека и рабочій кабинетъ, съ портретами Наполеона III (работы Кабанеля), принцессъ Матильды и Клотильды. Вся мебель Лудовика XIV и Лудовика XVI. Затѣмъ идутъ три салона

совершенно новые — голубой, зеленый и розовый; послѣдній носитъ названіе *Салона Цвѣтовъ*, и представляетъ собою нѣчто очаровательное. Посреди массы цвѣтовъ самыхъ граціозныхъ и разнообразныхъ виднѣются граціи, музы и изображенія императрицы и императорскаго принца. Вся живопись принадлежитъ кисти Шарля Шаплена.

Комнаты императрицы и императорскаго принца были расположены въ нижнемъ этажѣ; первыя отличались простотой, вторыя всѣми принадлежностями забавъ и ученья.

Зала Спектаклей, гдѣ засѣдалъ нѣкогда конвентъ, остается въ запустѣніи. Она полна такими историческими воспоминаніями которыя не допускаютъ здѣсь театральнаго зрѣлища.

Тюйлерійскій садъ былъ достоинъ дворца къ которому онъ примыкалъ. Планъ его принадлежитъ Ленотру, который въ этомъ саду мечталъ о Версалѣ, этомъ Олимпѣ Лудовика XIV, какъ его называли. Однажды онъ разказывалъ королю о своихъ волшебныхъ планахъ, и Лудовикъ XIV, пораженный блескомъ которымъ Ленотръ хотѣлъ окружить его, прервалъ его словами: „Ленотръ! я жалую вамъ 20.000 франковъ." И нѣсколько разъ король прерывалъ своего геніальнаго садовника этими словами, такъ что Ленотръ, испуганный, сказалъ наконецъ: „Я не скажу ни слова болѣе вашему величеству, иначе я васъ разорю".

Во время республики, въ этомъ саду обѣдали запросто всѣ желающіе. Партеры съ круглыми мраморными столами подъ группами каштановыхъ деревьевъ придуманы были Робеспьеромъ для республиканскихъ празднествъ.

Между произведеніями искусства, обращающими на себя вниманіе посѣтителей Тюйлерійскаго сада, замѣчательны двѣ *Звѣроловницы* и франко-греческій *Звѣроловъ* работы Косту, *Фавнъ и Гамадріада* работы Куазево, *Лаоконъ* работы Сансовины, *Лукреція* начатая Тадономъ и оконченная Ленотромъ. Замѣчательны также три другія группы: *Эней на рукахъ Анхиза*, *Похищеніе Ориѳіи* и *Похищеніе Цибелы*; потомъ изображенія четырехъ рѣкъ: Нила, Сены, Тибра и Луары. Въ заключеніе нельзя не упомянуть и о двухъ символическихъ фигурахъ Куазево. Это два крылатые коня изъ бѣлаго мрамора; на одномъ несется Слава, на другомъ Меркурій, возвѣщающій то міръ, то войну, но всегда трубящій о подвигахъ Лудовика XIV.

Въ послѣднее время Тюйлерійскій садъ вышелъ изъ моды,

съ тѣхъ поръ какъ Елисейскія поля обращены были въ англійскій садъ, и наполнялся преимущественно толпами играющихъ дѣтей.

II.

Переходимъ къ другому парижскому памятнику истребленному послѣднимъ парижскимъ возстаніемъ, къ Городской Думѣ (*Hôtel de Ville*).

Городская Дума, свидѣтельница столькихъ бурныхъ и трагическихъ сценъ, не напоминаетъ нисколько ихъ своимъ наружнымъ видомъ. Наружность ея скорѣе веселая, чѣмъ строгая; множество орнаментовъ возбуждаютъ гораздо болѣе мысль о роскоши и богатствѣ, чѣмъ о величіи и силѣ. Статуи великихъ людей украшаютъ зданіе, но онѣ не говорятъ ни о горячей борьбѣ, ни о безграничномъ честолюбіи и страшномъ господствѣ, по временамъ заключавшихся въ стѣнахъ этого зданія.

Городская Дума связана съ исторіей парижскаго муниципалитета. Происхожденіе этого муниципалитета одинаково съ другими, и онъ состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ; историческую особенность его составляетъ то что, поставленный близко къ центральной власти, онъ усвоилъ себѣ положеніе древняго народнаго трибуна. Въ средніе вѣка, короли, имѣвшіе однихъ враговъ съ городскими общинами, въ лицѣ феодаловъ, тѣсно сблизились съ муниципалитетомъ и находили въ немъ бдительнаго пособника. Катерина Медичи умѣла съ своею обычною ловкостію льстить гордымъ парижскимъ буржуа; мелкихъ торговцевъ она успѣла возбудить фанатизмомъ противъ еретиковъ, и когда набатъ церкви Сенъ-Жерменъ Л'Оксерруа, подалъ сигналъ къ убійствамъ Варѳоломеевской ночи, то этотъ кровавый призывъ нигдѣ не встрѣтилъ такого сочувствія какъ въ Городской Думѣ.

Но возбужденіе народныхъ страстей никогда не проходитъ даромъ, парижскій муниципалитетъ становится сразу революціонною силой и пытается употребить свое вліяніе противъ тѣхъ самыхъ кто думалъ эксплуатировать его. Когда состоялась лига, подъ руководствомъ Гиза, съ наружною цѣлію дѣйствовать противъ протестантства, муниципалитетъ выступаетъ на первый планъ, съ затаенною цѣлію замѣнить короля по божественному праву королемъ по своему избранію, которымъ онъ

надѣялся распоряжаться. Религіозный предлогъ плохо прикрывалъ политическую идею. Герцогъ де-Гизъ сдѣлался настоящимъ парижскимъ королемъ; въ Городской Думѣ, центрѣ движенія, этотъ крупный мятежникъ находитъ себѣ главную опору; тамъ въ первый разъ произносится клятва „низложить Капетовъ,“ тамъ королевская власть испытала первое униженіе, тамъ наконецъ, въ День Баррикадъ, напрасно унижался Генрихъ III въ надеждѣ укротить возмутившихся буржуа. Онъ съ трудомъ пробирается туда подъ покровительствомъ своего подданнаго, но когда рядомъ съ нимъ появляется Гизъ, то раздаются крики: „да здравствуетъ Гизъ!“ И герцогъ, самъ сконфуженный этими криками, говоритъ: „Довольно, господа кричите: „да здравствуетъ король!“ Тѣмъ не менѣе онъ продолжаетъ свои интриги. Умерщвленіе Гиза въ Блуа уничтожаетъ будущую монархію въ самомъ зародышѣ, но не останавливаетъ движенія. Парижскіе буржуа непремѣнно хотятъ избрать себѣ короля; они и провозглашаютъ своимъ королемъ кардинала Бурбона, подъ именемъ Карла X. Парламентъ сопротивляется имъ, они заключаютъ его членовъ въ Бастилію. Ихъ совѣтъ *шестнадцати*, состоящій изъ делегатовъ шестнадцати парижскихъ кварталовъ, засѣдаетъ въ Городской Думѣ; это настоящая республика, но республика деспотизма и террора, носившая въ самой себѣ сѣмена разрушенія. Демократія Лиги обнаруживала стремленія къ равенству, но не понимала свободы. Она оставалась въ положеніи слѣпой и безпорядочной силы и оказалась неспособною основать какое-либо правительство. Вотъ почему она и пала подъ тяжестью собственныхъ увлеченій и уступила мѣсто полу-военной, полу-клерикальной олигархіи, когда въ 1594 году Генригъ IV вступилъ въ Парижъ.

Городская Дума принуждена была надолго отказаться отъ своихъ притязаній: она удовольствовалась заключеніемъ договора съ Генрихомъ IV о сохраненіи ей муниципальныхъ льготъ, которыхъ и не нарушалъ этотъ король. Но Генрихъ IV велѣлъ тотчасъ же сжечь регистры Лиги, считая опаснымъ для королевской власти этотъ памятникъ парижскихъ побѣдъ. Во время Фронды, парижскій муниципалитетъ обнаруживаетъ наклонность возстановить свою революціонную роль; но не имѣетъ уже достаточной силы, и будучи не въ состояніи наводить страхъ, дѣйствуетъ только въ качествѣ пособника и слѣдуетъ за событіями, вмѣсто того чтобы руководить ими. Онъ слу-

жить то орудіемъ, то игрушкой знатнымъ честолюбцамъ, которые ведутъ интригу со всѣмъ легкомысліемъ аристократіи лишенной внутренней связи и политическаго смысла. Въ началѣ Парижъ какъ будто пробуждается и стремится возобновить исчезнувшія времена Лиги, но потомъ Городская Дума становится убѣжищемъ возмутившагося парламента и главныхъ вождей Фронды. Она только кажущійся центръ движенія, и добрые буржуа служатъ лишь потѣхой для щеголеватыхъ героевъ ихъ эксплуатирующихъ. Послѣ пораженія Фрондеровъ, до конца XVIII вѣка, о парижскомъ муниципалитетѣ ничего не говорятъ, развѣ только хвалятъ его покорность. Муниципальная власть, какъ и всѣ прочія власти, падаетъ подъ гнетомъ централизаціи. При Лудовикѣ XIV и Лудовикѣ XV, Городская Дума была не что иное какъ дворецъ, гдѣ, правда, засѣдалъ административный совѣтъ, но главное назначеніе котораго было прославленіе этихъ двухъ королей и предоставленіе своихъ обширныхъ залъ для публики, которая танцовала тамъ въ честь ихъ величествъ.

Въ 1789 году среднее сословіе полагаетъ возможнымъ захватить въ свои руки опасное орудіе господства, предоставленное имъ на служеніе монархіи. Революціонная централизація обращаетъ Городскую Думу въ свою крѣпость. Послѣ взятія Бастиліи, парижская коммуна становится главнымъ дѣйствующимъ лицомъ французской революціи; она принимаетъ на себя инипіативу всего движенія; изъ Городской Думы направляются всѣ удары противъ прежняго порядка вещей. Она является опорой и правою рукой колеблющагося учредительнаго собранія. По ея призыву собирается постоянный комитетъ избирателей, ведущій народъ противъ Бастиліи, организующій народную милицію и вооружающій ее, за неимѣніемъ ружей, пиками. Король принужденъ подчиниться власти, недавно столь безсильной, и его встрѣчаетъ уже не купеческій *prévôt*, а парижскій меръ Бальи слѣдующими словами: „Государь, приношу вашему величеству ключи добраго города Парижа. Они тѣ же самые что представлены были Генриху IV. Тотъ возвратилъ себѣ свой народъ, а теперь народъ возвращаетъ себѣ своего короля.“ И Лудовикъ XVI взялъ изъ рукъ его революціонную кокарду и украсилъ ею себя....

Все время пока засѣдало учредительное собраніе, парижская коммуна ограничивала свое честолюбіе ролью посредника и исполнителя законодательныхъ велѣній. Но лишь

только появилось на сцену законодательное собраніе, коммуна задумала захватить главное управленіе дѣлами и подчинить себѣ собраніе служившее представителемъ націи. Она не слушаетъ повелѣній, а даетъ ихъ сама. Она разнуздываетъ народныя страсти и ускоряетъ событія. Подъ гнетомъ ея, собраніе постановляетъ низложеніе короля, его заключеніе въ Тампль, созваніе конвента и устройство чрезвычайнаго трибунала. Ораторы коммуны, приставивъ ножъ къ горлу собранія, заставляютъ его дѣлать все что они хотятъ: патріотическія требованія 1789 года замѣняются слѣпымъ и фанатическимъ деспотизмомъ. Кровавая рѣзня 2го сентября была какъ бы повтореніемъ Варѳоломеевской ночи, но безъ религіознаго фанатизма. Невозможно отрицать участія которое принималъ парижскій муниципалитетъ въ этихъ обоихъ кровавыхъ дняхъ: и тамъ и тутъ онъ дѣйствовалъ посредствомъ наемныхъ убійцъ, съ тою разницей что въ 1792 году онъ былъ орудіемъ неистовой черни, коею распоряжались люди носившіе имена Марата, Сержана, Бильйо-Варенна, Колло-д'Эрбуа, Пани и пр.

Конвентъ только усилилъ парижскую коммуну. Борьба въ собраніи началась между тѣми которые хотѣли основанія республики на правахъ законности и тѣми которые требовали диктатуры демократіи. Сторонники послѣдней составляли меньшинство, но коммуна, сильная поддержкой черни, съ своею обычною заносчивостью, вступилась въ дѣло. Жирондисты поняли что они должны прежде всего нанести ударъ коммунѣ, и вытребовали у собранія учрежденіе *коммиссіи двѣнадцати*, которая должна была изслѣдовать дѣйствія муниципалитета. Но коммуна предупредила собраніе: она явилась сама, 31го мая, въ лицѣ своего мера Паша, вытребовать у опозореннаго конвента уступки продиктованной Ганріо. Но этого было недостаточно. 2го іюня самъ Маратъ ударилъ въ набатъ, генералъ коммуны явился съ солдатами требовать ареста Жирондистовъ, и получивъ отказъ, направилъ пушки на представителей народа. Тогда конвентъ, преклонивъ голову предъ оскорбляющею его чернью, согласился на все, и Маратъ самъ продиктовалъ списокъ всѣхъ обвиняемыхъ.

Но злоупотребленіе власти, которое коммуна довела до крайности, стало причиной ея паденія; не имѣя иной цѣли кромѣ сохраненія этой власти, она вела борьбу со всѣми

правительствами. Силой вещей она вступила въ соперничество съ комитетомъ общественнаго спасенія, основаннымъ на одинаковомъ съ нею принципѣ, но опиравшимся на болѣе твердые элементы. Между Тюйлерійскимъ дворцомъ, мѣстомъ засѣданія комитета, и Городскою Думой началась ожесточенная борьба; коммуна противупоставила поклоненію верховному существу поклоненіе разуму, клубъ Кордельеровъ клубу Якобинцевъ, теорію управленія народа народомъ централизаціи страшнаго комитета. Но послѣдній предупредилъ своихъ враговъ, и казнь Гебера, Шометта, Ролана, Монморо нанесла коммунѣ такой ударъ отъ котораго она не могла оправиться. Побѣжденная коммуна принуждена была признать владычество собранія, которое она столько разъ оскорбляла. Потерявъ обаяніе, она потеряла всю свою силу. Когда Робеспьеръ поссорился съ комитетомъ, котораго онъ былъ такъ долго главой, онъ бросился къ парижской коммунѣ, но она оказалась уже разбитымъ орудіемъ. Ганріо успѣлъ еще призвать на помощь свое ополченіе, но его канониры, услышавъ что конвентъ объявилъ ихъ *внѣ закона*, поблѣднѣли и отказались стрѣлять. Въ полночь Робеспьеръ засѣдалъ еще въ Городской Думѣ, приготовляя истребленіе своихъ враговъ. Гревская площадь была покрыта пиками, пушками и наполнена безчисленною толпой. Вдругъ пронеслась вѣсть о декретѣ объявляющемъ заговорщиковъ *внѣ закона*; толпа быстро исчезаетъ, и заговорщики съ изумленіемъ видятъ что они остаются одни. Въ тишинѣ ночи раздаются быстрые шаги: то солдаты конвента, предводимые Баррасомъ и Фрерономъ. Жандармъ Меда бросается къ Робеспьеру и разбиваетъ ему челюсть пистолетнымъ выстрѣломъ. Робеспьеръ младшій кидается въ окно, Лебонъ лишаетъ себя жизни, Сенъ-Жюстъ безмолвно ожидаетъ своей участи, Кутонъ прячется подъ столъ, Коффингаль бросаетъ Ганріо въ водосточную трубу и убѣгаетъ. Такъ оканчиваетъ свое поприще коммуна.

При консульствѣ и имперіи муниципальная власть утратила все значеніе, и Городская Дума отличалась только великолѣпіемъ своихъ праздниковъ; то же назначеніе она имѣла и во время реставраціи. Правда іюльское правительство, основавшееся тамъ, было въ началѣ не что иное какъ муниципальная коммиссія. Но на этотъ разъ властолюбивыя преданія прежней парижской коммуны не возобновлялись, и муниципальная коммиссія руководимая Лафайетомъ явилась готовою служить

революціи, а не господствовать надъ нею. 31го іюня 1830, герцогъ Орлеанскій прибылъ въ Городскую Думу, и Лафайетъ съ балкона оной представилъ его народу, воскликнувъ: „Вотъ лучшая изъ республикъ!“ И затѣмъ объявилъ, посреди оглушительныхъ рукоплесканій и возгласовъ, что Франція воздвигаетъ „престолъ, окруженный республиканскими учрежденіями“.

24е февраля 1848 положило конецъ іюльской монархіи, и правительство перешло изъ Тюйлери въ палату, а изъ палаты снова въ Городскую Думу. Тамъ, послѣ вторженія въ палату народной толпы, Ламартинъ и его товарищи по временному правительству вытребовали утвержденіе своей импровизованной власти. Но тутъ же пробудился старинный антагонизмъ и началась борьба между тѣми кто желали истинно-либеральной республики и тѣми кто ссылались на верховенство націи лишь для того чтобы навязать ей свою собственную волю. Послѣдніе отличались диктаторскими притязаніями прежней коммуны, подъ маской гуманитарныхъ и политико-экономическихъ теорій, и когда народъ утвердилъ республику, то они задумали замѣнить трехцвѣтное знамя краснымъ — символомъ кровавой борьбы. Можетъ-быть они и одержали бы верхъ, безъ необыкновеннаго, безпримѣрнаго въ исторіи обаянія, которымъ успѣлъ укротить толпу Ламартинъ; это была великая минута въ жизни поэта, выдвинутаго силой событій на политическое поприще. Власть Ламартина надъ толпой въ эту минуту была по истинѣ изумительна: онъ противупоставилъ красному знамени, „которое обошло только Марсово поле, знамя трехцвѣтное, обошедшее цѣлый міръ“, и красное знамя падаетъ. Провозглашенный имъ декретъ объ отмѣнѣ смертной казни за политическія преступленія, спасшій на ту минуту Францію отъ кровопролитія, доказалъ что новое правительство Городской Думы отвергло преданія прежней парижской коммуны; но преданія эти не считали себя побѣжденными, и стремленія воскресить ихъ вызвали реакцію, которая передала власть Наполеону III. Затѣмъ въ продолженіи двадцати лѣтъ въ Городскую Думу собирались жители Парижа только на великолѣпные балы, которыми умѣлъ угощать парижскую публику слишкомъ извѣстный любимецъ бывшаго императора, сенскій префектъ г. Гауссманъ.

Съ 18го марта нынѣшняго года Городская Дума сдѣлалась мѣстомъ засѣданій революціонныхъ властей и той парижской

коммуны, которая представила міру сборище невѣждъ, преступниковъ и злодѣевъ, властвовавшее два мѣсяца надъ опозореннымъ Парижемъ. При вступленіи правительственныхъ войскъ, коммуна оставила Городскую Думу, и агенты ея выжгли вѣковое зданіе, представляющее въ настоящую минуту громадную груду развалинъ.

Основаніе сожженному нынѣ зданію Городской Думы положилъ парижскій *prévôt* Пьеръ-де-Віоль 15го іюня 1533 года. Зданіе возведено было въ 1549 году до втораго этажа, когда новый планъ былъ предложенъ италіянскимъ архитекторомъ Доминикомъ Боккардо, прозваннымъ Картоне, которому и поручено было его выполнить. Работы окончены были только въ 1605 году, подъ надзоромъ Анруэ Дюсерсо. Во время революціи зданіе это расширено присоединеніемъ къ нему богадѣльни Св. Духа и церкви *Saint Jean-en Grève*. Въ послѣдствіи было много предположеній къ расширенію этого зданія; въ 1835 году Городская Дума была перестроена, и десять лѣтъ спустя на площади воздвиглись еще два новыя зданія, примыкавшія къ ней и служившія помѣщеніемъ для многочисленнаго личнаго состава служащихъ.

Салоны и галлереи дворца Сенской префектуры, какъ называлась во время второй имперіи Городская Дума, были обширны и великолѣпно украшены. До семи тысячъ приглашенныхъ могли помѣщаться въ нихъ совершенно свободно. Пріемы и въ особенности балы префектуры пользовались европейскою извѣстностью и могли соперничать съ самыми великолѣпными празднествами европейскихъ дворовъ.

На фасадѣ Городской Думы было устроено много нишей, въ которыхъ помѣщены были статуи замѣчательныхъ Парижанъ и членовъ муниципалитета.

Г.

АНГЛІЙСКІЕ КРИТИКИ

О НОВОЙ КНИГѢ ДАРВИНА

Недавно вышла, наконецъ, обѣщанная еще въ прошедшемъ году книга Чарльза Дарвина *Происхожденіе человѣка и половой подборъ* (*The Descent of Man and Selection in Relation to Sex*), въ которой онъ примѣняетъ свою теорію о происхожденіи видовъ къ человѣку. Новому труду знаменитаго естествоиспытателя, замѣчательному главнымъ образомъ остроумнымъ сведеніемъ, съ точки зрѣнія автора, разнообразныхъ наблюденій, разсѣянныхъ у разныхъ писателей, но не представляющему чего-либо новаго въ строго-научномъ смыслѣ, — нѣтъ сомнѣнія, предстоитъ возбудить жаркую полемику и надѣлать еще болѣе шуму чѣмъ сколько надѣлали прежнія произведенія автора; но къ сожалѣнію, по преимуществу, вѣроятно, тѣми своими сторонами которыя далеко не суть его достоинства. Будучи само по себѣ произведеніемъ свободной мысли изслѣдователя смѣло вступившаго въ область гдѣ нѣтъ данныхъ для строгаго заключенія, новое сочиненіе Дарвина можетъ дать обильную пищу легкомыслію не имѣющему ничего общаго съ свободой мысли, нуждающемуся въ азбукѣ науки, но требующему непремѣнно ея „послѣдняго слова", и что еще хуже, сдѣлаться, помимо мысли и воли автора, аргументомъ въ рукахъ пропагандистовъ пагубной философіи отрицающей нравственность въ ея основахъ. Вотъ почему серіозная англійская

критика, отдавая справедливость остроумію изслѣдователя, строго отнеслась къ недостаточной научности его пріемовъ.

Считаемъ не лишеннымъ интереса познакомить читатей съ разборомъ извѣстнаго критическаго изданія *Athenaeum* и съ критическимъ очеркомъ помѣщеннымъ въ газетѣ *Times*.

„Въ сочиненіи своемъ, говоритъ критикъ *Атенея*, г. Дарвинъ разсматриваетъ не произошелъ ли человѣкъ, подобно всѣмъ другимъ видамъ, отъ какой-либо прежде существовавшей формы; затѣмъ разсматриваетъ способъ его развитія при такомъ предполагаемомъ происхожденіи и значеніе различій между такъ-называемыми человѣческими племенами. Къ дѣйствію естественнаго подбора, какъ оно объяснено въ хорошо извѣстномъ *Происхожденіи видовъ*, авторъ здѣсь присоединяетъ подробный трактатъ о вліяніи половаго подбора, въ чемъ и заключается главная характеристическая черта настоящаго изданія.

„Въ отношеніи къ естественному подбору г. Дарвинъ теперь допускаетъ что онъ, вѣроятно, приписалъ слишкомъ большое вліяніе этому принципу въ первыхъ изданіяхъ своей книги *Происхожденіе видовъ*. Онъ прежде не достаточно обратилъ вниманіе на существованіе многихъ строеній которыя, повидимому, какъ было доказано способными натуралистами, не имѣютъ ни благодѣтельнаго, ни вреднаго вліянія, и это онъ почитаетъ однимъ изъ величайшихъ промаховъ открытыхъ въ его произведеніи. „Если“, говоритъ онъ, „я погрѣшилъ, „давъ естественному подбору большую силу, чего я далеко „не допускаю, или преувеличивъ его силу, что̀ вѣроятно, то „я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что оказалъ услугу, пособивъ „низверженію ученія объ отдѣльныхъ твореніяхъ.“

„Говоря о книгѣ столь изобильной фактами и аргументами направленными къ одной главной цѣли, мы можемъ надѣяться только представить ключъ для руководства въ томъ что̀, говоря по правдѣ, представляетъ лабиринтъ естественной исторіи. Мы тѣмъ болѣе удобно можемъ опустить подробности что, по признанію самого автора, „это произведеніе едва „ли заключаетъ въ себѣ какіе-либо оригинальные факты въ „отношеніи къ человѣку“. Литературное достоинство этихъ томовъ заключается въ расположеніи въ должномъ порядкѣ множества наблюденій собранныхъ отъ многочисленныхъ изслѣдователей и изъ весьма многихъ изданій. Всѣ начитанные натуралисты согласятся со справедливостію признанія автора, и болѣе поинтересуются узнать какое употребленіе онъ дѣлаетъ изъ своего матеріала чѣмъ источники откуда онъ ихъ почерпнулъ.

„Г. Дарвинъ утверждаетъ въ самомъ началѣ что эмбріоническое развитіе человѣка, изъ яйца ничѣмъ не отличающагося отъ яицъ другихъ животныхъ; тотъ фактъ что человѣкъ, вмѣстѣ со всѣми другими высшими животными, имѣетъ нѣкоторые органы въ рудиментарномъ состояніи, какъ напри-

мѣръ копчиковую кость, изображающую хвостъ другихъ позвоночныхъ; и затѣмъ однородныя строенія въ человѣкѣ и низшихъ животныхъ, такъ хорошо извѣстныя изучающимъ сравнительную анатомію,—все это вмѣстѣ доказываетъ общность происхожденія.

„Принимать какой-либо другой взглядъ (утверждаетъ авторъ) значитъ допускать что наше собственное строеніе или „строеніе всѣхъ животныхъ вокругъ насъ есть не болѣе какъ „западня поставленная для уловленія нашего сужденія. Вскорѣ „наступитъ то время когда будетъ считаться удивительнымъ „какимъ образомъ натуралисты, хорошо знакомые съ сравни„тельною анатоміей и развитіемъ человѣка и другихъ млеко„питающихъ, могли думать что тотъ и другія были дѣломъ „отдѣльнаго творенія."

„Но различие между умственными способностями человѣка и всѣхъ другихъ животныхъ громадно, даже если противопоставить умъ самыхъ низкихъ дикарей съ умомъ обезьянъ самой высшей организаціи; и для устраненія этого грознаго возраженія посвящается глава попыткѣ доказать что нѣтъ основнаго различія между человѣкомъ и высшими животными въ ихъ умственныхъ способностяхъ. Человѣкъ обладаетъ тѣми же самыми чувствами что̀ и низшія животныя; его основныя впечатлѣнія должны быть тѣ же самыя; но онъ имѣетъ можетъ-быть нѣсколько менѣе инстинктовъ чѣмъ животныя стоящія въ ряду тотчасъ послѣ него. О предполагаемой общности съ животными по отношенію къ низшимъ качествамъ нѣтъ необходимости говорить, но мы остановимся на минуту на болѣе интеллектуальныхъ движеніяхъ и способностяхъ представляющихъ основаніе для развитія высшихъ свойствъ. Всѣ животныя ощущаютъ возбужденіе и страдаютъ отъ скуки; всѣ они испытываютъ удивленіе и многія изъ нихъ обнаруживаютъ любопытство. Принципъ подражанія силенъ въ человѣкѣ, и животныя иногда подражаютъ дѣйствіямъ другъ друга. Вниманіе, столь важное для интеллектуальнаго прогресса, ясно замѣчается въ животныхъ, какъ напримѣръ въ кошкѣ сторожащей у щели мышь. Бабуины и собаки отличаются отличною памятью лицъ и мѣстъ; а такъ какъ кошки, собаки, лошади и многія высшія животныя имѣютъ сны, то они способны къ воображенію. Что касается до высшей способности человѣческаго ума которую мы называемъ разсужденіемъ, то немногіе оспариваютъ что и животныя обладаютъ ею въ нѣкоторой степени.

„Способность прогрессивнаго улучшенія давно и часто объявлялась особеннымъ свойствомъ человѣка; а также употребленіе орудій, обращеніе съ огнемъ и нѣкоторыя другія подобныя способности. Но г. Дарвинъ приводитъ примѣры противнаго, впрочемъ немногіе и совершенно исключительные или чрезвычайно рудиментарные. Но когда г. Дарвинъ доходитъ до языка, до членораздѣльной рѣчи, то его остроуміе падаетъ, какъ это и должно быть, хотя онъ объ-

являетъ что „способность членораздѣльной рѣчи не представляетъ непреодолимыхъ возраженій противъ убѣжденія что человѣкъ развился изъ какой-либо низшей формы“.

„Замѣтна очевидная слабость въ стараніи унизить отличительныя человѣческія способности самосознанія, индивидуальности, отвлеченія, образованія общихъ идей и т. под. Что касается до вѣры въ Бога и религіи, то обыкновенно указываютъ на любовь собаки къ ея хозяину какъ на отдаленное подобіе собачьей преданности, но нелѣпо выставлять этотъ аргументъ въ данномъ случаѣ, а что̀ говорится о дикихъ, то ниже уровня въ отношеніи къ истинной религіи и истинной вѣрѣ въ Бога. Въ дѣйствительности, писатели которые, прежде г. Дарвина и гораздо подробнѣе, дѣлали попытки въ этомъ направленіи, терпѣли замѣчательныя неудачи. Ни одинъ человѣкъ никогда не разовьетъ религію изъ собаки или христіанство изъ кошки. Попытки такого рода всегда будутъ слабыми, а иногда смѣшными.

„Затѣмъ нравственное чувство весьма обыкновенно считалось отличительнымъ человѣческимъ свойствомъ. Двадцать шесть британскихъ авторовъ писали объ этомъ предметѣ, и нѣтъ надобности въ двадцать седьмомъ, хотя бы даже г. Дарвинъ и полагалъ „въ высшей степени вѣроятнымъ что „всякое животное, одаренное ясно обозначенными соціальными инстинктами, неизбѣжно пріобрѣтетъ нравственное чувство или совѣсть какъ только его умственныя способности „стали бы такъ же хорошо развиты, или почти такъ же хорошо развиты какъ у человѣка.“ Конечно, это ни къ чему не приводитъ, потому что никогда не было животнаго такимъ образомъ одареннаго, и на сколько мы можемъ понимать идеи обезьянъ, у нихъ конечно столь же поразительный недостатокъ нравственнаго чувства какъ и у всѣхъ болѣе низшихъ животныхъ. Забавно видѣть какъ такой основательный натуралистъ, какъ г. Дарвинъ, впадаетъ почти въ ребячество, отстаивая идеи симпатіи, общественности и нравственнаго добра у животныхъ: „Я самъ видѣлъ собаку которая никогда не проходила мимо своей большой пріятельницы „кошки, лежавшей больною въ лахани, безъ того чтобы не полизать ее языкомъ, вѣрнѣйшій признакъ добраго чувства въ „собакѣ.“ Что касается до совѣсти въ собакахъ вообще, то ни одинъ опытный и здравомыслящій человѣкъ не вѣритъ въ собачью совѣсть болѣе чѣмъ въ совѣсть юристовъ. Есть, правда, нѣкоторые исключительные случаи совѣстливыхъ собакъ и совѣстливыхъ законниковъ; но они не доказываютъ правила.

„Хотя г. Давинъ много и искусно пользовался трудами натуралистовъ и антропологовъ предшествовавшихъ ему и современныхъ, но его аргументы очевидно наиболѣе слабы во всемъ что̀ касается до развитія эволюціоннымъ путемъ или естественнымъ подборомъ нравственныхъ и интеллектуальныхъ способностей и движеній. Онъ напрягаетъ всѣ свои силы, но

плыветъ противъ теченія. Инстинкты, надежды и вѣра просвѣщеннаго человѣчества противъ него, и хотя бы онъ приглашалъ г. Герберта Спенсера или какого другаго умнаго теоретика въ свою лодку чтобы помочь ему грести, онъ не будетъ имѣть успѣха. Эволюціонистъ Дарвиновой школы обязанъ идти далѣе нравственнаго чувства и интеллектуальныхъ способностей, если онъ вѣритъ въ существованіе человѣческой души, и хотя г. Дарвинъ можетъ утверждать что психологія не входитъ въ его область, но она есть интегральная часть умственной науки о которой онъ отчасти трактуетъ. Насколько достовѣрно приложеніе ученія о развитіи къ полу, настолько же достовѣрно оно должно прилагаться и къ душѣ. Если первый зависитъ просто отъ естественнаго подбора, то отъ того же должна зависѣть и послѣдняя. Послѣдовательная и вѣроятная теорія развитія должна очевидно развивать каждую составную часть предмета, и если она не пригодна для высшихъ частей, то она можетъ быть отвергнута, хотя бы она и прилагалась къ низшимъ.

„Пусть кто-нибудь попробуетъ уловить удобный моментъ появленія нравственнаго чувства, души или чего-либо подобнаго, или вообще какого-либо изъ благороднѣйшихъ свойствъ самосознающаго и развитаго человѣка въ идеальномъ изображеніи г. Дарвиномъ нашихъ жалкихъ родоначальниковъ, которое приводимъ съ упущеніемъ немногихъ словъ могущихъ покоробить людей щекотливыхъ:

„Древнѣйшіе предки человѣка были, безъ сомнѣнія, нѣкогда „покрыты волосами, и оба пола имѣли бороды; уши у нихъ были „остроконечны и имѣли способность двигаться, они имѣли так„же хвостъ съ принадлежащими къ нему мускулами. Ихъ чле„ны и тѣла приводились въ движеніе многими мускулами ко„торые теперь только случайно появляются, но находятся у „четвероногихъ. Большая плечевая артерія и нервъ проходили „чрезъ *foramen supracondyloideum*. Въ этотъ или болѣе ранній „періодъ кишечный каналъ давалъ отъ себя гораздо большій „слѣпой отростокъ чѣмъ нынѣ существующій. Нога, судя по „положенію ея большаго пальца у зародыша, имѣла тогда схва„тывающую способность; и наши предки, безъ сомнѣнія, имѣли „привычку лазить по деревьямъ, живя въ какой-нибудь теплой „лѣсистой странѣ. У самцовъ были большіе клыки служив„шіе имъ грознымъ оружіемъ.... Въ еще болѣе ранній пері„одъ человѣкъ должно-быть жилъ въ водѣ, ибо морфологія „ясно говоритъ намъ что наши легкія состоятъ изъ видоизмѣ„неннаго плавательнаго пузыря, который нѣкогда служилъ по„плавкомъ. Углубленія на затылкѣ зародыша человѣка указы„ваютъ мѣсто гдѣ нѣкогда находились жабры. Около этого же „періода мѣсто почекъ занимали *corpora wolfiana*. Сердце су„ществовало въ видѣ простаго бьющагося сосуда, и *chorda dor„salis* занимала мѣсто позвоночнаго хребта. Эти ранніе родо„начальники человѣка, усматриваемые въ отдаленномъ мракѣ „времени, должно-быть были такъ же низко организованы какъ

„*lancelet* или *amphioxus*, или даже еще ниже. Есть еще одинъ „пунктъ заслуживающій полнаго вниманія. Давно было извѣстно что въ царствѣ позвоночныхъ одинъ полъ имѣетъ рудименты различныхъ второстепенныхъ частей производительной „системы принадлежащей собственно полу противоположному; „и было дознано что въ весьма ранній зародышевый періодъ „оба пола обладаютъ истинными мужскими и женскими железами. Посему какой-нибудь чрезвычайно отдаленный родоначальникъ всего позвоночнаго царства, повидимому, былъ „гермафродитомъ или адрогономъ. Но здѣсь мы встрѣчаемъ „странное затрудненіе.“

„Мы отказываемся продолжать извлеченіе, и желающіе знать дальнѣйшія подробности пусть обратятся къ самой книгѣ. Мы привели довольно чтобы показать внѣшній очеркъ нашихъ отдаленныхъ родоначальниковъ. Безъ сомнѣнія, профессоръ Гегенбауръ и другіе передовые, или скорѣе отсталые, сравнительные анатомы подтверждаютъ г. Дарвина, но мы имѣемъ здѣсь дѣло съ нимъ однимъ, и обыкновенные читатели удовлетворятся этимъ извлеченіемъ. Весьма жаль однако что въ книгѣ недостаетъ пояснительнаго рисунка столь замѣчательныхъ предковъ, въ особенности съ очертаніемъ хвоста.

„Что касается до появленія человѣка, то авторъ говоритъ слѣдующее:

„Міръ, какъ было часто замѣчаемо, повидимому, какъ будто долго приготовлялся къ появленію человѣка; и въ извѣстномъ смыслѣ это строго справедливо, потому что онъ обязанъ „своимъ рожденіемъ длинному ряду предковъ. Еслибы какого-„нибудь одного звена въ этой цѣпи не было, то человѣкъ никогда не былъ бы тѣмъ что̀ онъ теперь. Если только не закрывать умышленно глазъ, то при настоящихъ нашихъ свѣдѣніяхъ, мы можемъ приблизительно узнать наше родство; и „нѣтъ надобности намъ стыдиться его.“

„Можетъ-быть и нѣтъ, но тогда почему бы намъ стыдиться и нашихъ хвостовъ? Зачѣмъ бы они, вслѣдствіе естественнаго подбора, были утрачены? очевидно они были бы во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно полезны, еслибы и не служили украшеніемъ, даже и въ наше время. Напримѣръ, при влѣзаніи на Альпы намъ былъ бы весьма полезенъ длинный цѣпкій хвостъ, какъ это можно ежедневно видѣть на практикѣ обезьянъ въ Зоологическомъ саду. При помощи хвоста многіе изъ ползуновъ по скаламъ, нынѣ гибнущихъ, могли бы спасти свою жизнь. При этомъ намъ еще приходитъ на мысль что необъяснимая страсть взбираться на горы есть, пожалуй, сильное доказательство въ пользу нашего прямаго происхожденія отъ обезьяньяго племени, извѣстнаго своею наклонностью лазить по деревьямъ.

„Мы право не знаемъ какъ приступить къ половому подбору, сильному пункту автора и предмету длиннаго трактата, занимающаго около трети перваго и почти весь второй томъ. Предметъ деликатный и затруднительный, и притомъ его не-

льзя обсудить въ умѣренныхъ границахъ. Мы ограничимся немногими замѣчаніями.

„Естествоиспытатели вѣрящіе въ измѣняемость видовъ и естественный подборъ какъ ея агентъ находятъ многія вещи необъясненными, и они могутъ принять половой подборъ какъ дополнительный факторъ. Онъ дѣйствуетъ многообразными способами въ высшихъ животныхъ, хотя вовсе не дѣйствуетъ въ низшихъ; потому что въ низшихъ классахъ оба пола не рѣдко соединены на одномъ недѣлимомъ, а когда и раздѣлены, то оба постоянно прикрѣплены къ какой-либо подпорѣ. Теорія половаго подбора признаетъ что болѣе привлекательныя особи предпочитаются противоположнымъ поломъ, и что тамъ гдѣ полы различаются, мужской полъ, за рѣдкими исключеніями, наиболѣе украшенъ и наиболѣе отступаетъ отъ типа къ которому принадлежитъ видъ. Мы наблюдаемъ это въ насѣкомыхъ, а еще болѣе замѣтно это въ высшихъ животныхъ; отсюда является возможность объясненія многочисленныхъ перемѣнъ въ ходѣ развитія и происхожденія.

„Цвѣтъ, характеръ, красота, и мужской задоръ и превосходство, повидимому, суть нѣкоторыя послѣдствія половаго подбора не только у насѣкомыхъ, но также у рыбъ, амфибій и пресмыкающихся. Когда доходимъ до птицъ, то многія доказательства и результаты этого принципа становятся болѣе явственны, потому что у птицъ встрѣчаемъ законы битвы, спеціальныя орудія и вокальные органы.

„Въ четырехъ главахъ о птицахъ собрано много любопытныхъ наблюденій, какъ напримѣръ о томъ что самые задорные и лучше вооруженные самцы рѣдко бываютъ обязаны своимъ успѣхомъ единственно своей возможности разгонять или убивать своихъ противниковъ, но имѣютъ особенныя средства прельщать самку. Способность пѣнія, испусканіе странныхъ криковъ или другія любопытныя разнообразныя средства для произведенія различныхъ звуковъ представляютъ замѣчательныя принадлежности орнитологическаго ухаживанія. Многія птицы стараются прельщать самокъ любовными танцами или дурачествами исполняемыми на землѣ или въ воздухѣ, и иногда въ приготовленныхъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ украшенія разныхъ родовъ, самыя блестящія краски, гребешки и бородки, прекрасныя и длинныя перья, представляютъ обыкновенную привлекательную сторону. Но допуская что это справедливо и забавно, это не можетъ быть общимъ орнитологическимъ закономъ, потому что безобразныя птицы, какъ галки и коршуны, ухаживаютъ такъ же успѣшно какъ и красивыя. Если орудія боя, органы звука или какія-либо украшенія и яркія цвѣта, какъ признаетъ г. Дарвинъ, были обыкновенно пріобрѣтаемы самцами благодаря половому подбору и передавались различнымъ образомъ, по законамъ наслѣдства, въ такомъ случаѣ невзрачныя птицы должны были бы улучшаться въ такой же пропорціи, и либо во-

все не должно бы быть безобразныхъ птицъ, либо онѣ должны бы были замѣтно улучшаться въ красотѣ перьевъ, пѣніи и во всѣхъ привлекательныхъ свойствахъ.

„Г. Дарвинъ даетъ многочисленныя, въ высшей степени забавныя подробности о птицахъ, ихъ перьяхъ, ихъ вкусѣ изящнаго и объ ихъ ухаживаніи. Подробно описывается какими шансами на вниманіе и прелестями обладаютъ оба пола; и куріозно замѣтить что пѣтухи и курицы замѣчательно походятъ на мущинъ и женщинъ въ сердечныхъ дѣлахъ. Въ самомъ дѣлѣ между птицами, какъ и между нами, бываютъ предпочтенія и антипатіи, чистота и распущенность нравовъ, одноженство и многоженство. Птицы человѣчнѣе млекопитающихъ, потому что между послѣдними самецъ пріобрѣтаетъ самку гораздо болѣе путемъ боя чѣмъ выказываніемъ своихъ прелестей, какъ это дѣлаютъ птицы. Во всемъ обширномъ классѣ млекопитающихъ преобладаетъ законъ битвы за обладаніе самкой. Въ книгѣ специфически указываются первичныя и вторичныя характеристическія свойства млекопитающихъ; и повидимому законъ одинакой передачи свойствъ обоихъ половъ, въ отношеніи цвѣта и другихъ украшеній, гораздо болѣе распространенъ у млекопитающихъ чѣмъ у птицъ, между тѣмъ какъ орудія, какъ-то рога и клыки, передаются часто исключительно или гораздо въ большей степени самцу. Ихъ отсутствіе, гипотетически, есть результатъ преодолѣвшей формы наслѣдства.

„У людей половыя различія гораздо значительнѣе чѣмъ въ большей части видовъ четырерукихъ, хотя не такъ велики какъ у нѣкоторыхъ. Законъ битвы остается только у варварскихъ націй; между цивилизованными соперничество принимаетъ другую форму. „Получеловѣческіе мужскіе родоначальники человѣка и люди въ дикомъ состояніи боролись въ теченіе многихъ поколѣній за обладаніе самками." Многія изъ особенностей, считавшихся характеристическими свойствами половъ, г. Дарвинъ приводитъ къ тайнѣ происхожденія посредствомъ половаго выбора. Вотъ одинъ примѣръ. „Отсутствіе волосъ на тѣлѣ есть, въ извѣстной степени, вторичная половая особенность, потому что во всѣхъ частяхъ свѣта женщины менѣе волосаты чѣмъ мущины. Поэтому мы можемъ основательно подозрѣвать что это есть свойство пріобрѣтенное чрезъ половой выборъ." Послѣдующее разсужденіе о женской безволосности, конечно, такъ же слабо какъ и другія заключающіяся въ книгѣ. „Мы знаемъ что лица нѣкоторыхъ видовъ обезьянъ и бо́льшая часть задняго конца тѣла у другихъ видовъ были лишены волосъ; и мы можемъ это смѣло приписать половому выбору, потому что эти поверхности не только ярко окрашены, но иногда, какъ у самцовъ мандриллъ и самокъ *rhesus*, гораздо ярче у одного пола чѣмъ у другаго." Затѣмъ авторъ дѣлаетъ выводъ что наши получеловѣческія предки-самки были вѣроятно сначала отчасти лишены волосъ, и что по мѣрѣ того какъ онѣ постепенно пріобрѣтали этотъ

новый характеръ наготы, онѣ передавали его почти въ одинаковой степени своимъ юнымъ потомкамъ обоихъ половъ. „Нѣтъ ничего удивительнаго что частная утрата волосъ считалась за украшеніе обезьяновидными предками человѣка, потому что мы видѣли что у животныхъ безчисленныя странныя свойства почитались таковыми и послѣдовательно видоизмѣнялись чрезъ половой выборъ.“ Со всякимъ кто принимаетъ это объясненіе за достаточное или даже вѣроятное, разсуждать было бы безполезно. Любопытно замѣтить то что г. Валласъ, сторонникъ, если не первый изобрѣтатель теоріи половаго подбора, считаетъ безволосное состояніе кожи доказательствомъ того что „какая-то разумная способность направляла или опредѣляла развитіе человѣка“.

„Мы дали очеркъ плана г. Дарвина и привели примѣры его аргументовъ, насколько дозволили намъ предѣлы статьи, и расходясь съ нимъ во многомъ, конечно согласимся съ нимъ въ одномъ слѣдующемъ: „Взгляды мною высказанные относительно участія какое половой подборъ принималъ въ исторіи человѣка страдаютъ недостаткомъ научной точности. Тотъ „кто не допускаетъ дѣйствія этого агента для низшихъ животныхъ, понятно, отклонитъ и все что̀ я написалъ въ послѣднихъ главахъ о человѣкѣ“. Мы посвятили нѣсколько часовъ самаго тщательнаго вниманія этому предмету, также какъ нѣсколько часовъ вниманія другимъ предметамъ заключающимся въ этихъ томахъ, и не можемъ не выразить сожалѣнія о столь напрасной похвальбѣ предполагаемыми послѣдствіями половаго подбора. Мы вынесли впечатлѣніе что здѣсь много преувеличенія, и что недостатокъ здраваго сужденія и связности въ аргументахъ очевиденъ. Многія изъ данныхъ довольно вѣрны, но они не суть необходимыя части гипотезы и не поддерживаютъ ее на самомъ дѣлѣ. Другія данныя мы должны непоколебимо отрицать, и затѣмъ должны распредѣлить допущенные факты по надлежащимъ мѣстамъ или переустроить ихъ въ совершенно отличное зданіе и на совершенно отличномъ основаніи.

„Кто прочтетъ эти томы, оставляя безъ вниманія ихъ конечную цѣль и гипотезы автора, тотъ найдетъ въ нихъ большое удовольствіе и охотно признаетъ терпѣніе и старательность компилятора столь многихъ разсѣянныхъ фактовъ естественной исторіи. Съ этой точки зрѣнія намъ нѣтъ дѣла до неопредѣленности или бездоказательности того или другаго; мы смотримъ на книгу какъ на сборникъ фактовъ и остаемся благодарны за доставленное ею удовольствіе“.

Таковъ отзывъ о книгѣ г. Дарвина англійскаго ученo-литературнаго журнала *Athenaeum*. Отзывы нѣкоторыхъ другихъ журналовъ и газетъ нѣсколько строже, но всѣ они согласны въ томъ что отдаютъ полную справедливость таланту и трудолюбію автора въ сборѣ различныхъ наблюденій, своихъ соб-

ственныхъ и чужихъ, отказываясь въ то же время признать логическую послѣдовательность и необходимость въ слишкомъ смѣлыхъ предположеніяхъ и выводахъ, какіе позволяетъ себѣ Дарвинъ дѣлать изъ собраннаго имъ матеріала. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ разборъ помѣщенный въ газетѣ *Times*. Возставая противъ пріемовъ Дарвина, критикъ указываетъ на часто встрѣчающуюся ненаучность способа выраженія автора. Въ научномъ трактатѣ, по замѣчанію рецензента *Times*, обыкновенно употребляется изъявительное наклоненіе, и наука говоритъ намъ что̀ было, что̀ есть и что̀ будетъ. Аргументы же Дарвина постоянно приводятся имъ въ сослагательномъ или условномъ наклоненіи. Онъ говоритъ о томъ что̀ могло бы быть, было бы, должно бы быть, и, наконецъ, чему слѣдовало быть. Въ доказательство неубѣдительности пріемовъ Дарвина въ *Times* приводятся слѣдующія слова столь высокаго авторитета въ естествознанія какъ профессоръ Гёксли, который самъ горячій приверженецъ эволюціонной теоріи.

„Послѣ долгаго обсужденія, говоритъ Гёксли, и, конечно, безъ всякаго предубѣжденія противъ взглядовъ г. Дарвина, мы остаемся при полномъ убѣжденіи что, насколько имѣются данныя, абсолютно не доказано чтобы група животныхъ, со всѣми свойствами обнаруживаемыми видами въ природѣ, была когда-либо порождаема искусственнымъ или естественнымъ подборомъ. Групы имѣющія морфологическій характеръ видовъ, то есть отдѣльныя и постоянныя расы, бывали многократно производимы такимъ образомъ; но нѣтъ ни одного положительнаго свидѣтельства въ настоящее время чтобы какая-либо група животныхъ, посредствомъ видоизмѣненія и разведенія подборомъ, порождала другую групу, животныя коей были бы по крайней мѣрѣ безплодны въ совокупленіи съ первыми. Г. Дарвинъ вполнѣ знаетъ этотъ слабый пунктъ и выставляетъ множество остроумныхъ и важныхъ аргументовъ чтобъ ослабить силу возраженія“.

Рецензентъ *Times* замѣчаетъ далѣе что Дарвинъ и его послѣдователи вовсе не обращаютъ вниманія на точность въ опредѣленіи времени, которая во всѣхъ естественныхъ наукахъ признается существеннымъ элементомъ дѣйствій природы. Дарвину постоянно приходится говорить о томъ что̀ „могло случиться“ въ продолженіе неограниченныхъ періодовъ времени, и подобные аргументы, конечно, не могутъ считаться имѣющими научное значеніе. Опредѣленность времени, которую Ньютонъ ставилъ первымъ условіемъ научной

точности, совершенно отвергается г. Дарвиномъ и его послѣдователями, и они не кладутъ никакихъ границъ количеству времени коего требуютъ процессы признаваемые ими за вѣрные. Такъ какъ во всѣхъ другихъ естественныхъ наукахъ время признается существеннымъ элементомъ естественныхъ процессовъ, то такая неопредѣленность на дѣлѣ только прикрываетъ незнаніе; утверждать что такой-то процессъ происходитъ въ неопредѣленный періодъ времени, все равно что сказать что, насколько простираются наши знанія, онъ вовсе не происходитъ. Рецензентъ продолжаетъ:

„Исторія происхожденія человѣка, какъ она ни остроумна, совершенно вымышлена отъ начала и до конца. Намъ говорятъ что „какъ скоро какой-нибудь древній предокъ, вслѣдствіе перемѣны въ способѣ добывать средства существованія „или вслѣдствіе перемѣны условій его родной страны, сталъ „жить менѣе на деревьяхъ, и болѣе на землѣ, то его способъ „совершенствованія измѣнился бы“, и вслѣдъ затѣмъ что „ему пришлось бы сдѣлаться или четвероногимъ или двуногимъ“. Далѣе, если для человѣка было выгодно имѣть руки свободными, то г. Дарвинъ „не видитъ причины почему бы предкамъ человѣка не было выгодно“ принять болѣе вертикальное положеніе. Читатель замѣтитъ что мы опять склоняемъ сослагательное наклоненіе, и такъ до конца главы. Г. Дарвинъ, повидимому, колеблется въ выборѣ сцены для своего романа. Съ одной стороны, нѣкоторыя волосатыя животныя, повидимому, имѣютъ наклонность, отчасти, терять волосы въ жаркихъ климатахъ; съ другой стороны, обезьяны живутъ въ теплыхъ климатахъ и удерживаютъ свою шкуру. На доводы что предполагаемые предки человѣка будучи, вѣроятно, безпомощны и беззащитны, были бы подвержены большимъ опасностямъ, г. Дарвинъ возражаетъ предположеніемъ что они „были бы ограждены отъ всякой особенной опасности, еслибы „жили на какомъ-нибудь тепломъ материкѣ или большомъ островѣ“. Съ другой стороны, тотъ „фактъ“ что наши предки принадлежали къ Катаринскому племени обезьянъ „ясно указываетъ что они обитали въ Старомъ Свѣтѣ, но не въ Австраліи, и ни на какомъ изъ Океаническихъ острововъ, какъ это „можно вывести изъ законовъ географическаго распредѣленія.“ Послѣ всего придуманнаго г. Дарвиномъ, онъ, наконецъ, говоритъ: „Остающееся, можетъ-быть весьма значительное, количество перемѣнъ должно быть приписано предполагаемому „однообразному дѣйствію тѣхъ невѣдомыхъ агентовъ которые „случайно производятъ рѣзкія и замѣтныя уклоненія строенія въ нашихъ домашнихъ породахъ“. Таковъ научный пріемъ автора.

„Если, однимъ словомъ, въ ея общемъ примѣненіи, гипотеза г. Дарвина вовсе не подтверждается наблюдаемыми фактами,

то она еще болѣе лишена этой поддержки въ примѣненіи къ человѣку. Г. Дарвинъ самъ допускаетъ двѣ вещи: вопервыхъ, что „различіе между высшею обезьяной и низшимъ дикаремъ огромно“, и вовторыхъ, что „этотъ большой пробѣлъ въ органической цѣпи не можетъ быть замѣщенъ никакимъ угасшимъ или живущимъ видомъ“, и далѣе еще разъ говоритъ что „связующее звено между человѣкомъ и нѣкоторыми низшими формами до сихъ поръ не было открыто.“ Нѣтъ ни одной обезьяны которую можно бы даже сравнить съ человѣкомъ: нѣтъ ни одного племени дикарей которыхъ можно бы считать стоящимъ на одномъ уровнѣ съ обезьянами. Если гипотеза г. Дарвина вѣрна, то почти невѣроятно что нельзя представить никакихъ указаній на существованіе обезьяновидныхъ существъ близко подходящихъ къ человѣку и обнаруживающихъ наклонность къ дальнѣйшему развитію. Съ другой стороны, мы имѣемъ несомнѣнный и занесенный въ лѣтопись опытъ исторіи по крайней мѣрѣ 4.000 лѣтъ, въ продолженіе коихъ многія человѣческія племена подвергались вліяніямъ самымъ разнообразнымъ и самымъ благопріятнымъ для дальнѣйшаго развитія ихъ способностей. По истеченіи этого времени человѣкъ, по отличительнымъ свойствамъ, остается тѣмъ же человѣкомъ какимъ былъ прежде, подобно тому какъ и всѣ животныя, коихъ онъ зналъ, сохранили свои специфическія свойства. Болѣе чѣмъ сомнительно улучшились ли способности человѣка въ какой-либо степени. Онъ накопилъ знанія, онъ умножилъ орудія мысли и дѣйствія, и его могущество этимъ увеличилось. Но есть нѣкоторое основаніе полагать, какъ думалъ Платонъ, что эти многочисленныя пособія въ дѣйствительности ослабили естественную бодрость тѣла и духа человѣка. Во всякомъ случаѣ, въ явномъ противорѣчіи съ теоріей г. Дарвина о постоянномъ совершенствованіи находимъ что самые ранніе примѣры существеннѣйшихъ характеристическихъ свойствъ человѣка обнаруживаютъ его способности на величайшей степени совершенства когда-либо достигнутаго. Никакая поэзія не превосходитъ Гомера; нѣтъ религіознаго чувства болѣе возвышеннаго чѣмъ въ книгѣ Бытія; нѣтъ искусства болѣе совершеннаго чѣмъ искусство Грековъ; нѣтъ образцовъ человѣческой формы болѣе прекрасныхъ чѣмъ въ моделяхъ сохраненныхъ намъ греческими скульпторами. Исторія заключаетъ постоянное опроверженіе теоріи что способности постепенно призываются къ бытію обстоятельствами. Напротивъ онѣ, повидимому, выступаютъ изъ ума человѣческаго вполнѣ образованными и дѣйствуютъ присущею имъ силой, измѣняя обстоятельства. Одно племя за другимъ появляется на сценѣ, Египтяне, Евреи, Греки, Римляне, Германцы, каждое со своимъ специальнымъ дарованіемъ, работающимъ, такъ-сказать, въ его крови съ неистощимою энергіей. Дарованіе примѣняется различными путями, и формы его многообразны, но оно, повидимому, скорѣе утрачиваетъ, чѣмъ пріобрѣтаетъ свою полноту и стремительность съ

теченіемъ времени и плодомъ опыта. Истинная задача жизни заключается въ той плодовитости, въ одно и то же время столь постоянной и столь измѣнчивой, посредствомъ которой одна и та же природа постоянно воспроизводится, но и посредствомъ которой отъ времени до времени, повидимому, развиваются зародыши новой энергіи. Разрѣшенія этой проблемы слѣдуетъ искать не въ легкомъ способѣ г. Дарвина наблюдать поверхностныя черты сходства, но въ трудной работѣ вникапія въ скрытыя различія. Эта проблема если будетъ когда-либо разрѣшена, то не романами изъ человѣческой и естественной исторіи, а тончайшими изслѣдованіями съ помощью микроскопа и лабораторіи....

„Мы желали бы, заключаетъ рецензентъ, думать что эти предположенія будутъ такъ же безвредны, какъ они не практичны и не научны, но слишкомъ вѣроятно что они могутъ, если не встрѣтятъ отпора, имѣть весьма вредное вліяніе. Мы воздерживаемся отъ замѣчанія объ ихъ отношеніи къ религіозной мысли, хотя трудно видѣть какимъ образомъ, по теоріи Дарвина, можно приписать человѣку другое безсмертіе или другое духовное бытіе кромѣ того какимъ одарены скоты. Но и помимо этихъ соображеній, еслибы тѣ взгляды которые онъ заявляетъ о природѣ нравственнаго чувства были вообще приняты, то очевидно что нравственность утратила бы тѣ элементы прочнаго авторитета и тѣ „вѣчно неподвижныя границы" вокругъ коихъ нынѣ разбиваются бури человѣческихъ страстей, перестала бы оказывать свое руководящее и сдерживающее вліяніе. „Еслибы, напримѣръ," говоритъ г. Дарвинъ, „принимая крайній случай, люди были воспитываемы совершенно въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ какъ пчелы въ ульяхъ, то едва ли можно сомнѣваться что наши незамужнія женщины, подобно пчеламъ-работницамъ, считали бы своею священною обязанностью убивать братьевъ, а матери старались бы убивать своихъ плодоносныхъ дочерей, и „*никто не подумалъ бы помѣшать этому.*" Что это значитъ какъ не подчинять всякую границу нравственной обязанности произволу „жизненныхъ условій?" Люди, къ несчастію, имѣютъ способность дѣйствовать не сообразно съ ихъ конечнымъ соціальнымъ интересомъ, а сообразно своимъ понятіямъ о немъ; и если можно имъ вкоренить ученіе что правда и неправда не имѣютъ другаго значенія кромѣ исканія или пренебреженія этого конечнаго интереса, то совѣсть перестала бы быть силой сдерживающею самыя дикія или, какъ показываетъ примѣръ приведенный самимъ г. Дарвиномъ, самыя убійственныя революціи. Въ минуту, когда, повидимому, поколеблены всѣ искусственные принципы авторитета, мы не имѣемъ никакой другой гарантіи порядка и мира кромѣ вѣчнаго авторитета тѣхъ основныхъ принциповъ долга которые независимы отъ всѣхъ временъ и всякихъ обстоятельствъ. Есть много причинъ опасаться что распущенность философіи, подстрекаемая нераціональною религіей, не мало

содѣйствовала ослабленію силы нравственныхъ принциповъ во Франціи, и что это было, во всякомъ случаѣ, могучимъ элементомъ въ разложеніи французскаго общества. Тяжкую отвѣтственность навлекаетъ на себя человѣкъ который, съ авторитетомъ заслуженной репутаціи, высказываетъ въ наше время разлагающія соображенія этой книги. Онъ долженъ былъ бы поддержать ихъ самою убѣдительною очевидностью фактовъ. Выставлять же ихъ на основаніи столь неполныхъ данныхъ, такого бѣглаго изслѣдованія и такихъ не научныхъ аргументовъ, какіе мы изложили, болѣе чѣмъ не научно: это безразсудно."

Д.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

I.

Недавно въ Англіи вышелъ первый томъ автобіографіи лорда Брума. (*The Life and Times of Henry Lord Brougham. Written by himself*. London. 1871.) Лордъ Брумъ былъ такъ долго однимъ изъ первыхъ политическихъ вождей своей эпохи, принималъ такое дѣятельное участіе во многихъ соціальныхъ и политическихъ реформахъ что на его жизни должна была отразиться политическая жизнь Англіи въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Въ 1802 году Генри Брумъ, молодой шотландскій адвокатъ, не чувствовавшій призванія къ своей профессіи и стремившійся къ политической дѣятельности, основалъ журналъ *Edinbourg Review*, сдѣлавшійся однимъ изъ сильнѣйшихъ орудій борьбы за идеи и стремленія либеральной или вигской партіи. Литературная дѣятельность и успѣхъ на дипломатическомъ поприщѣ открыли ему доступъ въ парламентъ, гдѣ онъ скоро пріобрѣлъ довѣріе своей партіи и сдѣлался однимъ изъ самыхъ энергическихъ ратниковъ за парламентскую реформу. Потомъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ онъ былъ министромъ, но въ этой должности оказался человѣкомъ непрактичнымъ и былъ исключенъ изъ вигскаго министерства, переустроеннаго лордомъ Мельборомъ. Съ этихъ поръ онъ разорвалъ связь со своею партіей, не примкнувъ къ другой, и въ продолженіи многихъ лѣтъ оставался одинокимъ наблюдателемъ, часто нападая на своихъ прежнихъ единомыш-

ленниковъ такъ же безпощадно, какъ и на торіевъ. Первый томъ автобіографіи обнимаетъ собою періодъ отъ 1778 до 1812 года и раздѣляется на три части: собственно біографію или разказъ о воспитаніи и первыхъ шагахъ Брума на общественномъ поприщѣ; журналъ путешествій по Скандинавіи, центральной Европѣ и Португаліи и переписку съ лордомъ Греемъ. Къ сожалѣнію самая интересная часть книги, біографія, страдаетъ неполнотой, иногда сбивчивостью изложенія и даже ошибками въ фактахъ, чему причиной было конечно то что лордъ Брумъ началъ приводить въ порядокъ матеріалы относящіеся къ раннему періоду своей жизни когда ему было уже около 90 лѣтъ. Фактъ изумительный, но нельзя не пожалѣть что этотъ трудъ не былъ предпринятъ ранѣе. Издатели же не имѣли права дѣлать какія-либо измѣненія и дополненія вслѣдствіе слѣдующаго оригинальнаго завѣщанія оставленнаго лордомъ Брумомъ своему брату и душеприкащику:

„Прежде чѣмъ печатать автобіографію, вы должны расположить ее хронологически. Если, писавъ на память, я сдѣлалъ какія-нибудь ошибки въ числахъ или собственныхъ именахъ, пусть таковыя будутъ исправлены; но разказъ долженъ быть напечатанъ какъ я написалъ его. Я одинъ отвѣчаю за всѣ его показанія, ошибки и пропуски. Я не хочу чтобы какой-нибудь издатель измѣнялъ и переписывалъ то что̀ я желаю чтобы было напечатано какъ исключительно мое.“

За первымъ томомъ послѣдуютъ еще два, которые коснутся одной изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ политической жизни Англіи.

Сэръ-Генри Бульверъ, написавшій біографію лорда Пальмерстона, продолжаетъ дополнять свой трудъ новыми матеріалами. Онъ издалъ недавно извлеченія изъ путевыхъ записокъ лорда Пальмерстона, написанныхъ во время двухъ поѣздокъ во Францію въ 1815 и 1818 (*Selection from private journal of tours in France in 1815 and 1818. By Viscount Palmerston.* 1871.) Такъ какъ лордъ Пальмерстонъ посѣщалъ Францію со спеціальною цѣлью, въ качествѣ военнаго секретаря, то бо́льшая часть его записокъ посвящены описанію сравнительныхъ достоинствъ и недостатковъ союзныхъ войскъ. Сравнивая англійское войско съ русскимъ и прусскимъ, онъ отдаетъ предпочтеніе своимъ соотечественникамъ во всѣхъ отношеніяхъ. „Иностранцы, говоритъ онъ, смотрятъ фигурами вырѣзанны-

ными изъ картона, наши—живыми людьми." Ни въ одной арміи, по его словамъ, не было такъ развито чувство долга и личнаго интереса какъ въ англійской. Мы узнаемъ, однако, изъ приведенныхъ въ запискахъ замѣчаній герцога Веллингтона о послѣдней кампаніи, что онъ выступилъ въ походъ къ Ватерлоо съ самою плохою арміей какую только могъ вообразить, и что еслибы пять полковъ изъ Испаніи не подняли духа арміи, то результатъ могъ бы быть иной. Что же касается до сравнительной дисциплины союзныхъ войскъ, герцогъ сильно осуждалъ Прусаковъ за распущенность и въ особенности за ихъ систему реквизицій. „Система личнаго грабежа погубила французскую армію, и можетъ погубить прусскую," замѣчаетъ онъ. Офицеры, имѣя право брать реквизиціи для своихъ войскъ, злоупотребляли этимъ правомъ въ свою пользу. Вмѣсто того чтобы брать провизію, они брали деньги. Въ англійской же арміи, прибавляетъ герцогъ, ни одинъ офицеръ не имѣлъ права брать реквизиціи, но обязанъ былъ предъявлять свои требованія въ коммиссаріатъ, который обращался къ агентамъ французскаго правительства за требуемыми предметами. Такимъ образомъ реквизиціи, доставлявшіяся путями извѣстными народу, не были такъ тяжелы для страны какъ еслибъ они брались по случайному распоряженію непріятеля или по капризу офицера. И эта система привела къ тому результату, говорилъ герцогъ, что хотя мы какъ и Прусаки жили на счетъ страны, но насъ любятъ, а ихъ ненавидятъ. Изъ всѣхъ союзныхъ войскъ Баварцы имѣли худшую репутацію. Они не только грабили, но были „щедры на coup de baton." Что же касается до русскаго войска, для насъ новость встрѣтить въ иностранной книгѣ отзывъ что „les Russes étaient les plus gentils", и что даже о казакахъ, къ удивленію лорда Пальмерстона, вездѣ отзывались очень хорошо. Во время пребыванія лорда Пальмерстона въ Парижѣ въ 1815 году, тамъ происходило „расхищеніе Луврской галлереи", какъ съ негодованіемъ выражались Французы, то-есть возвращеніе по принадлежности, подъ наблюденіемъ Англичанъ, всѣхъ сокровищъ искусства награбленныхъ Наполеономъ на континентѣ. Голландія, Австрія, Италія и папа, приславшій Канову, спѣшили овладѣть своими статуями и картинами. Папа былъ, повидимому, такъ бѣденъ что не имѣлъ средствъ перевезти свои картины и статуи на свой счетъ, и Англія взяла путевыя издержки на себя. Прусаки же, лишь только достигли Парижа,

поспѣшили захватить коллекціи моделей французскихъ крѣпостей и „увезли 22 модели сѣверо-восточныхъ крѣпостей Франціи“.

Второй разъ лордъ Пальмерстонъ посѣтилъ Францію въ октябрѣ 1818 года для того чтобы присутствовать на большомъ смотрѣ произведенномъ 24го числа близь Камбре всѣмъ союзнымъ войскамъ. 26го числа былъ смотръ 36.000 Прусаковъ, выбравшихъ для своихъ эволюцій долину Доншери, близь Седана, ставшаго недавно роковымъ мѣстомъ для Наполеоновской династіи. Инженеръ показывавшій лорду Пальмерстону крѣпость замѣтилъ что комендантъ „постоянно опасается увидѣть непріятеля на одной изъ окружающихъ высотъ“.

II.

Изъ описаній путешествій можно указать на книгу г. Кеннана: *Кочевая жизнь въ Сибири и приключенія между Корякали и другими племенами Камчатки и сѣверной Азіи. (Tent Life in Siberia and adventures among the Koraks and other Tribes in Kamtchatka and northern Asia.* By George Kennan.) Въ 1865 году Русско - Американская или Западная Телеграфная Компанія предприняла проложить телеграфную линію чрезъ Британскую Колумбію, Русскую Америку, Беринговъ проливъ, сѣверо-восточную Сибирь, къ устью Амура, гдѣ она должна была встрѣтиться съ русскою линіей. Г. Кеннанъ былъ однимъ изъ членовъ экспедиціи посланной для изслѣдованія мѣстности. Черезъ два года предпріятіе было остановлено по причинѣ проложенія Атлантической линіи, но въ эти два года г. Кеннанъ и его товарищи изслѣдовали 6.000 миль пустынной мѣстности; путешествуя на оленяхъ и собакахъ, при температурѣ въ 30° и 40° ниже нуля, плавали въ лодкахъ по сѣвернымъ рѣкамъ, взбирались по едва проходимымъ тропинкамъ на сѣверныя горы и отдыхали въ дымныхъ юртахъ сибирскихъ Чукчей. Нѣкоторые изъ нихъ были по цѣлымъ мѣсяцамъ занесены снѣгомъ, другіе были снесены бурями почти до самаго Сѣвернаго океана, одинъ сошелъ съума отъ страданій, и всѣ боролись съ такими затрудненіями, физическими препятствіями и болѣзнями, что трудно повѣрить чтобы человѣкъ способенъ былъ пережить столько испытаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ путешествіи, написанномъ весьма живо и увлекательно, есть и комичныя сто-

роны, хотя автору тогда было, конечно, не до смѣха. Приводимъ для примѣра путешествіе по горамъ на собакахъ: „Въ продолженіи менѣе чѣмъ трехъ часовъ, мой возница, съ помощію четырнадцати тощихъ собакъ и длинной палки съ крючкомъ на концѣ, семь разъ опрокинулъ мою повозку буквально вверхъ дномъ и тащилъ ее въ такомъ положеніи пока верхъ не наполнялся снѣгомъ; тогда онъ оставлялъ меня стоять на головѣ съ ногами въ козлахъ и съ лицомъ въ снѣжномъ сугробѣ, а самъ закуривалъ трубку и погружался въ спокойное размышленіе о шаткости собачьихъ саней и о трудности путешествій по горамъ". Послѣ переѣзда въ нѣсколько миль при такихъ обстоятельствахъ, измученнаго путешественника ожидаетъ отдыхъ въ сибирской юртѣ, которая „имѣетъ не болѣе двадцати футовъ въ вышину и не можетъ быть сравнена ни съ чѣмъ другимъ какъ съ песочными часами. Она не имѣетъ ни дверей, ни оконъ, и проникнуть въ нее можно не иначе какъ поднявшись по шесту наверхъ и спустившись чрезъ трубу по другому шесту внизъ, родъ входа, доступность котораго зависитъ единственно отъ силы огня горящаго въ очагѣ. Когда снѣгъ заноситъ юрту такъ что собаки поднимаются къ трубѣ, случается что одна изъ нихъ съ визгомъ падаетъ барахтаясь въ котелъ. Корякъ беретъ ее за шиворотъ, поднимается съ ней къ трубѣ, выбрасываетъ ее въ снѣжный сугробъ и возвращается съ невозмутимымъ спокойствіемъ ѣсть свою уху съ случайнымъ собачьимъ наваромъ и приправой изъ шерсти". Понятно что такіе дикіе люди и сами смотрѣли на Американцевъ какъ на дикихъ, и книга г. Кеннана полна забавныхъ столкновеній и недоразумѣній между членами экспедиціи и туземцами. Г. Кеннанъ и его товарищи изъѣздили всю Камчатку, были у Ключевскаго вулкана, проѣзжали по берегу Охотскаго моря, по снѣжнымъ степямъ Сибири и наконецъ прибыли въ Москву. Книга г. Кеннана есть одна изъ интереснѣйшихъ книгъ по части путешествій за послѣдніе годы.

Въ прошломъ году въ Квебекѣ вышло новое изданіе сочиненій Шамплена, извѣстнаго путешественника и колонизатора Канады (*Les oeuvres de Champlain, publiées sous le patronage de l'Université Laval, par M. l'abbé C. H. Laverdière.* 6 tomes. Quebec. 1870.) Шампленъ первый положилъ основаніе французскаго могущества тамъ гдѣ теперь возвышается го-

родъ Квебекъ и первый указалъ своимъ соотечественникамъ высокую цѣль цивилизовать племена обитающія по рѣкѣ Св. Лаврентія христіанскою проповѣдью. Онъ былъ не только внимательный путешественникъ и наблюдатель, но и дальновидный государственный человѣкъ, и то что̀ онъ успѣлъ сдѣлать оказалось прочнымъ и было не скоро уничтожено его неспособными преемниками. Цѣлью всей его жизни было познакомить своихъ соотечественниковъ съ матеріальнымъ богатствомъ и политическимъ значеніемъ Канады, и съ этою цѣлью онъ издалъ, въ періодъ отъ 1603 до 1632 года, шесть изданій своихъ „путешествій“, дополняя каждое изданіе новыми наблюденіями и разказами. Но изъ предисловія къ настоящему изданію мы узнаемъ что сочиненія Шамплена сдѣлались библіографическою рѣдкостью, и что въ Канадѣ давно чувствовалось что такое невниманіе къ великому колонизатору не дѣлаетъ чести странѣ. Послѣ долгихъ предварительныхъ разысканій и денежныхъ затрудненій, новое изданіе было предпринято аббатомъ Лавердьеромъ, подъ покровительствомъ университета и Квебекской семинаріи. Его добровольный трудъ стоилъ ему большихъ трудовъ и денегъ, за то результатъ во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ удовлетворителенъ. Въ новомъ изданіи сохранены не только устарѣвшія выраженія, ошибки въ фактахъ, опечатки (поправленныя въ выноскахъ), но и бумага, и печать прежнихъ изданій. Въ первомъ томѣ, заключающемъ біографію Шамплена и его путешествіе въ Вестъ-Индію, встрѣчается много интересныхъ рисунковъ, изображающихъ сцены дикой жизни, животныхъ и растенія. Замѣчательно что даже такой точный писатель какъ Шампленъ такъ поддался понятіямъ господствовавшимъ въ его время что воображеніе рисовало ему летающихъ змѣй и райскихъ птицъ безъ ногъ.

III.

Крестовый походъ дѣтей есть самое странное, почти невѣроятное изъ всѣхъ средневѣковыхъ событій. Гиббонъ и Мильманъ, кажется, совсѣмъ не упоминаютъ о немъ; Гиселеръ посвящаетъ ему не болѣе одной строчки, но есть доказательства не оставляющія сомнѣнія въ его достовѣрности. Г. Грей, авторъ вышедшей недавно исторіи крестоваго похода дѣтей (*The Childreen Crusade: an Episode of the thirtenth Century.* By G. Z. Grey. New York), первый изложилъ въ доступной фор-

мѣ все что извѣстно изъ различныхъ источниковъ объ этомъ трагическомъ событіи. Изъ его книги мы узнаемъ что крестовый походъ дѣтей состоялъ изъ двухъ движеній, одного во Франціи, другаго въ Германіи, начавшихся одновременно, но почти независимо одно отъ другаго. Во Франціи вождемъ крестоносцевъ былъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ Стефанъ, изъ деревни Клойсъ, близь Шартра. Воображеніе мальчика было такъ возбуждено разказами о Святой Землѣ и о крестовыхъ походахъ что онъ дошелъ до религіознаго экстаза, присутствуя 25го апрѣля 1212 года при богослуженіи и религіозныхъ процессіяхъ въ соборѣ Св. Марка. Онъ объявилъ что видѣлъ Христа, и что Христосъ повелѣлъ ему проповѣдывать французскимъ дѣтямъ крестовый походъ и далъ ему письмо къ королю Филиппу-Августу съ повелѣніемъ содѣйствовать священному предпріятію. Онъ дѣйствительно показалъ письмо, и съ этимъ письмомъ отправился въ Парижъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ королемъ и поселился въ Сенъ-Дени, сдѣлавшемся центромъ его религіозной пропаганды. Сюда стекались толпы дѣтей и взрослыхъ послушать мальчика-пророка, предсказывавшаго безкровную побѣду надъ невѣрными, и слава о немъ быстро разнеслась по всей Франціи. Нѣсколько другихъ мальчиковъ, „второстепенныхъ пророковъ“, проникшись религіознымъ энтузіазмомъ Стефана, разошлись во всѣ стороны, и проповѣдуя крестовый походъ, увлекали за собой толпы дѣтей всѣхъ классовъ. Напрасно Парижскій университетъ приписалъ волненіе дѣтей сатанинскому навожденію, напрасно король издалъ противъ него эдиктъ, религіозный энтузіазмъ возрасталъ, и послѣ непродолжительнаго времени мальчики-проповѣдники послали сказать Стефану что ведутъ къ нему многочисленную армію. Впрочемъ цѣль дѣтей была не война. Они шли не истреблять невѣрныхъ, но проповѣдывать имъ слово Божіе и крестить ихъ. Крестъ былъ ихъ единственнымъ оружіемъ. Они вѣрили что Средиземное море разступится, и они пройдутъ по дну какъ по сушѣ. Въ срединѣ іюня, 30.000 дѣтей собрались вокругъ Вандома, назначеннаго сборнымъ пунктомъ, и отсюда выступили въ походъ подъ предводительствомъ Стефана. Черезъ мѣсяцъ, послѣ труднаго перехода въ 300 миль, крестоносцы прибыли въ Марсель въ числѣ 20.000. Городъ принялъ ихъ гостепріимно, но море не разступилось, и въ ожиданіи этого чуда многіе изъ нихъ утратили вѣру и разошлись по домамъ. Наконецъ два купца, Гуго Фер-

реусъ и Вилльямъ Поркусъ, предложили перевезти дѣтей въ Палестину на своихъ корабляхъ. Предложеніе было принято охотно, и въ августѣ 5.000 юныхъ крестоносцевъ уѣхали на семи корабляхъ при многочисленномъ стеченіи народа. Осьмнадцать лѣтъ о нихъ не было никакого извѣстія, но въ 1230 году въ Европу прибылъ пожилой священникъ и привезъ первое извѣстіе о несчастныхъ дѣтяхъ. Онъ разказалъ что уѣхалъ изъ Марселя вмѣстѣ съ дѣтьми-крестоносцами, что на другой день ихъ застигла буря, и два корабля разбились о скалы острова С. Піетро, близъ Сардиніи. При этомъ погибло около тысячи дѣтей. Оставшіяся можетъ-быть часто завидовали участи погибшихъ. Купцы заманившіе ихъ на свои корабли оказались торговцами невольниками. Они раздѣлили своихъ плѣнниковъ на три партіи и продали однихъ въ Алжирѣ, другихъ въ Александріи и Багдадѣ. Ни одинъ, сколько извѣстно, не возвратился въ Европу, но и ни одинъ, по свидѣтельству священника, не измѣнилъ своей вѣрѣ. Въ Багдадѣ былъ съѣздъ магометанскихъ князей, когда туда привезли молодыхъ крестоносцевъ, и никакими обѣщаніями и угрозами не могли князья склонить ихъ принять магометанство. Осьмнадцать мальчиковъ были казнены мучительными казнями, другіе остались за всю жизнь въ неволѣ. Такъ кончился крестовый походъ французскихъ дѣтей. Папа Григорій IX построилъ церковь на островѣ С. Піетро, назвавъ ее Ecclesia Novorum Innocentium. Въ продолженіе трехсотъ лѣтъ эта церковь усердно посѣщалась богомольцами, но въ XVI столѣтіи островъ былъ покинутъ и забытъ, пока не былъ снова колонизованъ въ 1737 году партіей христіанъ бѣжавшихъ изъ Таборки, на берегу Африки, гдѣ они были невольниками. Теперь населеніе С. Піетро возрасло до 10.000 и недавно были открыты развалины церкви Novorum Innocentium, близъ города Карло-Форте.

Въ Германіи проповѣдникомъ крестоваго похода былъ Николай, мальчикъ родившійся въ деревнѣ близъ Кёльна. Довольно странно. что его побудилъ къ этому родной отецъ, котораго въ послѣдствіи повѣсили вознегодовавшіе родители погибшихъ дѣтей. Въ то самое время когда Стефанъ проповѣдывалъ въ Сенъ-Дени, Николай проповѣдывалъ въ Кёльнѣ, и также предсказывалъ безкровную побѣду. „Мы идемъ за море крестить невѣрныхъ мусульманъ“, говорилъ онъ. Въ германской арміи крестоносцевъ было больше дѣтей высшихъ

классовъ и больше дѣвочекъ чѣмъ во французской. Они вышли изъ Кёльна въ то же самое время когда товарищи ихъ вышли изъ Вандома, но направились чрезъ Монъ-Сени въ Геную. Вотъ какъ описываетъ ихъ походъ г. Грей:

„Одинъ лѣтописецъ говоритъ намъ что ни одинъ городъ на ихъ пути не могъ вмѣстить всей арміи. Одни ночевали въ домахъ, куда ихъ приглашали кто по добротѣ сердца, кто по сочувствію къ предпріятію, другіе на улицахъ и площадяхъ, тѣ же которымъ недоставало мѣста въ городѣ ложились за стѣнами. Но если, что̀ случалось чаще, ночь застигала ихъ въ деревнѣ, они ночевали въ житницахъ, въ хижинахъ, въ лѣсу или на берегу рѣки, и ангелъ сна закрывалъ ихъ усталые глаза подъ звѣзднымъ небомъ. Дневные переходы были тяжелы для бѣдныхъ малютокъ, никогда до тѣхъ поръ не терявшихъ изъ вида своего дома, и потому они засыпали скоро гдѣ бы то ни было. Когда наступало утро, они завтракали тѣмъ что̀ находили въ своихъ сумкахъ или тѣмъ что̀ имъ подавали или продавали на пути. Опять составлялась походная линія, опять поднимались хоругви и кресты, и съ ранней пѣсней они начинали новый трудный день. Въ полдень они останавливались у какого-нибудь ручья и съѣдали свой скудный обѣдъ, утоляли жажду и шли далѣе въ прохладные послѣполуденные часы, пока желанный закатъ солнца не напоминалъ имъ что пройдена новая станція ихъ далекаго, о какого далекаго! пути въ Палестину.“

Изъ 20.000 вышедшихъ изъ Кёльна только 7.000 дошли до Генуи. Одни возвратились домой, другіе заболѣли или умерли на пути. Въ Генуѣ, какъ и въ Марсели, море не расступилось, и нѣкоторые изъ дѣтей приняли предложеніе сената сдѣлаться гражданами Генуи, гдѣ они въ послѣдствіи достигли богатства и извѣстности. Другіе пошли въ Римъ, гдѣ папа похвалилъ ихъ за религіозное усердіе, но совѣтовалъ имъ отложить свое предпріятіе до зрѣлаго возраста. Другая партія крестоносцевъ вышла изъ Германіи подъ предводительствомъ мальчика имя котораго неизвѣстно, перешла чрезъ Сенъ-Готардъ и достигла до Бриндизи, гдѣ жители встрѣтили крестоносцевъ варварски. Отсюда нѣкоторые отправились въ Палестину и пропали безъ вѣсти, другіе какъ и ихъ товарищи изъ Рима пошли домой. Но обратный путь былъ несравненно труднѣе чѣмъ походъ впередъ. Религіозный энтузіазмъ уже не поддерживалъ дѣтей, и жители городовъ и деревень встрѣчали ихъ не сочувствіемъ, а насмѣшками. Очень незначительная часть возвратилась на родину.

Французскій писатель г. де-Бошенъ, изслѣдовалъ съ не

утомимымъ рвеніемъ всѣ матеріалы относящіеся къ жизни несчастной принцессы Елисаветы (*La vie de madame Elisabeth. Par M. A. de Beauchesne.* Paris.). Ея послѣдніе дни, казнь, погребеніе, исканіе ея трупа, описаны даже съ излишней полнотой. Такая масса матеріаловъ какою онъ пользовался могла бы въ болѣе искусныхъ рукахъ послужить основаніемъ къ превосходной біографіи, но г. де-Бошенъ принадлежитъ къ той односторонней школѣ, которая въ главныхъ жертвахъ революціи хочетъ видѣть благороднѣйшихъ героевъ или святыхъ. Трогательная повѣсть подъ его перомъ обратилась въ панегирикъ, иногда не имѣющій основанія. Во всякомъ случаѣ достоинство съ какимъ старые Бурбонды, послѣ паденія, покорились своей страдальческой участи заслуживаетъ всякаго удивленія и уваженія. И это достоинство принцесса Елисавета сохраняла съ начала до конца, безъ колебаній и заднихъ мыслей, обнаруженныхъ ея братомъ и королевой. Самозабвеніе съ которымъ она рѣшилась пожертвовать собою своему семейству, и которому осталась вѣрна въ величайшихъ опасностяхъ, смиреніе съ которымъ она отодвинула себя на задній планъ и сдѣлалась ихъ утѣшительницей и слугой, твердость съ которою она приняла казнь, достойны дѣйствительно величайшаго удивленія. Воспитанная въ аристократическихъ преданіяхъ, она была украшеніемъ своей сферы пока при дворѣ жилось спокойно и весело; но скромная по природѣ, она не играла въ немъ первенствующей роли, и не жила его интересами. У нея былъ свой избранный кружокъ друзей, и въ ея перепискѣ съ ними, обнародованной недавно г. де-Коншемъ, есть много увлекательнаго (*Correspondence de Madame Elisabeth de France. Publiée par M. Feuillet de Conches.* Paris). Всѣ ея письма просты, естественны, свободны, проникнуты живостью и остроуміемъ, основанными на замѣчательномъ здравомъ смыслѣ и вѣрномъ взглядѣ на себя и на свое положеніе. Она не только совершенно свободна отъ сентиментальности того времени, но видимо боится аффектаціи. Глубоко религіозная она никогда не пускается въ теологическія разсужденія. Она интересуется политикой, наукой, литературой, но ни въ чемъ не считаетъ себя судьей. „Cette revolution est et sera toujours pour moi le mystère de la Sainte Trinité,“ говоритъ она. Она стояла однако за репрессивныя мѣры. Революція казалась ей случайнымъ зломъ, которое легко

подавить. Она не могла думать иначе потому что ничего не знала о соціальныхъ затрудненіяхъ окружавшихъ ее, но нельзя не порадоваться что на ней не лежало никакой политической отвѣтственности. Ей оставалось только страдать, и мало мучениць которыя выстрадали свою участь съ такимъ мужествомъ и благородствомъ какъ принцесса Елисавета.

IV.

Изъ англійскихъ романовъ выдающихся изъ уровня посредственности, укажемъ на романъ *Вѣра*, произведеніе анонимнаго автора который уже пріобрѣлъ извѣстность въ Англіи своимъ романомъ *The Hôtel du Petit St.-Jean*, въ которомъ онъ изобразилъ съ большимъ талантомъ французскіе типы и обстановку французской провинціальной жизни. Вѣра героиня романа, русская княжна, родившаяся и получившая воспитаніе въ Москвѣ. Мы знакомимся съ ней въ саду стариннаго дома на Тверской. Характеръ Вѣры, къ которому авторъ относится съ большимъ сочувствіемъ и на которомъ преимущественно сосредоточивается интересъ книги, довольно вѣрно опредѣляется словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ романа: „Эти люди, говоритъ онъ, Нѣмцы по уму, Италіянцы по впечатлительности, Сѣверяне по страстности, любятъ общество и созданы для него какъ лучшіе изъ насъ, Парижанъ, уклончивы какъ Греки и вполнѣ принадлежатъ Востоку по своей любви къ великолѣпію, также какъ и по своему умѣнью причинять страданія и способности выносить страданія съ чѣмъ-то подобнымъ полному равнодушію.... Только Славяне способны соединять въ себѣ такія странныя и разнородныя качества какія мы встрѣчаемъ въ русскихъ женщинахъ.“ Завязкой романа служитъ эпизодъ случившійся въ сраженіи при Инкерманѣ. Англійскій гвардеецъ убиваетъ мололаго русскаго офицера, родственника и поклонника Вѣры. Офицеръ умирая проситъ Англичанина сохранить нѣсколько вещицъ, подаренныхъ ему на память Вѣрой, и передать ихъ ей, если имъ суждено встрѣтиться. Они встрѣчаются черезъ нѣсколько лѣтъ, и послѣ различныхъ неудачъ и обстоятельствъ которыя могли бы разлучить ихъ на всю жизнь, романъ кончается ихъ полнѣйшимъ счастіемъ. Кромѣ этой простой завязки есть еще второстепенныя, поддерживающія интересъ разказа, чему также не мало содѣй-

ствуютъ картины изъ Крымской войны и заграничнаго путешествія Вѣры.

Другой романъ на который можно указать какъ на заслуживающій вниманія по симпатичности таланта автора, очевидно еще только-что начинающаго, называется *Бланка Сеймуръ* (Blanche Seymour. A novel. 3 vols.) Это простая повѣсть, не выходящая изъ сферы обыденной жизни, но проникнутая теплотой чувства и вѣрностью дѣйствительности. Дѣйствующія лица не фантастическіе портреты небывалаго человѣчества, но почти всѣ правдивы, хотя и не лишены оригинальности. Содержанія романа нѣтъ возможности передать въ немногихъ словахъ, потому что завязки въ немъ нѣтъ никакой. Онъ начинается протестомъ нѣсколькихъ молодыхъ дѣвушекъ противъ властолюбія мущинъ и противъ необходимости выходить замужъ и кончается тѣмъ что всѣ эти дѣвушки добровольно, или принужденныя силой обстоятельствъ, выходятъ замужъ. Бланка Сеймуръ, дѣвушка умная, гордая и самостоятельная, влюбляется вопреки своему здравому смыслу въ человѣка невѣжественнаго, безнравственнаго, не обладающаго никакими достоинствами кромѣ красивой наружности. Лейла, дѣвушка холодная, насмотрѣвшаяся на несчастную семейную жизнь своей матери и содрогавшаяся при одной мысли выдти замужъ и подвергнуть себя такой же участи, внезапно падаетъ въ обморокъ, услыхавъ предположеніе что умеръ человѣкъ который ее давно любилъ и которому она отказала уже не разъ. Мабель не огорчаетъ своего поклонника отказомъ при второй попыткѣ съ его стороны. Трифенія, богатая наслѣдница, дѣвушка капризная и властолюбивая, характеръ который былъ бы лучше на сценѣ чѣмъ въ романѣ, очень скоро дѣлается „болѣе кроткою и не столь угловатою, потому что отдаетъ свое сердце Горацію.“ Словомъ, всѣ подъ конецъ отказываются отъ принциповъ съ которыми вступили въ жизнь. Романъ очевидно написанъ съ предвзятою мыслью, но въ разказѣ не замѣчается никакихъ натяжекъ и ничего неестественнаго.

МОСКОВСКІЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ

НАЧАЛА XVIII ВѢКА

И

СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ*

V.

Сказки вызванныя соборнымъ увѣщаніемъ къ православнымъ открыли въ Москвѣ новое лицо сходившееся во многомъ съ вольнодумными мнѣніями Тверитинова: это былъ часовщикъ Яковъ Ивановъ Кудринъ. Сынъ крестьянина деревни Бокарицъ, близь Архангельска, Кудринъ, по смерти отца своего, жилъ на посадѣ у того же города. Схимонахъ Преображенской Пертоминской пустыни Герасимъ, изъ иноземцевъ, обучилъ Кудрина иконному и часовому художеству и тѣмъ доставилъ ему средства существованія. Въ 1700 году, по указу изъ Мастерской Палаты, Кудринъ былъ взятъ въ Москву и помѣщенъ въ ту Палату часовщикомъ. Здѣсь онъ жилъ сначала на загородномъ дворѣ у духовника государева, протопресвитера Петра Васильева, а потомъ поселился въ Новой Басманной слободѣ у своего свояка, чеботаря Михаила Минина. Близкія отношенія къ пріятелю фискала Косаго, Минину, не остались конечно безъ вліянія на Кудрина; послѣдующія обстоятельства его жизни, державшія его въ кружкѣ иноземцевъ, содѣйствовали еще болѣе развитію въ немъ тѣхъ

* См. *Русск. Вѣстн.* 1870, № 9 и 1871, № 2.

убѣжденій зародыши которыхъ были брошены въ его голову Мининымъ. Въ 1703 году Кудринъ былъ въ часовщикахъ на Сухаревой башнѣ; „тѣ часы, а съ ними и онъ, Яковъ, взяты были въ Шлиссельбургъ." Здѣсь Кудринъ прожилъ „у часовъ" около пяти лѣтъ. Пребываніе въ этомъ городѣ имѣло на него рѣшительное вліяніе. Однажды во дворцѣ за обѣдомъ лѣкарь государевъ, иноземецъ Андрей Кондратьевъ, сталъ говорить обѣдавшимъ съ нимъ дворовымъ людямъ: „Что̀ де вы читаете Псалтирь, а не разсуждаете?" „Какъ это мы читаемъ Псалтирь, а не разсуждаемъ?" спросилъ лѣкаря живописецъ государева дома Иванъ Матвѣевъ. „Въ той книгѣ, продолжалъ Кондратьевъ, есть псаломъ о исходѣ Израильтянъ изъ Египта." Кудринъ, сидѣвшій за этимъ столомъ, прислушивался къ рѣчамъ иноземца, потомъ читалъ упомянутый имъ псаломъ и „вошелъ въ сомнѣніе о почитаніи иконъ". Въ 1708 году Кудринъ перемѣщенъ былъ изъ Шлиссельбурга въ Петербургъ, починивалъ часы во дворцѣ и въ домѣ Меншикова, а въ слѣдующемъ году переселился въ Москву и жилъ здѣсь „не у дѣла". * Разслѣдованія о Тверитиновѣ и его единомышленникахъ, въ широкихъ размѣрахъ поднятыя Яворскимъ въ Москвѣ, задѣли и Кудрина, снова пріютившагося на дворѣ у Михаила Минина. Въ ноябрѣ, послѣ собора на которомъ были прокляты Тверитиновъ, Ѳома Ивановъ, Косой, Мининъ и Максимовъ, возобновлено было увѣщаніе православнымъ подавать сказки объ осужденныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ указахъ разосланныхъ по всѣмъ московскимъ церквамъ предписывалось: „аще у которыхъ церквей въ приходахъ и *сверхъ тѣхъ* какіе противники святыя церкви явятся, и священникамъ о таковыхъ противникахъ приносить доношенія къ нему жь, преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому, безъ замедленія." ** На основаніи этого указа, священникъ церкви Успенія Пресвятой Богородицы, что̀ на Покровкѣ, въ Котельникахъ, Иванъ Семеновъ, подалъ о Кудринѣ слѣдующее доношеніе Яворскому: „Въ прошломъ 713 году, былъ онъ, попъ Иванъ, въ приходѣ, въ домѣ стольника Василія Головина, съ дьякономъ Алексѣемъ и церковники. И въ то число у него, Василія, былъ стольникъ Ѳедоръ Дубровскій, и Яковъ Ивановъ говорилъ: „Ваша де вѣра сует-

---

* Дѣло архива святѣйшаго синода.

** Слѣдственное дѣло Моск. синод. библіотеки, л. 253.

на: чему вы поклоняетеся? Не иконамъ, идоламъ: иконы де, дѣла рукъ человѣческихъ, суть идолы.“ Чудотворца Николая называлъ простымъ человѣкомъ и идоломъ. Дубровскій его за то бранилъ и называлъ еретикомъ, и тотъ часовой мастеръ съ двора ушелъ. * Призванный къ отвѣту въ патріаршій Духовный Приказъ, Кудринъ отклонилъ отъ себя обвиненіе въ еретичествѣ и показалъ что не помнитъ того что̀ говорилъ и дѣлалъ въ домѣ Головина, потому что былъ пьянъ. Свидѣтели поведенія Кудрина въ домѣ Головина, на которыхъ сослался въ своемъ донесеніи священникъ Семеновъ, вполнѣ подтвердили показаніе послѣдняго и дополнили его новыми подробностями. По словамъ дьякона Алексѣя, Кудринъ въ домѣ Головина говорилъ, „и не пьянымъ обычаемъ“: „ваша де суетна вѣра; про васъ пишетъ яко отступятъ нѣціи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіямъ бѣсовскимъ, возбраняюще женитися и отвергатися отъ брашенъ, яже сотвори Богъ въ снѣдѣніе со благодареніемъ вѣрнымъ“ (I посл. къ Тим. IV, 2—3). И указывалъ на Апокалипсисъ, что ангелъ Господень не велитъ кланятися Іоанну Богослову, а велитъ Богу покланятися. И послѣ де Святыя недѣли, спустя недѣль съ десять, пришелъ онъ, Яковъ, къ нимъ въ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы въ вечернее пѣніе, и во время чтенія каѳизмъ говорилъ тѣ вышеписанныя слова, которыя говорилъ въ домѣ стольника В. Головина о иконахъ, и указывая на иконы перстомъ, говорилъ: „скоро де сего не будетъ, а васъ де всѣхъ въ солдаты поберутъ“. Стольникъ Дубровскій, съ своей стороны, показалъ что Кудринъ, разговорившись съ священникомъ и дьякономъ церкви Успенія о поклоненіи иконамъ, „иконы хулилъ, поклоненіе имъ и почитаніе весьма отрѣвалъ и называлъ идолами, а паче ругалъ Николая Чудотворца и на землю плевалъ, и ногами топталъ, и говорилъ: Николай идолъ, и не достоитъ образу его кланяться и самого его почитать.“ Въ Кудринѣ указаны были такимъ образомъ несомнѣнные слѣды знакомства съ соблазнительными толками Тверитинова о почитаніи святыхъ, о постахъ и монашествѣ: по свидѣтельству Пафнутія **, лѣкарь, доказывая что монашество „не по разуму святыхъ писаній держится“,

* Дѣло архива свят. синода.

** *Рожнецъ*, пунктъ 18, л. 59.

приводилъ тотъ же самый текстъ апостола Павла на который ссылался и Кудринъ въ домѣ Головина.

Послѣ допроса въ патріаршемъ духовномъ приказѣ, Кудрина отослали въ Московскую губернскую канцелярію; его приводили въ застѣнокъ и разспрашивали подъ пыткой: онъ продолжалъ утверждать что „вѣру содержитъ православную, еретичества не учился и еретиковъ никого не знаетъ.“

Съ переходомъ дѣла о Тверитиновѣ въ сенатъ, и Кудрина, въ 1715 году, привезли, вмѣстѣ съ другими обвиненными, въ Петербургъ.

Въ сенатѣ должны были наконецъ сойтись лицомъ къ лицу представители стараго и новаго направленія русской жизни. Безвѣстныя личности лѣкаря, школьника, часовщика, сапожника, фискала имѣли предъ собою авторитетное лицо мѣстоблюстителя патріаршаго престола и за нимъ густые ряды явныхъ и тайныхъ приверженцевъ ненавистной царю старины. Въ средѣ сенаторовъ Яворскій вскорѣ нашелъ человѣка вполнѣ преданнаго его направленію и интересамъ, человѣка на котораго можно было опереться гордому мѣстоблюстителю: это былъ генералъ-адмиралъ Ѳ. М. Апраксинъ. Извѣстный своею горячею преданностію старинѣ, Апраксинъ имѣлъ еще особенную причину косо смотрѣть на этихъ выскочекъ обвиненныхъ въ ереси, которые должны были предстать суду сената: имя генералъ-адмирала замѣшано было, вмѣстѣ съ именемъ Меншикова, въ дѣло о расхищеніи казеннаго интереса, надъ раскрытіемъ котораго усердно работалъ фискалъ Косой. Розыски по этому дѣлу велись еще съ неослабною энергіей, и кровавый исходъ слѣдствія надъ коммиссарами совпалъ съ началомъ сенатскихъ консиліумовъ по дѣлу московскихъ вольнодумцевъ. Въ концѣ января 1715 года царь требовалъ отъ московскаго губернатора Измайлова высылки въ Петербургъ новыхъ лицъ заподозрѣнныхъ въ расхищеніи казеннаго интереса, и снова писалъ Ушакову, который тайно провѣдывалъ въ Москвѣ о подрядахъ. * 5го марта произнесенъ былъ приговоръ надъ княземъ Волконскимъ, Корсаковымъ и нѣкоторыми другими лицами. 6го апрѣля „было вершенье по дѣламъ сенаторей Волконскаго и Апухтина и прочихъ такимъ образомъ: изъ розыскной канцеляріи повели всѣхъ на площадь, за шеренгой солдатъ, перво сенаторей Вол-

* *Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго*, X 256.

конскаго, потомъ Апухтина, потомъ вице-губернатора Якова Корсакова, потомъ секретаря его Литвинова, потомъ коммиссара артиллерійскаго Порошина, потомъ посадскаго Филимона Аникіева, потомъ Голубчикова и за ними дьяковъ военной канцеляріи. И приведши ихъ на площадь, гдѣ положена была плаха и топоръ, объявленъ указъ: сенаторемъ двумъ, Волконскому и Апухтину, за вины ихъ (что они, преступая присягу, подряжались сами чужими именами подъ провіантъ и брали дорогую цѣну и тѣмъ народу приключили тягость) указано ихъ казнить смертію, однако отъ смерти свобожены, только за лживую ихъ присягу обожжены у нихъ языки и имѣніе ихъ все взять на государя; потомъ Корсакова.... били кнутомъ и на вѣчное житье въ Сибирь, отобравъ всѣ его пожитки и деревни, кромѣ отцовскихъ деревень; секретаря Литвинова, за тѣ жь дѣла что̀ Корсакова, били кнутомъ и сосланъ на каторгу; коммиссара Порошина, что онъ за многое число денегъ подрядныхъ припасовъ, которые были не поставлены, далъ подрядчикамъ отпись заднимъ числомъ въ поставкѣ, а написалъ будто тѣ припасы въ пожарѣ сгорѣли, клали на плаху и потомъ, простя его отъ смерти, били кнутомъ и вырѣзали ему ноздри, сослали на каторгу; Филимона Аникіева и Голубчикова, за то что они подряжались ставить припасы въ артиллерію дорогою цѣною и по согласію съ помянутымъ коммиссаромъ брали деньги изъ казны за непоставленные припасы, били кнутомъ и взятъ съ нихъ штрафъ; а военной канцеляріи дьяковъ всѣхъ били батогами за то что они, преступая указъ, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и солдатъ отпускали въ дома свои на сроки, а послѣ ихъ не собрали, и за то брали себѣ взятки. Сіе наказаніе чинено было въ присутствіи его царскаго величества." *

Изъ сенаторовъ, суду которыхъ подлежалъ Тверитиновъ и его московскіе друзья, въ дѣло о подрядахъ замѣшаны были кромѣ Апраксина, свѣтлѣйшій князь Меншиковъ и Брюсъ. Они оправдывались тѣмъ что рѣдко жили въ Петербургѣ, участвуя въ кампаніяхъ военныхъ, и потому не могли наблюдать за своими подчиненными. ** Царь не наложилъ руки на своихъ дѣятельныхъ пособниковъ, между которыми былъ и дитя его сердца. „Они не только получили прощеніе, но еще

---

* Тамъ же, стр. 11.

** *Weber, der veränderte Russland*, I, 40—41

великодушный государь изъявилъ о томъ и сердечную свою радость принятіемъ ихъ къ столу своему и пушечною пальбой." *

Въ царскомъ домѣ пиръ веселый;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.
Что пируетъ царь великій
Въ Петербургѣ — городкѣ?
. . . .
Онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну,
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Яворскій зналъ гдѣ искать себѣ помощи въ тѣ критическія минуты, когда ему нужно было оправдывать предъ царемъ свое самоуправство. За нѣсколько дней до начала въ сенатѣ консиліумовъ по дѣлу Тверитинова, розданы были сенаторамъ и знатнѣйшимъ лицамъ, призваннымъ къ участію въ консиліумахъ, копіи съ экстракта того розыскнаго дѣла о еретикахъ которое производилось Яворскимъ въ Москвѣ. Апраксинъ „тайнымъ образомъ" пригласилъ къ себѣ златоустовскаго архимандрита Антонія и Леонтія Магницкаго, дѣятельныхъ агентовъ Яворскаго, чтобы „недоумѣнная въ той выпискѣ протолковать и самую всего дѣла силу познать." ** Къ свѣтлѣйшему князю Меншикову явились тѣ же лица для предварительнаго чтенія и объясненія экстракта. При помощи этихъ толкователей, Апраксинъ и Меншиковъ „выразумѣли" что Тверитиновъ многіе годы не пріобщался Святыхъ Таинъ, что въ домѣ его вмѣсто иконы была картина, на которой золотыми буквами начертаны были двѣ первыя заповѣди. Антоній и Магницкій протолковали генералъ-адміралу и свѣтлѣйшему князю сказки московскихъ свидѣтелей о „продерзкихъ и хульныхъ словахъ" Тверитинова и особенно усердно доказывали какъ много находится въ тетрадяхъ лѣкаря „про-

---

* *Дѣянія Петра Великаго*, IV, 399.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

тивностей противъ благочестія, по которымъ явно можетъ познаться неизбѣжная его еретическая вина.“ Апраксинъ и Меншиковъ „удоволились“ объясненіями Антонія и Магницкаго; они вполнѣ убѣдились въ еретичествѣ Тверитинова и, отпуская своихъ совѣтниковъ, сказали имъ: „Нынѣ уже видимъ подлинно, да и еще будемъ насматриваться, не явится ли чего инаго, а сіе знаемъ.“ *

Заручившись поддержкой такихъ сильныхъ господъ въ сенатѣ, Яворскій пытался пріобрѣсти себѣ содѣйствіе и того кого въ знаменитой проповѣди о разорителяхъ закона Божія называлъ „единою надеждой“ Россіи—царевича Алексѣя Петровича. *Камень Вѣры*, рѣзкій полемическій трактатъ противъ лютеранской догмы вообще и мнѣній Тверитинова въ частности, давно уже былъ приготовленъ Яворскимъ къ печати. ** Царевичъ бралъ эту книгу читать у Мусина-Пушкина и, повидимому, она понравилась ему, потому что онъ просилъ Ѳедора Поликарпова достать ему списокъ *Камня.* Пріѣхавши въ Петербургъ, Яворскій отправилъ Алексѣю Петровичу, чрезъ Поликарпова, экземпляръ своей книги.*** Мѣстоблюститель не ограничился возобновленіемъ въ памяти царевича своихъ опроверженій на мнѣнія московскихъ еретиковъ: къ нему, также какъ къ Меншикову и Апраксину, подосланъ былъ тотъ же златоустовскій архимандритъ Антоній. Царевичъ чрезъ него совѣтовалъ Яворскому примириться съ царемъ, какъ возможно: „что̀ прибыли, что межъ ихъ несогласіе? И чтобы *весьма сего искалъ* для того что, когда его бросятъ, то такого не будетъ.“ **** Царевичъ слѣдилъ за ходомъ дѣла Яворскаго, за тѣми фазами которыя переживала оппозиція мѣстоблюстителя царю въ рѣшительныя минуты сенатскихъ консиліумовъ. Кабинетъ-секретарь Петра Макаровъ показывалъ царевичу копіи съ тѣхъ писемъ которыя посылалъ Яворскій царю „во время отвѣту о бывшемъ соборѣ;“ Алексѣй Петровичъ читалъ эти письма и возвращалъ ихъ Макарову. † Друзья старины не ожидали ничего для себя хорошаго отъ

* Тамъ же.

** Въ половинѣ сентября 1714 года Мусинъ Пушкинъ уже возвратилъ *Камень* Яворскому съ своимъ мнѣніемъ объ этой книгѣ. *Описаніе документовъ и дѣлъ св. синода*, I, стр. XI.

*** Устрялова *Исторія царствованія Петра Великаго*, VI, 508.

**** Тамъ же, стр. 512.

† Тамъ же, стр. 506.

загоравшейся между царемъ и блюстителемъ патріаршаго престола борьбы за права и независимость духовнаго суда.... Въ сенатѣ самымъ виднымъ противникомъ Яворскаго былъ князь Яковъ Долгоруковъ, къ нему долженъ былъ Стефанъ доставить матеріалы для сенатскаго слѣдствія, списокъ свидѣтелей подававшихъ сказки на Тверитинова и его товарищей, и полную копію съ розыскнаго дѣла веденнаго Яворскимъ въ Москвѣ. „Фаворитъ князя Долгорукова,“ фискалъ Косой, воспользовался результатами слѣдствія надъ коммиссарами и подрядчиками. За нѣсколько дней до произнесенія приговора надъ княземъ Волконскимъ и другими замѣшанными въ это дѣло лицами, Косой самъ съ восемью товарищами подрядился въ теченіи двухъ лѣтъ доставлять лѣса для кораблей съ Казанскихъ пристаней до Ладоги. * Бремя проклятія, произнесеннаго надъ Косымъ, чувствовала жена его, жившая въ Москвѣ: приходскій священникъ болѣе пяти лѣтъ не ходилъ къ ней въ домъ съ церковными требами, вслѣдствіе отлученія Косаго отъ церкви, такъ что въ апрѣлѣ 1720 года, она принесла на своего приходскаго священника жалобу митрополиту Игнатію. ** Самъ Косой, опираясь на царскіе указы о фискалахъ, *** спокойно продолжалъ свою дѣятельность въ Петербургѣ, и за мѣсяцъ до начала сенатскихъ засѣданій по дѣлу Тверитинова, получилъ отъ царя выгодный для себя подрядъ. ****

21го марта 1715 года проходилъ въ канцеляріи сената первый „консиліумъ“ по дѣлу Тверитинова. На этомъ засѣданіи присутствовало болѣе ста персонъ; „сидящихъ было мало, и стоящихъ едва могла вмѣщать въ себя канцелярія.“ † Въ консиліумѣ были: Яворскій, князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, князь Я. Ѳ. Долгорукій, графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ, Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, генералъ-адмиралъ Ѳ. М.

---

* *Собраніе писемъ Петра Перваго къ разнымъ лицамъ*, изд. Берхомъ, I, 305.

** Дѣло архива св. синода.

*** Фискаловъ судомъ и расправой по всякимъ дѣламъ велѣно было вѣдать въ сенатѣ.

**** Повидимому Косой оправдалъ сдѣланную ему въ этомъ случаѣ довѣренность; подрядъ на поставку лѣсовъ данъ былъ ему и въ другой разъ, въ 1717 году. *Собраніе писемъ Петра Великаго къ Апраксинымъ*. (Москва, 1811) II, 51.

† *Записки о дѣлѣ Тверитинова.*

Апраксинъ, Б. Шереметевъ, Меншиковъ, государственный канцлеръ Головкинъ, князья Григорій Ѳедоровичъ и Михаилъ Владиміровичъ Долгорукіе, Шафировъ, Петръ Андреевичъ Толстой, сенаторъ М. М. Самаринъ, губернаторы: кіевскій князь Д. М. Голицынъ, московскій Алексѣй Петровичъ Салтыковъ и казанскій Петръ Самойловичъ Салтыковъ. * Кромѣ того Петръ тайно прислалъ въ сенатъ двухъ придворныхъ служителей „умныхъ людей, не великихъ ранговъ“ и велѣлъ имъ присутствовать на консиліумахъ, „самимъ въ слова не мѣшаться ни съ кѣмъ,“ а только надзирать „какъ оный судъ производиться будетъ“ и обо всемъ доносить ему. ** Первое засѣданіе сената было бурное; враждебныя направленія рѣзко обозначились на немъ. „Начали говорить немирно и нечинно, но ревеніемъ и укоризнами митрополита всячески поносили:“ Яворскаго обвиняли въ злобѣ, гордости, въ клеветѣ, корили проповѣдью о фискалахъ, говорили что онъ накупилъ на Тверитинова и его товарищей ложныхъ свидѣтелей. Мѣстоблюститель высказалъ сенаторамъ свою задушевную мысль о независимости духовнаго суда и прямо сказалъ имъ: „Вы не тѣхъ дѣлъ судьи; вамъ надлежитъ судить тѣхъ кого мы пришлемъ къ вамъ, въ гражданскій судъ, уже осудивши духовнѣ.“ Яворскаго не слушали и продолжали „съ великимъ и безчиннымъ крикомъ“ осыпать его укоризнами. Апраксинъ и Меншиковъ вступились за митрополита; въ отвѣтъ на упреки которые сыпались на Яворскаго, они „говорили многія извиненія“ и не одинъ разъ напоминали сенату что царское величество „повелѣлъ по настоящему дѣлу судъ творити, а не контритися.“ Крики и безпорядокъ усиливались и „такого многонароднаго и безчиннаго сонма не токмо рѣчей, за безчинный кличъ или крикъ, выразумѣлъ кто, но ниже выслу-

---

* *Описаніе документовъ и дѣлъ св. синода*, I, стр. XIII. *Записка* ошибочно говоритъ что первое засѣданіе сената было въ понедѣльникъ, на пятой недѣлѣ Великаго Поста (то есть 28го марта) и что царь нарочно уѣхалъ на этотъ день въ Петергофъ. Дѣйствительно Петръ провелъ 28е марта въ Петергофѣ, но въ этотъ день происходилъ уже третій консиліумъ сената. Сохранивши любопытныя подробности о сенатскихъ засѣданіяхъ, подробности, не занесенныя въ официальные протоколы консиліумовъ, *Записка* перепутала только порядокъ и время засѣданій.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

шать было возможно.“ * Шесть разъ вставалъ Яворскій и хотѣлъ выдти изъ канцеляріи чтобъ избавиться отъ несносныхъ укоризнъ и крика; Апраксинъ и Меншиковъ успокоивали его и убѣждали остаться на „консиліумѣ“. На помощь митрополиту явился наконецъ іеродіаконъ Пафнутій. Видя „нестерпимыя досады,“ которыя дѣлались Яворскому въ сенатѣ, онъ ревностно, во весь голосъ началъ кричать: „Господа! послушайте! господа! послушайте!“ Разъ съ двадцать долженъ былъ повторить Пафнутій слова, прежде чѣмъ шумъ утихъ. Когда наконецъ присутствующіе замолчали, іеродіаконъ, указывая пальцемъ на Тверитинова, сказалъ: „Сей еретикъ не токмо матери нашей, церкви святыя, есть врагъ, но и всему государству Всероссійскому великій злодѣй.“ Всѣ смолкли, услыхавши неожиданно такое важное обвиненіе. „Это слово великое и тяжкое, сказалъ бояринъ Стрѣшневъ, надобно его разсмотрѣть.“ Презусъ обратился къ Пафнутію съ словами: „Скажи намъ какъ онъ всему государству злодѣй и почему.“ Пафнутій, указывая на тетради Тверитинова, лежавшія на столѣ, сказалъ: „Прикажите мнѣ книги его еретическія подать.“ Открывши въ поданныхъ ему тетрадахъ десятую главу, ** Пафнутій сталъ читать во всеуслышаніе нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ въ ней библейскихъ текстовъ. Прежде всего онъ остановился на словахъ пророка Іереміи: „Зане се Азъ созову вся царства земная отъ сѣвера, рече Господь: и пріидутъ и поставятъ кійждо престолъ свой въ преддверіяхъ вратъ Іерусалимскихъ и на всѣхъ стѣнахъ окрестъ его и на всѣхъ градѣхъ Іудиныхъ. И возглаголю къ нимъ съ судомъ о всякой злобѣ ихъ: какъ оставиша Мя и пожроша богомъ чуждимъ, и поклонишася дѣломъ руку своею“ (Іерем. I, 15, 16). Въ этомъ пунктѣ, объяснялъ Пафнутій, „Димитрій натягаетъ именно на сѣверное царство и на племена поклоняющіяся дѣломъ рукъ своихъ гнѣвъ Божій и пагубу.“ Затѣмъ обличитель прочелъ слѣдующія три

---

* Вѣроятно вслѣдствіе этого протоколъ перваго сенатскаго консиліума ограничился однимъ указаніемъ на улики представленныя Яворскимъ къ дѣлу. См. *Описаніе докум. и дѣлъ синод. архива*, I, стр. XI.

** Эта глава тетрадей озаглавлена такимъ образомъ: *О идолѣхъ языческихъ, имже многажды покланяхуся сынове Израилевы и сего ради различными казнями пострадаша.*

выдержки изъ Библіи, помѣщенныя Тверитиновымъ въ томъ же отдѣлѣ: „Отвѣщаша Іереміи вси людіе сидящіе въ земдѣ Египетстѣй.... глаголюще: Слово, еже глаголалъ еси къ намъ во имя Господне, не послушаемъ тебе, яко творяще сотворимъ всякое слово-еже изыдетъ изъ устъ нашихъ, кадите царицѣ небеснѣй и возливати ей возліянія, яко же сотворихомъ мы и отцы наши, и цари наши, и князья наши во градѣхъ Іудиныхъ и внѣ Іерусалима; и насытихомся хлѣбомъ, и благо намъ бысть, и зла не видѣхомъ“ (Іерем. XLIV, 15—18). „И рече Іеремія всѣмъ людемъ сильнымъ, и всѣмъ женамъ, и всѣмъ людемъ, отвѣщавшимъ ему словеса, глаголя: Не кажденіе ли, еже кадисте во градѣхъ Іудиныхъ, и внѣуду Іерусалима, вы и отцы ваши, и цари ваши, и князи ваши, и людіе земли, помяне Господь и взыде на сердце Его? И не можаше Господь терпѣти къ тому отъ лица злобы дѣяній вашихъ и отъ гнусностей, яже сотвористе: и бысть земля ваша во опустѣніе, и въ непрохожденіе, и въ клятву, еже не быти живущимъ, якоже есть день сей, отъ лица сихъ, имже кадисте идоломъ и ими же согрѣшисте Господеви и не послушасте гласа Господня“ (Іерем, XLIV, 20—23). „Восприясте образы, яжесотвористе поклонятися имъ: и преселю вы далѣе Вавилона“ (Дѣян. VII, 43). Пафнутій, прочитавъ эти тексты, сталъ говорить: „Еретикъ проклинаетъ и переселяетъ далѣе Вавилона—Россію, которая приноситъ приношенія Царицѣ Небесной. Онъ именно указываетъ на сѣверное царство, а на сѣверѣ одно только царство которое поклоняется святымъ иконамъ, Пресвятую Богородицу, Царицу Небесную, почитаетъ—Россійское. Ей поклоняются какъ наши благочестивые государи—цари, такъ и вы, князья и вельможи, и мы всѣ православные, а онъ всѣхъ проклинаетъ. Какой же онъ Всероссійскому государству доброхотъ?“ Пафнутій не самъ додумался до того толкованія тетрадей Тверитинова которое онъ высказалъ въ сенатѣ: онъ повторилъ только обвиненіе давно уже высказанное при разборѣ десятаго отдѣла тетрадей московскимъ духовнымъ начальствомъ, которому Яворскій поручилъ разсмотрѣть сборникъ лѣкаря. * Въ сенатѣ Пафнутій разыгрывалъ роль заранѣе ему порученную и имъ вытверженную. Но обличительное слово его не произвело того эффекта какого ожидали московскіе „ревнители“. Отъ стола за

* См. мою вторую статью, *Русск. Вѣст.* № 2, стр. 671.

которымъ сидѣли сенаторы, въ отвѣтъ обличенія Пафнутія послышались слова: „Чернечишка,—плутъ! Ты за скляницу вина душу свою продалъ.“ Поднялся снова шумъ и крикъ; „уничтожительныя“ рѣчи возобновились. Яворскій на первомъ консиліумѣ успѣлъ только предъявить сенаторамъ листъ съ двумя заповѣдями взятый въ домѣ фискала Косаго, тетради Тверитинова, доставленныя Пафнутіемъ, и копію съ лютеранскаго катихизиса, сдѣланную для Антонія. * Придворные „не великихъ ранговъ“ присланные царемъ для наблюденія за ходомъ сенатскаго слѣдствія немедленно донесли Петру обо всемъ что̀ происходило на первомъ консиліумѣ; Петръ писалъ сенаторамъ чтобъ они „судъ вели правильный, слѣдовали бы настоящее, имъ порученное дѣло, а постороннихъ дѣлъ и рѣчей не привносили, чтобы крику не было, а было бы все благочинно. **

На другой день, во вторникъ, 22го марта, происходилъ второй консиліумъ по дѣлу Тверитинова. Присутствующіе вели себя „опаснѣе“. Засѣданіе началось допросомъ Максимова. Школьникъ показалъ что Яворскій отправилъ его въ Преображенское и разспросу ему письменнаго вновь не было; что черезъ два дня самъ Ромодановскій прочелъ ему разспросы духовнаго приказа и пыталъ; что послѣ пытки въ Преображенскій приказъ пріѣхалъ дьякъ Василій Нестеровъ, „и вывязалъ изъ платка бумагу, и смотря говорилъ ему: „знаешь ли Дмитрія Тверитинова, Михаила Косова, Михаила Минина, Никиту Мартинова и если де кого утаишь, и тебя де запытаютъ.“ По совѣту дьяка, Максимовъ написалъ тогда же повинное письмо и отправилъ его къ Ромодановскому. ***

Допросъ Тверитинова возбудилъ опять волненіе между сенаторами: враждебныя партіи снова пришли въ столкновеніе. Лѣкаря спрашивали: зачѣмъ въ тетрадяхъ его и листѣ выписаны только тѣ статьи на которыхъ утверждаются еретики, а противныхъ, на которыхъ утверждается православная вѣра, не написано. Тверитиновъ отвѣчалъ что выписывалъ онъ въ тетради и въ листъ тексты изъ Священнаго Писанія „для знатія и ежели его спросятъ иноземцы чтобъ имъ могъ отвѣтъ дать; а послѣ де того было у него выписано и на про-

---

* *Описаніе документовъ и дѣлъ св. синода*, I, стр. XIV.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

*** *Описаніе документовъ и дѣлъ св. синода*, I, стр. XV.

тивность тѣмъ статьямъ отъ нашея греческія церкви, и тое выписку взяли въ Преображенское съ пожитками его". Пафнутій опровергалъ показаніе Тверитинова тѣмъ что въ заглавіяхъ, надписанныхъ надъ текстами, лѣкарь утверждалъ спасительную силу выписанныхъ имъ наставленій; „а ежелибъ де онъ то выписывалъ для разговоровъ съ иноземцами, и того бы въ заглавіи писать ему не надлежало, а надлежало бы ему написать что тѣми статьями утверждаются противники православной церкви." * Меншиковъ „ревностно" помогалъ Пафнутію. „Дайте-ка я съ нимъ поговорю", сказалъ онъ сенаторамъ и, подозвавъ Тверитинова, спросилъ у него: „Знаешь ли ты эти тетради."—„Знаю", отвѣчалъ лѣкарь.—„Ты ли такія статьи писалъ?" продолжалъ Меншиковъ.—„Я писалъ."—„Въ какое намѣреніе ты ихъ писалъ?" спросилъ князь.—„Того ради, отвѣчалъ Тверитиновъ, чтобы мнѣ еретическіе доводы знать и надумываться противу ихъ отвѣтствовать, гдѣ прилучится."—„Такъ стало-быть доводы которые тутъ собраны еретическіе?" разспрашивалъ Меншиковъ. —„Подлинно еретическіе", былъ отвѣтъ лѣкаря.—„Для чего же ты, продолжалъ Меншиковъ, въ заглавіи назвалъ ихъ святыми Божіими заповѣдями?" — „Да, они святые", отвѣчалъ Тверитиновъ. Меншиковъ указалъ ему на противорѣчіе въ его отвѣтахъ: „Какъ же ты называешь ихъ подлинно еретическими, да ты же пишешь и называешь ихъ святыми? Одно что̀ ни есть утверждай." Но Тверитиновъ не далъ себя поймать Меншикову и продолжалъ на повторенные вопросы твердить: „Они еретическіе, они же и святые." Меншиковъ вышелъ изъ себя и обратясь къ сенаторамъ, сказалъ: „Дайте мнѣ его въ застѣнокъ, то однимъ часомъ правду сыщу." Требованіе Меншикова поддерживалъ великій адмиралъ Ѳ. М. Апраксинъ; имъ вторилъ, но „тихими реченіями", и графъ Головкинъ. Сенаторы однако отказались отдать Тверитинова къ розыску. „Видно по всему, сказалъ имъ тогда Меншиковъ, что вы еретика жалѣете, а онъ подлинный еретикъ." Князь припомнилъ сенаторамъ извѣтъ сдѣланный Пафнутіемъ на первомъ засѣданіи, и упрекнулъ ихъ за то что они „такихъ важныхъ дѣлъ не слѣдуютъ." **

Отъ тетрадей обратились къ „картинѣ" съ изображеніемъ

* Тамъ же, стр. XVI.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

двухъ первыхъ заповѣдей, которая висѣла въ домѣ Тверитинова. Лѣкарь принесъ съ собою на консиліумъ и объявилъ сенаторамъ листъ, писанный златыми литерами, и сказалъ что „тотъ листъ стоялъ на стѣнѣ въ домѣ его, а иного никакого у него не бывало". Но духовникъ Тверитинова и архимандритъ Антоній показали что у него висѣлъ на стѣнѣ листъ съ изображеніемъ двухъ первыхъ заповѣдей, а не тотъ который предъявлялся на консиліумѣ обвиненнымъ. * Меншиковъ опять вступился въ дѣло и началъ уличать Тверитинова показаніями свидѣтелей. Но сенаторы рѣшили передать предъявленный лѣкаремъ листъ цедерехту Михаилу Аврамову для опредѣленія старый онъ или новый. Снова послышались голоса что свидѣтели накуплены Яворскимъ; Тверитинова же нѣкоторые сенаторы прямо „выправливали."

Засѣданіе заключилось обвиненіемъ самого мѣстоблюстителя въ распространеніи тѣхъ же еретическихъ люторскихъ идей за которыя проклятъ былъ Тверитиновъ съ товарищами на недавнемъ Московскомъ соборѣ. Говорятъ что лѣкарь обратился къ сенаторамъ съ вопросомъ, кого должно считать злѣйшимъ еретикомъ и болѣе достойнымъ наказанія, того ли который заботится о напечатаніи еретическихъ книгъ, или того который читаетъ такія книги. ** Сенаторы будто бы отвѣчали что первый конечно достоинъ бóльшаго наказанія, нежели послѣдній. Тогда Тверитиновъ представилъ сенаторамъ книгу изданную въ Черниговѣ архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ подъ заглавіемъ *Богомысліе* и прибавилъ что книга эта, посвященная Яворскому, буквально переведена съ извѣстнаго сочиненія лютеранскаго богослова Гергарда *Meditationes Sacrae*, наполнена тѣми же лютеранскими догмами за которыя онъ преданъ проклятію; между тѣмъ какъ самъ Яворскій заботливо распространялъ *Богомысліе* между своими знакомыми. Вмѣстѣ съ книгой Максимовича, Тверитиновъ передалъ сенаторамъ для сличенія и ея латинскій оригиналъ, ***

---

* *Описаніе документовъ и дѣлъ св. синода*, I, стр. XVI.

** *Fischer*, *Vita Iohannis Gerhardi*, p. 447.

*** Авторъ *Обзора русской духовной литературы*, стараясь во что бы то ни стало снять съ Максимовича и Яворскаго упрекъ въ распространеніи лютеранскаго произведенія, утверждаетъ (*Черниговскія Епархіальныя Извѣстія* 1864, № 14, прибавл., стр. 428) что *Богомысліе* не есть простой переводъ книги Гергарда. Въ доказа-

сообщенный ему въ Москвѣ кѣмъ-то изъ знакомыхъ лютеранъ. * Въ особенномъ доношеніи, въ то же время представленномъ сенату, Тверитиновъ объяснялъ что „напечатаны книги названныя *Богомысліе* на славянскомъ языкѣ на имя Стефана митрополита *подъ его протекціею*, а переведены изъ закона лютерскаго и напечатаны въ Черниговѣ тому пятый годъ и пущены въ продажу во все государство; между тѣмъ въ этихъ книгахъ „отрицаютъ молитву ко святымъ угодникамъ, утверждаютъ единою токмо вѣрою оправдитися въ день судный, кромѣ добрыхъ дѣлъ; чтеніе и пѣніе установленное въ церкви Божіей многословіемъ непотребнымъ называютъ. А переводъ и творецъ противныхъ книгъ въ словенскихъ напечатанныхъ книгахъ потаенъ для того дабы не признали что тѣ книги закона лютерскаго.“ Тверитиновъ заключилъ свое доношеніе жалобой что онъ „разоренъ безъ остатку и гибнетъ подъ карауломъ за одни только диспуты, которые имѣлъ за принужденіемъ вицъ-губернатора Ершова, отъ лица лютерскаго, чиномъ школьнымъ, не противляяся святой церкви. И принудя его, сами нынѣ написались свидѣтельми, будто онъ противенъ церкви, и по тому свидѣтельству архіерей рязанскій проклялъ его и лишилъ всякія святыни *безъ допросу и не облича, презрѣвъ царскаго величества именные указы*“. Въ доказательство своей вѣрности святой церкви, Тверитиновъ ссылался на своихъ духовныхъ отцовъ и на приходскаго священника, которые въ своихъ сказкахъ его „оправили“, и на то что самъ Яворскій „принялъ у него православное исповѣданіе на письмѣ дважды подъ великимъ прещеніемъ суда Божія и подъ вѣчною анаѳемой что онъ ни въ чемъ

тельство своего мнѣнія онъ приводитъ слѣдующіе стихи Максимовича:

> *Богомысліе* сію книгу нареченну
> Приношу читателю *добрѣ умноженну.*

„Книжка добрѣ умноженна, замѣчаетъ арх. Филаретъ, оттого что *въ ней* есть *довольно* мыслей самого издателя; но она *большею частію* переводъ сочиненія набожнаго лютеранина Іоанна Гергарда.“ Это невѣрно. Самому Максимовичу въ *Богомысліи* принадлежатъ только посвященія; самое же сочиненіе *буквально* переведено съ латинскаго; *добрѣ умноженно Богомысліе* авторомъ, а не переводчикомъ.

* *Fischer, Vita Iohannis Gerhardi*, p. 447.

святой церкви не противенъ и всякую святыню пріимлетъ отъ нея, какъ и всѣ православные христіане“. *

Дополненіемъ о *Богомысліи* Тверитиновъ нанесъ сильный ударъ московскимъ ревнителямъ православія и во главѣ ихъ самому Яворскому. Наброшена была тѣнь на чистоту побужденій митрополита, который такъ неотступно, позволенными и непозволенными путями преслѣдовалъ Тверитинова за тетрадь выписокъ изъ Библіи, въ то же время самъ посылалъ разнымъ людямъ съ подписаніемъ своей руки на благословеніе ** книгу, строго вѣрную протестантской догмѣ. Сенаторы „онѣмели отъ удивленія“, *** выслушавши доношеніе лѣкаря. Для самого Яворскаго раскрытіе литературнаго плагіата черниговскаго епископа было неожиданностію. Стефанъ сначала требовалъ чтобы сенаторы не принимали отъ Тверитинова ни книги, ни доношенія объ ней; онъ продолжалъ твердить свою любимую пѣсню о томъ что это дѣло духовнаго суда, а не гражданскаго. „Димитрію, какъ еретику,—говорилъ Яворскій сенаторамъ,—должности до того нѣтъ, принята или не принята имъ, Яворскимъ, та книга; пусть объ этомъ судитъ церковь, а не онъ, еретикъ. Да и вамъ отъ такого подозрительнаго человѣка, не имѣющаго никакой духовной степени, не надлежитъ въ свой гражданскій судъ принимать челобитенъ на насъ духовныхъ: понеже вы не тѣхъ дѣлъ судьи. Меня же и оную книгу пусть судитъ церковь, а не вы.“ **** Слова Яворскаго не встрѣтили сочувствія въ присутствовавшихъ на консиліумѣ; дополненіе Тверитинова было принято, между сенаторами оказалось довольно такихъ которымъ оно доставило удовольствіе. † Поставленный въ необходимость разъяснить распространеніе лютеранской книги, Яворскій сказалъ что тѣ книги „печатаны въ Черниговѣ по приказу черниговскаго архіепископа Максимовича, а къ нему (попали) по прошенію черниговскихъ школъ учениковъ, которые привезли тѣхъ книжекъ къ нему мѣшокъ, и онъ, архіерей,

* Дѣло архива св. синода.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

*** *Fischer, Vita Iohannis Gerhardi*, p. 417.

**** *Записка о дѣлѣ Тверитинова*, передающая эти подробности, ошибочно относитъ ихъ къ первому засѣданію.

† По свидѣтельству *Записки*, сенаторы „таковое противное митрополиту доношеніе, гнѣвающіеся на него, митрополита, *съ охотою приняли.*“

тѣхъ книжицъ, несмотря и не читая, *раздавалъ*". * Такимъ образомъ Яворскій не отвергалъ того что онъ распространялъ *Богомысліе;* онъ оправдывался на консиліумѣ лишь тѣмъ что не зналъ содержанія этой книги и не подозрѣвалъ въ авторѣ ея лютеранина. ** Застигнутый обличеніемъ Тверитинова врасплохъ, Яворскій уѣхалъ изъ сената „со стыдомъ въ презѣльной злобѣ". *** Роковую „книжицу" Стефанъ не забылъ захватить съ собою. ****

Былъ ли правъ Тверитиновъ, обвиняя Яворскаго въ безсознательномъ покровительствѣ тѣмъ же идеямъ за которыя съ такимъ фанатизмомъ мѣстоблюститель преслѣдовалъ лѣкаря, какъ увидимъ далѣе, цѣлыя десять лѣтъ? † Доношеніе Тве-

---

* Дѣло архива св. синода.

** *Fischer*, *Vita Iohannis Gerhardi*, p. 447.

*** *Молотокъ на Камень вѣры.*

**** „И тое книжицу онъ архіерей взялъ къ себѣ." Дѣло архива св. синода.

† Авторъ *Обзора русской духовной литературы* говоритъ: „Ближе къ правдѣ будетъ, если скажемъ что *защитники цирульника* старались закрыть этою книжкой цирульника и довольно успѣли (?) въ своихъ *происках*ъ. Содержаніе книжки не заключало въ себѣ *сходнаго* съ проповѣдями *цирульника, изступленнаго иконоборца;* но для друзей Лютера не мало значило что сочиненіе лютеранина въ русскомъ переводѣ посвящено Стефану, жаркому противнику лютеранъ." *Черниговскія Епархіальныя Вѣдомости*, 1864, № 14, прибавл., стр. 429. Цирульника Ѳомы Иванова, „изступленнаго иконоборца" давно уже не было въ живыхъ, когда было подано доношеніе о *Богомысліи*. Авторъ *Обзора*, очевидно, смѣшалъ Ѳому Иванова съ Тверитиновымъ и послѣднему несправедливо придалъ характеристику „изступленнаго иконоборца." Архіепископъ Филаретъ введенъ былъ въ этомъ случаѣ въ заблужденіе разказомъ біографа Гергардова Фишера, приведеннымъ въ статьѣ г. Пекарскаго *Извѣстія о русскомъ переводѣ одной лютеранской книги во времена Петра Великаго* (Записки Императорской Академіи Наукъ, томъ V, стр. 58). Разказъ Фишера оказывается невѣрнымъ лишь въ двухъ пунктахъ: 1) *Богомысліе* представлено было въ сенатъ не *цирульникомъ*, а *лѣкаремъ* Тверитиновымъ; 2) сенаторы *не освобождали* цирульника (tonsorem libere dimittunt). Послѣдняя ошибка также повторена авторомъ *Обзора*, который увѣряетъ что защитники цирульника „довольно успѣли въ своихъ *происках*ъ." Не забудемъ что въ числѣ

ритинова о *Богомысліи* не было подвергнуто разбору на последующихъ сенатскихъ консиліумахъ; Яворскій, въ свою очередь, не представилъ опроверженія обвиненій взведенныхъ на него въ доношеніи. При первомъ сличеніи *Богомыслія* съ оригиналомъ, Стефанъ не могъ не убѣдиться что оно представляло буквальный переводъ трактата написаннаго лютераниномъ, что оно во многомъ не соотвѣтствовало тѣмъ убѣжденіямъ которыя проповѣдывалъ Яворскій. *Священныя размышленія* написаны Гергардомъ еще въ пору его студенчества (1606). Основанныя, по собственному признанію автора, на сочиненіяхъ Блаженнаго Августина, Св. Бернарда и Таулера, они несвободны отъ мистицизма, къ которому, кажется, чувствовалъ склонность черниговскій архіепископъ Максимовичъ, * но къ которому не оказывалъ расположенія Яворскій. Предназначенное служить назидательнымъ чтеніемъ для большинства неспеціалистовъ въ богословіи, *Богомысліе* Гергарда не имѣетъ догматическаго и полемическаго характера; потому разногласія лютеранской догмы съ ученіемъ православной церкви не выступаютъ въ немъ, за немногими исключеніями, слишкомъ рѣзко; оно было болѣе отрицательное, чѣмъ положительное. Въ главѣ *о спасительномъ дѣйствіи молитвъ* православные читатели *Богомыслія* конечно ничего не находили о поклоненіи иконамъ; они точно такъ же напрасно стали бы искать въ немъ хотя намека на тотъ догматъ о молитвенномъ ходатайствѣ угодниковъ Божіихъ за людей который возбуждалъ сомнѣніе въ Тверитиновѣ. Въ книгѣ лютеранина конечно не могло быть мѣста положенію не согласному съ ученіемъ Лютера, и лѣкарь имѣлъ основаніе сказать въ своемъ доношеніи что у Гергарда „отрицается молитва къ святымъ угодникамъ.“ ** Наконецъ, *Богомысліе* не разъ обра-

---

этихъ „защитниковъ,“ обвиняемыхъ *въ проискахъ*, былъ самъ Петръ, желавшій ограничить неумѣренную ревность Яворскаго.

* Такъ, Максимовичъ перевелъ сочиненіе Дрекселя *Иліотропіонъ, сообразованіе человѣческой воли съ божественною изобразующій*, изданное въ послѣдствіи въ новомъ переводѣ *безъ указнаго дозволенія* кружкомъ Новикова (1784).

** Подтвержденіе этому Тверитиновъ могъ видѣть въ слѣдующихъ словахъ *Богомыслія*: „Камо убо пойду, къ кому прибѣгну, камо обращуся, развѣ Тебѣ Господи?“ л. 326 об. „Никто праведно и истинно молится, аще не чрезъ Христа“; л. 207.

щается къ одному изъ важнѣйшихъ лютеранскихъ догматовъ, объ оправданіи одною вѣрой независимо отъ добрыхъ дѣлъ. * На эту неправославную мысль книги Тверитиновъ также указалъ въ своемъ доношеніи сенату. Самъ лѣкарь, повидимому, не раздѣлялъ ея: на нее нѣтъ никакихъ указаній въ его тетрадяхъ, свидѣтельскія сказки, съ другой стороны, не раскрыли также чтобъ эта мысль когда-нибудь высказывалась Димитріемъ въ частныхъ разговорахъ и диспутахъ. Впослѣдствіи (въ 1718 году), желая помѣшать посвященію Θеофана Прокоповича въ архіерейскій санъ, Яворскій обвинялъ его въ томъ что въ свои богословскія лекціи онъ вносилъ положенія несогласныя съ ученіемъ православной церкви, уча между прочимъ „яко едина вѣра безъ дѣлъ оправдаетъ человѣка.“ ** Мѣстоблюститель требовалъ чтобы Прокоповичъ до посвященія своего въ архіереи „отрекся и *анаѳемѣ предалъ* свое *противное* ученіе о вѣрѣ, о покаяніи и добрыхъ дѣлахъ,“ *** то самое ученіе которое Яворскій нѣкогда, самъ того не зная, распространялъ въ *Богомысліи*. Отвѣчая на обвинительные пункты Стефана, иногда „худо противъ грамматики и злобно противъ любви переведенные,“ Прокоповичъ имѣлъ основаніе сказать о Яворскомъ: „вѣдалъ онъ и видѣлъ что въ Черниговѣ, кромѣ *безчисленныхъ бездѣлицъ* православію противныхъ, доселѣ печатаютъ въ служебникахъ мудрованіе латынское о пресуществленіи, и акаѳистъ о томъ же изданъ съ тѣмъ же мудрованіемъ, однакожъ того не запрещалъ.“ **** Ясно видѣть можно, замѣчалъ Прокоповичъ о Яворскомъ, „что не *по ревности* преосвященный на меня повсталъ, но *по злобѣ*. Одна ли рев-

---

* *Богомысліе*, л. 44; „Довлѣетъ же вѣра Христова къ довлетворенію. Воистину не много бы пріобрѣлъ праведныхъ, аще бы грѣшниковъ не воспріималъ.“ Ср. л. 45 об. „Насытимся убо не дѣлъ нашихъ, но Господней пищи. Аще сребра дѣлъ добрыхъ (ты душа) лишена еси паче, скорѣе къ милосердію Христову всеусерднѣ тещи. Кая убо возмогутъ быти дѣла наша?“ л. 81 об. Это положеніе развито и въ главѣ 12й, *О существѣ и свойствахъ истинной вѣры*.

** Чистовича, *Рѣшиловское дѣло*. Приложенія, стр. 4.

*** Тамъ же, стр. 47.

**** Отвѣтъ Θеофана на обличительные пункты Яворскаго, по рукописи № 1.854 принадлежащей П. В. Щапову, которому и приносимъ за сообщеніе ея благодарность. Къ сожалѣнію, этотъ отвѣтъ не напечатанъ вполнѣ ученымъ защитникомъ Яворскаго, г. Чистовичемъ, рядомъ съ обвинительными пунктами Стефана.

ность къ чистотѣ православной догмы двигала Стефаномъ и въ дѣлѣ московскихъ еретиковъ? Одною ли ревностію объясняется настойчивость преслѣдованія въ человѣкѣ который одною рукой подписывалъ анаѳему Тверитинову и его друзьямъ и предавалъ ихъ пыткѣ Преображенскаго приказа, а другою распространялъ на поученіе православнымъ книгу лютеранскаго богослова? Въ суровой натурѣ мѣстоблюстителя дѣйствительно мало было терпимости и той христіанской любви, которую такъ высоко ставилъ Гергардъ въ своихъ *священныхъ размышленіяхъ*, потребность которой такъ настойчиво высказывалъ Тверитиновъ въ своихъ тетрадяхъ. „Не пользуетъ премудрость въ откровеніи таинъ, говоритъ *Богомысліе,—безъ любви*; и діаволъ бо нѣкіихъ извѣстенъ таинъ, любовь единымъ свойственна точію благочестивымъ. *Вѣра* горы преставляяй, *не полезна безъ любви*; сицева бо вѣра чудесна точію, а не спасительна. Любовь чудотворенія даръ превосходитъ: сія бо *истинныхъ христіановъ несумнительно* пресовершенное *знаменіе*, сіе же (то-есть чудотвореніе) нечестивымъ нѣкогда прилучается. Не пользуетъ вся имѣнія нищимъ раздати, аще нѣсть любве: лицемѣрное бо внѣшнее дѣяніе есть, не сущей внутренней любви. Любовь *долготерпѣлива*: всякъ бо неудобнѣ прогнѣвается противу любимому; любы не безчинствуетъ, вся бо благоразсудно творитъ; любы вся благоговѣйнѣ совершаетъ, гнѣвному бо токмо свойственно несогласіе безстудно содержати, любовь же гнѣву бразды возлагаетъ.“ * Люди хорошо знавшіе Яворскаго, на краснорѣчивыхъ страницахъ лютеранскаго *Богомыслія* о любви, читали рѣзкое обличеніе тенденціямъ и понятіямъ ревностнаго къ догмѣ мѣстоблюстителя, и авторъ *Возраженія* (Молотка) *на Камень вѣры* иронически припоминалъ Яворскому главу *Богомыслія*, будто бы имъ переведеннаго, *о свойствахъ истинной любви*, прибавляя: „Но твоя любовь видимо въ чемъ состоитъ. Ты учителемъ церкви россійской хочешь именоваться и пастыремъ такъ многочисленнаго стада Христова быть желаешь; а что̀ учителю хранить должно, того ты не знаешь. И для того я хочу тебѣ донести: Христосъ велитъ любить врага, молиться за напаствующихъ и гонящихъ, а притомъ повелѣваетъ въ наученіи и обличеніи съ кротостію, смиреніемъ и долготерпѣніемъ поступать.“

---

* *Богомысліе*, л. 277 об. 279.

Лютеранское *Богомысліе*, содержавшее въ себѣ такъ много несогласнаго съ направленіемъ и убѣжденіями Яворскаго, явилось въ свѣтъ съ длиннымъ посвященіемъ Максимовича мѣстоблюстителю, посвященіемъ, въ которомъ превозносились добродѣтели и пастырская дѣятельность Стефана. По увѣренію черниговскаго архіепископа, Яворскій стоялъ выше всѣхъ похвалъ; „на тверди россійской пребывая въ славѣ, онъ сіялъ какъ утренняя звѣзда посреди облаковъ; русская церковь напаялась и орошалась росой благодатною, многопотными трудами, ученіями благоразумными, изливавшимися отъ устъ его; корабль церкви россійской, врученный богомудрому управленію Стефана, не устрашался, подъ его управленіемъ, тысячи Сциллъ и Харибдъ; всѣ въ Россіи, единымъ сердцемъ и устами, почитали добродѣтели, честь и достоинство мѣстоблюстителя“. Яворскій не былъ глухъ къ похваламъ Максимовича; онъ принялъ подъ свое покровительство *Богомысліе*, переводчикъ котораго превозносилъ свой трудъ въ такихъ выраженіяхъ:

О дивна воистинну вся въ себѣ содержитъ,
Кто всеусердно пречтетъ, вся блага умножитъ;
Дивныи вещи вездѣ въ себѣ изъявляетъ,
Разсудительнѣ чтущихъ самъ Богъ прославляетъ.
Разумѣй, *якъ бы Божіимъ перстомъ начертанна,*
Въ наставленіе чину всякому поданна.

Съ такимъ одобреніемъ вышла въ свѣтъ книга Максимовича, „краткая въ словахъ, но великая въ дѣлѣ“. Къ ней, въ скоромъ времени, припечатано было посвященіе самому царю. Новгородскій митрополитъ Іовъ витіеватыми фразами восхвалялъ богословскіе труды Максимовича. Получивши отъ черниговскаго архіепископа книги имъ изданныя, Іовъ писалъ ему: „Пріяхъ тыя, якоже корабли индѣйскіе, наполненные тмищными благами и бисеры многоцѣнными, различнымъ индійскимъ каменіемъ и адамантами сіяющими.“ * Учители основанной Максимовичемъ Черниговской семинаріи и вся братія черниговскаго архіерейскаго дома въ свою очередь расточали щедрыя похвалы своему архіепископу и, принимая его за автора *Богомыслія*, писали ему: „Егда въ *Богомыслія* книжицу воззримъ, здѣ аки въ зерцалѣ богодухновенную мысль и

* *Странникъ* 1861, томъ I стр. 121.

весь умъ преосвященства вашего, въ Бозѣ и въ божественномъ выну упражняющійся, видимъ.“ *

Разоблаченіе сдѣланное Тверитиновымъ въ сенатѣ заставило взглянуть съ другой точки зрѣнія на литературные адаманты Максимовича, вызвавшіе въ послѣдствіи неуклюжестью своихъ виршей рѣзкое осужденіе Кантемира **. Оно, повидимому, не прошло безъ слѣда и для южно-русскихъ типографій вообще. Въ указѣ 5го октября 1720 года было сказано: „Великому государю, его царскому величеству извѣстно учинилось что въ кіевской и черниговской типографіяхъ, въ печатныхъ книгахъ печатаютъ *несогласно съ великороссійскими печатьми*, которыя (то-есть нѣкоторыя) со многою противностію къ восточной церкви. А именно: въ *Черниговѣ* учебные часословы *по желанію раскольническому*...... Въ книгѣ *Богомыслія* явилась *многая люторская противность*...... *** Того ради его царское величество указалъ.... вновь книгъ никакихъ, кромѣ церковныхъ прежнихъ изданій, не печатать; а и оныя церковныя старыя книги, *для совершеннаго согласія съ великороссійскими*, съ такими жъ церковными книгами справливать прежде печати съ тѣми великороссійскими печатьми, дабы *никакой разни* и *особаго нарѣчія* во оныхъ не было; а другихъ никакихъ книгъ, ни прежнихъ, ни новыхъ изданій, не объявя объ оныхъ въ духовной коллегіи и не взявъ

* См. предисловіе къ *Иліотропіону* Максимовича.

** Въ 3й сатирѣ, ст. 115:

Съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ неспѣлы,
Тверды, ушамъ досадны и на тѣ походятъ
Которые по азбукѣ святыхъ житье водятъ.

Къ этимъ стихамъ Кантемиръ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Есть поэма, въ Кіевѣ напечатанная (*Алфавитъ духовный*), въ которой Максимовичъ стихами описалъ житіе святыхъ печерскихъ,—книга въ листъ, пальца въ два толщины, въ которой, однако, кромѣ именъ тѣхъ святыхъ и имени его высочества, государя царевича Алексѣя Петровича, которому она дедикована, ничего путнаго нѣтъ“.

*** Авторъ *Обзора русской духовной литературы*, желая защитить „блаженнаго“ Стефана Яворскаго, утверждаетъ что здѣсь сказано больше, чѣмъ надлежало сказать. „Для того чтобы черниговская типографія (шутитъ онъ) была осмотрительнѣе и не издавала книгъ помимо синода, о чемъ и писался указъ (?!), довольно было сказать что книжкой *Богомыслія* закрывались друзья лютеранства къ скорби православныхъ“.

отъ оной позволенія, въ тѣхъ монастырѣхъ не печатать, дабы не могло въ такихъ книгахъ никакой къ церкви восточной противности и съ великороссійскою печатью несогласія произойти". *

Приведенный указъ изданъ черезъ *пять* лѣтъ послѣ подачи Тверитиновымъ доношенія о *Богомысліи*, когда вопросъ объ этой книгѣ потерялъ всякій личный интересъ и для Яворскаго, и для лѣкаря. Но онъ имѣлъ въ виду ослабить ту церковную и литературную „разнь" которая существовала между Великою и Малою Россіей, и которую мѣстоблюститель спокойно оставлялъ развиваться. Заявляя необходимость уничтожить въ южно-русскихъ книгахъ „нарѣчіе особое" отъ великороссійскихъ, указъ останавливалъ вниманіе не на одной только „люторской противности," открытой въ *Богомысліи*, но и на томъ что „въ *Мѣсяцословѣ* который изданъ въ прошломъ 1718 году и печатанъ въ Кіевопечерской типографіи, въ заглавіи напечатано яко бы напечатанъ ставропіею вселенскаго константинопольскаго патріарха, *чего было печатать не надлежало*, для того что Кіевопечерскій монастырь отъ многихъ лѣтъ учиненъ въ ставропіи святѣйшихъ россійскихъ патріарховъ, а отъ константинопольскихъ уволенъ". Упорно преслѣдуя тетради Тверитинова, Яворскій спокойно смотрѣлъ какъ въ Малой Россіи слагалось не малое число акаѳистовъ и иныхъ службъ не совсѣмъ согласныхъ съ Священнымъ Писаніемъ. ** Защитникъ *Камня вѣры*, Арсеній Мацѣевичъ утверждалъ и въ послѣдствіи что Стефанъ „власти надъ Кіевопечерскимъ монастыремъ не имѣлъ, *развѣ когда сталъ быть блюститель престола патріаршаго*; однако и въ ту пору власть его и совершенное смотрѣніе было надъ типографіей Московскою, а отъ Кіевопечерской, яко отъ *ставропигіальной* и *почти зарубежной* тогда вмѣняющейся, дѣло до него не приходило". Яворскій не поднимался до тѣхъ вопросовъ о церковномъ и литературномъ объединеніи Великой Россіи съ Малою которые затронулъ царскій указъ, вызванный разоблаченіемъ *Богомыслія*.

* Полное Собраніе Законовъ, томъ VI, № 3.653.

** Духовный регламентъ, часть вторая.

VI.

Донесеніе поданное Тверитиновымъ на второмъ консиліумѣ сильно смутило Стефана и его московскихъ клевретовъ. Третій сенатскій консиліумъ, происходившій 28го марта, не привелъ ни къ какимъ результатамъ *. Наканунѣ этого дня царь уѣхалъ въ Петергофъ и возвратился лишь по окончаніи сенатскаго консиліума **; Меншиковъ не присутствовалъ на засѣданіи: оно наполнено было запальчивыми рѣчами и зазорными разговорами. „Такого мятежа и контры и великихъ гнѣвныхъ и противныхъ между толикихъ и таковыхъ великихъ персонъ, къ тому еще единовѣрныхъ, противныхъ и досадительныхъ реченій хотя бы и въ прежнихъ греческихъ съ еретиками соборѣхъ едва въ исторіяхъ обрѣтается", свидѣтельствуетъ очевидецъ ***. Московскіе ревнители чувствовали что дѣло начинало принимать неблагопріятный для нихъ оборотъ: повидимому, данныя на основаніи которыхъ Тверитиновъ съ товарищами преданы были, вопреки царскому указу, новому суду и потомъ прокляты, не имѣли для петербургскихъ сенаторовъ того рѣшительнаго значенія которое было имъ придано Московскимъ „соборомъ". Новгородскій митрополитъ Іовъ два раза писалъ Яворскому въ это время: благодаря мѣстоблюстителя „за усердное тщаніе въ церковномъ дѣлѣ", Іовъ увѣщевалъ его „до конца стоять и подвизаться противъ еретиковъ" ****. Но непреклонный Стефанъ чувствовалъ те-

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова* увѣряетъ что на этомъ консиліумѣ „едва едва склонилися *всѣ* ихъ за подлинныхъ еретиковъ имѣти." Другіе источники, напримѣръ, протоколы этого консиліума въ синодальномъ архивѣ, не говорятъ ничего подобнаго, и это показаніе *Записки* опровергается послѣдующимъ ходомъ слѣдствія.

** *Походный Журналъ* 1715 года, стр. 11, 35.

*** *Записка о дѣлѣ Твер.*

**** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.* Безъ сомнѣнія къ числу этихъ писемъ относится напечатанное г. Чистовичемъ безъ означенія мѣсяца и года въ *Страникѣ* 1861 томъ I, стр. 124 и начинающееся такимъ образомъ: „Сугубо азъ душею моею веселюся, слыша о духовныхъ твоихъ направленіяхъ и попеченіяхъ общія ради пользы и спасенія церкви: яко же другій Павелъ во евангельскомъ пути наблюденія присно настояй.

перь необходимость сдѣлать новый шагъ къ примиренію съ царемъ и воспользовался временнымъ прекращеніемъ сенатскихъ консиліумовъ, по случаю Страстной и Святой недѣли, чтобы сдѣлать попытку получить прощеніе Петра за произвольную расправу съ Тверитиновымъ. 14го апрѣля Яворскій писалъ царю: „Великодержавнѣйшій царь, государь премилостивѣйшій! Въ настоящее время великострастнаго пятка, егда Христосъ на крестѣ гласитъ кличемъ веліимъ: *Отче! отпусти имъ*,—желаю себѣ и азъ подражати Христа. Сего ради къ вашему царскому величеству, аки къ общему всѣхъ насъ отцу, припадая, вопію: *Отче! отпусти*. Тамо Христосъ гласитъ: *не вѣдятъ бо что творятъ*; не вѣдяхъ и азъ яко то дѣло еже сотворихъ неугодно имѣло быти предъ вашимъ царскимъ величествомъ. А еще же *въ невѣжествѣ* согрѣшихъ, убо грѣхъ мой достоинъ есть прощенія, ибо и Павелъ апостолъ глаголетъ: *гонихъ*, рече, *по премногу церковь Божію, но сего ради помилованъ быхъ яко въ невѣжествѣ сіе сотворихъ*. Невѣжество же мое въ семъ является: первое, обличалъ на казаньи моемъ въ Москвѣ фискаловъ о неправдѣ, того ради яко промчеся у нихъ на Москвѣ слово что фискали имутъ власть на всякого доводити, и аще кому и не доведутъ, то имъ въ вину не ставится. А не вѣдалъ я того что въ напрасномъ поклепѣ есть и на нихъ вина, и по разсмотрѣнію наказаніе, рекше штрафъ; ибо сей указъ и воля вашего царскаго величества потомъ уже, сирѣчь въ 712 году, явился всенароднѣ печатнымъ тисненіемъ въ С.-Петербургѣ, а прежде сего о семъ указѣ намъ на Москвѣ не было вѣдомо. Второе, еретиковъ новоявленныхъ, *достовѣрными* доводами свидѣтельствованныхъ, по розыску и по *опасному* испытанію и по *общему* духовнаго чина *совѣту*, предахомъ анаѳемѣ; сего же не ощутихомъ яко сицево дѣло не описавшеся съ вашимъ царскимъ величествомъ мнится быти *царскія власти презрѣніе* и самовластіе большому начальству не подлежащее. О сихъ обоихъ винахъ моихъ, и аще какія (иныя?) нѣкія суть, каюся и, гласу Христову подобяся, вопію: *Отче! отпусти; аще бо назриши беззаконіе, кто постоитъ, яко у тебѣ очищеніе есть*."

Покаянное письмо свое Яворскій заключилъ евангельскими словами, которыя онъ желалъ видѣть примѣненными къ себѣ и которыхъ никогда не рѣшился примѣнить къ московскимъ „еретикамъ": „Кая можетъ быть добродѣтель, царскому величеству подобающая,—спрашивалъ Стефанъ,—паче сея, еже

вины отпущати? Симъ бо образомъ вы, земныи бози, уподобляетесь самому небесному Богу, аще отпущаете своимъ подданнымъ, якоже отпущаетъ Онъ всѣмъ намъ. О сіе отпущеніе и азъ, падъ къ стопамъ вашего царскаго величества, всесмиренно молю: *отпущайте аще что на кого имате, да и Отецъ Небесный отпуститъ вамъ*." *

Ссылаться на свое невѣдѣніе было любимою, обычною уловкой мѣстоблюстителя въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Тверитиновъ доноситъ сенату что Стефанъ самъ распространялъ лютеранскую книжицу, и Яворскій объявляетъ что онъ раздавалъ ее „*не смотря и не читая*". Вызваннымъ въ Петербургъ, для поставленія епископовъ, архіереямъ, Стефанъ поручаетъ донести государю что Ѳеофанъ Прокоповичъ „имѣетъ препятіе ко святому великому архіерейскому сану", потому что въ своей богословіи проповѣдывалъ ученіе „новое, несогласное православной церкви"; ** въ доказательство этому прилагаетъ къ своему донесенію выписки „пропозицій" изъ богословіи Ѳеофана. Извѣтъ Яворскаго остается безуспѣшнымъ; царь оказываетъ особенные знаки милости къ посвященному псковскому епископу. Стефанъ „*на словахъ и на бумагѣ* сознается что *вовсе не читалъ* сочиненій Ѳеофана, что онъ былъ вовлеченъ въ обманъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ и Гедеономъ Вишневскимъ", *** и торопится припрятать богословскія лекціи Ѳеофана, испещренныя его собственноручными замѣтками на поляхъ. **** „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, пишетъ Яворскій лицу доставившему ему богословіе Ѳеофана, я написалъ на поляхъ замѣчаньица, но это сдѣлалъ *неразсудительно* и какъ бы сгоряча, по причинѣ существовавшаго еще тогда

---

* Чистовича, *Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время*, стр. 65—66.

** Рукопись П. В. Щапова, № 1.854. Чистовичъ, *Рѣшиловское дѣло, Приложеніе*, стр 1 слѣд.

*** *Epistolae Illustrissimi ac reverendissimi Theophanis Procopowitsch* (Mosquae, 1776), epist. 6. Ѳеофилактъ и Гедеонъ, въ свою очередь, доносятъ синоду что пропозиціи, выписанныя изъ богословіи Ѳеофана и приложенныя къ доносу на его „новое" ученіе, *не всѣ были читаны*. Чистовича, *Ѳеофанъ Прокоповичъ*, стр. 705.

**** Рукопись богословскихъ лекцій Ѳеофана съ примѣчаніями Стефана Яворскаго, въ коихъ доказывается что Прокоповичъ „заряженъ язвой кальвинскою", хранится въ библіотекѣ Московской духовной академіи, № 245. См. *Труды Кіевской духовной академіи* 1864, томъ II, стр. 153—155.

между мною и авторомъ разлада. А такъ какъ теперь все покончено и настала вожделѣннѣйшая тишина, то я прошу не открывать автору этихъ моихъ замѣчаній, чтобъ изъ этихъ искръ снова не возгорѣлся пожаръ". *

И во время сенатскихъ консиліумовъ, въ покаянномъ письмѣ къ Петру, Стефанъ оправдываетъ свою проповѣдь, въ которой царь выставлялся разорителемъ закона Божія и которая направляла симпатіи слушателей къ царевичу, невѣдѣніемъ указа о фискалахъ. Какъ бы забывая свое открытое противодѣйствіе царскому указу о Тверитиновѣ, которое не безъ основанія считали въ Петербургѣ „презрѣніемъ царской власти и самовластіемъ", Яворскій просилъ у Петра прощенія только въ томъ что проклялъ еретиковъ, не списавшись съ царемъ. Письмо мѣстоблюстителя осталось безъ отвѣта. Петръ простилъ своимъ „птенцамъ", вѣрнымъ пособникамъ реформы, Меншикову, Брюсу, Апраксину, ихъ лихоимство; ихъ руки были еще нужны Преобразователю для великой работы надъ пересозиданіемъ Россіи; Петръ не могъ сойтись съ мѣстоблюстителемъ, въ лицѣ котораго „замахивалась" ** на царя бородатая русская старина....

13го мая консиліумы по дѣлу московскихъ „еретиковъ" возобновились. Обвиненные чувствовали себя бодрѣе чѣмъ прежде. Тверитиновъ на четвертомъ засѣданіи сената подалъ просьбу, въ которой жаловался на то что Яворскій не исполнилъ царскаго указа о всенародномъ объявленіи его православія, а вмѣсто того „напрасно" обвинилъ его въ еретичествѣ, нашелъ противъ него свидѣтелей лишь „спустя многое время послѣ вершонаго дѣла", „по тому ложному свидѣтельству мучилъ его многое время въ тюрьмѣ прикованна" и затѣмъ, принявши отъ него исповѣданіе вѣры, „вмѣсто свободы отослалъ его изъ Духовнаго Приказа въ Московскую губернскую канцелярію къ розыску". „А какою противностію, прибавлялъ лѣкарь, оклеветанъ онъ, Тверитиновъ, и такія противныя книги напечатаны на словенскомъ и пущены въ продажу во все государство." Въ заключеніе онъ просилъ освободить его изъ-подъ караула „на росписку". Въ то же время фискалы Косой и

---

* Тамъ же.

** Духовный регламентъ, доказывая необходимость замѣнить единаго духовнаго правителя, то-есть патріарха, коллегіей, говоритъ объ опасности столкновенія самодержца съ верховнымъ пастыремъ и замѣчаетъ: „Да не воспомянутся подобные и у насъ бывшіе *замахи*".

Мининъ, отрицая въ себѣ всякое участіе въ какой бы то ни было ереси и свидѣтельствуясь въ томъ „Сердцевидцемъ всея твари", жаловались на то что Яворскій осудилъ ихъ совершенно напрасно, „безъ допросу", и просили чтобы съ нихъ снято было церковное проклятіе. Эти просьбы остались нѣкоторое время безъ послѣдствій. За то сенаторы исполнили другое желаніе обвиненныхъ, и на консиліумѣ 13го мая, къ крайнему неудовольствію Яворскаго и его пособниковъ,* приговорили „ради подлинной улики" дать Тверитинову, Максимову, Мартинову, Косому и Минину очныя ставки съ свидѣтелями, каждому порознь. Припомнили показаніе Максимова что къ нему, въ то время какъ онъ содержался въ Духовномъ Приказѣ, „по многіе дни" приходили отъ префекта Іоасафа школьники Максимъ Петровъ и Иванъ Христофоровъ, и подучили его сказать что Тверитиновъ „держится люторскія вѣры, что де и свобоженъ будетъ и попрежнему взять въ школы; а ежели не скажетъ, и они де его отошлютъ къ розыску въ Преображенскій приказъ и будетъ мученъ".** Сенаторы рѣшили немедленно вытребовать въ Петербургъ школьниковъ Петрова и Христофорова, „потому что по очнымъ ставкамъ надлежитъ быть между ними и Максимовымъ розыску"; въ Москву, изъ сенатской канцеляріи, отправленъ былъ по почтѣ нарочный курьеръ съ указомъ о высылкѣ названныхъ школьниковъ.

Въ тотъ же день московскимъ свидѣтелямъ по дѣлу Тверитинова разосланы были повѣстки съ требованіемъ явиться на другой день въ сенатъ для очной ставки съ лѣкаремъ. Въ сенатскомъ распоряженіи московскіе обвинители увидали „понаровку еретикамъ". Опечаленные и смущенные они бросились къ Яворскому и просили у него поддержки. Стефанъ ободрялъ своихъ растерявшихся помощниковъ и обѣщался самъ быть въ сенатѣ. Утромъ 14го мая свидѣтели собрались въ сенатъ, вскорѣ пріѣхалъ туда и Яворскій. „Нерадостно" приняли сенаторы незваннаго мѣстоблюстителя; однако да-

* Яворскій, можетъ-быть для выраженія своего протеста этому постановленію, не подписалъ протокола четвертаго сенатскаго консиліума. Онъ скрѣпленъ подписями: кн. Я. Ѳ. Долгорукаго, ад. Ѳ. М. Апраксина, канцлера Головкина, гр. Мусина-Пушкина, Т. Стрѣшнева, бар. Шафирова, гр. П. М. Апраксина, П. Толстова, Б. П. Шереметева, кн. Д. М. Голицына, П. Салтыкова и Самарина.

** Слѣдств. дѣло Московской синодальной библіотеки.

ли ему мѣсто и потомъ стали спрашивать его: „Чего ради прибылъ безъ повѣстки? Когда бы повѣщено было, тогда бы ты и пріѣхалъ." „Мнѣ, отвѣчалъ Стефанъ, именнымъ его величества указомъ повѣщено прибыть ради этого дѣла изъ Москвы; я благодатію Божіею пастырь и долженъ не оставлять сихъ сыновъ церковныхъ, беззлобивыхъ и вѣрныхъ овецъ." Яворскій указалъ на свидѣтелей. „Они и сами могутъ о себѣ говорить, возражали сенаторы, — а тебѣ дѣла нѣтъ."—„По этому дѣлу, продолжалъ Стефанъ, — моя должность больше нежели ваша, потому что оно церковное. Эти вѣрные сыны церкви свидѣтельствовали на еретиковъ по церковному увѣщанію; и не токмо они, свидѣтели, но и все множество высокоблагородныхъ особъ россійскихъ изъ суда познали что обвиненные подлинные суть еретики. Для чего же съ такими явными еретиками дѣлать свидѣтелямъ очныя ставки, и всякаго особо, какъ овечку предъ волка представлять, да еще и безъ пастыря? Нѣтъ! я долженъ присутствовать здѣсь и не оставлять ихъ." На это открытое сопротивленіе сенатскому приговору Яворскому отвѣчали словами: „Поди вонъ; не мѣшай быть очнымъ ставкамъ." Стефанъ не думалъ уступать. „Я, возражалъ онъ,—очнымъ ставкамъ помѣшатель не буду, а присутствовать при нихъ буду и не выду, развѣ насильно (нуждою) меня изрините." Сенаторы стали упрекать Яворскаго за гордость и упрямство. „Хотя я и упрямъ, и гордъ и весьма грѣшенъ, твердилъ Стефанъ, — но я, благодатію Божіею, православный архіерей и должность мою по возможности съ помощію Божіею хранить не перестану."—„Не упрямъ ли ты? увѣщевали сенаторы. — Тебя посылаютъ вонъ, а ты не идешь; а между тѣмъ тебѣ не подлежитъ здѣсь присутствовать." Стефанъ не слушалъ никакихъ увѣщаній и не скрывалъ своего нерасположенія къ суду сенаторовъ. „И въ гражданскихъ судахъ, говорилъ онъ,—указы не запрещаютъ быть при очныхъ ставкахъ истцамъ; тѣмъ болѣе въ такомъ духовномъ судѣ не должны вы возбранять моему присутствію. Не только намъ, пастырямъ, но и вамъ, какъ православнымъ людямъ, надлежало бы вмѣстѣ съ нами быть истцами противъ такихъ злодѣевъ и явныхъ враговъ Божіихъ. А вы и насъ высылаете, чтобъ истцовъ никого не было. Этотъ судъ духовный, и безъ присутствія духовныхъ персонъ на немъ ничего не подлежитъ творить." Сенаторы попрежнему приглашали Стефана удалиться. Яворскій понялъ что упорство съ его стороны не по-

вело бы ни къ чему и, обративши глаза на образъ Спасителя, произнесъ громко: „Христе Боже, Спаситель нашъ! Ты самъ сказалъ: *Аще мене изгнаша, и васъ ижденутъ.* Вотъ меня выгоняютъ вонъ; но не меня, а Самого Тебя изгоняютъ. Самъ Ты, Всевидче, зришь что сей судъ ихъ неправеденъ; Самъ имъ и суди.“ Обливаясь слезами, Яворскій пошелъ къ дверямъ; за нимъ вышли всѣ духовныя лица. Въ залѣ консиліумовъ остались одни сенаторы съ секретарями и оберъ-секретаремъ, изъ свидѣтелей Ершовъ и Магницкій. Долгоруковъ боялся чтобы Стефанъ не вынесъ своего протеста на площадь и закричалъ секретарямъ: „Бѣгите и слушайте чтò архіерей будетъ говорить народу.“ Предосторожность эта не была излишнею: народъ видѣлъ что мѣстоблюститель патріаршаго престола вышелъ изъ сената въ слезахъ; „весь народъ сжалился весьма и многіе плакали.“ Яворскій не сказалъ однако ни слова; сенатскіе секретари проводили его до кареты и возвратившись донесли Долгорукову что архіерей ничего не говорилъ, только плакалъ. „Чтó съ нимъ дѣлать? сталъ говорить Долгоруковъ:—онъ насъ, почитай, проклялъ, да онъ же и государю на насъ нажалуется.“ Выславши Магницкаго и Ершова, сенаторы начали совѣтоваться о поступкѣ Яворскаго: очныя ставки были отложены. *

Возвратившись на свое подворье, Яворскій отправилъ къ царю, который съ 12го мая гостилъ въ Петергофѣ, съ судьей архіерейскаго дома Трифиліемъ, слѣдующее письмо: „По твоему великаго государя указу велѣно мнѣ въ Св. Четыредесятницу присутствовать въ судебной избѣ при дѣлѣ которое зачалось съ новоявленными еретиками; и я въ то время хаживалъ безпрепятно во всю седмицу Крестопоклонную, и никто же меня тогда не изгонялъ. А нынѣ, мая въ 14й день, по прежнему указу пришелъ я въ судебную избу *для слушанія и рѣшенія* того же дѣла, и меня превосходительные господа сенаторы съ великимъ моимъ студомъ и жалемъ изгнали вонъ, и я, плачущъ, исходя изъ палаты судебной, говорилъ: „Бойтеся Бога, для чего не по правдѣ судите?“ Сего же реченія моего сія суть вины: а) *книги* Дмитріемъ Тверитиновымъ писанныя, и листъ на развращеніе народа отъ него жъ писанъ и *раздаванъ въ народѣ* явѣ его показуютъ быти еретика. То все на судѣ уничижено, или на какое время остав-

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова*

лено, и вида тому не показано; б) велятъ дѣлать очныя ставки отвѣтчикамъ съ свидѣтелями, а въ прошломъ 205 (1697) году именнымъ царскимъ повелѣніемъ писана статья: велѣно во всякихъ дѣлахъ допрашивать свидѣтелей и вѣрить свидѣтелямъ тремъ, и двумъ, и одному, буде не бывало какой ссоры и вражды между отвѣтчикомъ и свидѣтелемъ; а нынѣ же на оныхъ раскольниковъ многое число священниковъ, и монашескаго и мірскаго чина знатныхъ персонъ, свидѣтельствуя ихъ неистовство, письменно обличаютъ; и тѣмъ свидѣтелямъ и явному обличенію не повѣрено, а для чего, тому вида не показано; а надлежало противъ всякаго свидѣтельства раскольщиковъ допрашивать, а они ни противъ одного не допрашиваны; г) нѣціи отъ раскольщиковъ винились въ Преображенскомъ и прочихъ товарищей своихъ и учителя своего Дмитрія Тверитинова выдали, а предъ сенатомъ всего того заперлись, и то мимо пущено, и въ пременныхъ рѣчахъ не разыскивано". * Получивши это письмо Яворскаго, въ которомъ такъ невѣрно переданы были проступки Тверитинова и брошена была тѣнь на сенатскіе консиліумы, Петръ далъ князю Долгорукову повелѣніе „чинить очныя ставки безъ архіерея". Московскіе обличители перепугались узнавши о царскомъ рѣшеніи. Уже давно чувствовали они слабость своихъ обличеній противъ Тверитинова и особенно противъ Косаго, котораго Яворскій, такъ строго относившійся къ сенатскому суду, проклялъ заочно безъ всякаго допроса. Гроза розыска заставила свидѣтелей искать новыхъ данныхъ для подкрѣпленія тяжкихъ обвиненій взведенныхъ на Тверитинова и Косаго. Еще 26го марта, черезъ два дня послѣ того злосчастнаго консиліума на которомъ лѣкарь обвинилъ Яворскаго въ распространеніи *Богомыслія*, „остроже́лчный" агентъ Стефана Магницкій, на обѣдѣ у дьяка Дмитрія Овинова, видѣлъ собственными глазами собственноручное письмо Косаго, которое явно обличало фискала въ еретичествѣ. Письмо заключало въ себѣ не иное что̀ какъ диспутъ Косаго съ сенатскимъ секретаремъ Иваномъ Позняковымъ; диспутъ касался поклоненія Спасову образу. На обѣдѣ у Овинова, Позняковъ самъ показалъ это письмо Магницкому и другимъ гостямъ приглашеннымъ къ столу, сенатскому секретарю Семену Иванову,

* Соловьева, *Исторія Россіи*, т. XVI, стр. 342. Чистовича, *Өеофанъ Прокоповичъ и его время*, стр. 66.

дьяку Ивану Климонтову и братьямъ Окуньковымъ. Но Позняковъ не отдалъ Магницкому драгоцѣннаго клочка бумаги и отказался представить его въ сенатъ къ дѣлу о московскихъ „еретикахъ". Мысль о пріобрѣтеніи документа изъ котораго „зѣло значилось что Михайло еретикъ", не давала Магницкому покоя. 15го мая, на другой день послѣ устраненія Яворскаго отъ присутствія при очныхъ ставкахъ, Магницкій отправился къ обѣднѣ въ Троицкій соборъ, гдѣ слушали литургію сенаторы и всѣ министры. По окончаніи службы, къ Магницкому подошелъ Климонтовъ и, замѣтивши его разстроенный видъ, сталъ ему говорить: „Что̀ ты спишь и не заботишься объ общей пользѣ? Отчего не возьмете къ дѣлу письма Михайлы Андреева? Вижу я что вамъ не безъ опасенія, а ежели бы то письмо было у дѣла, то бы зѣло явно было отступство ихъ отъ благочестія."—„Какъ могу взять, отвѣчалъ Магницкій,—когда Позняковъ добровольно не хочетъ ни отдать, ни къ дѣлу подать? А убѣдить мы его не могли чтобъ отдалъ." Климонтовъ продолжалъ: „Подай въ томъ на него доношеніе въ сенатъ; свидѣтелей много, которые то письмо у него видѣли."—„Свидѣтели оные, возразилъ Магницкій, боясь сенаторовъ, не скажутъ и что видѣли письмо запрутся; а тогда я впаду въ излишнюю бѣду, да и въ дѣлѣ церковномъ помѣшательство учинится. Ты это письмо знаешь и видѣлъ; а какъ я напишу тебя свидѣтелемъ, ты первый скажешь ли что видѣлъ у Познякова такое письмо?"—„Меня ты, пожалуй, минуй (отвѣчалъ Климонтовъ) и въ свидѣтеляхъ не пиши." Тогда Магницкій началъ, говорятъ, убѣждать Климонтова принять на себя обязанности свидѣтеля противъ Косаго и тѣмъ сослужить службу святой церкви и приготовить вѣчное спасеніе душѣ своей. „Скажи мнѣ (такъ началъ свою рѣчь Магницкій), ко всѣмъ ли человѣкамъ Богъ равенъ своимъ правосудіемъ и милосердіемъ и не имѣетъ ли разнства? Многіе съ трудомъ получили спасеніе, а другіе легко и въ короткое время."—„Какіе же люди легко получили спасеніе и какіе съ трудомъ"? спросилъ Климонтовъ. — „Изъ святыхъ мучениковъ,—повѣствовалъ Магницкій, нѣкоторые претерпѣли безчисленныя и многолѣтнія страданія, многіе и кровь свою пролили; нѣкоторые преподобные также весь свой вѣкъ были мучениками и боролись противъ плоти и міра, и едва нѣкоторые изъ нихъ спаслись. Такъ Марко Фраческій лѣтъ съ девяноста въ пустыни жилъ безъ хлѣба и воды и едва-едва

небо получилъ, да и тотъ удержанъ былъ на мытарствѣ, яко часъ единъ. А воръ-разбойникъ, распятый вмѣстѣ съ Христомъ Спасителемъ, однимъ словомъ: *Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Своемъ*, въ рай вселился. Для чего же такъ что воръ-разбойникъ однимъ словомъ удобно спасся, а прочіе и добрые люди не такъ?"—„Я этого не могу знать, отвѣчалъ Климонтовъ: пожалуй, буде можно, скажи мнѣ для чего и въ правду Богъ не равную милость имѣетъ къ человѣкамъ?" Замѣтивши что Климонтовъ „почти готовъ къ служенію святой церкви", Магницкій продолжалъ „съ большими слезами:" „Богъ истиненъ и правосуденъ, воздаетъ каждому по дѣломъ его: что многіе святые, повидимому, не много подвизавшіеся, прославлены многими чудесами, а другіе и болѣе подвиговъ положили, а меньше прославлены чудесами, — это должно оставить на разсужденіе святой церкви, паче же самому всевѣдущему Богу, Его же судьбы неиспытанны суть. Дифференція же между святыми, угодившими Богу вѣрой и добрыми дѣлами, и разбойникомъ который спасся единымъ словомъ, объясняется такимъ образомъ. Когда Христосъ пришелъ на землю, архіереи, книжники и законники, которымъ ввѣрено было правленіе въ ветхозавѣтной церкви, предали Его смерти; никто за Него не вступился; весь народъ вопіялъ: возьми, распни Его! И тѣ которые отъ Писанія и отъ чудесъ Его легко могли разумѣть что Онъ есть ожидаемый Мессія, и тѣ согласились умучить Его поноснѣйшею смертію. Своему Создателю сострадала только бездушная и безчувственная тварь: солнце померкло, земля потряслася и т. д. Изъ словесной твари только каменносердечный воръ и разбойникъ, также подобный твари безчувственной, явился несравненно лучшимъ всѣхъ архіереевъ, и законниковъ, и книжниковъ, и всего избраннаго народа Еврейскаго. Не былъ ли онъ достойнымъ помилованія? Спрашиваю тебя: праведно ли этотъ разбойникъ помилованъ былъ за одно слово?" — „По моему разсужденію, зѣло праведно", отвѣтилъ Климонтовъ. Магницкій продолжалъ: „Воръ и разбойникъ, не знавшій ни закона, ни Писанія, ни того что Христосъ есть истинный Богъ, исповѣдалъ тотчасъ же, когда позналъ это; а ты отъ прародителей христіанинъ, и законъ и догматы совершенно знаешь, ты называешься истиннымъ сыномъ матери нашей святой церкви и, какъ я знаю, болѣе другихъ благоговѣйно надѣешься получить отпущеніе грѣховъ, и между тѣмъ „зову-

щей потребѣ", не хочешь вымолвить ни единаго слова за вѣчную матерь свою, святую церковь! Тогда страдалъ Глава церкви, теперь страждетъ Его тѣло. Какъ дерзнешь ты просить отпущенія грѣховъ и вѣчнаго наслѣдія? Какъ можешь сравниться съ онымъ разбойникомъ?" Климонтовъ, прервавши эту рѣчь, обливаясь слезами, положилъ обѣ руки свои на руки Магницкаго и сказалъ: „Пиши меня перваго въ томъ свидѣтеля, а я и на тѣхъ всѣхъ свидѣтелей свидѣтель буду; готовъ съ вами даже пострадать и умереть." — „Если такъ, сказалъ Магницкій,—дайте мнѣ совѣтъ гдѣ и какъ подавать доношеніе."—„Въ сенатъ къ дѣлу", отвѣчалъ Климонтовъ. „Я человѣкъ не кредитный, возразилъ Магницкій: если въ сенатъ подать, то могутъ то доношеніе уничтожить или и подъ перстомъ задержать. Не лучше ли подать къ архіерею, а онъ подастъ въ сенатъ отъ себя; тогда въ сенатѣ нельзя будетъ утратить доношеніе. А архіерей *уже давно знаетъ* что у Позднякова есть оное своеручное письмо еретическое." Климонтовъ согласился на это.

Такъ объясняетъ *Записка о дѣлѣ Тверитинова* рѣшимость Климонтова явиться въ сенатѣ свидѣтелемъ еретичества Михаила Косаго. Но готовность выступить обличителемъ Косаго въ сенатѣ могла возгорѣться въ Климонтовѣ не отъ назидательныхъ рѣчей острожелчнаго математика; у Климонтова были свои счеты съ Косымъ и „благоговѣйный сынъ церкви" можетъ-быть хотѣлъ поквитаться съ ненавистнымъ фискаломъ. Еще въ 1713 году Косой и Мининъ донесли что „по усмотрѣнію ихъ, явилась многая неправда и государевой казны похищеніе, а именно въ Московской губернской канцеляріи, въ ратушѣ, таможнѣ и другихъ приказахъ, у покупокъ и у подрядовъ государевыхъ припасовъ, и у питейной продажи, и о обидахъ купечеству." * Въ концѣ 1714 года царь приказалъ Ушакову выслать въ Петербургъ, вмѣстѣ съ Ершовымъ, коммиссарами и секретарями артиллерійскаго приказа, таможенными и ратушскими бурмистрами и дьяка Климонтова съ мелочными дѣлами. ** Слѣдствіе надъ Москвичами обвиненными Косымъ еще продолжалось въ то время когда свидѣтели Яворскаго готовились къ очнымъ ставкамъ съ московскими „еретиками." Еще въ январѣ 1715 года Петръ

* Дѣло синодальнаго архива.

** *Дѣянія Петра Великаго* IV, 395.

писалъ въ Москву къ Измайлову и Ушакову о высылкѣ въ Петербургъ новыхъ лицъ, замѣшанныхъ въ это дѣло. * Кровавая казнь Кикина, Корсакова и ихъ сообщниковъ была еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Въ Климонтовѣ, и безъ благочестивыхъ проповѣдей Магницкаго, должно было сложиться твердое рѣшеніе заявить сенату о существованіи собственноручнаго еретическаго письма фискала Косаго; ему хотѣлось только остаться при этомъ, по возможности, въ тѣни; выборъ пути для представленія этого документа въ сенатъ, какъ увидимъ, доказываетъ что новыми обличителями Косаго руководила не ревность по вѣрѣ, не ожиданіе вѣчнаго спасенія....

Съ радостнымъ извѣстіемъ о согласіи Климонтова явиться свидѣтелемъ противъ Косаго Магницкій въ тотъ же день отправился къ Яворскому. Онъ засталъ у мѣстоблюстителя златоустовскаго архимандрита Антонія и симоновскаго Петра. Разговоръ шелъ о вчерашней исторіи со Стефаномъ въ сенатѣ, „о бывшемъ имъ всѣмъ озлобленіи.“ Радостно встрѣтили собесѣдники Магницкаго и спросили: „что есть вѣстей?“ Магницкій сообщилъ о согласіи Климонтова и просилъ Яворскаго чтобъ онъ принялъ отъ него доношеніе о своеручномъ письмѣ Косаго и съ его доношенія подалъ бы отъ себя доношеніе въ сенатъ. Осторожный Стефанъ не соглашался исполнить желаніе своего вѣрнаго помощника: онъ понималъ какъ непрочно будетъ задуманное обвиненіе до тѣхъ поръ пока самый документъ не будетъ находиться въ его рукахъ. Доводы Магницкаго не были убѣдительны для Яворскаго. „Теперь, говорилъ Магницкій, сенаторы могутъ извиняться предъ царемъ тѣмъ что они судьи гражданскіе и къ духовному суду непривычны; а когда собственноручное еретическое письмо Косаго будетъ у дѣла, тогда и гражданскому суду явна будетъ вина ихъ, и сенаторы не въ состояніи будутъ оправдаться.“ Архимандриты поддержали Магницкаго, но Яворскій началъ „острыми словами“ говорить о сенаторахъ: „Самимъ вамъ извѣстно каковъ ихъ сенатскій судъ. Развѣ нельзя познать вины еретиковъ по собственноручной книгѣ Димитрія, по свидѣтельскимъ сказкамъ, которыхъ множество, по суду бывшему въ Москвѣ, и по генеральному суду всѣхъ россійскихъ министровъ? И все-то презрѣвши, еще помогаютъ имъ. Оправдывается по ихъ поступкамъ притча Спасителя о бо-

* *Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго* X, 256.

гатомъ. Егда въ адѣ сый возведе очи свои ко Аврааму, глаголаше: Отче Аврааме! посли къ братіи моей возвестити, да не пріидутъ на мѣста сіи мученія. Тогда отвѣща Авраамъ реклъ: имутъ Моисея и пророки. И богатый рече: Ни, отче Аврааме! аще кто, отъ мертвыхъ возставъ, возвѣститъ имъ, послушаютъ его. Что, братіе, противъ того Авраамъ отвѣчалъ? Аще, рече, Моисея и пророковъ не послушаютъ, то ниже кто изъ мертвыхъ возстанутъ, не имутъ вѣры. Такъ-то, заключилъ Яворскій, я вамъ возвѣщаю о сенаторахъ.“ Совѣщаніе кончилось тѣмъ что Яворскій отправилъ архимандритовъ добывать отъ Познякова своеручное письмо еретика Косаго....

Антоній и Петръ, пріѣхавши къ Познякову, сказали ему миръ и благословеніе отъ имени Стефана и потомъ повели такую рѣчь: „Архіерей прислалъ насъ къ тебѣ говорить чтобы ты своеручное письмо Михаила еретика или къ нему, архіерею, или въ сенатъ къ дѣлу подалъ.“—„Письмо Михайлы имѣю, отвѣчалъ Позняковъ,—но его ни архіерею, ни въ сенатъ къ дѣлу не подамъ, развѣ силой отнимутъ.“ Съ такимъ отвѣтомъ отправились архимандриты къ Магницкому; послѣдній обрадовался, узнавши что и архимандритовъ можно выставить свидѣтелями на Познякова. Самъ Магницкій пошелъ за совѣтами къ коммиссару Александру Сергѣеву, также проживавшему въ Петербургѣ въ качествѣ свидѣтеля противъ московскихъ еретиковъ, тому самому „благочестивою ревностью“ котораго насильно увезенъ былъ листъ Тверитинова изъ дома Михайлы Косаго. Сергѣевъ жилъ на одной квартирѣ съ оберъ-фискаломъ Нестеровымъ, который, какъ намъ уже извѣстно, былъ не въ ладахъ съ Косымъ. Нестеровъ подслушалъ разказъ Магницкаго о безуспѣшныхъ попыткахъ достать еретическое письмо и самъ очень охотно вызвался подать въ сенатъ доношеніе со словъ Магницкаго: „Моего доношенія, замѣтилъ Нестеровъ, сенаторы утратить не посмѣютъ.“ Дѣйствительно оберъ-фискаломъ вскорѣ представлено было доношеніе о еретичествѣ Косаго; къ нему приложена была и копія съ разговора Михайлы съ Позняковымъ. * Вотъ буквально письмо Косаго, которое было предметомъ настойчивыхъ исканій Яворскаго и его помощниковъ: „*Косой*. Аще

* *Описаніе документовъ и дѣлъ архива святѣйшаго синода*, I, стр. 158.

восточной апостольской церкви вѣра и догматы церковные истинно знаешь, како содержитъ, вѣруемъ (?) истинно испытаемъ, какъ наша вѣра истинная. *Максимъ Даниловъ.* Исповѣдуешь ли Святую Троицу и святымъ иконамъ поклоняешилися? *М. Косой.* Откуду ты извѣстіе имаши? *Позняковъ.* Сіе взяли отъ святыя восточныя церкви. *Косой.* Покажи. *Позняковъ.* Въ недѣлю Православія нѣчто ты не слыхалъ что сказывано? Если кто не покланяется образу Божію и Богоматери и святымъ угодникамъ Его, того клянетъ; да будетъ анаѳема! *Косой.* Аще сіе достовѣрно, да показано будетъ.“ *

Доносъ Нестерова на Косаго остался безъ послѣдствій, и когда оберъ-фискалъ возобновилъ его уже въ юстицъ-коллегіи, въ 1719 году, сенатъ, на запросъ синода, не могъ прислать даже обстоятельной выписки изъ дѣла о Косомъ; въ 1725 году синодъ повторилъ сенату свое требованіе, но и оно не было исполнено. **

VII.

Съ „великимъ страхомъ“ ждали московскіе свидѣтели начала очныхъ ставокъ съ еретиками. Наканунѣ дня назначеннаго для очной ставки Магницкаго съ Тверитиновымъ, Ершовъ, архимандритъ Антоній и Пафнутій пригласили Магницкаго къ себѣ и долго уговаривали его чтобъ онъ говорилъ въ сенатѣ „со смиреніемъ и по острожелчію своему кого изъ знатныхъ въ сенатѣ не обезчестилъ“. Утромъ 16го мая свидѣтели собрались къ сенату; нѣкоторые изъ нихъ и въ томъ числѣ Магницкій пошли къ обѣдни въ соборную церковь, находившуюся неподалеку отъ сенатской канцеляріи. Сенаторы

* Слѣдственное дѣло московской синодальной библіотеки. *Описаніе документовъ и дѣлъ*, I, стр. 157. Въ рукописномъ разговорѣ Косаго, находящемся въ дѣлѣ синодальнаго архива о Тверитиновѣ, читаемъ: „*Позняковъ.* Для чего не поклоняешься Спасову образу? *Михайло К.* Покажи гдѣ тому образу велѣно кланятися. *Позняковъ.* Положили на соборѣ святыхъ отцевъ, и въ тропарѣ написано: Пречистому Твоему образу покланяемся, Благій. *Михайло.* Не вѣрую, покажи иное.“ Не со словъ-ли Магницкаго записалъ это Нестеровъ?

** *Описаніе документовъ и дѣлъ*, I, стр. 158.

собрались во время литургіи и послали подъячаго за Магницкимъ. Во время пѣнія *достойна*, посланный вошелъ въ соборъ, при всемъ народѣ взялъ Магницкаго и повелъ въ сенатъ; толпа смотрѣла на него, какъ „на осужденника". Отъ сраха или же нарочно Магницкій „не уровнялъ голоса" и на пути въ сенатскую канцелярію во всеуслышаніе и съ разстановкой говорилъ, смотря на церковь: *Скоро предвари, прежде даже не поработимся врагомъ, хулящимъ Тя и претящимъ намъ, Христе Боже нашъ! Погуби крестомъ Твоимъ борющія насъ и прочее.* Явно было намѣреніе произвести впечатлѣніе на окружавшихъ, возбудить сочувствіе къ гонимымъ ревнителямъ православія. Когда Магницкаго и Тверитинова поставили предъ сенаторами, князь Я. Ѳ. Долгоруковъ обратился къ свидѣтелю съ такимъ вопросомъ: „Ну, Магницкій, для чего вы ложно свидѣтельствовали на Димитрія съ товарищи, будто они еретики?"—„Такъ, государь: они подлинно еретики (отвѣчалъ Магницкій) и свидѣтельствовали мы не ложно."—„Какъ не ложно? возразилъ Долгоруковъ: говори; они принесли челобитную, чтобъ имъ дать съ вами, съ каждымъ особо, очныя ставки, и хотятъ вашу лжу обличить." Тверитиновъ стоялъ у дверей и не говорилъ ни слова. Магницкій просилъ чтобы прочли сказку поданную имъ о еретичествѣ лѣкаря, и чтобы Тверитиновъ потомъ опровергъ ее. Сказка была прочтена; обвиненный попрежнему молчалъ. Графы Головкинъ и Петръ Апраксинъ понуждали Димитрія говорить; Самаринъ, „пребезмѣрно ему радѣвшій," просилъ о томъ же. Тверитиновъ молчалъ. „По всему видно, замѣтилъ Магницкій,—что написано не ложно и ему еретику полживить нечего."—„Еретиковъ мы велимъ сжечь, сказалъ Долгоруковъ, а васъ, свидѣтелей, кнутьемъ высѣчь."—„Для чего же такъ (спросилъ Магницкій), что обѣ стороны виноваты? Мы надѣялись похвалы и милостиваго слова, что такому злу не дали вкорениться, а вмѣсто милости насъ хотятъ кнутьями сѣчь." Долгоруковъ замѣтилъ на это Магницкому: „Вамъ надлежало едино слово услышавъ, идти куда надлежитъ, и доносить объ его еретичествѣ; а вы многіе разговоры и диспуты чинили, и *тѣмъ намутили весь міръ*: за то васъ надобно кнутьемъ сѣчь." Магницкій сталъ доказывать правильность образа дѣйствій свидѣтелей и въ заключеніе прибавилъ: „Только я удивляюсь сему вашему суду, что свидѣтели, люди безпорочные и въ томъ числѣ многіе именитые царедворцы и

пречестные именитые архимандриты, съ такими ворами—еретиками на одной доскѣ должны стоять." Долгоруковъ перервалъ его рѣчь словами: „Такъ велѣлъ государь, царь велѣлъ, государь приказалъ, самъ приказалъ очнымъ ставкамъ быть."

Въ засѣданіи 16го мая, Магницкій съ мельчайшими подробностями передалъ свои диспуты и разговоры съ Тверитиновымъ. Къ очной ставкѣ съ лекаремъ онъ готовился давно, заранѣе припомнилъ и изложилъ на бумагѣ свои разговоры съ Дмитріемъ, „чтобы чинно и порядочно было," выучилъ все написанное наизусть и, по требованію сенаторовъ, разказалъ о томъ обѣдѣ который нарочно устроенъ былъ у него въ домѣ, чтобы на немъ заставить Тверитинова высказать свои еретическія мысли при свидѣтеляхъ, заранѣе подготовленныхъ. Объ этомъ обѣдѣ Магницкій не рѣшился упомянуть въ сказкѣ поданной Яворскому; на очной ставкѣ онъ разказалъ объ немъ слѣдующее:

„Въ 1712 году, генваря въ 26й день, собраны были *моимъ тщаніемъ* ко мнѣ въ домъ человѣкъ съ десять духовнаго и мірскаго чину, *для лучшаго свидѣтельства* на противности Тверитинова, чтобъ обще имъ отъ него слушать что̀ будетъ онъ говорить противности и чтобъ имъ надежнѣе извѣщать было на него Димитрія. Были Василій Ершовъ, архимандритъ Антоній, изъ Аѳонской горы русскаго монастыря архимандритъ Варлаамъ, Пафнутій, іеромонахъ изъ Керженскихъ лѣсовъ Гурій, двое купецкихъ людей: Иванъ Короткой и Аѳанасій Павловъ. Димитрій прибылъ съ ученикомъ своимъ Михайломъ Андреевымъ. Сѣвши, всѣ молчали минуты съ три. Потомъ Василій Ершовъ началъ говорить: „Отцы святые и братіе! вижу я что собраны здѣсь тщательные читатели божественнаго Писанія, того ради желаю чтобы предложили книжныя слова, а мы бы, слушая, пользовались." Всѣ молчали. Ершовъ молвилъ: „Или вы, Димитрій, предложите?" Тогда Димитрій сказалъ: „Я хочу вамъ противная говорить, *какъ отъ иныхъ слышалъ*." И сказали ему: „Изволь говорить." И онъ, Димитрій, сталъ говорить: „У васъ въ церкви есть тѣло Христово и кровь Христова, и имѣете ее за самое тѣло и за самую кровь Христову и поклоняетеся ему, яко самому Богу. А мнѣ Создатель мой Богъ далъ чувства: зрѣніе, нюханіе, вкушеніе, осязаніе, ради разпознанія въ вещахъ истины. И какъ де я то тѣло возьму въ руки и посмотрю, покажетъ мнѣ чувство зрѣнія хлѣбъ пшеничный, понюхаю — хлѣбомъ

пахнетъ, стану ѣсть—вкушеніемъ сдроблю, но и то являетъ мнѣ хлѣбъ же пшеничный. А откуда у васъ за тѣло Христово пріемлется, того не вѣдаю. Также и кровь, по свидѣтельству данныхъ мнѣ чувствъ, является красное вино. А тѣ чувства далъ мнѣ Богъ не на прелесть (прельщеніе), а для разнанія истины, чтобъ истину разсмотрять.“ Тогда всѣ сосѣдящіи молчали съ минуту одну, а онъ, Димитрій, сидя похорашивался, якобы торжествовалъ что противъ него умолчали. А они не вступаютъ, благоговѣйни суще: первое, что сіе дѣло великое и преестественное есть и естественными доводами неключимое; другое, можетъ быти что, другъ друга предпочитающе, умалчивали. Тогда онъ же, Ершовъ, говорилъ: „Отцы святіи! надлежитъ вамъ отповѣдати.“ Но и противъ того молчали еще съ минуту; а Димитрій и паче, во умѣ своемъ торжествуя, похорашивался. Но и еще Ершовъ говорилъ: „Надобно отвѣтствовать; развѣ намъ уже безотвѣтнымъ быть?“ Тогда одинъ отъ православныхъ стороны (Магницкій) рекль: „Отцы святіи! велите мнѣ противъ него говорить.“ Они же сказали: „Изволь.“ Тогда вопросилъ Димитрія: „Христіанинъ ли еси ты?“ Димитрій отвѣчалъ: „Христіанинъ есмь.“ Паки вопрошенъ: „Христа Спасителя истиннаго Бога и человѣка исповѣдуеши ли быть.“ Димитрій отвѣчалъ: „Истиннаго Бога исповѣдую быти.“ Еще вопрошенъ: „Того ли же единаго, создавшаго вся и чувства всѣмъ, какъ и апостоламъ давшаго и на тайной вечери ко апостоламъ, благословивъ хлѣбъ и, преломивъ, глаголавшаго: *Пріимите, ядите: сіе есть тѣло Мое?*“ Димитрій отвѣчалъ: „Того же единаго исповѣдую.“ Потомъ сказано ему: „Добрѣ утвердилъ еси; но вопрошаемъ: чувства ли апостоламъ ложныя даны были или ложно рекль Превѣчная сый Правда, глаголя: *сіе есть тѣло Мое?* Отвѣчай намъ.“ Тогда Димитрій позамялся и потомъ, коварно преестественное дѣйство оставляя, сказалъ: „И чувства даны неложныя, и слово Христово неложное; но то говорилъ Христосъ не о Своемъ тѣлѣ, которое Самъ имѣлъ, но о хлѣбѣ простомъ; понеже де какъ хлѣбъ, такъ камень и древо и всякая вещь суть тѣлеса, а по сотворенію вся Его суть. Того ради и глаголаше хлѣбъ тѣломъ Своимъ, а не Своимъ еже на костяхъ имѣяше, но по созданію присвояше; понеже де что есть вѣщей чувству подлежащихъ—суть тѣлеса, по созданію Ему же суть своя. Такожде кровь — кровь гроздова, а по сотворенію Его кровь.“ Тогда отъ православныхъ сказано

ему: „Аще христіанинъ еси, слыши послѣдующая Христова словеса: сіе есть тѣло Мое, *еже за вы ломимое* (имъ же страдательное являетъ) *и кровь моя, яже за вы изливаемая*, а не кровь просто про здоровье ваше піемая, но изливаемая."

По словамъ Магницкаго, „всею компаніей" увѣщевали Тверитинова, но склонить на свою сторону не могли; называли его за то противникомъ, хуже Іудеевъ; но онъ тѣхъ словъ не слушалъ. „Самъ Христосъ, говорилъ Тверитиновъ, показуетъ Себя хлѣбомъ невидимымъ и чувству не подлежащимъ, егда глаголетъ: *Азъ есмь хлѣбъ, сшедый съ небесе; отцы ваши ядоша манну въ пустыни и умроша, а иже отъ хлѣба сего ястъ живъ будетъ во вѣки.* И посему явно есть что не о плоти Своей, чувству подлежащей и отъ человѣческаго естества пріятой, глаголетъ, но о невидимомъ хлѣбѣ, сшедшемъ съ небесе. И плоть де Его не съ небесъ сниде, но отъ земнородныхъ взята есть; и ежели тако разумѣти, что плоть Его съ небесъ сниде, и то де будетъ противно истинѣ: Христосъ сице не реклъ бы. Но Христосъ хлѣбомъ съ небесъ сшедшимъ называетъ Себя по божеству и учительству своему, которымъ учительствомъ питаетъ всѣхъ вѣрныхъ, якоже и Самарянынѣ глаголетъ: *вода юже азъ дамъ, и піяй отъ нея не вжаждется во вѣки:* это говоритъ Христосъ не о водѣ естественной, но о водѣ ученія Своего. Такъ и хлѣбомъ сшедшимъ съ небеси нарицаетъ Себя по божеству, и божественное Свое ученіе, сущее въ Немъ съ небесъ сшедшее, а не о плоти, отъ земныхъ взятой, глаголетъ. Православные, замѣтивъ что Тверитиновъ этимъ „подлогомъ" равняется невѣріемъ съ Іудеями, начали опровергать его толкованія.... Въ заключеніе споровъ объ евхаристіи, Тверитиновъ обратился на иную хулу и съ поношеніемъ сказалъ: „Какъ можетъ быть нынѣ что молитвами поповскими хлѣбъ премѣняется въ тѣло Христово? А попы суть всякіе—и пьяницы, и блудники, и весьма грѣшники, которые недостойны суть и священства, не только что превратити хлѣбъ въ тѣло да аще Христово; сему отнюдь статися не можетъ. А вы *отъ всякаго попа* пріемлете за истинное, якоже и апостоли отъ Христа пріяша. И какъ можно равнять попа пьяницу со всемогущимъ Богомъ? А попъ недостоинъ Ему и предстояти, не только что просить о премѣненіи существа." — „По всему видно, отвѣчали Тверитинову, что ты не сынъ, но врагъ и противникъ святой церкви, и всѣми силами ищешь какъ бы опорочить святую

и непорочную, паче солнца чистѣйшую церковь.“ Лѣкарю доказывали что „не попы совершають оное преестественное дѣйство, еже претворити хлѣбъ въ тѣло Христово, но Его же божественная, всемогущая сила изреченіемъ: *сіе творите въ мое воспоминаніе*, находящу Святому Духу.“

Кромѣ разказа о диспутѣ происходившемъ на обѣдѣ 13го января, Магницкій передалъ на очной ставкѣ подробности другихъ разговоровъ своихъ съ Тверитиновымъ о поклоненіи древу креста, объ иконахъ, о преданіяхъ церковныхъ и о постахъ. Длинная заученная рѣчь Магницкаго не только имѣла въ виду передать сущность положеній Тверитинова, но и представить подробныя богословскія опроверженія оныхъ. Повидимому Магницкій успѣлъ уже хорошо ознакомиться съ *Камнемъ вѣры*, и въ своей „повѣсти“ о диспутахъ съ Тверитиновымъ пользовался тѣми данными которыя сгруппировалъ Яворскій.

Долгоруковъ остановилъ неумѣстно прорвавшійся потокъ эрудиціи Магницкаго и обратился къ сенаторамъ съ словами: „Докуду ему, Магницкому, предъ нами казанье-то сказывать? Слово де въ слово, какъ казанье!“ Сенаторы однако дали Магницкому полную возможность высказаться, и онъ продолжалъ свою обличительную проповѣдь, которую секретарь могъ записать только „краткимъ образомъ“. Въ свою рѣчь, переполненную текстами изъ Библіи, Магницкій, по примѣру Яворскаго, вставлялъ смѣхотворные эпизоды и выраженія для развлеченія своихъ слушателей. Магницкій припомнилъ что диспутъ о святыхъ иконахъ шелъ такимъ образомъ: „Димитрій сказалъ: „Аще бы Богъ соизволилъ подобіями почитаемъ быти, то бы въ той второй заповѣди оговорку положилъ сице: не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія, *кромѣ Моего подобія, еже въ славу Мою;* но того въ заповѣди не обрѣтается.“ Мы ему рекли: „Не добрѣ сея оговорки требуешь, дабы Богъ о сотвореніи подобія оговорку изрекъ; но уже о томъ двѣ оговорки въ той второй заповѣди суть и третія оговорка въ первой, егда глаголетъ: *не будутъ тебѣ бози иніи, кромѣ Мене.* А во второй заповѣди первая оговорка подразумительная, понеже уже отдѣлилъ Себя отъ ложныхъ боговъ, глаголя въ первой: *кромѣ Мене;* и того ради уже недостоитъ многословити, довольну сущу къ разумлѣнію. Аще же бы въ запрещеніи сотворенія подобій реклъ: *кромѣ Мене*; то бы ты потребовалъ и въ запрещеніи поклоненія: *кромѣ Мене*, и въ

запрещенія служенія: *кромѣ же Мене*; и то бы было сложеніе реченій нечинное и нечестное, паче же рещи — простотное, довольну сущу въ первой заповѣди отдѣленію: *кромѣ Мене*, и во второй послѣднему реченію: *Азъ бо есмь Господь Богъ твой*. А между тѣми двѣма оговорками весьма внятно и ясно подъ тѣмъ же разумомъ внимати." Димитрій рекль: „Для чего Богъ сію заповѣдь не изъяснилъ свѣтлѣе? Аще ради витійства человѣческаго, чтобы чинно было читать, и того я не пріемлю; а пріемлю хотѣніе Его—души назидати, а не витійствовати. Но безъ витійства всякое подобіе творити запретилъ безъ изъятія; убо и Свое подобіе творити запретилъ." Мы рекли: „Вамъ кажется что темно и несвѣтло, а намъ кажется дѣло свѣтло: ибо заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи, аще и хочеши свою мысль утвердити, яко бы и Свое подобіе запретилъ Богъ творити и прочая въ славу Его. Что̀ реклъ? Всякаго подобія безъ изъятія не повелѣ творити; но разумѣется: суетныхъ боговъ и ложныхъ безъ изъятія подобій не повелѣлъ творити, о Себѣ же уже изъятіе отъ нихъ учинилъ и Себя отъ нихъ отдѣлилъ: въ первой заповѣди реклъ: *кромѣ Мене*, и во второй: *Азъ бо есмь Господь Богъ твой*. И что̀ сего свѣтлѣе? Но ты нарядно противишися или шутовскій нравъ имѣешь, яко же Эзопъ афинейскій, которому неприлично васъ уподобити по сему прикладу: Аще бы кто того Эзопа, учиня воро́тникомъ (привратникомъ) своимъ и, отъѣзжая отъ дому, приказалъ никого въ домъ пускать, а тотъ приказъ учинилъ безъ оговорки: *кромѣ меня*; то бы онъ, Эзопъ,—яко же часто сіе творяше, — и его, господина своего, пріѣдуща не пустилъ бы въ домъ, понеже никого не велѣлъ пускать. А вы и того дурака превзошли въ той Божіей заповѣди, въ которой нѣтъ запрещенія во славу Божію подобій творити, а токмо запрещеніе имѣется мерзкихъ подобій творити и почитати съ довольною оговоркою; а вы съ мерзкими и скаредными и дѣлами, и подобіями ихъ и пречистаго образа Божія не пріемлете, яко Эзопъ." Димитрій реклъ: „Мы сему противимся по совѣсти нашей, чтобы намъ со идолопоклонниками не сравнятися и противу Божія приказанія не согрѣшити, ниже шутимъ, яко Эзопъ, но вѣчное свое спасеніе хранимъ чтобы не погибнуть во вѣки."

Длинная рѣчь Магницкаго утомила сенаторовъ. Когда онъ привелъ, для обличенія еретическаго мнѣнія Тверитинова объ отшедшихъ святыхъ, текстъ изъ апостола Павла и назвалъ

его „самымъ Божіимъ именнымъ указомъ,“ сенаторы усмѣхнулися этому выраженію и сказавши: „Благодаримъ за такія повѣсти,“ велѣли Магницкому вкратцѣ резюмировать свое показаніе для внесенія въ протоколъ.

Тверитиновъ безмолвно слушалъ длинное „казанье“ Магницкаго; только разъ, и то по принужденію, прервалъ онъ свое молчаніе. Многорѣчивый обличитель, коснувшись мнѣнія Тверитинова о церковныхъ преданіяхъ, заключилъ свой разказъ словами: „Вы же апостольскихъ, то-есть церковныхъ преданій отметаетеся, то Христа отметаетеся, и по всему вы *язычники*, а не христіане.“ При этихъ словахъ, графъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ сказалъ Димитрію, стоявшему у дверей: „Хотѣлъ ты свидѣтелей всякаго особно обличать, а теперь и противъ одного не умѣешь отвѣчать, не только что обличать. Слышишь какъ васъ еретиками, а не христіанами называетъ? А ты молчишь.“ Тверитиновъ подошелъ къ столу и, ставши рядомъ съ Магницкимъ, сказалъ сенаторамъ: „Извольте послушать что̀ буду говорить.“ Тогда сенаторы сказали: „Говори, а ты, Магницкій, помолчи.“ Тверитиновъ обратился къ Магницкому и спросилъ: „Скажи ты мнѣ, Леонтій Филипповичъ: видалъ ли ты когда меня въ церкви?“—„Видалъ,“ отвѣчалъ тотъ. Тогда Димитрій сказалъ сенаторамъ: „Извольте, ваше благородіе, слушать: Магницкій самъ свидѣтельствуетъ предъ вами что я въ церковь хожу“. Но Магницкій „предварилъ“ отвѣтъ сенаторовъ, замѣтилъ: „Сей злохитрый не токмо церкви святой врагъ, но и тать евангельскій. Понеже, егда Христосъ Спаситель глаголетъ: *Тать не приходитъ, развѣ да украдетъ, и убіетъ и погубитъ;* и то Онъ глаголетъ не о такихъ татѣхъ которые крадутъ ризы и прочая тлѣнная и временная имѣнія, и убиваютъ тѣлесно человѣковъ и погубляютъ временно; но о таковыхъ татѣхъ которые крадутъ нетлѣнныя сокровища, то-есть словесныя души человѣческія и погубляютъ во вѣки. Таковъ онъ, Димитрій еретикъ,—евангельскій тать: приходитъ бо въ церковь и стоитъ подъ стѣною, псалмы читая, а до церемоніи, аще и во время явленія даровъ, егда возглашаютъ: *со страхомъ Божіимъ*, и до того ему дѣла нѣтъ. Но являлся народу не токмо вхожденіемъ въ церковь, якобы и благоговѣинствомъ лучше другихъ и богомольнѣйше, стоя читаетъ книгу подъ стѣною, дабы удобнѣе привлекъ на разговоры нѣкоторыхъ; также и на разговорахъ превеликій льстецъ, и коварникъ и уловити зѣло

силенъ есть. И того ради подлинно ходитъ въ церковь, яко тать, безсмертныя, словесныя и безцѣнныя препростыхъ человѣкъ души красть, а не молитву согласную во общую пользу приносить; и потому—евангельскій тать.“

Тверитиновъ не счелъ за нужное отвѣчать на подобныя обвиненія и пошелъ на свое мѣсто къ дверямъ. Сенаторы молча переглядывались. Магницкій понялъ это молчаніе въ свою пользу и съ удвоенною беззастѣнчивостію продолжалъ, указывая пальцемъ на Тверитинова: „Онъ еретикъ не токмо тать, но и разбойникъ евангельскій.“—„Почему онъ разбойникъ евангельскій?“ спросилъ Апраксинъ. Магницкій объявилъ: „Христосъ Спаситель глаголетъ: *Не входяй дверьми во дворъ овчій, но прелазя инудъ, той тать есть и разбойникъ.* А онъ еретикъ называетъ себя апостоломъ и проповѣдникомъ истины.“ Магницкій пересказалъ при этомъ что въ 1713 году, у графа Мусина-Пушкина былъ съ Тверитиновымъ диспутъ, что лѣкарь переговорилъ на немъ графа и потомъ называлъ его іудейскимъ судьею, а себя учителемъ и проповѣдникомъ истины. „Но Димитрій (объяснилъ Магницкій) рукоположенія и характера таковаго, даннаго ему, не имѣетъ и не чиномъ священства, но помимо того восхищаетъ проповѣдническій санъ, и о немъ зѣло явно и прилично Христосъ Спаситель, егда о подобныхъ ему еретикахъ, глаголетъ: *Не входяй дверьми во дворъ овчій, но прелазя инудъ, той тать есть и разбойникъ.* Потому онъ, Димитрій, евангельскій тать и разбойникъ.“ Мусинъ-Пушкинъ остановилъ Магницкаго словами: „Чего ради ты на меня лжешь?“ И прибавилъ что онъ не имѣлъ съ Тверитиновымъ диспута по его тетрадямъ. * Магницкій настаивалъ на томъ что онъ принесъ графу книги Димитрія и ссылался въ этомъ на князя Якова Барятинскаго, дьякона Артемія Навроцкаго и Ѳедора Поликарпова. Мусинъ-Пушкинъ объявилъ что диспута съ Тверитиновымъ у него не было, а о тетрадяхъ сказалъ: „Такъ есть и нынѣ тѣ книги у меня.“

Тверитиновъ, съ своей стороны, на очной ставкѣ 16го мая, обвинилъ Магницкаго въ томъ что онъ намѣренно устроилъ обѣдъ и диспутъ и подобралъ на то свидѣтелей, что его и Косаго ловили въ ереси, мстя за фискальство, въ против-

---

* По словамъ *Записки*, Мусинъ-Пушкинъ увѣрялъ что не получалъ тетрадей Тверитинова отъ Магницкаго. Мы не даемъ вѣры этому извѣстію *Записки*.

ность воли государевой. Магницкій долженъ былъ тутъ же составить „краткую письменную улику“ противъ показаній Димитрія. На обвиненіе въ заговорѣ, предварительномъ подборѣ свидѣтелей, Магницкій отвѣчалъ что онъ, *„согласясь токмо съ Ершовымъ*, звалъ на обѣдъ читателей божественнаго Писанія, *для свидѣтельства* противности Димитрія въ догматахъ“. Магницкій написалъ человѣкъ двадцать свидѣтелей и просилъ сенаторовъ дознаться почему Тверитиновъ не хочетъ на нихъ ссылаться, нѣтъ ли между нимъ и названными свидѣтелями „приказной ссоры“. Лѣкарь написалъ что ссоры у него съ ними нѣтъ, и что онъ не шлется на нихъ просто потому что имъ не вѣритъ.

Тотчасъ послѣ Магницкаго позванъ былъ на очную ставку московскій вице-губернаторъ Ершовъ. Послѣдній просилъ чтобы сенаторы потребовали сначала у Тверитинова письменнаго возраженія на сказку Ершова и потомъ вызвался письменно же „возобличать“ возраженія лѣкаря. Это предложеніе понравилось князю Долгорукову, и было принято сенаторами. Тверитиновъ писалъ свое обличеніе на Ершова дни съ три; Ершовъ „трудился съ великимъ трудомъ дней съ пять“, составляя „возобличеніе“ на показаніе Дмитрія. *

Когда Ершовъ представилъ свое возобличеніе сенаторамъ, у нихъ было уже въ рукахъ письменное признаніе Магницкаго что обѣдъ и диспутъ устроенъ былъ имъ *по согласію съ Ершовымъ*. Московскій вице-губернаторъ показалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Видѣвъ противность церковную въ Михайлѣ Косомъ и увѣдавъ отъ того и отъ другихъ что той противности есть учитель Дмитрій Тверитиновъ; того ради, для подлиннаго о немъ увѣренія, видѣть его, Дмитрія, имѣлъ желаніе, и о томъ Михайлу Косому, такъ и другимъ и брату Димитріеву Ѳадею, приказывалъ чтобъ Дмитрій съ нимъ, Васильемъ, видѣлся.“ ** Присутствіе свое на второмъ диспутѣ съ Тверитиновымъ, въ Симоновомъ монастырѣ, *** Ершовъ

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

** Дѣло синодальнаго архива.

*** *Записка о дѣлѣ Тверитинова* положительно говоритъ: „Званы были архимандритъ Ѳеофилактъ Лопатинскій и другія персоны знатныя, въ томъ числѣ и Василій Ершовъ, къ Симоновскому архимандриту Петру на обѣдъ, *къ которому обѣду онъ, Ершовъ, привезъ и Димитрія, желая онъ, Ершовъ, дабы еще свидѣтелей примножити.*“

объяснилъ случайностію: „Разъ пріѣхалъ къ нему Тверитиновъ, а ему, Василью, *прилучилось* ѣхать въ Симоновъ монастырь, и онъ пригласилъ его поѣхать туда къ обѣднѣ; послѣ обѣдни обѣдали они вмѣстѣ у архимандрита Петра съ Лопатинскимъ и другими, а послѣ обѣда былъ диспутъ....“ Но потомъ Ершовъ измѣнилъ свое показаніе и передалъ дѣло такъ: „Школъ начальникъ, архимандритъ Лопатинскій, видѣлся съ нимъ, Васильемъ, и о томъ разговаривая съ сѣтованіемъ о такомъ развратѣ что школьниковъ у нихъ Тверитиновъ тою противностію перелакостилъ, Лопатинскій возымѣлъ требованіе чтобъ гдѣ-нибудь съ тѣмъ Тверитиновымъ спустить диспуту и осмотрѣть бы его, сколь онъ въ томъ силенъ. По тѣхъ разговорахъ онъ, Василій, Лопатинскому сказалъ что Тверитиновъ, будучи въ домѣ Магницкаго, при диспутѣ чинилъ оговорку, якобы отъ противнаго лица; и Лопатинскій говорилъ: „То де даромъ что онъ чинитъ оговорку, мочно де и чрезъ оговорку сущую ересь видѣть.“ И потомъ на тое диспуту, что̀ была въ Симоновомъ монастырѣ, съѣхаться имъ случилось, а чьею повѣсткою, его ли, Васильевою, или Лопатинскою, или чьею другою, *про то не упомнитъ.*“ Ершовъ призналъ что „тѣ диспуты были для вѣрнаго осмотрѣнія противности Дмитрія“. У Ершова спрашивали отчего же онъ не доносилъ объ этихъ противностяхъ до того времени когда явилось извѣстное „увѣщаніе“ Яворскаго. Онъ отвѣчалъ что Тверитиновъ хотѣлъ диспутоваться письменно, и Ершовъ выжидалъ этого диспута; „однако до того не дошло, и помѣшало тому быть что вскорѣ началось дѣло въ Духовномъ и Преображенскомъ приказахъ“. Ершовъ засвидѣтельствовалъ письменно что Косой „былъ ему, Василью, другъ великій, какъ о томъ знаютъ многіе“. Когда и почему кончилась эта дружба? Когда Ершовъ разорвалъ свои крѣпкія и долголѣтнія дружескія связи съ Косымъ? Когда возревновалъ онъ чистотѣ православныхъ догматовъ и началъ устраивать обѣды „для вѣрнаго осмотрѣнія противности“ его и Димитрія? На эти вопросы предлагаетъ удовлетворительный отвѣтъ показаніе данное на очной ставкѣ Тверитиновымъ, что Ершовъ клепалъ на него вслѣдствіе „содруженія его съ фискаломъ Михайломъ Андреевымъ, за то что Михайло подавалъ на ратушу доношенія, а та ратуша была въ вѣдомствѣ у Василья Ершова“. * Въ рукахъ сенаторовъ давно уже было прошеніе

* Дѣло синодальнаго архива.

Косаго, въ которомъ онъ указывалъ на свои прежнія донесенія (поданныя *въ началѣ* 1713 года) о похищеніи государевой казны въ Московской ратушѣ и жаловался что „впредь ему невозможно смотрѣть похищенія казны и неправды", потому что вскорѣ послѣ первыхъ его доносовъ на Ершова, „тайнымъ происскомъ обнесли князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому будто они (съ фискаломъ Мининымъ) противны св. церкви, и по тому доношенію изъ Преображенскаго приказа домъ и пожитки ихъ запечатаны, а домашнихъ ихъ держатъ въ утѣсненіи". *

„Утрудился" Магницкій, „болѣе трехъ часовъ" обличая Тверитинова на очной ставкѣ; „случившійся народъ" обступилъ его при выходѣ изъ сенатской канцеляріи: „зѣло его возлюбили и пріятныя слова говорили". ** Но предъ сенаторами въ „чинныхъ и порядочныхъ" возобличеніяхъ московскихъ свидѣтелей прозвучали струны настроенныя не ревностію къ чистотѣ православныхъ догматовъ.

Н. ТИХОНРАВОВЪ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

---

* Дѣло синодальнаго архива.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

СИКСТЪ V

ТРАГЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ЮЛІУСА МИНДИНГА.

Эта трагедія, написанная молодымъ, мало извѣстнымъ поэтомъ. имѣла замѣчательную участь. Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, она была налитографирована въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и разослана авторомъ по разнымъ театрамъ Германіи, но ни на одной сценѣ не нашла себѣ пріюта и едва не затерялась въ хламѣ манускриптовъ. Только въ 1869 году, главный режиссеръ Цюрихскаго театра К. Райнеръ и директоръ Ольденбургскаго театра А. Беккеръ вызвали изъ забвенія эту трагедію, издали ее въ свѣтъ и поставили на сцену. Тогда публика узнала что въ лицѣ автора этой піесы, Юліуса Миндинга, Германія имѣла писателя котораго твореніе можно поставить на ряду съ произведеніями замѣчательнѣйшихъ драматическихъ писателей. Журналы отозвались о немъ съ большою похвалой; но эта слава досталась автору слишкомъ поздно: его уже не было на свѣтѣ. Потерпѣвъ неудачу на своемъ литературномъ поприщѣ и тѣснимый нуждой, онъ переселился въ Америку и кончилъ тамъ жизнь самоубійствомъ, въ Нью-Йоркѣ, 7го сентября 1850 года. При весьма интересномъ содержаніи, его трагедія отличается вѣрнымъ изображеніемъ эпохи, выдержанностію и силой главныхъ характеровъ, и мастерскимъ изображеніемъ движенія стра-

стей. По мнѣнію знатоковъ драматическаго искусства, какъ напримѣръ Фридриха Гаазе и недавно умершаго Юліуса Мозена, эта трагедія представляетъ замѣчательное явленіе въ области драматической поэзіи, подобнаго которому давно не было въ Германіи. *Примѣчаніе переводчика.*

Дѣйствующія лица:

ФЕЛИКСЪ ПЕРЕТТИ, КАРДИНАЛЪ МОНТАЛЬТО, въ послѣдствіи папа СИКСТЪ V.

АНТОНІО МАРІАНА, графъ Мирандола.

МАТИЛЬДА, графиня Кастельферро.

ФРАНЦИСКЪ ТОЛЕДО, кардиналъ, генералъ ордена іезуитовъ

ѲОМА МОРОЗИНИ, тайный секретарь ордена іезуитовъ

ФАРНЕЗЕ.
БУОНКАМПАНЬЙО.
МЕДИЦИСЪ.
АЛЕКСАНДРИНИ. } Кардиналы.

КАПЕЛЛАНЪ.

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

ТОРКВАТО ТАССО.

ГАЛИЛЕО ГАЛИЛЕИ.

АНДРЕАСЪ.
ЭРКОЛЕ.
ПІЕТРО. } Поселяне.

СБИРРЪ.

ДЖАКОПО.
МАТТЕО. } Бандиты.

ГОНЕЦЪ. ВРАЧЪ.

Граждане. Гражданки. Кардиналы. Народъ. Духовенство, и пр

Мѣсто дѣйствія: РИМЪ.

Время: первыя три дѣйствія въ 1585 году; послѣднее—въ 1590 году

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Великолѣпный будуаръ. Полукруглая комната; входы завѣшаны портьерами. Главный входъ, въ глубинѣ сцены, открытъ на террасу въ садъ. Сквозь группы деревьевъ, при свѣтѣ заходящаго солнца, видны вдали башни и стѣны крѣпости Ангела и Ватиканъ; нѣсколько ближе—развалины Колизея. Вся комната украшена растеніями; по стѣнамъ стоятъ статуи. Направо, на переднемъ планѣ софа, въ головахъ ея маленькій круглый столъ со стоящею на немъ вазой. Налѣво—другой столъ съ книгами, шахматною доской и пр. Подлѣ него стулья съ высокими рѣзными спинками.

МАТИЛЬДА. ГРАФЪ МАРІАНА.

МАТИЛЬДА (*лежитъ на софѣ*).

Вы нынче такъ задумчивы, Антоньо!
Отъ вздоховъ тяготѣетъ ваша грудь,
Какъ по веснѣ отъ аромата воздухъ.

ГРАФЪ МАРІАНА (*смотритъ задумчиво въ садъ, облокотясь на спинку стула*).

Да, ваша правда! Но и самый воздухъ
Не такъ тяжелъ, какъ раннее сознанье
Печальныхъ, безнадежныхъ отреченій.

МАТИЛЬДА.

Такъ можетъ думать воинъ, гордость дома,
Надежда угнетенныхъ, на кого
Съ довѣріемъ глядѣть они привыкли
Въ годину бѣдъ и горькихъ испытаній?
Да, вѣкъ нашъ полонъ язвъ, и каждый мѣсяцъ
Приноситъ намъ заразы новой ядъ.

ГРАФЪ МАРІАНА.

Я чувствую, какъ вы, все горе дня,
И не изъ страха оставляю дѣло.
Я вамъ готовъ служить рукой и жизнью,
Когда вамъ нужны мечъ мой и отвага,
Чтобъ кровью смыть то зло какое домъ
Вашъ потерпѣлъ отъ козней духовенства.
Но не надѣйтесь смѣлымъ предпріятьемъ
Общественное горе устранить!

МАТИЛЬДА.

О, нѣтъ, не ради дома моего
Желала бы я духъ вашъ пробудить!
Погибшаго отца и братьевъ тѣни
Кровавыя отмщенья ждутъ давно.
Насъ осѣнятъ они благословеньемъ,
Коль на святой освобожденья подвигъ
Рѣшимся мы идти; но отъ себя
Торжественно они намъ заявляютъ
Что боль ихъ ранъ смертельныхъ—только капля
Въ страданіяхъ несчастнаго народа,
Которыя ростутъ ежеминутно:
Его тѣснѣй становятся оковы,
А власть его гонителей ростетъ
Отъ счастія и храбрости. А мы
Межъ тѣмъ въ раздумьѣ мрачномъ изнываемъ!
Вы знаете ли новость о Фарнезе?
Что? Вы молчите? Иль вамъ неизвѣстно
О чемъ кричитъ весь Римъ? Когда-то Цезарь
На вольный Рейнъ свою набросилъ цѣпь,
Такъ вотъ теперь отважный Пармезанецъ
Стремится воды Шельды покорить
И на нее накладываетъ иго.

(*Съ ироніей:*)

Да, нужно быть племянникомъ прелата,
Чтобъ славою героя увѣнчаться!
Смотрите: муха на стѣнѣ сидитъ,
Подайте мечъ убьемъ ее скорѣе!

ГРАФЪ МАРІАНА.

Вы женщина!

МАТИЛЬДА.

Что значитъ это, графъ?
Мы здѣсь теперь всѣ женщинами стали,
Тогда какъ мужи лучшіе страны,—
Въ былые дни свободные граждане,—
Въ покоѣ праздномъ истощаютъ силы.
Игла иль спица, мечъ или кинжалъ
У насъ въ рукахъ—мы женщины, когда
Ничтожный блескъ плѣняетъ наши чувства,
И мы потерь боимся. Нѣтъ, по мнѣ
Ужъ лучше смерть въ стѣнахъ монастыря!

ГРАФЪ МАРІАНА

Ахъ, отгоните этотъ мрачный духъ,
Который васъ гнететъ неутомимо
И сладкій голосъ сердца заглушаетъ!
Внимайте лишь ему; пусть все другое
На вѣкъ для сердца вашего умретъ.
Оставьте всѣ мечты освобожденья!
Вамъ времени ничѣмъ не измѣнить.
Какъ невозможно море успокоить,
Смирить грозу, разсѣять облака,
Такъ отвратить ничѣмъ нельзя отъ Рима
Его судебъ. По древнимъ это—фатумъ.

МАТИЛЬДА.

Зовите какъ угодно, все равно.
Но дѣло все предъ Богомъ и предъ міромъ
Лежитъ въ такой ужасной наготѣ,
Что тутъ двухъ словъ довольно: гибнетъ Римъ!
Свою сѣдую мать забыли дѣти!
У насъ въ сердцахъ, какъ у него въ стѣнахъ,
Господствуетъ одно лишь запустѣнье.
Отъ вдовьей мантіи царицы міра
Мальчишки рвутъ лохмотья, а она
Скрываетъ свой окаменѣлый ликъ
Въ дыму опустошенья и въ туманѣ
Своихъ болотъ! Такъ въ судоргахъ она
Свои теряетъ силы, умирая,
И какъ смертельно пораженный левъ
Свидѣтелей борьбы послѣдней гонитъ,
Такъ умереть одна она желаетъ,
Чтобъ нынѣшній пустой, ничтожный родъ
Не передалъ грядущимъ поколѣньямъ
Съ насмѣшкой занимательный разказъ
О судоргахъ предсмертныхъ исполина.

ГРАФЪ МАРІАНА.

Вы жизнь хотите дать умершимъ членамъ
И силы влить въ засохшее растенье?
Сочтите всѣхъ своихъ, меня причтите,
Мы не народъ, не войско, не толпа.

МАТИЛЬДА.

А инокъ виттенбергскій * лишь владѣлъ
Широкимъ лбомъ да голосомъ громовымъ
И былъ одинъ.

ГРАФЪ МАРІАНА.

Но онъ за то имѣлъ
Чего у насъ недостаетъ: народъ,
Его готовый слушать.

МАТИЛЬДА.

Для Ріензи
Нашелся и народъ.

ГРАФЪ МАРІАНА.

Да, лишь на время,—
Пока имъ было весело. Чего же
Хотите вы?

МАТИЛЬДА.

Къ чему пустой вопросъ!
Извѣстно вамъ давно чего хочу я,
И вы свершили бъ все, когда бъ хотѣли.
Мущины вы, съ оружьемъ и въ доспѣхахъ,—
Куда жь дѣвали вы свое наслѣдье?
У васъ въ рукахъ владычество надъ міромъ;
На долю вамъ даны—наука, мудрость,
Свобода слова и законовъ право,
И вся Италія—чудесный садъ,
Съ своею виллой золотою—Римомъ;
У васъ въ рукахъ вся будущность ея;
Что̀ жь сдѣлали вы съ нею, дѣти Рима?
Похожа ли она на садъ цвѣтущій?
Свободна ли она? Нѣтъ,—это лужа,
Питающая грѣшниковъ роскошныхъ,
Которые, какъ жирныя улитки,
Въ ея гнѣздятся тинѣ,—это ложе
Разврата, самодурства тронъ! И ты
Еще спросилъ меня чего хочу я?
Желѣза я хочу, удара грома,
Который бы отъ сна васъ пробудилъ!—
Ты самъ, своей напрасною тоскою
Глуша въ себѣ геройства гордый духъ,
Могъ быть трибуномъ своего народа,

* Лютеръ.

А сталъ теперь вассаломъ у поповъ.
О, разбуди свой благородный духъ!
Не дай погибнуть Риму! Попытайся
Еще хоть разъ въ стѣнахъ его пустынныхъ
Свободы храмъ воздвигнуть лучезарный.
Хоть разъ еще попробуемъ—съ себя
И съ Рима смыть позоръ. Мы можемъ только
Иль побѣдить, иль пасть.

ГРАФЪ МАРІАНА.

И вѣроятнѣй
Что мы падемъ.

МАТИЛЬДА.

Да, если думать такъ!

ГРАФЪ МАРІАНА.

Лишь цѣль одну ты видишь, но не средства;
Достать звѣзду ты хочешь, что видна;
Но сердца благороднаго влеченье
Къ погибели насъ только поведетъ.

МАТИЛЬДА.

Но выслушай меня! Ужели то
Что ночи мнѣ безсонныя внушили—
Ребячества мечта, пустыя грезы?
Мнѣ видится успѣхъ.—Толпу ты знаешь,—
Она всегда, изъ вѣка въ вѣкъ, была
И движима легко, и малодушна.
Вѣдь и она въ отчаяньи теперь.
Дай только знамя ей, дай только имя!
Духовное господство для нея
Тяжеле, чѣмъ владычество тирановъ;
Потрясена старинной вѣры сила,
И умерла послѣдняя надежда
Что лучшее придетъ отъ власти папъ.
Да, эта власть есть дерзкое стяжанье;
Не долженъ быть царемъ первосвященникъ.
Господь, который ихъ призвалъ къ служенью,
Носилъ вѣнецъ терновый—не корону.
И такъ росло съ вѣками это зло.
Но вдалекѣ мнѣ слышится, хоть слабо,
Отрадный звонъ—зари предвѣстникъ новой,—
Въ Германіи и въ Нидерландахъ онъ
Ужъ прозвучалъ. О, еслибъ ихъ примѣръ

Могъ возбудить и насъ! Лишь нужно время,
А слабость папъ сама поможетъ намъ.
Вѣнчанный старецъ, у кого теперь
Чуть держится въ рукахъ дрожащихъ посохъ,
Ужь близится къ кончинѣ: скоро смерть
Возьметъ его къ себѣ; за нимъ взойдетъ
На папскій тронъ такой же хилый старецъ,
И пусть онъ сложитъ мантію свою
На тотъ вулканъ который мы зажжемъ!

ГРАФЪ МАРІАНА.

Ты знаешь,—всей душой тебѣ я преданъ
И завсегда служить тебѣ готовъ.
Я знаю старца этого—Анконца
Монтальто; если папою онъ будетъ,
То можемъ мы наполнить катакомбы
Оружіемъ и кликами свободы.

МАТИЛЬДА.

Пускай въ сердцахъ посѣянное сѣмя
Взойдетъ на Божій свѣтъ, и будетъ снова
Республика, и убѣжденье силы
Для насъ, какъ для Антверпена теперь,—
Темнѣетъ, другъ. Узнай народа мнѣнье.
Прощай пока; надѣйся лучшихъ дней!
Легко подъ иго покорить народы;
Но живо въ нихъ желаніе свободы.

(Графъ провожаетъ ее до боковаго входа, потомъ удаляется.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(Скромная комната монаха.)

Кардиналъ МОНТАЛЬТО сидитъ у стола заваленнаго книгами, глобусами, картами и пр. и читаетъ свитокъ. По срединѣ стола стоитъ распятіе. Съ потолка надъ столомъ виситъ лампа. Комната отдѣлана въ стилѣ возрожденія, но безъ всякой роскоши и позолоты. Утро.

Входитъ гонецъ (*молодой монахъ*). МОНТАЛЬТО поднимаетъ голову.

ГОНЕЦЪ.

Святой отецъ! хоть жданное извѣстье
Я вамъ принесъ, но васъ оно встревожитъ:
Скончался папа!

МОНТАЛЬТО (*послѣ краткаго молчанія*).

Миръ его душѣ!

ГОНЕЦЪ.

Двѣнадцать лѣтъ со славой управляя
Дѣлами церкви и своей страны,
Его святѣйшество, къ всеобщей скорби,
Почіетъ днесь въ капеллѣ латеранской.
Ахъ, еслибы преосвященство ваше
Такъ не были удручены болѣзнью,
На горе всѣхъ благочестивыхъ душъ,
То,—говоритъ народъ,—достойнѣй васъ
Нѣтъ никого для папскаго престола.

МОНТАЛЬТО.

Господь и такъ возвысилъ насъ изъ праха
Ничтожества превыше всѣхъ заслугъ
И далеко превыше всѣхъ желаній,—
За что̀ Ему и слава, и хвала.
Но, видишь ли, мой другъ, меня гнететъ
И старость, и недугъ; ни шагу я
Безъ посоха ступить не въ состояньи,
Злой кашель душитъ грудь, и голова
Усталая склоняется къ могилѣ;—
Такъ гдѣ жь намъ быть скалою и твердыней
Апостола Петра? Какъ намъ снести
Тяжелую небесную корону?—
Намъ лишь осталось,—такъ скажи народу,—
Ждать часа смерти въ скромной нашей кельѣ
И предъ Творцомъ съ молитвой простираться....
Я болѣе не въ силахъ говорить....
Прими на путь мое благословенье.

(Монахъ преклоняетъ колѣна. Монтальто простираетъ руки надъ его головой и шепчетъ молитву, потомъ, поднявъ его, продолжаетъ кротко:)

Когда могу я быть тебѣ полезнымъ,—
Хотя и боленъ я, и безъ вліянья,—
То приходи ко мнѣ. Теперь же я
Хочу молиться объ усопшемъ папѣ.

(Гонецъ уходитъ.)

МОНТАЛЬТО.

Онъ умеръ, умеръ!—Долго же, Григорій,
Ты ждать заставилъ насъ!—Теперь пора,

И цѣль близка!—Дрожа, рука хватаетъ....
Мой ключъ теперь.... его я удержу!
— Но выдержатъ ли жилы, если ихъ
Не упражнялъ желанія порывъ?
Все тотъ же ли въ груди могучій голосъ
Властителя, чтобъ міръ мой огласить?
Не перешло ль притворство многихъ лѣтъ
Предъ сонмомъ кардиналовъ наконецъ
Въ дѣйствительность? Вѣдь, говорятъ, и конь
Теряетъ силы, стоя долго въ стойлѣ.
Бывало, мальчикомъ еще, при стадѣ,
Животныхъ я вязалъ для мясника,
И если ножъ щадилъ одно изъ нихъ,
Оно и безъ веревокъ все лежало
И лишь съ трудомъ потомъ приподнималось.
Природа—мать чудесная для насъ,
И мы должны цѣнить ея дары.
— Расправьтесь члены! Бейся крѣпче сердце!
Зажгися взоръ! Возвысься голова!
Прочь этотъ посохъ! Дайте мнѣ тіару,—
Я чувствую что я ее снесу!

. . . .

Но тише, тише! чтобъ порывъ внезапный
Дремавшихъ силъ моихъ не обличилъ
До времени всей хилости притворной.
Держись еще, рука, за этотъ посохъ;
Сожмися, грудь; пусть бремя думъ глубокихъ
На голову усталую наляжетъ.
Не разучись, лукавая стопа,
Къ своей добычѣ тихо приближаться!
Я—бѣдный ловчій,—я хочу поймать
Не птицу пѣвчую, не горностая,—
Смерть лучшую добычу мнѣ даетъ:
Орелъ сидитъ на тронѣ Ватикана
И молніи въ когтяхъ своихъ несетъ.
Тебя мнѣ нужно, царственная птица,
Чтобъ власть свою надъ міромъ заявить;
Тебѣ кладу я хилость для приманки,
Игра такая для меня пріятна;
И ежели удастся мнѣ она,—
Другую свѣтъ игру тогда увидитъ!

Такъ поспѣшимъ опутывать добычу;—
Но осторожнѣй, чтобъ никто не зналъ
Какъ тотъ орелъ въ силки мои попалъ!

Входитъ слуга. Потомъ кардиналъ ФАРНЕЗЕ.

СЛУГА.

Преосвященство! кардиналъ Фарнезе.

МОНТАЛЬТО *(тащится къ столу. Про себя.)*

Раненько на охотѣ! *(Громко.)* Очень радъ.
(Слуга уходитъ. Входитъ Фарнезе, которому слуга отворяетъ дверь. По знаку Монтальто, онъ ставитъ ему стулъ и удаляется.)

Чему обязанъ я такою честью?
Чтò привело высокую особу
Въ мой скромный уголокъ? Прошу садиться.
(Онъ привсталъ, опираясь на посохъ.)

ФАРНЕЗЕ.

Не безпокойтесь, кардиналъ,—сидите,
Какъ бы меня здѣсь не было. Я знаю—
Страданья—ваша слава, наше горе.
Своихъ любимцевъ церковь не щадитъ,
А вы, мой дорогой, болящій другъ,
Для блага общей матери трудились,
Ей жертвуя собой,—мы это знаемъ.

МОНТАЛЬТО.

Старенекъ я: вѣдь мнѣ седьмой десятокъ,
И огорченья были, и поѣздки
Далекія. Вотъ, напримѣръ, Мадридъ—
Пренездоровый городъ: тамъ я кашель
Свой получилъ. Одинъ нѣмецкій врачъ,
Везаліусъ по имени, сказалъ мнѣ
Что съ этимъ кашлемъ я сойду въ могилу.
Ну, буди власть Господня! Вы слыхали,
Я думаю, про этого врача:
Онъ мужъ ученѣйшій. Карлъ императоръ
И сынъ его Филиппъ его любили,
И онъ въ большомъ почетѣ былъ у нихъ:
Галена комментировалъ!.. Бывало,
Я состязался съ нимъ въ ученыхъ спорахъ—

И philologice, и critice—
О разныхъ темныхъ тамъ мѣстахъ.... Онъ былъ
Отличный анатомъ и иногда
Показывалъ мнѣ сердце, мозгъ и печень,—
Такія вещи—вы бы подивились....
Но не было ему благословенья:
Я въ ссылку самъ послалъ его, чтобъ тѣмъ
Спасти его отъ смерти.... охъ, мой кашель!...
За то что онъ живаго вскрылъ однажды....
Какой-то тамъ испанскій дворянинъ....
Мнимоумершій.... Что бишь я сказалъ?
Да! вотъ онъ вскрылъ его, а сердце въ немъ
Какъ у живаго бьется.... Вотъ несчастье!...
Ну, я его послалъ къ святымъ мѣстамъ,
А онъ дорогой умеръ....

ФАРНЕЗЕ.

Слава Богу!

МОНТАЛЬТО.

Вы думаете?

ФАРНЕЗЕ.

Да, я полагаю
Что лучше ужь вскрывать мнимоумершихъ,
Чѣмъ хоронить.

МОНТАЛЬТО.

Да, это такъ; а впрочемъ
Его я извиняю.

ФАРНЕЗЕ.

Кардиналъ,
Простите мнѣ что я васъ прерываю:
Есть важныя дѣла. О смерти папы
Вы, вѣроятно, ужь извѣщены?

МОНТАЛЬТО.

О смерти папы? Да.... такъ точно.... помню....
Я только что хотѣлъ о немъ молиться
Передъ приходомъ вашимъ и чуть-чуть
Не позабылъ: слаба ужасно память.

ФАРНЕЗЕ.

Кого жь бы вы избрать предполагали?

МОНТАЛЬТО.

Какъ избирать изъ множества достойныхъ?

ФАРНЕЗЕ.

Позвольте мнѣ разчитывать, Монтальто,
Что вы за насъ. Вы помните щедроты
Филиппа и могущество его,
Которое возвысится еще
Побѣдами племянника на Шельдѣ.

МОНТАЛЬТО.

О, вашъ племянникъ Александръ—герой!
Онъ церкви мечъ. Онъ, говорятъ. теперь
Стоитъ ужь подъ Антверпеномъ?

ФАРНЕЗЕ.

И скоро
Войдетъ въ него. Ужь еретичный городъ
Весь обложенъ. Да, это подвигъ былъ—
Достойный Цезаря: весь флотъ мятежныхъ
На Шельдѣ истребленъ,—еще немного—
И Нидерланды подпадутъ подъ власть
И короля, и церкви. И тогда,
Монтальто, мы второй отправимъ флотъ
На Англію, и побѣдитель Бриттовъ
Опять Фарнезе будетъ....

МОНТАЛЬТО.

И намѣстникъ
Апостола! Примите поздравленье
На этотъ санъ,—его достойны вы!
Да и кому же съ вами состязаться?

ФАРНЕЗЕ.

О, много есть наслѣдниковъ тіары.
Вы о себѣ подумайте, мой другъ!

МОНТАЛЬТО.

Какъ? о себѣ? да я старикъ отжившій,
Я остовъ человѣка.... Что̀ вы? что̀ вы?
Оставьте эти шутки. Какъ ни слабъ
Мой умъ, но я сочту что духъ недобрый
Осѣтитъ кардиналовъ, коль они
Вольютъ такой напитокъ драгоцѣнный
Въ сосудъ худой. Нѣтъ, вотъ что̀ вамъ скажу я,
Меня такъ душитъ кашель по ночамъ,

Что я боюсь явиться на конклавѣ:
Я тамъ умру.

ФАРНЕЗЕ.

Господь васъ подкрѣпи
На благо намъ! Оставьте эти мысли!
Еще нужна для церкви ваша служба.
Ужель вы захотите чтобъ враги
Побѣду одержали? Вотъ и Эсте
Мечтаетъ о тіарѣ. Но когда
Вы станете за насъ въ числѣ другихъ,
То этого не будетъ.

МОНТАЛЬТО.

Это правда.
А много ли за васъ есть голосовъ?

ФАРНЕЗЕ.

Испанцы всѣ почти; быть-можетъ, развѣ
Кой-кто изъ нихъ, въ угоду королю,
Пойдетъ за Медициса. А притомъ
Буонкампаньйо также далъ мнѣ слово
Что онъ употребитъ свое вліянье
На пользу намъ. Такъ вотъ какъ сильны мы,
Чтобъ выбору любому помѣшать;
Для своего же надо быть сильнѣе:
Я думаю что сорокъ кардиналовъ
Прибудутъ на конклавъ, и потому
Намъ нужно двадцать восемь голосовъ
Для выбора.

МОНТАЛЬТО.

Ну, если доживу,
И мой считайте голосъ за собою.

ФАРНЕЗЕ (*жметъ ему руку*).

Душевно васъ благодарю, Монтальто!
Теперь спѣшу по дѣлу. До свиданья
Въ конклавѣ.

(*Уходитъ.*)

МОНТАЛЬТО (*смотритъ ему вслѣдъ*).

Ну, ступай себѣ, ступай!
Я шахъ тебѣ устрою. Тамъ на Шельдѣ
Племянника освѣтитъ Адельгунда,
А здѣсь тебя, надменный кардиналъ,
Сшибетъ сынъ пастуха, болящій Феликсъ! —

Теперь иду въ капеллу — покаянья
Выслушивать и отпускать: намъ нужно
Подробнѣе строй мыслей разузнать,
Чтобъ дѣйствовать на нихъ.—О, какъ чудесны
Твои пути, руководитель мой!
Ночной мой одръ—родитель тайныхъ думъ,
Мнѣ къ алтарю доставилъ указанье,
Какъ царство мнѣ твое пріобрѣсти!

(Медленно уходитъ.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Площадь въ Римѣ.

Посрединѣ фонтанъ съ мраморною группой. Направо у дома каменная скамья; налѣво — стѣны и башни городской тюрьмы. Предъ нею лавка мелочнаго торговца.

ПОСЕЛЯНЕ. ГРАЖДАНЕ. ДЖАКОПО и МАТТЕО.

(Въ глубинѣ сцены у фонтана толпа поселянъ, покупающихъ и продающихъ хлѣбъ, мясо, рыбу, плоды и пр. Новыя толпы приходятъ и уходятъ съ корзинами, или раскладываютъ свои столики съ товаромъ. Близъ лавки мелочнаго торговца стоятъ лавки и столы мѣнялы, публичнаго писаря, торговца реликвіями. Живая картина рыночной жизни. ДЖАКОПО и МАТТЕО выходятъ справа и садятся на каменную скамью. Поблизости ихъ сидитъ слѣпой нищій съ мальчикомъ).

ДЖАКОПО.

Ну, мой сынокъ, поди сюда ко мнѣ;
Присядемъ здѣсь. Тебѣ не слѣдъ бояться,
Вѣдь тамъ, въ тюрьмѣ, не очень-то ужь худо,
Лишь грудь тѣснитъ немного при дыханьѣ,
Затѣмъ что мало воздуха. А впрочемъ,
Мы просидимъ недолго, я надѣюсь,
Пока конклавъ окончится.

МАТТЕО.

Отецъ,
Не лучше ли снаружи намъ остаться?
Зачѣмъ идти въ тюрьму?

ДЖАКОПО.

Зачѣмъ, дурашка?
Чтобъ смыть съ себя всѣ старые грѣхи
И съ шеи снять веревку всепрощеньемъ,
А сбиррамъ всѣмъ вотъ это показать.

(Показываетъ шишъ.)

МАТТЕО

Я это понимаю; но зачѣмъ....

ДЖАКОПО.

Ну, что̀ еще тутъ спрашивать, фефёла!

МАТТЕО.

Хотѣлось бы, отецъ, мнѣ знать къ чему
Тутъ эти сбирры всѣ и всепрощенье?
Что̀ сдѣлано, то сдѣлано. Вѣдь мы
И безъ того рискуемъ часто жизнью:
Того гляди—наткнешься на кинжалъ!
Опасностей довольно въ нашемъ дѣлѣ.
Къ чему жь еще тутъ сбирры?

ДЖАКОПО.

Вотъ вопросъ!
Какъ у тебя языкъ еще глупенекъ!
Вѣдь это наши лучшіе друзья!

МАТТЕО.

Въ какомъ же это смыслѣ?

ДЖАКОПО.

Да во всякомъ.
Ну вотъ, представь себѣ что куча денегъ
Лежитъ на площади. Ну, что̀ бъ тутъ было?

МАТТЕО.

Цехины, а пожалуй и дублоны.

ДЖАКОПО.

Совсѣмъ не то,—могли быть и червонцы,
Какъ думаешь, вѣдь ихъ бросать не слѣдъ?

МАТТЕО.

Извѣстно что не слѣдъ, я понимаю.

ДЖАКОПО.

Ну, хорошо; а гдѣ же мы стоимъ?

МАТТЕО.

Какъ, гдѣ стоимъ?

ДЖАКОПО.

Да вотъ, какъ я сказалъ;
Ты сбилъ меня совсѣмъ....

(*Маттео хочетъ говорить.*)

Постой, постой!
Замѣть себѣ: что̀ было бъ, еслибъ тамъ
Лежала куча денегъ?

МАТТЕО.

Были бъ деньги.

ДЖАКОПО.

Вотъ олухъ-то! Я иначе спрошу:
Что̀ сдѣлалъ бы ты съ ними?

МАТТЕО.

Взялъ бы ихъ.

ДЖАКОПО.

И я бы взялъ. А каждый тамъ торговецъ,
А тотъ рыбакъ, а баба та съ плодами—
Что̀ сдѣлали бъ они?

МАТТЕО.

Да ничего.

ДЖАКОПО.

Какъ ничего?

МАТТЕО.

Да такъ: вѣдь мы бъ ихъ взяли.

ДЖАКОПО.

Клянусь святымъ Іаковомъ, съ такимъ
Ученикомъ учителю мученье!
Хоть въ стѣну лбомъ стучи!—Вѣдь каждый взялъ бы,
Кто бъ ни пришелъ: и тотъ, и тотъ, и этотъ.
Не правда ли?

МАТТЕО (*сердито*).

Ну что̀ жъ? Ну, взялъ бы каждый.

ДЖАКОПО.

Ну, не ворчи. Вотъ въ томъ-то все и дѣло.
Когда бы деньги тутъ лежали такъ
Чтобъ каждый могъ ихъ взять, то гдѣ же тутъ
Искусство, гдѣ тутъ подвигъ?... Но когда
Для денегъ тѣхъ построютъ кладовыя
Съ желѣзными рѣшотками, съ замками,
Да сторожей приставятъ къ нимъ, тогда
Ни баба, ни торговецъ, ни рыбакъ
Достать не могутъ ихъ, а мы достанемъ!

МАТТЕО.

Да, мы достанемъ ихъ.

ДЖАКОПО.

Такъ вотъ и знай
Что эти сбирры—наши кладовыя,

Они добычу нашу охраняютъ,
Чтобъ кто другой намъ не испортилъ дѣла.
Вѣдь не такое наше ремесло,
Чтобъ каждый олухъ носъ въ него совалъ;
Тутъ нужны умъ, сноровка, воспитанье;
Безъ нихъ мы были бъ то же что̀ поэты.

МАТТЕО.

Не лучше ихъ!

(Слѣва входитъ СБИРРЪ и, замѣтивъ бандитовъ, удаляется въ толпу, а потомъ выходитъ когда зовутъ его).

ДЖАКОПО.

Такъ вотъ что̀ тамъ бываетъ
Гдѣ сбирровъ нѣтъ.—Да вотъ одинъ изъ нихъ.
Онъ крадется отъ насъ. Иль онъ не знаетъ
Какое нынче время? Эй, пріятель!
Куда бѣжишь? Возьми-ка, братецъ, насъ
И будешь въ барышѣ. А вотъ задатокъ.

СБИРРЪ (*нерѣшительно*).

Нѣтъ, нѣтъ, благодарю. Вы кто такіе?
Я васъ не знаю.

ДЖАКОПО.

И тебѣ не стыдно
Въ глаза мнѣ лгать? Меня ли ты не знаешь?

СБИРРЪ.

Желудкомъ боленъ я,—отшибло память.

ДЖАКОПО.

Ну, хорошо; храни тебя Марія.

(Суетъ ему деньги; Сбирръ озирается, не видитъ ли кто этого и поспѣшно прячетъ деньги. Одинъ изъ гражданъ замѣтилъ это и, толкнувъ другого, указываетъ ему на бандитовъ.)

Вѣдь я—бандитъ Джакопо, а вотъ это—
Мой сынъ Маттео—вылитый отецъ.

(*Къ Маттео:*)

Да кланяйся, невѣжа, господину:
Онъ представитель власти и закона.
Вотъ видишь ли, насъ очень совѣсть мучитъ,
И потому мы выдаемъ себя
Правительству, а ты представь насъ судьямъ,
Какъ кающихся грѣшниковъ; достань
Духовника и приготовь получше

Намъ кельицу, чтобъ было и вино:
Вѣдь manus manum lavat.

СБИРРЪ.

Да, я знаю,
Ты человѣкъ ученый.

ДЖАКОПО.

По рожденью,
Мнѣ мать сказала что я сынъ прелата;
Когда бъ я только зналъ его, то вѣрно бъ
Сорвалъ съ него въ наслѣдство кое-что
Получше чѣмъ ученость.

СБИРРЪ (*къ народу, который между тѣмъ окружилъ ихъ*).

Что̀ вы тутъ,
Розиня ротъ стоите? Что̀ вамъ нужно?
Не видите что я тутъ по дѣламъ.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Да, знаемъ мы, какія тутъ дѣла:
Вы только между висѣльниковъ третесь.

СБИРРЪ.

Ты разсуждать еще! Ступай подъ стражу!
Вотъ тамъ тебя проучатъ!

(*Хочетъ его схватить.*)

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ (*отталкиваетъ его*).

Ну, потише!

СБИРРЪ.

Какъ? ты толкать начальство смѣешь, дерзкій?

(*Бьетъ его.*)

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Ну, это слишкомъ!

СБИРРЪ (*бьетъ и его*).

Ну, такъ подѣлитесь!

НАРОДЪ.

Какъ? Драться смѣетъ онъ! Мы не потерпимъ!

(*Напираетъ на сбира.*)

СБИРРЪ (*отступаетъ къ бандитамъ*).

Джакопо! помоги мнѣ, докажи
Что ты хорошій подданный. Проучимъ
Вотъ эту сволочь. Эй, краулъ! сюда!

ДЖАКОПО.

Ступайте-ка себѣ домой, ребята!
По чести вамъ совѣтую. Ступайте!

НАРОДЪ.

Впередъ, ребята! Отваляемъ ихъ!

ДЖАКОПО (*вынимая кинжалъ*).

Ого! съ дороги прочь! Кому изъ васъ
На свѣтѣ жить наскучило? Маттео!
Сюда, ко мнѣ! Съ дороги прочь, канальи!
Товарищъ! къ намъ! Веди-ка насъ въ тюрьму.

(Удаляются въ глубину сцены.)

ГРАЖДАНКА.

И это вы снесете?

ТРЕТІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Что̀ за время!
Какъ будто въ Римѣ господами стали
Разбойники одни!

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

А ты не зналъ?
А кто же Пикколомини, Колонна,
Орсини....

(Входитъ графъ Маріана).

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Да и весь совѣтъ верховный
Подъ пару имъ.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

И какъ же намъ стерпѣть,
Чтобъ смѣлъ насъ бить такой мерзавецъ? Нѣтъ!
Пойду домой, возьму свой ножъ и самъ
Сыщу себѣ управу.

ГРАФЪ МАРІАНА (*подходя къ нимъ*).

Что̀ такое
Случилось тутъ, друзья мои, скажите?

ГРАЖДАНКА (*указывая на него*).

Такая же ворона какъ и тѣ.

ТРЕТІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Нѣтъ, это графъ Маріана, другъ народа.

ГРАФЪ МАРІАНА.

Вы такъ раздражены. Скажите кто
Обидѣлъ васъ?

(Монтальто, поддерживаемый слугой, выходитъ справа и медленно приближается къ толпѣ. Торговцы предъ нимъ преклоняются. Слуга одѣляетъ нищихъ.)

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Клянусь своимъ патрономъ,
Я отомщу ему!

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Я носъ ему отрѣжу!

ГРАФЪ МАРІАНА.

Но кто же васъ обидѣлъ?

ТРЕТІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Сбирръ одинъ
Сейчасъ тутъ былъ и дружески съ двумя
Бандитами бесѣдовалъ: они
Ему сдались, чтобъ по избраньи папы
Съ другими вмѣстѣ получить прощенье,
Которое дается всѣмъ злодѣямъ,
За исключеньемъ должниковъ. У насъ
Тутъ вышла съ нимъ размолвка; онъ ударилъ
Вотъ этихъ двухъ въ лицо, а тѣ бандиты
Схватились за ножи и помогли
Ему уйти.

МОНТАЛЬТО *(про себя)*.

Я это запишу.

ГРАФЪ МАРІАНА.

А какъ его зовутъ?

ТРЕТІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Его я знаю:
Онъ—мастеръ Пьетро, а тѣ два бандита—
Джакопо и Маттео.

ГРАФЪ МАРІАНА.

Хорошо.
Вы мнѣ ужь это дѣло предоставьте,
Друзья мои, я вамъ найду защиту.

(Входитъ въ толпу.)

МОНТАЛЬТО (*про себя*).

Ты или я. Кому Господь поможетъ.

ГРАФЪ МАРІАНА.

Ко мнѣ вы завтра утромъ приходите
И принесите жалобу свою,
А я за васъ ходатайствовать буду,
Какъ за себя. На то у насъ законъ,
Чтобъ защищать,—а это беззаконье.
(*Уходитъ вправо*).

НАРОДЪ.

Ура! да здравствуетъ графъ Маріана!
(*Одни уходятъ за графомъ; другіе удаляются въ глубину сцены*).

МОНТАЛЬТО (*къ слугѣ*).

Кто этотъ господинъ?

СЛУГА.

Антоніо
Маріана, онъ изъ знатныхъ.

МОНТАЛЬТО.

Не узналъ
Я этого Антоніо Маріана.
(*Уходитъ влѣво.*)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Будуаръ Матильды, какъ въ первой сценѣ.

МАТИЛЬДА и АНТОНІО МАРІАНА (входятъ съ террасы).

МАТИЛЬДА.

Такъ хорошо; пусть рвенье ихъ ростетъ;
Изъ этого извлечь ты много можешь:
Поддерживай ихъ жаръ воспоминаньемъ
Былыхъ временъ; заставь ихъ понемногу
Сознать свой стыдъ, что такъ они теперь
Безсильны и помочь себѣ не могутъ,
Съ тѣхъ поръ какъ брошенъ ими мечъ отцовъ.
Чего нельзя сказать о настоящемъ,
То облеки въ картину прежнихъ дней:
Народъ пойметъ на что̀ ты намекаешь.

Пусть древнія дѣянія людей
Урокомъ служатъ и для нашихъ дней.

ГРАФЪ МАРІАНА.

Ты слишкомъ ужъ надѣешься.

МАТИЛЬДА.

Мой другъ!
И ты со мной надѣйся и оставь
Свою холодность.

ГРАФЪ МАРІАНА.

Мы съ тобой плывемъ
На челнокѣ одномъ по Океану;
Мы подняли свой парусъ, и когда
Подуетъ намъ благопріятный вѣтеръ
И насъ по волнамъ пронесетъ счастливо,
То мы откроемъ берегъ золотой.
Но все-таки обдумай предпріятье;
Ты молода, прекрасна, и тебѣ
Не хочется погибнуть въ этой бурѣ.
Я о себѣ не думаю теперь, —
Рѣшаюсь я затѣмъ что ты рѣшилась,
Затѣмъ что лучшая моя надежда —
Тобою обладать — она одна
Меня еще привязываетъ къ жизни
Пустой и безотрадной. Ахъ, обдумай
И отступи, пока еще возможно!
— Повѣрь, народъ не стóитъ этой жертвы.
Послушайся меня и откажись.
Намъ въ край иной, не лучшій, но счастливый,
Открытый путь: въ Швейцаріи свободной,
Средь горъ ея, мы будущность найдемъ.
Ужъ лучше мечъ поднять за Нидерланды:
Тамъ врагъ достойный—Александръ Фарнезе.—
Оставь, покинь свой подвигъ безнадежный!
Какое бы тутъ ни было начало, —
Конецъ его — погибель.

МАТИЛЬДА.

Какъ? ты хочешь?....

ГРАФЪ МАРІАНА.

Въ монастырѣ краса твоя увянетъ!
Прелестныхъ членовъ пышность навсегда

Сокроетъ власяница; всѣ надежды,
Весь пылъ любви, мечты свободы — все
Умретъ съ тобою заживо во мракѣ
Удушливой темницы монастырской!
Вѣрь, не страшитъ меня моя погибель,
Но мнѣ тебя хотѣлось бы спасти.

МАТИЛЬДА.

Кокъ много словъ! Такъ вотъ твое рѣшенье?

ГРАФЪ МАРІАНА.

Оно мое, когда его ты примешь.

МАТИЛЬДА.

Такъ я клянусь тебѣ предъ небесами,
Предъ всѣмъ что́ есть высокаго на свѣтѣ —
Побѣдой иль паденьемъ благороднымъ, —
Что я не отступлю. Я избрала
Тебя, кого люблю. Твое чело
Хотѣла бы я лавромъ увѣнчать,
Чтобъ миртою потомъ себя украсить;
Но ты не хочешь. Такъ прощай, мой другъ!
Не обвиняй меня. Вини свое
Благоразумье! Я пойду одна
Къ тѣмъ рыцарямъ-разбойникамъ которымъ
Всегда мое богатство и рука
Приманкою служили. И какой бы
Ни предстоялъ исходъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ,
Какъ Римлянинъ послѣдній я умру!

(*Отворачивается отъ него.*)

ГРАФЪ МАРІАНА.

Ты знаешь власть свою. Не отвращайся.
Взгляни ко мнѣ.

(*Беретъ ея руку.*)

За эту руку я
Готовъ бы былъ со смертью состязаться.
Когда изъ бурь грядущихъ мнѣ спасется
Твоя любовь, то я на все рѣшусь.
Склони ко мнѣ свой взоръ благоволенья,
И я тебѣ на вѣки отдаю
Желанья всѣ мои, всѣ помышленья.
Какъ нѣкогда, съ крестомъ на раменахъ,
Шли витязи въ далекую страну,

Черезъ моря, черезъ дикія пустыни,
Дыханіе заразы презирая
И мусульмановъ мечъ, чтобъ увидать
Священный градъ Христа: такъ я теперь
Возьму свой крестъ, чтобъ пріобрѣсть тебя,
Иль умереть передъ тобой!

МАТИЛЬДА.

А я
Отдамъ себя спасителю народа.
Какой бы намъ съ тобой ни выпалъ жребій,
Антоніо,—его раздѣлимъ мы.
Я лучшими надеждами питаюсь,
И знаю, намъ скорѣй всего удастся
Поднять одну изъ слабыхъ церкви главъ:
Хотя смирился Медицисъ, какъ птица
Которую змѣя сковала взглядомъ,
И, потерявъ надежду, пріунылъ,
За то теперь полезенъ будетъ намъ.
Свободная отчизна, ты со мною,—
Мой челнъ помчится смѣло по волнамъ,
И не сробѣю я передъ грозою!

(Она съ одушевленіемъ обнимаетъ графа, который страстно прижимаетъ ее къ груди.)

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Монастырская келья.

Бѣлыя клѣтчатыя стѣны. На задней стѣнѣ висятъ портреты Лойолы и Лаинесса. На большомъ столѣ лампа, письменный приборъ, книги, распятіе, подсвѣчники. Ночь

ТОЛЕДО сидитъ у стола; на немъ черное орденское платье, на шеѣ золотой крестъ на фіолетовой лентѣ. МОРОЗИНИ стоитъ предъ нимъ.

МОРОЗИНИ.

Но кто жъ теперь достойнѣйшій? Довольно
Ужъ времени прошло, чтобъ порѣшить.

ТОЛЕДО.

Насъ обманулъ Григорій. Мы тогда
Ужь слишкомъ понадѣялись что будемъ
Руководить имъ, что онъ будетъ нашъ;
Но еще много было страсти дикой
Въ его груди. Раздорамъ мелкимъ онъ
Величьемъ церкви жертвовалъ безумно.
Апостольскій свой тронъ считая міромъ,
Онъ велъ вражду съ неистовствомъ бароновъ,
Съ упорствомъ городовъ и ихъ коммунъ
И упустилъ изъ виду власть монарховъ:
Ему пріятнѣй было собирать
Сокровища и власть свою являть
Надъ тѣми кто поближе,—чѣмъ престолъ
Свой возвышать надъ міромъ. Морозини,
Замѣтьте, что̀ скажу. Въ дѣлахъ церковныхъ
Нельзя быть просто человѣкомъ. Мы трудимся
Не для дѣтей, не для своихъ потомковъ,
Не для одной лишь славы въ настоящемъ.
Кто дѣйствуетъ съ такою только цѣлью,
Тотъ основанье вѣры потрясаетъ:
Орудіе сомнѣнью онъ даетъ
И даже сходитъ самъ на мѣсто битвы,
Гдѣ партіи враждуютъ.—Такъ толпа,
Врожденное забывъ благоговѣнье,
Идетъ противъ него, не помышляя
Что съ Господомъ въ лицѣ его враждуетъ.
Хотя покойный чуждъ былъ непотизма,—
Любви къ роднымъ порока не имѣлъ,—
Но духа власти онъ не понималъ:
Онъ въ мелочномъ тщеславьи думалъ видѣть
Величіе и блескъ святаго трона.
Таковъ былъ онъ. Вотъ видите теперь
Что̀ нужно намъ исправить: онъ оставилъ
Намъ городъ и страну въ волненьи дикомъ.
Онъ до того довелъ самоуправство,
Что голову слуги, преступника свободу
Въ своемъ дворцѣ оспорить допустилъ.
Онъ зараженъ тщеславьемъ былъ. Хотя
Онъ проявлялъ и мужество, и силу.

Но все хотѣлъ по своему творить.
Онъ тысячи раздоровъ возбудилъ,
Безъ цѣли власть и хитрость расточалъ;
Молчи лишь онъ,—и мы бъ владѣли міромъ.

МОРОЗИНИ.

Любилъ онъ называться справедливымъ.

ТОЛЕДО.

Служитель церкви—былъ бы лучшій титулъ;
Другаго ищетъ только—еретикъ.

МОРОЗИНИ.

Но подъ какой же шляпой кардинальской
Скрывается такая голова
Какая намъ нужна? Святой Игнатій—
Великій образецъ для всѣхъ временъ—
Не въ пурпурѣ ходилъ.

ТОЛЕДО

Я полагаю
Что я нашелъ такого.

МОРОЗИНИ.

Кто же онъ?

ТОЛЕДО.

Онъ лишь одинъ, который, сколько знаю,
Создавъ себѣ сознательную цѣль,
Всѣ тайные души своей изгибы
Ей подчинилъ и къ ней ихъ приковалъ.
Онъ лишь одинъ вполнѣ назваться можетъ
Героемъ предпріятія.

МОРОЗИНИ.

Но кто жь онъ?

ТОЛЕДО.

Его названье такъ же сокровенно,
Какъ мысль его, на сколько я могу
Его понять. Величію его
Я ужь дивлюсь тринадцать лѣтъ.

МОРОЗИНИ.

Ага!

ТОЛЕДО.

Но время вѣдь при насъ; пускай созрѣетъ
Рѣшеніе. За именемъ однимъ

Другое отпадетъ само собою.
Изъ всѣхъ кто ищетъ папскаго престола,
Ни одного изъ нашихъ нѣтъ. Но знайте:
Намъ Медицисъ нечаянность готовитъ:
Онъ по открытіи конклава хочетъ,—
Лишь Ватиканъ оставятъ кардиналы,
По древнему обычаю,—созвать
Фалангу всю свою и выбрать Чези,
Пока еще не вышло большинство.
Но это тайна. Только постарайтесь
Чтобъ это все узналъ Буонкампаньйо
Изъ третьихъ рукъ, безъ нашего участья.
На первый разъ и этого довольно.
Когда мы нитей дѣла не упустимъ,
То я вполнѣ надѣюсь на успѣхъ.

(Онъ движеніемъ руки отпускаетъ секретаря и принимается писать. Морозини кланяется и уходитъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Ночь. Площадь предъ дворцомъ Урбино съ двумя статуями, *Морфоріо* и *Паскино,*—первая вправо, вторая влѣво впереди сцены.

МОНТАЛЬТО, переодѣтый и вооруженный, выходитъ справа, озираясь. Потомъ графъ МАРІАНА.

МОНТАЛЬТО.

Одинъ ли я съ двумя друзьями? ты,
Морфоріо, и ты, Паскино,—оба
Вы болтуны, но скромные! Скорѣе!
Орудіемъ беру я мертвый камень;
Ему, какъ нивѣ, поручаю сѣмя:
Политое народной остротою,
Обильный плодъ оно мнѣ принесетъ.

(Подходитъ къ статуѣ Морфоріо.)

Но стой! я вижу свѣтъ. Сюда идутъ.
Я спрячусь тутъ покуда за колонной.

(Уходитъ за колоннаду дома. Графъ Маріана выходитъ съ потайнымъ фонаремъ. Осмотрѣвшись кругомъ, онъ приклеиваетъ двѣ записки къ обѣимъ ста-

туямъ, сперва къ статуѣ Паскино, потомъ уходитъ тою же дорогой. Между тѣмъ какъ онъ стоялъ у статуи Морфоріо, поставивъ фонарь на пьедесталъ ея, свѣтъ его освѣтилъ его лицо.)

МОНТАЛЬТО *(выходитъ изъ-за колонны).*

Гм, странно! вотъ глупецъ-то! фонаремъ
Онъ собственную тайну освѣщаетъ.
Посмотримъ что̀ тутъ пишетъ Маріана.
Обмѣнимся. Коль остроты у васъ
Убавится, Морфорьйо и Паскино,
За то ужь я останусь въ барышѣ.

(Снимаетъ наклеенныя записки и замѣняетъ ихъ своими; потомъ удаляется.)

Разсвѣтаетъ. Въ одномъ углу площади справа начинаютъ собираться группы поселянъ съ корзинами и мѣшками своего товара для продажи. Они садятся на ступеняхъ дворца Урбино и сосѣднихъ домовъ. Слѣва выходятъ ПЬЕТРО, ЭРКОЛЕ и АНДРЕАСЪ. Женщины покупательницы приближаются къ поселянамъ. Вдали слышенъ звонъ колоколовъ къ утренней молитвѣ. У изваянія Мадонны, стоящаго у одного изъ домовъ, собираются нѣкоторые поселяне и совершаютъ молитву. ПЬЕТРО и ЭРКОЛЕ выступаютъ впередъ, АНДРЕАСЪ остается въ глубинѣ сцены.

ПЬЕТРО.

Сказать по правдѣ, ни одинъ народъ
Не терпитъ такъ нужду, какъ мы, Кампанцы:
Налоги, штрафы, подати, аренды
Тяжелыя, безвыходная бѣдность
И воздухъ зараженный отъ болотъ.
Несу продать послѣдній куль зерна,
Чтобъ заплатить налогъ, а тамъ сиди
И голодай, и всѣ такъ голодаютъ,
И никому ни въ чемъ подспорья нѣтъ!

ЭРКОЛЕ.

Придумать нужно что-нибудь такое,
Чтобъ выйти изъ бѣды.

ПЬЕТРО.

Веревка, ножъ
Иль голодъ—вотъ любое выбирай!

ЭРКОЛЕ.

Не лучше ли пойдетъ при новомъ папѣ?

ПЬЕТРО.

Надежда въ дуракахъ какъ разъ оставитъ!
Но что это налѣплено, смотри
Тамъ у Морфоріо и у Паскино?
Какія-то записки. Жаль что я
Читать не мастеръ: въ этомъ проку мало,
А все-таки хоть сердце отведешь.

ЭРКОЛЕ.

Вотъ позови Андреа, онъ прочтетъ.

(Пьетро срываетъ записку съ Паскино, а Эрколе съ Морфоріо.)

ПЬЕТРО.

Андреасъ! Эй, сюда!

АНДРЕАСЪ.

Ну, что вамъ нужно?
Вы, Пьетро, поучтивѣй быть могли бы
И звать меня „синьйоръ Андреасъ": такъ
Меня зовутъ и тѣ кто выше васъ.
Но держитесь вы видно старины,
Когда всѣ *ты* другъ другу говорили,
Какъ до созданья міра.

ПЬЕТРО.

Иль въ раю.

АНДРЕАСЪ.

Ну, да, пожалуй, я согласенъ съ вами;
Но тамъ за то была одна семья:
Тамъ не было различія сословій,
Господь ихъ послѣ учредилъ. Онъ создалъ
И королей, и папъ, и кардиналовъ,
И фермеровъ, какъ я, а мужичьё
Само собой повыросло.

ЭРКОЛЕ.

Чудесно!
Но вотъ прочтите что тутъ говорится.

(Подаетъ ему записку, Пьетро тоже.)

АНДРЕАСЪ *(прочитавъ въ запискѣ, качаетъ головой).*

Насмѣшка—противъ всякаго приличья!
Я этого не смѣю прочитать.

ЭРКОЛЕ.

Прочтите! Для чего же вы учились?

АНДРЕАСЪ.

Чтобъ старые всѣ акты разбирать,
По коимъ новые берутъ налоги.

ЭРКОЛЕ.

Прочтите же, синьйоръ Андреасъ!

АНДРЕАСЪ.

Ну,
Ужь такъ и быть. Вотъ, слушайте, о чемъ
Морфоріо Паскина вопрошаетъ:
(*Читаетъ:*)
„Паскино! укажи-ка мнѣ прелата
Для папскаго престола кандидата.“

ЭРКОЛЕ.

Ну, ну, скорѣй, что̀ говоритъ Паскино?

АНДРЕАСЪ (*читаетъ*).

„Ахъ, кандидатовъ цѣлый легіонъ!
Тринадцать лѣтъ я въ думу погруженъ,
Кого изъ нихъ избрать на это мѣсто;
Фарнезе, Медицися и Эста.
Но всѣ они умны, и я боюсь
Что съ ними я спокойствія лишусь.
Ужь выберу Анконца: всякій знаетъ
Что изъ ума давно онъ выживаетъ.“

ПЬЕТРО.

Ну, да, и я того же мнѣнья: лучше
Такого взять который ни во что̀
Входить не будетъ, груды старыхъ актовъ
Раскапывать не станетъ, чтобъ сыскать
Какихъ-нибудь тамъ правъ и привилегій,
Стѣснительныхъ для бѣднаго народа.

ЭРКОЛЕ.

А кто жь бы это былъ Анконецъ этотъ?

АНДРЕАСЪ.

Э, какъ же, другъ, его не знаешь ты?
Вѣдь это скрюченный тотъ кардиналъ
Который тутъ проходитъ ежедневно,

Когда изъ виллы онъ своей въ предмѣстьѣ,
Въ капеллу Благовѣщенья плетется,
На посохъ опираясь, и слуга
Почти его несетъ.

ПЬЕТРО.

Его я знаю.
Онъ очень милостивъ, и нищій людъ
Всегда толпится на его дорогѣ.

ЭРКОЛЕ.

Неужто онъ такъ глупъ?

АНДРЕАСЪ.

Да, къ сожалѣнью:
Онъ слишкомъ заучился.

(За сценой слышенъ шумъ. Народъ бѣжитъ туда.)

ЭРКОЛЕ.

Эй, куда вы?

АНДРЕАСЪ.

Что тамъ?

НАРОДЪ *(за сценой).*

Ура! Да здравствуетъ Маріана!

ГРАЖДАНИНЪ.

Чу! Слышите? Сейчасъ свершится чудо:
Судъ правый въ Римѣ!

Толпа ГРАЖДАНЪ и публичный ПИСАРЬ; среди нихъ графъ МАРІАНА. Народъ провожаетъ его кликами: „да здравствуетъ Маріана!"

ГРАЖДАНИНЪ.

Тише! Будемъ слушать!

ГРАФЪ МАРІАНА.

Благодарю, друзья! Вы шли ко мнѣ?

ГРАЖДАНИНЪ.

Мы думали застать васъ у себя.

ГРАФЪ МАРІАНА.

Я нынче васъ не ждалъ. Да все равно,
И здѣсь мы можемъ говорить. Скажите,
Вы съ жалобой?

ГРАЖДАНИНЪ.

Да, графъ, а вотъ и писарь,
Который написалъ ее.

ГРАФЪ МАРІАНА.

Подайте!

(*Читаетъ:*)

Ужасно! И безъ повода отъ васъ?

ГРАЖДАНИНЪ.

Все только въ пользу этихъ негодяевъ.

ГРАФЪ МАРІАНА.

Вы хорошо все это изложили,
И будь у насъ тутъ только правый судъ,
Не нужно было бъ вамъ и хлопотать.

(*Всходитъ на ступени статуи Пасквино.*)

Но вотъ, друзья, одинъ я ничего
Тутъ сдѣлать не могу: не хватитъ силы.
Вся власть у насъ въ рукахъ людей коварныхъ;
А сами вы и силу, и свое
Оружіе давно имъ уступили.
Теперь вы стали беззащитнымъ стадомъ,
Добычею волковъ. Нѣтъ, въ старину
Велось не такъ; вы это позабыли:
На форумѣ тогда, бывало, преторъ
Отстаивалъ народныя права,
И ни одинъ Римлянинъ, какъ бы ни былъ
И знатенъ онъ, и силенъ, не дерзалъ
Касаться правъ послѣдняго плебея!
И кто жь бы безнаказанно тогда
Нарушить смѣлъ законъ священный Рима?
Кто, потерпѣвшій въ чемъ несправедливость,
Не получалъ защиты отъ закона?
Но все что вы утратили, друзья,
Вамъ возвратить легко и скоро можно,
Будь только духъ отваги въ васъ самихъ.

ГРАЖДАНИНЪ.

О, въ насъ отвага есть!

ГРАФЪ МАРІАНА.

Готовъ вамъ вѣрить.

И въ этомъ убѣжденіи займусь
Не только этимъ настоящимъ дѣломъ,
Но вообще борьбою съ произволомъ.

Вы знаете что были встарь трибуны:
Они права сограждан защищали,
Когда патрицій гордый или консулъ
Переступать дерзалъ постановленья
Республики. Теперь ни одного
Изъ прежнихъ правъ не остается вамъ,
Которое не попрано правленьемъ.
Лукаво, шагъ за шагомъ, понемногу
У васъ была свобода отнята,
Гдѣ хитрой лестью, гдѣ обманомъ тонкимъ,
Гдѣ ложнымъ обѣщаньемъ разныхъ льготъ.
Мы за грѣхи отцовъ своихъ страдаемъ:
Отъ глупости, отъ трусости ихъ пали
Всѣ нашихъ храмовъ лучшіе столбы!
Но вы вѣдь мужи, можете и сами
Неправое отъ права отличить;
У васъ есть руки для защиты права.
Не все еще потеряно для васъ!
Вы можете возстановить законы.
И что же устоитъ тогда предъ вашимъ
Единодушіемъ и твердой волей?

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Ведите насъ, мы слушать васъ готовы!

ВТОРОЙ И ТРЕТІЙ ГРАЖДАНЕ.

Трибуномъ нашимъ будьте!

ВСѢ.

Да, трибуномъ!

ГРАФЪ МАРІАНИ.

Подумаемъ. Подите, сговоритесь
Съ сосѣдями. Обдумайте глубоко
Свои всѣ нужды, жалобы сберите
И приходите вновь черезъ недѣлю.
А между тѣмъ вамъ слѣдуетъ избрать
По депутату съ каждаго квартала,
Какъ ваше право дозволяетъ вамъ.
Потомъ составьте изъ себя отряды,
Блюдя во всемъ порядокъ и законъ:
Вы сами вѣдь ихъ ищете, чтобъ Римъ
Не защищалъ разбойниковъ и плутовъ

Усерднѣе чѣмъ собственныхъ гражданъ.
Вы требуете только правъ и хлѣба,—
Ихъ получить—зависитъ лишь отъ васъ.
Храните тишину, пока я самъ
Вамъ не скажу что̀ нужно предпринять.
Но чуть кому грозить насилье будетъ,
То смѣло встаньте всѣ за одного!
Вотъ мой совѣтъ. Прощайте! до свиданья!

(Онъ сходитъ со ступеней, пожимая руки окружающимъ. Поселяне и граждане провожаютъ его.)

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ

Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного!
Да здравствуетъ Маріана, другъ народа!

ВСѢ.

Да здравствуетъ Маріана, другъ народа!

(Одна часть уходитъ за графомъ, другая расходится въ разныя стороны.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Галлерея Ватикана. Справа и слѣва столы и стулья

МОНТАЛЬТО *(входитъ слѣва съ записками, снятыми имъ со статуй).*

Антоніо Маріана хочетъ видно
Волненіе въ народѣ возбудить
Записками своими.
(Разсматриваетъ ихъ.)
Это что̀?
Тутъ, кажется, ошибка для меня
Полезная: они хотятъ, какъ видно,
Меня избрать. Тутъ гордая графиня,
Коварно льстя, силокъ накинуть хочетъ
На Медициса, чтобъ его поймать,
Какъ сокола слѣпаго. Хорошо бы
Мнѣ знать вполнѣ чего они хотятъ.
Но авторша записокъ на духу
Не скажетъ болѣе того что̀ знаетъ.
Пока довольно этого.
(Смотритъ влѣво.)

Ага!
Буонкампаньйо! Ну, иди, иди
Въ мои силки! Какъ важно выступаетъ!
Какъ будто бы вожакъ овецъ—баранъ.
Когда тебя удастся мнѣ поймать,
Какъ милую фортуну Медициса,
Тогда начну; они ужъ утомились.
Отъ Чези, отъ Албани и Кастанья
Отвѣтъ ужъ принесенъ благопріятный:
Знать видитъ каждый что необходимо
Отъ жертвы часть другому уступить.

Входитъ БУОНКАМПАНЬЙО.

МОНТАЛЬТО.

Ну что̀, преосвященство? какъ дѣла?
Все большинства достаточнаго нѣтъ,
А мнѣ домой пора бы возвратиться.

БУОНКАМПАНЬЙО.

Вамъ ждать придется долго, кардиналъ,
Пока падетъ на землю плодъ созрѣвшій,

МОНТАЛЬТО.

Когда мой слабый голосъ можетъ вамъ
Полезнымъ быть,—я дамъ его охотно.

БУОНКАМПАНЬЙО.

Я молодъ, говорятъ.

МОНТАЛЬТО.

Такой порокъ
Желалъ бы я имѣть. Но и Фарнезе,
Которому, какъ видно, предстоитъ
Быть избраннымъ, немного старше васъ:
Власть прочная тогда у церкви будетъ.

БУОНКАМПАНЬЙО.

Вы думаете? Почему жъ Фарнезе?

МОНТАЛЬТО.

Мнѣ кажется и вы вѣдь за него.
Безъ васъ онъ былъ бы слабъ. Ахъ, это все
Одна лишь суета, одно тщеславье!
Предъ вашимъ другомъ въ страхѣ все трепещетъ.
Да, Пармы домъ вознесся выше всѣхъ.
Въ моей смиренной жизни видѣлъ я

Что блескъ величія раждаетъ зависть.
Когда бъ не вы, извѣстные умомъ
И кротостью, ему поддержкой были,
То всѣ бъ его покинули давно.

БУОНКАМПАНЬЙО.

Да, этою поддержкой я себѣ
Самъ двери затворилъ. Когда бы слова
Я не давалъ, я путь другой избралъ бы.

МОНТАЛЬТО.

Но высшій духъ, руководящій насъ,
Не можетъ быть земнымъ окованъ словомъ.
Я, близкій больше къ жизни той, чѣмъ къ этой,
Дерзаю вамъ напомнить высшій долгъ,
Чѣмъ тотъ какимъ связали вы себя
Житейскимъ словомъ. Вы по заблужденью
Его вѣдь дали, кардиналъ, и если,
Сознавши то, останетесь при немъ,
Передъ Святымъ вы Духомъ погрѣшите.

БУОНКАМПАНЬЙО.

Вы правы, но ужь время подошло.

МОНТАЛЬТО.

А средства нѣтъ его поотдалить?
Ахъ, я и старъ, и хилъ. Покойный папа,
Вашъ дядя, а мой другъ и покровитель,
Мнѣ строго завѣщалъ,—желалъ бы очень
Чтобъ мой совѣтъ племяннику его
Полезенъ былъ.

БУОНКАМПАНЬЙО.

Вы мнѣ служить хотите?

МОНТАЛЬТО.

По мѣрѣ слабыхъ силъ, какъ благодарность
И преданность повелѣваютъ мнѣ.

БУОНКАМПАНЬЙО.

Ну, хорошо, Монтальто. Къ вамъ бы мнѣ
Не слѣдовало съ просьбой обращаться,
Но ободрили сами вы меня.
Вы скажете что я васъ предаю;
Но я хочу лишь быть для васъ полезнымъ.
Васъ предложу я; если большинство

Останется за вами,—что̀ весьма
Сомнительно,—то я доволенъ буду
Что добрый другъ займетъ престолъ Петра;
А если нѣтъ, то выиграемъ время,—
А новый день представитъ способъ новый.
Согласны вы?

МОНТАЛЬТО.

Ахъ, вспомните что я
Смотрю ужь въ гробъ! Не будетъ ли смѣшна
Подобная попытка? Мало знаю
Я этотъ свѣтъ, но все-таки боюсь
Посмѣшищу предать мои сѣдины.
Нѣтъ, нѣтъ! Я не рѣшусь на этотъ шагъ!
Ну, ежели за мною меньшинство
Откликнется такой ничтожной цифрой
Что только смѣхъ всеобщій возбудитъ?

БУОНКАМПАНЬЇО.

О, будьте въ томъ покойны! Вѣдь мои
Друзья,—а ихъ, вы знаете, не мало,—
Поддержатъ васъ охотно для меня.
Такъ, рѣшено. Я благодаренъ вамъ,
И это мнѣ большихъ трудовъ не сто́итъ.
Теперь въ конклавъ спѣшите: ужь пора.
(*Уходитъ.*)

МОНТАЛЬТО.

Явлюсь какъ разъ и ждать васъ не заставлю!
Теперь Франдискъ Толедо лишь остался!
О, Феликсъ, Феликсъ! Собери всѣ силы!
Ужель трепещетъ сердце? Ободрись!
Смири волненье крови, чтобъ тебя
Не обличилъ предательскій румянецъ!
Будь холодно-спокоенъ!... А, я вижу,
Тебѣ на это нужно время дать....
(*Садится. Молчаніе.*)
Ну подойди ко мнѣ, моя фортуна,
И дай отчетъ что̀ сдѣлано тобой
Чтобъ человѣка въ папу обратить.
Достанетъ ли общественныхъ сокровищъ
Чтобъ заплатить за нужный мнѣ вѣнецъ?
Но что̀ же я смѣюсь? Спокойтесь, мысли!
Здѣсь нужно дѣйствовать. Одна надежда

Есть только сонъ. Боязнь и опасенья
Лишь повредятъ.... Боязнь?... Да, не скрываю
Что можетъ не удасться! — Только случай
Пустой — одно лишь слово, иль обѣдъ
Испорченный, иль мягкая постеля....
О, какъ ничтожны могутъ быть причины
Которыя все могутъ измѣнить!...
Тогда, увы! тринадцать тяжкихъ лѣтъ,
Въ которыя себя я добровольно
Придуманной болѣзнью истязалъ,
Потратились безплодно для меня!....
Тогда напрасны были всѣ лишенья
Какимъ себя я подвергалъ, всѣ жертвы
Какія приносилъ!... Напрасно я
Носилъ въ себѣ все то чему природа
И кровь моя противились упорно!...
Напрасно самъ себя я распиналъ,
Переносилъ народа удивленье,
Глупцовъ презрѣнье, мудрыхъ состраданье,
Чтобъ наконецъ, какъ низкій лицемѣръ
Иль какъ глупецъ, сойти въ свою могилу!

(Встаетъ.)

О Ты, создавшій свѣтъ изъ мрака ночи
И землю пробуждающій отъ сна!
Теперь пора Твою призвать мнѣ силу,
Когда изсякнутъ для меня всѣ средства,
Когда во мнѣ не хватитъ больше силъ,
Тогда, о вѣчный мой руководитель!
Склони ко мнѣ Свой милостивый взоръ
И помоги!

(Толедо входитъ медленно въ среднюю дверь.)

Но кто идетъ сюда?
А! это Божій перстъ мнѣ! это онъ!

Входитъ ФРАНЦИСКЪ ТОЛЕДО *(въ одеждѣ кардинала).*

ТОЛЕДО.

Не вмѣстѣ ли пойдемъ мы на конклавъ?

МОНТАЛЬТО.

Повремените, кардиналъ, немного:
Меня бьетъ кашель вновь....

ТОЛЕДО.

Вамъ тяжело?

МОНТАЛЬТО.

Теперь ужъ не надолго, я надѣюсь....

ТОЛЕДО.

Могу ли чѣмъ служить вамъ?

МОНТАЛЬТО.

Да. прошу.

ТОЛЕДО.

Скажите прямо.

МОНТАЛЬТО.

Вы мнѣ извините....
Я долго говорить не въ состояньи....
Дыханья не хватаетъ. Потому
Лишь вкратцѣ вамъ скажу. Буонкампаньйо,—
Богъ вѣдаетъ, съ чего онъ это взялъ,—
Мое внесъ имя въ списокъ кардиналовъ
Для выбора, — быть-можетъ, съ тою цѣлью
Чтобъ выиграть лишь время для себя;
Но такъ какъ вамъ извѣстно что всегда
Я былъ далекъ отъ мысли—домогаться
Святѣйшаго престола, то я вижу
Въ поступкѣ томъ насмѣшку лишь одну.
Я васъ хочу просить, нельзя ли вамъ
Отговорить его.

ТОЛЕДО.

Готовъ охотно.
Сейчасъ иду....

(*Хочетъ идти*).

МОНТАЛЬТО.

Еще одну минуту....
Вотъ видите ль — не то чтобъ я боялся
Быть выбраннымъ: у каждаго изъ насъ
Есть чувство самолюбія; а я
Во времена мои былъ уважаемъ.
Ну, если вдругъ случится что меня
Одинъ иль двое выберутъ.... Избавьте
Мою главу отъ этого позора!

ТОЛЕДО.

О томъ не безпокойтесь, кардиналъ!
Я слышалъ что и Медицисъ за васъ.

МОНТАЛЬТО.

О, Господи! меня вы испугали!
Вѣдь это будетъ болѣе чѣмъ нужно.

ТОЛЕДО.

И, можетъ-быть, достаточно вполнѣ.

МОНТАЛЬТО.

Такъ поспѣшимъ предупредить ошибку!
(Дѣлаетъ быстро нѣсколько шаговъ.)

ТОЛЕДО *(смотритъ на него внимательно и съ удивленіемъ).*

Вы кажетесь бодрѣе, чѣмъ бывало.

МОНТАЛЬТО *(опомнившись)*

Взволнованъ я.... боюсь.... припадокъ будетъ....

ТОЛЕДО *(внушительно).*

Могу *тогда* помочь, когда *все* знаю.

МОНТАЛЬТО.

О, я паду подъ тяжестью ужасной!

ТОЛЕДО

Открытый другъ есть сильная подпора.

МОНТАЛЬТО *(съ испытующимъ видомъ, но безъ робости)*

Мнѣ вашихъ словъ загадочно значенье,
Какъ будто я все тотъ же, какъ бывало
Въ Италіи, въ Венеціи, гдѣ я
Со славою отстаивалъ права
Великой нашей церкви. Это время
Мнѣ памятно. Теперь я старъ и хилъ!

ТОЛЕДО.

О, ради Вышняго, не заходите
Вы слишкомъ вдаль! Чудесныя лѣкарства
У міра есть. Изъ долгихъ испытаній
Извѣстны намъ желанья ваши, цѣли
И образъ мыслей. Исповѣдь принесть
На каждомъ мѣстѣ можно: такъ довѣрьте
Ея святой печали ваши мысли.
Я никому не выдамъ вашихъ тайнъ.

МОНТАЛЬТО.

Благочестивый мужъ! Когда воззрѣнье
Свое мѣняемъ мы для высшей цѣли,—

Для блага церкви, — можно-ль то считать
За смертный грѣхъ?

ТОЛЕДО.

Простится онъ тому
Кто, эту цѣль высокую сознавъ,
Стремится къ ней, всѣ средства испытуя

МОНТАЛЬТО.

А еслибы создать такую власть
Которая могла бъ смирить народы,
Монарховъ обуздать, разсѣять ересь
И христіанство въ мірѣ утвердить,—
Какъ думаете вы,—такая цѣль
Достойна ли?

ТОЛЕДО.

Да, это цѣль и наша!
Но наша дружба требуетъ залоговъ.

МОНТАЛЬТО.

Одинъ могу я дать вамъ: сброшу маску!
(*Выпрямляется.*)
Изъ этого узнай свою ты власть
И всю мою довѣренность! Францискъ!
Я требую твой голосъ!

ТОЛЕДО.

Такъ идемъ!

МОНТАЛЬТО.

Иди впередъ,—я подойду тихонько.
(*Оба уходятъ.*)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

КОНКЛАВЪ.

Обширная полукруглая зала. Амфитеатромъ въ два уступа поставлено 36 креселъ для кардиналовъ. Посрединѣ — нѣсколько выше верхняго ряда — тронъ папы. Направо и налѣво стоятъ столы; при каждомъ по четыре кресла. На правомъ столѣ распятіе, открытый служебникъ, чаша, письменный приборъ.

Двадцать пять или тридцать кардиналовъ, между которыми видны МЕДИЦИСЪ, ФАРНЕЗЕ, БУОНКАМПАНЬЙО. Всѣ они составляютъ отдѣльныя группы. Нѣкоторые сидятъ на своихъ мѣстахъ. Справа и слѣва по офицеру швейцарской гвардіи. Входъ на сцену справа у стола. ФРАНЦИСКЪ ТОЛЕДО входитъ, разговаривая съ кардиналомъ АЛЕКСАНДРИНИ. Въ послѣдствіи входитъ МОНТАЛЬТО и садится на свое мѣсто во второмъ ряду слѣва, по близости папскаго трона.

ТОЛЕДО (*къ Александрини*).

Да, кардиналъ, смотря по ходу дѣла,
Рѣшеніе не трудно. Медицисъ
И съ нимъ Кампанья, Эсте, Альтемсъ, Космо,
Мадруччи, Рустипуччи и другіе
Рѣшили всѣ избраніе Монтальто.
Взглянувъ на это дѣло безпристрастно,
Сомнительнымъ исходъ не будетъ вамъ.
У насъ ужь столько голосовъ что намъ
Почти не нужно больше для избранья.
Но, по пріязни старой, я желаю
Вамъ указать при будущемъ правленьѣ
То положенье дѣлъ которымъ вы
Воспользуйтесь какъ мудрость вамъ внушитъ.
Теперь вы сами можете рѣшить:
Безъ васъ иль съ вами новый повелитель
Возьметъ священный посохъ христіанства,
Безъ васъ иль съ вами будетъ править онъ.—
Есть четверо для выбора у насъ,
А время все уходитъ. Благо церкви
Съ насъ требуетъ скорѣйшаго рѣшенья,
Оно теперь колеблется еще
Здѣсь — между имъ и Медицисомъ, тамъ
Межь Эстѐ и Фарнезе въ равновѣсьи.

(*Входитъ Монтальто и садится на свое мѣсто.*)

Примите къ свѣдѣнью что между тѣмъ
Какъ сильный тутъ усилится, тамъ слабый
Послѣднюю свою утратитъ силу.
Такой старикъ, безвредный въ краткой жизни,
Не долго ждать наслѣдника заставитъ.

(*Медицисъ и Буонкампаньйо приближаются къ Монтальто и преклоняются предъ нимъ.*)

АЛЕКСАНДРИНИ.

Да, если это такъ. Я то же слышалъ
И отъ Ріаріо.

(*Кардиналы бросаютъ въ чашу свернутые билетики; одинъ изъ сидящихъ у стола кардиналовъ вынимаетъ ихъ, а

другой развертываетъ и вноситъ имена на особый листъ. Многіе изъ кардиналовъ, по примѣру Медициса и Буонкампаньйо, преклоняются предъ Монтальто. Другіе остаются безучастными. Фарнезе занимаетъ мѣсто у стола и слѣдитъ за результатомъ выборовъ.)

ТОЛЕДО.

Спросите сами всѣхъ!
Смотрите,—началось и поклоненье:
Вы видите что гордый Медицисъ
Склонилъ главу предъ сыномъ пастуха.

АЛЕКСАНДРИНИ.

Да, въ самомъ дѣлѣ! Вотъ и даже Космо!
Кто бъ этому повѣрилъ, не видавши!
Хотя я слово далъ Фарнезе — быть
Съ нимъ заодно....

ТОЛЕДО.

Вы дѣйствуете тутъ
Не сами, кардиналъ, — но Духъ Святой
Вамъ правитъ путь. Идите поклониться!

(Александрини идетъ и преклоняется предъ Монтальто.)

ФАРНЕЗЕ *(про себя)*.

Однако у анконскаго осла
Понакопилось голосовъ довольно!

КАРДИНАЛЪ *(считавшій голоса)*.

Ужь большинство опредѣлилось.

ФАРНЕЗЕ.

Нѣтъ!
Тутъ голоса еще недостаетъ.

ТОЛЕДО *(кланяясь)*.

А, если такъ, то я его даю.

(Бросаетъ въ чашу свой билетъ. Къ офицерамъ.)

Откройте для народа галлерею!

(Офицеры уходятъ и возвращаются съ отрядомъ папской гвардіи, которая растягивается въ видѣ загородки. За нею

тѣснится народъ, въ толпѣ съ правой стороны стоитъ графъ Маріана. Между кардиналами большое движеніе. Всѣ встаютъ. Александрини подходитъ къ Монтальто.)

АЛЕКСАНДРИНИ.

Всѣ голоса сосчитаны, и снова
Возстановилъ единство Духъ Святой,
Днесь кардиналъ Монтальто избранъ въ папы
Священною коллегіей. Да буду
Я первымъ изъ людей который здѣсь
Тебѣ, святѣйшій папа, заявитъ
Свое благоговѣнье предъ народомъ!
У стада сираго есть пастырь новый.
Да сохранитъ тебя Господь! Да снидетъ
Его благословенье на тебя,
И да продлитъ державу Онъ твою
На много лѣтъ для славы нашей церкви
И торжества! Да здравствуетъ нашъ папа!

КАРДИНАЛЫ И НАРОДЪ.

Да здравствуетъ, да здравствуетъ нашъ папа!

МОНТАЛЬТО.

(Всходитъ на верхнюю ступень, гдѣ стоитъ папскій тронъ. Продолжительное молчаніе.)

Почтенные, возлюбленные братья
И князи церкви Божьей! Приношу
Благодаренье вамъ! Хотя по виду
Надежды мало вамъ на исполненье
Благихъ желаній вашихъ: мы стоимъ
Ужь на краю зіяющей могилы. —
Но лишь теперь, когда Господня воля
Насъ призвала, — невѣдомая сила
Влилась чудесно въ слабый сей сосудъ,
И новое сознанье этой силы
Живитъ дремавшій духъ, который былъ
Доднесь окованъ хилостью тѣлесной.
И чѣмъ короче будетъ намъ сей даръ
Благихъ небесъ, тѣмъ съ большею заботой
Велитъ намъ долгъ воспользоваться имъ.

День нынѣ просіявшій не угаснетъ
Пока всего мы дѣла не свершимъ.
Кто твердо хочетъ, тотъ достигнетъ цѣли;
То свершено что̀ сами совершимъ.

БУОНКАМПАНЬЙО (*про себя*).

Какая перемѣна!

МЕДИЦИСЪ.

Онъ весь ожилъ!

АЛЕКСАНДРИНИ.

Пылаетъ взоръ его!

ФАРНЕЗЕ (*нѣсколько громче*).

Жаръ лихорадки.
Который старца дѣлаетъ ребенкомъ!

МОНТАЛЬТО (*съ силой, окидывая собраніе пламеннымъ взоромъ*).

Нѣтъ! Это сила, посланная небомъ!
Да не дерзнетъ никто ее пытать!
Я здѣсь стою во всеоружьи власти,
Съ перунами Господними въ рукахъ!
Ключи, которые неутомимо,
Согбенный, я искалъ, — теперь мои!
Я длань свою высоко поднимаю,
И властью унаслѣдованной мной
Клянусь теперь что между мной и вами
Не будетъ ложныхъ словъ! Не помышляйте
Что возродилась немощь прежнихъ лѣтъ,
Которая издавна здѣсь царила
Среди убійствъ, волненій, грабежей,
Средь ересей, и глада, и заразы,
И всякой неурядицы, какая
Нашъ вѣчный градъ и христіанства міръ
Донынѣ наполняла! — Я хочу, —
Такъ Духъ Святой внушаетъ мнѣ, — поднять
Законъ упавшій, изъ святыни храма
Изгнать все недостойное его,
Что̀ служитъ намъ къ стыду и поношенью
И на̀ смерть поражаетъ нашу власть.

(*Краткое молчаніе.*)

Взгляните вкругъ себя: ужь отпадаетъ
Повсюду міръ отъ Бога и отъ насъ
Смиреннаго намѣстника его.

И даже вы, столпы великой церкви,
Свою главу склоняете глубоко
Предъ свѣтскими вѣнцами! Видѣлъ я
Какъ даже князи церкви, кардиналы,
Заискиваютъ милости монарховъ....
Дерзнете ль отрицать? — Да, много сору
Вкругъ этого престола накопилось,
Какъ у подножья пирамидъ песку! —
Имперію всю заразила ересь,
Испанія взяла самоуправство,
Британія отпала, непокорна
Намъ Франція, а мусульмановъ иго
На Греціи лежитъ, и самъ епископъ
Ея отъ паствы сирой удаленъ.—
Но время не ушло спасти все стадо
Отъ ярости волковъ. Да укрѣпитъ
Мои Всевышній силы! — Я хочу
Для каждаго свое назначить мѣсто
И каждому права его отдать!

(За сценой раздаются звуки Te Deum laudamus. Занавѣсъ медленно опускается. Папа стоитъ выпрямившись и, простирая руку, озираетъ собраніе пылающимъ взглядомъ, который останавливается на Францискѣ Толедо. Тотъ отвѣчаетъ ему такимъ же взглядомъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

БУДУАРЪ МАТИЛЬДЫ.

МАТИЛЬДА лежитъ на софѣ. Графъ МАРІАНА стоитъ слѣва.

ГРАФЪ МАРІАНА.

Какъ я сказалъ: скачекъ внезапный тигра,
Возставшаго отъ сна, не могъ бы такъ
Всѣхъ поразить. Отъ голоса его
Весь дрогнулъ Римъ. Какъ дуновенье бури
Межъ тростниковъ, такъ словъ его огонь

Смутилъ умы всѣхъ гордыхъ кардиналовъ.
Фарнезе вздрогнулъ, поблѣднѣлъ Албани,
И Медицисъ подъ взорами его
Свернулся какъ червякъ. Изъ всѣхъ остался
Спокоенъ, твердъ одинъ,—вкругъ тонкихъ губъ
Его играла торжества улыбка, —
То былъ Францискъ Толедо, — онъ одинъ
Не поблѣднѣлъ.

МАТИЛЬДА.

Но что̀ же это значитъ,
Антоніо? Чего тутъ можно ждать?

ГРАФЪ МАРІАНА.

Тутъ что-то выше силы человѣка.
Весь этотъ Римъ, запуганный, смущенный,
Готовый власти чуждой подчиниться,
Теперь, какъ конь, почуя сѣдока,
Несется къ цѣли, лишь ему извѣстной.

МАТИЛЬДА.

О, еслибъ онъ мессіей нашимъ былъ!

ГРАФЪ МАРІАНА.

Но какъ его понять? какъ разгадать?
И даже въ самый мигъ своей побѣды,
Когда изъ устъ его, гремя, неслись
Перуны Ватикана, и когда
Его слова такъ страшно поражали,
Онъ видимо той тяжестью игралъ
Которую бросалъ на предстоящихъ:
То заострялъ громовую стрѣлу,
То притуплялъ съ холоднымъ вдохновеньемъ,
Спокойный въ самомъ гнѣвѣ, а межъ тѣмъ
Всѣ вкругъ него стояли неподвижно,
Какъ статуи, хотя у нихъ въ груди
Отъ тѣхъ его рѣчей кипѣла лава.

МАТИЛЬДА.

Ты правъ! Нельзя довѣриться ему!
Такое превращенье не даетъ
Большихъ надеждъ, и безопаснѣй будетъ
Соорудить намъ за̀мокъ на волканѣ
Чѣмъ положиться на подобный духъ.
Я не повѣрю и его дѣламъ.

Онъ не герой свободы нашей; нѣтъ,
Намъ нужно вдаль идти.

ГРАФЪ МАРІАНА.

Народъ въ волненьи.
Ты знаешь какъ легко онъ предается
Своимъ мечтамъ, какъ изо дня онъ въ день
Себя надеждой тѣшитъ. Съ новой властью
Просторъ желаньямъ новымъ; но за то
И новая наука для терпѣнья.

МАТИЛЬДА.

Воспользуйся минутой. Намъ нельзя
Идти какъ онъ къ своей тащился цѣли, —
Нельзя напрасно время намъ терять.
Сегодня жь въ ночь сбери народъ, скажи
Что тщетно было все твое старанье,
Что завтра же накинется на Римъ
Разбойниковъ освобожденныхъ шайка,
И разнесетъ вездѣ грабежъ и смерть,
Коль объявить допустятъ амнистію.

ГРАФЪ МАРІАНА.

Ты слишкомъ много отъ народа ждешь.
Пока вино его одушевляетъ
И кровь кипитъ отъ брани и ударовъ,
Онъ на дѣла геройскія способенъ;
А тамъ и стихнетъ. Если я теперь
Всѣхъ тѣхъ людей къ возстанью призову
Которые просили объ отмщеньи,
На мой призывъ они не отзовутся.

МАТИЛЬДА.

Нѣтъ, коль умно вести, они пойдутъ.
Фиглярство папы можетъ лишь разрушить
Всѣ наши планы. Если хочешь верхъ
Надъ лицемѣрствомъ взять, то поспѣши,
Вопросъ открытъ. Когда заставимъ папу
Отъ милости неправой отказаться,
То возрастетъ во всѣхъ сознанье силы.
Воспользуйся толпою, отними
Хоть что-нибудь, чтобъ только доказать
Что можетъ быть и папа приневоленъ.
Въ чаду минуты власть свою упрочь:

Пусть выберутъ они тебя въ трибуны,
Чтобъ быть ихъ представителемъ всегда.
Чего достигъ онъ хитростью ума,
То, можетъ-быть, отнимется отвагой.
Но не забудь: всего важнѣй—желанье;
Кто медлитъ и робѣетъ, тотъ погибъ!

ГРАФЪ МАРІАНА.

Твой конь тебѣ послушенъ. Черезъ мостъ
Мы перешли. Опасно возвращаться.

МАТИЛЬДА.

Итакъ, впередъ, впередъ неутомимо!
(Оба уходятъ на террасу.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната въ Ватиканѣ. Ночь.

СИКСТЪ. БУОНКАМПАНЬЙО. Капелланъ.

БУОНКАМПАНЬЙО.

Коль твоему святѣйшеству угодно
Опредѣлить обычные дары
И милости народу въ день вѣнчанья,
То не дозволишь ли чтобъ я теперь
Исчислилъ ихъ тебѣ?

СИКСТЪ.

Читай, читай!

БУОНКАМПАНЬЙО.

Всѣмъ бѣднымъ гражданамъ раздастся даромъ
Запасъ вина и хлѣба на три дня.

СИКСТЪ.

Пусть это ихъ утѣшитъ въ ихъ нуждѣ.

БУОНКАМПАНЬЙО.

Когда пойдетъ процессія, народу
Бросаютъ деньги; это совершится
Въ соображеньи съ полнотой казны.
Въ ней нынѣ очень мало; но ты знаешь
Что̀ дѣйствуетъ на жадныя сердца,
И потому нельзя скупиться.

СИКСТЪ.

Какъ?
Зѣвакамъ всѣмъ и тунеядцамъ деньги
Бросать? Не дамъ ни скуди!

БУОНКАМПАНЬЙО.

Ты желаешь....

СИКСТЪ.

Чтобъ поощрялъ я нищенство въ народѣ?
Кормилъ лѣнтяевъ, сволочь, чтобъ она
Мою хвалила щедрость? Никогда!

БУОНКАМПАНЬЙО.

Но освященъ вѣками сей обычай:
И кесари, и консулы его
Держались, чтобъ народъ къ себѣ привлечь.

СИКСТЪ.

Язычества наслѣдье для престола
Апостола Петра! Прочь, прочь его!
Что̀ дальше?

БУОНКАМПАНЬЙО.

Отпущеніе грѣховъ.

СИКСТЪ.

Лишь кающимся искренно однимъ.

БУОНКАМПАНЬЙО.

И амнистія всѣмъ за преступленья.

СИКСТЪ.

За исключеньемъ смертнаго грѣха.

БУОНКАМПАНЬЙО.

Но смертный грѣхъ тутъ именно въ виду.
Темницы всѣ наполнены ворами,
Убійцами, разбойниками....

СИКСТЪ.

Что̀ жъ?
И всѣ они сознались?

БУОНКАМПАНЬЙО.

Да, въ надеждѣ
На милость при сознаньи.

СИКСТЪ.

Ну, и пусть
Надѣются на милосердье Неба.
Повѣсить ихъ!

БУОНКАМПАНЬЙО.

Но это вѣдь противно праву церкви
И милости.

СИКСТЪ.

Но не противно правдѣ
И правосудію.

БУОНКАМПАНЬЙО.

Такъ поступали
Славнѣйшіе предмѣстники твои.

СИКСТЪ.

А потому пора подать примѣръ.
Какъ? Чтобъ опять граждане трепетали?
Ужель рука которая народу
Даетъ благословенье, вмѣстѣ съ нимъ
Убійство и грабежъ должна дарить?
Обычай гнусный! подлое даянье!
Я развѣ папа лишь для негодяевъ?
О, дороги при мнѣ веревки будутъ!...
Велите сбиррамъ чтобъ они немедля
Всѣ были на мѣстахъ. Когда замѣчу
Малѣйшее въ ихъ дѣлѣ упущенье,
То строго съ нихъ взыщу. Подайте листъ,
Я милостями самъ распоряжусь:
Порядокъ, миръ и справедливость—вотъ
Мои дары народу! Никогда
Заискивать любовь его не стану
Такою милостью какую можетъ
Дарить глупцамъ одинъ лишь неразумный.
Пусть знаютъ всѣ что я шутить не буду,
И что закона гласъ—не звукъ пустой,
А кто посмѣетъ въ этомъ усомниться,
Тому примѣръ на дѣлѣ покажу.
Такъ пусть ихъ всѣхъ повѣсятъ завтра утромъ!
Клянусь, ни одного не пощажу!

БУОНКАМПАНЬЙО.

Ты не желаешь....

СИКСТЪ.

Слушать возраженій,
А ты не будь такъ дерзокъ чтобъ ихъ дѣлать.
Что *я* велѣлъ—должны вы исполнять!
(*Буонкампаньйо уходитъ.*)

СИКСТЪ.

Что поздно ужь?

КАПЕЛЛАНЪ.

Ужь за̀ полночь давно,
И лучъ зари яснѣетъ на востокѣ.

СИКСТЪ.

Поди, усни. Ты больше намъ не нуженъ.
Но нѣтъ, постой. Когда свою дремоту
Ты можешь побороть, то удѣли
Мнѣ нѣсколько минутъ.

КАПЕЛЛАНЪ.

Мы и живемъ
Лишь для того чтобъ бодрствовать, молиться.

СИКСТЪ.

И счастливъ ты? Но развѣ никогда
Сильнѣйшее души твоей стремленье
Изъ этихъ стѣнъ тебя не увлекало?
Ты не знавалъ тѣхъ тягостныхъ ночей,
Когда тебѣ какой-то демонъ въ уши
Нашептывалъ ужасныя сказанья?
Когда твои горячіе глаза
Боялись свѣта дня, за то что онъ
Уничтожалъ тотъ мрачный духъ который
Прельщалъ тебя картиною иной,
Богатою желаньями, но бѣдною
Надеждою? Что̀ скажешь? Ты вѣдь молодъ;
Въ твоей груди сильнѣе бьется сердце.
Ты счастливъ ли?

КАПЕЛЛАНЪ.

Могу ли въ томъ сознаться?
Ничто бы мнѣ пустынной этой жизни
Наполнить не могло, когда бы въ ней
Я не нашелъ святыни вдохновенья
И величавыхъ откровенья словъ.

Которыя и низкую природу
Влекутъ къ служенью божескимъ властямъ.
Мнѣ кажется, намъ радость—покаянье,
И отреченье всякое—утѣха:
Мы маленькое благо отдаемъ
Въ замѣну благъ безцѣнныхъ, благъ небесныхъ.
Когда хоть дюймъ животной нашей жизни
Отбросимъ мы: глаза лишаемъ сна,
Во власяницу тѣло облекаемъ,
Желудокъ свой лишаемъ вкусной пищи
И питія—алкающій языкъ,
Мы черезъ это предвкушаемъ жизнь
Гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ тѣлу нѣтъ покрова,
Гдѣ нѣтъ нужды ни въ пищѣ, ни въ питьѣ;
А между тѣмъ роскошная природа
Манитъ къ себѣ, плѣняя красотой....

СИКСТЪ.

О, какъ кипитъ въ немъ сдавленная кровь
И, надъ смиреньемъ сердца издѣваясь,
Свои права стремится отстоять!
Какъ ростовщикъ продлить всегда готовъ
Исправному плательщику уплату:
Такъ краткое земное счастье мы
Даемъ въ кредитъ за вѣчное блаженство.
Обмѣнъ хорошъ!

КАПЕЛЛАНЪ.

Ничтожное мы благо
За вѣчную надежду отдаемъ.

СИКСТЪ.

Придетъ пора, когда въ надеждѣ этой
Не будетъ намъ нужды, затѣмъ что мы
Здѣсь будемъ всѣ свободны и блаженны.

КАПЕЛЛАНЪ.

Здѣсь, на землѣ?

СИКСТЪ.

Ты этому не вѣришь?

КАПЕЛЛАНЪ.

Святой отецъ! не я, но разумъ мой.

СИКСТЪ.

Ну, ты поймешь, коль Сикста дни продлятся.
Земное царство, что̀ въ моихъ рукахъ,

Откроетъ всѣмъ смыслъ истинный закона
Чтобъ истиный ключъ неба отыскать.
Нѣтъ, не страданье—ради благъ своихъ,
Не робкія надежды могутъ только
Господнее намъ царство основать.
Я высшее избралъ себѣ стремленье
И лучшій путь нашелъ для высшей цѣли.
Безумецъ тотъ кто, плевелъ истребляя,
Свою всю ниву обращаетъ въ степь;
Безумецъ тотъ кто, страсти заглушая,
Мертвитъ въ себѣ весь жаръ сердечныхъ чувствъ!
Безгрѣшенъ онъ, какъ хладный твердый камень
Но и какъ онъ безплоденъ. Я хочу
Воздѣлать поле пышное дѣяній
И показать грядущимъ поколѣньямъ
Примѣръ великій нынѣшнихъ временъ.
Тамъ гдѣ любовь въ терпѣньѣ лишь живетъ,
Тамъ ненависть царитъ въ своихъ дѣяньяхъ;
Но если та любовь сама на свѣтѣ
Является какъ дѣятель усердный,
То подъ ея растительностью пышной
Заглохнетъ сила вредоносныхъ травъ.

КАПЕЛЛАНЪ.

Не прогнѣвись, коль иначе я мыслю;
И ты вѣдь пастырь: сердце человѣка
Передъ тобой разоблачало часто
Своихъ страданій тайну. Отъ чего,
Какъ не отъ дѣлъ своихъ они страдали?
Дѣла земныя—общее начало
Земныхъ страданій. Въ чемъ же утѣшенье
Себѣ найти могъ каждый, какъ не въ жертвѣ
Колѣнопреклоненной, что̀ его,
Сознавшаго тщету земныхъ надеждъ,
Влечетъ къ святому мѣсту покаянья?

СИКСТЪ.

Я не сержусь, но слышать мнѣ смѣшно
Что говоритъ мущина какъ дитя,
И, будто хлѣба, алчетъ утѣшенья.
Ты въ томъ невиненъ: времени застой
Сломилъ всѣ силы, данныя намъ свыше,

Онъ насъ предъ небомъ въ нищихъ обратилъ,
Но измѣнится все! Я попытаюсь.
Пылъ юности я чувствую въ себѣ
И бремя лѣтъ преклонныхъ презираю;
Лѣтъ двадцати довольно будетъ мнѣ
Чтобъ все свершить при помощи Господней.
Я въ Римѣ племя новое взращу
Апостоловъ для будущности смѣлыхъ
И новой жизни вѣстниковъ:—они
Намъ лучшихъ дней заложниками будутъ,
Во всеоружьи духа и любви!
Я дамъ странѣ давно желанный миръ
И всѣмъ что̀ есть высокаго на свѣтѣ
Украшу Римъ; и подивится свѣтъ!
И пусть тогда всѣ страны, всѣ народы
Увидятъ, наконецъ, что на землѣ
Доступно намъ небесное блаженство.
Римъ—средоточіе и сердце міра,
Его болѣзнь всѣ члены заражаетъ;
Но свѣжихъ силъ могучая струя,
Родившись въ немъ, способна пробудить
Во всѣхъ странахъ всѣ лучшія ихъ силы—
Довѣріе, законъ и добродѣтель.
Здѣсь процвѣтетъ искусство благодатно.
И каждый мудрый жрецъ его найдетъ
Соперниковъ его достойныхъ въ славѣ.
Высокимъ образцамъ соревнованье
Воскреснетъ вновь. И каждый силы даръ
Въ искусствахъ и наукахъ вы найдете,
Когда придете въ Сикстовъ Римъ, въ сей храмъ
Великаго земнаго просвѣтлѣнья.

КАПЕЛЛАНЪ.

Святой отецъ! теперь я понимаю!
Я вижу церковь дивную твою.
Мнѣ этого мгновенія довольно
Чтобъ жизнь мою наполнить. О, молю,
Открой мнѣ все свое богатство духа
И дай тебя всѣмъ сердцемъ полюбить!
Я былъ ничтожный, глупый человѣкъ;
Моя любовь, мои надежды были

Себялюбивы и земны; мой духъ
Окованъ былъ цѣпями. Самъ ты знаешь,
Какъ тяжело намъ высшее познанье,
Какъ тяжело принять намъ Духъ Святой,
Дающій намъ любовь, премудрость, силу.
Теперь его я чую приближенье!
Напрасно я стремился разрѣшить
Хаосъ земныхъ сомнѣній и найти
Себѣ для нихъ руководящій свѣточъ.
Но ты внезапно создалъ предо мной
Свой дивный храмъ, съ небесной красотою.
Ты дѣйствуешь, и каждый твой поступокъ
Отмѣченъ всеобъемлющимъ сознаньемъ,
Которымъ ты проникъ весъ Божій міръ.
Оно тебя не отвлекло отъ вѣры,
Не рушило желаній и надеждъ,
И знаній прежнихъ лѣтъ. Ты знать не хочешь
Что движетъ всю огромную толпу;
Не покаянье ты предпочитаешь,
А лучшія желанья и дѣла.
Въ тебѣ возстанетъ новое священство.
Дай мнѣ почтить тебя, мой искупитель!

(Падаетъ предъ нимъ на колѣна.)

СИКСТЪ *(кротко и съ величіемъ).*

Да, каждый добрый мужъ есть искупитель,
И мудрость каждая—святая тайна.

(Поднимаетъ его.)

КАПЕЛЛАНЪ.

Но эта туча что виситъ надъ нами
И помрачаетъ разумъ: эта ложь
Исчадье преисподней.... о, пошли
Тебѣ Господь надъ нею одолѣнье!

(Вдали слышенъ шумъ.)

СИКСТЪ.

Чу! слышалъ ты?

КАПЕЛЛАНЪ.

Какой-то дикій крикъ
Сюда несется....

СИКСТЪ.

Посмотри что это?

КАПЕЛЛАНЪ *(подходитъ къ окну).*

Тамъ буйная толпа тѣснится къ мосту
И заняла всю площадь. Что̀ такое?

СИКСТЪ.

Ужель ужъ началось?
(Подходитъ къ окну.)
Да, точно такъ.
Ты это понялъ?

КАПЕЛЛАНЪ.

Нѣтъ!

СИКСТЪ.

То возмущенье
Народное. Ну, рано жъ началось!
Ступай, спѣши! Буонкампаньйо долженъ
Немедленно исполнить мой приказъ.
Я самъ пойду въ процессіи къ мятежнымъ,
Чтобъ ихъ смирить. Скорѣй все приготовь.
Они должны увидѣть какъ мы крѣпко
Хранимъ престолъ апостола Петра.

(Капелланъ уходитъ. Сикстъ садится къ столу и погружается въ думу надъ большимъ глобусомъ.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Площадь предъ крѣпостью Ангела.

НАРОДЪ. ГРАФЪ МАРІАНА. (Многіе вооружены.)

ОДИНЪ ИЗЪ ГРАЖДАНЪ.

Скорѣй, скорѣй! Мы сильны вѣдь числомъ;
Насъ папа долженъ выслушать. Впередъ!

ВТОРОЙ.

И выдать намъ разбойниковъ онъ долженъ!

ТРЕТІЙ.

Да, и налоги съ насъ онъ долженъ снять!

ГОЛОСА.

Смерть всѣмъ разбойникамъ! Смерть негодяямъ!

ДРУГІЕ ГОЛОСА.

Да здравствуетъ Маріана, нашъ трибунъ!

ГРАФЪ МАРІАНА.

Спокойтесь! не увлекайтесь мщеньемъ!
Оно отвлечь отъ цѣли можетъ васъ.
Вы правосудья ищете, и въ немъ
Вамъ не посмѣютъ отказать: вы сильны.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Да, силы въ насъ довольно. Говорите,
А мы поддержимъ васъ.

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Чего тутъ медлить?
Собьемте стражу съ моста! Ну, впередъ!
Чай папа ужъ давно перепугался.
Впередъ, друзья! расшевелимъ его!

ГОЛОСА.

Впередъ! впередъ! Свобода! Правосудье!
(*Всѣ направляются къ мосту.*)

(Процессія духовенства; потомъ СИКСТЪ подъ великолѣпнымъ балдахиномъ и въ полномъ облаченіи, съ распятіемъ въ рукахъ. Толпа отступаетъ въ сторону. СИКСТЪ вступаетъ въ нее.)

СИКСТЪ.

Что̀ слышу я? Какой враждебный духъ
Смущаетъ мой народъ? Зачѣмъ гремятъ
Неистовые крики о свободѣ
И правосудіи? Они даны
Въ избыткѣ вамъ, какъ вижу. Для чего
Тревожите вы пастырей во храмахъ,
Дѣтей въ домахъ, больныхъ на ихъ одрахъ?
И еслибы неистовый вашъ вопль
Не проникалъ въ пріютъ молитвы тихій,
Я далъ бы вамъ бѣситься до втораго
Пришествія. Но крикомъ вы своимъ
Прилежныхъ отрываете отъ дѣла
И слабыхъ устрашаете. Смиритесь!
Я Рима стражъ усердный. Успокойтесь
И по домамъ ступайте!

ГОЛОСА.

Мщенье! мщенье!

СИКСТЪ.

Какъ? мщеніе? Иль городъ христіанства

Сталъ лагеремъ, гдѣ только воютъ псы?
Иль вамъ закона нѣтъ, что вы кричите
О мщеніи? Иль власти нѣтъ надъ вами?
Кому вы мстить хотите? Отвѣчайте!

ГРАФЪ МАРІАНА.

Прости, святой отецъ! граждане Рима
Здѣсь собрались по древнему ихъ праву,
Припоминая зло и угнетенья,
Извѣданныя въ смуты прежнихъ лѣтъ,
На этотъ разъ противостать хотятъ
Обычаю дурному. Въ нашихъ тюрьмахъ
Разбойники, и воры, и убійцы,—
Нашъ вѣчный бичъ,—ждутъ милости твоей.
И потому мы требуемъ чтобъ ты
Имъ не давалъ обычной амнистіи
И не спустилъ бы снова эту шайку
На беззащитныхъ, бѣдныхъ гражданъ Рима.
Вотъ просьба наша первая. Потомъ....

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ Маріана, другъ народа!

СИКСТЪ.

Потомъ? а тамъ еще потомъ, быть-можетъ?
И вновь потомъ! Но это вѣдь мятежъ,
Разбойникамъ приличное дѣянье!
Смотрите! берегитесь! я не стану
Щадить разбой, но также и мятежъ.
Попробуйте!

(Показывая на бойницы.)

Иль думаете вы
Что въ этихъ я орудіяхъ нуждаюсь?
Вотъ сильный кто! Кто устоитъ предъ Нимъ?

(Поднимаетъ распятіе. Народъ смущается.)

Подъ страхомъ отлученія отъ церкви
И вѣчнаго проклятья—на колѣна!
Смотрите, вотъ противъ кого вы встали....
Падите ницъ! Кто лишь одно мгновенье
Замедлитъ пасть,—лишится тотъ на вѣкъ
Небеснаго блаженства!

(Всѣ падаютъ ницъ, кромѣ Маріаны.)

Вотъ, смотрите,
Кого Господь своимъ отмѣтилъ знакомъ!
Тебѣ, мятежникъ,—вѣчное изгнанье!
Да не увидитъ Римъ тебя въ стѣнахъ,
Какъ не увидишь ты порога рая!—
А вы идите съ миромъ по домамъ,
А если видѣть правосудье папы
Хотите вы,—ступайте къ мѣсту казни,
Гдѣ эти всѣ разбойники висятъ.

(*Народъ расходится, кромѣ тѣхъ которые присоединяются къ процессіи.*)

Я и тебѣ назначить могъ бы то же;
Но я тебя щажу.

(*Уходитъ съ процессіей.*)

ГРАФЪ МАРІАНА.

О, стадо трусовъ!
Разсѣялось такъ скоро, какъ сбѣжалось!
Ну, царствуй здѣсь. Я удалюсь отсюда.
Да, мало мѣста тутъ для насъ обоихъ!

(*Уходитъ.*)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Будуаръ Матильды.

МАТИЛЬДА (*одна*).

Должно-быть удалось. Толпа въ восторгѣ
Идетъ назадъ. И этотъ вотъ народъ
Антоніо считаетъ малодушнымъ
И безотвѣтнымъ! Бѣдный! если онъ,
Какъ молодой и бодрый волъ, рогами
Грозитъ, когда ярмо съ него спадетъ,
То говорятъ: онъ дикъ и необузданъ;
Когда же онъ смиренно подъ бичомъ
Свою склоняетъ выю и дрожитъ,
Заслыша грозный голосъ господина,
То говорятъ что слабъ онъ и трусливъ!

ГРАЖДАНИНЪ (*входитъ*).

МАТИЛЬДА.

Кто вы такой, и что̀ вамъ нужно здѣсь?

ГРАЖДАНИНЪ.

Пропало все!

МАТИЛЬДА.

Что̀ такъ смущаетъ васъ?

ГРАЖДАНИНЪ.

Разбойники повѣшены.

МАТИЛЬДА.

Такъ значитъ
Вы взяли верхъ?

ГРАЖДАНИНЪ.

Антоніо Маріана
Въ изгнаньѣ.

МАТИЛЬДА.

Какъ? въ изгнаньѣ? Кто же смѣлъ
Изгнать его, главу народной массы?

ГРАЖДАНИНЪ.

Всѣ, всѣ отпали какъ осенній листъ,
Когда явился Сикстъ съ крестомъ въ рукахъ
И голосомъ громовымъ всѣмъ грозилъ
Проклятіемъ небеснымъ.

МАТИЛЬДА.

И ужели
На старца сумасброднаго никто
Не смѣлъ возстать и дать ему отпоръ?
И даже Маріана?

ГРАЖДАНИНЪ.

Еслибъ только
Вы видѣли, какъ былъ онъ страшенъ въ гнѣвѣ!
Антоніо одинъ стоялъ предъ нимъ;
Но рѣчь его безсильна оказалась,
Когда народъ весь ницъ упалъ.
И кто жъ бы смѣлъ противостать святому?
Бѣгу домой укрыться отъ стыда.

(Уходитъ.)

МАТИЛЬДА.

Толпа трусливыхъ! Неискусный вождь!
Пропало все, какъ глупое кривлянье
Паяца! Жаль тебя мнѣ, бѣдный Римъ!

(Увидя вошедшаго Маріана.)

Ты здѣсь еще! Ты такъ смущенъ и блѣденъ!
Что̀ кровь съ лица согнало у тебя?
Съ которыхъ поръ мущины смѣлый взоръ

Вдругъ сдѣлался блуждающимъ и робкимъ?
Не тѣнь ли вижу я? Гдѣ твой народъ?
Мнѣ видѣлось что даже камни Рима
Готовы были кинуться на зовъ:
Тѣ камни самые что̀ Гракхъ и Брутъ
Стопой своею твердой попирали.
Ступай, я знаю все. Ступай, куда онъ
Тебя изгналъ. Онъ не чета тебѣ,—
Такъ повинуйся сильному!—О Боже!
Мой Римъ! мой Римъ! О стыдъ уничиженья!
Презрѣнная толпа! Презрѣнный вождь!
И ты, и ты!... Я раскопаю землю,
Чтобъ въ ней прахъ Марка Курція сыскать,
Я поцѣлую остовъ обгорѣлый
Руки Сцеволы.... О, теперь я вижу
Что даже гладіаторская кровь
Достойнѣй чѣмъ твоя, для дѣлъ великихъ.
Что̀ смотришь такъ упорно на меня?
Вѣдь я не Сикстъ! Твое воображенье
Тебѣ рисуетъ грозный образъ папы,
Который твой смущаетъ робкій взоръ
И покрываетъ блѣдностью ланиты.
А онъ вѣдь хилый старецъ, онъ одинъ
Стоялъ предъ вашей тысячью народа,
Хотя въ своемъ роскошномъ облаченьѣ,
Хотя съ тройной короной на главѣ....
О, трусы, трусы! вы предъ нимъ смутились!...

ГРАФЪ МАРІАНА.

Матильда! ты ко мнѣ несправедлива!
Нѣтъ, я ему не уступилъ! Я буду
Еще бороться съ нимъ на жизнь и смерть.
Что̀ началъ я, то я и доверш у.
Пусть пресмыкаются предъ нимъ плебеи,—
А намъ, дворянамъ, мечъ—защитникъ правъ.
Въ провинціяхъ дворяне негодуютъ,—
И скоро вспыхнетъ пламенемъ вражда.
Я въ ихъ главѣ опять сюда явлюсь,—
И задрожитъ священникъ въ Ватиканѣ!

(Уходитъ. Матильда провожаетъ его взоромъ сомнѣнія и надежды. Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Кабинетъ папы. Утро.

СИКСТЪ (*пишетъ, потомъ гаситъ ламп. и открываетъ сторы окна.*)

И ночь прошла! Какъ быстро мчится время!
Быстрѣе, чѣмъ для дѣла нужно мнѣ.
Природа говоритъ: мнѣ нуженъ отдыхъ;
Но, слава Богу, мой сильнѣе духъ:
Я сномъ владѣю, а не мною онъ.
(*Молчаніе.*)
Кто тамъ не спитъ? (*Звонитъ.*)

Входитъ КАПЕЛЛАНЪ. Потомъ МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

СИКСТЪ.

Отправь вотъ эти письма:
Вотъ это въ Террачину, вотъ въ Неаполь,
А это—въ Чевита-Векію. Готовъ ли
Маріаны приговоръ?

КАПЕЛЛАНЪ.

Готовъ онъ.... но....

СИКСТЪ.

Такъ пусть исполнятъ! Что же ты стоишь?

КАПЕЛЛАНЪ.

Святой отецъ!

СИКСТЪ.

Ну, говори скорѣе!

КАПЕЛЛАНЪ (*падаетъ къ его ногамъ.*)

О, пощади несчастнаго!

СИКСТЪ.

Ты просишь,
Какъ человѣкъ; я долженъ отказать,
Какъ государь. Хотя, какъ человѣкъ,
Я поступилъ бы иначе, быть-можетъ.

КАПЕЛЛАНЪ.

Ты противъ воли собственной идешь?

СИКСТЪ.

Встань и молчи! Есть воля у меня
Одна лишь только—воля государя.
Ты знаешь самъ строптивый духъ бароновъ,
Какъ мнѣ во всемъ противятся они;
Какъ Маріана, изгнанный изъ Рима,
Вдругъ поднялъ знамя бунта и со мною
Пять лѣтъ войну неутомимо велъ.
Разбойники они, не кондотьери,
Какъ величать себя они хотятъ,—
Такъ пусть же какъ разбойники и гибнутъ!
Я развѣ дикихъ плановъ ихъ не знаю?
Они хотятъ ввести самоуправство
И произволъ, сильнѣе быть закона.
Они провозглашаютъ что̀ идутъ
Противъ тиранской власти. Эту власть
Я показалъ: народъ, давно страдавшій,
Теперь вздохнулъ. Чего жь они хотятъ?
Кто хочетъ міръ освободить, тотъ долженъ
Умѣть себя обуздывать во всемъ.
Довольно! Вотъ послѣдній изъ мятежныхъ—
Антоніо Маріана,—самый храбрый
И самый благородный, можетъ-быть;
Мнѣ жаль его; но кто жь имѣетъ право
О томъ меня выспрашивать? Такъ пусть
Ему воздастся по его дѣламъ!

(*Послѣ краткаго молчанія.*)

Что̀ ужъ пришелъ ко мнѣ Микель-Анджело?

КАПЕЛЛАНЪ.

Онъ ждетъ въ пріемной.

СИКСТЪ.

Такъ введи его.

(*Капелланъ вводитъ Микель-Анджело.*)

СИКСТЪ.

Привѣтъ тебѣ, мой другъ Буонаротти!
Коль у тебя я отнимаю время,
Такъ только для того что я хочу
Поднять твой духъ. Петра Святаго куполъ,
Безсмертное твореніе твое,
Которое тебя покроетъ славой

И мнѣ ея частичку удѣлитъ,
Оконченъ долженъ быть на эти средства.
Вотъ этотъ листъ тебѣ откроетъ столько
Сокровищъ сколько нужно для тебя.
Такъ поспѣши свою упрочить славу!
Прощай, мой другъ!

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

(Съ удивленіемъ просматриваетъ бумагу.)

Лишь двое папъ такихъ
Могли бы вновь Олимпъ соорудить!

(Хочетъ удалиться.)

СИКСТЪ.

А видѣлъ ты водопроводъ мой новый?

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

О, Aqua felice тебя достойна!

СИКСТЪ. *(Отпустивъ его привѣтливымъ наклоненіемъ головы, капеллану.)*

Кто тамъ еще явиться хочетъ?

КАПЕЛЛАНЪ.

Герцогъ
Савели ждетъ, святой отецъ.

СИКСТЪ.

А, это
Посланникъ императора; онъ можетъ
И подождать. А кто еще тамъ?

КАПЕЛЛАНЪ.

Герцогъ
Оливаресъ.

СИКСТЪ.

Ого! какая дерзость!
Слуга онъ смѣлый короля Филиппа!
Посланниковъ испанскихъ мы не знаемъ,
И для него нѣтъ времени у насъ.
Подай мнѣ листъ! Какъ? здѣсь Торквато Тассо?
О, пусть войдетъ! Зови его ко мнѣ!

(Капелланъ уходитъ.)

Торквато Тассо! Съ нимъ я поразсѣюсь.
О, кто, какъ онъ, вращается всегда
Во внутреннемъ лишь мірѣ, не во внѣшнемъ,
Тотъ долженъ быть счастливъ. Но онъ счастливъ ли?

ТАССО (входитъ).

СИКСТЪ.

Не въ первый разъ, Торквато, мы съ тобой
Здѣсь въ Римѣ видимся. Но эти годы
Не безъ слѣда надъ нами пронеслись:
Хотя достигли высшихъ мы вѣнцовъ,
Но все-таки заботы наложили
Морщины на чело, да и на духъ.

ТАССО.

Когда бы благодать небесъ могла
Вновь оживить безжизненное тѣло,
Когда бъ ея привѣтное дыханье,
Какъ вѣянье весны, могло покрыть
Засохшій стволъ вновь зеленью роскошной,—
То полныя любви твои слова,
Святой отецъ, меня бъ помолодили!

СИКСТЪ.

Не сожалѣй о юности, другъ Тассо!
Хоть время жатвы больше утомляетъ
Чѣмъ сѣянья пора,—я это знаю,—
Но все-таки мы точимъ серпъ охотнѣй,
Чѣмъ сѣемъ сѣмена.

ТАССО.

Прости меня,
Святой отецъ, коль я съ твоимъ сравненьемъ
На половину только соглашусь.
Я здѣсь стою не какъ веселый жнецъ,
Довольный полнымъ сборомъ урожая.
Нѣтъ! вредоносный червь и непогоды
До времени мою сгубили жатву,
И я теперь стою, заботы полный,
Не зная самъ что̀ выручилъ посѣвъ.
И ты поймешь чѣмъ сердце человѣка
Волнуется, и судъ свой изречешь—
И надо мною, и надъ этимъ міромъ.
Ни одного изъ звуковъ тѣхъ чудесныхъ,
Звучавшихъ мнѣ въ дни юности златой,
Ни одного изъ образовъ прелестныхъ,
Которые витали надо мной,
Изъ бури жизни я себѣ не спасъ!

О, Сикстъ! за кровь горячую мою,
Что̀ я излилъ изъ сердца въ пѣснопѣнья,
Я ничего себѣ не пріобрѣлъ,
Какъ лишь вѣнокъ засохшій и гоненье!

СИКСТЪ.

Меня себѣ ты въ судьи призываешь;
Но другомъ и защитникомъ тебѣ
Могу лишь быть; могу корабль разбитый
Въ надежный портъ принять, чтобъ тамъ онъ могъ
Сложить свой грузъ. На милости мои
Дала тебѣ судьба двойное право:
И геній твой, и бѣдствія твои.
Что̀ бъ ни было виной твоихъ страданій,
Тебѣ испить я воду Леты дамъ,
И да разсѣю мрачную ту силу
Которая твой оковала духъ.

(Кладетъ на негоруку.)

ТАССО.

Не облекай въ величіе сіянья
Тотъ кроткій лучъ который свѣтитъ мнѣ.
Лишь ты одинъ изъ всѣхъ монарховъ міра
Умѣешь чувствовать какъ человѣкъ.
Передъ тобой, отецъ мой, я стою
Просителемъ нѣмымъ. Что̀ я такое?
Разбитый лишь сосудъ, цѣны высокой,
Котораго послѣдній черепокъ
Напоминаетъ свѣту о разбившемъ
И о разбитой вещи дорогой.
О, никогда надъ головой людей
Такъ новое свѣтило не сіяло,
Какъ я, когда съ наслѣдственною лирой
На высь Парнаса бодро я всходилъ.
Тамъ, думалъ я, царитъ лишь вдохновенье
Надъ бурями и смутами земли,
Тамъ я мечталъ царемъ быть въ царствѣ духа,
Быть недоступнымъ зависти людской.
Не думалъ я чтобъ тамъ она могла
Преслѣдовать своею злобой геній,
Который тутъ господствуетъ одинъ.

СИКСТЪ.

Что̀ мракъ для свѣта, то для счастья—зависть.

Ужь если Богъ тебѣ способность далъ
Срывать себѣ цвѣтъ лучшій пѣснопѣнья,
То могъ ли ты, въ своей завидной долѣ,
Отъ зависти себя предохранить?
Вотъ видишь ли, крыломъ безсмертной музы
Ты выше всѣхъ поэтовъ вознесенъ:
Изъ нихъ никто въ твою страну чудесъ
Послѣдовать не можетъ за тобою,
И для такого генія, какъ ты,
Невѣжество и зависть безопасны.
Когда вѣка за нами пролетятъ,
Тогда и міръ оцѣнитъ насъ достойно.

ТАССО.

Такъ въ этомъ лишь утѣха и надежда?

СИКСТЪ.

Вѣрь этому вполнѣ, какъ вѣрю я.

ТАССО.

Ахъ, этотъ кубокъ слишкомъ ужь далекъ,
И время слишкомъ темно для надежды!
Нѣтъ! настоящее поэту нужно.
Чѣмъ не могу теперь я наслаждаться,
Тѣмъ не владѣю.

СИКСТЪ.

Ну, такъ никогда
Не будешь имъ владѣть. Исчезло все
Чѣмъ наслаждался ты. Рукою смѣлой
Срывалъ ты почку каждую, ты рвалъ
Ужь въ мартѣ то что̀ въ маѣ лишь цвѣтетъ;
Ты осени не зналъ, не дожидался
Пока созрѣетъ плодъ; но, снятый до поры,
Безвкусенъ онъ и твердъ. Такъ никогда
Ты не увидишь радостнаго дня,
Когда бъ твои алкающія губы
Могли вкусить отъ зрѣлаго плода.

ТАССО.

Какъ вѣрно ты постигъ мою судьбу!
За что̀ жь такая выпала мнѣ доля?
Ужели такъ я безъ надежды долженъ
И отъ тебя уйти?

СИКСТЪ.

Тебя люблю я,
Но сострадать тебѣ я не могу.

ТАССО.

Но состраданье—первый плодъ любви.

СИКСТЪ.

Иль для тебя ничто твой пышный лавръ?

ТАССО.

Но для меня его не слышенъ шелестъ:
Звучитъ ли онъ въ хвалѣ высокихъ лицъ,
Въ словахъ любви воспѣтыхъ женъ и дѣвъ,
Иль по ночамъ въ тревожномъ сновидѣньѣ,
Въ томъ голосѣ что̀ сердце мнѣ разбилъ?

СИКСТЪ (*послѣ краткаго молчанія*).

Что̀ только можетъ Римъ тебѣ доставить,
Готовъ я дать. Останься здѣсь, Торквато.
Войди въ себя. Мы скоро о другомъ
Поговоримъ съ тобой. Теперь прощай!

ТАССО.

Нѣтъ, ужь позволь домой мнѣ возвратиться.

СИКСТЪ.

Какъ хочешь, другъ; но лучше бъ здѣсь остался.

ТАССО.

Я не могу; позволь уйти!

СИКСТЪ.

Ступай!

(*Тассо уходитъ.*)

Ты жилъ! Какой еще ты хочешь жизни?

СИКСТЪ (*просматривая бумагу, говоритъ вошедшему капеллану*).

Кто это Галилео Галилей?

КАПЕЛЛАНЪ.

Тотъ молодой ученый что̀ съ тобою
Желаетъ говорить о чудесахъ
Вселенной и движеніи свѣтилъ.
Онъ тайною великою владѣетъ.

СИКСТЪ.

Тебѣ знакомъ онъ близко?

КАПЕЛЛАНЪ.

Да, мы были
Друзьями съ юныхъ лѣтъ. Мы съ нимъ изъ Пизы,
Гдѣ имъ гордится университетъ.

СИКСТЪ.

Такъ стало-быть онъ не изъ тѣхъ глупцовъ
Что гороскопъ Рудольфа составляли?

КАПЕЛЛАНЪ.

Нѣтъ, это смѣлый и глубокій умъ.
Онъ, какъ я слышалъ, измѣряетъ время
Повѣшеннымъ на воздухѣ жезломъ.
Шлифованныя стекла составляетъ
И помѣщаетъ ихъ въ какихъ-то трубахъ,
Въ которыя онъ ближе видитъ звѣзды;
Онъ ядра, камни разныхъ величинъ
Бросалъ на дняхъ съ наклонной башни въ Пизѣ,
Чтобъ доказать что легкое съ тяжелымъ
Въ одинъ моментъ на землю упадаетъ.

СИКСТЪ.

Но развѣ центнеръ не скорѣй достигнетъ
Земли, чѣмъ фунтъ?

КАПЕЛЛАНЪ.

Такъ прежде полагали,
Но опытъ здѣсь иное показалъ.

СИКСТЪ.

А! Тутъ законъ природы. Пусть войдетъ.
(*Капелланъ вводитъ Галилеи.*)
Охотникъ ты изслѣдовать, я слышу.

ГАЛИЛЕИ.

Знать оттого что спрашивать охотникъ.

СИКСТЪ.

По твоему что̀ центнеръ, что̀ перо—
Равно легки?

ГАЛИЛЕИ.

Равно падетъ все къ низу,
Чего не можетъ воздухъ поддержать.

СИКСТЪ.

Къ чему тебѣ твои всѣ трубы служатъ?

ГАЛИЛЕИ.

Вотъ я затѣмъ явился предъ тобой.
Позволь мнѣ говорить.
(*Сикстъ киваетъ головой.*)
Всѣ эти трубы....

СИКСТЪ.

Ты самъ ихъ изобрѣлъ?

ГАЛИЛЕИ.

Нѣтъ, Нидерландецъ,
Янсенъ, по имени, изобрѣтатель ихъ.

СИКСТЪ.

Ну, продолжай.

ГАЛИЛЕИ.

Онѣ еще недавно
Пріобрѣли извѣстность. Два стекла
Устроены въ трубѣ; назвать ихъ можно
Небесными очками: какъ очки
Для старыхъ глазъ, такъ служатъ эти трубы
Тому кто хочетъ наблюдать свѣтила.

СИКСТЪ.

Ты видишь ихъ яснѣй?

ГАЛИЛЕИ.

Гораздо больше
И безъ лучей.

СИКСТЪ.

Ужели это луны?

ГАЛИЛЕИ.

Нѣтъ, ихъ вѣрнѣе солнцами назвать.

СИКСТЪ.

Ужели столько солнцевъ вкругъ земли
Вращается?

ГАЛИЛЕИ (*съ живостью*).

О, нѣтъ! Она сама
Вращается вкругъ солнца: эту тайну
Великую открыла мнѣ труба.

СИКСТЪ.

Ужь много лѣтъ, любезный Галилеи,
О разныхъ мы предметахъ размышляемъ.
И Аристотель, и святыя книги
Объ этомъ намъ согласно говорятъ:
Земля есть средоточіе вселенной;
И, если правду Библія вѣщаетъ,
То нѣкогда, по слову Іисуса
Навина, солнце вдругъ остановилось.
И нынѣ эта дивная планета,

Я убѣжденъ, течетъ вокругъ земли,
Она жъ стоитъ.

ГАЛИЛЕИ.

Нѣтъ, движится она!
Когда тебя достойно славитъ міръ,
То защити меня: я долженъ міру
Всю истину сказать. Я слишкомъ рано
Дерзнулъ поднять завѣсу передъ нимъ
И свѣтъ ему высокій показать.
Невѣжество ко мнѣ стучится въ двери,
А зависть руки связываетъ мнѣ.
Ты лишь одинъ понять сумѣешь правду
И охранить ее.

СИКСТЪ.

И охраню.
Ты не мечтатель; ты хотя и молодъ,
Но дѣлу своему серіозно преданъ.
Невѣроятно и чудесно то
Что̀ утверждаешь ты: вѣдь ежедневно
Мы видимъ звѣзды, солнце и луну
Въ движеніи вкругъ насъ.

ГАЛИЛЕИ.

Они текутъ
Въ небесной этой тверди, какъ порою
Текутъ деревья ближнихъ береговъ,
Когда плывемъ мы быстро мимо ихъ.

СИКСТЪ.

Какъ это странно! Намъ тогда сдается
Что мы стоимъ, а мчится только берегъ.

ГАЛИЛЕИ.

И еслибъ ты весь вѣкъ свой безпрерывно
Со дня рожденья плылъ на кораблѣ,
Не зная что деревья неподвижны,
То былъ бы въ ихъ движеніи увѣренъ.

СИКСТЪ.

Ты чародѣй! Я предъ тобой смущаюсь.

ГАЛИЛЕИ.

Святой отецъ! такой корабль—земля.

КАПЕЛЛАНЪ *(входитъ).*

По дѣлу важному тамъ кардиналъ Толедо
Явился къ вамъ и видѣть васъ желаетъ.

СИКСТЪ.

Пока на томъ останься, Галилей,
Меня дѣла другія призываютъ;
Твое ученье ново и, пожалуй,
Опасно даже; но не для меня.
Лишь докажи что̀ утверждаешь. Я—
Защитникъ твой.

ГАЛИЛЕЙ.

Благодарю тебя,
Святой отецъ! Я только начинаю,
Когда жь къ концу я дѣло приведу,
Тогда твое припомню обѣщанье.

СИКСТЪ.

Даю тебѣ его. Трудись, изслѣдуй.
(Галилей уходитъ. Входитъ Толедо.)

СИКСТЪ.

Францискъ Толедо!

ТОЛЕДО.

Извини меня,
Святой отецъ, что важными дѣлами
Тебя я утруждаю, опасаясь
Навлечь твой гнѣвъ.

СИКСТЪ.

Тебѣ, Францискъ, извѣстно
Что на тебя сердиться я не смѣю,
Когда бы и хотѣлъ: вы насъ сильнѣе,
Maiori cedo.

ТОЛЕДО.

Но вѣдь мы трудимся
Лишь для тебя, для власти лишь твоей.

СИКСТЪ.

Не восхваляй того что̀ презираешь.

ТОЛЕДО.

Когда бы мы точнѣе знали планы
Которые хранитъ твой умъ высокій,
То мы могли бъ успѣшнѣе служить.

СИКСТЪ.

И будто часть ихъ не извѣстна́ вамъ?

ТОЛЕДО.

Скажу по правдѣ—да. Творишь ты много.
И вся страна̀ въ тревогѣ отъ тебя.

Испанія, религіи опора,
На войско и на флотъ твой съ опасеньемъ
Взираетъ и боится за Неаполь;
Венеція въ большомъ негодованьи....

СИКСТЪ.

Да, вѣдь глупцы всегда предпочитаютъ
Быть гражданами въ городѣ торговомъ,
Чѣмъ предводить могучій флотъ страны.

ТОЛЕДО.

Ты самъ открылъ теперь свою мнѣ тайну.
На Францію разчитываешь ты,
На короля-еретика. Ты хочешь
Весь прежній строй правленья ниспровергнуть,
Власть свѣтскую ты хочешь основать.
Мы это знаемъ.

СИКСТЪ.

Тонкіе вы люди!

ТОЛЕДО.

А тотъ законъ который ты готовишь
Объ измѣненьи папскаго избранья....

СИКСТЪ.

Какъ? Кто сказалъ?

(*Оба долго смотрятъ другъ на друга.*)

Смотрите, кардиналъ,
Временъ великихъ знакъ—рожденье дѣлъ
Необычайныхъ, а порой и дѣлъ
Неслыханныхъ дотолѣ, если нужно.
Какъ думаете вы, Францискъ Толедо:
Что̀ ежели князь церкви, генералъ
Іезуитовъ, папы лучшій другъ,
Повѣшенъ будетъ у воротъ тюрьмы?

ТОЛЕДО.

И ты дерзнешь?

СИКСТЪ.

Создателемъ клянусь
Что я дерзну! Такъ ни на что̀ теперь
Не полагайтесь. Здѣшній воздухъ вамъ
Опасенъ сталъ. Извольте ѣхать въ Польшу:
Тамъ намъ теперь легатъ въ Варшавѣ нуженъ
Такой какъ вы,—мужъ умный и лукавый,

Способный планы всѣ предусмотрѣть,
Чтобъ не отпалъ отъ нашей власти Сѣверъ.
Немедленно въ Варшаву отправляйтесь:
Я это вамъ совѣтую серіозно.

ТОЛЕДО (*принявъ покорный видъ*).

Что повелишь, то долженъ я исполнить.

СИКСТЪ (*быстро и съ силой*).

Я вашихъ плановъ хитрыхъ не боюсь.
Отъ вашего кинжала будетъ стража
Меня хранить, отъ яда—осторожность.
Попробуйте! Кто далъ вамъ власть надъ міромъ?
Лишь мужество Игнатія, рѣшимость
Ксаверія и ревность Лаинесса;
Вамъ средства всѣ дозволены для цѣли.
Ну, хорошо! Я свойствами такими
Владѣю самъ. Моя рука сильна
И сердце твердо. Кто посмѣетъ руку
Влагать въ мои дѣла, тотъ берегись
Чтобъ у него она не отвалилась!
Я отпускаю васъ! Отправьтесь въ Польшу!

(*Толедо удаляется съ глубокимъ поклономъ. Сикстъ кладетъ руку на глобусъ и стоитъ въ спокойномъ величіи.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Монастырская келья.

МАТИЛЬДУ, въ черномъ одѣяніи, подъ покрываломъ, вводитъ монахъ и удаляется. Вскорѣ входитъ МОРОЗИНИ. Матильда открываетъ лицо.

МОРОЗИНИ.

Я удивленъ, графиня, видя васъ
Подъ сѣнію моей смиренной кельи.

МАТИЛЬДА.

Съ тревогою душевной я пришла
Узнать отъ васъ объ участи Марьяна.

МОРОЗИНИ.

Желанье ваше знаю изъ письма,
Но не могу служить вамъ, къ сожалѣнью:
Мы не всевѣдущи....

МАТИЛЬДА.

Не уклоняйтесь!
Я знаю, ваши нити достигаютъ
Куда ни чей не можетъ взоръ проникнуть.
Вы знаете: для васъ вѣдь это важно,
Затѣмъ что врагъ его есть врагъ и вашъ.

МОРОЗИНИ.

Къ намъ папа благосклоненъ; онъ не врагъ намъ.

МАТИЛЬДА.

По виду—да; но будьте осторожны.
Скажите, гдѣ Марьяна?

МОРОЗИНИ.

Онъ исчезъ.
Флоренція съ Венеціей пріюта
Дать не могли ему, боясь навлечь
Гнѣвъ папы на себя.

МАТИЛЬДА.

Ужели онъ
Скитается въ Германіи теперь?

МОРОЗИНИ.

Мы этого не знаемъ. Мудрость церкви
Склоняется предъ сыномъ пастуха.
Какъ стадо онъ свое—пасетъ народы
И нагоняетъ страхъ на дерзновенныхъ.

МАТИЛЬДА.

Кому жь теперь довѣриться могу я?

МОРОЗИНИ.

Кому же, какъ не мнѣ? Я знаю самъ,—
Твоя душа нашъ орденъ презираетъ;
Она полна желаньемъ высшихъ знаній,
Свободы, лучшей церкви. Вотъ мечты
Твоей души,—я знаю ихъ давно.
Ты думаешь, тебя я осуждаю?
Какъ мало знаешь ты завѣтъ Лойолы!
Въ тщеславіи ты чтишь свое ученье
За новый міръ, открытый лишь тобой.
Нѣтъ, знай что то ученье, тотъ законъ
Который намъ повѣдалъ основатель
Въ виду имѣетъ тѣ жь благія цѣли.

И если мы спускаемся до низшихъ
И съ кротостью къ слабѣйшему нисходимъ,
И если намъ повелѣваетъ мудрость
Въ дѣлахъ земныхъ искать небесной цѣли,
То мы должны быть сильны съ тѣмъ кто силенъ,
А тотъ кому подпора не нужна
Скрывать отъ насъ своихъ не долженъ крыльевъ.
Какой же власти ищемъ мы надъ міромъ,
Уча людей молитвѣ, послушанью?
Мы, какъ и ты, хотимъ дать людямъ благо.
Ввести господство мудрости, добра;
Но не тиранство духа, лишь порядокъ,
Въ которомъ слабый сильному послушенъ,
И высшему покоренъ низшій духъ.
И кто, какъ ты, стряхнулъ съ себя оковы,
Тотъ на свободу право пріобрѣлъ
И долженъ имъ воспользоваться смѣло.

МАТИЛЬДА.

Вы лжете всѣ, и я—я тоже лгу.
Вѣдь ложь теперь духъ времени. Куда
Влечетъ меня несчастная судьба!

МОРОЗИНИ.

Не предложу тебѣ я покаянья.
Да и къ чему? Я дамъ тебѣ свободу.
Тебѣ не нужно каяться ни въ чемъ,
И для тебя я не священникъ: я
Твой другъ, отецъ, которому ты можешь
Довѣриться.

МАТИЛЬДА.

Не ошибись во мнѣ.
Всего того что̀ дѣйствуетъ въ тебѣ
И въ томъ великомъ образцѣ коварства
Мнѣ не понять. Я такова какъ мать
Произвела на свѣтъ меня: я къ цѣли
Своей иду открыто, прямо, смѣло.
Какъ ни хитри со мной, какъ ни старайся,
Напрасно будешь ты меня пытать.

(*Входитъ слуга.*)

СЛУГА.

Къ преосвященству вашему гонецъ;
Онъ васъ немедленно желаетъ видѣть.

МАТИЛЬДА.

Прими его; я удалюсь.

МОРОЗИНИ.

Но мы
Не кончили еще. Побудь вотъ здѣсь.
(Отводитъ ее въ комнату направо.)

Входитъ ГОНЕЦЪ *(iезуитъ въ свѣтскомъ платьѣ).*

ГОНЕЦЪ *(подавая перстень).*

Францискъ Толедо далъ мнѣ этотъ перстень,
Чтобъ члена ордена во мнѣ ты видѣлъ.

МОРОЗИНИ.

Съ какою вѣстью ты?

ГОНЕЦЪ.

Съ нежданной. Долго
Опомниться отъ страха я не могъ.

МОРОЗИНИ.

Не трать напрасно словъ, скорѣе къ дѣлу!

ГОНЕЦЪ.

По повелѣнью папы, кардиналъ
Внезапно долженъ былъ въ Варшаву ѣхать,
И съ нимъ отрядъ солдатъ, подъ видомъ стражи
Почетной. Онъ, перемѣняя платье,
Едва успѣлъ со мною объясниться,
И вотъ что̀ мнѣ открылъ: какъ видно, Сикстъ
Поработить Италiю желаетъ;
Неаполь и Венецiю онъ хочетъ
Завоевать, при помощи Французовъ,
А, можетъ-быть, и Англiи; и новый
Готовитъ онъ законъ, чтобъ папа могъ
Преемника себѣ при жизни выбрать,
Чтобъ этимъ власть прочнѣе утвердить.
Ужь все готово: войско, флотъ, оружье,
Осталось только къ дѣлу приступить.
Но кардиналъ боится чтобъ его
За оглашенье тайны не казнили,
Какъ папа самъ ему грозилъ.

МОРОЗИНИ.

Ого!
Вотъ до чего дошла святая церковь!

ГОНЕЦЪ.

И, кажется, прибавилъ онъ еще,
Что папа лишь того и поджидалъ
Чтобъ всѣ мятежныхъ банды покорились,
А съ этимъ прекратилась и потребность
Держать народъ въ оружіи. Марьяна
Взятъ въ плѣнъ, и казнь надъ нимъ ужь свершена.
Ты дѣйствуй самъ; ему теперь нельзя,
А въ перстнѣ — полномочье.

МОРОЗИНИ.

Хорошо.
Ты можешь удалиться.

(Гонецъ уходитъ.)

Вотъ, теперь
Есть средство у меня! Смерть, смерть ему!
Есть у меня орудіе къ тому:
Оно надежно, скромно и — не цѣнно, —
Его потомъ не жаль и уничтожить.

(Въ раздумьѣ.)

Казненъ Марьяна, — что̀ тутъ долго думать?
Орудіе теперь въ моихъ рукахъ, —
И вотъ оно....

(Входитъ Матильда.)

МАТИЛЬДА.

Я видѣла гонца,
Какъ онъ поспѣшно этотъ домъ оставилъ.
Взволнованъ ты? Что̀ сдѣлалось такое?

МОРОЗИНИ.

Извѣстіе что̀ мнѣ принесъ гонецъ
Касается отчасти и тебя.

МАТИЛЬДА.

Не знаю что̀ меня касаться можетъ.

МОРОЗИНИ.

А, можетъ-быть, съ тѣхъ поръ какъ та любовь....

МАТИЛЬДА.

О ней не говори мнѣ!

МОРОЗИНИ.

Но я долженъ.
Я ужь старикъ, давно забывшій юность.
Мнѣ мать твоя прелестная была

Духовной дочерью. Я на своихъ
Рукахъ тебя укачивалъ малюткой.
Потомъ отъ насъ ты гордо отшатнулась:
Господства страсть, свободы духъ, любовь
Твоей душою пылкой овладѣли.
Мнѣ памятенъ и юноша прекрасный,
У ногъ твоихъ его звучала пѣснь.
Какъ ты охотно слушала его,
Пока еще твой духъ не увлекался
Преданьями давно минувшихъ дней.
Какъ сладко....

МАТИЛЬДА.

Ахъ, молчи!

МОРОЗИНИ.

И вотъ какой конецъ!

МАТИЛЬДА.

Что̀ сдѣлалось такое?

МОРОЗИНИ.

Онъ въ оковахъ, —
И Сикстъ его не выпуститъ живымъ.

МАТИЛЬДА.

О, Боже!

МОРОЗИНИ.

Да, онъ осужденъ на смерть, —
Веревка ждетъ его. — Вотъ до чего
Онъ доведенъ тобою. И ничто
Его спасти не можетъ!

МАТИЛЬДА.

Онъ умретъ?
Антоніо! мой добрый, вѣрный другъ!
Вотъ до чего тебя я довела! —
Ужель ничто спасти его не можетъ,
Какъ ты сказалъ, — ни слезъ моихъ потокъ,
Ни жаркія моленья на колѣняхъ?

МОРОЗИНИ.

Ничто, пока живъ папа.

МАТИЛЬДА.

Какъ? ничто?
Ни даже пламень, вдругъ объявшій Римъ,
Ни наводненье яростнаго моря
И ни разгромъ страны землетрясеньемъ?

МОРОЗИНИ.

Ничто, пока живъ папа.

МАТИЛЬДА.

Но ужели
Такой старикъ такъ долго будетъ жить?
Навѣрное умретъ онъ раньше друга....
Ничто! Зачѣмъ ему не умереть?

МОРОЗИНИ.

Но онъ еще живетъ!

МАТИЛЬДА.

О, дай мнѣ средство
Къ спасенью друга!

МОРОЗИНИ (*вынимая сткляночку*).

Вотъ оно!

МАТИЛЬДА.

Какъ? ядъ?

МОРОЗИНИ (*холодно*).

Ничѣмъ инымъ спасти его нельзя.
Лишь капли двѣ....

МАТИЛЬДА.

Иль адъ меня опуталъ?

МОРОЗИНИ.

Ужель ты только женщина? Не ты ль
Зачинщица народнаго волненья,
Глава мужей, стяжавшихъ смерть. Теперь
Спаси того кого спасти возможно!

МАТИЛЬДА.

Я внѣ себя.... кружится голова....
Подай!... Ты говоришь что только это
Его спасетъ? — Ну, хорошо.... спасу!
(*Послѣ краткаго молчанія.*)
Тебѣ пути знакомы въ царствѣ тьмы, —
Наставь меня, неопытную въ дѣлѣ.

МОРОЗИНИ.

Все завтра же должно быть свершено.
Ты въ одѣяньѣ мальчиковъ церковныхъ
У алтаря прислуживать должна.
И за обѣдней капни только каплю
На опрѣснокъ который вкуситъ онъ.
Тебя ввести — моя забота будетъ,
А платье ужь готово.

МАТИЛЬДА (*съ полузабытьи*).

И ничто
Ему помочь не можетъ, какъ лишь капля
Вотъ этого.... и опрѣснокъ?...

МОРОЗИНИ (*про себя*).

Побѣда!

(*Матильда закрываетъ лицо и готова упасть. Морозини ее поддерживаетъ и смотритъ на нее съ торжествующею улыбкой.*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Двойная терраса съ видомъ на Римъ, его дворцы и сады. Куполъ Св. Петра высоко поднимается надъ ними. Вправо виденъ водопроводъ Aqua felice. Влѣво коринеская колонна и обелискъ.

ГРАЖДАНЕ, проходящіе черезъ террасу; потомъ ГАЛИЛЕИ и КАПЕЛЛАНЪ.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Не дивно ли? Во всемъ ему успѣхъ!

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Ну кто бы могъ повѣрить чтобъ настали
Былыя времена?

ТРЕТІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Да, слава Рима
Воскресла съ нимъ. Вонъ храмы, обелиски,
Водопроводъ—творенье исполиновъ,
Оконченъ въ краткій срокъ; а этотъ куполъ
Петра святаго! Столько славныхъ дѣлъ
Я въ жизнь свою не видывалъ какъ въ эти
Пять лѣтъ.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

И что бы только ни задумалъ,
Все онъ исполнитъ,—нѣтъ ему препонъ.

ТРЕТІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Какъ онъ смирилъ всѣхъ этихъ гордецовъ!
И какъ бы кто высоко ни стоялъ,
Его ничто не охранитъ отъ кары.
Нѣтъ сильнаго кто бъ не дрожалъ предъ нимъ;

И императоровъ, и королей
Въ рукахъ онъ держитъ.

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Вотъ, смотрите, будетъ
Еще не то!

ТРЕТІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

И мнѣ сдается такъ.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Мудренаго тутъ нѣтъ: еще онъ въ силахъ.

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Но тяжела для насъ повинность стражи.

ТРЕТІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

На это не ропщи. Припомни сбирра
Который такъ тебя отколотилъ,
Пять лѣтъ тому назадъ, за то что ты
Его корилъ за стачку съ негодяемъ.
Теперь вездѣ хожу я безопасно
И съ деньгами какъ дома у себя.
Да и поставка разныхъ матерьяловъ
Для Остіи доставила мнѣ прибыль:
Для флота тамъ не мало вѣдь и надо.

(Между тѣмъ многіе выходятъ изъ церкви и проходятъ черезъ террасу; другіе остаются въ ожиданіи папы. Въ числѣ прочихъ выходятъ, разговаривая, Галилей и капелланъ.)

Да, подати на насъ, повинность стражи,
Милиція и разные порядки;
За то мы безопасны отъ воровъ,
Которые, бывало, здѣсь царили.
Богаче много стали мы чѣмъ прежде,
И со временъ Ріензи никогда
Не чтились такъ законы и права.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Да, это такъ: умри сегодня папа,
Взволнуется народъ—и не удержишь!

(Слышенъ колокольный звонъ.)

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Мнѣ странно что сегодня служитъ онъ.

ТРЕТІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Вотъ, посмотрите, онъ еще сегодня
Отправится изъ Рима. Вѣдь ужь флотъ
Съ недѣлю какъ готовъ и ждетъ приказа,
Чтобъ выступить. Да, много разныхъ слуховъ,
Да говорить не слѣдуетъ о нихъ.
Поздненько ужь, пора бы закусить.
Пойдемъ со мною къ куму Джіакомо.

(Уходитъ съ нѣкоторыми.)

ГАЛИЛЕИ.

Теперь прощай! Я разъ еще увидѣлъ
Того кто духъ мой снова окрылилъ
И поощрилъ на подвигъ многотрудный.
Я возвращусь съ его благословеньемъ;
А ты прими за дружбу благодарность.

КАПЕЛЛАНЪ.

Да сохранитъ Господь твои пути!
Не забывай того кто въ юномъ сердцѣ
Твоемъ влеченье къ мудрости развилъ.

ГАЛИЛЕИ.

Гдѣ бъ ни былъ я, о немъ мои всѣ думы.

(Оба уходятъ. Входитъ Сикстъ съ процессіей и останавливается на террасѣ, гдѣ благословляетъ колѣнопреклоненный народъ. Потомъ всѣ расходятся, кромѣ Сикста и Матильды въ одеждѣ церковнаго мальчика.)

Входятъ: СИКСТЪ, МАТИЛЬДА. Потомъ КАПЕЛЛАНЪ.

СИКСТЪ.

Поди ко мнѣ, мой сынъ. Мы заплатили
Предвѣчному свой долгъ. Дай на минуту
Невинностью твоею усладить
Мой духъ, пока примусь опять за дѣло.
Скажи, дитя, откуда ты?

МАТИЛЬДА.

Изъ Рима
Святой отецъ!

СИКСТЪ.

И Римъ ты любишь?

МАТИЛЬДА.

Да!

СИКСТЪ.

И я его люблю! Всѣ дѣтства сны,
Всѣ юности мечты, дѣянья мужа—
Являютъ мнѣ въ различныхъ отраженьяхъ
Одну и ту жь картину: скоро, скоро
Осуществится все, коль Богъ поможетъ.
— Ужь слышится мнѣ отдаленный гулъ
Грозы, готовой разразиться въ мірѣ.
Отъ моря Средиземнаго до По
Свободы солнце снова засіяетъ.
О, день великій! о, счастливый Римъ!
Познавши власть и силу государя,
Познаешь ты и торжество побѣдъ.
Тебѣ дало повиновенье силу.
Что̀ мнѣ враги? Казна моя богата,
Войска снаряжены и силенъ флотъ.

МАТИЛЬДА (*про себя*).

Что̀ слышу я? Ужели это правда,
Иль только бредъ фантазіи больной?

СИКСТЪ (*продолжая говорить самъ с собою*).

Слабъ императоръ, слабъ король испанскій,
Упроченъ мнѣ за Генрихомъ союзъ:
Такъ пусть свершится!—Кончилась игра
Старинныхъ войнъ. Міръ новый выступаетъ,
Готовый духъ свой защищать мечомъ;
И не за имя, не за человѣка
Его подниметъ онъ, и не затѣмъ
Чтобъ пріобрѣсть добычу. Боже правый!
Дай совершить мнѣ подвигъ избавленья
И высшее съ нимъ благо пріобрѣсть—
Въ борьбѣ великой за свободу духа!
Я бодрствовалъ усердно. Если подвигъ
Побѣды надъ собой достоинъ славы,
Дай мнѣ ее,—себя я побѣдилъ!

МАТИЛЬДА (*судорожно хватаетъ свою грудь*).

О, заблужденья мракъ! Ужели я
Героя лучшихъ сновъ моихъ убила?

СИКСТЪ (*замѣтивъ ея движеніе*).

Нѣтъ, отрокъ, нѣтъ, ты не предашь меня!
Твой взоръ такъ чистъ и свѣтелъ, какъ роса.
Ты хочешь плакать? О, да будутъ чужды
Тебѣ загадки міра! Я люблю
Цвѣтъ юности—потерянный мой рай!
О, какъ бы мнѣ хотѣлось возвратиться
Къ порѣ твоей невинности святой!
Какъ тяжело быть мужемъ!

МАТИЛЬДА (*про себя*).

Ахъ, ужасно!
Спаси, спаси его, Всемилосердый!
Мутится взоръ его.... Лицо блѣднѣетъ....

СИКСТЪ.

Да, ты увидишь счастіе отчизны,
Свободной отъ Германцевъ и Французовъ,
Могучею страной въ рукѣ могучей.

МАТИЛЬДА (*про себя*).

О, это слишкомъ! Нѣтъ, не правда это:
Онъ обольщаетъ самъ себя. Нѣтъ, нѣтъ!
Антоніо спасенъ!

СИКСТЪ.

Какая странность!
Что̀ это вдругъ со мной? Такого чувства
Я никогда въ себѣ не ощущалъ.

МАТИЛЬДА.

Вы поблѣднѣли вдругъ.... вы нездоровы!

СИКСТЪ.

Дитя мое! мнѣ некогда хворать!

МАТИЛЬДА.

Позвольте мнѣ на помощь къ вамъ позвать.

СИКСТЪ.

Нѣтъ! Я не зналъ болѣзни никогда.

(*Входитъ Капелланъ въ сопровожденіи церковнослужителя.*)

МАТИЛЬДА *(увидя капеллана)*

Сюда, сюда! спасите! помогите!

СИКСТЪ.

Пугаешь ты меня. Мои колѣна
Дрожатъ. Присяду...
(Садится на подножіе колонны; но дѣлаетъ напрасныя усилія чтобы встать.)
Это не болѣзнь:
Нѣтъ, нѣтъ! она меня бы не сломила....
(Вскрикиваетъ.)
О, Боже! это ядъ!

КАПЕЛЛАНЪ *(бросается къ нему).*

Онъ умираетъ!
О, помогите! за врачомъ скорѣй!
(Церковнослужитель убѣгаетъ.)

СИКСТЪ.

„Онъ умираетъ?" Какъ? Всему конецъ?...
Я не хочу!—Природа, повинуйся!
Долой оковы съ членовъ! Прочь свинецъ,
Который мнѣ отягощаетъ ноги!
Прочь отъ меня холодная змѣя,
Ползущая все вверхъ!—Кто это сдѣлалъ?
И нѣтъ по мнѣ наслѣдника! О, Боже!
Да кто же это сдѣлалъ? Отвѣчайте?
Ты, мальчикъ, что̀ дрожишь? Я вижу ужасъ
Въ твоихъ глазахъ. Въ тебѣ такая гнусность
Немыслима.

Входятъ: ВРАЧЪ и ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЬ.

СИКСТЪ *(къ врачу).*

Скорѣй, поди сюда,
Когда твое искусство тутъ поможетъ!
Смерть силу ногъ моихъ ужь отняла
И спину гладитъ мнѣ рукой холодной,
Языкъ нѣмѣетъ, голосъ мой хрипитъ,
Захватываетъ духъ, въ глазахъ темнѣетъ....
Ты знаешь ли съ кѣмъ борешься? Не медли.
Какъ звать стрѣлу? Стрѣлка я знаю самъ.

ВРАЧЪ *(послѣ внимательнаго изслѣдованія).*

Святой отецъ! могу я все сказать?

СИКСТЪ.

Коль правды я когда-либо желалъ,
Такъ лишь теперь.

ВРАЧЪ.

Такъ поспѣши, не медля,
Окончить то чтò нужно для тебя:
Отравы ядъ ужь къ сердцу подступаетъ.

СИКСТЪ.

А сколько дашь часовъ мнѣ?

ВРАЧЪ.

Лишь минуты!

СИКСТЪ.

Ну, мало же чтобъ царство основать,
Но чтобы умереть, какъ мужъ,—довольно.

МАТИЛЬДА (*про себя*).

Ужасно! И бѣжать я не могу:
Я скована его потухшимъ взоромъ!

КАПЕЛЛАНЪ.

Святой отецъ! объ утѣшеньяхъ церкви....

СИКСТЪ.

А! церкви! Но она меня убила!
Да, эта церковь рушиться должна,
Когда къ вѣнцу пойдетъ Христа невѣста.
О, планы всѣ великіе мои!
Теперь вы прахъ! Вотъ, созидай свой міръ,
Грядущему ввѣряйся, громозди
На камни камень, воздвигая зданье,
И вдругъ умри! Есть мудрые врачи,
Коль ты одинъ изъ нихъ, то объясни:
Какой противорѣчія законъ
Природой овладѣлъ, что духъ она
И всѣ его великія дѣянья
Поставила въ зависимость отъ капли
Ничтожной яда?

ВРАЧЪ.

Дивная природа—
Не одного лишь человѣка мать:
Она съ любовью каждое стремленье
Лелѣетъ въ цѣломъ—не въ одномъ лицѣ.

СИКСТЪ.

Загадочны слова! Когда Толедо
Услышитъ ихъ—тебя онъ умертвитъ.

ВРАЧЪ.

Но мысль моя со мною не умретъ.

СИКСТЪ.

Вотъ это намъ залогъ для вѣчной жизни,
Когда пойметъ насъ міръ. Но если смолкнетъ
Языкъ, не досказавъ завѣтныхъ словъ,
Но если время, сей властитель мощный,
У ногъ твоихъ откроетъ бездну вдругъ,
И ты въ нее падешь, какъ я теперь,—
Скажи, мудрецъ,—гдѣ будетъ мысль твоя?

ВРАЧЪ.

Въ томъ самомъ что̀ уничтожаетъ насъ:
Забудь себя—и ты безсмертенъ будешь!

СИКСТЪ.

Ты правъ, ты правъ! Вотъ лучшее изъ всѣхъ
Мнѣ утѣшеній! Да, забудь себя!
Какое заблужденье въ нашемъ *я*!
Кто можетъ міръ одной своею силой
Вести къ желанной цѣли? О, когда жь
Не проникалъ я взоромъ въ язвы вѣка?
Не вкладывалъ въ зіяющія раны
Свои персты? Не сострадалъ страданью,
Нося въ себѣ всю жгучую ихъ боль?
— Нѣтъ! Искупитель твой есть Богъ любви!
Онъ лишь одинъ безъ ненависти любитъ.—
За каждымъ добрымъ, человѣчнымъ чувствомъ
Послѣдуетъ сознаніе добра;
А гордость, честолюбіе, отвага—
Дѣяній славныхъ дикіе творцы—
Самихъ себя они уничтожаютъ,
Какъ чадъ своихъ глотающій Сатурнъ.
О, та рука что̀ смерть мнѣ нанесла
Великихъ дѣлъ еще задушитъ много!

ТОЛЕДО и МОРОЗИНИ (входятъ справа).

СИКСТЪ (*увидя ихъ*).

Вотъ день и вашъ насталъ! Прощайте, братья!

Прощенье всѣмъ, кто можетъ самъ прощать!

(*Умирая, упадаетъ на руки врача.*)

МАТИЛЬДА.

Онъ умеръ!... Но.... Антоніо спасенъ!

МОРОЗИНИ.

Антоніо еще вчера повѣшенъ!

(*Матильда испускаетъ страшный крикъ и теряетъ сознаніе.*)

ТОЛЕДО.

Побѣда церкви!

МОРОЗИНИ (*къ капеллану*).

Съ мальчикомъ припадокъ.
Вели его отправить въ монастырь.

(*Капелланъ уводитъ Матильду.*)

ВРАЧЪ.

На краткій срокъ явилъ свой дивный свѣтъ
Тебѣ, о міръ, его могучій геній!
Блеснулъ, и вотъ великаго ужъ нѣтъ,
И долгой ночи вновь спустились тѣни!

(*Занавѣсъ опускается.*)

Ѳ. МИЛЛЕРЪ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ И НРАВООПИСАТЕЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II*

IV.

Одновременно съ *Былями и Небылицами* печатались въ *Собесѣдникѣ* составленныя Екатериной *Записки касательно россійской исторіи.* Обозрѣніе и оцѣнка этого сочиненія не относятся къ настоящему изслѣдованію, но необходимо замѣтить здѣсь что годы послѣдовавшіе за первою эпохой драматическихъ сочиненій Екатерины были посвящены ею главнымъ образомъ изученію русской исторіи. Подобно многимъ виднымъ историческимъ дѣятелямъ, она интересовалась исторіей и съ сожалѣніемъ замѣчала что исторіи Россіи еще не существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, до вступленія Екатерины на престолъ мы не имѣли не только ни одной прагматической исторіи, но и многочисленныя лѣтописи наши и другіе историческіе матеріалы не были изданы. На русскомъ языкѣ не было даже исторіи Петра Великаго, имѣвшаго такое сильное обаяніе на умы лучшихъ людей Россіи въ XVIII вѣкѣ. Первыя историческія сочиненія объ этомъ государѣ были написаны, какъ извѣстно, за границей, и преемники его, ставшіе себѣ въ заслугу быть его подражателями, дѣлали весьма мало для того чтобъ увѣковѣчить его дѣла; даже дочь его

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 5.

безъ подозрительности смотрѣла на намѣреніе Вольтера написать его исторію, долго не доставляла ему документовъ и свѣдѣній которыя онъ просилъ и доставляла ихъ не въ надлежащей полнотѣ. Вотъ почему Екатерина писала ему въ 1763 году: „Еслибы въ то время когда вы начали это сочиненіе, я была тѣмъ чѣмъ теперь, то доставила бы вамъ много другихъ извѣстій. Справедливо что нельзя довольно надивиться генію этого великаго человѣка. Я намѣрена приказать напечатать письма его, которыя велѣла собирать повсюду.“ *

Дѣйствительно нѣсколько коллекцій Петровыхъ писемъ и другихъ матеріаловъ относящихся къ эпохѣ преобразованія издано было въ первыя десять-двѣнадцать лѣтъ царствованія Екатерины; издано было также нѣсколько лѣтописей, сборниковъ, разновременныхъ указовъ; тогда же изданы были первыя прагматическія исторіи Россіи,—Ломоносова, Эмина, Татищева, Хилкова, и начавшаяся такимъ образомъ дѣятельность не прекращалась во все царствованіе Екатерины. Въ восьмидесятыхъ годахъ стали появляться обширные историческіе сборники и самостоятельные труды Туманскаго, Новикова, Голикова, князя Щербатова, Миллера, Болтина, Чулкова и пр. Многіе изъ этихъ трудовъ изданы были на счетъ императорскаго кабинета и производились по указаніямъ Екатерины, по ея личной инціативѣ; она сама собирала древніе манускрипты и вступала въ личныя сношенія съ людьми занимавшимися серіозно русскою исторіей, какъ напримѣръ съ княземъ М. М. Щербатовымъ, графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ и Болтинымъ. Сношенія съ послѣдними имѣли исключительно ученую цѣль; Болтинъ былъ, сколько извѣстно, руководителемъ Екатерины въ занятіяхъ русскою исторіей. Екатерина наконецъ начала и сама составлять популярное изложеніе русской исторіи, которое, какъ сказано, печаталось въ *Собесѣдникѣ* подъ заглавіемъ *Записокъ*. Печатаніе ихъ продолжалось въ 1783 и 1784 годахъ, а въ 1786 году она написала два „историческія представленія“, изъ жизни Рюрика и Олега, и начала писать третье, изъ жизни Игоря.

Въ первой изъ помянутыхъ піесъ главныя роли принадлежатъ Рюрику и Вадиму. Рюрикъ—внукъ Гостомысла и сынъ его дочери, супруги *Финскаго короля*; Вадимъ—сынъ младшей

* *Екатерина какъ писательница* (*Заря* 1869).

дочери Гостомысла, находившійся при своемъ дѣдѣ, и его любимецъ. Соблюдая однако права первородства, Гостомыслъ призываетъ наслѣдовать себѣ Рюрика съ его братьями,—да совершится „соединеніе всего Сѣвера",—Вадима же назначаетъ княземъ одного только изъ числа народовъ подвластныхъ Рюрику,—народа Славянскаго. Такое назначеніе оскорбляетъ Вадима и онъ замышлятъ сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ. Онъ освѣдомляется у новгородскихъ старѣйшинъ расположены ли они поддержать его, но получаетъ въ отвѣтъ: „ты князь нашъ мѣстный, но подвластенъ великому князю"; они говорятъ что для того чтобы быть великимъ княземъ, ему нужно не только ихъ согласіе, но и согласіе Руси, Чуди и Мери. Между тѣмъ въ станъ Финскаго короля пріѣзжаютъ послы съ послѣднею волей Гостомысла. „Приведите пословъ ко мнѣ безъ дальняго доклада, говоритъ онъ: предки наши и мы сами были люди ратные." Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Рюрикъ съ братьями отпущены въ Новгородъ, откуда навстрѣчу имъ выѣзжаетъ посадникъ *Добрынинъ*; но едва Рюрикъ успѣлъ сдѣлать первыя распоряженія въ своемъ новомъ владѣніи, какъ доходитъ до него вѣсть о возмущеніи произведенномъ Вадимомъ. Рюрикъ посылаетъ Добрынина къ мятежникамъ дабы успокоить ихъ; старанія посадника увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ; онъ присылаетъ гонца съ извѣстіемъ что мятежники смирились и что Вадимъ въ плѣну.

„— Охъ, для чего онъ не ушелъ!" восклицаетъ Едвинда супруга Рюрика.

„— Милость и судъ въ рукахъ князя великаго", замѣчаетъ Олегъ и старается склонить Рюрика къ снисхожденію, заодно съ Едвиндой. Вадимъ, говоритъ она, молодъ и можетъ-быть слишкомъ отваженъ; но и весь родъ князей славянскихъ храбръ. Прости Вадима. „Подданные обожаютъ милосердіе."

Приводятъ плѣнника. Непреклонный и гордый Вадимъ производитъ впечатлѣніе на великаго князя.

„— Бодрость духа твоего, князь Вадимъ, не унываетъ; она написана въ рѣчахъ, въ чертахъ твоихъ; но, говоритъ Рюрикъ, ты теперь во власти моей; я могу судить тебя акъ мѣстнаго князя и какъ подданнаго....

„— Либо, подсказываетъ Едвинда, простить какъ брата.

„— Но пусть, продолжаетъ великій князь,—Рюрикъ въ сей день окажется каковъ онъ есть: онъ, видя виновныхъ предъ собою, съ горячею ревностію возьмется всегда за изслѣдова-

ніе общему добру причиненнаго ущерба или обиды; но койчасъ вина уже извѣстна, виновный изобличенъ, и надлежитъ, вынувъ мечъ, приступить ко мщенію (*вынимаетъ мечъ изъ ножень*), тогда мечъ тотъ, который не выпалъ никогда изъ моей десницы, благодаря боговъ, противу общихъ непріятелей (*уронивъ мечъ*), падаетъ изъ дрожащихъ рукъ моихъ, и въ виновномъ вижу лишь человѣка."

Послѣднія слова Рюрика, смыслу которыхъ вообще слѣдовала и Екатерина, а также нѣкоторыя другія политическія и нравственныя идеи высказанныя различными лицами разсматриваемой піесы, составляютъ главный ея интересъ. Такого же рода интересъ заключается и въ *Начальномъ управленіи Олега.*

Эта піеса открывается закладкой Москвы. Въ присутствіи толпы народа, жрецовъ, „вельможъ" и князя-правителя, кладется первый камень русской столицы, и таинственныя примѣты уже предсказываютъ ея величіе; всю ночь предъ тѣмъ шелъ дождь, а при восходѣ солнца отовсюду слетѣлись стаи птицъ клевать выгнанныхъ сыростью изъ земли насѣкомыхъ: дождь означаетъ богатство, а стаи разнообразныхъ птицъ—что новый городъ „будетъ народнымъ убѣжищемъ и соединеніемъ во времена опасныя". Такъ говорятъ жрецы. Олегъ, котораго устами Екатерина высказываетъ собственныя свои мысли и мысли своего вѣка, не можетъ конечно придавать значенія суевѣрнымъ примѣтамъ, но вотъ, въ ту самую минуту когда совершается закладка Москвы, появляется изъ-за-облаковъ орелъ, подобно тому какъ онъ позднѣе носился надъ полководцемъ долженствовавшимъ поразить Наполеона I.... Между тѣмъ являются депутаты отъ Кіевлянъ, съ жалобами на правителя своего Оскольда за нарушеніе ихъ обычая и, главное, за принятіе имъ „греческаго закона" (вѣроисповѣданія). Это извѣстіе заставляетъ Олега задуматься. „Отовсюду, говоритъ онъ,—съ сѣвера, запада и полудня получаются вѣсти тѣ же." Олегъ отправляется въ Кіевъ, куда должны прибыть также юный Игорь и нареченная его невѣста Прекраса, внука Гостомыслова, отъ старшей его дочери. Молодой князь и пожилой правитель встрѣчаются въ виду Кіева, на берегу Днѣпра, куда является и Оскольдъ и недовольные имъ Кіевляне. На жалобы послѣднихъ правитель Кіева отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „Вѣрность моя къ тебѣ, о государь, безпорочна. Хотя народнымъ слухомъ обвиняюсь я предъ тобою, но буде я влекомъ свыше потаенно къ

лозканію лучшей вѣры, то сей даръ есть души моей. Истиною я напоенъ, я не скрою, и смѣло предъявляю что вскорѣ искры ея, разсыпанныя повсюду, воспламенятся во всѣхъ сердцахъ. Чести и достоинства сего свѣта вы вольны снимать съ меня: они суть пыль и прахъ земной; но образъ мыслей моихъ не въ вашей власти...."

Послѣ такого заявленія Оскольда, не находятъ возможнымъ оставлять его далѣе на своемъ постѣ; онъ садится въ лодку, но вѣтеръ опрокидываетъ ее, а теченіе рѣки приноситъ Оскольда къ стану Угровъ, которые дѣлали привалъ на берегу, пробираясь на западъ. Пріѣзжаетъ между тѣмъ и Прекраса. Игорь благодаритъ Олега за выбранную для него невѣсту, которая ему очень нравится, а Прекраса проситъ дозволенія принять имя вѣщаго правителя; Олегъ нарекаетъ ее Ольгою и говоритъ: „не именемъ моимъ, но добродѣтелью въ народѣ прославишься." Устроивъ бракъ князя, Олегъ отплываетъ съ дружиной къ Цареграду. Столица Восточной имперіи въ тревогѣ, императоръ не рѣшается противупоставить силу силѣ и, предполагая что въ станѣ Руссовъ чувствуется недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, или же надѣясь задобрить грозныхъ варваровъ, онъ посылаетъ яства Олегу и его дружинѣ; но послѣдній возвращаетъ ихъ назадъ, замѣчая, какъ Генрихъ IV, что съѣстные припасы нужнѣе осажденнымъ чѣмъ осаждающимъ. Послѣ этого заключается между побѣдителями и побѣжденными миръ, празднованіе коего въ Цареградѣ, равно какъ свадебные обряды въ одномъ изъ предшествующихъ дѣйствій, подали поводъ къ пышной постановкѣ этой піесы, о чемъ было упомянуто въ главѣ I.

V.

Обѣ только-что разсмотрѣнныя нами піесы названы подраженіемъ Шекспиру; и точно онѣ написаны „безъ сохраненія ѳеатральныхъ обыкновенныхъ правилъ," то-есть безъ соблюденія единства времени и мѣста, и это, надо признаться, главное сходство піесъ Екатерины съ піесами Шекспира. Какъ въ этихъ такъ и въ другихъ ея піесахъ дѣйствуютъ не живыя лица, снабженныя разнообразными свойствами человѣческой души, а вывѣски извѣстныхъ доблестей или слабостей человѣческихъ; въ этомъ отношеніи Екатерина

осталась вѣрна господствовавшей въ ея время художественной традиціи правиламъ французскихъ эстетиковъ. Но уже самое знакомство съ твореніями великаго англійскаго драматурга есть фактъ достойный вниманія. Уваженіе къ Шекспиру было не только не повсемѣстно въ описываемое время, но его вообще мало знали. Екатерина, не зная по-англійски, могла познакомиться съ Шекспиромъ или изъ переводовъ на французскій языкъ Дюси (*Гамлетъ* напечатанъ имъ въ 1769 году), или изъ нѣмецкихъ переводовъ Виланда, напечатанныхъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, или наконецъ изъ критическихъ сочиненій Лессинга въ пятидесятыхъ годахъ. Но если и принять что Екатерина послѣдовала указаніямъ Лессинга, то все же за нею остается та честь что она усвоила взглядъ не только не господствовавшій между ея современниками, но отвергаемый авторитетами пользовавшимися между ними наибольшимъ значеніемъ. Если въ заслугу—и не безъ основанія—ставится Карамзину, человѣку молодаго поколѣнія и спеціально отдавшемуся литературѣ, справедливый взглядъ на Шекспира, то еще бо́льшая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ Екатеринѣ, и если указываютъ что Карамзинъ въ 1787 году съ уваженіемъ отозвался о творцѣ *Гамлета* и *Макбета*, то мы можемъ замѣтить что еще годомъ раньше Екатерина передѣлала его *Виндзорскихъ кумушекъ*. (*Вотъ каково имѣть корзину* и проч.)

Справедливость обязываетъ сказать впрочемъ что Шекспира довольно трудно узнать въ этой передѣлкѣ: онъ исчезаетъ въ ней до такой степени что едва ли кто-нибудь узналъ бы его, еслибы того не указывало самое заглавіе названной піесы. Сюжетъ Шекспира перенесенъ въ Россію и переложенъ на русскіе нравы, или точнѣе, обставленъ русскими именами, причемъ много лицъ оригинала и много оригинальныхъ положеній вовсе исключено; но и оставшіяся лица и положенія плохо поддались подъ перомъ Екатерины русскому штемпелю. Обѣ кумушки Шекспира и Фальстафъ не только неузнаваемы, но и лишены всякой типичности; тотъ кто въ русской піесѣ долженъ соотвѣтствовать Фальстафу,—Яковъ Васильевичъ Подкладовъ,—нѣсколько смѣшонъ, но вовсе не оригиналенъ, и вообще вся піеса есть не болѣе какъ анекдотъ въ лицахъ.

Воообще разсматривая піесы Екатерины написанныя подъ вліяніемъ великаго драматурга Англіи, мы замѣчаемъ что она

не обратила вниманія на главное достоинство Шекспира, из его глубокое проникновеніе въ душу человѣка; но она заимствовала у него нѣкоторые пріемы, на которые необходимо обратить вниманіе, между прочимъ на экспозицію въ драматической формѣ такихъ чертъ которыя были бы вѣроятно сообщены публикѣ въ формѣ звучныхъ монологовъ строгими послѣдователями теоріи Боттё. Такова напримѣръ первая сцена въ *Начальномъ управленіи Олега*. Строгій послѣдователь псевдо-классическихъ традицій вѣроятно вывелъ бы вмѣсто этой эффектной сцены лицо которое произнесло бы длинный монологъ о закладкѣ Москвы, подобно тому какъ въ Расиновой *Федрѣ* разказывается о катастрофѣ Ипполита при выѣздѣ изъ Трезены, или какъ въ *Дмитріи Донскомъ* Озерова передана Куликовская битва.

Другое и еще болѣе важное нововведеніе заимствованное Екатериной у Шекспира—это допущеніе въ ея піесы простонароднаго элемента. Въ комедіяхъ и трагедіяхъ построенныхъ на основаніи правилъ господствовавшихъ въ XVIII вѣкѣ, весьма рѣдко встрѣчаются лица изъ низшихъ слоевъ народа, а если они иногда и встрѣчаются, то говорятъ тѣмъ же самымъ языкомъ какъ и всѣ прочія; Екатерина не овладѣла труднымъ искусствомъ влагать въ уста своимъ дѣйствующимъ лицамъ свойственную имъ рѣчь, но она вставляла въ свои піесы куплеты и хоры заимствованные прямо изъ простонародныхъ или старинныхъ пѣсенъ. Въ третьемъ дѣйствіи *Олега*, дѣвушки убирающія къ свадьбѣ Прекрасу поютъ между прочимъ прекрасную пѣсню, начинающуюся такъ:

Перекатно красно солнышко, перекатно,
И ты, звѣзда, закатилася....

Пѣсня эта чисто простонародная и внесена въ піесу Екатерины во всей ея безыскусственной простотѣ, что нельзя не признать съ ея стороны очень смѣлымъ нововведеніемъ. Державинъ, выводившій въ нѣкоторыхъ своихъ драматическихъ сочиненіяхъ людей изъ простонародья или изъ временъ отдаленной древности, старался приноравливаться къ старинному или простонародному языку, говоря отъ ихъ имени, но его подѣлка очень далека отъ оригинала; другимъ писателямъ присущее имъ чувство изящнаго подсказывало что въ сказкахъ, былинахъ и пѣсняхъ обращающихся въ простонародьѣ есть вещи истинно прекрасныя, и Дмитріевъ, напримѣръ, издалъ

сборникъ простонародныхъ пѣсенъ, но онъ счелъ притомъ своею обязанностью поправить версификацію этихъ пѣсенъ, уничтожить нѣкоторыя выраженія, слишкомъ тривіальныя, и замѣнить ихъ другими, облагороженными. Екатерина не позволяла себѣ подобныхъ самоуправствъ и даже обозначала въ заглавіи нѣкоторыхъ своихъ піесъ что онѣ составлены изъ русскихъ сказокъ и пѣсенъ. Слѣдующій свадебный хоръ встрѣчаемый въ *Олегѣ* почти буквально сходенъ съ находящимся въ пѣсенникѣ Труговскаго:

По сѣнечкамъ, сѣнечкамъ,
Тутъ ходила, гуляла
Молодая боярыня;
Въ рукахъ она носила
Блюдо серебряное;
На блюдечкѣ носила
Два яхонта червчатые,
Двѣ алмазныя запоны, —
Сама приговаривала:
„Ахъ вы яхонты, яхонты,
Двѣ алмазныя запоны,
Полежите малешенько,
Покуль я молодешенька
Схожу въ свѣтлую свѣтлицу,
Во столовую горницу,
Гдѣ сидитъ мой сердечный другъ,
Гдѣ нынѣ прохлаждается,
Музыкой забавляется,
А мной похваляется:
„У меня де жена умная,
„У меня душа разумная,
„Походка павлиная,
„Тиха рѣчь лебединая,
„Очи яснаго сокола,
„Брови чернаго соболя“.

Точно также никакихъ ни передѣлокъ, ни измѣненій она не дозволила себѣ въ слѣдующей разлихой пѣснѣ, которую находимъ въ *Боеславичѣ*:

Жена моя боярына,
Родомъ она Болгарына,
Черноброва,
Черноглаза,
Черноволоса,
Съ позолокою глазъ,

Съ примашкой голова,
Съ прищелкою рука,
Съ притопкою нога.

Очевидно Екатерина справлялась съ помянутымъ пѣсенникомъ Трутовскаго и другимъ изданнымъ Чулковымъ; кажется что ей былъ извѣстенъ и сборникъ Кирши Данилова, находившійся въ то время еще въ рукописи у А. Н. Демидова; во всякомъ случаѣ несомнѣнно что она очень интересовалась памятниками древней нашей литературы; *Слово о полку Игоревѣ* было ей извѣстно можетъ-быть одной изъ первыхъ въ Россіи; съ своей стороны, Храповицкій разказываетъ что отъ князя Г. Г. Орлова она узнала сказку о Фуфлыгѣ Богатырѣ (названіе впрочемъ не существующее), и что онъ самъ, Храповицкій, долженъ былъ достать ей сказку о Бовѣ Королевичѣ; она хотѣла передѣлать ихъ на драматическія піесы, но такъ какъ первой изъ сказокъ не оказалось, а вторая не понравилась ей, то она обратилась къ былинѣ о Василіи Буслаевѣ, которая и послужила ей сюжетомъ для комической оперы *Новгородскій богатырь Боеславичъ*. Сравнивая сюжетъ этой оперы съ различными текстами былины, можно думать что она руководствовалась главнѣйше тѣмъ который записанъ Киршей Даниловымъ и что кромѣ того она имѣла въ виду нѣкоторые другіе тексты той же и даже другія новгородскія былины. Въ помянутой оперѣ мы встрѣчаемъ, кромѣ самого Василія, его мать Амельфу Тимоѳеевну, Ѳому (Ременникова), Потаюшку, Ситка и другихъ героевъ новгородскихъ легендъ. Какъ въ преданіи, такъ и въ оперѣ Екатерины Василій обладаетъ силой незнающею никакихъ препятствій; онъ разгоняетъ весь собравшійся противъ него Новгородъ. Согласно тексту Кирши, Василій представленъ Екатериной сиротой, княжескимъ сыномъ и гулякой. Въ сообществѣ своихъ пріятелей Ѳомы и Потаюшки онъ завелъ кулачный бой съ Новгородцами. Посадники жалуются его матери, а между тѣмъ желаютъ узнать чего имъ ждать отъ него въ будущемъ, зазываютъ на пиръ и стараются развязать ему языкъ. „Какъ примѣтимъ мы, разсуждаютъ они, что не кормилецъ онъ земли Славянскія, мы промыслимъ себѣ князя по сердцу“. Василій, выпивъ лишнее, раздражилъ представителей стараго вольнаго Новгорода, которые подняли „мужиковъ-Новгородцевъ и пошли противъ него чтобы выпрово-

...ить изъ города. Амельфа Тимоѳеевна, узнавъ какая бѣда ожидаетъ ея чадо неразумное, заперла его въ погребъ; но Василій какъ-то выбрался оттуда и, за неимѣніемъ оружія, схватилъ „ось дубовую необдѣланную" и разогналъ толпу, послѣ чего его немедленно признали княземъ.

Достаточно, кажется, этого остова Екатерининой оперы чтобъ убѣдиться какъ смѣло она уклонилась отъ пути псевдо-классической традиціи. Не только чопорный Расинъ, но и Вольтеръ съ ужасомъ отвернулся бы отъ этого княжескаго сына бьющагося на кулачки, запертаго въ погребѣ и разгоняющаго толпу мужиковъ дубовою осью вмѣсто оружія! За то все это черты похищенныя у самой жизни, переносящія насъ въ иной міръ, и дышащія правдой. Можно жалѣть что Екатерина не достаточно отдалась тому теченію которое уносило ее изъ круга понятій французскихъ риторовъ, и что она, какъ въ *Боеславичѣ*, такъ и въ другихъ піесахъ считала нужнымъ платить дань псевдо-классицизму. Но чтобы съ успѣхомъ стать на новой почвѣ нужно было имѣть кромѣ вѣрнаго чутья и большой литературный талантъ. Авторитеты въ дѣлѣ литературы были противъ нововведеній въ шекспировскомъ родѣ, и вотъ, конечно, почему піесы написанныя Екатериной подъ вліяніемъ Шекспира менѣе прочихъ держались на театрѣ или даже вовсе не ставились. *Рюрикъ* и *Боеславичъ* вовсе не появлялись на публичной сценѣ; *Олегъ*, не взирая на великолѣпную постановку, данъ былъ только разъ; *Корзина* держалась нѣкоторое время вѣроятно потому что она смѣшила публику вопреки рѣшенію авторитетовъ; *Ахридѣичъ*—по причинѣ чисто сценическаго своего блеска, и наконецъ *Федулъ съ дѣтьми*—какъ фарсъ съ сильными національными признаками.

Изъ числа послѣдне-названныхъ піесъ, *Ахридѣичъ* можетъ быть отнесенъ и къ другой группѣ піесъ Екатерины, — къ піесамъ фантастическимъ. Такихъ піесъ всего, впрочемъ, двѣ: *Ахридѣичъ* и *Февей*. Обѣ онѣ названы комическими операми и содержаніе ихъ—чудесныя похожденія царевичей Архидѣича и Февея. Первый изъ этихъ царевичей странствуетъ съ цѣлію освободить сестеръ своихъ, похищенныхъ злымъ колдуномъ, второй—съ цѣлію „видѣть пространный свѣтъ". *Ахридѣичъ* имѣлъ большой и продолжительный успѣхъ; *Февей* кажется также, но этотъ успѣхъ слѣдуетъ приписать не столько автору, сколько машинистамъ и декорато-

рамъ, а потому намъ нечего и останавливаться на этихъ пїесахъ.

Точно также не имѣетъ никакихъ претензій на художественное достоинство послѣднее (по времени) драматическое сочиненіе Екатерины, *Федулъ съ дѣтьми*; это *шутка*,—характеристическое названіе усвоенное нынѣ для мелкихъ театральныхъ піесъ претендующихъ быть только веселыми. Читать *Федула* почти невозможно; но на сценѣ онъ имѣлъ большой, повсемѣстный и продолжительный успѣхъ. Старый театралъ Макаровъ утверждаетъ что „*Федулъ* въ Петербургѣ и Москвѣ жилъ почти нескончаемо, а его Дуняша (одна изъ дочерей Федула) съ пѣсней своей *Во селѣ, селѣ Покровскомъ*, не выходила даже изъ самыхъ блестящихъ гостиныхъ.“

VI.

Наблюдательность соединенная съ насмѣшливостью отличала Екатерину еще съ малыхъ лѣтъ: мы видѣли въ *Быляхъ и Небылицахъ* каррикатуры нѣкоторыхъ лицъ съ которыми она была въ сношеніи еще великою княгиней. Будучи великою княгиней же она подмѣтила и смѣшныя стороны масонства. Сущность масонства была весьма почтенна и весьма серіозна, но форма въ которую облеклось это явленіе не можетъ не вызвать улыбки у человѣка наименѣе расположеннаго къ насмѣшкѣ, и она естественно прежде всего кидается въ глаза наблюдателю. Эта именно внѣшняя сторона масонства и поразила Екатерину въ то время когда оно было еще распространено лишь между приверженцами Елисаветы Петровны и офицерами ея гвардіи и арміи. Можетъ-быть впрочемъ въ пятидесятыхъ годахъ масонство въ Россіи и обнаруживало только одну свою внѣшнюю сторону. Иностранцы пріѣзжавшіе въ Петербургъ разказывали что въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ и другихъ столицахъ Европы существуютъ масоны, и что въ числѣ ихъ много именитыхъ и даже вѣнценосныхъ особъ; Русскіе возвращавшіеся изъ-за границы подтверждали это и говорили что они сами причислились къ той или другой ложѣ; тѣ и другіе свидѣтельствовали что обрядъ вступленія въ ложу очень любопытенъ, что старшіе члены имѣютъ какія-то немногимъ извѣстныя цѣли, что впрочемъ всѣ порядочные

люди ищутъ чести быть масономъ, — и вотъ, безъ сомнѣнія, какъ началась масонская пропаганда въ Россіи. Дѣло заключалось въ томъ чтобы не отстать отъ другихъ и сдѣлаться адептомъ масонства.

По крайней мѣрѣ эта именно сторона масонства подмѣчена была Екатериной въ 1758 году и представлена въ маленькой піесѣ имѣющей драматическую форму, подъ заглавіемъ *Le secret de la société anti-absurde*, и состоящей изъ трехъ крошечныхъ частей. Въ первой изъ нихъ изображается обрядъ принятія въ „противо-нелѣпое" общество, начальствующая ложа котораго находится „на горѣ Истины, лежащей къ сѣверу отъ горы Шутокъ". Обрядъ принятія въ это „противо-нелѣпое" общество составляетъ совершенную противоположность тому который употреблялся въ масонскихъ ложахъ; адептъ вступаетъ безъ повязки на глазахъ и въ обыкновенной одеждѣ въ обыкновенную комнату, гдѣ принимаетъ его „начальникъ" ложи и предлагаетъ ему нѣсколько тетрадей. Въ этихъ тетрадяхъ, въ которыхъ пародируется мистическая фразеологія масоновъ, новопосвящаемый не находитъ ничего кромѣ скуки и безсмыслицы, о чемъ и объявляетъ на вопросъ начальника, который, съ своей стороны, при рукоплесканіяхъ общества, признаетъ адепта достойнымъ вступить въ члены онаго. „Государь мой, говоритъ начальникъ, наше общество не посылаетъ своихъ денегъ къ чужестранцамъ; мы дружелюбно и весело вмѣстѣ ужинаемъ; теперь отъ васъ зависитъ число наше умножить; другой разъ вы заплатите вашъ рубль. Если у насъ остаются деньги, мы помогаемъ ими бѣднымъ людямъ, которые съ нами въ одной землѣ живутъ. Не забывайте никогда что человѣческій здравый разсудокъ препятствуетъ видѣть мечтанія, а разумъ—вдаваться въ небылицы".

Вторая часть *Тайны* состоитъ изъ трехъ эмблемъ, а именно: пучка розогъ, простыни для качанья и изображенія зѣвающаго лица, съ соотвѣтствующими подписями. Наконецъ третья часть заключаетъ въ себѣ „Катихизисъ" противонелѣпаго общества. Это рядъ вопросовъ со стороны начальника ложи и отвѣтовъ со стороны адепта.

Вопросъ. Въ какую игру дѣти съ завязанными глазами играютъ?
Отвѣтъ. Въ жмурки.
В. Одни ли малыя дѣти въ сію игру играютъ?
О. Малыя, а также большія.

В. Надобно ли имѣть завязанные глаза, или потраченное зрѣніе чтобы видѣть яснѣе дневное и ночное свѣтило, или чтобы пріобрѣсти какое человѣческое познаніе?

О. Какъ для одного, такъ и для другаго нѣтъ ничего лишняго и въ самыхъ глазахъ, ниже въ разумѣніи человѣческомъ.

В. Кто таковы большія дѣти о которыхъ вы сказали?

О. Тѣ кои, безпрестанно обманывая другихъ, многократно сами въ обманъ вдаются.

В. Почему вы называете тѣхъ большими дѣтьми, которы безпрестанно обманываютъ?

О. Потому что они, бывши прежде сами игралищемъ другихъ, почитаютъ себя оправданными, играя легковѣрностію прочихъ.

В. Для чего же вы называете однимъ именемъ и тѣхъ кои неоднократно даютъ себя обманывать?

О. Для того что они, бывъ уже обмануты, даютъ себя вовлечь пустымъ любопытствомъ въ тѣ же сѣти.

В. Какія сказки сказываютъ дѣтямъ?

О. Сказки о домовыхъ дѣдушкахъ и кикиморахъ

В. Забавны ли онѣ, или нравоучительны?

О. Никакъ; они наводятъ лишь зѣвоту, и все тутъ.

В. Что дѣлали въ такомъ случаѣ благоразумныя воспитательницы въ половинѣ осьмагонадесять столѣтія?

О. Онѣ запрещали сказывать сказки о кикиморахъ и пр.

В. Есть ли хотя единъ изъ человѣковъ который бы тѣмъ забавлялся?

О. Ни одного.

В. Это слово двоесмысленно изъясняется?

О. Это тайна.

В. Буде вы обѣщали ее хранить, вы хорошо сдѣлаете если ее не откросте.

О. Я не обѣщалъ молчать о тайнѣ, которая подобна театральной, о которой всякъ другъ другу на ухо шепчетъ. Впрочемъ тайна сія пространно и обстоятельно во многихъ книгахъ напечатана.

В. Что противополагается общему разсудку и правиламъ прямаго разсужденія?

О. Химеры, привидѣнія и преступленія.

В. Что̀ противополагается строгой точности?

О. Пустыя и неясныя слова.

В. Что̀ такое есть которое легко приводитъ къ ложнымъ разсужденіямъ?

О. Двоезнаменательныя рѣчи и злоупотребленіе звучныхъ словъ и выраженій.

В. Что̀ такое есть что̀ въ просторѣчіи называется обезьянствомъ?

О. Необычайныя и странныя тѣлодвиженія.

Послѣ сего начальникъ говоритъ и собраніе повторяетъ: „Dignus intrare in nostram societatem“ (Достоинъ войти въ наше общество).

Таково содержаніе пьесы которою, такъ-сказать, открывается походъ Екатерины противъ мистиковъ и шарлатановъ.

Въ продолженіе первыхъ двухъ десятилѣтій ея царствованія масонство сдѣлало огромные успѣхи какъ за границей, такъ и въ Россіи. Какъ ни странно оно во многихъ изъ своихъ проявленій, какъ ни нелѣпы тѣ обряды которые сопровождали вступленія въ масонскія ложи новыхъ адептовъ и та таинственность которою окружены были засѣданія масоновъ, какъ ни поразительна была своею туманностью фразеологія масонскихъ сочиненій, тѣмъ не менѣе сущность масонства представляетъ одно изъ крупныхъ историчекихъ явленій. Въ немъ мудрено не видѣть реакціи противъ сухаго, безотраднаго, безжизненнаго матеріализма, вышедшаго изъ школы Бейля и Вольтера. Одно знаніе не можетъ удовлетворить человѣка; одинъ умъ не можетъ замѣнить всѣхъ свойствъ человѣческаго духа; воображеніе тоже предъявляетъ свои права на существованіе и требуетъ себѣ пищи. Что же оставалось дѣлать тѣмъ природа которыхъ требовала вѣрованій и умъ которыхъ не удовлетворялся знаніемъ, далеко притомъ не полнымъ, представляемымъ сочиненіями Гольбаха, Гельвеція, Кондорсэ и т. п.? Имъ оставалось или глубже уйти въ міръ ортодоксальныхъ вѣрованій, или же, если эти вѣрованія были въ нихъ потрясены, искать утѣшенія въ какомъ-то подобіи религіи, въ той мистической экзальтаціи которая составляетъ сущность масонскаго ученія. Таковъ, кажется, единственно возможный, серіозный взглядъ на масонство, ибо едва ли позволительно отдѣлываться одними насмѣшками отъ оцѣнки явленія которое, можно сказать, господствуетъ надъ цѣлою четвертью, если не половиной XVIII вѣка и которому подчинились многіе сильные умы того времени,—явленіе которое съ новою силой повторилось потомъ въ XIX вѣкѣ. Но такъ смотритъ на масонское ученіе потомство; современникамъ этого явленія было трудно отдать себѣ вѣрный отчетъ къ немъ, какъ и вообще не легко бываетъ оцѣнивать съ надлежащимъ безпристрастіемъ значеніе современныхъ явленій. Это доказываетъ между прочимъ и примѣръ Екатерины; ея взоръ не въ состояніи былъ обнять со всѣхъ сторонъ явленія называемаго масонствомъ; это явленіе было антипатично ея уму, требовавшему ясности и опредѣленности, ея настроенію духа, не терпѣвшему темныхъ картинъ, наконецъ ея инстинктамъ государыни, потому что она

угадывала въ масонскихъ ложахъ питомникъ революціонныхъ клубовъ. Взглядъ ея на масонство былъ взглядъ трезвый и практически вѣрный, но не глубокій и потому односторонній. Можетъ-быть, еслибы масонство оставалось принадлежностію одной западной Европы, Екатерина ограничилась бы одними насмѣшками надъ нимъ въ перепискѣ съ нѣсколькими пріятелями; но оно отразилось и въ Россіи, начинавшей уже дѣлаться солидарною со всѣми духовными интересами цивилизованнаго міра. Историкъ масонства въ Россіи, г. Лонгиновъ, говоритъ что въ концѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка въ одномъ Петербургѣ было восемь ложъ, въ Москвѣ четыре, и по одной въ Архангельскѣ, Казани и Ярославлѣ, то-есть больше чѣмъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній въ тѣхъ же мѣстностяхъ.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ масонство съ особою силой развилось въ Москвѣ, причемъ на его распространеніе были употреблены довольно значительные частные капиталы; теперь никого не удивило бы подобное назначеніе денегъ, но сто лѣтъ тому назадъ духъ общественности, можно сказать, не существовалъ у насъ вовсе, о какой-либо организаціи внѣ правительственной сферы и не помышляли, — а потому многіе подозрѣвали нѣтъ ли плутней со стороны руководителей московскихъ масоновъ, не эксплуатируютъ ли простаковъ въ интересѣ собственномъ ловкіе люди прикрывшіеся мистическимъ туманомъ. Это казалось тѣмъ вѣроподобнѣе что за границей явилось нѣсколько шарлатановъ, которые самымъ безстыднымъ образомъ эксплуатировали довѣрчивыхъ людей, прикрываясь маской мистицизма: они вызывали изъ гробовъ давно умершихъ людей, заставляли говорить ихъ о замогильныхъ тайнахъ, и пріобрѣтя, посредствомъ такихъ мистификацій, неограниченное вліяніе на своихъ адептовъ, побуждали ихъ искать *философскій камень*, употребляя на это огромныя суммы, которыя попадали конечно не въ химическія реторты, а въ карманы шарлатановъ. Таковы были знаменитые шарлатаны Сенъ-Жерменъ и Каліостро, кружившіе головы во всей западной Европѣ. „Нелѣпости надъ которыми ваше величество смѣетесь, писалъ Екатеринѣ извѣстный докторъ Циммерманъ, практикуютъ въ Германіи общества столь многочисленныя и грозныя что у насъ надо имѣть много смѣлости чтобы смѣяться надъ ними. Человѣкъ который бы вывелъ ихъ въ Германіи на сцену былъ бы побитъ ка-

меньями.“ И то же самое было въ Парижѣ: увлеченію шарлатанствомъ Сенъ-Жермена и Каліостро не было предѣловъ; послѣдній изъ нихъ, пишетъ Циммерманъ, обѣщалъ привести къ кардиналу Рогану Юлія Цезаря на ужинъ, а Клеопатру на ночь; и весь Парижъ, даже самъ кардиналъ увѣренъ что все обѣщанное было исполнено.

Могутъ сказать что подобныя шарлатанства не имѣютъ ничего общаго съ масонствомъ, какъ религіозно-мистическимъ и филантропическимъ ученіемъ. Это справедливо, но ученіе масоновъ допускало сношеніе живыхъ людей съ замогильнымъ міромъ, а въ природѣ признавало множество таинственныхъ силъ, съ помощью коихъ считалось возможнымъ дѣлать золото и алмазы, такъ что масонству трудно отдѣлаться отъ солидарности съ шарлатанствами подобными названнымъ. Одинъ изъ нихъ, Каліостро, пробрался въ 1780 году и въ Петербургъ и имѣлъ тамъ большой успѣхъ: „Онъ, говоритъ г. Лонгиновъ, вызывалъ духовъ и тѣни умершихъ, дѣлалъ разныя алхимическіе фокусы и т. п., чѣмъ обольщалъ людей легковѣрныхъ и жаждавшихъ обогащенія.“ Къ такимъ людямъ принадлежали между прочимъ И. П. Елагинъ и, по замѣчанію г. Грота, графъ А. С. Строгановъ, люди весьма близкіе Екатеринѣ. Въ то же время въ Москвѣ начинаются большія пожертвованія въ пользу тѣхъ же масоновъ, къ которымъ, какъ полагали, принадлежалъ и Каліостро; на пожертвованныя деньги покупаются огромные дома, заводятся типографіи (и отчасти типографіи негласныя), изъ которыхъ рѣкой текутъ книги страннаго содержанія и даже со странными заглавіями, какъ-то: *Хризамандеръ*, *Иліотропіонъ*, *Химическая псалтырь*. Лица принимающія участіе во всѣхъ этихъ занятіяхъ отправляются за границу по какимъ-то неизвѣстнымъ дѣламъ, забирая нерѣдко съ собою значительныя суммы.... 7го октября 1785 года императрица повелѣла обревизовать всѣ московскія школы, чтобъ удостовѣриться не преподаютъ ли въ нихъ „суевѣріе и обманъ“, а нѣсколько недѣль спустя, подвергнуть цензурѣ всѣ московскія изданія; 11го января слѣдующаго года, Новиковъ, глава московскихъ масоновъ, долженъ былъ явиться къ митрополиту для исповѣданія своихъ религіозныхъ убѣжденій, и въ томъ же мѣсяцѣ послѣдовалъ указъ императрицы, въ которомъ московскіе масоны названы были „скопищемъ новаго

---

[1] Соч. *Державина*, т. I, 245.

раскола", что повторено было и въ мартѣ, съ приказаніемъ остановить продажу нѣкоторыхъ книгъ изданныхъ масонскими типографіями. * Масонамъ не было еще запрещено собираться, но они сами увидѣли что собранія ихъ могли бы вѣроятно повести къ дальнѣйшимъ непріятностямъ и перестали собираться.

Въ это же время на масоновъ обрушилось и литературное гоненіе со стороны Екатерины. 2го января 1786 года представленъ былъ въ первый разъ *Обманщикъ*, 2го февраля *Обольщенный*, и въ іюнѣ Екатерина принялась за *Шамана Сибирскаго*. Во всѣхъ этихъ трехъ піесахъ мы встрѣчаемъ личность которая съ помощью различныхъ шарлатанствъ и продѣлокъ обманываетъ простаковъ и обогащается на ихъ счетъ: въ *Обманщикѣ* такая личность есть Калифалкжерстонъ, подъ коимъ слѣдуетъ подразумѣвать Каліостро. ** Этотъ шарлатанъ представленъ проживающимъ въ градѣ Св. Петра, въ домѣ нѣкоего добряка Самблина. *** Екатерина не поскупилась на краски чтобы выставить въ смѣшномъ видѣ и своего героя и его жертву; вотъ сцена въ которой первый изъ нихъ впервые является предъ читателемъ. Онъ входитъ въ комнату, дѣлая видъ что не замѣчаетъ находящагося тутъ одного молодаго человѣка.

Калифалкжерстонъ въ задумчивости ходитъ и разсуждаетъ руками будто декламируя.

Додинъ. Близко его стоять опасно: зашибетъ.

(*Калиф. продолжаетъ руками говорить съ жаромъ.*)

Додинъ. Что-то у него на сердцѣ лежитъ?

(*Калиф. пантомиму ведетъ веселую.*)

Додинъ. Чему онъ такъ обрадовался?

(*Калиф. пантомиму ведетъ печальную.*)

Додинъ. Откуда взялась послѣ радости такъ скоро печаль?

(*Калиф. кланяется на обѣ стороны*)....

Воображая что этими пантомимами озадачилъ Додина, шарлатанъ вступаетъ съ нимъ въ разговоръ и узнаетъ что тотъ

---

* *Новиковъ и Мартинисты* гл. VIII.

** См. письмо Екатерины къ Циммерману отъ 10го (21го) янв. 1786.

*** Этотъ Самблинъ не есть ли каррикатура И. П. Елагина, въ домѣ котораго и проживалъ, по свѣдѣніямъ г. Лонгинова, Каліостро во время пребыванія въ Петербургѣ?

желалъ бы познакомиться съ хозяиномъ дома, въ дочь котораго онъ влюбленъ. „Коли хочешь, говоритъ ему Калифалкжерстонъ, я тебя представлю; спроси у него, онъ тебѣ скажетъ кто я таковъ.... Я малые алмазы передѣлываю большими иногда для своей забавы. Напримѣръ бездѣлушка которая у тебя на рукѣ, перстень буде мнѣ отдашь, я тебѣ его возвращу величиною втрое противу того какъ онъ теперь, лишь прибавь на сто червонцевъ чистаго золота.“

Додинъ догадывается, разумѣется, съ какимъ человѣкомъ имѣетъ дѣло и охотно отдаетъ ему перстень. Впрочемъ ему скоро представляется случай убѣдиться что плутъ дѣйствительно можетъ быть ему полезенъ. Является Самблинъ,— лѣнивый, жирный, добродушный помѣщикъ прежняго времени, одѣтый, надо думать, не иначе какъ въ халатъ. Онъ спрашиваетъ у своего „друга *Калифакушки*“ съ кѣмъ онъ разговаривалъ?—Съ Александромъ Великимъ, отвѣчаетъ этотъ молодецъ. „Я его зналъ когда онъ завоевалъ Персію; онъ тогда прошелъ съ войскомъ сквозь мои мѣстности. Я ему поднесъ анкерокъ вина моего винограда, который ему столько понравился что на три дни остановился въ моемъ домѣ съ своими генералами, пилъ и ѣлъ со мною вмѣстѣ и послѣдній вечеръ пьяненько всталъ изъ-за стола“.... Да не сочтутъ эту черту каррикатурною и преувеличеніемъ: знаменитые шарлатаны XVIII вѣка, Каліостро и Сенъ-Жерменъ, выдавали себя за людей *безъ лѣтъ* и говорили объ историческихъ лицахъ древности какъ о старыхъ своихъ знакомцахъ. Дѣло въ томъ что, по словамъ Калифалкжерстона, Александръ Македонскій приходилъ просить его принять подъ свое покровительство потомка его, Александровой, кормилицы Олимпіады, каковой потомокъ есть, какъ читатель догадался, никто иной какъ Додинъ.

Помощію услугъ, подобныхъ оказанной этому молодому человѣку, помощію ловко вывѣдываемыхъ семейныхъ тайнъ и т. п., Калифалкжерстонъ овладѣлъ умами всего семейства Самблиныхъ. Самъ Самблинъ только что не молится на него и охотно отдаетъ ему и золото и алмазы, твердо убѣжденъ будучи что тотъ растопитъ ихъ и возвратитъ въ удесятеренномъ объемѣ. Разумѣется шарлатанъ кладетъ золото и алмазы въ карманъ и однимъ прекраснымъ утромъ пускается за границу. Его впрочемъ ловятъ, и возвращаютъ простаку все его имущество.

Въ *Обольщенномъ* Екатерина желала изобразить иной видъ шарлатанства бывшаго тогда въ ходу. Калифалкжерстонъ есть ловкій, бойкій, развязный, находчивый плутъ, подобный знаменитому Коліостро, а Самблинъ, добрякъ, довѣряющій его искусству на слово и жаждущій только философскаго камня, чтобы поправить дѣла свои, но не имѣющій ни малѣйшей претензіи проникнуть въ тайны алхиміи; напротивъ, въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ комедіи *Обольщенный*, Радотовѣ, изображенъ человѣкъ который самъ увлекся таинственнымъ ученіемъ мистиковъ и сдѣлался фанатикомъ этого ученія. Вотъ нѣсколько чертъ которыми Екатерина рисуетъ эту личность: „Недавно, говоритъ своему брату жена Радотова, когда ты былъ боленъ, я пришла ему сказать что жаръ умножается и находятъ въ тебѣ врачи опасности, онъ мнѣ на то сказалъ: „радуюсь тому весьма!“ Я заплакала, а онъ старался меня увѣрить что болѣзнь есть самое благое состояніе.“ Britягинъ, братъ Радотовой, дивится такому странному образу мыслей и тому что его зять вообще „всякому худу радъ,“ а она продолжаетъ: „На прошедшей недѣлѣ пропали у насъ часы со стола, да у меня табатерка; пришли ему про то сказать, а онъ съ улыбкой молвилъ только: „хорошо; кому ни есть годится.“ Вообще, заключаетъ госпожа Радотова, положеніе мужа меня тревожитъ: „углубясь въ мысляхъ, сидитъ на стулѣ; предъ нимъ на столѣ лежитъ раскрытая книга; читаетъ ли онъ, или нѣтъ, того я не знаю, но когда я вхожу, онъ меня не слышитъ и не видитъ, и нахожу его обыкновенно глаза утупя на одномъ мѣстѣ, недвижимъ, точно аки написанъ на картинѣ.“ Но вотъ и самъ этотъ оригиналъ является предъ читателемъ, сопровождаемый Бритягинымъ.

Бритягинъ. Позволь мнѣ сказать по старой дружбѣ: весь домъ свой приводишь ты въ печаль, въ уныніе.

Радотовъ. Быть-можетъ.

Бритягинъ. Не понимаю что̀ тебя привело въ такое положеніе?

Радотовъ. Я въ счастливомъ самомъ состояніи.... я въ бездахъ самыхъ лучшихъ.... Для меня теперь хотя.... жена, дѣти, родня, друзья—умри, все сіе меня не тронетъ болѣе какъ эт (*щелкаетъ пальцами*).

А вотъ отрывокъ изъ другой сцены между тѣми же лицами.

Радотовъ. Напрасно ты стараешься отвратить мой умъ отъ пути гдѣ пишутъ не читая.

Бритягинъ. Позволь спросить, нужно ли для тебя, для общества, когда одинъ говоритъ что̀ съ кѣмъ, чтобъ другой разумѣлъ его слова?

Радотовъ. Суетно чинишь вопросъ.

Бритягинъ. Я изрѣченій твоихъ отнюдь не разумѣю.

Радотовъ. Собери ихъ самъ и учини изъ нихъ составъ.

Бритягинъ. Я начинаю думать что ты шутишь....

Радотовъ. Не до того мнѣ нынѣ; я иду имѣть сообщеніе съ равными со мною необходимостями!

Дѣло въ томъ что Радотовъ окруженъ цѣлою шайкой плутовъ, которые его эксплуатируютъ. Имъ удалось не только его самого *довести до чортиковъ*, но и одурманить и его дочь Таису. Вотъ ея разговоръ съ горничной:

Прасковья. У васъ поясъ всегда непремѣнно одинъ: такъ ли вамъ нравится, либо кроется въ немъ какая сила отъ меня закрытая?

Таиса. Ты ничего не знаешь и понимать съ трудомъ будешь причины и качества къ оному привязанныя, и что̀ въ цвѣтѣ голубомъ замыкается.

Праск. Любопытна я, чему быть такому?

Таиса. Любопытство подвигъ (шагъ) первый есть къ узнанію; статься-можетъ что когда-нибудь удостоишься получить лучъ свойствъ къ седьми поясамъ привязанный.... Что̀ дѣлаешь около свѣчи?

Праск. Я оправляю свѣчу. Бабочка крыльями было ее погасила.

Таиса. Ахъ, что̀ ты это надѣлала?!

Праск. Ничего.... я бабочку сберегла чтобы не обожгла крылья.

Таиса. Отнюдь не понимаешь какую бѣду ты, можетъ-быть, тутъ сотворила, и что бабочка есть душокъ которому пламенемъ надлежало очищаться.

Въ *Обольщенномъ* обманщики остаются большею частію за сценой, но вліяніе ихъ обнаруживается гораздо глубже чѣмъ въ предыдущей піесѣ; они прибавляютъ къ шарлатанству лицемѣріе и особый родъ ханжества. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ даетъ своему пріятелю, желающему понравиться Радотову, слѣдующія наставленія:

Бармотинъ. Снаружи старайся казаться смиренъ, тихъ, скроменъ... Повадиться ты долженъ еще отнынѣ глазами никуда не глядѣть.... Очи возвести ты можешь иногда на потолокъ, либо смиренно опускай ихъ на землю.

Брагинъ. А направо или налѣво глядѣть нельзя?
Барм. Нѣтъ.
Браг. Что жь бы за причина?
Барм. Чтобы не соблазниться.
Браг. Неужто непремѣнно по бокамъ отведены соблазну мѣста?
Барм. Боковой взглядъ наипаче есть какъ лукавъ.

У Радотова, также какъ у Самблина, друзья его берутъ червонцы и брилліанты съ тѣмъ чтобы добывать философскій камень; но люди которые его эксплуатируютъ „въ намѣреніи имѣютъ постоянно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ-то школы, больницы и тому подобное, и для того стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ“. Эта черта несомнѣнно схвачена изъ дѣятельности московскихъ мартинистовъ, которые дѣйствовали именно такимъ образомъ, хотя кажется и не со своекорыстными намѣреніями.

Вообще комедія *Обольщенный* захватываетъ предметъ гораздо глубже чѣмъ *Обманщикъ*, что находила и сама Екатерина. Напротивъ того, въ *Шаманѣ Сибирскомъ*, мысль которою задалась Екатерина развита довольно слабо. Екатерина изобразила въ этой піесѣ семейство только-что пріѣхавшее въ Петербургъ изъ Иркутска, которое привезло съ собою между прочимъ, какого-то инородца шамана. Мужъ и жена Бобины увѣрены что онъ обладаетъ искусствомъ лѣчить одному ему извѣстными средствами и рекомендуетъ его съ этой стороны своимъ знакомымъ. Но Амбанъ-лай,—таково имя Сибиряка,—великій шарлатанъ и плутъ; онъ устраиваетъ дѣла свои подобно Калифалкжерстону угождая слабостямъ и вкусамъ своихъ покровителей; довѣріе же къ своему врачебному искусству и къ шаманскому всемогуществу онъ поддерживаетъ помощію разныхъ чудачествъ, кривляній и юродства. Какъ бы то ни было, но слава о немъ мгновенно распространяется въ Петербургѣ, и дворъ гдѣ квартируютъ Бобины осажденъ любопытными. Но предчувствуя что мода въ отношеніи его скоро пройдетъ, онъ забираетъ у довѣрчивыхъ людей сколько возможно болѣе денегъ и пытается бѣжать. Таковъ сюжетъ *Шамана*. Онъ могъ бы быть разработанъ гораздо эффектнѣе и сдѣлаться яркою сатирой на людей легко поддающихся всякому шарлатанству; но для этого слѣдовало бы болѣе вдуматься въ сюжетъ, а не ограничиться фарсами

болѣе или менѣе забавными, но заключающими въ себѣ мало настоящаго комизма.

Какъ бы то ни было однако *Обманщикъ*, *Обольщенный* и *Шаманъ* въ своей совокупности представляютъ довольно яркую и не лишенную таланта сатиру на масонство.

VII.

Въ концѣ 1787 года, политическій горизонтъ Россіи сильно помрачился. Турція объявила намъ войну; отношенія наши къ Польшѣ и Пруссіи были въ высшей степени натянуты; образъ дѣйствій Англіи былъ чрезвычайно подозрителенъ, и наконецъ лѣтомъ 1788 года, Густавъ III, король шведскій, вторгнулся въ наши финляндскія владѣнія. Онъ оправдывалъ свое вторженіе военными приготовленіями которыя производились въ Кронштадтѣ, и которыя будто бы угрожали Швеціи; но онъ могъ и долженъ былъ знать что эти приготовленія дѣлались въ виду войны съ Турками, да и невозможно было предполагать чтобъ Екатерина, въ затруднительныхъ своихъ обстоятельствахъ, вздумала вызывать противъ себя новыхъ непріятелей безъ всякаго съ ихъ стороны повода. Желаніе воспользоваться этими затруднительными обстоятельствами было со стороны Густава очевидно. Онъ не только дѣлалъ приготовленія къ походу, но вывелъ свой флотъ, сдѣлалъ высадку въ Финляндіи и перешелъ русскую границу, не объявляя еще войны и не спрашивая, какъ бы слѣдовало по шведской конституціи, согласія сейма на разрывъ съ Россіей. Все это произвело весьма сильное неудовольствіе въ средѣ шведскаго и финляндскаго дворянства, изъ коихъ первое было и безъ того недовольно насильственнымъ измѣненіемъ конституціи, которое произвелъ въ 1772 году Густавъ, въ ущербъ политическому значенію высшихъ классовъ, а финляндское дворянство, въ середѣ котораго была сильная партія стремившаяся къ отдѣленію отъ Швеціи, рѣшилось воспользоваться настоящими обстоятельствами и войти въ сношенія съ русскимъ правительствомъ.

Такимъ образомъ Екатерина могла разчитывать на союзниковъ между подданными своего противника. Тѣмъ не менѣе коварство его и можетъ-быть еще болѣе его похвальбы при началѣ войны,—говорятъ, онъ приглашалъ стокгольмскихъ дамъ,

прощаясь съ ними, на балъ въ Зимнемъ Дворцѣ,—сильно раздражило Екатерину, а неудачи которыя не замедлили послѣдовать за этими похвальбами сообщили сатирическое направленіе этому раздраженію. Еще при самомъ началѣ войны, въ офиціальномъ отвѣтѣ ея на манифестъ короля Шведскаго проглядывалъ сатирическій оттѣнокъ *; она называла его „соревнователемъ Донъ-Кихота“, въ письмѣ къ союзнику своему Іосифу II; когда ей же сдѣлалось извѣстно что какъ шведскіе такъ и финляндскіе офицеры формально заявили о своемъ намѣреніи не обнажать оружія; когда Густавъ очутился какъ бы въ плѣну у арміи своей, и похвальбы его кончились такимъ комическимъ фіаско, то Екатериной овладѣло непобѣдимое желаніе осмѣять своего противника **. Еще колеблясь между тревогой и надеждой, только-что получивъ шведскій манифестъ, именно въ концѣ іюля 1788 года, она начала писать комическую оперу *Кославъ*, гдѣ изображались военные сборы Густава. „Не знаю какъ кончу, сказала она Храповицкому; вчера только написала чтобъ разбить мысли.“ Эта піеса и дѣйствительно не была кончена, но Екатерина принялась за другую, тоже внушенную шумными приготовленіями короля Шведскаго и хвастовствомъ первыхъ его военныхъ бюллетеней. Первоначально эта піеса была названа *Marton et Crispin*, а потомъ переименована *Les voyage de Mr. Bontemps*. Это коротенькая піеска изъ рода тѣхъ которыя во французскомъ репертуарѣ носятъ названіе *proverbes*,—пословицъ,—піеска очень игривая и остроумная, безъ всякаго впрочемъ сюжета, больше ничего какъ рядъ сценъ, заключающихъ въ себѣ разказъ разбитнаго слуги Криспена, какими обиловали комедіи прошлаго вѣка, о небывалыхъ странствованіяхъ и небывалыхъ сраженіяхъ своего господина, Бонтана. Старуха тетка Бонтана слушаетъ эти розказни и дивится, а ея служанка, Marton, ими забавляется, пока не приходитъ Бонтанъ отецъ, очень недовольный безпутнымъ поведеніемъ своего сына, и не прогоняетъ разкащика съ помощью палки. Кажется что мысль изобразить слугу-вруна въ родѣ Криспена прихо-

* См. объ этомъ гл. VII статьи *Екатерина какъ писательница* (*Заря* 1870).

** Макаровъ (*Реперт.* 1844) говоритъ что *Бославичъ* былъ написанъ на Густава III, но это очевидно неправда, потому что эта опера кончена была слишкомъ за два года до разрыва съ Швеціей.

дила Екатеринѣ еще раньше. Храповицкій отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ подъ 31мъ іюля 1787 года: „примѣтилъ что пишутъ *Вруна*, комедію", и подъ 4мъ августа: „читали мнѣ первый актъ комедіи; *тутъ слуга врунъ.*" Но эта комедія не была окончена, а въ слѣдующемъ году *Врунъ* понадобился чтобы посмѣяться надъ шведскими реляціями. Дѣйствительно, военные бюллетени Густава III, наполненные похвальбой по поводу успѣховъ одержанныхъ имъ будто бы надъ русскими кораблями, при открытіи кампаніи 1788 года, вызывали насмѣшку. Эти успѣхи состояли въ томъ что, „приблизясь безъ объявленія войны къ Финляндскимъ берегамъ, шведская эскадра захватила одно русское судно съ провіантомъ и другими вещами, да одинъ офицеръ и два солдата, безоружные, выѣхавшіе на лодкѣ для принятія лѣсной команды, застрѣлены;" * почти одновременно съ тѣмъ, близь Ревеля взяты Шведами два русскіе фрегата находившіеся на крейсерствѣ. ** Оба эти случая, доказывающіе прежде всего неожиданность нападенія со стороны Густава, подали ему поводъ къ пышной реляціи, а Екатеринѣ — къ слѣдующей сценѣ, въ *Voyages de Mr Bontemps*, между Криспеномъ, Мартою (Marton), г-жей дю-Пуа, теткой Бонтана, и самимъ Бонтаномъ.

Криспенъ. Вы еще болѣе полюбили бы своего племянника, еслибъ вамъ были извѣстны всѣ его военные подвиги.

Бонтанъ (Криспену). Молчи, бездѣльникъ (maroufle)!...

Г-жа дю-Пуа. Военные подвиги! военные подвиги! Дай же обнять себя, племянничекъ, еще разъ за твои военные подвиги. Я люблю ихъ до безумія!

Бонт. Уфъ!

Марта (Криспену). А ты тоже дѣлалъ военные подвиги?

Криспенъ. Я? О, кучу!

Г-жа дю-Пуа. Такъ ты видѣлъ непріятеля, дорогой племянничекъ? Это прелестно!

Бонтанъ. Не совсѣмъ, тетушка.

Марта. Что̀ жь, этотъ непріятель былъ очень страшенъ?

Криспенъ. Непріятель! непріятель!... Кто жь нынче станетъ имѣть съ нимъ дѣло? Да и гдѣ найти его? Онъ на краю свѣта; за нимъ далеко ходить; онъ тотчасъ же пускается на утекъ какъ завидитъ насъ.

Марта. Такъ что̀ жь вы дѣлали?

Криспенъ. Что̀ мы дѣлали? Вотъ вопросъ! Мы гонялись за

---

* *С.-Петерб. Вѣд.* 30го іюня 1788.

** *Записки Храпов.*, подъ 1мъ іюля 1788.

нимъ какъ лягавыя собаки, по слѣду, но никого не видя, и мнѣ все хотѣлось гаркнуть *улю-лю* для полнаго сходства.

. . . .

Марта. Ну, а когда онъ былъ близко что̀ ты дѣлалъ?

Криспенъ. Тогда я отступалъ, посвистывая.

. . . .

Г-жа дю-Пуа. Какъ, вы служили тоже и на морѣ?

Криспенъ. Даже въ воздухѣ и огнѣ: всѣ четыре элемента огласились громомъ нашихъ геройскихъ подвиговъ.

Марта. Полно врать, Криспенъ.

Криспенъ. Исчезни, невѣжественная женщина! Демонъ войны заговорилъ во мнѣ.

Марта. Мнѣ кажется что ты все лжешь.

. . . .

Г-жа дю-Пуа. Марта, не мѣшай ему.

Криспенъ. Вотъ это дѣло.... Во-первыхъ, мы отправились на прекрасномъ кораблѣ, на которомъ было, помнится, двѣ мачты и одно весло... Такъ плыли мы по волѣ вѣтровъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега мы видимъ непріятельское судно, которое держитъ на насъ.

Марта. Вотъ и сраженіе!

Криспенъ. Нашъ кормчій тотчасъ же становится на̀-вѣтеръ, и мы съ размаха ударяемся въ бортъ нашего непріятеля.

Г-жа дю-Пуа. Ну, что̀ жь онъ?

Криспенъ. Онъ сію же минуту сдѣлалъ какъ бы скачокъ назадъ и пошелъ ко дну, а мы на всѣхъ парусахъ двинулись черезъ трупъ нашего дерзкаго непріятеля, который и погребенъ въ пучинахъ моря.

Марта. Ну, во всемъ этомъ я еще не вижу большой храбрости съ вашей стороны.

Криспенъ. Погоди немножко, и до храбрости дойдетъ очередь.

Марта. Да вѣдь корабль ужь на днѣ.

Криспенъ. Баба ты нетерпѣливая, вотъ что̀! Команда потонувшаго корабля уцѣпилась за нашъ киль, понимаешь? Она тянетъ насъ къ себѣ, а мы ее тянемъ къ себѣ. Нѣсколько разъ думали: на дно идемъ! По счастью, они, то-есть непріятели, догадались вскарабкаться, — точно кошки, право! — и на абордажъ! Окруженные со всѣхъ сторонъ, мы кидаемся къ оружію. Вотъ тутъ уже началось сраженіе.... Бой отчаянный! Сражаясь, мы подплыли къ самому порту; тутъ насъ розняли. Мы держали ихъ крѣпко за воротъ; я одинъ имѣлъ дѣло съ тремя врагами: одинъ уцѣпилъ меня за ногу и по одному за каждую руку. *

* Хотя *Les Voyages de Mr. Bontemps* переведена на русскій языкъ дважды, но оба эти перевода такъ устарѣли по языку что я счелъ нелишнимъ перевести заново приведенную сцену.

Между тѣмъ мысль Екатерины зрѣла. Густавъ представлялся ея воображенію въ видѣ пародіи на витязя древнихъ русскихъ сказокъ; она вспомнила о какой-то сказкѣ которую она слышала нѣкогда отъ Григорія Орлова и которая называлась, казалось ей, *Фуфлыга-богатырь*. Храповицкій получилъ приказаніе отыскать эту сказку, но конечно не могъ, такъ какъ ея не существуетъ. Вѣроятно отыскана была какая-нибудь другая, изъ которой Екатерина составила оперу *Горе-богатырь Косометовичъ*, „прибавя къ ней histoire du tems". * Въ *Горе-богатырѣ* мы не найдемъ той игривости которою отличается разказъ Криспена, по крайней мѣрѣ въ подлинникѣ; за то замыселъ въ этой піесѣ несравненно шире. Вотъ ея содержаніе: Арзамасскій житель Косометъ (названный такъ потому что плохо игралъ въ бабки), умирая, оставилъ сына Горе-богатыря, который упражняется лишь въ лакомствѣ и игрѣ въ свайку, также впрочемъ неудачно какъ отецъ его въ бабки. Подобно Февею, на него нападаетъ охота „людей посмотрѣть и себя показать". Локмета, его мать, колеблется, но наконецъ отпускаетъ его въ путь-дорогу, приставя къ нему надежнѣйшихъ между своими слугами, Кривомозга, Торопа и Громкобая. Очень довольный, Горе-богатырь благодаритъ „барскихъ барынь" своей матери, за то что онѣ ее уговорили, и обѣщаетъ когда „завладѣетъ Океаномъ-моремъ" сдѣлать для нихъ пиръ на берегу того Океанъ-моря,—явный намекъ на обѣщаніе Густава сдѣлать въ Петербургѣ балъ для стокгольмскихъ красавицъ. Горе-богатырь снаряжается въ путь. Онъ идетъ на конюшню чтобы выбрать себѣ коня. Одинъ изъ нихъ и близко его не подпускаетъ; осѣдлали другаго. „Горе-богатырь ногу поставилъ въ стремя, какъ-то неосторожно толкнулъ коня ногой въ бокъ; конь былъ щекотливъ,—кинулся на правую сторону, а Горе-богатырь упалъ на другую." Совершенно подобный случай былъ съ Густавомъ въ Гельсингфорсѣ, куда онъ пріѣзжалъ за нѣсколько лѣтъ до войны чтобы видѣться съ Екатериной,—это опять намекъ на дѣйствительность. По счастью, на родительской конюшнѣ нашлась „мезенская кляча съ ходою" (иноходью), и Горе-богатырь „пожаловалъ ее въ богатырскіе кони". Потомъ онъ идетъ въ кладовую чтобы выбрать

* *Записки Храповицкаго* по 29 іюля. 17 авг. 21, 27, 28 авг. и 11 сент. 1788.

себѣ доспѣхи. Онъ примѣряетъ доспѣхи Еруслана Лазаревича, но едва не весь уходитъ въ шишакъ этого богатыря (намекъ на желаніе Густава подражать Карлу XII); пробуетъ мечъ Ивана Архидѣича, но едва поднимаетъ его обѣими руками; а потому онъ приказываетъ укоротить и, кстати, перековать его по своей рукѣ, а также и „палицу двѣнадцатипудовую Петра-золотыхъ-Ключей"…. Кривомозгъ качаетъ головой слушая эти приказанія и говоритъ про себя: „Переломаетъ онъ всю сбрую богатырскую и со всѣмъ тѣмъ она еще ему не по силѣ и не по нраву будетъ." Поэтому онъ предлагаетъ молодому витязю сдѣлать доспѣхи изъ картузной бумаги; а „вмѣсто шишака со ржавчинами, говоритъ онъ, сошьемъ тебѣ косую пушистую шапочку на хлопчатой бумагѣ, съ журавлиными перьями разныхъ цвѣтовъ, и ты будешь казистъ и зѣло лѣпенъ." Горе-богатырь, весьма довольный этимъ, поетъ:

На иноходцѣ ѣду буромъ
Въ пушистой шапочкѣ своей,

а Торопъ прибавляетъ:

А я тащуся на кавуромъ
Во слѣдъ за милостью твоей.

И вотъ юный витязь въ чистомъ полѣ. Кривомозгъ ѣдетъ впереди и составляетъ „передовую стражу", а Торопъ слѣдуетъ сзади, въ сторожевыхъ. Вдругъ вдали „пыль не пыль, дымъ не дымъ". Путники сворачиваютъ въ сторону и наѣзжаютъ на какую-то избушку. Горе-богатырь, почувствовавъ голодъ, хочетъ штурмовать эту избушку; но живущій въ ней старикъ останавливаетъ его и говоритъ: „На богатыря ты не схожъ, и угрозъ твоихъ не боюсь, и хотя у меня одна только рука, однако противу такого рыцаря какъ ты еще противиться могу." Съ этими словами, онъ становится въ оборонительную позицію и ухватомъ принуждаетъ Горе-богатыря съ его свитой ретироваться. Эта каррикатурная сцена должна была напоминать современникамъ о неудачной осадѣ Густавомъ ничтожнаго Нейшлотскаго зáмка и о твердости тамошняго коменданта Баранова. Въ одной рукописной исторіи Шведской войны 1788, составленной современникомъ и принадлежащей библіотекѣ Московскаго Публичнаго музея, находится слѣдующее извѣстіе: „Нѣсколько немолотой ржи было все то что̀ могли въ оный (Нейшлотскій зáмокъ) ввезти, а Шведы между тѣмъ уже начали истреблять офицеровъ таможенныхъ

и инвалидныхъ, бѣгущихъ для своего спасенія въ замокъ съ нѣсколькими жителями, гдѣ были приставы казенныхъ дѣлъ и небольшое число солдатъ гарнизона, надъ коими командовалъ старый комендантъ, безъ руки, Барановъ, коему какъ король чрезъ вѣстника прислалъ требовать о сдачѣ, отвѣтъ былъ его, что хотя и *лишенъ онъ одной руки*, но другая у него осталась на оборону замка, котораго не сдастъ, но скорѣе со всѣми едиšною покрытыми защитниками дастъ себя погребсти подъ развалинами."

Между тѣмъ Торопъ и Кривомозгъ соскучились своею ролью пѣстуновъ надъ юнымъ витяземъ. Испуганный ихъ разказами объ ожидающихъ впереди опасностяхъ „отъ лѣшихъ, медвѣдей и костоглотовъ", Горе-богатырь возвращается въ Арзамасъ, гдѣ встрѣчаетъ пріисканную между тѣмъ для него невѣсту Гремилу Шумиловну. Эта молодая особа „была одѣта въ ферязяхъ и въ обручахъ и тресилахъ, и нарядъ ея блисталъ какъ солнечные лучи, и все около нея гремѣло и шумѣло, даже до луговокъ на тѣлогрѣѣ, къ которымъ привѣшены были кисточки дорогой работы и въ каждой кисточкѣ куранты играли". Возвращеніе молодаго богатыря возвѣщается трубными звуками; „мать его встрѣтила съ радостію, и всѣ его встрѣтили съ великимъ любопытствомъ, и онъ разказы разказывалъ безконечные о своихъ богатырскихъ подвигахъ".

Послѣднія строки, равно какъ описаніе Гремилы Шумиловны, приведены здѣсь не изъ оперы, а изъ фабулы или *Сказки о Горебогатырѣ Косометовичѣ*, которая была напечатана вмѣстѣ съ оперой. Выше сказано что занятая желаніемъ осмѣять Густава III, Екатерина вспомнила какую-то сказку о Фуфлыгѣ-богатырѣ, о которой ей нѣкогда говорилъ будто бы князь Орловъ. Такой сказки не могли найти; Екатерина, не взирая на то, принялась писать свою оперу; только имени она долго не могла придумать своему герою; наконецъ оно было придумано; 26го ноября 1788 года Храповицкій отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „Предъ извѣстною оперой рѣшились напечатать сказку о Горе-богатырѣ Косометовичѣ, которую и началъ я тотчасъ же переписывать." Начатая наконецъ работа пошла быстро, она была кончена 7го декабря. Какъ эта сказка, такъ и сдѣланная изъ нея опера написаны сполна рукой Екатерины, но куплеты сочинены Храповицкимъ. * Темы для этихъ куплетовъ

* Этотъ любопытный подлинникъ принадлежитъ Н. В. Сушкову.

по большей части указывались авторомъ; когда же Храповицкій пускался въ изобрѣтенія самъ, то это оказывалось иногда неудачнымъ. Такъ напримѣръ онъ сочинилъ было, подъ вліяніемъ собственнаго вдохновенія, слѣдующіе стихи, вложенные имъ въ уста пѣстуновъ Горе-богатыря:

Единой храбростью своею
Сломать себѣ всякъ можетъ шею:
Не будь на храбрость тароватъ,—
Во вѣкъ не будешь виноватъ.

Этотъ куплетъ должны были пѣть люди не грѣшившіе храбростію; но Екатерина нашла что ни въ чьихъ устахъ храбрость не должна подвергаться насмѣшкѣ и отрицанію, а потому и приказала замѣнить приведенное четырестишіе другимъ. *

Горе-богатырь былъ поставленъ первоначально на сценѣ Эрмитажнаго театра; 28го декабря 1788 года происходила проба перваго акта, но за болѣзнію нѣкоторыхъ актеровъ, представленіе было отложено на цѣлый мѣсяцъ. 29го января она была представлена въ Эрмитажѣ въ присутствіи нѣсколькихъ особъ, между коими находились посланники французскій и цесарскій. Нѣтъ сомнѣнія что эта піеса, наполненная намеками на современность, произвела большое впечатлѣніе; Екатерина была довольна ею и отъ времени до времени приказывала повторять ее. Она была расположена дозволить представленіе этой піесы и на публичномъ театрѣ, но, какъ полагаютъ, ее отклонилъ отъ этого намѣренія Потемкинъ, опасавшійся неудовольствія со стороны дипломатическаго корпуса: поэтому разрѣшено было поставить *Горе-богатыря* лишь на московской публичной сценѣ.

VIII.

Теперь намъ слѣдовало бы обозрѣть довольно многочисленную группу піесъ Екатерины, — *частію русскихъ, а частію французскихъ*,—ея *пословицы* (proverbes). Такихъ пословицъ, за исключеніемъ *Les voyages de Mr. Bontemps*, уже помянутой выше, насчитывается шесть; а именно 1) *Un* tiens *vaut toujours*

Въ *Зап. Храповицк.* подъ 8мъ декабря 1788 г. отмѣчено: „Поднесъ всю оперу въ пяти актахъ; оставили у себя. Позвавъ послѣ прочтенія и сказано что хороши прибавки мои и стихи. Поцѣловалъ ручку."

* *Зап. Храпов.* подъ 6мъ декабря 1788.

mieux que deux tu l'auras, 2) *Le flatteur et les flattés*, 3) *Il n'ya point le mal sans bien*, 4) *La rage aux proverbes*, 5) *За мухой съ обухомъ*, 6) *За вздоръ пошлины не платятъ*. Всѣ эти шесть піесъ суть литературныя шутки. Изъ числа этихъ піесъ обѣ русскія никогда не были напечатаны, и намъ извѣстно о нихъ лишь то немногое что̀ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ Храповицкій. Въ первой изъ нихъ: *За вздоръ пошлины не платятъ*, принадлежитъ Екатеринѣ лишь окончаніе; начало было написано Мамоновымъ; неизвѣстно была ли она поставлена на какую-либо сцену. Что же касается другой изъ этихъ піесъ: *За мухой съ обухомъ*, то она была написана Екатериной, какъ уже сказано, по поводу ссоры затѣянной княгиней Дашковой съ Л. А. Нарышкинымъ за то что его свиньи зашли по сосѣдству въ ея огородъ. Піеса била княгиню, повидимому, не въ бровь, а въ глазъ, а потому Екатерина, когда Храповицкій поднесъ эту піесу переписанную, приказала ее отложить, съ тѣмъ чтобы сдѣлать нѣкоторыя исправленія, но потомъ забыла о ней, такъ что *За мухой* никогда не была ни играна, ни напечатана. Напротивъ того, французскія пословицы Екатерины дошли до насъ; всѣ онѣ находятся предъ нашими глазами, но мы затрудняемся сказать о нихъ что-нибудь. Онѣ иногда игривы и остроумны и больше ничего; о нихъ приходится повторить то что̀ Дмитріевъ сказалъ (съ большою скромностью) о своихъ сказкахъ:

Для сказки и того довольно,
Что слушаютъ ее безъ скуки, добровольно,
И можетъ иногда улыбку съ насъ сорвать.

IX

Затѣмъ намъ остается разсмотрѣть еще двѣ комедіи Екатерины: *Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями* и *Недоразумѣнія*. Это довольно большія пятиактныя піесы и содержаніе ихъ заимствовано, какъ въ „Ярославскихъ піесахъ“ Екатерины, изъ современной общественной жизни.

Панкратъ Собринъ, жена его, дочь ихъ Прелеста и сынъ Иванъ живутъ душа въ душу. Въ одной изъ первыхъ сценъ *Разстроенной семьи* авторъ сводитъ всѣхъ лицъ, причемъ

отецъ говоритъ дѣтямъ: „Теперь приспѣло время устроить Прелесту; за нее сватаются женихи. Изъ нихъ сходственнѣйшій kажется Добринъ. Онъ же Прелестѣ, kakъ мнѣ сказывала мать, не противенъ.“ Впрочемъ,—продолжаетъ онъ, обращаясь kъ дочери,—я приневоливать тебя не намѣренъ. Дѣвушkа объявляетъ что желаніе отца совершенно согласно съ влеченіемъ ея сердца: остается только назначить приданое. Собринъ тутъ же объявляетъ что опредѣляетъ ей такую-то деревню, столько-то денегъ наличными, и что онъ приторговываетъ домъ на ея имя. „Прочее мое имѣніе, Иванъ, оставляю тебѣ, говоритъ онъ; что выбыло (отдѣленіемъ сестрѣ), то службою ты паки, да и сверхъ того, нажить успѣешь. Денегъ я не имѣю. Буде же я умру до свадьбы сестры твоей, то ты, Иванъ, выполни мое обѣщаніе....“ Всѣ тронуты и выражаютъ чувства взаимной любви.

Между тѣмъ другъ Собрина, Предынъ, привозитъ kъ нему владѣльца дома который онъ хотѣлъ бы kупить для своей дочери. Этотъ господинъ называется Дворобродъ,—личность вокругъ kоторой обращается все дѣйствіе піесы. Вотъ сцена въ kоторой онъ впервые является предъ читателемъ:

Двороб родъ. Домъ мой, сударыня, дѣдовскій.

Собринъ. Продажа и kупля есть дѣло вольное; если своего не продаете, то стараться буду сыскать другой.

Двор. Какъ изволите; но подобнаго моему вы не сыщите во всемъ городѣ.

Предынъ. Почему же бы такъ?

Двор. Онъ построенъ со всякою осторожностію и весьма проченъ. . . . . По одно ли то.... въ немъ тьма выгодъ....

Пред. А напримѣръ, kakія?

Двор. Вопервыхъ, въ немъ сѣней множество и выходовъ не мало; второе: расположенъ онъ для семьи согласной.... (*Озирается на Собрина и его жену*). И также для семьи несогласной равно покойно.

Пред. Мудреное kakое расположеніе дома!

Двор. Однаkо же, сударь, вы, я чаю, со мною согласитесь что для семьи согласной немного нужно горницъ: мужу съ женой единый покой, для дѣтей другой, людскихъ избъ нѣсколько... Для семьи же несогласной все сіе вдвойнѣ назначить надлежитъ. Въ моемъ домѣ предусмотрѣны всѣ быть могущіе случаи: ссоры, драки и явный разрывъ.. и даже до того что еслибы kто, мужъ или жена, отъ несогласія, либо иного случая," ума рехнулись, то есть мѣсто гдѣ держать его или ее взаперти возможно.

Пред. (*смѣючись*). Болѣе того уже придумать трудно... Нѣтъ

чертежа вашему дому? Я бы любопытенъ былъ оный видѣть.

Дворoб. Нѣтъ, сударь, нѣтъ; я чертежа не покажу окромѣ тому кому домъ продамъ.

Пред. А для чего бы такъ?

Двороб. Такъ, сударь, такъ. (*Полуголосомъ на ухо Предыну:*) Въ немъ, сударь, много потаенныхъ выходовъ, кои иному знать кромѣ хозяина неприлично.

Пред. Если вы домъ вашъ не продаете, то для чего же вы со мной сюда пріѣхали? Я вамъ говорилъ что домъ вашъ, другъ мой, господинъ Собринъ, приторговать намѣренъ.

Двороб. Я не говорю чтобъ я не продалъ; я сказалъ что продамъ или не пoродамъ, смотря по обстоятельствамъ... Всякая вещь имѣетъ, сударь, свою цѣну.

Собринъ. А что же бы цѣны было вашему дому?

Двороб. Онъ мнѣ сталъ дорого: я его вычинилъ заново, а какъ онъ былъ готовъ, то понесъ я еще убытокъ, оттого что усмотрѣлъ—во второмъ жильѣ позабыта лѣстница по которой бы всходить можно было, и принужденнымъ нашелся проломать нѣсколько сводовъ для сдѣланія лѣстницы; она теперь только-что поспѣла и весьма хороша.

Между тѣмъ является Добринъ, увѣдомленный о согласіи родителей Прелесты на его предложеніе, и проситъ горничную доложить о немъ.

Въ эту минуту входитъ Дворабродъ.

Двороводъ. Увидѣвъ меня оба перестали говорить!... Не ко времени я сюда зашелъ, знатно?... Что же вы не договариваете?

Мавра. Для того что ужь все сказано, и сказать болѣе нечто.

Двороб. Не вовсе такъ, я чаю... Еще что ни на есть осталось недомолвленное.

Добринъ. Я спрашивалъ у ней могу ли я видѣть барыню и здорова ли она.

Двороб. Ахъ, какъ это хорошо выдумано и прилажено!... Да, да, видно въ чемъ дѣло состояло! (*Мавръ:*) А ты, мой свѣтъ, отчего закраснѣлась? На что передничкомъ играешь?... и ленточки подергиваешь?... не знаешь куда дѣвать глаза и руки?.. точно какъ будто оробѣла или желала бы закрыть тайну. Но Двораброда обманывать весьма трудно!

Прицѣлки Двороброда кончаются тѣмъ что оба его собесѣдника оставляютъ его. Мавра объявляетъ Добрину что его просятъ пожаловать и направляется было за нимъ, но потомъ поворачиваетъ въ другую сторону и уходитъ въ противоположныя двери, а Дворобродъ, который сплетничаетъ и ссоритъ всѣхъ не только потому что это ему пріятно или выгодно, но и потому что самъ вѣритъ своимъ подозрѣні-

ямъ, оставшись одинъ, говоритъ: „Пошла было за нимъ, но когда я ее поостановилъ, тогда, чтобы меня обмануть, она ушла въ другую сторону.“ Это черта особенно для насъ любопытная. Лицо занимающееся сплетнями и даже злыми сплетнями не составляетъ и не составляло въ описываемое время чего-либо новаго и оригинальнаго въ драматической литературѣ; этотъ же самый типъ слегка, но очень мѣтко набросанъ въ лицѣ Роданкура, въ *Un* tiens *vaut toujours mieux que deux* tu l'auras; но эта естественная потребность нѣкоторыхъ людей видѣть во всемъ зло, замѣчать одну лишь дурную сторону во всемъ и предполагать зло повсюду,—это несчастное и вредное свойство „вѣчно плачущихъ Маремьянъ“, какъ называла ихъ Екатерина, уловлено именно въ лицѣ Дворофрода и составляетъ его оригинальность. „Желаю, писала Екатерина Циммерману, посылая ему *Разстроенную семью,* чтобы вы почтили ее улыбкой и чтобы никогда не видали и не встрѣчали личности похожей вблизи или издали на этого Двороброда (*Hauslaufer'a*).“

Справедливость обязываетъ сказать однако что съ точки зрѣнія современной критики, типъ который очевидно интересовалъ Екатерину въ піесѣ и который постоянно возбуждалъ ея непріязнь въ дѣйствительной жизни, недостаточно развитъ. Онъ весь отразился въ вышеприведенной сценѣ его съ Добрынымъ и Маврой; дальнѣйшее изображеніе Двороброда есть, говоря вообще, лишь примѣненіе этой піесы къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ. Неужели человѣкъ такъ мрачно настроенный, такъ исполненный желчи и притомъ дѣятельный, пронырливый, всюду втирающійся, только сплетничаетъ и ничего инаго не дѣлаетъ?... Но такъ выходитъ по піесѣ Екатерина подмѣтила одну, и очень оригинальную черту извѣстнаго типа, но не весь типъ.

Въ комнату въ которой Дворобродъ остался по уходѣ своихъ собесѣдниковъ, входитъ Прелеста и объявляетъ что она ищетъ какую-то оброненную бумажку.

Дворобр. Бумажка! Я здѣсь не нашелъ ничего.... Правду сказать до меня были люди; они можетъ-быть подняли ваше писемцо.

Прелеста. Писемцо, сударь? Я писемца не обронила.

Дворобр. Что̀ же за бумажка?

Прелеста. Бумажка, сударь, съ блестками, которыя мнѣ надобны для моей работы.

Дворобр. Бумажка съ блестками! заподлинно ли такъ? Вы

нѣчто заикаетесь? . . . . . . Напрасно вы, сударыня, отъ меня удаляетесь. Я скорѣе нежели кто иной вамъ дать могу извѣстіе о вашей бумажкѣ *будто* съ блестками.

Прелеста (идетъ къ нему). Нашли ли вы ее?

Двораобр. Нѣтъ, я вамъ донесъ уже что до меня здѣсь были люди, кои оную найти могли. Я ихъ тутъ самъ *нашелъ.*

Прелеста. Кто же они таковы?

Двораобр. Я не знаю еще... и сомнѣваюсь... сказать ли вамъ заподлинно....

. . . .

Прелеста. Батюшка не желаетъ чтобъ въ его домѣ занимались вѣстьми городскими, не касательными до насъ.

Двороб. Еслибъ не касались до васъ, я бъ не осмѣлился о томъ молвить слова.

Прелеста. Касательно до меня?

Двороб. Точно до васъ . . . . По приготовленіямъ люди догадываются что родители ваши имѣютъ намѣреніе васъ устроить.... что выборъ ихъ палъ на господина Добрина.... Правда ли или нѣтъ, того за вѣрное еще не вовсе знаютъ..., но есть... сказываютъ... нѣчто такое... что дѣлу сему.... сдѣлаетъ нѣкоторую остановку.

Прелеста. Остановку!

Двороб. Да, сударыня, остановку.... остановку.... и помѣшательство....

Прелеста. Съ которой стороны?

Двороб. Съ обоюдной, можетъ-быть.

Прелеста. Съ обоюдной!

Двороб. Да, да, съ обоюдной... остановка... думаютъ люди,—отнюдь не я,—что Добринъ не вовсе таковъ искрененъ, какъ объ немъ здѣсь можетъ-быть разумѣютъ.... да и въ васъ самихъ.... говорятъ будто.... есть нѣчто такое... предвѣщательное.... аще бы тому не бывать.

Прелеста. Во мнѣ!

Двобробродъ. Сердце ваше, сказываютъ.... будто слышитъ поневолѣ.... что онъ.... не расположенъ къ вамъ.... каковымъ ему быть надлежало....

Прелеста. Онъ!

Двобробродъ. Онъ.... онъ молодецъ изрядный.... но онъ нѣсколько вѣтренъ.... безразсуденъ.... невоздерженъ.... а что лучше всего.... на женскій полъ заглядывается съ излишествомъ...

Прелеста. Эхъ, сударь!

Двобробродъ. Эхъ! Да, теперь еще *эхъ*, но современемъ опасаются... чтобы не было *ахъ* и *охъ*.... и совѣтуютъ лучше заранѣе развѣдать.... паче же всего не спѣшить....

Прелеста. Вы наполняете мысли мои непріятными разсужденіями.

Двороб. Что говорю... на то имѣются очевидныя доказательства! И будто бы недалеко оныя и сыскать...

Прелеста. Недалеко!

Двороб. Да, недалеко.... и почти подъ глазами!

Прелеста. Подъ глазами!
Дворобр. Здѣсь, на семъ мѣстѣ, нашли Добрина.... въ разговорѣ.... сказать ли съ кѣмъ!...
Прелеста. Съ кѣмъ же?
Дворобр. Онъ велъ весьма пріятный и ласковый разговоръ... разумѣете ли?... съ хорошей и проворной дѣвушкой.
Прелеста. Съ дѣвушкой!
Двороброд. Предъ вами только что она убѣжала....
Прелеста. Неужели съ Маврой?
Дворобр. Да, да, съ Маврой.

Этотъ разговоръ прерываетъ Мавра, которая объявляетъ Прелестѣ что г-жа Собрина зоветъ ее. „Видите ли, шепчетъ ей торжествующій Двороброд, какъ не угоденъ ей нашъ разговоръ!“ Такимъ же образомъ онъ нашептываетъ и всѣмъ прочимъ. Ивану Собрину внушаетъ что хотя отецъ и показалъ ему въ недавнемъ разговорѣ много довѣрія, но что это было лишь на словахъ, а на дѣлѣ иное, ибо денегъ не даетъ ему на прихоти и вообще держитъ его какъ ребенка. И юноша задумывается: не ускакать ли за границу, чтобы пожить на полной волѣ? Лакею Собриныхъ, который ухаживалъ за Маврой, Двороброд объявляетъ что она была застигнута имъ въ подозрительныхъ разговорахъ съ Добринымъ, и лакей съ горничной ссорятся; Добрину Двороброд внушаетъ что его невѣста идетъ за него противъ воли и что у ней „иной кто въ головѣ“; Собриной-матери—что будущій ея зять раскаивается въ сдѣланномъ имъ предложеніи, и что въ городѣ говорятъ будто она выдаетъ дочь съ цѣлію удалить безпокойнаго свидѣтеля своей связи съ Предынымъ; Собрину отцу—что жена его обманываетъ, что женихъ его дочери обремененъ долгами и волочится за горничной своей невѣсты.... Всѣ эти „осторожки и подозрѣнія“ разстраиваютъ миръ и согласіе въ семьѣ Собриныхъ. Но Собрина-мать догадывается первая что тутъ мутитъ Двороброд и дѣло объясняетя къ общему удовольствію.

Таково содержаніе *Разстроенной семьи.* Мысль на которой основана эта піеса очень занимала, повидимому, Екатерину. Выше было сказано что въ ея репертуарѣ есть еще одна піеса въ которой выведено лицо подобное Дворобродy. Роданкуръ составляетъ какъ бы этюдъ этого типа, который съ теченіемъ времени значительно разросся въ ея воображеніи. Храповицкій говоритъ что онъ переписывалъ 22го августа 1787 года пословицу въ которой выведенъ Роданкуръ; очевидно эта небольшая піеска не исчерпывала типа носившагося въ воображеніи Ека-

терины. Она принялась разрабатывать ту же самую тему и даже по тому же рисунку, но въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, и въ двадцатыхъ числахъ октября 1778 года пятиактная комедія была готова. Между тѣмъ императрица достала *School for Scandal* Шеридана, и такъ какъ она не читала по-англійски, то приказала перевести эту комедію на нѣмецкій языкъ, и занялась было сама ея переводомъ на русскій языкъ, подъ заглавіемъ *Злорѣчивые* или *Клеветники*, одновременно съ сочиненіемъ своей комедіи; но эта работа осталась неоконченною. Лица очерченныя Шериданомъ не вполнѣ соотвѣтствовали типу задуманному Екатериной.

Сюжетъ *Недоразумѣній* сложнѣе нежели сюжетъ *Разстроенной Семьи*. Разумѣется и здѣсь, какъ во всѣхъ комедіяхъ и романахъ того времени, на первомъ планѣ сватовство двухъ молодыхъ людей. Иванъ Иготинъ, привезенный отцомъ въ деревню г-жи Гостяковой, чтобы жениться на ея племянницѣ, есть лицо которое Екатеринѣ хотѣлось изобразить какъ можно ярче. Вотъ что̀ говоритъ о немъ его слуга въ самомъ началѣ піесы: „Съ ребятскихъ лѣтъ отданъ былъ на руки учителю.... Его (учителя) въ домѣ называли Козма Политовъ. Сей ему (Иготину) твердилъ чтобы перенимать хорошіе поступки.... А буде увидитъ что̀ непристойное, то бы старался дѣлать лучшее....“ И вотъ, говоритъ слуга, „дитя увязался за слово *лучшее*, и какъ учитель съ природы *безъ разбора любилъ порочитъ* или обращать въ насмѣшку *прочихъ людей проступки*,“ то „молодчикъ во всякомъ случаѣ старался поступать иначе, нежели знакомые коихъ порочили или на смѣхъ поднимали....“ Итакъ мы видимъ въ этой комедіи варіантъ „плачущей Маремьяны“, — смѣющуюся Маремьяну, или по крайней мѣрѣ человѣка вышедшаго изъ школы этого непріятнаго Екатеринѣ сорта людей, вѣчно всѣмъ недовольныхъ, вѣчно всѣхъ осуждающихъ.

Питомецъ Политова есть надутый, спѣсивый дуракъ. „Онъ отвѣтствуетъ на всякую рѣчь какъ будто не хотя, либо наотрѣзъ или двоякимъ слогомъ.“ Такъ отзывается о немъ г-жѣ Гостяковой ея племянница Сбыслова, къ которой сватаютъ Ивана Иготина и которую смущаетъ его „холодная накрахмаленность.“ „Я не умѣю говорить съ нимъ“, извиняется дѣвушка въ отвѣтъ на замѣчаніе чтобъ она была развязнѣе. Между тѣмъ Иготинъ, въ присутствіи коего тетка выговариваетъ племянницѣ за ея застѣнчивость, и недовольный происходящимъ въ его присутствіи, въ сторону покашливаетъ.

Сбыслова. Вы кашляете, сударь?
Игот. Нѣтъ, не кашляю.
Гост. Не простудились ли вы?
Игот. Нѣтъ, у меня засохло лишь немного въ горлѣ.
Сбысл. Отчего это случилось?
Игот. Когда двое говорятъ между собою потихоньку, то участь третьяго—молчаніе, и ему слова помѣстить нѣтъ удобности.

Таковъ этотъ сухой, педантическій господинъ, типъ, какъ кажется, вѣрно выхваченный изъ среды той нашей молодежи минувшаго времени, которая, прискучивъ подражать французской развязности, начала подражать англійской накрахмаленности. Въ домѣ Гостяковой ждутъ ея брата и отца Сбысловой, который въ то же время и школьный товарищъ отцу Ивана Иготина; этотъ послѣдній отправляется къ нему на встрѣчу и не мало удивленъ, что сынъ не догадался встрѣтить даже у порога ни его, отца, ни отца дѣвушки, которой руки онъ проситъ.

Игот. Вы мнѣ о семъ ничего не приказывали.
Игот. отецъ. Однако кто кому обрадуется, тотъ обыкновенно бѣжитъ къ тому на встрѣчу, а вѣжливость потребовала бы, чтобъ ты господина Разсудина, какъ человѣка отъ котораго зависитъ твое будущее счастье, принималъ съ подобающею почестью отцу родному.
Игот. Я донынѣ, сударь, не встрѣчалъ, ни провожалъ никого. Господина Разсудина я не знаю; онъ мнѣ еще ни отецъ, ни тесть... я думалъ, что вы насъ ознакомите, когда время будетъ.

Эта небольшая сценка, какъ и вся личность молодаго Иготина, безъ всякаго сомнѣнія списана съ натуры и притомъ съ оригинала, который едва развѣ начиналъ обозначаться въ восьмидесятыхъ годахъ прошедшаго вѣка. За то этому типу предстояло развиться. Нѣкоторыя черты изъ портрета Ивана Иготина годились бы въ изображеніе Базарова. Отецъ совѣтуетъ ему извиниться предъ Разсудинымъ, что не встрѣтилъ его,—сынъ отвѣчаетъ, что ему извиняться не въ чемъ; отецъ говоритъ ему: „Пора тебѣ, Иванъ, покидать рѣчь грубоватую." Сынъ отвѣчаетъ: „Почему онѣ грубы? Я говорю правду." Отецъ между прочимъ говоритъ ему, что его манеры отталкиваютъ отъ него всякаго, кто не знаетъ его близко, потому что въ сущности „ты сердца не лихова".

Игот. Похвалы я ищу мало.

. . . . . .

Игот. отецъ. Но я не слѣпъ; наружность твоя мнѣ не кажется (не нравится).
Игот. О семъ я сожалѣю.

....

Игот. отецъ. Слова твои суть завсегда почти колки.
Игот. Рѣчи, сударь, безъ остроты слывутъ тупы.
Игот. отецъ. Взгляды покинь пренебрежительные.
Игот. По осанкѣ нынѣ о людяхъ судятъ.
Игот. отецъ. Ты разговоръ ведешь рѣчами и голосомъ такими отчасти какъ люди прочіе бранятся.
Игот. Плотиною сударь дѣлается преграда наводненію.....

....

Игот. отецъ. Ну что за отвѣты? Они таковы какъ твоя наружность. Одно и другое можетъ отвратить отъ тебя ...
Игот. Какъ же быть если я таковъ съ природы........ За искреннія ваши рѣчи, сударь, я премного благодаренъ; подобныя я много разъ ужъ слышалъ. Мнѣ себя переродить нельзя; будетъ меня любить кто хочетъ такого каковъ есть, съ моими пороками или же качествами.

Въ *Недоразумѣніяхъ* мы находимъ и нѣкоторыя другія черты рисующія людей Екатерининскаго времени. Весьма не дурны г-жа Гостякова, хозяйка дома, всегда полнаго невыѣздными гостями, и ея дворецкій, онъ же и управитель и вообще factotum. Домъ хлѣбосольной хозяйки полонъ народу: только-что одни пріѣхали, другіе собираются со двора; эти гостятъ потому что свои, а другихъ Богъ послалъ—случайно попали; словомъ, приливъ и отливъ вѣчный какъ въ морѣ, — и вотъ дворецкому удается между двухъ дверей молвить барынѣ слово о ея дѣлахъ.

Дворецкій. Румянный заводъ остановился.
Гостякова. Отъ чего?
Двор. Румяны съ рукъ нейдутъ никакъ, сударыня.
Гост. Кажется однако что румяны хороши.
Двор. Хороши... но по деревнямъ ихъ не разбираютъ; говорятъ, дороги; а по городамъ не покупаютъ, потому что не заморскіе.
Гост. Полотняная фабрика, надѣюсь, наградитъ убытокъ сей.
Двор. Да, сударыня.... только недостатокъ тутъ лишь одинъ является.
Гост. А какой?
Двор. Поистинѣ сказать, пряжи нѣтъ.
Гост. Вели дѣвкамъ прясть поприлежнѣй.
Двор. День и ночь прядутъ, но со всѣмъ тѣмъ недостаточно.
Гост. Старайся покупать...

....

Двор. Пряжу отдаютъ не инако какъ за денежную плату, денегъ же у насъ не изобильно, какъ сами изволите знать.

Гост. За деньгами будущее лѣто дѣло не остановится. Ревень какъ разъ выростетъ. Онъ какъ золото.

Двор. Это хорошо; лишь опасаюсь я одного....

Гост. Чего?

Двор. Чтобы ревень совокупно съ хлопчатою бумагой не побили морозы.

Гост. У тебя всегда тысячу опасеній. На все сыскать можно способы; напримѣръ, у крестьянъ вели отобрать старыя шубы, покрой отростки.

Г-жѣ Гостяковой надоѣдаютъ всѣ эти возраженія; она уходитъ въ досадѣ на своего дворецкаго: „Самъ найди способы какіе хочешь, говоритъ она, спѣша къ гостямъ". А онъ: „Прогнѣвалась.... да какъ же быть! Затѣи новыя всякій часъ.... Потомъ будетъ дивиться неурожаю! Ея бы дѣло принимать гостей!" А впрочемъ Гостякова женщина добрая и не хочетъ дурно отозваться даже объ Иванѣ Иготинѣ. Лаская себя надеждой что племянница ея пойдетъ по ея слѣдамъ, она говоритъ ей наставительно: „Ко всякому нраву привыкать недурно смолоду: современемъ пригодится!"

Что касается до содержанія піесы, то она построена на искусственно запутанной интригѣ, какъ указываетъ и самое ея заглавіе: Господь принесъ въ домъ Гостяковой нѣкоего Дружкова, потому что экипажъ его сломался предъ ея воротами. Словоохотливая хозяйка спѣшитъ сообщить ему что нынче сговоръ ея племянницы за молодаго Иготина; но читатель догадывается конечно что новопріѣзжій, встрѣчавшій Сбыслову въ свѣтѣ, влюбленъ въ нее и любимъ ею. Она признается теткѣ что нареченный женихъ ей не нравится, а та сообщаетъ о томъ отцу дѣвушки, который и самъ радъ бы отдѣлаться отъ чопорнаго англомана и выдать дочь за Дружкова; Иготинъ-отецъ, вслѣдствіе недоразумѣнія, воображаетъ что Сбыслова отказываетъ его сыну и отдаетъ предпочтеніе самому ему. Поэтому между ними происходитъ сцена которая вертится на взаимномъ ихъ непониманіи другъ-друга; Дружковъ собирается бѣжать съ своимъ горемъ и съ своею любовью на край свѣта; Сбыслова предается отчаянію; Гостякова ссорится съ братомъ, тотъ съ другомъ своимъ Иготинымъ-отцомъ,—словомъ, происходитъ постоянная суета пока клубокъ недоразумѣній не распутывается самъ собой.

Подобные сюжеты были въ модѣ; написанныя съ такими ухищреніями піесы назывались pièces à intrigues и привлекали посѣтителей, хотя во всемъ театрѣ одни лишь дѣйству-

щіе не понимали сути дѣла; тѣмъ не менѣе искусственныя завязки піесъ не казались странными нашимъ дѣдамъ, какъ не кажутся странными и теперь любителямъ французской сцены. Что̀ касается до Екатерины, то она, окончивъ эту комедію и перечитавъ ее, нашла что эта піеса длинна, но потомъ взглянула на нее на Эрмитажной сценѣ, и она, говоритъ Храповицкій, „полюбилась". Вслѣдъ затѣмъ она дана была съ успѣхомъ и на публичномъ театрѣ.

Въ самомъ дѣлѣ *Недоразумѣнія* принадлежатъ къ лучшимъ піесамъ Екатеринина репертуара, и нѣкоторыя сцены въ ней должны быть очень эффектны на сценѣ. Такова напримѣръ та въ которой наставникъ молодаго Иготина проситъ у Гостяковой дозволенія устроить въ ея сараѣ „зѣло лѣпное зрѣлище", сочиненное имъ по случаю предполагаемаго брака его питомца. Можно сказать съ увѣренностью что Екатеринѣ, когда она писала эту сцену, мерещился Тредіаковскій и *дурацкая свадьба* 1739 года.

Гост. Что̀ за превеликая бумага у васъ въ рукахъ? господинъ Потачкинъ.

Пот. (*поклонясь Гостяковой до пояса, ей говоритъ*). Милостивая государыня, просвѣщенные народы всегда почитали бракъ аки происшествіе наиважнѣйшее въ жизни случиться могущее, и для того великолѣпныя торжества приготовляли къ празднованію онаго. Въ подражаніе благоподражаемаго до днесь событія сего, азъ, нижайшій вашъ почитатель, всепокорно нынѣ изготовилъ еще токмо на бумагѣ, ко времени и кстати придуманное зѣло лѣпное зрѣлище. Годиться оно можетъ и въ иномъ, и во всякомъ случаѣ.... Нужно токмо, если смѣть донести не въ указъ отнюдь, единый, однако пустой сарай, да нѣсколько сальныхъ плошекъ.... Благоволите въ досужій часъ выслушать малое мое приношеніе, начертанное подвигомъ усерднымъ.

Гост. Что̀ же такое вы дѣлать хотите?

Пот. (*заглядываетъ въ бумагу*). Вопервыхъ, и сіе есть начало.... Силѐнъ, дядька Бахуса, пріѣдетъ къ вашему крыльцу на ослѣ....

Гост. На ослѣ?

Пот. Да, на ослѣ, или на лошади, украшенной осломъ.... Онъ, не сходя съ осла, васъ, милостивую государыню, и всѣхъ гостей позоветъ сими словесами:

Гост. Кто?

Пот. Силенъ, сударыня.... не оселъ.

Гост. Мнѣ не очень внятно было.

Пот. Онъ, то-есть Силенъ, долженъ васъ приглашать на пиръ громогласно сими словами:

Кратко слово,
Все готово:
Поздравляемъ
И желаемъ:
Гряди здрава
Наша пава.

Гост. А пава кто?

Пот. Подъ симъ названіемъ осмѣлился, сударыня.... васъ.... ознаменовать.... Вы шествуете плавно, аки пава; сему роду пернатыхъ сама Юнона покровительствовала. Вездѣ она представляется съ павлиномъ.

Гост. Потомъ что̀ будетъ?

Пот. Потомъ, сударыня, второе: онъ, оборотясь къ вамъ задомъ, ѣхать долженъ не болѣе трехъ шаговъ предъ вами.

Гост. Слѣдовательно, первая за осломъ пойду я?

Пот. (роетъ въ бумагахъ). Тотчасъ.... Третье: шествіе ваше послѣдуетъ попарно до сарая.... По сторонамъ, по одной пойду я, подъ видомъ Момуса.... а по другой—Меркурій; за нами побѣгутъ Игры и Смѣхи, раздѣлясь на два лика.... Да благоволите выслушать что̀ будутъ пѣть...

Гост. Добро, прочтите.

Пот. Первый ликъ начнетъ:

Кое диво,
Какъ счастливо!

Второй ликъ съ удивленіемъ скажетъ:

Что̀ за гласи
Въ сіи часи?

то-есть, необыкновенные.

Гост. Понимаю.

Пот. Первый ликъ паки:

Всѣ весѐли,
Такъ же смѣли!

2й ликъ:

Дивни крики
Поютъ лики!

Сей дивится.

Гост. Чему?

Пот. Тому что̀ видитъ и слышитъ.

1й ликъ:

Изощренни,
Позлащенни.

Гост. Не полно ли, господинъ Потачкинъ?

Пот. Тотчасъ....

2й ликъ:

Шуми лични
Необычни!

1й ликъ:

Гори, холми,
Со удолми.

Гост. Полно, господинъ Потачкинъ.
Пот. Не много осталось....
2й ликъ:
Вездѣ много
Неубого.
1й ликъ:
Древеса высоки
Градутъ вскоки.
Мавра. Что̀ за вранье!
Пот. Стихи весьма гладки.
2й ликъ:
Зѣло весѐли
Вси зашумѣли.
(*Гост. уходитъ.*)
1й ликъ:
Предовольни
Утѣхъ полни!
Непремѣнни
Вождѣленни!
(*Мавра уходитъ.*)
2й ликъ:
Да внушаютъ
И увеселяютъ.
. . . .
Оба лика.
Гряди убо
То сугубо!
Гряди здрава,
Наша Пава!

Тѣмъ, сударыня, кончится первое дѣйствіе. Ба! да всѣ ушли!.... Вотъ какова участь нашего брата стихотворца. Ты сочиняя потѣешь, а тебя и слушать не хотятъ!

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

ПОѢЗДКА

ПО КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦѢ

ОТЪ АЛТАЯ ДО ТАРБАГАТАЯ

I.

Въ августѣ прошлаго 1870 года моему мужу предстояло объѣхать китайскую границу, а такъ какъ по маршруту приходилось быть въ долинѣ Верхней Бухтармы, въ четырехъ переходахъ отъ Бѣлухи, нашего алтайскаго Монблана, то рѣшено было пройти на ея ледники, и осмотрѣть по дорогѣ Рахмановскіе сѣрные ключи.

Предстоявшее путешествіе было до того интересно что мужъ рѣшился взять съ собою меня и десятилѣтняго сына. Съ нами поѣхали еще: переводчикъ Османъ, нѣкто М. и пристроившійся къ нашему обществу, путешествія и охоты ради, замѣчательный стрѣлокъ, ѣздокъ и охотникъ Ж—въ; изъ прислуги только поваръ. Эти господа отправились изъ Семипалатинска тремя днями ранѣе насъ, съ обозомъ провизіи, подарочныхъ вещей, нашихъ сѣделъ и упряжи; такъ какъ въ степи если нѣтъ своей упряжи, то лошадей запрягутъ первобытнымъ способомъ, привязывая къ экипажу за хвосты.

Переѣздъ отъ Семипалатинска до Устькаменогорска не представлялъ ничего замѣчательнаго: Иртышъ и степь; правда не наша, песчаная и печальная Семипалатинская, а зеленая и покрытая цвѣтами. Отъ Убы мѣстность дѣлается болѣе и

болѣе гористою и вдали за Иртышомъ показываются три остроконечныя вершины Аиръ-Тау, по-русски, монастырей.

Устькаменогорскъ хорошенькій городокъ, съ широкими, поросшими травой улицами и маленькими, по большей части не обшитыми тесомъ, домиками,—въ Петербургѣ сказали бы домишками. Смотритъ онъ уютно и весело, и несравненно болѣе русскій городъ чѣмъ песочница Семипалатинскъ. Даже въ отношеніи зданій Устькаменогорскъ далеко превзошелъ убогую столицу нашихъ мѣстъ, напоминающую своими улицами съ покосившимися на бокъ домиками, безъ крышъ и съ залѣпленными бумагой, точно бѣльмомъ, окнами, ряды оборванныхъ и общипанныхъ калѣкъ, стоящихъ въ двѣ шеренги на папертяхъ.

3го августа мы выѣхали изъ Устькаменогорска большимъ обществомъ, поѣхавшимъ насъ провожать. Дорога до перевоза чрезъ Ульбу отличная, и мы катили въ трехъ тарантасахъ такъ что именно только пыль столбомъ. Съ переправы, верстахъ въ пятнадцати не доѣзжая Ульбинска, дорога дѣлается гористою и удивительно живописна; растительность необыкновенно роскошна и разнообразна. Ѣдешь точно паркомъ. Самый Ульбинскъ лежитъ въ глубокой долинѣ по бегеру рѣчки Ульбы, на ровной и безплодной площадкѣ среди горъ. Хозяйки пріѣзжаютъ сюда варить варенье и дѣлать наливки, такъ какъ здѣсь много ягодъ (смородина, малина и клубника), больные пить кумысъ и спасаться отъ лихорадокъ и грудныхъ болѣзней, которыми Семипалатинскъ преизобилуетъ.

Просидѣвъ часа четыре въ Ульбинскѣ у Омскихъ знакомыхъ, которые тутъ лѣчатся, мы отправились далѣе верхомъ по ущелью Проходному до пасѣки Ш.; проѣхать эти десять верстъ верхомъ наслажденье, а въ экипажѣ можно развѣ въ видѣ искупленія очень тяжкихъ грѣховъ.

Мы выѣхали кавалькадой въ двѣнадцать лошадей. Ущелье дивно хорошо; узкая дорога извивается между скалистыми горами, мѣстами поросшими травой, мѣстами цѣлымъ лѣсомъ ели и пихты. Вдоль дороги бѣжитъ ручей, мѣстахъ въ двадцати перебѣгая дорогу; по сторонамъ его густо заросла черемуха, жимолость, акація, шиповникъ, рябина и смородина.

Скоро солнце зашло за горы, потянуло сыростью, стало свѣжо; мы, бѣдные Семипалатинцы, привыкшіе, — нѣтъ, привыкнуть нельзя,—а принужденные дышать пескомъ и пылью, сухимъ воздухомъ, прокаленнымъ сорокаградуснымъ зноемъ,

съ восторгомъ вдыхали этотъ влажный, ароматный воздухъ— точно камень сняли съ груди.

Сквозь легкій туманъ ущелье казалось еще прелестнѣе; отблески сѣвшаго за горы солнца золотили небо и вершины скалъ, сквозя сквозь густую зелень пихтъ и елей, стоящихъ щетиной на гребнѣ горы. Особенно хорошъ видъ на седьмой верстѣ отъ Ульбинска: дорога дѣлаетъ крутой поворотъ, ущелье суживается болѣе и болѣе, и будто замыкается высокою стѣной, покрытою темнымъ лѣсомъ; изъ лѣса вырѣзается громадная, голая, сѣдая скала; у подножія ея, сердито крутясь между камнями, сверкая сквозь ели, бѣжитъ и падаетъ каскадомъ ручей; на противоположной сторонѣ высоко громоздятся красноватыя скалы самыми причудливыми, фантастичными формами.

Полюбовавшись этою прелестною картиной, мы, дойдя до ровнаго мѣста, пустили лошадей вскачь, и скоро доскакали до пасѣки, уютно пріютившейся въ боковой зеленой долинкѣ. Центръ ея составляла хорошенькая восьмиугольная бесѣдка. Сойдя съ лошадей, мы усѣлись около самовара приготовленнаго подъ навѣсомъ деревьевъ; было такъ темно что зажгли свѣчи. Разговоръ шелъ живо и весело, незамѣтно прошло часа два. Наконецъ я пошла укладывать моего Костю въ бесѣдку, гдѣ поставили наши постели. На средней стѣнѣ бесѣдки прибита мѣдная доска съ надписью что Великій Князь Владиміръ Александровичъ тутъ завтракалъ, 19го іюня 1868 года.

По стѣнамъ и по полу такъ и бѣгали двухвостки (родъ сороконожекъ), кусающіяся пребольно. Я совсѣмъ было сокрушилась духомъ. Но несмотря на горестное убѣжденіе что изъ-за этихъ отвратительныхъ насѣкомыхъ я всю ночь глазъ не сомкну, минутъ черезъ десять уснула сномъ праведнымъ.

На другое утро мы простились съ нашими устькаменогорскими спутниками и поѣхали въ тарантасахъ. Послѣ довольно большаго и крутаго спуска, дорога пошла въ гору; съ правой стороны, верстахъ въ шести за горами, показался Иртышъ и отлогіе холмы заиртышскихъ горъ, слѣва раскинулся Алтай. На всемъ видимомъ пространствѣ высились горныя волны. Впереди на широкой долинѣ видна Феблистовка, большая станица русскихъ переселенцевъ. Впереди ея замѣтны еще остатки четырехугольнаго землянаго вала, служившаго въ

былое время защитой отъ нападеній Киргизовъ. Почва черноземъ, кругомъ хорошія пашни и богатые сѣнокосы. Мѣстами цѣлыми десятинами алѣютъ полевые левкои; вездѣ кусты мальвы и царскихъ кудрей, но большею частью травы крупныя и грубыя. Жаръ стоялъ невыносимый. Доѣхавъ до станціи Сѣверной, мы пересѣлись и снова сѣли на коней. Проѣхавъ верстъ двѣнадцать, взбрались на сѣдѣлку, высшую точку хребта между Устькаменогорскомъ и Бухтармой, и пошли ущельемъ Вихтовкой. Отъ сѣдѣлки спускъ, правда очень отлогій, идетъ семь верстъ. Ущелье схоже съ Проходнымъ, только горы больше и виды диче и грандіознѣе.

По всей дорогѣ торчатъ *Чортовы зубья*, какъ зовутъ казаки вертикально стоящіе сланцы, и бѣгутъ ручьи; въ одномъ мѣстѣ, на порядочное разстояніе, дорога идетъ по каменистому руслу ручья. Толчки такіе что мертваго разбудятъ. По сторонамъ дороги много смородины и малины; казаки ломали цѣлые вѣники ихъ. Выѣхавъ изъ ущелья, мы свернули на довольно широкую долину и, проѣхавъ версты три, остановились въ Александровскомъ, тоже станицѣ русскихъ переселенцевъ. Станица большая, постройка очень хорошая, и поразительно много красивыхъ женщинъ, чего вообще нельзя сказать про женщинъ нашей области, гдѣ примѣсь киргизскаго типа сильно сказывается. Въ избѣ гдѣ мы остановились обѣ дочки хозяйки были красавицы.

Отсюда мы отправились въ тарантасахъ въ Бухтарму, и часамъ къ тремъ были тамъ. Усть-Бухтарминская станица и бывшая крѣпость—кучка убогихъ домиковъ, въ родѣ семипалатинскихъ, сбитыхъ вмѣстѣ; посрединѣ, на кривой, заросшей травой площади, небольшая деревянная церковь.

Изъ населенія мы встрѣтили нѣсколько ребятишекъ, нѣсколько пасущихся животныхъ и широкую фигуру командующаго (выселковаго атамана), стремящагося изо всѣхъ силъ по улицѣ, очевидно отъ нашего тарантаса. Наконецъ мы подкатили къ бревенчатому домику, стоящему на берегу Бухтармы. Запыхавшійся командующій стоялъ уже тутъ.

Отдохнувъ, мы пошли осматривать Бухтарминскую крѣпость, ровъ, мосты, валы, зданія внутри валовъ. Крѣпость какъ слѣдуетъ быть, не то что наша, отъ которой остались только одни каменныя ворота среди чиста поля. Мужъ восхищался положеніемъ крѣпости, я же, не понимая чѣмъ

она его такъ восхитила, видѣла только что одной стороной она подходитъ къ высокому, скалистому и обрывистому берегу Бухтармы, съ другой окружена валомъ и рвомъ; за ними долина, замыкающаяся горами Толстухой, Толстушенкомъ и т. д.

На берегу намъ показали богатырскій слѣдъ,—ясно отпечатанный на скалѣ слѣдъ человѣческой ноги, но вовсе не богатырской, а самой обыкновенной.

Легенда гласитъ что во время оно, когда въ этихъ мѣстахъ обитали богатыри, пришли Русскіе и стали воевать съ богатырями. Разъ какъ-то они погнались за однимъ изъ богатырей; тотъ доскакалъ до скалы и, видя что далѣе скакать нельзя, перепрыгнулъ черезъ Бухтарму, и вотъ слѣдъ его ноги и отпечатался, когда, приготовляясь къ скачку, онъ оперся ногой на скалу. Должно-быть сильно оперся. Истина же устами солдатика изрекла: „это, когда тутъ арестанты содержались, они баловали.“ И дѣйствительно, тутъ же около богатырскаго слѣда выбиты на скалѣ птичьи слѣды, подковы и двѣ латинскія буквы. Но разочаровавъ насъ въ подвигѣ древняго богатыря, онъ утѣшилъ разказомъ о развлеченіи придуманномъ здѣсь же однимъ современнымъ богатыремъ. Подведя насъ къ краю скалы, которая стоитъ надъ Бухтармой отвѣсною стѣной саженъ въ 12, онъ указалъ на небольшой выступъ, не болѣе квадратнаго аршина, выходящій въ видѣ балкончика на половинѣ высоты скалы, и разказалъ какъ одинъ солдатикъ, цѣпляясь кое-какъ, сползалъ на этотъ выступъ, раздѣвался, складывалъ свое платье и бросался въ Бухтарму. „Такъ и пропадетъ! и эво куда его вынесетъ!“ Потомъ еще показали намъ сдѣланную въ углубленіи скалы, надъ рѣкой, довольно большую надпись красною краской, прочитать или даже разобрать какими она написана буквами невозможно; чтобъ издали взглянуть на надпись, приходится лѣпиться на краю скалы надъ водой, а сдѣлать надпись иначе нельзя было, какъ спустивъ пишущаго на веревкѣ, какъ это дѣлаютъ у насъ, когда красятъ дома.

Кончивъ осмотръ крѣпости, мы отправились обратно. Жаръ все еще стоялъ невыносимый. Выкупавшись и пообѣдавъ, мы пошли на паромъ, распрощались съ нашими хозяевами и переправились на лѣвый берегъ Бухтармы. Тамъ намъ встрѣтилась цѣлая толпа хохловъ и хохлушекъ, возвращавшихся съ недавно разведенныхъ ими баштановъ. Хохлы эти, въ чи-

слѣ многихъ тысячъ переселенцевъ, шли нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Амуръ, но выбившись изъ силъ и растративъ все скудное достояніе на четырехтысячномъ пути, осѣли здѣсь, вполнѣ сохранивъ свой характеръ. Гдѣ хохолъ, тамъ баштанъ, волы и чумачество. И здѣсь хохлы стали извозничать: перевозятъ руду изъ Змѣиногорскаго рудника на пристань, берутся доставлять грузы въ Вѣрное, даже въ передовые отряды. Все на родныхъ волахъ. Мы купили у нихъ арбузовъ и дынь, сѣли въ тарантасы и покатили, или вѣрнѣе понеслись, такъ какъ въ нашъ легонькій экипажъ запрягли пятерыхъ отличныхъ коней. Весь низменный полуостровъ между Бухтармой и Иртышемъ, сливающимися верстахъ въ двухъ ниже, по которому мы ѣхали, весной заливается водой, и несмотря на то что мѣстами онъ поросъ высокимъ тальникомъ, въ большую воду черезъ него переправляются на лодкахъ. До владенія Бухтармы, Иртышъ называется тихимъ, хотя этотъ тихій несравненно быстрѣе нашей Невы, ниже его называютъ быстрымъ Иртышемъ. Быстрина дѣйствительно замѣчательная; карбазъ съ грузомъ руды пробѣгаетъ по теченію сто тридцать верстъ въ двѣнадцать часовъ; этою весной мы спускались на карбазѣ; красивъ, но чрезвычайно суровъ видъ береговъ быстраго Иртыша. Огромныя, голыя скалы тѣснятъ его съ обѣихъ сторонъ. Тутъ есть одно не безопасное мѣсто называемое *Семь братьевъ*, то-есть семь скалъ, выдвинувшихся въ Иртышъ; теченіемъ такъ и прибиваетъ, такъ и тянетъ на нихъ; и надо опытнаго рулеваго и хорошихъ гребцовъ чтобы миновать ихъ благополучно. Если попадешь на перваго брата, говорятъ гребцы, побываешь и на всѣхъ семи. Сомнѣнія нѣтъ что послѣ визита седьмому брату отъ карбаза останутся однѣ щепы. На заливныхъ лугахъ мыса, между Бухтармой и тихимъ Иртышемъ, переселенцы-хохлы развели въ этомъ году громадные баштаны, обсаженные кругомъ подсолнечниками. Нашъ ямщикъ не могъ нахвалиться и нарадоваться на это нововведеніе. До прибытія хохловъ, у нихъ, на такой благодатной почвѣ, не было ни арбузовъ, ни дынь. Нѣкоторые пробовали сажать въ огородахъ, но, отъ неумѣнья огородниковъ, или вовсе не родились эти овощи, или выходили очень плохіе. Этотъ же годъ продавали по рублю квадратную сажень арбузовъ на бакчѣ.

Пока мужъ съ ямщикомъ любовались на бакчи, я замѣтила что корневикъ нашъ сильно горячится. При спускѣ съ го-

ры, вмѣсто того чтобы, какъ слѣдуетъ степенному и благовоспитанному коню, упираться и шагомъ на себѣ спускать экипажъ, онъ злился, рвался, наконецъ понесъ, налетѣлъ на уносныхъ лошадей; тѣ бросились по косогору, въ сторону. Нѣсколько секундъ мы летѣли съ быстротой неописанною. Наконецъ тарантасъ перевернулся, и мы и наши вещи высыпались какъ горохъ. Помню только что я перелетѣла черезъ кого-то, и очутилась на порядочной дистанціи отъ тарантаса, на колѣняхъ и тутъ же, съ полета, непроизвольно совершила земной поклонъ. Поднявшись, вижу что Костя лежитъ около меня, и тоже поднялся благополучно. Мужъ упалъ около самаго тарантаса; тарантасъ же стоитъ на боку, и только колесо неистово вертится въ воздухѣ. Лошади, ямщикъ, форейторъ, все это перепутанное лежитъ въ кучѣ. Болѣе всѣхъ пострадалъ форейторъ, но, сравнительно дѣло обошлось благополучно; серіознаго ушиба не было.

Пока подъѣхалъ другой тарантасъ, и ямщики, съ помощью нашего повара, стали приводить экипажъ въ порядокъ, мы пошли пѣшкомъ. Оказалось что я сильно ушибла ногу, и мужъ, самъ получившій карамболь въ голову и руку, долженъ былъ вести меня подъ руку, какъ въ сказкѣ о лисицѣ и волкѣ: „битый не битаго ведетъ!"

Скоро догналъ насъ тарантасъ, уже безъ уносныхъ; коренникъ такъ и рвался и храпѣлъ, красота лошадь! Не успѣли мы сѣсть, онъ въ ту же минуту снова подхватилъ; даже ямщикъ пришелъ въ негодованіе: „Чортъ эдакой, а не лошадь!" Летѣли мы, летѣли, не безъ нѣкотораго замиранія сердца, но дорога на счастье была гладкая. Уходились наши кони, и мы въ цѣлости были представлены на станцію Воронью. Сначала предполагалось ѣхать и ночью, но послѣ переѣзда совершеннаго съ такою невольною и чрезмѣрною быстротой, порѣшили остановиться ночевать. Въ этотъ день мы порядкомъ устали, проѣхавъ 25 верстъ верхомъ, рысью, по жарѣ, осмотрѣвъ крѣпость, да сдѣлавъ верстъ семьдесятъ въ тарантасѣ, съ такимъ пассажемъ какъ описано выше. Какъ не почувствовать послѣ всего этого стремленія прилечь и заснуть! Но на прошломъ ночлегѣ двухвостки, а на этомъ тараканы, да въ такомъ обиліи что можно было придти въ отчаяніе. Но такъ какъ отчаяніе безплодно, я устроила желѣзную свою кровать по срединѣ комнаты, и уснула въ сладкой, но не знаю, на

сколько сыточной надеждѣ что по желѣзнымъ ножкамъ кровати тараканы не доберутся до меня.

Дорога отъ Воронья до Красныхъ Ярковъ идетъ все время около самаго Иртыша. Въ первый разъ въ жизни мнѣ случилось увидѣть плывущую змѣю; сначала мы не могли разобрать что̀ это за желтая головка на круто-высунутой шеѣ. Костѣ показалось что утенокъ. Разсмотрѣвъ поближе, увидѣли всю змѣю; она очень проворно и ловко плыла, извиваясь точно такъ же какъ когда ползетъ по землѣ. Ямщикъ показалъ замѣчательную гору на противоположномъ берегу Иртыша; сквозь всю гору проходитъ сквозная пещера. Не доѣзжая нѣсколько верстъ до Ярковъ, начинаетъ подыматься по правой сторонѣ рѣки Курчумскій хребетъ. Въ Ярkахъ крестьяне жаловались что Киргизы отбарантовали у нихъ лошадей и угнали за хребетъ. У Ярковъ, Иртышъ, шедшій сначала къ сѣверо-востоку, дѣлаетъ крутой поворотъ на сѣверо-западъ, образуя бухту, въ которой собирается большое количество карбазовъ. Съ этого пункта и начинается собственно судоходство по Иртышу. На слѣдующихъ станціяхъ: Больше-Нарымскѣ и Мало-Нарымскѣ, мы останавливались только чтобы выкупаться, пока перепрягали лошадей. Жаръ стоялъ до 35° по Реомюру, въ Мало-Нарымскѣ есть купцы, отправляющіе хлѣбъ въ Китай. Въ Хобдо пудъ пшеничной муки доходилъ этотъ годъ до 8 руб., а въ Мало-Нарымскѣ стоилъ 20 коп.

Изъ Мало-Нарымска дорога шла хорошенькою долиной, по берегу Нарымска; съ обѣихъ сторонъ поднимались довольно большія горы. Курчумскій же хребетъ принялъ уже грандіозные размѣры.

Проѣхавъ мимо большаго аула, мы, часовъ въ восемь вечера, доѣхали до Таловки, это деревня только-что выстроившаяся, избы маленькія, но хорошо построенныя. Насъ особенно пріятно поразилъ чисто великорусскій типъ крестьянъ, хотя они и числятся *инородцами*. Пока перепрягали лошадей, собралась толпа потолковать съ начальствомъ о своихъ дѣлахъ; тутъ тоже жаловались на баранту. Не знаю что̀ причиной: то ли что здѣшніе крестьяне—звѣровщики, народъ удалой, самостоятельный и смышленый, или же возможно малое касательство съ начальствомъ (хотя въ Семипалатинскѣ на Новый Годъ насъ поразили хоромъ: „И прославимъ и восхвалимъ администрацію!“); но дѣло въ

томъ что ихъ толковый, свободный, вѣжливый складъ рѣчи просто поражаетъ. Видно что большею частію они люди зажиточные.

До Котонъ-Карагая, гдѣ стоитъ первый отрядъ, намъ оставалось отъ Толовки 40 верстъ; по маршруту назначено было мѣнять лошадей черезъ 25 верстъ, въ деревнѣ Медвѣдкѣ; но толовскіе крестьяне, везшіе насъ, увѣрили что довезутъ отлично и безъ перепряжки. Очевидно, ихъ лошади составляли предметъ не малой любви и гордости ихъ владѣльцевъ. Дѣйствительно, кони отличные.

Отъ Толовки стали попадаться по дорогѣ деревья, иногда цѣлыми купами; что̀ для насъ составляло рѣдкое зрѣлище. Но видно мнѣ на роду написано что мошки и букашки будутъ отравлять мою жизнь. Едва глаза мои насладились зрѣлищемъ такъ давно невиданныхъ рощъ, какая-то безтолковая муха залетѣла мнѣ въ глазъ. Доѣхали мы до Медвѣдки, тьма такая что зги не видно; но такъ какъ насъ ждали, то въ окнахъ виднѣлись огни, и мелькалъ народъ.

Несообразная муха сидѣла у меня въ глазу, точно камешекъ, и причиняла значительное страданіе, такъ что я заявила желаніе остановиться для изгнанія мухи. Темнота была такая что не только мухи, — бревна въ глазу не было бы видно. Викентій, нашъ поваръ, зажегъ свѣчу, и освѣтилъ для столпившейся около насъ публики мой печальный образъ. Но недоумѣніе и удивленіе превзошло всѣ границы, когда Викентій, съ моихъ словъ, потребовалъ зеркало.—„Чего?“—„зеркала!“—„Какого такого?“ „Слышь, ты, зеркала спрашиваетъ?“—„Зеркала, а!“—Неси скорѣй!“—„Чего такого!?“ — „Зеркала, слышь ты!“ „Чего толкаешься!“

Викентій самъ пошелъ въ избу на поиски зеркала.

— Да кто жь эта такая съ нимъ-то сидитъ! полюбопытствовалъ тоненькій женскій голосъ.

— Его законная жена, тётка! заступилась я за себя.

Въ прошломъ году мы ни за что̀ пострадали. Одна благородная, то-есть чиновная дама, встрѣтивъ насъ на пикетѣ, разказывала потомъ что встрѣтила генерала съ *мамзелью*, и на всѣ доводы знавшаго насъ содержателя почты, упорно утверждала что не можетъ быть чтобы благородная образованная дама путешествовала безъ горничной.

Наконецъ Викентій принесъ зеркало, и съ помощью его муха была извлечена. Публика выказала огромное сочувствіе.—

„Ишь ты, лѣшій муха!“—„Въ глаза лѣзетъ проклятая!“—„Молчи! вынула!“—„Ну, слава тебѣ Господи!“

Поблагодаривъ и распростившись, мы тронулись дальше; темно было, какъ въ трубѣ, такъ что надо было знаніе мѣстности нашихъ ямщиковъ чтобы насъ не вывалить; тѣмъ болѣе что дорога прямо отъ деревни пошла подъ гору черезъ рѣчку, и окончательно мы поѣхали лѣсомъ.

„Стой!“ „Куда ты!“ „Сбились!“ крикнулъ нашъ форейторъ. Въ потьмахъ мы съѣхали съ дороги, и попали между деревьями. Слѣзли наши возницы, и отправились искать дорогу; наконецъ обрѣли путь истинный. Не успѣли проѣхать съ полверсты, ямщики пригласили насъ вылѣзти изъ тарантаса и идти пѣшкомъ, такъ какъ, по ихъ соображеніямъ, скоро будетъ крутой спускъ и въ потьмахъ легко ошибиться. Вышли мы изъ экипажа и чуть не ощупью шли за нимъ. Перебрались счастливо. Отъѣхавъ версты съ двѣ, снова остановились поджидать тарантасъ Викентія.

— Савелій! а Савелій! говорили между собой наши ямщики.—А вѣдь тарантасъ-то тотъ, пожалуй, завалился?

— Пожалуй что и есть завалился.

— Не то сбились.

— Не слыхать.

Постояли еще, и хотѣли уже отправить одного изъ ямщиковъ верхомъ отыскивать отставшихъ, какъ послышалось громыханье и трескъ сучьевъ, затѣмъ свистъ, и черезъ нѣсколько времени можно было опредѣлить что наши наѣхали близко. Ямщики перекликнулись и пустились дальше. Около полночи взошла луна, и освѣтила мѣстность; по обѣимъ сторонамъ дороги тѣснились громадныя деревья; мѣстами они рѣдѣли, и слѣва открывалась долина, справа темнѣли горы. А тамъ опять столпятся великаны, и едва, едва, сквозь ихъ листву просвѣчиваетъ блѣдный свѣтъ луны.

Давно не жилось такъ хорошо, какъ въ эту ночь.

Не доѣзжая верстъ десяти до Котонъ-Карагая, къ намъ подъѣхали Киргизы, къ немалому ужасу Кости, наслушавшемуся отъ ямщиковъ разказовъ о барантачахъ.

— А! Чумикей! аманъ (здравствуй)! крикнулъ мужъ, разсмотрѣвъ одного изъ подъѣхавшихъ.

Размѣнявшись киргизскими любезностями, изъ которыхъ главная: „Малджанъ эсенъ ма!“ то-есть „Здоровъ ли вашъ

скотъ и домашніе?“ Мужъ сказалъ Чумикею что байбиче (жена) его съ нимъ ѣдетъ. Тогда онъ подъѣхалъ ко мнѣ, и приложилъ одну руку къ груди, а другую подавая мнѣ ребромъ и растопыривъ въ видѣ вѣера, наговорилъ съ три короба, полагать надо, любезностей; хотя я не поняла ни слова, но съ апломбомъ отвѣчала:

— Таръ джелгасенъ, Чумикей, таръ джелгасенъ (благодарю).

Киргизы выѣхали чтобы провести насъ черезъ трясину такого непозволительнаго свойства что лошади и волы уходятъ безслѣдно. Да будетъ извѣстно чрезъ сіе писаніе руки моей всѣмъ желающимъ провалиться сквозь землю что для этого есть наиудобнѣйшее мѣсто въ Семипалатинской области.

Въ настоящемъ нашемъ настроеніи мы были вовсе къ этому не расположены, и потому когда узнали что миновали трясину, ощутили нѣкоторое удовольствіе.

Проѣхавъ большую рощу и два моста, переброшенныхъ черезъ бурливую горную рѣчку, мы въѣхали, наконецъ, на долину Котонъ-Карагая. Въ лагерѣ суетились и толпились люди; въ юртахъ свѣтились огни и пылалъ большой костеръ. Спутники наши, выѣхавшіе ранѣе, были уже налицо; первая экипажная часть пути была окончена.

На другой день, когда мы вышли изъ юрты, Котонъ-Карагай представился намъ во всей красотѣ. Зеленая долина разстилается версты на двѣ; съ одной стороны прилегаетъ къ высокимъ лѣсистымъ горамъ, на каменистыхъ вершинахъ которыхъ мѣстами лежитъ снѣгъ; съ другой стороны граничитъ невысокій каменистый хребетикъ, за которымъ течетъ Бухтарма; кругомъ долину замыкаютъ рощи; около рѣчки—ряды юртъ, гдѣ помѣщается отрядъ, выстроенная баня и достраивающаяся казарма.

Пока шелъ смотръ отряда, мы пошли бродить въ рощу; березы, соснякъ, грибы и ягоды; родимая Тверская губернія, да и только! Порой только забудешься и взглянешь что̀ такое темнитъ такъ съ этой стороны рощи; подымешь голову, а это горы стоятъ исполинскою стѣной. Вотъ еслибъ нашъ Семипалатинскъ стоялъ бы тутъ, а не въ сыпучихъ лескахъ, гдѣ онъ построенъ, я бы не жаловалась. Послѣ завтрака начались выборы волостныхъ правителей. Киргизья наѣхало множество.

Поставили на лугу на табуретъ ящикъ, накрыли его и посадили избирателей около него полукругомъ, поотдаль отъ нихъ усѣлись рядкомъ выбираемые. Киргизская публика

тѣснилась кругомъ. Мужъ объяснилъ имъ значеніе выборовъ, и сказалъ нѣкій спичъ. Османъ переводилъ по-киргизски.

Прочитали имена кандидатовъ, роздали избирателямъ шарики и въ глубочайшемъ молчаніи церемонія началась.

Всѣ Киргизы слѣдили съ величайшимъ интересомъ за ходомъ выборовъ. Кандидаты превратились въ истукановъ и не спускали глазъ съ роковаго ящика.

Выбрали прежняго старшину. Тотчасъ подскочилъ къ нему Киргизенокъ лѣтъ четырнадцати, и сорвалъ съ него хорошую мѣховую шапку. У Киргизовъ обычай, перваго кто поздравитъ дарить; но тутъ оказалось что поздравитель самъ схватилъ подарокъ.

Потомъ роздали знаки: мѣдная медаль на цѣпи. Еще недавно подобные знаки возбуждали неудовольствіе Киргизовъ, такъ какъ какой-то досужій человѣкъ растолковалъ имъ что, надѣвъ эти знаки, они будутъ окрещены въ христіанскую вѣру, потому что на медали гербъ Россійской Имперіи и на коронѣ крестъ. Теперь же они принимали и надѣвали знаки съ большимъ удовольствіемъ.

Послѣ выборовъ сдѣлано имъ было угощеніе. Казаки пѣли у себя предъ юртами, и мы долго гуляли, слушая ихъ пѣсни. Наконецъ разошлись по юртамъ приготовляться къ завтрашнему путешествію.

II.

?-го августа, урочище Уанъ, 45 верстъ отъ Котонъ-Карагая.

Всю ночь шелъ дождь, и намъ пришлось выступать по сырости и въ ожиданіи новаго дождя. Съ ранняго утра лагерь представлялъ самую оживленную картину; вьючили верблюдовъ, сѣдлали и пробовали лошадей. Наконецъ раздалась команда: „Садись!“ Казаки сѣли на коней и выстроились; вытянулась вереница вьючныхъ верблюдовъ, погнали живой провіантъ, барановъ; мы тоже сѣли на лошадей. „Съ Богомъ!“ „Пѣсенники впередъ!“ И подъ залихватскую казачью пѣсню тронулись съ Котонъ-Карагая. Съ нами шло нѣсколько Киргизовъ; проводникомъ же мужъ нанялъ звѣровщика изъ деревни Бѣлой, нѣкоего Барсукова, не только замѣчательнаго тѣмъ что даже между своею братьей пользуется славой необыкновеннаго удальца и стрѣлка, но въ особенности интереснаго нѣмъ что ходилъ лѣтъ десять тому назадъ со своими односель-

цами искать *Бѣловодье*, то-есть землю гдѣ медъ самотечный, хлѣбъ *самъ родится* и т. д. Они прошли всю Среднюю Азію, были около Тибета, и наконецъ увѣрились что уговорившій идти мужикъ обманулъ. Барсуковъ вывелъ своихъ домой. Два раза онъ ходилъ проводникомъ въ Китай съ консуломъ Павлиновымъ. Былъ при коммиссіи ставившей пограничные знаки, и пр. Наружность Барсукова замѣчательна: необыкновенно большаго росту, сухощавый, плечистый, съ крупными, но правильными чертами лица, напоминающими лица каріатидъ Эрмитажа. Большіе темносѣрые, умные глаза, черная съ просѣдью борода и загорѣлое до невозможности лицо. Въ манерѣ, въ рѣчахъ спокойная самоувѣренность и, подчасъ, юморъ. Кафтанъ опоясанъ ремнемъ съ ножомъ и латронташемъ; за плечами винтовка съ присашкой; огромные сапожищи и маленькая китайская шляпа, въ родѣ картуза, надвинутая на лобъ.

Сначала всѣ болѣе или менѣе гарцовали, но такъ какъ по лужамъ и мокрой травѣ это неудобно, да и начальство этого не любитъ, то притихли и пошли смирно. Пошелъ дождь, всѣ тѣ у кого были непромокаемые плащи, надѣли ихъ, но и плащи плохо защищали отъ дождя. Шли мы, шли подъ дождемъ; казалось ни дождю, ни дорогѣ конца не будетъ. Дорога шла ровною, однообразною долиной. Наконецъ я подъѣхала къ Барсукову и стала его разспрашивать какъ они Бѣловодье ходили искать.

— Мужичокъ сманилъ, изъ нашихъ, началъ Егоръ Титычъ.— Самъ, говоритъ, тамъ былъ на Бѣловодьѣ. Медъ, говоритъ, самотечный, хлѣбъ самъ родится, всего вволю. Ну и пошли. Сто тридцать семей. Сколько горя-то было; дѣти, бабы,— сколько примерло дорогой.

— А долго вы шли?

— Въ апрѣлѣ вышли, къ Рождеству Богородицы пришли.

— Куда же вы пришли?

— Въ Турпанію.

По разказамъ можно понять что они были въ Турфанѣ, въ восточной части Кашгаріи.

— Всѣ что пошли разорились; кто богатѣющій былъ, и тутъ вовсе ничего не стало, потому побросали все,— хлѣба полные закромы, все. Къ тому же дорогой обворовали много.

— Кто же?

— Свои.

— Какъ свои?

— Да такъ, всякіе люди есть.

— Что жъ, хорошо въ Турпаніи?

— Песокъ да камень. Народъ по китайскому одѣтъ, и все какъ у Китайцевъ.

— Васъ жители не обижали?

— Нѣтъ, зачѣмъ; не обижали. Я у короля у ихняго, у турпанскаго былъ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ на стулѣ.

— Зачѣмъ же ты къ нему ходилъ?

— Говорить отъ всѣхъ нашихъ; чрезъ переводчика говорилъ. Сидитъ онъ ровно на креслѣ, все костью обдѣлано; одѣтъ самъ по-китайскому, а позади его стоитъ человѣкъ и этакимъ опахаломъ машетъ.

— Что же онъ тебѣ сказалъ?

— Жаль мнѣ, говоритъ, васъ.... Я вамъ земли дамъ, вы оставайтесь у меня, а покуда велѣлъ насыпать мѣшки урюку, изюму, рису. Какъ я принесъ къ нашимъ,—а они ужь сколько сидѣли съ дѣтьми не ѣвши,—даже всѣ заплакали. Остаться не захотѣли; меня выбрали домой вести; а у меня братъ тутъ померъ, сноха, двое дѣтей; ну, ничего, и повелъ ихъ домой! Мужичка того что обманулъ застрѣлить хотѣли; насъ только восемь человѣкъ противъ всѣхъ его и отстояли. Онъ одинъ съ семьей тамъ остался.

Разговоръ нашъ стали прерывать безпрестанные возгласы: „Барсуковъ! Скоро Чингистай?“ Чингистай—мѣсто бывшаго китайскаго пикета; оно было назначено для привала.

Признаюсь, я съ отвращеніемъ подумывала объ этомъ привалѣ, на мокрой травѣ и подъ дождемъ, и очень раскаялась что взяла сына. Но скоро, ко всеобщему удовольствію, дождь прекратился и выглянуло солнце. Встрѣтилась первая проба новичкамъ: каменистый и довольно крутой спускъ, но всего какихъ-нибудь саженъ пятнадцать. Костю вели на чумбурѣ; онъ краснѣлъ какъ ракъ, и вцѣпился въ луку сѣдла. Пройдя еще съ версту, мы подошли къ Бухтарминскому водопаду.

Рѣка шириной саженъ въ 30, страшно быстрая, падаетъ сильнымъ склономъ на протяженіи полверсты по громаднымъ камнямъ. Вся рѣка клубится, прыгаетъ и бѣшено реветъ; надъ ней какъ паръ стоятъ брызги. Красота дивная.

Мы долго стояли и любовались. Барсуковъ намъ разказалъ:— Какъ этта былъ горный чиновникъ, и говоритъ: „Живъ быть не хочу, если не проѣду тутъ на лодкѣ.“ Мы ему говоримъ:

Совсѣмъ невозможно—надо на лямкахъ спускать около самаго берега.—„Врете!“ говоритъ. Ладилъ, ладилъ себѣ лодку; сладилъ большущую такую. Сѣлъ—да только мы его и видѣли.

И тутъ Барсуковъ такъ смѣялся что и мы смѣялись, глядя на него.

— Только щепы завертѣло, а его и духу не стало.

Потомъ Барсуковъ намъ показалъ одно мѣсто на правомъ берегу Бухтармы, гдѣ разрывали курганы и находили скелеты въ сидячемъ положеніи и на нихъ разныя куріозныя украшенія. Очень намъ хотѣлось разрыть хоть одинъ курганъ, но не было съ собой никакихъ инструментовъ.

Нтконецъ пришли и на Чингистай. Солнце успѣло уже нѣсколько обсушить насъ и землю; разостлали коверъ на берегу Бухтармы и занялись чаепитіемъ. Чингистай—красивое, привольное мѣсто; отъ горъ и до Бухтармы широкая долина идетъ склономъ въ два уступа, или, какъ звѣровщики говорятъ, прилавка; вся она покрыта травой и цвѣтами.

Только пошли мы съ привала, снова началъ лить дождь. Въ семь часовъ вечера мы пришли на Уанъ и стали на ночлегъ. Уанъ—мѣстечко, должно-быть, очень хорошенькое; тутъ и быстрая рѣчка, и красивыя кулы деревъ, большая, густая трава; но въ настоящую минуту идешь по этой травѣ и чувствуешь что ноги до колѣнъ мокры, съ деревъ капаетъ, въ юртахъ сыро и холодно, отъ мокрыхъ войлоковъ отвратительно пахнетъ; даже и лунный свѣтъ, всегда придающій всему красоту и поэзію, придаетъ еще болѣе плачевный, холодный видъ этой промокшей картинѣ.

Развели большой костеръ; позвали къ нему грѣться и пить чай, въ ожиданіи обѣда. Но какъ мы ни грѣлись у костра, толку было мало, потому что съ одной стороны припекало, а съ другой прохватывало холоднымъ вѣтромъ. Наконецъ ушли въ юрты, и послѣ обѣда, то-есть супа изъ баранины, разошлись спать.

Отъ холода и сырости, съ непривычки, плохо спится.

III.

9го августа, близъ стойбища Микайле, 40верстъ отъ Уана.

Сегодня былъ день такихъ приключеній что до сихъ поръ у меня нервная лихорадка. Вышли мы съ Уана очень хоро-

шо. Дождь изрѣдка перепадалъ; было темно, дорога чрезвычайно живописна. Идти—наслажденье! Прошли мы около красиваго озера, на которомъ было множество утокъ; но охотиться было неудобно, берега топки, а собаки съ нами не было. Поскакалъ было Ж. стрѣлять орла, но орелъ улетѣлъ.

Въ полуверстѣ отъ дороги, съ лѣвой стороны шли гранитныя скалы самыхъ причудливыхъ и разнообразныхъ формъ, мѣстами совсѣмъ голыя, мѣстами поросшія деревьями и мхомъ.

М. отправился изслѣдовать строеніе скалъ; мы отправились за нимъ. Въ томъ мѣстѣ къ которому мы подъѣхали была разсѣлина, такая что одному человѣку съ трудомъ можно пройти. Мы соскочили съ лошадей и стали подыматься по ней. Вылѣзши изъ разсѣлины мы очутились точно въ волшебномъ мірkѣ: прелестнѣйшая рощица, окруженная зубчатыми скалами; посрединѣ песчаная, чистенькая площадка; около нея, подъ деревьями, обломки скалъ образовали родъ скамей. Точно кто-нибудь тутъ нарочно садилъ, чистилъ и устраивалъ.

Спустившись съ этой скалы, мы стали взбираться на другую, замѣчательную тѣмъ что на вершинѣ ея большое, совершенно круглое отверстіе, точно окно; мы пролѣзли туда и очутились точно въ крѣпости; опять большая площадка окруженная каменными стѣнами, съ одной только стороны можно влѣзть на нее и то между большими камнями, по крутому и узкому подъему. *Барантачамъ* * или отъ барантачей, отсиживаться отлично. Выбравшись оттуда, мы сѣли на лошадей и нагнали отрядъ. Скоро скалы пошли съ обѣихъ сторонъ дороги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ нихъ образовались такія пещеры что можно бы спрятаться съ лошадью. Съ одной высокой скалы падалъ водопадъ. Нѣкоторые изъ нашихъ ѣздили по скаламъ и собирали малину и крыжовникъ. Видѣли тутъ двухъ барантачей. Пѣсни въ отрядѣ не умолкали. Такимъ образомъ въ прелестнѣйшей мѣстности, при хорошей погодѣ и отличнѣйшемъ расположеніи духа, мы пришли и стали на полдневку, опять на берегу Бухтармы, у брода. Рѣка течетъ тутъ широкимъ русломъ, но все-таки чрезвычайно быстро. Пока разводили огонь около рощицы на берегу, видимъ ѣдетъ Барсуковъ уже съ противоположнаго бере-

---

* Общее въ степи названіе всякихъ воровъ, преимущественно скота.

га. Я ни разу не видала переправы въ бродъ черезъ горную рѣку, и потому меня поразило что лошадь Барсукова гнетъ въ дугу, и вода такъ и хлещетъ ей въ бокъ. Вдругъ она ткнулась, такъ что ушла съ головой, опять выправилась, Барсуковъ засучилъ рукава и спустился пониже. Тутъ сталъ переходить еще Киргизъ; когда они подходили къ нашему берегу, лошадей ихъ силой воды гнуло кольцомъ, а у самаго берега вода била имъ черезъ спины. Выйдя на берегъ, Барсуковъ сказалъ что этотъ бродъ въ настоящее время опасенъ, и лучше его не проходить, чтобы не загубить чьей-нибудь души. Я стала было, любопытства ради, подговаривать Барсукова вести насъ тутъ. Но онъ серіозно взглянулъ на меня.

— А видѣли вы какъ я перекрестился, какъ пошелъ въ воду?

— Видѣла.

— Ну и говорить больше нечего.

Напившись чаю, мы раздѣлились на двѣ партіи; насъ Барсуковъ отправилъ черезъ каменное болото * въ гору, а самъ съ Ж. пошелъ посмотрѣть нельзя ли пройти берегомъ до другаго брода. Пошли они такою кручей что у Ж. лошадь оборвалась и полетѣла ногами вверхъ; разумѣется онъ улетѣлъ впередъ ее и обрушился на Киргиза, который стоялъ внизу и рвалъ смородину. Лошадь Ж. завалилась на спину между осью и большимъ камнемъ. Вытащили лошадь, Ж. сѣлъ на нее, и пошли они пробовать пройти самымъ берегомъ; сначала шли хорошо, но тутъ встрѣтилась большая плита, сходящая совсѣмъ наискось въ воду. Барсуковъ прошелъ впередъ, — лошадь его ступила въ ямку, наполненную дождевой водой, и наплескала на плиту; не успѣлъ Ж. встать на нее, Барсуковъ кричитъ:— „Держитесь! лошадь катится!“ Какъ ужъ тотъ уцѣпился за скалу, одинъ Богъ знаетъ, но въ ту же секунду лошадь, поскользнувшись, скатилась въ рѣку. Раза два ее перевернуло и отнесло теченьемъ на нѣсколько саженъ. Однако она справилась и выбилась на берегъ. Тогда Барсуковъ, не унывая, по здѣшнему выраженію, *заревѣлъ* Ж.: „Александра Павлычъ! Возьмите лошадь въ поводъ и ведите сюда!“ Тотъ взялъ лошадь и провелъ по той же самой плитѣ. Рѣшивши что берегомъ идти нельзя, Барсуковъ полѣзъ къ намъ въ

---

* Болото образующееся между камнями горныхъ осыпей.

гору, опять чуть не по стѣнѣ. Или у Ж. лошадь была дрянная или паденіе ея напугало и утомило, но она снова оборвалась. Ж. только успѣлъ съ нея свернуться, чтобъ она его не придавила, и покатились оба, кто куда. У насъ Киргизъ увязъ съ лошадью въ болотѣ, но ихъ благополучно вытащили. Пройдя недолго прямою и хорошею дорогой, мы поползли по крутому и каменистому подъему, по склону громаднѣйшей горы, покрытой густымъ лѣсомъ. Лѣзли мы, лѣзли, по узкой тропинкѣ между камнями и деревьями, держась за гривы, чтобы, несмотря на нагрудникъ, не сползти съ сѣдломъ на хвостъ. Спускаться оказалось еще хуже; послѣ дождя камни скользкіе; между камнями жидкая грязь, и спускъ такой же крутой, какъ и подъемъ. Костю все время урядникъ велъ на чумбурѣ; но онъ уже не краснѣлъ и не трусилъ, какъ на первомъ спускѣ. Сойдя съ этого спуска, мы снова пошли хорошей дорогой лѣсомъ. Въ тѣни громадныхъ деревъ тѣнисто и прохладно; кругомъ всевозможныя ягоды, къ намъ то и дѣло подъѣзжаютъ Киргизы или казаки, и подаютъ пучки ягодъ.

Барсуковъ уѣхалъ впередъ искать бродъ. Пройдя довольно долго, мы остановились на полянкѣ въ лѣсу подождать Барсукова. Ждали, пождали, Барсукова все нѣтъ; снова сѣли на лошадей и стали спускаться частымъ лѣсомъ къ рѣкѣ. Два казака поѣхали впередъ; наконецъ они вернулись съ извѣстіемъ, что Барсуковъ *реветъ* — значитъ къ броду.

Пробравшись между деревьями, пнями, валежникомъ и кустами къ берегу, видимъ дѣйствительно Егоръ Титычъ тутъ.

— Ну, говоритъ, — бродъ не очень хорошъ, но перейти можно.

Рѣка въ этомъ мѣстѣ саженъ 40 ширины, посрединѣ отмель, съ правой стороны глубина и быстрина, оканчивающаяся за островкомъ покрытымъ кустами той же отмелью; по этой отмели можно добраться до другаго берега; съ лѣвой, *труба*, то-есть глубокое русло, и вода туда несется съ страшной быстриной.

Мужъ приказалъ выстроиться всѣмъ по три въ рядъ, идти плотною колонной, забирая сначало вправо, чтобы не унесло въ трубу, и потомъ спускаться на отмель, на которой, въ видѣ маяка, стоялъ Барсуковъ.

Впереди колонны пошли мужъ, я и казакъ; за нами Костя на чумбурѣ у урядника; съ другой стороны его. Османъ и Ж.

и такъ далѣе. Сначала шли хорошо, плотно держась другъ около друга, но черезъ нѣсколько минутъ, смотрю, лошадь моя отдѣлилась отъ лошадей казака и мужа. Онъ кричитъ мнѣ что-то; за ревомъ воды ничего не слышно. Вижу справа вода несется и бьетъ каскадомъ, слѣва тоже; чувствую какъ лошадь шатается подо мной, гнетъ ее кольцомъ, вода хлещетъ въ бокъ, такъ что хватаетъ мнѣ до колѣнъ, и, главное, душа дрожитъ за Костю. Окончательно я перестала понимать идетъ или стоитъ моя лошадь; вижу только что около меня реветъ и клубится вода. Голова стала кружиться, и я почувствовала какую-то совершенную безпомощность. Въ это время казакъ схватилъ и дернулъ мою лошадь за поводъ, и мужъ крикнулъ такъ что я разслышала: „правѣе!"—„на Барсукова!" Я какъ будто опомнилась, поняла въ чемъ дѣло и куда держать. Выбрались на отмель, то-есть на средину брода; отлегло отъ сердца. Костя тутъ. Въ ту же минуту съ неимовѣрною быстротой пронесло мимо насъ, по трубѣ, Викентія. „Викентій отбился!" „Викентій тонетъ!" крикнули около насъ.

Барсуковъ бросился по отмели, чтобъ его перехватить, сунулся, схватилъ его, но у него въ рукѣ остался одинъ только клокъ волосъ; того несло дальше, кувыркая вмѣстѣ съ лошадью; раза четыре ихъ перевернуло. Когда Викентія пронесло мимо Барсукова, всѣ точно замерли; невольно только двинули лошадей впередъ по отмели вслѣдъ за тонущимъ. Въ эту минуту Викентія принесло къ тому мѣсту гдѣ рѣка дѣлаетъ крутую луку; тутъ низко надъ водой росъ большой кустъ тальника. Это его спасло, онъ схватился за сучья тальника; вѣроятно тутъ была заводь, потому что и лошадь справилась и стала выбиваться на берегъ. Смотримъ, она передними ногами уже на землѣ, и выкарабкивается совсѣмъ. Викентій, держась за хвостъ, за ней. Слава Богу! На берегу!

Барсуковъ повелъ насъ дальше, но остальная часть брода уже неглубокая. Лишь только мы стали на землю, верблюда съ кухней и нашими вещами потащило по трубѣ. Барсуковъ снова бросился за нимъ, успѣлъ перехватить за длинный арканъ и вытащить на отмель. За верблюдомъ, смотримъ, тащитъ казака; но у него лошадь была отличная, самъ онъ былъ опытный, и несло его близко отъ мели, такъ что довольно скоро выбился на отмель. Не успѣли вздохнуть свободно, еще казакъ тонетъ; этого уже сбило, и принялось кувыркать, но,

на счастье, его тоже несло около самой отмели, и Барсуковъ скоро его перехватилъ.

Наконецъ всѣ собрались на берегу, считаютъ, одного казака нѣтъ, и Викентій остался на томъ берегу. Выбрали лучшихъ лошадей, и Барсуковъ съ урядникомъ отправились за ними. Мы тѣмъ временемъ распорядились разложить костеръ, такъ какъ солнце уже сѣло и стало очень свѣжо. Достали спиртъ и сухое платье. Барсуковъ, какъ только перевезъ Викентія, вдругъ опустился, поблѣднѣлъ и, легши на краю берега, сталъ смачивать себѣ голову и грудь водой. Ему отъ утомленія, а, можетъ-быть, отчасти и отъ волненія, стало совсѣмъ дурно.

Когда тонувшіе переодѣлись и ихъ напоили спиртомъ, мы тронулись дальше.

Алтайскія горы открылись во всей своей красѣ: кругомъ насъ, какъ застывшіе исполинскіе валы Океана, подымались на необозримое пространство горы, мѣстами, въ ущельяхъ поросшія лѣсомъ, мѣстами каменистыя, но большею частью покрытыя, какъ ковромъ, густою травой и цвѣтами. Чѣмъ выше поднимались мы въ горы, тѣмъ становилось холоднѣе. Проѣхавъ на полныхъ рысяхъ верстъ десять, мы пріѣхали къ аулу Микайле, и остановились верстахъ въ трехъ отъ него, въ долинѣ между лѣсистыми горами; это урочище тоже называется Котонъ-Карагай.

IV.

10го августа, Рахмановскіе ключи.

Утромъ, когда мы сошлись къ чаю, оказалось что сравнительно все обошлось благополучно; больныхъ послѣ вчерашняго купанья не было. У Викентія только сильно разбита нога, вѣроятно въ то время когда его кувыркало, или, по выраженію Барсукова, *куряло* въ рѣкѣ. Снова около костровъ досушивали чай и вещи. У мужа не оказалось ни одной сухой пары сапогъ. Одну онъ вымочилъ переходя бродъ, другія всѣ тонули. Наѣхало много Киргизовъ: всѣ они усѣлись на землю рядкомъ; самъ Микайле, восьмидесяти двухъ-лѣтній старецъ, очень напоминалъ дряхлую собаку, можетъ-быть тѣмъ что у него глаза красные и слезятся. Онъ нѣсколько разъ присылалъ просить водки; ему раза два дали, разъ даже налили въ бутылку, но потомъ стали отказывать.

Долго продолжались наши сборы. Киргизы аула Микайле сами только-что приняли русское подданство. То приводили они лошадей никуда негодныхъ! а если и приведутъ хорошихъ, не успѣешь оглянуться, а они ихъ снова угнали.

Наконецъ все устроилось; мы тронулись въ путь, и перейдя ручей, стали подниматься на зеленую гору. Казалась она не очень высокой, но когда стали подниматься, гора оказалась препочтенная. Нѣсколько разъ останавливались на площадкахъ, чтобы дать вздохнуть лошадямъ. Когда добрались до вершины и взглянули на долину Котонъ-Карагай, гдѣ оставили десять казаковъ, лишнія юрты и тяжести, они показались намъ муравьями. По горѣ, или вѣрнѣе долинѣ, открывшейся на горѣ и покрытой великолѣпною травой, стояли небольшими рощами, какъ здѣсь называютъ, *колками*, кедры. Во всѣ стороны разваливались горы, виднѣлись Бухтарминская и Берельская долины, съ своими бѣлыми снѣговыми рѣками; за ними подымались бѣлки, то-есть снѣговыя горы. До того громадны, великолѣпны были размѣры этой чудной панорамы, что теперь становилось даже странно вспомнить Ульбинскія горы и Титовку; точно карточный домикъ приставить къ Исакіевскому собору. Въ ближайшихъ долинахъ виднѣлись аулы. Невольно приходило въ голову, глядя на эту ширь, роскошь и красоту, что завидная жизнь кочующихъ здѣсь Киргизовъ. Правда только не зимой, въ юртѣ!

Солнце начинало сильно припекать и становилось жарко. Мы сошли съ лошадей у ручья, кругомъ его было кочковатое болото. Разумѣется сначала всѣ принялись пить, потомъ стали размѣщаться на кочкахъ; я какъ-то оборвалась и попала всей ботинкой въ воду. Добрыя души вытерли ее, и я стала просушивать на солнышкѣ. Вдругъ всѣ наши лошади, стоявшія въ кучкѣ, шарахнулись. „Что тамъ?“ спросилъ мужъ. На это казакъ, вытянувшись во фронтъ, доложилъ такое неожиданное происшествіе, что я рада была что сидѣла подъ зонтикомъ; а мадамъ К. такъ залилась смѣхомъ, что рухнула между двухъ кочекъ, придравшись къ чему, всѣ разразились хохотомъ. Скоро подошли наши верблюды и вьючныя лошади. Мы двинулись дальше, все продолжая подыматься; довольно долго шли по широкому карнизу, по боку горы; хотя мы ѣхали шагомъ, однако утомителенъ показался этотъ нескончаемый подъемъ, а Барсуковъ намъ разказывалъ что

у Киргизовъ по этому подъему бываетъ „байга" (то-есть скачка). Окончательно пошли по каменистымъ горамъ. Чрезвычайно разнообразны и красивы ихъ сланцевыя вершины и осыпи; и вдругъ, неизвѣстно откуда, между ними точно цѣлыя рѣки валуновъ. Искали слѣдовъ прежде бывшихъ ледниковъ, но какъ-то никакія предположенія не подходили. Раза два намъ пришлось идти по валунамъ. Ужасно надоѣдаетъ. Лошадь ступаетъ шагъ за шагомъ, и надо постоянно держать поводъ настороже, чтобы поддержать лошадь, если она споткнется, и быть наготовѣ сбросить стремена и свернуться съ сѣдла, въ случаѣ если она упадетъ. Изрѣдка попадали въ долинкахъ небольшія озера. Растительность тутъ самая бѣдная, большею частью голые камни, иногда покрытые ползучей березой, да въ долинахъ около озеръ болотная зелень.

Поднявшись на перевалъ, мы стали спускаться по каменистой осыпи; спускъ былъ такой что я велѣла Костѣ сойти съ лошади и идти пѣшкомъ. На днѣ этой долины было тоже озерко, и билъ со скалы небольшой водопадъ. Потомъ опять полѣзли па гору, громадную и крутую, и наконецъ взобравшись на вершину, увидѣли въ первый разъ Бѣлуху. На ней лежали тучи; намъ видны были только два почти одинаковые ея шпиля, на подобіе двухъ исполинскихъ сахарныхъ головъ. Вытащили бинокли, трубу и стали смотрѣть. Киргизы и казаки тоже съ любопытствомъ прикладывали глазъ къ трубѣ, но не изъ любопытства, что̀ тамъ такая за Бѣлуха, а что̀ это за машина въ которую всѣ смотрятъ. Егоръ Титычъ Барсуковъ, хотя и самъ смотрѣлъ на свою родимую Бѣлуху, но долго баловаться намъ не далъ, говоря что хотя будетъ еще одинъ только спускъ до Рахмановскихъ ключей, да за то „жалостный". А ужь если Егоръ Титычъ заявилъ что будетъ жалостно, то дѣйствительно будетъ, какъ называлъ одинъ изъ спутниковъ, какой-нибудь чортоломъ. Наконецъ добрались мы до хорошенькой зеленой долины. Барсуковъ устремился съ Ж. за соболемъ. Насъ же повели старшина Уркунча и его братъ. Подошли мы къ небольшой горкѣ, завернули за нее; смотримъ, обрывъ тысячи въ три футовъ! На днѣ этой котловины или, пожалуй вѣрнѣе, пропасти, поросшей густымъ лѣсомъ, большое озеро, верстъ шесть длиной. И вотъ начали мы спускаться по самому краю этого обрыва по карнизу; такъ какъ къ нему подходятъ вершины

деревъ и кусты, то не страшно; одно что мѣстами очень круто; камни послѣ дождя скользкіе и навалены грудами, точно дѣйствительно кто-нибудь желалъ чтобы тутъ чортъ ногу сломалъ. Какая прелесть горная лошадь! Она идетъ такъ осторожно и ловко что просто любуешься. Въ иномъ мѣстѣ пріостановится, осмотрится, осторожно попробуетъ ногой куда ступить, и потихоньку перебирается. Дѣйствительно, самое надежное въ опасныхъ мѣстахъ полагаться на нее. Спускъ, какъ и обѣщалъ Барсуковъ, оказался „жалостнымъ"; лошади по мокрымъ плитамъ и скользкой грязи то и дѣло съѣзжали на заднихъ ногахъ какъ на салазкахъ, а такъ какъ катанье это происходило по карнизу, на высотѣ, примѣрно, нѣсколькихъ Исакіевскихъ соборовъ, поставленныхъ одинъ на другой, то ощущеніе выходило довольно сильное. Наконецъ мужъ сошелъ съ лошади, пригласивъ меня и Костю тоже сойти. М. и даже нѣсколько казаковъ спѣшились и повели лошадей въ поводу. Прошли мы карнизъ и стали спускаться лѣсомъ; тутъ оказалось еще жалостнѣе. Корни деревъ, ямы, плиты, грязь и, главное, круча страшная. Устала я очень карабкаться и скакать съ камня на камень, такъ какъ у меня не было, какъ у мущинъ, высокихъ толстыхъ сапогъ, и въ тихомолку сѣла на лошадь, видя что Османъ, тоже человѣкъ семейный, спускался на лошади. Слышала я какъ мужъ кричалъ чтобъ я сошла, но притворилась что не слышу. Лошадь у меня была отличная, и спускала удивительно. Плохо только пришлось когда мы съ Османомъ, потерявъ изъ виду проводника, забрались въ такую трущобу что ни ходу, ни выходу. Куда ни взглянешь внизъ, какъ отрѣзано. Слышу мужъ кричитъ откуда-то снизу, М. сбоку, и главное Костя вопитъ: „Мама! Мама! сойди съ лошади! Да снимите ее!" И безъ того мы съ Османомъ были не въ маломъ недоумѣніи, а наши своими криками окончательно сбивали съ толку. Наконецъ и я имъ крикнула чтобы не вопили и не мѣшали. Пооглядѣвшись, мы осторожно повернули лошадей и кое-какъ выбрались. Весь этотъ спускъ, очень крутой, идетъ пять верстъ, другіе говорятъ, восемь.

За то какъ только спустились на долину, перейдя какой-то ручей, просто пришли въ умиленіе: вопервыхъ, отличная лужайка; на ней нѣсколько большихъ кедровъ; это было очень важно для насъ, такъ какъ люди могли укрыться отъ дождя; вовторыхъ, великолѣпное озеро, и кругомъ горы, одѣтыя съ

половины густымъ хвойнымъ лѣсомъ какъ шубой. Пока пришли вьюки, мы пошли къ ключамъ; отъ нихъ такъ и потянуло запахомъ гнилыхъ яицъ, то-есть сѣрой; было довольно холодно, и надъ ключами стоялъ паръ. Спустили термометръ, оказалось въ водѣ 29° по Реомюру. Песокъ на днѣ и вода внизу оказались гораздо горячѣе чѣмъ на поверхности. Ключъ названъ Рахмановскимъ, по имени бѣжавшаго сюда, въ концѣ прошлаго столѣтія, старообрядца, здѣсь и проживавшаго свой вѣкъ. Обдѣланъ ключъ деревяннымъ срубомъ; подлѣ ключа сухое дерево, покрытое навязанными на него тряпочками; это уже жертвоприношенія Киргизовъ и Калмыковъ.

Егоръ Титычъ относился съ уваженіемъ и любовію къ этимъ ключамъ. Подойдя къ срубу перекрестился, напился воды и умылъ себѣ глаза и лицо.

— Какъ же, говоритъ онъ, сидя на камнѣ, около сруба,—мамонька моя была больна и говоритъ: „Сынокъ милый, привези мнѣ этой водицы“. Помогло.

— Да вѣдь отъ вашей деревни далеко сюда?

— Но. (*Но* значило у Барсукова *да.*)

— И ты сюда ѣздилъ за водой?

Егоръ Титычъ засмѣялся.

— Вамъ тутъ дико, да дивно кажетъ, а мнѣ ровно у себя дома. У насъ, вонъ тутъ, въ лѣсу и избушка есть. Каждый годъ сюда промышлять приходимъ.

— Надолго?

— Да мѣсяца на два, на три. Больше въ одиночку ходимъ, а бываетъ по два и больше.

— Есть тутъ около и другія избушки?

— На Калмачихѣ есть, верстахъ въ двадцати. Въ праздникъ другъ къ дружкѣ въ гости ходимъ.

— Какъ же вы зимой тутъ ходите, на лыжахъ?

— Но.

— Въ лѣсу между деревьями развѣ можно на лыжахъ?

— Да кто ловокъ ходить на лыжахъ, такъ тотъ вёртче чѣмъ на конѣ. Какъ пустишься съ горы, страсть! Такъ летомъ и летишь, присядешь маленько, да длинной палкой направляешь.

— А съ этой горы можно сбѣжать на лыжахъ? спросили мы его, показывая крутую, съ вершины почти отвѣсную гору саженъ въ 400 вышины.

— Почто не можно, можно.

— А случалось тебѣ падать?

— Какъ не случалось, случалось.

— Что̀ же тогда?

— Что̀? Сядешь, починишь лыжи, приладишь, да и побѣжишь сызнова. Ну и всяко бываетъ, когда какъ; иногда изломаетъ всего, и лыжи изломаетъ. Лѣтось я съ двумя товарищами промышлялъ на бѣлкахъ около Бѣлухи; снѣгъ-то подтаялъ, поползъ внизъ, они такъ и сгинули. Посмотрѣлъ я, посмотрѣлъ, да за ними. Надо ихъ отыскать. Сорвался, изломало меня всего.

— Ну что̀ жъ?

— Ничего. А товарищей-то и слѣда не нашелъ. Ужъ лѣтомъ нашли. Лежатъ ровно живые, совсѣмъ свѣжіе. Положили такъ-вотъ черезъ сѣдло и повезли домой.

— Семейные были? Молодые?

— Молодые. Одинъ женатый, другой такъ, одинокій. А то, этта я то же зимой былъ на Камлачихѣ одинъ. Чувствую разломило меня всего; ломъ во всемъ. Боленъ. Знать горячка! Натаскалъ воды въ избушку, дровъ припасъ около печки. Вижу, скоро не встать.

— Ну что̀ же?

— Ничего. Сутокъ трое лежалъ и избушку не топилъ. Всего недѣли съ двѣ пролежалъ; ничего не ѣлъ, только воду испивалъ.

— А потомъ?

— Киргизъ заѣхалъ. Домой отвезъ.

Тутъ пришли верблюды; ихъ развьючили и стали разставлять наши юрты. Около ключа сдѣлали ширму изъ моего пледа и я отправилась купаться; вода такая пріятная; кажется бы цѣлый часъ не вылѣзла. Къ обѣду собрались, какъ и всегда, къ намъ въ юрту; въ холодные дни я этому особенно рада, такъ какъ публика нагрѣваетъ юрту. Всю ночь шелъ дождь. Утромъ рѣшили простоять этотъ день на мѣстѣ. Барсуковъ предложилъ поѣхать посмотрѣть его избушку. Мужъ, я и Османъ сѣли на лошадей и отправились съ нимъ. Избушка стояла саженяхъ въ десяти отъ ключей, у подножія горъ, въ кедровомъ лѣсу. Срублена она изъ толстыхъ бревенъ, съ плоской крышей; крошечныя сѣни и въ нихъ сусѣка для муки; изъ сѣней дверь въ избу. Изба вся аршинъ шесть въ квадратѣ. Половина избы занята палатями; тутъ же на нихъ устроена печь изъ груды камней. Крошечное окно, и повы-

ше, въ другой стѣнѣ, заткнутая дыра для дыму. Барсуковъ съ видимой любовью показывалъ намъ, какъ онъ называлъ, свой дворецъ; просилъ посидѣть, говорилъ какъ зимой тутъ тепло.

— Вотъ, этта, поставишь ловушекъ на разныхъ мѣстахъ, гдѣ соболя ходятъ. Пойдешь, посмотришь гдѣ были прежде заставлены. Ходишь-ходишь, и Богъ знаетъ гдѣ, и придешь въ избу. Когда и нѣсколько насъ соберется. А то: ребята, пойдемъ въ ключи париться. Пойдешь! Морозъ страсть какой, изъ ключа паръ такъ и валитъ. Раздѣнемся, да бѣгомъ туда. Шапки на головы надѣнешь, сидишь-сидишь. А то разъ, этта засталъ меня зимой буранъ въ горахъ; одно спасенье; зарылся въ снѣгъ. Какъ очень жарко станетъ, проверчу дыру. Такъ три дня просидѣлъ.

— Ну что же?

— Ничего. Буранъ стихъ, вылѣзъ, до аула кой-какъ добрался, обмерзъ весь. Киргизы домой свезли.

— Что жь съ тобою было?

— Докторъ былъ у насъ въ деревнѣ изъ Зыряпскаго рудника. Везите его, говоритъ, въ больницу: надо, говоритъ, пальцы рѣзать на ногѣ. Я не поѣхалъ.—Ну, говоритъ, какъ знаешь, а у меня съ собой штрументу нѣтъ, — а ране какъ черезъ двѣ недѣли не могу быть сюда. Сказалъ мамонькѣ какой пластырь сварить. Уѣхалъ. Смотрю, у меня пальцы-то на ногѣ почернѣли. Плохо. Досталъ я бритву, спросилъ вина, напился да и отхватилъ. Такъ на этой ногѣ перстовъ и нѣтъ.

Мы такъ и вскрикнули.—Какъ же это ты рѣшился?

— А то какъ, не отними, смерть.

— Что же съ тобой послѣ было?

— Ничего. Мамонька пластырь варила, прикладывала. Она умный человѣкъ была. Залѣчила.

— Долго ты былъ боленъ?

— Мѣсяца три провалялся; весь обмороженъ былъ.

Возвращаясь изъ избушки, мы замѣтили что облака начинаютъ отдираться отъ горъ; признакъ что погода разгуляется. Стали поговаривать не пойти ли намъ впередъ. Барсуковъ говорилъ что хотя позади дождя и много, но можетъ случиться и разнесетъ.

Рѣшили идти. Барсуковъ сказалъ что верблюдовъ брать съ собою дальше нельзя, взяли одну только юрту и палатку, навьюченныя на лошадяхъ.

V.

Бѣлая Берель, 11го августа.

Собрались и пошли; почти тотчасъ намъ пришлось подыматься зигзагами по высокой зеленой горѣ. Вышина и крутизна страшная. Добрались повидимому до вершины, а тамъ выше, такая же торчитъ гора. Дали лошадямъ вздохнуть и снова полѣзли зигзагами вверхъ. Наконецъ поднялися до сѣдѣлки и пошли прямо. Начался сильный дождь. Мы пустились рысью до кедроваго колка и спрятались подъ деревьями. Ж. тотчасъ прилегъ на землю, нагребъ сухихъ кедровыхъ иглъ и развелъ огонь. Дождь прошелъ. „Садись!“ И снова пошли впередъ.

Шли мы уже бѣлками; на многихъ мѣстахъ лежалъ снѣгъ. Холодно было очень. Торопились засвѣтло придти на Бѣлую Берель и шли все время, кромѣ подъемовъ и спусковъ, рысью. На бѣду лошадь у меня попалась вертлявая и тряская; стремена мнѣ отпустили длиннѣйшія, того и гляжу что вылечу изъ сѣдла. Поправили, да сдѣлали еще хуже: одно стремя на четверть короче другаго. По-дамски сѣсть нельзя; трава мокрая, лошадь скользитъ. На бѣду пошелъ опять сильный дождь; мы поскакали чтобы скорѣе добраться до лѣсу. На косогорѣ лошадь моя толкнулась въ сторону, я потеряла стремя, но какъ-то, за шею и гриву, удержалась. Какъ ни скакали, а пока добрались до лѣсу, насъ вымочило порядкомъ; но подъ кедрами все равно что подъ крышей. Тутъ же было сдѣлано звѣровщиками или Киргизами нѣсколько шалашей изъ вѣтвей. Переждавъ дождь, снова пошли впередъ; попали подъ градъ, который щелкалъ очень чувствительно, и окончательно спустились отвратительнѣйшимъ, крутымъ, каменистымъ и скользкимъ спускомъ къ Черной Берели. Моя негодная лошаденка на спускѣ чуть было снова не ссадила меня съ сѣдла. Заупрямилась въ одномъ мѣстѣ, гдѣ надо было спрыгнуть съ довольно большаго камня внизъ, и повернула на крутизнѣ въ сторону, вверхъ. Нагайка у меня куда-то запуталась, и я ничего не могу съ нею сдѣлать. Наконецъ Османъ выручилъ изъ бѣды и стащилъ лошадь за поводъ.

Костя и М. спустились пѣшкомъ. Мы перешли Черную Берель въ бродъ; вода прозрачная, а не ледниковая, какъ въ Бухтармѣ и Бѣлой Берели. Бродъ очень быстрый, но не такъ глубокъ какъ на Бухтармѣ. На Берели прехорошенькій водопадъ, красиво обрамленный темными кедрами; вообще мѣсто прелестное. Остановились мы въ зеленой долинѣ подъ кедрами. На одномъ кедрѣ великанѣ, между корнями котораго мы усѣлись, надѣланы были звѣровщиками вѣшалки для ружей и т. д. Барсуковъ разказывалъ намъ что они часто тутъ ночуютъ. Отдохнувъ и напившись чаю, пустились дальше. Взобрались на такой же громадный перевалъ, какъ и до Черной Берели, и спустились такимъ же отвратительнѣйшимъ спускомъ. Бѣлую Берель перешли въ двухъ мѣстахъ: сначала довольно мелкій рукавъ, и, потомъ, главное русло. По сравненію этотъ бродъ показался довольно хорошъ, хотя тоже вода ледниковая, бѣлая, и дно очень каменисто.

Берельская долина казалась въ сумеркахъ очень мрачной и дикой; особенно поражаетъ мертвая тишина кругомъ. Начиная съ подъема отъ Микайле, я не помню чтобы намъ встрѣчались птицы. По крутому берегу Берели стояли отдѣльными колками кедры. Велѣно было стать на ночлегъ въ одномъ изъ нихъ. По бокамъ долины громадныя горы. Добравшись до ровнаго мѣста, насъ, нѣсколько человѣкъ, съ Барсуковымъ во главѣ, пустились карьеромъ. Доскакавъ до удобнаго мѣста, мы сошли съ лошадей, Ж. тотчасъ занялся своимъ любимымъ дѣломъ, разжиганьемъ костра, а мы съ Костей пошли бродить и рвать цвѣты, которыя я собирала и сушила. Барсуковъ толковалъ мнѣ свойства многихъ травъ и цвѣтовъ. По горамъ краснѣетъ бездна бадана; его пьютъ вмѣсто чая, только собираютъ не свѣжій, а прошлогодній. Барсуковъ увѣрялъ что вкусомъ отъ настоящаго чаю не отличишь.

Вечеромъ, когда собрались въ юрту около чая, Барсуковъ засѣлъ тоже къ намъ, и разказывалъ какое тутъ множество медвѣдей.

— Если его не тронешь, говорилъ онъ, медленно прихлебывая чай въ прикуску,—онъ не пошевелитъ; а на выстрѣлъ, такъ прямо и махнетъ. И мудеръ же онъ; иди къ нему такъ чтобы никакъ не услыхалъ человѣчьяго духа, не то уйдетъ.

— А много ты ихъ билъ?

— Да кто его знаетъ; десятка за три, либо за четыре.

— Ломалъ тебя медвѣдь?

— Нѣтъ, не ломалъ. Одново руку сгрызъ. Былъ я на Бѣлухѣ около ледника, вижу пять ихъ ползаетъ по льду: я стрѣлилъ; одного убилъ, трое убѣгли; еще одного ранилъ; какъ онъ махнетъ на меня, я за большую колоду тороплюсь, винтовку зарядить, а онъ лѣзетъ. Я ему зареву: ты куда! ты зачѣмъ! онъ ошалѣетъ отъ крику-то, остановится. А тамъ опять ползетъ. Я опять зареву на него, онъ опять остановится. Наконецъ ужъ этта наровитъ меня згресть, я ему изъ-за колоды въ лапы винтовку сую, а самъ другой рукой ищу, ищу ножа, а у самого такъ все и дрожитъ, молюсь: Мать Пресвятая Богородица! Онъ винтовку-то какъ выбьетъ у меня изъ руки, да и потащилъ меня ровно соломенку; я ухватился другой рукой за колоду, рванулся, да и кинулся подъ яръ.

— Ну что же?

— Ничего. Два ребра переломилъ. Полежалъ, полежалъ. Всталъ, вылѣзъ изъ яра, винтовку нашелъ, и тотъ медвѣдь что на меня лѣзъ издохъ; шкуры ободралъ. А то еще весной было, вижу, медвѣдь большущій и медвѣдица цѣлуются; онъ этта, зайдетъ, въ рыло-то ее лижетъ. Я съ подвѣтру зашелъ. Стрѣлилъ. Какъ онъ медвѣдицу-то шархнетъ въ сторону, а самъ такъ кубаремъ и скатился подъ гору. Та посмотрѣла, чего молъ, думаетъ, милый мой такъ меня шарахнулъ? Пошла подъ гору, видитъ кровь, фыркнула, да на меня. Я ее въ упоръ. А то, вотъ-то смѣху было, продолжалъ Егоръ Титычъ, смѣясь и качая головой:—это ужь мы пришли съ промысловъ, и испиваемъ. Пили, пили. Бѣжитъ тутъ одинъ: „Тятенька! кричитъ, медвѣдь на пасѣкѣ въ капканъ попалъ." Мы всѣ были безъ оружія (у звѣровщиковъ правило, когда приходятъ другъ къ другу въ гости, не брать съ собою ни ножа, ни какого оружія, точно также когда идутъ на промыселъ, не берутъ съ собой водки). Бѣгомъ! Кто еще за пазуху суетъ бутылку или полуштофъ. Прибѣжали. Медвѣдь идетъ, лапа-то у него въ капканѣ, а за капканомъ тащится на цѣпи большущій чурбанъ. Вотъ шелъ онъ, шелъ, остановился, взялъ чурбанъ въ лапы и понесъ. Должно-быть надоѣло, вырылъ яму, закопалъ туда чурбанъ, затопталъ, затаскалъ всякой всячиной, ну, думаетъ, ладно. Пошелъ, а чурбанъ-то снова за нимъ! Остановился, сызнова потащилъ, принесъ на край яра—какъ шаркнетъ его подъ яръ! да и самъ съ нимъ улетѣлъ! Отъ-то мы хохотали!

Кто-то спросилъ Барсукова большіе ли здѣсь медвѣди.

— Большущіе. Въ вышину-то не очень высокъ, съ двухгодовую скотину, гораздо длинный эвокой! какъ станетъ на дыбы, такъ вотъ до верху юрты будетъ.

Это выходило аршина четыре.

— Множество ихъ здѣсь, продолжалъ Барсуковъ.—Вотъ тоже было съ однимъ, съ нашимъ: идетъ онъ около самой Берели; наткнулся на чернаго звѣря; тотъ бросился на утекъ, онъ за нимъ; медвѣдь со страховъ въ рѣку (а онъ на водѣ ничего нестоющій). Плыветъ, только одна мордочка торчитъ, ни поворотиться въ водѣ, ничего; какъ есть ничего нестоющій! Товарищъ за нимъ въ воду, онъ удалой былъ и плавать, и на все, нагналъ чернаго звѣря, сѣлъ на него, схватилъ за голову, да и зачалъ курять (совать головой въ воду) такъ до смерти и закурялъ.

Долго еще мы сидѣли и толковали, но когда всѣ разошлись, и у насъ въ юртѣ заснули, мнѣ вдругъ ясно представилось въ какой мы глуши, и что если въ нашу юрту заберется медвѣдь.

Такъ и представлялось какъ онъ подымется въ вышину всей юрты, и насколько днемъ я желала посмотрѣть медвѣдя на волѣ, настолько теперь казалось страшно.

VI.

Бѣлая Берель 11го августа. На ледникъ и обратно на ночевку.

Погода стояла отличная, и мы часовъ въ семь отправились къ Берельскому леднику. Дорога по высокому берегу Берели отличная, и мы шли на полныхъ рысяхъ. При солнечномъ свѣтѣ долина казалась прелестной. Во всѣхъ мѣстахъ гдѣ растутъ *дубы*, то-есть дикій укропъ, кругомъ и около истоптано медвѣдями; во многихъ мѣстахъ видно было гдѣ они лежали. Барсуковъ замѣтилъ что ихъ тутъ такое множество, ровно скотъ пригнали; но мы, къ сожалѣнію, ни одного не видали. Скоро мы стали понемногу подыматься, все берегомъ же Берели, выше и выше; и окончательно вошли на карнизъ, какого еще не встрѣчали. Посмотрѣла я, да и велѣла Костѣ остаться на лошади; все же у горной лошади привычнѣе и вѣрнѣе нога. Карнизъ этотъ былъ въ четверть аршина шириной, прямо отъ него осыпь футовъ въ триста; у подножія реветъ Берель, болѣе и болѣе свирѣпѣвшая по мѣрѣ прибли-

женія къ леднику. Съ другой стороны карниза крутая, почти отвѣсная гора; такъ что войдя на этотъ карнизъ, ни повернуть назадъ, ни соскочить съ лошади, въ случаѣ еслибъ она оступилась, немыслимо; развѣ черезъ крупъ, но едва ли для насъ, новичковъ, такой экспериментъ возможенъ, потому что все-таки надо соскочить на площадь въ четверть аршина ширины. Карнизъ этотъ подымался и спускался, дѣлалъ небольшіе извороты, и въ одномъ мѣстѣ шелъ совсѣмъ наискось внизъ, да тутъ же лежала плита торчкомъ, черезъ которую лошадямъ надо было переступать. Костя шелъ очень хорошо, совершенно покойно, у него, какъ и у меня, голова не кружилась на высотѣ. Не дай Богъ, закружись голова, испугайся, дерни лошадь, или, просто, сдѣлай самъ неловкое движеніе, лошадь сдѣлаетъ невѣрный шагъ, оборвется, и тогда гибель неизбѣжная. Барсуковъ говорилъ что послѣ дождя идти по этому карнизу крайне опасно и надо идти пѣшкомъ, потому что лошадь скользитъ. У него сорвалась разъ лошадь въ этихъ мѣстахъ.

Съ этого карниза мы пошли все вверхъ косогоромъ, безъ тропинки, по совершенно зеленой горѣ. Тутъ вышина скоро сдѣлалась страшною надъ Берелью, но опасности сравнительно было гораздо меньше; тутъ не было отвѣсной кручи, и можно было, въ случаѣ несчастія, свернуться съ лошади и удержаться на горѣ, такъ какъ она покрыта густою высокою травой; или болѣе или менѣе безвредно, то-есть быть-можетъ и безъ смертельныхъ поврежденій, дѣйствовать кубаремъ внизъ по косогору.

Подымаемся мы все выше и выше, вдругъ Барсуковъ кричитъ: „Далѣ нельзя! Осыпь! Поворачивайте вверхъ!“

Въ ту же минуту вижу, мужъ съ сѣдла долой и упалъ на траву. У него и такъ кружится голова на высотѣ, а тутъ еще былъ слишкомъ тепло одѣтъ, а главное, въ мѣховой шапкѣ; вѣроятно кровь бросилась ему въ голову, ему сдѣлалось совсѣмъ дурно. Казакъ и Барсуковъ подхватили его подъ руки, и такимъ образомъ онъ лежалъ нѣсколько минутъ; сняли галстукъ, шапку, ему стало легче. Понемногу его довели, или доползли съ нимъ до того мѣста косогора гдѣ была возможность спуститься внизъ, стали спускаться или, вѣрнѣе, сползать къ рѣкѣ, косогоръ кончался рыхлою земляною осыпью саженъ въ пятнадцать вышины, не болѣе, но совсѣмъ крутой. Костя, сойдя съ лошади, скатился внизъ довольно искусно.

Лошади осторожно, бокомъ, какъ-то особенно изогнувшись, переступаютъ по мягкой осыпи и катятся, или, вѣрнѣе, ползутъ вмѣстѣ съ ней; вовсе не такъ страшно, какъ казалось. Хуже всего на поворотахъ. Барсуковъ предложилъ идти низомъ, замѣтивъ что только придется много разъ переходить Берель; рѣшили идти черезъ Берель. Четыре раза мы перешли въ бродъ. Видѣли около воды слѣды копытъ, какъ Барсуковъ называлъ, козловъ, но едва ли это не сайги. Всѣ были въ духѣ, болтали; я все дразнила Барсукова что онъ нахвасталъ, что покажетъ ледникъ; онъ защищался, наконецъ съ торжествомъ воскликнулъ:

— А это что?

— Гдѣ? Я ничего не вижу!

— Самый ледникъ и есть!

Между двухъ высокихъ горъ, неширокое ущелье было загромождено отлого понижавшейся сѣро-шеколадной массой, которая круто упиралась въ высокую, почти отвѣсную каменную осыпь, охватившую ее полукружіемъ и уходившую въ ущелья; подъ ней высились исполинскіе зубцы какого-то чуднаго кремня. На осыпи сверкала серебряная лента Берели. Это и былъ ледникъ съ своей конечной мореной. Величавая картина эта до того не сходна была съ тѣмъ какъ воображала я себѣ ледникъ, что я не вѣрила глазамъ, и вслухъ выразила свое сомнѣніе, чѣмъ и заслужила полное негодованіе Егора Титыча: „Что же это вы, барыня, въ самомъ дѣлѣ! Развѣ Егоръ Барсуковъ хлопуша какая? Какъ же это я навру!“ Мужъ, бывавшій на ледникахъ, подтвердилъ что это точно ледникъ.

Берегъ, по которому мы подошли къ леднику, снова значительно поднялся и противъ морены кончался такъ круто что нельзя было сойти; пошли искать спуска, обрѣли снова земляную осыль, по подобію первой, и спустились такимъ же способомъ какъ съ перваго спуска. Берель изъ-подъ ледника падаетъ тремя каскадами, и у подножія морены разбивается на нѣсколько рукавовъ, очень не широкихъ, но такихъ бѣшенныхъ что Егоръ Титычъ, перебравшись черезъ одинъ изъ нихъ, закричалъ чтобы мы за нимъ не шли. Онъ пошелъ вверхъ, куда-то въ сторону по моренѣ, а мы отправились противъ нее правымъ берегомъ Берели, заваленнымъ большими камнями. Наконецъ на лошадяхъ стало идти совсѣмъ дурно.

Лошадей и казаковъ оставили тутъ, а сами стали карабкаться дальше, перескакивая съ камня на камень; мѣстами, поднявшись немного на крутой берегъ, противъ морены, находили родимую чернику, которую не видали съ выѣзда изъ Петербурга. Ж. и Османъ такъ увлеклись черникой что отстали отъ насъ. Наконецъ мы прошли то мѣсто гдѣ Берель падаетъ съ морены и круто поварачиваетъ влѣво. Тутъ стало возможно подняться по моренѣ къ леднику. Нельзя сказать чтобъ особенно удобно; огромные камни нагромождены одинъ на другой, да и круто. Карабкались мы долго; вода между камнями струится холодная, отличная. Нѣсколько разъ мы садились на камни, пили и смачивали себѣ голову; наконецъ добрались до ледника. Вблизи, сквозь сырую массу песка, такъ и сверкалъ ледъ; весь видимый намъ ледникъ состоялъ изъ громадныхъ глыбъ льда; верхнія массы льда, въ видѣ зубцовъ и башенокъ, мѣстами до того обтаяли что торчали въ видѣ шпилей; одна остроконечная ледяная башенка треснула вдоль и поперекъ, и стояла наклонившись совсѣмъ на сторону; какъ мы не желали пламенно чтобъ она рухнула при насъ, она стояла искривившись и будто поддразнивая. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ ледъ подталъ снизу, и образовалъ родъ навѣса; въ другихъ мѣстахъ проталъ круглымъ окномъ, въ которомъ сквозилъ чистый, какъ стекло, ледъ; въ иныхъ мѣстахъ торчитъ иглами. Все это играло и сверкало на солнцѣ. Изъ-подъ средины ледника била Берель, и летѣла внизъ по моренѣ тремя каскадами.

Упершись въ противный берегъ, Берель круто поворачиваетъ влѣво, принимаетъ еще рукавъ, падающій съ праваго боку морены, катится уже рѣкой, нѣсколькими широкими руслами. Надъ головами, съ обѣихъ сторонъ ледника, сходились къ нему почти отвѣсными стѣнами, два снѣговые великана и отъ нихъ расходились лѣсистыя горы Берельской долины. Поразительно хорошо!

Но солнце стало палить; ледникъ заигралъ, сразу повсюду зажурчали и заструились струйки и защелкали камешки.

Пора значитъ убираться! М. сказалъ что и Тиндаль совѣтуетъ, какъ только заиграетъ ледникъ, уходить съ него, чтобы не пристукнуло невзначай съѣхавшимъ камешкомъ; а бываютъ они сажени въ двѣ въ квадратѣ. Спускаться было еще менѣе удобно чѣмъ подыматься. Всего мы подымались и спускались по моренѣ три часа. Сойдя внизъ, я предложила

свои услуги быть вожакомъ,—вообразила себя въ нѣкоторомъ родѣ Егоромъ Титычемъ. Сначала мое предложеніе и приняли, но дойдя до одного мѣста, я стала совѣтовать подняться въ гору, увѣряя что взобравшись на уступъ мы пойдемъ хорошею дорогой и избѣгнемъ ломанья ногъ по камнямъ, нагроможденнымъ внизу. Мужъ разрѣшилъ мнѣ идти новооткрытымъ путемъ, а самъ пошелъ старымъ; М. пошелъ съ нимъ, а Костя отправился за мной. Сначала пошли хорошо, но какъ же скверно мнѣ стало когда уступа котораго я ждала. взбираясь, на высотѣ не оказалось, а осыпь пошла все круче и круче. Спуститься внизъ, назадъ, нельзя, скатишься какъ разъ на большіе камни, что торчатъ грудой внизу, а лѣзть на верхъ ужасно. Мы поползли на колѣняхъ и локтяхъ, изъ-подъ насъ такъ и катится осыпь, попробуешь схватиться за большой камень, а онъ кубаремъ внизъ. Боже мой, того и гляжу что сорвусь, а главное мой Костя. Помочь ему ничѣмъ не могу; приказываю только не останавливаться, не оглядываться назадъ. Не знаю какъ онъ, но я отъ тревоги и не чувствовала боли, хотя колѣнамъ и рукамъ доставалось жестоко. Пріободряю его, а у самой душа замираетъ. Наконецъ осыпь пошла отложе, мы доползли до маленькихъ сосенокъ. Тутъ уже безопасно! Выбравшись подальше между ними, мы сѣли отдохнуть. Отъ біенія сердца я чуть не задохнулась. Когда поотдышались и поуспокоились, я отъ всей души перекрестилась. Еслибы нѣсколько минутъ тому назадъ тамъ на осыпи, меня приговорили разстрѣлять за то что я потащила ребенка на такую опасность, я бы не пикнула; а тутъ не успѣла вздохнуть свободно, стало томить непріятное сознаніе глупой неосторожности и ожиданіе непріятнѣйшей проповѣди. Выбравшись въ кустарникъ, мы долго путешествовали, пока добрались до нашихъ; между камнями тутъ росъ низкій соснякъ и множество черники, отъ которой мнѣ трудно было оторвать Костю, а путешествовать вдвоемъ тутъ не вполнѣ удобно; можно наскочить и на звѣря, защиты же только маленькій револьверъ у меня на поясѣ, изъ котораго я и стрѣлять не умѣю порядкомъ. Завидя насъ, наши прислали намъ навстрѣчу лошадей. Спустившись къ нимъ, мы сѣли въ кружокъ въ тѣни большихъ кустовъ. Скоро подошелъ и Барсуковъ, онъ былъ на ледникѣ съ другой стороны; жаль что мы съ нимъ не сошлись, и не пошли взобраться на самый ледникъ: впрочемъ онъ говорилъ что это едва ли возможно.

Въ какіе-нибудь три часа Берель прибыла такъ что даже Барсуковъ, переправляясь назадъ съ морены, думалъ что пришелъ его послѣдній часъ; мы видѣли какъ его крутило. Противъ морены, между камнями, росла необыкновенная черная смородина; кустъ не болѣе полуаршина вышины; листья очень миніатюрные, и ягоды не вѣтками, а больше на стебляхъ; чрезвычайно душистая и смолистая.

Возвращались назадъ тѣми же бродами, теперь болѣе глубокими и, слава Богу, благополучно. Всѣ пришли въ отличное расположеніе духа; толковали, разказывали свои впечатлѣнія. Насъ поражало что птицъ здѣсь совсѣмъ не видно и не слышно. Подошли и къ знаменитому карнизу. Миновать его нельзя, а за мужа смертельно страшно чтобы не сдѣлалось съ нимъ дурно. Но дѣлать нечего, идти надо. Мужъ ни разу не взглянулъ внизъ и прошелъ благополучно. Не доходя версты четыре или пять до нашей стоянки, Ж. подъѣхалъ къ намъ и замѣтилъ что хорошо бы подняться на гору у подножія которой мы шли; съ нея, говорятъ, видны и Катунскій и Берельскій ледники. Эта картина, при закатѣ солнца, должна быть великолѣпна. Я тотчасъ къ мужу; онъ разрѣшилъ, съ тѣмъ однако условіемъ чтобы Барсуковъ шелъ съ нами. Барсуковъ былъ впереди; мы понадѣялись что намъ его пришлютъ и тотчасъ стали подыматься въ гору. Охотниковъ, кромѣ меня и Ж., никого не оказалось. Долго шли мы зигзагами вверхъ, изрѣдка останавливались на минуту чтобы дать вздохнуть лошадямъ; приходилось скакать черезъ рытвины на косогорѣ; у Ж. три раза рвалась подпруга, но какъ-то ни на что не обращалось вниманія; одно было желаніе—добраться до верху. Гора оказалась, однако, выше чѣмъ мы предполагали; мы не добрались еще до вершины, какъ солнце сѣло. Мы все-таки продолжали взбираться; поднялись, наконецъ, до послѣдняго уступа; еще нѣсколько саженъ, и мы у самаго гребня; тамъ еще одинъ подъемъ, и мы достигли бы нашей цѣли. Но какъ часто бываетъ въ жизни, тутъ-то и оказалось непреодолимое препятствіе. Лошадь Ж. задохнулась и стала. Посмотрѣлъ онъ, видитъ дѣлать нечего; заставлять ее подыматься еще выше—невозможно; какъ ни было жаль, пришлось вернуться. Видя что очень стемнѣло, и боясь что будутъ о насъ безпокоиться, мы внизъ всю гору катили рысью, не-

смотря на то что у Ж. лошадь была измучена, а моя лягалась какъ оселъ, только ее тронешь нагайкой; вѣроятно благодаря только третьему рожку моего, превращеннаго въ мужское, дамскаго сѣдла, который служилъ мнѣ точкой опоры, я не перелетѣла ни разу черезъ голову. Спустились мы, сравнительно, очень скоро, если принять въ соображеніе усталость нашихъ лошадей. Версты за двѣ насъ встрѣтилъ старшина. Подъѣзжаемъ къ нашей стоянкѣ; темно совсѣмъ; костры ярко пылаютъ; около нихъ копошатся люди; чайникъ кипитъ; картина самая успокоительная и пріятная. Но Егоръ Титычъ только насъ завидѣлъ, заревѣлъ: „Куда это вы, Богъ съ вами! Да теперь черный звѣрь шляется! Темень какая. Да какъ же это можно!"

Услыхавъ возгласы Барсукова, и видя что мужъ лежитъ у костра, не поворачивая ко мнѣ головы, сообразила что должно-быть сильно о насъ тревожились. Видя что дѣло плохо, я поскорѣй скрылась въ юрту и легла спать. Въ просонкахъ слышала какъ рѣшили идти не на Рахмановскіе ключи, а на Язево озеро и оттуда прямо въ кочевья Микайле. Ж. и Барсуковъ съ ночи отправились на поиски медвѣдя.

VII.

Котонъ-Карагай, кочевье Микайле. Отъ Бѣлой Берели, черезъ Язево озеро, 45 верстъ.

Мы шли Берельской долиной, спускаясь вдоль хребта который раздѣляетъ Берель отъ Катуни. Прошли небольшой перевалъ и пошли лѣсомъ. Берель ушла влѣво. При выходѣ изъ лѣса справа показалась Катунь, но къ сожалѣнію знаменитаго ея водопада не видали. Пошли равниной по которой извивалась Язевка. Приходилось обходить и проходить большими болотами. Потомъ опять шли рощами; множество ключей, дорога кочевая, мѣста прелестныя! На лугахъ цвѣло множество гинціанъ. Барсуковъ разказывалъ что они употребляютъ этотъ цвѣтъ какъ лѣкарство отъ кровавыхъ поносовъ; по его разказу, дѣйствіе настоя гинціанъ должно быть сильно наркотическое; когда его даютъ больному, онъ засыпаетъ, и все время что̀ спитъ стараются ничѣмъ не потревожить сонъ. Послѣ сна, по его словамъ, иногда съ одно-

го пріема помогаетъ. Въ ихъ деревняхъ, также какъ и въ Бухтармѣ и у насъ въ Семипалатинскѣ, въ лѣтніе мѣсяцы на дѣтей повальная болѣзнь—кровавые поносы. Въ Семипалатинскѣ и, какъ мнѣ говорили, въ Бухтармѣ, большинство дѣтей умираютъ, а въ деревнѣ Барсукова въ это лѣто изъ двадцати больныхъ умирало восемь, девять, что̀ составляетъ разительный контрастъ со смертностью у насъ.

Пройдя верстъ 20, мы пришли къ Язеву озеру; оно верстъ пять длины и около версты ширины. На противоположномъ берегу въ кедровникѣ на склонѣ горы стояла избушка, вѣроятно звѣровщиковъ. Пройдя озеро, мы поднялись на горку и остановились въ рощѣ. Какой видъ открывался отсюда! Я такого не видала! Язево озеро лежитъ зеркаломъ въ зеленой долинѣ, уходившей на далекое пространство и обрамленной вѣнцомъ темныхъ лѣсныхъ горъ; изъ-за нихъ подымались красныя и фіолетовыя каменистыя вершины; на заднемъ планѣ, подымаясь надъ горами и завершая картину, бѣлѣла и сверкала въ лучахъ солнца снѣго̀вая красавица Бѣлуха. Берельскій и Катунскій ледники были совершенно видны.

Въ трубу хорошо было видно на Берельскомъ ледникѣ, за зубчатымъ кремнемъ, гладкое ледяное поле; на одномъ изъ уступовъ кремня лежалъ громадный камень. Жаль что онъ не съѣхалъ при насъ. Катунскій ледникъ, по словамъ Барсукова, отлогъ такъ что на него легко взойдти.

Долго мы просидѣли на Язевомъ озерѣ, любуясь прелестной картиной; наконецъ поднялись и пошли. Изъ озера снова выбѣгала Язева и, пробѣжавъ около версты, падала водопадомъ саженъ въ 8 вышиной. Около водопада мы спустились довольно крутымъ спускомъ, перешли Язеву и пошли лѣвымъ берегомъ. Еще видѣли тутъ другой водопадъ, летѣвшій между деревьями съ вершины горы. Намъ пришлось идти узкой долиной, по сторонамъ ея на горахъ былъ когда-то лѣсной пожаръ. Черныя, обгорѣлыя деревья стоятъ и лежатъ по горѣ и всей долинѣ; то и дѣло приходилось перескакивать черезъ нихъ. Раза два пришлось идти каменнымъ болотомъ.

Ягодъ была бездна, и намъ постоянно подносили вѣники смородины. Долго мы шли этой долиной; прошли рощу, въ которой встрѣтили Ж. и Барсукова, вернувшихся съ неудачной охоты; перешли въ бродъ Берель, и по широкой, великолѣпной долинѣ направились къ кочевьямъ Микайле. Моя лошадь, тряская на рыси и брыкливая для скачки, оказалась

безподобной; мнѣ на такой еще не случалось ѣзжать. Летитъ какъ птица и скачетъ какъ коза. Ж. торговалъ ее для себя, но Киргизъ ни за что не продалъ, говоря что готовитъ изъ нее бѣгунца (то-есть скакуна).

На другое утро мы выступили въ 6 часовъ утра. Много Киргизовъ насъ провожало; старикъ Микайле, несмотря на свои 82 года, на лошади просто молодецъ. Уркунча просилъ заѣхать къ нему въ гости; вещь весьма непріятная. Понятія объ опрятности у Киргизовъ весьма своеобразныя: какой-нибудь батырь или султанъ, въ жалованномъ халатѣ или казакинѣ съ эполетами, случается высморкается въ полу казакина, а потомъ этой же полой вытретъ и чашку, въ которой подаетъ вамъ воду.

Отъ Микайле мы пошли безподобной мѣстностью, и хотя намъ встрѣтились карнизъ и крутой спускъ, но далеко не Берельскій и не Рахмановскій. Спустившись со спуска, мы пошли рощами. Такая прелесть что невозможно передать, просто рай земной! Наконецъ прошли мы и къ обиталищу жителей этого эдема. Кругомъ юрты цѣлое собраніе Киргизовъ. Байбиче, то-есть жена, Уркунчи встрѣтила насъ и помогла мнѣ сойти съ лошади. Юрта, какъ обыкновенно, убрана коврами, вышитыми полотенцами, на нѣкоторыхъ узоръ замѣчательно похожъ на нашу русскую вышивку пѣтухами. Кругомъ деревянная рѣшетка, составляющая остовъ юрты, сундуки въ видѣ дивановъ, покрытые коврами и курпе, то-есть шелковыми одѣялами. Мы сѣли рядышкомъ по одной сторонѣ юрты, байбиче и дѣти Уркунчи; народу набралось цѣлая юрта, и всѣ, присѣвъ на корточки, глядѣли на насъ во всѣ глаза. Уркунча поставилъ посреди юрты огромную деревянную чашу съ мѣдными ручками для кумыса. Старшая дочь его, довольно красивая дѣва, супорила (пѣнила) кумысъ въ сабѣ (большой кожаный мѣшокъ изъ бычачьей или верблюжьей кожи, въ которомъ заквашивается кумысъ). Кругомъ большой чаши разставили фарфоровыя маленькія, въ родѣ нашихъ полоскательныхъ; налили кумысъ изъ сабы въ чашу; изъ чаши Уркунча черпалъ ковшомъ, въ родѣ нашего суповаго; началось подчиванье; несмотря на невыносимый жаръ и жажду, зная приготовленіе кумыса, я не рѣшилась пить. Около дверей юрты выставили тоже чаши съ кумысомъ для казаковъ. Потомъ мы хотѣли поподчивать хозяевъ чаемъ, но Уркунча не допустилъ. Заварили чай, нельзя сказать чтобы

въ привлекательномъ чайникѣ; Уркунча досталъ изъ сундука сахаръ и собственноручно накололъ. Отъ чая отказаться было невозможно. Османъ, зная меня, досталъ нашъ калмыкъ-башъ (походной погребецъ, полушаромъ, въ который укладываются чашки, въ родѣ маленькихъ полоскательныхъ,—отличная вещь для коннаго путника) и подалъ чай въ нашей чашкѣ; но вкусъ чая отвратительный, вѣроятно или алтай-чай, то-есть баданъ, или кирпичный. Сдѣлавъ нѣсколько времени видъ что пью, я передала байбиче Уркунчи свою чашку; кстати, у Киргизовъ это считается утонченнѣйшей любезностью. Послѣ чаю Османъ принесъ ящикъ съ конфетами въ золотыхъ бумажкахъ и съ картинками. Я стала одѣлять дѣтей Уркунчи; одному дитятѣ было лѣтъ 17ть, да и старшая дочь была въ числѣ дѣтей. Всѣ они съ величайшимъ удовольствіемъ разсматривали конфеты. Нѣсколько человѣкъ изъ киргизской публики подскочили къ нимъ безъ церемоніи, выхватили по конфетѣ, и, посмѣиваясь, снова усѣлись на корточки. Начались хорошія рѣчи: Уркунча говоритъ любезности, Османъ переводилъ по-русски; мужъ отвѣчалъ такими же, и Османъ переводилъ по-киргизски. Жена Уркунчи поднесла мнѣ аршинъ шесть канфы; Костѣ досталось тоже около шести аршинъ шерстяной матеріи, а сынъ ихъ подвелъ Костѣ кунана, то-есть двухгодоваго жеребенка. Османъ принесъ наши подарки: Уркунчѣ — сукна на халатъ; ему и его брату, шитые золотомъ аракчины (шапочка на головѣ); женѣ и старшей дочери ситцу на платья, а Костя отдарилъ сына серебрянымъ стаканомъ; всѣмъ остальнымъ дѣтямъ роздали по нѣскольку двугривенныхъ. Поговоривъ еще другъ другу любезностей, вышли изъ юрты; сама байбиче держала мнѣ стремя и помогала сѣсть на лошадь. Аманъ, аманъ, аманъ! Пожали другъ другу руки, и отправились дальше. Верстахъ въ двухъ отъ юрты встрѣтили стадо яковъ. Корова длинна, но не высока, комолая, съ длинной, волокнистой шерстью, какъ у болонки, и великолѣпный, длинный, пушистый, лошадиный хвостъ. У быка громадные, по росту, рога, и онъ не мычитъ, а какъ-то хрюкаетъ. Почти все стадо снѣжно-бѣлое, удивительно красивое. Скоро мы дошли до Бухтармы, въ этомъ мѣстѣ далеко не такъ глубокой, какъ на первомъ броду. Отъ Микайле за нашими лаучами (верблюдовожатые) побѣжала собака; я очень боялась что она утонетъ при переходѣ въ бродъ, но звѣрь казался бывалый. Перейдя бродъ, сошли съ лошадей, и расположились въ рощѣ,

на берегу. Такъ какъ большинство выѣхало отъ Уркунчи голодное и жаждущее, стали разводить огонь и грѣть чайникъ. Барсуковъ съ двумя казаками отправился неводить. Барсуковъ завозилъ неводъ на лошади, а казаки тащили съ другой стороны. На лошадяхъ мы прошли этотъ бродъ почти не замѣтивъ его, а пѣшихъ такъ и сбивало съ ногъ, такъ и тащило. Тутъ я уразумѣла несостоятельность разказа который я только-что прочитала въ одномъ изъ журналовъ объ американскихъ героиняхъ: какъ одна пятнадцатилѣтняя дѣвушка отправилась ночью въ путь, чтобы передать депеши въ свой лагерь, и что она перешла ночью, въ бродъ по затылокъ, быструю горную рѣчку. Это такой подвигъ что ни на русскихъ, ни на американскихъ ногахъ не совершишь, какъ ни геройствуй; дѣло совершенно невозможное; кто писалъ это вѣроятно никогда не видалъ быстрыхъ, горныхъ рѣчекъ.

Два раза ходили съ неводомъ, но ничего не поймали. Перешли еще разъ Бухтарму; этотъ бродъ былъ серіознѣе. Собака меня совсѣмъ сокрушила; къ намъ, Русскимъ, нейдетъ, а Киргизамъ не могу растолковать чтобы взяли ее на лошадь. Но собачка обошлась собственнымъ умомъ и опытомъ; стоитъ на берегу и выжидаетъ; какъ пошли верблюды въ воду, она забралась еще выше ихъ и пустилась, такъ что, вслѣдъ за верблюдами, выбралась на отмель; отдохнувъ, повторила тотъ же маневръ, но тутъ ее потащило; она не шелохнется, такъ и несетъ ее бокомъ, какъ бревно; я поскакала съ Османомъ по берегу чтобы гдѣ-нибудь попробовать ее перехватить; но она опять сама распорядилась; не тратя силъ напрасно, неслась бревномъ до удобнаго мѣста, тутъ сразу стала выбиваться и выбралась на берегъ. Видно ей дѣло знакомое.

Скоро пошли Бухтарминской долиной; какъ она ни хороша, но до того однообразна что будто съ мѣста не сходишь. Далеко отъ своихъ уѣзжать нельзя, и потому скорость ѣзды ни къ чему не ведетъ; проскачешь, а тамъ стой и жди. Костя носился по долинѣ на высокой бѣлой лошади, на которой онъ сидѣлъ какъ воробей на крышѣ, и пытался ловить перепеловъ, которыхъ тутъ множество; разумѣется всѣ его ухищренія были тщетны. Ж. отправился съ Барсуковымъ въ лѣсъ въ чаяніи встрѣтить марала или сайгу.

Жаръ стоялъ невыносимый; и до того надоѣла эта долина съ своею роскошною обстановкой и великолѣпною колесною дорогой что жаль стало подъемовъ, спусковъ и бболоръ. Одне-

образно; солнце палитъ; мы тащимся шагомъ за шагъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Казаки вяло тянутъ пѣсни: просто ушамъ больно.

Наконецъ солнце догадалось убраться; мы вздохнули свободно, и тутъ же, какъ на зло, вошли въ рощу, тогда какъ весь день шли солнцепекомъ. Въ этой рощѣ намъ попалась горка вся усыпанная клубникой; тотчасъ съ лошадей долой и на подножный кормъ. Ж. и Барсуковъ выѣхали на это же мѣсто. Имъ попался въ лѣсу великолѣпный козелъ, но ушелъ. Они разказывали намъ что видѣли недалеко въ лѣсу цѣлую бездну смородины, крупной какъ вишня. Ж. сталъ подговаривать насъ туда ѣхать. Мы не рѣшались, и говорили ему что онъ дѣйствуетъ какъ змій, но, однако, змія послушались, сѣли на лошадей и поѣхали за нимъ. Смородина росла въ лѣсу по другую сторону рѣчушки, бившей въ этомъ мѣстѣ по большимъ камнямъ такимъ каскадомъ что первую минуту мы осадили лошадей; но видя какъ Ж., не задумываясь, вскочилъ въ каскадъ и благополучно выскочилъ на другой берегъ, я переправилась за нимъ, потомъ онъ перевелъ на чумбурѣ Костю. Набравъ ягодъ, мы вернулись къ нашимъ. Мѣсто гдѣ расположились на ночевку, около зимовки Уркунчи, прелестное. Бухтарма, широкая въ этомъ мѣстѣ, съ шумомъ падаетъ съ уступа, и около нашего берега быстрина такая что стоя около воды смотрѣть страшно; голова кружится; по обоимъ берегамъ ростутъ высокія деревья. Вся зеленая долина кажется замкнутой кругомъ высокими горами, такъ что М., оглядѣвшись на всѣ стороны, воскликнулъ: „Да какъ же это мы сюда вошли!"

Все общество разсѣялось на самомъ берегу и стало забавляться бросаньемъ камней въ воду. Османъ и Ж. таскали такіе насколько хватало силъ поднять, и бросали въ воду; судя по звуку съ которымъ они падали, можно заключить что тутъ очень глубко. Мы хохотали на ихъ соревнованіе, и только заботились чтобы вслѣдъ за камнями они сами не кувыркнулись въ воду.

VIII.

15-го августа, рѣчка Урылъ, отъ зимовки Уркунчи 30 верстъ Чингистай, отъ Урыла 25 верстъ.

Выступили въ 7 часовъ утра, пока солнце не поднялось высоко, и шли перелѣсками; идти было наслажденіе. Невозможно передать животворную свѣжесть воздуха, переливы свѣта и тѣни сквозь густую листву; блескъ и прелесть цвѣтовъ и богатыхъ травъ сверкающихъ отъ росы; радужную игру солнечныхъ лучей въ ревущихъ каскадахъ; это такая гармонія, такая прелесть; чувствуешь только какъ глубоко проникается все существо неизъяснимымъ чувствомъ радости, довольства, счастья,—именно душа поетъ.

Но часа черезъ два вышли на ту же долину по которой шли сюда, и точно нарочно, опять въ полдень; томились отъ жару ужасно. Выѣзжали здороваться Киргизы, и разумѣется подчивали кумысомъ. Наконецъ, ко всеобщему удовольствію, стали подниматься въ гору; снова пошли пересѣками, и отдохнули отъ зноя. Дорога отличная; небольшіе подъемы, хорошіе спуски, цвѣты, ягоды, идешь точно паркомъ. Егоръ Титычъ разказывалъ какъ они управлялись, прежде, въ этихъ мѣстахъ, съ Китайцами.

—Иду, этта, я этой самой долиной, говоритъ онъ,—веду лошадь въ поводу, потому маралиху убилъ и навьючилъ на лошадь. Вдругъ шесть Китайцевъ обступили, ухвали кто меня, кто коня. „Ты чего ходишь по нашей землѣ?“ — Вижу: безоружные. У меня винтовка, а стрѣлять въ нихъ нельзя. Вотъ я и говорю: подержите коня, а меня пустите, мнѣ только жердину вырѣзать. Пустили. Я стою, вырѣзаю эвокую дубинищу, а они стоятъ, смотрятъ; я ее отъ вѣтвей очистилъ, подошелъ, да какъ бацну по пальцамъ того что̀ лошадь держалъ. Онъ заревѣлъ, поводъ бросилъ; а я ихъ и принялся лущить; сначала все тонкимъ концомъ, а потомъ комлемъ. Они въ разныя стороны. „У!“ кричатъ. Не знали мы что ты такой медвѣдь! Я взялъ лошадь и повелъ; они въ меня камнями швыряютъ; я пошелъ, пошелъ болотомъ, такъ и ушелъ. А то вотъ еще нашихъ нѣсколько человѣкъ захватили Китайцы на Чингистаѣ, и потащили. Мы, говорятъ, представимъ васъ

нашему начальству. Постой! думаетъ одинъ; сталъ у дерева, да и царапаетъ кожомъ, а самъ безграмотный. Это, говоритъ, чтобы наше начальство знало что вы съ нами сдѣлали. Тѣ что-то промежь себя посудили, „ну, говорятъ, идите; ну васъ!“ Пошли наши и видятъ какъ Китайцы скребутъ съ дерева то что нашъ-то нагородилъ! Хохотали же наши!

Ягодъ всю дорогу было столько что весь отрядъ ѣхалъ съ вѣниками смородины; между прочимъ тутъ была смородина видомъ листьевъ, вкусомъ и видомъ ягодъ — красная, а цвѣтомъ совершенно черная.

Не знаю почему этотъ отличный, небольшой переходъ (всего 30 верстъ) видимо утомилъ всѣхъ. Казаки время отъ времени затягивали пѣсни, но тоже сонно, вяло и тянули за душу.

На Урылъ мы пришли часа въ четыре. Разставили юрты на берегу, на очень красивомъ мѣстѣ; мученье было только въ томъ что весь лугъ поросъ колючками, коловшими сквозь ботинки; весь мой атласный бешметъ покрылся ими.

Напившись чаю, предложили устроить карточну игру въ ожиданіи обѣда; а ожидать его скоро было нельзя, такъ какъ верблюдъ съ кухней и провизіей, сочувствуя общему утомленію, легъ не доходя нѣсколькихъ верстъ, и съ обычною кротостью, стойкостью и упорствомъ отказывался идти, какъ его ни дергали за проткнутый носъ. Послали перевьючить съ него на лошадей. Усѣлись мы на коверъ, поставили вмѣсто стола ящикъ; Барсуковъ подсѣлъ тоже къ намъ, посмотрѣть какъ это въ карты играютъ. Сначала преферансъ не имѣлъ на меня обычнаго, снотворнаго дѣйствія; смѣялись и болтали, но послѣ четырехъ туровъ, силъ моихъ не стало; я положила подъ голову мѣховой бешметъ и продолжала преферансъ лежа, ожидая только блаженной минуты когда мнѣ сдавать карты, и сдавъ ихъ, тотчасъ закрывала глаза. Горе въ томъ что безъ обѣда лечь спать нельзя, не хватитъ силъ на завтрашній переходъ, а утромъ кромѣ чаю съ сухарями ничего не добудешь.

На другой день мы отправились на Чингистай; день былъ снова жаркій, и мы порядочно испеклись, пока добрались до мѣста. Дорогой изъ лѣса, въ полгоры, выскочили два козла, и проскакавъ нѣсколько сотъ саженъ предъ нами, скрылись въ ущелье. На Чингистаѣ насъ встрѣтилъ старшина Чумикей, братъ его Байчура и пр.

Мѣсто гдѣ разставили юрты—славное: усѣянный цвѣтами

лугъ идетъ отлогимъ спускомъ, верстъ на пять, до Бухтармы; по берегу ручья, бѣгущаго съ горъ, черезъ лугъ до рѣки, заросъ густой тынъ. Къ горамъ лугъ кончался густымъ кустарникомъ; за нимъ большой, зеленый уступъ и лѣсистыя горы.

Къ намъ присоединилось еще трое звѣровщиковъ, сосѣдей Барсукова, изъ деревни Фыкалки. Тоже славный, развитой народъ, привыкшій и умѣющій жить зажиточно и самостоятельно. Напримѣръ, здѣсь выгодно вести торговлю съ Китайцами молодыми маральими рогами, пока они мягки. Въ Фыкалкѣ, стоящей въ горахъ выше другихъ деревень, устроенъ, какъ крестьяне называютъ, садъ, въ которомъ головъ тридцать мараловъ. Садъ этотъ въ самой чернети, то-есть густомъ лѣсу, и окруженъ на пять верстъ бревенчатою стѣной, въ полторы сажени вышины. Каждую весну хозяева этихъ мараловъ спиливаютъ имъ молодые рога, когда они еще налиты кровью; потомъ залѣчиваютъ, и такимъ образомъ каждый маралъ даетъ ежегодно порядочный доходъ.

Замѣчательно съ какимъ любопытствомъ и толкомъ звѣровщики разсматриваютъ спеціальную карту края; и такъ какъ каждый изъ нихъ знаетъ этотъ край въ совершенствѣ, то дѣлаютъ замѣчанія, указываютъ невѣрности. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ здѣшнемъ краѣ былъ сильный падежъ скота. Въ Фыкалкѣ не пало ни одной головы: крестьяне сами, безъ всякаго вмѣшательства начальства, устроили строгій карантинъ, и спасли весь свой скотъ. Съ Киргизами у нихъ частыя исторіи за баранту; недавно было еще время когда убить Киргиза было такъ же просто какъ убить звѣря.

Привычка жить въ лѣсу до того прививается къ звѣровщикамъ что дѣлается необходимою потребностью. Мы встрѣтили старика лѣтъ семидесяти съ молодымъ звѣровщикомъ; какъ-то разговорились съ нимъ, и выразили что въ его лѣта эта жизнь должна быть очень трудна.

— А вотъ какъ, отвѣчалъ старикъ:—какъ придетъ время идти на промыслы, такъ ни мнѣ, ни моей лошади не спится подъ кровлей.

Узнавъ что мы идемъ чрезъ Курчумъ на Черный Иртышъ, пріѣхавшіе трое звѣровщиковъ стали просить позволить имъ идти съ нами, говоря что они идутъ къ неподданнымъ Россіи Кирѣевцамъ хлопотать чтобъ имъ отдали недавно отбарантованныхъ 37 лошадей.

Разумѣется имъ позволили. Долго звѣровщики забавлялись,

разсматривая и стрѣляя изъ нашимъ револьверовъ, чрезвычайно имъ понравившихся; особенно они одобряли ихъ для медвѣжьей охоты.

Послѣ обѣда пошли гулять въ горы. Нельзя сказать чтобы было особенно пріятно пробираться, до перваго уступа, между таломъ и огромными кустами китайской крапивы и репейнику. Шли мы цѣлый часъ, а до горъ все не добрались; пошли тропинкой по ущелью. Здѣсь, какъ и вездѣ гдѣ ростетъ дикій укропъ, много медвѣжьихъ слѣдовъ, а медвѣдей нѣтъ. Хотѣлось намъ дойти до лѣсу, но это оказалось невозможнымъ: солнце было очень низко, и мы пошли назадъ. Когда подходили къ нашей стоянкѣ, солнце совсѣмъ скрылось и только розоватый отблескъ остался на небѣ. Внизу въ нашемъ лагерѣ жизнь кипѣла: горѣли костры, около толпились люди; Киргизы, казаки, сидящіе въ кружкахъ около огня, составленное въ сошки оружіе, юрты, большой табунъ лошадей,—все это вмѣстѣ, съ прелестною декораціей вокругъ, составляло чрезвычайно красивую картину. До насъ долеталъ говоръ и смѣхъ; но какъ я ни пѣла что „иду въ зеленый лугъ", а на дѣлѣ на него не попала: ручей отдѣляющій насъ отъ нашего лагеря оказался слишкомъ топокъ чтобы перескочить черезъ него, и слишкомъ глубокъ чтобы перейти въ бродъ. Всѣ обладающіе высокими сапогами пошли по морю какъ по суху; переѣзжать на Киргизѣ я не рѣшилась, а попросила у него лошадь, и была оной доставлена по принадлежности.

У юртъ, на коврѣ, Османъ разливалъ чай; вся публика сидѣла вокругъ, а Костя и Ж. бѣгали и возились; Костя летал отъ него по высокой травѣ точно заяцъ, и хотя и вопилъ во весь голосъ, но очевидно былъ совершенно счастливъ.

IX.

17го августа, чрезъ Пурхатскій перевалъ, урочище Торджиръ, отъ Чингистая 30 верстъ.

Утромъ, только мы встали на Чингистаѣ, пришли доложить что Чумикей проситъ насъ принять лошадей которыхъ онъ для насъ привелъ. Его поблагодарили, насыпали ему въ руку мелкаго серебра, но лошадей не приняли, такъ какъ у насъ не было болѣе съ собою ничего чѣмъ его отдарить. Чумикей сталъ было входить въ обиду; тогда ему сказали что хотя

знаютъ что у нихъ въ обычаѣ мѣняться подарками, но въ послѣднее время замѣчено что подъ видомъ подарковъ ихъ обираютъ, почему просили передать всѣмъ Киргизамъ чтобъ они никому никогда не давали ничего, кромѣ податей которыя слѣдуютъ по закону.

Изъ Котонъ-Карагайскаго отряда привели свѣжихъ лошадей для казаковъ и привезли провіантъ. Намъ тоже привезли хлѣба: послѣднее время мы сидѣли на однихъ черныхъ сухаряхъ, съ приправой неизмѣнныхъ баранины и чая.

Тутъ же мы получили почту, въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ выѣхали изъ дому; узнали о войнѣ Франціи и Пруссіи, и отправили свои письма домой. Всѣхъ сильно заняла война, даже звѣровщики интересовались и разспрашивали. Съ Егоромъ Титычемъ мы тутъ простились: онъ отправился въ Бѣлую, къ себѣ въ деревню, чтобы заняться хозяйствомъ, и потомъ, пока есть еще въ горахъ дорога, начать дѣлать запасы хлѣба въ лѣсныхъ избушкахъ, на время промысловъ. Съ нами пошли три звѣровщика и Киргизы Байчура и Полковой. Звѣровщики предложили идти не чрезъ Курчумъ, гдѣ, говорили они, придется переходить много каменныхъ болотъ, идя все время по вершинамъ, что будетъ очень холодно и идти дурно; потому лучше прямо спуститься на озеро Маркакуль и пройти вдоль берега до истока Колджира, гдѣ насъ встрѣтитъ часть Майтерекскаго отряда и смѣнятся сопровождавшіе насъ казаки.

Прямо съ Чингистая стали подыматься на тѣ горы къ которымъ ходили вчера. Выступили на свѣжихъ лошадяхъ; казаки дружно, славно пѣли; очевидно всѣ чувствовали себя бодро и весело. Въ горахъ было еще холодно, но яркое солнце обѣщало скоро обогрѣть.

Поднявшись лѣсистымъ подъемомъ на первый уступъ, мы пошли кедровымъ и лиственичнымъ лѣсомъ, продолжая подыматься. Вдругъ слышимъ казаки хохочутъ, оглянулись: казакъ сидитъ съ одурѣлымъ видомъ на землѣ, а лошадь изъ-подъ него ушла. Онъ зазѣвался, и его сукомъ кедра выбило изъ сѣдла. Казаки долго этимъ потѣшались. Потомъ я чуть не послѣдовала его примѣру: стала вкладывать цвѣтокъ въ книжечку и бросила свой зонтикъ устроенный на нагайкѣ; онъ сталъ болтаться на шнурѣ съ боку, лошадь испугалась и стала бить, но дѣло окончилось благополучно. Сквозь чащу лѣса, когда мы выходили изъ него, виды открывались велико-

лѣпные: вся Бухтарминская долина была предъ нами. Наконецъ начался настоящій подъемъ, какъ говорили заранѣе звѣровщики, очень трудный, особенно для верблюдовъ. Крутизна страшная, а весь подъемъ заваленъ огромными камнями, по которымъ должны карабкаться лошади. Карнизъ тутъ небольшой и довольно широкій, но надъ отвѣсною стѣной тысячи въ двѣ футовъ. Всѣ у кого лошади послабѣе, или у кого кружится голова, спѣшились. Взобравшись, дали лошадямъ вздохнуть и пошли равниной, гдѣ, несмотря на полдень, было очень холодно; во многихъ мѣстахъ кругомъ лежалъ снѣгъ. Прошли мы мимо озера, саженъ сто длины и саженъ 15 ширины, лежащаго въ довольно глубокой котловинѣ; на немъ плавали утки. Здѣсь говорятъ что этому озеру дна нѣтъ; окраины его затягиваетъ болото; бѣда попасть въ эту трясину. Наконецъ поднялись мы и до Бурхатскаго перевала; по мѣрѣ подъема, какія-то встрепанныя, низенькія, кривыя или просто лежащія хвойныя деревца. У стоящихъ всѣ сучья растутъ въ одномъ направленіи, именно по главному направленію вѣтра. Каменистая мѣстность покрыта сланцевыми сопками, но между небольшой травкой, во множествѣ цвѣли прелестнѣйшіе Иванъ да Марья, чрезвычайно крупные, одного, ярко палеваго цвѣта; были тутъ и гинціаны, но не синія, а бѣлыя. Холодный вѣтеръ пронизывалъ насъ до костей. Звѣровщики говорили что когда здѣсь задуетъ, да со снѣгомъ, такъ и Боже избави, лошадиныхъ ушей не увидишь. Пройдя еще немного, они пригласили насъ посмотрѣть назадъ. Мы повернули лошадей и стали какъ очарованные. Опять она, наша красавица Бѣлуха, но теперь уже во всемъ своемъ величіи, блистая серебристой бѣлизной своихъ шпилей, она ярко вырѣзалась на синемъ фонѣ неба и вѣнчала разбившіяся во всѣ стороны отъ ея подножія на необозримое пространство горы и долины Алтая. Этотъ исполинскій ландшафтъ, эта громада божественной, вѣчной красоты, насъ, уже привыкшихъ за это время къ грандіознымъ и чуднымъ картинамъ, совершенно поразила. Долго, долго стояли мы всѣ молча.

Еще нѣсколько времени мы продолжали подыматься отлогими, незамѣтными подъемами и наконецъ пришли на самый перевалъ; на гребнѣ высокой сопки стоятъ пограничные столбы, то-есть большія груды камней съ однимъ камешкомъ торчащимъ на верхушкѣ ребромъ. Спустившись съ этого гребня, мы были уже за границей, въ Небесной Имперіи. По

небольшому отлогому спуску дошли до рѣчки Тарбагатай и тутъ остановились на привалъ. Согрѣвшись чаемъ и закутавшись кто какъ могъ, пошли дальше: пришлось перейти нѣсколько ручейковъ, бѣгущихъ въ глубокихъ, каменныхъ берегахъ. У Кости лошадь поскользнулась и упала на бокъ; догадался ли онъ сбросить стремена, или такъ вылетѣлъ счастливо, но лошадь придавила ему только кончикъ сапога, по его собственнымъ показаніямъ; отлетѣлъ онъ не на камни, а на траву, такъ что не ушибся. Скоро дошли до рѣчки Кара-Каба, что̀ значитъ Черная Кусака; Русскіе же зовутъ ее *Сорва*, отъ того, пояснилъ намъ звѣровщикъ Ларіоновъ, что она срываетъ человѣка съ лошадью. Кара-Каба течетъ въ узкомъ ущельѣ, но по берегамъ такіе же богатые луга, какъ и по Бухтармѣ и Берели, и тѣ же горы, покрытыя до половины лѣсомъ. Въ Кабѣ бездна ускучей, родъ нашей форели. Ж., взявъ удочки, отправился съ однимъ изъ звѣровщиковъ удить. Черезъ часъ мы поравнялись съ нашими рыбаками, у нихъ уже болталось на веревочкѣ нѣсколько великолѣпныхъ ускучей. Перешли Кара-Кабу въ бродъ и пошли лѣвымъ берегомъ. Ущелье стало суживаться больше и больше. Проводники толковали что гдѣ-то скоро будетъ хорошее мѣсто для ночлега. И какъ бывало приставали къ Барсукову: скоро ли придемъ на мѣсто? такъ теперь стали обращаться къ Ларіонову: „Ларіоновъ, скоро придемъ?“ „Скоро, барыня, скоро; вотъ какъ этотъ выступъ пройдемъ, да эти щеки подойдутъ, тутъ и есть.“ Но щеки долго не подходили, и наконецъ когда онѣ, или вѣрнѣе, мы къ нимъ подошли, то мы представляли плачевную картину, всѣ синіе и закоченѣлые отъ холода. Пока пришли верблюды, то-есть тепло, въ видѣ чая и юртъ, мы ходили взадъ и впередъ по долинѣ и грѣлись этимъ способомъ. Я видѣла омутъ на Кара-Кабѣ; должно-быть очень глубокій. Что̀ только доплыветъ до него, разъ попавъ, начинаетъ безконечно кружиться. На самомъ берегу рѣки стояла громадная, сухая лиственница, кругомъ ее купой росли ели и пихты. Какъ во время жажды только и мечтаешь о водѣ, такъ и тутъ замерзая, мы готовы были поклоняться огню; я поразмыслила вслухъ что вотъ бы хорошо зажечь эту сухую лѣсину. Сочувствіе къ огню было вѣроятно общее; въ одну минуту, подъ предводительствомъ, Ж. и Османа, запылалъ около лиственницы костеръ; съ ихъ легкой руки, всякій тащилъ то что̀ можетъ въ костеръ. Смотримъ, и казаки пристали, подрубили другую

громадную сухую лѣсину, повалили ее, съ хохотомъ и крикомъ притащили въ огонь. Расходились, побѣжали рубить ели; такъ цѣликомъ и валятъ въ костеръ. Огонь сразу охватываетъ смолистыя иглы. Снова кричатъ: „Помогите братцы!“ Еще тащатъ лѣсину. Это, говорятъ, кочерга, огонь ворошить!

Такой развели костеръ что небу становилось жарко, и мы, какъ какіе-нибудь огнепоклонники, сидѣли около него кружкомъ. Въ сумерки стволъ лиственницы зардѣлся, и огонь побѣжалъ по сучьямъ. „Вали еще съ этой стороны! Тутъ еще не горитъ!“ И опять масса елокъ летитъ въ огонь.

— Отойди ребята! зашаталась!

Всѣ отбѣгутъ и смотрятъ, ожидая — вотъ рухнетъ; а она себѣ стоитъ да стоитъ.

— Молчите, я ее арканомъ! вызвался молодой казакъ.

Навязалъ камень на конецъ веревки, замоталъ его и пустилъ; арканъ взвился и какъ змѣя обвился вокругъ большаго сука.

— Ну, ребята, тащи!!

Потащили; арканъ лопнулъ, и всѣ разлетѣлись кто куда. Хохоту было безъ конца. Когда совсѣмъ стемнѣло, огромная лѣсина горѣла удивительно красиво; весь стволъ былъ огненно-прозрачный, по сучьямъ змѣйками перебѣгало синеватое пламя. Началась новая забава, сбивать лѣсину камнями. Чуть не весь отрядъ занялся съ такимъ одушевленіемъ, что приходилось унимать: „Тише!“ „Въ рѣку не сорвись!“ „Въ голову кому-нибудь не угоди!“ Кто-нибудь пуститъ камень, онъ пролетитъ между сучьями и бухнетъ въ воду. И снова взрывъ хохоту и шутки надъ бросившимъ; за то, если кто собьетъ большой сукъ, въ который давно мѣтили, кричатъ и галдятъ, точно Богъ знаетъ что̀ случилось.

— Рябята! огонь ворошить! Давай кочергу-то!

И нѣсколько человѣкъ пристроившись къ срубленной лѣсинѣ начинаютъ шевелить ею костеръ и бить какъ тараномъ въ горѣвшую лиственницу; та всякій разъ дрогнетъ, и огненный дождь посыплется съ нее.

— Эка, стоитъ!

Бросили; надоѣло. Послѣ обѣда всѣ разошлись по юртамъ, казаки пропѣли „Отче нашъ“, и весь отрядъ, кромѣ часовыхъ погрузился въ сонъ.

X.

17 августа, урочище Теректы близъ станціи Маркакуль.

На слѣдующее утро смотримъ: стоитъ наша лѣсина. Оказалась она такой толщины что одна только половина ея сгорѣла, а та что̀ надъ рѣкой цѣла и вѣрно простоитъ до слѣдующаго подобнаго костра. День былъ сѣренькій. Время отъ времени перепадалъ дождь и было холодно. Сначала шли тѣмъ же ущельемъ по берегу Кара-Кабы; дорога хорошая, и Ларіоновъ разказывалъ розказни. Очень хвалилъ Барсукова и особенно его покойную мать: „Умный, справедливый была человѣкъ, честная душа. Пока жива была, сынъ не хотѣлъ и жениться; да у насъ рано и не женятся, барыня; вотъ и я, и вотъ другой что̀ съ нами, мы поздно женились; а вотъ этому молодцу, холостой онъ,—а ужь тридцать пять годовъ.—Вѣдь такая жизнь наша; съ одиннадцати годовъ отцы пріучать начинаютъ, съ собой промышлять берутъ.“

— У тебя, Ларіоновъ, есть дѣти!

— Какъ же, барыня есть, четверо есть. Сыну одиннадцать лѣтъ. Мать не давала, — а я его взялъ; ходилъ со мной бѣлокъ промышлять, мараловъ, козловъ.

— Хорошо стрѣляетъ твой сынъ? У тебя вѣдь винтовка тяжелая.

— Хорошо, ничего, хорошо и бѣлку и всякаго звѣря.

— А какъ, обратился Ларіоновъ къ другому звѣровщику,— намъ какъ будетъ *сполитичнѣе* пройти-то?

— Такъ и идти, тутъ хорошо.

— Карнизомъ или бродомъ?

Мы взглянули, карнизъ хуже Берельскаго, такой же узкій, съ такой же горой въ видѣ стѣны съ одной стороны и вдвое большей осыпью съ другой.

— Не хорошъ этотъ карнизъ, не хорошъ; въ эту пору еще ничего, а весной, когда скользко, совсѣмъ опасный, тогда и броду нѣтъ, тутъ ходимъ; пѣшкомъ идемъ, а лошадь въ поводу, этой весной кобыла наша сорвалась; вьючная была.

— Убилась?

— Убилась, какъ же, убилась.

Звѣровщики повели насъ въ бродъ, и миновавъ карнизъ, снова перебрели на правую сторону. Скоро мы подошли къ другому карнизу; этотъ былъ гораздо ниже, шире и безопаснѣе Берельскаго.

Тутъ произошло сильное недоразумѣніе: идти ли карнизомъ или бродомъ. У однихъ кружится голова на высотѣ, у другихъ на высотѣ и на водѣ. Одни предпочитаютъ идти бродомъ, другіе окончательно отказываются идти еще въ бродъ. Раздѣлились на двѣ партіи, одни пошли бродомъ, другіе карнизомъ.

Ларіоновъ счелъ долгомъ насъ предупредить:

— Кыргызъ вотъ Байгура сомнѣвается, говоритъ, галька, круглыши и шибко каменисто.

Прошли бродъ очень хорошо.

— Вотъ баринъ-то вашъ, началъ Ларіоновъ, — на водѣ молодцомъ, а....

— А на кругизнѣ у него голова кружится, договорила я видя что онъ замипается.

— Да вотъ, подишь ты, какъ это бываетъ. А вотъ вамъ походить бы еще съ нами, такъ ровно бы наша крестьянка стали.

Шли мы лѣсистымъ берегомъ, снова продовольствуясь смородиной: кто-то пожалѣлъ что такое множество ягодъ пропадаетъ даромъ.

— Зачѣмъ пропадаетъ! Нисколько не пропадаетъ, вступилъ Ларіоновъ;—а черный звѣрь-то? Черный звѣрь всю ее объѣдаетъ. Станетъ на заднія лапы, въ переднія соберетъ вѣтки, вѣтки-то соберетъ, да и ѣстъ. Мудрый онъ звѣрь, мудрый, мудеръ.

— А что тебя мудрый звѣрь ломалъ?

— Нѣтъ, барыня, нѣтъ, Богъ миловалъ, нѣтъ, не ломалъ. Бивать ихъ бивалъ много (сколько десятковъ не помню), а случаю не было, нѣтъ, никакого. Вотъ отца моего сгрызъ медвѣдь; онъ и теперь горбатый, убогій, совсѣмъ его испортилъ.

Въ это время мы увидѣли что всѣ кто пошелъ карнизомъ слѣзли съ лошадей и идутъ пѣшкомъ, а мѣстами и ползкомъ.

Только-что мы посмѣялись, глядя какъ они ползутъ по карнизу, моя лошадь, переходя снова Кара-Кабу, ткнулась и окунула меня выше колѣнъ; должно-быть въ назиданіе: не смѣй-

ся чужому горю. Отъ такого купанья у меня сдѣлалась лихорадка; я отправилась впередъ рысью чтобы согрѣться, но зубы такъ и стучатъ.

Къ довершенію спектакля пошелъ дождь. Доѣхавъ до первой кедровой рощи, мы сошли съ лошадей и стали, не дожидаясь приказаній начальства, разводить костеръ. Скоро подошли наши; видя мое печальное положеніе, приказано остановиться. Завернули мнѣ ноги въ Османовъ кебентай (войлочный плащъ), а мои ботинки и чулки вертѣли на палочкахъ предъ огнемъ. Закипѣли чайники, разгорѣлся костеръ, я согрѣлась немного, и одежды мои отчасти высохли; только высокія, драповыя ботинки корчились на огнѣ, а не просыхали. Рѣшились на крайнюю мѣру: развьючили верблюда и достали другія. Перешли еще разъ въ бродъ Кара-Кабу, потомъ, черезъ полверсты, рѣчушку прозванную, въ честь Сорвы, Сорвенкомъ, и стали подниматься въ гору. Здѣсь между камнями, на берегу, росъ великолѣпный желтый макъ; но онъ такъ нѣженъ и лепестки его такъ тонки что хорошо засушить его трудно.

Поднявшись на гору, пошли прелестной дорогой между большимъ хвойнымъ лѣсомъ; пройдя нѣсколько верстъ, поднялись еще на гору; отсюда виденъ Маркакуль. Онъ лежалъ синеватою полоской у подножія горъ. Отъ той горки на которой мы стояли, лѣсъ расходился въ стороны, и предъ нами открылась верстъ на 10 зеленая долина; по срединѣ ея извивался Сорвенокъ, и впадалъ въ Маркакуль. На долинѣ, какъ быть водится, пустились во весь духъ. Пройдя довольно долго долиной, повернули влѣво къ горамъ, и пошли по предгорью. Шли мы, шли, а Маркакуля нѣтъ, какъ нѣтъ. Мерзнемъ, несчастные; Костя мой весь посинѣлъ.

— Ларіоновъ! Скоро твой Маркакуль?

— А вотъ ужь тутъ недалеко; вотъ какъ за эту горку спустимся, да около того камня обойдемъ, да вонъ до того лѣска что виднѣется дойдемъ, тутъ оно и будетъ Маркакуль. Близко подойдемъ—тутъ и на ночь остановимся.

Наконецъ прошли мы и горку, и камень и лѣсокъ, а Ларіоновъ идетъ себѣ да идетъ; будто до того разошелся что ему и вѣкъ не остановиться.

— Ларіоновъ! да гдѣ жь Теректы? спрашиваешь, стуча зубами отъ холода!

— А вотъ, вотъ они Теректы, вонъ эти тополя-то, только это пересохшее русло, тамъ будетъ еще сухое, а тамъ ужь и рѣчка.

Всему на свѣтѣ есть конецъ; наконецъ и мы подошли къ рѣчкѣ и остановились на ночлегъ. Маркакуль было въ верстѣ и отлично видно; очень красивое озеро. Верстъ 30 въ длину и овальной формы, окружено высокими горами, берегъ къ которому мы подходили не топкій и покрытъ галькой; вода прѣсная. Звѣровщики говорятъ что въ немъ множество рыбы, преимущественно хайрузи и ускучи. Обѣ рыбы чрезвычайно вкусныя.

XI.

18го августа, у истока рѣки Колджира, отъ рѣки Теректы 45 верстъ.

Ночью шелъ дождь и снѣгъ. Всѣ горы, утромъ, когда мы вышли изъ юртъ, были покрыты снѣгомъ и курились. Выступили, какъ и обыкновенно, съ казачьими пѣснями, только пѣли сильно осипшіе голоса. Въ этотъ день намъ предстояло обойти озеро до истока Колджира, гдѣ насъ ждали казаки Майтерекскаго отряда. Слышимъ: хохочутъ у насъ въ отрядѣ, и Ларіоновъ, со своею добродушною физіономіей и манерой говорить, что-то живо разказываетъ по-киргизски. Я спросила Османа что̀ онъ говоритъ.

— Онъ имъ разказываетъ какъ онъ приходилъ на этотъ озера за рибомъ, и большой такой, ужасній, шибко большой одинъ риба стоялъ во льду, и онъ ему вырубалъ спину и носилъ къ себѣ и опять приходилъ, и опять шибко много разы рубилъ, и весной риба эта оживился и уплилъ. Это онъ вретъ нарочно, такъ смѣяться. А теперь его дразнятъ: покажи, покажи, говорятъ, Ларивоновъ, свою риба!

Ларіоновъ ударилъ свою лошадь чтобы подъѣхать къ намъ она со всей рыси споткнулась, голова у ней подвернулась и она прямо ткнулась на холку. Я такого чуда не видывала.

— Османъ, что̀ это съ его лошадью?

— Онъ спотикалъ.

— Да какъ же это прямо на холку?

— Такой лошить; онъ чудесный, хорошій лошить, только такъ ужь спотикаетъ.

Скоро пошли высокимъ берегомъ озера, спускающимся очень круто къ водѣ. На озерѣ плавали миріады утокъ и баклановъ. Ж. съ двумя Киргизами путешествовалъ около са-

чой воды, стараясь подъѣхать поближе къ уткамъ; наконецъ нъ отправился одинъ по очень крутому мѣсту.

Пройдя нѣкоторое разстояніе, видитъ, дальше идти нельзя; надо поворачивать назадъ; онъ повернулся, вѣрнѣе, поднялъ лошадь кверху, она зашаталась и стала терять равновѣсіе. Ж. живо свернулся и кажется въ пятый разъ покатился со своей лошадью; оба счастливо завязли въ кустахъ.

Не будь кустовъ, дѣло могло кончиться печально.

Наконецъ-таки Ж. убилъ турпана, только пришлось долго ждать пока его принесло прибоемъ. Подымаясь выше и выше, мы пришли на самый край каменистаго, отвѣснаго берега, саженъ сорокъ надъ водой; тутъ тоже сердце чуточку замираетъ, когда лошадь идетъ самымъ краемъ, или задумается перелѣзть через какой-нибудь камень: попятится, такъ пожалуй и въ озеро улетишь; повернувъ немного отъ края, мы стали подыматься еще выше, наконецъ взобрались на сѣдѣлку, гдѣ было нѣсколько большихъ деревьевъ, и съ удовольствіемъ отдохнули подъ ними. Начиная съ этой сѣдѣлки, горы пошли сланцовыя; звѣровщики говорятъ что тутъ водится много соболей. Они разказывали что имъ случалось ловить живьемъ самку-соболя, и что она въ неволѣ принесла маленькихъ.

Дождь шелъ кругомъ насъ, но какъ бы волшебствомъ или, какъ мы смѣялись, молитвами Ларіонова, на насъ не попадалъ: то туча прольется въ озеро, то на горахъ, а мы идемъ благополучно. Пройдя довольно много каменистымъ спускомъ, мы пошли славною зеленою долиной: въ этихъ мѣстахъ кочуютъ Кожембеты и Кирѣевцы. Много попадается ихъ могилъ, но не такихъ какъ мы видѣли въ громадномъ числѣ по дорогѣ въ Зайсанскій постъ; тамъ огромныя глиняныя зданія, съ башенками и разными затѣями; здѣсь же деревянная ограда, въ ней деревянный же срубъ или груда камней; на могилѣ батыря воткнуто копье, и гдѣ-нибудь около повѣшенъ черепъ его любимой лошади; на могилѣ ребенка его колыбель.

Пройдя верстъ двадцать пять, остановились на привалъ. Курчумъ остался у насъ вправо. Весь лугъ на которомъ мы расположились покрытъ піонами, теперь уже отцвѣтшими; около ручья большія кулы деревъ, и около воды точно бордюръ изъ незабудокъ; такихъ крупныхъ и яркихъ я не видала. Во время завтрака, я раздавала, ради киргизской вѣжливости, руками куски баранины старшинамъ. Они принима-

ли, согнувшись крючкомъ, прикладывая руку къ груди и говоря любезности. Особенно изящно кланялся Полковой, приложивъ растопыренную руку къ виску, въ родѣ того какъ у насъ отдаютъ честь.

Послѣ привала шли съ часъ этою же долиной. Ларіоновъ тутъ наконецъ-таки перелетѣлъ черезъ голову своей необыкновенно спотыкающейся лошади; потомъ повернули влѣво, и стали приближаться снова къ озеру отъ котораго отошли версты на двѣ и подошли къ самой водѣ. Прибой былъ къ этому берегу; волны съ шумомъ вкатывались на гальку къ ногамъ лошадей. Лошади фыркали, бросались въ сторону, но пройдя нѣсколько времени, успокоились и только вздрагивали и прядали ушами когда волна разбивалась у ногъ. Мы тѣшились тѣмъ что заставляли лошадей входить въ воду; странно что тѣ же лошади которыя переходятъ такъ хорошо горныя рѣчки тутъ пугались и не шли. Снова взобрались по каменистому подъему на высокій берегъ. Стало очень холодно. Калджиръ видѣнъ намъ почти все время, а добраться до него не можемъ. Наконецъ показалась цѣлая толпа Киргизовъ; подъѣхали къ намъ, соскочили съ лошадей и начались *амандасы*, то-есть здорованье; нѣсколько позади Киргизовъ стояли два казака въ полной формѣ. Слава Богу! признакъ что Калджиръ близко. На радостяхъ мы съ Османомъ пустились въ перегонку, у обоихъ лошади славныя. Ничего нѣтъ увлекательнѣе какъ летѣть по степи на хорошей лошади; киргизскія лошади особенно прелестны тѣмъ что сама она входитъ въ азартъ отъ соревнованія; нагайкой и не трогай, только крикнешь ей надъ ушами, да увидитъ что другая лошадь обходитъ, такъ и летитъ на сколько хватаетъ быстроты, летитъ такъ что духъ захватываетъ, въ ушахъ воздухъ свищетъ, чувствуешь въ родѣ опьяненія и хочется еще скорѣй, скорѣй, точно крылья выросли за плечами, и вотъ-вотъ, если лошадь не пойдетъ еще быстрѣй, кажется бросишь ее и полетишь сама! Что̀ и случается, да только черезъ голову на землю.

Когда мы наконецъ осадили лошадей предъ небольшимъ спускомъ, оказалось что скакали не мы одни съ Османомъ, а еще къ намъ пристроилось нѣсколько человѣкъ Киргизовъ; всѣ они скалили пріятно зубы и говорили пріятныя рѣчи, что они не ожидали чтобы дженаралова байбиче рѣшилась скакать въ перегонку. Но скакали въ перегонку честно только мы съ Османомъ, ни одинъ благовоспитанный Киргизъ не

обскачетъ начальство или байбиче, какая бы у него ни была лошадь. Черезъ какіе-нибудь минутъ десять, мы были уже въ отрядѣ расположенномъ у истока Калджира, на низменномъ, зеленомъ берегу Маркакуля. Пока не пришли наши, я забралась въ юрту и завернулась въ шубу, чтобы послѣ скачки не простудиться, тѣмъ болѣе что послѣ купанья въ Кара-Кабѣ чувствовала себя не хорошо. По приходѣ на Калджиръ, наши устроили, несмотря на холодъ, рыбалку. Наловили много хайрузовъ и ускучей. У насъ обѣдалъ начальникъ отряда; онъ между прочимъ разказывалъ какъ разъ ему пришлось идти съ отрядомъ такимъ мѣстомъ что лошадей приходилось спускать на арканахъ. Хорошо должно-быть мѣсто! Послѣ обѣда пришли звѣровщики просить чтобы дали имъ письмо къ Кирѣевцамъ, отбарантовавшимъ ихъ лошадей, и позволили идти Байчурѣ, что онъ скорѣе ихъ уговоритъ. Мужъ разрѣшилъ Байчурѣ ѣхать, а самъ сталъ диктовать письмо къ Кирѣевцамъ. М., сидя на коврѣ, писалъ на погребцѣ. Письмо было самаго грознаго содержанія и написано самымъ высокимъ слогомъ. „Бойся гнѣва Бѣлаго Царя“, и т. д.

Тутъ же толмачъ переписалъ письмо на киргизскомъ языкѣ, и оно было передано звѣровщикамъ. Неподданные намъ Кирѣевцы очень хищное и дикое племя, и со стороны звѣровщиковъ ѣхать къ нимъ втроемъ съ Байчурой было рисковано.

XII.

20е августа, урочище Сентасъ, мѣсто расположенія Майтерекскаго отряда, отъ Калджира 55 верстъ.

Въ ночь на Калджирѣ я почувствовала себя очень дурно; утромъ едва поднялась и хотѣла просить остаться на мѣстѣ хоть день, но слышу говорятъ что тутъ стоянка отвратительная; между тѣмъ казаки стояли тутъ, выжидая насъ, нѣсколько дней.

Послѣ чаю простились съ провожавшими насъ отъ Котонъ-Карагая до Калджира казаками, пожелали успѣха звѣровщикамъ и сѣли на лошадей. Вообразилось мнѣ что въ амазонкѣ будетъ теплѣе, и я первый разъ выѣхала по образу и подобію благовоспитанныхъ барынь. Разумѣется, поверхъ амазонки надѣта была шубка.

Сначала мы пошли вдоль Калджира, ущелье прелестное напоминало Клодтовскіе пейзажи: чистенькая зелень, рѣчка светлые ручейки, большія, красивыя купы деревьевъ и яркое солнечное освѣщеніе; одно только чего я не помню на пейзажахъ Клодта, это высокія, скалистыя горы по бокамъ ущелья

У всѣхъ были свѣжія лошади; мнѣ достался чудный савраска, съ черными полосками какъ у тигра на ногахъ и шеѣ, черньшъ ремнемъ по спинѣ. Этотъ годъ мнѣ давали отличныхъ коней, а въ первое путешествіе приведутъ подъ дженералову байбиче такую клячу что подъ нее кажется надо подпорки ставить; даже сопровождавшій насъ сотникъ Власовъ, мой наставникъ и попечитель въ первое путешествіе, обижался за меня и сѣдлалъ мнѣ другихъ. Свѣжія лошади, прежде чѣмъ обойдутся, не идутъ покойно; то у одного лошадь бьетъ, то у другаго. Мой савраска также не отсталъ отъ другихъ. Стали мы подыматься выше и выше, пошли косогорами; мое дамское сѣдло свернулось, только успѣли подскочить и подхватить во-время. Бокомъ ѣздить по горамъ почти невозможно; даже Барсуковъ завѣщалъ никогда такъ не ѣздить. Повернули вправо отъ Калджира и поднялись на очень крутой подъемъ, съ него стали взбираться все выше и выше. По мѣрѣ того какъ мы подымались, становилось холоднѣй, а тутъ еще солнце пряталось за тучи и поднялся вѣтеръ. До того стало холодно что никакого терпѣнья не доставало, повода почти нельзя держать, рука коченѣетъ; сверхъ того нездоровится страшно; повременамъ до того станетъ дурно, что уцѣплюсь за рожокъ сѣдла, пригнусь къ шеѣ лошади, такъ и шествую съ закрытыми глазами: все менѣе кружится голова. Наконецъ послѣднія силы улетучились, одна только мысль и есть: брошу лошадь и лягу. Нѣтъ никакихъ силъ больше идти. А тутъ какъ на зло кто-то приглашаетъ повернуть лошадь и полюбоваться на Маркакуль, который теперь весь лежитъ предъ нами.

Среди громаднаго амфитеатра каменистыхъ вершинъ, глубоко, внизу, синѣло озеро въ зеленой рамкѣ луговъ и лѣсистыхъ горъ. Видъ хотя и ровный, дѣйствительно былъ такъ хорошъ, что даже и я съ озлобленіемъ имъ полюбовалась Чѣмъ дальше и выше мы поднимались, тѣмъ становилось отвратительнѣе; къ холоду присоединилось непріятное ощущеніе пронизывающей насквозь сырости, когда мы входили въ

гучу. Наконецъ дошло было до того что я остановила лошадь и на этотъ разъ вслухъ заявила что замерзла, что мнѣ дурно, идти больше не могу. Мужъ былъ далеко впереди, Османъ завернулъ меня какъ тюкъ въ свой тюбентай, и вмѣстѣ съ Ж. поѣхали около меня; Костя тутъ же рядомъ и причитаетъ надо мной: „Ты вотъ всегда такая, простужаешься; я вотъ бабушкѣ все скажу.“ Немножко обогрѣвшись подъ теплымъ тюбентаемъ и отдохнувъ подъ такимъ конвоемъ отъ заботы править лошадью, я утѣшилась мыслью что всякому мученью есть конецъ, будетъ и нашему. Но горы подымались изъ-за горъ, точно кто нарочно ихъ выдвигалъ. Наконецъ-то наконецъ вышли мы изъ этого чистилища, пошли хорошенькою долиной и отдохнули на привалѣ. Отсюда дорога шла красивою долиной, часто лѣсомъ; тутъ значительно было теплѣе, и вѣтеръ не леденилъ какъ на горахъ. Пройдя тридцать верстъ отъ Калджира, остановились на ночлегъ. Тотъ же зеленый лугъ, съ шумомъ бѣгущая рѣчушка и высокія горы. Больной мнѣ все это казалось отвратительно. Всю ночь я не спала, вѣроятно былъ жаръ, потому что юрта и особенно Костинъ ергакъ, повѣшенный за рукава на двери, всю ночь принимали образы какихъ-то чудовищъ и никакъ не давали мнѣ спать, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось.

Утромъ мнѣ стало лучше. Погода стояла великолѣпная и переходъ предстоялъ маленькій, всего двадцать пять верстъ. Дорога все время была прелестная. Видѣли мы рѣдкость: пихту обхватившую корнями камень аршина въ два въ діаметрѣ. Корни, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, плотно прилегали къ камню, и на верху соединялись въ одинъ стволъ; видъ былъ совершенно такой будто дерево сидѣло верхомъ на камнѣ, и поражало своею оригинальностію. Даже казаки долго вертѣлись около, судили и удивлялись. Всѣ нижнія вѣтви пихты покрыты навязанными тряпочками; знакъ что Телеуты считаютъ это дерево священнымъ.

Подъѣзжая къ отряду, я остановилась чтобы поправить разсыпавшіеся волосы, такъ что когда подъѣхала къ нашимъ, отряду уже шелъ смотръ. Вижу, Османъ что-то толкуетъ Полковому, а у того совсѣмъ растерянная физіономія. Оказалось, онъ первый разъ въ жизни видѣлъ ученье большаго отряда, и до того перепугался, когда отрядъ, здороваясь съ начальникомъ, гаркнулъ: „здравія желаемъ,“ что не зналъ куда сунуться. Османъ едва успокоилъ его.

Непривлекательно мѣсто гдѣ расположенъ Майтерекскій отрядъ. Юрты разставлены у подножія каменныхъ горъ; вправо на довольно далекое разстояніе видны тѣ же горы, влѣво долина замыкается ими же. По долинѣ бѣжитъ шумная рѣчушка, около нѣсколько встрепанныхъ березъ. Здѣсь почти постоянно сильнѣйшіе бураны; оттого и березы имѣютъ такой истерзанный видъ. Юрты привязаны на арканахъ къ кольямъ; иначе ихъ срываетъ и катитъ. Начальникъ отряда намъ показалъ откуда недавно спустились къ отряду барантачи; когда казаки погнались за ними, они бросились бѣжать по горамъ, какъ козы. Одного ранили. Онъ и теперь лежитъ въ отрядѣ. Мальчикъ 18 лѣтъ; говоритъ что его послала на баранту мать.

XIII.

21е августа. Уроч. Такыръ, отъ Майтерекскаго отряда 35 верстъ.

Поднявшись изъ Сентасской долины на небольшую возвышенность, пошли сланцевыми отлогими холмами поросшими кустарникомъ.

Встрѣчали множество дичи. Неудобство настоящаго пути то что нѣтъ ни воды, ни ягодъ, и приходится терпѣть довольно мучительную жажду.

Во весь переходъ, до привала у ключа, и послѣ него, тѣ же каменистые холмы и кустарникъ. Чрезвычайно пустынный, наводящій тоску видъ. Вотъ, говорятъ, дойдемъ до горъ, перевалимъ, и будетъ Такыръ. Смотришь, смотришь впередъ; горъ нѣтъ нигдѣ. Все тотъ же пустынный, печальный видъ. Наши верблюды, идущіе въ верстѣ впереди насъ, поднялись на отлогую высоту, и скрылись за нею. Вѣрно это горы и есть, про которыя намъ говорили. Доходимъ до этого мѣста, смотримъ, а верблюды опять тянутся вереницей впереди, подымутся немного, исчезнутъ; мы приходимъ вслѣдъ за ними, и опять то же самое. Какое-то безнадежное чувство начинаетъ невольно охватывать душу; кажется, никогда намъ не выйти изъ этой пустыни. Наконецъ подошли къ довольно высокимъ скаламъ и пошли ущельемъ; ущелье вилось между выступами и вершинами самыхъ причудливыхъ формъ, и было очень красиво. Горныхъ рябчиковъ цѣлыя стада. Пройдя около

двухъ верстъ ущельемъ, вышли на долину и остановились у ручья заростаго камышами.

XIV.

22е августа. Акъ-тюбе, отъ Такыра 45 верстъ.

Выступили рано утромъ и пошли тою же мѣстностью что и вчера. Вѣтеръ свѣжѣлъ все болѣе и болѣе, такъ что рвалъ фуражку съ головы. Пройдя часа три, мы подошли къ Букопбаю, послѣднимъ уступамъ Алтая. Вошли въ такое же ущелье какъ и вчера, и, хотя еще было рано, остановились на привалъ, потому что отсюда до Иртыша, тѣмъ путемъ которымъ рѣшили идти, нѣтъ воды. Буранъ былъ такой что нельзя ставить палатку. На солнцѣ жариться тоже не очень пріятно; кругомъ, кромѣ кустовъ шиповника и боярышника, никакой тѣни. По счастію нашли двѣ копны сѣна, и устроились подъ ними. Черезъ часъ пошли дальше, и вышли на равнину Иртыша. Ну и равнина же! Не на чѣмъ глазу отдохнуть, все время идешь солонцами. Въ довершеніе удовольствія буранъ такой что мои канаусовые рукава трещали какъ трещетки. Чтобы спасти глаза отъ солонцевой пыли, я завернула голову и лицо шелковымъ шарфомъ. Головы у всѣхъ разболѣлись отъ бурана, во рту сохнетъ, а воды нѣтъ. Доѣхали до аула, оттуда привезли кумысу въ грязнѣйшемъ мѣдномъ чайникѣ. Юрты въ аулѣ стояли въ самомъ несчастномъ видѣ, бураномъ оборвало съ нихъ войлоки. Между солонцами встрѣчали много дрофъ и стрепетовъ.

Ж. и Османъ поскакали въ сторону посмотрѣть что-то. Черезъ нѣсколько времени они несутся назадъ; впереди ихъ, какъ изъ лука пущенныя стрѣлы, пригнувъ рога къ спинѣ, летятъ двѣ сайги, и, къ моей большой радости, ушли отъ охотниковъ.

Прошли мимо большаго соленаго озера. Акъ-Тюбе виденъ, а добраться до него не можемъ. Акъ-Тюбе отдѣльная сопка на лѣвомъ берегу Иртыша, самая восточная оконечность Семипалатинской области; тутъ стоитъ нашъ пикетъ; недалеко отъ него на правой сторонѣ Иртыша, у устья Калджира, расположенъ китайскій пикетъ.

Послѣ семи часовъ ходу, увидѣли наконецъ песчаные бугры и взошли на нихъ. Слава Богу! Черный Иртышъ! конецъ му-

чительному переходу! Встрѣтила насъ цѣлая толпа Киргизовъ и В—въ. Онъ сказалъ намъ что утромъ нельзя было переѣхать Иртышъ, но теперь буранъ стихъ и паромъ готовъ. Вошли на паромъ, составленный изъ двухъ долбленныхъ лодокъ, связанныхъ между собой; на нихъ настланы доски. Иртышъ въ этомъ мѣстѣ имѣетъ саженъ до 40 ширины. Потащили нашъ паромъ на арканахъ вверхъ противъ теченія; наконецъ В—въ скомандовалъ: „пускай!“ Арканъ отдали, и насъ быстро понесло теченіемъ; когда стали переваливать, волны вливались въ лодки. В—въ кричалъ на гребцовъ чтобы работали дружнѣе; Костя испуганно поглядывалъ, и очевидно трусилъ. Перевалили благополучно; забросили арканы, съ берега поймали и подтащили насъ къ берегу. На берегу стояло цѣлое собраніе зайсанскаго начальства, воинства и Киргизовъ въ парадѣ. Смѣшно сказать: я всю дорогу такъ привыкла быть въ бешметѣ и чембарахъ, что не обращала на это никакого вниманія, а тутъ, при видѣ этого парада, мой костюмъ и необходимость ѣхать на мужскомъ сѣдлѣ сильно меня конфузили; но дѣлать было нечего, пѣшкомъ не идти. Власовъ подвелъ мнѣ свою лошадь, и я, не глядя по сторонамъ, ногу въ стремя, и въ сѣдло. У пикета разставлены были большія юрты, около нихъ множество народу. Торжества ради, я переодѣлась въ свое женское татарское парадное платье, и моя глазетовая зеленая шубка обшитая бобромъ и галуномъ производила эффектъ. Между киргизскими старшинами были и старые знакомцы: Магометъ султанъ и султанъ Казы, знаменитый тѣмъ что онъ своею тяжестью переломилъ лошади хребетъ. Онъ 14 вершковъ росту, и, несмотря на это, до того толстъ что поражаетъ своимъ объемомъ. Одѣтъ въ красный халатъ, на носу синіе очки. Прошлаго года еще онъ былъ бодрый, свѣжій старикъ, а теперь стоялъ опершись на плечи двухъ Киргизовъ, и, несмотря на свою богатырскую фигуру, выглядѣлъ хилымъ и жалкимъ. У него прехорошенькій сынишко Костиныхъ лѣтъ; Казы очень ласкалъ Костю, говоря что его сынъ—Костинъ тамыръ, то-есть другъ. Здѣсь мы въ первый разъ обѣдали на европейскій ладъ.

XV.

23е августа. Зайсанскій постъ, отъ Акъ-Тюбе 70 верстъ.

Поднялись въ 5 часовъ утра, и въ 7 тронулись въ Акъ-Тюбе; мы съ Костей—въ тарантасѣ, остальные верхомъ. Кавалькада составилась прежняя, такъ какъ Киргизы и старшины ѣхали съ нами. Отъ Акъ-Тюбе дорога идетъ сначала сыпучими песками; потомъ начинаются арыки и, несмотря на то что тарантасъ поддерживаютъ со всѣхъ сторонъ, его и насъ въ немъ бросаетъ во всѣ стороны.

Наконецъ я не вытерпѣла и пересѣла на лошадь.

Мѣстность кругомъ красивая; равнина оживлена аулами и засѣянными полями; арыки разбѣгаются сѣткой по всей равнинѣ. Слѣва подымаются тѣ же наши старые знакомцы, снѣжный Мусъ-Тау и великаны Сауръ и Сайканъ.

Наконецъ показались Кичкене-Тау, у подножія которыхъ стоитъ Зайсанскій постъ; показался Косагачъ, то-есть два дерева, а такъ какъ ихъ дѣйствительно только два на всей громадной равнинѣ, то они стоятъ какъ маякъ. У подножія Кичкене-Тау, какъ игрушечные домики, виднѣлись строенія поста.

На чистенькой площади предъ гауптвахтой (она же и временное помѣщеніе пристава, его помощника и еще столькихъ людей сколько вмѣстить въ себя можетъ), стояли солдаты, казаки и вся служащая публика; изъ оконъ выглядывали женскія лица.

Намъ, отвыкшимъ отъ подобныхъ зрѣлищъ, все казалось весьма великолѣпно. Наши комнаты, несмотря на то что были отведены въ такомъ странномъ помѣщеніи, на будущей гауптвахтѣ, были устроены очень комфортабельно и даже изящно.

Вечеромъ ходили гулять въ Джеминійское ущелье; видѣли по дорогѣ въ огородѣ овощи такихъ удивительно большихъ размѣровъ что хоть на выставку посылать. Климатъ здѣсь чрезвычайно здоровый и благодатный, почва плодородная, много воды, и если приложить трудъ, можетъ быть богатое поселеніе. Джеминійское ущелье прехорошенькое. Самый постъ

принялъ теперь благоустроенный видъ; нѣсколько построекъ окончено, много оканчивающихся и строющихся. Есть подобіе базара. Общество, относительно, большое; двадцать барынь. Бываютъ даже вечера.

Я очень люблю видъ изъ Зайсанскаго поста: съ одной стороны онъ прилегаетъ къ горамъ, съ другой—отъ него идетъ кажущаяся безпредѣльной, какъ море, Зайсанская равнина, покрытая колышущимися какъ волны солонцами. Вдали, поднятый рефракціей, виднѣется Алтай.

26го августа въ посту былъ молебенъ и парадъ; потомъ я крестила у одной барыни. Церковь отъ поста въ 300 верстахъ, и священникъ пріѣзжаетъ одинъ разъ въ годъ; тутъ и крестятъ новорожденныхъ, служатъ молебны и панихиды. Ребенка крестили въ кадушкѣ вмѣсто купели, а дьячка замѣнялъ солдатикъ. Послѣ обѣда поѣхали въ Темиръ-Су, ущелье Саура, гдѣ производится рубка лѣса. До ущелья семнадцать верстъ хорошей колесной дороги; намъ встрѣчались подводы Калмыковъ, везшія провіантъ темерсуйскимъ рабочимъ, и вывозившіе оттуда бревна и доски. Послѣ отдыха въ домѣ смотрителя работъ, примкнутомъ при входѣ въ ущелье къ горѣ, мы снова сѣли на лошадей и поѣхали по ущелью. Работы въ ущельѣ замѣчательны: на разстояніи двѣнадцати верстъ приходится переходить рѣчку разъ семь или восемь; быстра она какъ и всѣ горныя рѣчки и очень камениста; поэтому для вывозки лѣса необходимы мосты; одинъ изъ нихъ пришлось устроить по направленію теченія на протяженіи 60 саженъ. Этотъ мостъ выдержалъ весеннее водополье, хотя строенъ и не инженеромъ. Узкое и извилистое ущелье очень красиво; картины въ немъ безпрестанно мѣняются. Съ одной стороны горы покрыты густымъ лѣсомъ громаднѣйшихъ деревъ. Прошлаго года мы видѣли тутъ рубку лѣса. Гдѣ-нибудь на вершинѣ солдатики подрубаютъ дерево; вдругъ смолкнетъ стукъ топоровъ. „Берегись!“ и дерево рухаетъ съ такимъ трескомъ, громомъ и раскатомъ по горамъ что лошади припадаютъ подъ нами. Падая, оно разбивается на нѣсколько частей, и пока долетитъ между деревьями до какого-нибудь мѣста гдѣ наконецъ остановится, на немъ не остается ни сучка — все обломаетъ дорогой.

Тутъ же на мѣстѣ его окончательно изготовляютъ и готовымъ бревномъ катятъ внизъ въ ущелье. Между дровосѣками лазятъ солдатики какъ козы по кручамъ и собираютъ

мохъ для конопатки. Внизу около того мѣста гдѣ рубятъ лѣсъ устроена пильная и нѣсколько землянокъ, гдѣ живутъ солдаты.

Въ этомъ ущельѣ, какъ и во всѣхъ ущельяхъ какія мы видѣли, богатая растительность: дикія розы, боярышникъ, смородина растутъ въ изобиліи. Пройдя до того мѣста гдѣ оканчивается разработанная дорога, мы вернулись къ домику смотрителя, отдохнули на балконѣ и отужинали. Солдатики собравшись въ кружокъ пѣли; ими дерижировалъ пожилой бравый усачъ, очевидно любитель и знатокъ; одну пѣсню они пѣли особенно прелестно, да и напѣвъ великолѣпный; какой-то юный солдатикъ пѣлъ, подыгрывалъ на дудкѣ и плясалъ; наконецъ и самъ солидный запѣвало не выдержалъ и пустился въ плясъ.

На возвратномъ пути мы любовались красавицей лошадкой, на которой ѣхалъ Т.; она изъ того же табуна султана Казы и отъ той же матери что и мой знаменитый Буранъ, но его лошадь только-что приведена, чрезвычайно горяча и безпрестанно срываетъ съ иноходи, мой же Буранъ идетъ иноходью такъ что за нимъ идутъ карьеромъ.

XVI.

28е августа. Чоганъ-Обо, отъ Зайсанскаго поста 65 верстъ.

На другой день съ ранняго утра начались приготовленія къ поѣздкѣ на Чоганъ-Обо, гдѣ, какъ говорятъ Киргизы, лежитъ еще отрядъ. Чоганъ-Обо отстоитъ отъ Зайсанскаго поста на 65 верстъ, которыя надо сдѣлать въ одинъ переходъ.

Про Чоганъ-Обо говорили ужасы: будто бы тамъ такой холодъ, такъ часты проливные дожди по цѣлымъ недѣлямъ, что, слушая, становилось жутко. Насъ съ сыномъ взяли съ уговоромъ чтобы мы ни на что не жаловались и не мѣшали, если придется сдѣлать движеніе къ Таргоутамъ, недавно снова отбарантовавшимъ у казаковъ лошадей. Дѣло въ томъ что уже нѣсколько лѣтъ калмыцкіе старшины (кегени) Матенъ, Уванъ и Ареденъ, состоящіе въ китайской службѣ генералами, дѣлаютъ намъ всевозможныя гадости. Такъ въ 1867 году Цоганъ-кегенъ вырѣзалъ и разграбилъ Байджигитовъ, спокойно кочевавшихъ въ тылу русскаго отряда. Впрочемъ тутъ больше всего винятъ Щ., который вмѣсто того чтобы вести свой отрядъ на выручку несчастныхъ, которыхъ рѣзали на

Джоты-Аралѣ, пошелъ на перерѣзъ имъ къ Черному Иртышу. Перерѣзали тогда до 400 человѣкъ.

Въ нападеніи 1869 года Козылъ-Аяковъ на Зайсанскій постъ, говорятъ, кегени опять принимали участіе. Но самое послѣднее, только-что случившееся происшествіе, было нападеніе на казаковъ сопровождавшихъ одного офицера посланнаго на съемку въ Матеновскомъ проходѣ. Казаки эти только-что поступили на службу, неопытны и не умѣютъ управляться съ оружіемъ, а Таргоуты народъ весьма наметанный, и у нихъ отличныя кавказскія винтовки. Во время этого событія на Зайсанѣ былъ въ гостяхъ Хебе-Амбань, губернаторъ Кубдинской провинціи; ему сказали что въ числѣ барантачей видѣли Манчука, переводчика Матена. Губернаторъ написалъ отъ себя приказъ Матену немедленно возвратить отбарантованныхъ лошадей и выѣхать въ Зайсанскій постъ для объясненій. Хебе-Амбань заявлялъ что Матенъ не осмѣлится его ослушаться, что за это онъ отвѣтитъ головой. Но вѣроятно Матенъ или не дорожитъ своею головой, или о двухъ головахъ: онъ ни лошадей не возвратилъ, ни для объясненій не выѣхалъ. Тогда, чтобы прекратить баранты, рѣшено было непремѣнно настоять чтобы Матенъ исполнилъ приказанія Хебе-Амбаня. Вышли мы изъ Зайсанскаго поста въ 11 часовъ утра; насъ провожала одна барыня, очень хорошенькая, въ амазонкѣ, но ѣздившая совершенно необычайно: она держитъ поводъ кончиками двухъ пальцевъ правой руки, будто бабочку за крылышки, вслѣдствіе чего лошадь творитъ съ ней что хочетъ, и она только криками и взвизгиваніемъ протестуетъ противъ ея проказъ. Взобравшись на Качкенѣ-Тау мы стали пробовать новыхъ лошадей. Слышу Костя мой вопитъ: „Мама! Ай! Мама!“ Оказывается его лошадь бросилась за нашими, онъ не можетъ ее сдержать, и взываетъ ко мнѣ о помощи, а я, при всемъ желаніи, не имѣю довольно силы чтобы сразу остановить мою разгорячившуюся лошадь; наконецъ онъ самъ догадался, направилъ на гору. Ему кто-то подсказалъ сначала что лошадь его бойка и его собьетъ. Мальчишка мой и струсилъ; идетъ шагомъ да и только. Но черезъ часъ онъ успокоился, а черезъ два управлялся своею лошадью отлично. Шли мы тѣми же мѣстами гдѣ ходили прошлаго года на Уйдоне, смотрѣть залежи алебастра.

Теперь это мѣсто осталось далеко вправо. Часа четыре мы

шли равниной и небольшими подъемами и спусками. Жарко было страшно. Наконецъ подошли къ Уйдонѣ: рѣчка славная, вода прозрачная, холодная; началось водопитіе: пили сами, поили лошадей, снова принимались за питье. Пройдя Уйдоне, скоро вошли въ ущелье; тутъ сразу стало свѣжѣе, такъ какъ вѣтеръ былъ въ лицо. Началась охота. Кругомъ по скаламъ раздавались крики горныхъ рябчиковъ и безпрестанно встрѣчались ихъ цѣлыя стада. Пройдя 35 верстъ, остановились на привалъ у ключа. Все дно ключа, да и вообще все ущелье въ этомъ мѣстѣ, покрыто яшмой, и красная, и сѣрая и зеленая. Отдохнувъ съ часъ, мы тронулись далѣе. Мѣстами голыя, красноватыя скалистыя щеки ущелья принимали оригинальные виды: то очутимся мы въ кругломъ залѣ, и кажется изъ него выхода нѣтъ, а тамъ проводникъ приведетъ къ узенькимъ, только для двухъ лошадей, скалистымъ воротамъ; войдемъ въ нихъ, высокія каменныя стѣны, близко сойдясь, образовали корридоръ, а тамъ опять небольшой подъемъ или спускъ и снова зеленое ущелье поросшее кустарникомъ. Выйдя изъ ущелья, мы увидѣли громадную Чиликтинскую долину. Слѣва замыкалъ ее хребетъ Саура; сѣверную и южную окраины составляютъ Манрахъ и Тарбагатай, сходящіеся между собою и образующіе проходъ Иссыкъ. Въ юго-восточномъ концѣ долины, при соединеніи Сауры съ Тарбагатаемъ, горные проходы сошлись вѣеромъ; два изъ нихъ, Гасанъ-Обо и Кергентасъ, ведутъ къ юго-востоку въ долину Кабукъ; третій, Баймурзинскій, къ югу въ долину Емиля; здѣсь-то въ самомъ юго-восточномъ углу всей Семипалатинской области, на китайской границѣ, обхватывающей Чиликтинскую долину съ востока и юга, и стоитъ отрядъ охраняющій проходы.

Отправились мы долиной; все время шли крупною рысью или вскачь; вотъ, думаемъ, сейчасъ на мѣстѣ, а Чеганъ-Обо все нѣтъ. Выѣхали Киргизы Табакъ и Батагай со свитами, поздоровались, полюбезничали на ходу. Спрашиваемъ: „далеко ли до Чеганъ-Обо?“—„Близко, говорятъ;—вотъ какъ до зимовокъ дойдешь, останется десять верстъ.“—„А до зимовокъ сколько?“—„Не далеко—часъ ходу“. Въ суммѣ это составляло еще весьма изрядный кончикъ. Мы подошли къ отряду когда совсѣмъ уже стемнѣло; около девяти часовъ, только мы размѣстились въ юртѣ и подали намъ чай, въ отрядѣ проиграли зорю. Молитву пропѣли отлично; хоръ большой и славно поютъ.

На Чеганъ-Обо стоитъ Сухаревская сотня, ходившая съ нами прошлаго года, и мы знали многихъ изъ казаковъ. По отзыву всѣхъ, это лихая сотня, да и старикъ дѣдка Сухаревъ молодецъ.

На другое утро насъ рано подняли и велѣли собираться въ путь. На разсвѣтѣ, полусотня казаковъ, подъ командой В—ва, была послана за пятьдесятъ верстъ, къ таргаутскому селенію гдѣ живетъ Матенъ, съ приглашеніемъ выѣхать къ русскому генералу для переговоровъ. Другой отрядъ двинется съ артиллеріей и станетъ въ двадцати пяти верстахъ отъ селенія ждать извѣстій отъ В—ва. Если нашихъ хорошо примутъ, и Матенъ поѣдетъ съ ними, то дождутся на мѣстѣ. Если же заупрямится или подыметъ скандалъ, отрядъ пойдетъ къ селенію. Намъ съ Костей опредѣлили, въ случаѣ перестрѣлки, отправляться къ артиллеріи и пребывать около орудій. Выступленіе изъ лагеря было весьма эффектно: два орудія съ отличною запряжкой подобранныхъ подъ масть вороныхъ славныхъ коней, прислуга на такихъ же коняхъ, за ними сотня казаковъ. Наша кавалькада и Киргизы шли то впереди, то равнялись съ ними. Погода была отличная; зеленая Кергентаская долина, облитая яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, смотрѣла свѣжо и весело. Скомандовали: „Пѣсенники впередъ!“ И наши старые знакомцы, Сухаревцы, бывшіе въ Туркестанѣ при генералѣ Черняевѣ, грянули:

Сыръ-Дарьинцы молодцы по степи гуляютъ,
А Коканцы дураки крѣпости бросаютъ!
    То-то, право, дураки: крѣпости бросаютъ!

Нашъ начальникъ былъ герой—
Двинулъ войско по Дарьѣ;
За нимъ славный русскій строй,
Всѣ готовы быть въ огнѣ!
Нашъ начальникъ былъ Черняевъ,
Покровитель всѣмъ войскамъ;
Не видать намъ съ нимъ печали
Только пѣсенки гремятъ! и т. д.

Трудно передать съ какою любовью вспоминаютъ генерала Черняева всѣ кто служилъ при немъ.

Артиллерія шла шагомъ. Я прибавила ходу, и съ двумя Киргизами ушла впередъ. Встрѣтила волка, который очень

марно перебѣгалъ долину. Киргизы погнались за нимъ, но ушелъ. Пройдя двадцать пять верстъ, остановились въ прехорошенькой долинкѣ между высокими горами. Орудія стали на позицію, кругомъ расположился отрядъ. Сухаревъ самъ повелъ трехъ казаковъ чтобы поставить пикетъ, провелъ ихъ до конца долины и вскарабкался на самую высокую вершину, которая оканчивалась чуть не остроконечно. Слѣзши съ лошади, онъ провелъ казаковъ и поставилъ на самую верхушку. Послѣ того Сухаревъ сталъ спускаться; даже мужъ приговаривалъ, глядя на него: „Ой, дѣдка, хоть съ лошади бы сошелъ! Сломишь себѣ шею!“ Но дѣдка даромъ что сѣдъ, да удалъ. Онъ благополучно сошелъ и доложилъ начальству что съ вершины на далекое разстояніе видны дороги. Въ ожиданіи обѣда мы пошли гулять на горы. Взобравшись довольно высоко, сѣли отдохнуть и любоваться хорошенькимъ видомъ окрестныхъ горъ, долины и расположеннаго въ ней лагеря.

У насъ обѣдалъ начальникъ взвода, а дѣдка Сухаревъ постился (постовалъ, какъ говорятъ у насъ) и отказался отъ обѣда. Послѣ обѣда долго сидѣли, читали газеты и разсуждали о войнѣ Франціи съ Пруссіей. Я отъ всей моей души желала и желаю чтобъ они изобразили битву тѣхъ двухъ знаменитыхъ собакъ которыя до того грызлись что только хвостики остались. Отъ Власова все не было извѣстій, и мы легли спать не дождавшись ничего. Оказалась небольшая, но весьма чувствительная непріятность; вся юрта была усѣяна маленькими черными пауками; они бѣгали по коврамъ, по кроватямъ, по бокамъ юрты, падали съ верху ея,—не было отъ нихъ спасенья. Но какъ все это ни было противно, а усталость взяла свое.

Утромъ въ отрядъ наѣхало человѣкъ тридцать Солоновъ, подъ предводительствомъ солонскихъ офицеровъ; у одного былъ бѣлый шарикъ, значитъ нашъ хорунжій, у другаго бѣлый матовый—капитанъ, а у третьяго синій—это майоръ. Чиновникъ съ синимъ шарикомъ важничалъ неломѣрно; напротивъ того, человѣчекъ съ прозрачнымъ шарикомъ и стариковскою, женоподобною физіономіей, былъ весьма мягокъ и любезенъ.

Пріѣхавшіе съ ними Солоны народъ рослый, стройный и красивый; черты лица ихъ правильны, глаза не подтянуты кверху и скулы не выдаются; ноги и руки замѣчательно

малы и стройны. Обуты въ башмаки съ совершенно круглыми носками, заканчивающіеся острымъ шпилемъ, на толстой бумажной подошвѣ; въ широкихъ, на подобіе турецкихъ, шароварахъ и куршахъ, то-есть широкихъ курткахъ или кофтахъ съ очень широкими прямыми рукавами; все это изъ сѣрой, точно не бѣленый холстъ, матеріи. Головы до половины выбриты, а съ половины отпущены очень длинные волосы заплетенные въ косу; на головахъ поярковыя шляпы съ загнутыми вверхъ, въ родѣ кокошника, полями, и въ одномъ ухѣ большая, спускающаяся до плеча, серьга. Оружіе — лукъ и колчанъ, который они носятъ не на спинѣ, а лукъ висить съ одного бока, колчанъ съ другаго.

Чрезъ переводчика Солонамъ было объявлено что ихъ задержатъ не на долго. Они потолковали, и по необходимости согласились. Солонскихъ чиновниковъ пригласили пить чай. Синій и бѣлый матовый шарики вели себя чрезвычайно чванно и безпрестанно сосали свои трубочки. Отобѣдали, а все отъ В — ва нѣтъ извѣстій. Наконецъ часа въ два дали знать съ пикета что кто-то скачётъ по дорогѣ. Прискакалъ Ж. съ нимъ три казака, сынъ Матена и его знаменитый переводчикъ, таргаутскій лама Манчукъ. Сынъ Матена, малый лѣтъ семнадцати, походилъ болѣе всего на глупо-рожденную деревенскую дѣвку. Манчукъ смотрѣлъ волкомъ. Ж. разказалъ что утромъ рано они пробрались лѣсомъ къ селенью, застали Матена въ его домѣ и сообщили что пріѣхали отъ русскаго генерала. Матенъ принялъ ихъ въ передней комнатѣ, нѣчто въ родѣ нашей прихожей, и едва удостоилъ говорить, отвѣчалъ что къ русскому генералу не поѣдетъ, такъ какъ служитъ въ китайской службѣ и самъ генералъ. Сказавъ это, вскочилъ и ушелъ. Тогда наши послали сказать что лучше бы онъ не ломался, а ѣхалъ, что генералъ стоитъ не далеко и съ войскомъ. Тогда Матенъ предложилъ отправить для переговоровъ своего сына и Манчука. Сынъ Матена подошелъ съ привѣтствіями отъ отца и поднесъ какую-то матерію. Матерію не приняли, сказавъ что приглашали Матена для переговоровъ, а не мальчишку, а такъ какъ Матенъ самъ нейдетъ, то остается его привести. Манчука и сына Матена приказано взять подъ конвой, и отряду готовиться къ выступленію. У Солоновъ отогнали лошадей на другую сторону лагеря, сказавъ чтобы до нашего возвращенія никто изъ нихъ не смѣлъ трогаться съ мѣста. Съ ними оставили

двадцать пять человѣкъ казаковъ, наши юрты и вещи. Солонскихъ чиновниковъ пригласили ѣхать съ нами.

Ж. проскакалъ 25 верстъ отъ селенія Матена карьеромъ, у него не было почти голосу; но выпилъ рюмку хересу, сѣлъ на свѣжую лошадь и въ сопровожденіи двухъ казаковъ снова поскакалъ къ В—ву съ извѣстіемъ что отрядъ идетъ. Ж. разказывалъ что В—въ и Б. сидятъ въ юртѣ съ револьверами наготовѣ.

Тронулись и мы. Солонскіе чиновники важничали до невозможности, и гордо выѣхали предъ отрядъ, стараясь держаться впереди русскихъ начальниковъ. Пришлось попросить ихъ держаться сзади и не смѣть выскакивать впередъ. Они тотчасъ послушались, но франтъ съ синимъ шарикомъ сохранялъ надменный и ироническій видъ. Манчука и сына Матена вели въ срединѣ отряда на чумбурахъ.

Чрезвычайно красиво идетъ артиллерія по горамъ. Какъ лихо кони выносятъ орудія въ гору, какъ искусно спускаютъ. Прислуга поддерживаетъ орудіе на лямкахъ, могучія дышловыя, сдерживая катящееся съ крутаго спуска орудіе, совсѣмъ садятся на заднія ноги и сползаютъ, упираясь передними ногами, вытянутыми какъ струнки. Иногда которая-нибудь заблажитъ немножко, замотаетъ головой, прося повода. Тутъ же ей ѣздовой, въ видѣ нравоученья, нагайкой по ушамъ, и снова умный конь напрягаетъ всѣ мускулы—и спускаетъ молодцомъ. Несмотря на то что два перевала были довольно высокіе и крутые, и одинъ еще по косогору, орудія спустились отлично. Послѣ одной остановки, когда скомандовали: „Садись!“ синій шарикъ тотчасъ же передразнилъ: „Садись!“ самодовольно и презрительно усмѣхаясь. Спустившись со втораго перевала, мы довольно скоро вышли изъ ущелья на долину Кобука, перешли два сѣрныхъ ключа, дававшихъ о себѣ знать своимъ запахомъ, и черезъ часъ ходу подошли къ селенью, раскинутому на довольно большомъ пространствѣ; всѣ домишки группировались около большой кумирни. Всего мазанокъ можно было насчитать до 80. За селеньемъ и около него, но далеко отъ насъ, копошились люди. Вл—въ и Ж. выѣхали на встрѣчу, съ докладомъ что Матенъ уѣхалъ изъ селенія въ свою кочевку. Тогда В—ву было приказано ѣхать впередъ съ шестью казаками и остановить Матена; артиллерія съ частью казаковъ стала на позиціи, чтобы въ случаѣ нужды держать все селеніе подъ огнемъ, а остальной отрядъ

двинулся впередъ. Кумирня большая и очень красивая. Четыреугольное каменное выбѣленное зданіе. Въ стѣнахъ ни окна и ни малѣйшаго отверстія, кромѣ входа съ одной стороны; изъ-за первой стѣны видна вторая, а изъ-за нея четыреугольная башня съ крышей извѣстной многоугольной остроконечной формы съ загнутыми вверхъ краями; по угламъ драконы и колокольчики, изъ которыхъ тоже висятъ драконы. Подлѣ кумирни на двухъ высокихъ шестахъ огромные флаги. Колокольчики качались отъ вѣтру и перезванивали. Недалеко отъ кумирни стояло еще маленькое каменное зданіе, въ родѣ нашей часовни. Во всемъ селеньи не было видно ни души. Намъ указали мимоходомъ домъ Матена — такая же мазанка, какъ и остальныя, только окружена высокимъ частоколомъ какъ клѣткой. Пройдя селенье, пошли на полныхъ рысяхъ, прошли верстъ восемь, кругомъ по холмамъ показываются всадники, а нашихъ все нѣтъ. Прошли и всѣ десять верстъ, наконецъ видимъ катитъ В—въ и сообщаетъ что Матенъ сейчасъ выѣзжаетъ на встрѣчу; онъ сидѣлъ окруженный ламами, въ то время какъ В—въ налетѣлъ на него врасплохъ съ своими казаками и сталъ держать ему такую рѣчь: „Поѣзжай лучше, Матенъ, самъ на встрѣчу генералу, онъ здѣсь со всѣмъ войскомъ, иначе худо будетъ.“

Поѣхавшій солонскій офицеръ съ женоподобною физіономіей, тоже сталъ совѣтовать ѣхать встрѣчать. Матенъ потолковалъ съ ламами, засуетился, сталъ одѣваться и просилъ В—ва ѣхать предупредить что онъ сейчасъ будетъ. „Надо же мнѣ, говоритъ, войско мое собрать. Генералъ вашъ идетъ съ войскомъ, приличіе требуетъ чтобъ и я выѣхалъ такъ же.“ Мы остановились. Черезъ нѣсколько времени дѣйствительно показались всадники, подъѣхали нѣсколько ближе, и мы могли разглядѣть Матена. Толстѣйшая фигура въ черной куртѣ и китайской генеральской шапкѣ, чрево его подиралось лукой сѣдла. За нимъ человѣкъ 50 всадниковъ съ винтовками за плечами. Шли они шагомъ. Не дойдя нѣсколькихъ шаговъ до насъ, остановились, какое-то чучело съ обнаженною головой слѣзло, подобострастно согнувшись крючкомъ, подошелъ къ лошади Матена, взялъ ее подъ усцы и повелъ къ намъ.

В—въ объяснялъ что китайскій этикетъ требуетъ чтобы здоровались, сойдя съ лошадей. Но наше начальство осталось на лошадяхъ, говоря что пусть Матенъ подчиняется нашему этикету. Матенъ, видя что наши не сходятъ съ лошадей, съ

лошади же подалъ руку, говоря привѣтствіе. Солонскій старикашка переводилъ на китайскій языкъ, В—въ на русскій. Видно было что Матенъ совершенно хорошо понимаетъ, да вѣроятно и знаетъ китайскій языкъ, но не хочетъ говорить не на своемъ природномъ языкѣ, важности ради.

Матенъ, разумѣется, очень радовался что видитъ дорогаго гостя и надѣялся что онъ прибылъ здоровъ и благополучно. Ему отвѣтили сожалѣніемъ что Русскимъ пришлось идти такъ далеко ему на встрѣчу. Пригласили Матена идти съ собой, говоря что находятъ неприличнымъ вести переговоры на чужой землѣ. Матенъ согласился, и оба албаня, китайскій и русскій, направились со своими воинами обратно къ селенью. Дорогой Ж. сказалъ намъ что Б. входилъ въ кумирню, и въ ней преинтересные бурханы (идолы). Спросивъ разрѣшеніе ѣхать впередъ и до прихода отряда осмотрѣть кумирню, мы взяли восемь человѣкъ казаковъ и поскакали. Е., Ж. и я почти всю дорогу шли вскачь, мѣстами карьеромъ, чтобы только засвѣтло попасть въ кумирню; при въѣздѣ въ селенье, я зазѣвалась на что-то, не доглядѣла широкаго арыка (канавы); лошадь, приготовляясь къ прыжку, неожиданно, со всего скоку, взвилась, я совсѣмъ было опрокинулась, и опять какимъ-то чудомъ усидѣла. Помню что ко мнѣ подскакалъ казакъ, но онъ ли меня удержалъ и могъ ли удержать, не знаю, потому что въ ту же секунду перемахнули арыкъ и благополучно продолжали скакать дальше. Въ окнахъ мазанокъ, въ селеньи, огоньки, и копошится народъ. Подскакавъ къ кумирнѣ, мы сошли съ лошадей и вошли совершенно будто на паперть нашихъ старинныхъ церквей. Крыша паперти подперта деревянными четыреугольными колоннами, пестро раскрашенными: три входныя большія двустворчатыя двери. Мы подошли къ средней, оказалась заперта, только въ щелку видѣнъ огонекъ; постучали, позвенѣли—никто не откликается; наконецъ, кто-то изъ казаковъ толкнулъ замокъ шашкой, дверь отворилась. Мы столпились въ дверяхъ; общій видъ напоминалъ католическую церковь; большое зданіе раздѣленное четырьмя рядами колоннъ, между средними колоннами широкій проходъ къ жертвенному столику, на немъ теплится лампада, свѣтъ ея и освѣщалъ кумирню. Мы хотѣли войти, но Ж. посовѣтовалъ прежде осмотрѣться хорошенько—кто ихъ знаетъ! Въ это время вышелъ изъ-за колоннъ какой-то Таргаутъ и подошелъ къ намъ. Я вручила ему серебряный двугривенный въ руку и

толкую: „акча“, то-есть по-киргизски деньги. Онъ оскалилъ съ нѣкоторою пріятностью зубы и спросилъ: „бурханъ?“ Я ему жестами показывала что не бурхану а ему. Онъ пригласилъ насъ идти за нимъ. Изъ нашего конвоя два казака остались у лошадей, двое у дверей, а остальные четыре вошли съ нами. Мы прямо пошли къ жертвенному столику; дорогой замѣтили у каждой колонны низенькія, вершка въ два, широкія, четыреугольныя скамьи; на нихъ сидятъ ламы во время богослуженія. Между послѣдними колоннами, за жертвеннымъ столикомъ виситъ шелковый занавѣсъ. Столикъ одѣтъ матеріей, какъ наши престолы, на немъ дюжины двѣ одинаковыхъ чашечекъ съ какой-то жидкостью, посрединѣ ихъ стоитъ высокая бронзовая или мѣдная подножка и въ нее вставленъ бубенчикъ главнаго ламы; предъ нимъ теплилась лампада, по бокамъ столика стояли вазы съ какой-то пушистою зеленью. Проводникъ нашъ скрылся за занавѣсъ, а я воспользуюсь этой паузой, чтобъ описать богослуженіе, которое прежде видѣлъ въ этой самой кумирнѣ одинъ офицеръ. Во время богослуженія ламы садятся около колоннъ на коврахъ, кошмахъ или скамьяхъ, играютъ на инструментахъ, поютъ или читаютъ. Инструменты у нихъ: огромная длинная труба, такая что надо поддерживать подставкой, мѣдныя тарелки, бубны, барабанъ и т. д.; одновременно съ музыкой нѣкоторые изъ ламъ поютъ. Во время служенія занавѣсъ за жертвеннымъ столикомъ открывается, и за нимъ, въ углубленіи за колоннами, подъ главнымъ бурханомъ, сидитъ старшій лама въ красной одеждѣ; и какъ всѣ ламы, съ нагоно выбритою головой. Въ рукахъ у него колокольчикъ и особаго рода бубенчикъ въ родѣ побрякушки, онъ ими подаетъ знакъ другимъ ламамъ, когда начинать пѣть и играть, также когда кончать, во время чтенія тоже перезваниваютъ; между сидящими ламами расхаживаетъ, не знаю какъ его опредѣлить, въ родѣ діакона, съ краснымъ плащомъ на плечахъ и такой же перевязью, какъ и у нашихъ діаконовъ черезъ плечо; онъ наливаетъ ламамъ въ чашки кумысъ и окуриваетъ ихъ длинной курящейся благовонной бумагой. Народъ нисколько не участвуетъ въ молитвахъ, его дѣло приносить только жертвы на столикъ, а тамъ по величинѣ и цѣнности жертвы, ламы за него и совершатъ молитвы. Если кто положитъ въ чашечки пшена, ламы воспѣваютъ пшено, божество родившее пшено и жертвователя. Чѣмъ богаче

жертва, тѣмъ продолжительнѣе молитвы. Проводникъ нашъ вернулся за-изъ занавѣса, показывая пустую руку и говоря: „бурханъ“; мы поняли что онъ положилъ деньги бурхану. Я дала ему еще. Онъ взялъ съ жертвеннаго столика лампаду и пригласилъ насъ войти за занавѣсъ; за занавѣсомъ столъ, по срединѣ у стѣны стеклянный шкафъ съ большими цѣльными стеклами, раздѣленный на три отдѣленія; въ среднемъ была женская сидячая статуя въ аршинъ величиной, вся вызолоченная, только глаза черные съ бѣлыми бѣлками и бѣлые зубы, видныя между немного открытыми губами; лицо было идеально хорошо, съ правильными, тонкими, изящными чертами и прекраснымъ выраженіемъ. На головѣ ея надѣта большая бирюзовая корона; одна рука поднята со сложенными перстами: указательный и большой сложены вмѣстѣ. Въ боковыхъ отдѣленіяхъ шкафа, также вызолоченныя женскія фигуры, тоже сидящія, меньшихъ размѣровъ, безъ короны и далеко не такъ изящны и красивы какъ средняя. У одной на поднятыхъ рукахъ надѣты жемчужныя четки. Около стекляннаго шкафа, стоящаго на довольно высокомъ шкафикѣ или столикѣ, покрытомъ матеріей, наставленъ цѣлый рядъ мѣдныхъ бурханчиковъ; замѣчательно что Б. водили по кумирнѣ слѣва направо, отъ главнаго бурхана, точно такъ же повели теперь и насъ. Къ намъ подошли еще нѣсколько ламъ, съ головами въ видѣ биліардныхъ шаровъ и съ красными плащами на плечахъ, которыми они иногда прикрывали и голову. Одинъ изъ нихъ, высокій старикъ, сталъ намъ толковать, тыча самымъ безцеремоннымъ образомъ лампадой бурханамъ въ физіономіи. Къ сожалѣнію, съ нами не было переводчика, и мы ничего не могли понять изъ его словъ. Отъ шкафа или кіота вдоль стѣны кумирни, стояли и сидѣли бурханы въ человѣческій ростъ, а нѣкоторые и бо́льшихъ размѣровъ; сначала три женскія фигуры, деревянныя или изъ папье-маше, раскрашенныя красками и одѣтыя въ шелковыя платья. У одной была золотая корона на головѣ, другая держала корону въ рукахъ. Къ углу сидѣло такое страшило, что мы чуть не ахнули, а ламы видя это, хохотали, тыкая страшилищу лампадой въ лицо. Бурханъ этотъ выкрашенъ черною краской, только на ужасномъ лицѣ рѣзко выдаются бѣлки глазъ, подведенныя красною краской, и толстыя красныя губы съ оскаленными зубами. Онъ сидѣлъ скрестивъ ноги калачомъ и поднявъ свои четыре или шесть рукъ, не помню, кверху. Отъ угла по продольной стѣнѣ

стояли какіе-то богатыри; одинъ, съ громаднымъ мечомъ, въ пестрой одеждѣ и съ цвѣтными перьями на головѣ, смотрѣлъ такъ свирѣпо, выпучивъ бычачьи глаза и надувъ щеки, что мы невольно засмѣялись и вспомнили австрійскую команду: „надуй щеки, прими грозный видъ.“ Милѣе всего что ламы хохотали вмѣстѣ съ нами. Послѣ страшныхъ и воинственныхъ боговъ пошли болѣе мирные, одинъ изъ нихъ, вѣроятно богъ музыки, съ развеселымъ лицомъ, держалъ въ рукѣ инструментъ въ родѣ балалайки. Перейдя черезъ кумирню къ противоположной стѣнѣ, первый бурханъ бросившійся намъ въ глаза была опять сидящая женская фигура въ человѣческій ростъ, выкрашенная черною краской; только губы, глаза и зубы были натуральнаго цвѣта; въ рукѣ она держала опахало изъ павлиньихъ перьевъ и изъ за него улыбалась. Болѣе кокетливой, вызывающей улыбки и позы трудно вообразить. Остальныхъ бурхановъ мы осмотрѣли вскользь чуть не бѣгомъ, такъ какъ Ж. безпрестанно твердилъ: скорѣй, скорѣй! пора. Отрядъ пройдетъ; намъ тутъ однимъ оставаться нездорово.

Жаль было уйти не осмотрѣвъ всего, но дѣлать нечего, торопили такъ, что я только успѣла замѣтить сидящаго великана съ маленькимъ бурханишкой на рукѣ. Слѣва отъ угла до средняго шкафа съ главнымъ бурханомъ, вся стѣна сверху до низу набита тючками.

Вышли мы изъ кумирни и стали садиться на лошадей. Ламъ очень занимало мое дамское сѣдло съ тремя рожками — и хоть на этотъ разъ я была въ бешметѣ и чембарахъ и сидѣла по-мужски, но чтобъ удовлетворить ихъ любопытству, сѣла бокомъ. Должно-быть это имъ показалось очень занимательно, потому что они осматривали сѣдло и жарко что-то толковали между собою. Старикъ взялъ въ руки и мою высокую прюнелевую ботинку и очень внимательно разсматривалъ.

Мы раскланялись съ ними и отправились. Отрядъ дѣйствительно вышелъ уже изъ селенія. По берегу рѣчки шла какая-то кутерьма; въ полутьмѣ намъ видно только было что верховые Таргауты снуютъ туда и сюда, какъ рой потревоженныхъ пчелъ. Ж. и Е. сказали что мѣшкать намъ нечего; я взяла сына на чумбуръ, чтобы не сбился, щелкнули по лошадямъ и проскакали между этою сумятицей къ нашимъ. Оказалось что въ это время, по приказанію начальства, остановившагося для отдыха и первыхъ переговоровъ съ Матеномъ, отгоняли за нашу цѣль всѣхъ вооруженныхъ. Войдя въ юрту, мы

увидѣли при свѣтѣ свѣчи, вставленной въ воткнутый въ землю штыкѣ, Матена, сидящаго на коврѣ рядомъ съ генераломъ. Съ одной стороны наши офицеры А. и Б., съ другой—солонскіе; посрединѣ юрты, поджавъ ноги, сидѣлъ переводчикъ. Мы сѣли съ нашими, и я съ любопытствомъ разсматривала Матена. Полное, жирное, одутловатое лицо, съ широкими скулами и острымъ подбородкомъ; большіе каріе глаза, длинный, острый, прямой носъ, свѣсившійся надъ губой, ротъ грошикомъ и никакихъ признаковъ бороды. Руки бѣлыя какъ у какого-нибудь моднаго проповѣдника. Разговаривая, Матенъ сидѣлъ совершенно неподвижно, только быстро обводилъ своими большими, не то испуганными, не то удивленными глазами всѣхъ насъ, и снова уставлялъ ихъ на генерала, особенно когда онъ говорилъ что-нибудь; въ рукахъ онъ вертѣлъ какую-то травку и нервно подергивалъ и щипалъ ее. Настоящіе переговоры шли о томъ чтобы Матенъ непремѣнно ѣхалъ на русскую землю, какъ ему и приказано было Хебе-Амбанемъ, такъ какъ неприлично для русскаго генерала приходить переговариваться къ нему. Матенъ упирался и не хотѣлъ ѣхать, говоря что онъ боленъ, и теперь даже принимаетъ лѣкарство, и что единственно болѣзнь помѣшала ему пріѣхать на Зайсанъ. Особенно говорилъ солонскій чиновникъ съ синимъ шарикомъ, такъ важничавшій и ломавшійся съ самаго отправленія нашего къ Матену. Онъ такъ и тарантилъ что Матенъ не можетъ ѣхать, что не все ли равно и здѣсь можно говорить и т. д. Два раза передавали этому франту чтобъ онъ молчалъ и не мѣшался, но онъ не унимался. Наконецъ начальство разсердилось и крикнуло ему: „джурь!“ то-есть по-киргизски: „вонъ!“ „ступай!“ и показало франту на дверь. Тотъ замолчалъ, но сидѣлъ презрительно посмѣиваясь. Тогда ему такъ крикнули „джурь“ съ такою свирѣпою физіономіей что франтъ быстро вскочилъ и торопливо, но все же по возможности стараясь сохранить свое достоинство, вышелъ. Матенъ услыхалъ какъ крикнуло начальство, совсѣмъ оторопѣлъ и безсмысленно уставивъ на него глаза, мялъ въ дрожащихъ рукахъ травинку. Подали чай, Матенъ отказался, говоря что боленъ и ничего не пьетъ. Переводчикъ В—въ, долго жившій въ Китаѣ и хорошо знающій ихъ нравы, объяснилъ что Матенъ боится чтобъ его не отравили.

Велѣли ему передать что сына его отпустили, а что онъ черезъ четверть часа пойдетъ съ нами. Матенъ благодарилъ

за сына, но увѣрялъ что у него теплаго платья нѣтъ, а теперь холодно. Предложили ему послать за платьемъ одного изъ оставленныхъ при немъ Таргаутовъ. Онъ опять за то же: боленъ и принимаетъ лекарство. Переводчикъ и солонскій чиновникъ со старушечьею физіономіей убѣждали его и завѣряли что ему никакого зла не сдѣлаютъ, что онъ гостемъ будетъ. Онъ отвѣчалъ что проситъ русскаго генерала остаться здѣсь ночевать, что завтра приведутъ отбарантованныхъ лошадей, и чтобы Русскіе ничего не боялись. Ему отвѣтили чтобы на нашъ счетъ онъ успокоился, что Русскіе знаютъ что въ данномъ случаѣ все его селенье подымутъ на копье, чтобъ онъ не ломался и ѣхалъ; а что если дѣло изъ-за теплаго платья, ему дадутъ шубу. Съ этимъ словомъ было приказано готовиться къ отъѣзду, и мы вышли изъ юрты. Совсѣмъ стемнѣло, холодный вѣтеръ такъ и рвалъ. Пока мы путались и садились на лошадей около дверей юрты, вышелъ изъ юрты Матенъ, окруженный переводчиками, солонскими чиновниками и Батобаемъ; его уговариваютъ сѣсть на лошадь, онъ упирается, наконецъ сѣлъ на землю какъ заупрямившійся ребенокъ. Сидитъ на землѣ въ своей генеральской шапкѣ, но уже безъ прежней генеральской важности, а окружающіе продолжаютъ его уговаривать. Костя такъ и умираетъ со смѣху. Наконецъ послышалась команда: „садись!“ Тогда даже долготерпѣливый переводчикъ В—въ и тотъ порѣшилъ: „Коли не хочетъ съ честью—надо съ безчестьемъ“. Подскочили казаки, спѣшили, одинъ удалецъ поднялъ генерала съ земли подъ мышки, и въ ту же минуту его подхватили и какъ куль ввалили на сѣдло. В—въ, видя что Матенъ натягиваетъ поводья и проворно шаритъ рукой около себя, догадался, и отнялъ у него ножъ. Тогда Матенъ принялся шпорить свою лошадь, надѣясь пробиться, но его дали казаку на чумбуръ, окружили и двинулись. Темно было такъ что только въ нѣсколькихъ шагахъ видно предъ собой. Отрядъ раздѣлили. Матенъ и Манчукъ, оба на чумбурахъ, шли посрединѣ. Таргауты такъ и сновали около насъ и тѣснили. Матенъ сталъ просить нельзя ли ему послать къ своимъ, что ему необходимо имъ передать чтобъ они не безпокоились. Ему позволили, предваривъ что если на отряды сдѣлаютъ нападеніе, или будутъ стрѣлять, — первая слетитъ его, Матенова, голова. Онъ тотчасъ затараторилъ что-то, и послалъ сопровождавшаго его Таргаута къ своимъ, вѣроятно съ приказаніемъ не шалить и

не подвергать его драгоцѣнную голову опасности. Таргауты продолжали сновать кругомъ и особенно тѣснились около нашей кучки, гдѣ былъ Матенъ. Имъ велѣли передать чтобъ они отъѣзжали подальше, но такъ какъ они продолжали все также, имъ передали что будутъ стрѣлять, а пока стали отгонять нагайками налѣзавшихъ слишкомъ близко.

У меня одна была забота, Костя; даже и въ темнотѣ его, одного маленькаго, изъ всего отряда, и притомъ на бѣлой лошади, легко было отличить, и какому-нибудь Таргауту могло придти въ голову съарканить его и утащить въ горы взамѣнъ Матена.

Возьму его за чумбуръ, мальчикъ пищитъ и обижается, а одинъ, то въ сторону отобьется, то отстанетъ: отъ усталости и холода совсѣмъ разкисъ. Наконецъ буранъ разогналъ тучи, и луна освѣтила нашу дорогу. Матенъ прихотничалъ какъ женщина; то позови ему Батабая и чтобы Батабай ѣхалъ рядомъ съ нимъ; пошлютъ ему Батабая, нельзя ли остановиться у ручья напиться воды и т. д. Часа въ два ночи мы пришли къ нашимъ юртамъ. Матена помѣстили въ юрту къ офицерамъ, вынеся оттуда предварительно все оружіе, кромѣ револьвера, лежащаго у С. подъ подушкой.

У Таргаутовъ, пріѣхавшихъ съ Матеномъ, тоже отобрали оружіе, и весь этотъ арсеналъ положили въ нашу юрту. Вооруженіе Таргаутовъ, какъ говорили знатоки, отличное.

На другое утро начались переговоры. Матену говорили что онъ дѣлаетъ дурно, позволяя своимъ грабить Русскихъ. Тотъ сначала упорно отрицалъ и увѣрялъ что грабятъ нашихъ Кызаи. Наконецъ онъ согласился на требованіе что за всякій грабежъ онъ будетъ отвѣчать, съ оговоркой только что кромѣ тѣхъ случаевъ которые могутъ быть въ сосѣднихъ округахъ Увана и Аредена, и что немедленно приведутъ отбарантованныхъ лошадей. Матенъ продолжалъ поститься, то-есть изъ страху ничего не бралъ въ ротъ и все перебиралъ свои четки.

Наконецъ привели лошадей; тогда Табакъ, Батабай и солонскій чиновникъ-старушенка стали предъ нашимъ начальствомъ и начали слезное прошеніе, отпустить Матена, говоря что онъ теперь уже на русской землѣ, лошадей отдалъ, обѣщалъ что больше грабить не будетъ, и что если Матена по ихъ просьбѣ отпустятъ, онъ ихъ обижать не будетъ; а иначе, только отрядъ уйдетъ въ Чеганъ-Обо, онъ станетъ имъ дѣлать

всевозможныя притѣсненія, а кочевки ихъ въ сосѣдствѣ. Посовѣтовались наши и рѣшили отпустить Матена; но Манчука, какъ уличеннаго въ томъ что принималъ лично участіе въ грабежѣ противъ насъ, взять съ собой. Когда Матену объявили что его не поведутъ дальше, онъ такъ обрадовался, такъ униженно кланялся и говорилъ такія рабскія рѣчи что еслибъ ему поставить условіемъ получить сто нагаекъ предъ отправленіемъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, онъ принялъ бы это условіе, не смущаясь ни мало своей генеральской шапки.

Приняли лошадей, простились съ Матеномъ, то-есть начальство сказало ему на прощанье чтобъ онъ помнилъ что даромъ ему грабежи не пройдутъ, и выступили. Скверная погода, сильный холодный вѣтеръ и повременамъ дождь.

Черезъ нѣсколько времени насъ нагнали человѣкъ 50 Киргизовъ, вооруженныхъ назіями и айбаитами. Айбаиты теперь довольно извѣстны, такъ какъ всѣ бывшіе въ Туркестанской области вывозили ихъ оттуда, — а назія это длинное, тонкое древко, на концѣ котораго вершковъ въ пять желѣзное остріе; въ томъ мѣстѣ гдѣ остріе вдѣлано въ древко, большая кисть, сдѣланная затѣмъ чтобы назія дальше въ человѣка не входила, и ударивъ, лезвіе можно было выдернуть изъ раны. Ландверы эти выѣхали затѣмъ чтобы помочь намъ въ случаѣ еслибы переговоры съ Матеномъ кончились не миролюбиво.

На возвратномъ пути, какъ и обыкновенно, казаки пѣли; есть у нихъ и про бараньяго героя пѣсня. Вообще въ пѣсняхъ своихъ казаки очень вѣрно и мѣтко выражаютъ свои чувства. Напримѣръ есть у нихъ одна въ которой они воспѣваютъ какъ они ходили на Балхомъ, переморили тамъ своихъ лошадей, натерпѣлись всевозможныхъ нуждъ, но это все бы ничего, главное имъ обидно, по словамъ пѣсни, что служили они за это время:

И не вѣдома кому,
То не Богу, ни царю,
—ву подлецу!

Слыша какъ казаки поютъ, и Киргизовъ взяло соревнованіе; два молодыхъ Киргиза изъ вновь прибывшаго воинства поравнялись съ нами; и то глядя намъ въ глаза, то уставясь другъ на друга, затянули тоже пѣсню; начинаетъ одинъ речитативомъ, другой подхватываетъ, глядя пристально ему въ

ротъ, и каждый куплетъ оканчиваютъ гаммой изъ трехъ нотъ и потомъ октавой вверхъ, протягивая ее очень долго и во все горло.

Переводчикъ переводилъ намъ ихъ пѣніе; они импровизовали что вотъ какъ хорошо мы идемъ вмѣстѣ,—потомъ различныя пожеланія дженаралу и его байбиче, и т. д. и т. д.

На Чеганъ-Обо погода поднялась такая что пришлось привязывать юрты арканами къ кольямъ, чтобъ ихъ не сорвало. Переночевавъ, на другое утро пошли Чиликтинской долиной къ Зайсану. Въ ущельѣ Кичкене-Тау набрали образчиковъ яшмы. Охотились на рябчиковъ, разумѣется кромѣ меня, и пришли на то мѣсто Уйдоне гдѣ алебастровыя залежи и подошли къ рѣкѣ. Мѣсто прелестное,—на берегу тополевая роща и всевозможный кустарникъ, — недалеко отсюда начинаютъ сходиться къ берегамъ Уйдоне темнокрасныя скалы; подымаются все выше и выше и наконецъ сходятся совсѣмъ къ рѣчкѣ, такъ что идешь, или скорѣй лѣпишься узенькой закраиной, — иногда приходится переходить на другую сторону; и окончательно закраина совсѣмъ пропадаетъ, и рѣчка, сжатая въ скалахъ, скрывается въ воротахъ, образовавшихся изъ подошедшихъ аршина на четыре другъ къ другу скалистыхъ стѣнъ, саженъ въ полтораста вышиной.

Изъ Зайсанскаго поста мы выѣхали обратно 4го сентября. Наши провожатые едва-едва достали себѣ тележку, чтобы добраться до Кокпектовъ, и то снявъ передокъ изъ-подъ чужаго экипажа. Мы поѣхали въ тарантасѣ. Въ настоящее время дорога отъ Зайсана до Кокпектовъ далеко не представляетъ прежнихъ неудобствъ. Въ прошломъ году на этихъ трехстахъ верстахъ былъ всего одинъ пикетъ; лошадей хотя бывало выставлялось и много на назначенныхъ мѣстахъ, но лошади такого свойства что каждую тащитъ къ экипажу нѣсколько человѣкъ, повиснувъ у нея на холкѣ и ушахъ; пока хомутъ надѣнутъ, выходитъ цѣлое представленіе. Готово; запряжены. Коренная стоитъ, разставивъ переднія ноги и упираясь изо всѣхъ силъ; пристяжныя въ хомутахъ, припряженныя, стоятъ мордами къ экипажу, на каждой лошади висятъ Киргизы; „айда!“ народъ отскакиваетъ въ стороны, — лошади бросаются какъ шальныя,—коренная и переднія уносныя несутъ, пристяжныя, увлекаемыя ими, сами попадаютъ въ постромки, но бьютъ и рвутъ въ стороны, съ боковъ скачутъ верховые и гикомъ и нагайками стараются поселить въ ре-

тивыхъ, но необузданныхъ коняхъ единодушіе, — и все это мчится, благо степь гладка и широка, — пока кони не измо-рятся. Случалось впрочемъ не мало и происшествій. Въ одну прошлую осень разбили трехъ высокопоставленныхъ лицъ. Одному, опрокинувъ его вмѣстѣ съ тарантасомъ, отдавили но-гу,—другому разбили тарантасъ въ дребезги, разбили началь-ника и такъ измололи сопровождавшаго его казака что едва привели въ чувство; третій, разставшись внезапно и непро-извольно съ своимъ тарантасомъ, нѣсколько саженъ, повину-ясь силѣ инерціи, продолжалъ путешествіе по дресвѣ. Теперь на каждой перепряжкѣ есть мазанки въ двѣ комнаты, съ пе-чами,—и лошади цивилизованныя, по крайней мѣрѣ большин-ство. Одна бѣда что на всемъ пространствѣ до послѣдняго пи-кета дурная вода. Дорогой изрѣдка встрѣчаются аулы,—у по-дошвы Манрака виднѣются громадные табуны лошадей, около дороги бродятъ стада верблюдовъ и барановъ. Справа, вдали, синѣетъ полоской озеро Норъ-Зайсанъ, слѣва и позади обсту-паютъ равнину Сауръ, Тарбагатай и Манракъ. Мало-по-малу горы исчезаютъ, и ѣдешь необозримой равниной поросшей травой, таволгой и караганникомъ. Въ солонцахъ цѣлыя ста-да дрофъ и полевыхъ рябчиковъ. Приходится переѣзжать двѣ рѣчки, Чаргу и Базарку, но надо вѣрить на-слово что тутъ текутъ рѣки; чуть-чуть замѣтный спускъ, и вмѣсто чія, колючаго караганника и чингиля, вы видите пространство поросшее хорошею травой,—это и есть рѣчка, то-есть рѣч-кой она бываетъ раннею весной, потомъ нѣсколько времени топью, въ которой вязнутъ проѣзжіе, и окончательно лѣтомъ превращается въ отличный лугъ, безъ всякаго признака воды. Верстъ за восемьдесятъ до Кокпектовъ показывается Тала-гай, отдѣльная сопка, стоящая въ восемнадцати верстахъ за Кокпектами и имѣющая совершенно правильную форму ко-локола; про нее есть легенда. Когда Русскіе принялись вое-вать этотъ край, тутъ жили богатыри, они рѣшили завалить Иртышъ скалой, чтобы поставить Русскимъ преграду. Взя-лась нести скалу одна семья, отецъ, мать и сынъ, давъ обѣтъ сохранять все время чистоту и безпорочность. Къ несчастію они остановились одну ночь около аула невѣсты сына (кир-гизскій женихъ пользуется правами мужа). Сынъ пошелъ на-вѣстить невѣсту, и на другой день не могъ уже поднять своего угла скалы. Бились, бились бѣдные богатыри, такъ и бросили тутъ Талагай. Близь него большая кварцевая скала,

саженъ въ пять или шесть, и тутъ же недалеко большой красный камень,—это кровавыя слезы матери увлекшагося сына, бѣлая же кварцевая скала—молоко ея; такъ била она себя, съ отчаянія, въ грудь.

Городишко Коклекты похожъ на огромную корзину, такъ какъ онъ весь въ плетеныхъ изгородяхъ. Но все же и онъ лучше нашей развалины, калѣки Семипалатинска, смотритъ веселѣе и нѣтъ песчаныхъ букановъ. Въ Семипалатинскѣ съ весны и до снѣгу мы дышемъ пескомъ, ѣдимъ и пьемъ съ пескомъ, въ комнатахъ все покрыто слоемъ песку, за то сколько и умираютъ здѣсь чахоткой.

Выѣхавъ изъ Кокпектовъ и проѣхавъ Талагай и кварцевую скалу, въѣзжаешь въ Караджальское ущелье, знаменитое тѣмъ что здѣсь почти постоянно ужаснѣйшій буранъ. Зимой ущелье такъ заваливаетъ снѣгомъ что по недѣлямъ нѣтъ сообщенія съ Кокпектами. Вся дорога между Усть-Каменогорскомъ и Кокпектами идетъ въ горахъ и покрыта аулами; большинство изъ нихъ состоятъ не изъ юртъ, а мазанокъ или бревенчатыхъ избенокъ, безъ крышъ, окруженныхъ плетеными изгородями. Много золотыхъ пріисковъ, самый значительный Михайловскій, купца Степанова. Тутъ мы переночевали и на другое утро смотрѣли работы и промывку золота. По дорогѣ съ Михайловскаго пріиска есть мѣсто замѣчательное тѣмъ что всегда тутъ увидишь множество орловъ; вѣроятно тутъ ихъ гнѣзда.

Киргизы отлично дрессируютъ беркутовъ на волчью и лисью охоту. Мы видѣли разъ эту охоту. Сначала чрезвычайно красиво и интересно, но финалъ отвратительный. Несчастную лисицу уже мертвую едва вырвали у двухъ беркутовъ поймавшихъ ея. Наконецъ 10го сентября мы вступили въ благодатный, для лихорадокъ и чахотки, градъ Семипалатинскъ. Строилъ его Нѣмецъ; привольно въ немъ жить только верблюду.

—0—

СОВРЕМЕННАЯ ИТАЛІЯ*

(1860—1871)

Одиннадцать лѣтъ тому назадъ я присутствовалъ при основаніи королевства Италіи. Нынѣ я видѣлъ окончаніе этого дѣла, завершеніе зданія — Римъ сдѣлался столицей.

Эти два историческіе факта соединены съ лѣтописями Наполеоновской имперіи. Для начала этого событія необходимо было могущество Наполеона III, для окончанія онаго необходимо было его паденіе.

Я пишу не политическую статью, а только историческій очеркъ минувшихъ событій, хотя они и касаются современныхъ интересовъ. Наблюденія мои будутъ личныя и безпристрастныя, безъ всякаго предвзятаго мнѣнія. Мои многочисленныя цитаты заимствованы большею частію изъ источниковъ италіянскихъ, даже *italianissimi*, и вопросы о принципахъ которые я буду разсматривать отнюдь не чужды предмету этого очерка. Мое положеніе независимаго наблюдателя, не связаннаго никакою отвѣтственностію, даетъ мнѣ возможность представить настоящую оцѣнку событій безъ страсти, которую они могли бы внушить при другихъ обстоятельствахъ различнымъ публицистамъ, изображавшимъ одну за другою фазы великой италіянской драмы.

* Статья эта, произведеніе лица хорошо извѣстнаго въ дипломатическомъ мірѣ, есть плодъ самостоятельныхъ наблюденій и представляетъ значительный интересъ даже для тѣхъ кто не раздѣляетъ основныхъ воззрѣній ея автора. *Ред.*

I.

Въ паденіи Наполеоновской имперіи заключается великій урокъ для всего міра: доказательство непрочности всякаго политическаго учрежденія единственно опирающагося на фикціи украшенной названіемъ національнаго права, на всеобщей подачѣ голосовъ, на плебисцитахъ, на системѣ возвышенія народа, причемъ ему говорится только о его верховенствѣ и о его правахъ, и не напоминается никогда объ его обязанностяхъ. Послѣ потрясеній прошедшаго года, болѣе чѣмъ когда-либо возстаетъ предъ нами дилемма которую выразилъ Талейранъ слѣдующимъ образомъ: „Предъ нами только два принципа: законность или случай.“ Затѣмъ развивая свою идею, знаменитый дипломатъ присовокупилъ:

„Законность есть право найденное, признанное, освященное разумомъ и преданіемъ. Случай есть побѣда или пораженіе, счастіе, несчастіе, произволъ, революція, фактъ. Если Европа желаетъ избавиться отъ революціи, отъ факта, отъ случая, отъ потрясеній, то она должна примкнуть къ праву, то-есть къ законности. Тогда декреты не будутъ только матеріальною силой: они будутъ нравственнымъ авторитетомъ догмата стоящаго выше колебанія событій.“

Въ дѣлѣ подачи голосовъ, большинство подающихъ оные не имѣютъ понятія о механизмѣ правительства. Въ древности всеобщая подача голосовъ имѣла всегда предметомъ суммарное обсужденіе: народъ собирался не затѣмъ чтобъ опредѣлять систему, а чтобы предоставить въ случаѣ надобности полную власть правительству. Несчастіе правленія обоихъ Наполеоновъ въ томъ и заключалось что они руководились политикой *мессіанизма*, такъ ясно развитаго въ *Исторіи Юлія Цесаря*, а не французскою политикой. Возвращеніе къ принципу преданія есть гарантія для будущаго и едва ли не единственная. Мнѣ могутъ возразить что такъ какъ вѣра въ принципы этого рода исчезла, то они не могутъ болѣе имѣть своего спасительнаго вліянія. Но такъ какъ уврачеваніе опустошеній, причиненныхъ революціоннымъ духомъ, безотлагательно, то необходимо замѣнить вѣру хотя интересомъ и интересомъ самымъ дѣйствительнымъ: *интересъ* заставитъ возвратиться къ убѣжденію что преданіе, авторитетъ *неоспоримый*, есть един-

ственное средство спасенія. Если фактъ власти ниспровергнутой революціей встрѣчался нѣсколько разъ въ исторіи, то изъ этого не слѣдуетъ что принципомъ общества должно быть право перемѣнять правительство по капризу націй или партій. Непрочность никогда не была основаніемъ обществъ. По нашему мнѣнію, плохое правительство все-таки лучше революціи, и что̀ создала революція, то легко ниспровергнется другою революціей. Упроченіе новаго порядка вещей требуетъ времени: нетерпѣніе партій рѣдко обезпечиваетъ ему это время. Республика есть форма правленія логическая; тѣмъ не менѣе въ наше время она переходитъ или въ диктатуру или въ анархію. Существуетъ только одно условіе прочности: принципъ сохраненіе коего требовалось бы общимъ интересомъ. Но всякое правительство имѣющее одинаковый источникъ съ Наполеоновскою имперіей и тѣмъ болѣе то которое ей обязано своимъ бытіемъ будетъ находиться въ опасности, если для блага міра не восторжествуютъ принципы преданія.

Бывали случаи что правительства образовавшіяся изъ революціоннаго источника, становились консервативными и отвергали заблужденія прошедшаго. Италіянское правительство можетъ-быть желаетъ того же, но едва ли оно въ состояніи будетъ достигнуть этой цѣли. Доказательствомъ тому служатъ слѣдующія соображенія.

II.

Единство Италіи было не національною потребностью, а стариннымъ стремленіемъ болѣе анти-австрійскимъ, чѣмъ унитарнымъ. Піемонтское правительство обнаружило свою ловкость, заимствуя отъ Мадзини свою программу, но что̀ оно сдѣлало потомъ? Кампанія 1859 дала возможность совершить этотъ политическій маневръ. Что̀ касается до націи, то она, по удаленіи чужеземцевъ съ ея территоріи, полагала найти въ обѣщанномъ возрожденіи новую эру счастія. Массы предоставили полную свободу дѣйствій честолюбивому меньшинству.

Я не имѣю въ виду излагать исторію присоединеній. Всѣ они болѣе или менѣе совершились одинаковымъ образомъ. Я приведу только одинъ документъ касающійся присоединенія Неаполя, и доказывающій что̀ было искусственнаго въ этой политикѣ, которую желали представить выраженіемъ требованій большинства.

Документъ этотъ есть депеша графа Кавура къ адмиралу Персано, изъ Турина, отъ 9го августа 1860 года, обнародованная послѣднимъ въ его журналѣ веденномъ на кораблѣ.

„Г. адмиралъ,—именно потому что Неаполь кость очень крѣпкая, вамъ, одаренному здоровыми зубами, и слѣдуетъ разгрызть его. Тѣмъ не менѣе, я приму въ соображеніе огромныя затрудненія которыя вамъ предстоитъ преодолѣть. Если это не удастся вамъ, то я скажу что успѣхъ былъ невозможенъ. Проблемма предстоящая нашему разрѣшенію есть слѣдующая: помогать революціи, но дѣйствовать такъ чтобы на глаза Европы она казалась добровольнымъ движеніемъ. Еслибъ это было такъ, то Франція и Англія были бы съ нами. Иначе я не знаю что̀ намъ и дѣлать.

„Кавуръ.“

Къ этому важному признанію необходимо присоединить еще другое. Гарибальди на одномъ банкетѣ въ Лондонѣ сказалъ: „Я долженъ сознаться что въ 1860 году, безъ эскадры адмирала Монди, Бурбоны сидѣли бы еще на неаполитанскомъ престолѣ.“

Такимъ образомъ пріобрѣтеніе Неаполя было только завоеваніемъ и ничѣмъ инымъ.

Я понимаю что народъ допускаетъ завоеваніе и даже радуется когда новое владычество приноситъ ему благосостояніе, цивилизацію, довольство, могущество, общее улучшеніе, но въ Италіи этого не видно. Бывшій въ 1848 году диктаторомъ Тосканы, Гверацци, отзывается о велико-герцогскомъ правительствѣ такъ: „Si stava meglio, quando si stava peggio“ (намъ было лучше, когда было хуже).

Что касается до финансовъ, то вотъ самое краснорѣчивое изображеніе ихъ. До 1860 года въ Италіи было семь государствъ, съ дворами, министерствами, администраціей, дипломатическимъ корпусомъ. Всѣ правительства издерживали ежегодно около 500 милл. фр., и налоги достигали почти такой же цифры. Долгъ семи государствъ простирался до $2^1/_2$ милліардовъ. Теперь Италія уплачиваетъ около 300 милліоновъ процентовъ ежегодно, что̀ соотвѣтствуетъ долгу въ семь милліардовъ, и все это несмотря на продажу коронныхъ имуществъ на 650 милліоновъ, несмотря на отчужденіе государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, на фабрикацію табаку, на присвоеніе церковныхъ имуществъ, что̀ въ девять лѣтъ даетъ общую цифру 9 милліардовъ 316 милліоновъ, по-

ступившихъ въ государственное казначейство. Тѣмъ не менѣе государственный долгъ дошелъ до упомянутой цифры семи милліардовъ; при этомъ армія плохо устроенная, флотъ плохо снаряженный и безпорядокъ въ администраціи. Вотъ что̀ добыла себѣ съ 1860 года объединенная Италія.

Что̀ касается до политическаго величія и значенія, то если мы допустимъ даже неутомимыя и неустанныя стремленія къ этой цѣли, то и тогда Италія не въ состояніи будетъ возстановить славныя преданія своего прошедшаго. Славные италіянскіе подвиги суть дѣла различныхъ государствъ полуострова. Развѣ Венеція не заявила что битва при Лиссѣ есть славный подвигъ *венеціянскаго* флота противъ флота *италіянскаго*? Для созданія новыхъ славныхъ подвиговъ, единству необходима сила организаціи, которой оно не имѣетъ, а оно не имѣетъ ее потому что оно миражъ, а не дѣйствительность.

Нашъ вѣкъ не благопріятствуетъ сформированію государствъ. Государства могутъ группироваться и достигать нѣкотораго слиянія въ видахъ общей обороны, но начинать снова унитарное развитіе тамъ гдѣ всякая цивилизація была продуктомъ различныхъ центровъ, суждено не каждому. Сумѣть присоединять и уравнивать не разрушая есть тайна государствъ сильныхъ, идущихъ путемъ политическаго прогресса; не умѣть этого сдѣлать значитъ встрѣчать неодолимыя преграды. Италія хочетъ принять за образецъ Германію и присоединить къ этому французскую централизацію. Въ этомъ подражаніи есть несообразность. Для Германіи, также какъ и для Италіи, существуетъ, повидимому, одинакая подводная скала, но Германія можетъ миновать ее: у нея для того достаточно силы, и мудрости также можетъ-быть достанетъ. Италія не представляетъ тѣхъ же гарантій. Древнее дипломатическое преданіе Италіи не существуетъ болѣе. Въ наше время піемонтское правительство усвоило себѣ планъ тайныхъ обществъ, не умѣя имъ воспользоваться; оно шло довѣряя своей звѣздѣ; удача оказалась на его сторонѣ, и оно двигается впередъ ощупью, день за днемъ.

Одинъ Италіянецъ очень образованный, сенаторъ Стефано Ячини, напечаталъ въ 1870 году сочиненіе заключающее въ себѣ великія мысли. Правда, онъ вѣритъ долговѣчности единства, но указываетъ ложность пути на который вступило правительство его страны, и опасности которымъ оно подвергается, продолжая идти этимъ путемъ. Онъ желалъ бы пра-

вательства болѣе сильнаго, выборовъ гораздо болѣе широкихъ, и раздѣленія Италіи по полосамъ на основаніи историческихъ преданій. Онъ говоритъ:

„Италіянецъ гордится своимъ единствомъ, но онъ остается Піемонтцемъ, Лигурійцемъ, Ломбардцемъ, Сицилійцемъ и пр. Эти отличія, отмѣненныя офиціальною Италіей, появляются ежеминутно на пиршествѣ политической жизни, какъ тѣнь Банко, и предсѣдаютъ на немъ повелителями, несмотря на всѣ запрещенія. Желать отмѣны по закону этого разнообразія, присущаго италіянскому племени и *совмѣстимаго съ его единствомъ* все равно что устранить силу, источникъ жизненности, для замѣны ихъ системой насилія, противною естественнымъ тенденціямъ того же племени. Когда Италіянецъ пускается въ политику, то онъ мечтаетъ о цѣли возвышенной и благородной, но для достиженія ея онъ не слѣдуетъ за дисциплинированными заблужденіями какой-либо большой партіи; Италіянцы оказываютъ предпочтеніе коалиціямъ, сектамъ, заговорамъ, малымъ церквамъ, исключительностямъ, иначе называемымъ *consorterie*, рискуя даже потерять изъ виду первоначальную цѣль, къ которой они стремились.“

Ячини утверждаетъ что „система полосъ“ должна бы начаться съ 1860 года. „До тѣхъ поръ, говоритъ онъ, система Кавура была необходимостью; то была *эпопея присоединеній*, которая была хороша какъ переходное состояніе.“

„Я убѣжденъ, присовокупляетъ тотъ же авторъ, что общественное дѣло Италіи съ 1866 года до нашихъ дней зиждется на совершенно ложномъ основаніи. Есть *дѣйствительная Италія* (*un' Italia reale*), которая отнюдь не *законная Италія* (*l'Italia legale*) и которая стремится возстать противъ послѣдней.“

Всѣ эти цитаты Ячини суть плоды полнаго знанія положенія дѣлъ; я расхожусь, однако, во мнѣніяхъ съ этимъ замѣчательнымъ публицистомъ, когда онъ утверждаетъ что реформа имъ проповѣдуемая *совмѣстима съ единствомъ Италіи*. По моему мнѣнію, она такъ мало совмѣстима съ нимъ что я нахожу въ ней объясненіе неуспѣха который имѣли въ офиціальныхъ сферахъ мудрыя предостереженія Фичини. Я схожусь во взглядахъ съ генераломъ Ламарморой.* Возражая противъ системы территоріальныхъ раздѣленій для арміи, си-

---

* *Quattro discorsi sulle condizioni dell'esercito italiano.* Firenze 1871. (*Четыре рѣчи о положеніи италіянской арміи.* Флоренція. 1871).

стемы которую онъ находитъ хорошею, но непримѣнимою въ Италіи, онъ говоритъ:

„Если къ административному раздѣленію Италіи по полосамъ присоединить маленькія территоріальныя арміи, то единство Италіи, для котораго мы такъ много сдѣлали (а Провидѣніе сдѣлало еще болѣе), подверглось бы большой опасности."

Несчастіе Италіи состоитъ въ томъ что въ теченіе десяти лѣтъ всѣ люди смѣнявшіе другъ друга во главѣ власти, даже самые лучшіе, были заговорщиками. Всѣ имѣли связи съ революціонною партіей и обязаны ее щадить. Иногда по частнымъ вопросамъ они высказываютъ твердость относительно анархическихъ партій, но въ существенномъ, они невольно подчиняются ихъ давленію. Это фальшивое положеніе имѣетъ вліяніе на выборъ правительственныхъ лицъ и производитъ безпрерывныя сознанія въ ошибкахъ, въ которыя будто бы вовлекаетъ ихъ общественное мнѣніе. Это тактика не новая. Она служила всегда, съ древности до нашихъ временъ, объясненіемъ актовъ честолюбія, неспособности или лицемѣрства.

Правительство не умѣющее управлять часто прибѣгаетъ къ такого рода стратагемѣ; часто оно ссылается также на измѣну, если предположенный имъ проектъ не достигаетъ успѣха. Лучшія правительства должны принимать во вниманіе мнѣніе здравой части населенія; нерѣдко они встрѣчаютъ измѣну и лишены возможности дѣлать добро, но когда они ошибаются, то революція всегда дурное средство исправленія ихъ ошибокъ. Великое правило Тацита (въ жизнеописаніи Агриколы) есть единстванная программа политической власти: Auctoritas Senatus vox populi romani et conscientia generis humani (Власть сената—голосъ римскаго народа и сознаніе человѣчества). Такимъ образомъ прежде всего *власть* совѣтующаяся съ общественнымъ мнѣніемъ и сознаніемъ человѣчества. Революція прежде всего есть актъ нетерпѣнія; здравый разсудокъ требуетъ развитія и реформы; нетерпѣніе стремится къ переворотамъ. Исторія современной Италіи есть ясное тому доказательство. Она разстроена вслѣдствіе своего честолюбія, и средства коими она руководилась сбили ее нравственно и матеріально съ истиннаго пути.

Италія до 1860 года находилась въ болѣе цвѣтущемъ состояніи чѣмъ нынѣ, съ точки зрѣнія военной, финансовой и административной. Арміи различныхъ государствъ, разумѣется со включеніемъ піемонтской, могли выставить подъ ружье

личный составъ болѣе сильный и лучше организованный чѣмъ нынѣ. „Наша армія, говоритъ генералъ Ламармора, дисциплинирована по преданію, но она дезорганизована по недостатку прочности въ ея устройствѣ, и по отсутствію въ ней опредѣленныхъ принциповъ". Генералъ Ламармора порицаетъ между прочимъ отмѣну полковыхъ священниковъ и разрушеніе въ войскѣ всякаго религіознаго элемента.

Флоты сардинскій и неаполитанскій стояли выше италіянскаго; люди были въ нихъ опытнѣе, суда содержались лучше,— таково мнѣніе выраженное офицерами англійскаго флота, въ Неапольскомъ портѣ, во время морской выставки нынѣшняго года.

Финансы отдѣльныхъ государствъ были отлично устроены и представляли обыкновенно избытокъ доходовъ надъ расходами; теперь кредитъ Италіи совершенно исчезъ; только и рѣчи что о налогахъ и пошлинахъ.

Съ наслѣдіемъ полученнымъ отъ отдѣльныхъ государствъ Италія должна бы быть богата, но революція ведетъ за собою безпорядки, и когда она торжествуетъ, то предаетъ судьбы отечества въ руки своихъ приверженцевъ. Политическій оттѣнокъ замѣняетъ часто способности, а иногда и самую честь.

III.

Перехожу къ разсмотрѣнію идеи о назначеніи Рима столицей. Упомянутое мною выше сочиненіе сенатора Ячини представило мнѣ самое убѣдительное доказательство фальшиваго устройства королевства Италіи. Рѣчь того же государственнаго человѣка, произнесенная 23го января, будетъ для меня новымъ источникомъ аргументовъ, тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ, что никто не можетъ усомниться въ патріотизмѣ (принимая это слово въ смыслѣ объединенія) оратора изложившаго ихъ. Изложивъ различіе между вопросомъ Римскимъ и вопросомъ о перенесеніи столицы, онъ доказываетъ что они не совмѣстимы. Сверхъ того, при настоящихъ обстоятельствахъ, болѣе всего необходимо избѣжать сильнаго столкновенія между италіянскимъ правительствомъ и управленіемъ католической церкви, а между тѣмъ совмѣстное пребываніе ихъ въ одномъ и томъ же городѣ необходимо должно возбудить оное. Обще-

ственное мнѣніе, говорятъ, требуетъ этого перенесенія, но никогда въ теченіи десяти лѣтъ не происходило объ этомъ предметѣ тщательнаго обсужденія, которое взвѣсило бы всѣ возраженія противъ подобнаго рѣшенія. Идея Рима-столицы была допущена какъ политическій догматъ, и вотъ десять лѣтъ какъ органы печати и законодательныя собранія передаютъ другъ другу этотъ догматъ изъ году въ годъ. Первая идея Рима-столицы есть продуктъ риторики, вызванный воспоминаніями классической древности; нынѣшней Италіи всего нужнѣе было бы устранить это вліяніе риторики, если она хочетъ занять мѣсто между великими державами.

„Тѣ далеки отъ истины кто предполагаютъ что графъ Кавуръ приписывалъ первостатейную важность матеріальному факту будущаго перенесенія резиденціи національнаго правительства въ Римъ. Они остановились на декларацiи графа Кавура, не давая себѣ отчета въ политической идеѣ заключившейся въ означенной декларацiи; идеѣ устраненія всякаго муниципальнаго соперничества между различными большими центрами полуострова, пораженія федералистской идеи, завершенія дѣла независимости и единства, *помимо* заботы о перенесеніи столицы, послѣ чего уже слѣдовало приступить къ большему приготовительному труду устройства отношеній между церковью и государствомъ, между политическими условіями полуострова въ то время и будущимъ фактомъ пріобрѣтенія Рима. Вмѣсто этого нынѣ желаютъ рѣшить великую проблемму, не предпосылая ей большаго приготовительнаго труда, и даже въ теченіи многихъ лѣтъ италіянскія законодательныя палаты все болѣе и болѣе удаляются отъ формулы графа Кавура: свободная церковь въ свободномъ государствѣ.“

Таковъ взглядъ сенатора Ячини. Не забудемъ что такъ говоритъ самый усердный сторонникъ объединенія, но онъ проповѣдуетъ въ пустынѣ.

Перехожу къ моимъ личнымъ соображеніямъ. Обаяніе Рима заключается въ воспоминаніяхъ о его древнемъ могуществѣ и въ величіи папскаго верховенства. Эти два фактора положили на Римъ его историческій отпечатокъ. Что хотятъ изъ него сдѣлать? Объединители-монархисты стремятся преобразовать его въ современную столицу, какъ центръ всякаго движенія и всякаго вліянія. Мадзинисты, республиканцы, соціалисты, свободные мыслители желаютъ сдѣлать его центромъ своихъ ученій, долженствующихъ заступить мѣсто христіанства.

Эти новые проповѣдники не согласны между собою. Мадзини напримѣръ самовластенъ: онъ первосвященникъ новой вѣры, враждебный демократической недовѣрчивости; но всѣ стараются нанести пораженіе католической организаціи, имѣя прямою цѣлію упразднить самое христіанство.

Исторія Италіи представляетъ намъ другихъ свободныхъ мыслителей, увлеченныхъ языческою древностію. Это школа возрожденія, оставившая до нашего времени слѣды въ италіанскомъ искусствѣ во многихъ церквахъ и на многихъ кладбищахъ, и давшая міру образцовыя произведенія литературы и искусства. Школа людей нынѣ выдающихъ себя служителями свободной мысли современнаго общества направляетъ усилія лишь на дѣло разрушенія.

Много говорено было о желаніи Римлянъ измѣнить свое правительство согласно съ новѣйшимъ правомъ. Это заявленіе столь же ложно, какъ и принципъ долженствующій служить ему основаніемъ.

Римляне, какъ всѣ Италіянцы, имѣютъ способность переносить правительственную анархію и тѣмъ болѣе несовершенства политической системы. Они роптали часто: духъ сатиры и привычка роптать были отличительными чертами ихъ характера съ глубокой древности. Но ропотъ Римлянъ не означалъ ихъ желанія низвергнуть свѣтскую власть папъ: ихъ недовольство (совершенно основательное во многихъ случаяхъ) не имѣло ничего общаго съ единствомъ Италіи. Меньшинство Римлянъ слѣдовавшее объединительнымъ тенденціямъ раздѣлялось на двѣ категоріи: 1) Мадзинисты и республиканцы желали низвергнуть папскій престолъ чтобы вслѣдъ затѣмъ низвергнуть и престолъ Виктора-Эммануила; 2) меньшинство дворянства и большое число *mezzo ceto* (среднихъ классовъ). Въ этой послѣдней категоріи, первые желали играть политическую роль, вторые стремились заступить мѣсто дворянства, лишая его соціальнаго первенства.

Что касается до римскихъ массъ, то онѣ жили милостями папы, ибо это единственный государь который, по своему исключительному положенію, могъ *содержать* своихъ подданныхъ зачѣмъ же они пожелали бы измѣнить правительство и производить революцію, которая вмѣсто выгодъ доставила бы имъ новые налоги и конскрипцію? Можно сказать что если *оффиціальная* Италія нуждалась въ Римѣ, то Римъ отнюдь не нуждался въ Италіи.

Въ 1867 году, императоръ Наполеонъ думалъ что при вступленіи гарибальдійцевъ въ Папскія владѣнія произойдетъ возстаніе въ Римѣ, и что италіянскія войска въ состояніи будутъ явиться туда примирителями. Это и было причиной его колебаній и отозванія экспедиціоннаго корпуса. Приказы то давались, то отмѣнялись.

Въ 1870 году, графъ Понца ди-Санъ-Мартино, явившійся къ папѣ съ письмомъ отъ короля Виктора-Эммануила, прибѣгнулъ къ мѣрамъ обольщенія, обыкновенно наиболѣе дѣйствительнымъ для возбужденія движенія: но движенія не произошло, и италіянскій посланникъ присутствовалъ при народной оваціи въ честь папы, при открытіи новаго фонтана, носящаго названіе *Acqua Marcia* или *Acqua Pia*.

Г. Понца ди-Санъ-Мартино уѣхалъ съ убѣжденіемъ что дѣлать ему болѣе нечего, и что планъ, постоянно приготовляемый, вступить въ Римъ, какъ бы для подавленія анархическаго возстанія и выставить себя освободителями, надо замѣнить атакой вооруженною рукой. Титулъ *освободителей* тѣмъ не менѣе сохраненъ; на этотъ разъ дѣло шло не о прекращеніи анархіи, а о давленіи нѣсколькихъ баталіоновъ волонтеровъ, которые, какъ говорили, грозили опасностію спокойствію Италіи и даже (что̀ также было говорено) опасностію независимости папы.

Затѣмъ объявленъ былъ плебисцитъ. Даже до этого опыта, всѣ дѣйствія временнаго правительства производились именемъ короля Италіи. Я не стану вдаваться въ разсужденія,—это завлекло бы меня слишкомъ далеко,—что̀ значатъ вообще плебисциты. Наше время было такъ богато опытами этого рода что каждый можетъ составить себѣ понятіе о значеніи плебисцита.

20го сентября генералъ Кадорна ввелъ сквозь пробитую имъ брешь нѣсколько тысячъ эмигрантовъ и людей для которыхъ узурпированное качество политическихъ изгнанниковъ служило прикрытіемъ всякой гадости. Городъ былъ въ ихъ рукахъ, и первымъ актомъ пришельцевъ было начать грабежъ. Къ счастію для Рима, вступленіе регулярныхъ войскъ остановило этотъ грабежъ въ самомъ началѣ.

Голосованіе произведено было безъ предварительной раздачи избирательныхъ билетовъ, при содѣйствіи массы Италіянцевъ прибывшихъ въ Римъ изо всѣхъ провинцій и допускаемыхъ туда безъ всякаго разбора, безъ всякой повѣрки

ихъ качества, какъ Римлянъ, чему бы долженъ былъ подвергнуться каждый подающій голосъ. Всякій кто хотѣлъ могъ отправляться и подавать голосъ въ томъ округѣ который былъ ему болѣе по сердцу. Одинъ Нѣмецъ подавалъ голосъ шесть разъ, одинъ Американецъ 24 раза. Таковъ былъ плебисцитъ, долженствовавшій, какъ говорили, выразить верховную волю Римскаго народа!

VI.

Послѣ матеріальнаго завоеванія Рима возникли затрудненія гораздо болѣе сильныя, чѣмъ прежде. Прошло десять лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ въ официальныхъ сферахъ заявлялась необходимость этого занятія; правда что при этомъ всегда говорилось о *нравственныхъ средствахъ*, но во всякомъ случаѣ цѣль была достигнута, и никакой программы не было приготовлено, а между тѣмъ необходимо требовалось рѣшеніе. Предшествовавшіе опыты къ отысканію *modus vivendi* между Италіей и папствомъ оказались безплодными. Необходимо было постараться показать какъ католичеству, такъ и Европѣ, что эта несовмѣстимость между двумя властями была только кажущаяся, и что законъ основанный на принципѣ „свободной церкви въ свободномъ государствѣ" могъ бы удовлетворить интересамъ даже такого несговорчиваго правительства, какъ римская курія. Я не думаю чтобы какой-нибудь политическій дѣятель могъ добросовѣстно положиться на успѣхъ закона о *гарантіяхъ*, который есть не что̀ иное какъ декретъ побѣдителя: по логикѣ, побѣжденному слѣдовало бы потребовать гарантій, и эти гарантіи должны бы быть формулованы обоюднымъ условіемъ.

Какъ бы то ни было, этотъ законъ о гарантіяхъ и соединенныхъ съ нимъ вопросахъ былъ предметомъ многочисленныхъ рѣчей и статей; интересно изслѣдовать этотъ вопросъ, и изъ этого окажется что италіянское правительство снова ошибается, если предполагаетъ что оно открыло формулу которая можетъ доставить папѣ ту же независимость для его духовнаго верховенства которую ему обезпечивало его прежнее верховенство политическое.

Я не имѣю въ виду обсуждать католическую организацію; я беру ее въ томъ видѣ какъ она существовала *ab antiquo* и

въ виду важности которую она имѣетъ въ исторіи западнаго міра и въ особенности въ исторіи Италіи.

Свѣтская власть папства начинается съ VIII вѣка, когда императоръ Левъ Исавріянинъ поднялъ знамя ереси иконоборцевъ; въ это время Римляне, уже лишенные всякой дѣйствительной помощи восточныхъ экзарховъ противъ нашествія варваровъ, свергнули съ себя иго Грековъ и признали власть *Св. Петра*. *Св. Петру* былъ данъ въ послѣдствіи Пентаполь Пипиномъ, и еще позднѣе владѣнія маркграфини Матильды. Папа долженъ былъ оставаться только администраторомъ этихъ земель.

До французской революціи, католическая церковь была державой въ политическомъ значеніи. Сначала она враждовала съ королевскою властью, потомъ соединилась съ ней. При такомъ положеніи вещей понятны галликанскія привилегіи и другія льготы, но послѣ того католическая церковь поглощена была въ западномъ мірѣ монархическимъ принципомъ. Она появилась въ послѣдствіи снова, освобожденная отъ своего прежняго союза и стала болѣе *римскою*, чѣмъ прежде.

Я не имѣю въ виду писать исторію свѣтской власти: за исключеніемъ ея особеннаго происхожденія, она слѣдовала обыкновенными фазами развитія государствъ. Тѣмъ не менѣе не безынтересно припомнить ея прежнее устройство, гораздо болѣе сообразное съ характеромъ этого рода власти, чѣмъ новѣйшее устройство.

„Кардиналъ Эгидіо Альборноцъ, въ концѣ XIV вѣка, написалъ папскіе органическіе законы, извѣстные подъ названіемъ *Эгидійскихъ*. Онъ сумѣлъ согласовать традиціонныя вольности общинъ съ правами монархіи. Такъ продолжалось до французской революціи, которая разстроила Италію введеніемъ въ нее иностраннаго законодательства, что остановило естественное и національное развитіе полуострова. Въ 1815 году, кардиналъ Консальви ввелъ систему абсолютной централизаціи. Въ это время повсюду подражали наполеоновскому кумиру, который только-что былъ низложенъ.

„Пій IX въ началѣ своего царствованія говорилъ что онъ будетъ хлопотать только о возстановленіи прежнихъ статутовъ. Онъ припомнилъ что общины пользовались нѣкогда привилегіей управляться законами установленными съ согласія гражданъ и утвержденными государемъ. Онъ обратился къ тѣмъ самымъ эгидійскимъ законамъ, которые завѣщаны были средними вѣками новѣйшему времени, и которые должны были положить конецъ раздорамъ и узурпаціямъ, согласуя

права государя съ народными вольностями. Но дѣло добраго государя осталось безплоднымъ; правда кричали повсюду: „Свобода! Церковь! Италія! Возрожденіе!“ но желали соціальнаго потрясенія, уничтоженія папскаго господства, стѣсненія или преобразованія церкви.“ *

Возвращаюсь къ настоящему положенію и къ невозможности разрѣшить Римскій вопросъ въ италіянскомъ смыслѣ посредствомъ закона о гарантіяхъ; не говоря о папскихъ энцикликахъ и о депешахъ кардинала Антонелли, обращусь къ авторитету многихъ отличныхъ ораторовъ флорентійской палаты и просвѣщенныхъ публицистовъ.

Вопервыхъ представляется невозможность принятія папой означенныхъ гарантій.

„Соглашеніе невозможно, говоритъ публицистъ Патрони, ** вопервыхъ, по причинѣ теологической, ибо Пій IX не можетъ утвердить того что̀ осуждаемо было въ продолженіи двѣнадцати столѣтій его предшественниками и католическою церковію. Вовторыхъ, по причинѣ юридической, потому что свѣтская власть не есть индивидуальная собственность папы, но принадлежатъ всему католичеству; втретьихъ, по причинѣ нравственной, потому что папа нарушилъ бы клятву и поступилъ бы противъ совѣсти; вчетвертыхъ, по причинѣ практической, потому что католическая церковь потеряла бы поддержку необходимую для ея свободы и независимости.“

Депутатъ Тосканелли (въ рѣчи своей въ засѣданіи 23го января нынѣшняго года) слѣдующими словами излагаетъ двѣ главныя стороны вопроса: мнѣніе Кавура служащее исходнымъ пунктомъ для нынѣшнихъ государственныхъ людей и родъ свободы который предоставляется гарантіями:

„Когда Кавуръ въ своемъ знаменитомъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ (въ 1861) говорилъ: „Необходимо идти въ „Римъ въ согласіи съ Франціей,“ то онъ предвидѣлъ насколько Франція заинтересована этимъ вопросомъ; теперь мы не имѣемъ поддержки Франціи, *** и у насъ множество внутреннихъ затрудненій. Кавуръ надѣялся успокоить опасенія католиковъ относительно Римскаго вопроса. „Еслибы“, говорилъ онъ, „эти опасенія были основательныя, еслибы паденіе папской вла-

* Мѣсто это заимствовано изъ сочиненія: *Gei Arnaldisti e la signoria Pontificia* pel il Duca di Maddaloni. Неаполь 1871.

** *La Questione romana discussa nel 1871*, Roma 1871.

*** Тосканелли могъ бы сказать при этомъ: „Франція, вѣроятно, окажется намъ враждебною.“

„сти должно было имѣть подобныя послѣдствія, то я не колеблясь говорю что присоединеніе Рима къ Италіи было бы „гибелью не только для католичества, но и для самой Италіи.“

Говоря о свободѣ вообще, Тосканелли присовокупляетъ:

„Въ Англіи, Бельгіи, Голландіи, Соединенныхъ Штатахъ существуетъ свобода *de jure* и *de facto*. Въ Тосканѣ (до 1848) была свобода *de facto*, а не *de jure*. Наконецъ можетъ быть свобода *de jure*, а не *de facto*, а именно эту-то свободу и предлагаетъ папскому престолу законъ о гарантіяхъ.“

Вотъ также мнѣніе сенатора Марліани, унитариста, противника свѣтской власти и всякаго клерикальнаго вліянія. Онъ сказалъ министерству что рѣшеніе Римскаго вопроса можетъ быть выполнено только двумя способами: или предоставить всю власть папѣ, съ назначеніемъ ему италіянскаго гарнизона, или занять Римъ и остальныя церковныя владѣнія, заключивъ договоръ съ великими державами о помѣщеніи папы, сообразномъ съ его высокимъ саномъ, но внѣ Италіи.

„Вы не сдѣлали ни того ни другаго, сказалъ онъ; вы формуловали жалкую программу, которую представляете намъ и которая стремится создать въ Италіи положеніе вещей похожее на японскую систему микадо и тайкуна.“

„Вамъ необходимо будетъ, продолжалъ онъ, создать третейскій трибуналъ для рѣшенія столкновеній которыя возникнутъ между папой и италіянскимъ правительствомъ. А кто будетъ приводить въ исполненіе его рѣшенія? И сверхъ того, какую силу могутъ имѣть въ глазахъ Пія IX гарантіи предоставляемыя министерствомъ и парламентомъ, и которыя могутъ быть уничтожены другимъ министерствомъ и другимъ парламентомъ, имѣющимъ въ послѣдствіи стать во главѣ правленія, что̀ будетъ естественнымъ слѣдствіемъ нашихъ учрежденій. Это не одно предположеніе о мнѣніи Пія IX. Пій IX знаетъ что было говорено въ продолженіи одиннадцати лѣтъ о *нравственныхъ средствахъ* которыя слѣдовало употребить для рѣшенія римскаго вопроса, и рѣчи сказанныя въ нашихъ палатахъ и заявленія сдѣланныя министрами внутреннихъ дѣлъ и иностранныхъ дѣлъ, въ засѣданіяхъ 19го, 20го и 24го августа 1870 года. Я не стану повторять вамъ текста этихъ декларацій, но конечно по нимъ нельзя было догадаться что 20го сентября пушка пробьетъ брешь въ *Porta Pia*.“

Законъ о гарантіяхъ не допускаетъ, какъ бы допустилъ конкордатъ, уступокъ со стороны римской куріи, противъ которыхъ она протестуетъ потомъ, но въ послѣднемъ есть по крайней мѣрѣ элементы для *modus vivendi*. Законъ о гаранті-

яхъ утверждаетъ что церковь есть только выраженіе одной изъ соціальнымъ функцій государства и признаетъ лишь общее право. Значитъ онъ отрицаетъ право каноническое.

Желать раздѣленія властей значитъ желать проведенія демаркаціонной линіи между властями; но борьба между государствомъ и церковію всегда существовала. Первенство оставалось то на той, то на другой сторонѣ. По ходу вещей въ настоящее время первенство на сторонѣ государства. Въ доказательство возможности параллелизма нерѣдко приводятъ примѣръ Соединенныхъ Штатовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, по справедливому замѣчанію неизвѣстнаго автора одной брошюры о гарантіяхъ, принципъ раздѣленія существуетъ скорѣе *de facto* чѣмъ *de jure*; онъ обезпеченъ болѣе обычаемъ чѣмъ закономъ. Въ такомъ новомъ государствѣ не было ни столкновенія между привилегіями, ни противоположныхъ интересовъ, ни сложныхъ преданій. Церковь основалась тамъ, съ *самаго начала*, на ряду съ гражданскою властью, но безъ всякаго къ ней отношенія.

Есть, однако, въ *законѣ о гарантіяхъ* привилегіи которыя, по наружности по крайней мѣрѣ, даже превышаютъ льготы предоставляемыя папскому престолу наиболѣе католическими государствами.

Я разумѣю отказъ италіянскаго правительства отъ обращенія *ab abusu*, отъ королевскаго *placet*, отъ *exequatur*, отъ права раздачи части церковныхъ бенефицій и отъ присяги епископовъ.

По словамъ наиболѣе авторитетныхъ католическихъ писателей, обращеніе *ab abusu* никогда не было правомъ юридически установленнымъ, вслѣдствіе этого отмѣна его не была бы уступкой принципа, которую государство сдѣлало бы церкви; оно не могло быть ничѣмъ инымъ какъ правомъ терпимымъ по конкордату. Государство отказывается отъ *exequatur*, и сохраняетъ всѣ средства не допускать дѣйствій епископа или священника который ему неугоденъ. Это можно назвать мѣрой политическаго благоразумія, но не новою льготой которую пріобрѣла бы церковь. Церковь, говорятъ католическіе писатели, не противится тому чтобъ епископъ приносилъ присягу королю какъ и всякій гражданинъ. Право ассоціаціи предоставленное духовенству входитъ въ число льготъ общаго права. Юридическая церковь ничего отъ него не выигрываетъ.

Къ этому мнѣнію католиковъ преданныхъ папскому престолу я могу присоединить мнѣніе сенатора Марліани, цитованнаго мною выше (рѣчь въ сенатѣ 28го апрѣля 1871). Г. Марліани возстаетъ противъ статьи о которой идетъ рѣчь, по инымъ причинамъ; онъ полагаетъ что духовенство выиграетъ слишкомъ много и найдетъ средства производить антилиберальную пропаганду. Затѣмъ онъ присовокупляетъ:

„Какое же право предоставляетъ себѣ правительство? Право давать или не давать епископу, законно назначаемому, временное пользованіе церковнымъ имуществомъ: но это средство служащее только для возбужденія столкновеній между епископомъ и населеніями или между епископомъ и правительствомъ. Епископъ найдетъ всегда приверженцевъ, которые всегда будутъ считать его за мученика, лишеннаго достоянія.“

Общій характеръ этого закона о гарантіяхъ заключается въ томъ что онъ не удовлетворяетъ никакой партіи. Мнѣ могутъ поставить на видъ постановленіе парламента. На это я скажу въ отвѣтъ: 1) что парламентскія большинства не рѣдко суть фикція, и 2) что всякое безпристрастное лицо, находившееся во Флоренціи въ минуту утвержденія Рима столицей и закона *о гарантіяхъ*, должно согласиться что побужденіемъ большинства въ утвержденіи общихъ проектовъ было опасеніе чтобы не пало министерство въ виду неизвѣстности будущаго при тѣхъ критическихъ обстоятельствахъ въ которыхъ нынѣ находится Италія. Само министерство дѣйствовало скорѣе подъ вліяніемъ какого-то рока, которому оно подчинялось скорѣе по ошибкѣ, чѣмъ по убѣжденію.

VII.

Италіянцы владѣютъ Римомъ и хотятъ въ немъ удержаться даже и противъ желанія Римлянъ. Въ январѣ 1871 я читалъ въ *Riforma*, органѣ Ратацци, слѣдующее:

„Несомнѣнно что клерикальная партія все болѣе и болѣе укрѣпляется въ Римѣ, пріобрѣтаетъ тамъ съ каждымъ днемъ все болѣе силы, что органы ея размножаются и становятся очень сильны.... Римляне могли бы даже противиться италіянскому единству и желать возвращенія папскаго правительства, а Италія все-таки не лишилась бы права распорядиться

Римомъ, чтобъ основать въ немъ свою столицу, ибо Римъ принадлежитъ не Римлянамъ, а Италіянцамъ, то-есть всей націи."

Цитата эта весьма вѣрна какъ изображеніе заблужденій италіянскаго правительства въ Римѣ. Совершенно справедливо что клерикальная печать весьма сильна, и несмотря на гоненія, какимъ подвергаются редакторы этихъ журналовъ, не перестаетъ бороться энергически; совершенно вѣрно что несмотря на всѣ заявленія прошедшаго о *правѣ Римлянъ*, Римъ терпитъ участь покореннаго народа, и Римляне почти устранены отъ общественныхъ должностей. Когда установилось намѣстничество, то ему дана была инструкція не обращать никакого вниманія на права и способности чиновниковъ. Чтобы совершенно избавиться отъ нихъ, правительство придумало опытъ присяги. Тогда однако было сдѣлано то чего не сдѣлала даже республика 1849. Это повело къ отставкамъ цѣлыми массами во всѣхъ вѣдомствахъ; множество чиновниковъ остались безъ средствъ существованія и не имѣли иныхъ пособій, кромѣ получаемыхъ ими изъ Ватикана. Уже въ январѣ мѣсяцѣ было до 4.000 уволенныхъ въ отставку.

Во всемъ что̀ касалось до преподаванія, выборы дѣлались вообще между невѣрующими. Папа Пій IX не безъ основанія замѣтилъ что во время присоединенія Тосканы, Неаполя и пр. достаточно было замѣнить прежнихъ чиновниковъ *унитаристами*, но что въ Римѣ нужны были люди доказавшіе свое невѣріе. Папа находится въ Римѣ добровольнымъ плѣнникомъ; онъ не хочетъ, какъ онъ сказалъ самъ, показываясь въ городѣ, своимъ присутствіемъ какъ бы утвердить преобразованіе, которому подвергся Римъ. Италіянскія власти предоставили сначала полную свободу всѣмъ нападеніямъ и оскорбленіямъ печати и каррикатуры противъ Пія IX. По мѣрѣ того какъ подвигались пренія о гарантіяхъ, власти хотѣли доказать что совмѣстное существованіе властей королевской и папской обезпечиваетъ этой послѣдней независимость и уваженіе. Нападенія и оскорбленія были запрещены на время, но они возобновились, и трудно чтобы было иначе, при тѣхъ дурныхъ элементахъ которые собрались въ Римъ со всей Италіи, противъ которыхъ правительство пытается дѣйствовать иногда, но отъ которыхъ не можетъ совершенно избавиться. Отъѣздъ папы былъ бы сначала выгоденъ для ита-

ліянскаго правительства: тогда трудный законъ о гарантіяхъ, который, какъ я сказалъ уже, внушаетъ мало надежды на прочность даже тѣмъ которые его составили, оказался бы излишнимъ; трудная проблемма совмѣстнаго существованія не нуждалась бы въ разрѣшеніи, то-есть взято было бы все; теперь, когда законъ о гарантіяхъ утвержденъ, правительство принуждено предпринять опытъ совмѣстнаго существованія двухъ правительствъ.

Вообще въ Римѣ замѣчаются симптомы болѣе серіозные чѣмъ *традиціонный ропотъ*. Есть даже люди не совсѣмъ крѣпкой вѣры, и преданность коихъ папѣ очень сомнительна, которые вдаются въ оппозицію и становятся въ ряды *папалиновъ* чтобы протестовать противъ своихъ новыхъ властителей. Эта очевидная тенденція доставить преобладаніе элементу италіянскому, не-римскому, производитъ общее раздраженіе; оно особенно рѣзко выдается между классами рабочими и торговыми. Съ 20го сентября обѣднѣніе всѣхъ классовъ въ Римѣ есть фактъ несомнѣнный.

Одною изъ важныхъ ошибокъ италіянскаго единства съ начала революціи есть война объявленная духовенству и церкви; это ошибка вмѣстѣ историческая и политическая, все сильнѣе ощущаемая въ Римѣ. Свобода исповѣданій въ городѣ подобномъ Риму понята была въ смыслѣ противномъ христіанской терпимости. Тамъ явно утвердилось анти-христіанство: школы свободныхъ мыслителей, рѣчи, гдѣ атеизмъ проповѣдуется совершенно открыто, похороны безъ всякой религіозной церемоніи; анти-религіозныя книги, продаваемыя по дешевымъ цѣнамъ. Оттого реакція въ Римѣ и во всей Италіи повела къ основанію обществъ, состоящихъ изъ людей большею частію молодыхъ, съ цѣлію противодѣйствовать всѣмъ дурнымъ доктринамъ. Такія общества находятся въ Римѣ, во Флоренціи, въ Венеціи, въ Миланѣ, въ Неаполѣ, въ Туринѣ, въ Веронѣ, въ Генуѣ, въ Луккѣ, въ Падуѣ, въ Пизѣ и въ Болоньѣ.

Мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ что свободу исповѣданій ложно понимали въ южныхъ странахъ. Она служитъ къ развитію невѣрія. Въ Соединенныхъ Штатахъ,—страна которую либеральная партія цитуетъ какъ образецъ свободы,—во многихъ штатахъ не дозволяется исполнять общественныя должности людямъ не принадлежащимъ ни къ какому исповѣданію. Въ Сѣверной Каролинѣ не до-

пускаютъ на службу человѣка который отвергаетъ бытіе Божіе, истину христіанской религіи и божественный авторитетъ Священнаго Писанія.

Современная Италія поддерживаетъ принципъ раздѣленія церкви и государства, но на практикѣ она отдѣляетъ отъ церкви не государство, а общество.

Будущность италіянскаго единства, какъ до перенесенія столицы, такъ и послѣ онаго, зависитъ отъ продолженія удачъ, которыми оно пользовалось, которыя всѣ его слабости и ошибки обращали въ успѣхи, и которыя обратили въ его пользу нарушеніе всѣхъ обязательствъ и даже захватъ Квиринала, древняго дворца папъ. Кромѣ этого я не вижу иной гарантіи, которую бы можно было противупоставить компликаціямъ могущимъ возникнуть или вслѣдствіе внутренняго давленія или вслѣдствіе внутренней революціи, произойдетъ ли она отъ республиканцевъ или отъ старыхъ партій. Въ минуту кризиса, я не думаю чтобъ единство нашло себѣ защиту въ духѣ населеній. Я могу утвердительно сказать что еслибы въ Неаполѣ, во Флоренціи, въ Пармѣ, въ Моденѣ, прежніе государи могли возвратиться—день этотъ большинство жителей сочло бы днемъ избавленія. Въ Ломбардіи, правда, положеніе иное. Дворянство говоритъ (я слышалъ самъ это отъ очень вліятельнаго лица): „Нами очень дурно управляютъ, но по крайней мѣрѣ не иностранцы". Средніе же классы республиканскіе, а крестьяне сожалѣютъ объ австрійскомъ владычествѣ. Въ Венеціи или стремятся къ республикѣ или вздыхаютъ по злополучномъ эрцгерцогѣ Максимиліанѣ, котораго они желали нѣкогда имѣть независимымъ государемъ.

Въ бывшихъ папскихъ провинціяхъ называемыхъ легаціями, жители не желали бы возвращаться къ старому порядку, но одни изъ нихъ удовольствовались бы папой, еслибъ имъ предоставили мѣстную автономію, другіе же образуютъ республиканскую партію довольно многочисленную. Словомъ, недовольство и разочарованіе господствуютъ повсюду послѣ десятилѣтняго опыта.

Такимъ образомъ и для единства можно полагаться только на счастіе и успѣхъ. Успѣхъ—вотъ слово которое встрѣчается въ наше время часто и повсюду. Успѣхъ, говорятъ, рѣшаетъ правъ ли человѣкъ или нѣтъ. Факта этого нельзя отрицать, но это не теорія, не доктрина, это одна изъ самыхъ дурныхъ исходныхъ точекъ при обсужденіи дѣла. Если при-

нять за аксіому что успѣхъ узаконяетъ всякое дѣйствіе, хорошее или дурное, то разсудокъ сталъ бы только безсмысленнымъ орудіемъ. Эта доктрина можетъ быть допущена только въ *отчаянномъ* случаѣ, когда разсудокъ стѣсненъ обстоятельствами непобѣдимыми и превышающими человѣческія силы, вслѣдствіе чего человѣкъ остается въ недоумѣніи что ему слѣдуетъ предпринять. Тогда, но только тогда, должно сказать: *alea jacta est.* Случай дѣйствуетъ уже одинъ и доставляетъ или торжество или пораженіе.

Возвращаюсь къ Римскому вопросу. Мы видѣли невозможность соглашенія между папой и королемъ Италіи посредствомъ закона о гарантіяхъ. Значительный политическій дѣятель Теренціо Маміани, нынѣ докладчикъ этого, столь мало практическаго закона въ сенатѣ, понималъ лучше въ 1849 году характеръ Рима: онъ говорилъ учредительному собранію въ засѣданіи 8го февраля этого года:

„Будемъ избѣгать, господа, двусмысленностей и изворотовъ: въ Римѣ не можетъ быть *mezzo termine*; въ Римѣ могутъ господствовать или папа или Кола ди-Ріенцо. Объявить низложеніе папы значить ни болѣе ни менѣе какъ учредить въ Римѣ республиканское правительство.“

Слова эти совершенно логичны, и дѣйствительно, не республика въ современномъ италіянскомъ смыслѣ, но папа съ самоуправленіемъ и сенатъ были бы рѣшеніемъ, если не совсѣмъ хорошимъ (принимая въ соображеніе настроеніе умовъ), то по крайней мѣрѣ возможнымъ.

Въ Италіи всегда были Гвельфы и Гибелины, съ тою разницей что Гибелины *настоящаго времени* не желаютъ стѣснять привилегій папы, чтобъ облекать ими Цезаря; они желаютъ уничтожить всю древнюю исторію Италіи.

Говорено было что свѣтская власть *отжила свой вѣкъ.* Это выраженіе, принадлежащее къ современной фразеологіи, злоупотребляется до безконечности. На основаніи этого взгляда, все уже отжило свой вѣкъ: христіанская церковь, королевская власть, даже вѣра въ безсмертіе души.

Говорено объ умѣренной партіи, о томъ *mezzo termine* которое правительство должно имѣть преимущественно въ виду. Но каково положеніе лицъ этой партіи? Колыбелью имъ служитъ революція, и для поддержанія себя они пользуются также революціей. Что же изъ этого выходитъ? что они ведутъ безпрерывную борьбу, безъ надежды на полный успѣхъ, борь-

бу противъ двойнаго потока, консервативнаго, находящагося предъ ними, и революціоннаго, позади ихъ, который безпрерывно ихъ возбуждаетъ.

Соединенные Штаты достигли успѣха потому что у нихъ не было прошедшаго, которое бы имъ приходилось уничтожать. Что же касается до изворотовъ, до утвержденія что революція воплощается въ одномъ человѣкѣ, который можетъ господствовать надъ нею, то это было испытано наполеоновскимъ месіанизмомъ, но опытъ оказался несостоятельнымъ.

Со свѣтскою властью папы повторяется старая исторія; недостаточно стараться объ узаконеніи революціи самымъ фактомъ ея совершенія; необходимо доказать въ отношеніяхъ соціальномъ и политическомъ что новый порядокъ вещей лучше того который низложенъ. Къ тому же свѣтская власть была великимъ признаннымъ авторитетомъ, и паденіе ея нарушаетъ интересы милліоновъ людей.

Оно нарушаетъ интересы Рима. Я не говорю о немъ какъ о средоточіи католицизма, но свѣтская власть содѣйствовала къ превращенію его въ митрополію искусства и серіознаго ученія. Съ 1860 года множество молодыхъ Италіянцевъ являлись въ Римъ слушать лекціи въ Римскомъ университетѣ.

Говорили что свѣтская власть могла держаться только съ помощью иностраннаго оружія. Противъ этого обвиненія приведу снова то что говорилъ сенаторъ Марліани, унитаристъ, по поводу циркуляра графа Кавура въ 1860 году, мотивировавшаго занятіе Мархій тѣмъ что „армія которую сформировалъ папа грозила опасностью Италіи.“ Сенаторъ Марліани порицалъ этотъ циркуляръ, замѣчая что когда считаютъ долгомъ нарушать международное право и политическія преданія и дѣйствовать революціоннымъ способомъ, то необходимо имѣть мужество своего мнѣнія и не толковать объ опасностяхъ которыя не существуютъ. И теперь для охраненія маленькой Папской Области было бы достаточно небольшое число туземныхъ солдатъ, даже безъ иностранныхъ волонтеровъ, еслибъ это маленькое государство не было окружено безпощадными врагами.

Замѣтимъ еще что воззваніе къ иностранному оружію есть удѣлъ не одной римской куріи. Воззваніе это проходитъ чрезъ всю исторію Италіи.

Наконецъ, какой интересъ для Европы представляетъ уничтоженіе свѣтской власти? Я знаю что отношенія по-

чти всѣхъ государствъ къ папскому престолу не таковы уже какими они были во время избранія Пія VII или въ эпоху его реставраціи въ 1814. Перемѣна эта зависитъ отъ вѣроисповѣдныхъ и догматическихъ вопросовъ, оцѣнка коихъ повела бы меня далеко за предѣлы настоящей статьи, но ограничиваясь изученіемъ настоящаго положенія, я не вижу чтобы зависимое положеніе папы по италіянскому проекту было выгодно для прочихъ государствъ, которыя не могутъ предузнать характеръ своихъ будущихъ сношеній съ Италіей.

Италія не имѣетъ уже политическаго противника, который наиболѣе стѣснялъ ее, несмотря на свою матеріальную слабость; побѣда ея, какъ она утверждаетъ, есть великая услуга оказанная современнымъ идеямъ, но уступая настоящему потоку, ниспровергающему всѣ авторитеты, Италія, какъ всякая страна, которая руководилась бы тѣми же заблужденіями, можетъ впасть въ гибельное ослѣпленіе, а именно: она будетъ воображать что создаетъ настоящую консервативную партію, а достигнетъ только того что произведетъ *умѣренную* партію революціи.

N.

НА НОЖАХЪ*

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ТЕМНЫЯ СИЛЫ

XVIII. Проба пера и чернилъ.

За порогомъ двери у которой мы оставили Графиру Васильевну Бодростину не жилъ ни чародѣй, ни волхвъ, ни заклинатель, а была квартира брата ея Григорія Васильевича или Грегуара. Это достойное небольшаго вниманія лицо до сихъ поръ еще почти не появлялось въ нашей повѣсти, хотя имя его упоминали и Глафира, и Гордановъ, и Подозеровъ, послѣдній даже обращался однажды къ Григорью Васильевичу съ просьбой „принять его на какую-нибудь службу, хоть, напримѣръ, въ писаря въ его департаментъ“. Глафира Васильевна еще ранѣе вспоминала о старшемъ братѣ со вздохомъ, а Гордановъ на вопросы предложенные о немъ когда-то Глафирой отвѣчалъ съ смущеніемъ.

Грегуаръ управлялъ департаментомъ и слылъ человѣкомъ отмѣнныхъ дарованій, разчитывалъ или, по крайней мѣрѣ, мечталъ на директорствѣ не остановиться.

---

* См. *Русск. Вѣстн.* 1870 №№ 10, 11 и 12 и №№ 1, 2, 3, 4 и 5й 1871.

Съ сестрой они были въ открытомъ разладѣ съ тѣхъ поръ какъ она, воспламененная идеями до-Дарвинской эпохи петербургской культуры, принесла Горданову свою молодую и беззавѣтную любовь. Грегуаръ не особенно строго осудилъ поведеніе сестры, и оставаясь хорошимъ сыномъ для покинутыхъ родителей и примѣрнымъ чиновникомъ для начальства, онъ даже навѣщалъ инкогнито Глафиру въ ея маленькой коммунѣ; но когда сестра покинула Горданова и сдѣлалась Бодростиной, Грегуара это возмутило и въ немъ заиграли служебно-якобинскія симпатіи петербургскаго соціальнаго чиновника. Ему болѣе нравилось видѣть сестру коммунисткой, чѣмъ предводительшей, ибо онъ „свято вѣрилъ“ что самое спасительное дѣло для Россіи „пустить ей кровь и повыдергать зубы“. Затѣмъ во все то время какъ сестра его портила, поправляла, и опять портила, и снова поправляла свое общественное положеніе, онъ поднимался по службѣ, схоронилъ мать и отца, благословившихъ его у своего гроба; женился на состоятельной дѣвушкѣ изъ хорошей семьи, и метя въ сладкихъ мечтахъ современемъ въ министры, шелъ вѣрною дорогой новѣйшихъ карьеристовъ, то-есть засѣдалъ въ двадцати комитетахъ, отличался искусствомъ слагать фразы и блисталъ проповѣдью прогресса и гуманности, доводящею до сонной одури.

Отъ природы онъ былъ гораздо глупѣе своей сестры и сознавалъ это, безъ всякой зависти и желчи: напротивъ онъ любилъ Глафиру, гордился ею и порой даже находилъ удовольствіе ею хвастаться. Онъ былъ убѣжденъ и готовъ былъ другихъ убѣждать что его сестра весьма рѣдкая и замѣчательная женщина, что у нея ума палата и столько смѣлости, силы, сообразительности и энергіи, что она могла бы и должна бы блистать своими талантами, еслибы не недостатокъ выдержанности, который свелъ ее на битую тропинку.

Съ Михаиломъ Андреевичемъ Бодростинымъ Грегуаръ былъ знакомъ и считалъ его дуракомъ, котораго его сестра непремѣнно должна была водить за носъ. Михаилъ Андреевичъ въ свою очередь не высоко ставилъ Грегуара. Они изрѣдка дѣлали другъ другу визитъ, и тѣмъ оканчивались всѣ ихъ сношенія. Впрочемъ, въ нынѣшній свой пріѣздъ въ Петербургъ, Бодростинъ, затѣявъ торговыя предпріятія, въ которыя втравливали его Кишенскій и Гордановъ, имѣлъ дѣла по департаменту Грегуара, и они видались другъ съ другомъ нѣсколько чаще

Въ глубинѣ чиновничьей души, Грегуаръ, впрочемъ, даже чувствовалъ нѣкоторое удовольствіе числиться родственникомъ такого родовитаго барина какъ Бодростинъ, и это обстоятельство было извѣстно его женѣ, умной и нѣсколько ядовитой женщинѣ, сохранившей себя безъ пятна и порока и почитавшей себя въ правѣ казнить всякую язю въ людяхъ, начиная съ извѣстной ей суетной мелочности ея мужа.

Въ семьѣ Грегуара отчасти было то же самое что̀ и въ семьѣ Бодростиныхъ: жена его была умнѣе его самого, обладала несравненно большею противъ него проницательностію, опиралась на свое хорошее родство и привыкла довольно безцеремонно не скрывать предъ мужемъ своего превосходства. Отсюда миръ семьи ихъ не былъ миръ вожделѣнный, а напротивъ довольно натянутый, и съ возрастомъ единственнаго сына ихъ, котораго мать любила безъ памяти, а отецъ, занятый своими комитетами, довольно безстрастно, супруги незамѣтно раздвинулись на большую дистанцію. Признавъ волей-неволей несомнѣнныя преимущества своей жены, Грегуаръ не входилъ съ ней ни въ какую борьбу и даже былъ очень радъ что она вся предалась воспитанію сына, съ которымъ ему не было ни времени, ни охоты заниматься. Грегуаръ отецъ и Грегуаръ сынъ едва были знакомы другъ съ другомъ и войти въ ближайшія отношенія имъ даже не предвидѣлось повода: Грегуаръ младшій привыкъ считать себя вполнѣ зависимымъ отъ одной матери, а отца считалъ не болѣе какъ за милаго гостя и даже слегка надъ нимъ подтрунивалъ, отъ чего, впрочемъ, мать его обыкновенно воздерживала, не замѣчая что сама первая его всему этому обучила своимъ живымъ примѣромъ.

Родители столкнулись на вопросѣ о судьбѣ сына только при выборѣ заведенія гдѣ младшій Грегуаръ долженъ былъ получить образованіе. Отецъ разумѣется желалъ видѣть въ сынѣ современнаго реалиста, руководясь теоріями къ которымъ мать питала отвращеніе. Но мать возстала рѣшительно и побѣдила.

— Я хочу вести моего сына тѣмъ путемъ который даетъ вѣдомые результаты и, какъ мать, не позволю дѣлать надъ нимъ опытовъ, рѣшила она твердо и неуклонно.

Грегуаръ на это было возразилъ что и онъ, „какъ отецъ“, тоже имѣетъ свои права и можетъ пробовать, но получивъ отвѣтъ что онъ „не отецъ, а только родитель“, отступилъ и

махнувъ рукой оставилъ женѣ дѣлать съ сыномъ что́ ей угодно. Съ этихъ поръ онъ еще болѣе предался комитетамъ, укрѣплялъ связи, завязывалъ связишки и утвердилъ за собою въ обществѣ репутацію добрѣйшаго человѣка, а дома, въ глазахъ жены и одиннадцати-лѣтняго сына, былъ существомъ къ которому жена относилась съ обидною снисходительностью, а иногда, даже и съ легкою тѣнью презрѣнія.

Въ эту-то семью постучалась Глафира съ цѣлію помириться съ давно не видѣннымъ братомъ; познакомиться съ его женой, о которой она имѣла довольно смутное понятіе, и заставить Грегуара старшаго тряхнуть его связями въ пользу предпринятаго ею плана положить къ своимъ ногамъ Михаила Андреевича Бодростина и стать надъ нимъ во всеоружіи силы, какую она теперь должна получить надъ нимъ, какъ женщина достойнаго почтенія образа жизни, надъ мужемъ безнравственнымъ, мотомъ и аферистомъ, запутаннымъ въ скандальную исторію съ проходимкой, угрожающею ему уголовнымъ судомъ за похищеніе ребенка. Вмѣстѣ съ тѣмъ Глафира надѣялась прослѣдить съ помощію брата: не предалъ ли ее гдѣ-нибудь Гордановъ.

XIX. Свой своему поневолѣ другъ.

Когда Глафира вступила въ квартиру брата, Грегуара старшаго не было дома.

Бодростину это не остановило: она прошла въ залъ и велѣла доложить о себѣ невѣсткѣ, которая сидѣла въ это время въ смежной гостиной и проходила съ сыномъ его завтрашній урокъ.

Глафира видѣла тѣни обѣихъ фигуръ, матери и сына, слышала какъ человѣкъ произнесъ ея имя, слышала какъ хозяйка потребовала отъ человѣка повторенія этого имени и вслѣдъ затѣмъ молча встала и вышла куда-то далѣе, а слегка сконфуженный лакей, выйдя на цыпочкахъ, прошепталъ что Григорія Васильевича нѣтъ дома.

— Хорошо, я подожду, отвѣтила ему Бодростина,—а вы зажгите свѣчи въ его кабинетѣ и подайте мнѣ туда чаю.

Ея смѣлость и твердость подѣйствовала воодушевляющимъ образомъ на лакея, который тотчасъ же пошелъ исполнять ея приказанія, межь тѣмъ какъ сама Глафира, бросивъ на ди-

ванъ шаль, плавною походкой вошла въ освѣщенную комнату, гдѣ сидѣлъ надъ книгой ея племянникъ.

Подойдя къ мальчику, она обняла его, и поцѣловавъ въ голову, назвала себя его теткой и спросила о его отцѣ и о матери; но прежде чѣмъ ребенокъ собрался ей отвѣтить, изъ дверей внутренней комнаты вышла сама его мать.

Невѣстка Бодростиной была небольшая и не особенно красивая женщина лѣтъ тридцати, блондинка, съ тонкими губами, прямымъ носомъ и сѣрыми острыми глазами.

Увидѣвъ сына близь Глафиры, которая, сидя въ креслѣ, держала его у своего плеча, дама эта слегка передернулась и измѣнясь въ лицѣ сказала:

— Если не ошибаюсь, вы сестра моего мужа?

— Да; хоть поздно, но позвольте намъ родными счесться, отвѣчала развязно Глафира.

Онѣ пожали другъ другу руки, причемъ жена Грегуара тотчасъ же сказала сыну чтобъ онъ убиралъ свои книги и шелъ къ себѣ, а сама попросила гостью въ кабинетъ мужа.

Глафира видѣла и понимала что ее здѣсь глубоко презираютъ и какъ отъ чумы прибираютъ отъ нея дитя, чтобъ она не испортила его своимъ прикосновеніемъ, и она удвоила осторожность и любезность.

Зная что ничѣмъ нельзя такъ расположить въ свою пользу любящую мать, какъ мѣткимъ словомъ о ея ребенкѣ, Глафира прямо заговорила о замѣтной съ перваго взгляда скромности и выдержанности младшаго Грегуара.

— Да, отвѣтила мать,—онъ не худой мальчикъ; но онъ еще слишкомъ молодъ чтобы дѣлать о немъ заключенія.

— Вы какъ хотите его воспитывать?

— Какъ Богъ приведетъ: онъ теперь учится въ хорошей школѣ.

Глафира почувствовала что ей не удается разговориться съ невѣсткой, потому что та, не продолжая рѣчей о воспитаніи, быстро поднялась съ мѣста и сказала:

— Мужъ мой долженъ тотчасъ вернуться.

— Ахъ, вы за нимъ вѣрно послали? догадалась Глафира

— Да, онъ сейчасъ будетъ.

И дѣйствительно, въ эту минуту послышался звонокъ: это былъ Грегуаръ.

— Вотъ и онъ! проговорила Грегуарова жена и тотчасъ же вышла.

Братъ Глафиры сильно измѣнился въ теченіи многихъ лѣтъ, въ которыя они не видались съ сестрой. Теперь ему было за сорокъ; высокая, нѣкогда стройная его фигура сдѣлалась сухощавою, угловатою; голубые глаза обезцвѣтились, сѣдыя бакенбарды и назадъ закинутые порѣдѣвшіе волосы на головѣ придавали ему стереотипный видъ петербургскаго чиновника.

Глафирѣ было не трудно замѣтить что Грегуаръ съ неудовольствіемъ глянулъ вслѣдъ своей удалявшейся женѣ.

Братъ и сестра встрѣтились довольно спокойно, но привѣтливо.

Грегуаръ, давно пріучившій себя, ради прогресса и гуманности, равнодушно и безразлично относиться къ добру и злу, подалъ сестрѣ руку и началъ со стереотипной фразы о томъ что они давно не видались.

— Да, давно, отвѣчала ему Глафира,—но тѣмъ не менѣе я всегда была увѣрена что мы съ тобой не разошлись.

— Изъ-за чего же? Полно, сдѣлай милость: я очень радъ тебя видѣть.

— Да, и потому теперь, когда мнѣ нужна была твоя помощь, я рѣшила къ тебѣ прямо обратиться.

— И прекрасно сдѣлала. Чѣмъ могу служить?

Глафира сообщила брату о доходившихъ до нея въ Парижъ странныхъ слухахъ насчетъ ея мужа, о его безумныхъ рискованныхъ предпріятіяхъ и еще болѣе о его странной связи съ княгиней Казимірой, связи которая стоила старику чудовищныхъ денегъ и, наконецъ, угрожала теперь скандаломъ по случаю пропажи ребенка.

— Слышалъ, слышалъ, отвѣтилъ Грегуаръ, — это значитъ: послѣ старости пришедшей былъ припадокъ сумашедшій.

— Да ужь какъ знаешь, но это надо остановить; я тебя прошу помочь мнѣ какъ-нибудь въ этомъ случаѣ.

— Очень радъ, очень радъ, но какъ же помочь?

Глафира пожала плечами и проговорила:

— Что жь дѣлать? Мнѣ бы не хотѣлось, но обстоятельства такого рода что я вынуждена поступить противъ моихъ желаній: я рѣшила обратиться къ властямъ.

— Это очень просто.

Глафира не ожидала такого согласія и продолжала:

— Очень просто, если ты мнѣ поможешь: одинъ изъ наибо-

лѣе вредныхъ людей стоящихъ около моего мужа конечно Гордановъ.

—Очень умный человѣкъ, перебилъ Грегуаръ.

Этотъ отзывъ еще болѣе удивилъ Глафиру.

—Да; онъ умный, но вредный. Это темный человѣкъ, проговорила она и прибавила что хотѣла бы прежде всего знать о немъ Грегуарово мнѣніе; такъ какъ говорятъ что Гордановъ пользуется какимъ-то особеннымъ положеніемъ.

—Я не знаю; нынче такъ много говорятъ про особенныя положенія что не разберешь кто чѣмъ пользуется, отвѣчалъ Грегуаръ.—Во всякомъ случаѣ ты можешь отнестись....

Грегуаръ назвалъ одного изъ должностныхъ лицъ, къ которому и совѣтовалъ обратиться Глафирѣ.

—Но какъ же это сдѣлать?

—Если хочешь, я завтра повидаюсь и предупрежу, а ты поѣзжай.

—Да согласится ли онъ принять во мнѣ участіе? Если въ самомъ дѣлѣ Гордановъ имѣетъ покровителя. Не связаны ли они чѣмъ?

—Связаны какъ всѣ у насъ въ Петербургѣ связаны—враждой другъ къ другу. Здѣсь, душа моя, всѣ на ножахъ. Да ты давно въ Петербургѣ?

—Нѣтъ, только-что пріѣхала, и первый шагъ мой былъ къ тебѣ, а потому и спѣшу домой.

Глафира приподнялась съ мѣста.

—Надѣюсь, мы будемъ видѣться?

—Да, да, конечно мы будемъ видѣться, отвѣтилъ Грегуаръ.—Но куда же ты такъ спѣшишь?

—Мнѣ пора; я еще не успѣла оправиться; притомъ твоя жена кажется меня не долюбливаетъ.

Грегуаръ махнулъ рукой.

—Что? переспросила его, улыбнувшись, Глафира.

—Да Богъ съ ней, отвѣтилъ Грегуаръ.

—У васъ кажется дѣйствительно всѣ другъ съ другомъ на ножахъ.

—По крайней мѣрѣ на ножичкахъ, отшутился, пожавъ руку сестры, Грегуаръ, и тихо пошелъ вслѣдъ за нею къ двери.

—Такъ я не буду ее безпокоить и прощаться съ ней: ты передай ей мой поклонъ. А завтра мы съ тобой въ которомъ часу увидимся?

— Мы съ тобой увидимся, если хочешь, часа въ четыре.

— Прекрасно; ты ко мнѣ пріѣзжай обѣдать.

— Пожалуй; а туда я съѣзжу утромъ и дамъ тебѣ знать.

На этомъ они разстались. Глафира сѣла въ свой экипажъ и возвратилась въ квартиру мужа, гдѣ застала описанный нами въ послѣдней главѣ безпорядокъ: потопъ произведенный Висленевымъ.

Появленіе Глафиры еще болѣе увеличило этотъ безпорядокъ, но къ прекращенію его послужило письмо которое вручилъ Глафирѣ Васильевнѣ человѣкъ посланный ею часъ тому назадъ съ запиской къ Алинѣ.

Алина, извѣстясь о привозѣ ея сумашедшаго мужа, не замедлила отвѣтить Бодростиной что она сама нездорова и пріѣхать не можетъ, что помѣщеніе ея въ настоящее время очень тѣсно и неудобно для пріема больнаго, находящагося въ такомъ положеніи въ какомъ находится Жозефъ, и что потому она проситъ сохранить его до завтрашняго дня, пока она распорядится: или помѣстить Жозефа въ домѣ умалишенныхъ, или устроить его какъ-нибудь иначе.

Прочитавъ это письмо, тотчасъ послѣ короткаго и быстраго свиданія съ мужемъ, Гордановымъ, Ропшинымъ и Кишенскимъ, Глафирѣ не было особеннаго труда убѣдить ихъ что вытащенный изъ ванной комнаты и безмолвствовавшій мокрый Жозефъ возвратился въ умопомѣшательствѣ, во имя котораго ему должны быть оставлены безнаказанно всѣ его чудачества и прощены всѣ безпокойства причиненныя имъ въ домѣ.

Съ мужемъ Глафира держалась довольно холодно. Она отговорилась усталостью, головною болью и прежде всего пожелала успокоиться.

Доставленная по ея распоряженію Ропшинымъ горничная устроила ей спальню въ кабинетѣ Бодростина, и Глафира уснула.

Кишенскій ушелъ къ себѣ; Михаилъ Андреевичъ помѣстился въ спальнѣ, а Висленевъ былъ взятъ Гордановымъ.

Іосафъ Платоновичъ нисколько не протестовалъ противъ данной ему клички человѣка сумашедшаго, даже болѣе: онъ содѣйствовалъ укрѣпленію установившагося мнѣнія, ибо, не желая притворяться сумашедшимъ, былъ какъ нельзя болѣе похожъ на помѣшаннаго, и Гордановъ, поговоривъ съ нимъ немного, убѣдился что Жозефъ въ самомъ дѣлѣ не въ здра-

вомъ разсудкѣ: онъ ничего не сообщалъ, и только хлопоталъ объ одномъ: чтобы находиться въ комнатѣ постоянно запертой на замокъ, ключъ отъ котораго былъ бы у него въ карманѣ. Когда это было для него сдѣлано, онъ вздохнулъ и освѣдомился:

— Правда ли что скопцы даютъ деньги?

— Кому? спросилъ его Гордановъ.

— Ну тѣмъ кто идетъ въ ихъ вѣру.

— Да, говорятъ что даютъ. А что̀ такое? Не хочешь ли ты въ скопцы идти? Прекрасно бы, братецъ мой, сдѣлалъ, и мнѣ бы деньжонокъ далъ. Скопцы богатые.

— Нѣтъ; я это такъ, уронилъ Жозефъ, и спрятавъ ключъ, укутался въ одѣяло и вздыхалъ всю ночь, а къ утру забредилъ скопцами.

XX. Ошибка.

Глафира еще спала когда ей былъ доставленъ чрезъ курьера конвертъ: Грегуаръ извѣщалъ сестру что онъ уже видѣлся съ генераломъ который можетъ оказать ей защиту противъ хищниковъ опутавшихъ ея мужа, и совѣтовалъ ей, не теряя времени, тотчасъ ѣхать къ его превосходительству.

Одѣться и собраться для Глафиры было дѣломъ одной минуты, и черезъ полчаса ея наемный экипажъ остановился у небольшаго каменнаго дома гдѣ жилъ генералъ. Едва Глафира вступила въ переднюю главнаго помѣщенія этого дома, человѣкъ, въ полуформенномъ платьѣ, спросивъ ея фамилію, тотчасъ же пригласилъ ее на верхъ и сказалъ что генералъ ее ждетъ.

На верхней террасѣ лѣстницы фамилія ея другимъ такимъ же человѣкомъ была передана третьему, и Глафиру Васильевну провели черезъ небольшую гостиную въ комнату раздѣленную на двое драпировкой.

Здѣсь, спиной къ драпировкѣ, а лицомъ къ двери, за небольшимъ письменнымъ столомъ, покрытымъ въ порядкѣ разложенными кипами бумагъ, сидѣлъ генералъ: онъ былъ немного лысъ, съ очень добрыми, но привыкшими гнѣваться сѣрыми глазками. При входѣ Бодростиной, генералъ читалъ и подписывалъ бумаги, не приподнялся и не тронулся съ мѣста, а только окинулъ гостью проницательнымъ взглядомъ, и протянувъ ей лѣвую руку, проговорилъ:

— Добро пожаловать. Чѣмъ могу вамъ служить?

И съ этимъ онъ указалъ ей на кресло стоявшее противъ него по другую сторону стола.

— Генералъ, моя просьба страннаго свойства, начала Глафира,—я иду противъ мужа, съ тѣмъ чтобы защитить его и вылутать изъ очень странной исторіи.

— Это я знаю-съ, отвѣтилъ генералъ, не прерывая ни на минуту чтенія и подписыванія бумагъ. — Что же далѣе?

— Мой мужъ богатый человѣкъ: онъ всегда имѣлъ слабость вѣрить въ свои коммерческія соображенія, и имъ овладѣлъ духъ крайней предпріимчивости, несвойственной ни его лѣтамъ, ни его положенію; онъ разстраиваетъ свое состояніе.

— Это теперь сплошь и рядомъ со многими, но я ничего не могу тутъ сдѣлать, отвѣчалъ генералъ съ привычною ясностью и скоростью настоящаго дѣловаго человѣка.

— Но онъ находится въ рукахъ такихъ людей которые просто спекулируютъ на его довѣрчивость и увлеченіе.

— Мошенниками полонъ свѣтъ, перебилъ генералъ,—но пока эти мошенники не попадаются, на нихъ при нынѣшнихъ порядкахъ нѣтъ управы. Я вижу что я знаю все что вы мнѣ хотите сказать: я давно знаю эту клику, которая доитъ вашего мужа, но это все безполезно; другое дѣло, еслибы вы могли мнѣ дать какія-нибудь доказательства.

Глафирѣ прежде всего, разумѣется, хотѣлось знать: дѣйствительно ли Горданов успѣлъ заручиться какимъ-либо покровительствомъ. Постоянно вращаясь въ мірѣ интригъ и не имѣя права разчитывать ни на какую преданность со стороны Горданова, она опасалась что и онъ, не довѣряя ей, точно также, можетъ-статься, предпочелъ устроиться инымъ способомъ и, можетъ-быть, выдалъ ея намѣренія. Поэтому Глафира прямо спросила своего собесѣдника: что ему извѣстно о Павлѣ Николаевичѣ?

Генералъ, не выпуская пера, только взглянулъ на нее и ничего не отвѣтилъ.

Бодростина поняла что она сдѣлала неловкость. Къ тому же она ясно видѣла что генералъ принимаетъ ее не съ аттенціей, на какую она имѣла бы, кажется, право по своему положенію. Это не хорошо дѣйствовало на Глафиру, и она, оставивъ свое намѣреніе выспросить о Гордановѣ, прямо перешла къ другому.

— Мнѣ кажется, генералъ, сказала она, — что здѣсь есть еще одна особа, противъ которой я также не могу вамъ представить никакихъ уликъ юридическихъ, но которой поведеніе настолько явно что мнѣ кажется необходимо остановить ее отъ азартныхъ покушеній на моего мужа.

— Про кого вы говорите?

— Я говорю про княгиню Казиміру Вахтерминскую.

— Въ чемъ же дѣло?

— Она требуетъ съ моего мужа пятьдесятъ или даже сто тысячъ рублей, за то что онъ имѣлъ неосторожность отослать въ Воспитательный Домъ рожденнаго ею назадъ тому два мѣсяца ребенка, котораго она ставитъ на счетъ моему мужу.

— Да, но это ея сіятельство можетъ ставить на счетъ кому ей угодно.

— Но она ставитъ именно мужу моему, а не кому-нибудь другому.

— Ну-съ, продолжалъ генералъ,—такъ чѣмъ же я тутъ могу вамъ помочь?

— Сдѣлайте что̀ вы хотите, генералъ, но я обращаюсь къ вашей помощи и на васъ однихъ надѣюсь.

Генералъ ни слова не отвѣтилъ и продолжалъ молча читать и подписывать одну за другою бумаги.

Глафира находила свое положеніе затруднительнымъ, и помолчавъ, начала излагать свои подозрѣнія насчетъ самаго способа выдачи векселей ея мужа, причемъ упомянула и объ исчезнувшемъ артистѣ.

— Да вѣдь то-то и есть что онъ исчезъ, проворчалъ генералъ, не прерывая своего писанья и чтенія.

— Но какъ же могъ онъ исчезнуть?

— А вотъ отгадайте! отвѣчалъ генералъ, опять занимаясь своимъ дѣломъ.

Дальше не могло быть никакого разговора.

Глафира поднялась и спросила:

— Что̀ же, могу ли я на что̀-нибудь надѣяться, генералъ?

— Я могу ее пугнуть, если она пуглива, и больше ничего.

Бодростина раскланялась, генералъ опять подалъ ей лѣвую руку и сказалъ на дорогу доброе пожеланіе, но на сей разъ не удостоилъ уже взгляда.

Глафира вышла и уѣхала весьма недовольная своимъ сегодняшнимъ утромъ и рѣшила забыть объ этой незадачѣ и дѣйствовать самой, тѣмъ болѣе что это ее и не пугало.

Но въ чемъ же здѣсь ошибка?

Большую ошибку въ чемъ-то здѣсь видѣлъ генералъ: онъ, оставшись по выходѣ Глафиры одинъ въ своей комнатѣ, подписалъ еще нѣсколько бумагъ и затѣмъ, вскочивъ вдругъ съ мѣста, отперъ несгараемый шкафъ, помѣщавшійся за драпировкой. Здѣсь онъ безъ затрудненія нашелъ среди множества бумагъ письмо, писанное въ довольно короткомъ тонѣ генераломъ Синтянинымъ, съ просьбой обратить вниманіе на Горданова, который, по догадкамъ Ивана Демьяновча, имѣлъ замыслы на жизнь Бодростина, съ тѣмъ чтобы жениться на его вдовѣ.

„Чортъ возьми, не можетъ же быть чтобы старикъ Синтянинъ такъ ошибался! А между тѣмъ если она его любитъ и за него невѣстится, то съ какой стати ей его выдавать и даже путать? Нѣтъ; тутъ что-то не чисто, и я *ихъ* на этомъ баринѣ накрою“, рѣшилъ генералъ и подавилъ электрическую пуговку въ своемъ столѣ.

— Перушкина! сказалъ онъ вошедшему дежурному чиновнику!

Почти въ это же самое мгновеніе предъ нимъ появился неслышными шагами пожилой человѣкъ, остриженный по-купечески, въ скобку, и одѣтый въ простой, длиннополый, купеческій сюртукъ.

— Андрей Парфенычъ! сказалъ ему генералъ,—поглядѣлъ ли твое степенство на эту барыню которая сейчасъ вышла?

— Какъ же-съ, ваше превосходительство, поглядѣлъ, отвѣчалъ вошедшій.

— Это она?

— Такъ-съ.

— Григорья Васильича Акатова сестрица?

— Слышалъ-съ.

— Ее надо изловить: съумѣешь ли?

Андрей Парфеновичъ тряхнулъ головой, вздохнулъ и произнесъ:

— Службу свою должно исполнять, ваше превосходительство.

— То-то! Я на тебя надѣюсь. Ты одинъ эту механику прослѣдить можешь; тутъ дѣло темное: воръ на вора въ доносъ идетъ.

Андрей Парфеновичъ покачалъ головой.

— Что?

— Ученые-съ, говорю: бѣда съ ними.

— Да, но смотри не суди объ этой барынѣ по Григорію Васильичу, у этой подъ каблукомъ больше ума чѣмъ у ея брата во лбу. Горданова ты тоже знаешь? И генералъ вскинулъ острый взглядъ на Андрея Парфеновича.

— Довольно о нихъ извѣстны.

— И понимаешь чѣмъ онъ держится?

— Помилуйте, какъ не понимать-съ.

— Такъ ты долженъ понимать и то сколько я тебѣ вѣрю въ этомъ дѣлѣ. Поймай мнѣ этого Горданова!

Андрей Парфеновичъ молчалъ.

— Можешь?

— Постараюсь-съ.

— Генералъ хлопнулъ его по плечу и проговорилъ съ разстановкой на ухо:

— Поймай его, и я этого не забуду.

— Изловлю-съ.

— Тутъ есть еще княгинька Вахтерминская.

— Знаю-съ.

— Дѣйствительно ли ты ее знаешь?

Андрей Парфеновичъ развелъ руками и отвѣтилъ:

— Какъ бы не знать! Да вѣдь онѣ тоже при тѣхъ самыхъ дѣлахъ что̀ и господинъ Гордановъ.

— Излови ихъ, и я тебя озолочу.

XXI. Старые пріятели.

Возвратясь домой, Глафира Васильевна не застала мужа.

Встревоженный угрозой судомъ, которую сдѣлала ему вчерашній день княгиня Казиміра, Михаилъ Андреевичъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ положеніи своихъ дѣлъ: онъ даже не думалъ о женѣ и хлопоталъ только объ одномъ: какъ бы разойтись съ Казимірой. Подъ неотступнымъ давленіемъ этой заботы, онъ, какъ только всталъ, бросился рыскать по городу чтобъ искать денегъ, нужныхъ для сдѣлки съ Казиміpой. Онъ даже завернулъ въ департаментъ къ Грегуару и просилъ его не можетъ ли тотъ помочь ему въ этомъ случаѣ.

Грегуаръ, разумѣется, ничѣмъ ему помочь не могъ и отдѣлался только общими сожалѣніями, которыя потерявшійся

Бодростинъ склоненъ былъ теперь принимать какъ нѣкоторую, хотя малоцѣнную, но все-таки пріятную монету.

— Нѣтъ, за что̀ же-съ? За что̀ же? жалостно вопіялъ онъ къ Грегуару:—ну, скажите, Бога ради, ну, кто же въ свою жизнь былъ Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ? Ну, она очень хорошенькая женщинка, даже милая женщинка, съ талантами, съ лоскомъ, ну, я бывалъ, но помилуйте, чтобы подвести меня подъ такую глупую штуку какъ покража ребенка.... Ну, зачѣмъ мнѣ было его сбывать?

— Совершенно вѣрю.

— Да какъ же-съ! Спроси она у меня на его обезпеченіе три, пять тысячъ, я бы далъ-съ, охотно бы далъ. Я даже все это предлагалъ, но она стояла за свое renomée.... Ну, я поддался: въ самомъ дѣлѣ она молода, княгиня; она говорила что боится чтобы какъ-нибудь не прозналъ объ этомъ князь и не затѣялъ развода. Какъ я ни предлагалъ ей секретно устроить ребенка, какъ это дѣлается и какъ и мнѣ доводилось встарину дѣлывать съ женщинами стараго закала, но она ни за что̀ не хотѣла. Стояла на томъ что ребенка этого не должно быть слѣда. И тутъ совершенная случайность.... Она говоритъ: „вынесите“, я только вынесъ, и остальное все было сдѣлано мимо моей воли. Куда его понесли? Куда его дѣвали? Чортъ все это знаетъ! И вдругъ, ни съ того, ни съ сего, угрожать уголовнымъ судомъ за покражу ребенка.... Ну, скажите, вѣдь это ума помраченіе! А между тѣмъ меня, въ мои года, женатаго человѣка, сведутъ на скамью подсудимыхъ!...

Бодростинъ ужасался и ерошилъ свои беранжеровскія сѣдыя кудри.

Грегуаръ пробовалъ заговорить о выгодахъ современнаго суда: защитѣ адвокатовъ и т. п., но Бодростинъ этимъ не могъ успокоиться. Всѣ выгоды современнаго судопроизводства мало его обольщали и онъ говорилъ:

— Прекрасно-съ, я не отчаиваюсь что при даровитомъ адвокатѣ можетъ-быть меня и оправдаютъ, все это очень можетъ-быть, но все-таки я буду на скамьѣ подсудимыхъ.

— Быть подъ судомъ это еще не стыдно.

— Какъ, скажите пожалуста, не стыдно! Какъ не стыдно-съ? мнѣ шестьдесятъ семь лѣтъ....

— Будто вамъ уже столько?

— Да-съ, какъ разъ столько, и въ эти-то годы попасть въ такое дѣло и слушать какъ при всѣхъ будутъ вылетать такія слова, къ какимъ прибѣгаютъ эти ваши хваленые адвокаты: „связь", „волокитство въ такіе годы", и всякія сему подобныя дрязги, и все это наружу, обо всемъ этомъ при тысячѣ ушей станутъ разказывать, и потомъ я долженъ приводить всякія мелочи, а газеты ихъ распечатаютъ.... Нѣтъ, Бога ради, вѣдь этого перенести нельзя! А потомъ, потомъ кромѣ того я вамъ скажу что я и не ручаюсь что меня и не обвинятъ; вопервыхъ, вы говорите современный судъ и улики, но для меня этотъ современный судъ и система внутренняго убѣжденія, а не формальныхъ уликъ даже гораздо хуже. Да тутъ покорно васъ благодарю, съ внутренними убѣжденіями и съ этою слабостью общества къ женскому вопросу, тутъ-съ она каналья будетъ всегда права: она заплачетъ, и ради ея прекрасныхъ глазъ....

— И вы заплачьте, пошутилъ безстрастно Григорій Васильевичъ.

— Вы очень остроумно шутите, но я буду очень некрасивъ-съ, когда я буду плакать. Нынче Любимы Торцовы не въ модѣ, а въ ходу „самопомощь" Смайльса.

— Въ такомъ случаѣ надо стараться уладить это дѣло миромъ.

— Да я уже просилъ ее и умолялъ, но ничего не успѣлъ.

— Представьте ей что и для нея этотъ скандалъ также невыгоденъ.

— Все представлялъ-съ, все представлялъ, но она на всѣ доводы одно отвѣчаетъ, что для нея пятьдесятъ тысячъ болѣе принесутъ выгоды чѣмъ сколько невыгоды принесетъ скандалъ. Мнѣ наконецъ начинаетъ сдаваться что она даже совсѣмъ и не на судъ надѣется, а на нѣсколько особенныя власти.

— Очень можетъ быть.

— Да-съ; она.... она что-то такое особенное, и потому я васъ прошу, — это разумѣется съ моей стороны маленькая неловкость, такъ какъ я мужъ вашей сестры, но въ нашъ вѣкъ кто же безгрѣшенъ?

— Да это, что̀ и говорить!

— Да; я знаю что вы человѣкъ толерантный и къ тому же вы обладаете счастливымъ даромъ слова: я слыхалъ какъ вы

говорите въ ученыхъ обществахъ (Грегуаръ немного сконфузился).

— Нѣтъ право, право, я это безъ лести говорю, вы удивительно умѣете владѣть словомъ: ради Бога, съѣздите вы къ ней, пусть это будетъ еще одна послѣдняя проба; поговорите, упросите ее какъ-нибудь кончить, и потомъ гдѣ бы нибудь мы съ вами увидались.

— Я буду у васъ сегодня обѣдать, я далъ слово сестрѣ.

— Ну, вотъ и прекрасно. Такъ Бога ради!

— Я съ своей стороны съ удовольствіемъ.

— Въ такомъ случаѣ когда же? вопросилъ приподнимаясь Бодростинъ,—вамъ вѣдь некогда; все эта служба проклятая.

— Да, „все оды пишемъ, и ни себѣ ни имъ похвалъ не слышимъ“, но я поѣду, я поѣду.

— А между тѣмъ вѣдь это нужно бы скоро, очень скоро: нетерпѣливая она, чортъ ее возьми.

— Кипитъ?

— Какъ Гейзеръ.

— Ну, въ такомъ случаѣ служба не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ, а я поѣду къ ней когда вы хотите.

— Пожалуста! поѣзжайте и предложите ей.... десять, ну наконецъ пятнадцать тысячъ: болѣе не могу. Ей Богу не могу.

— Да когда она встаетъ?

— Теперь самое время, вотъ теперь.

Дѣловой Грегуаръ обѣщалъ тотчасъ же ѣхать, и они разстались.

XXII. Объясненіе.

Въ это самое время Глафира Васильевна, затворившись въ кабинетѣ Бодростина, бесѣдовала съ Гордановымъ. Она выслушала его отчетъ о ихъ петербургскомъ житьѣ-бытьѣ, во время ея отсутствія, о предпріятіяхъ ея мужа, о его сношеніяхъ съ княгиней Казимірой, о векселяхъ, о Кишенскомъ и проч. Глафира была немножко не въ духѣ, послѣ свиданія съ генераломъ, но докладъ Горданова ее развлекъ и даже началъ забавлять, когда Павелъ Николаевичъ представлялъ ей въ комическомъ видѣ любовь ея мужа и особенно его предпріятія. Въ самомъ дѣлѣ чего тутъ только не было: и аэростаты, и газодвигатели, и ступоходы по землѣ, и времясчислители, и музыкальныя ноты самоучки, и уборные кабинеты для дамъ

на улицахъ и наконецъ пружинныя подошвы къ обуви, съ помощью которыхъ человѣку будетъ стоить только желать идти, а уже пружины будутъ переставлять его ноги.

Глафира надо всѣмъ этимъ посмѣялась и потомъ сразу спросила Павла Николаевича о его особенномъ служеніи.

— Ты, кажется, ужъ очень бравируешь своимъ положеніемъ, замѣтила она. Это не безопасно!

— Нимало. Да обо мнѣ рѣчь впереди, скажи-ка лучше что̀ ты за птица. Мнѣ это становится очень неяснымъ. То мы съ тобой нигилистничали....

— То-есть это вы нигилистничали, перебила его Глафира.

— Ну ты, вы, мы, они, ты даже всѣ мѣстоименія въ своемъ разговорѣ перемѣшала, но кто бы ни нигилистничалъ, все-таки я думаю что можно было отдать голову свою на отсѣченіе что никто не увидитъ тебя въ этой черной рясѣ, въ усменномъ поясѣ, вѣрующею въ Господа Бога, пророчествующею, вызывающею духовъ, чертей и дьяволовъ. И попался я, скажу тебѣ откровенно Глафира. Когда ты меня выписала, ты мнѣ сказала что у меня есть своя каторжная совѣсть. Да, у меня именно есть моя каторжная совѣсть: я своихъ не выдаю, а ты.... вопервыхъ, ты меня больше не любишь, это ясно.

— А вовторыхъ? спросила Глафира.

— А вовторыхъ, ты имѣешь какое-то влеченіе, родъ недуга, къ этому Подозерову.

— Ну-съ втретьихъ?

— Втретьихъ, ты все путаешь и напутала чего-то такого въ чемъ нѣтъ ужь ни плана, ни смысла.

— Вы, мой другъ, очень наблюдательны.

— А что̀, развѣ это не правда?

— Нѣтъ; именно это вся правда: я перехитрила и спуталась.

— Ну да, лукавь какъ знаешь, а дѣло въ томъ что, видя все это, я готовъ сказать тебѣ: „Прости, прощай пріютъ родимый“ и позаботиться о себѣ самъ.

— То-есть уѣхать къ Лорѣ?

— Нѣтъ; не уѣхать къ Лорѣ. Это могло годиться прежде, но я былъ такой дуракъ что позволилъ тебѣ и въ этомъ помѣшать мнѣ.

— Повѣрь, не стоитъ сожалѣнія.

— Ну, это мнѣ лучше знать, стоитъ это или не стоитъ сожалѣнія, но только я вѣдь не Висленевъ; я до конца такимъ

путемъ не пойду; ты должна мнѣ дать вѣрное ручательство: хочешь или не хочешь ты быть моей женой?

— Для этого, Павелъ Николаевичъ, прежде всего нужно чтобъ я могла быть чьею-нибудь женой. Вы забываете что я въ нѣкоторомъ родѣ замужемъ, проговорила Бодростина, пародируя извѣстныя слова изъ реплики Анны Андреевны въ піесѣ *Ревизоръ*.

Но Гордановъ отвѣчалъ ей что это разумѣется само собою, что онъ очень хорошо понимаетъ необходимость прежде покончить съ ея мужемъ, но не понимаетъ только того для чего предпринята была эта продолжительная спиритская комедія: поѣздка въ Парижъ, слопяніе по Европѣ и наконецъ выдуманная Глафирой путаница въ сношеніяхъ ея мужа съ Казиміpой.

Глафира насупила брови.

— Я ничего не перемудрила, я иду такъ какъ мнѣ должно идти, отвѣчала она, и повѣрьте, Павелъ Николаевичъ, что у меня совѣсти во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ у васъ,— я говорю конечно о той совѣсти о которой намъ съ вами прилично говорить.

— Вѣрю; но скажи мнѣ, когда же ты желаешь сдѣлаться вдовой?

— Какой нескладный вопросъ: развѣ мое дѣло выражать эти желанія.

— Но во всякомъ случаѣ теперь уже можно?

— Разумѣется; и какъ можно скорѣй.

— Здѣсь?

— Ни въ какомъ случаѣ; мы уѣдемъ туда, къ себѣ, и тамъ...

— Да, тамъ.

— А ты можешь ли ѣхать?

— Мои дѣла именно туда-то меня и зовутъ.

— Что́ же это такое, можно узнать?

— Отчасти можно.

— Я слушаю.

— Я только боюсь что ты разчувствуешься.

— Пожалуста не бойся.

— Я имѣю планъ кое-что сварганить изъ этого неудовольствія крестьянъ, изъ ихъ тяжбы со мною. Понимаешь, тутъ участіе въ этомъ Форова, попа Евангела, покровительство всему этому Подозерова и разныя, разныя такія вещи.... Все это въ ансамблѣ имѣетъ демократическій оттѣнокъ и легко

можетъ быть представленъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Притомъ же и дѣло наше о дуэли еще не окончено: я докажу что меня хотѣли убить, здѣсь знаютъ объ этомъ, — наконецъ что не успѣлъ я повернуться, какъ меня ранили, и потомъ Висленевъ, онъ будетъ свидѣтельствовать.

— Да, ну на Висленева не надѣйся; сумашедшій свидѣтель небольшая помощь.

— Но вѣдь онъ не настоящій сумашедшій.

— Не знаю какъ тебѣ сказать, я психіатріей не занималась; но это дѣло второстепенной важности: Достаточно того что мы можемъ ѣхать и кончить; а между тѣмъ я думаю что ты по своей каторжной совѣсти все-таки услужилъ же мнѣ какою-нибудь службой?

— Надѣюсь.

— Я вамъ позволила пограбить и запутать моего мужа, но вы ужь очень поусердствовали. Скажи же пожалуста, неужто въ самомъ дѣлѣ должно этой госпожѣ Казимірѣ отдать пятьдесятъ тысячъ, или видѣть Михаила Андреевича на скамьѣ подсудимыхъ?

— Нѣтъ, я этого не думаю.

— Ты конечно помнишь что я не хотѣла доводить дѣла до такой крайности, да это и разстроило бы всѣ наши планы.

— У меня есть на нее узда, проговорилъ Гордановъ, и вынувъ изъ кармана бумажникъ, досталъ оттуда тотъ вексель который онъ отобралъ у польскаго скрипача, отправляя его за границу.

Глафира пробѣжала эту бумажку покраснѣвъ, положила ее въ карманъ своего платья, и протянула Павлу Николаевичу руку.

— Поль! прошептала она, привлекая слегка къ себѣ Горданова:—я буду твоя, твоя, если ты....

— Условіе, произнесъ съ улыбкой, наклоняясь къ ней, Гордановъ.

— Да; условіе: если ты вѣренъ мнѣ, Поль.

Этотъ неожиданный вопросъ смутилъ Горданова.

Глафира это замѣтила, и ея лѣвый глазъ сдѣлался круглымъ и забѣгалъ:

— Ты измѣнилъ мнѣ?! вскричала она, быстро сорвавшись съ мѣста.

Гордановъ спокойно покачалъ, въ знакъ отрицанія, головой.

Глафира прочла по его лицу что онъ ее не выдалъ, и обнявъ его голову, проворковала ему радостныя надежды.

— Теперь, сказала она,—мы можемъ дѣйствовать смѣло, никакія отсрочки намъ больше не нужны и никто намъ не страшенъ: Синтянинъ безвластенъ; его жена замарана интригой съ тобою: фотографія которую ты прислалъ мнѣ сослужитъ намъ свою службу; Форовъ и Евангелъ причастны къ дѣлу о волненіи крестьянъ; Висленевъ сумашедшій; Подозеровъ зачеркнутъ вовсе. Остается одно: чтобы намъ не мѣшалъ Кюлевейнъ. Съ него надо начать.

— Это пустяки, отвѣчалъ Гордановъ.

XXIII. Висленевъ вмѣсто хожденія по оброку отпускается на волю безъ выкупа.

Въ тотъ моментъ когда окончился вышеупомянутый разговоръ Павла Горданова съ Глафирой, къ дому подъѣхала карета и изъ нея вышелъ Бодростинъ, пасмурный и убитый, а вслѣдъ за нимъ Грегуаръ. Они долго и медленно всходили по лѣстницѣ, останавливались, перешептывались и наконецъ вступили въ апартаменты.

Былъ часъ обѣда. Въ столовой уже была подана закуска.

Злополучный старикъ Михаилъ Андреевичъ былъ такъ растерянъ что ничего не замѣчалъ. Онъ едва поздоровался съ женой, мимоходомъ пожалъ руку Горданову и началъ ходить по комнатѣ, останавливаясь то у одного, то у другаго стола, передвигая и переставляя на нихъ безцѣльно разныя мелкія вещи. Глафира видѣла это, но бесѣдовала съ братомъ.

Братъ и сестра, несмотря на долговременную ихъ разлуку другъ съ другомъ, ничего не находили особенно живаго сообщить одинъ другому: чиновникъ говорилъ въ насмѣшливомъ тонѣ о Петербургѣ, о Россіи, о русскомъ направленіи, о Нѣмцахъ, о политикѣ, о банкахъ, о женщинахъ, о женскомъ трудѣ, то сочувственно, то иронически, но съ постояннымъ соблюденіемъ особаго извѣстнаго ему секрета какъ все это передѣлать по новому.

Среди этихъ его разговоровъ, которыхъ никто съ особеннымъ вниманіемъ не слушалъ, глазамъ присутствовавшихъ предсталъ Кишенскій.

Онъ былъ нѣсколько взволнованъ, и расшаркавшись впопыхахъ исключительно предъ одною Глафирой Васильевной, вручилъ ей маленькій конвертикъ, въ которомъ былъ листокъ исписанный рукой Алины.

Глафира пробѣжала этотъ листокъ и потомъ лукаво улыбнулась, и сказала:

— Вотъ, господа, преинтересное дѣло и прекрасный образчикъ современныхъ петербургскихъ нравовъ! Вы, господинъ Кишенскій, позволите мнѣ не дѣлать секрета изъ этого письма?

Кишенскій покраснѣлъ и немного замявшись отвѣтилъ:

— Я не смѣю вамъ запретить поступать какъ вамъ угодно съ письмомъ которое къ вамъ адресовано.

— Да, вы правы, и Глафира, возвысивъ голосъ, обратилась къ присутствовавшимъ: — Здѣсь рѣчь идетъ, господа, о несчастномъ Іосафѣ Висленевѣ, котораго я кстати нынче съ утра не видала: гдѣ онъ? Живъ ли онъ, бѣдняжка?

— Онъ сидитъ запершись въ моей комнатѣ, отвѣтилъ на ея вопросъ вошедшій въ это время бѣлобрысый секретарь Ропшинъ.

— Merci, молвила ему съ ласковымъ наклоненіемъ головы Глафира.—Не потяготитесь имъ ради Бога: онъ такъ жалокъ и несчастенъ.

Ропшинъ поклонился, Глафира продолжала:

— Этотъ злосчастный Жозефъ, какъ вамъ всѣмъ вѣроятно извѣстно, много долженъ своей женѣ или господину Кишенскому, я, признаюсь, не знаю кому и какъ приходится этотъ долгъ.

— Онъ долженъ своей женѣ, а совсѣмъ не мнѣ, отвѣчалъ Кишенскій.

— Ну да. Въ такомъ положеніи этотъ бѣдный человѣкъ года полтора тому назадъ прибѣжалъ, скрываясь отъ долговъ, къ своей сестрѣ Ларисѣ; та заложила для него свой домъ. Онъ повертѣлся съ этими деньгами, хотѣлъ заплатить, но съ нимъ что-то случилось. Богъ его знаетъ: не ручаюсь, можетъ-быть его за границей обыграли, или просто обобрали, что было вовсе и не трудно, такъ какъ онъ вообще давно плохо за себя очень отвѣчаетъ; но какъ бы тамъ ни было, а въ концѣ концовъ, я его встрѣтила за границей почти полупомѣшаннаго: это было въ маленькомъ городишкѣ, въ Саксоніи.

— А ему, кажется, не съ чего было и съ ума сходить, вставилъ Грегуаръ.

— Какъ бы тамъ ни было, но онъ былъ въ такомъ состояніи въ какомъ нельзя бросить человѣка котораго мы когда-нибудь знали, и я взяла его съ собою, потому что отправить

его назадъ не было возможности. Живучи въ Парижѣ, я старалась сколько могла его разсѣять, и признаюсь, много разсчитывала на это разсѣяніе, но ему ничто не помогло, и только, мнѣ кажется, онъ сталъ еще хуже.

— Какое у него помѣшательство? спросилъ Грегуаръ:—мрачное или розовое?

— Пестрое, отвѣтила Глафира, — и потому самое опасное, за него нельзя отвѣчать ни одну минуту: дорогой онъ чуть не бросился подъ вагонъ; въ Берлинѣ ему вздумалось выкраситься, и вотъ вы увидите, на что̀ онъ похожъ; вчера онъ ѣхалъ въ Петербургѣ на козлахъ, въ шутовскомъ колпакѣ; потомъ чуть не залился въ ванной; теперь сидитъ запертый въ комнатѣ Генриха. Между тѣмъ я со вчерашняго дня веду переписку съ его супругой. Я просила Алину Дмитріевну исполнить прямой ея долгъ: взять ея сумашедшаго мужа; но она вчера отказала мнѣ въ этомъ подъ предлогомъ своей болѣзни и тѣсноты своего помѣщенія, а сегодня вотъ письмо въ которомъ она вовсе отказывается принять его.

Бодростина засмѣялась и добавила:

— Алина Дмитріевна Висленева великодушно предоставляетъ намъ позаботиться о ея сумашедшемъ мужѣ; эта добрая женщина намъ довѣряетъ: или посадить его въ сумашедшій домъ, для чего г. Кишенскій уполномоченъ вручить намъ отъ нея и просьбу объ освидѣтельствованіи; или же взять его къ себѣ въ деревню, гдѣ, по ея соображеніямъ, природа, свѣжій воздухъ и простые нравы могутъ благодѣтельно подѣйствовать на разстройство его душевныхъ способностей.

Глафира пожала плечами, взвела глаза къ небу и улыбнувшись произнесла:

— Это прелестно!

— Это чортъ знаетъ что̀, возмутился незлобивый Грегуаръ:— я его могу отдать на счетъ какого-нибудь общества въ частную лѣчебницу сумашедшихъ.

— Да, это все совсѣмъ не потому-съ, вмѣшался Кишенскій:— Алина Дмитріевна дѣйствительно больна, Алину Дмитріевну дѣйствительно лѣчатъ лучшіе доктора въ городѣ; и потомъ Алина Дмитріевна и безъ того много теряетъ.

— Въ мужѣ? пошутилъ Грегуаръ.

— Да-съ; съ его помѣшательствомъ Алина Дмитріевна теряетъ на немъ до тридцати тысячъ рублей.

— Великій Боже, да когда же у него были такія деньги?

— Я не знаю-съ, но онъ долженъ по законнымъ документамъ. Вѣдь вотъ онъ и за сестринъ домъ деньги взялъ, и ихъ тоже говорятъ нѣтъ.

Глафира встала и окинувъ презрительнымъ взглядомъ Кишенскаго, проговорила:

— Но вы, можетъ-быть еще напрасно тужите, можетъ-быть онъ еще излѣчимъ, и наконецъ можетъ-быть онъ даже совсѣмъ не сумашедшій.

Съ этимъ она вышла и пройдя черезъ нѣсколько комнатъ къ двери Ропшина, тронулась за замочную ручку, но замокъ былъ запертъ.

— Отопритесь Жозефъ, позвала она.

— Извините, я этого не могу, отвѣчалъ Висленевъ.

— Но я вамъ принесла радость.

— Ни за что̀ на свѣтѣ не могу.

— Вы свободны, поймите вы: я говорю вамъ—вы свободны.

— Нѣтъ-съ и не говорите лучше, ни за что̀ на свѣтѣ!

— Отопрись болванъ, прошипѣлъ внушительно, подошедшій къ нимъ въ эту минуту, Гордановъ.

— Ты самъ болванъ, и скотина, азартно отозвался Жозефъ.

— На-те же читайте несчастный, молвила Глафира и подсунула въ щель подъ дверь полученное ею письмо Алины.

И не прошло минуты, какъ за запертою дверью послышался неистовый визгъ; ключъ повернулся въ замкѣ, дверь съ шумомъ распахнулась; Іосафъ Висленевъ вылетѣлъ изъ нея кубаремъ, смѣясь и кривляясь, черезъ всѣ комнаты, предъ изумленными глазами Бодростина, Грегуара, Ропшина и Кишенскаго.

Ни при какихъ уговорахъ онъ не могъ бы поступить съ такимъ разчитаннымъ тактомъ: лучшаго доказательства его сумашествія ужъ было не нужно.

Кишенскій посмотрѣлъ на него, и когда растрепанный Висленевъ остановился, подумалъ, какъ бы онъ его съ сумашедшихъ глазъ чѣмъ не хватилъ.

— Ну, такъ владѣйте же имъ сами, сказалъ онъ, юркнулъ и исчезъ за дверью.

XXIV. За то дѣлается очень худо Бодростину.

Увидѣвъ бѣгство Кишенскаго, Іосафъ Платоновичъ не зналъ уже мѣры своимъ восторгамъ: онъ кидался на шею Бо-

дростину и другимъ мущинамъ, лобызалъ ихъ, и наконецъ, остановившись предъ Глафирой, поклонился ей чуть не до земли и воскликнулъ:

— Глафира Васильевна, вы такое сдѣлали, что послѣ этого вы великій магъ и волшебникъ.

— А ты братецъ—совершенный гороховый шутъ, отвѣтилъ ему смущенный его курбетами Бодростинъ, едва оторвавшись отъ своихъ тяжелыхъ мыслей на минуту. — Помилуй скажи, только Богъ знаетъ что̀ надѣлалъ намъ здѣсь вчера, и уже опять продолжаешь дѣлать сегодня такое же самое, чего я въ жизнь не видалъ.

— Я свободенъ, отвѣчалъ ему немного спокойнѣе Висленевъ.

— Ну такъ что̀ же, неужели и съ ума сходить отъ того что ты свободенъ?

— Да-съ я свободенъ, вы этого не можете понимать, а я понимаю.

— Ты вѣрно понимаешь такъ что ты теперь свободенъ дѣлать глупости.

— Я свободенъ-съ, свободенъ-съ, и нечего вамъ больше мнѣ объ этомъ говорить, опять отвѣтилъ Висленевъ, и снова продолжалъ вертѣться, разказывая Грегуару въ какихъ онъ былъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ его заѣлъ въ Россіи женскій вопросъ, который онъ самъ поддерживалъ, и какъ онъ отъ этого ужаснаго вопроса гибъ и страдалъ, и совершенно погибъ бы, еслибъ его не спасла Глафира Васильевна, самому ему не вѣдомо какими путями.

Этотъ оживленный и оригинальный разговоръ занималъ все общество во время закуски и продолжался за обѣдомъ, и его вѣроятно еще стало бы на долго, еслибы во время обѣда не произошло одного новаго, весьма страннаго обстоятельства.

Когда было подано четвертое кушанье, въ передней послышался звонокъ. Никто на это не обратилъ вниманія, кромѣ Михаила Андреевича, но и тотъ, смѣшавшись на минуту, тотчасъ же поправился и сказалъ:

— Это вѣрно Кюлевейнъ, онъ всегда опаздываетъ.

Но это совсѣмъ не былъ Кюлевейнъ—Михаилъ Андреевичъ ошибся.

Прошло двѣ-три минуты послѣ звонка, а въ комнату никто не являлся.

— Что̀ же это? газеты, письма? что̀ это такое можетъ быть? спросилъ, обращаясь къ одному изъ слугъ, снова начинавшій

терять спокойствіе, Бодростинъ. Ему было не по себѣ, потому что Грегуаръ, ѣздившій по его порученію къ Казимірѣ, привезъ дурныя вѣсти. Княгиня ничего не уступала изъ своихъ требованій, и шесть часовъ сегодняшняго вечера были послѣднимъ срокомъ до котораго она давала льготу престарѣлому обожателю. Казимірѣ было некогда ждать и она хотѣла во что̀ бы то ни стало кончить дѣло безъ суда, потому что она спѣшила выѣхать за границу, гдѣ ждалъ ее давно отторгнутый отъ ея сердца скрипачъ.

Смущеніе, выразившееся на лицѣ Михаила Андреевича, становилось всеобщимъ. Въ передней слышался какой-то шумъ: кто-то о чемъ-то спорилъ, кто-то что-то приказывалъ и наконецъ требовалъ.

Михаилъ Андреевичъ взглянулъ на висѣвшіе на стѣнѣ часы: стрѣлка какъ разъ стояла на роковомъ мѣстѣ: было шесть часовъ и нѣсколько минутъ.

— Это она! Она, проклятая! Ее даже не удержало то что здѣсь моя жена.

Глафира тоже понимала что̀ значитъ этотъ звонокъ.

— Да ободритесь, сказала она не безъ ироніи мужу.

Михаилъ Андреевичъ въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ потребность ободриться и возвысивъ голосъ сказалъ остававшемуся слугѣ:

— Выйди, братецъ, узнай, что̀ тамъ такое?

Слуга пріотворилъ дверь, и въ эту минуту до слуха присутствовавшихъ долетѣли слѣдующія слова, произнесенныя молодымъ и сильнымъ, звучнымъ контральто:

— Скажи твоему барину что я здѣсь и не выйду отсюда безъ его отвѣта.

Не оставалось никакого сомнѣнія что это былъ голосъ княгини Казиміры: ея польскій акцентъ былъ слишкомъ знакомъ присутствующимъ для того чтобъ еще осталось какое-нибудь сомнѣніе что это была она. Въ этомъ хотѣлъ бы усомниться, но тщетно, одинъ Михаилъ Андреевичъ, которому вошедшій человѣкъ подалъ на подносѣ большой незапечатанный конвертъ.

Михаилъ Андреевичъ тревожно глядѣлъ на человѣка, на присутствующихъ, взялъ трепетною рукой этотъ конвертъ, и раскрывъ его, вынулъ оттуда листокъ, и растерявшись, началъ читать вслухъ. Онъ вѣроятно хотѣлъ этимъ показать что онъ не боится этого письма и нѣсколько затушевать свое нелов-

кое положеніе; но первыя слова которыя онъ прочелъ громко были: „Милостивый государь, вы подлецъ!“

— Это вѣрно къ вамъ или къ тебѣ, обратился онъ къ Ропшину и къ Горданову, суя имъ это письмо и надѣясь такимъ образомъ еще на какую-то хитрость; онъ думалъ что Горданов или Ропшинъ его поддержатъ. Но Гордановъ взялъ изъ рукъ Михаила Андреевича роковое письмо и прочиталъ дальше: „Вы подлецъ! Куда вы дѣли моего ребенка? Если вы сейчасъ не дадите мнѣ извѣстное удовлетвореніе, то я сію же минуту ѣду отсюда къ прокурору.“

— Нѣтъ, это должно-быть не ко мнѣ, а къ кому-нибудь другому, сказалъ Гордановъ, передавая съ хладнокровнымъ видомъ этотъ листокъ Ропшину, который смѣшался, покраснѣлъ и отвѣчалъ что къ нему не можетъ быть такого письма.

— Такъ къ кому же это?

— Во всякомъ случаѣ не ко мнѣ, проговорилъ Грегуаръ.

— И то же не ко мнѣ-съ, и не ко мнѣ, отчурался Висленевъ.

— Ну, такъ отдайте назадъ и скажите что это не сюда слѣдуетъ, молвилъ Гордановъ, протягивая письмо къ лакею, но Михаилъ Андреевичъ перехватилъ листокъ, всталъ съ нимъ и заколебался. Остальные сотрапезники сидѣли за столомъ въ недоумѣніи. Бодро встала одна Глафира. Она показала мужу рукой на дверь кабинета, и взявъ письмо изъ его рукъ сказала ему по-французски:

— Идите туда.

Затѣмъ, бросивъ на приборъ свою салфетку, спокойнымъ шагомъ вышла въ переднюю и пригласила за собою въ залъ ожидавшую въ передней Казиміру.

— Вотъ положеніе, протянулъ по выходѣ сестры Грегуаръ.

Ропшинъ молчалъ, Гордановъ тоже, но Висленевъ весело расхохотался и вскочивъ началъ бѣгать по комнатѣ и махая руками восклицалъ:

— Нѣтъ-съ, это женскій вопросъ! вотъ вамъ что̀ такое женскій вопросъ!

— Перестаньте срамиться, остановилъ его Грегуаръ, но Жозефъ бойко его отпарировалъ и отвѣчалъ:

— Никогда не перестану-съ, никогда, потому что я много отъ этого пострадалъ и своему полу не измѣню!

XXV. Двѣ кометы.

Аудіенція Глафиры съ княгиней Казимірой не была полною неожиданностью ни для той, ни для другой изъ этихъ почтенныхъ дамъ. Павелъ Николаевичъ Гордановъ, по указанію Глафиры, еще утромъ научилъ Казиміру произвести скандалъ, пользуясь кратковременнымъ пребываніемъ здѣсь Бодростиной. Ему не трудно было убѣдить княгиню, что такимъ образомъ она поставитъ старика въ самое крайнее положеніе, и что находясь подъ сугубымъ давленіемъ страха и скандала, онъ вѣрно употребитъ послѣднія усилія удовлетворить ея требованія.

Казиміра находила это практичнымъ и потому ни на минуту не поддалась убѣжденіямъ Грегуара, а напротивъ была непреклонна и явилась въ домъ къ Бодростину именно въ обѣденный часъ, когда вся семья и гости должны были быть въ сборѣ. Разумѣется не было это неожиданностью и для Глафиры, которая ждала княгиню во всеоружіи своей силы и ловкости. И вотъ наконецъ двѣ кометы встрѣтились.

Закрывъ дверь въ столовую и внутреннія комнаты, Глафира Васильевна, явясь черезъ залъ, открыла дверь въ переднюю, гдѣ княгиня Казиміра ожидала отвѣта на свое письмо. Одѣтая въ пышное черное платье и въ бархатную кофту, опушенную чернобурой лисицей, она стояла въ передней, оборотясь лицомъ къ окнамъ и спиной къ зальной двери откуда появилась Глафира Васильевна.

— Княгиня, я васъ прошу не отказать мнѣ въ минутѣ свиданія, пригласила ее Глафира Васильевна.

Казиміра, не ожидавшая такого оборота дѣла, на мгновеніе смѣшалась, но тотчасъ же смѣло вскинула голову и бойко пошла за Глафирой. Та сѣла у фортепіано и показала гостьѣ на кресло противъ себя.

— Вы пришли не ко мнѣ, а къ моему мужу?

— Да, отвѣчала Казиміра.

— И по дѣлу въ которое мнѣ, какъ женѣ его, можетъ-быть неудобно было бы вмѣшиваться, но (Глафира едва замѣтно улыбнулась) съ тѣхъ поръ какъ мы съ вами разстались, свѣтъ пошелъ на изнанку, и я нахожу себя вынужденной просить васъ объясниться со мною.

— Для меня все равно, отвѣчала Казиміра.

— Я такъ и думала, тѣмъ болѣе что я все это дѣло знаю, и вамъ не будетъ стоить никакого труда повторять мнѣ вашу претензію: вы хотите отъ моего мужа денегъ?

— Да.

— За вашего пропавшаго ребенка?

— Да.

— Мой мужъ такъ неловко поставилъ себя въ этомъ дѣлѣ, что онъ долженъ удовлетворить васъ; — это безспорно, но дѣло можетъ казаться нѣсколько спорнымъ въ отношеніи цѣны: вы сколько просите?

— Пятьдесятъ тысячъ.

— Вы хотите взять пятьдесятъ тысячъ: это дорого.

Казиміра бросила гнѣвный взглядъ и сказала:

— Я не знаю во сколько вы хотите цѣнить честь женщины моего положенія, но я меньше не возьму; притомъ это уголовное дѣло.

— Да, да, я очень хорошо понимаю, это дѣйствительно уголовное дѣло; но, княгиня, тутъ вѣдь куда ни глянь, вокругъ все уголовныя дѣла. Это модный цвѣтъ который нынче носятъ, но я все-таки хочу это кончить. Я вамъ рѣшилась предложить кончить все это нѣсколько меньшею суммой.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, я вамъ могу дать пятьсотъ рублей.

Казиміра вспыхнула и грозно встала съ мѣста.

— Позвольте, княгиня, я вѣдь еще не кончила; я согласна что пятьсотъ рублей это огромная разница противъ того что вы желаете получить съ моего мужа, но за то я вамъ дамъ въ прибавокъ вотъ этотъ вексель.

Глафира, стоя въ эту минуту по другую сторону фортепіано, развернула и показала княгинѣ фальшивый вексель отъ имени Бодростина писанный ея рукой.

Казиміра смѣшалась, и чтобы не выдать своего замѣшательства, защуривъ глаза, старалась какъ бы убѣдиться въ достоинствахъ предъявленной ей бумаги.

— Вы, ваше сіятельство, не безпокойтесь, проговорила, опуская въ карманъ бумажку, Глафира, вексель этотъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, онъ такое же уголовное дѣло какъ то которымъ вы угрожаете моему мужу, но съ тою разницей что онъ составляетъ дѣло болѣе доказательное, и чтобы убѣдить васъ въ томъ что я прочно стою на моей почвѣ,

я попрошу васъ не выходить отсюда прежде чѣмъ вы получите удостовѣреніе. Вы сію минуту убѣдитесь что для насъ съ вами обоюдно гораздо выгоднѣе сойтись на миролюбивыхъ соглашеніяхъ.

— Откуда это могло взяться? прошептала потерявшаяся Казиміра.

Но въ это время Глафира Васильевна, пріотворивъ дверь въ столовую, громко крикнула:

— Гордановъ, ayez la bonté, на одну минутку.

Павелъ Николаевичъ, обтирая салфеткой усы, вошелъ твердой и спокойной поступью и слегка кивнулъ Казимірѣ, которая стояла теперь въ концѣ фортепіано, опершись рукой о деку.

— Помогите мнѣ кончить съ княгиней, начала Глафира.

— Съ удовольствіемъ-съ.

— Княгиня Казиміра Антоновна, угодно вамъ получить тысячу рублей и этотъ вексель? Съ тысячью рублей вы можете спокойно уѣхать за границу.

— Но мое будущее, сказала Казиміра.

— О, княгиня, оно достаточно обезпечено вашимъ новымъ положеніемъ, и во всякомъ случаѣ о немъ не мѣсто здѣсь говорить. Угодно вамъ или неугодно?

Казиміра взглянула на Горданова и укусивъ свою алую губку, отвѣчала:

— Хорошо-съ.

— Павелъ Николаевичъ, молвила ласково Глафира, потрудитесь написать въ кабинетѣ маленькую записочку отъ княгини....

Княгиня было запротестовала противъ писанія какихъ бы то ни было записокъ, но дѣло было уже такъ на мази, что Глафирѣ Васильевнѣ не стоило большаго труда уговорить ее согласиться и на это. Шансы такъ перемѣнились, что теперь Глафира угрожала, и княгинѣ не осталось ничего больше какъ согласиться.

Гордановъ въ одну минуту составилъ маленькую мировую записочку, въ которой княгиня въ самыхъ ясныхъ и не совсѣмъ удобныхъ для нея выраженіяхъ отрекалась отъ начатія когда бы то ни было своей претензіи противъ Бодростина. И записочка эта была подписана трепетною рукой Казиміры, причемъ Глафира вручила ей честнымъ образомъ и обѣщанную тысячу рублей и вексель. Схвативъ въ свои руки

этотъ листокъ, Казиміра быстро разорвала его на мелкіе кусочки, и вспыхнувъ до ушей, скомкала эти клочки въ рукѣ, и со словомъ „подлецъ“ бросила ихъ въ глаза Горданову, и никому не покланясь, пошла назадъ въ двери.

Гордановъ было сдѣлалъ вслѣдъ за нею нетерпѣливое движеніе, но Глафира удержала его за руку и сказала: „останьтесь, она имѣетъ достаточную причину волноваться.“

Такимъ образомъ въ этотъ великій день было совершено два освобожденія: получили право новой жизни Висленевъ и Бодростинъ, и оба они были обязаны этимъ Глафирѣ, акціи которой, давно возвышенныя на свѣтской биржѣ, стали теперь далеко выше пари и на базарѣ домашней суеты. Оба они были до умиленія тронуты; у старика на глазахъ даже сверкали слезы, а Висленевъ, почти плакалъ, а черезъ часъ, взойдя въ кабинетъ Бодростина, фамильярно хлопнулъ его по плечу и шепнулъ:

— А что̀ дядя: вѣдь мы свободны!

Михаилъ Андреевичъ вспомнилъ что онъ сумашедшій и не разсердился, а Жозефъ еще похлопавъ ободрительно Бодростина, пошелъ къ Глафирѣ и спросилъ:

— Можно ли мнѣ пойти погулять?

— Куда? довольно строго спросила его Глафира.

— Ну.... такъ немножко.... провѣтриться.

— Можете, только прошу васъ никуда не заходить.

— Нѣтъ; куда же заходить?

— Богъ васъ знаетъ: можетъ-быть вы вздумаете показаться брюнетомъ женѣ.

— Нѣтъ; что̀ вы это! Я скорѣй бы съ удовольствіемъ зашелъ на минутку къ Ванскокъ, потому что я эту высокую женщину вполнѣ уважаю....

— Нѣтъ, нѣтъ: этого нельзя.

— Отчего же? Она вѣдь очень, очень честная.

— Ну, просто нельзя.

Висленевъ стоялъ: ему страсть хотѣлось побывать у Ванскокъ, и онъ ждалъ разрѣшенія: почему же ему этого не позволяютъ?

Глафира это поняла и отвѣчала ему на его безмолвный вопросъ:

— Да неужто вы даже этого не понимаете, почему женщина можетъ не желать чтобы человѣкъ не былъ у другой женщины, которую онъ еще къ тому же хвалитъ?

— Нѣтъ, понимаю, понимаю! воскликнулъ въ восторгѣ Висленевъ, и убѣжалъ, отпросившись въ театръ, но съ намѣреніемъ забѣжать по дорогѣ къ Ванскокъ.

Владѣя натурой быстро поднимавшейся до великаго разгара страстей и вслѣдъ затѣмъ падавшей до совершеннаго безстрастія, Глафира никогда не предполагала такого измельчанія характеровъ какое увидѣла при первыхъ же своихъ столкновеніяхъ и побѣдахъ. Все это дѣлало въ ея глазахъ еще болѣе мелкими тѣхъ людей съ которыми она сталкивалась, и она теперь еще больше не жалѣла о своемъ утреннемъ визитѣ къ генералу. Въ ней мелькнула увѣренность что если Гордановъ ее еще до сихъ поръ и не выдалъ, то непремѣнно выдастъ въ минуту опасности, если дѣло убійства пойдетъ не ладно.

Въ Петербургѣ теперь ничто болѣе ее не задерживало, а Михаилъ Андреевичъ, послѣ тѣхъ передрягъ какія онъ перенесъ здѣсь, самъ радъ былъ разстаться съ Сѣверною Пальмирой. Бодростина рѣшила что имъ нужно уѣхать въ деревню.

Рѣшеніе это не встрѣтило ни малѣйшаго противорѣчія, и день отъѣзда былъ назначенъ вскорѣ.

Въ три, четыре дня которые Глафира провела въ Петербургѣ, она видѣлась только съ братомъ и остальное время все почти была дома безвыходно. Одинъ разъ лишь, предъ самымъ отъѣздомъ, она была опять у генерала, благодарила его за участіе, разказала ему что все дѣло кончено миролюбиво и ни о чемъ его больше не просила.

Казиміра уѣхала изъ Петербурга въ тотъ же день, что̀ и было совершенно умѣстно, потому что Глафира Васильевна, сообщая генералу о своемъ успѣхѣ въ этой сдѣлкѣ, улыбаясь, передала ему клочки разорваннаго Казимірой векселя.

„Это большая шельма, это тонкая барыня“, подумалъ генералъ, и оставилъ эти клочки у себя, причемъ Глафирѣ показалось, и совершенно не безосновательно, что его превосходительство не безъ цѣли завладѣлъ этими клочками, потому что онъ обмолвился при ней, сказавъ про себя:

— Таковы-то и всѣ у нихъ слуги вѣрные.

Висленевъ, прослушавъ оперу *Русланъ*, забѣжалъ-таки къ честнѣйшей Ванскокъ и сообщилъ ей что онъ спиритъ и ведетъ подкопъ противъ новѣйшихъ перевертней, но та выгнала его вонъ. Въ день отъѣзда, онъ раньше всѣхъ впрыгнулъ

въ карету которая должна была отвезть ихъ на желѣзную дорогу и раньше всѣхъ вскочилъ въ отдѣльное первоклассное купѐ.

Михаилъ Андреевичъ сидѣлъ посреди дивана обитаго бѣлымъ сукномъ: онъ былъ въ легкомъ, свѣтломъ пиджачкѣ, въ соломенной шляпѣ, а вокругъ него, не сводя съ него глазъ, какъ черные вороны усѣлись Глафира, Гордановъ и Висленевъ. Съ ними же до Москвы выѣхалъ и наслѣдникъ Бодростина Кюлевейнъ.

Въ Москвѣ они остановились на три дня; но въ эти три дня случилось небольшое происшествіе.

Желая вознаградить себя за сидѣніе въ Петербургѣ, Жозефъ, призанявъ у Глафиры Васильевны двадцать пять рублей, носился по Москвѣ: сдѣлалъ визиты нѣсколькимъ здѣшнимъ гражданамъ, обѣдалъ въ „Эрмитажѣ", былъ въ театрѣ, и наконецъ въ одинъ вечеръ посѣтилъ вмѣстѣ съ Гордановымъ и Кюлевейномъ Грузины; слушалъ тамъ Цыганъ, пилъ шампанское, напился допьяна и на возвратномъ пути былъ свидѣтелемъ одного непріятнаго событія. Кюлевейнъ, котораго вмѣстѣ съ Висленевымъ едва посадили въ карету, вдругъ началъ икать, какъ-то особенно корчиться и извиваться червемъ и на полдорогѣ къ гостиницѣ умеръ.

Событіе было самое непріятное, страшно поразившее Бодростина, тронувшее впрочемъ и Глафиру; однако тронувшее не особенно сильно, потому что Глафира, узнавъ о томъ гдѣ были молодые господа прежде трагическаго конца своей гулянки, отнеслась къ этому съ крайнимъ осужденіемъ. Висленевъ же былъ болѣе смущенъ чѣмъ пораженъ: онъ не могъ никакъ понять какъ это все случилось, и проснувшись на другое утро, прежде всего обратился за разъясненіями къ Горданову, но тотъ ему отвѣчалъ только:

— Ты ужь молчи по крайней мѣрѣ, а не разспрашивай.

— Нѣтъ, да я-то что̀ же такое тутъ, Паша; я-то что̀ же? отчего же мнѣ не разспрашивать?

— Отчего тебѣ не разспрашивать? будто ты не знаешь что̀ ты сдѣлалъ?

— Я сдѣлалъ, что̀ такое?

— Ты сдѣлалъ, что̀ такое? Не ты развѣ давалъ ему содовые порошки?

— Ну я, ну такъ что̀ жь такое! Но я вообще самъ былъ немножко, знаешь, того.

— Да, немножко того, но однако дѣло свое сдѣлалъ. Нѣтъ, я, чортъ тебя возьми, съ тобой больше пьянымъ быть не хочу. Съ тобой не дай Богъ на одной дорогѣ встрѣчаться, ишь ты, каналья, какой сталъ рѣшительный...

Висленевъ испугался, однако не безъ нѣкотораго удовольствія повѣрилъ что онъ рѣшительный.

Между тѣмъ Кюлевейна схоронили; поѣзжане еще пробыли въ Москвѣ по этому поводу лишнихъ три дня, употребленные частью на хлопоты о томъ чтобы тѣло умершаго кавалериста не было вскрыто, такъ какъ смерть его казалась всѣмъ очевидною. Врачъ далъ свидѣтельство что онъ умеръ отъ удара, и концы были брошены, если не въ воду, то въ могилу Ваганькова кладбища.

Михаилъ Андреевичъ оставался безъ наслѣдника и заговорилъ съ Ропшинымъ о необходимости взять изъ Опекунскаго Совѣта духовное завѣщаніе.

Крылатыя слова, сказанныя объ этомъ старикомъ, исполнили глубочайшаго страха Глафиру. Она давно не казалась такою смятенною и испуганною, какъ при этой вѣсти. И въ самомъ дѣлѣ было чего бояться: если только Бодростинъ возьметъ завѣщаніе и увидитъ что̀ тамъ написано, то опять всѣ труды и заботы, всѣ хлопоты и злодѣянія, все это могло пойти на вѣтеръ.

Гордановъ по этому поводу заявилъ мысль что надо тутъ же кончить и съ Бодростинымъ, но двѣ смерти разомъ имѣли большое неудобство: Глафира признала это невозможнымъ и направила дѣло иначе: она умолила мужа подождать и не возмущать теперь души ея заботами о состояніи.

— На что̀ оно мнѣ? на что̀? говорила она вздыхая: — мнѣ ничего не нужно, я все отжила и ко всему равнодушна, и въ этихъ ея словахъ была своя доля правды, а такъ какъ они высказывались еще съ усиленною задушевностью, то имѣли свое вѣское впечатлѣніе.

— Не узнаю, не узнаю моей жены, говорилъ Бодростинъ.— А впрочемъ, сообщилъ онъ по секрету Ропшину: — я ей готовлю сюрпризъ, и ты смотри не проговорись: восьмаго ноября, въ день моего ангела, я передамъ ей все, понимаешь, все какъ есть. Она этого сто̀итъ.

— О, еще бы! воскликнулъ Ропшинъ и, разумѣется, все это сообщилъ Глафирѣ Васильевнѣ.

Положеніе секретаря было ужасное: два завѣщанія могли

встрѣтиться, и третій документъ о которомъ замышлялъ Бодростинъ, долженъ былъ писаться въ отмѣну того завѣщанія которое сожжено, но которое подписывалъ въ качествѣ свидѣтеля Подозеровъ.... Все это составляло такую кашу въ которой очень не мудрено было затонуть съ какою хочешь изворотливостью.

— Но вы, Генрихъ, развѣ непремѣнно будете свидѣтельствовать что вы подписывали не то завѣщаніе которое лежитъ въ конвертѣ?

— Я не знаю; я падаю духомъ при одной мысли что все откроется.

— Мы поддержимъ вашъ духъ, прошептала, сжавъ его руку, Глафира.—За вашу преданность мнѣ, Генрихъ, я заплачу всею моею жизнью. Только подождите, — дайте мнѣ освободиться отъ всѣхъ этихъ узъ.

— Да; пора, отвѣчалъ смѣлѣе, чѣмъ всегда, Ропшинъ. Глафирѣ это показалось очень непріятно и она прекратила разговоръ, сказавъ что противъ свидѣтельства Подозерова она приметъ вѣрныя мѣры, и долго совѣщалась объ этомъ съ Гордановымъ.

Висленевъ же чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ роднымъ мѣстамъ, тѣмъ становился бойче и живѣе: пестрое помѣшательство у него переходило въ розовое: онъ обѣщалъ Горданову устроить рандевушку съ сестрой, пробравъ ее предварительно за то что что она вышла за тряпку, а самъ постоянно пѣлъ схваченную со слуха въ *Русланѣ* пѣсню Фарлафа:

Близокъ ужь часъ торжества моего,
Могучій соперникъ теперь мнѣ не страшенъ.

— Да; только гляди Фарлафъ не сфарлафь въ рѣшительную минуту, говорилъ ему Гордановъ, понимая его пѣсню.

— О, не сфарлафлю, не сфарлафлю братъ,—мнѣ ужь надоѣло. Пора, пора: мнѣ Глафира и ея состояніе, а тебѣ моя сестра, и я дамъ вамъ десять тысячъ. Помогай только ты мнѣ, а ужь я тебѣ помогу.

XXVI. Маланьина свадьба.

Одинъ извѣстный французскій рецензентъ, дѣлая обзоръ русскаго романа, далъ самый восторженный отзывъ о дарованіяхъ русскихъ беллетристовъ, но при этомъ ужаснулся „бѣдности содержанія“ русскаго романа. Онъ полагалъ что усмотрѣнная имъ „бѣдность содержанія“ зависитъ отъ сухости

фантазіи русскихъ романистовъ, а не отъ бѣдности самой жизни, которую долженъ воспроизводить въ своемъ трудѣ художникъ. Между тѣмъ справедливо замѣченная „бѣдность содержанія“ русскихъ повѣстей и романовъ находится въ прямомъ соотношеніи къ характеру русской жизни. Романы сюжеты которыхъ заимствованы изъ временъ Петра Великаго, Бирона, Анны Ивановны, Елисаветы и даже императора Александра Перваго далеко не безъупречные въ отношеніи мастерства разказа, отнюдь не страдаютъ „бѣдностью содержанія“, которая становится удѣломъ русскаго повѣствованія въ то время когда, по чьему-то характерному выраженію, въ романѣ и повѣсти у насъ варьировались только два положенія: „влюбился да женился, или влюбился да застрѣлился“. Эта пора сугубо бѣдныхъ содержаніемъ беллетристическихъ произведеній въ то же самое время была порой замѣчательнаго процвѣтанія русскаго искусства и передала намъ нѣсколько именъ славныхъ въ лѣтописяхъ литературы по искусству живописанія. Воспроизводя жизнь общества отстраненнаго порядкомъ вещей отъ всякаго участія въ вопросахъ выходящихъ изъ рамъ домашняго строя и совершенія карьеръ, романисты указанной поры, дѣйствуя подъ тяжкимъ цензурнымъ давленіемъ, вынуждены были избрать одно изъ остававшихся для нихъ направленій: или достиженіе занимательности произведеній посредствомъ фальшивыхъ эффектовъ въ сочиненіи, или же замѣну эффектовъ фабулы высокими достоинствами выполненія, экспрессіей лицъ, тончайшею разработкой самыхъ мелкихъ душевныхъ движеній и микроскопическою наблюдательностью въ области физіологіи чувства. Къ счастію для русскаго искусства и къ чести для нашихъ писателей, художественное чутье ихъ не позволило имъ увлечься на вредный путь фальшиваго эффектничанья, а обратило ихъ на второй изъ указанныхъ путей, и при „бѣдности содержанія“ у насъ появились произведенія достойныя глубокаго вниманія по высокой прелести своей жизненной правды, поэтичности выведенныхъ типовъ, колориту внутренняго освѣщенія и выразительности обликовъ. У насъ между художниками-повѣствователями явились такіе мастера по отдѣлкѣ, какъ въ живописи Клодъ Лорренъ по солнечному освѣщенію, Яковъ Рюисдаль по безотчетной грусти тихихъ сценъ, Поль-Поттеръ по умѣнью соединять въ поэтическія группы самыхъ непоэтическихъ до-

машнихъ животныхъ т. п. Если исторія живописи указываетъ на безпримѣрную законченность произведеній Жерардъ-Дова, который выдѣлывалъ чешуйки на селедкѣ, и написавъ лицо человѣка, изобразилъ въ зрачкахъ его отраженіе окна, и въ немъ прохожаго, то и русская словесность имѣла представителей въ работахъ которыхъ законченность подробностей поразительна не менѣе чѣмъ въ картинахъ Жерарда-Дова. Большая законченность рисунка стала у насъ необходимымъ условіемъ его достоинствъ. Картины съ композиціей болѣе обширною, при которой уже невозможна такая отдѣлка подробностей къ какой мы привыкли, многимъ стали казаться оскорбленіемъ искусства, а между тѣмъ развивающаяся общественная жизнь новѣйшей поры, со всею ея правдой и ложью, мимо воли романиста, начала ставить его въ необходимость отказаться отъ выдѣлки чешуекъ селедки и отраженія окна въ глазу человѣка. Въ обществѣ проявилось желаніе имѣть новыя картины, захватывающія большіе кругозоры и представляющіе на нихъ разомъ многообразныя сцены современной дѣйствительности съ ея разнообразными элементами, взбаломученными недавнимъ цѣлебнымъ возмущеніемъ воды и нынѣ осѣдающими и кристаллизующимися въ ту или другую сторону. Новѣйшая литература сдѣлала нѣсколько опытовъ представить такія картины, и онѣ приняты обществомъ съ удовольствіемъ и вмѣстѣ съ недоумѣніемъ. Публика всматривалась въ нихъ и видѣла на полотнѣ общій знакомый видъ, но ей не нравилась неровность отдѣлки. Ей хотѣлось соединенія широкихъ комбинацій съ мелочами выполненія на всѣхъ планахъ. Явились и въ этомъ родѣ опыты, которые и были встрѣчены неравнодушно, но мелкость отдѣлки наводила скуку, и вмѣсто жизни и колорита являлась одна пестрота, уничтожавшая картину.

Когда въ русской печати, послѣ прекрасныхъ произведеній „бѣдныхъ содержаніемъ“, появилась повѣсть съ общественными вопросами (*Наканунѣ*), читатели находили что это интересная повѣсть, но только „нѣтъ такихъ людей какіе описаны.“ Съ тѣхъ поръ почти каждое беллетристическое произведеніе намекающее на новыя кристаллизаціи элементовъ встрѣчалось съ бо́льшимъ или меньшимъ вниманіемъ, но съ постояннымъ недовѣріемъ къ изображенію новаго кристалла. Въ немъ узнавали только нѣчто похожее на дѣйствительность, но гнѣвались на недостатки, неполноту и недоконченность изобра-

женія и потомъ черезъ нѣсколько времени начинали узнавать въ немъ родовыя и видовыя черты.

Это же самое происходитъ отчасти съ изображаемыми въ этомъ романѣ двумя лицами: Подозеровымъ и его женой Ларисой, и особенно съ послѣдней. По отношенію къ первому, снисходительнѣйшіе читатели еще милостиво извиняютъ автора приведеніемъ въ его оправданіе словъ Гоголя что „хорошаго русскаго человѣка будто бы рельефно нельзя изображать,“ но за то по отношенію къ Лорѣ, судъ этотъ гораздо строже: авторъ слышитъ укоризны за неясность нравственнаго образа этой женщины, напоминающей, по словамъ нѣкоторыхъ судей, такихъ извѣстныхъ имъ лицъ которыя „не называясь умопомѣшанными, поступаютъ какъ сумашедшія.“

Въ этомъ сходствѣ которое находятъ между Лорой и знакомыми читателямъ съ извѣстной стороны лицами, авторъ видитъ для себя достаточное успокоеніе.

Дѣйствуя подъ неотступнымъ давленіемъ сомнѣній, безъ сильныхъ влеченій и антипатій, при безмѣрности довольно мелкаго самолюбія и крайнемъ безпокойствѣ воображенія, Лариса въ теченіи года своего замужества съ Подозеровымъ, успѣла пройти большую драму безъ дѣйствія, съ однимъ лишь глухимъ, безмолвнымъ протестомъ противъ всего и съ оскорбляющимъ жизнь безстрастіемъ. Между тѣмъ утромъ предъ наступленіемъ котораго Катерина Астаѳьевна Форова, отпировавъ „Маланьину свадьбу“, уснула съ намѣреніемъ идти на другой день на смертный бой съ Лорой, и между нынѣшнимъ днемъ, когда мы готовы снова встрѣтить Ларису, лежитъ цѣлая бездна, въ которой нѣтъ ничего ужасающаго, а только одна тягость и томленіе, уничтожающія всякую цѣну жизни.

Пробѣжимъ вскользь это грустное существованіе, пріостанавливаясь лишь на минуты на главныхъ его эпизодахъ.

Первое утро медоваго мѣсяца Лоры было началомъ новыхъ несогласій между ею и людьми принимавшими въ ней живое участіе. Катерина Астаѳьевна, проспавъ въ это утро нѣсколько долѣе обыкновеннаго, очень удивилась, когда придя къ новобрачнымъ, застала все въ полномъ порядкѣ, но въ такомъ порядкѣ который былъ бы умѣстенъ въ обыкновенной порѣ жизни, а не на второй день супружества. Подозеровъ занимался въ кабинетѣ, а Лора, совсѣмъ одѣтая, сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ гостиной и читала книгу. Катеринѣ Астаѳьевнѣ не съ чего было начать войны въ цѣ-

ляхъ которой она сюда прибыла. Это еще болѣе разсердило майоршу, и походивъ изъ угла въ уголъ предъ сидящею Ларисой, она, наконецъ остановилась и спросила:

— Ну что же, ты счастлива?

— Очень, отвѣчала съ тихимъ наклоненіемъ головы Лора.

— Что же ты такъ отвѣчаешь?

— Какъ же вамъ отвѣчать, ma tante?

— Какъ?... Тетка ее спрашиваетъ: счастлива ли она?... а она жантильничаетъ. Катерина Астаѳьевна вздохнула, встала и добавила: — пойду къ твоему мужу: такъ ли онъ счастливъ какъ ты?

Придя къ Подозерову, она къ удивленію своему увидала что и онъ ничѣмъ не смущенъ, а напротивъ какъ будто только еще болѣе сосредоточенъ и занятъ дѣломъ за которымъ она его застала.

— Что это такое что и въ такой день васъ занимаетъ? спросила она.

— А это женины дѣла по залогу ея дома, отвѣчалъ Подозеровъ, подавая стулъ теткѣ.

— Что же въ нихъ, въ этихъ дѣлахъ?

— Гм.... ну, я надѣюсь что можно будетъ кое-какъ вывернуться.

— Можно?

— Да; по крайней мѣрѣ я такъ думаю.

— Что же, это хорошо, отвѣтила, не думая что говоритъ, Форова, и худо скрывая свое неудовольствіе, очень скоро ушла къ Синтяниной, къ которой явилась оживленная искусственною веселостью, и комически шаркая и присѣдая, принесла генеральшѣ поздравленія.

— Съ чѣмъ? спросила та.

— Ни съ чѣмъ, отвѣтила ей майорша и разказала что она застала у новобрачныхъ, скрывъ впрочемъ то что мужъ ея видѣлъ ночную прогулку Подозерова подъ дождемъ и снѣгомъ. Это было такъ непріятно Катеринѣ Астаѳьевнѣ что она даже злясь не хотѣла упоминать объ этомъ событіи, и возвратясь домой, просила майора точно также ничего никогда не говорить объ этомъ, на что Фелитеръ Ивановичъ разумѣется и изъявилъ полное согласіе, добавивъ что ему „это наплевать.“

Но чѣмъ кротче это всѣми принималось, тѣмъ болѣе Форова обнаруживала безпокойства и желанія проникнуть въ тайну семейнаго быта новобрачной племянницы и изобрѣта-

ла въ своей головѣ планы, какъ бы за это взяться, и сердилась когда Синтянина, кротко выслушивая эти планы, или разбивала ихъ или шутила и говорила что майоршѣ просто нечего дѣлать.

— Люди поженились и живутъ, и пусть ихъ живутъ, говорила Синтянина, но Форова думала не такъ: „Маланьина свадьба“ казалась ей не бракомъ, а какою-то глупостью, которая непремѣнно должна имѣть быстрый, внезапный и грустный конецъ, но самимъ новобрачнымъ майорша этого, разумѣется, не высказывала, да вскорѣ перестала говорить объ этомъ и Синтяниной и своему мужу, такъ какъ первая въ отвѣтъ на ея пророчества называла ее „сорокой,“ а второй, недослушивая рѣчей жены, отвѣчалъ:

— Оставь пожалуста матушка: мнѣ это наплевать.

— Это вы на бракъ-то, господинъ Форовъ, плюете?

— Да.

— Ну такъ вы дуракъ.

— Ну такъ что̀ же такое что дуракъ?

— То что бракъ это наша святыня жизни.

— Ну такъ что̀ же такое, и наплевать.

Форова нетерпѣливо сердилась на эти отзывы, но потомъ перестала обращать на нихъ вниманіе, и за то еще болѣе усердно занималась шпіонствомъ за племянницей и заботой дабы, вмѣсто форменнаго союза ея съ мужемъ, между ними возникъ крѣпкій союзъ сердечный.

Къ осуществленію такихъ хлопотъ Катеринѣ Астаѳьевнѣ не замедлилъ представиться случай: финансовыя дѣла Ларисы, да и собственная хлопотливость Подозерова не давали ему пребывать въ покоѣ. Оставивъ службу по неудовольствію съ Бодростинымъ, онъ теперь, женившись, не могъ ѣхать и въ Петербургъ, тѣмъ паче что братъ Глафиры Грегуаръ, значительно перемѣнившійся съ тѣхъ поръ какъ зналъ его Подозеровъ, не отозвался на его письмо, да и Подозерову, въ его новомъ положеніи, уже невозможно было ограничиваться тѣми безсребренническими желаніями какія онъ высказывалъ въ своемъ письмѣ къ Грегуару, когда просилъ взять его хоть въ писаря. Надо было думать о хлѣбѣ болѣе питательномъ, и въ этомъ случаѣ Подозерову оказалъ непрошенную, но очень важную услугу генералъ Синтянинъ.

Мужъ Александры Ивановны въ эту пору сдѣлался особенно пріязненъ съ Катериной Астаѳьевной, охотнѣе всѣхъ вы-

слушивалъ ея неудовольствія на „глупый характеръ" Ларисы и дѣйствительно сочувствовалъ положенію Подозерова.

— Да-съ; говорилъ онъ:—мнѣ Андрей Ивановича жаль-съ: я всегда говорилъ что Лариса Платоновна особа очень поэтическая-съ, а всѣ эти поэтическія особы очень прозаичны-съ. Да-съ, имъ надо угождать, да угождать.

— Да вѣдь неизвѣстно, Иванъ Демьянычъ, въ чемъ имъ и угождать-то-съ.

— Все знаю-съ: такимъ поэтическимъ барышнямъ надо за старичковъ выходить, тѣ угодливѣе: она будетъ капризничать, а онъ предъ ней на колѣночкахъ стоять.

— Или еще лучше за казачьихъ офицеровъ, вмѣшался майоръ Форовъ, потому что казакъ какъ разъ за нагайку возмется, и поэтическое недовольство получитъ исходъ.

Оригинальное мнѣніе майора заставило генерала разсмѣяться, а Катерина Астаѳьевна вспыхнула и сказавъ мужу что нагайка была бы умѣстнѣе на тѣхъ кто разсуждаетъ такъ какъ онъ, выжила его изъ комнаты, гдѣ шла эта бесѣда.

Предпочтеніе которое Катерина Астаѳьевна оказывала въ эту пору разговорамъ съ генераломъ подвигнули и его принять участіе въ заботахъ о судьбѣ новобрачныхъ, и Иванъ Демьяновичъ, вытребовавъ къ себѣ въ одно прекрасное утро майоршу, сообщилъ ей что одинъ петербургскій генералъ, именно тотъ самый у котораго Глафира искала защиты отъ Горданова, Кишенскаго и компаніи, купилъ въ ихъ губерніи прекрасное имѣніе и по знакомству съ Иваномъ Демьяновичемъ просилъ его рекомендовать изъ мѣстныхъ людей основательнаго и честнаго человѣка и поставить его немедленно въ томъ имѣніи управителемъ.

— Такъ что̀ же батюшка, Иванъ Демьянычъ. Андрюшу туда поставьте, воскликнула Форова.

— Да я такъ-съ было и думалъ ему предложить.

— Ему, ему, непремѣнно ему, потому что, вопервыхъ, честнѣй его человѣка нѣтъ, а потомъ, онъ и основательный, да ему это теперь и нужно.

— Что̀ жь: я очень радъ служить, если это ему будетъ по вкусу.

— Помилуйте, отчего же не по вкусу; онъ любитъ уединеніе, и пусть живетъ въ деревнѣ, да и она тамъ скорѣе одумается.

Катерина Астаѳьевна побѣжала посломъ къ Подозерову и черезъ нѣсколько минутъ возвратилась съ его согласіемъ и

благодарностію, а черезъ два дня, Андрей Ивановичъ уже уѣхалъ на свой новый постъ, принимать имѣніе и устраивать себѣ тамъ жилье.

Этимъ временемъ Катерина Астаѳьевна, безъ всякаго приглашенія со стороны Ларисы, явилась къ ней погостить и слегка бунтовала, нарушая учрежденный Ларисой порядокъ жизни. Майорша, подъ предлогомъ разсѣянности, безпрестанно перетаскивала изъ кабинета Подозерова въ комнату Лоры разныя мелкія вещи, но Лора тихо, но тщательно возвращала ихъ опять въ кабинетъ; Катерина Астаѳьевна, постоянно заговаривала съ Лорой о ея мужѣ и о ея дѣлахъ, но та уклонялась отъ этихъ разговоровъ и старалась читать. Кончалось это тѣмъ что тетка съ племянницей ссорились, выражая впрочемъ свой гнѣвъ разными способами: майорша— язвительными словами, а Лариса упорнымъ молчаніемъ и кажущеюся нечувствительностью.

Наконецъ Катерина Астаѳьевна не выдержала и спросила:

— Ты, кажется мнѣ, вовсе не любишь своего мужа?

Лора промолчала.

— Слышишь о чемъ я съ тобой говорю? загорячилась, толкая свой чепецъ, Форова.

— Слышу; но не знаю почему это вамъ такъ кажется?

— А отчего же ты про него ничего не говоришь?

— Какая странная претензія!

— Нисколько не странная: я сама женщина и сама любила и знаю что про любимаго человѣка говорить хочется. А тебѣ вѣрно нѣтъ?

— Нѣтъ; я не люблю словъ.

— Не любишь словъ, да и живешь скверно.

— Какъ же я живу?

— „Какъ живу!“ Скверно сударыня живешь! У васъ скука, у васъ тоска, у васъ дутье да молчанка: эта игра не ведетъ къ добру. Лариса! Лорочка! я тебѣ отъ сердца добра желая это говорю!

И Форова закрыла ладонями рукъ страницы книги которую читала Лариса.

— Ахъ, какъ это несносно! воскликнула Лора и встала съ мѣста.

Майорша вспыхнула.

— Лариса! сказала она строго, отбросивъ книжку: ты мнѣ не чужая, а своя, я сестра твоей матери.

Но Лора перебила ее нетерпѣливымъ вопросомъ:

— Чего вы отъ меня, тетушка, хотите? Мужъ мой что ли прислалъ васъ ко мнѣ съ этими переговорами?

— Нѣтъ; твой мужъ ничего не говорилъ мнѣ; а я сама.... ты знаешь какая исторія предшествовала твоей свадьбѣ....

Лора покраснѣла и отвѣчала:—Никакой я не знаю исторіи и никакой исторіи не было.

— Лора, ты должна постараться чтобы твоего мужа ничто не смущало, чтобъ онъ, закрывъ вѣнцомъ твой неосторожный шагъ, былъ увѣренъ что ты этого стòишь.

— Надѣюсь что стòю.

— Да чтò же ему-то изъ этого проку что ты стòишь, да только молчишь, супишься, да губы дуешь: велика-ли въ этомъ радость, особенно въ самомъ началѣ.

— Ну чтò же дѣлать когда я такая: пусть любитъ такую какая я есть.

— Капризовъ нельзя любить.

— Отчего же: кто любитъ, тотъ все любитъ.

— Ну, извини меня, а ужъ я скажу тебѣ что еслибы такія комедіи на первыхъ порахъ, да на другой нравъ....

— Ничего бы не было точно также.

— Ни до чего нельзя договориться! вскричала, схватясь съ мѣста, Катерина Астаѳьевна и начала собираться домой, чтò было привычнымъ ея пріемомъ при всякомъ гнѣвѣ.

Лариса молчала и не останавливала тетку, чтò ту еще болѣе бѣсило.

— Тупица, капризница и безчувственная! произнесла на прощанье Форова и хлопнувъ дверью вышла, слегла дома и занемогла отъ крайней досады что не только не можетъ ничего уладить, но даже не въ состояніи сама себѣ уяснить почему это такъ скверно началось житье у племянницы съ мужемъ.

Безтолковая „Маланьина свадьба“ сокрушила Катерину Астаѳьевну, да и не даромъ.

XXVII. Куда кривая выноситъ.

Подозеровъ былъ весь поглощенъ занятіями по своимъ новымъ обязанностямъ. Вступивъ въ управленіе и упорядочивъ кое-какъ на скорую руку давно заброшенный флигелекъ, онъ пріѣхалъ въ городъ на короткое время, и тутъ же уладивъ

отсрочку по закладу Ларисинаго дома, успокоилъ жену что домъ ея будетъ цѣлъ, и что она можетъ жить не измѣняя никакимъ своимъ привычкамъ, и самъ снова уѣхалъ въ деревню. Дѣло поглащало все его время, такъ что онъ, возвращаясь къ ночи домой, падалъ и засыпалъ какъ убитый, и пріѣхавъ къ женѣ послѣ двухъ недѣль такой жизни, былъ неузнаваемъ: лицо его обвѣтрило, поступь стала тверже, голосъ рѣшительнѣе и спокойнѣе, что̀ очевидно было въ прямомъ соотношеніи съ состояніемъ первовъ.

Онъ опять пробылъ въ городѣ сутки, справился о состояніи и нуждахъ жены, все что̀ нужно устроилъ и уѣхалъ.

Ларису это смутило.

— Что̀ же это: неужто онъ хочетъ постоянно вести такую жизнь? Неужто онъ мною пренебрегаетъ?.... О, нѣтъ! Развѣ это возможно!

Лариса вскочила, схватила зеркало и, разглядывая себя, повторяла:—Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно!

— Да и за что̀ же? раздумывала она, ходя по своей одинокой залѣ. За то что я немножко капризна, но это мое воспитаніе виновато, но я не зла, я ничего дурнаго не сдѣлала.... и Господи, какая скука!

Она провела ночь безъ сна и нѣсколько разъ принималась плакать, а утромъ написала Форовой, прося ее прійти, съ тѣмъ чтобы взять лошадей и прокатиться къ Подозерову, навѣстить его сюрпризомъ.

Вмѣсто отвѣта на это приглашеніе, къ Ларисѣ явились майоръ и Евангелъ, и первый изъ нихъ сейчасъ же, полушутя полусеріозно, сдѣлалъ ей выговоръ, зачѣмъ она писала.

— Вопервыхъ, говорилъ онъ,—развѣ вы не знаете что̀ моя жена нездорова, а вовторыхъ, у насъ нѣтъ людей для разноски корреспонденцій.

— Тетя больна! воскликнула Лариса.

— А вы этого и не знали?

— Нѣтъ, не знала.

— Удивительно! А вы развѣ у генеральши не бываете?

— Да; я.... какъ-то давно.... сижу дома.

— Ага! Впрочемъ это до меня не касается, а по предмету вашего посольства скажу вамъ свой совѣтъ, что никакіе прогожатые вамъ не нужны, а возьмите-ка хорошую троечку, да и катните къ мужу.

— Да, конечно, но.... одной скучно, дядя.

— Одной.... къ мужу.... скучно!...

Майоръ шаркнулъ ногой, поклонился и проговорилъ:

— Благодарю-съ, не ожидалъ.

Онъ приставилъ ко лбу палецъ и началъ вырубать:

— Молоденькой, хорошенькой дамочкѣ одной къ мужу ѣхать скучно.... Прекрасно-съ! А при третьемъ лицѣ, при провожатомъ въ родѣ старухи тетки, вамъ будетъ веселѣй.... Нѣтъ, нѣтъ, именно: благодарю, не ожидалъ. Мнѣ это напоминаетъ Польдекоковскую няньку, охранительницу невинности, или мадемуазель Жиро....

— Дядя! воскликнула Лора, съ желаніемъ остановить майора отъ дальнѣйшихъ сравненій.

— Чего-съ?

— Какъ вы говорите?

— А какъ еще съ вами надо говорить? Вы чудиха и больше ничего; васъ надо бы какъ непосѣдливую курицу взбрызнуть водой, да жигучею крапивкой пострекать.

— Вы циникъ.

— И что̀ же такое? я этимъ горжусь. За то у меня нѣтъ никакихъ потаенныхъ безнравственныхъ мыслей и поступковъ; я не растлѣваю ничѣмъ моей головы, и знаете что̀ я вамъ скажу, мое милое дитя: я противъ васъ гораздо цѣломудреннѣе, даже я предъ вами сама скромность и добродѣтель.

— Дядя! Вы кажется не думаете что̀ вы говорите.

— Нѣтъ, я думаю-съ; и по самому зрѣлому размышленію, не вѣрю въ вашу добродѣтель. Тсс.... тсс.... тсс!... позвольте мнѣ договорить. Я всегда имѣлъ большое довѣріе къ женщинамъ простаго, естественнаго взгляда на жизнь, и никогда въ этомъ не каялся. Брехливая собачка чаще всего только полаетъ, а молчаливая тяпнетъ тамъ гдѣ и сама не думаетъ; а вы вѣдь весь свой вѣкъ все отмалчиваетесь и до сихъ поръ вотъ тупите глазки, точно находитесь въ томъ возрастѣ когда вѣрятъ что дѣтей нянька въ фартучкѣ приноситъ.

Лора молчала.

— Это прескверно-съ, продолжалъ майоръ, — и еслибы вы, выходя замужъ, спросили старика дядю какъ вамъ счастливѣе жить съ мужемъ, то я, по моей цинической философіи, научилъ бы васъ этому вѣрнѣе всякой мадамъ Жанлисъ. Я бы вамъ сказалъ: не надѣйтесь, дитя мое, на свой умъ, потому что, хоть это для васъ можетъ-быть покажется и обиднымъ,

но я, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, имѣю очень невысокое мнѣніе о женскомъ умѣ вообще и о вашемъ въ особенности.

— Дядя! Да что же это наконецъ такое?

— Не сердитесь-съ, не сердитесь.

— Но вы уже говорите мнѣ невыносимыя дерзости.

— Я говорю вамъ только правду, сущую правду, которую подлецъ не скажетъ. Подлецъ будетъ вамъ напѣвать что вы красавица и умница, что у васъ во лбу звѣзда, а подъ косой мѣсяцъ, а я вамъ говорю: вы не умны, да-съ; и вы сдѣлали одну ошибку, ставъ не изъ-за чего въ холодныя и натянутыя отношенія къ вашему мужу, котораго я признаю большимъ чудакомъ, но прекраснымъ человѣкомъ, а теперь дѣлаете другую, когда продолжаете эту безкровную войну не тѣмъ оружіемъ которымъ способны наилучше владѣть ваши войска. Извините меня что я вамъ скажу: вы не должны ни о чемъ думать. Да-съ, положительно такъ! Умъ.... умъ не всѣмъ дается-съ, и это штука, сударыня моя, довольно серіозная; это орудіе которымъ нужно владѣть съ тонкимъ разчетомъ, тутъ нужны хорошо обученные артиллеристы, но вамъ это и не нужно, и именно потому что у васъ пейзажъ очень хорошъ: вы рисункомъ берите. Да-съ; пусть умъ остается на долю дурнушекъ, которымъ, чтобы владѣть человѣкомъ, нужны чортъ знаетъ какія пособія высшей школы: и умъ, и добродѣтели, и характеръ; а вы и женщины вамъ подобной живописи имѣете привилегію побѣждать злополучный мужской полъ, играя на низшемъ регистрѣ. То-есть, я это все говорю въ разсужденіи того что вы вѣдь очень хороши собою....

— Да; но я клянусь что едва ли какая-нибудь красивая женщина слыхала такіе странные комплименты своей красотѣ.

— Ну вотъ видите ли: я веду серіозный разговоръ, а вы называете мои слова то дерзостями, то комплиментами, тогда какъ я не говорю ни того ни другаго, а просто проповѣдую вамъ великую вселенскую правду, которая заключается въ томъ что когда красивая женщина не хочетъ сдѣлать своей красоты источникомъ привязанности избраннаго человѣка, а расплывается въ невѣдомо какихъ соображеніяхъ, то она не любитъ ни этого человѣка, ни самое себя, то-есть она, попросту говоря, дура.

— Тсс!... полно ты, полно грубіянить, остановилъ его Евангелъ.

— А что̀ жь, развѣ я не правъ? Красота сила, и такая здоровенная что съ нею силы гораздо ея совершеннѣйшія часто не справятся.

Евангелъ молчалъ и созерцалъ тоже молчавшую и морщившую свой бѣлый лобъ Ларису, а Форовъ, скрутивъ и раскуривъ новую папиросу, продолжалъ:

— Повѣрьте мнѣ, прекрасная племянница, что тысячи и тысячи самыхъ достойнѣйшихъ женщинъ не разъ втайнѣ завидуютъ легкости съ которою красавицамъ дается овладѣвать привязанностями самыхъ серіозныхъ и честныхъ людей. Что̀ тамъ ни говорите, женщинъ добродѣтельныхъ люди уважаютъ, а красивыхъ любятъ. Это очень несправедливо, но что̀ дѣлать, когда это всегда ужь такъ было, есть и будетъ? Вонъ еще въ библейской древности Іаковъ Лію не любилъ, а Рахиль любилъ, а я Рахиль не уважаю.

— Ты этого не смѣешь, прошепталъ Евангелъ.

— Нѣтъ, очень смѣю: она, какъ всѣ красавицы, была и своенравна, и не умна.

— Ты этого не знаешь.

— Напротивъ, знаю, а это вы, батюшка, по своему іезуитству изволите это отрицать.

— Ты врешь.

— Прекрасно! Значитъ вы одобряете какъ она мужа въ наемъ отдавала?

Евангелъ махнулъ молча рукой.

— Ага! продолжалъ Форовъ, — и всѣ красавицы таковы, и потому-то справедливая природа такъ и раздѣляетъ что однимъ даетъ красоту, а другимъ умъ и добродѣтели.

— Дядя, но вѣдь это уже въ самомъ дѣлѣ.... по крайней мѣрѣ рѣзкость: вы второй разъ называете меня дурой.

— Да; ты постоянно рѣзокъ; даже ужь очень рѣзокъ, вмѣшался Евангелъ, и пояснилъ мягко что хотя замѣченный Форовымъ раздѣлъ дѣйствительно какъ будто существуетъ, но въ этомъ виновата не природа, для которой нѣтъ основаній обдѣлять прекрасное тѣло добрыми свойствами, а виноваты въ томъ люди, потому что они красавицамъ больше прощаютъ, больше льстятъ, и тѣмъ кружатъ имъ головы и портятъ сердца, дѣлаютъ ихъ своенравными, заносчивыми, и тогда ужь плохо тѣмъ кому придется съ такою женщиной жить.

— Все это ложь, все расточаемая ложь виновата, твер-

жилъ онъ,—и таковыхъ испорченныхъ красавицъ надо обильно жалѣть, потому что какъ бы онѣ могли быть прекрасны, сколько бы онѣ счастья могли принести и себѣ, и семьѣ, а между тѣмъ какъ онѣ часто живутъ только на горе себѣ и на горе другимъ. Вѣдь это предосадно-съ, преобидно, прескорбительно! И вы, Лариса Платоновна, когда вамъ Богъ даруетъ дочку, подобную вамъ своею красой, блюдите, Бога ради, сей прелестный цвѣтикъ отъ дыханья лести, и сдѣлайте милость, воспрепятствуйте этому грубому мнѣнію которое имѣетъ насчетъ красоты вашъ циникъ-дядя: онъ вретъ что красотой успѣшнѣе играть на низшихъ регистрахъ; нѣтъ-съ, красота, какъ совершенство природы, должна брать могучіе и гармоничные аккорды на самыхъ высшихъ регистрахъ. Развѣ не Агнесса Сорель воскресила чувство чести въ Карлѣ Седьмомъ? Развѣ не Ментенонъ поселила въ Людовикѣ Четырнадцатомъ любовь къ ученымъ? Развѣ красота не совершала Даніиловыхъ чудесъ укрощенія звѣрей; развѣ не показала этого, напримѣръ, прелестная Дивке надъ датскимъ Христіаномъ; Настасья Романовна надъ нашимъ Грознымъ....

—Ну, пошелъ причитать! сказалъ, смѣясь, Форовъ.

—Именно причитаю, именно причитаю, потому что я долго слушалъ твою грубость, а въ моихъ устахъ дрожитъ хвала Творцу въ Его прелестнѣйшихъ твореніяхъ, и я.... я на себѣ испыталъ возвышающее дѣйствіе красоты на высшіе регистры моихъ способностей. Да-съ; область красы, это самый высокій регистръ, она всегда на меня дѣйствуетъ. Не могу видѣть вашихъ затрудненій; пусть Фелитеръ остается при женѣ, а я васъ сопровожду къ супругу. Да, сейчасъ сопровожду!

И Евангелъ сбѣгалъ, нанялъ бодрую тройку ямскихъ коней и черезъ часъ катилъ въ сумеречной мглѣ, населяя мрѣющую даль образами своей фантазіи, въ которой роились истина, добро и красота, и красота во всемъ, въ правдѣ, въ добрѣ, въ гармоніи. Онъ всячески старался развлечь молчаливую Лору и все вдохновлялся, все говорилъ и все старался оправдать, всему найти извиненіе. Время пролетѣло незамѣтно.

—А вотъ что-то сѣрѣетъ, замѣтилъ Евангелъ,—и я слышу собачій лай: неужто мы это уже пріѣхали?

—Пріѣхали, отвѣчалъ ямщикъ.

—Фу, какъ скоро!

— Лошадокъ не пожалѣлъ, да и ты, батюшка, больно ужь складно говоришь и время крадешь.

Евангелъ на это ничего не отвѣчалъ: онъ съ предупредительною угодливостью высаживалъ Лору, и они, пройдя чрезъ небольшія темныя сѣни, вошли въ обиталище Подозерова, но не застали его. Андрей Ивановичъ уѣхалъ въ городъ.

Это непріятно поразило Лору: она не хотѣла и взглянуть но помѣщеніе мужа и пожелала тотчасъ же возвратиться назадъ.

Обратный путь уже не былъ такъ оживленъ, потому что Евангелъ точно что-то почуялъ и молчалъ подъ стать Лорѣ, а ямщикъ пробовалъ было завести раза два пѣсню, но обрывалъ ее ударами кнута по шеѣ лошади и тоже умолкалъ. Такъ они и пріѣхали, но не вмѣстѣ, потому что Евангелъ всталъ на поворотѣ къ своему жилью, а Лариса вбѣжала во дворъ и еще болѣе удивилась: окна ея флигеля были темны.

— Гдѣ же это онъ? У Синтяниныхъ свѣтится на мезонинѣ и въ кабинетѣ.... неужели онъ тамъ?

Ревность защемила Ларису.

Она выбѣжала на крыльцо и встрѣтивъ горничную дѣвушку узнала отъ нея что въ кабинетѣ сидятъ генералъ и Форовъ, а на мезонинѣ глухонѣмая Вѣра, а генеральши совсѣмъ нѣтъ дома.

— Нѣтъ дома!... гдѣ же она?

— У Катерины Астаѳьевны.

У Ларисы словно холодная змѣя обвилась вокругъ сердца.

— Это свиданіе, сказала она себѣ;—они всѣ противъ меня; они возстановляютъ противъ меня моего мужа, и можетъ-быть теперь, въ эти самыя минуты, тамъ строятся козни.... Но я жена, я имѣю право.... пока еще это не пустило корней.

И Лора торопливыми шагами вышла за вороты, взяла извощика и велѣла ѣхать къ Форовымъ.

XXVIII. Тѣ же раны.

Переступивъ порогъ коротко знакомой ей калитки Форовскаго домика, Лора остановилась: сквозь отворы неплотныхъ ставень ей была видна комната, гдѣ за чайнымъ столомъ сидѣли Катерина Астаѳьевна, а возлѣ нея, другъ противъ друга, Подозеровъ и Синтянина.

Объятому ревностью сердцу Лоры показалось что эти два лица помѣщаются слишкомъ близко другъ къ другу, что лица ихъ черезчуръ оживлены, и что особенно ея мужъ находится въ возбужденномъ состояніи. На каждое слово Синтяниной онъ отвѣчаетъ цѣлыми длинными репликами и то краснѣетъ, то блѣднѣетъ.

Лора употребила всѣ усилія чтобы подслушать эту бесѣду: разговоръ шелъ о ней.

— Нѣтъ, ни вы, тетушка, ни вы, Александра Ивановна, не правы, говорилъ ея мужъ.

— Ахъ, батюшка: я уже молчу, молчу, отвѣчала Форова. Я говорила, говорила, да и устала, умъ помутился и языкъ притупился, а все одно и то же: тебя спросишь, выходитъ что ты доволенъ женой, и что вы будто живете прекрасно, и жена твоя тоже своею жизнью не нахвалится, а на нашъ взглядъ, жизнь ваша самая отвратительная.

— Чѣмъ-съ? вы скажите же чѣмъ?

— Тѣмъ что она самая скучная, что̀ же тутъ похвалить?

— Мы не ссорились и вѣроятно никогда не поссоримся.

— Ахъ, милый племянникъ, извини пожалуста: я стара, меня этимъ не обманешь: лучше бы вы ссорились, да поссорившись, сладко мирились, а то.... нечему, нечему радоваться.

— Маленькая ссора часто то же самое что̀ гроза, послѣ нея воздухъ чище, и солнце свѣтитъ ярче, молвила генеральша.

Подозеровъ вспыхнулъ.

— Вѣдь вы меня просто пытаете, сказалъ онъ. Я цѣлый часъ пробылъ здѣсь въ цензурѣ, какой не ожидалъ. Вы уясняли меня себѣ при мнѣ самомъ. Это очень оригинальное положеніе. По вашему я виноватъ въ томъ что моя жена не весела, не счастлива и.... и можетъ-быть не знаетъ чего ей надо. Вы дѣлаете мнѣ намеки, прямой смыслъ которыхъ, если позволите прямо выразиться, заключается въ томъ что продолженіе жизни въ такомъ порядкѣ, какимъ она началась, можетъ повести къ бѣдамъ. То-есть къ какимъ же это бѣдамъ? Я помогу вамъ объяснить это: вы пугаете меня охлажденіемъ ко мнѣ моей жены и.... и всѣмъ что̀ за этимъ можетъ слѣдовать при ея красотѣ и молодости. Долженъ признать что вы правы, но такъ какъ мы здѣсь все друзья и ведемъ разговоръ не для того чтобы спорить и пререкаться, а для того чтобы до чего-нибудь договориться, то я вамъ если угодно, выскажу что̀

у меня на душѣ. Лора не въ правѣ требовать отъ меня горячей и пылкой любви.

— Тогда для чего же вы на ней женились?

— Потому что она этого хотѣла.

Обѣ женщины невольно переглянулись.

— Позвольте, молвила генеральша,—но вѣдь вы Лору любили?

— У меня была къ ней привязанность доходившая до обожанія.

— И отчего же она вдругъ исчезла? подхватила Форова.

— Нѣтъ, не вдругъ, Катерина Астаѳьевна, но впрочемъ довольно быстро.

— По какой же это причинѣ?

— Причина? повторилъ Подозеровъ.—А причина та что Александра Ивановна дала мнѣ очень хорошій урокъ.

Генеральша покраснѣла и нагнувшись къ работѣ проговорила:

— Что̀? что̀? Я вамъ давала урокъ противъ Лоры?

— Нѣтъ, за Лору.

— Гдѣ и когда?

— Вечеромъ наканунѣ дуэли, въ вашемъ осиновомъ лѣсочкѣ.

Подозеровъ припомнилъ Синтяниной что въ томъ разговорѣ она убѣждала его что штудировать жизнь есть вещь ненормальная, что молодой дѣвушкѣ нѣтъ дѣла до такого штудированья, а что ей надо жить, и человѣку который ее любитъ нужно „добиваться" ея любви.

— Я въ самомъ дѣлѣ нашелъ что это справедливо, и что у такой женщины какъ Лора любви надо добиваться. Но чтобы добиваться ее, значитъ жертвовать своими убѣжденіями, свободой мысли. свободой отношеній къ честнымъ людямъ, а я этимъ жертвовать не могу, потому что тогда во мнѣ не осталось бы ничего.

— Но вы однако отъ ея руки не отказывались?

— Зачѣмъ же, когда она мнѣ сама прежде отказала?

— Но ты, батюшка мой, за нее свой лобъ подставлялъ.

— Что̀ же такое? И кромѣ того я не за нее одну стрѣлялся.

Произошла маленькая пауза, послѣ которой Форова, вздохнувъ, произнесла:

— Худо же тебѣ будетъ жить, моя бѣдная Лора!

— Напрасно вы ее оплакиваете. Повѣрьте что если она ввѣрила мнѣ свою свободу, то я ничѣмъ не злоупотребляю.

Какъ она поставила свою жизнь, такъ она и будетъ стоять, и я не ворохну ее и буду ей всегда преданнѣйшимъ другомъ.

— Только другомъ?

— Да; только тѣмъ чѣмъ она хочетъ меня видѣть.

— А полна отъ этого ея жизнь?

— Я не знаю; впрочемъ не думаю.

— Ну, а вы же допускаете что не теперь, такъ современемъ она можетъ пожелать ее восполнить?

— Очень можетъ быть.

— Кто же будетъ виноватъ въ томъ что̀ можетъ произойти?

— Произойти?... Я не знаю о чемъ вы говорите? Если она полюбитъ кого-нибудь, въ этомъ никто не будетъ виноватъ, а если она меня обманетъ, то въ этомъ, разумѣется, она будетъ виновата.

— А не вы?

— Я!... съ какой же стати? Она мнѣ ввѣрила свою свободу, я вѣрю ей. Кто обманетъ, тотъ будетъ жалокъ.

— Это значитъ что ты ее не любишь, молвила Форова.

— Думайте какъ вамъ угодно, я запретить не властенъ, но я властенъ жить для жены и для того что̀ я считаю достойнымъ заботъ честнаго человѣка.

— Съ обоими съ вами, господа, пива не сваришь, проговорила генеральша, и начавъ собираться домой, добавила:—Оставимъ все это своему теченію.

Вслѣдъ за нею поднялся и Подозеровъ.

Катерина Астаѳьевна молчала, но когда Подозеровъ подалъ ей руку, она покачала головой и проговорила:

— Нѣтъ; кончено все: не она тебя не любитъ, а ты, Андрюша, къ ней равнодушенъ. Иначе бы такъ не разсуждалъ. Жалко мнѣ васъ, жалко; очень ужь вы оба себя уважаете, лучше бы этого немножко поменьше.

— И главное что все это не такъ, неосторожно молвила, совсѣмъ прощаясь, генеральша.

— И именно не такъ: охъ, я вижу, вижу что тебя что-то другое дѣлаетъ такимъ неуязвимымъ и спокойнымъ.

— Вы отчасти правы; но знаете ли что̀ это такое?

— То-то не знаю; а хотѣла бы знать.

— Я васъ удовлетворю. Въ жизни моей я пламенно добивался одного: господства надъ собою, и нынѣшняя жизнь моя даетъ обильную пищу этому труду,—другаго же я ничего не ищу, потому что мнѣ ничего искать не хочется.

Катерина Астаѳьевна еще разъ качнула головой, и гости вышли.

Лариса видѣла какъ они сошли со двора и пошли рядомъ и слышала какъ Синтянина сказала Подозерову:

— Вы, Андрей Иванычъ, совершеннѣйшій чудакъ, и Катя вѣрно отгадываетъ что вы ужь черезъ мѣру себя уважаете.

— Да; это быть-можетъ, но это единственное средство быть достойнымъ того что̀ дороже обрывковъ ничтожнаго счастія.

Лора вернулась домой почти одновременно съ мужемъ, который ее встрѣтилъ, испугался немножко ея блѣдности и никакъ не могъ добиться гдѣ она была.

Она сидѣла блѣдная и держа въ своихъ рукахъ руки мужа, глядѣла на него острымъ лихорадочнымъ взглядомъ.

— Что̀ съ тобой Лариса? молвилъ мужъ.—Ты можетъ-быть больна?

— Нѣтъ; но.... я видѣла тебя....

— Ахъ, да, я былъ у Форовыхъ и проводилъ оттуда генеральшу.

Лариса изо всѣхъ силъ сжала руки мужа и прошептала:

— Бога ради.... оставь ее.

— Что̀ за просьба Лора?

— Я умоляю тебя! и Лора заплакала.

— Мой милый другъ, отвѣчалъ Подозеровъ:—я тебя не понимаю, ты видишь, я постоянно занятъ и живу, никого не видя, одинъ въ деревнѣ.... За что̀ же ты хочешь лишить меня старыхъ друзей?

— Я буду жить съ тобою въ деревнѣ.

— Ты соскучишься.

— О, нѣтъ, нѣтъ, я не соскучусь.

— Ну прекрасно; это можно будетъ только лѣтомъ, когда я устрою что-нибудь болѣе чѣмъ двѣ комнаты въ которыхъ мѣщуся; но и тогда, Лариса, я не могу оставить моихъ друзей.

— Не можешь?

— Нѣтъ, не могу, да и для чего тебѣ это?

Былъ моментъ удобный для самыхъ задушевныхъ объясненій, но Лариса имъ не воспользовалась: она встала, ушла къ себѣ и заперлась.

Такъ и продолжалась жизнь нашихъ супруговъ въ теченіе цѣлаго года: со стороны мужа шла ровная предупредительность, а со стороны Лоры натянутое молчаніе, прерывавшееся для разнообразія лишь вспышками въ родѣ описанной и заклю-

чавшееся тоже внезапнымъ обрывомъ на недоговоренномъ словѣ. Одинъ мотивъ неудовольствія оставался неизмѣннымъ: это ревность къ генеральшѣ, и какъ скоро это разъ прорвалось наружу и изъ тайны Лоры и ея мужа сдѣлалось извѣстно всему дому, съ нею уже не было мирной справы. Александра Ивановна смутилась этимъ извѣстіемъ и стала тщательно удаляться отъ встрѣчъ съ Лорой и еще болѣе съ ея мужемъ; генералъ, отъ вниманія котораго не могло укрыться это охлажденіе, только улыбнулся и назвалъ Лору „дурой“, сказавъ:

— Она судитъ вѣрно по себѣ-съ.

Форовъ сказалъ „наплевать“, а Катерина Астаѳьевна, которая была первою изъ набредшихъ на мысль о существованіи такой ревности и послѣднею изъ отрицавшихъ ее на словахъ, наконецъ разошлась съ племянницей далѣе всѣхъ. Это послѣдовало послѣ отчаяной схватки, на которую майорша наскочила съ азартомъ своей кипучей души, когда убѣдилась что племянница считаетъ своею соперницей въ сердцѣ мужа нѣжно любимую Катериной Астаѳьевной Синтянину, да и самое ее Форову въ чемъ-то обвиняетъ.

— Матушка! воскликнула, внезапно появясь къ Ларисѣ, едва поправившаяся майорша:—ты что̀ это еще за чудеса откидываешь? сама съ мужемъ жить не умѣешь, а чище себя людей мараешь!

И начавъ на эту тему, она отчитала ей все что̀ принесла на сердцѣ и заключила:

— Стало-быть вотъ ты какая новѣйшая женщина; добрая жена радовалась бы что ея мужъ не съ какими-нибудь вертопрашными женщинами знакомъ, а дружитъ съ женщиной честнѣйшею и прекрасною, съ такою женщиной у которой не было, да и нѣтъ и не можетъ быть сулирантовъ, а тебѣ это-то и скверно. Дура ты, сударыня!

— Да, уронила Лариса:—мнѣ надоѣли ужь всѣ эти причитыванья. Я можетъ-быть и гадкая и скверная, но не могу же я поддѣлываться подъ образецъ Александры Ивановны. Это для меня недостижимо. Я простая женщина и хочу простаго съ собою обращенія.

— Ахъ, оставь пожалуста: какая ты простая и какое съ тобою простое обращеніе возможно, когда къ тебѣ на козѣ не подъѣдешь: утромъ спитъ, въ полдень не въ духѣ, вечеромъ

нервы разстроены. Не хотѣла тебя бранить, но выбранила, тьфу! пусто тебѣ будь совсѣмъ! Прощай и не зови меня теткой.

Этимъ окончилось объясненіе съ Лорой, продолжавшей выжидать благаго поворота въ своей скучной жизни отъ капризовъ случая, и случай поспѣлъ ей на помощь: случай этотъ былъ возвращеніе Бодростиной со свитой въ мирныя палестины отчаго края.

НИКОЛАЙ ЛѢСКОВЪ.

(До слѣдующаго №).

АСПАЗІЯ ЛАМПРИДИ

ГРЕЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

I.

Алкивіадъ Аспреасъ былъ родомъ изъ Корфу, но учился въ Аѳинахъ и тамъ провелъ послѣдніе годы. Ему было не болѣе двадцати пяти лѣтъ, когда онъ задумалъ посѣтить Эпиръ и посмотрѣть какъ живутъ его братья Греки подъ турецкою властію.

Съ дѣтства онъ слышалъ вокругъ себя разговоры о православіи, о турецкомъ игѣ, о просвѣщенномъ деспотизмѣ Англіи, о ненавистной Іонійцамъ римской пропагандѣ. Чаще всего слыхалъ онъ дома о дальней, великой, холодной странѣ, гдѣ царствуетъ мощный царь, котораго боятся другіе государи, гдѣ весь народъ молится такъ же какъ молится его старый отецъ, гдѣ войску и церквамъ нѣтъ числа, и привыкалъ думать что лишь бы захотѣлъ этотъ царь, лишь бы тронулось это несмѣтное войско, то и красныхъ мундировъ не осталось бы на живописной эспланадѣ нашего города, не осталось бы и тѣхъ свирѣпыхъ людей которыхъ дикій берегъ высится за моремъ такъ близко отъ Корфу, ни даже проповѣдниковъ въ черныхъ мантіяхъ и широкихъ шляпахъ, съ лицами недобрыми и язвительными, которые жаждутъ вреда православной церкви.

Недалеко отъ Корфу, на горѣ, есть селеніе Гастури. По прекрасному шоссе коляска мчитъ къ нему чужеземца сквозь нескончаемый лѣсъ маслинъ.

Когда бы кто ни посѣтилъ это селеніе, — во всякій часъ дня,—онъ увидитъ у кофейни толпу однихъ и тѣхъ же молодыхъ и старыхъ мущинъ, съ усами, въ соломенныхъ шляпахъ и голубыхъ шальварахъ.... Они курятъ или пьютъ умѣренно, или бесѣдуютъ у порога кофейни...

Однѣ и тѣ же высокія, полногрудыя молодыя женщины, осторожно спускаясь по камнямъ, живописно несутъ кувшины съ водой на головахъ, убранныхъ бѣлымъ покрываломъ и косами перевитыми краснымъ.... Какъ будто однѣ и тѣ же старушки работаютъ у дверей своихъ пустыхъ и бѣдныхъ каменныхъ жилищъ.... Тѣ же дѣти, румяныя и веселыя, бѣгутъ за коляской больше часа и кричатъ: *„Пол-двола, полдвола, эффенди!“* Тѣ же отроковицы подаютъ вамъ молча маленькіе букеты цвѣтовъ и душистыхъ травокъ....

Работы этимъ людямъ мало.

— Оливковое дерево, государь мой, есть злѣйшій врагъ индустріи! Оно само кормитъ лѣнтяя! говоритъ ученый Грекъ.

И крестьянинъ Іонецъ сознается въ томъ же, только гораздо милѣе ученаго Грека.

— Богъ и деревья неравными сдѣлалъ, говоритъ онъ.— Есть деревья глупыя и есть хитрыя деревья. Маслина, синьйоръ мой, дерево глупое. Посадилъ его хоть бы дѣдъ мой, и никто у насъ больше не смотритъ за нимъ. Сдѣлай разъ на склонѣ горы около него небольшія грядки, чтобы маслинки, когда будутъ падать, не укатывались далеко—и сядь. Глупое дерево, безо всякой работы, само тебѣ все даетъ. Иное дѣло виноградъ; это дерево лукавое и умное; убивайся надъ нимъ каждый годъ и убивайся много, иначе и не жди отъ него плода. И еще иной нравъ у апельсиннаго дерева. Работы оно много не ищетъ; оно хочетъ любви и ласки. Любишь ты его, синьйоръ, и оно тебя любитъ. Ласкай его, смотри за нимъ, полей когда нужно, береги его, и оно тебѣ дастъ доходъ.... Не люби, и дохода не дастъ, не полюбитъ тебя!

Около этой живописной деревни Гастури, которую первую изо всѣхъ деревень Корфу всегда узнаетъ путешественникъ, былъ домъ и земля старика Аспреаса, отца Алкивіада.

Прежде старикъ былъ богаче, но потомъ нѣсколько обѣднѣлъ. „Глупое дерево“ хоть и не требуетъ ухода, но по глу-

пости же своей, иногда дастъ обильный доходъ, иногда же подъ рядъ много лѣтъ почти ничего не даетъ. Настали неурожайные годы. Иного земледѣлія на островѣ почти нѣтъ; онъ весь сплошная оливковая роща.

Земли своей у крестьянъ почти нѣтъ; они обязаны сбирать оливки помѣщику, и за это берутъ себѣ половину сбора. Что̀ жь было дѣлать когда грядки подъ деревьями ужь столько лѣтъ стояли пустыми? Потомъ пришли другія невзгоды; неудачные торговые обороты. Старшая дочь вышла замужъ за аѳинскаго Грека, и ей надо было дать хорошее приданое. Старшій сынъ подросталъ — его хотѣлось, по примѣру другихъ архонтовъ, послать учиться или въ Европу, или хоть въ Аѳинскій университетъ. Были и другія дѣти.

Пробилъ часъ преній объ избраніи Альфреда и о присоединеніи къ Элладѣ семи острововъ.

Старикъ Аспреасъ ненавидѣлъ „красныхъ дьяволовъ“ хуже чѣмъ Турокъ. Не любилъ ихъ гордость, говорилъ что они развращаютъ простой народъ тѣмъ что сорятъ деньгами, пріучая даже малыхъ дѣтей бѣгать за экипажами, когда дома есть кусокъ хлѣба; не признавалъ заслугъ Каннинга, утверждая что филэллиномъ онъ никогда и не былъ, а далъ Наваринскую битву чтобы только Россія не одна спасла Грецію и не была въ ней потомъ всемощною; не могъ онъ простить Англичанамъ дѣло Жида Пачифико, смерть Каподистріи и севастопольскій погромъ.

Во все время пока шли на островахъ пренія о томъ: отказаться ли отъ протектората? присоединиться ли къ Греціи или нѣтъ? старикъ Аспреасъ трудился, уговаривалъ, подкупалъ даже, не жалѣя средствъ, подвергался опасностямъ, лишь бы только не видать больше „красныхъ дьяволовъ“, которые, сверхъ политическихъ преступленій своихъ, не вѣрятъ и въ святость мощей Св. Спиридона, покровителя моряковъ и заступника корфіотскаго,—Св. Спиридона, которому и Турки проѣзжіе поклоняются и даютъ дары.

Дѣло кончилось такъ какъ того желалъ старикъ: „красные мундиры“ ушли. Но послѣ ихъ ухода онъ сталъ еще бѣднѣе. Расходы во время подачи голосовъ были велики. Демократическая Эллада дала больше правъ и больше независимости крестьянамъ живущимъ на помѣщичьей землѣ. Доходы стали еще меньше; торговля острова упала; дороги начали портиться.

Старикъ вздыхалъ, но не ропталъ.

— Пусть только „Господи помилуй“ (такъ звалъ онъ Россію) будетъ крѣпокъ; все поправится. Пусть только *вогабонда*-Наполеона прогонятъ, да варвара *Агу* спровадятъ туда откуда принесъ его сатана за наши грѣхи... тогда и торговля будетъ, и порядокъ, и миръ, и согласіе, и все хорошее на землѣ.

— Да что же вамъ за дѣло до Русскихъ? Русскіе далеко, спрашивали его люди.

— Греко-россійской церкви мы поклоняемся, ты знаешь это, человѣче! отвѣчалъ старикъ.

У такого отца выросъ въ домѣ Алкивіадъ. Старикъ, какъ и всѣ пожилые люди въ Корфу, какого бы они ни были званія, былъ страстный руссофилъ.

Такихъ людей много на семи островахъ. И многіе молодые люди дѣлятъ ихъ убѣжденія. Долгое занятіе острововъ русскими войсками оставило тамъ прекрасное воспоминаніе. Имена Ушакова и другихъ генераловъ русскихъ живутъ въ памяти людей и до сихъ поръ. Одна изъ улицъ выходящихъ на Красную площадь Корфу зовется „одосъ Ушаковъ“—улицей Ушакова.

До прибытія Русскихъ, въ Корфу не было православнаго епископа. Русскіе учредили епископскую каѳедру въ Корфу. Въ первый разъ въ концѣ прошлаго столѣтія Корфіоты ясно почувствовали, съ прибытіемъ Русскихъ, что они точно Греки, а не Венеціанцы. Они увидали какъ гордые русскіе начальники чтили православную церковь и какъ смиренно молились въ ней страшные русскіе солдаты.

Самые солдаты эти были страшны только на первый видъ. Они были добрые и простые люди. Звали Грековъ „братъ“; любили выпить и пѣсню спѣть; боялись и слушались начальства....

Случалось что Русскіе и наказывали Корфіотовъ тѣлесно, но „они и своихъ за безпорядки наказывали еще строже“, говорятъ Корфіоты.

Живутъ и теперь въ городѣ Корфу два старика, одинъ бѣдный, а другой богатый. Богатому ужь подъ девяносто лѣтъ; бѣдный гораздо моложе. Богатый не знатенъ; онъ разжился торговлей; бѣдный изъ старой семьи.

Богатый скупъ до того что его разъ нашли полумертвымъ отъ голода на кровати. Слугъ онъ не держитъ, дверь была

заперта, и доктора, чтобы спасти его, взошли въ окошко по лѣстницѣ; съ тѣхъ поръ онъ сталъ ѣсть побольше.

Онъ ходитъ всегда не шевеля руками и отставляетъ ихъ подальше отъ тѣла, потому что портной разъ сказалъ ему что рукава подъ мышками дольше не рвутся у тѣхъ кто такъ ходитъ. Никто не слыхалъ и не видалъ никогда чтобъ этотъ человѣкъ заплатилъ въ кофейнѣ за чашку кофе или за стаканъ лимонада. Однажды онъ упалъ на улицѣ въ обморокъ отъ слабости (а можетъ-быть и отъ голода); сбѣжались на помощь люди; старикъ казался почти бездыханнымъ. Кто-то закричалъ изъ толпы:

— Отвезти его въ наемной коляскѣ домой.

Старикъ встрепенулся.

— Дойду пѣшкомъ, прошепталъ онъ,—помогите мнѣ немного. Зачѣмъ платить за коляску.

У него нѣтъ ни привязанностей, ни страстей. О родныхъ, которые далеко, онъ не думаетъ. Проценты съ капитала своего на вѣки онъ хочетъ завѣщать бѣднымъ за упокой своей души.... Но у него есть одна страсть, одна святыня—Россія.

Поутру и вечеромъ, вставая и ложась, онъ прежде молится за свою душу, а потомъ за Россію. Онъ блѣднѣетъ и шипитъ какъ змѣя, когда слышитъ порицанія Русскимъ или Россіи. Когда бы онъ не былъ чуть-живъ отъ слабости, онъ билъ бы „негодяевъ“ которые смѣютъ осквернять даже въ шутку эту святыню....

— А Эллада? говорятъ ему.

— Дьяволъ ее возьми! шипитъ злобно старикъ.

Другой старикъ гораздо моложе. Онъ бѣдно одѣтъ, но бодръ, страстенъ и подвиженъ. Его вы встрѣтите вездѣ—и въ церкви, и въ кофейнѣ, и на прогулкахъ; онъ слѣдитъ за политикой, за газетами, споритъ громко на улицахъ; шумитъ и бранится!...

Одно воспоминаніе о западной Европѣ возбуждаетъ его гнѣвъ.... Молодые люди, даже мальчики простые на улицахъ знаютъ его страсть къ Россіи и затрогиваютъ его.—Чортъ бы побралъ Россію! шепчетъ ему мальчишка.... и бѣжитъ далеко. Иначе имъ было бы плохо. Случалось что онъ бросался и на взрослыхъ людей въ кофейняхъ за подобныя слова, которыхъ онъ даже и въ шутку не сноситъ....

Но быть-можетъ только эти два чудака безъ вѣса и силы думаютъ такъ? Едва ли! Вотъ идетъ, обнаживъ саблю предъ ротой, подъ звуки музыки, лихой и солидный офицеръ съ

русой эспаньйолкой. За ротой спѣшитъ народъ, идутъ и хорошо одѣтые люди, и не нарадуются на своихъ солдатъ! Впереди, предъ музыкантами, маршируютъ въ тактъ оборванные мальчики, свищутъ, вторятъ маршу, и одинъ за другимъ отъ радости катаются колесомъ предъ войскомъ.... Что думаетъ этотъ бравый офицеръ съ обнаженною саблей? Онъ читаетъ по вечерамъ предсказанія *Агавангела* * о „новомъ государѣ французскомъ, который ведетъ на бойню безумныхъ Французовъ"... „И ты хитрая лисица (Англія) лотеряешь свой хвостъ!" говоритъ *Агавангелъ*. „И царству Агарянъ будетъ конецъ, когда бѣлокурое племя вступитъ въ Царьградъ и отыщетъ для христіанъ новаго царя Іоанна, который спитъ теперь за невидимою дверью въ Святой Софіи...."

Старый графъ Іонійскій, у котораго такое прекрасное имѣніе съ садомъ и цвѣтами на берегу моря и который часто гуляетъ до полудня въ тѣни аллеи по эспланадѣ, *Агавангела* не читаетъ; онъ вѣритъ въ Англію; но вѣритъ онъ въ нее неиначе какъ въ соглашеніи съ Русскими.

Эти молодые щеголи, которые шумятъ по кофейнямъ, съ небрежностью крестясь, входятъ лишь на минуту въ церковь Святаго Спиридона и возмущаютъ своимъ видомъ набожныхъ людей; о чемъ они думаютъ? Они думаютъ больше всего о любовницахъ своихъ, конечно и о томъ будетъ ли зимой въ Корфу италіянская опера, но они привѣтствуютъ криками радости, бьютъ въ ладоши на улицѣ при каждой новой вѣсти о пораженіи Французовъ. Отчего они рады побѣдамъ Пруссаковъ? Какое добро сдѣлали имъ Бисмаркъ и Германія? Не Бисмаркъ и не Германія радуютъ ихъ.... Радуетъ ихъ иное. Ошибочно или нѣтъ, но они видятъ вдали за германскими тріумфами иную тѣнь: грозную тѣнь Восточнаго вопроса! Ихъ радуетъ что люди простые шепчутъ другъ другу: „Разница между *Пруссія* и *Руссія* одна буква *П*. Наша Ольга племянница Русскому Государю и внучка государю Прусскому. Намъ только это и нужно."

Поэтому о прусскихъ бомбахъ кричитъ и острякъ-продавецъ холодной ключевой воды, который душнымъ вечеромъ

---

* *Агавангелъ*—книжка въ которой собрано множество разныхъ предсказаній о событіяхъ европейской исторіи. Она очень распространена на Востокѣ.

возитъ по площади между гуляющими свою тележку разубранную зеленью.

— Вотъ онѣ прусскія бомбы, послушайте какъ летятъ, кричитъ онъ, чтобы въ темнотѣ люди поняли что тележка съ ключевою водой недалеко.

Похолодѣло время, онъ бросилъ воду и поставилъ раекъ на площади.

— Идите, смотрите, кричитъ онъ,—какъ Французы бѣгутъ изъ Россіи въ тысяча восемьсотъ двѣнадцатомъ году!

Вотъ идетъ видный, пожилой мущина, одѣтый со вкусомъ; онъ богатъ, онъ не разъ былъ министромъ. Онъ врагъ Россіи, говорятъ.... Пусть проходитъ онъ мимо! Всѣ зовутъ его Жидомъ и никто его не уважаетъ.

Дороже его стократъ эти бѣдные мальчики, которые катаются колесомъ предъ военною музыкой, когда она идетъ утромъ въ королевскій дворецъ. И въ ихъ сердцахъ зараждаются сѣмена будущихъ чувствъ, и они уже знаютъ по опыту какъ выгодно продавать на площади тѣ телеграммы въ которыхъ есть новые слухи о русской политикѣ на Востокѣ.... Они видятъ что ту телеграмму въ которой болѣе печаталось о Россіи и Греціи разослали хозяева не на простой бумагѣ, а съ изображеніемъ богини Аѳины въ заглавіи. Нѣтъ нужды что мальчики эти не знаютъ кто была Аѳина. Они видятъ и понимаютъ въ ней молодаго воина въ шлемѣ, готоваго къ битвѣ.

Отецъ Алкивіада не подвергался шуткамъ, какъ подвергаются иногда тѣ два старика руссофилы; вѣсъ его въ городѣ былъ великъ; одна Англичанка путешественница, которую онъ повелъ смотрѣть городъ, удивлялась: сколькіе люди кланяются ему и сколькимъ онъ долженъ отвѣтить.

— Вамъ нужно шесть шляпъ каждый годъ. У васъ поля шляпы, я думаю, рвутся, сказала она ему.

Голосъ его былъ во всѣхъ дѣлахъ однимъ изъ первыхъ, и на всѣхъ офиціальныхъ празднествахъ, на всѣхъ церковныхъ процессіяхъ, на всѣхъ дипломатическихъ обѣдахъ старикъ Аспреасъ являлся однимъ изъ главныхъ представителей города.

Сѣдой, спокойный, здоровый, съ веселымъ и добрымъ лицомъ, съ сѣдыми усами, въ хорошемъ черномъ фракѣ, съ кавалерскимъ крестомъ Спасителя и тѣмъ мѣднымъ геройскимъ крестомъ который раздавался по окончаніи войны за независимость Греціи тѣмъ кто принималъ въ ней участіе, ста-

рикъ Аспреасъ внушалъ всѣмъ уваженіе, и самая рѣчь его, простая, тихая, даже однообразная, въ которой свѣтился сквозь все одинъ и тотъ же стихъ, одинъ и тотъ же припѣвъ: „Греко-россійской церкви мы покланяемся", пріятно дѣйствовали и на тѣхъ кто не былъ глубоко убѣжденъ какъ онъ

Восемнадцати лѣтъ Алкивіадъ простился съ отцомъ и уѣхалъ учиться въ Аѳины.... Черезъ годъ онъ вернулся на лѣто къ отцу уже инымъ....

Сперва онъ сталъ англоманъ, а потомъ туркофилъ какого то особаго рода....

Отецъ слушалъ его сначала съ удивленіемъ, потомъ съ гнѣвомъ, потомъ уже снисходительно и съ пренебреженіемъ.

— Молодость и глупость: пройдетъ молодость, пройдетъ съ нею и глупость, говорилъ почтенный человѣкъ, и такъ былъ спокоенъ и свѣтелъ, такъ радостно глядѣлъ въ глаза собесѣднику что и тому казалось на мигъ „все это вздоромъ", казалось что вся политическая мудрость, вся дальновидность, вся исторія борьбы Востока и Европы заключаются въ одномъ простомъ словѣ стараго архонта: „Греко-россійской церкви мы поклоняемся, человѣче!"

Алкивіадъ любилъ отца; чтилъ его какъ благороднаго патріота и никогда не спорилъ съ нимъ грубо. Но такъ же какъ отецъ весело улыбался говоря о сынѣ, такъ и сынъ улыбался говоря объ отцѣ.

— Бѣдный отецъ! восклицалъ онъ съ чувствомъ любви и уваженія.—Бѣдный отецъ! Онъ еще все отъ Россіи ждетъ чего-то.... Времена Ушакова еще не миновали для него. Бѣдный отецъ.

II.

Сестра Алкивіада которая была замужемъ за аѳинскимъ Грекомъ и жила всегда въ Аѳинахъ была женщина умная, ученая и красивая, хорошая мать и честная супруга. Ее упрекали лишь въ трехъ недостаткахъ: въ томъ что брови ея были уже слишкомъ густы и мужественны; въ томъ что она была очень честолюбива и за себя, и за мужа, и за брата и за всѣхъ близкихъ ей; а иные еще въ томъ что она любила писать и говорить иногда уже слишкомъ высокопарно, безъ нужды.

Но въ этомъ послѣднемъ упрекали ее очень немногіе. Нынѣшніе образованные Греки болѣе похожи на риторовъ вре-

менъ паденія древняго міра и на Византійцевъ, чѣмъ на Эллиновъ временъ Платона и Софокла.

Мать Алкивіада умерла едва родивши его, и первыя заботы о младенцѣ выпали на долю сестры, которая тогда уже была взрослою дѣвушкой. Поэтому братъ сохранилъ къ ней сыновнее чувство, которое и въ послѣдствіи поддерживалось ея умственнымъ вліяніемъ на него и тѣмъ увлеченіемъ которое внушалъ брату ея патріотизмъ и образованность. Онъ гордился сестрой предъ другими. Еще при королевѣ Амаліи она ѣздила ко двору, и хотя уже и тогда ей было лѣтъ тридцать, однако и мужъ и братъ гордились ею, когда она въ торжественныхъ случаяхъ выходила предъ людьми съ длиннымъ шлейфомъ, со своими строгими бровями, римскимъ носомъ, въ маленькой фескѣ на бекрень и въ бархатной греческой курткѣ, расшитой золотомъ; одѣтая такъ какъ одѣвалась сама королева.

„Богиня, шептали люди, Аѳина-Паллада! Нѣтъ, не Паллада; это Бабелина!“ И Алкивіадъ слышалъ этотъ шопотъ и радовался и еще больше слушался сестры.

Она отсовѣтовала ему учиться медицинѣ. „Что̀ за поприще для тебя, мой другъ, быть врачомъ? говорила она ему.—Поприще безъ простора, безъ повышеній. Посвяти себя политическому поприщу. Въ свободной странѣ, подобной нашей Элладѣ, па какую высоту, скажи мнѣ, не открытъ блестящій путь государственному мужу?“

Алкивіадъ занялся законодательствомъ и бросилъ медицину.

Сестра же нанесла первый ударъ его прежнимъ дѣтскимъ убѣжденіямъ.

— Что̀ общаго, говорила она, между русскимъ кнутомъ и благородною эллинскою націей? между деспотизмомъ и свободой? между скиѳскимъ, сѣвернымъ мракомъ и граціей Юга? Эллины призваны во имя свободы, во имя всего священнаго положить предѣлы распространенію славянскаго великана на Югѣ и Востокѣ. Эллины призваны разбить глиняныя ноги этого мрачнаго кумира, которому поклонялось до сихъ поръ наше невѣжество....

Эллинъ и только Эллинъ, никто другой, долженъ разсѣять по Востоку лучшій цвѣтъ европейскаго просвѣщенія.

Мужъ сестры Алкивіада мало имѣлъ вліянія на молодаго человѣка.

Онъ былъ толстый, здоровый, довольно богатый и лукавый

простакъ. Любилъ жену, любилъ дѣтей, любилъ попить. Былъ не лишенъ трудолюбія, опытности въ дѣлахъ и здраваго смысла. Увлечь, обмануть его никто не могъ; но и онъ за то не въ силахъ былъ никого увлечь. Мнѣній онъ опредѣленныхъ не имѣлъ; соображался съ обстоятельствами и очень удачно, благодаря правилу: „спѣши медленно". Занималъ въ теченіе жизни своей много разныхъ должностей, избѣгая крушенія нерѣдко тамъ гдѣ не спасали ни даровитость, ни патріотизмъ, ни краснорѣчіе, ни смѣлость, ни связи.

Восхваляя при случаѣ (и какъ нельзя солиднѣе и спокойнѣе) эллинскую свободу, конституцію и равенство и всю прелесть политическихъ преній и борьбы, онъ обезпечилъ себя и семью свою исподоволь капиталомъ въ деспотической Россіи и варварской Турціи, подальше отъ конституціи, отъ равенства и блестящихъ преній. Жена его въ этомъ была согласна съ нимъ и восклицала: „Всѣ экономическіе вопросы я предоставляю мужу! Это его часть."

Такъ жилъ себѣ хорошо въ Аѳинахъ усатый, здоровый толстякъ; никого не боялся и, несмотря на то что ѣздилъ ко двору и сносился съ посланниками, дома жилъ просто и умѣренно; стараясь показать что онъ старинный и простой человѣкъ, который ни въ комъ не нуждается.

„Нашу Палладу надо изображать не съ совой, а съ медвѣдемъ!" говорили остроумцы и звали его „Туркомъ", „Агой", до тѣхъ поръ пока одинъ молодой человѣкъ не прозвалъ его еще злѣе по-турецки „Гайдаръ-эффенди". (Гайдаросъ по-гречески значитъ оселъ).

Алкивіадъ терпѣть не могъ своего зятя, хотя жилъ у него въ домѣ; никогда съ нимъ не спорилъ и занималъ иногда по молодости у него деньги. Но у толстаго Гайдаръ-эффенди былъ двоюродный братъ Александръ Астропидесъ.

Онъ былъ еще молодъ, хотя и много постарше Алкивіада, и славился краснорѣчіемъ, умомъ, отвагой и красотой. Астропидесъ подружился съ Алкивіадомъ и докончилъ то что̀ начала сестра. Изъ руссофила молодой студентъ постепенно сталъ пылкимъ приверженцемъ англійской партіи.

И точно Астропидесъ былъ увлекателенъ и даровитъ.

Красивая наружность его была такова что встрѣтить его въ горахъ съ глазу на глазъ и не зная кто онъ, едва ли бы было пріятно и храброму человѣку.

Казалось, модный фракъ, лакированные сапоги и францу-

скія перчатки его были на немъ не одеждой, а лишь минутнымъ костюмомъ необходимости и, когда онъ взглядывалъ своимъ взглядомъ и блестящимъ, и любезнымъ, по нуждѣ и свирѣпымъ, когда его недобрая душа просилась наружу, казалось что спадутъ съ него сейчасъ и модный фракъ, и перчатки, и шляпа.... и вмѣсто оратора и свѣтскаго человѣка предстанетъ предъ смущеннымъ собесѣдникомъ неукротимый и алчный горецъ въ фустанеллѣ забрызганной кровью.... и положитъ руку на золотой поясъ, за которымъ уже сверкаетъ ятаганъ.

И борода у Астропидеса была густая, черная, и походка отличалась, и голосъ громкій и ростъ высокій. Алкивіада онъ любилъ, однако, искренно, и при встрѣчахъ съ нимъ и взглядъ его становился благодушнѣе, и голосъ ласковѣе, и шутки его съ Алкивіадомъ были шутки брата, а не коварнаго пріятеля.

Астропидесъ перепробовалъ съ раннихъ лѣтъ свои силы на разныхъ поприщахъ. Былъ военнымъ, былъ депутатомъ, издавалъ два раза журналъ, статьи писалъ всегда, и писалъ прекрасно, сильно и безъ всякихъ украшеній риторства. Впавъ въ одно время въ нужду, вслѣдствіе того что въ теченіи двухъ, трехъ мѣсяцевъ пало, одно за другимъ, до пяти министерствъ, онъ не побрезгалъ торговать макаронами и канатами.

Онъ принималъ участіе въ движеніи противъ короля Оттона и тогда, когда еще такое участіе было очень опасно, когда еще не зналъ никто что эта рискованная игра кончится такъ легко и просто...

Астропидесъ въ послѣднее время сталъ приверженцемъ Англіи, и въ статьяхъ своихъ, и въ самыхъ секретныхъ разговорахъ своихъ съ друзьями.

Въ послѣднее время, послѣ неудачныхъ исходовъ критскаго возстанія, онъ понемногу сталъ прибавлять къ англоманіи и свою новую мысль о сближеніи Эллады съ Турціей, для совокупнаго дѣйствія противъ „всесокрушающаго потока панславизма“. Вся прошедшая исторія новой Греціи была для него заблужденіемъ и несчастіемъ. Онъ оправдывалъ Мавромихали въ убійствѣ Каподистріи, порицалъ охотниковъ - Грековъ которые сражались за Русскихъ въ Крыму; проклиналъ Россію за ея непрошеную дружбу и услуги, которыя заслужили, въ Греціи, названіе *русской батареи направленной противъ Турціи и Европы.*

Онъ находилъ возраженіе на все. Естественныя сочувствія Корфіотовъ высшаго круга къ Россіи онъ приписывалъ ихъ

аристократическимъ привычкамъ, ихъ воспитанію, сходному, по его словамъ, съ русскимъ и основанному на рабствѣ и обязательномъ трудѣ поселянъ, ихъ ханжеству, ихъ любви къ церковнымъ обрядамъ и процессіямъ.

Однажды Астропидесъ вмѣстѣ съ Алкивіадомъ, въ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ и сухихъ зимнихъ дней которыми такъ богата Африка, сидѣли въ Акрополѣ, на ступеняхъ Пропилей.

Астропидесъ говорилъ о великомъ будущемъ новой Греціи, о „великой идеѣ“.

Печальное сомнѣніе закралось на мигъ въ душу Алкивіада, и онъ, желая чтобы Астропидесъ убилъ въ немъ это сомнѣніе, сказалъ ему:

— Возраждаются ли народы въ третій разъ? Міръ имѣлъ Грецію, Θемистокла и Сократа; имѣлъ Византійское государство... Можетъ ли повториться Византія снова?..

— Не Византія поповъ и деспотическихъ государей! воскликнулъ Астропидесъ. Греція — истинной демократіи и чистаго деизма. Каиръ, * можетъ-быть, явился минутнымъ провозвѣстникомъ этого будущаго. Другъ мой! скажи мнѣ, гдѣ въ Европѣ найдешь ты это полное жизни соединеніе равенства и свободы? Франція — страна равенства, но не примѣръ свободы; Англія—страна свободы, но не въ ней долженъ изучать мудрецъ законы развитія гражданскаго равенства. Только здѣсь, (Астропидесъ указалъ рукой на веселый городъ, который безъ звука двигался и жилъ у ногъ ихъ), только здѣсь и въ Америкѣ, эти два великіе принципа вступили въ возвышенную гармонію... Что общаго, мой другъ, между этою свѣтлою, благородною Греціей и мрачнымъ Ариманомъ Сѣвера? Ихъ духовная связь, плодъ одного невѣжества толпы, для которой колокольный звонъ еще дороже простыхъ и возвышенныхъ идей, доступныхъ намъ съ тобою. Примиримся съ Турціей; вернемъ ей довѣріе нашею умѣренностью, нашею искренностью, и ты увидишь плоды этого раньше чѣмъ думаешь... Нашъ образъ мыслей быстро проникаетъ въ умы Грековъ подвластныхъ султану. Та же самая Россія, увлекаемая событіями, поддержитъ права христіанъ и будетъ склонять Турцію къ новымъ реформамъ. Западъ, чтобы не уступить первенства,

* Каиръ, Каиросъ—извѣстный въ Греціи деистъ; онъ основалъ, послѣ освобожденія Эллиновъ, школу, гдѣ проповѣдывалъ чистый деизмъ. Стеченіе учениковъ было большое, и греческое правительство принуждено было закрыть ее.

будетъ дѣлать то же; утроитъ, учетверитъ число христіанскихъ пашей въ странахъ подвластныхъ Турціи, вооружатся, подъ знаменемъ султана, христіанскіе полки; тогда я первый возвышу голосъ за что̀ хочешь, я готовъ буду сказать: пусть Эллада свободная присоединится къ Турціи... Мы потопимъ Турцію; не лѣнивому Турку, не Болгару, не грубому Сербу, не легкомысленному Валаху, бороться съ Эллиномъ духовно. Духовное, умственное вліяніе будетъ за насъ. Надъ этою обширною ареной, открытою греческому уму и греческой энергіи до *роковаго часа*; будетъ носиться безвредная, безсильная тѣнь Исламизма, нѣкое подобіе власти, которое намъ будетъ необходимо до этого роковаго дня и часа, чтобы завоевать себѣ довѣріе Европы и чтобы дать отпоръ тѣмъ грубымъ славянскимъ началамъ которыхъ пока еще много въ Турціи, вслѣдствіе нашего невѣжества, вслѣдствіе нашей лжи, нашихъ же ошибокъ, нашего безумія, безтактнаго революціонерства, ложной основы православныхъ сочувствій...

Тогда Алкивіадъ это понялъ, что для Астропидеса Англія и Турція—не что̀ иное какъ болѣе вѣрныя орудія эллинскаго прогресса, чѣмъ Россія и православіе.

Скоро и онъ сталъ проповѣдывать то же и такъ горячо что даже сестра его стала расходиться съ нимъ. Она согласна была въ основаніяхъ, но съ трудомъ допускала чтобы тѣмъ можно было увлечь народъ до сближенія и союза съ Турками.

III.

У Астропидеса было имѣніе въ Акарнаніи, довольно хорошій домъ, бараны и небольшіе посѣвы.

Во время выборовъ Астропидесъ всегда уѣзжалъ туда; онъ пользовался большимъ вліяніемъ на селянъ, и въ Аѳинахъ многіе обвиняли его въ тайныхъ сношеніяхъ съ разбойниками. Иные говорили что онъ получаетъ деньги отъ Англичанъ; а другіе подозрѣвали что между Англичанами, Астропидесомъ и разбойниками существуетъ тайная связь, но такъ что каждый ищетъ обмануть другаго. Англичане желаютъ, съ одной стороны, имѣть за себя въ печати и на выборахъ даровитаго и энергическаго дѣятеля, а съ другой, очень рады чтобы въ Греціи не прекратились безначаліе и разбои. Разбойники ведутъ свои разчеты, зная что они необходимы такимъ людямъ какъ

Астропидесъ.... Астропидесъ же, утверждали люди, и Англію отвергнетъ, когда найдетъ что-либо лучшее. Алкивіаду говорили объ этомъ многіе, но онъ не хотѣлъ вѣрить этому. Вскорѣ пришлось ему убѣдиться что эти обвиненія были справедливы.

Астропидесъ пригласилъ его съ собою на выборы въ Акарнанію, и рѣчь его была такъ убѣдительна что Алкивіадъ согласился съ удовольствіемъ.

— Ты увидишь эту прекрасную, суровую родину нашихъ боевыхъ капитановъ.... Акарнанія, которой роль была такъ темна и ничтожна въ исторіи древней Эллады, въ исторіи послѣдняго возрожденія нашего играетъ самую блестящую роль. Ты увидишь Мисолонги.... что̀ я прибавлю къ этому?! Тѣнь лорда Байрона будетъ парить надъ нами. Я знаю, ты одаренъ поэтическимъ чувствомъ и съ радостью увидишь нашихъ рыцарскихъ капитановъ, наши дубовые лѣса, которыхъ жолуди кормятъ цѣлыя селенія.... * Увидишь наши дома. Въ нашемъ домѣ, напримѣръ (прибавилъ соблазнитель съ улыбкой), ты увидишь бойницы, онѣ заложены камнями и замазаны известью въ обыкновенное время: но во время выборовъ ихъ открываютъ, потому что иногда отъ спора дѣло доходитъ у насъ и до....

Тутъ Астропидесъ пріостановился и зорко взглянувъ еще разъ на Алкивіада, прибавилъ какъ бы шутя:—Увидишь вѣроятно и разбойниковъ нашихъ. Посмотри какіе молодцы. Ты, который говоришь что ненавидишь положительный духъ кулечества и вѣчнаго порядка.... ты увидишь ихъ, я увѣренъ, съ удовольствіемъ....

— Гдѣ жь я ихъ увижу? Не отдаться же мнѣ имъ въ плѣнъ изъ любопытства? спросилъ Алкивіадъ.

— Увидимъ и безъ плѣна. Вѣдь и они люди.

Алкивіаду показались послѣднія слова до того подозрительными что онъ поколебался на минуту.

Онъ не спорилъ что безпорядки и разбои единственное и пагубнѣйшее средство для эллинскаго прогресса, и честному сердцу его примириться съ іезуитскими средствами было не легко. Онъ отвѣчалъ Астропидесу что подумаетъ, но въ тотъ же вечеръ чуть за него не поссорился съ зятемъ, и съ досады,

---

* *Жолуди* кормятъ народъ, въ томъ смыслѣ что ими торгуютъ для дубленія кожъ и другихъ цѣлей.

не желая оставаться больше у зятя въ домѣ, уѣхалъ съ Астропидесомъ въ Акарнанію.

Ссора случилась за ужиномъ.

Алкивіадъ сталъ говорить о краснорѣчіи Астропидеса, о необыкновенныхъ его дарованіяхъ и о томъ что онъ зоветъ его съ собою на выборы.

— Краснорѣчивъ онъ, это правда и даровитъ; а англійскіе фунты стерлинговъ еще краснорѣчивѣе и даровитѣе. Они хоть кому озолотятъ рѣчь, сказалъ насмѣшливо толстый Гайдаръ-эффенди.

Завязался горячій споръ, который сестра Алкивіада напрасно пыталась смягчить, воздерживая то мужа то брата.

Алкивіадъ разгорячился до того что сказалъ зятю: „Твои ученія не озолотятся никакими сокровищами ни Запада, ни Востока. Твои нападки на Астропидеса—злобное мнѣніе зависти къ высокому государственному таланту“....

Зять, съ своей стороны, обозвалъ Астропидеса уже прямо подкупленнымъ агентомъ Англіи и пристанодержателемъ разбойниковъ, а Алкивіаду сказалъ что онъ напрасно *ѣстъ хлѣбъ* и занимаетъ деньги у человѣка котораго презираетъ и считаетъ глупцомъ....

Алкивіадъ всталъ изъ-за стола и ушелъ, несмотря на мольбы сестры, къ Астропидесу на квартиру.

Оттуда написалъ онъ къ сестрѣ нѣжное, мечтательное письмо, упрашивая ее простить ему *„эту понятную вспыльчивость“* и сказать мужу что долгъ онъ ему по возвращеніи въ Аѳины постарается заплатить.

Черезъ двѣ недѣли они съ Астропидесомъ сидѣли неподалеку отъ селенія, въ тѣни прелестной дубовой рощи. Около нихъ на лужайкѣ паслись овцы, мирно бряцая колокольчиками.

Астропидесъ былъ задумчивъ и жаловался что выборы не совсѣмъ хороши. Напрасно лилось вино въ его домѣ, напрасно жарились бараны и куры,—рѣчи его, приспособленныя къ понятіямъ селянъ, лились еще обильнѣе вина.... Надежды были слабы; особенно въ двухъ селахъ люди обнаруживали совсѣмъ не то направленіе котораго искалъ Астропидесъ.

Алкивіадъ слушалъ его жалобы и раздѣлялъ искренно его досаду....

Въ это время подошелъ къ нимъ пастухъ Астропидеса и отозвалъ его въ сторону.

— Говори при этомъ человѣкѣ: онъ первый другъ мой.

Пастухъ колебался.

— Говори! грозно сказалъ Астропидесъ.

— Какъ хотите! отвѣтилъ пастухъ и улыбнулся, посмотрѣлъ пристально на барина своего и сказалъ:

— Ребятамъ вчера вечеромъ далъ я трехъ овецъ. А насчетъ хлѣба и вина сказалъ: вамъ скажу. У меня гдѣ жь хлѣбъ и вино!...

— Хорошо сдѣлалъ, отвѣчалъ Астропидесъ.—Когда жь они придутъ?

— Завтра вечеромъ опять придутъ.

— Хорошо. Мальчикъ вынесетъ тебѣ въ овчарню хлѣбовъ и вина.... Ничего новаго? *Самъ* не былъ?

— *Самъ* не былъ; а новый молодецъ одинъ большую до васъ просьбу имѣетъ....

— Который? спросилъ Астропидесъ:—не тотъ ли что̀ изъ Турціи бѣжалъ?

— Этотъ самый! отвѣчалъ пастухъ.

— Что̀ жь, очень радъ! воскликнулъ Астропидесъ,—пусть зайдетъ завтра вечеромъ. А лучше бы еще было, еслибъ и *самъ* побывалъ вмѣстѣ съ новымъ молодцомъ. Завтра какъ свечерѣетъ, буду ждать ихъ.... Изъ-за чего тотъ изъ Турціи убѣжалъ, не знаешь?...

— Изъ Турціи? отвѣчалъ пастухъ:—поссорился съ офицеромъ и свалилъ его съ лошади въ грязь, и бѣжалъ послѣ этого. Какъ же не бѣжать? Сами знаете! Молодецъ хорошій.... вполнѣ человѣкъ, мущина!

Астропидесъ развеселился и возвращаясь домой далъ пастуху щедрое награжденіе.

Алкивіадъ изъ этого разговора понялъ все, понялъ что зять его былъ правъ, и что Астропидесъ пристанодержатель и другъ разбойниковъ. Онъ не стѣсняясь тутъ же выразилъ ему свое негодованіе.

— Съ этими средствами я никогда не помирюсь! сказалъ онъ.

— Если ты не помиришься, ты докажешь этимъ что ты еще очень молодъ, что глубина государственныхъ вопросовъ тебѣ еще недоступна, сказалъ Астропидесъ.

— Я никогда не войду въ союзъ съ преступленіемъ, возразилъ студентъ.

Астропидесъ остановился и взявъ его руку началъ такъ:

— Существуютъ ли въ Акарнаніи разбои помимо нашей воли? Существуютъ. Нарушаютъ ли они безъ нашего участія спокойствіе мирныхъ жителей? Конечно нарушаютъ. Полезны ли такіе безпорядки для высшихъ цѣлей политическихъ сами по себѣ? Безполезны. Призванъ ли я спеціально преслѣдовать разбой? Офицеръ ли я королевской службы, подъ начальствомъ котораго состоятъ солдаты для искорененія разбоя? Пристанодержательствуютъ и безъ того селенія наши отъ простаго страха и не извлекая изъ преступныхъ дѣйствій своихъ никакой пользы для эллинизма. Не употребляютъ ли часто и люди противной намъ партіи тѣ же средства для достиженія гибельныхъ, по нашему убѣжденію, цѣлей?... Итакъ, неужели такъ преступно со стороны патріота если онъ беретъ то что̀ зовутъ Французы *le milieu*, среду, таковою какъ она есть, и освящая средства цѣлью, подчиняетъ себѣ обстоятельства? Зло силой своего духа принуждаетъ служить благу и безплодно-смертоносный ядъ претворять, подобно врачу, въ благотворное лѣкарство!... Dixi! Вы, милый другъ мой, предпочитаете вашу личную чистоту государственной пользѣ — это ваше дѣло.... у всякаго свои понятія о чести и пользѣ.... Дайте свободу и другимъ, особенно тому кто не колеблясь довѣряетъ вамъ самыя опасныя тайны, въ виду вашей зрѣлости и мужественнаго характера!... Что̀, развѣ не хорошо я сказалъ?...

Алкивіадъ замѣтилъ печально на все это:—„Надѣюсь обойтись въ жизни и безъ этого полезнаго *яда*, и если продолжать уподобленіе, то и врачи избѣгаютъ сильныхъ лекарствъ до послѣдней крайности.... И наконецъ, иное дѣло — соглашаться что извѣстное зло можетъ иногда приносить добрые плоды, иное дѣло самому вступать въ союзъ съ этимъ зломъ. И древніе Эллины олицетворяли въ религіи своей всякія силы и всякія страсти, но и они, я думаю, понимали что лучше быть въ союзѣ съ Фебомъ, чѣмъ въ союзѣ съ фуріями...

— Надѣюсь, я вижу что ты очень уменъ, отвѣтилъ Астропулосъ съ отеческою улыбкой, — что зрѣлость этого блестящаго ума не заставитъ себя долго ждать. La jeunesse est un défaut dont on se corrige bien vite. Не дурно сказано? Остроумный человѣкъ былъ этотъ Французъ, не такъ ли?

IV.

На другой день подъ вечеръ, Алкивіадъ самъ видѣлъ какъ пастухъ Астропидеса провелъ въ домъ двухъ людей, закутанныхъ въ бурки. Онъ понялъ что это были разбойники, и что другъ его хочетъ вступить съ ними въ какія-то преступныя соглашенія. Съ негодованіемъ удалился онъ въ свою комнату, зажегъ свѣчу и легъ на диванъ съ газетой.... Но и газета мало занимала его.... Воображеніе его стремилось на ту половину дома гдѣ происходило таинственное свиданіе.... Утромъ у нихъ съ Астропидесомъ былъ новый споръ объ этомъ, и во время спора этого, Алкивіадъ узналъ отъ Астропидеса что разбойникъ котораго ждетъ хозяинъ дома никто иной какъ знаменитый *Дэли*. *

Объ этомъ Дэли Алкивіадъ слыхалъ не разъ еще и въ Аѳинахъ, и Астропидесъ показалъ ему утромъ его фотографическую карточку.

Дэли красивый, бородатый мущина среднихъ лѣтъ, лицо его скорѣй пріятно чѣмъ свирѣпо.

Разказываютъ что онъ сталъ разбойникомъ изъ мщенія.

Еще онъ былъ очень молодъ, когда солдатамъ короля Оттона случилось зайти въ то село гдѣ онъ жилъ.

Въ числѣ этихъ солдатъ были негодяи которые изнасиловали молодую сестру Дэли.

Дэли поклялся вѣчно мстить военнымъ, убѣжалъ изъ села, собралъ шайку удальцовъ и сталъ разбойникомъ. Сначала онъ былъ жестокъ только къ тѣмъ которые носили мундиръ; съ людей гражданскихъ онъ бралъ только выкупъ и вообще обращался съ ними хорошо, а иногда и по-рыцарски.

Военныхъ онъ убивалъ безъ пощады. Такъ было сначала, (разказывалъ Алкивіаду Астропидесъ); но позднѣе обстоятельства ожесточили Дэли еще больше. Дэли былъ женатъ, но бросилъ жену, и похитилъ изъ одного селенія молодую дѣвушку, которая влюбилась въ него. Онъ одѣлъ ее по-мужски, въ фустанеллу, и она всюду слѣдовала за нимъ, раздѣляя всюду съ нимъ и нужду, и добычу и опасности.

Астропидесъ увѣрялъ что самъ видѣлъ ее. При одномъ изъ его прежнихъ свиданій съ разбойничьимъ капитаномъ, при-

* *Дэли* лицо дѣйствительное. Недавно убитъ въ Элладѣ войсками.

сутствовала и эта молодая дѣвушка. Встрѣча была днемъ въ лѣсу, и Астропидесъ сознавался что онъ не могъ скрыть до чего она ему нравилась. Опираясь на ружье, она стояла поодаль съ двумя другими паликарами; одѣта была въ этотъ день попраздничному, щегольски.... Феска до того мило держалась на ея подстриженныхъ волосахъ; бурка до того изящно спадала съ ея нѣжныхъ плечъ что Астропидесъ, разговаривая съ Дэли о самыхъ опасныхъ и важныхъ дѣлахъ, не могъ воздержаться чтобы не взглядывать безпрестанно на ея сторону. Онъ не могъ налюбоваться ею.

Дэли замѣчалъ его движенія и изрѣдка улыбался:

Наконецъ Астропидесъ сказалъ разбойнику, пытаясь привести его въ замѣшательство:

— Какой это у тебя молодой паликаръ красавецъ? Что̀ за картинка....

Дэли покраснѣлъ, и сказалъ какъ бы съ равнодушіемъ:

— Понравился онъ тебѣ? У меня всѣ паликары хорошіе, всѣ злодѣи люди! Всѣ собаки такія какихъ свѣтъ еще не видалъ....

А потомъ потрепалъ на прощаньи Астропидеса по плечу и сказалъ ему:

— Такъ понравился паликаръ тебѣ? Охъ! вы мнѣ словесники, словесники городскіе! Что̀ мнѣ дѣлать съ вами! Нѣтъ у васъ ни Бога, ни дьявола, и все у васъ что-нибудь скверное на умѣ....

Не такъ давно эту дѣвушку убили королевскіе солдаты, и съ тѣхъ-то поръ Дэли сталъ гораздо еще суровѣе и злѣе прежняго. Вотъ какъ это было. Отрядъ войска напалъ наконецъ на слѣдъ разбойниковъ. Дэли, который привыкъ смѣяться надъ усиліями своихъ гонителей, присѣлъ отдохнуть съ любовницей своей въ одной пещерѣ. Они разложили огонь и начали варить кофе.

Солдаты замѣтили что изъ пещеры выходитъ дымокъ и направились къ ней....

Раздались неосторожные, преждевременные выстрѣлы. Дэли и подруга его схватились за оружіе, выбѣжали изъ пещеры и бросились вверхъ, съ камня на камень въ кусты...

Солдаты были далеко, но одна изъ пуль ихъ ударила молодую дѣвушку въ грудь и убила ее на мѣстѣ. Дэли убѣжалъ.

Разказывая все это Алкивіаду, Астропидесъ зналъ кому онъ это говоритъ. У Алкивіада было пылкое воображеніе и пото-

му все поэтическое могло ему нравиться даже и тогда когда оно было преступно.

И вотъ теперь, лежа на диванѣ, онъ не читалъ газеты, а думалъ о Дэли и объ его погибшей любовницѣ.... Знать что Дэли всего чрезъ двѣ стѣны отъ него и не видать ея, казалось ему очень скучнымъ. Гражданская совѣсть предъявляла свои требованія, поэзія—свои....

Онъ уже сталъ проводить мысленную и глубокую черту между участіемъ во злѣ и созерцаніемъ этого зла изъ простаго любопытства.... Онъ уже восклицалъ про себя:

— Неужели врачъ, изучающій трупъ отравленнаго, или даже судья, съ любопытствомъ взирающій на отравителя, имѣютъ что-либо общее съ помощникомъ отравителя, съ тѣмъ человѣкомъ который тайно продалъ ему этотъ ядъ?...

— И къ тому же какая разница между какимъ-нибудь низкимъ преступникомъ, однимъ изъ тѣхъ преступниковъ которыхъ темныя и холодныя злодѣйства изображаетъ намъ западная словесность, и греческимъ отважнымъ паликаромъ, который не утратилъ ни рыцарскаго, ни религіознаго чувства, ни даже патріотизма. Я думаю.... о, я увѣренъ что и Дэли, и всякій разбойникъ, горецъ нашъ, можетъ стать при случаѣ патріотомъ и сразиться съ врагомъ за отчизну.... Прежніе клефты доказали это, и сфакіоты критскіе въ мирное время похищали не только овецъ и муловъ у своихъ же соотчичей-Критянъ, но насильно увозили въ горы богатыхъ невѣстъ, въ надеждѣ что родители должны будутъ уступить послѣ.... И развѣ эти сфакіоты не оказались истыми Эллинами во время послѣдней, несчастной борьбы?... Гдѣ же Англичанину или Французу понять что̀-такое Грекъ!...

Такъ разсуждалъ самъ съ собою молодой человѣкъ, сгарая желаніемъ увидать Дэли.

Да, желаніемъ онъ сгаралъ, но отринувши такъ рѣзко всякое примиреніе съ идеями Астропидеса, какая же была возможность постучаться въ ту дверь за которой Астропидесъ совѣщался со своими опасными союзниками?

Однако, видно судьбѣ было угодно чтобъ Алкивіадъ познакомился съ разбойниками. Астропидесъ самъ пришелъ къ нему и сказалъ:

— Вставай, люди тебя желаютъ видѣть!

— Меня? съ удивленіемъ спросилъ Алкивіадъ.—На что̀ я имъ?

— Увидишь. Именно до тебя, а не до кого-нибудь другаго есть дѣло. Ты можешь сдѣлать большое добро и спасти невиннаго человѣка.

И говоря это, Астропидесъ увлекалъ его дружески и почти насильно за собой....

Дэли сидѣлъ, облокотившись на столъ, задумчиво и величаво избоченясь, когда молодые люди вошли....

Одѣтъ онъ былъ чисто и даже богато. Другой его спутникъ казался гораздо моложе; ему на видъ не было и тридцати лѣтъ, но у него не было ни благодушія, ни благородства въ лицѣ, какъ у Дэли. И одѣтъ онъ былъ небрежнѣе, и бѣднѣе, и ростомъ ниже, и собой не очень красивъ, блѣденъ, худъ какъ настоящій Албанецъ; сила выраженія была у него только въ сѣрыхъ и лукавыхъ глазахъ и въ небольшихъ усахъ приподнятыхъ и закрученныхъ молодецки.

— Вотъ онъ, самый другъ мой! сказалъ разбойникамъ Астропидесъ, указывая на Алкивіада.

Поздоровались и сѣли, о здоровьи спросили. Дэли былъ величавъ во всѣхъ своихъ пріемахъ; рѣдкому номарху Греціи удастся такъ поздороваться и такъ сѣсть. Товарищъ его, напротивъ того, не пожалъ руку Алкивіада крѣпко и по-братски, а подошелъ почти униженно и чуть коснулся пальцами его руки и возвратился къ своему мѣсту почтительно склоняясь и прикладывая руку къ сердцу. Онъ даже не хотѣлъ сѣсть, пока не сѣли всѣ другіе.

— Онъ изъ Турціи и зовутъ его Салаяни, сказалъ Алкивіаду Астропидесъ.—Онъ имѣетъ до тебя просьбу.

Салаяни опять почтительно поклонился Алкивіаду.

— Говори же! сурово сказалъ своему спутнику Дэли.—Оставь политику свою и безъ комплиментовъ разкажи о дѣлѣ.

— Эффендимъ! воскликнулъ Салаяни, вздыхая,—происходитъ великая несправедливость. Христіанство страдаетъ въ Турціи....

— Бѣдный человѣче! воскликнулъ Дэли, смѣясь и качая головой:—онъ все съ пашой еще словно говоритъ.... Скажи ты прямо, не тирань ты человѣка глупыми рѣчами....

— Но что жь ему бѣдному и дѣлать, вступился Астропидесъ:—привычка, рабство....

— Рабство, рабство! Глупость, а не рабство, сказалъ съ презрѣніемъ Дэли и потрясъ рукой на груди своей одежду.—Э, человѣче! Говори....

Наконецъ дѣло объяснилось. Салаяни нѣсколько лѣтъ тому назадъ служилъ мальчикомъ въ городѣ Рапезѣ у богатаго архонта киръ-Христо Ламприди. Этотъ Христо Ламприди былъ Алкивіаду дальній родственникъ, троюродный братъ его отцу. Вѣсъ г. Ламприди и въ городѣ, и вообще въ Турціи былъ великъ. Недавно его султанъ своимъ капуджи-баши * сдѣлалъ.

— Служилъ у него я мальчикомъ, говорилъ Салаяни все вкрадчиво и почтительно,—и былъ онъ мнѣ какъ отецъ, и я ему былъ какъ сынъ, пока не случилось со мной несчастія: шелъ я однажды по улицѣ на базаръ. Встрѣтился мнѣ одинъ Турокъ, *низамъ*, несетъ въ рукѣ говядину сырую и говоритъ: „Эй, морè-*кефиръ*! ** снеси эту говядину въ казарму, а у меня другое дѣло есть." Я говорю: зачѣмъ мнѣ нести твою говядину? У меня у самого дѣло есть. „Снеси, несчастный кефиръ!" говоритъ онъ мнѣ, „ты вѣдь мальчикъ еще, и казарма близко". Не хорошо ты дѣлаешь ага, говорю я ему, что кефиромъ меня зовешь: это закономъ запрещено! „Такъ ты мнѣ говоришь?" спрашиваетъ онъ.—Такъ я тебѣ говорю, ага! я сказалъ. Тогда онъ взялъ эту говядину сырую и началъ бить меня сырою этою говядиной по лицу и ругать вѣру нашу. Я сталъ отбиваться. Прибѣжали другіе низамы.... избили меня, а потомъ подошелъ офицеръ ихъ, отнялъ меня и отослалъ въ конакъ, а оттуда меня въ тюрьму послали, и просидѣлъ я въ тюрьмѣ около мѣсяца....

Астропидесъ и Алкивіадъ слушали серіозно, но Дэли смѣялся и говорилъ:

— Хорошо тебя вымылъ Турокъ. Я радъ, потому что ты не человѣкъ, морè. Ты бы долженъ былъ убить его на мѣстѣ, а не кричать, пока сбѣгутся другіе низамы.... Албанская голова, сказано! Э, разказывай дальше, несчастный.... Соскучился ужь и я тебя слушавши, а молодой господинъ этотъ, глядя на то какъ ты ломаешься предъ нимъ, какъ бы тебя въ *дьявольскій списокъ* *** не записалъ вмѣсто помощи.... Бѣдный, бѣдный.

---

* *Капуджи-баши*—званіе почетное, въ родѣ каммергера. Это званіе дается богатымъ Грекамъ, Евреямъ, Болгарамъ и т. д. за какія-нибудь заслуги государству; люди эти однако не состоятъ при дворѣ, а продолжаютъ заниматься своими дѣлами въ провинціяхъ.

** *Кефиръ*—гяуръ.

*** *Записать въ дьявольскій списокъ, въ списокъ дьявола*—имѣть человѣка на худомъ счету.

Дальше разказывалъ Салаяни такъ: Г. Христо Ламприди, дядя Алкивіада, выхлопоталъ было ему сокращеніе тюремнаго срока, взялъ его къ себѣ опять на поруки, что будетъ хорошо себя вести, и жилъ такъ бѣдный, невинный мальчикъ долго. Потомъ случилось другое несчастіе. Тотъ офицеръ турецкій который отнялъ Салаяни у солдатъ, но вмѣсто того чтобы наказать своихъ, обвинилъ его, ѣхалъ разъ верхомъ около дома г. Ламприди. Время было грязное, и офицеръ, вмѣсто того чтобъ ѣхать посреди улицы, взъѣхалъ на тротуаръ около самаго дома. Салаяни въ это время выносилъ на улицу кой-какія вещи хозяйскія и въ рукахъ у него была хорошая стеклянная посуда. Наѣхалъ офицеръ такъ неожиданно и прижалъ его къ стѣнѣ такъ близко что посуда выпала изъ рукъ Салаяни и разбилась. Началъ онъ споръ съ офицеромъ и сталъ кричать что хозяину убытокъ большой.... Офицеръ замахнулся на него хлыстомъ, а Салаяни толкнулъ его лошадь такъ что она упала вмѣстѣ съ офицеромъ съ тротуара въ глубокую грязь.... и офицеръ расшибся и весь въ грязи измарался; а Салаяни тотчасъ же бѣжалъ, сперва въ горы, а потомъ и въ Элладу....

— Вотъ они наши дѣла-то какія! сказалъ все съ улыбкой Дэли Алкивіаду.—Турецкія дѣла!... Теперь этотъ молодецъ желаетъ чтобы добрый дядя вашъ г. Христо выпросилъ ему прощеніе у нашей тамошнихъ, и чтобъ ему было позволено возвратиться на родину. Вы напишите вашему дядѣ, проситъ онъ.

Астропидесъ замѣтилъ что нынче гораздо больше законности чѣмъ было прежде, и потому не трудно ли будетъ это....

— А больше ничего нѣтъ? спросилъ Алкивіадъ.

— Есть и еще, отвѣтилъ Салаяни, снова принимая скромный и почтительный видъ.—Только это велика обида. Когда я былъ въ горахъ—убили ночью другіе люди двухъ человѣкъ. Христіане они были.... Сами же сосѣди убили, а на меня говорятъ.... Только пусть я почернѣю и съ мѣста не сойду, и пусть Богъ меня накажетъ, если это не обида мнѣ!...

Всѣ слушатели улыбнулись, и Астропидесъ, и Дэли, и даже Алкивіадъ, несмотря на внутреннее волненіе, которое онъ чувствовалъ, слушая все что̀ говорилъ Салаяни. А Дэли прибавилъ: „Все несчастія съ молодцомъ приключаются... Судьбы ему нѣтъ, а самъ онъ какъ святой человѣкъ, я такъ глядя на него думаю... Астропидесъ замѣтилъ, тоже смѣясь и обра-

щаясь къ Дэли: „Говорятъ люди: „турецкія дѣла!“ Можно и такъ сказать: эллинскія дѣла!“

— Ба! сказалъ Дэли, вставъ:—это-то слово я давно говорю... Именно такъ: эллинскія дѣла. А молодцу вы, господинъ Алкивіадъ, все-таки помогите. Какая бы ни была, а все душа христіанская.

Алкивіадъ обѣщалъ написать дядѣ письмо и послать не по почтѣ, а съ вѣрнымъ случаемъ. Сверхъ того онъ сказалъ что давно и самъ бы хотѣлъ побывать въ Эпирѣ у родныхъ. Можетъ-быть и поѣдетъ скоро; тогда на словахъ еще легче все кончить. Салаяни вызывался и самъ отнести письмо въ Эпиръ и переслать въ Рапезу; но Алкивіадъ не рѣшился дать въ руки незнакомому и подозрительному человѣку письмо, которое могло бы и повредить г-ну Ламприди.

Разбойники простились и ушли. Салаяни еще разъ униженно благодарилъ аѳинскихъ господъ, и оставшись одни—Алкивіадъ и Астрапидесъ опять проспорили до полуночи.

Алкивіаду нѣсколько разъ приходили на умъ „англійскіе фунты“; но онъ былъ слишкомъ благороденъ и еще сильно любилъ Астрапидеса чтобъ оскорбить его такъ ужасно на основаніи однихъ слуховъ. Онъ довольствовался тѣмъ что горячо оспаривалъ право гражданина пользоваться всякими средствами даже и для возвышенныхъ цѣлей.

Астрапидесъ былъ непреклоненъ и повторялъ: „Ты увидишь что иначе нельзя! Ты увидишь какъ все будетъ хорошо теперь.“

Правда, не прошло и недѣли какъ тѣ села которыя больше всѣхъ упорствовали въ противномъ направленіи сдались на тайныя угрозы и подали голоса въ пользу тѣхъ кого хотѣлъ Астрапидесъ.

Были при этомъ и угощенія; вино Астрапидеса опять лилось черезъ край: на дворѣ его гремѣла музыка, плясались народныя пляски. Молодые аѳинскіе щеголи братались съ селянами, и даже разъ оба, одѣвшись въ фустанеллы, плясали сами такъ хорошо (особенно лихой Астрапидесъ) что деревенскіе люди кричали имъ: „браво, поликары городскіе, браво!“ Иные обнимали ихъ.

Одно только событіе отуманило это веселье. Одинъ двадцатилѣтній племянникъ убилъ изъ пистолета своего дядю. Они заспорили о политикѣ; племянникъ былъ сельскій пали-

каръ, а дядя аѳинскій *словесникъ*. * Племянникъ обличилъ дядю въ безчестности; дядя вынулъ револьверъ, но племянникъ предупредилъ его движеніе и самъ убилъ его наповалъ.

Астропидесъ въ ту же ночь выслалъ юношу на турецкую границу, и Турки приняли его хорошо; узнавъ въ чемъ онъ виноватъ, они его удержали, несмотря на требованія греческаго номарха, говоря другъ другу:

— Развѣ они намъ выдаютъ нашихъ преступниковъ? Никогда... Вотъ и Салаяни не хотятъ выдать. Мальчикъ этотъ хорошій—зачѣмъ его выдавать?

Вскорѣ послѣ этого Алкивіадъ простился съ своимъ другомъ и уѣхалъ въ Корфу къ отцу. Чувство его къ Астропидесу стало остывать и согласиться съ нимъ онъ не могъ.

Чувствуя свою вину предъ зятемъ, онъ изъ Корфу написалъ сестрѣ очень ласковое письмо, въ которомъ просилъ извиненія у зятя и сознавался ему что онъ „въ Астропидесѣ ошибся“.

„Больше, однако, я ничего не скажу. Это долгъ моей прежней дружбы и убѣжденіе что онъ лишь заблуждается, но не такъ виновенъ какъ вы думаете.... Въ такую безнравственность я никогда не повѣрю и потому буду молчать!“

Изъ Корфу Алкивіадъ хотѣлъ было тотчасъ же ѣхать путешествовать по Эпиру; но жаль было скоро покинуть отца; онъ отложилъ поѣздку и написалъ пока письмо о Салаяни къ Христаки Ламприди, въ городъ Рапезу, въ которомъ тотъ жилъ всегда. Христаки Ламприди былъ не только самый первый богачъ своего края, не только капуджи-баши, но домъ его уважали еще въ Эпирѣ какъ „старый и большой очагъ“.

Отецъ Христаки торговалъ пшеницей и кожами и былъ богатъ и извѣстенъ самому Али-пашѣ Янинскому. Случилось такъ что Али-паша услыхалъ отъ кого-то похвалы европейскимъ серебрянымъ сервизамъ для стола; онъ захотѣлъ непремѣнно имѣть такой сервизъ. Кому поручить? Онъ вспомнилъ что отецъ Христаки имѣетъ дѣла съ тріестскими торговыми домами; вызвалъ его въ Янину и сказалъ ему: „Поѣзжай ты сейчасъ въ Тріестъ; закажи самый хорошій та-

* *Словесники* (логіотате) и *чернильщики* (каламарадосъ)—названія которыя даютъ часто въ насмѣшку простые Греки своимъ учителямъ, адвокатамъ, газетчикамъ и т. п.

кимъ франкскаго серебра и привези мнѣ; а я тебѣ заплачу, если будетъ вкусенъ и красивъ!" Кто не трепеталъ тогда Али-паши! Убить человѣка всегда было въ его волѣ; его боялись въ самомъ Цареградѣ. Разказываютъ что онъ узналъ разъ будто одинъ консулъ западный пишетъ о злодѣйствахъ его подробно въ свое посольство; онъ призвалъ его къ себѣ и сказалъ ему:

— Консулосъ-бей! Не пиши ты такъ худо обо мнѣ посланнику; узнаю я что ты еще пишешь; заплачу двумъ Арнаутамъ, и они убьютъ тебя; а я потомъ схвачу ихъ и повѣшу, и напишу: вотъ какъ я наказалъ злодѣевъ которые консула умертвили. И твой *эльчи* * будетъ радъ....

Каково же было купцу ѣхать въ Тріестъ на свой страхъ покупать серебро? Онъ простился, проливая слезы, съ семьей и уѣхалъ, среди зимы, въ самое бурное время, на простомъ парусномъ суднѣ. Серебро однако понравилось пашѣ. Онъ заплатилъ за него гораздо дороже чѣмъ оно стоило самому Ламприди и далъ въ награду ему и его роду похвальный фирманъ. Въ фирманѣ было приказано всѣмъ и всегда уважать этотъ почтенный, честный и старый домъ, въ которомъ и гостепріимство издавна таково *что и очагъ никогда не гаснетъ, и казанъ въ кухнѣ всегда кипитъ.*

Все это Алкивіадъ зналъ и прежде, и дядю самого и сыновей его зналъ давно, потому что они бывали въ Корфу и останавливались всегда у его отца.

Въ письмѣ онъ не говорилъ, конечно, гдѣ и какъ онъ встрѣтилъ Салаяни, но просилъ его только употребить свой вѣсъ и свое вліяніе чтобы Салаяни позволили *поклониться* **. Онъ жалуется что утомленъ жизнью клефта и хочетъ, подобно столькимъ другимъ прощеннымъ разбойникамъ въ Турціи, перейти снова въ мирное гражданское житье.

Черезъ двѣ недѣли киръ-Христаки отвѣтилъ Алкивіаду такъ:

„Это правда, писалъ онъ, что многіе *поклоненные* разбойники въ Турціи стали прекрасными и честными гражданами и живутъ между собою хорошо, такъ что и мы уважаемъ ихъ. И у меня есть одинъ пріятель такой; онъ уже старикъ, торгуетъ честно и живетъ богато. Но *поклониться* теперь труд-

---

* *Эльчи, эльчи-бей*—посланникъ.

** *Поклониться*—положить оружіе, попросить прощенія, сдаться.

нѣе чѣмъ было прежде: теперь въ Турціи гораздо болѣе законности, и едва ли новый паша допуститъ Салаяни *поклониться*; онъ желаетъ переловить всѣхъ разбойниковъ и наказать ихъ, а не прощать.

„Сверхъ того, любезный другъ мой, скажу я тебѣ и про Салаяни самого что онъ можетъ-быть теперь и утомился; но я его знаю съ дѣтства; онъ злой и лукавый человѣкъ, у котораго ничего нѣтъ святаго, и я ему не вѣрю. Не будетъ самъ онъ разбойничать, такъ пристанодержателемъ станетъ, чтò иногда еще хуже. И каково же мнѣ стать поручителемъ за такого изверга? И пусть онъ не говоритъ что „Турки виноваты"; виновата его злоба, а не Турки. Не ему одному деревенскому мальчику случилось *дерева поѣсть* * отъ Турокъ, но разбойниками люди эти не стали.... И офицеръ котораго онъ въ грязь столкнулъ отличный былъ человѣкъ, доброй души и вовсе не тиранъ. Поэтому передай Салаяни, черезъ кого знаешь, что я для него не сдѣлаю ничего!"

Въ концѣ письма г. Ламприди еще разъ звалъ Алкивіада въ гости къ себѣ въ Рапезу, *поѣсть нашъ хлѣбъ* и посмотрѣть какъ мы, *люди старинные и ржавые, живемъ въ Османли-Девлетѣ.*

Хотя Алкивіаду уже не хотѣлось писать къ Астропидесу, но дѣлать было нечего; онъ желалъ сдержать слово, и далъ знать черезъ него разбойнику (не называя его по имени на бумагѣ, а просто *тому молодцу*) что сдѣлать для него *никто ничего не можетъ.*

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого, простясь съ отцомъ, Алкивіадъ сѣлъ на пароходъ и поѣхалъ въ Эпиръ.

V.

Алкивіадъ вышелъ на турецкій берегъ впервые въ Превезѣ.... Въ этомъ городѣ у него былъ знакомый докторъ, родомъ Кефалонитъ. Онъ его зналъ еще холостымъ въ Корфу, встрѣчался съ нимъ и въ Аѳинахъ.

Докторъ былъ человѣкъ образованный, умный, очень живой и страстный риторъ. Алкивіадъ уважалъ его и очень былъ радъ встрѣтить его въ Превезѣ. Докторъ былъ пред-

* *Дерева поѣсть*—отвѣдать палокъ, побоевъ попробовать.

упрежденъ о пріѣздѣ Алкивіада, но самъ не могъ поспѣть ему на встрѣчу и выслалъ вмѣсто себя на пристань двухъ слугъ, чтобъ они проводили Алкивіада до его дома и принесли бы его вещи.

Алкивіадъ прошелъ съ ними около крѣпости, на которой развѣвался кроваваго цвѣта флагъ съ бѣлымъ полумѣсяцемъ.

Первыя впечатлѣнія молодаго Эллина не были сначала грустныя; любопытство долго заглушало въ немъ волли патріотическаго чувства....

Городокъ имѣлъ видъ мирный и пріятный. Бѣлые домики его весело стояли въ зелени; апельсинные сады и широкія оливковыя рощи проливали кроткую тѣнь на окрестность. Народъ казался бодръ и опрятенъ: одѣтъ онъ былъ въ фустанеллы, точно такъ же какъ и въ свободной Акарнаніи.... Алкивіаду даже понравились почтенные Турки-хаджи въ бѣлыхъ чалмахъ.

Одинъ изъ слугъ сопровождавшихъ его былъ очень разговорчивъ. Онъ сказалъ Алкивіаду что онъ не слуга доктора, а слуга г. Парасхо, изъ Рапезы, другаго дальняго родственника Алкивіада; что г. Парасхо и киръ-Христаки Ламприди нарочно выслали его въ Превезу, на встрѣчу гостя. Сказалъ еще что его зовутъ Тодори-Суліотъ, изъ деревни Грацана, и что у него есть для дороги хорошее оружіе. Алкивіадъ уговорилъ его идти съ собой рядомъ, и Тодори объяснялъ и показывалъ ему дорогой все что̀ онъ желалъ знать.

На базарѣ, гдѣ было больше народа, путника непріятно поразилъ одинъ случай... Ихъ обогналъ сперва высокій, вооруженный и суровый паликаръ, а за паликаромъ шелъ очень гордо невзрачный, сморщенный и дурно одѣтый Европеецъ въ форменной фуражкѣ... Тодори сказалъ ему что это одинъ изъ западныхъ консуловъ. „Недавно онъ торговалъ піявками и то секретно, потому что въ Турціи всѣ піявки царскія; а теперь вотъ большой человѣкъ сталъ и консулъ!“ Такъ сказалъ Тодори....

Алкивіадъ видѣлъ что на базарѣ всѣ привставали и кланялись, когда консулъ проходилъ мимо; видѣлъ какъ небрежно и гордо отвѣчалъ жалкій Европеецъ на поклоны эти.... Видѣлъ и худшее.... Сперва одинъ солдатъ турецкій и потомъ одинъ Грекъ, продавецъ сластей, не успѣли посторониться съ узкаго тротуара. Кавасъ консульскій столкнулъ ихъ обоихъ внизъ такъ сильно и грубо что солдатъ едва устоялъ на ногахъ,

а у Грека упалъ лотокъ, и всѣ конфеты разсыпались по грязи. Могло ли это понравиться сыну свободной Греціи? Почтеніе которое обнаруживалъ народъ предъ вчерашнимъ продавцомъ піявокъ показалось ему отвратительнымъ низкопоклонствомъ.... вѣковою привычкой рабства.

Грубое образованіе, казалось, еще больше возмутило и удивило его.

Южный округъ Эпира славится удальствомъ, и многіе изъ этихъ же самыхъ людей, которые такъ покорно выносятъ толчки, завтра способны снова, какъ въ 21 году или во времена Гриваса, залечь за камни съ ружьемъ или гнать мусульманъ съ обнаженными ятаганами по горамъ до самыхъ воротъ города!

Докторъ встрѣтилъ его на порогѣ своего дома и они обнялись. Докторша сама подала ему варенье съ водой и кофе, спросила его о здоровьѣ отца и всѣхъ другихъ родныхъ его, которыхъ она никогда не видала и, исполнивъ этотъ долгъ, удалилась въ уголъ и сѣла тамъ, не мѣшаясь болѣе въ разговоръ...

За то самъ хозяинъ былъ многорѣчивъ, и слогъ его рѣчей былъ по старому возвышенъ.

— Итакъ, сказалъ онъ Алкивіаду,—вы рѣшились взглянуть на этотъ рабскій край?—Вы хотите попрать стопами свободнаго Эллина землю вѣковой неволи? Хорошо. — Прекрасная мысль! Вы посѣтите, я не усомнюсь, славную Пету, гдѣ покоятся кости фил-эллиновъ. Вы бросите, конечно, вашъ взоръ и на развалины Никополя, на полуразрушенную баню, которую иные зовутъ баней Клеопатры. Обзоръ этихъ развалинъ поучителенъ не только въ одномъ археологическомъ отношеніи. Онъ пробуждаетъ въ насъ глубокія размышленія о непрочности всего земнаго, о паденіи великихъ царствъ, и унылое сердце Грека, страдающаго подъ ненавистнымъ игомъ звѣрей принявшихъ человѣческій образъ, раскрывается для новыхъ надеждъ....

— Это правда. Я посмотрю все это, отвѣчалъ Алкивіадъ.— Скажите мнѣ, однако, какъ вы живете здѣсь....

— Какъ живемъ? отвѣчалъ докторъ съ улыбкой.—Какъ живутъ варвары? Можетъ ли человѣкъ какъ слѣдуетъ просвѣщенный ожидать чего-либо отъ страны въ которой бѣдность, рабство и невѣжество составили между собою союзъ, побѣдимый только огнемъ и мечомъ!

— Турки, какъ слышно, дѣлаютъ успѣхи; просвѣщаются и стараются привлечь къ себѣ населеніе. Правда ли это? спросилъ Алкивіадъ.

Докторъ презрительно усмѣхнулся.

— Коранъ и прогресъ такъ же примиримы какъ огонь и вода! воскликнулъ онъ.

— Не обманываемъ ли мы сами себя? спросилъ Алкивіадъ.— Знать истину про себя, мнѣ кажется, выгоднѣе чѣмъ обольщаться.... Аравитяне доказали что Коранъ и просвѣщеніе совмѣстимы. Не слѣдуетъ ли бояться чтобы Турки не пошли по ихъ сдѣламъ?

— Ба! воскликнулъ докторъ:—можно ли Аравитянъ сравнивать съ Турками? Турки слишкомъ просты. Я приведу вамъ одинъ недавній примѣръ турецкой глупости. Года два тому назадъ Превезу посѣтилъ Австрійскій императоръ. Я разкажу вамъ въ мельчайшихъ подробностяхъ объ этомъ событіи.

Здѣсь докторъ долженъ былъ остановиться, потому что въ столовой накрытъ уже былъ обѣдъ, и молодой гость его признавался самъ что онъ очень голоденъ.

VI.

Обѣдъ доктора былъ хорошъ. Густой рисовый супъ съ лимономъ и яичнымъ желткомъ „авгò-лéмоно", любимый на Востокѣ; слоеный пирогъ съ начинкой изъ шпината; индѣйка начиненная изюмомъ и миндалемъ и пилавъ съ кислымъ молокомъ.

Докторша не принимала, попрежнему, участія въ разговорѣ; она, безпрестанно вставая изъ-за стола, занималась хозяйствомъ и угощала Алкивіада такъ навязчиво что мужъ наконецъ сурово замѣтилъ ей:

— Перестань безпокоить человѣка. Есть предѣлы самому гостепріимству! Это становится пыткой, сударыня! А васъ киръ-Алкивіадъ я прошу извинить нашу эпиротскую простоту; моя госпожа женщина древняя.... не по лѣтамъ, а по обычаю.

— Мы такъ пріучены! скромно присовокупила докторша и тоже извинилась.

Алкивіаду, который привыкъ къ свободѣ женской въ Аѳинахъ и Корфу, не понравились ни суровость мужа, ни лице-

мѣрная стыдливость жены, и онъ попросилъ своего хозяина разказать о пріѣздѣ Австрійскаго императора.

— Съ удовольствіемъ! воскликнулъ докторъ. — Я разкажу вамъ это подробно. Однажды, раннимъ утромъ, лѣтомъ 67 года, вошелъ въ нашу гавань военный пароходъ подъ австрійскимъ флагомъ. Австрійскій консулъ, бывшій здѣсь тогда, человѣкъ пожилой и простой, вышелъ изъ дома своего въ халатѣ и туфляхъ, и такъ какъ жилище его было на берегу моря, то онъ скоро увидалъ что отъ парохода отдѣлилась шлюпка съ простымъ флагомъ, полная офицеровъ. Консулъ, полагая что это простые соотечественники его, началъ кричать имъ: „Добро пожаловать!" и манить ихъ рукой. Шлюпка остановилась предъ самымъ домомъ его. Первый выскочилъ изъ нее офицеръ среднихъ лѣтъ, и консулъ хотѣлъ рекомендоваться ему и пожать руку, какъ вдругъ слѣдующій офицеръ сказалъ ему: „Это его величество!" Бѣдный консулъ до того растерялся что пошатнулся и упалъ бы навзничь, еслибы самъ императоръ не поддержалъ его. Мало-по-малу онъ пришелъ въ себя; переодѣлся, принялъ государя у себя въ домѣ и угощалъ его по здѣшнему, вареньемъ и кофеемъ. Отдохнувши, императоръ приказалъ нанять простыхъ лошадей изъ хановъ, для поѣздки инкогнито на развалины Никополя, прежде чѣмъ турецкія власти узнаютъ о его прибытіи. Онъ захотѣлъ однако на минуту зайти и въ крѣпость, которая, какъ вы видѣли, защищаетъ бухту. И вотъ тутъ-то вы увидите каково просвѣщеніе Турціи. Полковникъ который начальствовалъ артиллеріей въ этой крѣпости узналъ что императоръ уже взошелъ въ ворота; онъ выбѣжалъ какъ былъ, разстегнутый, безъ галстука, въ старомъ мундирѣ, и кланяясь императору, воскликнулъ: „Такъ-то ты пріѣзжаешь къ намъ не подавши вѣсти впередъ! Обманулъ ты насъ. Хорошо! Постойте и мы къ вамъ въ Вѣну когда-нибудь такъ придемъ! Увидишь!"

— Это не столько глупость, сколько честное простодушіе военнаго, отвѣчалъ съ улыбкой Алкивіадъ. — Что жь было дальше? Какое впечатлѣніе произвело это на нашъ народъ?

— Никакого, отвѣчалъ докторъ.—На базарѣ, конечно, любопытство пробудилось во многихъ, но одно лишь любопытство. Многіе жаловались что имъ помѣшали въ этотъ день торговать спокойно. Совсѣмъ иное дѣло было когда недавно еще прошелъ ложный слухъ о томъ что на русскомъ парохо-

дѣ ѣдетъ къ намъ изъ Корфу Великій Князь Константинъ. Тогда бы вы могли полюбоваться на стеченіе народа, на восторгъ этой толпы.

— Это грустно, сказалъ Алкивіадъ. — Славяне и панславизмъ—самые опасные враги наши.

— Я говорю не о Славянахъ, а о Россіи; о великой державной Россіи, которой каждый шагъ на Востокѣ былъ ознаменованъ облегченіемъ нашей участи! отвѣчалъ докторъ съ жаромъ. — Если вы подъ Славянами разумѣете именно Русскихъ, то я вамъ долженъ сказать съ величайшимъ, глубокимъ сожалѣніемъ что я съ мнѣніемъ вашимъ согласиться не могу! Мы всѣ привыкли чтить этотъ флагъ.

— Въ политическихъ мнѣніяхъ, возразилъ Алкивіадъ:—безусловно должно быть одно — любовь къ отчизнѣ; остальное должно измѣняться по обстоятельствамъ.

— Подите измѣните взглядъ нашихъ простыхъ людей, воскликнулъ докторъ. Разговоръ этотъ скоро прекратился, однако, потому что докторъ предложилъ Алкивіаду свести его въ Порту и представить мутесарифу. Онъ говорилъ что это будетъ одинаково полезно для нихъ обоихъ. Посѣщеніе это, въ которомъ Алкивіадъ долженъ стараться быть почтительнымъ и понравиться пашѣ, произведетъ хорошее впечатлѣніе. Оно будетъ значить что человѣкъ и не скрывается и уважаетъ мѣстную власть.

Алкивіадъ согласился охотно на это предложеніе, и докторъ послалъ слугу своего къ пашѣ спросить: „въ которомъ часу угодно будетъ его превосходительству принять ихъ?“

Слуга возвратился скоро и сказалъ:

— Когда вамъ угодно; хоть сейчасъ же!

Докторъ и Алкивіадъ собрались идти. Желая угодить мутесарифу, Алкивіадъ спросилъ не лучше ли надѣть фракъ? Но докторъ осмѣялъ его, утверждая что паша человѣкъ старинный, фракомъ его не плѣнишь, и что длинное пальто, которое было на Алкивіадѣ, понравится ему гораздо болѣе, какъ одежда дающая вѣсъ и солидность.

Они пошли.

Мутесарифъ былъ родомъ изъ дальняго Берата, изъ *большаго Албанскаго очага*. Докторъ предупредилъ Алкивіада что онъ встаетъ съ дивана только для другихъ пашей, для консуловъ, и для духовныхъ сановниковъ: для архіерея, для кади или для еврейскаго хахана. И потому молодой Грекъ безъ

званія и положенія въ странѣ оскорбляться этою гордостью не долженъ.

Изетъ-паша точно не всталъ съ дивана; но принялъ ихъ довольно привѣтливо, и ударивъ въ ладоши, на дурномъ греческомъ языкѣ приказалъ принести имъ папиросъ и кофе.

— Надолго ли въ наши страны? спросилъ онъ Алкивіада.

Алкивіадъ сказалъ что и самъ не знаетъ, что онъ желаетъ только повидаться съ родными.... Мутесарифъ похвалилъ его за это: похвалилъ его рапезскихъ родныхъ, особенно дядю старика Ламприди.

Почтенный человѣкъ! сказалъ онъ.—Стариннаго, большаго дома! Падишахъ его недавно капуджи-баши сдѣлалъ! И вся семья его почтенная, честная и хорошая. Старинная семья!

Но этотъ разговоръ пріостановился, потому что пашѣ подали телеграмму на турецкомъ языкѣ.

— Эй, море́; закричалъ онъ сердито,—гдѣ мои очки.

Слуга надѣлъ ему очки.

Изетъ-паша долго смотрѣлъ на телеграмму, качая головой, и наконецъ воскликнулъ:

— Скажите! не четвероногое этотъ телеграфъ? Такъ мерзко пишетъ! Позовите кетиба. * Молодой кетибъ вошелъ въ модной короткой жакеткѣ и фескѣ и почтительно сталъ предъ пашей.

Паша сурово приказалъ ему прочесть телеграмму про себя. „Разобралъ?“ спросилъ онъ.

Писарь сказалъ что разобралъ. „Дай мнѣ.“ Опять надѣлъ очки, опять смотрѣлъ угрюмо и еще разъ осыпалъ проклятіями телеграфъ.

— Что̀ жь онъ пишетъ?

— Пишетъ, сказалъ молодой писецъ:—что изъ Эллады опять перешелъ границу разбойникъ Салаяни, какъ видно отъ преслѣдованія греческихъ войскъ.

— Хорошо! они преслѣдуютъ, а мы убьемъ его! сказалъ паша, и потомъ, снова обращаясь къ писцу, спросилъ у него: „какая это на тебѣ одежда?“

— Одежда моды, смиренно кланяясь, отвѣтилъ писецъ.

— Одежда моды? грозно воскликнулъ Изетъ-паша. — И ты смѣешь являться предо мной въ этой обезьяньей одеждѣ?

* *Кетибъ* (по-турецки) писецъ.

Развѣ не имѣешь ты низамскаго сюртука, который назначенъ для службы? Европа, Франки свели васъ съ ума?

— Я къ Вали-пашѣ такъ ходилъ, паша эффендимъ, извините меня! дрожа оправдывался лисецъ.

— Вали-паша не выгналъ тебя по великой добротѣ своей, а не по закону. Ты *меймуръ* * и долженъ знать и *меймурликъ* свой.—Иди вонъ!...

Когда лисецъ, смущенный и растерянный, оставилъ комнату, Изетъ-паша обратился къ гостямъ своимъ и сказалъ имъ:

— Это они считаютъ политичностью и образованіемъ. Эта мода гибель для всѣхъ насъ.

— Вы говорите истинную правду! паша-эффенди, воскликнулъ докторъ.—Мода всѣхъ насъ, восточныхъ людей, сводитъ съ ума, и мы отъ Европы принимаемъ лишь одно дурное, развратъ и роскошь!...

Съ этими словами докторъ хотѣлъ встать и проститься, но Изетъ-паша удержалъ ихъ, говоря что дѣлъ спѣшныхъ теперь нѣтъ и онъ радъ побесѣдовать. Онъ велѣлъ подать еще кофе и сигары, себѣ спросилъ чубукъ и повеселѣлъ.

Онъ много разспрашивалъ Алкивіада про Аѳины и Грецію,—жаловался на разбои въ обѣихъ пограничныхъ странахъ и сказалъ наконецъ нѣчто такое что̀ вызвало со стороны Алкивіада немного живой отвѣтъ.

— У васъ держится разбой, сказалъ паша.—Когда бы мы жили всегда въ согласіи и дружбѣ, какъ добрые сосѣди, такъ этому худу давно бы положили конецъ....

— Ваше превосходительство, извините меня, сухо возразилъ Алкивіадъ:—если я не соглашусь съ этимъ. Правительство наше конституціонное и по этому одному иногда не можетъ такъ легко и скоро наносить удары безпорядку, какъ могло бы правительство самодержавное какъ ваше; еслибы.... обстоятельства, которыхъ я не знаю и не сужу, не противились бы этому.

— Что̀ онъ говоритъ? спросилъ Изетъ-паша у доктора:—онъ говоритъ ужь слишкомъ по-эллински, и я такихъ высокихъ словъ не понимаю.

— Онъ надѣется, сказалъ докторъ по-албански:—что такое могущественное, самодержавное правительство, какъ прави-

* *Меймуръ, меймурликъ* (по-турецки) чиновникъ, чиновничество.

тельство султана, скорѣе эллинскаго достигнетъ этой цѣли, и не хвалитъ конституцію.

Паша подозрительно поглядѣлъ на доктора и сказалъ:

— Это правда. Это онъ хорошо говоритъ. — Я стариннаго эллинскаго языка не знаю. Но люди которые знаютъ его хвалятъ и говорятъ что въ немъ много премудрости и сладости!

Докторъ перевелъ полу-албанскую, полу-греческую, полу-турецкую рѣчь паши своему спутнику, и они простились съ пашей.

Паша сказалъ Алкивіаду чтобъ онъ не уѣзжалъ въ Рапезу не простившись съ нимъ, что онъ хочетъ еще поговорить съ нимъ и дать о немъ похвальное письмо рапезанскому каймакаму, „чтобы тотъ *на него хорошо смотрѣлъ.*“

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПАРИЖЪ И ПАРИЖАНЕ

ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ

Francisque Sarcey. *Le Siége de Paris. Impressions et souvenirs.* Paris, Lachaud, 1871.

Съ тѣхъ поръ какъ громадная армія германскихъ завоевателей обвила Парижъ желѣзнымъ кольцомъ и до дня капитуляціи великаго города, образованная публика всѣхъ частей свѣта ежедневно съ лихорадочнымъ вниманіемъ прочитывала цѣлые столбцы, цѣлые десятки столбцовъ объ осадѣ, объ ея разныхъ фазахъ, о колебавшихся успѣхахъ нападенія и обороны. Однѣ громадныя корреспонденціи англійскихъ газетъ, правда, самыя подробныя изъ всѣхъ, могли бы, собранныя въ отдѣльныхъ томахъ, * составить маленькую библіотеку; обширные отчеты печатались также въ нѣкоторыхъ изъ бельгійскихъ и нѣмецкихъ газетъ; словомъ, матеріала для чтенія было слишкомъ довольно, и одному человѣку нельзя и думать было ежедневно осиливать этотъ матеріалъ. Повидимому изъ столькихъ источниковъ не трудно было себѣ составить не только подробную, но и вѣрную картину хода дѣлъ, и дѣйствительно обо всемъ томъ что̀ дѣлалось вокругъ осады и фортовъ свѣдѣнія (если исключить военныя тайны штабовъ) имѣ-

* Какъ извѣстно многія изъ нихъ дѣйствительно вышли отдѣльными изданіями. Сюда между прочимъ принадлежатъ корреспонденціи газетъ *Times*, *Daily News* и *Standard*.

лись въ изобиліи. Но что въ это время происходило внутри? И объ этомъ имѣлись свѣдѣнія: они приходили то въ ту то въ другую французскую провинцію по воздушной почтѣ, а оттуда разсылались телеграфомъ и печатью во всѣ концы свѣта. Но конечно это неудобное и опасное сообщеніе не могло доставлять извѣстій особенно многочисленныхъ и полныхъ. Внутренній бытъ великаго города, этого избалованнаго любимца праздныхъ и любопытныхъ иностранцевъ, этого недавняго центра изящныхъ удовольствій и сказочной роскоши, внезапно превратившагося въ суровую твердыню защищавшуюся и терпѣвшую лишенія съ непоколебимою твердостью, этотъ внутренній бытъ, говоримъ мы, все-таки оставался какъ бы подернутъ полупрозрачною завѣсой. Какъ жили люди въ этомъ городѣ, столь быстро претерпѣвшемъ полнѣйшую метаморфозу? Какъ въ этомъ небываломъ и неожиданномъ положеніи устроили они свою внѣшнюю обстановку? Какъ сносили и какими средствами облегчали они свои страданія? Какое душевное настроеніе господствовало въ ихъ средѣ, и какъ отражались на немъ различные фазисы борьбы?

Отвѣтъ на эти вопросы пытается дать книжка Франциска Сарсе, заглавіе которой мы выписали выше. Книжка эта, на послѣдней своей страницѣ, помѣчена 12мъ февраля 1871 года: она, какъ видно по многимъ мѣстамъ ея, писалась постепенно во время осады и вѣроятно была окончена приблизительно въ одно время съ періодомъ описанію котораго она посвящена. Экземпляръ находящійся предъ нами принадлежитъ *семнадцатому* изданію. Итакъ успѣхъ ея былъ огромный, что весьма законно и легко объяснимо. Авторъ *Осады Парижа* съумѣлъ чрезвычайно вѣрно поставить и удачно разрѣшить свою задачу. Откинувъ всякую претензію на полноту политической или военной исторіи и признаваясь въ своемъ невѣдѣніи военной науки, онъ взялся описать лишь внутренній, такъ-сказать домашній бытъ великаго города во время его блокады и бомбардировки, и описаніе его вышло полнымъ жизни, движенія и колорита, такъ что внушаетъ къ себѣ невольное довѣріе. Г. Сарсе обладаетъ не только наблюдательнымъ взоромъ, но и тою трезвостью убѣжденій и свободой отъ фразы, которая такъ рѣдка въ его даровитомъ народѣ: правда что страшныя испытанія которымъ подверглась Франція въ теченіи изображаемаго имъ времени должны были хоть нѣсколько пріучить

ее къ трезвой правдѣ и отучить отъ фразы. Въ *Осадѣ Парижа* весьма пріятно встрѣтить простой и откровенный тонъ, лишенный хвастливаго самоувеличенія, хотя исполненный самой горячей любви къ отечеству. Патріотизмъ не заставляетъ г. Сарсе называть пораженія Французовъ побѣдами, а разстроенныя спасавшіяся войска ихъ могучими и грозными арміями. Съ горестнымъ чувствомъ изображаетъ онъ недуги снѣдающіе его отечество и его городъ и подготовившіе торжество Нѣмцевъ; съ улыбкой снисхожденія, иногда съ тонкой усмѣшкой передаетъ онъ дѣтскія увлеченія и эксцентричности которыя во время войны изобиловали въ легкомысленной столицѣ; безъ риторики, но правдиво и трогательно рисуетъ онъ картину лишеній и бѣдствій, ознаменовавшихъ собой послѣднее время осады. Теплота чувства, впечатлительность и перемѣнчивость которыя авторъ считаетъ выдающимися качествами Парижанъ, господствуютъ и въ самой книгѣ посвященной ихъ страданіямъ: съ разными фазами осады, съ появленіями и исчезновеніями надежды, занесенными авторомъ въ свою хронику, измѣняется и самый тонъ, и самый духъ ея, быстро переходя отъ беззаботно-веселыхъ шутокъ и остротъ къ мрачному и отчаянному паѳосу. Въ книгѣ г. Сарсе не только видишь предъ собою Парижъ, но и чувствуешь перо Парижанина. Авторъ о своемъ предметѣ говоритъ съ тою легкостью которая дается только полнымъ знакомствомъ съ нимъ, а въ то же время и съ тѣмъ сочувствіемъ которое возможно питать только къ близкому, родному. Чувствуется что онъ всѣми фибрами своего существа связанъ съ городомъ борьбу и страданіе котораго онъ взялся описать. Такіе лѣтописцы, какъ г. Сарсе, особенно способны внушать къ себѣ довѣріе и симпатію. Они любятъ свой предметъ, но не ослѣплены имъ: они равно свободны отъ односторонностей сатиры и панегирика. Успѣху ихъ еще помогаетъ живость и выпуклость изображенія, безыскусственная и талантливая форма, а этими качествами г. Сарсе обладаетъ въ значительной степени. При всей легкости ея формы и свободѣ отъ высокихъ претензій, *Осада Парижа* однако же способна внушить серіозный интересъ, и вотъ почему мы рѣшились въ предлагаемомъ ниже очеркѣ представить извлеченіе изъ этой книги, въ которомъ мы постарались сохранить все то что̀ характеризуетъ великій городъ и его великую борьбу.

I.

Война, какъ извѣстно, была объявлена 19 іюля 1870 года. Дня три или четыре спустя, автору случилось обѣдать въ довольно многочисленномъ обществѣ. Разговоръ, разумѣется, шелъ о войнѣ, и разумѣется также каждый изъ говорившихъ смотрѣлъ на исходъ ея съ самыми розовыми надеждами. Каково же было изумленіе и негодованіе этой компаніи, когда одинъ изъ обѣдавшихъ, который до тѣхъ поръ все время молчалъ, вдругъ произнесъ печальнымъ голосомъ: „Господа, я хорошо знаю Германію; я тамъ жилъ годы; мнѣ знакомы и ея силы и наши. Бьюсь объ закладъ что не пройдетъ и двухъ мѣсяцевъ, какъ вооруженные Прусаки будутъ подъ стѣнами Парижа.“ Всѣ слушавшіе эту болѣе чѣмъ странную рѣчь накинулись на ея автора. Ему пришлось даже услышать названіе *прусскаго шпіона*. Дѣло въ томъ что никому изъ Парижанъ до той поры не приходило въ голову чтобъ ихъ городъ могъ дожить до осады. Правда, объ осадѣ непрерывно говорили форты, высившіеся со всѣхъ сторонъ: но Парижане давно пріучились смотрѣть на эти длинные валы, покрытые свѣжей и сочной травой, какъ на цѣли загородныхъ прогулокъ. Бастіоны, со своими всегда молчаливыми орудіями, смотрѣли безвредными часовыми, для парада приставленными къ какому-нибудь дворцу. Къ тому же Парижъ для Парижанъ былъ священный городъ, *пупъ земли*, и дотронуться до него было святотатство, такое чудовищное святотатство что казалось ни одинъ народъ не былъ на него способенъ. Берлинъ — совсѣмъ другое дѣло. Парижане находили весьма естественнымъ торжественное вступленіе французскихъ войскъ въ Берлинъ, послѣ трехъ-четырехъ славныхъ битвъ... Эмиль де-Жирарденъ написалъ статью которая по крайней мѣрѣ съ недѣлю пользовалась знаменитостью и гласила что Французамъ надлежитъ проводить „этихъ Вандаловъ“ *ударами прикладовъ въ спину* обратно до Берлина. На улицахъ Парижа раздавались гимны: *Марсельеза*, *Mourir pour la Patrie*, *la Victoire en chantant nous ouvre la barrière*, *la Casquette au père Bugeaud*, однимъ словомъ, всѣ извѣстныя патріотическія пѣсни. Марсельеза сдѣлалась постояннымъ нумеромъ всѣхъ театральныхъ программъ, хотя и не стояла на афишѣ. Первое

изъ подобныхъ исполненій ея носило отпечатокъ грандіозности. Дѣло происходило въ *Большой Оперѣ*. Давали *Фенеллу*. Патріотическій дуэтъ третьяго дѣйствія: „Amour sacré de la Patrie“, въ высшей степени возбудилъ настроеніе къ которому вся публика и безъ того была приготовлена событіями послѣднихъ дней. Когда занавѣсъ упалъ, весь театръ отъ оркестра до райка загремѣлъ кликами: „la Marseillaise!“ Гимнъ начался: вдругъ раздалось повелительное: „Debout!“ (вставать!). Всѣ узнали голосъ Эмиля де-Жирардена. Вся публика поднялась. Многіе мущины плакали. Съ тѣхъ поръ церемонія эта во всѣхъ театрахъ повторялась по этому образцу: всегда публика слушала патріотическій гимнъ *стоя*, и ритурнель хоромъ пѣла сама. На улицахъ, на бульварахъ только и слышались выраженія: наша непобѣдимая армія! наши храбрые солдаты! наши старые африканскіе генералы! Была горсть хладнокровныхъ людей, не увлеченныхъ воинственнымъ пыломъ, не поддававшихся общему шовинизму, но они благоразумно молчали: въ эти дни не такъ-то безопасно было завести рѣчь о шансахъ неудачи или о могуществѣ непріятеля.

Однако же побѣдные бюллетени нѣсколько заставляли себя ждать. Воинственная лихорадка Парижанъ все усиливалась отъ 19го іюля (нов. ст.) до первыхъ чиселъ августа; но къ концу этого періода къ ней уже примѣшалось нѣкоторое нетерпѣніе и недоумѣніе: „Вотъ“ говорилось, „уже двѣ недѣли какъ война объявлена, а мы еще не дошли до Майнца! О чемъ же думаютъ наши старые африканскіе генералы, и наши старые солдаты, и наша непобѣдимая армія?“

Въ это время было продано невообразимое множество картъ—разумѣется Германіи: на что могла понадобиться карта Франціи? Парижане обыкновенно такимъ образомъ участвовали въ лишеніяхъ и подвигахъ кампаніи: купятъ карту и начнутъ втыкать въ нее длинныя булавки съ трехцвѣтными знаменами. Воткнутъ напримѣръ булавку въ Триръ или въ Кёльнъ: это значитъ что непобѣдимая армія взяла Триръ или Кёльнъ. Бывали и горячіе люди которые прямо водружали трехцвѣтное знамя на черномъ пятнышкѣ означавшемъ Берлинъ. Эти операціи на картѣ такъ убѣдили парижскаго буржуа въ легкости завоеваній что въ первыхъ числахъ августа самолюбіе его уже было раздражено отсутствіемъ вѣстей о побѣдахъ. Знаменитая императорская депеша о дѣлѣ при Саарбрюкенѣ нѣсколько успокоила этотъ первый голодъ.

Но два дня спустя по городу прошелъ слухъ о большой побѣдѣ. Цѣлое населеніе пришло въ какое-то радостное изступленіе. Всѣ бѣгали, спѣшили не зная куда; люди незнакомые между собой со слезами обнимались и цѣловались. На площади Биржи толпа узнала г-жу Гемаръ, и потребовала у нея *Марсельезы*. Она могучимъ своимъ голосомъ запѣла завѣтный гимнъ, и пятьдесятъ тысячъ человѣкъ дружнымъ хоромъ подхватили ритурнель. Всѣ дома, словно волшебствомъ, покрылись знаменами: это былъ какой-то бѣшеный восторгъ.

Но часъ спустя, пронеслась вѣсть что это была ложь. Толпа кинулась къ министерству и къ журнальнымъ редакціямъ. Слухъ дѣйствительно оказался ложнымъ. Отъ крайностей ликованія толпа внезапно перешла къ крайностямъ гнѣва. Попадись ей министры, она бы ихъ растерзала. Но и этотъ взрывъ ожесточенія пронесся, и по обыкновенію разрѣшился шутками и остротами. На слѣдующій день уже никто не хотѣлъ сознаваться что повѣрилъ вчерашней уткѣ. Всякій вдругъ сдѣлался умникомъ; всякій говорилъ: „вотъ видите? „вѣдь неправда? а я-то что̀ сказалъ?“

Вскорѣ впрочемъ стало не до хвастовства собственною проницательностью. Виссанбуръ, Шпихернъ, Вёртъ — этотъ рядъ тяжкихъ и частыхъ ударовъ открылъ глаза самымъ ослѣпленнымъ оптимистамъ. Мечты о завоеваніяхъ прошли: близилось непріятельское нашествіе. Тутъ впервые вспомнили объ укрѣпленіяхъ Парижа: вѣдь могла и до нихъ дойти очередь. Тутъ же поднялся вопросъ объ изгнаніи Нѣмцевъ. Впрочемъ то и другое дало пищу возбужденнымъ умамъ не болѣе какъ на нѣсколько дней. Ученые экономисты, и во главѣ ихъ г. Мишель Шевалье въ *Revue des deux Mondes*, принялись доказывать что изгнать Нѣмцевъ было бы величайшею глупостью, и что ихъ промышленность и торговля обогащала не только ихъ, но вмѣстѣ съ ними и Францію. Что̀ до укрѣпленій, то журналисты начали сыпать статьями въ которыхъ доказывалось что обложить Парижъ возможно развѣ только арміи въ полтора милліона человѣкъ, и что осажденный городъ у котораго непріятель безсиленъ пресѣчь сообщеніе со страной и средства къ возобновленію провіанта не можетъ быть взятъ иначе какъ штурмомъ. За словомъ *штурмъ* упоминалось о четырехстахъ тысячъ національгардовъ, которые выростутъ изъ земли, какъ скоро начальство топнетъ ногой.... Печать какъ будто бы ус-

ловилась лгать взапуски. Среди ежедневнаго концерта хвастливыхъ выдумокъ появился Эдмондъ Абу и въ газетѣ *Soir* чистосердечно описалъ все видѣнное имъ. Онъ описалъ какъ бѣжали полки Макъ-Магона, какъ зуавы бросали оружіе, напивались и грабили, какъ генералы потеряли головы, какъ сотни километровъ французской земли были безъ бою отданы непріятелю, когда довольно было пятисотъ человѣкъ стойкихъ и рѣшительныхъ чтобы защитить горные проходы противъ цѣлой арміи. И Абу за свою правдивость попалъ въ Пруссаки. Если онъ говорилъ правду, то нельзя было ее выдавать предъ Европой. Да кромѣ того это и не могло быть правдой: какъ допустить чтобы герои Альмы и Сольферино съ позоромъ бѣжали предъ какими-нибудь Гуннами? Розказни журналовъ продолжались прежнимъ порядкомъ. У автора былъ пріятель изъ скептиковъ которому особенное наслажденіе доставляло наивное легковѣріе парижскихъ буржуа. Онъ каждый день выдумывалъ что-нибудь неслыханное: колоссальнѣйшее бѣдствіе постигшее прусскую армію или баснословную побѣду одержанную Французами, и каждый день находилъ вполнѣ довѣрчивыхъ слушателей. Въ одинъ прекрасный день, отливая пули съ нѣсколькими знакомыми на бульварѣ, онъ зашелъ дальше обыкновеннаго. Тогда одинъ изъ слушателей обратился къ автору съ такимъ признаніемъ: „я и самъ знаю что во всемъ этомъ нѣтъ ни словечка правды; но все равно, это такъ пріятно слышать!"

Слушать сказки дѣйствительно было пріятно, но ужь за то совсѣмъ непріятно было смотрѣть на дѣйствительность. Въ это время Макъ-Магонъ собиралъ новую армію въ Шалонѣ, и ему изъ Парижа высылали мобилей, полкъ за полкомъ. Видъ этихъ мобилей не былъ утѣшителенъ. Они въ безпорядкѣ проѣзжали чрезъ Парижъ, кто въ фіакрѣ, кто на телѣгѣ, кто верхомъ; бо́льшая часть шла пѣшкомъ, кучками, безъ различія чиновъ; все это пѣло пѣсни, и многіе были пьяны. Слухи объ нихъ послѣ прибытія ихъ въ Шалонъ также были не радостные. Какъ-то разъ они чуть не сожгли лагерь; другой разъ они въ отвѣтъ генералу, говорившему имъ о чести и отечествѣ, подняли буйные крики и почти взбунтовались. Впрочемъ, въ этотъ періодъ войны Парижъ исключительно питался неопредѣленными слухами и собственными догадками: офиціальныхъ извѣстій о ходѣ дѣлъ, со времени вступленія Паликао въ управленіе дѣлами, совсѣмъ не сообщали. Му-

чительное ожиданіе, объявшее весь Парижъ, облегчилось когда стало извѣстнымъ что Макъ-Магонъ предпринялъ движеніе на сѣверъ: всѣ догадались что онъ подаетъ руку Базену. Патріоты словно вздохнули свободнѣе. Не всѣ конечно: разказываютъ что Тьеръ бросился къ ногамъ графа Паликао, умоляя его отмѣнить приказаніе. Но толпа была исполнена вѣры какъ въ многочисленность двухъ французскихъ армій, такъ и въ энергію Базена и въ геройское мужество Макъ-Магона. Въ извѣстіяхъ снова наступилъ перерывъ; воцарилось молчаніе полное ожиданія. Наконецъ третьяго сентября пролетѣла вѣсть о какомъ-то великомъ несчастіи. Слышно было что подъ Седаномъ было дано большое сраженіе, но никто не зналъ въ точности чѣмъ кончилось дѣло. Кіоски гдѣ продаются газеты были осаждены толпой покупателей; тѣ кому удалось схватить нумеръ, влѣзали на скамьи бульваровъ и читали его вслухъ. Но и тамъ попадались однѣ догадки. Въ восемь часовъ вечера авторъ отправился въ редакцію *Gaulois* спросить нѣтъ ли извѣстій. Къ удивленію своему онъ нашелъ дверь запертою; ее отворяли лишь осторожно и однимъ сотрудникамъ. Онъ вошелъ. На лицахъ всѣхъ собранныхъ былъ ужасъ; кто-то подалъ ему нумеръ бельгійской газеты, только-что привезенный однимъ изъ корреспондентовъ. Въ этой газетѣ разказывалось дѣло о седанской капитуляціи, заключенной уже двое сутокъ тому назадъ и никому въ Парижѣ неизвѣстной. Редакторъ *Gaulois* предъ приходомъ г. Сарсе уже успѣлъ побывать у префекта полиціи съ газетой въ рукѣ и съ вопросомъ, справедливо ли извѣстіе? Префектъ молча склонилъ голову. Сотрудники начали совѣщаться не слѣдовало ли тотчасъ же выпустить особое прибавленіе съ полученнымъ извѣстіемъ. Но одинъ изъ нихъ замѣтилъ что при возбужденномъ состояніи умовъ ничто не могло быть опаснѣе, и что толпа могла разрушить и сжечь контору и типографію. *Gaulois* воздержался, но слухъ распространился помимо его. На слѣдующій день въ Парижѣ была республика.

День 4го сентября былъ воскресенье. Стояла великолѣпнѣйшая осенняя погода. Весь Парижъ собрался на бульварахъ. На лицахъ этой громадной массы людей не оставалось слѣда ихъ вчерашняго отчаянія, ихъ вчерашней злобы. Казалось, провозглашеніе республики для каждаго Парижанина въ отдѣльности было праздникомъ. По мостовой поминутно проходили баталіоны національной гвардіи. Они пѣли пѣсни и отъ

времени до времени прерывали свое пѣніе чтобы прокричать: *да здравствуетъ республика!* И оглушительные крики толпы вторили имъ: *да здравствуетъ республика!* Вся эта гулявшая толпа встрѣтила республику какъ стариннаго друга котораго давно ждали и который, наконецъ, прибылъ къ общему восторгу. То не была грубая, плоская радость; то не были шумныя, буйныя демонстраціи. Это была какая-то утонченная веселость, пересыпанная поздравленіями, пожатіями руки, шутками и остротами. Повсюду виднѣлись рабочіе или національгарды которые стоя на большихъ лѣстницахъ, молотками сбивали мѣдныя буквы N, красовавшіяся на вывѣскахъ придворныхъ поставщиковъ. Около этихъ рабочихъ образовались кучки, которыя съ разрушителями обмѣнивались шутливыми выходками. Повсюду слышался смѣхъ. Кофейныя были переполнены народомъ. О Прусакахъ, о Седанѣ, о плѣнныхъ ста тысячахъ, о близкой осадѣ никто и не заикался. Авторъ слышалъ какъ одинъ рабочій, проходя, говорилъ своему товарищу: „Они не посмѣютъ придти, когда у насъ она“. *Они*—Прусаки, *она*—республика. И это опьяненіе было не у однихъ рабочихъ: самые образованные люди поддались общему увлеченію.

На слѣдующій день Парижъ узналъ составъ правительства. Президентомъ былъ единогласно выбранъ Трошю. Жюль Фавръ получилъ министерство иностранныхъ дѣлъ; Лефло—военное; адмиралъ Фуришонъ—морское; Гамбетта—внутреннихъ дѣлъ; Кремьё—юстиціи; Пикаръ—финансовъ; Жюль Симонъ—просвѣщенія; Доріанъ—общественныхъ работъ (его имя тогда было очень мало извѣстно, но ему суждено было вскорѣ пріобрѣсти большое вліяніе); Маньенъ—земледѣлія и торговли. Кромѣ того въ спискѣ членовъ кабинета красовались имена Эммануила Араго, Жюля Ферри, Гле-Бизуана, Гарнье-Пажеса, Пелльтана и Рошфора.

Изъ всѣхъ этихъ именъ лишь немногіе внушали довѣріе парижской буржуазіи. Жюль Фавра уважали; онъ пользовался славой безукоризненно честнаго человѣка, безкорыстнаго патріота и поразительно краснорѣчиваго оратора. Но общественное мнѣніе сомнѣвалось, по силамъ ли ему было такое трудное положеніе какъ порожденное седанскимъ разгромомъ. Гамбетту масса знала почти исключительно по пяти шести замѣчательнымъ рѣчамъ. Но знали что онъ былъ молодъ, дѣятеленъ, смѣлъ и въ то же время благоразуменъ;

въ немъ соединялся пылъ Француза-южанина съ тонкою хитростью Италіянца; онъ умѣлъ ладить съ буржуазіей и въ то же время сохранять значительное обаяніе въ буйныхъ кварталахъ Бельвиля, Монмартра и Менильмонтана. Однимъ словомъ, онъ былъ популяренъ. Большимъ уваженіемъ также пользовался генералъ Трошю. Не то чтобы за нимъ знали какіе-нибудь военные таланты, но онъ имѣлъ гражданское мужество написать во времена имперіи книгу въ которой обличилъ несовершенства французской военной организаціи, и какъ бы пророчески указалъ на причины будущихъ пораженій Франціи. Изданіемъ этой книги Трошю объявилъ войну маршаламъ и императору: онъ испортилъ свою карьеру и обрекъ себя *не быть ничѣмъ* при имперіи. Внезапный оборотъ судьбы, несчастія 1870 года не только доставили его книгѣ горячій интересъ, хотя мучительный для Француза, но и вмѣстѣ съ тѣмъ самого Трошю вознесли на вершину власти. Одно только нѣсколько обезпокоивало Парижанъ на его счетъ: онъ началъ съ того что разсыпался въ прокламаціяхъ и въ циркулярахъ. Онъ писалъ слишкомъ много и слишкомъ хорошо. Онъ и говорить любилъ. Молва изображала его прислоненнымъ къ камину своей гостиной и словоохотливо развивающимъ свои планы предъ толпой слушателей, которые безпрерывно смѣнялись вокругъ него. Недавній примѣръ Олливье, съ его пустозвоннымъ и высокопарнымъ витійствомъ, научилъ публику относиться недовѣрчиво къ говорунамъ.

Эти господа стояли лицомъ къ лицу съ самымъ труднымъ и тяжкимъ положеніемъ. Ихъ поддерживало бодрое настроеніе города, которому республика дала новую силу духа, новую самоувѣренность и рѣшимость: но правительству представлялись громадныя матеріальныя затрудненія; особенно угрожающій видъ имѣли два вопроса: усиленіе укрѣпленій и обезпеченіе продовольствія. Относительно послѣдняго вопроса „правительство національной обороны“ приняло дѣла изъ рукъ г. Клемана Дювернуа, на которомъ, какъ на министрѣ торговли, лежала обязанность снабженія Парижа запасами. Клеманъ Дювернуа былъ на очень дурномъ счету у либераловъ; но онъ былъ уменъ, дѣятеленъ и предпріимчивъ. При самомъ вступленіи въ должность онъ сбросилъ узы административной рутины и на лету заключилъ множество подрядовъ со всѣми крупными торговцами которые того желали. Онъ немного напоминалъ собой того гражданскаго коммиссара

который былъ посланъ Конвентомъ къ дѣйствующей арміи и который, ничего не понимая въ военномъ дѣлѣ, безпрерывно твердилъ генераламъ: „нужно дѣйствовать большими массами, давайте дѣйствовать большими массами". Благодаря этой системѣ гражданскій коммиссаръ помогъ войскамъ одержать рѣшительную побѣду. Нѣчто подобное было и съ Клеманомъ Дювернуа. Онъ не былъ знакомъ съ вопросами которые подъ давленіемъ обстоятельствъ ему приходилось рѣшать быстро. Но онъ выпутывался тѣмъ что „дѣйствовалъ большими массами". Разказывали что къ нему однажды явился одинъ изъ самыхъ крупныхъ подрядчиковъ съ предложеніемъ каменнаго угля для столицы. „Какъ же, какъ же", заговорилъ министръ, „намъ нужно много каменнаго угля. Каменный уголь—хлѣбъ промышленности".—„Какого же сорта прикажете?" спросилъ подрядчикъ. „Какого сорта?" съ недоумѣніемъ спросилъ Дювернуа. Подрядчикъ объяснилъ ему что сортовъ три, и описалъ ихъ различныя свойства. „Ну, такъ по одной трети каждаго сорта", рѣшилъ министръ. „А сколько?" Дювернуа назначилъ цифру; но подрядчикъ улыбнулся и замѣтилъ что Парижъ столько потребляетъ въ одинъ день. „Ага! Неужели?" отозвался министръ. „Ну, такъ давайте его столько сколько влѣзетъ". „Сколько влѣзетъ" сдѣлалось девизомъ Дювернуа, и оказалось что при данныхъ обстоятельствахъ этотъ девизъ былъ наилучшій. Одна изъ парижскихъ газетъ обнародовала 4го октября слѣдующія данныя, которыя затѣмъ обошли всю печать:

„Вотъ цифры показывающія громадные запасы которыми въ настоящее время обладаетъ городъ Парижъ. Въ однихъ паркахъ столицы, какъ напримѣръ, въ Булонскомъ лѣсу, въ Люксамбургскомъ саду и другихъ мы имѣемъ около 220.000 овецъ, 40.000 быковъ и 12.000 свиней. А такъ какъ ежедневное потребленіе Парижа принимается приблизительно въ 1.000 овецъ и въ 700 быковъ, то изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ что мы обладаемъ достаточными средствами чтобы спокойно выждать событія. Что касается муки, то Парижъ имѣетъ ея 300.000 центнеровъ, не считая того количества которое въ запасѣ у булочниковъ и которое можно принять въ 200.000 центнеровъ. Кромѣ того Парижъ имѣетъ отъ тридцати до сорока тысячъ центнеровъ соленаго мяса, значительное количество соленой рыбы, громадные запасы соли, 100.000 центнеровъ рису, 10.000 центнеровъ кофе, не считая того количества разныхъ продуктовъ которое находится въ разныхъ магазинахъ и лавкахъ столицы. Итакъ, парижское народо-

населеніе вполнѣ обезпечено продовольствіемъ и можетъ спокойно ожидать Прусаковъ".

Эти исполинскія стада составили самую модную достопримѣчательность столицы. Кромѣ Булонскаго лѣса и общественныхъ садовъ, для нихъ отвели обширныя пустопорожнія земли, находящіяся внутри линіи укрѣпленій; пастухами назначили мобилей, выбранныхъ между крестьянами. Жалко было смотрѣть на этихъ бѣдныхъ животныхъ, которыя, казалось, страдали тоской по своимъ роднымъ хлѣвамъ, съ поднятою головой вдыхали въ себя непривычный воздухъ и жалобно мычали или блеяли. Они толкались на грязной, промокшей землѣ и тоскливо поглядывали на посѣтителей, отваживавшихся проникнуть къ нимъ по осенней слякоти. Въ числѣ этихъ стадъ были дойныя коровы, и любители, желавшіе отличиться любезностью, сами доили этихъ коровъ и предлагали дамамъ-посѣтительницамъ теплое пѣнистое молоко; а дамы, подобравъ юбки, перебирались къ коровамъ черезъ разныя препятствія и со смѣхомъ пили парное молоко изъ деревянныхъ кружекъ. Овцы, озябнувъ и пригорюнившись, жались въ кучки. Между ними скоро завелись болѣзни. Когда въ послѣдствіи настали холода, для всего этого скота построили бараки; но они не долго прослужили, ибо недостатокъ мяса скоро принудилъ убить послѣдніе экземпляры.

Новое правительство съ лихорадочной дѣятельностью продолжало заготовлять продовольствіе, что̀ уже было начато прежнимъ. Частная промышленность подала руку правительству; многіе спекуляторы выписали по желѣзнымъ дорогамъ громадные запасы съѣстныхъ товаровъ. На дебаркадерахъ возвысились цѣлыя горы провизіи, и чтобы распредѣлить эти запасы по городу, пришлось многіе общественныя зданія превратить въ склады. Любопытный примѣръ представило зданіе Новой Оперы. Постройка его какъ разъ поспѣла къ сентябрьской революціи. Когда всѣ заговорили объ осадѣ, возникла мысль что Прусаки пресѣкутъ водопроводы и лишатъ Парижъ воды. Строитель Оперы, г. Шарль Гарнье, вспомнилъ что она стояла на подземномъ прудѣ, къ которому вода стекалась съ Монмартрскихъ высотъ. Онъ пробуравилъ слой бетона на которомъ покоился фундаментъ; вода хлынула и наполнила нижній изъ подвальныхъ этажей. Остальные подвалы послужили складами ядеръ, зерноваго хлѣба, муки, картофеля и вина. Въ первомъ этажѣ

г. Гарнье устроилъ лотерею и выставку разыгрываемыхъ предметовъ на десять милліоновъ билетовъ, тутъ же оказалось мѣсто для помѣщенія мобилей; въ остальныхъ этажахъ были сложены огромные запасы вещей для продовольствія и обмундированія арміи; тутъ же устроилась лекарня, что̀ дало поводъ къ слѣдующему каламбуру, который, по обыкновенію, приписали Оберу: Dans le palais du son on fait de la farine. Кромѣ того въ той же Оперѣ г. Гарнье устроилъ кухни и квартиры для офицеровъ, лазаретъ для раненыхъ, а на крышѣ — аппаратъ электрическаго освѣщенія и систему сигналовъ, которые сносились съ башнями Сенъ-Сюльписа. Такимъ образомъ новая Опера сверху до низу дышала войной.

Но снабжать Парижъ продовольствіемъ ни къ чему не послужило бы, еслибы въ то же время его не усилили какъ крѣпость. Укрѣпленія Парижа на картѣ имѣютъ видъ очень внушительный. Ограда со своими девяносто-четырьмя бастіонами представляетъ линію въ тридцать шесть километровъ. Эту ограду защищаетъ шестнадцать фортовъ, и линія соединяющая эти форты имѣетъ не менѣе 105 — 106 километровъ длины. А между тѣмъ мнѣніе военныхъ людей давало очень мало цѣны этимъ средствамъ защиты. Одинъ изъ друзей г. Сарсе имѣлъ случай спросить г. Трошю о шансахъ успѣха обороны. „Пруссаки", отвѣчалъ Трошю, „войдутъ въ Парижъ когда и какъ имъ будетъ угодно. Будьте въ этомъ увѣрены; нѣтъ сколько-нибудь свѣдущаго офицера который бы этого не зналъ."—„Что̀ же вы надѣетесь сдѣлать?"—„Мы предварительно заставимъ себя убить." Укрѣпленія Парижа считали уже три десятка лѣтъ; когда они строились, не было орудій такого калибра какъ теперь, и вслѣдствіе этого ихъ теперь можно атаковать съ отдаленныхъ высотъ, оставленныхъ фортификаторами безъ вниманія. Очевидно требовалось дополнить укрѣпленія новыми фортами; еще Паликао началъ было нѣкоторыя работы, но дѣйствовалъ вяло, или не вѣря въ близость опасности, или не желая встревожить общественное мнѣніе. Инженеры требовали *восемнадцать мѣсяцевъ* для постройки форта на Шатильйонской возвышенности, одной изъ самыхъ опасныхъ. Разумѣется имъ нельзя было обѣщать и восемнадцати дней необезпокоенной работы. Къ этому времени подоспѣло провозглашеніе республики. Его стали праздновать рабочіе, и въ продолженіе цѣлой недѣли отъ нихъ невозможно было добиться никакой работы. Такимъ образомъ вопросъ объ укрѣпленіяхъ былъ отложенъ въ долгій ящикъ.

II.

Парижане не могли понять медленности съ которой подходили Прусаки. Они ихъ ожидали увидѣть дней чрезъ шесть послѣ Седана, но лишь 19го сентября показались ихъ каски въ окрестностяхъ Сенъ-Дени. До тѣхъ поръ успѣхи ихъ можно было слѣдить по желѣзно-дорожнымъ извѣстіямъ ежедневно выходившимъ въ газетахъ. Такого-то числа поѣзды шли только до Баръ-ле-Дюка; на слѣдующій день только до Витри, а тамъ до Шалона, до Эперне. Это былъ аршинъ которымъ можно было мѣрить какъ уменьшалась Франція. Подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ все дальше отступалъ отъ Пруссаковъ и все болѣе накоплялся кругомъ Парижа, пока наконецъ Аньеръ и Венсенъ не сдѣлались крайними аванпостами. На слѣдующій день всѣ паровозы и вагоны были убраны въ Парижѣ, и ворота чрезъ которыя желѣзныя дороги выходили изъ ограды были на глухо задѣланы.

Парижане питали какую-то дѣтскую надежду что все уладится, и осады не будетъ. Прусскій король, разсуждали они, объявилъ что онъ ведетъ войну только съ императоромъ; но вѣдь императоръ сверженъ, противъ кого же теперь воевать Пруссіи? Парижскіе демократы обращались съ длинными прокламаціями къ солдатамъ нѣмецкой арміи, называя ихъ своими *германскими братьями;* они наивно наклеивали эти прокламаціи на стѣнахъ всего Парижа, вѣроятно полагая что такимъ образомъ онѣ быстрѣе разойдутся по нѣмецкой арміи. Но питая эти неосновательныя надежды, Парижане вмѣстѣ съ тѣмъ были готовы сопротивляться въ случаѣ ихъ неосуществленія. Многіе изъ женатыхъ людей достаточнаго класса увезли своихъ женъ и дѣтей, кто въ приморскіе города, кто на воды, кто въ Туренъ или на югъ, и почти всѣ, отдавъ этотъ долгъ семьѣ, возвратились въ Парижъ защищать его. Много было такихъ что̀ не умѣли въ руки взять ружье; но быть въ Парижѣ казалось священнымъ долгомъ. Эмилю де-Жирардену показалось нужнымъ подробно оправдать себя въ печати почему онъ не оставался подобно другимъ. Онъ писалъ что со своими пятидесятью пятью годами, съ своимъ слабымъ зрѣніемъ, онъ былъ бы плохимъ защитникомъ парижскихъ стѣнъ, и что онъ могъ оказать столицѣ болѣе важныя услуги

изъ провинціи. Но его не слушали, а смѣялись надъ нимъ какъ надъ трусомъ.

Парижане воображали что Прусаки пойдутъ на городъ штурмомъ, какъ только подойдутъ къ нему, и мужались въ ожиданіи ужасающей рѣзни. Геройская защита Страсбурга воодушевляла всѣхъ. Каждый день по бульварамъ проходили роты національной гвардіи съ зелеными гирляндами и цвѣтами на ружьяхъ; они отправлялись къ площади Согласія и клали свои букеты на подножіе статуи Страсбурга. При этомъ распѣвалась *Марсельеза*, говорились патріотическія рѣчи. Эти процессіи были не чужды нѣкоторой театральности; онѣ слишкомъ часто повторялись для того чтобы казаться плодомъ порыва; но онѣ имѣли ту выгоду что на окружающихъ производили глубокое впечатлѣніе и собирали всѣхъ въ одномъ общемъ чувствѣ.

Около этого времени въ Парижѣ основалось много политическихъ клубовъ. Здѣсь патріотическіе восторги достигали своего апогея. Опасно было бы въ этихъ собраніяхъ произнести слово *миръ*. Клубы не отличались утонченностью или элегантностью; ораторы колотили кулаками по столу и вращали зрачками какъ полоумные; короля Пруссіи и графа Бисмарка принято было обзывать всевозможными ругательствами. Такимъ-то образомъ въ массахъ поддерживался патріотическій пылъ.

Защищать Парижъ было дѣло мудреное уже потому что не было солдатъ. Правда, Винуа сумѣлъ искуснымъ отступленіемъ, къ удивленію самихъ Прусаковъ, спасти изъ-подъ Седана цѣлый корпусъ, который онъ и привелъ въ Парижъ. Но это были люди деморализованные зрѣлищемъ Седана; къ тому же они были плохо одѣты, плохо обуты и какъ бы на показъ выставляли безпорядочный туалетъ бѣглецовъ. Они открыто говорили что съ Прусаками не стоило тягаться: „эти люди сильнѣе насъ", говорили они. Кромѣ корпуса Винуа въ Парижъ со всѣхъ сторонъ прибывали седанскіе бѣглецы. Одни приходили чрезъ Бельгію, другимъ удалось бѣжать изъ прусскаго плѣна, третьи благоразумно удержались отъ участія въ битвѣ и дали тягу какъ скоро узнали о несчастіи своихъ товарищей. Не говоря уже о впечатлѣніи которое эти люди унесли изъ-подъ Седана, они прошли или пробѣжали четыреста верстъ, постоянно преслѣдуемые Прусаками. Можно судить каково было то боевое рвеніе съ какимъ они явились

въ Парижъ. Правительство поспѣшило потребовать въ столицу морскихъ солдатъ, разсѣянныхъ по портамъ. Но и тѣхъ было немного. Значительная часть морскаго экипажа находилась на флотѣ, который представительно, но безполезно крейсировалъ въ Нѣмецкомъ морѣ; изъ остальныхъ, пять или шесть тысячъ умерли геройскою смертію подъ Седаномъ. Какіе имѣлись прибыли въ Парижъ. Это были превосходные воины, какихъ въ городѣ очень мало было видно: ихъ начальники боялись для нихъ примѣра общей распущенности и унынія сухопутныхъ солдатъ и рѣдко лишь давали имъ отпускъ погулять по городу.

Не имѣя регулярнаго войска, поневолѣ пришлось обратиться къ мобилямъ. Мысль маршала Ніеля организовать резервъ изъ подвижной гвардіи была прекрасною мыслью: французская армія въ послѣднее время все болѣе и болѣе составлялась изъ охотниковъ по найму или изъ старыхъ ветерановъ вторично вступившихъ на службу. Изъ первыхъ всегда выходили плохіе солдаты; вторые дѣлались ворчливыми преторіанцами. Такимъ образомъ армія отчуждалась отъ націи. Учрежденіе подвижной гвардіи напротивъ черпало изъ самыхъ здоровыхъ источниковъ націи: оно брало крестьянина, привычнаго къ труду, послушнаго и спокойно-мужественнаго; городскаго рабочаго, добраго товарища, ловкаго тѣломъ и упругаго духомъ, веселаго, человѣка увлеченія и быстрыхъ дѣйствій; сына буржуазіи, хорошо образованнаго, развитаго и обладающаго тою храбростью которая сопровождаетъ высшій умственный уровень. Эти-то элементы составляли французскія арміи славнаго времени, арміи отразившія Европу въ 1792 году и къ несчастію самой Франціи завоевавшія и топтавшія ногами Европу отъ 1800—1814 года. Но вся организація подвижной гвардіи существовала почти исключительно на бумагѣ. Опытъ введенія ея въ Парижѣ былъ далеко не удаченъ. Парижскіе мобили наводили ужасъ своимъ недостаткомъ дисциплины. Офицерами ихъ были назначены большею частію молодые люди изъ богатыхъ фамилій, съ знатными связями, но безъ всякаго военнаго образованія и потому безъ всякаго вліянія на солдатъ. Отсюда недостатокъ субординаціи. О скандалезномъ поведеніи мобилей подъ Шалономъ въ арміи Макъ-Магона уже было говорено выше. Маршалъ Макъ-Магонъ отослалъ ихъ обратно въ Парижъ, гдѣ они нисколько не вели себя лучше. Главнокомандующаго они приводили въ немалое

затрудненіе. Онъ рѣшился наконецъ разослать ихъ по фортамъ, объясняя имъ что это почетное порученіе. Но и въ фортахъ они дѣлали разные безпорядки. Въ одномъ изъ фортовъ, гдѣ былъ всего одинъ колодезь съ водой для питья, они колодцу этому дали такое назначеніе что воду изъ него пить сдѣлалось невозможно. Понятно что нельзя было серіозно разсчитывать на взрослыхъ людей которые на войнѣ и почти на виду у непріятеля въ скандалезныхъ выходкахъ соперничали съ самыми распущенными школьниками.

Мобили провинціальные внушали больше довѣрія, не потому чтобъ отличались военной опытностью: весьма не многіе умѣли браться за ружье, а потому что держали себя скромно и порядочно. Трошю, природный Бретанецъ, началъ съ того что потребовалъ подвижную гвардію Бретани. Она на зовъ его поднялась какъ единый человѣкъ. Въ Парижѣ Бретанцы составили достопримѣчательность. Они пріѣхали вечеромъ при проливномъ дождѣ. Всѣ они носили длинные волосы и большія круглыя шляпы. Лица ихъ, серіозныя и задумчивыя, не были лишены энергіи; они какъ бы гармонировали съ тою гранитною почвой на которой живетъ это бѣдное племя. Почти никто изъ нихъ не зналъ по-французски. Удивленные видомъ колоссальнаго города, но серіозные и спокойные, шли они подъ ливнемъ, отыскивая отведенныя имъ квартиры. За Бретанцами въ теченіе немногихъ дней послѣдовали Беррійцы, Бургонцы и многіе другіе; всего до обложенія столицы непріятелемъ успѣли собрать около 70.000 мобилей.

За подвижной гвардіей стояла гвардія національная. И она не была организована. Императорское правительство всегда относилось къ ней недовѣрчиво; въ нѣкоторыхъ кварталахъ Парижа, гдѣ преимущественно жили рабочіе, она была совсѣмъ упразднена. Когда стали приближаться Прусаки, пришлось устроить и національную гвардію. Существовавшіе уже баталіоны, сформированные по большей части изъ солидныхъ буржуа, изъ негоціантовъ, врачей, адвокатовъ, чиновниковъ, получили названіе *старыхъ* баталіоновъ. Они считали отъ 800 до 1.000 человѣкъ каждый, и во время осады пополняясь людьми изъ тѣхъ же классовъ общества, не доходили до числа свыше 1.200. Въ бѣдныхъ же кварталахъ, гдѣ національной гвардіи при имперіи не было, образовались *новые* баталіоны, скоро дошедшіе до 2.000 человѣкъ въ баталіонѣ. Поднялся вопросъ о формѣ обмундированія. Старая форма

была и дорога, и неудобна, и смѣшна. Правительство вздумало сдѣлать эту форму обязательною и для новыхъ баталіоновъ. Но общественное мнѣніе возстало, и право гражданства получили панталоны съ красными лампасами, матросскій китель съ чернымъ поясомъ и кепи; даже старые баталіоны вскорѣ усвоили эту форму, которая надолго сдѣлалась модною въ Парижѣ. Кепи даже нанесла рѣшительный ударъ цилиндровой шляпѣ. Понадобилось вооружать эти массы, и здѣсь возникли трудности. Ружей было мало. Стали рыться во всѣхъ арсеналахъ: но найденнаго количества едва хватило на вооруженіе мобилей. Правительство объявило свободу торговли оружіемъ и порохомъ. Появились разные спекуляторы и прожектёры. Ежедневно то тотъ то другой гражданинъ просыпался съ новымъ планомъ вооруженія 600.000 гарнизона. Предлагались и ружья à tabatière, и ремингтоновы ружья, и ремингтоновы карабины, и наконецъ классическіе Шасспо. У оружейниковъ былъ постоянный наплывъ покупателей. Ружья Шасспо, обходящіеся правительству въ 70 фр., продавались у нихъ по 150 и 200 фр.; револьверы въ одну недѣлю поднялись съ 30 фр. на 90. Въ результатѣ лишь нѣкоторыя привилегированныя роты получили Шасспо; вообще же „старые“ баталіоны были вооружены ружьями à tabatière — превосходнымъ оружіемъ, стрѣляющимъ скоро и далеко, но лишь въ послѣдствіи признаннымъ въ своихъ достоинствахъ. Изъ новыхъ же баталіоновъ многимъ пришлось довольствоваться старымъ ружьемъ съ пистонами; иные остались и вовсе безъ ружей. Весь этотъ людъ не имѣлъ понятія объ ученіяхъ. За нихъ принялись со рвеніемъ. Въ нѣсколько дней было распродано 80.000 экземпляровъ *Théorie du garde national*. Ученія производились и утромъ и вечеромъ; бульвары и площади почти постоянно были заняты то мобильгардами, то національгардами, которые маневрировали съ неутомимымъ рвеніемъ. Но чувствовался недостатокъ въ офицерахъ-инструкторахъ, и публика и начальство хорошо сознавали что Пруссаки будутъ подъ стѣнами Парижа прежде нежели эта толпа превратится въ армію.

Кругомъ Парижа вьется поясъ веселыхъ, красиво-отстроенныхъ и богатыхъ деревень, которыя теперь понадобилось разрушить. Сотни телѣгъ повезли изъ нихъ бревна, камни и разное имущество. Между развалинами возились рабочіе, нанятые для разрушенія, и жители и дѣти собиравшіеся въ отъ-

ѣздъ. Срубили также Булонскій лѣсъ, и Парижъ лишился этого прелестнаго гулянья, съ его искусственными прудами, съ его деревьями, перевезенными за большія деньги, съ его лебедями и оленями. Послѣднихъ перестрѣляли мобили. Правительство вознамѣрилось также поджечь всѣ лѣса и рощи окружающіе Парижъ: но это не удалось; сочная, влажная зелень не горѣла. Но вообще роскошныя окрестности Парижа, полныя соединенныхъ красотъ природы и культуры, подверглись страшному опустошенію.

Внутри города жизнь текла какъ-будто попрежнему: по вечерамъ магазины сіяли огнями, а кофейныя были полны посѣтителей. Множество народу гуляло по улицамъ, и ни по туалетамъ, ни по лицамъ вы бы и не догадались что это граждане города готовящагося къ осадѣ. Однако же вглядываясь ближе можно было замѣтить не мало и особенностей. Публика кофейныхъ состояла почти изъ однихъ офицеровъ подвижной гвардіи, къ которымъ подходили вечернія бульварныя красавицы и громко говорили и хохотали съ ними. Офицеры отправлялись съ ними попарно, подъ руку; другія пары приходили; отовсюду слышались шутки, смѣхъ, крикъ. Зрѣлище это слегка пахло цинизмомъ, и солидные люди имъ возмущались. Кончилось тѣмъ что префектъ полиціи положилъ ему предѣлъ особымъ приказомъ. Онъ же велѣлъ закрыть театры. Иные не дождались его распоряженія: такъ 5го сентября директоры Комической Оперы (театра любимаго Парижанами и получающаго правительственную субсидію) собрали весь свой персоналъ и объявили ему что наканунѣ, когда давалась *Цампа*, сбору было десять франковъ, а за три дня даже не было и восьми франковъ. Они вошли въ сдѣлку съ своими артистами и служащими, и всѣ директоры собирались послѣдовать ихъ примѣру, когда полицейскій префектъ избавилъ ихъ отъ этого труда. Вся та часть населенія которая обыкновенно проводила вечера свои въ театрѣ была теперь словно выгнана на улицу, отчего улица сдѣлалась еще шумнѣе и люднѣе. Днемъ по городу сновали мундиры, разнообразные до невѣроятности: тутъ были вольные стрѣлки, въ костюмахъ бандитовъ въ комическихъ операхъ, кирасиры, артиллеристы, уланы, линейная пѣхота, національгарды, мобили. Съ экипажами смѣшивались тяжелыя повозки, нагруженныя строительными матеріалами отъ снесенныхъ домовъ, и бѣдныя телѣги, на которыхъ помѣщался скудный домашній скарбъ, а поверхъ

его, на какомъ-нибудь тюфякѣ, хозяйка съ дѣтьми; навстрѣчу имъ шло стадо овецъ, сопровождаемое пастухомъ, а далѣе виднѣлись быки, запряженные въ громадные возы съ сѣномъ. Бѣдняки жившіе въ окрестностяхъ Парижа перебирались въ него со всѣмъ своимъ имуществомъ, и часто бывало жалко смотрѣть на это имущество. Хромыя стулья, расколотая каменная посуда, дрянныя кухонныя принадлежности составляли все ихъ богатство. Богатые эмигранты не были счастливѣе бѣдныхъ. Были такіе что умерли съ горя: одинъ водевильный писатель, человѣкъ веселый и острякъ, Александръ Фланъ, жившій въ Нёльи, гдѣ у него былъ собственный хорошенькій домикъ, получилъ приказаніе выбраться. Онъ не могъ повѣрить своему несчастію и не сталъ укладываться. Когда къ нему постучались саперы, пришедшіе сносить домъ, онъ почти безсознательно собралъ въ чемоданъ кое-какое бѣлье и платье, оставилъ свое жилище, въ первой встрѣчной гостиницѣ взялъ нумеръ и легъ въ постель. На слѣдующій день его нашли мертвымъ въ этой постели.

Были впрочемъ и домохозяева другаго закала. Тѣ почему-то надѣялись и считали нужнымъ задобрить Пруссаковъ и оставляли въ пустыхъ своихъ виллахъ находившихся внѣ района предписанныхъ разрушеній разные вина и напитки, даже и варенье, думая что побѣдители пощадятъ дома въ которыхъ найдутъ такое нѣжное къ себѣ вниманіе и отнесутся съ уваженіемъ къ собственности владѣльцевъ. Сомнительно однакожъ чтобъ эти разчеты оправдались.

Утромъ 19го сентября каждый Парижанинъ въ своей газетѣ могъ прочесть статью приблизительно такого содержанія:

„Послѣднія желѣзныя дороги связывавшія Парижъ съ Франціей и съ Европой прерваны вчера вечеромъ. Парижъ предоставленъ самому себѣ. Онъ, отнынѣ можетъ надѣяться лишь на свои собственныя средства и на свое собственное мужество. Онъ оставленъ Европой, на которую изъ него было пролито столько свѣту, и которая никогда не могла взирать на его славу безъ тайнаго чувства зависти. Но Парижъ—мы въ этомъ убѣждены — докажетъ что онъ не пересталъ быть самымъ твердымъ оплотомъ независимости Франціи.“

Этотъ голосъ раздавался во всѣхъ журналахъ. Но правительство какъ будто струсило: оно издало декретъ согласно которому парижскіе избиратели должны были назначить муниципальный совѣтъ, а французская нація—учредительное собраніе, которое бы рѣшило будущее страны. Въ этомъ вы-

казывалась какая-то слабость или усталость: правительство какъ бы хотѣло свалить на другихъ отвѣтственность за всѣ затрудненія. Прошелъ слухъ что г. Жюль Фавръ просилъ свиданія съ графомъ Бисмаркомъ. Клубы пришли въ ярость. Въ эту минуту впервые выступили на сцену крайнія партіи и они начали съ того что отвергли созваніе какъ муниципальныхъ совѣтовъ, такъ и учредительнаго собранія. Во главѣ ихъ выступилъ Делеклюзъ, который открыто бросилъ перчатку правительству въ статьѣ помѣщенной въ газетѣ *Réveil* и заключавшей въ себѣ слѣдующія требованія:

1) Выборы въ департаментскіе муниципальные совѣты и учредительное собраніе отлагаются до заключенія мира.

2) Выборы въ парижскую коммуну назначаются безотлагательно.

3) Упраздняется префектура полиціи.

4) Увольняется вся магистратура назначенная въ должности Бонапартомъ.

5) Увольняются всѣ чиновники имперіи.

6) Объявляется торжественно что никогда не будетъ переговоровъ съ Прусскимъ королемъ, пока его арміи будутъ на нашей почвѣ.

7) Конфискуются имѣнія всѣхъ министровъ, посланниковъ, сенаторовъ, депутатовъ, префектовъ, генераловъ и членовъ смѣшанныхъ коммиссій.

8) Смѣняются управляющіе Банкомъ и Поземельнымъ Кредитомъ.

Въ клубахъ Делеклюзъ и поклонники его защищали эту программу. Делеклюзъ былъ высокій старикъ съ бѣлыми волосами, съ тонкими чертами лица, со внѣшними пріемами аскета. Онъ говорилъ горячимъ тономъ убѣжденія, который однако почему-то казался притворнымъ. За нимъ слѣдовали или вѣрнѣе сказать говорили Лермина, Верморель и многіе другіе. Буржуазія едва знала ихъ фамиліи, но эти фамиліи имѣли свойство пугать ее и заставляли ее задумываться.

Говорятъ что Трошю не имѣлъ первоначально намѣренія мѣшать обходному движенію Прусаковъ, которое они должны были сдѣлать дабы овладѣть Версалемъ, и что къ сопротивленію его уговорилъ генералъ Дюкро. Планъ послѣдняго былъ смѣлъ, но хорошо придуманъ. Надо было при Шатильйонѣ разрѣзать прусскую армію на двѣ половины, отбросить одну на Версаль, а другую на Орлеанскую желѣзную дорогу. Битва

состоялась; но правое крыло Французовъ, состоявшее изъ зуавовъ, поколебалось и ударилось въ бѣгство. Центръ и лѣвое крыло держались твердо, но ясно было что имъ однимъ не устоять противъ Прусаковъ, и что они могли быть отрѣзаны и окружены: они отступили въ порядкѣ, уступивъ непріятелю Шатильйонскія высоты и нѣсколько пушекъ, которыхъ не могли отстоять. Дѣло это вовсе не было особеннымъ бѣдствіемъ: можно было даже сказать что Французы дрались очень хорошо, такъ какъ они два раза брали Шатильйонскія высоты. Но нельзя вообразить ужаса и негодованія овладѣвшихъ Парижемъ вслѣдствіе этого пораженія. По бульварамъ мигомъ распространилась вѣсть: „Мы погибли! Прусаки одолѣли и сейчасъ проникнутъ въ городъ.“ Бѣглецы, въ одиночку и кучками, тѣснились на своемъ возвращеніи въ городъ; лазаретные фургоны, пушечные лафеты, лошади безъ сѣдоковъ перепутывались и образовали страшный хаосъ. По обѣимъ сторонамъ этой безпорядочной процессіи, по тротуарамъ, огромная толпа со страхомъ разспрашивала солдатъ, или осыпала ругательствами тѣхъ изъ нихъ которые были пьяны: не было недостатка и въ такихъ. Крики, пѣсни, проклятія, смѣхъ, плачъ, стоны раненыхъ и ругань фургонщиковъ сливались въ одинъ общій шумъ. Преувеличенные слухи о пораженіи вскорѣ были опровергнуты; но самый фактъ пораженія все-таки былъ оскорбителенъ. Разъяренные національгарды схватывали бѣглыхъ солдатъ за шиворотъ и били ихъ прикладами; толпа плевала имъ въ лицо. Она узнала что не въ примѣръ „старымъ войскамъ“ подвижная гвардія держалась хорошо. Толпа стала кричать: „Да здравствуетъ подвижная! Долой зуавовъ! Долой линейныхъ!“ Иные требовали разстрѣлянія бѣглыхъ. Волненіе продолжалось до поздней ночи. Какіе-то праздношатающіеся, глазѣвшіе носомъ кверху, открыли въ верхнемъ этажѣ одного дома на Монмартрскомъ бульварѣ свѣтъ переходившій изъ одного окна въ другое. Очевидно это были сигналы условленные съ Прусаками! Опять собралась шумная и гнѣвная толпа: по счастію вмѣшалась національная гвардія, произвела обыскъ, ничего подозрительнаго не нашла и всѣхъ успокоила. Въ продолженіи всей ночи Парижъ ждалъ штурма Прусаковъ; и послѣ этого многіе сохранили убѣжденіе что пожертвовавъ тридцатью тысячами человѣкъ, непріятель могъ бы въ этотъ вечеръ, прошедши между двумя фортами, проникнуть въ Парижъ. На

слѣдующій день вышло офиціальное донесеніе о происходившемъ, въ которомъ Парижане подцѣпили фразу: „Нѣкоторые изъ нашихъ солдатъ отступили съ прискорбною поспѣшностью.“ Фраза эта получила знаменитость. Зубоскалы стали говорить, описывая какого-нибудь труса: „Это человѣкъ склонный къ тому чтобъ отступать съ прискорбною поспѣшностью.“ А серіозные люди, наученные примѣромъ новаго пораженія, начали думать о заключеніи мира, и это хорошо видѣли крайніе республиканцы, поднявшіе страшную агитацію противъ мира, въ своихъ клубахъ и журналахъ. Они готовились произвести „день“, какъ называется возстаніе на парижскомъ языкѣ, и испуганная буржуазія увидала себя между Пруссаками съ одной стороны и красными съ другой. Еслибы въ переговорахъ которые тогда завязались Бисмаркъ подалъ Жюль Фавру надежду на миръ, поставивъ условія умѣренныя, этотъ миръ былъ бы смертью правительства обороны: возгорѣлась бы ожесточенная междуусобная война. Но непомѣрныя требованія прусскаго канцлера и твердый отказъ французскаго министра имѣли послѣдствіемъ то что весь Парижъ слился въ общемъ чувствѣ негодованія на высокомѣрныхъ побѣдителей и патріотической рѣшимости защищаться до крайности. Въ клубѣ *Folies Bergères* одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ ораторовъ, при общихъ рукоплесканіяхъ, объявилъ что отнынѣ нѣтъ партій, что теперь остается только одно: сомкнуться около правительства и дружно идти на бой съ врагами. Что касается до демонстраціи которую затѣяла партія крайнихъ въ годовщину основанія республики (21го сентября), на площади Согласія, то она прошла самымъ мирнымъ образомъ. Изъ говорившихъ ораторовъ только одинъ, г. Верморель, и то косвенно, позволилъ себѣ нападки на правительство: но противъ него поднялся ропотъ, ему кричали: „теперь не время для раздоровъ“ и едва дали докончить. Какъ разъ къ этому новому приливу бодрости и мужества подоспѣла добрая вѣсть съ поля дѣйствій, первая добрая вѣсть во всю войну. Сначала, какъ водится, ее страшно преувеличили: разказывали о двадцати или двадцати-пяти тысячахъ Прусаковъ взятыхъ Французами въ плѣнъ, не говоря о массѣ убитыхъ; потомъ оказалось что въ дѣйствительности дивизія Модюи, послѣ блистательнаго боя, заняла позицію Вильжюифа и удержалась на ней. И это было хорошо. Правительство издало декретъ въ которомъ париж-

скіе муниципальные выборы (которые были назначены на 28е сентября) и выборы въ учредительное собраніе (назначенные на 2е октября) отмѣнялись; и такимъ образомъ вопросъ объ нихъ, столько волновавшій умы, былъ, казалось, глаженъ.

III.

Парижъ сдѣлался лагеремъ. Не было рѣшительно никого кто бы не записался въ національную гвардію. Всѣ пылали рвеніемъ къ военнымъ ученіямъ. Полиціи не было: старые городскіе сержанты были слишкомъ ненавистны населенію, и республиканское правительство замѣнило ихъ тою же національною гвардіей. Ей ли, или другому чему приписать эту честь — но никогда не было въ Парижѣ такъ мало кражъ и убійствъ какъ во время осады. Правда и то что г. Трошю предъ осадой выгналъ изъ Парижа множество людей у которыхъ не было опредѣленнаго способа пропитанія; многіе другіе изъ той же категоріи сами вышли за ограду и шатались по окрестностямъ, посвятивъ себя мародёрству.

Настоящимъ дѣломъ національной гвардіи было стоять на стражѣ парижской ограды, этого огромнаго пояса. Но это дѣло превратилось въ синекуру, когда стало ясно что Пруссаки не намѣреваются дѣлать нападенія, а ограничатся блокадой. Въ первые же дни національгарды были увѣрены что, расхаживая взадъ и впередъ во время караула на валу, они вдругъ получатъ градъ ядеръ и бомбъ. Эта увѣренность не мѣшала ихъ веселости, и они съ удовольствіемъ отправлялись на дежурство. Тогда еще стояли великолѣпные осенніе дни. Національгарды сходились по утрамъ на обыкновенныхъ сборныхъ пунктахъ каждой роты. Самые ревностные и новички приходили ровно въ семь часовъ; болѣе хладнокровные въ половинѣ восьмаго и въ восемь. Каждый предъ отправкой въ путь съѣдалъ тарелку горячаго супа или выпивалъ нѣсколько чашекъ горячаго кофе: гигіеническій комитетъ посовѣтовалъ дѣлать это изъ предосторожности противъ простуды. Въ восемь часовъ всѣ въ сборѣ; начинаютъ строиться. Тутъ-то обнаруживается разнокалиберность національной гвардіи. Рядомъ съ сѣдымъ старикомъ юноша съ первымъ пушкомъ на подбородкѣ; далѣе степенный отецъ семейства, обширный животъ котораго болтается на двухъ коротень-

кихъ ножкахъ; добродушныя лица мирныхъ буржуа смѣшаны съ воинственными фигурами отставныхъ солдатъ; множество очковъ, обличающихъ близорукость, неудобную для военнаго человѣка; красные носы, показывающіе въ обладателяхъ короткое знакомство съ винными погребками; словомъ, смѣсь самая пестрая.

Никогда французская національная гвардія не блистала повиновеніемъ и любовью къ порядку. Парижская же въ 1870 была невыносимо непокорна. Она критиковала приказы, она дулась на начальниковъ, ею же избранныхъ, а когда какая-нибудь работа казалась скучною или безполезною, немногаго недоставало чтобы солдаты просто отказались исполнять ее. Иные баталіоны давали поводъ къ болѣе серіознымъ опасеніямъ. Нѣсколько ротъ схватили генерала за то что онъ вмѣсто: *Да здравствуетъ республика*! приказалъ кричать: *Да здравствуетъ Франція*! Правительство посмотрѣло сквозь пальцы на виновныхъ, а генерала смѣнило.

Часамъ къ одиннадцати національгарды приходили на бастіонъ. Это былъ часъ завтрака. Одни изъ глубины неистощимаго ранца вытаскивали запасы, спрятанные туда заботливою хозяйкой; другіе отправлялись за полученіемъ казенныхъ порцій; третьи разливались по окрестнымъ шинкамъ. Въ тѣ дни мудрено было бы убѣдить національгардовъ что дежурный день не есть день загородной экскурсіи для удовольствія, а отчасти для выпивки. Бутылка шла за бутылкой, и мундиръ не всегда предохранялъ отъ прискорбныхъ послѣдствій этого развлеченія. Было только одно средство предохранить ихъ отъ пороковъ тунеядства: заставить ихъ работать. Окопы, постройка казематовъ, разныя фортификаціонныя работы давали достаточно случаевъ къ этому. Но этого не сдѣлали, и національная гвардія расхаживала вдоль своихъ палатокъ, играла въ вистъ, читала газеты и сладко спала на солнышкѣ. Днемъ и пока держалась хорошая погода стояніе на часахъ представлялось довольно пріятнымъ. Когда пошли дожди и снѣга, удовольствіе значительно уменьшилось. Вначалѣ же только ночное дежурство могло казаться тягостнымъ. Часовые разставлялись необыкновенно часто: по человѣку на каждые пятнадцать шаговъ, и притомъ въ двѣ, а иногда въ три линіи. Каждый часовой вслѣдствіе этого считалъ себя менѣе отвѣтственнымъ и относился къ дѣлу небрежнѣе. Но за то бездна народу схватили на этихъ ночныхъ караулахъ кашли

насморки и катарры. Казематовъ пока еще не было, и спали подъ палатками. Непривычные къ этому живописному помѣщенію буржуа никакъ не умѣли устроиться въ палаткахъ. Бывало въ палатку придетъ ночью, послѣ смѣны, озябшій, продрогшій національгардъ и ищетъ своего мѣста. Но тамъ уже непремѣнно храпитъ другой, и пришелецъ ощупью наталкивается на человѣческую фигуру. Начинается ворчаніе и перебранка; другіе вмѣшиваются: кто-нибудь зажигаетъ спичку, и тогда оказывается гдѣ-нибудь свободное мѣсто: хотя и ранецъ, положенный вмѣсто подушки, и одѣяло чужіе, но пришелецъ усталъ браниться и спѣшитъ занять свободное ложе. Утромъ заспанные національгарды вылѣзаютъ изъ палатокъ. Едва брежжетъ свѣтъ, а въ лагерь уже появились многочисленныя старухи, которыя приносятъ національгардамъ супъ съ лукомъ и черный кофе. Защитники отечества щеголяютъ въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Одинъ закутался въ обширный халатъ; другой исчезаетъ подъ огромнымъ одѣяломъ, въ которомъ продѣлана дыра для головы. Шотландскіе пледы, американскіе каучуковые плащи, испанскіе плащи переброшенные черезъ плечо собрались словно для маскарада. Всѣ озябли, на всѣхъ лицахъ можно прочесть слѣды безсонницы. Пройдетъ полчаса, и куда дѣвалась усталость! Всѣ веселы, бодры, и при звукѣ трубъ и барабановъ весело отправляются обратно въ городъ.

Одна изъ непріятностей, къ которымъ пришлось привыкать Парижанамъ, это—совершенное отсутствіе извѣстій. Пока не состоялась блокада, никто не хотѣлъ вѣрить чтобъ она могла быть такъ успѣшна. Управленіе почты разослало по нѣсколькимъ направленіямъ гонцовъ, которые должны были проникнуть чрезъ прусскія линіи и принести въ Парижъ корреспонденцію. Изъ нихъ ни одинъ не вернулся. Это совершенное отчужденіе отъ остальнаго міра прежде всего задѣло самолюбіе Парижанъ. Они давно пріучили себя говорить что ихъ городъ—главная пружина цивилизаціи, и что когда онъ перестанетъ питать Европу своими идеями и чувствами, она впадетъ въ какой-то умственный обморокъ. Оказалось что Европа объ этомъ нисколько не заботилась и повидимому не чувствовала никакого лишенія отъ того что въ ея средѣ Парижа не стало. Напротивъ, Парижу безъ Европы стало весьма неудобно жить. У огромнаго числа Парижанъ были семейства въ Нормандіи, въ Бретани, во внутреннихъ провин-

ціяхъ или за границей. Ни о комъ нельзя было имѣть извѣстій; многіе отцы семействъ, не предвидя блокады, оставили своихъ съ самыми небольшими деньгами, которыхъ могло хватить только на нѣсколько дней. Какъ они существовали? Какъ они переносили разлуку? Правительство было застигнуто врасплохъ и долго ничего не могло придумать для облегченія этого положенія. Лишь поздно догадалось оно организовать систему воздушныхъ шаровъ; еще позже устроить голубиную почту.

Другою непріятностью было внезапное оскуденіе провизіи. Очень немногіе изъ частныхъ лицъ во-время сдѣлали большіе запасы; большинство же ради моды или фарса купили по окороку, по нѣскольку коробокъ сардинокъ, по пяти-шести килограммовъ рису и сушеной зелени, и по нѣскольку банокъ варенья. Къ фруктовымъ лавкамъ даже составлялись parties de plaisir. Великосвѣтскія дамы въ пышныхъ туалетахъ, въ колясках, пріѣзжали къ Потену, нагружали свои экипажи разными ящиками, банками, кусками соленаго мяса и сыра, и хохоча уѣзжали со своими закупками. Вскорѣ оказалось что запасы надобно было дѣлать серіозно, а не для смѣха. Тогда весь городъ ринулся къ съѣстнымъ лавкамъ; у дверей ихъ образовались длинные *хвосты*, какъ у театральныхъ кассъ. Парижъ внезапно почувствовалъ какой-то неимовѣрный аппетитъ. Въ былое время трудно было найти Парижанина который бы удостоилъ свой завтракъ обсужденія; но лишь только началась осада, всѣхъ обуяла жадность. Иной, прежде довольствовавшійся двумя яйцами и кусочкомъ сыра для своего завтрака, теперь уже считалъ необходимымъ кусокъ кроваваго бифштекса съ бутылкой бордо. Предвидя дни невольнаго воздержанія, каждый старался ѣсть побольше и получше. Столъ сдѣлался изобильнѣе и изысканнѣе. Въ буржуазіи никогда не было столько приглашеній къ обѣду какъ въ это время. *Осадный обѣдъ* (un dîner de siége) сдѣлался общепринятымъ выраженіемъ. Чувствовалось особое удовольствіе въ томъ чтобы наѣдаться на зло Прусакамъ. Однакожь эти гастрономическіе дни были быстротечны; скоро настало время когда говядину замѣнила конина. Замѣчательно что противъ конины предразсудокъ былъ всего сильнѣе въ бѣдномъ классѣ. Богатая буржуазія принялась за нее безъ отвращенія, и многіе нашли ее очень вкусною; но для того чтобы заставить рабочихъ и ихъ женъ послѣдовать этому примѣру пона-

добился стимулъ голода. Успѣхъ осады можно было прослѣдить по возраставшему успѣху лавокъ продавцовъ конины. Около средины ноября у дверей ихъ начали образоваться хвосты; кончилось тѣмъ что онѣ отворялись лишь на нѣсколько часовъ, и лошадиное мясо выдавали только тѣмъ кто приходили съ особыми свидѣтельствами.

Въ теченіе всего октября Парижъ жилъ въ ожиданіи бомбардировки. Каждый день говорилось: завтра или послѣ-завтра она начнется. Прокламаціи правительства, приклеенныя на стѣнахъ, совѣтовали жителямъ всегда имѣть наготовѣ бочки съ водой; снять мостовыя со дворовъ; бросаться на землю, когда вблизи разорвется бомба; тушить начинающійся пожаръ мокрымъ бѣльемъ; всякій у кого былъ подвалъ осматривалъ его, думая: „достаточно ли крѣпокъ сводъ чтобъ устоять противъ тяжести разрушеннаго дома?“ Музеи прятали свои сокровища въ подвальныхъ этажахъ; библіотеки блиндировали кровли и задѣлывали окна своихъ помѣщеній. Газеты были полны разсужденій о бомбардировкѣ; въ Парижъ какимъ-то чудомъ попалъ даже нумеръ *Times* въ которомъ доказывалось что бомбардировать Парижъ вовсе не будетъ варварствомъ, и что сами Французы во всемъ виноваты. На убитыхъ прусскихъ солдатахъ иногда находили письма изъ родины, писанныя ихъ невѣстами. Бѣлокурыя, голубоглазыя Маргариты всегда писали какъ бы съ облегченнымъ сердцемъ: „Говорятъ что завтра начнется бомбардировка“. Въ осажденной столицѣ образовалось общество взаимнаго страхованія отъ бомбардировки; въ нѣсколько дней оно собрало капиталъ въ нѣсколько милліоновъ. Но бомбардировка не начиналась, и потянулась долгая и однообразная блокада. Пруссаки ничего не дѣлали; Французы съ своей стороны также ничего. Послѣднее сильно безпокоило парижскую публику. Она начала открыто бранить Трошю; въ отвѣтъ на ея толки и сужденія, правительство обнародовало 18го октября отчетъ о фортификаціонныхъ работахъ вокругъ Парижа. Отчетъ этотъ не безъ нѣкоторой справедливой гордости говорилъ что въ дни бѣдственныхъ сраженій Рейнской арміи парижскія укрѣпленія были въ совершенно безоружномъ состояніи, и что теперь, благодаря произведеннымъ работамъ, они вполнѣ обезпечиваютъ городъ отъ всякаго внезапнаго нападенія. Такимъ образомъ оказалось что баррикады внутри города, которыя во многихъ мѣстахъ прерывали сообщеніе,

были почти излишни; коммиссія баррикадъ прекратила свою дѣятельность, и должность Рошфора, предсѣдателя ея, сдѣлалась простымъ титуломъ. Парижъ обрадовался, узнавъ что онъ былъ такъ хорошо защищенъ; но онъ находилъ что еще лучше было бы напасть на непріятеля. Самые пылкіе люди требовали большой вылазки всѣми наличными силами, тысячъ въ четыреста или въ пятьсотъ, какъ будто бы можно было дѣйствовать въ открытомъ полѣ съ неумѣлыми національгардами. Другіе, болѣе спокойные, не требовали такого гигантскаго подвига, но тѣмъ не менѣе не были довольны тѣмъ что гарнизонъ ограничивался одними рекогносцировками. Но Трошю не обращалъ вниманія на эти требованія: у него былъ свой планъ, въ превосходствѣ котораго онъ былъ увѣренъ. Въ одинъ прекрасный день онъ даже имѣлъ неловкость обнародовать прокламацію приблизительно такого содержанія: „Оставьте меня въ покоѣ, у меня есть свой планъ, и я отъ него не откажусь. Я еще не ошибся ни въ одномъ изъ предположеній которыя я строилъ относительно нынѣшней войны, въ чемъ можно будетъ убѣдиться, прочитавъ мое завѣщаніе, которое хранится у моего нотаріуса, г. Дюклу. Почему же вы хотите чтобъ я и въ этотъ разъ не имѣлъ довѣрія къ своему взгляду. Повремените.“ Наивность эта навлекла на Трошю безчисленныя насмѣшки и каррикатуры. *Планъ Трошю* сдѣлался знаменитостью, на него сочинили длиннѣйшую пѣсню, которая пѣлась во всемъ Парижѣ.

Но онъ все-таки остался вѣренъ „плану“ который,—по крайней мѣрѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ—состоялъ въ томъ чтобы вводить молодыя войска въ огонь небольшими отрядами, единственно для того чтобы пріучить ихъ къ войнѣ, и притомъ поддерживать постоянную пальбу съ фортовъ, которая денно и нощно безпокоила работы Пруссаковъ. Обо всѣхъ этихъ мелкихъ стычкахъ, а также о канонадѣ, печатались ежедневные бюллетени, и Парижане въ теченіе долгаго времени должны были довольствоваться свѣдѣніями въ такомъ родѣ: „Вчера Монъ-Валерьенъ бросилъ дюжину бомбъ на строившуюся батарею: онъ ее разрушилъ и заставилъ непріятельскихъ солдатъ бѣжать;“ или: „Сенскіе вольные стрѣлки предприняли ночью удачную вылазку на берега Марны; они встрѣтили отрядъ непріятелей и начали съ нимъ весьма оживленную перепалку, продолжавшуюся два часа. Никто не былъ раненъ въ этой схваткѣ, дѣлающей величайшую честь нашимъ

волонтерамъ.“ Въ подобныхъ извѣстіяхъ есть комическая сторона, и парижскіе журналы начали печатать пародіи официальныхъ бюллетеней, напримѣръ: „Вчера на высотахъ Сенъ-Клу замѣтили легкій клубъ дыма. Полагаютъ что причиной тому одна изъ нашихъ бомбъ, разорвавшаяся по оплошности собаки, которая наступила на нее лапой. Собакѣ оторвало хвостъ. Она королемъ Вильгельмомъ удостоена военной медали.“

Не болѣе удовлетворялось общественное мнѣніе и крупными вылазками, которыя Трошю поручалъ то Дюкро, то Винуа, съ отрядами тысячъ въ десять или въ двѣнадцать. Официальныя донесенія всегда говорили о храбрости французскихъ войскъ, о значительныхъ потеряхъ непріятеля, о побѣдѣ отъ которой Французы были на волосокъ: но побѣды этой никогда не было. То говорилось: „Еслибъ у насъ было лишь двумя батареями больше!“ а публика спрашивала: зачѣмъ же не было этихъ двухъ батарей? То утверждалось что вылазкой можно было отрѣзать десять тысячъ Прусаковъ, еслибъ она началась двумя часами раньше; публика спрашивала: зачѣмъ же она была начата такъ поздно? „Впрочемъ, говорили специалисты, тутъ была маленькая тропинка, которая вывела бы насъ прямо во флангъ непріятеля; еслибы только мы это знали!“ Отчего же у васъ не было карты? спрашивали буржуа. „Какъ жаль, восклицали военные, что насъ было только десять тысячъ! А то дѣло было бы сдѣлано.“ Ну такъ что̀ жъ? отвѣчали профаны, нужно было имѣть двадцать тысячъ и сдѣлать дѣло.

Оружіе Французовъ было не слишкомъ счастливо внутри осады; каково-то было его счастіе снаружи? Объ этомъ никто ничего не зналъ; Парижъ былъ окруженъ непроницаемымъ мракомъ. До 7го октября Парижъ не получалъ ни одной провинціальной газеты. Лишь въ этотъ день въ редакцію *Gaulois* прибылъ нумеръ *Journal de Rouen*, и былъ принятъ съ неописанною радостію, несмотря на то что вѣсти содержавшіяся въ немъ были не особенно пріятныя. О взятіи Страсбурга и Туля Прусаки сами заблагоразсудили извѣстить Парижъ. Въ столицѣ знали что эти города, предоставленные сами себѣ, не могли держаться. Гораздо болѣе нежели на нихъ, столица надѣялась на провинцію, отъ которой ждали великаго патріотическаго усилія. Но провинція не поднималась; сколько можно было догадываться въ Парижѣ, она была

раздѣлена партіями; большіе города волновались происками красныхъ; повсюду дѣйствовали бонапартистскія и орлеанистскія интриги; въ Турѣ водарилось правленіе стариковъ лишенныхъ энергіи. Тогда-то, 6го октября, надъ Парижемъ поднялся въ воздушномъ шарѣ Гамбетта, и вскорѣ столица узнала что онъ счастливо пролетѣлъ надъ Прусаками и снова принялъ руководство дѣлами. Вскорѣ за нимъ послѣдовалъ Кератри, съ какимъ-то особымъ порученіемъ, оставшимся тайной для публики; а за Кератри—Ранъ (Ranc), имя котораго было мало извѣстно въ провинціи, но который соединялъ честность съ энергіей и съ убѣжденіями искренняго республиканца.

Въ Парижъ начали приходить кое-какія свѣдѣнія, отчасти по воздушной почтѣ, отчасти въ видѣ англійскихъ и американскихъ журналовъ, которые иногда можно было получать чрезъ американское посольство. Источники эти повѣствовали объ отдѣльныхъ чертахъ мужества, какъ защита Сенъ-Кантена г. Анатоль де-Лафоржемъ, однимъ изъ сотрудниковъ *Siècle*, или геройское самоотверженіе городка Шатодёна, который рѣшился похоронить себя подъ своими развалинами лучше чѣмъ сдаваться Прусакамъ. Но составлялась ли въ провинціи регулярная армія, которая бы бросилась въ тылъ непріятелю—объ этомъ въ столицѣ не знали ничего. Оставалась одна надежда: Базенъ все еще держался въ Мецѣ. Въ Парижѣ однажды нашли упавшій воздушный шаръ, лодка котораго была вся полна письмами писанными мецкимъ гарнизономъ. Всѣ эти письма выражали полную увѣренность въ успѣхѣ; они утверждали что въ крѣпости не было недостатка ни въ хлѣбѣ, ни въ винѣ, и что Базенъ проломится когда и какъ захочетъ. Англійскіе журналы постоянно разказывали объ его вылазкахъ, которыя они называли яростными. „Онъ понемногу истребитъ Прусаковъ", думали Парижане. „Кто знаетъ? быть-можетъ теперь уже онъ на дорогѣ къ намъ."

Каково же было волненіе Парижа, когда утромъ 28го октября, въ газетѣ *Combat*, издаваемой Феликсомъ Піа, появилась статья окруженная черною каймой и надписанная крупными буквами: *Измѣна маршала Базена*, гдѣ сообщалось извѣстіе о капитуляціи мецкой арміи, возобновившей позоръ Седана. Первымъ дѣйствіемъ этого извѣстія было оцѣпенѣніе, но вскорѣ его смѣнили гнѣвъ и негодованіе. Откуда у журналиста могли взяться такія странныя свѣдѣнія? Бросились

къ министерству. Члены правительства отозвались что они о Базенѣ не имѣютъ никакихъ свѣдѣній. Толпа понеслась въ контору газеты, угрожая все переломать. Піа самого не было,—обратились къ его помощнику и потребовали чтобъ онъ назвалъ лицо сообщившее фактъ. Онъ назвалъ Флуранса. Флурансъ сослался на Рошфора. Дѣло становилось серіознымъ, такъ какъ Рошфоръ былъ членъ правительства. Но онъ объявилъ что не говорилъ ничего подобнаго, и Флурансъ свалилъ вину на „важное лицо, имя котораго онъ долженъ былъ хранить втайнѣ". Повидимому слухъ былъ неоснователенъ,—но глухое волненіе продолжалось въ умахъ. Одинъ шепталъ на ухо другому: „Вы знаете ли? Вѣдь все правда. Базенъ капитулировалъ". Много было и не вѣрившихъ. Но 31го октября всѣ сомнѣнія прекратились: о капитуляціи было объявлено офиціально. Пала послѣдняя надежда, и какъ разъ въ тотъ мигъ когда осажденные претерпѣли неудачу при Ле-Бурже.

Сама по себѣ эта неудача была не важна: но она попала въ такую минуту и приняла такую форму что была особенно и нестерпимо ощутительна. Вечеромъ 28го числа, рота вольныхъ стрѣлковъ подкралась къ Ле-Бурже, маленькой деревнѣ на востокъ отъ Сенъ-Дени, и послѣ незначительнаго ночнаго боя овладѣла ею. Утромъ Пруссаки вернулись съ болѣе значительными силами; но они сражались вяло и были отбиты. Ле-Бурже осталась въ рукахъ Французовъ. Позиція была посредственна и не стоила большихъ хлопотъ. Но въ офиціальной прокламаціи по случаю этого дѣла говорилось въ громкихъ фразахъ что Французамъ удалось расширить окружавшее ихъ желѣзное кольцо и заставить Пруссаковъ отступать. Давая этой деревушкѣ такую цѣну, нужно было въ ней укрѣпиться и отстоять со всѣми силами. Вмѣсто этого въ Ле-Бурже не позаботились послать ни подкрѣпленій, ни артиллеріи. Солдаты сражавшіеся въ теченіе ночи и слѣдующаго дня остались тамъ подъ проливнымъ дождемъ, въ грязи, издрогшіе отъ холода и усталые до изнеможенія. Утверждаютъ что многіе изъ нихъ, открывъ полные погреба, напились пьяны. Какъ бы то ни было, но на разсвѣтѣ опять показалась цѣлая дивизія Пруссаковъ, снабженная превосходною артиллеріей. Они открыли по Французамъ убійственный огонь; часть ихъ обошла деревню. Надобно было отретироваться; болѣе упорные, оставшіеся на мѣстѣ, были взяты въ плѣнъ;

здѣсь-то былъ убитъ Эрнестъ Барошъ, который искупилъ геройскою смертію непопулярность окружавшую его при жизни.

Потеря эта возбудила въ Парижѣ вопль негодованія и отчаянія. Стало-быть это всегда будетъ такъ! никогда не будетъ хватать артиллеріи! солдаты всегда будутъ безъ продовольствія! зачѣмъ продолжать сопротивленіе очевидно невозможное!

Къ общему упадку духа, заставившему всѣхъ желать мира, присоединились слухи что г. Тьеръ, выѣхавшій изъ Парижа за нѣсколько дней предъ обложеніемъ его и по порученію правительства объѣхавшій всѣ важнѣйшіе дворы Европы, возвращается съ предложеніемъ перемирія, и по просьбѣ Русскаго государя получилъ пропускъ черезъ прусскія линіи. Вскорѣ слухи эти были подтверждены офиціально. Такимъ образомъ явилась надежда на посредничество европейскихъ державъ. Возбужденные умы какъ бы почувствовали вѣяніе близкаго мира. Большинство повѣрило въ его возможность, и эта вѣра между прочимъ выказалась очень куріознымъ образомъ. Окна съѣстныхъ лавокъ и гастрономическихъ магазиновъ давно уже стояли пустыя. Теперь же за ними, какъ бы по манію волшебства, появились окорока, колбасы и разные консервы. Все это богатство съѣстныхъ припасовъ, столь неожиданно показавшееся, не могло не возбудить смѣха. *Свинина есть миръ,* говорили юмористическіе листки, пародируя знаменитое: *имперія есть миръ.* Буржуазію охватила общая радость, которую не раздѣляли лишь немногіе твердые патріоты, предвидѣвшіе что или миръ вовсе не состоится, или онъ будетъ позорный и разорительный.

Вотъ этою-то минутой воспользовалась партія крайнихъ чтобы сдѣлать попытку революціи, съ цѣлью захвата власти.

Уже прежде въ Парижѣ были небольшія волненія, свидѣтельствовавшія о томъ огнѣ который тлѣлъ подъ золой. Не говоря о нападеніи 15го августа учиненномъ бельвильскими рабочими на пожарныхъ, настоящее движеніе въ безпокойныхъ кварталахъ Бельвиля, Монмартра, Менильмонтана и Клиньянкура началось вскорѣ послѣ обложенія столицы. Какъ извѣстно, партія эта требовала немедленныхъ выборовъ въ парижскій муниципалитетъ, или какъ она выражалась, въ *коммуну.* Стоя за муниципальную свободу, вожди движенія конечно не были искренни: иначе они бы не отвергали той же свободы для провинціи: но силу ихъ требованія составляло

г. что и правительство 4го сентября предъявляло его въ тѣ дни когда оно еще было опозиціей. А правительство это не имѣло духа ни отказать сторонникамъ коммуны, ни довѣриться здравомыслію парижскаго населенія и разрѣшить выборы; оно склонялось то въ ту, то въ другую сторону.

Послѣ свиданія гг. Жюль Фавра и Бисмарка въ Ферріерѣ, какъ было сказано выше, все парижское населеніе соединилось въ общемъ духѣ патріотизма, и всѣ распри замолкли; но не надолго. Уже 28го сентября, въ улицѣ Омеръ (Aumaire) произошло большое политическое собраніе, въ которомъ г. Ледрю-Ролленъ блисталъ краснорѣчіемъ напоминавшимъ его лучшіе дни. „Я помню", воскликнулъ онъ, „что великой коммунѣ принадлежитъ честь избавленія французской почвы отъ непріятеля. Ліонъ уже провозгласилъ ее; неужели вы останетесь позади Ліона, вы Парижане, всегда шедшіе во главѣ революціи? Неужели вы не сдѣлаете того что сдѣлалъ Ліонъ? Нѣтъ, вы сдѣлаете то же, вы сдѣлаете то же! Вы назначите парижскую коммуну!" Впрочемъ г. Ледрю-Ролленъ совѣтовалъ употреблять лишь одни мирныя средства, говоря: „нынѣ вся наша кровь принадлежитъ Франціи." Рѣчь его возбудила единодушный восторгъ. Впрочемъ самъ Ледрю-Ролленъ не годился въ вожди партіи. Онъ былъ старъ, утомленъ, ему уже успѣла опротивѣть агитація, и быть-можетъ въ глубинѣ души онъ сознавалъ ничтожество и умственную путаницу людей къ которымъ онъ примкнулъ. Но въ вождяхъ не было недостатка. Изъ нихъ Феликсъ Піа принадлежалъ къ самымъ дѣятельнымъ: онъ издавалъ газету *le Combat*, въ духѣ какой-то бѣшеной восторженности и въ стилѣ романтизма, возбуждавшаго улыбку литераторовъ и людей начитанныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ восторгъ толпы. Бланки основалъ газету *la Patrie en danger*, которая въ послѣдствіи, въ серединѣ декабря, прекратилась за отсутствіемъ подпищиковъ, но въ это время еще пользовалась значительнымъ успѣхомъ. Этотъ органъ редактировался съ талантомъ: Бланки отлично умѣлъ льстить дурнымъ страстямъ своихъ и поражать въ слабое мѣсто противниковъ. Дѣятели газетъ *Rappel* (Ваккери, Поль Мёрисъ и сыновья Гюго) и *Cloche* (Луи Ульбахъ и его друзья) не совсѣмъ принадлежали къ этому войску. Они не выли съ волками; они лаяли позади. Наравнѣ съ писателями стояли люди дѣйствія. Изъ нихъ Флурансъ былъ наиболѣе извѣстный; онъ внушалъ нѣкоторую симпатію своимъ несомнѣннымъ му-

жествомъ и своею любовью къ смѣлымъ предпріятіямъ. Говорятъ что его пожирало тщеславіе, дошедшее до неизлѣчимой болѣзни. Онъ самъ назначилъ себя начальникомъ пяти баталіоновъ національной гвардіи и при этомъ возвелъ себя въ чинъ майора, не боясь всеобщихъ насмѣшекъ и остротъ. Звѣзды меньшей величины между его сподвижниками были Сапіа, котораго однажды заарестовали его же солдаты, когда онъ сталъ уговаривать ихъ напасть на городскую Думу, Межи, единственная заслуга котораго заключалась въ томъ что онъ разъ во время имперіи выстрѣлилъ въ городскаго сержанта; Валлесъ, писатель съ крупнымъ дарованіемъ, неизвѣстно какъ попавшій въ это стадо, и многіе другіе. Господа эти умѣли по поводу всего устраивать демонстраціи. 5го декабря, Флурансъ во главѣ баталіоновъ Бельвиля и Менильмонтана, съ военною музыкой, подошелъ къ Городской Думѣ. Онъ требовалъ Шасспо для своихъ людей. Члены правительства вышли въ полномъ составѣ и объявили: „у насъ больше нѣтъ Шасспо, но мы отливаемъ картечницы въ большомъ числѣ“ „Ага! такъ у васъ нѣтъ Шасспо!“ отвѣчаетъ Флурансъ. „А я ихъ обѣщалъ своимъ людямъ и подаю въ отставку.“ „Вотъ это отлично,“ отвѣчаютъ министры, „мы принимаемъ вашу просьбу.“ „Вы ее принимаете?“ гордо спрашиваетъ Флурансъ. „Вы „хотите меня взбѣсить? Беру просьбу назадъ.“

Этотъ разказъ похожъ на сказку или на каррикатуру, но онъ сущая правда. Каждый день Трошю и Гамбетта принимали делегаціи Богъ вѣсть отъ кого и терпѣливо расточали длинныя объясненія; они посвящали этимъ бесѣдамъ послѣполуденные часы. А между тѣмъ журналы красныхъ удвоивали свои нападки, постояннымъ припѣвомъ которыхъ было требованіе *коммуны*.

Наконецъ 8го октября произошла большая демонстрація предъ зданіемъ Городской Думы. Три или четыре тысячи національгардовъ, одни въ мундирахъ, другіе въ блузахъ, спустились съ Бельвиля. Они несли большія афиши, на которыхъ огромными буквами было написано любимое словцо возстаній, и кричали *да здравствуетъ коммуна*! Но правительство собрало нѣсколько вѣрныхъ баталіоновъ, которые вышли на площадь и ловкимъ движеніемъ заставили толпу отступить. Изъ Думы вышелъ Жюль Фавръ въ сопровожденіи большей части своихъ товарищей; между тѣмъ Трошю съ своимъ штабомъ прошелъ вдоль рядовъ солдатъ. Ихъ привѣтствовали

криками: „Да здравствуетъ республика! Долой коммуну!“ Демонстрація не удалась; вожаки попытались возобновить ее на слѣдующій день, но пошелъ проливной дождь и разстроилъ все дѣло. Извѣстно что ничто такъ не препятствуетъ уличнымъ возстаніемъ въ Парижѣ какъ дурная погода.

Событіе это, повидимому, укрѣпило положеніе правительства. Рошфоръ, отъ котораго агитаторы потребовали чтобъ онъ подалъ въ отставку, отвѣчалъ отказомъ въ письмѣ исполненномъ достоинства и патріотизма. Съ своей стороны Бланки, которому вздумалось сложить съ себя званіе начальника баталіона и снова обратиться къ голосованію своихъ избирателей, потерпѣлъ рѣшительное пораженіе: 21го октября онъ былъ забаллотированъ значительнымъ большинствомъ.

Новый поводъ къ агитаціямъ явился, когда сдался Мецъ, Французы были разбиты при Ле-Бурже, и Прусаки заняли Орлеанъ; но въ особенности когда прошла вѣсть о переговорахъ Тьера. Вожаки заговорили, какъ водится, объ измѣнѣ. Настало 31е октября.

Съ утра начали бить сборъ во всѣхъ частяхъ города. Часовъ въ 11 множество баталіоновъ національгардовъ направлялось къ Городской Думѣ. Они собрались на площади; къ нимъ вышли сначала Этьенъ Араго, мэръ Парижа, потомъ Рошфоръ, а наконецъ и самъ Трошю. Около двухъ часовъ въ залу Думы, гдѣ въ это время засѣдали члены правительства, явилась депутація, числомъ около пятидесяти человѣкъ, во главѣ которыхъ шли гг. Морисъ Жоли, Шассенъ и Лефрансе. Они требовали объясненій насчетъ дѣла при Ле-Бурже. Правительство сваливаетъ вину на генерала Бельмàра. Во время пререканій съ депутаціей, г. Трошю подаютъ записку. Читая ее онъ блѣднѣетъ. Записка эта—проектъ декрета который инсургенты хотятъ вытребовать у правительства. Въ проектѣ говорится что черезъ три дня будутъ созваны избиратели для выборовъ въ парижскую коммуну; что коммуна будетъ состоять изъ 80 гражданъ, въ числѣ которыхъ будутъ и члены предполагаемаго кабинета, отвѣтственнаго предъ коммуной такъ же какъ и она предъ Французскимъ народомъ, и что полномочія коммуны прекратятся когда французская территорія будетъ очищена отъ непріятелей и когда явится возможность правильно избрать учредительное собраніе. „Насталъ конецъ Франціи“, говоритъ про себя Трошю. Между тѣмъ на площади увеличивается волненіе. Многіе на-

ціональгарды врываются въ Думу и занимаютъ залы. Являются Делеклюзъ и Феликсъ Піа. Они составляютъ списокъ, во главѣ котораго ставятъ собственныя имена, а вслѣдъ за ними имена Ледрю-Роллена и Доріана. Нѣкоторые національгарды цѣлятся въ членовъ правительства, которые всѣ остаются на своихъ мѣстахъ и сохраняютъ полное спокойствіе. Одинъ Пикаръ скрылся. Онъ спѣшитъ въ свое министерство, разсылаетъ приказы начальникамъ баталіоновъ на вѣрность которыхъ полагается, посылаетъ эстафету генералу Дюкро, и вотъ по всему Парижу раздается сборный барабанъ. Въ восемь часовъ вечера вѣрные баталіоны собрались и прибѣжали на площадь Думы, отвѣчая на клики *да здравствуетъ коммуна!* кликами *да здравствуетъ Трошю!* Несмотря на темноту, никого не раздавили и не ушибли. Разказываютъ что одинъ баталіонъ мобильгардовъ департамента Финистерра вошелъ въ Думу чрезъ подземный ходъ, извѣстный только приближеннымъ правительства, и освободилъ Трошю, который вдругъ исчезъ въ потаенную дверь. Двое или трое изъ другихъ членовъ правительства также спаслись, пользуясь общею сумятицей. Но Жюль Фавръ и Жюль Симонъ остались въ рукахъ инсургентовъ, также и Доріанъ, котораго они провозгласили министромъ. Тѣмъ не менѣе стало очевидно что ихъ партія проиграна. Они находясь въ Думѣ были окружены превосходными силами. Къ двумъ часамъ ночи Трошю проѣхалъ предъ фронтомъ національной гвардіи, скученной около улицы Риволи; его приняли съ одушевленными кликами. Онъ отправился домой, и то же сдѣлали и граждане-солдаты. Они разошлись во всѣ стороны; на площади остались только три баталіона мобилей. Революція рѣшительно не удалась. Она оставила послѣ себя куріозные слѣды: на стѣнахъ были прибиты двѣ афиши, изъ которыхъ первая, подписанная *Доріанъ* и *Этьенъ Араго*, приглашала Парижанъ избрать муниципальный совѣтъ, а вторая, изданная нѣсколькими часами позже, предписывала не слушаться первой и объявляла что правительство одержало верхъ и не намѣрено связывать себя коммуной. Были журналы утверждавшіе что нѣкоторые изъ министровъ обѣщали содѣйствовать выбору муниципальнаго совѣта; журналы эти даже потребовали чтобы министры, не сдержавъ слова, подали въ отставку. Одинъ Рошфоръ исполнилъ это требованіе. Этьенъ Араго также вскорѣ оставилъ должность парижскаго мера, но только вслѣд-

ствіе утомленія. Доріанъ же остался на своемъ постѣ, гдѣ онъ былъ незамѣнимъ.

Кара за этотъ мятежъ воспослѣдовала самая легкая. Нѣкоторые изъ вожаковъ были арестованы, но вскорѣ ихъ выпустили одного послѣ другаго. Журналы ихъ партій опять начали кричать объ измѣнѣ; но больше всѣхъ отличился Феликсъ Піа въ своемъ *Combat*. Онъ объявилъ что онъ, хорошій гражданинъ и человѣкъ порядка, претерпѣлъ оскорбленія отъ *бунтовщиковъ* національной гвардіи, которые его толкали въ зданіи Думы. Невинная выдумка эта была встрѣчена взрывомъ хохота.

Правительство пожелало вознаградить себя за претерпѣнное имъ и обратилось къ плебисциту. Замѣчательно что всѣ люди составлявшіе правительство были самыми рѣшительными противниками плебисцита незадолго предъ тѣмъ, при имперіи. Теперь же они сами обратились къ осужденному ими средству, и результатъ оправдалъ ихъ: 6го ноября городъ Парижъ подтвердилъ ихъ полномочіе большинствомъ 340.000 голосовъ противъ 54.000. Не менѣе замѣчательно и то что тѣ же Парижане которые торжественно отказались своимъ плебисцитомъ отъ революціи, три дня спустя, при выборѣ меровъ и ихъ помощниковъ, какъ разъ назначили большинство тѣхъ кто возбудили мятежъ и управляли имъ, между прочимъ и Делеклюза, который оказался настолько же жалкимъ администраторомъ, насколько онъ былъ хорошій писатель.

Къ этому времени подоспѣло неутѣшительное извѣстіе что переговоры Тьера съ Бисмаркомъ не удались. Это былъ жестокій ударъ. Миръ казался такъ близокъ, а теперь предстоитъ опять война и притомъ совершенно безнадежная. Настроеніе Парижа вполнѣ выразилось въ превосходно написанной статьѣ Эдмонда Абу, гдѣ онъ сказалъ что Парижъ безъ посторонней помощи точно такъ же не устоитъ, какъ не устояли Мецъ, Туль и Страсбургъ. Единственное спасеніе, говорилъ Абу, это—человѣкъ 200.000 въ тылу непріятеля, но мы ихъ не имѣемъ, и со всею доброю волей не будемъ ихъ имѣть и черезъ мѣсяцъ. А черезъ мѣсяцъ Парижъ уже почувствуетъ недостатокъ во многомъ. Г. Бисмаркъ знаетъ это и потому смотритъ на Парижъ какъ на городъ уже взятый. Продолжая въ этомъ же тонѣ, Абу доказывалъ что необходимо было созвать національное собраніе съ цѣлью заключенія мира.

Однако три дня спустя ни Парижъ, ни Абу уже не питали подобныхъ черныхъ мыслей. Всѣ воспрянули духомъ. Провинція поднялась и шла на помощь Парижу.

IV.

Мы остановимся на этомъ пунктѣ осады и бросимъ взглядъ на нѣкоторыя черты домашней жизни Парижа въ этотъ періодъ.

Никто конечно не удивится, прочитавъ что одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ времени осады былъ вопросъ о завтракѣ; а за нимъ—вопросъ объ обѣдѣ. Благодаря тарифу правительства, цѣна хлѣба не пошла въ гору; держалась также цѣна и на вино, запасы котораго были весьма обильны. Говядина и свинина также рано подверглись таксѣ, вслѣдствіе чего стало очень трудно имѣть ихъ. Таксу назначили и для конины, но ея хватило на болѣе долгое время, и каждая стычка подъ стѣнами Парижа снабжала городъ новыми убитыми лошадьми. Такъ какъ сѣно сдѣлалось очень рѣдкимъ, а овесъ и подавно, бо́льшая часть тѣхъ у кого были свои лошади возымѣли прискорбное мужество кормить ихъ хлѣбомъ. Правительство узнало объ этой расточительности и потребовало выдачи всѣхъ лошадей которыя не были необходимы для общественныхъ цѣлей. На бойню бокъ-о-бокъ отправились и смиренная кляча возившая фіакръ, и кровная лошадь спортсмена, стоившая три тысячи франковъ.

Всѣ остальные предметы быстро поднялись въ цѣнѣ. Вотъ выписка изъ дневника, помѣченнаго 9мъ ноября и сравнивающаго цѣны стоявшія около этого дня съ тѣми которыя были до начала осады:

	Предъ осадой.	9го ноября.
Обыкновенный гусь...	6 — 7 фр.	25—30 фр.
Хорошій цыпленокъ...	3 „ и 3 „ 50 сант.	14—15 „
Пара голубей....		12 „
Индѣйка...............	10—12 „	53 „
Пара кроликовъ	6 — 7 „	28 „
Килограммъ копченой ветчины		16 „
Килограммъ ліонской колбасы		32 „

	Предъ осадой.	9го ноября.
Килограммъ колбасы изъ говядины или конины (не существовавшей до осады)...............		4 — 6 фр.
Карпъ.................	2 фр. 50 сант. и 3 „	20 „
Фунтъ трески..........		2 „
Селедка		до 2 „ 50 сант.
Мѣра (boisseau) картофелю	1 „	6 „
Дюжина яицъ..........		4 „ 60 сант.
Совершенно свѣжее яйцо за штуку............		75 сант. и 1 „
Кочанъ капусты......		1 „ 50 сант.
Килограммъ свѣжаго масла...............		45 „ въ наиболѣе извѣстныхъ ресторанахъ.
Древесный уголь за мѣшокъ въ 50 килограммовъ............		22—25 „

Въ общемъ итогѣ, предметы обыкновеннаго потребленія стали слишкомъ въ пять разъ дороже. Нѣкоторые совершенно исчезли, какъ солонина, особенно австралійская, которой не задолго предъ тѣмъ начала торговать Американская Компанія; точно также исчезли морская рыба, сушеные овощи (горохъ, бобы, чечевица), сушеные фрукты, сыръ.

Тяжелѣе всѣхъ этотъ недостатокъ отозвался на классѣ мелкой буржуазіи, на скромныхъ рантье, чиновникахъ съ 1.500 и съ 2.000 фр. жалованья, небогатыхъ ремесленникахъ, словомъ, на всѣхъ кто всегда имѣли по малу денегъ за разъ и перебивались со дня на день. Для многихъ изъ нихъ прекратились работы; слишкомъ гордые для того чтобы прибѣгнуть къ общественной благотворительности, они въ тайнѣ терпѣли страшныя лишенія. Особенно страдали женщины, въ рукахъ которыхъ было хозяйство, которыя терпѣливо дожидались своей очереди у продавцовъ конины и у молочныхъ лавокъ, гдѣ онѣ ежедневно покупали скудную провизію, которыя наконецъ должны были видѣть лишенія и болѣзни своихъ дѣтей. Крупная буржуазія не знала этихъ страданій.

Обезпеченная въ денежныхъ средствахъ, она или покупала припасы по всякимъ цѣнамъ, или обѣдала въ ресторанахъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ заперли свои двери по случаю осады, но большинство осталось открыто. Карты ихъ не щеголяли разнообразіемъ, но блюда встрѣчались очень оригинальныя. Мясо мула или осла было вещью обыкновенною, и по свидѣтельству г. Сарсе, послѣднее очень вкусно, а первое превосходно и гораздо лучше говядины. Но въ ресторанахъ подавались не такія диковины: попадалось мясо медвѣдя, газели, кэнгуру, страуса и яка. Была особенная лавка (называвшаяся boucherie anglaise) гдѣ продавались эти фантастическіе продукты по не менѣе фантастическимъ цѣнамъ. На ряду съ ней были и лавки болѣе простыя и дешевыя, гдѣ торговали кошками, собаками и крысами. За кошку давали 6 франковъ, за крысу 30 су. Забавно то что крысъ, собакъ и кошекъ ѣла по преимуществу крупная буржуазія, по прихоти или изъ любопытства. Хозяинъ обѣда, угощавшій своихъ пріятелей гдѣ-нибудь въ ресторанѣ, приказывалъ: „Подайте крысы sauce madère,“ и всѣ привѣтствовали новое и интересное блюдо и ѣли крысу, немного брезгая, но съ шутками и остротами. Впрочемъ шутки и остроты скрывали множество серіозныхъ потерь и огорченій. Между этими людьми были банкиры, а биржи болѣе не было; крупные торговцы, а вся торговля прекратилась; крупные домохозяева, а дома перестали приносить доходъ; капиталисты, а многія бумаги потерпѣли крушеніе. Они утѣшали себя, ругая Пруссаковъ нищими и канальями; но никто, даже въ тѣ часы отчаянія которые иногда приходили, не посовѣтовалъ бы заключить миръ.

Много страданій пришлось также и на долю рабочаго класса. Парижскому рабочему не свойственно откладывать и копить деньги; поэтому внезапная остановка работъ всегда застаетъ его врасплохъ. Война 1870 года и осада Парижа сразу поразили множество производствъ. Бóльшая часть рабочихъ остались безъ занятій, и даже у тѣхъ которые могли продолжать ихъ пропала охота работать. Видя какъ гуляли товарищи ихъ, они пожелали и себѣ устроить праздники. Но потребности войны могли бы дать работу множеству рукъ: нужно было шить мундиры, точать сапоги, лить пушки, молоть муку, рыть траншеи, возводить валы, выдѣлывать разное оружіе. На первое время невозможно было находить добровольныхъ рабочихъ

на всѣ эти ремесла. Впервые, послѣ долгаго запрещенія, рабочіе получили дозволеніе носить ружье, и казалось, они опьянѣли отъ радости, увидавъ себя вооруженными и отправляющими обязанность караула на оградѣ. Они съ презрѣніемъ смотрѣли на труженика предпочитавшаго мастерскую палаткѣ; они считали его трусомъ, какъ будто бы нужна была сверхъестественная храбрость для того чтобы разгуливать на какой-нибудь платформѣ въ шести верстахъ отъ Пруссаковъ. Къ тому же жизнь національгарда манила прелестью своей праздности; можно было подъ предлогомъ ученія или выборовъ начальствующихъ собираться въ компанію, разговаривать, играть, пить.... пить въ особенности. Пьянство было порокомъ значительной части національной гвардіи; и хотя оно вообще ослабѣвало по мѣрѣ продолженія осады, тѣмъ не менѣе въ декабрѣ, за два или за три дня предъ дѣлами рѣшительнаго свойства, генералъ Клеманъ Тома счелъ необходимымъ въ строгихъ приказахъ выставлять на общественный позоръ поведеніе нѣкоторыхъ баталіоновъ предававшихся пьянству.

Національгарды получали 1 фр. 50 сант. въ день. Мѣра эта была справедлива и благоразумна. Говорятъ что министръ финансовъ г. Пикаръ сопротивлялся ей, ссылаясь на то что это составляло ежедневный расходъ въ 800.000 франковъ; но очевидно что этотъ расходъ обезпечивалъ существованіе людей не имѣвшихъ никакого другаго заработка, и что эти люди будучи оставлены безъ куска хлѣба вскорѣ причинили бы всѣ ужасы безпорядковъ. Распредѣленіе этой суммы тоже не обошлось безъ затрудненій. Чистокровные демократы требовали чтобы жалованье получали всѣ, съ предоставленіемъ желающимъ права возвращать деньги въ казначейство. Другіе же предлагали выдавать ихъ только тѣмъ кто сами о томъ просили, и могли доказать что нуждались въ нихъ. Правительство предоставило разнымъ частямъ устроиться какъ онѣ сами знали. Старые баталіоны, составленные большею частію изъ людей достаточныхъ, стали выдавать жалованье только представлявшимъ ходатайства, а новые—всѣмъ, причемъ стыдившіеся принимать деньги могли возвращать ихъ своимъ капитанамъ. Устройство это не преминуло вызвать нѣкоторыя недоразумѣнія, изъ которыхъ иныя, увы! приводили ко вмѣшательству исправительной полиціи.

Жалованье это выдавалось самимъ солдатамъ, а не же-

намъ или семействамъ ихъ. Бóльшая часть національгардовъ пропивали его и развѣ оставляли себѣ самую ничтожную долю чтобы не умереть съ голоду. Военное бездѣйствіе отвращало ихъ отъ работы. Авторъ однажды пришелъ къ граверу заказывать себѣ визитныя карточки. „У насъ при осадѣ нѣтъ работниковъ,“ сказалъ ему граверъ. „Работая по нашей части, они могутъ получить не болѣе 3 франковъ 50 сант. или 4 франковъ, и они предпочитаютъ брать полтора франка и не дѣлать ничего.“ Это были національныя мастерскія 1848 года возобновленныя въ другой формѣ. Камъ, знаменитый каррикатуристъ, выразилъ это сближеніе въ одномъ изъ своихъ произведеній. Онъ нарисовалъ національгарда, слегка навеселѣ, который горячо обнимаетъ свое ружье и говоритъ ему: „Другъ мой! сокровище мое! радость моя! утѣшеніе мое, національная моя мастерская!“

Нѣсколько позже оказалось что для женатыхъ людей вознагражденіе въ 1 фр. 50 с. было недостаточно, и тогда имъ прибавили по 75 сантимовъ на женъ, а въ нѣкоторыхъ баталіонахъ по 25 на каждаго ребенка. Вслѣдствіе этого распоряженія, многіе рабочіе, жившіе въ незаконной связи, женились на своихъ любовницахъ. Остряки назвали эти браки *бракaми по пятнадцати су.*

Меньше всѣхъ, быть-можетъ, пострадали отъ блокады тѣ бѣдняки которые постоянно существовали общественными пособіями. Никогда общественная благотворительность не была такъ обширна и такъ предусмотрительна какъ въ эти дни всеобщихъ лишеній. Билеты на полученіе отъ казны хлѣба, говядины, дровъ, угля, риса, въ нѣкоторыхъ частяхъ города были розданы щедрою рукой; были учреждены муниципальныя кухмистерскія, гдѣ выдавались или за билеты предварительно взятые, или за наличныя деньги, по чрезвычайно пониженнымъ цѣнамъ, кушанья, которыя можно было ѣсть на мѣстѣ или брать на дома. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ дамы приняли на себя трудъ раздачи этой пищи; онѣ такъ ревностно занялись дѣломъ что наконецъ знали лично большинство приходившихъ за пособіемъ. Служба эта влекла за собой и денежныя пожертвованія, когда приходила бѣдная или несчастная женщина съ груднымъ ребенкомъ, не имѣя ни билета на полученіе, ни гроша денегъ. Дамы-распорядительницы кормили такихъ на свой счетъ. Говоря о дѣтяхъ, приходится опять вспомнить много горькихъ страданій. Получая

скудную пищу, женщины не имѣли достаточно молока для грудныхъ дѣтей; коровье молоко было рѣдко и стоило дорого, несмотря на старанія правительства, которое забрало всѣхъ коровъ для раздачи молока порціями. Собираясь вереницами у мясныхъ лавокъ или въ мѣстахъ раздачи казенныхъ порцій и проводя тамъ иногда часы въ ожиданіи очереди, женщины, разумѣется, не могли смотрѣть за своими дѣтьми, оставленными дома, и бѣдныя дѣти умирали какъ мухи. Несмотря на все это, несчастныя женщины, испытанныя столькими страданіями, хранили во всю осаду твердость и бодрость духа. Никогда не оказывалось столько взаимной помощи; никогда люди такъ не были близки къ идеалу всеобщаго братства.

Въ Парижѣ помѣстилось много крестьянъ изъ окрестныхъ деревень, разрушенныхъ по приказанію правительства. Правительство для нихъ потребовало пустыя квартиры, въ которыхъ они расположились какъ умѣли. Иные случайно попали въ богатыя и щегольскія помѣщенія; вообще говоря, квартиры были не по жильцамъ, и они, вѣроятно въ простотѣ души, а иные можетъ-быть и отъ зависти къ богатству, безжалостно портили и пачкали свои новыя жилища. Въ *Figaro* появился разказъ представляющій въ шутливомъ преувеличеніи участь одной такой квартиры. Одинъ домовладѣлецъ предоставилъ нижній этажъ своего дома въ пользу подгородныхъ эмигрантовъ. У него помѣстился крестьянинъ со всѣмъ своимъ хозяйствомъ. Изъ передней онъ сдѣлалъ птичій дворъ; изъ залы — садъ для кроликовъ и складъ хозяйственныхъ овощей; въ спальню онъ поставилъ старую кадку съ водой, въ которой плескались утки; гостиную стала обитать громадная свинья, а дворъ былъ засѣянъ ячменемъ.

Но какъ бы ни сокрушались домовладѣльцы о той безцеремонности съ которою крестьяне окрестностей третировали свои новыя жилища, эмигранты эти принесли Парижу и существенную пользу. Подъ руководствомъ г. Жуаньйо, агронома весьма извѣстнаго своими сочиненіями, они занялись обработкой обширнаго пространства оставшагося пустымъ вокругъ Парижа. Они превратили его въ огромные огороды, которые должны были къ концу осады снабдить столицу свѣжею зеленью и салатомъ. Пока не созрѣли плоды этихъ огородовъ, Парижъ долженъ былъ довольствоваться тѣми которые приносили смѣлые мародёры съ полей, сдѣлавшихся пустынными и подверженныхъ огню Прусаковъ. Мародёры эти

принадлежали къ осадкамъ населенія, и видъ ихъ внушалъ и жалость и отвращеніе. Ремесло ихъ было не только опасно, но и представляло рискъ инаго рода. Были промышленники которые ожидали ихъ на возвратномъ пути съ экскурсій и на половину просьбами, на половину силой убѣждали ихъ сбывать имъ свою добычу за ничтожную цѣну; затѣмъ, разумѣется, покупатели распродавали свой товаръ въ Парижѣ съ огромнымъ барышомъ. Подъ всею этою торговлей неоднократно скрывалась измѣна. По крайней мѣрѣ мародёры эти пользовались покровительствомъ Прусаковъ и безнаказанно проходили черезъ ихъ линіи. Легко догадаться, цѣной какихъ услугъ. Продавцы эти торговали среди великолѣпнѣйшихъ улицъ и площадей Парижа, какъ напримѣръ на Rue des Martyrs и на Boulevard des Italiens. Всѣ пріучились къ этому зрѣлищу и никто не находилъ его страннымъ.

Обыкновенныя же зрѣлища давно прекратились: театры, какъ выше сказано, давно были закрыты. Возникъ вопросъ не открыть ли ихъ снова, и даже породилъ цѣлую полемику. Блокада породила такую тоску и скуку что Парижу необходимо стало какое-нибудь развлеченіе. Концерты и спектакли начались, но исключительно съ благотворительными цѣлями: то въ пользу раненыхъ, то въ пользу сиротъ, то въ пользу муниципальныхъ кухмистерскихъ; каждый баталіонъ устроилъ вечеръ или утро, сборъ съ котораго назначался на пріобрѣтеніе пушки или картечницы. Первый примѣръ подалъ г. Паделу, который 23го октября началъ рядъ своихъ народныхъ концертовъ (concerts populaires). Концерту предшествовало слово которое произнесъ аббатъ Дюкене для успокоенія совѣсти тѣхъ кто считали подобное удовольствіе неумѣстнымъ въ такое грустное время. Слово краснорѣчиваго аббата имѣло большой успѣхъ. Затѣмъ оркестръ началъ ла-мажорную симфонію Бетховена, и когда онъ дошелъ до анданте, то дѣйствіе этихъ скорбныхъ звуковъ было таково что все собраніе зарыдало. Едва ли когда-нибудь произведеніе великаго музыканта было такъ живо прочувствовано какъ въ этотъ день.

Директоръ Большой Оперы предпринялъ давать по воскресеньямъ музыкальные вечера, гдѣ исполнялись симфоническія піесы и отрывки изъ знаменитыхъ оперъ, и эти вечера посѣщались весьма многочисленною публикой. Французская Комедія также возобновила свои представленія, которыя получили совершенно своеобразный характеръ. Скудное освѣщеніе, пу-

блика изъ національгардовъ и женщинъ въ закрытыхъ платьяхъ, отсутствіе декорацій на сценѣ, актеры большею частью въ современномъ платьѣ—при этой необычайной обстановкѣ давались отрывки изъ піесъ классическаго репертуара и декламировались стихотворенія молодыхъ поэтовъ, какъ гг. Бержера, Дельпи, Абрагамъ Дрейфусъ и Банвиль, по поводу современныхъ событій. Въ бывшей императорской ложѣ присутствовали выздоравливавшіе раненые, на которыхъ, разумѣется, обращались всѣ взоры. Эта была характеристическая черта времени; другую можно было найти въ появленіи на сценѣ *Châtiments* Виктора Гюго. Книга эта была запрещена при имперіи, и одного нахожденія ея при обыскѣ было достаточно для обвиненія въ преступныхъ умыслахъ. Ее читали между пріятелями при закрытыхъ дверяхъ, теперь же лучшія и сильнѣйшія мѣста были публично прочитаны въ театрѣ Porte Saint-Martin при трехъ тысячахъ слушателей. Оттуда *les Châtiments* перешла въ Comedie Française, а затѣмъ распространилась по концертамъ и спектаклямъ которые вездѣ устраивались. Самъ авторъ, при первой вѣсти о паденіи имперіи, поспѣшилъ пріѣхать въ Парижъ, гдѣ ему сдѣлали самую восторженную овацію, послѣ которой онъ однакоже сталъ жить вдали отъ шума, не участвуя ни въ правительствѣ, ни во враждебныхъ ему манифестаціяхъ. Онъ выпустилъ новое изданіе своихъ *Châtiments*, которое разошлось въ числѣ 20.000 экземпляровъ, и это въ такое время когда многіе не рѣшались подписаться на газету.

Другое развлеченіе доставляли Парижанамъ многочисленные новые клубы. Первый изъ нихъ по времени учрежденія былъ клубъ *Отечества въ опасности* (la Patrie en danger), гдѣ царствовалъ Бланки. За нимъ послѣдовали Бельвильскій клубъ, клубъ Cour des Miracles, клубъ Elysée-Montmartre, клубъ Mille-et-un-Jeux, клубъ Porte-Saint-Martin, клубъ Folies-Bergères, клубъ *Освобожденія*, клубъ *Сопротивленія*, клубъ *Мщенія*, клубъ Pré-aux-Clercs, клубъ Casino-Cadet, клубъ *Медицинской школы*, клубъ *Porcherons* и клубъ *Соединенія*. Всѣхъ было около пятнадцати: цифра скромная сравнительно съ 1848 годомъ, когда Парижъ насчитывалъ ихъ 189. Но дѣло въ томъ что и число вопросовъ возбуждавшихъ пренія было не велико во время осады. Около мѣсяца большинство клубовъ питались вопросомъ *коммуны*, но онъ былъ похороненъ неудачей 31го октября; тогда остались для обсужденія только

оборона и продовольствіе, пища скудная для ежедневныхъ собраній, длившихся по три часа. Случалось что предсѣдатель собранія спроситъ: *Никто не требуетъ слова?* И вся зала молчитъ. Такъ погибло за недостаткомъ ораторовъ собраніе серіозное, клубъ *Porte Saint-Martin*, основанный партіей либеральной буржуазіи. Во главѣ его стоялъ г. Демаре, между членами были протестантскій пасторъ г. Прессансе, сотрудникъ *Journal des Débats* г. Юнгъ, г. Кокерель, извѣстный адвокатъ г. Леберкье и другіе. Наслѣдникомъ этого собранія сдѣлался клубъ *Освобожденія*, основанный главнымъ редакторомъ *Liberté*, г. Вриньйо. Онъ удержалъ честность направленія и изящество языка, свойственныя его предмѣстнику; первыя собранія его были очень блистательны, но потомъ и онъ пришелъ въ упадокъ. Между всѣми этими клубами *Folies-Bergères* имѣлъ свой особенный отпечатокъ: тутъ господствовалъ юморъ, и посѣтители его попреимуществу упражнялись въ остроумныхъ шуткахъ, прерывая серіозныхъ ораторовъ и вызывая отчаяніе предсѣдателя, тщетно прибѣгавшаго къ звонку.

Всѣ остальные клубы принадлежали партіи красныхъ. Можетъ-быть въ краснотѣ ихъ и были какіе-нибудь оттѣнки, но только ихъ мудрено было разобрать. Тамъ вносились самыя сумашедшія предложенія, возбуждавшія громъ рукоплесканій. Противиться имъ въ этомъ случаѣ было не безопасно.

Вотъ сцена изъ Бельвильскаго клуба. Появляется ораторъ въ мундирѣ національгарда и съ грознымъ выраженіемъ лица. Онъ вынимаетъ изъ кармана бумагу и, развернувъ ее, начинаетъ читать. Это смертный приговоръ, произнесенный единогласно однимъ изъ сосѣднихъ клубовъ надъ измѣнникомъ Базеномъ и его сообщниками Канроберомъ, Лебёфомъ и Коффиньеромъ. Ораторъ приглашаетъ бельвильскихъ гражданъ присоединиться къ этому рѣшенію. Вся зала встаетъ и кликами своими привѣтствуетъ предложеніе. Затѣмъ ораторъ прибавляетъ что граждане приглашаются лично исполнить этотъ приговоръ. Это предложеніе принимается холодно. Приступая къ обсужденію соціальнаго и религіознаго вопросовъ, ораторъ объявляетъ что теперь настало время замѣнить теологію и метафизику геологіей и соціологіей, и ударяя кулакомъ по столу, восклицаетъ: „Я не боюсь грома, граждане; я ненавижу Бога, этого жалкаго бога поповъ; я бы желалъ подобно Титану взобраться на небо и убить его ударомъ

кинжала.“ Этотъ второй смертный приговоръ вызываетъ менѣе сочувствія нежели первый; нѣкоторые аплодируютъ, кто-то кричитъ: „На это нуженъ воздушный шаръ!“ Женщины переглядываются смущенныя. Закончивъ свою рѣчь титаническимъ восхожденіемъ, ораторъ слѣзаетъ съ трибуны.

Въ Парижѣ основался и женскій клубъ: предсѣдателемъ его была женщина, а секретаремъ Жюль Алликсъ. * Было одно засѣданіе этого клуба (въ октябрѣ) которое послужило увеселеніемъ всему Парижу. Алликсъ внесъ два предложенія: первое, чтобы женщинамъ было дано оружіе, дабы онѣ могли сражаться на оградѣ; второе, чтобъ онѣ запаслись снарядомъ для защиты своей чести отъ непріятелей. Для послѣдней цѣли былъ изобрѣтенъ особый аппаратъ, названный перстомъ Божіимъ и состоявшій въ резинковомъ наперсткѣ, въ концѣ котораго находилась маленькая трубочка съ синильною кислотой. Женщина надѣваетъ этотъ наперстокъ на палецъ, и когда къ ней приближается Прусакъ, она протягиваетъ руку, укалываетъ его, и онъ умираетъ. Если нѣсколько Прусаковъ подходятъ разомъ, тогда какъ безоружная женщина не вышла бы изъ ихъ рукъ иначе какъ жертвой или сумашедшей, она, будучи вооружена *перстомъ Божіимъ*, остается спокойна и чиста, окруженная вѣнкомъ изъ мертвыхъ. Такъ говорилъ гражданинъ Жюль Алликсъ, и женщины плакали отъ умиленія, а мущины хохотали до слезъ. Затѣмъ приступаютъ къ вопросу о костюмѣ, и гражданинъ Жюль Алликсъ хочетъ опять говорить о преимуществахъ гигіеническаго пояса, но тутъ голосъ изъ публики замѣчаетъ что, будучи мущиной, гражданинъ Жюль Алликсъ не долженъ былъ быть принятъ въ составъ коммиссіи. Гражданинъ Жюль Алликсъ вызываетъ обладателя этого голоса показаться. Обладатель—національгардъ, росту въ шесть футовъ, который однимъ прыжкомъ вскакиваетъ на трибуну. При видѣ его, гражданки поднимаютъ бурю: онѣ бросаются на него, щиплютъ, царапаютъ его, и онъ едва можетъ отъ нихъ спастись.

Другая эксцентричность этого времени была крестовый походъ предпринятый нѣкоторыми мерами противъ образовъ Спасителя, которые они приказали вынести изъ лазаретовъ, и противъ училищъ гдѣ обучали монахи, которыя они приказали закрыть. Извѣстность въ этомъ смыслѣ пріобрѣлъ

* Въ послѣдствіи получившій извѣстность какъ членъ коммуны.

г. Моттю, меръ 11го округа. Но правительство уволило за это г. Моттю, и здѣсь оно было заодно съ общественнымъ мнѣніемъ.

Министръ народнаго просвѣщенія, г. Жюль Симонъ, написалъ краснорѣчивый циркуляръ, въ которомъ говорилъ что надъ безсодержательными распрями политики должны возвышаться интересы воспитанія и науки, и потому онъ поручилъ Академіи Наукъ выслать на воздушномъ шарѣ одного изъ своихъ сочленовъ для наблюденій надъ полнымъ солнечнымъ затмѣніемъ которое должно было быть видно въ Алжиріи. Ученый улетѣлъ; но съ тѣхъ поръ о немъ не было вѣстей.

Въ этотъ періодъ осады правительство окончательно организовало воздушную почту, которая посылала письма съ аэронавтами, а отвѣты получало съ голубями. Правительство устроило большой заводъ воздушныхъ шаровъ, такъ что постоянно имѣло одинъ наготовѣ, на случай попутнаго вѣтра. Въ первое время шары отправлялись днемъ, но вскорѣ замѣтили что ихъ стерегли Пруссаки и бросали въ нихъ зажигательныя ракеты или стрѣляли изъ ружей. Тогда рѣшили отправлять ихъ не иначе какъ ночью. Они наполнялись и отпускались почти всегда на одномъ изъ дебаркадеровъ желѣзныхъ дорогъ, или Сѣверной, или Орлеанской. Кто присутствовалъ при подобномъ зрѣлищѣ никогда въ жизни его не забудетъ. Посреди обширнаго двора рвется и мечется на своей привязи шаръ, наполовину наполненный. Онъ изъ желтой тафты, и фонари съ рефлекторами паровозовъ бросаютъ на предметы фантастическій свѣтъ. Кругомъ его, въ тѣни, движутся люди, которыхъ можно принять за демоновъ занятыхъ какимъ-нибудь адскимъ дѣломъ. Въ углу стоитъ директоръ почтъ, г. Рампонъ, онъ съ озабоченнымъ видомъ смотритъ на часы и повидимому совѣщается съ воздухоплавателемъ, г. Годаромъ, съ которымъ онъ тихо разговариваетъ. Очевидно есть опасность. Три человѣка должны отправиться; одинъ изъ нихъ пассажиръ имя котораго хранится втайнѣ. Онъ укутанъ въ мѣха, ходитъ взадъ и впередъ, блѣдный и безпокойный, и старается придать себѣ бодрый видъ, когда чувствуетъ что на него смотрятъ. Другой—морякъ, беззаботно покуривающій свою трубку. Этотъ навѣрное съ тою же рѣшимостью пустится въ воздушное путешествіе съ которою онъ пошелъ бы на абордажъ. Это дѣло службы. Третій—почтовый чиновникъ. Онъ очень занятъ. Сейчасъ прибылъ фургонъ съ корреспонденціей; чиновникъ

переноситъ драгоцѣнные мѣшки и укладываетъ ихъ въ лодкѣ. Прибыли также пять клѣтокъ съ тридцатью шестью голубями. Голуби прелестны: есть черные, есть бѣлые, есть золотистые. Они носятъ громкія имена: *Гладіаторъ*, *Дочь воздуха* и т. п. Ихъ привезъ самъ владѣлецъ ихъ и заботливо смотритъ какъ ихъ помѣщаютъ. Предъ самымъ отъѣздомъ путешественники вдругъ спохватились: ни у одного нѣтъ съѣстныхъ припасовъ. Начинается бѣготня, пассажиры шарятъ въ своихъ карманахъ. Наконецъ собраны три маленькіе хлѣба, двѣ плитки шоколату и бутылка вина. Эта проволочка прошла не безъ пользы. Является запыхавшійся адъютантъ и передаетъ депешу отъ губернатора. Наконецъ раздается: Lâchez tout! и шаръ отрывается отъ земли. Онъ наклоняется подъ силой вѣтра; но послѣ короткой борьбы поднимается вновь, и едва перешелъ черезъ стеклянную крышу дебаркадера какъ уже скрылся въ ночной темнотѣ. Путешественники изъ своей лодки кричатъ adieu; снизу имъ кричатъ: „счастливаго пути!“

Вскорѣ возвратятся увезенные ими голуби, если только ихъ на пути не истребитъ морозъ, или ястребъ, или пуля Пруссака. Каждый изъ нихъ принесетъ съ собой небольшую трубочку привязанную тремя нитками къ одному изъ перьевъ его хвоста. Въ ней свернутъ небольшой листъ бумаги, 40 миллиметровъ въ длину и 30 миллиметровъ въ ширину. Это микроскопически уменьшенный фотографическій снимокъ съ обыкновенной печатной страницы. Его едва можно разобрать въ очень сильный микроскопъ. Такая страница довольно похожа на газету въ четыре столбца; на лѣвомъ столбцѣ одни эти слова: Service des dépêches par pigeons-voyageurs. Steenackers à Mercadier, 103, rue de Grenelle; на остальныхъ трехъ столбцахъ находятся депеши напечатанныя одна послѣ другой безъ бѣлыхъ полей и абзацовъ. Однѣ изъ нихъ офиціальныя; другія частныя. Можно представить себѣ волненіе съ которымъ ихъ ожидали и радость при полученіи ихъ. Сколько луидоровъ попало въ руки почтальйоновъ приносившихъ эти письма! Какими ласками, какою заботливостью окружали возвращавшихся голубей! Ихъ воспѣвала поэзія: Эжепъ Манюэль написалъ въ честь ихъ стихи, которые были публично прочитаны во Французскомъ Театрѣ.

V.

15го ноября по голубиной почтѣ въ Парижъ пришла депеша съ извѣстіемъ что Луарская армія, подъ начальствомъ генерала Орель-де-Паладина, оттѣснила Прусаковъ и взяла обратно Орлеанъ. Нельзя себѣ составить понятія о восторгѣ съ которымъ была встрѣчена эта вѣсть. Итакъ наконецъ поднялась провинція! Она выставила цѣлую армію, настоящую, побѣдоносную армію, и эта армія преслѣдовала разбитыхъ Прусаковъ и находилась отъ осажденной столицы всего въ какихъ-нибудь ста верстахъ! Все недовѣріе, вся ненависть, все отчаяніе послѣднихъ дней было забыто. Имя Ореля-де-Паладина, дотолѣ совершенно неизвѣстное и обреченное судьбой вскорѣ уйти обратно въ свою первоначальную тѣнь, внезапно сдѣлалось знаменитымъ. Газеты соперничали въ возвеличеніи его. О немъ сообщали слѣдующую эффектную подробность: онъ былъ раненъ пулей въ голову, и этой пули нельзя было вынуть, такъ что она каталась взадъ и впередъ въ головѣ и сообщала лицу его суровое выраженіе. Съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій о его приближеніи. Извѣстія приходили, но всѣ они оказывались ложными. Тѣмъ не менѣе общая бодрость господствовала въ настроеніи столицы; все населеніе говорило: армія идетъ къ намъ, пойдемъ ей навстрѣчу.

Но Трошю медлилъ и колебался. Онъ лучше нежели толпа понималъ что четыреста тысячъ человѣкъ не значатъ еще четыреста тысячъ солдатъ, и что военной опытности и выправки не было ни у подвижной, ни у національной гвардіи. Ни та ни другая не успѣли слиться въ стройную и однородную массу; къ тому же гвардейцы не довѣряли своему начальству, смѣялись надъ Трошю и надъ его начальникомъ штаба, которыхъ они прозвали перваго *генералъ De-Profundis*, а втораго *полковникъ Contre-Ordre*. Кромѣ арміи, подвижной гвардіи и національной гвардіи, были еще вольные отряды, которые сформировались съ самаго начала войны, порожденные тою мыслью что съ Прусаками нельзя было драться регулярными силами, но можно было вести съ ними успѣшную партизанскую войну, нападая на транспорты и на отряды находившіеся въ дорогѣ и обезпокоивая фланги и тылъ непріятеля. Вольные отряды одѣвались, вооружались и дѣйствовали

какъ хотѣли. Многіе изъ молодежи и изъ отставныхъ солдатъ поступили въ ихъ ряды, гдѣ можно было разчитывать на дисциплину менѣе точную чѣмъ въ другихъ частяхъ и на большее разнообразіе, на большій элементъ непредвидѣннаго въ бояхъ. На парижскихъ бульварахъ словно появился маскарадъ. Нѣкоторые отряды усвоили простую и суровую одежду; другіе же одѣлись настоящими оперными разбойниками, щеголяя перьями на шляпахъ, разноцвѣтными кушаками, сапогами съ отворотами, необыкновеннымъ шитьемъ и галунами. Никто изъ постороннихъ не находилъ этого смѣшнымъ, и они, казалось, были очень довольны своими нарядами. Впрочемъ они были храбры и безстрашны, нѣкоторые прославились уже раньше осады, какъ напримѣръ вольные стрѣлки города Парижа, болѣе извѣстные подъ именемъ вольныхъ стрѣлковъ Лафона-Моккара, которые отправились въ Седанъ въ числѣ 960, а пришли назадъ въ числѣ 167, а также вольные стрѣлки Арроншона, которые вышли изъ Парижа предъ осадой и отличились при взятіи Шатодёна геройскою защитой города. Когда началась блокада, роль вольныхъ стрѣлковъ повидимому кончилась. Дѣйствительно въ правительствѣ возникла мысль слить ихъ съ регулярными силами и воспретить образованіе новыхъ отрядовъ. Но здѣсь, какъ вездѣ, правительство терялось въ нерѣшительности. Оно не посмѣло коснуться этихъ отрядовъ, потому что они пользовались любовью публики, но постаралось какъ можно болѣе лишить ихъ иниціативы. Въ послѣднихъ числахъ ноября, нѣкто г. Бореперъ, старый и храбрый воинъ, началъ проповѣдовать во всѣхъ клубахъ Парижа нѣчто въ родѣ крестоваго похода. Онъ требовалъ двѣнадцать тысячъ охотниковъ, вольныхъ стрѣлковъ, и брался съ этимъ числомъ людей прорвать линіи непріятеля, пройти ему въ тылъ и начать съ нимъ безпощадную партизанскую войну. Кажется, онъ успѣлъ собрать свою маленькую армію; но ему понадобилось разрѣшеніе губернатора. Трошю сначала далъ разрѣшеніе, а потомъ взялъ его назадъ, ссылаясь на то что вольные отряды стѣсняютъ и путаютъ дѣло обороны. Несмотря однакоже на нерасположеніе офиціальныхъ лицъ, такихъ отрядовъ въ Парижѣ было очень много. Такъ въ артиллеріи были *батареи Политехнической школы*, подъ начальствомъ г. Мангейма, и *Прислуга картечницъ*, подъ командой г. Потье; въ инженерахъ *легіонъ Охотниковъ*, подъ начальствомъ г. Флаше, и *баталіонъ Вспомогательныхъ минеровъ*, подъ началь-

ствомъ г. Жако; въ пѣхотѣ же и въ конницѣ ихъ было столько что здѣсь можно привести только самыхъ знаменитыхъ: *Друзья Франціи*, которые отличались своимъ коричневымъ мундиромъ, и простымъ и изящнымъ; *піонеры Франкетти*, названные такъ по ихъ командиру, храброму молодому человѣку, который былъ убитъ осколкомъ бомбы; *Парижскіе стрѣлки*, подъ начальствомъ г. Лавиня и *Сенскіе стрѣлки*, подъ начальствомъ г. Дюма; *Парижскіе піонеры*, *піонеры Національной Гвардіи*, *Парижскіе карабинеры*, *Всадники республики* и многіе другіе. Трудно обозначить цифру общаго итога этихъ различныхъ легіоновъ: само военное министерство знало его только приблизительно. Всѣ вмѣстѣ взятые вѣроятно составляли отъ 15.000 до 18.000 человѣкъ.

Предметъ относительно котораго общественное мнѣніе не было спокойно былъ вооруженіе. Всѣ были глубоко поражены превосходствомъ которое прусская артиллерія доказала при Вёртѣ и при Седанѣ. Газеты, въ особенности *Temps* и *Opinion nationale*, открыли цѣлый походъ для того чтобы была сооружена новая артиллерія по образцу прусской. Съ ихъ жаромъ могла сравниться только сила инерціи выказанная артиллерійскимъ комитетомъ. Вообще спеціалисты въ этомъ дѣлѣ показали себя самыми отъявленными консерваторами; но публика взяла дѣло въ свои руки. Вездѣ образовались подписки для того чтобъ отлить пушки и принести ихъ въ даръ правительству. Каждый баталіонъ національной гвардіи имѣлъ свою пушку; на большей части театровъ устроились представленія съ цѣлью сбора денегъ на пушки же. Пушки передавались правительству съ большимъ торжествомъ, при звукахъ музыки и барабана, при офиціальныхъ спичахъ. Когда онѣ провозились чрезъ Парижъ, ихъ привѣтствовали съ энтузіазмомъ. Первые экземпляры сфабрикованные частною промышленностью не совсѣмъ удались: нѣкоторые изъ нихъ разорвало. Но потомъ строители приноровилась, и превосходныя пушки Реффи (такъ названныя по своему изобрѣтателю) стали сотнями выходить изъ завода Кайля, превращеннаго въ литейный, и также изъ мастерскихъ г. Фло (Flaud). Въ то же время принялись и за выдѣлку картечницъ. Однимъ изъ любимыхъ удовольствій Парижанъ сдѣлалось посѣщеніе завода Кайля. Почти каждый изъ нихъ присутствовалъ при отлитіи пушки. Считалось счастіемъ имѣть приглашеніе на опыты, которые дѣлались надъ новыми кар-

течницами, и слушать вблизи ихъ странный шумъ, похожій на шумъ внезапно-разрываемой шелковой матеріи.

Къ этой импровизованной артиллеріи вскорѣ присоединилась другая, также живо заинтересовавшая столицу. Эта была Сенская флотилія. Она была привезена изъ Тулона по желѣзной дорогѣ; ее пріютили у острова Лебедя, куда вскорѣ стеклись любопытные посѣтители. Она состояла изъ пловучихъ батарей, изъ которыхъ каждая имѣла по двѣ пушки, бившія на 5.500 метровъ. Флотилія находилась подъ начальствомъ капитана (въ послѣдствіи контръ-адмирала) Томассе, энергическаго моряка, имя котораго вскорѣ сдѣлалось популярнымъ между осажденными. Наряду съ этими батареями, канонерка лейтенанта Фарси дѣйствовала отдѣльно. Лейтенантъ Фарси и его канонерка были настоящими любимцами Парижа. Канонерка эта имѣла одну огромную пушку и была такъ легка что могла входить въ тѣ рукава рѣки куда никакая другая батарея не проникала. Ея командиру приписывали самыя смѣлыя похожденія, и не было недѣли чтобы газеты не требовали для него или повышенія въ чинѣ или почетной награды. Къ истинному своему горю, въ концѣ декабря Парижъ узналъ что пушку эту сняли съ канонерки и поставили на одинъ изъ фортовъ, гдѣ она понадобилась для отвѣта открывшейся бомбардировкѣ.

Были пушки имена которымъ были заимствованы изъ календаря. Въ числѣ ихъ была знаменитая Жозефина. Это было громадное орудіе на бастіонѣ Сентъ-Уана, бившее, какъ увѣряли, на разстояніе 9.000 метровъ. Когда слышали громкіе выстрѣлы, говорили: „Вотъ Жозефина плюется“, или: „Вотъ Жозефина вздыхаетъ“. Банвиль, поэтъ осады, воспѣлъ Жозефину въ хорошенькихъ стихахъ, которые были публично прочитаны въ театрѣ.

Общее настроеніе требовало рѣшительныхъ дѣйствій, и потому жители прочли съ сердцами полными радости и надежды приклеенную 29го ноября на стѣнахъ прокламацію генерала Дюкро, возвѣщавшую что настала минута расторгнуть желѣзный кругъ охватывавшій Парижъ, что 150.000 человѣкъ, въ сопровожденіи болѣе чѣмъ 400 пушекъ, сдѣлаютъ вылазку на непріятеля: и что онъ, Дюкро, возвратится въ Парижъ не иначе какъ убитымъ или побѣдителемъ.

Дѣло началось въ то же утро взятіемъ Лагаръ-о-Бёфа и Ле, на югѣ отъ Парижа. Радость причиненная извѣстіемъ объ

этомъ успѣхѣ была вскорѣ омрачена другимъ, о препятствіи встрѣченномъ самимъ Дюкро. Войска его должны были перейти черезъ Марну по понтонному мосту и не могли этого сдѣлать вслѣдствіе внезапнаго разлитія рѣки. Но на слѣдующій день армія Дюкро благополучно перешла ее и шагъ за шагомъ заняла возвышенность Вилье, взявъ у Прусаковъ двѣ пушки. Это былъ первый крупный успѣхъ французскаго оружія во всю осаду; радость была безмѣрная, и генерала Дюкро возвели въ герои точно такъ же, какъ двѣ недѣли тому назадъ Ореля-де-Паладина. Весь день 1го декабря Французы собирали раненыхъ и укрѣплялись на вновь завоеванныхъ позиціяхъ. 2го числа Прусаки вернулись съ громадными силами, но послѣ семи-часоваго боя принуждены были отступить. Эта была серіозная побѣда: Прусаки потеряли больше народу нежели въ страшной битвѣ при Гравелоттѣ, и осажденные сдѣлали первый шагъ по дорогѣ на востокъ. Но Дюкро отвелъ свои войска обратно черезъ Марну, и весь результатъ сраженій былъ потерянъ. Парижъ узналъ объ этомъ опять изъ уличной прокламаціи 4го декабря, но какъ ни былъ непріятенъ этотъ сюрпризъ, онъ не могъ вполнѣ убить бодрость населенія, которое твердо надѣялось что это была только отсрочка. Публика опять довѣрчиво выслушивала всевозможные нелѣпые слухи о громадныхъ побѣдахъ Французовъ, о взятіи всего прускаго флота въ Сѣверномъ морѣ и т. д. Радость въ ней также возбудило извѣстіе о циркулярѣ князя Горчакова: Парижане надѣялись что они возбудятъ общую войну и что тогда Франціи легче будетъ выйти изъ своего затрудненія, а главное, этотъ циркуляръ былъ жестокою непріятностью для Англіи, которая во время войны держала себя такъ относительно Франціи что возбудила въ ней общую ненависть. Бодрость Парижанъ даже не уменьшилась отъ офиціальнаго сообщенія о пораженіи Луарской арміи, которое графъ Мольтке прислалъ генералу Трошю, и въ которомъ Парижане замѣтили ошибку противъ французской грамматики. А между тѣмъ дѣла портились. Сообщеніе Мольтке вскорѣ подтвердилось съ французской стороны; новая вылазка Трошю, 21го декабря (на этотъ разъ по направленію къ Ле-Бурже), столь же мало прорвала прусскія линіи, какъ и предыдущія. Со дня этой вылазки наступили жестокіе морозы. На Сенѣ плыли огромныя льдины; земля до того отвердѣла что фортификаціонныя работы сдѣлались невозможны, внутри Парижа

каждую ночь термометръ Цельція показывалъ 12° ниже нуля; каковъ же долженъ былъ быть холодъ въ открытомъ полѣ? Такой зимы не бывало въ послѣднія двадцать лѣтъ. Пруcаки отлично защищались отъ холода: они мазались жиромъ, одѣвались въ теплыя овчинковыя шубы, спали въ глубокихъ землянкахъ; тогда какъ французскіе солдаты терпѣли страшно. Они обматывали головы фуляровыми платками, а ноги всѣмъ бѣльемъ, какимъ только могли располагать, и въ этомъ жалкомъ и безобразномъ видѣ теряли всякое подобіе солдатъ. Интендантство словно нарочно выбрало эти дни чтобъ уменьшить ихъ ежедневныя порціи вина. Между линейными и мобилями болѣзни начали производить опустошенія. Послѣдніе особенно страдали тоской по родинѣ, отъ которой ихъ оторвали для того чтобы посадить ихъ на бездѣйствіе въ чуждомъ имъ городѣ, въ то время какъ непріятель (такъ думали они) разорялъ ихъ родныя села и нивы.

Въ бо́льшей части осадъ военачальники и солдаты должны ободрять гражданъ. Въ Парижѣ было наоборотъ. Генералы сражались какъ бы противъ воли; солдаты вѣроятно охотно бы сдались. Ихъ поддерживала буржуазія, полная надежды и энергіи; буржуазія, которая требовала продолженія борьбы не въ качествѣ праздной зрительницы, а храбро дралась при Ле-Бурже (21го декабря), какъ и въ послѣдствіи (въ январѣ) при Монтрету. Она питала твердую рѣшимость не сдавать Парижа. Самымъ краснорѣчивымъ органомъ ея надеждъ и ея скорбей были хроники г. Вите въ *Revue des deux Mondes*, которыя производили въ публикѣ глубокое дѣйствіе и перепечатывались всѣми журналами.

Такимъ-то образомъ Парижъ дожилъ до послѣднихъ чиселъ декабря. Святки для него протекли грустно. Большинство церквей было закрыто, и пустынныя улицы по вечерамъ скудно освѣщались петролеемъ. Погода стояла пасмурная и холодная. Въ видѣ подарка на праздники, Прусаки 27го числа открыли бомбардировку противъ восточныхъ фортовъ, отъ Нуази до Ножана, и противъ Авронской возвышенности. Населеніе встрѣтило новую опасность безъ ужаса и безъ упадка духа. Но весь декабрь мѣсяцъ былъ для него весьма тяжекъ. Лишенія все увеличивались. Уже правительство нашлось вынужденнымъ ограничить выдачу хлѣба 300 граммами въ день. Хлѣбъ раздавался сѣрый, но довольно вкусный, и непохожій на тѣ ужасные суррогаты которые начали появлять-

ся въ январѣ. Говядина обратилась въ миѳъ; ѣли одну конину. Масло, сыръ, картофель, капуста сдѣлались предметами страшной роскоши. Случалось что хорошенькой женщинѣ подносили, въ видѣ подарка на Новый Годъ, мѣшокъ съ картофелемъ, какъ будто бы это была коробка конфетъ. Авторъ разказываетъ черту характеризующую истощеніе средствъ у людей въ обыкновенное время достаточныхъ. Онъ принадлежалъ къ небольшому кружку который собирался играть въ вистъ. Въ первый мѣсяцъ не уменьшали игры; но потомъ фишка упала на половину, а тамъ на три четверти и наконецъ въ послѣдніе дни блокады общество рѣшило больше не играть въ деньги.

Смертность увеличивалась пугающимъ образомъ. Отъ 1.200—1.300 въ недѣлю, нормальной парижской цифры, она быстро поднялась на 2.000, потомъ на 2.400, на 3.000, на 4.000 и наконецъ достигла 4.500. Повсюду показывались погребальныя дроги, которыя безъ провожатыхъ направлялись къ кладбищу. Съ дѣтьми еще меньше церемонились: ихъ гроба брали подъ мышку и такимъ образомъ относили въ общую яму, куда они всѣ бросались. Кладбища были переполнены и затруднялись въ пріемѣ новыхъ обитателей.

Много страданій причинилъ и недостатокъ топлива. Имъ не успѣли достаточно запастись предъ осадой; каменный уголь былъ оставленъ для казенныхъ надобностей, преимущественно для оружейныхъ заводовъ и для лазаретовъ. Но холодъ былъ таковъ что часть народа (впрочемъ небольшая) потеряла терпѣніе и учинила нападеніе на нѣкоторые склады лѣса, которые были разграблены, такъ что потребовалось вмѣшательство національной гвардіи. Правительство поспѣшно распорядилось рубкой Булонскаго и Венсенскаго лѣсовъ. Но свѣжія, сырыя дрова только дымились и горѣли плохо.

Улицы Парижа представляли странный видъ. Почти не было видно лошадей: ихъ съ каждымъ днемъ болѣе истребляло голодное населеніе. Вечеромъ темнота: не было газу. Наплыва иногородныхъ и иностранцевъ такъ давно не было что всѣ посѣтители бульваровъ начали знать другъ друга въ лицо и только что не раскланивались. Парижъ становился похожъ на провинціальный городъ.

Лишенія испытывало не одно населеніе; къ нимъ должно было привыкнуть и войско. Въ военномъ интендантствѣ господствовалъ страшный хаосъ, до того что въ день сдачи фортовъ Нѣмцамъ, когда уже голодъ стоялъ на порогѣ, имъ

вмѣстѣ съ фортами уступили огромные запасы провіанта. Въ одномъ нѣмецкомъ описаніи войны говорится: „Мы много обязаны французской администраціи: безъ нея мы часто были бы въ затрудненіи относительно продовольствія. Но она была настолько внимательна что оставляла провіантъ какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ куда мы приходили для ночной стоянки.“ Между высшимъ военнымъ начальствомъ господствуетъ убѣжденіе что солдатъ непремѣнно, во что̀ бы то ни стало, долженъ ѣсть супъ. Для этого солдатъ заставляли ходить за дровами или хворостомъ и за водой, вынимать и навѣшивать котлы, дожидаться пока поспѣетъ супъ. Обыкновенно случалось - такъ что едва только вода начинала кипѣть, какъ показывался непріятель, или просто получался приказъ идти дальше. Сколько разъ въ теченіи войны Французы были застигнуты врасплохъ, будучи заняты вареніемъ супа! Но генералы оставались при своемъ мнѣніи и ни за что̀ не соглашались замѣнить традиціонный супъ кускомъ говядины. Ихъ не умудрилъ опытъ, какъ не умудрилъ онъ и г. Трошю, который, несмотря на всеобщія, единогласныя жалобы на интендантское вѣдомство, на несомнѣнные его промахи и бездѣйствіе, именно это вѣдомство осыпалъ наградами и милостями.

Самая худшая часть была лазаретная. Давно уже въ цѣлой толстой книгѣ доктора Шеню обличенная въ своихъ погрѣшностяхъ въ Крыму и въ Италіи, она пользовалась такою дурною славой что когда разразилась война, всѣ были увѣрены въ ея недостаточности и безсиліи. Съ другой стороны, Женевская конвенція повсюду возбудила желаніе посвятить себя дѣлу ухода за больными и ранеными. Вскорѣ образовались два общества, одно изъ которыхъ (*Международное*) имѣло офиціальныя связи и составилось преимущественно изъ людей большаго свѣта, другое (*Общество печати*) уже названіемъ своемъ показываетъ свое происхожденіе. Весьма распространенная въ Парижѣ газета *Gaulois* первая открыла въ своихъ столбцахъ подписку въ пользу раненыхъ, которая въ одинъ мѣсяцъ достигла милліона. Тогда образовалось общество, преимущественно изъ журналистовъ, съ цѣлью употребить эти средства наиболѣе полезнымъ образомъ. Предсѣдателемъ общества сдѣлался г. Тарбѐ; самые ревностные его дѣятели были г. Дарденнъ-де-ла-Гранжери и г. Арманъ Гузвенъ (сотрудникъ *Gaulois*). Когда послѣ Седан-

скихъ битвъ сдѣлалось ясно что Пруссаки попытаются овладѣть Парижемъ, пожертвованія въ пользу раненыхъ снова полились въ немъ дождемъ, и всюду открылись лазареты. Правда что многіе изъ послѣднихъ были только по виду лазареты: это были просто дома, владѣльцы которыхъ страшились бомбардировки и надѣялись что подъ эгидой краснаго креста на бѣломъ фонѣ добро ихъ уцѣлѣетъ. Въ послѣдствіи, конечно, узнали что красный крестъ никого и ничего не защищаетъ. Но много было и серіозныхъ лазаретовъ, которые устроились быстро и хорошо. Всѣ свободныя помѣщенія были заняты ими; бо́льшая часть театральныхъ фойе превратились въ лазареты, которые содержались на сборъ представленій, даваемыхъ въ тѣхъ же театрахъ, и на добровольныя пожертвованія, собираемыя актрисами. Эти лазареты имѣли тотъ важный недостатокъ что находились въ срединѣ Парижа, гдѣ могли сдѣлаться центрами заразы; но они отлично содержались, и въ числѣ ихъ былъ одинъ который имѣлъ рѣдкое счастіе не потерять ни одного паціента—это былъ лазаретъ театра *Variétés*, гдѣ докторъ Бонньеръ, посредствомъ остроумно изобрѣтенной методы, до послѣдней возможности уменьшилъ опасности нагноенія. *Международное Общество* главною квартирой своею имѣло сначала Дворецъ Промышленности, но убѣдившись въ трудности отопить такое обширное помѣщеніе, оно переселилось въ гостиницу *Grand Hôtel*, гдѣ ежедневно платило 500 франковъ за наемъ. Выборъ этотъ не былъ удаченъ: устройство гостиницы не отвѣчаетъ требованіямъ госпиталя, и смертность въ этомъ учрежденіи была значительная, несмотря на то что оно главнымъ докторомъ имѣло такую знаменитость какъ Нелатонъ. *Общество Печати* устроило довольно большое число лазаретовъ, изъ нихъ одинъ во всѣхъ отношеніяхъ образцовый: это лаза́ретъ Пасси. Къ сожалѣнію, онъ былъ оконченъ не ранѣе послѣднихъ чиселъ декабря; несмотря на это онъ оказалъ весьма значительную пользу. Онъ былъ устроенъ по американскому образцу. *Американскій госпиталь* находился въ *Avenue de l'Impératrice*, гдѣ для осмотра его перебывалъ весь Парижъ. Весь матеріалъ для него былъ привезенъ Американцами въ Парижъ во время всемірной выставки, и затѣмъ оставленъ на мѣстѣ, такъ что когда настала осада, цѣлый госпиталь словно грибъ выросъ въ одну ночь. Видъ его былъ прелестенъ. Онъ находился въ рощѣ и составлялъ цѣлый лагерь палатокъ, изъ

которыхъ однѣ были круглыя, а другія имѣли форму продолговатыхъ четвероугольниковъ. Палатки эти были сдѣланы изъ бумажной матеріи, пропитанной непромокаемымъ составомъ въ родѣ дегтя. Въ землѣ подъ ними были вырыты подвалы и поставлены печи, которыя такимъ образомъ въ одно время осушали почву и нагрѣвали палатки. Превосходная вентиляція постоянно возобновляла воздухъ и устраняла всякое зловоніе. Вездѣ господствовала величайшая чистота. Строгая цѣлесообразность и экономія устройства не допускала ничего лишняго, никакихъ сооруженій на показъ. Когда авторъ *Осады Парижа* посѣтилъ *Американскій госпиталь* и, между прочимъ, вошелъ въ аптеку, онъ, къ своему удивленію, нашелъ ее почти пустою. Тогда главный докторъ госпиталя, г. Суайборнъ, объяснилъ ему что онъ употреблялъ всего четыре лѣкарства: свѣжій воздухъ, воду теплую или холодную, опіумъ и хину. „Все это беретъ немного мѣста“, замѣтилъ онъ, „а остальное и громоздко и безполезно“. Устраивая свой госпиталь въ Насси, Общество Печати поставило себѣ задачей усвоить всѣ хорошія стороны американской системы и по возможности еще усовершенствовать ее. Лазаретъ въ *Avenue de l'Impératrice* можно было упрекнуть въ нѣкоторой суровости и бѣдности внѣшней обстановки, что несовсѣмъ выгодно дѣйствуетъ на нравственное состояніе паціентовъ. Лазаретъ Пасси (построенный подъ руководствомъ инженера Кальйо) напротивъ того имѣетъ самый веселый и смѣющійся видъ. Снаружи онъ напоминаетъ швейцарскую деревню. Онъ состоитъ изъ 31 барака; каждый изъ нихъ внутри составляетъ громадную залу въ 30 метровъ длины, 10 метровъ ширины и 4 метра вышины, освѣщаемую сверху стекляннымъ фонаремъ, который идетъ во всю длину залы, имѣя 3 метра ширины и два вышины. Каждая изъ рамокъ этого громаднаго окна можетъ отворяться, и оно заливаетъ все помѣщеніе яркимъ, веселымъ свѣтомъ. Стѣны оклеены обоями, и во всей меблировкѣ до того господствовало стремленіе какъ можно болѣе бороться съ грустнымъ настроеніемъ больныхъ и раненыхъ и съ тяжелыми впечатлѣніями госпиталя, что даже обыкновенныя сѣрыя одѣяла были замѣнены пестрыми самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Во главѣ лазарета Пасси стоялъ извѣстный хирургъ г. Демарке.

Кромѣ лазаретовъ постоянныхъ была еще цѣлая система подвижныхъ лазаретовъ, назначеніемъ которыхъ было пода-

вать помощь въ дни сраженій. Центромъ ихъ служилъ Тюилерійскій дворецъ. Рано утромъ члены комитета устраивали врачебный караванъ. Тотъ который принадлежалъ Обществу Печати заключалъ болѣе ста медиковъ и студентовъ, не считая надзирателей, наблюдавшихъ за хозяйственною частью. Вслѣдъ за медиками шли члены братства Христіанскихъ Школъ, которые служили простыми носильщиками; за ними слѣдовали двѣсти большихъ каретъ, принадлежавшихъ компаніямъ Ліонской и Орлеанской, множество фургоновъ и нѣсколько спеціальныхъ повозокъ системы Биндера, для тѣхъ раненыхъ которыхъ должно было класть лежа во всю длину. Приблизившись какъ можно болѣе къ мѣсту дѣйствія, караванъ занималъ въ какомъ-нибудь пустомъ домѣ временную главную квартиру, и оттуда члены комитета, всегда лично присутствовавшіе на всѣхъ поляхъ сраженія, разсылали врачей, носильщиковъ и подвижной составъ отдѣльными отрядами, смотря по мѣрѣ надобности.

Впрочемъ не вездѣ и не всегда господствовалъ такой стройный порядокъ. Въ особенности въ первое время всякій кому вздумается выѣзжалъ на поле битвы, подъ предлогомъ попеченія о раненыхъ; вблизи дѣйствовавшихъ войскъ тѣснилась самая пестрая смѣсь фіакровъ, кабріолетовъ, шарабановъ, омнибусовъ, украшенныхъ краснымъ крестомъ на бѣломъ фонѣ и порождавшихъ невѣроятный хаосъ. Люди ѣздили на сраженіе какъ на конскій бѣгъ и о раненыхъ пеклись не болѣе какъ еслибъ они вмѣсто пуль и ядеръ перекидывались хлѣбными шариками. Администрація, наконецъ, положила предѣлъ этимъ непристойнымъ проявленіямъ любопытства, которыя положительно вредили дѣлу. Безпорядокъ уменьшился, но все еще его оставалось много, и далеко было французской врачебной части до совершенства прусской. Уборка мертвыхъ и раненыхъ съ поля сраженія у Французовъ всегда производилась до крайности медленно; всегда приходилось просить у Пруссаковъ перемирія для окончанія этого дѣла, и всегда Пруссаки отвѣчали: „Вашихъ мертвыхъ мы похоронили, вашихъ раненыхъ мы собрали вмѣстѣ съ нашими и имъ у насъ не хуже чѣмъ было бы у васъ.“ Обиднѣе всего было то что они говорили совершенную правду. Одна изъ худшихъ сторонъ лазаретной части у Французовъ былъ личный составъ носильщиковъ. Исключеніе составляли члены братства Христіанскаго Ученія, которые заслужили удивленіе всего Парижа

и въ лицѣ своего главнаго представителя были удостоены правительствомъ почетнаго креста. Это были дѣятели полные мужества, самоотверженія, терпѣнія и безкорыстія. Но большинство остальныхъ носильщиковъ были негодяи, которые грабили мертвыхъ, вмѣсто того чтобы отыскивать раненыхъ, и бо́льшую часть времени проводили за бутылкой. Прискорбно то что попытки поручить ихъ занятія національгардамъ не удались: національгарды болѣе мѣшали чѣмъ помогали дѣлу, а нѣкоторые даже подали соблазнъ, такъ что администрація получила предразсудокъ противъ нихъ и въ послѣдствіи всегда отказывала ротамъ являвшимся съ предложеніемъ добровольныхъ услугъ. Другая плачевная сторона заключалась въ безпорядкахъ которые происходили при распредѣленіи раненыхъ въ Парижѣ. Никакъ нельзя было добиться того чтобъ интендантство заранѣе знало сколько въ каждомъ лазаретѣ свободныхъ кроватей. Недоразумѣніямъ не было конца, и бѣдные раненые перевозились изъ конца въ конецъ обширной столицы, пока не находили лазарета который соглашался ихъ принимать. Особенно много должны были выносить больные которыхъ можно было заподозрить въ какой-нибудь заразительной болѣзни. Предъ ними запирались всѣ двери.

Чѣмъ безпорядочнѣе и непредусмотрительнѣе была администрація, тѣмъ теплѣе, разнообразнѣе и изобрѣтательнѣе была частная благотворительность. Никогда не бывало такого разоренія; но никогда не бывало и такой готовности жертвовать. Госпитали были переполнены простынями, салфетками и бѣльемъ всякаго рода. „У насъ хватитъ корпіи на десять лѣтъ“, говорилъ г. Маллезъ, главный врачъ лазарета при Французскомъ Театрѣ. Когда наступили холода, составилось общество для обмундированія солдатъ, и на первое его объявленіе въ газетахъ посыпались пожертвованія суконъ и фланели. Послѣ большихъ сраженій при Вилье и при Шампиньи администрація пригласила гражданъ принять въ свои дома выздоравливающихъ, чтобъ очистить лазареты для многочисленныхъ новыхъ раненыхъ. Въ теченіе слѣдующаго для въ префектуру поступило болѣе двадцати тысячъ заявленій желанія принять раненыхъ на домъ.

Женщины выказывали удивительное рвеніе и самоотверженіе. Не было Парижанки которая бы не посвятила себя или какому-нибудь лазарету, или даровой кухнѣ, или посѣщенію бѣдныхъ. Составилось множество женскихъ обществъ

для борьбы съ бѣдствіями войны. Одно изъ самыхъ знаменитыхъ обществъ называлось *Сестры Франціи*: это были сестры милосердія, но только мірскія и временныя. Союзъ ихъ былъ организованъ г. Эмилемъ Барро, членомъ гражданскаго комитета обороны, но первая мысль такого союза принадлежала одной женщинѣ, которая выразила его въ замѣчательномъ письмѣ на имя г. Барро. Организація была дѣломъ очень щекотливымъ: принимались только женщины безупречной нравственности; требовалось чтобы каждая могла питаться собственными средствами, и чтобы союзъ могъ обходиться безъ воззваній къ посторонней благотворительности. Но дѣло пошло успѣшно. *Сестры Франціи* основали до тридцати лазаретовъ, постоянныхъ и подвижныхъ, для раненыхъ и для больныхъ, не исключая и заразительныхъ болѣзней. Въ числѣ сестеръ были нѣкоторыя дамы изъ высшаго свѣта, но большинство ихъ изъ мелкой буржуазіи; члены принимались не моложе 25 лѣтъ. Авторъ посѣтилъ одинъ изъ ихъ лазаретовъ, находившійся въ Монружѣ, среди развалинъ и запустѣнія, и въ такомъ отдаленіи отъ всякой торговли что сестры служившія въ немъ часто не успѣвали ходить въ Парижъ покупать припасы, и тогда питались хлѣбомъ смоченнымъ въ винѣ.

VI.

Единственный плодъ большихъ вылазокъ 30го ноября и 2го декабря было занятіе Французами Монтъ-Авронской возвышенности. Она была взята адмираломъ Сессе и по распоряженію Трошю ее вооружили крупными морскими орудіями. Обладаніе ею служило утѣшеніемъ для Парижанъ среди всѣхъ неудачъ декабря мѣсяца. Солдаты мерзли на Монтъ-Авронѣ: восьмиградусный холодъ внутри Парижа достигалъ двѣнадцати градусовъ на открытой и голой возвышенности; но граждане спали спокойно, увѣренные что Прусакамъ не удастся снова взять эту позицію.

Но въ одинъ прекрасный день въ концѣ декабря, на Монтъ-Авронъ внезапно посыпался такой градъ ядеръ и бомбъ что ослѣпленные ими солдаты въ началѣ совершенно растерялись. Опомнившись, они отвѣчали на непріятельскій огонь и стойко выдержали его въ теченіе двухъ сутокъ. Но во второй половинѣ втораго дня непріятель открылъ новыя батареи,

изъ которыхъ однѣ стрѣляли во фронтъ, а другія во флангъ французской позиціи, и въ числѣ прусскихъ орудій были знаменитыя Крупповы орудія, мѣтко бросавшія свои двухсотъ фунтовыя бомбы, стоя внѣ сферы дѣйствій французской артиллеріи. Держаться долѣе было невозможно, и въ ночь съ 29го на 30е декабря храбрые моряки по примерзшему скользкому снѣгу на себѣ перевезли орудія занимавшія Монтъ-Авронъ въ мѣсто обезпеченное отъ прусскихъ выстрѣловъ. Парижское населеніе изъ офиціальнаго бюллетеня узнало что позиція на которую оно такъ надѣялось была въ рукахъ непріятеля.

Въ теченіе декабря мѣсяца Парижъ успѣлъ сдѣлаться сравнительно весьма терпѣливымъ и благодушнымъ; но потеря Монтъ-Аврона превысила всякую мѣру терпѣнія. Ропотъ на правительство соединился со слухами о несогласіяхъ внутри самого правительства. Трошю опровергъ эти слухи особою прокламаціей, въ которой онъ обмолвился такою злополучною фразой: „Будьте покойны; губернаторъ Парижа не будетъ капитулировать." Какъ будто бы Парижанамъ сдѣлалось легче еслибы Трошю вышелъ въ отставку, а капитулировалъ другой! Партія крайнихъ прибила на стѣнахъ прокламацію кроваваго цвѣта, взывавшую къ возстанію. Правительство начало судебное слѣдствіе для разысканія виновныхъ; но никакія слѣдствія не могли измѣнить того что многіе меры принадлежали къ партіи „коммуны", открыто порицали способъ обороны и довольно прозрачно обнаруживали желаніе захватить власть въ свои руки.

Между тѣмъ бомбардировка шла своимъ чередомъ, распространившись съ восточныхъ фортовъ на южные и обнявъ Рони, Ножанъ, Монружъ, Бисетръ и Исси. Подъ небомъ Парижа стоялъ какъ бы непрерывный громъ и гулъ, къ которому наконецъ жители привыкли. Бомбардировка очень мало вредила фортамъ; но снаряды начали попадать внутрь города. 5го января Парижъ впервые увидѣлъ прусскія бомбы: однѣ упали въ Люксамбурскій садъ, другія на кладбище Монпарнассъ, на Нормальную Школу (на Ульмской улицѣ) на бульваръ *Ада* (de l'Enfer) и въ улицу Сенъ-Жакъ. Нѣкоторые изъ жителей стали утверждать что эти бомбы были адресованы въ соборъ Парижской Богоматери или въ Пантеонъ; другіе напротивъ добродушно увѣряли что это были заблудшія бомбы, которымъ хотѣлось попасть въ ограду, а не въ

мирное зданіе; достаточно, говорили они, самой незначительной ошибки въ прицѣлкѣ орудія для того чтобы снарядъ попалъ дальше цѣли. Но ни тѣ, ни другіе не испугались. Когда снаряды стали падать внутри города чаще и чаще, они сдѣлались предметомъ любопытства, развлеченія, почти моды. Уличные мальчишки начали торговать осколками бомбъ; осколки горячіе продавались пятидесятью сантимами дороже. Правительство было принуждено запретить жителямъ собираться въ толпу около пунктовъ на которые падали бомбы. Но это не помогло. Вошло въ употребленіе школьничество новаго рода: извѣстно что когда вблизи разрывается бомба, то слѣдуетъ бросаться на землю ничкомъ чтобы спастись отъ разлетающихся осколковъ. Дѣти парижскихъ рабочихъ, а иногда и отцы ихъ, видя какого-нибудь толстаго буржуа съ толстою золотою цѣпочкой, который проходилъ по улицѣ и приближался къ грязной лужѣ, кричали ему: *Gare l'obus!* и испуганный буржуа бросался лицомъ прямо въ грязь, привѣтствуемый общимъ взрывомъ хохота. Вреда бомбы причиняли мало, и жители такъ привыкли къ нимъ что хозяинъ одной виноторговли въ Отёйлѣ написалъ на своей вывѣскѣ: *Au rendez-vous des obus*, и заведеніе его имѣло пропасть посѣтителей. Тѣмъ не менѣе прусскіе снаряды, хотя и мало вредили зданіямъ, нерѣдко убивали жителей, и въ особенности женщинъ и дѣтей, которыя не были защищаемы валами и траншеями, какъ большинство мущинъ. Замѣчательна также любовь которую бомбы обнаруживали къ музеямъ, библіотекамъ и госпиталямъ. Онѣ оказывали особенное предпочтеніе госпиталю Val-de-Grâce.?. Трошю распорядился перенесеніемъ туда плѣнныхъ раненыхъ и увѣдомилъ объ этомъ г. Мольтке. Съ тѣхъ поръ снаряды оставили Val-de-Grâce въ покоѣ. Прекрасный Ботаническій Садъ былъ совершенно опустошенъ; отъ знаменитыхъ во всей Европѣ оранжерей музея уцѣлѣли только двѣ камеліи, которыя администраторы музея поднесли одному Англичанину, г. Ричарду Уаллэсу, * въ знакъ національной благодарности за его неутомимую и грандіозную благотворительность во все время осады.

* Ему же посвящена и книга г. Сарсе. „Это единственный Англичанинъ, говоритъ авторъ, который предпринялъ заставить насъ забыть неблаговидный образъ дѣйствій съ нами его соотечественниковъ и возстановилъ у насъ уваженіе къ имени Англіи."

Бодрость духа Парижанъ особенно поддерживалась ихъ убѣжденіемъ что дѣла въ провинціи обстояли благополучно. Отъ 20го декабря до 7го января въ Парижѣ не было получено никакихъ извѣстій; голуби не прилетали; они не могутъ путешествовать при большихъ морозахъ. Наконецъ 7го числа прилетѣли голуби, которые подъ своими крыльями принесли важныя депеши отъ бордоской делегаціи и микроскопическіе снимки съ *двадцати тысячъ* частныхъ телеграммъ. Гамбетта извѣщалъ о побѣдахъ Федерба при Бапомѣ и Понъ-Нойеллѣ и прославлялъ Шанзи, какъ человѣка на котораго указали событія для спасенія Франціи. Ничего точнаго объ операціяхъ Шанзи не сообщалось; но и этихъ общихъ фразъ было достаточно чтобъ онъ тотчасъ же сдѣлался идоломъ Парижа. Ко всѣмъ этимъ добрымъ вѣстямъ присоединялась еще надежда на Бурбаки, который собирался нанести Пруссакамъ страшный ударъ на востокѣ. Еще разъ всѣ лица въ Парижѣ засіяли радостью; еще разъ явилась надежда выбиться изъ окруженнаго города и подойти на встрѣчу арміямъ провинціи. А между тѣмъ бомбардировка начинала дѣлать успѣхи: кромѣ того что внутри ограды линія которой достигали ядра ежедневно подвигалась впередъ на сотню метровъ, распространился слухъ что нѣкоторые форты, въ особенности Исси, Ванвръ и Монружъ, сильно пострадали отъ непріятельскихъ снарядовъ. Несомнѣнно было то что французская артиллерія не могла заставить замолчать прусскую, и по всей вѣроятности она ей почти совсѣмъ не вредила. Нужно было какимъ-нибудь другимъ средствомъ остановить приближеніе непріятеля. У всѣхъ какъ бы отлегло отъ сердца, когда наконецъ 19го января можно было прочесть на стѣнахъ прокламацію правительства, возвѣщавшую большую вылазку всею массой вооруженныхъ гражданъ. Парижъ дождался того чего требовалъ уже цѣлые мѣсяцы: его повели противъ непріятеля. На этотъ разъ самъ Трошю принялъ начальство надъ атаковавшими войсками. Но успѣхъ этого предпріятія былъ тотъ же что̀ и предыдущихъ. Французамъ удалось взять редутъ Монтрту и чрезъ брешь проникнуть въ Бюзенвальскій паркъ. Здѣсь-то былъ убитъ талантливый живописецъ Анри Реньйо, написавшій дивную по теплотѣ и колориту картину *Саломея* и подававшій самыя большія надежды. Ему было лишь двадцать девять лѣтъ, и онъ два года уже былъ женихомъ молодой дѣвушки, страстно въ него влюбленной. Весь Парижъ, даже въ

эти обильные скорбями дни, былъ глубоко пораженъ его смертью. Лихорадочное ожиданіе извѣстій, которое овладѣло Парижемъ, какъ всегда въ дни вылазокъ, еще увеличивалось отъ неопредѣленности офиціальныхъ бюллетеней. Только первый, извѣщавшій о взятіи Монтрту, былъ радостный, во второмъ уже говорилось о какихъ-то туманахъ, мѣшавшихъ рекогносцировкамъ; третій и четвертый ясно показывали что Французы, если не были сами разбиты, то по крайней мѣрѣ не подвигались впередъ; наконецъ пришла депеша помѣченная *9 часовъ 50 минутъ* и гласившая что непріятель надвинулъ на Французовъ громадныя массы артиллеріи и пѣхотные резервы, предъ которыми нужно было очистить высоты занятыя утромъ. Итакъ, этому вѣчному припѣву о громадной артиллеріи непріятеля, заставлявшей Французовъ отступать, суждено было повториться даже и тогда когда патріотическая щедрость частныхъ людей въ Парижѣ успѣла пожертвовать сотни новыхъ пушекъ въ пользу дѣла обороны! „Повидимому правительство бережетъ эти пушки чтобы въ день сдачи приподнести ихъ Прусакамъ,“ съ горечью подумали Парижане. На слѣдующее утро г. Трошю сообщилъ что онъ намѣренъ просить двухъ-дневнаго перемирія для уборки раненыхъ и погребенія убитыхъ. Вслѣдъ затѣмъ получены были извѣстія о пораженіи Шанзи, которыя *Офиціальный Журналъ* скрылъ или смягчилъ, но не надолго. Бомбардировка еще усилилась, захвативъ съ 21го января и фортъ Сенъ-Дени. Усиливался и недостатокъ продовольствія: уже выдача хлѣба была ограничена 300 граммами, а выдача конины 30 граммами въ сутки, и этотъ хлѣбъ былъ до того отвратителенъ что не было возможности его ѣсть. Оптимисты утверждали что муки хватитъ до 15го марта; болѣе свѣдущіе, имѣвшіе доступъ къ министерству, признавались что ея оставалось только дней на восемь, и что 3го февраля городъ очутится безъ куска хлѣба и безъ возможности во-время возобновить снабженіе продовольствіемъ такъ что милліонъ человѣкъ погибнетъ съ голоду, прежде чѣмъ хоть одинъ куль хлѣба прибудетъ на парижскую станцію желѣзной дороги. Положеніе быстро ухудшалось. Вскорѣ узнали въ Парижѣ что разбитъ не одинъ Шанзи, но также и Федербъ, и Бурбаки, и Бурбаки хуже всѣхъ. Разказывали что правительство собрало всѣхъ высшихъ офицеровъ арміи, изложило предъ ними состояніе дѣлъ и спросило у каждаго изъ нихъ совѣта, предла-

гая постъ главнокомандующаго тому кто возьметъ на себя отвѣтственность за оборону до послѣдней крайности. Ни одинъ не принялъ ея. Отъ генераловъ перешли къ полковникамъ, а потомъ къ капитанамъ, и всѣ они отказались отъ предложенной имъ чести. Только одинъ, говорили, съ большимъ жаромъ изложилъ средство, по его мнѣнію вѣрное, пробиться сквозь ряды непріятеля; но и онъ принужденъ былъ согласиться что, пробившись, армія попала бы въ пустое пространство, безъ боевыхъ припасовъ, безъ пищи, и немедленно была бы уничтожена. Оставалось только сдаться.

27го января *Офиціальный Журналъ* сообщилъ о началѣ переговоровъ, съ цѣлью заключить перемиріе.

G.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ТРЕТІЙ.

МАЙ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ІЮНЬ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

— Вы лѣчили меня?

— Гмм....

Мнѣ пришлось принять ворчанье тигра за баюканье.

— Кіоми, за какимъ чортомъ ваши люди напали на меня?

Она повторила звукъ похожій на взрывъ мины; но я настоятельно требовалъ отвѣта.

— Я васъ брошу и уйду, пригрозила она.

— Несносное существо! Я васъ ненавижу!

— Ненавидьте.

— Скажите, кто нашелъ меня?

— Не скажу. Закройте глядѣлки!

Дѣвочка воскликнула:—Я нашла васъ!

Кіоми разразилась противъ нея.

— Я нашла, повторила дѣвочка, — да, я и ходила за вами сначала; мать васъ лѣчила. Кіоми здѣсь только другой день.

Старуха вышла изъ палатки. Она пощупала мой пульсъ и тотчасъ же, ставъ предо мной, заговорила:

— Васъ не легко убить. Лежите теперь только на солнцѣ, мой красавецъ. Чего же вамъ еще. Воздухъ да вода, вотъ для васъ все лѣченіе. Въ васъ есть сила перескочить оврагъ; только не волнуйтесь, а то оборветесь, молодой господинъ.

— Перестаньте говорить со мной какъ съ чужимъ, проворчалъ я.—Признавайтесь. Зачѣмъ держали вы меня здѣсь? За что ваши люди исколотили меня?

— *Наши* люди! воскликнула старуха, и тонъ этого восклицанія заставилъ бы цѣлое собраніе присяжныхъ признать ее невинною.—За что же нападать имъ на такого красавчика какъ вы? продолжала она.—Они для васъ готовы пробѣжать пятьдесятъ верстъ въ день; они покажутъ вамъ всѣ штуки и секреты свои даромъ.

Мой деспотъ, Кіоми, разразилась на мать. Мать отвѣчала; вмѣшалась дѣвочка. Всѣ три огрызались, хмурились, накидывались другъ на друга безостановочно.

Наконецъ, по внезапномъ прекращеніи бури, онѣ рѣшили что мнѣ надо дать кашицу.

Утомленіе, а также и надежда что кашица дастъ мнѣ силу встать на ноги и ходить, убѣдили меня проглотить ее. Старуха все завѣряла что никто изъ ея людей пальцемъ меня бы не тронулъ. За что? спрашивала она. Что я имъ сдѣлалъ?

Развѣ такъ водится? Руки Кіоми крѣпче обхватили меня. Это невольное движеніе вдругъ вразумило меня.

Не разспрашивая болѣе о причинахъ нападенія, и допуская что въ числѣ моихъ противниковъ не было никого изъ этого племени, я узналъ подробности. Дѣвочка, Эвелина, увидала какъ въѣзжалъ я въ Дорстанъ. Совершенно случайно, она была спрятана около воротъ Белстеда, когда пришелъ сопровождавшій меня слуга и сказалъ что мистеръ Гарри Ричмондъ идетъ по долинѣ и вѣроятно заблудился. — Ричмондъ! Дѣвочка произнесла неожиданно услышанное ею имя съ необыкновенною выразительностью. Кіоми крѣпче прижала меня къ груди своей, но никто не произнесъ имени бывшаго у всѣхъ насъ на умѣ. Эвелина со старухой отправились искать меня по долинѣ, и, притащивъ меня въ палатку, послали въ Лондонъ за Кіоми, чтобъ она помогла имъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Они знали нравъ сквайра Белтама. По одному слуху о нападеніи на его внука, онъ разогналъ бы все племя до границъ страны. Кіоми подоспѣла, чтобы скрыть меня во время осмотра палатки и допроса ея обитателей, произведеннаго капитаномъ Белстедомъ, который ничего не подозрѣвалъ, хотя очень дивился. Услышавъ это, я первый заявилъ что мнѣ лучше выбраться изъ околотка, какъ только ноги будутъ носить меня. На вопросъ мой, какъ же Кіоми меня спрятала, отвѣтомъ была улыбка замѣняющая смѣхъ у Цыганъ. Эвелина разказала мнѣ во время минутной отлучки грозной Кіоми. Наскоро совершено было превращеніе съ помощью ночнаго чепца, надѣтаго сверхъ повязокъ на мою голову, да юпки наброшенной мнѣ на ноги, и безчувственный другъ капитана Белстеда былъ представленъ ему какъ больная прабабка племени, девяноста лѣтъ отъ роду. Капитанъ, какъ порядочный человѣкъ, далъ денегъ на лѣченіе и похороны, обѣщалъ сверхъ того прислать старушкѣ фунтъ нюхательнаго табаку, чтобы доставить ей удовольствіе чихнуть еще раза два на семъ свѣтѣ; ибо эти змѣи, считая нужнымъ сообщить что-нибудь характеристическое о мнимой старухѣ, пресеріозно увѣрили его что она любитъ нюхать, что этимъ только да кашицей она и жива. Капитанъ Вильямъ, глядя на необыкновенный примѣръ долговѣчности представлявшійся его почтительнымъ взорамъ, замѣтилъ что она должно-быть въ свое время была чертовски статная женщина. — Шесть футовъ росту, отвѣчали ему. Фунтъ табаку, бутылка рому и шесть

золотыхъ были плодомъ учтивости капитана. Я трясся отъ хохоту. Эвелина, подмигивая, хвастливо останавливалась на подробностяхъ. Кіоми не удостоивала смѣяться простой и обыкновенной въ глазахъ ея хитрости.

— Но красавчикъ нашъ насъ не выдастъ, неправда ли, когда мы его выходимъ, вылѣчимъ, сдѣлаемъ здоровымъ, какъ дерево въ лѣсу, ныла старуха. Пришлось поклясться что не выдамъ.

— Онъ-то! воскликнула Кіоми.

— Онъ пожалуй забудетъ объ насъ, какъ только уйдетъ отъ насъ,—говорила мать. Ей хотѣлось чтобъ я поцѣловалъ книгу въ подтвержденіе моей клятвы. Заботливость о цѣлости своихъ „домовъ“, то-есть о безпрепятственномъ доступѣ къ мѣстамъ гдѣ привыкли они ставить таборъ, составляетъ характеристическую черту Цыганъ. Этимъ, также какъ и чистоплотностью и зажиточностью, они отличаются отъ другихъ бродягъ. Это дань ихъ цивилизаціи, сдерживающая ихъ обыкновенно въ предѣлахъ законности. Кто, не знающій ихъ, повѣритъ что никогда и нигдѣ не ѣдалъ я такой кашицы и не пилъ такого чая какъ у нихъ. Они отличные хозяева и умные покупатели: со свойственною имъ проницательностью они все вниманіе направляютъ на то чтобъ имѣть за свои деньги хорошій товаръ. Комплиментъ не поддерживаемый серебромъ почти непонятенъ ихъ красавицамъ; деньги для нихъ самый лучшій доводъ, и получивъ ихъ, они умѣютъ ими пользоваться. Можетъ-быть вслѣдствіе этого они весьма часто воображаютъ себѣ что надули того съ кѣмъ имѣли дѣло, когда въ сущности этого вовсе нѣтъ. Если попадутся сами, то они этого никогда не забываютъ. Мѣсто гдѣ случилось такое несчастіе отмѣчается, и его уже постоянно избѣгаютъ. Напротивъ они безусловно вѣрятъ репутаціи подтвержденной ихъ собственнымъ опытомъ. Забавно мнѣ было слышать какъ Эвелина толковала о лавкахъ, гдѣ купитъ то или другое на золотой, разбросанныхъ по пяти графствамъ, съ твердою увѣренностью что получитъ самый лучшій товаръ и еще сверхъ того выгодаетъ шиллингъ. Рѣдкостная монета внушала ей пріятное чувство будто она надула монетный дворъ. Золотой этотъ былъ моимъ подаркомъ дѣвочкѣ, — которой я между прочимъ обязанъ былъ своимъ приключеніемъ, — даннымъ въ видѣ подкупа, чтобъ она показала мнѣ зеркало, запрещенное неумолимою Кіоми. Мнѣ хотѣлось поглядѣть на свое лицо.

Теперь, когда знакомыя мѣста снова получили въ глазахъ

моихъ первобытный видъ свой, страхъ наружнаго безобразія доводилъ меня до отчаянія, хотя Эвелина и увѣряла меня что „сырая говядина высосала всю дурную кровь“ изъ моихъ щекъ и глазъ. Я спрашивалъ себя, что̀ если я встану теперь и отправлюсь въ какой-либо изъ трехъ большихъ за́мковъ, виднѣвшихся въ образѣ тупаго трехъ-угольника вдали, скоро ли узнають меня тамъ? Взглянувъ на свое лицо, я испустилъ горькій стонъ. Молча и съ глубокою покорностью судьбѣ возвратилъ я Эвелинѣ любопытную принадлежность будуара ея, способную превратить въ гримасу и отраженіе самой Троянской Елены.

— Вы ощупываете носъ свой, вы смотрѣлись въ зеркало! воскликнула, по возвращеніи своемъ, Кіоми, одаренная сверхъестественною быстротой соображенія.

Она прибавила мнѣ въ утѣшеніе что ничего не переломлено, хотя и призналась что я все еще „страшенъ таки на видъ“, и затѣмъ, набросилась съ потокомъ грубыхъ словъ на Эвелину. Дѣвочка возражала ей, и хотя обѣ онѣ не хотѣли признаваться мнѣ что ихъ мущины находились недавно въ окрестности, но фактъ этотъ выяснился самъ собой, среди ихъ колкаго разговора, и каждая изъ нихъ упрекала другую въ ошибкѣ совершенной ими. За Эвелиной осталось послѣднее слово. Я не понялъ что̀ она сказала, но вѣроятно, она мѣтко попала въ цѣль. Глаза Кіоми сверкнули и губы задрожали; она вспыхнула подобно извилистому пламени костра ихъ палатки; оскалила дважды зубы, судорожно ударила себя въ сердце, и не въ силахъ произнести ни слова, тяжело дышала изъ полураскрытыхъ губъ. Эвелина убѣжала. Я догадался какого рода было жестокое слово это. Кіоми сѣла, устремивъ на пепелъ костра пожирающій взглядъ, читавшій предъ собой лишь одно. Тѣ что̀ видали умирающихъ дикихъ звѣрей могутъ имѣть понятіе объ ея видѣ, исключая огненныхъ глазъ ея. Лицо ея подернулось мрачною тѣнью. Я взялъ ея маленькую руку въ свою. Ея смуглые пальцы безсознательно ухватились за мои, и ноздри ея раздвинулись, какъ бы жаждая воздуха.

Она представляла собою образъ женщины лишенной возможности плакать среди своей скорби.

— Кіоми, старый другъ! сказалъ я ей. Я готовъ былъ проклясть своего другаго друга, виновника зла; ибо я готовъ былъ поклясться что она была подвержена неутомимымъ и необузданнымъ преслѣдованіямъ. Врожденное цѣломудріе, глубокая гордость были такъ же свойственны ей, какъ свободные вѣтры

степямъ ея; они были такъ же ясны и для непроницательнаго взора, какъ молочная синева окружавшая зрачки глазъ ея. Въ ней не было животной низости, хотя ее самою и можно было назвать животнымъ и она бы вѣроятно и показалась таковымъ, въ сравненіи съ прекрасными Геріотовыми Цисси и Гвенни и другими граціями, стремящимися къ паденію и старающимися болѣе подстрекнуть охотника, нежели избѣгнуть его преслѣдованій.

Для нея не было утѣшенія. Я вспомнилъ о старой балладѣ объ убитомъ рыцарѣ и воронахъ.

Она была существомъ собственно нисколько не романтичнымъ, но ея положеніе было такое что всякій пожалѣлъ бы ее; а она ходила за мной какъ нянька, покоя меня на груди своей.

Я говорилъ ей что только могъ въ успокоеніе. Она едва ли слушала меня.

Дѣвочка Эвелина появилась издали, нерѣшительно поглядывая на насъ и переминаясь съ ноги на ногу.

Кіоми быстро повернулась ко мнѣ.

— Я ухожу. Отецъ вашъ здѣсь, въ Белстедѣ. Я повидаюсь съ нимъ. Онъ не разкажетъ ничего. Онъ скоро придетъ къ вамъ. Вы будете въ силахъ ходить черезъ день. Вы совсѣмъ уже здоровы. Прощайте. Я не стану прощаться еще разъ, прибавила она въ отвѣтъ на мою попытку остановить ее и взошла въ шатеръ, изъ котораго вытащила маленькій узелокъ, обернутый желтымъ платкомъ, а затѣмъ ушла не говоря ни слова и не кивнувъ даже головой.

— Что такое сказали вы Кіоми? спросилъ я Эвелину, быстро подскочившую ко мнѣ. Она отвѣчала, правду или нѣтъ, не знаю.

— Я сказала ей что ей достанется отъ нашихъ мущинъ, такъ же какъ и мнѣ досталось отъ нея, она сама увидитъ. Когда я сталъ упрекать ее, она возразила:

— Такъ я должна снести пощечину отъ равной себѣ потому только что она мнѣ тетка, да еще къ тому же отъ такой которая сторонится отъ нашихъ. И она надулась или, лучше сказать, состроила какую-то страшную рожу. Я ошибался, считая ее безсердечной. Она говорила о теткѣ своей Кіоми съ любовью, рѣдкой въ Цыганкѣ; давая мнѣ въ то же время почувствовать что она считаетъ своихъ соплеменниковъ правыми, за то что они не позволяютъ жить въ шатрахъ своихъ выскочкамъ портящимъ ихъ кровь. Сама совѣсть ладшей женщины обрекаетъ ее быть отверженной отъ своихъ. Женщины ея племени принимаютъ

еще ее къ себѣ, хотя ей часто достается отъ нихъ, подобно тому какъ бѣдной Кіоми отъ задѣвшей ее за живое Эвелины: и я полагаю что и мущины смилуются наконецъ, хотя и будутъ сначала осыпать ее презрѣніемъ и оскорбленіями. Эвелина говорила съ гордостью о свирѣпой непреклонности мущинъ ихъ. Можетъ-быть, еслибъ она знала что я приписывалъ славу чистоты нравовъ ихъ племени лучшимъ инстинктамъ ихъ женщинъ, она стала бы восхвалять свой полъ, что̀ вышло бы очень забавно. Цыганскія дѣвушки, какъ и другіе люди, любятъ выставлять себя на показъ; но было бы торжествомъ воспитанія, еслибы мнѣ удалось заставить ее сочувствовать всему достоинству женской стыдливости, такъ же горячо и искренно какъ она сочувствовала непреклонному, желѣзному деспотизму мущинъ. Она намекнула мнѣ что ошибка жертвой которой я былъ будетъ исправлена.

— Скажите вашимъ мущинамъ что я задавлю ихъ всѣхъ, какъ крысъ, если услышу только о чемъ - нибудь подобномъ.

Пока мы разговаривали, явился отецъ мой. Эвелина, не знавшая его, уговаривала меня прикрыться цыновкой.

— Вотъ идетъ какой-то большой! Это вѣрно священникъ, пробормотала она про себя и испустила свой цыганскій вопль, отталкивая меня назадъ и подвигаясь сама впередъ; она уступила лишь моему крику.

Отецъ мой наклонился ко мнѣ. Кіоми приготовила его къ тому что̀ онъ увидалъ; я успокоилъ его тревогу, говоря бѣгло и свободно. Джулія Белстедъ отправила къ нему посланнаго, извѣщая его о таинственномъ исчезновеніи моемъ; но онъ, предаваясь, по своему обыкновенію, самымъ смѣлымъ заключяніямъ, вообразилъ себѣ что вспышка страсти овладѣла мною внезапно и увлекла меня въ Германію.—„Какъ, безъ багажа?“ смѣялся я. — „Да, безъ багажа, Ричи,“ серіозно возразилъ онъ. Его убѣжденіе въ томъ что онъ знаетъ меня лучше нежели всѣ другіе воспламенило воображеніе его.

— Я знаю, говорилъ онъ,—что мы оба ничего не дѣлаемъ такъ какъ масса людей. Я думалъ что ты умчался къ ней, другъ мой. А теперь! Онъ взглянулъ на меня, и этотъ унылый взглядъ былъ для меня лучшимъ зеркаломъ. Я былъ предметомъ не очень представительнымъ.

Онъ легъ на степную траву, взялъ меня за руку, пристально смотря на меня и слушая меня, съ видомъ доктора, сомнѣ-

ваясь что я такъ здоровъ какъ увѣрялъ его, несмотря на всѣ свои боли и страданія. Эвелина стояла невдалекѣ.

— Люди эти были добры къ тебѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, они величайшія животныя въ мірѣ, отвѣчалъ я.

— О! И это говорите вы, котораго я нашла въ темнотѣ, гдѣ вы бы лежали до тѣхъ поръ пока васъ не съѣли бы звѣри, котораго я перетащила сюда и обмыла ваше окровавленное лицо и ходила за вами и почи не спала, да, для того чтобы кичьчиться съ вами и примачивать вамъ голову! закричала дѣвушка.

Отецъ мой подозвалъ ее къ себѣ и отблагодарилъ ее на золотомъ языкѣ.

— Итакъ, эти подлецы напали на тебя и обокрали тебя, Ричи?

Я кивнулъ головой.

— Вы говорите что васъ обокрали, а у васъ есть кошелекъ, изъ котораго вы дали мнѣ золотую гинею! воскликнула Эвелина, и затѣмъ спохватившись что выдала дѣло, спокойно прибавила:—они этого не сдѣлали, потому что не успѣли, если и хотѣли бы, а ночь была черна какъ уголь и видѣть кто они такіе нельзя было.

Причина почему я не далъ ничего знать въ Белстедъ или въ Риверсли ужасно удивляла отца моего. „Здѣсь было хорошо!“ горестно повторилъ онъ слова мои и окинулъ взглядомъ степь, шатеръ, черный кругъ котла и дикую дѣвушку.

ГЛАВА XLVIII.

Отецъ мой играетъ снова роль чародѣя.

Мать Кіоми показалась на углу песчанаго рва; она возвращалась съ покупками изъ Дерстанской деревни. Вѣсти о новыхъ обстоятельствахъ приняла она, приподнявъ лишь свои хитрыя вѣки; я сталъ расхваливать ее и ея врачебное искусство, съ цѣлью затушить ея опасенія, и это заслужило мнѣ названіе стараго друга и прекраснаго джентльмена; она дошла даже до того что назвала меня, въ припадкѣ сердечной нѣжности, милымъ малымъ, и это-то послѣдне названіе, удивительно польстило мнѣ, оно словно открыло мнѣ истину того какъ естественно что Гарри Ричмондъ, человѣкъ котораго Цыганки могли считать милымъ малымъ, долженъ былъ сдѣлаться властителемъ сердца Дженеты и супругомъ ея. Сердце во мнѣ

дрогнуло; но она находилась въ разстояніи полуторы мили отъ меня, а меня не тянуло къ ней. Мнѣ хотѣлось вдохнуть въ себя смолистый воздухъ дворца у озера; но мысль объ Оттиліи не вызывала во мнѣ порывистаго біенія сердца.

Отецъ мой пробылъ со мною часъ. Онъ никакъ не могъ понять почему я не желалъ ѣхать ни въ Белстедъ, ни въ Риверсли и почему я желалъ чтобы мое несчастное приключеніе осталось въ тайнѣ. Но однако, онъ послушался меня, оправдавъ въ этомъ отношеніи вполнѣ мое довѣріе къ нему и сочинилъ цѣлую исторію въ Белстедѣ. Послѣ полудня, онъ пріѣхалъ за мной въ каретѣ, чтобъ отвезти меня къ морскому берегу. Когда меня подняли чтобы посадить въ карету, мнѣ сдѣлалось дурно и я разстался съ Дерстанскимъ таборомъ почти въ такомъ же состояніи въ какомъ и прибылъ туда. Дурнота и головокруженіе не покидали меня нѣсколько дней. Меня все преслѣдовало ощущеніе каретной ѣзды и въ ушахъ моихъ все звучали слова повторяемыя отцомъ моимъ: „Держа въ объятіяхъ безчувственное тѣло сына моего“, или же „обнявъ безжизненное тѣло единственнаго сына моего, Гарри Ричмонда“ и прочіе варіанты. Я ничего не говорилъ ему объ этомъ. Онъ съ ужасомъ сообщилъ мнѣ что я харкалъ кровью. Батарея восьми кулаковъ, изъ которыхъ каждый распоряжался какъ ему было угодно, отзывается на человѣкѣ сильнѣе, нежели пистолетный выстрѣлъ не задѣвшій за жизненные органы его. Мое выздоровленіе въ Германіи было, въ сравненіи съ этимъ, похоже на сладкую пѣсню. Мнѣ слѣдовало бы остаться еще въ шатрѣ, по совѣту умной старухи-матери, совѣту данному безкорыстно, ибо благоразуміе совѣтовало ей собрать свои пожитки и убраться самой поскорѣй оттуда. Тамъ бы я лежалъ, слѣдя за полетомъ пчелы, порханіемъ жука или движеніемъ облака, за работой паука и вѣяніемъ степной травы, пока здоровье мое не окрѣпло бы среди безмятежныхъ грезъ. Одинъ видъ моего отца приносилъ съ собою цѣлый рой смутныхъ тревогъ. Его чрезвычайное безпокойство насчетъ меня отражалось въ душѣ моей безконечнымъ томленіемъ. Разумъ мой осуждалъ его, когда онъ принималъ радостный видъ, а чувства, когда онъ проявлялъ чрезмѣрную заботливость обо мнѣ. Будь приговоръ справедливъ или нѣтъ, судьи должны иногда прибѣгать къ уловкамъ. Я не могъ никакъ догадаться отчего мысль объ немъ приводитъ меня въ такое волненіе. Сказать ли правду? Онъ пересталъ занимать меня. Вмѣсто комическаго, я нашелъ въ

немъ трагическаго актера, и его высокомѣрныя ожиданія, его пылкія надежды, насильственно питаемыя крушеніемъ и распаленіемъ всего предыдущаго, его внезапныя вспышки отчаянія, когда онъ трогалъ меня за пульсъ, его восклицанія: „О Ричи, Ричи, еслибы только мнѣ удалось видѣть скоро мальчика моего на погахъ и здоровымъ!“ какъ бы выражавшія что лишь медленное выздоровленіе мое мѣшаетъ полному успѣху всѣхъ желаній нашихъ, все это были доказательства полнаго неразумія, которое еще можно было извинить, смотря на него чрезъ комическое зеркало; но трагическое зеркало не извиняло его. Я зналъ, однако, что для остальнаго свѣта онъ продолжалъ представлять собою комедію; но это заставляло его казаться еще болѣе трагичнымъ. Ясно было что несчастіе не въ силахъ было проучить его; его ничѣмъ нельзя было сдержать.

Денегъ я давалъ ему не скупясь, считая деньги имѣвшіяся въ моемъ распоряженіи какъ бы его собственностью; я упрекалъ его за неугомонный духъ его, бывшій, безъ сомнѣнія, одною изъ самыхъ трагическихъ вещей въ жизни; и доказательствомъ любви моей могло служить то что я сознавалъ это, тогда какъ, вѣроятно, былъ бы добрѣе къ нему, еслибъ онъ забавлялъ меня какъ бывало. Представьте себѣ каково слѣдить постоянно за источникомъ который спертъ въ самомъ устьѣ своемъ, безпрестанно силится брызнуть свѣжею струей кверху; вздымается на минуту столбомъ, разбивается брызгами и снова мучительно стремится подняться. Отецъ мой представлялся мнѣ въ этомъ образѣ, также какъ и въ другихъ. Онъ все хотѣлъ увѣрить меня что приближается къ зениту своей славы, что одерживаетъ наконецъ побѣду. Я тоже долженъ былъ одержать величайшую побѣду, благодаря нападенію таинственныхъ разбойниковъ; по крайней мѣрѣ, говорилъ онъ, онъ почти навѣрное можетъ обѣщать мнѣ это. Онъ болталъ о смущенномъ правительствѣ, о Деттерменѣ и Ньюсонѣ; толковалъ въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ о герцогиняхъ и герцогахъ, о безчисленныхъ приглашеніяхъ въ загородные замки, а между прочимъ и объ одной вещи доказывавшей что онъ былъ еще дѣйствительно способенъ создать идею и дѣйствовать энергически. Но и это, хотя оно и оказало временную услугу, вскорѣ представилось мнѣ въ несбыточномъ видѣ, вслѣдствіе несчастнаго обыкновенія его указывать на это, какъ на доказательство его утвердившагося уже общественнаго авторитета. Онъ учредилъ родъ *Присяжнаго*

суда чести, какъ онъ называлъ это, составленнаго изъ избранныхъ джентльменовъ королевства, съ цѣлью обсуждать причины несогласій между членами ихъ класса, но собственною цѣлью его, какъ отецъ признался мнѣ, было положить конецъ дѣлу между Эдбери и мною.

— Это была первоначальная мысль моя, Ричи. Я привелъ ее въ исполненіе. Я задалъ обѣдъ лучшимъ людямъ нашего времени. Я избралъ для того самую удобную минуту. Упомяну лишь имена Брамгама Дентга, полковника Гибберта, Сигрева, лорда Алаоизо Карра, адмирала Лофтуса, графа Масона, маркиза Гитчфорда, Джека Гиппони, Монтереца Вилліамса—ты, кажется знаешь его? — да маленькаго Дика Филинтора, сына значительнаго человѣка, малаго съ замѣчательнымъ умомъ и скромностью; я упоминаю объ нихъ теперь чтобъ убѣдить тебя что мы не шутили, милый мой. Я высказалъ что по моему убѣжденію драться глупо, но также невозможно и сносить оскорбленіе; въ настоящее время, мы подвержены приговору гражданъ которымъ рыцарство неизвѣстно. Ну-съ, я произнесъ коротенькую рѣчь. Стрѣляться, говорилъ я, все равно что драться, а это дѣйствіе свойственное тварямъ у которыхъ вмѣсто мозгу — рога.... Я не говорю о прочихъ сдѣланныхъ мною замѣчаніяхъ. На вопросъ же „что̀ человѣкъ воинственное ли животное?“ Я отвѣчалъ что онъ не родится со шпорами у пятокъ и съ рогами на головѣ; что тѣ которые настаиваютъ на дракѣ, должны быть освидѣтельствованы анатомами или какими-нибудь учеными, чтобы тѣ доказали обладаютъ ли эти люди подобными наростами и объявили бы ихъ.... этого предмета моей роли я коснулся съ чрезвычайною деликатностью. Но—тутъ я возвратился къ прежнему пункту: человѣкъ если и не есть животное воинственное въ своемъ славномъ,—я забылъ въ чемъ,—есть тѣмъ не менѣе созданіе чувствительное, обладающее понятіемъ о чести. „Слушайте!“ воскликнули тутъ полковникъ Сигревъ и сэръ-Витонъ Систеръ, ибо онъ тоже находился въ числѣ присутствующихъ. Кончилось тѣмъ, Ричи, что я далъ волю своему краснорѣчію. Признаюсь, я не могу равнодушно слышать это „слушайте, слушайте!“ безъ того чтобы не воодушевиться и не размахнуть крыльями.

Неужели приговоръ магистратуры, денежные штрафы назначенные судами въ силахъ удовлетворить.... Но могу тебя увѣрить, Ричи, это была не обычная рѣчь на платформѣ. Нѣтъ, въ ней не было ничего похожаго на такія рѣчи, увѣряю тебя.

Я обращался просто какъ джентльменъ къ джентльменамъ, одаренныимъ здравымъ смысломъ. Мы нуждаемся, говорилъ я, въ покровительствѣ, которое образованный міръ Великобританіи пока еще не доставляетъ намъ, въ защитѣ отъ нападеній подлецовъ, дураковъ и скотовъ. Мы учредимъ Судъ. Мы готовы въ силу этого—нѣтъ „не въ силу этого";—мы просто обязуемся,—я употребилъ другое выраженіе, а не „обязуемся,"—употреблять всю власть нашу и всѣ усилія для того чтобъ исключить изъ круга нашего особъ отказывающихъ въ удовлетвореніи за какую-нибудь обиду; мы отказываемся отъ всякихъ сношеній съ людьми вызвавшими въ другихъ враждебныя чувства и не желающими подвергнуться за то разбирательству суда нашего.—Я желаю лишь чтобы ты усвоилъ себѣ нашу идею.—Мы поднимаемъ щитъ противъ подлыхъ негодяевъ, щитъ поднимаемый закономъ лишь противъ преступныхъ. Джентльмены, продолжалъ отецъ мой рѣчь свою, забывъ на минуту тревожное выраженіе глазъ моихъ,—джентльмены, мы составимъ гласный судъ для людей дорожащихъ честью, но не желающихъ смотрѣть на нее какъ на камень повѣшенный на шею здраваго смысла. Повѣрь мнѣ, Ричи, предложеніе это воспламенило всѣхъ. Мы вызвали лорда Эдбери и, говорю тебѣ, принудили молодаго вельможу этого извиниться предъ тобою вполнѣ. И позволь мнѣ прибавить, извиненіе это было такаго рода что я.... что мы должны заставить взрослаго сына принять его. Да, да! Ты увидишь, Ричи, что общество никогда не останется безжизненною массой подъ моимъ предводительствомъ. Я излѣчу его; я потрясу его и излѣчу. Онъ расхаживалъ по комнатѣ повторяя: „Я не говорю что обладаю панацеей" и, наклонясь къ самому лицу моему, прибавилъ: „я говорю лишь что я могу исполнить и исполняю обязанности моего положенія, составляющія стихію мою, несмотря на значительныя препятствія, исполняю ихъ какъ никто, будь онъ принцъ или первый министръ, не могъ бы исполнить. Да, никто! воскликнулъ онъ, шагая впередъ. — И затѣмъ, Ричи, онъ обернулся ко мнѣ, чувствуя мой критическій взглядъ, хотя и не находя возможности измѣнить свой высокопарный слогъ,—это не самохвальство съ моей стороны. Я представляю тебѣ лишь факты; я имѣю тысячу плановъ—замысловъ. Я сознаю пользу раннихъ несчастій. Главное несчастіе природныхъ принцевъ въ томъ что они вовсе не знаютъ свѣта — они сущіе младенцы въ этомъ отношеніи! Согласись съ

этимъ—сущіе младенцы. Я же знаю свѣтъ. Знаю его какъ свои пять пальцевъ. Знаю всѣ нужды его. И такъ же какъ мнѣ удалось сдѣлать тебя членомъ парламента и мужемъ прицессы крови, слушай меня, такъ исполню я и первоначальное намѣреніе мое быть источникомъ нашихъ общественныхъ законовъ и проводникомъ ихъ. Я никогда еще, повѣрь мнѣ, говоря по совѣсти, не претерпѣвалъ неудачи въ разъ задуманномъ мною дѣлѣ.

Лишь желаніе чтобъ я могъ снова превратиться въ мальчика, для того чтобы находить удовольствіе въ разговорѣ его, боролось во мнѣ противъ непріятнаго впечатлѣнія производимаго такими пылкими изліяніями духа, такъ же мало способнаго къ устойчивости какъ шаръ наполненный газомъ. Я поблагодарилъ его за то что онъ избавилъ меня отъ Эдбери и почувствовалъ невольное угрызеніе совѣсти, когда онъ вдругъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „Ты видишь меня въ наготѣ моей, Ричи; предъ тобой и предъ слугой моимъ, сердце и тѣло мое находятся безъ прикрасъ!“ Онъ былъ слишкомъ догадливъ для того чтобы не замѣтить непріязненнаго чувства въ томъ кого онъ любилъ. Но если я и готовъ уже былъ смягчиться, слѣдующаго замѣчанія его было достаточно для того чтобы снова ожесточить меня. „Я задавалъ на своемъ вѣку столько же сраженій и одержалъ такія же блестящія побѣды, какъ и Наполеонъ Бонапарте; онъ былъ выходецъ.“ Отъ этихъ словъ меня покоробило.

Иногда онъ пытался заводить со мной политическій споръ, признаваясь что моя искусная діалектика чуть было не сдѣлала изъ него радикала. Я не имѣлъ инаго развлеченія, не то оставилъ бы его въ покоѣ. Я употреблялъ въ дѣло всевозможные доводы чтобы доказать ему что нѣтъ ни чести, ни достоинства, ни выгоды въ искательствѣ титуловъ не доставленныхъ намъ рожденіемъ нашимъ. Онъ защищалъ свое мнѣніе съ большою ловкостью, и что бы я ни толковалъ, я не могъ не видѣть что низкій, старый, истасканный свѣтъ, гонящійся за знатностью и блескомъ богатства, подстрекалъ его въ то время, когда онъ старался выказать пренебреженіе къ достоинству радикаловъ.

— Въ мое время, говорилъ онъ, всѣ молодые джентльмены были природные тори. Чтобъ изъ знатнаго семейства явился на свѣтъ радикалъ, было такъ же немыслимо, какъ если-

бы выросла изъ него рѣдька. Но я исключаю тебя, дорогой другъ мой. Наши царствующіе дома должны быть дѣятельны; они требуютъ дисциплины чрезъ которую прошелъ я; а я тоже обѣдаю за столомъ альдерменовъ и кладу краеугольный камень, какъ говоритъ Джоріанъ, съ легкостью насѣдки; этого для нихъ недостаточно. Я кладу камень, съѣдаю обѣдъ свой, произношу спичъ—и вотъ все чего отъ насъ ожидаютъ; но я вполнѣ убѣжденъ что мы можемъ сдѣлать больше. Мы должны руководить, не то мы пропали. Да и.... скажи-ка, вѣдь лодка лорда-мера кажется весьма красивою на Темзѣ. Я убѣжденъ что въ основаніи этого лежитъ глубокій смыслъ. Но что мнѣ дѣлать? Развѣ ты хотѣлъ бы чтобъ я сурово смотрѣлъ на народъ? Ричи, благоразумно, справедливо, положительно увѣряю тебя, въ высшей степени мудро развивать каждый цвѣтокъ въ британской груди. Скажи-ка мнѣ, развѣ ихъ такъ много лишнихъ? Скажи что да, и я сдаюсь. Ты не можешь сказать этого. Я ловлю тебя на этомъ. Британская преданность, по моему мнѣнію, умилительна. Мы сдѣлаемся главой нашей старой Англіи. Глазъ народа зорокъ. Я не нуждаюсь въ знакомствѣ съ нимъ. Мы видимъ его преданность въ почтительныхъ поклонахъ его на улицѣ и на дорогѣ, и я признаю его расположеніе въ этихъ проявленіяхъ. Подобныя вещи даютъ намъ націю. Клянусь небомъ, Ричи, ты въ этомъ случаѣ, если отецъ твой можетъ позволить сказать это, не правъ. Прости меня за откровенность; но я спрашиваю тебя, могли бы мы, путешествуя не какъ значительныя особы по возлюбленной странѣ нашей, разсчитывать на встрѣчающій насъ всюду привѣтъ? Конечно нѣтъ. Я утверждаю что соглашаясь на честный энтузіазмъ ихъ, мы.... мы цивилизуемъ ихъ, да, цивилизуемъ ихъ. Боже мой! Великобританія безъ монархіи!

И онъ пускался рисовать мнѣ самыя печальныя картины. Наконецъ я почти убѣдился что цѣлью его было развивать врожденныя чувства Британцевъ.

Мы переѣзжали изъ города въ городъ вдоль южнаго берега; но напрасно стали бы мы надѣяться что насъ будутъ принимать тамъ какъ обыкновенныхъ людей. Въ этомъ нельзя было, собственно говоря, упрекнуть его, а развѣ въ томъ что онъ давалъ волю національному инстинкту „почитанія и обожанія.“ Я удалился на островъ. Темпль прилетѣлъ туда повидаться со мной, и я узналъ отъ него что Дженета писала

ему, спрашивая обо мнѣ. Онъ вошелъ въ отель нашъ частнымъ лицомъ; когда же онъ вышелъ оттуда всѣ шляпы взлетѣли предъ нимъ на воздухъ. Скромный маленькій человѣчекъ этотъ прошелъ на пристань сквозь двойной строй любопытныхъ наблюдателей и возвратился оттуда, съ удивленіемъ спрашивая меня, за кого его собственно принимаютъ?

— Я просилъ позволенія оставаться здѣсь частнымъ лицомъ! воскликнулъ отецъ мой. Это объяснило всю тайну.

Темпль зналъ мои чувства и только взглянулъ на меня.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Темпля, къ намъ появилась странная чета. „Мистрисъ Долли Дишеръ и супругъ ея", представилъ мнѣ ихъ отецъ. Она называла его порой, какъ бы нечаянно, просто по имени. Мужъ ея былъ кондитеръ, щедушный, но чрезвычайно довольный собою человѣкъ, обнаруживавшій твердую волю лишь въ своемъ дѣлѣ, какъ мы узнали потомъ; она была вертлявая, свѣжая женщина лѣтъ сорока пяти, съ выразительными еще темными глазами, хранившая, какъ я догадался, остатокъ идеальной страсти въ груди своей. Догадаться объ этомъ было не очень мудрено. Она скоро усѣлась со мной, толкуя со мною о долгихъ годахъ въ продолженіи которыхъ она знала отца моего, и о томъ какой онъ былъ преданный другъ и превосходный джентльменъ; толковала о дамахъ влюблявшихся въ него (что̀ было не удивительно), и о его трудахъ и огорченіяхъ, и о его прекрасномъ голосѣ, и о сердцахъ страдавшихъ по немъ, и объ одномъ сердцѣ постоянно надѣющемся и молящемъ судьбу чтобъ онъ успѣлъ, наконецъ, въ своихъ намѣреніяхъ. Темпль и блѣдный кондитеръ провели день этотъ на яхтѣ съ отцомъ моимъ. Мистрисъ Долли осталась ухаживать за мной и заставлять меня глотать лекарства Она разказывала мнѣ о своей молодости, когда, будучи дочерью моднаго сапожника, она не позволяла посылать счетовъ мистеру Ричмонду, представляя своему отцу, какъ достаточную причину этаго, то обстоятельство что семейство ихъ происходило изъ Ричмонда въ Іоркшейрѣ. Однако счеты эти бывали всегда уплачены. Она не могла справиться настолько же удачно съ мужемъ своимъ, и слѣдствіемъ этого было то что (она тихонько шепнула мнѣ) онъ намѣревается подать ко взысканію, хотя я говорила ему, съ волненіемъ прибавила она, что я увѣрена что современемъ ему все заплатятъ, если онъ только подождетъ. Но какъ бы не такъ; вы себѣ представить не можете какъ онъ упрямъ во всемъ что̀ касается его дѣла. А дѣ-

вочка-то моя, Августа, все ждетъ къ себѣ на свадьбу мистера Роя Ричмонда, желаннаго нашего; а какъ мы пригласимъ его, когда тутъ хотятъ подать на него ко взысканію? А къ тому же мужъ мой въ гостяхъ здѣсь, а самъ готовъ начать дѣло это не сегодня, такъ завтра, какъ я тамъ ни упрашивай его. Отецъ вашъ пригласилъ насъ, мистеръ Гарри. Я принудила мужа моего ѣхать, надѣясь на послѣднее средство, потому что папа вашъ дѣлалъ заказы чрезъ меня, думая, и справедливо, что можетъ на меня положиться, и мужъ мой взялся за нихъ, все чрезъ меня. Но тутъ-то и вышла бѣда; онъ услыхалъ разныя сплетни и испугался; послалъ счетъ, а тамъ обратился къ закону, а тамъ.... О, мнѣ такъ стыдно, право!

Мистеръ Дишеръ поставлялъ ужины къ баламъ и изъ нихъ-то и состоялъ счетъ его. Онъ получилъ съ меня полную уплату, замѣтивъ что былъ увѣренъ что жена его была права, говоря что ему будетъ заплачено, но долгъ торговца торопить платежемъ; что же касается до суда, то онъ берется уладить все тамъ какъ слѣдуетъ.

Услыхавъ о томъ что я удовлетворилъ мистера Дишера, отецъ мой кашлянулъ, не говоря ни слова, что было у него знакомъ сдержанной досады. Онъ замѣтилъ потомъ что я, имѣя притомъ лучшія намѣренія, посягнулъ на свободу его. „Я не люблю когда дѣлаютъ путаницу въ долгахъ моихъ“. Онъ спросилъ меня: не можетъ ли человѣкъ посвятившій всю жизнь одному плану, быть сбитъ съ толку самымъ дружескимъ вмѣшательствомъ? Эта уплата Дишерова счета была, по его мнѣнію, огромною ошибкой въ политическомъ отношеніи.

— Ты нанесъ моему кредиту жестокій ударъ, Ричи. Добрая, маленькая мистрисъ Дишеръ привезла сюда мужа своего, не очень пріятное прибавленіе къ нашему обществу, и мы старались по возможности терпѣть его присутствіе, какъ говорятъ дамы, съ этою самою цѣлью.... но ошибка уже сдѣлана! На будущее время другъ Дишеръ будетъ ожидать отъ меня уплаты въ томъ же году. Кредитъ на ужины гарантируетъ намъ пиры безъ конца. А я внушалъ ему полную увѣренность насчетъ предпріятій будущаго года. Деньги, ты знаешь, не такая вещь которою можно было бы испугать меня. Я имѣю доказательства что порядкомъ таки напугалъ правительство, и ты это знаешь. Но это касается дѣйствій Дишера. Теперь онъ заберетъ меня въ свою власть. Задобрить такого человѣка

нѣсколькими сотнями было бы не политично, но отдать всю сумму! Ты портишь отношенія между торговцемъ и джентльменомъ. Въ особенности поставщику моихъ ужиновъ должно было внушить что его выгоды зависятъ отъ моего успѣха. Что-то испугало его; онъ обратился къ суду; а теперь мы показали ему что онъ напугалъ насъ. Онъ подалъ ко взысканію. Дорогой другъ мой, на меня подавали ко взысканію въ продолженіи пяти лѣтъ, а я все продолжалъ дѣлать заказы въ томъ же самомъ торговомъ домѣ. Все зависитъ отъ того какъ отнестись къ этому обстоятельству. По всей вѣроятности мы теперь смертельно обидѣли мистрисъ Долли. Онъ извинился въ томъ что такъ долго распространялся объ этомъ предметѣ, говоря что въ этомъ состоитъ главная тайна его политики и приводя свой обычный примѣръ „искуснаго полководца", предупреждающаго заранѣе каждое пораженіе. Мнѣ оставалось лишь слушать его.

Дама эта провозгласила себя обиженной. Но уплата счета положила конецъ посѣщенію четы сей. Былъ ли поступокъ мой политиченъ, нѣтъ ли, достовѣрно было то что мнѣ пришлось выплатить большую сумму и мое вниманіе невольно обратилось къ моей банкирской книжкѣ. Заемныя письма и векселя приближались къ сроку; текущіе расходы совсѣмъ истощили карманъ мой. Я пытался справиться съ этимъ горемъ и придумать какъ помочь ему, самъ еще едва держась на ногахъ. Будь я здоровъ, я отправился бы къ моему дѣду и обратился бы къ его великодушію, таковъ былъ мудрый совѣтъ разума; но я весь состоялъ изъ нервовъ и былъ полонъ тревогъ, тѣмъ болѣе что я запретилъ Темплю писать къ Дженетѣ, боясь что слѣдствіемъ этого будетъ письмо ко мнѣ отъ тетушки Дороти, письмо полное совѣтовъ, которымъ я не могъ болѣе слѣдовать, дружескихъ предостереженій, которыя могли бы быть обращены съ таковымъ же успѣхомъ къ верстовымъ столбамъ стоящимъ за мною. Кромѣ того, Дженета прилетѣла бы ко мнѣ на крыльяхъ вѣтра, а меня томило желаніе пожатій нѣжныхъ рукъ и взоровъ глазъ ея, желаніе заставлявшее меня избѣгать ея присутствія, если я хотѣлъ остаться честнымъ человѣкомъ.

Ясная погода озаренная солнцемъ, зеленыя морскія волны усѣянныя яхтами шныряющими взадъ и впередъ по нимъ и приносившія мнѣ свѣжее ощущеніе жизни, вмѣстѣ съ брызгами серебристой соленой пѣны, скоро бы оживили кровь мою,

еслибы не та тепличная атмосфера безплодныхъ приключеній, двусмысленныхъ правилъ и изувѣченной житейской мудрости которою окружилъ меня отецъ мой. Жалѣть его казалось мнѣ ребяческимъ притворствомъ. Его похвалы моей наружности были мнѣ пріятны, потому что я считалъ его въ этомъ отношеніи хорошимъ судьей и самъ все еще боялся что потерялъ всякую наружную привлекательность въ степи. Толпы сателлитовъ окружали его. Онъ прогуливался по пристани точно на парадномъ выходѣ. Иногда онъ казался мнѣ величественнымъ призракомъ, окруженнымъ призрачными образами знатныхъ леди и лордовъ, имена которыхъ онъ называлъ мнѣ по возвращеніи, подобно погоньщику перечисляющему свое стадо. Это прельщало меня, и не внимая разуму, мнѣ становилось хорошо отъ лестныхъ словъ его. Онъ былъ похожъ на вино. Веселіе разцвѣтало подъ столами его. Сидя у своего окна, я жаждалъ видѣть его когда его не было со мной и ощущалъ къ нему припадки страсти знакомые мнѣ въ дѣтствѣ. Я такъ же какъ бывало довѣрчиво слушалъ его когда онъ говорилъ: „Ты увидишь что я чародѣй, Ричи, и увидишь это скоро, помяни мое слово.“ Всѣ поступки его намекали что мнѣ готовилась какая-то неожиданность. „Не даромъ находился ты на краю гроба.“ Онъ былъ во многихъ отношеніяхъ похожъ на вино. О, еслибъ я могъ пользоваться имъ лишь изрѣдка, а не носить его въ сердцѣ моемъ! Это непочтительное для сына желаніе часто преслѣдовало меня, онъ могъ быть, да и былъ такъ очарователенъ въ глазахъ чужихъ людей или случайныхъ знакомыхъ. Не существовало ли между нами нѣкотораго сходства? Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходство это существовало, я зналъ это. Мысль эта наполняла мои смутныя грезы, изъ которыхъ благороднѣйшія, пользуясь моею физическою слабостію, заставляли меня сознаться что для такого человѣка какъ я, тщетная мечта разчитывать на Оттилію. Углублять взглядъ въ тайникъ души своей, если только вы обладаете лучшими движеніями дозволяющими это, чрезвычайно благотворно для чрезмѣрнаго самолюбія. Къ несчастію, молодые люди способны на это, кажется, лишь во время болѣзни. Получивъ употребленіе ногъ и вдохнувъ въ себя чистый воздухъ, я снова ободрился, сталъ попрежнему жаждать личнаго счастія и стремиться къ нему и попрежнему гордиться своею личностію; жажда и гордость эти еще усилились во мнѣ, когда я вышелъ въ первый разъ изъ дому, и смотря на каждое встрѣчное лицо, какъ бы

видѣлъ въ немъ отраженіе моего собственнаго, вышедшаго невредимымъ изъ испытанія; убѣдившись главное что носъ мой спасенъ, не отмѣченъ печатью моего пораженія, я предался лирическимъ изліяніямъ благодарности. Кто находится въ большемъ опьяненіи нежели человѣкъ только - что возвращающійся къ здоровой жизни. Я встрѣтилъ на пристани Чарльса Итереля и узналъ отъ него что мое парламентское мѣсто находится въ опасности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и цѣлую кучу сплетенъ насчетъ моего исчезновенія.

Отецъ мой, очевидно безпокоившійся въ ожиданіи писемъ и прибытія новыхъ лицъ, отправился на короткое время въ Чилпенденъ. Онъ настоятельно просилъ меня пробыть здѣсь еще нѣсколько дней, пока онъ не соберетъ нужныхъ ему свѣдѣній, говоря что мое присутствіе на главной квартирѣ его оказываетъ ему всегда невыразимую услугу, и я всегда считалъ это дѣломъ возможнымъ.

Я только успѣлъ махнуть ему вслѣдъ рукой, въ ту минуту когда пароходъ уносившій его отдалился отъ пристани, какъ женскій голосъ шепнулъ мнѣ на ухо:

— Кажется это третья встрѣча наша, мистеръ Гарри Ричмондъ? Въ Венеціи, въ Эльбермтатѣ и на островѣ Вайтѣ?

Она продолжала говорить, давъ мнѣ время узнать Клару Гудвинъ.

— Какого рода было послѣднее приключеніе ваше? Вы были больны? *Очень* больны? Болѣзнь была опасная?

Я отнесся къ этому легко:

— Нѣтъ; вздоръ.

— Вы блѣдны, быстро произнесла она.

— Это потому что я все горевалъ объ утратѣ красоты моей, миссъ Гудвинъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ не были серіозно больны? спросила она съ непонятною мнѣ настойчивостью.

Я отвѣчалъ ей шутливо, высокопарнымъ тономъ, что не вѣрю чтобы серіозныя болѣзни овладѣвали богоподобною молодостью и затѣмъ осыпалъ ее въ свою очередь вопросами.

— Вы не лежали въ постели? настаивала она.

— Нѣтъ, могу васъ увѣрить, не въ постели.

— Если такъ, сказала она,—то я бы много дала чтобъ остановить этотъ пароходъ.

Она удивила меня.

— Почему?

— Потому что онъ идетъ съ несчастнымъ порученіемъ, возразила она.

— Миссъ Гудвинъ, вы меня пугаете. Отецъ мой уѣхалъ на этомъ пароходѣ.

— Да, я видѣла его.

Она быстро взглянула на дымъ изъ трубы, съ видомъ равнодушія.

— То что̀ я говорила касается другихъ слышавшихъ что вы опасно больны. Я послала сказать имъ чтобъ они поспѣшили сюда.

— Это моя тетушка и миссъ Ильчестеръ?

— Нѣтъ.

— Кто же они такіе? Миссъ Гудвинъ, я отвѣчу на всѣ вопросы ваши. Я былъ плохъ, это правда. Теперь скажите мнѣ кто они такіе, когда вы пріѣхали, когда вы ожидаете ихъ? Гдѣ они теперь?

— Что касается до меня, отвѣчала она, между тѣмъ какъ я навострилъ уши въ нестерпимомъ волненіи,—то я пріѣхала сюда вчера вечеромъ, для того чтобы нанять здѣсь меблированный домъ или квартиру. Папа имѣетъ занятіе при здѣшнихъ укрѣпленіяхъ. Мы лучше оставимъ пристань, если позволите. Вы заставляете всѣхъ обращать слишкомъ большое вниманіе на дамъ рѣшающихся разговаривать съ такимъ важнымъ джентльменомъ.

Мы прошли черезъ всю пристань, болтая о нашихъ прежнихъ встрѣчахъ.

— Не здѣсь, сказала она, какъ скоро я сталъ ее снова разспрашивать.

Она повела меня дальше, и я шелъ въ надеждѣ что открытія ожидаемыя мною требуютъ обстановки какого-нибудь извѣстнаго мѣста.

Жестокое созданіе втащило меня вслѣдъ за собой въ лавку торговца бумажными товарами. Тамъ она усѣлась, понизила голосъ до тона дамы говорящей за обѣденнымъ столомъ съ кавалеромъ своимъ объ исторіи или костюмѣ кого-нибудь изъ присутствующихъ и сказала:

— Вы увѣрены въ томъ что болѣзнь ваша была не выдумка?

Я находился совершенно въ ея власти въ этой противной лавкѣ, точно на скамьѣ подсудимыхъ.

— Выдумка! воскликнулъ я.

— Это не отвѣтъ. И прошу васъ, вспомните гдѣ мы.

— Нѣтъ, это была не выдумка.

— И вы не старались извлечь изъ нея выгоду?

— Какія странныя вещи вы говорите, право.

— Опять-таки это не есть отвѣтъ. И пожалуста не воображайте что вы обязаны выражать всѣ сердечныя чувства ваши предъ этими людьми.

Она обратилась къ прикащику съ полдюжиной разныхъ спросовъ.

— Говорю вамъ въ отвѣтъ что *я* не старался извлечь изъ нея выгоду.

— Даже и косвеннымъ образомъ?

— Опять-таки я не понимаю васъ.

— Вы ужасно горячитесь. Я должна буду говорить съ вами какъ будто бы съ братомъ, а не то подумаютъ что мы ссоримся съ вами. Гарри, какъ вамъ нравится этотъ узоръ?

— Что̀ значитъ это „косвеннымъ образомъ"?

— Вы такъ напираете на это слово что можно придать ему Богъ знаетъ какое значеніе. Я бы желала чтобы вы не говорили какъ Французъ разказывающій въ обществѣ свою послѣднюю любовную исторію. Какъ вы думаете, отецъ вашъ не преувеличивалъ болѣзнь вашу?

— Мою болѣзнь? О, да, конечно. Я почти увѣренъ въ этомъ. Таково его обыкновеніе.

— Зачѣмъ вы допускали это?

— Я находился что̀ говорится „въ забытьи" почти все время. Да кромѣ того, кто въ силахъ сдержать его? Я рѣдко знаю что̀ онъ дѣлаетъ?

— Вы не знаете что̀ онъ написалъ?

— Написалъ?

— Что вы умираете.

— Я? Кому же?

Она окинула меня взглядомъ и встала.

— Надо будетъ пойти въ другую лавку. Отчего это Англичане, если они сами никакъ не могутъ сдѣлать „берту" которую можно было бы носить, не догадаются выписывать подобныя вещи изъ Парижа? Я возьму вашу руку, Гарри.

— Вы ничего не купили, замѣтилъ я.

— Я нашла то чего искала, возразила она и серіозно поблагодарила прикащика, стоявшаго, опираясь на пальцы рукъ, у

прилавка, затѣмъ, бросивъ безжалостную игру въ загадки, спросила меня не забылъ ли я гжу фонъ-Дитмаршъ?

— Совсѣмъ забылъ; но я помнилъ дѣвическую фамилію ея, Сиблей.

— Миссъ Гудвинъ, она одна изъ тѣхъ что̀ ѣдутъ сюда?

— Гжа фонъ-Дитмаршъ? Да. Она принимаетъ въ васъ участіе. Она находится въ перепискѣ со мной съ самаго пребыванія моего въ Саркельдѣ. Мнѣ это привело на умъ что вы можете для разнообразія называть меня не все только по фамиліи моей, но и по имени, если вамъ это угодно. Гарри, я считала васъ достойнымъ довѣрія попрежнему, несмотря на...

— Не будьте несправедливы, возразилъ я.

— Я бы желала оказаться таковою! отвѣчала она. — Гжа фонъ-Дитмаршъ была въ Саркельдѣ и узнала о васъ ужасныя вещи. Она отправилась ко мнѣ въ домъ отца моего, по ту сторону воды, вчера послѣ полудня, желая узнать хорошенько,—она осторожна какъ человѣкъ хранящій у себя на рукахъ драгоцѣнность,—что̀ случилось съ вами, дѣйствительно ли вы находитесь при смерти. Я пріѣхала сюда чтобы разузнать все это; у меня есть здѣсь друзья; вы были не одни, не то я бы навѣстила васъ. Ходили слухи что вы очень больны, и потому я сейчасъ же наняла квартиру для гжи фонъ-Дитмаршъ. Но увидавъ васъ вдвоемъ съ нимъ и прощаніе ваше, я стала безпокоиться. Я бы остановила посланіе отправленное мною на томъ пароходѣ, еслибъ это было еще возможно.

— Пароходъ уже уѣхалъ. Скажите мнѣ имя другой особы.

— У гжи фонъ-Дитмаршъ есть мужъ.

— Но онъ не съ ней теперь. О, жестокая! Говорите же имя ея?

— Имя ея, Гарри? Титулъ ея графиня фонъ-Дельценбургъ.

— А не принцесса?

— Въ Англіи, нѣтъ.

Итакъ, Оттилія здѣсь. Отецъ мой дѣйствитеьно чародѣй!

ГЛАВА XLIX.

Принцесса попадается въ ловушку.

Прибытіе принцессы въ Англію могло означать только одно— невѣроятный подвигъ самоотверженія, поразившій меня своимъ величіемъ. Я думалъ о немъ и обо всемъ сопряженномъ

съ нимъ, пока мною не овладѣлъ образъ Оттиліи, переплывающей море.

— Принцесса Оттилія, миссъ Гудвинъ?

— Графиня Дельзенбургъ, Гарри.

— Она пріѣхала! Чтобы видѣть меня?

— Гарри, вы говорите какъ тотъ мальчикъ какимъ я васъ знала прежде чѣмъ вы встрѣтились со мной. Да и да, на все что̀ вы имѣете сказать, но надѣюсь что вы пощадите ея имя.

— Она ѣдетъ считая меня больнымъ?

— Умирающимъ.

— А я совершенно здоровъ.

— Да, кажется, только немного блѣдны.

— Видѣли вы ее, Клара? Здорова она?

— Блѣдна, но не больна: безпокоится.

— Обо мнѣ?

— Можетъ-быть о политическихъ дѣлахъ континента. Они не въ порядкѣ.

— Говорила она обо мнѣ?

— Говорила.

— Она пріѣдетъ на слѣдующемъ пароходѣ?

— Это-то и страшитъ меня.

— Почему?

— Сказать ли вамъ почему, Гарри? Теперь уже поздно. Она обманута, вотъ почему. Вы это сами скоро поймете.

— Принцъ Эрнстъ въ Саркельдѣ?

— Говорятъ, въ Парижѣ.

— Какимъ образомъ достигнетъ до нихъ ваше увѣдомленіе та̀къ скоро чтобъ они могли пріѣхать съ слѣдующимъ пароходомъ?

— Я послала слугу моего отца. Генералъ, онъ произведенъ наконецъ, Гарри, самъ сопровождаетъ дамъ и теперь ждетъ тамъ прихода парохода чтобы послѣдовать моимъ инструкціямъ.

— Вы не оставите меня?

Миссъ Гудвинъ обѣщала встрѣтить иностранныхъ дамъ на набережной. Мы разъ десять поссорились и помирились какъ дѣти. Я называлъ ее „тетя Клара", какъ въ прежнее время, она меня „сынъ мой Ричи", какъ звалъ меня отецъ когда мы познакомились съ ней въ Венеціи. Но я почти не сознавалъ что̀ говорю и что̀ дѣлаю. Всѣ мои жизненныя силы прихлынули къ сердцу и содрагались какъ земной шаръ подъ колесницей Фаэтона. Мы вышли на загородныя высоты. Я смотрѣлъ

на бѣлую полосу берега и батарей, за которыми находилось то чудо о которомъ мечтаютъ поэты, котораго ждутъ глубоко чувствующіе люди и въ которое никто вполнѣ не вѣритъ. Не вѣрилось и мнѣ, и хотя моя подруга, стоявшая подъ руку со мной, продолжала увѣрять меня что она дѣйствительно тамъ, я смотрѣлъ скептически на очертанія береговъ, оставшіяся все такими же какими они были день за днемъ въ послѣднее печальное время. Такой поступокъ съ ея стороны былъ великимъ пожертвованіемъ. Я понималъ это, зная характеръ Оттиліи; но какъ рѣшилась принцесса, наслѣдственная принцесса, связанная родствомъ съ владѣтельными домами, рискнуть такимъ образомъ своимъ положеніемъ? Лишь только я оцѣнилъ вполнѣ умъ, душевную простоту и высокое благородство ея характера, какъ меня поразилъ внезапный свѣтъ, озарившій меня въ моихъ собственныхъ глазахъ, въ параллель къ этой прекраснѣйшей изъ женщинъ, которая для правды жертвовала всѣмъ земнымъ. До сихъ поръ я никогда не сознавалъ вполнѣ ничтожество моей природы и первымъ моимъ побужденіемъ было отдѣлаться отъ этого сознанія, но какъ бы въ доказательство его справедливости, я поймалъ себя на желаніи видѣть въ Оттиліи романическую, полуземную особу, безразсудную, упрямую, отчаянно влюбленную, причудливую какъ любовная баллада, поддающуюся безсознательно душевнымъ увлеченіямъ, и на сожалѣніи что она не такая. Еслибъ она была такая, какія свѣтлыя краски, какая усладительная грусть, какія магическія превращенія, какое нѣжное сліяніе земли и неба, какія слезы и радости, какой божественный паѳосъ, какіе переходы отъ блеска къ успокоительнымъ сумеркамъ, какая поэзія сопровождали бы нашу любовь! Какая прекрасная мелодія въ минорномъ тонѣ осталась бы въ душѣ моей, хотя бы мнѣ пришлось лишиться моей возлюбленной на вѣки. Она пріѣзжаетъ, самовластная принцесса, богиня красоты, для меня созданная, и молва о нашей любви и нашихъ несчастіяхъ распространяется по всему свѣту. Пріѣдетъ ли она? Да, но не она, а оселокъ, неумолимое зеркало, умъ строгій какъ у богини вышедшей изъ головы Юпитера, принцесса, но совершеннѣйшая изъ женщинъ, безупречный разумъ, живая душа сквозящая сквозь плоть. Она воплощенная правда. Правъ ли я? Не совсемъ лжецъ, но далеко не правъ. Мои недостатки (современный человѣкъ, разказывая свою исторію, говоритъ о своихъ недостаткахъ туманно, неопредѣленно, какъ

женщина на исповѣди) жгли меня какъ кровяныя пятна на одеждѣ жгутъ преступника принужденнаго прикоснуться къ своей жертвѣ, по уставу дикихъ, знающихъ натуру дикаря и какъ уличать его. И это были недостатки слабости, а не силы. Надѣяться что Оттилія проститъ ихъ было все равно что ждать прощенія отъ оскорбленныхъ законовъ моей собственной природы.

Не виноватъ ли я допустивъ завлечь ее сюда? Смутно помня что миссъ Гудвинъ сказала что принцесса обманута, я выразилъ намѣреніе скрыться, чтобъ она могла предупредить ее о моемъ выздоровленіи и предоставить ей рѣшить самой слѣдуетъ ли ей видѣться со мной или нѣтъ.

— Пожалуй, согласилась миссъ Гудвинъ;—если вы этого желаете, Гарри.

Ея сочувствіе поощрило меня остановиться на моей мысли.

— Можетъ-быть такъ и слѣдуетъ поступить. Вамъ лучше знать. Рѣшите сами, и поступайте мужественно. Она должна была смѣяться надо мною въ душѣ. Я покачалъ головой и произнесъ задумчиво „нѣтъ!“ и глубоко вздохнулъ. Колебанія малодушныхъ влюбленныхъ бываютъ часто смѣшны.

Миссъ Гудвинъ принялась съ жаромъ развивать мой планъ.

— Мнѣ кажется что это было бы благородно, Гарри.

— Это было бы ужасно, ужасно! Нѣтъ, если ужь она пріѣхала.... я желалъ бы. Но ошибка уже сдѣлана.

— Вы совершенный ребенокъ.

Я замѣтилъ что не надо быть ребенкомъ чтобы растеряться въ такомъ положеніи.

Она возразила что надо быть совершеннымъ ребенкомъ чтобы не понять что жертва не будетъ принята.

— Я, старая дѣвушка, могу учить васъ, сказала она насмѣшливо, и упрекала меня что я не умѣю воспользоваться случаемъ показать величіе души.—Мущины всѣ эгоисты въ любви, заключила она весьма логично.

Часы проходили и пришелъ конецъ унылому смотрѣнію вдаль. Мы спустились городомъ къ набережной и стали смотрѣть на приближающійся пакетботъ. Впереди шла одна изъ нашихъ быстрыхъ, перевозныхъ лодокъ. Съ ней что-то случилось, пакетботъ взялъ ее на буксиръ и вошелъ первый. Я вскочилъ на бортъ въ сильномъ волненіи. Изъ толпы незнакомыхъ лицъ вышла Дженета, за нею слѣдовала тетушка Дороти. Обѣ заговорили о моей блѣдности и упрекали меня что

я не далъ имъ знать о своей болѣзни. Онѣ видѣли Темпля въ Лондонѣ и онъ выдалъ меня Дженетѣ.

— Да взгляните же на насъ, Гарри, сказали обѣ.

Пассажиры сходили съ парохода все незнакомые.

— Гарри, не сердитесь ли вы что мы пріѣхали? спросила Дженета.

Тетушка Дороти взяла вину на себя.

Я почти не обращалъ на нихъ вниманія, свелъ ихъ съ парохода и сдалъ миссъ Гудвинъ, которая въ такія минуты дѣйствовала съ опытностью и апломбомъ Англичанки много путешествовавшей по континенту. Я началъ подозрѣвать ее въ гнусномъ обманѣ. Пароходъ опустѣлъ, ворчливый приставъ, оскорбленный въ своемъ достоинствѣ, напомнилъ мнѣ что для не соблюдающихъ правилъ и постановленій компаніи существуютъ штрафы. Но тонъ его тотчасъ же измѣнился: „Извините, милордъ, не зналъ кто вы". Дженета смотрѣла на насъ насмѣшливо.

— *Намъ*, видите ли, позволено нарушать правила, сказалъ я ей.

— Онъ высадился на другомъ берегу, замѣтила она, думая что я жду отца.

— Говорили вы съ нимъ?

— Нѣтъ.

— Вы избѣгали его?

— Да, мы съ тетей сочли за лучшее не встрѣчаться съ нимъ. Онъ высадился.... тамъ была толпа.

— Вы поѣдете въ гостиницу, Гарри? спросила миссъ Гудвинъ.

— Дѣдушка пріѣдетъ завтра или послѣзавтра, подсказала Дженета теткѣ.

— Намъ хотѣлось бы, если можно, нанять меблированный домъ. Уберли присмотрѣлъ бы пока за багажемъ, произнесла тетушка Дороти въ замѣшательствѣ.

— Едва ли найдете вы теперь меблированный домъ, даже меблированныя комнаты, отвѣчала миссъ Гудвинъ.—Вчера вечеромъ я заняла единственную приличную квартиру, какую могла найти для друзей Гарри, которыхъ онъ ожидаетъ.

— Не удивительно что онъ былъ недоволенъ встрѣтивъ насъ, сказала Дженета, слегка улыбнувшись.

— Они пріѣдутъ непремѣнно, прибавила миссъ Гудвинъ.

Рядомъ съ нами разговаривали два моряка.

— О, онъ возвратится черезъ день или два, говорилъ одинъ.—

Разъ познакомившись съ этимъ человѣкомъ, вы не обойдетесь безъ него. Помню когда я былъ мальчикомъ,—это было въ дни леди Бетти Больтонъ, которая вышла за стараго Эдбери,—нашъ вельможа былъ тогда въ цвѣтѣ лѣтъ. Промотавъ свои деньги въ недѣлю, онъ нанялъ восьмитонную шкуну, схватилъ въ охапку Жида, улоковалъ его, втащилъ на бортъ и уплылъ.

— На кой чортъ понадобился ему Жидъ.

— Жидъ далъ средства на трехмѣсячную прогулку по Средиземному морю и, какъ я слышалъ, возвратился въ большой дружбѣ съ своимъ тираномъ. Это только одинъ случай изъ дюжины.

Безсознательные допощики смѣялись.

— Въ другой разъ.... произнесъ разкащикъ, отходя отъ насъ.

— Только не въ гостиницу, если возможно, говорила тетушка Дороти, упрашивая миссъ Гудвинъ со взволнованнымъ лицомъ. Онѣ заговорили тише.

— Дѣдушка ѣдетъ къ вамъ, Гарри, сказала Дженета.—У него дѣла въ Лондонѣ, не то онъ былъ бы уже здѣсь. Лошади и экипажи слѣдуютъ за нами: все что̀ вамъ угодно. Онъ васъ любитъ и очень безпокоится. Боюсь что его здоровье хуже чѣмъ онъ полагаетъ. Темпль не сказалъ что вашъ отецъ здѣсь, но дѣдушка долженъ былъ подозрѣвать это и однако онъ отпустилъ насъ и самъ обѣщалъ пріѣхать. Это можетъ-быть хорошій признакъ. Онъ сталъ значительно спокойнѣе съ тѣхъ поръ какъ ваши деньги возвращены вамъ. Если они встрѣтятся.... нѣтъ, надѣюсь что они не встрѣтятся. Дѣдушка терпѣть не можетъ сценъ. И позвольте мнѣ сказать вамъ, Гарри, можетъ-быть все окажется пустяками, но если онъ начнетъ разспрашивать васъ, не горячитесь, отвѣчайте просто. Вы это сами понимаете. Довольно когда одинъ горячится, вамъ надо только быть терпѣливымъ съ нимъ. Онъ ѣздилъ въ Лондонъ, въ Сити, видѣлся тамъ съ адвокатами, банкирами, маклерами и вернулся домой сердитый. Бѣдный старикъ! А какъ ему нуженъ покой. Гарри, о немъ пожалѣютъ сотни бѣдныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Я пишу теперь много за него и мнѣ это извѣстно. На что̀ вы смотрите?

Я смотрѣлъ на высокаго, широкоплечаго человѣка, салютовавшаго мнѣ широкою ладонью.

— Шварцъ! кликнулъ я.

Дженета вздрогнула, принявъ мой возгласъ за сильное междометіе. Гигантъ не трогался съ мѣста.

Но другіе услыхали. Дама выступила впередъ.

— Дорогой мой, Гарри Ричмондъ! Такъ вамъ лучше? Мы получили ужасныя извѣстія о васъ.

Я поклонился госпожѣ Дитмаршъ, урожденной Сиблей.

— А принцесса?

— Она здѣсь.

Госпожа Дитмаршъ схватила руку миссъ Гудвинъ, я руку Оттиліи. Ея лицо было полузакрыто вуалемъ. Она дрожала. Вѣтеръ похитилъ у меня звуки ея голоса.

Мы шли вдоль набережной почти молча. Миссъ Гудвинъ взяла на свое попеченіе „иноземныхъ дамъ", я долженъ былъ разстаться съ ними и сопровождать тетушку Дороти и Дженету.

— Онѣ такъ торопились что пріѣхали на лодкѣ.

— Кто онѣ? спросила Дороти Белтамъ.

— Принцесса Оттилія, отвѣчала Дженета.

— Вы увѣрены? Правда, Гарри?

Я подтвердилъ, а тетушка сказала:

— Я должна была догадаться что это онѣ; у нея иностранная наружность.

— Генералъ Гудвинъ былъ съ ними, когда пароходъ подошелъ къ острову, сказала Дженета.

Онъ подошелъ къ отцу Гарри, а дамы стояли поодаль, съ опущенными вуалями, будто хотѣли, какъ и мы, чтобъ ихъ не замѣтили. Онѣ не хотѣли дожидаться нашего парохода, а публика смѣялась что лодка не выдержитъ тяжести большаго слуги.

Дороти Белтамъ полагала что въ такое время опасно ѣздить на маленькихъ лодкахъ.

— Она привыкла къ морю, сказалъ я.

Дженета посмотрѣла пристально на удалявшіеся образы и послала меня отыскивать помѣщеніе. Кончилось тѣмъ что я уступилъ имъ квартиру моего отца, а самъ пріютился у торговца полотномъ, обладавшаго видомъ на море и комнатами отталкивавшими постояльцевъ къ окнамъ.

До сумерокъ я бѣгалъ по городу, надѣясь встрѣтить миссъ Гудвинъ, безъ которой я не могъ найти, сколько бы не искалъ, квартиру принцессы. Тетушка Дороти и Дженета поблагодарили меня за снисхожденіе, когда я пришелъ обѣдать съ ними и извинили поспѣшность съ которою я ушелъ тотчасъ послѣ обѣда. Онѣ упрекали меня единственно за то что я не увѣдомилъ

ихъ о своей болѣзни. Дженета была холодна. Она измѣнилась въ лицѣ, когда я разказалъ, со словъ миссъ Гудвинъ, что *кто-то* увѣдомилъ принцессу будто я нахожусь при смерти. Я рѣшился выдать отца, чтобы ложныя мысли не омрачили въ ихъ глазахъ образъ Оттиліи. Дженета не говорила о немъ, но въ глазахъ ея свѣтилась мысль; члены одного семейства часто понимаютъ другъ друга безъ словъ.

Послѣ тревожной ночи я напалъ на стараго Шварца и Аннушку, вышедшихъ изъ дому чѣмъ свѣтъ чтобы посмотрѣть на море, на чужую землю и на незнакомый народъ. Аннушка дивилась на пустынную мѣстность, Шварцъ на большіе корабли, но когда я попросилъ ихъ проводить меня на квартиру ихъ госпожи, оказалось что они сами не могли найти ее. Аннушка сообщила мнѣ что маркграфиня была вызвана въ Риплау предъ ихъ отъѣздомъ. Ея барыня говорила баронессѣ Тургемъ о своемъ намѣреніи съѣздить въ Англію. Принцъ Эрнстъ путешествуетъ по Франціи.

Къ Оттиліи я попалъ въ полдень. Распоряженія дамъ оставили мнѣ только тридцать минутъ; Дженета должна была заѣхать за принцессой и покатать ее по окрестностямъ. Она и тетушка Дороти были уже представлены. Миссъ Гудвинъ хотѣла и меня подвергнуть той же церемоніи. Глядя съ совершенно вульгарной точки зрѣнія на поступокъ принцессы и можетъ-быть опасаясь излишней дерзости отъ сына моего отца, она рѣшилась прочесть мнѣ наставленіе, какъ будто въ моей власти было обуздать прекрасную романическую голову, отказаться отъ моихъ личныхъ преимуществъ, совѣтовать и противостать мнѣніямъ свѣта. Принцесса сказала: „Не видаться съ нимъ, когда я для того пріѣхала?“ Мнѣ удалось успокоить моего недовѣрчиваго друга, хотя не вполнѣ.

— Развѣ было бы великодушно или вѣжливо отказаться отъ свиданія со мной, пріѣхавъ сюда?

Миссъ Гудвинъ сомнѣвалась.

Я могъ настаивать, съ полнымъ убѣжденіемъ, на благоразуміи и самообладаніи, въ которыхъ Оттилія почерпнула свое рѣшеніе.

Миссъ Гудвинъ изъ вѣжливости кивала утвердительно. Ея англійскій умъ склоненъ былъ оправдывать рѣшительную молодую особу ѣхавшую посѣтить умирающаго возлюбленнаго, но такъ какъ возлюбленный былъ на ногахъ, то посѣщеніе приняло другой характеръ: мое выздоровленіе дѣлало ее вино-

ватою. Миссъ Гудвинъ умоляла меня скрыть посѣщеніе принцессы отъ отца моего. Я самъ сознавалъ что это необходимо. Она заклинала меня рѣчью которая могла бы служить образцомъ убѣдительнаго краснорѣчія „доказать что я Англичанинъ", что „честь, интересы репутація, положеніе всякой женщины (титулованной или нѣтъ, прибавила она) дороги мнѣ какъ ей самой", что „никогда женщина не была въ опасности лишиться чего бы то ни было въ рукахъ англійскаго джентльмена", и такъ далѣе, къ моему изумленію, потому что я еще не забылъ ея вчерашняго самонадѣяннаго тона. Но сознаніе отвѣтственности за наше высшее національное достоинство пробудило ея врожденную горячность, сдѣлало ее другимъ человѣкомъ, какъ мы выражаемся объясняя по-своему вліяніе усиленнаго одушевленія.

Получасъ подаренный мнѣ пролетѣлъ какъ мигъ. Я вышелъ изъ комнаты и изъ дома сознавая что я говорилъ съ той которая для меня была выше всего въ мірѣ, такъ высоко возносила ее моя фантазія. Я цѣловалъ ея руки, смотрѣлъ ей въ глаза, слушалъ ея чудный голосъ. Все пролетѣло слишкомъ скоро для счастія. Воспоминаніе приводило меня въ трепетъ и заставляло жаждать повторенія. Она сказала: „пріѣхавъ сюда, я не могла не повидаться съ вами, Гарри", какъ будто свиданіе со мной было слабостью съ которою боролся ея разсудокъ. Она радовалась моему совершенному выздоровленію, хотя это лишало ее оправданія въ ея собственныхъ глазахъ. Она похвалила меня за то что я не писалъ ей, когда я пробормоталъ рядъ причинъ въ извиненіе моей оплошности. Она одобряла мое вступленіе въ парламентъ, хотя оно, повидимому, ни на шагъ не приближало меня къ ней. Она сказала: „такъ вы не теряли времени въ Англіи". Она слѣдовательно заботилась объ интересахъ касающихся только меня.

Я былъ страшно недоволенъ. Я могъ понять высоту воззрѣній дѣлавшихъ сю рѣчь простою и послѣдовательною, но не могъ раздѣлить ее. Обстоятельства которыя для меня были животрепещущими не смущали ее. Она сказала: „я оскорбила отца; я ему написала; онъ за мной пріѣдетъ". Говоря о письмѣ которое было всему причиной, она не винила автора. Мнѣ позволено былъ взглянуть на это письмо и мнѣ стало стыдно. Я видѣлъ ясно что оно было написано съ единственною цѣлью обмануть и завлечь ее сюда; фразы и фразы: „отецъ держащій въ объятіяхъ своего сына. своего единственнаго

сына, своего Гарри Ричмонда; сынъ, погубленный местью враговъ, влюбленный не дерзающій даже предъ смертью просить свиданія со своею возлюбленной.“ Письмо было написано не дурно; прочитанное безъ критическаго отношенія къ нему, оно могло показаться трогательнымъ. На меня оно имѣло обратное дѣйствіе. Я нахмурился, началъ извиняться, глубоко чувствуя мое униженіе. Она сказала: „вы объ этомъ ничего не знали. Вся бѣда въ небольшомъ нарушеніи приличій. Разъ свернувъ съ колеи проложенной для насъ, мы рискуемъ на каждомъ шагу оскорбить другихъ; для насъ не существуетъ законовъ, какъ для отверженныхъ“. Это значило: главная моя вина въ томъ что я полюбила васъ; могло также значить: моя любовь къ вамъ ставитъ мои понятія въ противорѣчіе съ понятіями моего отца, или не значило ли это: я на этомъ пути до сихъ поръ *extra muros*? Она улыбалась; ни слова не было произнесено тономъ сожалѣнія. Ея высокое мужество и воспитаніе помогли ей даже въ такомъ положеніи сохранить мягкость, которую многія женщины берегутъ для общества. Что я безпокоился не получая отъ нея извѣстій въ Риверсли, не могло придти ей въ голову; она не предполагала что я могу усумниться въ ней. Духовный союзъ нашъ, вывелъ я заключеніе, основанъ на вѣрѣ другъ въ друга, и эта вѣра должна освящать въ нашихъ глазахъ ошибки наши. Она не сказала ничего подобнаго. Какъ ей пріятно было чувствовать себя на англійской почвѣ, было ея любимою темой. „Оно опять молодо, какъ при нашей встрѣчѣ въ лѣсу“, сказала она о чувствѣ ожившемъ въ Англіи. „Далеко ли мы отъ Девонширскаго берега?“ спросила она, и я понялъ что она вспоминаетъ нашу прогулку на яхтѣ. Ни слова упрека, ни слова сожалѣнія. При первомъ прикосновеніи къ моей рукѣ, когда мы стояли другъ противъ друга одни, она сказала: „успокоила ли бы меня вѣсть о вашемъ выздоровленіи?“ Мнѣ позволено было держать ея руки, цѣловать ихъ, слушать ее, смотрѣть на нее, участвовать въ страстныхъ воспоминаніяхъ. „Нетерпѣніе не для насъ, Гарри“, сказала она по поводу того что я не долженъ видѣться съ ней до вечера. Это были ея послѣднія слова и казались самыми ничтожными, пока моя разгоряченная фантазія не придала имъ тройнаго значенія. Не означали ли они: „мы оба ждемъ“, слѣдовательно: „годы порука въ нашей твердости“. Можно ли было сказать что-нибудь нѣжнѣе? Они могли также и ничего не значить.

Ея лицо было закрыто вуалемъ, когда Дженета проѣхала съ ней. Дженета сидѣла по обыкновенію прямо, лаская кончикомъ хлыстика своихъ пони, болтая и смѣясь, принцесса слегка откинувшись назадъ. Я побрелъ по загородной дорогѣ, гордясь красотой моего отечества въ свѣтлую погоду. По счастливому случаю, который я приписываю великодушію Дженеты, мы встрѣтились на разстояніи семи миль отъ города. Онѣ говорили съ одушевленіемъ и, странно, почти не обратили вниманія на меня; обѣ сидѣли повернувшись другъ къ другу, и кивнувъ мнѣ, возобновили свой оживленный разговоръ. Я немного боялся чтобъ Оттилія не получила слишкомъ низкаго понятія о Дженетѣ. Онѣ скрылись изъ виду, ни разу не оглянувшись.

Вечеръ я провелъ въ обществѣ дамъ и слушалъ разговоръ Оттиліи съ Дженетой. Онѣ разговаривали какъ родныя. Дженета даже первенствовала. Рѣчь шла о предметахъ не глубокомысленныхъ, но здравый смыслъ, чистосердечіе и простота, казалось, могутъ сдѣлать самыя обыкновенные предметы привлекательными, какъ наши англійскія рощи и поля. Принцесса была обворожена чѣмъ-то въ Дженетѣ. Я самъ чувствовалъ что-то особенное, замѣчая по смѣху и разговору Оттиліи какъ ей нравится знакомая мнѣ привычка жмуриться и бѣглыя ямочки, появлявшіяся и исчезавшія на лицѣ Дженеты, напоминая игру тѣней на поверхности ручья.

— Мнѣ нравится быть съ ней, сказала Дженета.

— Такимъ же тономъ говорила она и въ присутствіи Оттиліи. Почему это въ комъ-нибудь другомъ показалось бы грубостью, а въ Дженетѣ имѣло такую прелесть, я не могъ понять.

— Я сказалъ что опасаюсь не вернулся бы мой отецъ.

— Дженета отвѣтила неопредѣленнымъ „о!“

— Мы были согласны что его необходимо удержать въ отсутствіи.

— Гарри, вы меня простите, я не могу говорить о немъ, сказала она.

Я предложилъ предупредить его возвращеніе, отправившись немедленно въ Лондонъ.

— Вотъ что̀ хорошо, это благородно съ вашей стороны, Гарри, воскликнула Дженета.

Это было вечеромъ, когда мы возвращались домой. Тетушка Дороти слушала, опираясь на мою руку. На слѣдующее утро Дженета уговорила меня ѣхать немедленно.

— Удержите его и привезите дѣдушку, Гарри. Она не можетъ уѣхать отсюда потому что назначила здѣсь rendez-vous принцу Эрнсту. Вы не должны откладывать. Да, я извинюсь за васъ предъ графиней Дельзенбургъ. Да нѣтъ же, обѣщаю вамъ что я не дамъ никого въ обиду. Притомъ тетушка здѣсь, она возьметъ на себя защиту, это ея дѣло. Темплю слѣдовало бы поучиться у нея годъ или два прежде чѣмъ сдѣлаться адвокатомъ. Привезите и Темпля. Его здѣсь цѣнятъ по достоинству. Я благодарна ему за то что онъ заставилъ ее полюбить англійскихъ мальчиковъ. Мущинъ я предоставляю тѣмъ кто ихъ знаетъ, но англійскіе мальчики несравненны, за это я постою. Честные, смѣлые, скромные, красивые. Я говорю ей: наши мущины можетъ-быть слишкомъ робки, насмѣшливы, пожалуй неловки, но наши мальчики поспорятъ съ цѣлымъ свѣтомъ. Привезите же Темпля. Какъ бы мнѣ хотѣлось показать ей хорошую партію въ крикетъ съ нашими мальчиками, Гарри, пока она въ Англіи. Это можно бы устроить въ Риверсли.

Я уѣхалъ, стараясь заглушить мысль что Дженета отослала меня чтобъ отъ меня отдѣлаться, но мнѣ казалось что я живое доказательство ея безсердечности. Какая же добрая дѣвушка дозволила бы мнѣ уѣхать не простившись съ той которую я любилъ? Мало придется и такихъ которыя признали бы моею обязанностью ѣхать, тѣмъ болѣе что я рискую возвратившись не застать уже принцессу въ Англіи. Снисхожденіе къ ней Оттиліи не принесло ей пользы. „Направо, вотъ вамъ дорога, пошелъ", сказала она повидимому мнѣ, хотя лошади поняли ея движеніе вожжами. „Я позабочусь о принцессѣ", сказала она. Ея самонадѣянность была безгранична. Я смѣялся надъ ея претензіей быть руководительницей принцессы. Впрочемъ мнѣ необходимо было ѣхать: нельзя было довѣряться моему отцу.

ГЛАВА L.

Предвѣщающая общее собраніе.

На нашей Риверслійской станціи я увидѣлъ сквайра и капитана Белстеда. Они стали въ ближайшій вагонъ. Я присоединился къ нимъ и былъ осажденъ вопросами. Сквайръ встрѣтилъ меня однимъ изъ своихъ крѣпкихъ, отрывистыхъ рукопожатій, въ которыхъ чувствовалась теплота и застѣнчивость,

наши національныя черты. Капитанъ шепнулъ мнѣ: ему вредно одиночество.

— Какъ поживаетъ великая праматерь? спросилъ я.

Капитанъ Белстедъ поклонился, какъ бы понимая меня, но былъ въ недоумѣніи пока я не упомянулъ о бутылкѣ съ ромомъ и о замѣчательной щедрости старухи.

— Да, да, конечно! благородная душа, сказалъ онъ. — Такъ вы знаете ее, Гарри? Я засмѣялся; онъ тоже, что̀ заставило меня засмѣяться еще громче.

— Онъ смѣется такъ потому что его партія взяла верхъ въ палатѣ, сказалъ сквайръ.

— Мы дали вамъ славный излишекъ въ этомъ году, сэръ.

— Потомъ и кровью страны, да?

— Васъ поздравлялъ канцлеръ казначейства.

— Поздравленія этого человѣка все равно что̀ благодарность извощика, который никогда не поблагодаритъ, если ему не переплатишь.

Капитанъ Белстедъ пришелъ въ восторгъ отъ сарказма.

— Почему ты не давалъ о себѣ знать все это время, Гарри? спросилъ дѣдушка.

Я сослался на капитана.

— Чортъ возьми! воскликнулъ капитанъ Белстедъ, неужели вы думаете что я поцеремонился бы съ вами, еслибы зналъ гдѣ захватить васъ.

— Если вы не жали мнѣ руки, то вы прикасались къ моимъ пяткамъ, сказалъ я и поблагодарилъ его отъ всей души за его участіе къ умирающей старухѣ. Я старался шутками разсѣять грусть.

Дѣдушка возобновилъ свои жалобы:—Мы могли бы лишиться тебя и ничего не знать.

— Мы еще не вполнѣ увѣрены что не лишились его разсудка, сказалъ мистифированный капитанъ.

— Мы конечно поѣхали бы къ нему, гдѣ бы онъ ни былъ, еслибы знали что онъ боленъ, пробормоталъ дѣдушка.

— Да, да, сэръ, конечно, прервалъ капитанъ, хмурясь на меня, чтобы заставить меня перемѣнить разговоръ. — Однако, Гарри, куда скрылись вы въ ту ночь? Мы не спали, поджидая васъ. Моя бѣдная Джулія волновалась ужасно. А? Признайтесь, гдѣ вы были?

Я показалъ ему мизинецъ.

— О, произнесъ онъ успокоившись, но подумавъ прибавилъ:

— На волосъ?

Я кивнулъ утвердительно.

— Это однако не хорошо, сказалъ онъ.

— Такъ зачѣмъ же вы похитили у меня бутылку рому, капитанъ Вильямсъ!

— Клянусь, Гарри, ваша голова пострадала, воскликнулъ онъ съ большею проницательностью чѣмъ можно было ожидать.

Дѣдушка хотѣлъ удержать меня при себѣ въ Лондонѣ и вмѣстѣ отправиться на слѣдующій день на островъ, но ему надо было побывать въ Сити, мнѣ на западной сторонѣ города. Мы условились сойтись черезъ два часа послѣ пріѣзда.

Отдавъ приказанія своему слугѣ, онъ обратился ко мнѣ.

— Ты конечно перетащилъ *его* туда?

— Мой отецъ въ Лондонѣ, сэръ, но вы не увидите его, отвѣчалъ я.

— Гм. Я не прочь повидаться съ нимъ.

Это заставило меня задуматься.

Капитанъ Белстедъ, предварительно заботливо освѣдомившись дѣйствительно ли я здоровъ и въ полномъ разсудкѣ, сдѣлалъ мнѣ предостереженіе.

— Сквайръ поглощенъ какими-то спекуляціями, или шпіонитъ за кѣмъ-то. Не опасно ли что старикъ связался съ компаніями? Дай Богъ чтобы ничего не случилось. Джулія дала слово Дженетѣ что я присмотрю за старикомъ. Надѣюсь что мнѣ можно вернуться домой сегодня. Моя Джулія терпѣть не можетъ одиночества.

— Конечно, отвѣчалъ я, и капитанъ посовѣтовалъ мнѣ зайти въ гостиницу сквайра, если я опоздаю на условленную встрѣчу въ Сити.

— Но вы постарайтесь не опоздать, просилъ онъ меня.— Положеніе дѣлъ, какъ бы то ни было, мой милый Гарри, походитъ на стрѣлку компаса въ бурную погоду. Я основываюсь на простыхъ наблюденіяхъ. Вы сами видите какъ онъ радъ имѣть васъ при себѣ.

Я сказалъ капитану что мнѣ тоже пріятно быть съ нимъ, и дѣйствительно спокойное и повидимому дружелюбное настроеніе дѣдушки соблазняло меня выпросить у него немедленно приданое принцессѣ, тогда я былъ бы въ состояніи предложить принцу Эрнсту, лишь только онъ пріѣдетъ, опредѣленный выборъ, предположивъ, — это было все еще предположеніе,—что

принцесса уполномочить меня. Съ Оттиліей я велъ умственно безконечные разговоры, съ безпрерывно мѣняющимися стремленіями, то мрачными, то умѣренными, то дикими, съ моей стороны по крайней мѣрѣ. Но никогда не удавалось мнѣ, развѣ только упорною силой воли, выманить у моей призрачной собесѣдницы какой-нибудь нераціональный отвѣтъ, такъ глубоко вкоренилось во мнѣ пониманіе ея характера. И вынудивъ ее къ такому отвѣту я ничего не выигрывалъ; призракъ испарялся, вмѣсто Оттиліи предо мною стояла кукла. „Однако она пріѣхала ко мнѣ, она пренебрегла всѣмъ и пріѣхала", повторялъ я, пытаясь отождествить ее съ женщинами нарушающими правила и толкующими обязанности по-своему.

Мистрисъ Ва́дди встрѣтила меня по обыкновенію въ прихожей дома моего отца. Я замѣтилъ съ сожалѣніемъ что она прижимаетъ руку къ сердцу.—Оно подвержено усиленному біенію въ послѣднее время, сказала она. По желанію ея господина ее изслѣдовали два славнѣйшихъ доктора королевства, „оба баронеты". Они предписали полный покой. Сколько я могъ замѣтить, ихъ титулы и практика въ высшихъ сферахъ были утѣшительнѣе ихъ предписаній.

— Чѣмъ я была, тѣмъ я и останусь, сказала она смиренно.— Я не могу покинуть его, развѣ только самъ онъ уѣдетъ за границу. Онъ обѣщалъ мнѣ памятникъ. Памятникъ мнѣ не нуженъ, но вниманіе его дорого.

Геріотъ увѣдомлялъ меня письмомъ что мое дѣло съ Эдбери устроилось; онъ самъ не понималъ какъ.

„Что̀ это за новое судилище чести? Кто будутъ присяжные?" спрашивалъ онъ съ очевидною претензіей на остроуміе.

Я поблагодарилъ его коротенькой запиской.

Отецъ мой ушелъ изъ дома рано утромъ. Мистрисъ Ваддп полагала что онъ намѣревался быть на прощальномъ обѣдѣ въ клубѣ.

— По крайней мѣрѣ Толлингби приказано приготовить вечернее платье. Вчера послѣ полудня онъ ѣздилъ въ Чиппенденъ, и домой вернулся поздно. Сегодня онъ въ Сити или въ одномъ изъ скверовъ. Леди Эдбери задержана въ городѣ разлитіемъ желчи или зубною болью. Онъ посылалъ за дантистомъ во Францію,—или это онъ посылалъ въ Германію за какою-то дамой? Право не могу припомнить. Но какъ бы то ни было, пока вы принимаете въ немъ участіе, онъ благоден-

ствуетъ. Деньги и деньги! Вы его знаете, мистеръ Гарри. О, мое сердце!

Громкій стукъ въ дверь былъ причиной усиленія сердцебіенія бѣднаго созданія.

Посѣтитель былъ ни кто иной какъ принцъ Эрнстъ. Имя на его карточкѣ было графъ фонъ-Дельзенбургъ, и мое сердцебіеніе сравнялось скоростью съ сердцебіеніемъ мистрисъ Вадди.

Узнавъ что я дома, онъ пожелалъ видѣть меня.

Мы поздоровались церемоннымъ поклономъ.

— Поздравляю васъ отъ всей души съ избавленіемъ отъ некролога, сказалъ онъ учтиво.—Я на пути въ одно изъ вашихъ приморскихъ мѣстъ, гдѣ меня ожидаетъ мое семейство. Печатаютъ у васъ имена и адресы пріѣзжающихъ, какъ это дѣлается у насъ?

Я успокоилъ его: — Рѣдко, кажется только тѣхъ кто останавливается въ гостиницѣ.

Отъ адреса принцессы я отказался.

— Года черезъ два мы можетъ-быть будемъ имѣть удовольствіе привѣтствовать васъ въ Саркельдѣ, сказалъ принцъ, протягивая мнѣ руку.—Такъ вы уже видѣли графиню Дельзенбургъ?

— Въ день ея пріѣзда, ваше высочество. Мои родственницы находятся въ настоящее время на островѣ.

— Да?

Онъ остановился, вызывая меня на поклонъ. Мы раскланялись въ комнатѣ, въ прихожей и у выходной двери.

Съ какою цѣлью пріѣзжалъ онъ къ моему отцу? Чтобъ узнать сразу худшее. Это казалось возможнымъ, предположивъ что онъ утратилъ свое довѣріе къ принцессѣ, о чемъ не дали мнѣ возможности судить его величественные пріемы со мною.

Но я понялъ что въ его разчеты не входило допустить вторичное свиданіе между мною и Оттиліей. Ударъ былъ ужасенъ, я чувствовалъ его какъ будто онъ уже нанесенъ мнѣ, но моя покорность судьбѣ длилась только до тѣхъ поръ, пока, какъ у преступника остановленнаго на пути къ казни, мое замершее сердце не вздохнуло на минуту полною жизнью. Побывавъ въ Сити, я возвратился къ отцу и узналъ что онъ бросился въ погоню за принцемъ, оставивъ мнѣ записку что я могу найти принца на островѣ. Я не могъ сомнѣваться какъ мнѣ слѣдуетъ поступить. Я зашелъ къ дѣдушкѣ, описалъ ему положеніе дѣлъ и обезоружилъ его моею горячностью, такъ

что когда я сказалъ что я единственный человѣкъ способный управлять моимъ отцомъ, онъ только пробормоталъ: „кажется напротивъ“, и ограничился гримасой, выражавшею его личное мнѣніе.

— Какъ! принцесса пріѣхала одна и сошлась съ моей дѣвочкой, сказалъ онъ, выказывая сильнѣйшее отвращеніе, выразительное какъ ощетинившійся хребетъ кошки, при мысли о предстоящемъ знакомствѣ съ иностранцами.

Темпль пришелъ обѣдать съ нами, такъ что я оставилъ дѣдушку не одного. Темпль обѣщалъ также сопровождать его на островъ.

— О! поѣзжай если хочешь, отпустилъ меня разстроенный старикъ. — У меня есть о чемъ подумать. Да придержи *его*, чтобъ я нашелъ его тамъ черезъ двое сутокъ; я приготовилъ ему нѣсколько вопросовъ. А какъ онъ обращается съ своими принцами и принцессами, мнѣ дѣла нѣтъ. Я сказалъ бы ему, какъ одинъ членъ общества покровительства животныхъ сказалъ содержателю звѣринца: „читайте имъ наставленія, оскорбляйте ихъ достоинство, уязвляйте ихъ чувства, только не бейте ихъ.“ Я имъ не желаю зла, но на кой чортъ они гоняются за моимъ внукомъ! Завтра или послѣзавтра мы съ этимъ покончимъ. Я выслѣдилъ нору барсука, или я не способенъ напасть на слѣдъ.

Онъ ворчалъ что еще недѣли двѣ придется питаться купленымъ хлѣбомъ, масломъ, мясомъ и пивомъ. Одной изъ претензій Риверсли было то что пока остальной міръ ѣлъ и пилъ ядъ, Гренджъ питался собственными здоровыми произведеніями, не опасаясь поддѣлокъ радикальныхъ промышленниковъ.

Темпль остался дослушивать остальное. Онъ выразилъ скромное и милое желаніе быть снова представленнымъ Оттиліи.

ГЛАВА LI.

Мы всѣ въ путахъ моего отца.

На возвратномъ пути, сидя въ вагонѣ почтоваго поѣзда, предъ яркимъ закатомъ солнца, перерѣзаннымъ облаками, я задалъ себѣ вопросъ: чего я искренно желаю? Мое намѣреніе остановить отца было искренно и хорошо; но стремленія моего сердца, куда указываютъ они? Подумалъ о Дженетѣ, и мнѣ захотѣлось вздохнуть свободнѣе; подумалъ объ Оттиліи, и

мнѣ захотѣлось стать на землю. Рѣзкій контрастъ поразилъ меня. Я какъ будто былъ расколотъ электрическимъ ударомъ на двѣ половины, съ такою силой влекло меня въ обѣ стороны, не перетягивая ни въ одну. Заглушить мысль объ одной изъ нихъ было смертельнымъ мученіемъ. Меня, однако, не смущало что я люблю двухъ: для каждой было отдѣльное мѣсто въ моемъ сердцѣ, какъ будто оно дѣйствительно было раздѣлено на двѣ части. Когда я проѣзжалъ мимо Риверсли, при потухавшей зарѣ, мнѣ сдѣлалось грустно при мысли что мой старый домъ и моя живая Дженета обратились въ прахъ, въ погибшую надежду, но лишь только дохнулъ я соленою атмосферой, какъ меня охватилъ духъ другой женщины, символомъ которой было глубокое море, которая дѣйствовала на мою душу какъ сіяніе звѣздъ. Благоразуміе и нетерпѣніе боролись во мнѣ. Я шелъ какъ человѣкъ съ зіяющею раной, и принужденъ былъ покориться страданію не ища исцѣленія. Я не зналъ гдѣ искать его. Въ душѣ моей была тьма и буря, какъ и въ воздухѣ.

Ни одинъ лодочникъ не согласился перевезти меня. Освѣщенный островъ лежалъ какъ блестящая корона на водѣ. Я ходилъ взадъ и впередъ по берегу, смотря на огни, дыша солеными испареніями бурныхъ волнъ, пока заалѣвшій востокъ не лишилъ ихъ магическаго обаянія.

Я убѣжденъ что столкновéніе такихъ чувствъ какія я испыталъ въ ту ночь обогащаетъ и укрѣпляетъ умъ и нравственность молодаго человѣка, если онъ не слишкомъ склоненъ къ болѣзненнымъ ощущеніямъ, и способствуетъ его переходу къ зрѣлости. Утромъ мнѣ казалось что положеніе мое измѣнилось къ лучшему; и благодѣтельное это было утро, послѣ моего долгаго ночнаго шаганія взадъ и впередъ. Я нашелъ ключъ,—не знаю, настоящій или поддѣльный,—къ уразумѣнію характера принцессы, чего я не могъ сдѣлать прежде, когда находился подъ вліяніемъ страсти, надежды или отчаянія. Ея слова, ея взгляды перестали быть для меня загадкой. Я освѣтилъ ее слѣдующимъ образомъ: она женщина которая можетъ любить только разсудкомъ,—любить, въ смыслѣ жертвовать собою. Она не лишена страсти, которая можетъ пробуждаться, но тотъ кто пробудитъ ее ничего не выиграетъ, если не будетъ въ состояніи предстать безупречнымъ ея умственному, безпощадному взору. Мною она была уже разочарована два раза. Въ этотъ третій разъ она можетъ-быть винитъ не меня,

я свою собственную легковѣрную нѣжность, но это ея третье пробужденіе; возьмутъ ли верхъ надъ нимъ любовь и теплота сердца? Ея дѣтская восторженная страсть къ моему отечеству подготовила ее къ впечатлѣнію глубоко воспріятому мечтательною больной, и съ содѣйствіемъ живой, молодой крови, она дала мнѣ мѣсто въ своемъ воображеніи, но все еще, какъ мнѣ помнилось, продолжала испытывать меня, въ такое время когда ея разсудительный умъ готовъ былъ соединиться съ впечатлительнымъ, благороднымъ сердцемъ. Затѣмъ ей пришлось выдержать рядъ разочарованій. Она узнала что я не свободенъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, отъ многихъ заблужденій и всей невоздержности людей прокладывающихъ себѣ дорогу на общественномъ поприщѣ. Видя во мнѣ человѣка обыкновеннаго (обыкновенный при ея строгихъ требованіяхъ не означало бездарный), она не могла отдѣлить меня отъ моей обстановки, отъ моего отца, напримѣръ. Въ ея взглядѣ на него въ библіотекѣ Зимняго Дворца, въ ея лицѣ, когда она развертывала и складывала его послѣднее письмо, и въ нѣсколькихъ вынужденныхъ намекахъ сквозилъ какой-то серіозный, сострадательный юморъ, безъ улыбокъ или другихъ внѣшнихъ проявленій, какъ будто сознаніе что такой человѣкъ можетъ имѣть вліяніе на ея судьбу заглушало удивленіе что это возможно. Или можетъ-быть она вывела не личное, а общее заключеніе, что этотъ міръ, отъ котораго мы ожидаемъ невыразимыхъ благъ, есть игрушка слѣпой судьбы. Сынъ человѣка теперь вполнѣ понятаго не могъ не преобразиться въ ея глазахъ. Эта мысль приводила меня въ ужасъ. Я охотнѣе прибавилъ бы порокъ къ моимъ недостаткамъ, чѣмъ далъ бы ей разгадать его.

Приближаясь къ острову я вспомнилъ раннее утро когда я присталъ къ плоскому фламандскому берегу. Я не ожидалъ теперь подобнаго же сюрприза, но прежде чѣмъ мои гребцы причалили къ берегу, большая голова Шварца дала мнѣ знать что его госпожа здѣсь. Она шла съ Дженетой. Я подошелъ къ нимъ и взялъ руку Оттиліи.

— Принцъ Эрнстъ пріѣхалъ?

— Мой отецъ пріѣхалъ вчера вечеромъ.

— Вы уѣзжаете сегодня?

— Не знаю; онъ рѣшитъ.

Это казалось хорошимъ предзнаменованіемъ, пока я не замѣтилъ сумрачнаго лица Дженеты.

— Вы больше не увидите насъ сегодня, Гарри, сказала она.

— Это ваше рѣшеніе?

— Да.

— Ваше собственное?

— Мое, если хотите.

Въ ея словахъ было что-то жесткое, какъ будто она на меня сердилась и брала принцессу подъ свое покровительство противъ меня.

Вопреки моей наклонности критиковать ее (что̀ на нашемъ языкѣ означаетъ порицать) за ея манеру первенствовать съ кѣмъ бы она ни была, я былъ пораженъ дружескими отношеніями установившимися между ею и принцессой. Ихъ разговоръ пріятно было слушать. Оттилія заимствовала у нея ея откровенную манеру говорить; Дженета, хотя въ слабой степени, изящную свободу и мягкость принцессы. Онѣ разговаривали, повидимому, какъ особы стоящія въ одинаковой степени развитія. Въ практическихъ вопросахъ Дженета смѣло брала на себя рѣшеніе. Она же положила конецъ нашей прогулкѣ.

— Теперь, Гарри, вамъ лучше уйти и отдохнуть. Мнѣ скоро надо будетъ поговорить съ вами.

Оттилія тотчасъ же протянула мнѣ руку.

Я попросилъ позволенія проводить ее до дома.

За нее отвѣтила Дженета:

— У насъ есть защитникъ шести съ половиной футовъ роста, сказала она, указывая на Шварца.

Часомъ позже Шварцъ проводилъ ее до лѣстницы ея отеля. Увидавъ меня она остановилась. Къ моему удивленію, она не спѣшила высказать то что̀ имѣла сказать.

— Гарри, вы знаете что онъ пріѣхалъ? Онъ и принцъ Эрнстъ пріѣхали вмѣстѣ. Заставьте его уѣхать отсюда немедленно. Онъ можетъ вернуться завтра. Дѣдушка пишетъ что желалъ бы повидаться съ нимъ, но сегодня увезите его.

— Развѣ принцъ намѣренъ остаться здѣсь на время, спросилъ я.

— Нѣтъ. Но это только мое предположеніе. Онъ запуталъ принца.

— Чѣмъ?

— О, Гарри, неужели вы не понимаете? Я не посвящена въ этикетъ, но даже я понимаю что исторія молодой принцессы пріѣзжающей въ Англію чтобы повидаться.... и вы.... и

отецъ пріѣзжающій за нею! Принцъ въ его рукахъ, если только вы не заставите этого человѣка поступать благородно. Этого-то именно и опасалась миссъ Гудвинъ.

— Но кто же это узнаетъ?

Дженета нетерпѣливо вздохнула.

— Вы хотите можетъ-быть сказать что отецъ мой грозитъ напечатать всю исторію, Дженета?

— Не знаю, но онъ запуталъ принца и задерживаетъ его здѣсь; въ этомъ я увѣрена

— Принцесса сама сказала это вамъ?

— Я увѣрена что она понимаетъ свое положеніе.

— Говорила она объ этомъ „человѣкѣ“, какъ вы его называете?

— Да, но не такъ какъ я. Вы на меня не сердитесь, Гарри. Разставлялъ ли онъ сѣти или нѣтъ, но онъ поймалъ ее,—не хмурьтесь на слова,—и теперь вы должны поступить такъ какъ вы конечно поступите. Но не теряйте времени. Рѣшайтесь. О, еслибъ я была мущина!

— Вы надѣли бы на насъ намордники?

— Не знаю, можетъ-быть. Я заставила бы всѣхъ близкихъ мнѣ поступать честно. Я предложила бы ему выборъ....

— Безумная дѣвочка! Предположите что онъ выбралъ бы....

— Я заставила бы его почувствовать мою волю. Онъ этого не выбралъ бы. Если вы не имѣете власти надъ нимъ.... мнѣ кажется я не пережила бы такого положенія! Не имѣть власти надъ нимъ въ такую минуту когда репутація принцессы въ опасности? Право, Гарри! Но зачѣмъ я говорю съ вами какъ будто вы въ нерѣшимости?

— Гдѣ онъ?

— Въ томъ домѣ гдѣ вы живете. Онъ великодушно уступилъ намъ свою квартиру.

— Тетушка видѣла его?

Дженета покраснѣла; мнѣ казалось что я знаю почему, и я отдалъ полную справедливость ея проницательности.

— Она посылала за нимъ, по моей просьбѣ, вчера поздно вечеромъ. Она не сомнѣвалась что ея вліяніе подѣйствуетъ, я тоже. Но ей не удалось даже доказать этому человѣку что пугать принца, хотя бы для вашей пользы, неблагородно. Она сказала мнѣ что онъ говорилъ хорошо. Тетушка Дороти тоже, конечно! Недостаетъ только чтобы дѣдушку запутали въ эту исторію. Какъ бы я желала, чтобъ онъ былъ здѣсь. Уберли ѣдетъ съ первымъ пароходомъ ему на встрѣчу. Я согласна съ

миссъ Гудвинъ что это будетъ позоромъ для всѣхъ насъ, для нашего отечества. Что же касается до нашего семейства!... и вашего имени, Гарри!... Прощайте, сдѣлайте все возможное.

Я готовъ было сказать: „во имя отечества“? Но ея тонъ не допускалъ шутокъ. Подумавъ съ минуту, я началъ сравнивать силу моей воли съ силой воли отца. Я поклонился Дженетѣ.

— Зайдите къ намъ когда будете свободны, крикнула она мнѣ.

Я сказалъ что началъ сравнивать мою силу воли съ силой воли моего отца. Результатъ сравненія не поощрилъ меня къ свиданію съ нимъ. Прошу припомнить,—я же это твердо помнилъ,—что отецъ мой склоненъ былъ всегда къ самообольщенію, что событія казавшіяся ему благопріятными были имъ самимъ подготовлены и доставались ему какъ законные плоды его дальновидной политики. Между тѣмъ какъ другіе считали его сумашедшимъ, беззаботнымъ, необузданнымъ человѣкомъ, который живетъ только настоящимъ, онъ наслаждался сознаніемъ что онъ великій политикъ, въ чемъ его убѣждало его дѣйствительно необыкновенное умѣніе пользоваться обстоятельствами. Такого человѣка трудно было заставить отказаться отъ приза.

Его любовь ко мнѣ была также препятствіемъ. „Pater est, Pamphile,—difficile est.“ Какъ отразить широкіе замыслы непритворной родительской любви? Чувства чести и приличія могли остановить его какъ человѣка; поддастся ли онъ имъ, если они покажутся ему противорѣчащими моимъ самымъ дорогимъ интересамъ? Я, къ несчастію, былъ въ его глазахъ живымъ результатомъ его славной политической карьеры. Сдѣлавъ меня наслѣдникомъ одного изъ богатѣйшихъ англійскихъ помѣщиковъ, откажется ли онъ отъ возможности возвысить меня блестящимъ бракомъ. Его странная привязанность ко мнѣ отнимала у меня надежду на успѣхъ. Мнѣ казалось что я уже слышу его быстрый, неудержимый потокъ краснорѣчія. Его аргументы и убѣжденія еще можно отразить, но какимъ образомъ сдержать самого человѣка? Я сказалъ „человѣка“, какъ выражалась Дженета, но моему возбужденному воображенію онъ представлялся болѣе похожимъ на локомотивъ чѣмъ на человѣка. Я едва двигался отъ усталости, и сознавая что для свиданія съ отцомъ мнѣ надо много силы, физической преимущественно, я выкупался въ морѣ. Купанье избавило меня отъ сонливости и отъ страшныхъ признаковъ трусости, грозившихъ парализовать силу воли, но не изгладило моихъ послѣд-

нихъ впечатлѣній. Я рѣшился приступить къ состязанію немедленно. Мнѣ казалось возможнымъ что отецъ переночевалъ въ моей квартирѣ, но тамъ мнѣ сказали что онъ только осмотрѣлъ комнаты, расхвалилъ ихъ хозяину и исчезъ. Возвратясь на набережную я узналъ что онъ уѣхалъ рано утромъ на своей наемной яхтѣ. Съ какою цѣлью? Я узналъ это слишкомъ поздно чтобы воспротивиться. Возлѣ клуба я встрѣтилъ полковника Гибберта Сегревъ, и услыхалъ отъ него что отецъ мой уѣхалъ, „но вашъ нѣмецкій принцъ и будущій тесть пробудетъ здѣсь недѣли двѣ“, прибавилъ онъ и дружески освѣдомился назначенъ ли день свадьбы. Мое лицо поразило его. Онъ извинился что заговорилъ такъ грубо о счастливомъ событіи. Я бросился домой, пылая негодованіемъ. Меня поразила мысль что принцъ Эрнстъ, который своимъ искуснымъ обращеніемъ со мною и философскимъ умѣньемъ управлять дочерью, заставилъ меня смотрѣть на него какъ на образецъ проницательности, на самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, человѣкъ безхарактерный, легковѣрный, или въ высшей степени простодушный. Я остановился на послѣднемъ предположеніи, узнавъ что принцъ уѣхалъ съ моимъ отцомъ посѣтить противоположную гавань и доки.

Дженета раздѣляла мое тайное мнѣніе.

— Принцъ джентльменъ, сказала она.

Ея гнѣвъ и негодованіе были безпредѣльны. Тетушка Дороти упрекнула ее въ чрезмѣрной строгости.

— Мнѣ кажется что принцъ воленъ поступать какъ ему угодно.

— О, неужели вы не понимаете, тетушка? воскликнула Дженета.—Принцъ поѣхалъ не подозрѣвая что тотъ кто его пригласилъ старается скомпрометтировать его. Гарри это понимаетъ. И понемногу принцъ убѣдится что у него отняли возможность поступать по собственной волѣ.

— Но вполнѣ ли онъ противъ Гарри? спросила тетушка Дороти.

— Милая тетушка, онъ принцъ и гордый человѣкъ. Онъ никогда въ жизни не согласится.... на то о чемъ вы думаете, если только его не заставятъ согласиться. А принцесса слишкомъ горда чтобы покориться, хотя бы для того, чтобы спасти свою репутацію. Но репутація ея въ опасности. Подумайте какой это скандалъ для владѣтельной принцессы. Прежде я смѣялась надъ „владѣтельною принцессой“, Гарри, но теперь

я поняла что это значитъ. Она принцесса въ полномъ смыслѣ слова. Ни одно живое существо не похоже на нее. Развѣ вы не понимаете, тетушка, что интриги, заговоръ,—я не разборчива на слова,—не принесутъ никому пользы. Принца можно опутать, принцессу же, я увѣрена, никогда.

Притязанiе Дженеты на глубокое пониманiе характера принцессы было чертой ея характера, которая была для меня не новостью: тѣмъ не менѣе видно было что онѣ много говорили другъ съ другомъ и можетъ-быть говорили дружески. Я спросилъ Дженету не высказываетъ ли принцесса какихъ-нибудь мнѣнiй о моемъ отцѣ.

— Онъ не входитъ въ ея кругозоръ, Гарри, отвѣчала она.

Кругозоръ было однимъ изъ новыхъ словъ Дженеты, которыми она по временамъ приправляла свой хотя и удовлетворительный, но безцвѣтный, устарѣвшiй лексиконъ. Вопреки послѣднему оскорбительному отзыву о моемъ отцѣ и ея презрѣнiю къ нему, очевидному для меня по ея вздернутой губкѣ и нахмуренному лицу, когда она о немъ говорила, я былъ на ея, а не на его сторонѣ. Ея сужденiе о принцессѣ было справедливо. Она вполнѣ понимала положенiе Оттилiи и опасность ей грозившую.

Дженета и тетушка Дороти провели вечеръ съ принцессой, а я ходилъ по улицѣ, не спуская глазъ съ дома гдѣ принцесса была арестована не на шутку, по повелѣнiю ли отца или собственною осторожностью. И она хорошо сдѣлала что не показывалась. Сезонъ морскихъ прогулокъ привлекъ на островъ множество столичныхъ жителей, и я встрѣтилъ нѣсколько такихъ которые не забыли газетныхъ объявленiй и опроверженiй. Лордъ Альтонъ, адмиралъ Лофтусъ и другiе толпились на набережной и въ лавкахъ, жаждая сплетенъ для услажденiя праздной скуки. Адмиралъ спросилъ меня гдѣ находятся владѣнiя принца Эрнста. Онъ сказалъ мнѣ что принцъ будетъ имѣть свободный входъ въ клубъ въ продолженiи своего пребыванiя на островѣ и прибавилъ вопросъ не требовавшiй отвѣта: „гдѣ онъ?“ Принцессу мущины оставляли въ покоѣ, но еслибъ ихъ жены видѣли ее, разспросовъ было бы не мало.

Поздно вечеромъ яхта моего отца подошла къ набережной, и въ то самое время когда онъ причаливалъ, пришелъ послѣднiй пароходъ. Зоркая Дженета разглядѣла въ толпѣ на палубѣ сквайра, опиравшагося на руку Темпля.

— Не боленъ ли дѣдушка! воскликнула она.

Я не сводилъ глазъ съ головы отца, возвышавшейся среди толпы. Принцъ Эрнстъ и генералъ Гудвинъ поднимались по ступенямъ на верхнюю площадку набережной. Генералъ былъ, повидимому, сердитъ. Дѣдушка, подъ руку съ Дженетой, замѣнившей ему Темпля, стоялъ въ ожиданіи багажа. Мой отецъ, приблизясь къ нимъ, замѣтилъ меня, и почти такъ же дружески поздоровавшись со сквайромъ какъ и со мной, сказалъ:

— Ни что не могло быть своевременнѣе вашего пріѣзда, мистеръ Белтамъ.

— Мнѣ надо видѣться съ вами, мистеръ Ричмондъ, но не въ публикѣ, возразилъ сквайръ.

— Предоставляю вамъ, сэръ, назначить время свиданія.

Дженета отошла къ генералу Гудвину. Отецъ заговорилъ со мною, посвятивъ минуту на пожатіе руки и нѣсколько добрыхъ словъ Темплю.

— Назначьте какое вамъ угодно время, мистеръ Белтамъ, началъ онъ опять.—Между тѣмъ я буду имѣть удовольствіе представить другъ другу дѣдушку Гарри и его высочество принца Эрнста фонъ-Эппенвельценъ-Соркельдъ.

Онъ обернулся. Генералъ Гудвинъ потащилъ принца внизъ по ступенямъ, сквайръ поспѣшно направился въ противоположную сторону. Я смотрѣлъ какъ обѣ стороны замышляемаго представленія старались избѣгнуть его. Отецъ мой взглянулъ направо и налѣво, и вышелъ чрезвычайно искусно изъ положенія въ которомъ растерялся бы другой, обратившись съ веселымъ замѣчаніемъ къ Темплю. Онъ вовлекъ въ разговоръ Дженету и наконецъ, на минуту,—единственно силой своей веселой болтливости,—и самого сквайра.

— Гарри, я имѣю сообщить вамъ что она не несчастна, поспѣшно прошептала Дженета.—Она читаетъ исторію одного изъ нашихъ великихъ современниковъ и радуется что находится въ нашей странѣ.

Дженета назвала одного изъ славныхъ адмираловъ, блиставшаго какъ огненный маякъ въ честь нашей націи. Она могла бы сказать болѣе, остальное она досказала взглядомъ, но сказаннаго было слишкомъ достаточно чтобы побудить меня исполнить то чего она отъ меня требовала. Грусть охватила меня какъ туча, когда я подумалъ о милой маленькой принцессѣ моего дѣтства и о настоящей Оттиліи, оставшейся вѣрною своей дѣтской страсти къ нашимъ морскимъ героямъ и къ нашей

странѣ, которая такъ коварно завлекла и выдала ее. И въ какія руки! Не въ такія которыя могли бы бросить лучъ чести на преданную голову. Контрастъ между честнымъ трудящимся человѣкомъ, которымъ она восхищалась, и пустымъ общественнымъ метеоромъ, интриганомъ раскидывающимъ сѣти, былъ ужасенъ. Мой отецъ, казалось, опуталъ насъ всѣхъ.

Онъ это самъ сказалъ. Онъ теперь сознательно смотрѣлъ на меня какъ на цифру. Принца, принцессу, дѣдушку и меня, онъ соединилъ насъ всѣхъ, сказалъ онъ. Я узналъ отъ него что принцъ, съ его содѣйствіемъ въ качествѣ совѣтника, пришелъ къ убѣжденію что бракъ единственный исходъ изъ ихъ положенія. Все сложилось такъ чтобы доказать что противъ судьбы идти нельзя.

— Будемъ объясняться безъ театральничанья, предложилъ я.

— Конечно, Ричи, чѣмъ проще тѣмъ лучше, согласился онъ.

Это было на набережной, когда онъ безпрестанно раскланивался и здоровался съ проходящими. Я не смѣлъ выпустить его руку, изъ опасенія новыхъ непріятностей. Я привелъ его на мою квартиру и настоялъ чтобъ онъ обѣдалъ у меня.

— Ломтя сухаго хлѣба будетъ достаточно, сказалъ онъ.

Мои опасенія насчетъ образа его дѣйствій оказались справедливыми, но я не ожидалъ что онъ станетъ утверждать будто принцъ самъ желаетъ брака. На всѣ мои доводы онъ отвѣчалъ настойчиво:

— Принцъ согласенъ. Онъ знаетъ что ему ничего не остается какъ уступить. Онъ въ моей власти.

— Почему? спросилъ я.

— Почему! Гдѣ твоя проницательность, Ричи? Я держу его здѣсь; я напущу на него сотню языковъ; я....

— На принцессу, можете вы сказать.

— На него. Принцесса на нашей сторонѣ; ты и она одно. На него, говорю я. Это еще только угроза, которою я держу его въ страхѣ. И ей-Богу, сынъ мой, Ричи, все это доказываетъ мнѣ что я жилъ и боролся не напрасно. Вотъ пришелъ наконецъ день и часъ. Въ день твоего рожденія, сынъ мой, я поклялся женить тебя на одной изъ высочайшихъ женщинъ въ мірѣ. Она еще тогда не существовала, но это все равно, я исполнилъ мою клятву. Отказаться! Что за вздоръ! Ты, извини меня, ты просто глупъ. Въ тебѣ нѣтъ необходимой отваги, не сердись что я это тебѣ замѣчаю. Дѣло въ томъ что принцъ попался въ мою ловушку. Мы вполнѣ вѣжливы другъ съ друг

гомъ, но онъ знаетъ что онъ въ моей власти; онъ говоритъ что любовь побѣдила его. Прекрасно. И замѣть: я не допускаю вліянія какого-нибудь выскочки сквайра; ничего подобнаго. Принцесса.... да наградитъ ее Всевышній всѣми земными благами, — не дѣлаетъ снисхожденія выходя за Гарри Ричмонда. Я уже послалъ объявленія въ газеты. Да, опять повторяю, это плоды настойчивыхъ, усиленныхъ стараній, плоды пріобрѣтенные законно, и вопреки гоненія признанныхъ властителей моей страны. Завтра утромъ твой дѣдъ сдѣлаетъ формальное предложеніе принцессѣ.

Онъ ошеломилъ меня. Единственно чтобы заставить его замолчать я разразился потокомъ упрековъ, и въ то же время удивлялся какъ возможно чтобы человѣкъ говорившій такъ какъ онъ говорилъ способенъ былъ на практическое дѣло.

Моя горячность только раздражила его. Онъ сказалъ что принцъ вполнѣ поддался его вліянію, и что ничто не заставитъ его отказаться отъ возможности употребить свою власть въ мою пользу. Никакая власть земная или адская не казалась мнѣ столь ужасною какъ его въ эту минуту, когда онъ объявилъ что готовъ скорѣе лишиться моего уваженія и любви, умереть чѣмъ „выпустить принца". Онъ преобразился, говорилъ кратко и точно, употреблялъ выраженія человѣка твердо рѣшившагося, показывая голосомъ и жестами что онъ держитъ насъ всѣхъ въ желѣзныхъ рукахъ. Обвиненіе что всего этого онъ достигъ интригами польстило ему.

— Впрочемъ, сказалъ онъ,—я не призывалъ Германію быть свидѣтельницей вмѣстѣ съ Англіей, но если онъ пріѣхалъ, я этимъ пользуюсь, и завтра ты увидишь здѣсь молодаго Эккарта.

Я вскрикнулъ, взбѣшенный моею неспособностью помѣшать ему и негодованіемъ противъ его безсовѣстныхъ продѣлокъ.

— А, ты меня не зналъ, Ричи, сказалъ онъ.—Я ввожу тебя въ гавань, и все что ты можешь сдѣлать, только скрипъ корабля для меня. Ты въ моихъ рукахъ, и я ввожу тебя въ гавань. Раньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ, я сдѣлаю тебя мужемъ принцессы. Другаго исхода у нея нѣтъ. И я увѣренъ что она ничего не теряетъ. Она твоя, сынъ мой.

— Никогда она не будетъ моею! Вы лишили меня послѣдняго шанса, вы обезчестили меня!

— Ты молокососъ, Ричи. Это ея собственное желаніе. Можетъ-быть въ то самое время какъ мы говоримъ съ тобою, принцъ признается ей что у него не осталось никакого исхода.

Ни малѣйшей щелочки! Она пріѣхала къ тебѣ, и ты берешь ее. Я преклоняюсь предъ ея подвигомъ, но фактъ остается фактомъ, она пріѣхала. Не согласится? Да она погибшая женщина, если не согласится!

— Погубленная вами, моимъ отцомъ!

— Съума вы оба сошли?

— Поймите, умолялъ я его,—что она не уступитъ никакимъ угрозамъ. Намекъ на угрозу отвратитъ ее отъ меня.

— Совершенно напротивъ, прервалъ онъ.—Принцъ самъ признается что ты владѣешь ея сердцемъ.

— Нераздѣльно съ ея чувствомъ чести и уваженіемъ къ намъ.

— Скажи что-нибудь объ ея репутаціи, Ричи.

— Вы смѣете думать что можете повредить ей!

— Смѣю думать? Я смѣю думать что въ присутствіи всѣхъ причастныхъ дѣлу лицъ устрою твое и ея счастіе, и ничто въ мірѣ не остановитъ меня. Ты поблагодаришь своего стараго отца прежде чѣмъ онъ сойдетъ въ могилу. Кстати: мой домъ и домашнюю утварь я отказываю тебѣ. Ваддн это знаетъ. Да не слыхалъ ли ты о хорошемъ врачѣ для болѣзней сердца? Я боюсь за бѣдняжку.

Онъ всталъ со словами:

— Ричи, я не похожъ на Джоріана, для котораго каждый обѣдъ не обѣдъ, а незамѣнимая потеря, но мнѣ необходимъ воздухъ. Пойду погуляю.

Я не могъ этого допустить. Я остановилъ его.

Мы были въ самомъ разгарѣ спора о его правѣ на личную свободу, когда пришелъ Темпль, и генералъ Гудвинъ прислалъ карточку. Мы съ Темплемъ оставили генерала наединѣ съ моимъ отцемъ и вышли на подъѣздъ. Темпль былъ у принцессы, которая сама поручила Дженетѣ привести его. Какъ она смотрѣла, что она говорила, онъ не умѣлъ передать хорошенько. Ему казалось что она была весела, хотя блѣдна. Обо мнѣ она упомянула „съ участіемъ“, сказалъ онъ. Онъ зналъ или подозрѣвалъ что генералъ присланъ принцемъ, но не понималъ положенія дѣлъ и такъ мучилъ меня щекотливыми вопросами, со свойственною ему деликатною сдержанностію, что я отказался отъ надежды обратиться къ нему за совѣтомъ и помощью. Дженета разказала ему все, но онъ продолжалъ недоумѣвать, внушая мнѣ предположеніе что воззрѣнія адвокатовъ всегда вульгарны. Чувство не имѣло никакого значенія въ его взглядѣ на дѣло, и онъ не прочь былъ оправдывать моего отца.

Нѣкоторыя изъ его замѣчаній смутили меня, хотя я видѣлъ что они основаны на предположеніи что всему причиной любовь взбалмошной принцессы. Они внушали мнѣ слабую надежду, хотя я обожалъ ее за то что въ ней не было ничего такого что̀ могло бы внушить хоть тѣнь надежды.

Генералъ Гудвинъ сошелъ внизъ, сопровождаемый моимъ отцомъ, и отвелъ меня въ сторону, лишь только я успѣлъ предупредить Темпля не выпускать изъ виду моего отца. Генералъ былъ сильно взволнованъ.

— Клара говоритъ что на васъ можно положиться, началъ онъ.—Я истощилъ всѣ мои аргументы съ этимъ человѣкомъ, чуть не грозилъ запереть его. Вы меня извините, мистеръ Гарри, я все это предвидѣлъ и предупреждалъ васъ.

— Вы были правы, генералъ. Скажите мнѣ чего именно опасается принцъ?

— Гнуснаго скандала, сэръ. Послѣдуй онъ моему совѣту, онъ тотчасъ же нашелъ бы средства проучить человѣка который смѣетъ угрожать ему. Вы знаете чѣмъ.

Я сказалъ что мнѣ извѣстны угрозы, но не степень податливости принца, и спросилъ видѣлъ ли онъ принцессу.

— Имѣлъ честь, отвѣчалъ онъ сухо.—Такими безчеловѣчными средствами вы съ ней ничего не выиграете.

— Вы обвиняете меня, генералъ? спросилъ я, затаивъ досаду.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ непреклонно.—Вы избрали себѣ путь лѣтъ десять тому назадъ и должны мириться съ послѣдствіями. Я это предвидѣлъ. Заговоривъ съ вами объ этомъ, я не могу не высказать вамъ моего мнѣнія. Я считалъ его просто шутомъ, гулякой и думалъ что онъ распускаетъ свою нелѣпую исторію чтобы придать себѣ больше значенія. До сихъ поръ онъ интриговалъ успѣшно: принцъ попалъ въ его сѣти. Я прорвалъ бы ихъ, какъ совѣтую и принцу Эрнсту, но различіе въ положеніяхъ вѣроятно ведетъ и къ различію во мнѣніяхъ; несчастный какъ будто околдованъ. Вашъ отецъ, мистеръ Гарри, виновенъ теперь въ такомъ гнусномъ поступкѣ что мнѣ стыдно признавать въ немъ моего соотечественника.

Мои нервы содрогались отъ оскорбленій которыя я принужденъ былъ слушать и не могъ опровергнуть.

Онъ повторилъ вопросъ.

— Я сдѣлаю все что̀ могу, отвѣтилъ я и не удовлетворилъ ни его ни себя. Онъ обмѣнялся со мною положеніями и сказалъ что онъ сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ — почти то же

что̀ дѣлалъ и говорилъ я. Только выражено это было грандіознѣе, и заставило меня лишь сильнѣе почувствовать безнадежность моего положенія и привело почти въ отчаяніе.

Мое молчаніе раздражило его.

— Положимъ, сказалъ онъ,—что принцесса балованное дитя, что она поступила необдуманно, но съ вашими понятіями вы должны считать себя обязаннымъ защитить ее. Исполните долгъ, молодой человѣкъ. Онъ, кажется, любитъ васъ, слѣдовательно вы должны имѣть на него вліяніе. Говорю вамъ прямо: отвѣтственность, по моему мнѣнію, падетъ на васъ.

Его отзывъ о принцессѣ показалъ мнѣ чего она можетъ ждать отъ свѣта, если ея имя попадетъ въ его когти.

— Я сдѣлаю все что̀ могу, повторилъ я и подошелъ къ Темплю.

Онъ былъ одѣтъ. Отецъ ушелъ отъ него, сказавъ что хочетъ занести карточку въ отель сквайра. Генералъ Гудвинъ ласково положилъ руку на плечо Темпля, чтобы рѣзче выказать свое обращеніе со мною, и пожелалъ намъ доброй ночи.

Дженета ничего не могла сказать мнѣ о моемъ отцѣ, но когда я сидѣлъ съ ней, уже поздно, намъ принесли его карточку съ приписанной карандашомъ просьбой принять его на слѣдующее утро.

— Дѣдушка самъ этого желаетъ и поручилъ мнѣ написать ему, сказала Дженета.

Она сообщила мнѣ что принцъ совершенно растерялся. Сколько я могъ понять это,—хотя казалось невѣроятнымъ,—онъ считалъ бракъ своей дочери со мною единственнымъ исходомъ.

— Но развѣ это не ея собственное желаніе, спросилъ Темпль, желавшій можетъ-быть того же самаго.

— О, неужели вы не понимаете что принцесса Оттилія не руководствуется своими желаніями, сказала Дженета. Ея ясное пониманіе характера дѣвушки казавшейся ей идеаломъ ея пола (первымъ который она встрѣтила), внушало ей презрѣніе къ людямъ не столь проницательнымъ.

Мы рѣшили назначить моему отцу придти въ половинѣ одиннадцатаго утра.

— Ни минутой позже, шепнула мнѣ на ухо Дженета.—Не выпускайте его изъ виду, Гарри. Принцесса убѣждена что вы ни въ чемъ не виноваты.

Я спросилъ не знаетъ ли она намѣреній сквайра.

— Честное слово, не знаю, отвѣчала она. — Не надѣюсь...

Такъ тяжело думать объ этомъ непристойномъ дѣлѣ! Она слишкомъ мужественна чтобъ уступить. Она не осуждаетъ васъ. я тоже, конечно, но только, Гарри, мнѣ кажется что еслибъ я была на вашемъ мѣстѣ, я сумѣла бы справиться съ нимъ. Я заставила бы его повиноваться мнѣ. Никто не обязанъ принимать безчестіе, хотя бы отъ отца. Я сказала бы: я не замъ шагу шагнуть, если намѣренія ваши безчестны. Можно отложить въ сторону родственныя чувства, если они грозятъ безчестіемъ. Дѣдушка не говоритъ объ этомъ ни слова. Я хваталась за соломенки, это дѣло жжетъ меня. О, прощайте Гарри. Я не буду спать сегодня.

— Прощайте, ласково крикнула она Темплю. Я слышалъ какъ бѣдный малый повторилъ про себя ея прощаніе, и подумалъ что онъ счастливѣе меня. Онъ ночевалъ недалеко отъ отеля.

Записка отъ Клары Гудвинъ заклинала меня въ память о томъ смѣломъ, красивомъ мальчикѣ котораго она любила въ былые дни, остаться достойнымъ того чѣмъ я былъ. Генералъ одобрилъ ея довѣріе ко мнѣ.

Я ждалъ отца далеко за полночь. Когда онъ пришелъ его наружность напомнила мнѣ его перебранку съ баронесс й Туркемсъ при свѣтѣ пылающихъ занавѣсокъ. Онъ очевидно поужиналъ и много выпилъ и объявилъ мнѣ что онъ теперь непобѣдимъ. Это было справедливо въ томъ смыслѣ что никакія обращенія къ нему не могли его поколебать.

— Отвергни что ты любишь ее, отвергни что она любитъ тебя, отвергни что ты съ ней одно. Я спуталъ васъ крѣпко.

Онъ опять видѣлся съ принцемъ Эрнстомъ. Онъ это самъ сказалъ и прибавилъ что принцъ рѣшительно желаетъ брака, требуетъ его. — И я, сказалъ онъ, драматизируя ихъ взаимныя отношенія, — я далъ согласіе.

Послѣ испытаннаго мною въ эту ночь, я не виню людей не чувствительныхъ къ юмору. Описаніе бѣгства горячаго [illegible] принца, пытавшагося скрыться отъ отца, сопровождаемое любезными улыбками, въ которыхъ проглядывала [illegible], возбудило во мнѣ сильнѣйшее отвращеніе. Я неспособенъ былъ [illegible] преслѣдователя, когда онъ былъ трезвъ, теперь у меня не хватало духа говорить съ нимъ. Я сидѣлъ выпрямившись, скрестивъ руки и упорно молчалъ. Онъ съ наслажденіемъ растянулся на диванѣ.

— [illegible] онъ мнѣ. — Ты не [illegible] не можешь выдерживать, какъ [illegible]

мой милый мальчикъ. Я богъ, недоступный земнымъ страданіямъ. Серіозно, милый мой, я во всю мою жизнь никогда не былъ боленъ. Сотни несчастныхъ погибли попробовавъ подражать мнѣ. Я могу похвалиться моимъ организмомъ. Но къ сожалѣнію, Ричи, у тебя совсѣмъ нѣтъ моей сверхчеловѣческой силы. И прибавь что я нахожусь подъ чьимъ-то покровительствомъ. Является у меня желаніе, оно исполняется, является у меня планъ, всѣ средства къ исполненію въ моихъ рукахъ. Я приписываю это заботамъ моей матери на небесахъ. Объ этомъ стоитъ подумать. „Не становись мнѣ поперекъ дороги и не слѣдуй за мною слишкомъ далеко", было бы для меня превосходнымъ девизомъ. Ты можешь выразить его по латыни, Ричи. Можешь! ты долженъ послужить моимъ интересамъ своею ученостію, какъ я служу твоимъ моимъ геніемъ. Ей Богу, этотъ девизъ удовлетворилъ бы меня. А теперь ложись.

— Нѣтъ, сказалъ я, — вамъ удалось ускользнуть отъ меня разъ, но теперь я не выпущу васъ изъ виду, хотя бы мнѣ пришлось лечь на порогѣ. Завтра вы поѣдете со мною въ Лондонъ. Я буду обращаться съ вами какъ съ человѣкомъ за которымъ я обязанъ слѣдить и не выпущу васъ пока не буду вполнѣ спокоенъ.

— Не выпустишь! воскликнулъ онъ, откинувъ руку и ногу.

— Я хочу сказать что вы будете на моихъ глазахъ, гдѣ бы вы ни были, и я не пущу васъ далеко. Я больше не прошу и не уговариваю, я только стерегу васъ, какъ сталъ бы стеречь боченокъ съ порохомъ.

Отецъ приподнялся на локтѣ. — Взрывъ, сказалъ онъ, смотря на часы, — произошелъ вчера въ пять минутъ одинадцатаго, теперь за-полночь. Въ этотъ часъ я принялъ за тебя поздравленія друзей Лофтуса, Альтона, Сегрева и другихъ. Итакъ, сынъ мой Ричи, ты стережешь пустой магазинъ.

Я выслушалъ съ выступившимъ на лбу потомъ и, преодолѣвъ судорогу въ горлѣ, спросилъ его коснулся ли онъ газетъ.

— Да, мой милый мальчикъ, я и подъ нихъ подвелъ мину, отвѣчалъ онъ.

— Вы послали объявленіе...?

— Я послалъ замѣтку что принцъ и принцесса пріѣхали утвердить брачныя условія.

— Вы ожидаете что это будетъ напечатано сегодня?

— Иначе мое имя и вліяніе обманутъ довѣріе съ которымъ я смотрю на нихъ, Ричи.

— Въ такомъ случаѣ я разстаюсь съ вами, сказалъ я. — Принцъ знаетъ что̀ ему готовится въ газетахъ?

— Этимъ-то козыремъ мы и побили его, Ричи.

— Хорошо. Завтра, послѣ свиданія съ дѣдушкой, мы съ вами разстанемся. Дружба съ вами стоила мнѣ слишкомъ дорого.

— Милый Ричи, засмѣялся онъ тихо. — Ну теперь ложись. Да будетъ на тебѣ мое благословеніе нынѣ и всегда.

Онъ закрылъ глаза.

ГЛАВА LII.

Свиданіе показывающее въ яркомъ свѣтѣ характеръ отца моего.

Утро было знойное съ самаго восхода солнца. Я зналъ что Оттилія и Дженета пойдутъ гулять, но не смѣлъ выйти изъ дома. Я сидѣлъ въ своей комнатѣ мучимый самымъ пронзительнымъ храпомъ какой когда-либо терзалъ человѣческія уши. Этотъ храпъ свидѣтельствовалъ о глубокомъ покоѣ въ душѣ моего мучителя и былъ такъ надменъ, комиченъ, непоколебимъ что казался мнѣ продолженіемъ нашего ночнаго столкновенія. Отецъ крѣпко спалъ въ гостиной на диванѣ, а я одинъ бодрствовалъ, волнуясь и тоскуя. Я, казалось, былъ обреченъ на такое страданіе. Въ сердцѣ моемъ, тѣмъ не менѣе, таилось восхищеніе его непоколебимою твердостью, и моя прежняя любовь къ нему внушала мнѣ сомнѣніе въ томъ что онъ можетъ обезчестить меня. Это было можетъ-быть умышленнымъ самообольщеніемъ. Оно помогло мнѣ встрѣтиться съ нимъ дружелюбнѣе.

Мы оба избѣгали нѣсколько времени предмета нашей распри; онъ былъ видимо расположенъ не касаться его болѣе и старался развлечь меня, обращаясь со мною необыкновенно ласково. Но когда я спросилъ его правда ли то что̀ онъ сообщилъ мнѣ ночью, лицо его исказилось и къ моему смущенію онъ вдругъ вскочилъ и началъ кричать, задыхаясь и топая ногами. Ему нужно перемиріе, онъ настаивалъ на перемиріи и доказывалъ что я женщина, которая не знаетъ чего она хочетъ и нуждается въ господинѣ. Онъ вспомнилъ благородную смѣлость молодыхъ людей его времени, блистательно достигавшихъ своихъ цѣлей, овладѣвая женщинами высшаго круга, законно или иначе. Нѣсколько минутъ онъ былъ въ изступленіи.

обращаясь къ своимъ образцовымъ юношамъ отжившаго поколѣнія. заикаясь, багровый отъ шеи до висковъ. Я содрогался. Опомнившись онъ не извинился. Онъ инстинктивно ощупалъ свой пульсъ и взглянувъ на потолокъ, воскликнулъ:

— Боже мой! Эти постройки на подобіе вигвамовъ, обратился онъ ко мнѣ,—задерживаютъ мое кровообращеніе. Уйдемъ отсюда, будемъ завтракать на яхтѣ.

Воздухъ освѣжилъ его, и онъ сказалъ мнѣ что причиной его волненія былъ потолокъ давившій ему голову.

— Твои нервы, напомнилъ онъ мнѣ, тоже очень раздражительны. Тебѣ слѣдуетъ пить вино, оно тебѣ необходимо. Я молчалъ и слѣдовалъ за нимъ какъ плѣнникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стражъ.

Безвѣтряный день помѣшалъ публикѣ пуститься въ море. Большая толпа вышла встрѣтить утренній пароходъ. Въ числѣ первыхъ сошедшихъ съ него былъ желтоволосый Эккартъ, не подозрѣвавшій что̀ значило для меня увидать его. Я едва могъ поздороваться съ нимъ; его прибытіе показало мнѣ что отецъ зашелъ такъ далеко въ своей интригѣ что не оставилъ мнѣ никакой надежды. Эккартъ сказалъ что-то о принцѣ Германѣ. Когда мы уходили съ набережной, я увидалъ Дженету, разговаривавшую съ принцемъ Эрнстомъ. Въ слѣдующую минуту къ нимъ присоединился Германъ. Я обратился за объясненіемъ къ Эккарту.

— Вѣдь я сказалъ вамъ что онъ вчера въ Лондонѣ зашелъ въ вашъ домъ и сегодня утромъ пріѣхалъ сюда со мною, сказалъ Эккартъ.

Отецъ мой смотрѣлъ въ сторону принцевъ, но лицо его было непроницаемо. Они поклонились Дженетѣ и зашагали взадъ и впередъ по треугольной площадкѣ между дорогами къ отелю, къ набережной и къ вилламъ, разговаривая съ жаромъ, какъ люди давно желавшіе высказаться. Мой отецъ направился къ нимъ; принцъ Эрнстъ выступилъ къ нему навстрѣчу. Германъ повернулся спиной.

Такъ какъ былъ уже часъ назначенный для свиданія съ дѣдушкой, я сдалъ Эккарта Темплю и подошелъ къ Дженетѣ.

— Не опоздайте, Гарри, сказала она.

Я спросилъ ее не знаетъ ли она съ какою цѣлью дѣдушка назначилъ намъ свиданіе.

— Уведите его отъ принцевъ, отвѣчала она съ нетерпѣніемъ,—и потомъ: я должна сказать вамъ что принцесса здорова

и такъ далѣе. но теперь, извините, не могу: дѣдушка дожидается. а это не хорошо.

Я понялъ что ей противно было видѣть принца Эрнста въ разговорѣ съ моимъ отцомъ. Ихъ обращеніе другъ съ другомъ было совсѣмъ не похоже на обращеніе двухъ соперниковъ. Принцъ Эрнстъ, казалось, напустилъ на себя веселый юморъ; пожавъ руку моему отцу, онъ два раза возвращался къ нему, какъ бы для того чтобы возобновить какое-то впечатлѣніе. Они были повидимому въ наилучшихъ отношеніяхъ. Дженета отвела отъ нихъ свои внимательные глаза, и ея бѣглый взглядъ на меня былъ полонъ значенія. Приближеніе моего отца обратило ее въ бѣгство. Но когда онъ вошелъ въ гостиную дѣдушки, она встрѣтила его какъ вполнѣ благовоспитанная женщина. Она была одна и принудила себя вступить въ учтивый разговоръ съ нимъ. Онъ рекомендовалъ ей германскія воды противъ подагры дѣдушки и видимо забавлялъ ее своими оригинальными предписаніями Англичанамъ намѣревающимся путешествовать въ обществѣ. Онъ говорилъ что они должны пожить предварительно въ домѣ населенномъ невыдержанными горничными, музыкальнымъ лакеемъ и сумашедшимъ поваромъ, чтобы научиться приноравливаться къ обстоятельствамъ.

— Я прибавилъ бы маленькое землетрясеніе, миссъ Ильчестеръ, чтобы быть увѣреннымъ что все общество, пускаясь въ путь, знакомо съ боками другъ друга. Это было ужь слишкомъ глупою выходкой съ Дженетой, которая склонна была приписывать безумію, тупоумію или дерзости все что поражало ее своею новостью,—Что касается меня, продолжалъ онъ,—я не желалъ бы имѣть товарищемъ ни человѣка считающаго себя природнымъ повелителемъ, ни человѣка ревностно изучающаго географическія карты, ни собаки имѣющей склонность хватать за горло. Кстати, вы кажется любите собакъ. Есть у васъ померанская гончая?

— Нѣтъ, отвѣчала Дженета. — Я такихъ даже не видывала.

— Вотъ такой величины. Отецъ поднялъ руку.

— Больше нашихъ ньюфаундлендокъ?

— Величиной съ пони, безъ преувеличенія. Вы мнѣ позволите прислать вамъ такую собаку, съ ручательствомъ за ея характеръ, что рѣдко возможно съ существами человѣческой породы, хотя я иногда и ручаюсь за моихъ людей какъ и за моихъ собакъ.

Дженета благодарила, отказываясь отъ собаки, но онъ продолжалъ восхвалять ея красоту, молодость, способности и величину. Чтобы разсѣять опасенія Дженеты, я спросилъ гдѣ эта собака.

— Въ Германіи, отвѣчалъ онъ.

Что собака находится въ Помераніи, было не менѣе вѣроятно.

Появленіе тетушки Дороти, сопровождаемой дѣдушкой, было безмолвно.

— Прошу садиться, обратился сквайръ ко всѣмъ намъ вообще, чтобъ избавиться отъ отдѣльныхъ привѣтствій.

Дженета спросила должна ли она остаться.

— Я всегда радъ имѣть васъ при себѣ, отвѣчалъ онъ коротко и сурово.

— Намъ надо бы сдѣлать кое-какія покупки, сказала тетушка Дороти, показывая что она здѣсь противъ воли.

— Развѣ вы покупаете что-нибудь внѣ Лондона? началъ мой отецъ и въ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ старался придать нашему обществу характеръ спокойнаго семейнаго собранія.

Дѣдушка сидѣлъ безмолвно, рядомъ съ Дженетой.

— Когда вы окончите, мистеръ Ричмондъ? спросилъ онъ.

— Мистеръ Белтамъ, я говорилъ миссъ Белтамъ что я готовъ поддерживать всякаго кто бранитъ Лондонъ, и это потому что я люблю Лондонъ. Парадоксъ, говоритъ она, но замѣтили вы что мы какъ бы испытываемъ вещи которыя наиболѣе любимъ, браня ихъ немилосердно? Такъ и я присоединяюсь ко всякому кто бранитъ нашъ милый Лондонъ, и знаю что славный старый городъ устоитъ противъ всякой брани.

Дѣдушка прочистилъ горло; тетушка Дороти стучала ногой по полу.

Отецъ мой понялъ намекъ.

— Я полагаю что вы сдѣлали мнѣ честь пригласить меня сюда по поводу какого-нибудь дѣла, мистеръ Белтамъ? сказалъ онъ.

— Да, сэръ, отвѣчалъ сквайръ.

— У меня есть также дѣло, и такъ какъ оно очень важно и не терпитъ отлагательства, я начну первый.

— Нѣтъ, сэръ, сдѣлайте одолженіе. Я говорю коротко, начну немедленно и не задержу васъ ни одной секунды послѣ того какъ вы отвѣтите мнѣ.

Отецъ поклонился съ примирительнымъ заключеніемъ что это похоже на дѣло.

Старикъ вынулъ свою записную книжку.

— Вы внесли на счетъ моего внука, началъ онъ прямо,—долгъ равняющійся двадцати одной тысячѣ фунтовъ.

— Да, долгъ! Вы правы, сэръ. Но долги между отцомъ и сыномъ! Впрочемъ выражайтесь какъ вамъ угодно, сэръ.

— Я не спрашиваю гдѣ теперь эти деньги. Я спрашиваю гдѣ вы ихъ взяли?

— Вы однако не стѣсняетесь, мой дорогой сэръ.

— Такъ вы не хотите отвѣчать?

— Вы спрашиваете объ этомъ какъ о семейномъ дѣлѣ? Я отвѣчаю съ полною готовностью, и, положа руку на сердце, признаюсь вамъ, мистеръ Белтамъ, что я самъ былъ бы очень радъ еслибы кто-нибудь разрѣшилъ мнѣ этотъ вопросъ. Впрочемъ, зачѣмъ скрывать? Источники неправильны, но всякій ребенокъ доберется до нихъ; вы меня понимаете. Положимъ что я получилъ эти деньги отъ моихъ друзей. Мои друзья, мистеръ Бельтамъ, люди такого рода что ихъ необходимо прижимать. Правительство, какъ выражается мой старый другъ Джоріанъ Девитъ, есть губка, которую чѣмъ больше жмешь, тѣмъ она больше дастъ, въ противномъ же случаѣ пользуется своимъ свойствомъ всасывать въ себя. Я беру то что̀ отбиваю силой оружія, иначе я давно бы погибъ.

— Такъ вы не знаете откуда вы получили эти деньги?

— Строго говоря, не знаю, сэръ.

— Ни птица не принесла вамъ ихъ, ни нашли вы ихъ въ печени рыбы?

— Ничего подобнаго. Чудо совершилось можетъ-быть въ Банкѣ, но не со мной.

— Вы даете мнѣ слово что не знаете кто пожертвовалъ вамъ эту сумму?

— Не знаю, мистеръ Белтамъ. Въ необыкновенной жизни необыкновенныя событія. Я уже испыталъ такъ много неожиданностей что меня ничто не удивляетъ.

— Вы полагаете что вамъ пожертвовалъ ее какой-нибудь безумный?

— Если вы этимъ словомъ обозначаете коллективно наше правительство.

— Вы претендуете что вамъ дало ее правительство?

— Меня дѣйствительно иногда называютъ претендентомъ,

мистеръ Белтамъ. Дѣло въ томъ что я обѣщалъ возвратить деньги, и возвратилъ ихъ. Это единственный отвѣтъ какой я могу дать вамъ. Теперь поговоримъ о моемъ собственномъ дѣлѣ. Я пришелъ попросить васъ сдѣлать предложенiе принцессѣ Элпенвельценъ-Саркельдъ отъ имени сына моего Гарри Ричмонда, вашего внука, и я вамъ ручаюсь увѣренiями принца, ея отца, что предложенiе будетъ принято. Вашъ родъ, сэръ, безъ сомнѣнiя такъ же старъ какъ родъ самого принца, но вы согласитесь что честь приносимая нашему роду владѣтельною принцессой что-нибудь да значитъ. Я готовъ сопровождать васъ, если вамъ угодно, къ его высочеству; его англiйскiй языкъ плохъ. Но весь вопросъ состоитъ въ назначенiи приданаго и можетъ быть рѣшенъ двумя словами.

Дженета отряхнула платье.

Сквайръ возразилъ:

— Мы поговоримъ объ этомъ лишь только я кончу. Не скажете ли вы какой агентъ выдалъ вамъ деньги?

— Обыкновенный агентъ, мистеръ Белтамъ, адвокатъ, человѣкъ имѣвшiй обширныя связи съ аристократiей. Онъ скончался, и былъ достойный старый джентльменъ, съ обширнымъ запасомъ анекдотовъ, которые онъ разказывалъ чрезвычайно скромно: вы никогда не услыхали отъ него ни одного имени.

— Почему же вы приняли его за агента правительства?

— Чтобъ избавить васъ отъ длиннаго разказа, сэръ, я передамъ вамъ сущность дѣла. Съ той самой минуты какъ я задумалъ доказать мои права,—права безспорныя,—этотъ старый адвокатъ, безъ всякаго зловреднаго умысла, какъ я полагаю, началъ выдавать мнѣ ежегодно извѣстную сумму, недостаточную для моихъ потребностей, но поощрявшую мои ожиданiя, тѣмъ болѣе что покойный мистеръ Баннербриджъ подавалъ постоянно кушанье въ соусѣ вовсе съ нимъ не согласовавшимся, то-есть совѣтовалъ мнѣ, отъ имени дателя, оставить хожденiе по моему дѣлу. Основываясь на этомъ, я, съ содѣйствiемъ моихъ друзей, сдѣлалъ маленькое ариѳметическое вычисленiе, и мы пришли къ заключенiю къ которому пришелъ бы всякiй здравомыслящiй человѣкъ, а именно что меня опасаются.

Тетушка Дороти подняла глаза въ первый разъ.

— Дженетѣ и мнѣ надо сдѣлать кое-какiя закупки, сказала она.

Сквайръ рѣзко приказалъ ей остаться на мѣстѣ.

— Тетушкѣ необходимъ свѣжій воздухъ, сказала Дженета,—у нея вчера была головная боль.

Такъ какъ мое присутствіе было повидимому не нужно, я предложилъ тетушкѣ походить съ ней по набережной.

Ея лицо пылало; она охотно ушла бы, но сквайръ не позволялъ и она опустила голову, сказавъ что можетъ подождать.

— А я не могу, объявилъ онъ.

— Дорогая миссъ Белтамъ, вставилъ мой отецъ соболѣзнующимъ тономъ.

— Позвольте, сэръ, сдѣлайте одолженіе выслушайте меня, воскликнулъ задыхаясь сквайръ.—Я призвалъ васъ сюда по дѣлу. Вы получили эти деньги отъ адвоката котораго звали Баннербриджемъ, такъ что ли?

— Да, его имя было Баннербриджъ, мистеръ Белтамъ.

— Дороти, ты знала Баннербриджа?

Она замялась.

— Я знала его... Гарри, когда былъ ребенкомъ, заблудился однажды въ улицахъ Лондона, а мистеръ Баннербриджъ нашелъ его, привелъ къ себѣ и былъ съ нимъ очень добръ.

— Какъ было его христіанское имя?

— Чарльзъ Адольфъ, сказалъ я.

— Онъ самый, воскликнулъ мой отецъ.

— О, вы это знаете, сказалъ сквайръ.—Видала ты его послѣ того какъ Гарри заблудился, Дороти?

— Да, отвѣчала она.—Я слышала что онъ умеръ.

— Видѣла ты его не задолго до смерти?

— Случайно видѣла.

— Онъ былъ твоимъ повѣреннымъ по дѣламъ?

— Да, по тѣмъ ничтожнымъ дѣламъ какія у меня были.

— Ты была увѣрена что можешь положиться на него?

— Да.

— Ну, сударыня, постоянная же ты женщина!

Старикъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

Теперь пришла моя очередь подвергнуться допросу, и вызванный его обращеніемъ ко мнѣ, я поднялъ на него глаза и могъ оцѣнить твердость воли съ которою мнѣ приходилось имѣть дѣло.

— Гарри, прошу извинить меня; мнѣ нужны факты, я долженъ спросить у тебя, откуда, по твоему мнѣнію, пришли эти деньги?

Я разказалъ о моихъ неудачныхъ попыткахъ рѣшить этотъ вопросъ.

— Правительство! э! усмѣхнулся онъ.

— Я право не могу судить изъ этого ли они источника.

— Какъ ты полагаешь? Считаешь ты это вѣроятнымъ?

Я считалъ это невѣроятнымъ, но все же болѣе возможнымъ чѣмъ то что ихъ пожертвовало частное лицо.

— Такъ ты не подозрѣваешь никого изъ частныхъ лицъ, Гарри Ричмондъ?

— Никого, сэръ, возразилъ я;—если только вы не заставите меня подозрѣвать васъ.

Онъ привскочилъ на стулѣ, удивленный и взбѣшенный, послалъ меня къ чорту, за то что я считаю его сумашедшимъ, и спросилъ чтò за причина внушила мнѣ дерзкое предположеніе что онъ способенъ на такую глупость.

Я могъ привести въ свое оправданіе только ту причину что онъ богатъ и добръ.

— Богатъ, добръ, промычалъ онъ. — Извини, но мнѣ нужно предложить тебѣ еще вопросъ: какъ ты полагаешь, сколько осталось у тебя изъ этихъ денегъ? Не считай затылкомъ, по манерѣ Питерборо. Говори прямо.

Послѣдовало ужасное молчаніе.

Мой отецъ наклонился выразительно впередъ.

— Мистеръ Белтамъ, я жду позволенія сказать слово. Позвольте мнѣ напомнить вамъ о томъ чтò пріобрѣлъ Гарри. Принцъ ждетъ васъ чтобы вручить ему руку своей дочери.

— Говори, Гарри, закричалъ сквайръ.

— Не говоря уже о томъ что Гарри въ парламентѣ, продолжалъ мой отецъ,—онъ женится на принцессѣ, чтò дастъ ему, безъ сомнѣнія, одно изъ важнѣйшихъ положеній въ странѣ. Лишнее было бы высчитывать будущія почести: онѣ очевидны. Мы дѣлаемъ его первымъ человѣкомъ въ странѣ, сэръ. Не совсѣмъ первымъ, но вы понимаете чтò я хочу сказать: онъ обладаетъ соединеніемъ общественнаго вліянія и политическихъ способностей со знатностью рода и богатствомъ.

— Я говорю съ моимъ внукомъ, сэръ, возразилъ сквайръ, отряхаясь какъ человѣкъ подъ дождемъ.—Я жду прямаго отвѣта, а не лжи. Вы уже сознались что деньги которыя вы дали мнѣ слово положить на проценты погибли для моего внука. Теперь выслушаемъ его.

— Я требую слова, воскликнулъ мой отецъ.— Деньги о ко-

торыхъ вы говорите были положены на самые высокіе проценты. Вашъ внукъ въ парламентѣ, въ хорошихъ отношеніяхъ съ вліятельнѣйшими членами общества и мужъ наслѣдственной прицессы. Вамъ стоитъ только сказать теперь слово, чтобы получить ея руку. Я гарантирую ее вамъ. Съ помощью этихъ денегъ я доставилъ ему все. Я не могу внушить вамъ предложеніе что принцессы продажны, но дѣло въ томъ что я умѣю распоряжаться деньгами.

— Черезъ два мѣсяца деньги будутъ въ Банкѣ на имя Гарри,—вы мнѣ вотъ что сказали.

— Онѣ и были въ Банкѣ на имя Гарри Ричмонда.

— Прекрасно, я спрашиваю въ Банкѣ ли онѣ теперь?

— О, мистеръ Белтамъ.

— Что означаетъ этотъ отвѣтъ?

Сквайръ былъ сбитъ съ толку вмѣшательствомъ моего отца и забылъ обо мнѣ.

— Я спрашиваю, откуда вы взяли ихъ и не промотали ли вы ихъ? продолжалъ онъ.

— Мистеръ Белтамъ, я говорю что вамъ стоитъ только сказать слово чтобы получить ихъ; сдѣлайте это немедленно.

— Что онъ такое говоритъ! воскликнулъ изумленный старикъ.

— Я возвращаю вамъ ихъ сторицею, мистеръ Бельтамъ.

— Такъ деньги здѣсь?

— Принцесса здѣсь.

— Я говорю, деньги.

— Неоцѣненное сокровище, повторяю я.

Лобъ и ротъ дѣдушки предвѣщали бурю. Дженета положила руку на его колѣнку.

— Что вы хотите сказать вашими увертками, я рѣшительно не понимаю, пробормоталъ онъ.—Что общаго между женщиной и деньгами?

— О, тихо засмѣялся мой отецъ. — Обыкновенно полагаютъ что связь между ними тѣсна какъ бракъ. Извините, мистеръ Белтамъ, я буду говорить безъ шутокъ. Дѣло въ томъ что намъ необходимо было ввести нашего сына въ общество, подвинуть его на общественномъ поприщѣ, и я могъ это сдѣлать обыкновенными политическими средствами. Но на это мнѣ нужны были деньги.

— На балы и обѣды?

— На все чѣмъ молодой человѣкъ пріобрѣтаетъ свѣтскость.

— Вы утверждаете что ваши балы и обѣды и все дѣлалось ради Гарри Ричмонда?

— Клянусь моею правдивостью, сэръ.

— Не говорите пожалуста какъ площадной шарлатанъ. Мнѣ не нужны образцы вашихъ клятвъ; мы не пишемъ библейскаго трактата. Я всѣми силами стараюсь быть учтивымъ.

Отецъ мой улыбнулся.

— Я ручаюсь вамъ что это вамъ вполнѣ удастся, мистеръ Белтамъ. Ни въ чемъ не можетъ быть человѣкъ такъ увѣренъ, какъ въ томъ что онъ будетъ учтивъ если искренно постарается. Джоріанъ Девитъ—кстати, вы можетъ-быть его не знаете, это мой старый, уважаемый другъ, — Джоріанъ говоритъ, то-есть сказалъ однажды одному въ высшей степени наглому господину: „вы можете стараться быть джентльменомъ, и это вамъ не удастся, но если вы постараетесь быть нижайшимъ слугой джентльмена, я ручаюсь вамъ что вы будете съ нимъ на равной ногѣ.“ Джоріанъ, позвольте сказать вамъ, острякъ достойный нашего славнаго стараго времени.

Дѣдушка облегчилъ сердце глубокимъ вздохомъ.

— Хорошо, сэръ, я не спрашивалъ у васъ вашего мнѣнія о вашихъ друзьяхъ. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до современнаго остроумія.

— И мнѣ тоже, мистеръ Белтамъ, и мнѣ тоже. Оно отзывается конюшней. Въ этомъ мы съ вами вполнѣ согласны. Современное остроуміе похоже,—приведу опять слова Джоріана,—на грязнаго, лѣниваго, безтолковаго мальчика, который не можетъ выучить урока и играетъ азбукой. Вы улыбаетесь, миссъ Ильчестеръ? Вы оцѣнили бы Джоріана. Современное остроуміе въ сильномъ упадкѣ. Въ немъ нѣтъ ни блеска, ни смѣлости въ нападеніи, ни умѣнія отражать. Я сравниваю его съ боксомъ противопоставленнымъ болѣе изящному искусству фехтованія.

— Довольно, сэръ, мнѣ не нужны ваши сравненія, пробормоталъ старикъ.—Помолчите минуту.

— Прошу полминуты, сэръ, сказалъ мой отецъ, полный веселыхъ воспоминаній о Джоріанѣ Девитѣ.

Тетушка Дороти медленно повернула голову въ сторону моего отца, глядя на полъ, и онъ тотчасъ же остановился.

— Мистеръ Белтамъ, я весь вниманіе.

— Да? Такъ скажите мнѣ, что̀ привело эту принцессу въ Англію?

— Увѣренность что Гарри исполнитъ свое обѣщаніе добиться почетнаго положенія въ странѣ, для того чтобы шагъ который она намѣрена сдѣлать былъ не слишкомъ рѣзокъ, хотя я, съ моей стороны, отвергаю что она дѣлаетъ снисхожденіе.

— Вы ей писали?

— Да. Извѣстіе о нападеніи на него и о его отчаянной болѣзни заставило принцессу рѣшиться окончательно.

— Нападеніе? Я не слыхалъ ни о какомъ нападеніи. Вы написали ей письмо и написали ей ложь. Вы сказали что онъ умираетъ.

— Мальчикъ лежалъ безъ чувствъ на̀ моей груди, когда я писалъ ей это письмо.

— Вы сказали что ему осталось жить только нѣсколько дней.

— Я самъ этого опасался въ моемъ горѣ.

— И вы утверждаете что написали это письмо не съ тѣмъ чтобы заманить ее сюда и здѣсь грозить очернить ее репутацію, если она или отецъ ея не поддадутся вамъ и не поступятъ такъ какъ вамъ хочется?

Отецъ мой гордо поднялъ голову.

— Я раздѣляю ваше обвиненіе на двѣ части. Я написалъ ей чтобы привлечь ее къ Гарри. Я не имѣлъ намѣренія угрожать ей.

— Вы однако это дѣлали.

— Я это дѣлалъ, отвѣчалъ отецъ мой торжественно.—Я употреблялъ власть данную мнѣ Провидѣніемъ на то чтобы побѣдить колебанія человѣка знатность котораго побуждаетъ его пожертвовать счастіемъ своей дочери своему роду и положенію. Можетъ ли кто опровергнуть что принцесса любитъ Гарри Ричмонда.

Я отошелъ поспѣшно къ окну, услыхавъ что начинается споръ по этому поводу. Дѣдушка говорилъ что она одумалась, отецъ мой утверждалъ что она готова и желаетъ. Обратились къ Дженетѣ. Она отвѣчала какимъ-то страннымъ голосомъ:

— Принцесса этого не желаетъ.

— Слышите, мистеръ Ричмондъ! воскликнулъ сквайръ

— Можетъ ли миссъ Ильчестеръ сказать что принцесса не любитъ страстно сына моего Гарри Ричмонда? Обстоятельства заставляютъ меня требовать прямаго отвѣта.

— Не любитъ, произнесла Дженетъ.

Я взглянулъ на нее, она на меня.

— Вы умѣете вести дѣло, Ричмондъ, замѣтилъ сквайръ.

Отецъ мой всталъ.

— Я умѣю вести сына моего къ счастію и величію, милостивый государь. Но теперь мнѣ нужно ваше содѣйствіе, и я прошу васъ засвидѣтельствовать немедленно ваше почтеніе принцу и принцессѣ, и судить лично о готовности его высочества дать согласіе на этотъ бракъ. Я ручаюсь вамъ что онъ согласенъ.

— Я этому не вѣрю, сказала Дженета, вставъ.

Тетушка Дороти послѣдовала ея примѣру, говоря:

— Ради Гарри, предложеніе должно быть сдѣлано. По крайней мѣрѣ оно рѣшитъ этотъ споръ.

Дженета взглянула на нее, а сквайръ откинулъ назадъ голову, съ восклицаніемъ изумленія.

— Какъ! Ты этого желаешь? Какъ же ты за завтракомъ говорила совершенно другое? Ты даже не желала этого свиданія, потому что была противъ брака.

— Мнѣ кажется что вамъ слѣдуетъ сходить къ принцу, отвѣчала она.—Вы это обѣщали Гарри, и если онъ уполномочитъ васъ, вы должны сдѣлать предложеніе и немедленно, мнѣ кажется.

Она говорила съ жаромъ и съ недобрымъ выраженіемъ лица, что было можетъ-быть слѣдствіемъ обращенія сквайра съ моимъ отцомъ.

— Гарри, спросила она меня съ одушевленіемъ,—желаете вы этого? Скажите вашему дѣдушкѣ что вы этого желаете и что вамъ необходимо знать свою судьбу. Зачѣмъ спорить, когда стóитъ только перейти черезъ улицу чтобъ убѣдиться. Это даже смѣшно.

Дженета наклонилась и сказала что-то шепотомъ сквайру.

Слова ея были для него очевидно неожиданностію. Онъ обернулся, поднялъ на нее глаза и воскликнулъ:

— Какъ! И ты? Но я не кончилъ здѣсь. Я дошелъ до перекрестнаго допроса.... притвориться, хочешь ты можетъ-быть сказать? Притвориться что я готовъ идти? Зачѣмъ, когда я могу освободить принца здѣсь?

Дженета тихо засмѣялась.

— Я совѣтую вамъ идти, дѣдушка.

— И *ты* такая же непостоянная, упрекнулъ онъ ее, совершенно мистифированный, и покачавъ голову, прибавилъ — А что, если мнѣ [illegible]?

— Принцъ джентльменъ, дѣдушка. Пойдемте со мной. Мы пойдемъ одни. Вы можете освободить и защитить принца.

— Я одобряю, повторилъ мой отецъ.

— И потомъ, дѣдушка.... впрочемъ это можно сказать при всѣхъ.

— Говори.

— Повидайтесь и съ принцессой. Она должна присутствовать.

— Это я тебѣ предоставляю, сказалъ смущенный старикъ.

Дженета пожала руку тетушки Дороти.

— Вы правы, тетушка, вы всегда правы. Эта неизвѣстность тяжела намъ всѣмъ и безконечно тяжеле для принца и принцессы.

Тетушка приняла похвалу со страннымъ подергиваніемъ въ лицѣ.

Что до меня касается, я былъ изумленъ не менѣе дѣдушки ихъ внезапною перемѣной. Мнѣ даже казалось что отецъ мой перетянулъ ихъ на свою сторону. Старикъ старался усадить ихъ опять, но Дженета упорно улыбнулась и улыбалась пока онъ не всталъ. Она тихо заговорила съ нимъ. Онъ былъ мраченъ, сердитъ на нее, послушенъ однако.

Немного позже я нашелъ ключъ къ объясненію этой загадочной сцены. Но въ эту минуту я ничего не понималъ и разсѣянно слушалъ поощренія Дженеты и возраженія сквайра. — „Было бы гораздо лучше рѣшить это здѣсь“, сказалъ сквайръ. Она доказывала что въ такомъ случаѣ вся тяжесть отвѣтственности пала бы на нее.

— Совершенно справедливо, замѣтилъ мой отецъ, торжествуя.

Дороти Белтамъ подошла ко мнѣ и, глядя въ окно, сказала, какъ бы говоря съ собою:

— Если отказъ, то это будетъ дѣломъ принца. Надѣюсь что деньги не истрачены, продолжала она, понизивъ голосъ. — Да? Или часть истрачена? Увѣренъ ли ты что болѣе двухъ третей цѣлы?

Ея тревога о моихъ деньгахъ въ такую минуту и способъ которымъ она это выразила казались мнѣ въ высшей степени комичными, и я едва не расхохотался. Она продолжала:

— Какая толпа на набережной! А музыки еще нѣтъ. Скажи мнѣ, Гарри, что всѣ деньги цѣлы, или почти всѣ. Это необходимо знать. Ты обѣщалъ экономить.

— Вы говорите о музыкѣ, миссъ Белтамъ?

Мой отецъ любезно поклонился ей.

— Я случайно подслушалъ васъ. Сегодня въ полдень будетъ играть предъ публикой мой собственный оркестръ.

Она улыбнулась въ отвѣтъ на его вмѣшательство.

— Что̀ такое? Чей оркестръ? воскликнулъ сквайръ, вырываясь изъ рукъ Дженеты.—Собственный оркестръ?

Дженета съ трудомъ овладѣла имъ опять. Услыхавъ о собственномъ оркестрѣ, онъ сдѣлался упрямѣе.

— Я поступаю не по своему убѣжденію, идя къ этимъ иностранцамъ, сказалъ онъ Дженетѣ.—Для чего идти? Я могу покончить это здѣсь, не тревожа ихъ переводчиковъ.

Онъ обратился ко мнѣ:

— Гарри, ты желаешь чтобъ я подвергнулся такому испытанію ради тебя?

Тетушка Дороти шепнула мнѣ: „да, да“.

— Меня совсѣмъ опутали, продолжалъ онъ, и не дождавшись моего отвѣта, началъ опять разспрашивать тетушку Дороти о мистерѣ Баннербриджѣ, а отца моего о деньгахъ. Но его вопросы были смутны и неточны. Цѣль ихъ была совершенно темна.

— Я не въ своемъ умѣ сегодня, сказавъ онъ Дженетѣ, бросивъ косой взглядъ на моего отца.

— Вы теряете время и напрасно безпокоите себя, дѣдушка, сказала она.

Онъ клялся что мы всѣ опутали, одурачили его, и мнѣ казалось что онъ дѣйствительно никогда не былъ до такой степени смущенъ какъ въ эту минуту; но я также никогда не видалъ чтобъ онъ былъ такъ умѣренъ съ моимъ отцомъ. Дѣло было въ томъ что Дженета взяла съ него слово сдерживать свой характеръ, а не владѣя свободно своимъ языкомъ, онъ не могъ справиться съ моимъ самоувѣреннымъ отцомъ.

— Этотъ принцъ! продолжалъ онъ восклицать.

— Какъ вы не понимаете, дѣдушка, что вы освободите его и все разъясните, сказала Дженета.

Онъ раздражительно попросилъ ее не торопиться, намекнувъ ей что она можетъ-быть какъ и онъ одурачена, и принялся опять за свой перекрестный допросъ, безпрестанно сбиваясь и повторяя: „на чемъ я остановился?“ Отецъ мой, разговаривавшій то съ тетушкой Дороти, то съ Дженетой, то со мной о предметахъ постороннихъ, обращалъ на него мало вниманія и казался вполнѣ спокойнымъ и увѣреннымъ въ успѣхѣ.

— Такъ ты говоришь что мнѣ надобно идти, обратился

сквайръ ко мнѣ.—Сдѣлай одолженіе подожди здѣсь. Не знаю къ чему я только иду. Чертовское положеніе! Идти къ человѣку языка котораго я не знаю, и который моего языка не знаетъ, и по дѣлу въ которомъ запутаны мы всѣ. Если нужно я пойду. Ты увѣрена что нужно?

Онъ взглянулъ на Дженету. Она кивнула утвердительно.

Я смотрѣлъ на эту странную и для меня непонятную интермедію, когда одинъ изъ служителей гостиницы подалъ сквайру карточку.

— Еще принцъ! воскликнулъ дѣдушка.—Эти нѣмецкіе принцы разростаются какъ картофель,—десятки отъ одного корня! Кому прислана эта карточка? Такъ попросите его войти. Проводите его въ другую комнату. Говоритъ онъ по-англійски?

— Принцъ Германъ фонъ.... не могу выговорить этого имени—говоритъ по-англійски, Гарри? обратилась ко мнѣ Дженета.

— Не хуже насъ съ вами, отвѣчалъ я. Мое сердце содрогнулось и равнодушіе исчезло мгновенно.

Присутствіе Германа придало новый колоритъ сценѣ, которая меня до сихъ поръ только забавляла, ибо я уже зналъ что лишился Оттиліи, я былъ въ этомъ вполнѣ увѣренъ, и ничего лучшаго не могло случиться. Я кромѣ того утратилъ еще нѣчто поддерживавшее меня, и ни о чемъ не заботясь, я слушалъ съ презрѣніемъ и съ полнѣйшимъ равнодушіемъ толки о деньгахъ, немного рисуясь, можетъ-быть. Но имя Германа оживило мое мученіе. Для чего онъ пришелъ? Для того чтобъ убѣдить сквайра усмирить моего отца? Ничего другаго нельзя было предположить, хотя различныя предположенія страшно давили мой мозгъ.

Отецъ мой былъ совершенно покоенъ.

— Одно слово, мистеръ Белтамъ, прежде чѣмъ вы уйдете къ принцу. Онъ агентъ, мы обращаемся съ нимъ учтиво, и когда ему вздумается пуститься въ дипломатію, мы его выслушиваемъ терпѣливо. Я долженъ только попросить васъ помнить что я не отступлю ни на шагъ. Я хочу этого брака, я такъ рѣшилъ. Все зависитъ отъ принца Эрнста.

Сквайръ съ яростью оглянулся, удаляясь подъ руку съ Дженетой. Она вдругъ остановилась и отвѣтила за него.

— Мистеръ Белтамъ будетъ говорить только отъ своего имени. Мы не принимали участія въ недостойномъ обращеніи съ принцемъ Эрнстомъ. Мы противъ этого протестуемъ.

— Миссъ Ильчестеръ, сказалъ мой отецъ, любезно кланяясь

ей,—я охотно принимаю вашъ вызовъ. Позвольте предложить вамъ вопросъ. Вы, я знаю, хорошая наѣздница. Еслибы вамъ удалось поймать благороднаго, дикаго коня, выпустили бы вы его только потому что онъ сталъ бы протестовать? Войдите въ мое положеніе, умоляю васъ. Сынъ мой мнѣ дороже всего. Гордость принцевъ чрезвычайно сходна, какъ вы сами убѣдитесь, съ гордостью дикихъ лошадей, въ особенности въ готовности съ которою они покоряются, лишь только замѣтятъ что они положительно пойманы. Мы показываемъ имъ что держимъ ихъ крѣпко, и они покорно слѣдуютъ за нами. Ради Гарри, ради принцессы, я прошу васъ употребить ваше, всѣмъ свѣтомъ справедливо оцѣненное, вліяніе. Даже теперь — а вы хмуритесь на меня!—я не могу найти въ моемъ сердцѣ ничего противъ прелестной, дивной свѣтской женщины которою вамъ суждено быть — хотя вы поняли бы и похвалили бы меня.... но я не могу—хотя бы для того чтобы заслужить ваше одобреніе—лишить васъ хоть единаго луча вашей свѣжей дѣвственной молодости. Если вы ложно судите обо мнѣ, я покоряюсь. Это дань которую я плачу вашей молодости и красотѣ. Въ моемъ обращеніи съ принцемъ Эрнстомъ, повѣрьте мнѣ, не было ничего неблагороднаго, если жизнь есть битва, а генеральская голова добыча. Умоляю васъ (убѣждалъ онъ ее, смиренно улыбаясь) не осуждайте меня слишкомъ строго, если вы со мной не согласны. Я значительно старше васъ; вы сомнѣваетесь въ такой же ли я степени умнѣе васъ, но позвольте отцу Гарри Ричмонда знать лучше что̀ необходимо для счастія его сына. Если я слишкомъ опрометчивъ, осуждайте меня въ чрезмѣрной заботливости о благосостояніи моего сына; скажите что я слишкомъ старъ чтобы понимать свѣтъ съ проницательностью молодости; назовите меня нескромнымъ, неловкимъ, произнесите надо мною строжайшій приговоръ (онъ почтительно поклонился ей), но не презирайте меня за то что я тружусь для моего сына, что я преданъ ему всею душой. И мы знаемъ, миссъ Ильчестеръ, что принцесса удостоиваетъ его любовью. Но я смиренно протестую.... на любовь я смотрю какъ на любовь, а не какъ на тяжесть на вѣсахъ; она небесная сила не имѣющая тяжести! Ея власть....

Сквайръ къ счастію не выдержалъ долѣе, къ счастію потому что отецъ мой начиналъ заговариваться. Онъ слѣдовалъ за Дженетой шагъ за шагомъ, наклоняясь къ ней граціознѣйшимъ образомъ, между тѣмъ какъ старикъ тащилъ ее впередъ, по-

дальше отъ вреднаго льстеца. Она держала голову въ профиль къ моему отцу, искренно стараясь не показаться неучтивою человѣку который обращался къ ней съ чистосердечнымъ видомъ, пока раздраженный старикъ не увлекъ ее за дверь. Его шея ушла въ воротникъ, какъ будто его преслѣдовалъ холодный вѣтеръ, но Дженетѣ, какъ я увѣренъ, понравилась рѣчь моего отца. Я ручаюсь что будь она предоставлена самой себѣ, ему удалось бы вызвать ее на отвѣтъ, если не на споръ. Но ничто, конечно, не могло поколебать ея рѣшимости.

Лишь только они вышли изъ комнаты, какъ тетушка Дороти получила приглашеніе присоединиться къ нимъ. Она успѣла, однако, выразить надежду что деньги цѣлы.

ГЛАВА LIII.

Странныя открытія и дѣдушка торжествуетъ въ послѣдній разъ.

Отецъ и я стояли у различныхъ оконъ, смотря на безпечную толпу внизу.

— Это вы устроили что принцъ Германъ здѣсь? спросилъ я.

Онъ засмѣялся.

— Я право не такой великій чародѣй какимъ ты меня считаешь, Ричи. Я оставилъ адресъ принца Эрнста, какъ и свой, у Вадди, на случай если вздумаетъ пріѣхать сюда маркграфиня. Остальное сдѣлала судьба, которую я смиренно благодарю за ея неизмѣнное содѣйствіе въ малѣйшихъ мелочахъ. Только знайте, ты и всѣ они, что ничто не заставитъ меня отступить. Я не откажусь отъ плодовъ цѣлой жизни.

— А если я откажусь?

— Ты откажешься возстановить репутацію принцессы и возвратить душевный покой принцу, если они сами будутъ просить тебя? Я этого рѣшительно не въ состояніи предположить, Ричи. Ты обвѣнчанъ сегодня утромъ газетами. Положеніе принца Германа, къ сожалѣнію, въ высшей степени комично. Онъ, однако, смѣлый малый. Надо имѣть много мужества чтобы въ качествѣ претендента на руку принцессы взять на себя роль заступника, зная,—онъ долженъ это знать,—что его заступничество ей вовсе непріятно. Ко мнѣ онъ, какъ видишь, не обращается. Я уже показалъ имъ что мои рѣшенія неизмѣнны

Что-то сдѣластъ онъ съ твоимъ дѣломъ!... Для чего, скажи пожалуста, прислали его къ твоему дѣду, Ричи?

Я не могъ симпатизировать его улыбкамъ и остротамъ.

Замѣтивъ знакомыхъ, онъ растворилъ окно и началъ раскланиваться.

Сквайръ, возвратившись съ тетушкой Дороти и Дженетой, увидалъ отца моего сообщающимся съ внѣшнимъ міромъ изъ его собственной квартиры.

— Затворите окно, закричалъ онъ, и легко было замѣтить что онъ возвратился сильно вооруженный противъ моего отца.—Я не желаю, мистеръ Ричмондъ, чтобы весь свѣтъ зналъ что вы у меня.

— Я на минуту забылъ, сэръ, отвѣчалъ отецъ,—что уступилъ эти комнаты вамъ,—съ полною готовностію, будьте увѣрены.

Объясненіе съ дамами по поводу квартиры не улучшило расположенія духа сквайра.

Чувство приличія заставило его однако замѣтить:

— Я не могу благодарить васъ за одолженіе котораго я никогда не принялъ бы.

— О, я очень радъ что могъ услужить дамамъ, мистеръ Белтамъ, и не требую ни малѣйшей благодарности, отвѣчалъ мой отецъ.—Я сейчасъ слышалъ отъ толпы друзей что бракъ объявленъ въ утреннихъ газетахъ; безчисленныя поздравленія, конечно.

— Не повторяйте ихъ, прервалъ сквайръ.—Никто не найдетъ ихъ здѣсь. Я не приглашаю васъ садиться потому что не хочу задерживать васъ. Я сейчасъ кончу; игра сыграна. Гарри, отвѣчай скорѣе: всѣ деньги истрачены? Спрашиваю это не въ обиду тебѣ, а потому что нужно.

— Нѣтъ, не всѣ, могъ я только отвѣтить.

— Половина?

— Да, около того.

— Три четверти?

— Можетъ-быть.

— И обязательство, кромѣ того?

— Есть нѣсколько.

— Ты не лгунъ, съ тебя довольно.

Онъ обратился къ тетушкѣ; она закрыла глаза.

— Дороти, ты продала свои фонды на двадцать пять тысячъ фунтовъ. Ты постоянная женщина, какъ я уже сказалъ, и потому я не буду обращаться съ тобой какъ съ свидѣтельницей

въ судѣ. Ты дала ихъ Гарри чтобы помочь ему выпутаться изъ затрудненія. Но что за безуміе отдать ихъ въ руки этому человѣку! У него тысячи летятъ какъ гроши. Почему ты дѣлала изъ этого секретъ и поощряла его вздорныя бредни? Сударыня! ведите себя какъ прилично порядочной женщинѣ и моей дочери, воскликнулъ онъ, когда, не устоявъ противъ грубаго, внезапнаго нападенія, она въ замѣшательствѣ двинулась, какъ бы желая скрыться.

Я стоялъ ошеломленный. Не мудрено что она хотѣла избѣжать такой сцены.

— Скажи съ какою цѣлью ты отдала деньги этому человѣку, Дороти Белтамъ? Хотѣла ты дать ему возможность сдержать данное слово? Помочь мальчику,—это я понимаю. Впрочемъ деньги твои. Я не имѣю права вмѣшиваться, если тебѣ пришла фантазія сдѣлать изъ чернаго бѣлое и положить на это все свое состояніе. Оно твое собственное и ты можешь распоряжаться имъ какъ угодно, скажешь ты и будешь права.

Такая умѣренность длилась однако не долго.

— Ты обманывала меня, сударыня. Ты не имѣла средствъ строить школы, подписываться на благотворительныя учрежденія, ты скряжничала, чтобы содержать негодяя и его молодаго ученика! Ты поѣхала въ Лондонъ,—ты сдѣлала это хладнокровно,—ты была у своего маклера, отъ него отправилась въ Банкъ и продала фонды, чтобы бросить такую громадную сумму. Я былъ въ Банкѣ по дѣламъ, мнѣ подали книги, и вдругъ подъ именемъ Белтамъ я увидалъ твою подпись и понялъ твою глупость; я понялъ все сразу. Замѣть что я былъ въ Банкѣ по собственному дѣлу. Я не шпіонилъ, твоя подпись выдала тебя, я увидалъ ее невольно. Но мнѣ дѣла нѣтъ сколько положительныхъ дураковъ служатъ первостепенному хвастуну, ты изъ ихъ числа, и я это узналъ.

— Что касается до вашихъ положительныхъ и первостепенныхъ, мистеръ Белтамъ, замѣтилъ мой отецъ шутливо,—три степени сравненія употребляются теперь только въ торговлѣ. Я не считаю ихъ примѣнимыми къ дѣламъ. Ваша положительная степень вопросъ спорный попреимуществу, а вашу высочайшую я берусь увеличить въ десять разъ.

Онъ говорилъ это чтобы произвести диверсію, сопровождая свои слова безсмысленными улыбками, приводившими меня въ негодованіе, пока меня не успокоила мысль что онъ ничего не понялъ.

Это казалось невѣроятнымъ, но я убѣдился что это такъ, замѣтивъ какъ онъ насторожилъ слухъ когда услыхалъ слово „правительство", нераздѣльное въ его умѣ съ деньгами о которыхъ шла рѣчь.

Сквайръ сказалъ что-то о правительствѣ тетушкѣ Дороти съ насмѣшкой въ голосѣ.

Такъ какъ его замѣчаніе не шло къ дѣлу, она ухватилась за него чтобы возражать: „Я ничего не знаю о правительствѣ и его дѣйствіяхъ."

Она пробормотала еще что-то и взглянула на Дженету, которая пришла ей на помощь.

— Дѣдушка, довольно вамъ о деньгахъ. Вы уже сказали все что нужно. Фонды, акціи, банки, мы все это уже слышали. Пожалуста довольно, прошу васъ. Вамъ осталось только передать то что сообщилъ вамъ принцъ Германъ.

Дженета смотрѣла въ сторону моего отца, тщательно избѣгая моего взгляда и очевидно стараясь защитить тетушку Дороти.

— Что касается до фондовъ и акцій, миссъ Ильчестеръ, сказалъ мой отецъ,—я самъ охотнѣе брошусь подъ косильную машину въ полномъ дѣйствіи, чѣмъ въ міръ фондовъ и акцій. Замѣчаніе нашего Джоріана о биржевой игрѣ есть одинъ изъ немногихъ образчиковъ его снисхожденія до игры словами. Вы не посѣтуете на меня, если я его повторю, а мистеръ Белтамъ можетъ судить лучше меня справедливо ли оно.

Онъ слегка обратился къ сквайру, танцуя такимъ образомъ на кратерѣ вулкана и получивъ въ отвѣтъ:

— Вы хладнокровный негодяй, Ричмондъ.

— Я, вопреки вамъ, не позволю себѣ забыться съ вами, сэръ, отвѣчалъ мой отецъ сдержанно.

— Слышали вы мой разговоръ съ моею дочерью?

— Я слышалъ, если можно такъ выразиться, какъ левъ бралъ свою львиную долю.

— Вы слышали его ревъ?

— У всякаго свои маленькія особенности, мистеръ Белтамъ. Я всегда вспоминаю о паровомъ котлѣ, когда слышу отъ васъ длинную рѣчь, и полагаю что какъ для васъ, такъ и для насъ необходимо чтобы вы имѣли возможность высказываться свободно.

— Вы такъ полагаете? Совершенный театральный лакей, проворчалъ старикъ, каррикатуря съ удивительнымъ искусствомъ

слабую сторону моего отца, которую и я замѣчалъ съ сожалѣніемъ, несмотря на то что рѣчь текла свободно. Онъ утратилъ свою естественность, стараясь сохранить хладнокровіе подъ градомъ оскорбленій.

— Дѣдушка, мы съ тетушкой уйдемъ, сказала Дженета, теряя терпѣніе.

— Когда я кончу, отвѣчалъ онъ, не спуская свирѣпаго взгляда съ своей жертвы.—Онъ притворяется что не понимаетъ, такъ пусть она подтвердитъ. Ричмондъ, моя дочь Дороти Белтамъ послѣдняя изъ жертвъ одураченныхъ вами. Она женщина правдивая и опровергнетъ меня, если то что̀ я скажу неправда. Двадцать пять тысячъ вашего „правительства" взяты изъ ея состоянія.

— Взяты изъ....

— Ну да... чортъ возьми! Она пожертвовала ихъ вамъ.

— Если дѣло дошло до чертей, то вы лучше бы отпустили дамъ, сказалъ я.

Онъ взглянулъ на меня какъ гончая на дичь.

— Она то лицо, она ваше правительство въ юпкахъ, отъ котораго вы получили двадцать пять тысячъ фунтовъ. Она дала вамъ ихъ чтобы вы могли сдержать слово и чтобы помочь вамъ давать ваши обѣды и балы. Она,—я не говорю что вы это знали,—она передала ихъ вамъ чрезъ своего Баннербриджа. Теперь вы поняли? Вы получили ихъ отъ нея. Боже мой! взгляните на него.

Странное оцѣпенѣніе смѣнило улыбки моего отца. Онъ стоялъ съ вытаращенными глазами, старался произнести что-то и представлялъ дѣйствительно зрѣлище утѣшительное для врага. Онъ обратился къ тетушкѣ Дороти, и простирая къ ней руки, назвалъ ее по имени, судорожнымъ, хриплымъ голосомъ. Она была блѣдна какъ полотно.

— Обращайтесь съ моею дочерью почтительно, милостивый государь. Я не хочу слышать ваши проклятыя фамильярности, проревѣлъ сквайръ.

— Онъ мнѣ зять, отвѣчала тетушка Дороти, овладѣвъ своимъ мужествомъ, когда худшее было уже сказано.—Извините меня, мистеръ Ричмондъ, что я безъ вашего вѣдома заставила васъ принять мою помощь.

— Заставила! воскликнулъ сквайръ.—Они накинулись на твою помощь какъ два голодныхъ коршуна. Ты найдешь

послѣднюю обглоданную косточку твоей помощи въ векселяхъ. Они давали векселя, я это знаю.

Мой отецъ приложилъ пальцы ко лбу, какъ будто стараясь сообразить что-то, немного театрально, но мнѣ кажется искренно. Онъ поднялся на цыпочки.

— О, сударыня, дорогая моя, другъ мой! Дороти! сестра моя! Лучше бы я тысячу разъ женился, какъ ни боюсь я брака по разчету. Эти деньги? Они не....

Старикъ прервалъ его:

— Вы хотите остаться низкимъ фигляромъ и трещеткой до конца, Ричмондъ. Не думайте что вы выиграете что-нибудь такою позой какъ будто вырываетесь отъ мошенника. Вспомните что вы въ комнатѣ джентльмена; не возвышайте голосъ какъ обезьяна подражающая трубѣ. Ваши возгласы напоминаютъ ревъ животныхъ. Поберегите ваши звѣриныя способности для другихъ слушателей. Что̀ вы хотите сказать? Хотите притвориться что вы удивлены? Она не первая изъ дуръ у которыхъ вы выманиваете деньги вашими „сударыня“ и „дорогая моя“ и всѣми вашими фокусами. Ваши розказни о помощи правительства, ваши скандальныя объявленія показываютъ какой вы низкій пройдоха. Если въ васъ осталось что-нибудь человѣческое, повернитесь спиной и уйдите; скажите что вы боролись съ неравною силой,—что̀ и правда, если принять въ разчетъ полицію,—признайтесь что вы негодяй, извинитесь и скройтесь, и молчите, и ведите себя смирно. Или вы все еще вѣрите въ правительство?

Тетушка Дороти подошла ко мнѣ и прошептала, сжавъ мою руку: „Гарри, вы не можете спасти его, подумайте о себѣ.“

Она поколебала меня и я не успѣлъ спасти отца отъ ловушки.

— О, мистеръ Белтамъ, сказалъ онъ,—вы слишкомъ жестоки. Позвольте спросить васъ: еслибы вы получали вспомоществованіе отъ правительства въ теченіе многихъ лѣтъ....

— Съ какихъ поръ? спросилъ сквайръ.

Какъ ни спѣшилъ онъ выпроводить ненавистнаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ очевидно не прочь потѣшиться надъ нимъ, при такомъ удобномъ случаѣ. Я понималъ его недостойное намѣреніе.

— Все равно съ какихъ поръ, отвѣчалъ я.

Старикъ продолжалъ смотрѣть вопросительно.

Отецъ подумалъ:

— Память измѣняетъ мнѣ, я разбитъ. Я хочу только сказать что вы были бы правы, вполнѣ правы....

— Съ какихъ поръ? раздалось опять.

— По крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ какъ я женился.

— Съ тѣхъ поръ какъ вы своими подлостями втерлись въ мое семейство, иначе сказать. Правительство заблагоразсудило дать вамъ средства содержать жену.

— Мистеръ Белтамъ, я едва дышу. Это было послѣ смерти одного лица, лично заинтересованнаго въ томъ чтобы содержать меня. Я ему обязанъ.... голова у меня кружится. Я говорю, это было въ тотъ періодъ когда, по совѣту высокопоставленныхъ друзей, я началъ добиваться признанія моихъ правъ. Съ дѣтства....

— Къ чорту ваше дѣтство! Я и такъ слишкомъ много знаю о васъ. Слушайте, Ричмондъ! Вы хотите разжалобить женщинъ вашимъ дѣтствомъ, а я хочу сразить васъ окончательно, такъ чтобы вы не могли вредить больше бѣднымъ иностранцамъ которыхъ вы опутали. Они плюнутъ на васъ, а я постараюсь подпилить вамъ зубы. Сначала о вашемъ доходѣ. Вы увѣряете что правительство боялось васъ, да?

— Это мнѣ доказывалось ежегодно.

— О! Ежегодно? Съ помощью покойнаго Чарльза Адольфа Баннерброджа?

Дженета убѣждала тетушку Дороти выйти изъ комнаты, но бѣдная женщина хотѣла остаться со мной, надѣясь избавить меня отъ погибели. Когда сквайръ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, она крѣпко сжала мою руку, чтобы внушить мнѣ умѣренность.

— Гарри, ты тоже подозрѣваешь что правительство платило ему ежегодную дань?

— Теперь, разумѣется, нѣтъ.

— Что же ты подозрѣваешь?

— Гарри не обязанъ высказывать своихъ подозрѣній, отвѣчала за меня тетушка Дороти.

— Такъ скажи ему сама.

— Развѣ это необходимо?

— Да, необходимо. Я хочу сломать всѣ доски на которыхъ онъ стоитъ и буду топтать его пока онъ, уличенный шарлатанъ, не потонетъ въ своей трясинѣ, со своими балами, обѣдами и собственнымъ оркестромъ. Ричмондъ! Вы убили одну изъ моихъ дочерей, другая содержала васъ, чрезъ своего агента

Баннербриджа, почти съ того времени какъ вы женились на ея сестрѣ. Пусть она опровергнетъ меня, если можетъ. Ваше правительство, платившее вамъ ежегодную дань—Дороти Белтамъ.

Я обнялъ Дороти Белтамъ. Она страшно дрожала, но была въ состояніи шепнуть мнѣ: „Мужайся, милый; будь покоенъ."

Все что̀ я думалъ и чувствовалъ нашло исходъ въ слезахъ.

Нѣсколько времени раздавалась громовая тирада, которою мстительный старикъ бичевалъ высокую фигуру стоявшую неподвижно предъ нимъ. Мой бѣдный отецъ не говорилъ потому что не могъ: его руки опустились; онъ напомнилъ мнѣ человѣка подъ водосточною трубой о которомъ онъ однажды разказалъ Темплю,—такъ покорно принималъ онъ ливень. Напоръ атаки, сопровождаемой громомъ и молніей, въ формѣ бомбы эпитетовъ, рѣзкихъ сравненій, горькихъ упрековъ и проклятій, былъ такъ ужасенъ что наши протестующіе голоса замолкли. Дженета ухватилась за платье тетушки Дороти, стараясь увести ее.

— Я не могу оставить отца, сказалъ я.

— А я васъ, милый мой, прибавила любящая женщина. И мы остались выносить пытку подъ ядовитымъ языкомъ воплощенной ярости.

— Нахлѣбникъ глупой провинціальной дѣвки! раздалось, наконецъ, болѣе умѣреннымъ тономъ. Грудь моего отца подымалась.

Я воспользовался минутой затишья чтобы сказать нѣсколько словъ, и только подлилъ масло на огонь, хотя неестественное возбужденіе старика уже нѣсколько истощилось.

— Что̀, Ричмондъ! Слышите что̀ онъ говоритъ? Онъ клянется что онъ вашъ сынъ и хочетъ стать вмѣстѣ съ вами къ позорному столбу. Откажитесь отъ него, и я заплачу вамъ и поблагодарю васъ. Я благодарилъ бы моего Бога за все что̀ избавило бы мое семейство отъ примѣси вашей нечистой крови. Вы женились на его матери чтобы свести ее съ ума и убить и проглотить ея состояніе. Вы ждали совершеннолѣтія этого мальчика чтобъ овладѣть тѣмъ что̀ было закрѣплено за нимъ. Вы ждете моей смерти чтобы запустить руку въ мой сундукъ, въ полной увѣренности что я буду такъ глупъ что сдѣлаю моимъ наслѣдникомъ мальчишку который готовъ отдать послѣдній свой грошъ вамъ. Двадцать девять лѣтъ вы пили кровь моего семейства. Двадцать девять лѣтъ тому на-

задъ, вы дали урокъ пѣнія въ моемъ домѣ; съ тѣхъ поръ проказа не переводилась въ немъ. Ваша жена, вашъ сынъ, всѣ ваши жертвы, — каждый человѣкъ прикасающійся къ вамъ заражается. Чѣмъ вы можете похвалиться? Позоромъ вашей матери? Вы срамите вашу мать, проклятый авантюристъ! Вся ваша жизнь есть мошенническая комедія. Вы и изъ сына хотите сдѣлать такого же какъ вы негодяя; вы запутали его въ свою позорную арлекинаду, чтобы погубить его вмѣстѣ съ собой. Въ тотъ день когда вы переступили порогъ моего дома, черти плясали отъ радости. Съ тѣхъ поръ солнце никогда не проглядывало для меня. Съ гитарой подъ окнами въ лунныя ночи, съ вашими испанскими затѣями и фокусами, съ вашими французскими фразами и интригами, вы втерлись въ мой домъ какъ проказа. Вы разставили свои сѣти для обѣихъ моихъ дочерей: поймали сначала брюнетку, потомъ хотѣли поймать другую; одной было мало для вашей ненасытной утробы. Мать мальчика отправилась туда гдѣ ей больше нравилось, а другую мою дочь, вотъ эту, вы старались отторгнуть отъ дома и отъ меня, чтобы пустить по той же дорогѣ. Она предпочла остаться честною. Вы грозили повѣситься - съ гитарой и со всѣмъ. Но ея кошелекъ удовлетворилъ васъ. Вы піявка! Я говорю предъ женщинами, не то я изобразилъ бы вамъ вашу городскую жизнь. Ваше дѣло, ваша романическая исторія, ваша наружность, все это запятнано бечестіемъ. Вы хватаетесь за каждую женщину съ деньгами которую встрѣчаете на своей дорогѣ. Вы превзошли Ирода въ умерщвленіи невинныхъ: онъ, по крайней мѣрѣ, не питался ими, а вы питаетесь. Вы животное. Назвать васъ пройдохой будетъ милостью.

Онъ остановился, но его необычайная рѣчь была еще не кончена; блѣдныя губы открылись для вторичнаго изверженія.

Я вырвался отъ тетушки Дороти и перешелъ къ отцу, говоря:

— Довольно, сэръ. Вы забыли главное правило поносителей: не возбуждать симпатіи къ своей жертвѣ.

— А! И ты туда же съ твоимъ дьявольскимъ краснорѣчіемъ, загремѣлъ на меня старикъ.—Я скажу тебѣ прямо, любезный....

Тетушка Дороти обратила его вниманіе на себя.

— Одну ошибку я должна поправить. Ея голосъ, выходившій изъ дрожащаго горла, былъ болѣзненно тихъ и непріятенъ, какъ будто каждое слово стоило ей большаго усилія.—Моя

сестра любила мистера Ричмонда. Чтобы спасти ея жизнь,— потому что я думала что она любитъ его сильно и умретъ безъ него,—мистеръ Ричмондъ, изъ сожалѣнія, предложилъ ей руку, но по моему желанію (она наклонила голову) и пожертвовавъ мною. Это было сдѣлано для меня, я этого желала: онъ исполнилъ мое желаніе. Не осуждайте.... (ея милыя губы задрожали) или, если осуждать, такъ осуждайте меня.

Вслѣдъ за этимъ она прибавила тверже:

— Мои деньги принадлежали бы ему. Я хотѣла пощадить его самолюбіе,—прошу у него прощенія,—удѣляя часть ихъ ему, безъ его вѣдома. Я дѣлала это для собственнаго удовольствія, и теперь наказана.

— Прекрасно, сударыня, сказалъ сквайръ съ поразительнымъ спокойствіемъ.—Признаніе безумной должно быть выслушано до конца. Что ты скажешь о двадцати пяти тысячахъ?

— Я хотѣла помочь моему Гарри.

— Почему ты не сдѣлала этого открыто?

Она нѣсколько разъ вздохнула всею грудью, прежде чѣмъ собралась съ духомъ отвѣтить.

— Отецъ его готовъ былъ принести невозвратимую жертву. Я боялась что, узнавъ чьи это деньги, онъ отвергнетъ ихъ и исполнитъ свое намѣреніе.

Такъ ей не хотѣлось чтобъ отецъ мой женился?

Старикъ привязался къ слову „жертва“:

— Какую жертву, сударыня? Что за жертва?

Я видѣлъ что отвѣтъ будетъ стоить ей большаго усилія и поведетъ, можетъ-быть, къ лишней непріятности и воскликнулъ:

— Дѣло въ томъ что я убѣждалъ отца жениться на очень богатой женщинѣ, для того чтобъ уплатить деньги въ срокъ. Браните меня сколько угодно. Если вы не понимаете въ чемъ дѣло безъ долгихъ объясненій, мнѣ васъ жаль. Я многимъ обязанъ вамъ, но не могу отплатить вамъ ни словомъ благодарности, когда вы кричите на моего отца какъ на безумнаго. Безумнаго! Это комплиментъ, въ сравненіи съ тѣмъ что вы говорите.

— Гарри! предостерегла Дженета или тетушка.

Я возразилъ что мнѣ не до церемонныхъ фразъ. Мною дѣйствительно овладѣло безумное желаніе дать волю языку. Сквайръ самъ вызывалъ меня продолжать выраженіемъ лица говорившимъ: „попробуй“, и я щедро осыпалъ его злобными насмѣшками не стоящими повторенія. Я говорилъ какъ говоритъ, въ

припадкѣ гнѣва, человѣкъ образованный, стараясь образумить и уязвить соперника, подъ вліяніемъ самообольщенія что самъ онъ не утратилъ ни малѣйшей доли самообладанія. Я говорилъ спокойно, полагая что спокойствіе равняется благоразумію. Ошибка была очевидная. Женщины замѣтили ее. Въ довершеніе я поблагодарилъ отца за его преданность ко мнѣ.

— По моему мнѣнію, прибавилъ я,—она была чрезмѣрною и въ послѣднемъ случаѣ ошибочною, но я умѣю цѣнить ее.

Мои слова вывели его изъ апатіи.

— Ричи отдаетъ мнѣ справедливость. Онъ мой милый сынъ, онъ меня любитъ, и я его люблю. Никто не можетъ лишить насъ этого. Онъ любитъ своего разбитаго отца. Вы повергли меня къ своимъ ногамъ, мистеръ Белтамъ.

— Я не желаю васъ видѣть у своихъ ногъ. Я хочу чтобы вы ушли, а не стояли предо мной, колотя себя въ грудь и гремя какъ треснувшій барабанъ, возразилъ неукротимый старикъ.

Я попросилъ его съ раздраженіемъ поберечь свои сравненія для себя.

Дженета и тетушка Дороти возвысили голосъ.

— Я разбитъ, сказалъ отецъ.

Онъ поднялъ руку, дрожавшую какъ у старика хватающагося за палку. Съ минуту я боялся за него; онъ заговорилъ такъ сходно съ самимъ собой, несмотря на свой жалкій видъ. Но это былъ его старый, давно знакомый мнѣ слогъ въ упадкѣ.

— Я разбитъ, повторилъ онъ.—Я похожъ на древнюю статую вѣчности входящую въ могилу, работы какого-то знаменитаго скульптора, которую я видѣлъ на одномъ могильномъ памятникѣ, не могу припомнить гдѣ. Я теперь начну забывать имена людей. Не ваша обида, мистеръ Белтамъ.... я преклонилъ бы голову пока не прошла бы буря. Ваши факты... О, миссъ Белтамъ! Послѣднее утѣшеніе назвать васъ прекраснѣйшею изъ смертныхъ. Моя благодѣтельница! Мое утѣшеніе! Не смѣйтесь надо мною, сударыня.

— Я никогда не смѣялась и никогда не буду; я жалѣла васъ, воскликнула она, рыдая.

Сквайръ топнулъ ногой.

— Сударыня, продолжалъ мой отецъ, поклонившись,—я былъ подъ особымъ покровительствомъ небесъ. Я такъ думалъ. Я чувствую себя ограбленнымъ. Я этого не заслужилъ. О, нѣтъ, вашего великодушія я не заслужилъ. Одинъ изъ небесныхъ

ангеловъ убѣдилъ меня вѣрить вамъ. Я не зналъ.... прощайте, сударыня. Дай Богъ мнѣ быть достойнымъ встрѣтиться съ вами опять. Вы взяли опору изъ моихъ рукъ, вы погасили свѣтъ. Я жилъ.... да, я былъ нахлѣбникомъ, самъ того не зная; я жилъ благодѣяніями женщины; ей я не скажу ничего болѣе. Вамъ, мистеръ Белтамъ, я клянусь всѣмъ что̀ есть священнѣйшаго въ мірѣ: прахомъ моей матери, будущностью моего сына что я считалъ этотъ ежегодный доходъ явнымъ доказательствомъ что мои права считаютъ законными. Я не могу говорить. Еще одно слово вамъ, мистеръ Белтамъ. Оттолкните меня, я ничто; но Гарри Ричмондъ! Его будущность не погибла. Умоляю васъ, онъ вашъ внукъ, помогите ему. Идите немедленно къ принцу. Вы не откажете въ своей поддержкѣ Гарри Ричмонду. Пусть онъ отречется отъ меня, пусть я буду ничто въ этомъ домѣ. Обѣщаю вамъ что обо мнѣ никто не услышитъ ни слова ни на землѣ, ни въ аду. Я теперь уже ничего не желаю, кромѣ брака моего сына съ принцессой. Дайте мнѣ увидать его мужемъ прекраснѣйшей, благороднѣйшей женщины въ мірѣ. Я заслужилъ это. Мои способности посредственны, преданность громадна. Объявляю вамъ, сэръ, я жилъ и существовалъ этою надеждой! Всѣ мои усилія безпрерывно, неустанно были направлены къ одной этой цѣли. Я жизнь мою готовъ принесть ей въ жертву. Умоляю васъ, мистеръ Белтамъ, идите къ принцу. Если я (онъ сказалъ это трогательно), если я и теперь преграждаю кому-нибудь дорогу, то только какъ упавшее дерево (но его неудержимая фантазія заставила его прибавить:) которое можетъ, однако, запрудить потокъ.

Дѣдушка уже прокашлялся раза два или три.

— Я готовъ кончить и удалиться отъ васъ, Ричмондъ.

Отецъ поклонился.

— Я уйду, сэръ. Я чувствую что мой языкъ не повинуется мнѣ. Вообразите что это Гарри проситъ васъ устроить его счастіе. Сегодня я вамъ гарантирую успѣхъ.

Старикъ обратилъ на меня вопросительный взглядъ. Дженета положила руку на его плечо. Онъ отказался отъ кошачьяго наслажденія длить наше мученіе и высказался съ грубою поспѣшностью:

— Ричмондъ, ваша послѣдняя подлость разлетѣлась въ прахъ. Я отдѣляю Гарри отъ васъ; въ этомъ онъ, къ счастію, не былъ вашимъ соумышленникомъ. Вы обманули дѣвушку чтобы

заманить ее сюда и накинуться на нее подобно птицелову; вы грозили отцу ея скандаломъ, если онъ осмѣлится прорвать вашу сѣть; вы клялись погубить ее сплетнями. Она освободилась отъ васъ. Вы притащили сюда вашихъ Англичанъ и Нѣмцевъ, чтобъ они были свидѣтелями и ошикали принца, если онъ не сдастся вамъ какъ трусливый путникъ разбойнику на большой дорогѣ. Я помню сказку о неловкомъ мошенникѣ, который, собираясь попугать и ограбить фермера, застрѣлилъ самого себя, вынимая пистолетъ изъ футляра. Вы, Ричмондъ, сдѣлали то же самое, и изъ всѣхъ рѣчей которыя мнѣ приходилось слышать отъ уличенныхъ преступниковъ, ваша рѣчь худшая; остриженная овца, еслибы дать ей даръ слова, заговорила бы лучше васъ. Принцесса свободна. Гарри можетъ поблагодарить васъ за то что вы сдѣлали для него. Она... что такое Джепета? Хорошо, я уже кончилъ. Она не имѣла намѣренія выйти замужъ, но этотъ принцъ, который былъ у меня сейчасъ, узнавъ о вашей подлости, поступилъ какъ прилично мущинѣ и джентльмену и предложилъ себя, а она, какъ добрая дѣвушка, искупила свою вину предъ отцомъ, принявъ его предложеніе. Принцъ Германъ далъ мнѣ слово что это правда. Вотъ чѣмъ кончилась ваша шахматная игра. Еслибъ я пошелъ къ принцу, то конечно не для того чтобы держать вашу сторону, но еслибы не вы съ вашими низостями, принцесса не была бы принуждена выйти замужъ только для того чтобы защитить отца и себя. Его прислали сюда положить конецъ всякимъ недоразумѣніямъ. Онъ говоритъ по-англійски отлично, въ этомъ я убѣдился. Всѣ ваши выдумки будутъ опровергнуты, кончая нынѣшнею, и настоящій женихъ поставленъ вмѣсто вымышленнаго, а вы раздѣлывайтесь какъ знаете съ вашимъ моднымъ свѣтомъ, предъ которымъ вы недавно гримасничали какъ голова Негра на блюдѣ заклинателя. Теперь можете убираться.

Я подошелъ къ отцу. Его положеніе было ужаснѣе моего. Я считалъ себя осужденнымъ прежде чѣмъ раздался выстрѣлъ, пуля котораго произвела только физическое потрясеніе. Онъ, бѣдный, услыхалъ неожиданно приговоръ равносильный нравственной смерти. Съ какою любовью и постоянствомъ лелѣялъ онъ надежду женить меня на принцессѣ, показалъ мнѣ его упадокъ силъ, когда у него отняли эту надежду.

Дѣдушка воспользовался минутой, чтобы спросить меня на чьей сторонѣ я намѣренъ остаться.

Я отвѣчалъ спокойно, безъ малѣйшаго раздраженія въ голосѣ, что отецъ не лишится меня послѣ всего что̀ онъ вытерпѣлъ въ этотъ день.

Сквайръ также спокойно посовѣтовалъ мнѣ отречься отъ негодяя, для моего же блага.

Я взялъ отца подъ руку; онъ не могъ уйти безъ поддержки.

Тетушка Дороти плакала. Дженета стояла у окна не сочувствуя никому изъ насъ.

— Ваше желаніе исполнилось, сказалъ я ей.

Она покачала головой, но не взглянула на меня.

Дѣдушка молча провожалъ меня глазами пока я не дошелъ до двери.

— Такъ ты уходишь? спросилъ онъ.—Въ такомъ случаѣ я тебя больше не знаю.

Отецъ на порогѣ хотѣлъ сказать что-то, но только поклонился какъ слѣпой. Я вывелъ его.

Темнота въ глазахъ помѣшала мнѣ увидать нѣсколько лицъ стоявшихъ на набережной у пристани, готовясь покинуть нашу страну. То что̀ я слышалъ отъ избраннаго мною товарища заставило меня усомниться въ здравости его разсудка. Онъ шепталъ это сначала про себя.

— Надо поставить памятникъ Ваддн.

Повтореніе этихъ словъ вслухъ было тяжелымъ испытаніемъ моего терпѣнія. Еслибъ я былъ добрѣе, я понялъ бы что ему необходимо было видѣть впереди хоть что-нибудь, и онъ не видалъ ничего кромѣ обязанности поставить памятникъ преданной служанкѣ.

ГЛАВА LIV.

Наслѣдница доказываетъ свои права и я ухожу ни съ чѣмъ.

Сквайръ жилъ восемь мѣсяцевъ послѣ вышеописанной сцены. Онъ поплатился за свое торжество высшею цѣной: своею жизнью.

Упругая натура моего отца вынесла ударъ, не утративъ, повидимому, здоровья; такъ что свѣтъ, какъ онъ надѣялся, долженъ признать его непобѣдимымъ. Но я, находясь съ нимъ, понималъ что его раны скрыты въ сердцѣ, хотя онъ никогда не говорилъ о нихъ. Онъ утратилъ свой даръ слова и сдѣлался, какъ онъ выражался, однимъ изъ обыкновенныхъ старич-

ковъ. Я только наблюдалъ его: я не вызывалъ его на откровенность, не будучи самъ въ состояніи сочувствовать или принимать сочувствіе. Я заботился о немъ какъ конвойный, обязанный доставить плѣнника живымъ.

Я оставилъ его въ Белстедѣ и отправился въ Лондонъ раздѣлываться съ кредиторами. Несчастіе не уменьшило почтенія капитана и его жены къ ихъ высокому гостю, доставлявшему имъ развлеченія, съ которыми я успѣлъ познакомиться только поверхностно, но съ такимъ же какъ и они безпредѣльнымъ удивленіемъ, хотя другаго рода. Они ухаживали за нимъ съ странною нѣжностью, они считали его глубоко оскорбленнымъ,—кѣмъ или чѣмъ они не могли сказать. Джулія была недовольна мною за то что я не защищалъ его. Онъ овладѣлъ вполнѣ ихъ умами. Джулія разказывала мнѣ съ восторгомъ что̀ онъ дѣлаетъ и чего онъ не дѣлаетъ; главная прелесть ея положенія состояла, повидимому, въ томъ что она считала себя въ короткихъ отношеніяхъ съ нимъ, ограничиваясь ухаживаніемъ за нимъ. Пилигримы посѣщающіе источники таинственно многоводной рѣки уважаютъ ее не менѣе, любятъ болѣе, видя ее въ младенческомъ состояніи. Джулія способна была сообщать мнѣ съ восхищеніемъ что ея питомецъ спалъ не просыпаясь восемнадцать часовъ. Его остроты по поводу предложенія пригласить доктора, сами-по-себѣ слабыя, приводили ее въ восторгъ, напоминая ей его прежній юморъ. Отъ капитана, какъ и отъ нея, я принужденъ былъ выслушать все что̀ онъ сказалъ о докторѣ и нашелъ что можно было бы сказать что-нибудь поумнѣе.

— Чортовски остроумно! воскликнулъ капитанъ Вильямъ. — Неправда ли, Гарри? Онъ говоритъ что если докторъ имѣлъ честь представить его въ этотъ міръ, то это еще не даетъ ему право выпроводить его отсюда, и соглашается повидаться съ нимъ только тогда когда не будетъ въ состояніи сопротивляться, какъ при первой ихъ встрѣчѣ.

— Докторъ, смерть и бракъ, рискнулъ я замѣтить капитану, — темы давно избитыя всѣми юмористами и ихъ подражателями. Капитанъ и Джулія считали меня равнодушнымъ къ достоинствамъ моего отца. Какъ ни любили они сквайра, но тайно они объявляли ему войну, критиковали Дженету, слегка осуждали тетушку Дороти за то что она дѣлала свое доброе дѣло тайно, а отца моего считали жертвой. Ихъ неизмѣнная дружба служила мнѣ утѣшеніемъ въ эту горькую эпоху моей жизни. Отецъ

нашелъ бы пріютъ у нихъ, когда ему пришлось бы бороться на каждомъ шагу. Свѣтъ скоро узналъ что дѣдушка разошелся со мной, и лишь только этотъ фундаментъ моего положенія поколебался, какъ все величественное зданіе рухнуло; паденіе было ужасно. Джоріанъ Девитъ былъ правъ, говоря что человѣку въ несчастіи всего непріятнѣе видѣть „лица", подразумѣвая что въ нихъ исчезаетъ все человѣческое, когда они смотрятъ съ любопытствомъ какъ вы переносите свою невзгоду. Вы не видите ни друзей, ни враговъ. Вы слишкомъ подозрительны для друзей и слишкомъ ожесточены противъ враговъ; вы видите только маски. Мой отецъ былъ избавленъ отъ этого. Джулія сообразовалась во всемъ съ его желаніями, сама разставляла сѣти его прихотямъ и радовалась имъ какъ райскимъ птичкамъ. Она рѣшилась принять въ свой домъ маленькаго, сгорбленнаго старика Багенгопа, пенсіонера и страннаго утѣшителя моего отца. Старикъ былъ нарочно выписанъ изъ Лондона чтобы развлекать отца игрой на старомъ кларнетѣ, несносномъ жалобномъ инструментѣ, почти одинаковой величины съ его обладателемъ, и Джулія выносила музыку, раздававшуюся по вечерамъ въ голубой парадной спальнѣ, съ геройскимъ терпѣніемъ, служившимъ мнѣ примѣромъ. Багенгопъ пилъ водку, и она не запрещала ему. Онъ зналъ мать моего отца, и выпивъ, могъ говорить о ней. Его игра и его голосъ служатъ доказательствомъ что старикъ уже въ концѣ своего жизненнаго поприща, говорилъ мой отецъ, но что̀ онъ находилъ въ этомъ утѣшительнаго, никто изъ нихъ не могъ понять. „Онъ былъ смиреннымъ обожателемъ моей матери, Ричи", услыхалъ я съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Это было сказано чтобы побудить меня щедро обезпечить Багенгопа, прежде чѣмъ мы покинемъ Англію.—Кромѣ этого я ни о чемъ не забочусь, прибавилъ отецъ. Онъ однако вполнѣ сознавалъ свое пораженіе и катастрофу которую навлекъ на меня; его прикосновеніе къ моей рукѣ и его склонность къ темнотѣ и сну объяснили мнѣ это. Ему не на что̀ было смотрѣть впередъ, ничто не сіяло предъ нимъ въ темномъ будущемъ, не было у него ни трусливаго правительства, ни покровительствующаго провидѣнія. Но онъ не жаловался, не просилъ сожалѣнія, и за это я былъ ему благодаренъ. Онъ могъ бы возбудить сильнѣйшее сочувствіе къ себѣ въ Англичанахъ, несмотря на свои не-англійскіе недостатки. Онъ способенъ былъ вызвать потоки слезъ, безконечныя патетическія соболѣзнованія у нашей чувствительной

публики, которая любитъ плакать, примѣшивая треть правды къ двумъ третямъ притворства. Отъ него ожидали, мнѣ кажется, что онъ пойдетъ выпрашивать сожалѣнія, но великодушной публикѣ пришлось разочароваться, чего она никогда не простила ему. Тѣмъ не менѣе его тихая грусть трогала сердца искреннихъ друзей. Правдивое чувство не расточается какъ паръ изъ котла. Я не помню ни одной патетической сцены съ отцомъ. Мой отецъ никогда не лицемѣрилъ.

Избѣгая его друзей и приближенныхъ, прекрасныхъ въ нѣкоторомъ родѣ людей, я избавилъ ихъ отъ испытанія ихъ привязанности. Его слугъ я отпустилъ лично, начиная съ Альфонса и кончая кучеромъ. Послѣдній въ своей прощальной рѣчи объявилъ мнѣ что онъ съ удовольствіемъ поступитъ къ намъ опять, если въ то время когда намъ понадобятся его услуги, онъ будетъ безъ мѣста, что̀ доказало по крайней мѣрѣ что онъ нашу службу предпочитаетъ другой. Альфонсъ, съ своей стороны, съ помощію своего стереотипнаго національнаго краснорѣчія, гдѣ „*si jamais*“ величественно поднимались до „*jusqu'à la mort*“, объявилъ что послѣ службы моему отцу ему противна всякая другая и обрекалъ себя безотрадному отшельничеству. Оба говорили отъ чистаго сердца, но каждый сообразно съ своею натурой. Мистрисъ Вадди переселилась съ растерзаннымъ сердцемъ въ Дипвелъ; это былъ уже третій разъ на ея памяти что отецъ мой, проблиставъ въ Лондонѣ, бросилъ домъ и хозяйство и обрекалъ себя затменію на континентѣ. Она сама рекомендовала континентъ для возстановленія его силъ, сравнивая его съ хамелеономъ, по его способности забывать о себѣ среди людей которые о немъ ничего не знаютъ.

Мы покинули Белстедъ прежде чѣмъ сквайръ съ семействомъ возвратился въ Риверсли. Дѣдушка пролежалъ на островѣ цѣлый мѣсяцъ и былъ привезенъ домой при смерти. Леди Эдбери случайно переѣзжала каналъ вмѣстѣ съ нами. Она вела себя не хорошо, казалось мнѣ; безумно, говорилъ мой отецъ. Она сдѣлала все что̀ могла сдѣлать чтобы выказать къ нему презрѣніе въ присутствіи своего общества, а онъ не хотѣлъ замѣчать этого. Повидимому онъ поступалъ неделикатно, но онъ объяснилъ мнѣ что настаиваетъ на обмѣнѣ нѣсколькими словами единственно для того чтобы спасти ее отъ клеветы. Постепенно я самъ понялъ что она дала пищу сплетнямъ своимъ стараніемъ избѣжать ихъ. Она прислала за нимъ въ Парижѣ, и онъ сдѣлалъ ей визитъ.

Дѣдушка и я не видались болѣе. Онъ получалъ извѣстія обо мнѣ изъ различныхъ источниковъ, я о немъ изъ одного. Я велъ жизнь рѣзко противорѣчившую положенію дѣлъ въ Риверсли, и это было также поставлено въ счетъ моему отцу. Наше скитаніе по континенту кончилось долгимъ кутежомъ, въ которомъ онъ не принималъ участія, но по старой памяти былъ сочтенъ виновнымъ.

„Мнѣ приказано передать вамъ", писала Дженета, строго исполняя приказаніе, „что если вы вернетесь домой немедленно, вашъ дѣдушка приметъ васъ на томъ же положеніи какъ и прежде".

Какъ прежде! въ письмѣ отъ молодой особы неравнодушной ко мнѣ!

Я не могъ оставить отца одного въ Парижѣ и не смѣлъ отвезти его въ Лондонъ. Негодуя за прошлое, я отвѣчалъ что готовъ вернуться въ Риверсли, если и отецъ мой найдетъ тамъ радушный пріемъ. Отвѣта не послѣдовало.

Формальныя, сухія, бездушныя письма Дженеты производили на меня впечатлѣніе избитыхъ нравоученій. Какъ не похожи они были на нѣжныя розовыя записочки Дженни Шасдіанъ, поэта въ прозѣ! Я сравнивалъ ихъ и смѣялся надъ моими строгими, холодными, прозаическими соотечественниками. Богъ съ ними! Дженни приняла во мнѣ участіе когда я стоялъ такъ низко какъ только можетъ пасть молодой человѣкъ. Сразу лишенный наслѣдства, исключенный изъ парламента, отвергнутый любимою дѣвушкой, я остался ни съ чѣмъ: положеніе которое въ моихъ глазахъ давало мнѣ право пойти по первой открывшейся дорогѣ. Я рѣшился наслаждаться жизнью, какъ мы выражаемся когда тратимъ жизнь. Было бы напыщенно выразиться что мой Иліумъ въ огнѣ, но несомнѣненъ тяжелый фактъ что я имѣлъ Анхиза на плечахъ. Многоглавая гидра, Долгъ, страшно рисовалась на заднемъ планѣ; скандалъ пожиралъ нашу репутацію; наша исторія была достояніемъ всякаго литератора которому вздумается описать ее съ какими бы то ни было прикрасами. На прошлое страшно было оглянуться, а будущее представлялось прямою дорогой на безплодный утесъ, умощенною ничѣмъ инымъ какъ только наслѣдствомъ моего бѣднаго Сюиса. Мой отецъ жилъ между тѣмъ въ уединеніи и въ полной неизвѣстности, не причиняя мнѣ, конечно, никакого вреда. Я лишилъ его друга Джоріана, и единственнымъ его развлеченіемъ была ежедневная прогулка въ одинъ изъ второстепенныхъ ресторановъ и обратно. Грустное суще-

ствованіе, думалъ я; онъ увѣрялъ что напротивъ, и что ему не стóитъ никакого труда сохранять бодрый видъ, который, по его словамъ, не долженъ покидать человѣка ни подъ дождемъ и бурей, ни подъ смертнымъ приговоромъ.

Я, слѣдовательно, могъ бы быть и въ Риверсли.

Дженета прислала мнѣ сухой вызовъ въ апрѣлѣ, прекрасномъ мѣсяцѣ въ степныхъ мѣстностяхъ, когда юго-западный вѣтеръ пробѣгаетъ по лугамъ. Я привезъ отца въ Белстедъ, гдѣ мы узнали что сквайръ умеръ. Я угадалъ содержаніе завѣщанія; мистеръ Бурджинъ сообщилъ мнѣ мало новаго. Дженета получила все; три тысячи фунтовъ ежегоднаго дохода выпали на долю Гарри Лепель Ричмонда, съ тѣмъ чтобъ они выдавались ему изъ доходовъ имѣнія и перешли послѣ его смерти къ его дѣтямъ, или къ Дженетѣ, если онъ умретъ бездѣтнымъ.

Я былъ жестоко обиженъ и огорченъ, но не могъ сердиться, потому что понималъ цѣль завѣщанія. Тетушка Дороти съ жаромъ толковала мнѣ недосказанное, стараясь оправдать кажущуюся несправедливость.

— Вамъ стóитъ только спросить, чтобы получить все, Гарри, говорила она. Упрямый сквайръ сдѣлалъ все что̀ могло содѣйствовать исполненію его завѣтныхъ надеждъ. Тетушка получила двадцать пять тысячъ фунтовъ, столько сколько она отдала моему отцу.—Я обѣщала что мои деньги не будутъ впередъ идти туда куда шли прежде, сказала она и дала понять что благодаря поведенію моего отца въ Парижѣ, ей не трудно будетъ исполнить свое обѣщаніе. Я не могъ убѣдить ее въ его невинности.

Я не ожидалъ чтобы суровый старикъ былъ такъ любимъ своими арендаторами и прислугой, какъ оказалось. Я высказалъ свое удивленіе Дженетѣ.

— Да, они любили его, сказала она.—Всѣ честные люди не ли не любить его.

Они толпой проводили его до могилы. Изъ того что̀ мнѣ пришлось переслушать, я убѣдился что сквайръ былъ въ ихъ глазахъ совершенствомъ; словомъ, это былъ Англичанинъ какихъ теперь уже мало. Дженета ожидала что я буду тоже восхищаться имъ и раскаиваться. Ожидая отъ меня сочувствія, она прочла мнѣ длинный списокъ его добрыхъ дѣлъ. Это напомнило мнѣ нескончаемые разказы Джуліи о моемъ отцѣ.

— У него было много, сказалъ я, и Дженета замолчала. Ея холодность раздражала меня.

Что̀ имѣетъ она противъ меня? Наши отношенія стали такъ натянуты что малѣйшее недоразумѣніе могло положить между нами бездну. Я подозрѣвалъ что сдѣлавшись наслѣдницей дѣдушки она считаетъ себя обязанною исполнить его желанія,—но я не поступлю съ ней такъ безчестно, сказалъ я тетушкѣ Дороти.

— Нѣтъ, не то, отвѣчала она; — богатство поставило ее въ затруднительное положеніе. Разбить ледъ долженъ ты.

Я доказывалъ что послѣ моихъ долгихъ отказовъ отъ нея, я не могу сдѣлать теперь шагу безъ поощренія съ ея стороны.

— Какого поощренія?

— Не пассивнаго согласія, отвѣчалъ я.

— Гарри, ты еще не просилъ ее, упрекнула меня тетушка.

Это было справедливо.

Сэръ-Родрикъ и леди Ильчестеръ не скрывали своего торжества, но миледи обращалась къ моимъ чувствамъ, разказывая мнѣ что имя ея сына Чарльса даже не упомянуто въ завѣщаніи. Сэръ-Родрикъ говорилъ о сквайрѣ съ личною гордостью:

— Удивительное умѣнье обращаться съ такими неотесаными людьми какъ рабочіе въ копяхъ. Они присылали ему свои жалобы, онъ ихъ разбиралъ одну за другою, тутъ уступалъ, тамъ настаивалъ и всегда достигалъ своей цѣли. Когда рабочіе уступали, онъ имъ дарилъ мѣсячное жалованье въ вознагражденіе за ихъ благоразуміе. Его умѣнье вести дѣла было невѣроятно; нельзя было предположить такой дѣловитости въ сельскомъ джентльменѣ. Онъ болѣе чѣмъ вчетверо увеличилъ свое состояніе, гораздо болѣе.

Надо сказать къ чести достойнаго баронета что хотя онъ можетъ-быть очень желалъ чтобы дочь его нашла себѣ мужа соотвѣтствующаго ея богатству, но онъ не препятствовалъ мнѣ видаться съ Дженетой. Риверсли называли моимъ домомъ. Я старался чувствовать себя дома, но все окружающее и Дженета казались мнѣ чужимъ. Я приписывалъ это отчасти ея трауру, отчасти, вопреки мнѣ самому, ея богатству. „Говорите при ней съ сочувствіемъ о вашемъ дѣдушкѣ“, сказала мнѣ тетушка Дороти. Но чтобы говорить такъ какъ ей хотѣлось, надо было лицемѣрить, и я скрывалъ свои лучшія чувства, не говоря ничего. Разоривъ себя вспыльчивостью, я изъ мелочнаго самолюбія не хотѣлъ поправить ошибку.

Скоро обнаружилось что отецъ мой въ Белстедѣ.

Однажды утромъ я замѣтилъ по лицу Дженеты что она взволована.

Между нами произошелъ разговоръ доходившій до нѣжности. Наконецъ она сказала:

— Простите ли вы мнѣ, если я когда-нибудь буду имѣть несчастіе обидѣть васъ?

— Вы не обидите меня.

Она надѣялась что нѣтъ.

Я засмѣялся.

— Вы говорите какъ будто вамъ двѣнадцать лѣтъ.

— Развѣ я тогда обижала васъ?

— Ежедневно! это все о чемъ я вспоминаю съ удовольствіемъ.

Она была видимо довольна, но въ моемъ положеніи я хотѣлъ страсти и увлеченія въ вознагражденіе за признаніе оскорблявшее мою гордость. Къ тому же школа которую я прошелъ въ послѣднее время сдѣлала меня нечувствительнымъ къ скрытому волненію англійской дѣвушки. Взглядъ и вспышка румянца были очень привлекательны, но въ нихъ не было страсти, которая могла бы развязать меня и которой я заслуживалъ, какъ мнѣ казалось.

Сэръ-Родрикъ позвалъ ее по какому-то дѣлу въ библіотеку, что̀ онъ дѣлалъ разъ десять въ день, и кромѣ того разсуждалъ о дѣлахъ за обѣдомъ, во всемъ совѣтуясь съ дочерью, тономъ въ которомъ слышались торжество и родительская гордость.

— Дженета полновластная распорядительница, говорилъ онъ, — я только совѣтую, я не болѣе какъ ея главный агентъ. Но директоръ трехъ компаній и предсѣдатель одного общества можетъ быть компетентнымъ совѣтникомъ, прибавилъ онъ. Ея сужденія о вещахъ ей знакомыхъ онъ, какъ и дѣдушка, считалъ безошибочными.

Дженета ушла къ нему и вскорѣ повезла его на станцію желѣзной дороги. Тетушка Дороти предупреждала меня что Дженета хочетъ удѣлить мнѣ часть наслѣдства и полагала что отецъ ея уѣхалъ въ Лондонъ по этому поводу, и что она сейчасъ сообщитъ это мнѣ. Я отошелъ отъ восточныхъ воротъ парка, лишь только услыхалъ топотъ ея лошадей. Злая судьба направила мои шаги на западъ, къ тому именно мѣсту гдѣ меня ожидала встрѣча причинившая мнѣ безчисленныя непріятности. Мой отецъ узналъ въ это утро подробности завѣщанія сквайра. Я полагаю что сообщилъ это ему кучеръ капитана Вильяма, заботившійся о моихъ интересахъ; онъ узналъ это не отъ Джуліи.

Онъ стоялъ за западными воротами, и приблизясь къ нему,

я замѣтилъ что онъ сильно взволнованъ. Онъ съ ожесточеніемъ стучалъ задвижкой.

— Ричи, меня не пускаютъ ни въ домъ, ни въ усадьбу, воскликнулъ онъ, указывая на сторожку привратника. — Не хотятъ отворить мнѣ.

— Вамъ отказали? спросилъ я.

— Какъ ваше имя, сударь? — Мистеръ Ричмондъ Рой. — Намъ не приказано пускать васъ. И не пустили! Не пустили повидаться съ сыномъ!

— Это вѣроятно распоряженіе сквайра, которое забыли отмѣнить, сказалъ я, намѣреваясь позвать привратника.

Отецъ, съ никогда не покидавшею его проницательностію, остановилъ меня.

— Нѣтъ, Ричи, нѣтъ; я не хочу чтобы бѣдная женщина пострадала изъ-за меня, впустивъ меня вопреки приказанію; она можетъ лишиться мѣста. Помоги мнѣ, милый мой.

Онъ съ трудомъ влѣзъ на ворота, и я содрогаясь помогъ ему соскочить; это было подвигомъ для человѣка его лѣтъ и вѣса.

Онъ шатаясь облокотился на меня.

— Невозможно! Невозможно, Ричи! воскликнулъ онъ и разразился потокомъ междометій.

Я не сразу понялъ что они относились къ завѣщанію. Онъ дрожалъ, горячился, безпрерывно краснѣлъ и блѣднѣлъ, что показалось мнѣ зловѣщимъ симптомомъ, физическимъ или нравственнымъ. Онъ пришелъ потолковать о завѣщаніи, говорилъ онъ; онъ опровергнетъ его, уничтожитъ! Гарри лишенъ наслѣдства! Онъ повидается съ миссъ Белтамъ и распутаетъ гнусную интригу. Тетушку онъ называлъ ангеломъ и такъ горячился что особы смотрѣвшія на него изъ оконъ Гренджа могли принять его за пьянаго.

У дверей дома моему отцу отказали.

Буфетчикъ, грубый Силлабинъ, хладнокровно преградилъ намъ дорогу.

— Чье это приказаніе?

— Миссъ Ильчестеръ.

— Они боятся меня, крикнулъ мой отецъ.

Я попросилъ вызвать Дженету.

Она пришла немедленно, въ сопровожденіи лакея, который подалъ моему отцу сложенную записку отъ тетушки Дороти. Онъ сдѣлалъ видъ что читаетъ ее, но все время бормоталъ о завѣщаніи.

Дженета отпустила слугъ. Она была блѣдна какъ смерть.
— Насъ остановили въ дверяхъ, сказалъ я.
— Мнѣ жаль что это случилось, отвѣчала она.
— Вы берете это на себя?
Она отвѣчала что-то неслышно.
— Милая моя Дженета, вы называете Риверсли моимъ домомъ, неправда ли?
— Онъ вашъ.
— Вы намѣрены поддерживать отвратительный раздоръ даже послѣ смерти дѣдушки?
— Нѣтъ, Гарри, нѣтъ.
— Вы дали приказаніе не впускать моего отца ни въ домъ, ни въ усадьбу?
— Да.
— Вы не хотите принять его?
— Милый Гарри, я надѣялась что онъ не придетъ такъ скоро.
— Но вы дали приказаніе?
— Да.
— Я не понимаю васъ, милая моя Дженета.
— Мнѣ хотѣлось бы чтобы вы меня поняли, Гарри.
— Вы вооружаете вашихъ слугъ противъ него.
— Черезъ нѣсколько дней.... промолвила она.
— Вы оскорбили его и теперь оскорбляете меня, сказалъ я, взбѣшенный намекомъ на уступку, показывавшимъ что она хочетъ выйти изъ затрудненія, не уступивъ мнѣ.
— Вы здѣсь хозяйка?
— Да; желала бы не быть.
— Вы хозяйка Реверсли и не хотите принять моего отца!
— Да, пока я здѣсь хозяйка.
— Почему?
— Гдѣ бы-то ни было, только не здѣсь, Гарри! Мы съ тетей придемъ съ удовольствіемъ, если онъ назначитъ какое-нибудь другое мѣсто.
— Я прошу васъ позволить ему войти въ вашъ домъ. Согласны вы или нѣтъ?
— Нѣтъ.
— Ему уже разъ отказали у этихъ дверей. Вы отказываете ему вторично?
— Отказываю.
— Вы стоите на своемъ?
— Я обязана.

— Вы не уступите мнѣ шагу?

— Не могу.

Духъ вооруженной защитницы проглядывалъ въ ея кроткомъ лицѣ, какъ будто умолявшемъ меня понять что она не можетъ поступить иначе. Нижняя губа дрожала, глаза были влажны, но ея воля, вступившая въ открытую борьбу со мной, была непоколебима.

Я конечно былъ не такъ глупъ чтобы не понять причины ея отказа.

Она не оскорбитъ своего дѣдушку, хотя могла бы этимъ задобрить меня, человѣка котораго она все еще любила.

Но что она могла имѣть причину и считать ее основательною вопреки мнѣ, и держаться своего намѣренія вопреки мнѣ, и оскорблять живаго человѣка который былъ моимъ отцомъ, изъ слѣпаго повиновенія мертвому, было невыносимою обидой мнѣ и всему человѣчеству. Я, съ своей стороны, еще могъ простить ее, какъ я убѣдился съ удовольствіемъ послѣ минутнаго размышленія. Имѣя въ виду ея пользу: чтобы вразумить ее, чтобъ объяснить ей разницу между хорошими и дурными побужденіями, чтобы заставить ее подчинить свои чувства строгой логикѣ, я снизошелъ до того что сталъ убѣждать ее. Восхищаясь глубиной и вмѣстѣ съ тѣмъ мелкостію ея характера и ея прекрасною наружностію, я началъ: — она должна подумать какъ она молода, прежде чѣмъ рѣшить что̀ дурно и что̀ хорошо, какъ она мало знакома со свѣтомъ; клятва данная у смертнаго одра конечно святыня, но согласно ли будетъ съ духомъ христіанскаго ученія соблюдать ее когда это приноситъ ненужный вредъ человѣку? Если она не изучала философіи, все же она способна отличить хорошее намѣреніе отъ дурнаго, нравственное отъ оскорбляющаго человѣческую природу; обязаться мстить за другаго, значитъ обречь себя рабству, это нелѣпо.... и такъ дальше, проявляя удивительное терпѣніе.

Справедливость моихъ словъ не могла быть опровергнута. Къ сожалѣнію я не видалъ разницы между благоразумною рѣчью и благоразумнымъ дѣйствіемъ, и чувствуя что я говорю правду, я вообразилъ себя уполномоченнымъ убѣждать ее.

Она воспользовалась первою остановкой.

— Напрасно, Гарри. Я поступаю такъ какъ мнѣ велитъ долгъ.

— Мои слова слѣдовательно пропали даромъ?

— Еслибы вы были такъ добры, подождали дня два или три.

— Будьте благоразумны.

— Я стараюсь.

— Тверда какъ кремень,—вы всегда были такая. Самая благородная женщина въ мірѣ, съ этимъ я согласенъ. Я не знаю другой, могу васъ увѣрить Дженета, которая въ благодарность за десять, за двадцать милліоновъ фунтовъ сдѣлала бы такую безполезную жестокость. Какъ! Вамъ кажется что онъ былъ мало наказанъ, когда его тиранили, издѣваясь надъ нимъ въ вашемъ присутствіи. Есть можетъ-быть женщины жестокія, допустимъ что это возможно,—но нѣтъ ни одной, кромѣ васъ, которая такъ дорожила бы спокойствіемъ своей совѣсти чтобы принесть жизнь человѣческую въ жертву клятвы. Я забылъ подлинныя выраженія завѣщанія. Сказано тамъ что вы должны выгнать его?

Мой отецъ стоялъ въ отдаленіи. Услыхавъ слово „завѣщаніе“, онъ заговорилъ поспѣшнымъ шепотомъ, потрясая письмомъ тетушки.

— Я не прочелъ ни одной строчки отсюда, даю вамъ слово, ни одной строчки, но я знаю что это ея почеркъ. Завѣщаніе! Ради всего святаго, сударыня (онъ поклонился Дженетѣ), ни слова объ этомъ принцессѣ, или мы погибли. У меня большой колоколъ въ головѣ, не то я сказалъ бы больше. Слышать конечно ничего не могу.

Дженета жалобно перевела глаза съ него на меня.

Ранить оленя и смотрѣть съ сожалѣніемъ на его страданія вещь весьма обыкновенная.

Я попросилъ отца погулять по дорогѣ предъ домомъ. Онъ потребовалъ чтобъ я тщательно указалъ ему направленіе и тотчасъ же повиновался, сказавъ:

— Я стою за васъ, не забудьте. Я сказалъ бы теперь, еслибы не этотъ странный колоколъ. Пройдя нѣсколько ступенекъ, онъ обернулся и воскликнулъ, приложивъ руки къ ушамъ:—бумъ! Онъ шелъ нетвердо, не такъ какъ ходилъ прежде и даже въ послѣднее время.

— Не боленъ ли онъ, спросила Дженета.

— Онъ не хочетъ посовѣтоваться съ докторомъ. Симптомы угрожаютъ апоплексіей или параличомъ. Кончимъ нашъ разговоръ. Вы знали что Риверсли достанется вамъ.

— Это я знала, Гарри, но больше ничего не знала.

— Старый домъ былъ оставленъ вамъ съ тѣмъ чтобы вы не пускали въ него моего отца?

— Я обѣщала.

— Дали слово, поклялись?

— Нѣтъ.

— Ну, милая моя, хуже вы поступить не могли. Еслибы васъ ожидала за это казнь, вы все-таки отказали бы?

— Вѣроятно, отвѣчала она спокойно.

— Такъ прощайте, сказалъ я.

Эта женская мягкость, соединенная съ невѣроятною твердостью, приводила меня въ недоумѣніе, раздражая меня тѣмъ болѣе что я чувствовалъ себя очарованнымъ не столько ея кротостью какъ ея умственною незрѣлостью. Она не должна была отвѣчать такъ; въ ея отвѣтахъ слышалась гордость, ей нравилась мягкость ея голоса, когда она объявляла себя непреклонной. Я воображалъ какъ она любуется собою.

— Вы уходите Гарри? Вы не примете Риверсли?

Я засмѣялся.

— Чтобъ избавить васъ отъ дальнѣйшихъ дилеммъ?

— Нѣтъ, но почему же не взять?

— Я вамъ глубоко благодаренъ за ваше великодушіе, я говорю искренно, но это было бы рѣшительно противъ желаній вашего дѣдушки. Подумайте что онъ оставилъ Гренджъ вамъ, а не мнѣ.

— Желанія дѣдушки! Я не могу исполнить всѣхъ его желаній, вздохнула она.

— А вамъ хотѣлось бы исполнить ихъ всѣ?

Мы были на щекотливомъ пути, и ея вспыхнувшее лицо обнаружило что она это понимаетъ.

Однако я поступилъ неделикатно предложивъ такой вопросъ. Она заслуживала снисхожденія.

Я ожидалъ что она не выдержитъ, задрожитъ и выкажетъ готовность броситься мнѣ на шею. Она отвѣчала спокойно:

— Не теперь.

— Вы не хотите исполнить немедленно всѣ его желанія.

— Гарри, мнѣ трудно исполнить то что на меня возложено.

— Но въ благодарность вы готовы современемъ исполнить ихъ всѣ?

— Я не скажу болѣе ничего о моей готовности, Гарри.

Мы пожали другъ другу руку какъ чужіе.

Я отвелъ отца въ Белстедъ. Онъ былъ слишкомъ раздраженъ чтобъ остаться тамъ. Вечеромъ, послѣ безполезнаго разговора съ тетушкой о событіи дня, я повезъ отца въ Лондонъ, чтобъ онъ могъ повидаться съ своими адвокатами. Они были такъ добры что согласились, когда я уступилъ имъ двѣ трети

моего годоваго дохода, обращаться съ нимъ какъ съ больнымъ и сообщили ему что дѣло его идетъ успѣшно. Результатъ не удивилъ меня. Отецъ вышелъ изъ своей апатіи, походившей на опьяненіе, и воскликнулъ:

—Въ концѣ концовъ Ричи будетъ все-таки обязанъ мнѣ своимъ положеніемъ въ свѣтѣ. Между тѣмъ, согласился онъ, намъ необходимо бѣжать отъ кредиторовъ. Что касается до этой эксцентричной породы людей, въ одно время человѣколюбивыхъ и жестокихъ, онъ могъ сообщить мнѣ о ней много интересныхъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ личнымъ опытомъ.—Джоріанъ Девитъ сравниваетъ ихъ съ плющомъ убивающимъ дерево, но будучи вмѣстѣ съ тѣмъ паразитами, они не могутъ не любить своего должника; онъ ихъ жизнь и поддержка. Вырвавшись изъ ихъ когтей въ критическую минуту, когда они готовы задушить его, онъ возвращается къ нимъ съ новыми силами, и они начинаютъ снова вѣрить въ его будущность. Мнѣ былъ знакомъ этотъ языкъ; это было вспышкой прошлаго и зловѣщею вспышкой. Меня ему не легко было обмануть. Онъ скоро далъ мнѣ другія доказательства что не считаетъ себя побѣжденнымъ. Въ Англіи намъ не было мѣста. Мы уѣхали въ Вѣну, и тамъ, въ концѣ аристократическаго сезона, онъ возобновилъ знакомство съ одною русскою барыней, графиной Корниковой, и мы разстались. Это была женщина среднихъ лѣтъ, богатая, веселая и знавшая всѣ подробности исторіи моего отца, которыхъ онъ не скрывалъ. Она ненавидѣла маркграфиню фонъ-Риплау, которая была тоже въ Вѣнѣ и не кланялась намъ. Я узналъ что это она отправила Германа въ Англію, лишь только узнала что Оттилія тамъ. Она научила его ѣхать прямо въ Лондонъ къ Рою; тамъ адресъ оставленный моимъ отцомъ указалъ ему дальнѣйшій путь; съ Эккартомъ онъ встрѣтился только на утреннемъ поѣздѣ. Я разказываю это чтобы показать роковое стеченіе обстоятельствъ.

Леди Эдбери была тоже въ Вѣнѣ. Такимъ образомъ нѣмецкія и англійскія похожденія моего отца отразились на новомъ періодѣ его жизни, въ которомъ я не хотѣлъ принимать участія, и замѣтивъ что на него нападаетъ прежняя тоска, когда онъ думаетъ о скромныхъ путяхъ на которые его обрекало мое товарищество, я покинулъ его.

Темпль доставилъ мнѣ въ августѣ письмо отъ Дженеты. Оно было написано довольно умно для такой безхитростной дѣвушки

и могло бы тронуть меня, еслибы въ это время другая новость не поколебала земли подъ моими ногами.

Дженета просила у меня прощенія за свою грубость, прибавляя характеристически что иначе она никогда бы не поступила. Убѣжденіе что такою какою создала ее природа она должна и всегда остаться крѣпко засѣло въ ея голову, или это былъ еще открывшійся клапанъ въ ея разсудкѣ. Она считала себя обязанною уважать волю дѣдушки. Она дала также понять что готова и на дальнѣйшія жертвы. Удивительная покорность! Я видѣлъ что скромность стѣсняла выраженія, но недостатокъ ясности произвелъ на меня соотвѣтствующее впечатлѣніе.

„По крайней мѣрѣ согласитесь на раздѣлъ наслѣдства, Гарри. Оно должно было достаться вамъ. Это крайность которая кажется мнѣ насмѣшкой надо мною. Я была эгоистичнымъ ребенкомъ и могу сдѣлаться недостойною уваженія женщиной. Вы не простили моего поведенія на островѣ въ прошломъ году, но я не знаю въ чемъ я виновата; можетъ-быть я пойму это современемъ. Я нуждаюсь въ вашей дружбѣ и въ вашихъ совѣтахъ.

„Тетя будетъ жить со мной; она говоритъ что вы дополнили бы насъ. Во всякомъ случаѣ я переведу Риверсли на ваше имя. Пришлите мнѣ ваше согласіе. Папа требуетъ его прежде чѣмъ передача будетъ подписана.“

Письмо оканчивалось прощаніемъ, просьбой отвѣтить и подписью „любящая васъ“.

Въ тотъ самый день которымъ оно было помѣчено, одна изъ вѣнскихъ газетъ объявила о бракѣ Оттиліи съ принцемъ Германомъ.

Я отвѣтилъ рядомъ хладнокровныхъ, философскихъ изреченій такъ же мало соотвѣтствовавшихъ моихъ чувствамъ какъ было бы публичное исполненіе джиги на Salzach-Brücke. Наши характеры не только различны, но противоположны, писалъ я. Она обладаетъ сильною волей, я тоже, но къ сожалѣнію наши мнѣнія всегда расходятся. Мы, конечно, останемся друзьями. Что же касается ея характера, она должна знать что всякій человѣкъ обязанъ изучать въ чемъ его характеръ хорошъ и въ чемъ дуренъ и подчинять его себѣ. (Я выражался многословнѣе и педантичнѣе чѣмъ смѣю показать здѣсь; я былъ болѣе чѣмъ дерзокъ.) Это было непростительною выходкой, но человѣкъ воображающій что онъ пишетъ какъ философъ, когда онъ

чувствуетъ себя какъ раненый дикій, способенъ на такіе промахи. Письмо было отправлено и сдѣлало свое дѣло.

Вслѣдъ за этимъ я предпринялъ пѣшеходное состязаніе съ Темплемъ.

Отправляйтесь къ Альпамъ вы, больные духомъ; не для того чтобы сидѣть и хандрить глядя на нихъ, ибо физическій покой и комфортъ обезсилятъ душу и научатъ васъ сравнивать человѣческую слабость съ высокимъ и безконечнымъ; ходите, утомляйтесь, преодолѣвайте трудности, ищите опасностей, потѣйте, трудитесь, чтобы заслужить покой; убѣдитесь что сильная усталость есть наслажденіе которымъ вы пренебрегали, и что отдыхъ есть высшая награда. Хотите ли знать что̀ значитъ начать снова надѣяться и имѣть всѣ свои надежды предъ собою? Взбирайтесь на такія вершины гдѣ каждый шагъ дается съ бою. Тамъ веселыя, незначительныя надежды выростаютъ какъ цвѣты предъ путникомъ, спѣшныя, быстро доказывающія свою пользу, удовлетворяющія своею достижимостью. Какъ скоро всѣ старыя заблужденія отпадаютъ отъ васъ тамъ. Вы человѣкъ вашихъ способностей, ничего болѣе. Какъ можетъ человѣкъ претендовать на большее? спрашиваешь съ удивленіемъ, когда чувствуешь себя здоровымъ. Поэтическіе рапсоды внизу, въ долинахъ, могутъ описать вамъ красоту и величіе вершинъ, но не могутъ сорвать вамъ цѣлебную траву. Ее срываетъ для себя тотъ кто бродитъ въ сумерки по скользкимъ выступамъ, высматривая не блеснетъ ли гдѣ огонекъ пастушьей хижины, кто перепрыгиваетъ черезъ зеленыя разщелины, кто протягиваетъ смѣлую руку въ уединеніи изумрудной вершины.

ГЛАВА LV.

Мое возвращеніе въ Англію.

Съ Альпійскихъ горъ я переселился въ степи и наслаждался Востокомъ, пока онъ не началъ истощать меня. Исторія, какъ воздухъ которымъ мы дышемъ, должна быть въ движеніи чтобы не сдѣлаться вредною; иначе ея устарѣвшія воззрѣнія становятся заразительными. Моя страсть къ солнцу и къ загорѣлымъ людямъ длилась два года, мое добровольное скитальчество еще годъ, потомъ, совершенно неожиданно, мною овладѣла тоска по Англіи, тоска столь сильная что я пренебрегъ корреспонденціей за нѣсколько мѣсяцевъ, ожидавшею меня въ

Дамаскѣ и въ Каирѣ, чтобы не опоздать на пароходъ. Дождливое утро приснившееся мнѣ среди раскаленной пустыни было, можетъ-быть, причиной моего страстнаго желанія увидать родину и Дженету; Дженета была окружена влажнымъ воздухомъ и мокрою весеннею зеленью; я видѣлъ ясно какъ она подымала рукой поникшую розу. Возможно ли что я отказался быть ея мужемъ? Возможно ли чтобы такая благородная дѣвушка была отвергнута нѣсколько разъ человѣкомъ въ здравомъ разсудкѣ? Я назвалъ себя презрѣннымъ идіотомъ, чтобъ отвязаться отъ такихъ мыслей. Можетъ-быть она сдѣлала то же самое. Нѣтъ, она будетъ вѣрна до гроба. Я повторялъ это съ жаромъ, воображая что дѣлаю это только для того чтобъ отдать ей справедливость. Тетушка Дороти и Темпль увѣдомляли меня объ ея скромной жизни въ Риверсли, по временамъ въ Лондонѣ: она была все та же Дженета. Темпль въ послѣднемъ письмѣ упоминалъ о леди Кенъ въ связи съ ея именемъ, но это не внушало мнѣ никакихъ опасеній. Новости о моемъ отцѣ смущали меня; судя по нимъ, я заключилъ что онъ въ Лондонѣ и ожидаетъ окончанія своего дѣла. Откуда у него деньги?

Деньги и мой отецъ встрѣчались какъ и расходились случайно, въ доказательство чего я припомнилъ, проѣзжая въ виду Адижа и Ломбардской равнины, происшествіе случившееся во время моей прогулки съ Темплемъ по Альпамъ и имѣвшее больше значенія для него чѣмъ для меня. Однажды мой ревностный другъ, для котораго не существовало препятствій, разбилъ себѣ колѣнку объ утесъ, близь Иннсбрука, и былъ приглашенъ молодою англійскою дѣвушкой въ домъ ея отца, отставнаго инженернаго полковника нашей арміи. Полковникъ принужденъ былъ эмигрировать изъ своего отечества. Преступленіе его, само по себѣ ничтожное, сказалъ онъ намъ, обрекло его на вѣчную ссылку: онъ былъ отцомъ девяти здоровыхъ дочерей. Уступивъ просьбамъ двухъ старшихъ, онъ, противъ своего убѣжденія, увѣрялъ онъ, поселился въ Тиролѣ. Теперь пять дочерей замужемъ за иностранцами и расточаютъ благородную англійскую кровь на породу иностранныхъ графовъ и бароновъ. Вотъ какъ онѣ отплатили ему. „Я не роптала на судьбу пока не сдѣлался отцомъ“, сказалъ милый полковникъ Геддонъ. „Я глядѣлъ на радугу, когда услыхалъ ваши шаги, и думалъ видна ли она въ эту минуту въ Англіи, и зачѣмъ я не тамъ.“ Онъ жилъ за границей чтобы быть въ состояніи дать приданое дочерямъ. Его зятья были люди хорошіе, на это онъ не могъ

пожаловаться, но что̀ если всѣ дочери выйдутъ за иностранцевъ? Его простодушная откровенность обворожила насъ, и я замѣтилъ что мой податливый Темпль охотно успокоилъ бы отца насчетъ Люси, одной изъ его незамужнихъ дочерей. Мы принуждены были признаться что она заимствовала иностранный акцентъ. Старый полковникъ ворчалъ и просилъ насъ извинить его что онъ не можетъ обращаться съ нами какъ съ чужими. Сердце его рвется къ молодымъ англійскимъ джентльменамъ.

Мое имя, сказалъ онъ, — напомнило ему замѣчательную личность которую онъ зналъ въ отечествѣ, нѣкоего Роя Ричмонда, сына актрисы и такого-то, какъ гласило преданіе; старый лордъ Эдбери зналъ объ этомъ болѣе чѣмъ кто-либо другой.

Теперь Рой авантюристъ, но душа у него рыцарская, клянусь честью. Вы найдете много выскочекъ и между иностранцами, но такого никогда! Откуда онъ бралъ свои деньги, никто не зналъ но я увѣренъ что онъ для нихъ никогда не сдѣлалъ грязнаго дѣла. Я разкажу вамъ одинъ случай.... позвольте мнѣ разказать мистеръ Ричмондъ, я не имѣлъ удовольствія говорить по-англійски полъ-столѣтія или по крайней мѣрѣ четверть. Лордъ Эдбери обѣщалъ оставить ему нѣсколько тысячъ, и онъ рискнулъ ими чтобы спасти одну даму, возненавидѣвшую его за его услугу. Леди Эдбери была изъ рода Больтоновъ, не отличавшихся смиреніемъ. Она убѣжала отъ мужа, старый лордъ воротилъ ее. „На свою же гибель, смотрите“, говоритъ она ему: Дѣйствительно. Рой случайно узнаетъ о новой интригѣ. Онъ садится на лошадь, ѣдетъ день и ночь, и въ сумерки прячется между воротами парка и домомъ миледи. Говорили будто онъ зналъ что маркизъ слѣдитъ за женой, по крайней мѣрѣ таковъ былъ фактъ: она готовилась убѣжать, а онъ намѣревался остановить ее. Она выходитъ въ паркъ, видитъ закутанную фигуру, воображаетъ что это ея Лотаріо и конечно бросается въ его объятія. Господинъ съ которымъ она хотѣла бѣжать былъ мой пріятель, но чѣмъ менѣе вы будете слѣдовать нашему примѣру, тѣмъ лучше. Это былъ періодъ страшнаго упадка нравственности. Онъ сказалъ мнѣ что видѣлъ всю сцену въ ворота, за которыми у него стояла карета четверней. Старый лордъ выскакиваетъ изъ-за куста и бросается на жену и ея мнимаго любовника. Миледи арестована въ объятіяхъ своего спасителя, а мой другъ удаляется на цыпочкахъ, и по-моему это лучшее что̀ онъ могъ сдѣлать.

Наши нравы были ужасны! Леди Эдбери не видѣла послѣ того Роя Ричмонда, старый маркизъ тоже, но онъ удвоилъ сумму которую намѣревался оставить ему. Рой, кажется, женился на богатой наслѣдницѣ и остепенился. Онъ былъ краснорѣчивый малый и весьма занимательный собесѣдникъ за столомъ.

Я не сообщилъ полковнику Геддону моего родства съ его героемъ.

Какъ я жалѣлъ его, проѣзжая мимо большой дороги въ Иннсбрукъ! Я ѣхалъ домой, я готовился увидать Англію, зеленую, туманную Англію, ея домы и луга! И я опять поблагодарилъ въ душѣ полковника за то что онъ примирилъ меня хоть немного съ моимъ страннымъ отцомъ.

Потокъ дыма окрашеннаго утреннимъ свѣтомъ разстилался подобно знамени къ сѣверо-востоку, когда я въѣхалъ въ Лондонъ и отправился на квартиру Темпля. Онъ былъ въ судѣ, участвуя въ процессѣ въ качествѣ помощника отца. Такъ Темпль сдѣлался однимъ изъ счастливцевъ, однимъ изъ трудящихся людей! Я пошелъ въ судъ и едва узналъ его тамъ въ его парикѣ. Вся его обязанность состояла въ подсказываніи отцу. Дѣло шло о столкновеніи на морѣ. Барка *Присцилла* столкнулась у устья Темзы съ купеческимъ бригомъ, и къ моему удивленію, *Присцилла* оказалась судномъ капитана Джаспера Вельша. Лишь только я пожалъ руку Темпля, какъ мнѣ пришлось совершить ту же церемонію съ самимъ капитаномъ, нисколько не измѣнившимся наружно. Капитанъ изумился увидавъ меня, сказалъ что борода и усы придаютъ молодому Англичанину иностранную наружность и началъ разказывать какими путями Провидѣніе привело его къ Темплю и его отцу.

— Да, да, капитанъ Вельшъ, замѣтилъ Темпль,—мы выпутали васъ, но въ другой разъ смотрите хорошенько за вашими людьми. Я подозрѣваю что у нихъ двоится въ глазахъ, при всей чистотѣ ихъ совѣсти. Угорь уйдетъ и изъ плотной сѣти.

— Что̀ вы можете сказать противъ моихъ людей? спросилъ капитанъ.

Темпль отвѣчалъ что договоритъ объ этомъ послѣ и смѣясь утащилъ меня за собой.

— Онъ попадетъ когда-нибудь въ бѣду со своими людьми, Ричи. Я хочу предупредить его. Ты получилъ всѣ мои письма? Ты словно изъ желѣза вылитъ. Я начинаю недурно, суда нисколько не боюсь, но и не слишкомъ самонадѣянъ. Жаль что твой отецъ повелъ дѣло такъ плохо.

— Какое дѣло?

— Развѣ онъ не писалъ тебѣ?

— Писалъ раза два или три; кучу междометій.

— Ты знаешь что онъ наконецъ началъ свое дѣло. Кончилось конечно такъ какъ мы всѣ ожидали.

— Гдѣ онъ? Не видалъ ли ты Дженету въ послѣднее время?

— Она въ Лондонѣ, въ домѣ миссъ Ильчестеръ.

— Напиши мнѣ адресъ на этой карточкѣ.

Темпль написалъ, но какъ-то нерѣшительно, и я бросился къ Дженетѣ, забывъ проститься съ моимъ другомъ. Мнѣ до безумія хотѣлось поблагодарить ее за такую неожиданную нѣжность къ моему отцу. Теперь ничто не стоитъ между нами. Я вознагражу ее! Или чтобы выразиться приличнѣе и соотвѣтственно съ моими лучшими чувствами, я буду просить чести и счастія посвятить ей мою жизнь. Она моя, она образецъ постоянства! Я люблю ее, теперь я въ этомъ вполнѣ увѣренъ.

Могъ ли я не увѣриться въ этомъ еще болѣе, когда увидалъ ее наконецъ? Она сидѣла возлѣ кресла, на которомъ спалъ мой отецъ, и держала его руку. Такая картина была прекраснѣе сновидѣнія, въ которомъ я видѣлъ ее ухаживающею за розами. Тетушка Дороти подошла ко мнѣ, обняла меня и попросила быть потише. Дженета не двинулась. Занавѣсы оконъ были опущены, въ каминѣ горѣлъ огонь, я услыхалъ тяжелое дыханіе отца.

— Гарри, произнесла тихо Дженета.

Я опустился предъ ней на колѣни.

— Моя милая, моя несравненная Дженета.

— Не разбудите его, шепнула она.

— Нѣтъ, но я дома.

— Я рада.

Одну руку она принуждена была протянуть мнѣ. Я поцѣловалъ ее. Она была видимо изумлена моею горячностью.

— Я не могу не сказать вамъ сейчасъ же какъ я люблю васъ, моя Дженета. Вы ни разу не написали мнѣ. Я не виню васъ; я одинъ виноватъ во всемъ. Я теперь знаю самого себя. Почему вы отнимаете у меня свои руки?

Какъ молнія предъ грозой сверкнулъ взглядъ брошенный Дженетой на тетушку Дороти.

— Читали вы послѣднее письмо тёти? спросила она.

— Послѣднихъ писемъ я не читалъ, отвѣчалъ я, удивленный тономъ ея голоса. — Для чего? Моя неизмѣнная Дженета, я

пріѣхалъ домой для васъ. Клянусь честью, я люблю васъ всѣмъ сердцемъ.

— Не трогайте меня, сказала она отстраняясь отъ моей руки.

Отецъ зашевелился.

— Мы ожидаемъ Гарри, сказала ему тетушка Дороти.

— Восемь Гарри царствовали въ Англіи, пробормоталъ онъ.

Тетушка Дороти вывела меня изъ комнаты.

— Его надо приготовить къ свиданію съ вами. Доктора говорятъ что неожиданность можетъ убить его. Дженета умѣетъ обращаться съ нимъ.

— Она немного холодна со мной, тетушка. Я знаю что заслужилъ это, но я люблю ее всѣмъ сердцемъ. Я какъ будто только что проснулся.

— Вы не получили моего послѣдняго письма, Гарри?

— Я не получалъ писемъ мѣсяцевъ девять или болѣе. Кстати, дѣло мое рѣшено и это хорошо. Онъ пошелъ какъ корабль на скалы. Разкажите мнѣ какъ Дженета сошлась съ нимъ. Я готовъ побожиться что она все еще не пускаетъ его въ Риверсли. Нѣтъ? И я люблю ее за ея упрямство, я люблю все что составляетъ часть ея характера.

— Гарри, вспомните какъ вы жестоко писали ей.

— Я писалъ ей только разъ.

— Молчаніе было жестоко.

— Я искуплю всѣ мои проступки. Я буду угадывать ея желанія, я буду смиреннѣйшимъ изъ поклонниковъ.

Въ окно гостиной, у котораго мы стояли, я увидалъ какъ Дженета, опершись на руку моего отца, вошла въ экипажъ, а потомъ вошелъ онъ, принявъ ея помощь, стоившую ей усилія, судя по ея сжатымъ губамъ и нахмуреннымъ бровямъ.

— Почему она уѣзжаетъ не поговоривъ со мною, тетушка?

— Она всегда катаетъ его въ это время, чтобъ онъ могъ сказать что показалъ себя. Ему невыносима мысль что общество считаетъ его побѣжденнымъ, а за нею всѣ такъ ухаживаютъ что должны ухаживать и за нимъ.

— Какъ она великодушна!

Тетушка Дороти заплакала. Я прижалъ ее къ сердцу и, стараясь развеселить ее, продолжалъ восхвалять Дженету. Она плакала все сильнѣе.

— Нѣтъ ли чего-нибудь новаго? спросилъ я.

— Для насъ это уже не новость, Гарри. Я увѣрена что вы мужественны.

— Мужественъ! Что же предстоитъ перенесть мнѣ?

— Много, если вы любите ее, Гарри.

— Говорите.

— Лучше если вы узнаете это отъ меня, Гарри. Я писала вамъ. Мы не думали что это будетъ вамъ непріятно. Кто могъ предугадать такую перемѣну въ васъ? Она менѣе всѣхъ.

— Она любитъ другаго?

— Я не скажу чтобъ она была влюблена.

— Скажите мнѣ худшее.

— Она помолвлена.

ГЛАВА LVI.

Дженета и я.

Дженета и я были одни.

Когда ваша возлюбленная измѣнитъ вамъ въ ваше отсутствіе, вы, узнавъ это, прежде всего спросите имя вашего соперника. Его имя—ничего болѣе. Какое чудовище предпочла вамъ невѣрная измѣнница?

Этотъ же вопросъ вертѣлся у меня на языкѣ, когда тетушка Дороти сообщила мнѣ о помолвкѣ Дженеты. Но люди не одинаковы, и я, томясь желаніемъ предложить вопросъ, молчалъ, опасаясь услышать имя, которое разожгло бы мою ненависть и ревность. Человѣкъ котораго выбрала Дженета долженъ быть образцомъ благородства, она не выберетъ какую-нибудь дрянь, и мнѣ не хотѣлось думать о немъ. Я ушелъ изъ дому, обѣщавъ придти вечеромъ или на другой день, но на улицѣ встрѣтился съ Дженетой, возвращавшеюся съ отцомъ изъ парка. Отецъ взялъ меня за руку, и я принужденъ былъ вернуться съ ними.

Отецъ удалился, покоряясь предписанію отдыхать часъ предъ обѣдомъ; Дороти Белтамъ пошла одѣваться, Дженета осталась со мной.

Ея красивое лицо было блѣдно какъ мраморъ. Она стояла выпрямившись. Я ожидалъ увидать стыдъ, можетъ-быть раскаяніе въ лицѣ женщины которая измѣнила мнѣ, пользуясь моимъ отсутствіемъ. Съ тѣхъ поръ какъ я прикоснулся къ ея рукѣ, неоспоримой собственности другаго, выводя ее изъ экипажа, мои нервы содрагались въ ожиданіи горькаго наслажденія увидать сознаніе вины на ея выразительномъ лицѣ. Она стояла серіозно внимательная.

— Дженета, я долженъ поблагодарить васъ за вашу доброту къ моему отцу.

— Вы знаете, Гарри, что̀ я должна была искупить прежнюю жестокость.

— Я благодаренъ вамъ всѣмъ сердцемъ.

— Мнѣ пріятно угождать вамъ, даже въ пустякахъ.

— Это не пустяки.

— Мнѣ это не стоило никакого труда.

— Вы нашли его опутаннымъ долгами?

Она слегка пожала плечами.

— Долги были, но теперь ихъ нѣтъ.

— Вы хотѣли связать меня по рукамъ и по ногамъ благодарностью.

— Я хотѣла сдѣлать то что̀ сдѣлали бы вы, насколько это было для меня возможно.

— Я пріѣхалъ домой думая что вы свободны.

— Тётя писала....

— Писала, но я не получилъ письма; иначе я не пріѣхалъ бы. Или, почемъ знать? Можетъ-быть я былъ бы здѣсь раньше.

— Вы теперь здѣсь, Гарри.

— Я могу теперь сказать только одно, Дженета: въ тѣ дни когда я былъ непостояненъ и несправедливъ, и не добръ съ вами, а Геріотъ хвалилъ васъ какъ женщину которая будетъ самою вѣрною женой въ Англіи, я поддерживалъ его.

— Я не буду благодарить васъ за комплименты, Гарри. Я знаю что могу сдержать слово.

— Данное тому человѣку? Вы еще не жена его.

— Нѣтъ, отвѣчала она машинально.

— Развѣ свадьба была отложена? Извините, вы говорите о ней такимъ тономъ....

— Я отложила ее съ зимы на лѣто, Гарри, въ надеждѣ что вы пріѣдете и будете сопровождать меня къ алтарю.

— Я? Какую же роль назначили вы мнѣ въ брачной церемоніи!

— Друга, я надѣялась, моего стараго лучшаго друга.

— Да, мы были все равно что помолвленные.

— Никогда.

— Вы хотѣли чтобъ я присутствовалъ при вашемъ бракосочетаніи съ другимъ?

— Я думала что могу разчитывать въ этомъ на Гарри.

— Отдать то что̀ было моимъ раньше чѣмъ я себя помню? Отдать васъ! О! Я желалъ бы только знать что вы та же самая

Дженета которую я могъ видѣть и которая дополнила бы меня, какъ говоритъ Геріотъ. Я теперь чувствую что я всегда любилъ васъ, Дженета. Присутствовать при вашей свадьбѣ съ другимъ! Но я обнималъ васъ! Я цѣловалъ васъ! Вы не можете забыть меня, и, судя по совѣсти, вы не можете выйти ни за кого кромѣ меня. Если только не признаетесь что вы совершенно измѣнились. Признайтесь и я не буду настаивать. Если вы честная дѣвушка, вы моя. Что̀ это за вѣрность слову? Вы боитесь нарушить его изъ гордости. Вы любите, вы должны любить меня, вы не можете любить никого кромѣ меня. Я къ этому привыкъ какъ къ воздуху которымъ дышу. Боже мой, да развѣ я могу видѣть васъ чужою женой? Никакая церемонія не можетъ соединить васъ съ другимъ и разлучить со мной. Это не только невозможно, но еслибъ и было возможно, я не задумался бы помѣшать; и потому что имѣю право, и потому что сдѣлалъ бы этимъ добро вамъ. Мы помолвлены съ самаго рожденія или по крайней мѣрѣ съ дѣтства. Я знаю ваши воззрѣнія, ваши привычки, ваши капризы, отъ простѣйшихъ до самыхъ милыхъ. Вы не опускайте рѣсницъ, вы скажите мнѣ, можетъ ли человѣкъ съ такими воспоминаніями какими обладаю я, выпустить васъ? Вы моя, потому что вы неспособны измѣнить.

Мои неистовые софизмы поколебали ея здравый смыслъ. Удивленіе на происшедшую во мнѣ перемѣну было также причиной ея минутнаго замѣшательства.

— Гарри, ваше послѣднее письмо, сказала она тяжело дыша.

— Письмо сумашедшаго, письмо идіота! Такъ это̀ мнѣ наказаніе?

— Не наказаніе, но это письмо.... Я искала хоть слова любви, хоть малѣйшаго намека, я держала его всю ночь на сердцѣ, въ надеждѣ что хоть во снѣ найду въ немъ что-нибудь утѣшительное, и не нашла ничего.

— Но я былъ въ ужасномъ состояніи, когда писалъ его. Вспомните чего я лишился. И къ довершенію всего вы затворяете двери предъ моимъ отцомъ. Я могъ бы извинить и оправдать вашъ поступокъ въ другое время, когда я былъ не такъ несчастенъ, а онъ не такъ обидчивъ. Какъ мнѣ объяснить вамъ мое положеніе? Вы его никогда не поймете. Но я вижу себя въ вашихъ глазахъ. Я не чужой вамъ, Дженета, подите ко мнѣ!

Она прошептала какой-то протестъ.

— Такъ день свадьбы уже назначенъ? спросилъ я.

— Назначенъ. Я теперь уйду, Гарри. Вашъ отецъ любитъ видѣть меня хорошо одѣтою.

— Будетъ у васъ обѣдать тотъ человѣкъ который хочетъ жениться на васъ?

— Не сегодня.

— Сегодня не онъ, а я. Ваши родители одобряютъ вашъ выборъ?

— Да.

— Такъ онъ изъ высшаго круга? Не правда ли?

— Онъ благороднаго рожденія.

— Вы говорите какъ баллада. И вы сами назначили день свадьбы?

— Да.

— Такъ вы уже принадлежите ему?

— Я не могу думать иначе. Теперь я уйду, Гарри.

— Одно слово: любите вы его?

— Вы должны понять это по моимъ поступкамъ.

— Ваши поступки со мной были не изъ лучшихъ. Любите вы меня?

— Я любила моего дорогаго друга Гарри, который не предложилъ бы мнѣ такого непріятнаго вопроса, сказала Джeнета.

Въ эту минуту тетушка Дороти и мой отецъ, войдя въ комнату, дали ей возможность скрыться.

Обѣдать съ моимъ разбитымъ отцомъ было не весело, обѣдать въ качествѣ гостя Дженеты, послѣ нашего разговора, было тяжелою привилегіей. Странность сознанія что она не будетъ принадлежать мнѣ обезсилила мои чувства. Повременамъ мрачная вспышка фантазіи рисовала ее женой другаго, но картина казалась слишкомъ мрачною, невыразимою, она говорила и улыбалась слишкомъ привѣтливо, чтобъ это могло быть возможно. Но она стала бы говорить и улыбаться идя къ алтарю, развѣ только стала бы немного блѣднѣе. Какъ дастъ она надѣть себѣ кольцо на палецъ? Она протянетъ руку какъ теперь протягиваетъ ее къ стакану. Но кому? Кто этотъ человѣкъ? Она продаетъ себя за титулъ. Не найдя удовлетворенія въ любви, она сдѣлалась честолюбива. Эта мысль охладила и облегчила мое неудовольствіе, но не въ ея пользу, потому что какъ она ни ухаживала за мной, я рѣшилъ что не могу не презирать ее. Она хотѣла чтобъ я былъ обязанъ ей; ея обращеніе съ моимъ отцомъ было чудомъ естественной ласковости и такта; она подсказывала ему слова,

доканчивала его недосказанныя фразы. Можно ли было предугадать что мы будемъ когда-нибудь сидѣть въ такихъ отношеніяхъ? Она притворялась что любитъ моего отца. Для кого это, если не для Гарри Ричмонда? Изъ дружбы ли это только? Нѣтъ, она все еще моя!

Мое сердце рвалось къ ней съ обожаніемъ, плѣняясь безнадежнѣе съ каждымъ усиліемъ освободиться. Она была не моя и никогда не должна была быть моею. Качества которыя я любилъ въ ней, качества нѣкогда сохранявшія ее для меня вопреки моей холодности, обратились теперь противъ меня.

И изучая ее внимательно, насколько это возможно за столомъ, я увидалъ то что не было такъ замѣтно когда мы были одни, оригинальную индивидуальность въ ея развившейся женственности, привлекательную теплоту въ ея спокойной натурѣ; хмурилась она теперь очень рѣдко и хмурясь улыбалась. Въ кроткихъ сжатыхъ губахъ выражался благородный покой. Она пріобрѣла манеры вполнѣ благовоспитанной Англичанки, не сложившись по мѣркѣ, она научилась одѣваться, моя милая Дженета.

— Не поѣдете ли вы съ нами сегодня въ оперу, Гарри? спросила она.

Для меня это прозвучало: не можете ли взглянуть на человѣка съ которымъ я помолвлена?

— Поѣду, отвѣчалъ я.

Торжественный тонъ моего отвѣта удивилъ ее.

— Фракъ Ричи лежитъ въ правомъ ящикѣ третьяго отдѣленія моего розоваго гардероба, сказалъ мой отецъ,—и фамильные часы, завѣщанные мнѣ матерью и остановившіеся на четверти десятаго, лежатъ тамъ же.

Дженета протянула ему руку.

— Да развѣ я не помню? Вы говорили намъ что сбережете для него его парадный костюмъ, чтобъ онъ могъ ѣхать въ общество лишь только вернется.

Мой отецъ называлъ себя генераломъ.

Я подошелъ къ Дженетѣ.

— Отдадите вы мнѣ то письмо?

— Какое письмо?

— Которое вы держали на сердцѣ всю ночь.

Она вспыхнула и покачала головой.

Я зналъ какъ невинна эта вспышка румянца, но это была вспышка, и мое сердце накипуло на нее, преслѣдуя ее по

всѣмъ извилинамъ женскаго отступленія. Я почувствовалъ себя властелиномъ.

Что если тотъ благородный человѣкъ, какимъ долженъ быть непремѣнно женихъ Дженеты, любитъ ее искренно? Тѣмъ хуже для него; я пожалѣю его, но буду уважать ее не менѣе за то что она измѣнитъ ему для меня. Но ея выборъ палъ конечно на одного изъ лучшихъ представителей нашей націи.

Ей нравилось мое спокойствіе на пути въ оперу; я былъ въ состояніи шутить, мы смѣялись и болтали. Мой отецъ былъ, повидимому, немного взволнованъ; онъ сидѣлъ выпрямившись и повторялъ:

— Надо показать себя, надо показать себя. Дженета взяла его руку. Да, да, полнѣйшее самообладаніе, сказалъ онъ, и взглянувъ на меня, прибавилъ:—Милый мой Ричи.

Тетушка Дороти объяснила причину вниманія которое мы обратили на себя войдя въ ложу.

— Дженету очень замѣчаютъ.

— Видите вы ея жениха, тетушка?

Она обвела глазами театръ.

— Нѣтъ.

Я вышелъ изъ ложи, чтобы посмотрѣть на Дженету издали, и проходя по фойе, попалъ въ когти леди Кенъ.

— Пойдемте со мной, сказала отвратительная старушонка.— Мнѣ надо поговорить съ вами и раскусить васъ послѣ вашихъ путешествій.

Я принужденъ былъ войти въ ея ложу и сѣсть рядомъ съ ней.

— Я могу теперь вольничать съ вами, вѣдь мы почти родня, сказала она.

— Дѣйствительно, отвѣчалъ я.

— Не признавайте этого, если не хотите, продолжала она.— Съ меня довольно быть бабушкой одного молодого человѣка. Впрочемъ эта тяжесть скоро свалится съ моихъ плечъ. Ну, что вы? Гдѣ вы были? Намѣрены вы написать книгу? И не пишите. Неприлично. И не стыдно вамъ что вы заставили насъ ждать шесть мѣсяцевъ? Я просила, умоляла. Нѣтъ! Желѣзная воля! Тѣмъ лучше, хотя въ настоящее время мы чувствуемъ себя въ ея тискахъ. Я люблю молодую женщину съ сильною волей, только не въ оппозиціи. Опомнились отъ своего разочарованія, милый мой? Не слѣдовало рѣшаться на большую ставку безъ хорошей поддержки. Я возьму васъ въ руки и выдрессирую васъ и направлю на путь истинный. Пра-

вится вамъ оперный шумъ? Вы не привезли ли домой Черкешенку? Гм, кто васъ знаетъ. Чтобы сдѣлать для васъ что-нибудь, я должна выслушать вашу полную исповѣдь. Такъ сказала я моей обезьянѣ, и онъ сталъ на колѣни, и я его выслушала. Вѣдь вы дикіе. Васъ всѣхъ надо вымыть и причесать, чтобы сдѣлать приличными.

Ея больные, старые, водянистые глаза внимательно разсматривали меня, пока ея необузданный языкъ болталъ вздоръ годный только для ушей Эдбери.

— Вы мрачны, сказала она, не спуская съ меня глазъ, какъ кошка слѣдящая за мышью.

— Вотъ что я скажу вамъ, миледи, отвѣчалъ я на ея настойчивое требованіе чтобъ я открылъ ей свою душу. — Я былъ такъ долго внѣ Англіи что совсѣмъ забылъ англійскій языкъ и хочу обойти театръ чтобы взять нѣсколько уроковъ.

— Такъ идите, отпустила она меня. — Приходите ко мнѣ завтра утромъ. Вонъ онъ, взглянула она на ложу Дженеты.— Мы не мѣшаемъ ей показывать его; что до меня касается, мнѣ это рѣшительно все равно. Я свободна отъ мѣщанскихъ предразсудковъ. Она ручается что онъ не забудется. Но съ васъ скандала довольно, я думаю. Вы теперь приберете его къ рукамъ. Ну, идите, Цыганъ, да постарайтесь завтра окончить вашъ туалетъ пораньше. Я буду ждать васъ въ одиннадцать. У меня есть для васъ невѣста.

Глаза Дженеты на минуту остановились на мнѣ, когда я занялъ свое мѣсто за ея стуломъ.

— Видаетесь вы съ леди Кенъ? спросилъ я.

— Вы говорили съ ней, сказала она вмѣсто отвѣта.

Я высказалъ свои впечатлѣнія въ формѣ размышленія:

— Нѣкоторыя изъ нашихъ свѣтскихъ старухъ ничѣмъ не отличаются отъ прачекъ. Она не могла бы быть наглѣе со мной и относительно васъ, еслибы получила воспитаніе на рынкѣ. Стоило ѣхать чтобы слушать въ обществѣ дерзости старой вѣдьмы.

— Мы принимаемъ въ соображеніе что это хорошее лѣкарство для нашего больнаго, сказала Дженета. — Вашему отцу это нравится.

— Моя милая, другъ мой, шепнулъ я и увидалъ что край щеки предо мной вспыхнулъ яркимъ румянцемъ, отхлынувшимъ на обнаженную шею, подъ короткіе локоны, выбившіеся

изъ-подъ гребенки. Зрѣлище невыразимо пріятное для меня, убѣждавшее меня въ моей власти.

Я притронулся къ ея платью. Страданіе такого преданнаго сердца заслужило мою симпатію. Я подумалъ что я могъ бы уважать ее даже послѣ того какъ она уступила бы мнѣ, и что еслибы мы были одни, я воздержался бы отъ привилегій любимаго человѣка и сталъ бы дѣйствовать на ея разсудокъ, а не на сердце.

Но сидѣть возлѣ ея божественно пылавшаго лица и обнаженной шеи, говорить спокойно и слушать краткіе отвѣты было невыносимо. Я убѣжалъ въ верхній ярусъ, гдѣ Темпль встрѣтилъ меня и ввелъ въ ложу Анны Неприсъ.

— Какъ я рада видѣть что вы не печальны! воскликнула она.

— О чемъ же мнѣ печалиться? спросилъ я.

— Люди мѣняются. Я желала этого, но если вы довольны, мы не будемъ сожалѣть. Я васъ люблю еще болѣе, Гарри, за то что вы не похожи на большинство.

— Тѣмъ что не гоняюсь за богатыми наслѣдницами, пояснилъ я.—Нѣтъ, это не въ моемъ вкусѣ.

— Но я влюблена въ Дженету Ильчестеръ, сказала Анна съ жаромъ.—Она удивительно исправила его.

— Моего отца? Да.

— Я говорила о болѣе счастливой особѣ, Гарри. Взгляните.

Я взглянулъ на ложу Дженеты и увидалъ на моемъ мѣстѣ маркиза Эдбери.

Анна отвѣтила на взглядъ съ которымъ я обратился къ ней:

— Развѣ вы не знали. Все это, говорятъ, устроила леди Кенъ. Я сама была въ числѣ удивленныхъ.

Темпль оказалъ мнѣ такую же услугу.

— Я писалъ тебѣ объ этой помолвкѣ, Ричи.

— Ты писалъ мнѣ что она помолвлена съ Эдбери? спросилъ я и закрылъ глаза; если въ человѣкѣ были когда злые духи, они были во мнѣ въ эту минуту. Она должно-быть увидала своего возлюбленнаго, когда повергла меня въ океанъ догадокъ своимъ предательскимъ румянцемъ.

ГЛАВА LVII.

Героизмъ Дженеты.

Я ночевалъ въ миломъ, тихомъ домѣ Темпля и былъ бы радъ еслибъ его сестры поцѣловали меня какъ цѣловали его.

На другой день, отыскавъ съ помощью Темпля меблированную квартиру, я послалъ отцу записку, въ которой просилъ его придти ко мнѣ немедленно.

Отвѣтила Дженета:

„Мой милый Гарри!

„Мы считаемъ не безопаснымъ отпустить вашего отца отъ себя. Онъ ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ. Помните что онъ только что поправился. Мы надѣемся что вы посѣтите насъ не позже какъ завтра.

„Любящая васъ
„Дженета.“

Такъ она нисколько не стыдится предстоящаго союза съ Эдбери! Она пишетъ мнѣ какъ будто она ни мало не унизила себя.

Дженета умѣла цѣнить людей по достоинству; она должна была видѣть его насквозь. Неужели она принадлежитъ къ числу женщинъ склонныхъ къ распутству и дѣйствующихъ подъ вліяніемъ любопытства неопытности? Или чудовищная старая интриганка леди Кенъ опутала, околдовала мою дѣвочку?

Я долженъ придти не позже какъ завтра, слѣдовательно Эдбери будетъ сегодня. Хотѣлось бы мнѣ увидать ихъ вмѣстѣ, сравнить ихъ, посмотрѣть какъ они идутъ другъ къ другу. „Мнѣ ее очень жаль“, сказалъ я. Я думалъ что я вылѣчился.

Но скоро—и это ужасное свойство любви—настоящее положеніе дѣлъ овладѣло воображеніемъ и представилось въ такомъ напряженномъ состояніи что я былъ какъ въ огнѣ, содрагаясь отъ страданія и отчаянія.

Я ненавидѣлъ ее, я завидовалъ ему.

Я чувствовалъ что могу осилить его и гнушался животнымъ соперничествомъ.

Предпочтеніе которое она ему оказала дѣлало его невыносимымъ для меня; тѣнь которую онъ бросалъ на нее искажала ея черты.

Но эта же тѣнь придавала ей неотразимую привлекательность, побуждавшую меня отстранить его.

Она была моя и была мнѣ противна; я лишился ее и готовъ былъ отдать за нее жизнь.

Не обязанъ ли я ради мертваго, какъ и ради живыхъ, отнять ее у него, вопреки ея нежеланію?

Не безчестно ли будетъ съ моей стороны вмѣшиваться?

И такъ далѣе; влюбленные могутъ раскрасить очеркъ. Только музыкой можно передать безпрерывныя потрясенія, превращавшія для меня мгновенно день въ ночь и ночь въ день и измѣнявшія вселенную въ моихъ глазахъ.

Когда воображеніемъ управляетъ страсть, нѣтъ возможности найти облегченіе страданія въ мелочныхъ обстоятельствахъ дѣйствительности: вещи разлагаются на свои элементы. Эдбери, такой какимъ онъ былъ, не могъ возбудить во мнѣ мученій ревности, но я принужденъ былъ смотрѣть на него глазами женщины избравшей его, я не могъ отдѣлить его отъ нея.

Я попробовалъ обратиться къ помощи разсудка. Я подумалъ спокойно: она очень недалека, я это всегда зналъ. Слово „всегда" подхватило меня какъ вихрь и перебросило за нѣсколько лѣтъ назадъ, къ тому времени, когда мы жили вмѣстѣ и ко множеству происшествій, прелесть которыхъ, не прочувствованная тогда, охватила меня теперь съ удвоенною силой.

Общественная и умственная высота Оттиліи постоянно сдерживала мои порывы, но Дженета стояла на одномъ уровнѣ со мною, умственно немного ниже, нравственно выше и была тверда какъ металлъ, когда хотѣла. Она вызывала на столкновенія, раздражала сопротивленіемъ. Дѣдушка былъ правъ, говоря что она не уступитъ никакому мущинѣ. Тѣмъ болѣе причинъ отнять ее у распутнаго Эдбери. Въ немъ течетъ кровь Больтоновъ, я помнилъ анекдотъ полковника Геддона объ его матери.

Старикъ дѣдушка сказалъ однажды о Дженетѣ: „она сострадательное существо". Я слышалъ слезы въ его голосѣ, но какъ я поздно одумался. Состраданіе Дженеты къ Эдбери было главнымъ орудіемъ леди Кекъ, какъ сказала мнѣ тетушка Дороти. Леди Ильчестеръ была за него, сэръ-Родрикъ за другаго искателя, и дѣло дошло до ссоры между самою дружною четой супруговъ. Дженетѣ не давали покоя. Ей твердили что Эдбери погибаетъ. Она любила его за его ловкость въ крикетѣ и въ охотѣ, за его откровенность, за мнимую мужественность, за врожденный англійскій энтузіазмъ. Я позволялъ себѣ объяснять

ея поступокъ только причинами служившими ей оправданіемъ.

На слѣдующій день я пошелъ къ ней. Она встрѣтила меня спокойно и привѣтливо, но съ какою-то враждебною сдержанностью, грозившею сопротивленіемъ и вызывавшею на борьбу.

— Что вы хмуритесь на меня? началъ я.

— Развѣ вы забыли мою старую привычку, Гарри? Я еще не совсѣмъ отвыкла отъ нея, отвѣчала она.

— Вамъ скоро не на что будетъ хмуриться.

Она улыбнулась.

— Дай Богъ. Вы можетъ-быть хотите сказать что я не буду видѣть васъ, Гарри?

— Милая моя Дженета, прежде чѣмъ отвѣтить, я долженъ спросить васъ: вы считаете себя связанною съ Эдбери неразрывно?

— Да.

— Вы дали клятву?

— Я не даю клятвъ.

— Но вы въ высшей степени несходны съ человѣкомъ котораго выбрали. Вы считаете себя связанною честью?

— Да.

— Еслибы вы узнали что сдѣлали ошибку, вы тѣмъ не менѣе считали бы себя обязанною сдержать слово?

— Я считала бы себя обязанною не наказать его за мою ошибку.

— А выйти за него замужъ не уважая его не значитъ наказать его?

— Не знаю, сказала она, внезапно утративъ свою твердость и отвѣчая какъ капризный ребенокъ; нетерпѣливое движеніе дополнило бы милое сходство.

— Въ такомъ случаѣ, Дженета, позвольте мнѣ сказать вамъ что я не уважаю и имѣю серіозныя причины не любить вашего жениха и слѣдовательно, если вы сдѣлаетесь его женой....

— Вы знали его нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Гарри. Онъ измѣнился.

— Вы считаете себя способною дѣлать чудеса!

— Нѣтъ, но я думаю что большинство молодыхъ людей одинаково. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ по крайней мѣрѣ, прибавила она.

Это мнѣніе было основано единственно на разговорахъ дѣдушки о мущинахъ въ присутствіи провинціальной дѣвочки.

— Вы не знаете ничего ни о немъ, ни о насъ, сказалъ я.

— Я знаю столько сколько хочу знать.

— А до остальнаго вамъ нѣтъ дѣла?

— Онъ по крайней мѣрѣ не обманулъ меня.

— Такъ онъ простеръ свою откровенность за границы приличія!

— Гарри, можете вы сказать что онъ много хуже другихъ молодыхъ людей?

Въ моемъ положеніи инквизитора я сильно почувствовалъ этотъ ударъ, нанесенный мнѣ моимъ же собственнымъ оружіемъ. Дѣйствительно, есть ли выборъ для честныхъ молодыхъ женщинъ въ толпѣ мущинъ?

— О, онъ никому не уступитъ ни умомъ, ни благородствомъ, прикрылъ я мое отступленіе, чувствуя что бѣгу наряду съ Эдбери и ему подобными.

Это взбѣсило меня. Мое поведеніе стало нагло. Я далъ волю моей страсти, чтобы хоть разъ заключить въ объятія утраченное существо. Она слушала, защищалась, хмурилась, краснѣла и можетъ-быть узнала мущинъ въ эту минуту лучше чѣмъ во всю свою предшествовавшую жизнь.

„Можно ли уважать невѣсту Эдбери?“ думалъ я.

Она какъ будто поняла чѣмъ я оправдывался. Она сказала:

— Гарри, для меня прискорбнѣе потеря уваженія къ вамъ.

Но она не могла отнять у меня дикаго утѣшенія знать что мнѣ удалось зажечь на ея лицѣ яркій румянецъ, не сходившій съ него. Пусть она краснѣетъ предъ своимъ возлюбленнымъ идіотомъ, этотъ румянецъ мой. Мнѣ удалось похитить хоть малость.

Эта малость превратилась въ теченіе нѣсколькихъ минутъ въ сокровище, въ святыню, въ страшную заднюю мысль, въ ядовитое воспоминаніе. Она уже не доставляла мнѣ удовольствія, какъ дикому животному не доставляетъ удовольствія проглоченная добыча. Страсть ничѣмъ не удовлетворяется, когда идетъ наперекоръ любви.

— Я уйду отъ васъ, Гарри, сказала Дженета безъ раздраженія, можетъ-быть чтобы не раздражить меня.

— Прощайте, отвѣчалъ я.

— Мы увидимъ васъ опять сегодня или завтра?

— Едва ли.

— Вы знаете свою **силу**?

— Силу! Еслибъ я могъ отнять васъ у этого человѣка от-

казавшись отъ моихъ собственныхъ претензій, я отказался бы. Не говорите со мной намеками. Если вы будете смотрѣть на меня такъ, я не ручаюсь за себя. Вы сами заставляете меня считать васъ за постояннѣйшую женщину въ мірѣ; я уѣзжаю за границу, возвращаюсь чтобы положить жизнь мою къ вашимъ ногамъ и нахожу что я не имѣю права прикасаться къ вамъ, что могу видѣть васъ только въ извѣстные часы, что вы украсили себя короной распутнѣйшаго негодяя въ Англіи! Правъ я былъ или нѣтъ возвратившись къ вамъ въ полной увѣренности что вы никогда не измѣните мнѣ? Кто пріучилъ меня считать васъ неспособною измѣнять?

Она потупилась.

— Я можетъ-быть немного виновата, сказала она.

Мои смѣлые парадоксы вынудили у нея наконецъ такое признаніе. Такъ въ ея сердцѣ была уже борьба и сознаніе вины противъ меня! Признаніе что она „немного виновата" придало мнѣ дерзости: дикое животное бросилось за новою добычей.

Она не сопротивлялась, но я отъ этого ничего не выигралъ. Мертвыя губы, неподвижная фигура, нахмуренныя черты составляютъ пиръ коршуна.

Она ушла не сказавъ ни слова.

Что она должна была подумать обо мнѣ! Мною овладѣло сумашествіе, но безъ иллюзій, уменьшающихъ страданіе.

Я отправился домой и у двери своей квартиры увидалъ экипажъ леди Кенъ.

— А! такъ васъ въ самомъ дѣлѣ не было дома, воскликнула она.—Почему вы не сдержали слова, негодный? Садитесь сюда, разкажите мнѣ что-нибудь о гаремахъ.

Я отказался отъ такой чести, и она заговорила о дѣлахъ.

— Вашъ отецъ, сказала она, большая помѣха въ домѣ Дженеты. Не ужасно ли что страстно влюбленный женихъ и родственники могутъ являться къ ней только въ тѣ часы когда разбитому старику вздумается отдохнуть? Я такъ долго ухаживала за нимъ, заключила она,—что и теперь буду для него лучшею нянькой.

Я сказалъ что вполнѣ согласенъ съ ея мнѣніемъ и посовѣтовалъ ей поговорить съ Дженетой.

— О, избавьте, съ меня довольно, сказала она притворно содрагаясь.

Я сознался въ душѣ что раздѣляю и ея чувства.

Ея страстное желаніе насладиться моимъ обществомъ могло

быть удовлетворено только „положительнымъ“ обѣщаніемъ что я возьму отца къ себѣ немедленно.

Опять я послалъ за нимъ и ожидалъ получить отвѣтъ написанный Дженетой и выдержать новое столкновеніе.

Пришла тетушка Дороти.

— Гарри, ты намѣренъ настаивать на своемъ желаніи?

Она дышала съ трудомъ.

— Желаніе весьма естественное, тетушка. Отецъ долженъ быть со мной. Ухаживаютъ за нимъ хорошо, но онъ подвергается оскорбленіямъ.

— У насъ принимаютъ только въ тѣ часы когда онъ наверху.

— Да, я слышалъ. Мнѣ кажется что ему хочется имѣть меня при себѣ, а вы знаете что мнѣ не слѣдуетъ посѣщать Дженету. Наконецъ, я такъ рѣшилъ.

— Ты забываешь какое благодѣтельное вліяніе имѣетъ на него Дженета, Гарри.

— Я полагаю что мое будетъ не хуже.

— Ты рѣшился?

— Вполнѣ.

— Въ такомъ случаѣ я должна открыть тебѣ истину. Я поступлю противъ желанія Дженеты....

— Необыкновенная она деспотка, клянусь честью!

— Во всемъ что̀ касается твоего счастія, Гарри, да; насколько это возможно теперь.

Дороти Белтамъ была въ сильномъ волненіи. Я поцѣловалъ ее и взялъ ея руки.

— Вотъ въ чемъ дѣло, Гарри, приготовься выслушать. Кромѣ меня, Дженеты и его преданной служанки Вадди, этого кажется никто не знаетъ. У него обѣдало большое общество въ Сити, наканунѣ того дня когда дѣло было рѣшено противъ него. На слѣдующее утро я получила отъ доброй мистрисъ Вадди записку, адресованную въ лондонскій домъ сэръ-Родрика, гдѣ я гостила съ Дженетой. Въ запискѣ говорилось что онъ боленъ. Дженета тотчасъ же надѣла шляпку и отправилась къ нему.

— Такъ она уже не боялась заразиться?

— Она почти бѣжала. Онъ жилъ въ меблированныхъ комнатахъ, и сосѣди требовали чтобъ его увезли немедленно, какъ писала намъ мистрисъ Вадди. Она приняла насъ въ гостиной. Я не рѣшилась идти наверхъ. Дженета пошла одна.

Мое сердце сильно билось.

— Она была съ нимъ одна, Гарри, но мы могли ихъ слышать.

Дороти Белтамъ смотрѣла на меня словно умоляя меня понять.

— Она покорила его. А когда я увидала его, онъ былъ блѣденъ какъ смерть, но смиренъ и нисколько не опасенъ.

— Вы хотите сказать что она нашла его въ бѣшенствѣ, воскликнулъ я, пораженный горемъ и ужасомъ.

— Да, милый Гарри, ты отгадалъ.

— Она стала между нимъ и домомъ сумашедшихъ?

— Она переѣхала изъ дома сэръ-Родрика въ квартиру которую наняла для вашего отца. Она не покидала его ни днемъ, ни ночью въ продолженіе трехъ недѣль и справлялась съ нимъ сама, обращаясь иногда за помощью къ испуганной мистрисъ Вадди или ко мнѣ, трусившей не менѣе. У меня осталась до сихъ поръ привычка прижимать руку къ сердцу при всякомъ шумѣ. Теперь все прошло. Гарри, Дженета желала чтобы ты этого никогда не узналъ. Я думаю что она права, полагая что ея вліяніе незамѣнимо: онъ привыкъ къ ней. Ты знаешь, Гарри, какъ она добра при всей своей твердости.

— О, не мучьте меня, ради всего святаго, тетушка! воскликнулъ я.

ГЛАВА LVIII.

Мое укрощеніе.

Тетушкѣ Дороти нужны были сильныя доказательства чтобъ убѣдиться что мною не овладѣла болѣзнь о которой она говорила.

Она не могла скрыть своихъ опасеній на этотъ счетъ, когда взяла мою руку, чтобъ идти къ Дженетѣ. Мои отчаянные возгласы измучили ее.

Я сказалъ такъ спокойно какъ только могъ:

— Вы упомянули объ ея добротѣ и твердости, тетушка, это взволновало меня. Понимаете? Вы не боитесь.

— Я понимаю что это контрастъ, сказала Дороти Белтамъ.

Безполезно было бы объяснять ей какъ дѣйствуетъ такой контрастъ на человѣка въ моемъ положеніи.

Дженета протянула мнѣ руку. Я взялъ ее безкровными пальцами.

Я не могъ не сказать ей какъ я чувствую себя въ долгу у нея.

— Если вы это уже знаете, милый Гарри, сказала она,— вы должны согласиться что я въ настоящее время для него лучшая нянька.

— Это продолжится недолго.

— Пока возможно.

Она не могла выразиться такъ чтобъ избѣжать непріятнаго намека. Я немного одумался, но сердце мое было сплошною раной; малѣйшее холодное дуновеніе съ ея стороны усиливало мою боль.

Я колебался нѣсколько минутъ между мягкостію и грубостію, и вдругъ спросилъ отрывисто:

— Пока возможно? Я не знаю дня.

— Дня, Гарри?

— Дня вашей свадьбы.

— Она назначена въ будущемъ мѣсяцѣ.

— Да? Вы сами назначили будущій мѣсяцъ и день? Я думаю о моемъ отцѣ. Его надо будетъ перевезти ко мнѣ за нѣсколько дней. Вы будете заняты вашимъ туалетомъ и тому подобнымъ. Маркизъ Эдбери, въ былое время, имѣлъ привычку, благодаря своей страсти къ мальчишескимъ забавамъ, потѣшаться надъ вашимъ паціентомъ.

— Они не встрѣчаются.

— Я это знаю. Но пока мой отецъ будетъ здѣсь, „пока это возможно", онъ будетъ служить постоянною забавой для игриваго ума маркиза.

Иронія была тратой времени. „Иронія грома едва ли подѣйствовала бы на нее", подумалъ я, видя ее спокойною.

Она отвѣчала мнѣ:

— Онъ теперь не такой какимъ былъ. Я надѣялась, Гарри, что вы будете добры съ нимъ, ради меня.

— Я и буду, ради васъ.

На лицѣ ея засвѣтилась радость сквозь удивленіе.

Это были, кажется, первыя добрыя слова которыя я сказалъ ей съ тѣхъ поръ какъ вернулся въ Англію.

Къ счастію для меня я не могъ обвинить себя въ умственной двусмысленности.

Я перешелъ къ откровенности свойственной помѣшательству.

Могли ли какія бы то ни было описанія дать мнѣ понятіе объ отношеніяхъ Дженеты къ Эдбери? Нѣтъ, пока я не видалъ ихъ вмѣстѣ. Я ждалъ этого страшнаго зрѣлища, чтобъ узнать то что я жаждалъ знать. До такого жалкаго состоянія дошелъ я.

Я получилъ маленькую записочку на иностранной бумагѣ, въ конвертѣ адресованномъ Дженетой. Въ ней заключался отрывокъ изъ шутливыхъ стиховъ одного изъ любимыхъ нѣмецкихъ поэтовъ Оттиліи, теряющій всю прелесть въ переводѣ:

Кто отворачивается отъ искреннихъ друзей, тотъ бѣжитъ
отъ счастія.
Хочетъ онъ знать чего онъ домогается? Пусть спроситъ
у своихъ пятокъ.

Отъ этихъ строкъ на меня повѣяло знакомымъ покоемъ Германіи.

Такимъ образомъ я узналъ что Оттилія и Дженета переписываются. О чемъ?

Дженета теперь призналась мнѣ что ихъ дружеская откровенность была всегда безгранична. Принцесса отгадала ея любовь къ Гарри Ричмонду, лишь только онѣ познакомились на островѣ, и теперь знала что я въ моихъ путешествіяхъ научился цѣнить Дженету.

Ободренный неизмѣнною дружбой принцессы, я написалъ ей, оставивъ отгадать очень немного о состояніи моего духа, не скрывъ ничего изъ окружающихъ меня обстоятельствъ. До сихъ поръ мое воображеніе было занято исключительно моимъ несчастіемъ, когда же Оттилія заняла въ немъ свое мѣсто, я сталъ спокойнѣе и пріобрѣлъ силу управлять моею страстью. Безъ малѣйшаго непріятнаго чувства, какъ ни странно это мнѣ казалось, просилъ я Оттилію передать мой сердечный привѣтъ и искреннее уваженіе принцу ея супругу.

Послѣ этого я могъ сохранить при встрѣчѣ съ маркизомъ Эдбери полное самообладаніе, мало того, я порадовался замѣченной въ немъ перемѣнѣ къ лучшему. Онъ пріѣхалъ къ своей невѣстѣ съ утреннимъ визитомъ. Я въ тотъ день былъ призванъ рано къ моему отцу и вышелъ изъ его спальни. Встрѣча была неожиданная. Дженета встала чтобы помочь намъ. Эдбери подошелъ ко мнѣ привѣтливо, манеры его были уже не такъ размашисты, лицо свѣжо, пожалуй радостно.

— Очень радъ видѣть васъ, Ричмондъ. Загорѣлъ какъ Турокъ, клянусь Богомъ! Какъ поживаете? Люди возвращающіеся съ Востока похожи на темные свертки съ надписями: „фейерверкъ"; вы съ ними ничего не подѣлаете безъ огня. Куча разказовъ? А у насъ была славная охота въ этомъ году. Если я когда-нибудь поѣду за границу, то никакъ не зимой. Я безъ

ума отъ англійской зимы, Дженета тоже. Мы съ ней всегда управляли охотой, и когда вы одни съ женщиной въ полѣ и предъ вами свора гончихъ, чортъ возьми, это славно!

Такова была его достопамятная рѣчь. Онъ владѣлъ не всею нашею азбукой, нѣкоторыя согласныя я дополнилъ за него.

Дженета быстро заговорила съ нимъ. Она обращалась съ нимъ какъ съ мальчикомъ.

Ни малѣйшей нѣжности къ нему не выказала она мнѣ. Многія молодыя особы въ ея положеніи, я увѣренъ, порисовались бы предъ третьимъ критикующимъ лицомъ какимъ-нибудь возвышеннымъ чувствомъ. И мнѣ въ эту минуту она понравилась бы болѣе еслибы поступила такъ. Она напомнила мнѣ добраго старшаго школьника чувствующаго странную привязанность къ младшему, вслѣдствіе того что у послѣдняго есть дома хорошенькая сестра.

Ему удалось, однако, уговорить ее ѣхать смотрѣть на состязаніе въ крикетъ Сѣвернаго и Южнаго Обществъ. Она хотѣла можетъ-быть показать мнѣ свою зависимость: не знаю.

Вечеромъ она прислала за мной. Было уже поздно, но мое присутствіе было необходимо. Я раздѣлялъ желаніе леди Ильчестеръ чтобы Дженета была избавлена отъ ухаживанія за моимъ отцомъ. Оно доставляло ей безпрерывное безпокойство, а такъ какъ отецъ безпрестанно звалъ меня, когда я уходилъ домой, я полагалъ что могу взять его домой. Но тетушка увѣряла что Дженету онъ зоветъ настойчивѣе.

Я нашелъ что Дженета успокоила и усыпила его. Всѣ въ домѣ спали. Мы сидѣли вдвоемъ на центральномъ оттоманѣ въ гостиной, разговаривая повременамъ тихими голосами. Доктора объявили что болѣзнь моего отца нервная, а не мозговая, сказала Дженета и подтвердила ихъ мнѣніе своими собственными наблюденіями. Она была очень утомлена, но не могла спать, была рада, сказала она, что я съ ней. Она дышала тяжело, закрывала глаза и широко открывала ихъ когда слушала. Въ домѣ царствовала глубокая тишина. Сидѣлка ходившая за моимъ отцомъ сошла внизъ чтобъ объявить намъ что онъ спитъ спокойно.

— Гарри, какъ хорошо сидѣть здѣсь такъ спокойно, не правда ли? сказала она.

— Вы вздыхаете?

— Я устала.

— Почему вы не ложитесь?

— Не могу, я все равно не засну.

— Онъ скоро будетъ на моихъ рукахъ.

— Желала бы я думать что это будетъ не слишкомъ тяжело вамъ, Гарри.

Ея взглядъ былъ печаленъ. Я скрѣпилъ сердце.

Не пустая ли трата времени писать о любви? Она полна испытаній. Любя вы поймете въ короткое время способны ли вы возвышать окружающихъ васъ, или вы обуза на плечахъ вашихъ ближнихъ. Нечистые сердцемъ погибаютъ, слабохарактерные томятся, умѣренные быстро достигаютъ осени любви—всѣ такіе домогаются удовлетворенія которое губитъ ихъ рано или поздно. Любовь переживающая надежды заглушаетъ желанія; она живетъ служа поддержкой и небеснымъ утѣшеніемъ.

Но заглушить желанія все равно что умереть не доживъ до вѣчности.

Мы сидѣли съ Дженетой долго и не произнесли ни слова о любви.

— Разсвѣло, сказалъ я.

Она отвѣчала:

— Для меня нѣтъ разсвѣта.

Мы взглянули на часы, назвали часъ и тотчасъ же забыли его.

Когда мы прощались, она поцѣловала меня. Она наклонилась и приложила губы къ моей щекѣ.

Не могъ ли я тогда заставить ее отказаться отъ своего рѣшенія, воспользовавшись ея нѣжною благодарностью за мое уваженіе къ ней?

Насилованіе чужой воли иногда простительно и можетъ найти оправданіе въ обширномъ мірѣ, при его разнообразномъ составѣ. Но если вы допускаете существованіе высшаго міра, вы поймете что я не проигралъ отъ моего отреченія. Моя любовь къ моей Дженетѣ перешла отчасти въ разсудокъ, а сожалѣніе и уваженіе пробудили ея любовь ко мнѣ. Сказать проще, я началъ любить ее какъ долженъ любить честный человѣкъ, она меня—какъ не должна любить женщина связанная словомъ. Борьба во мнѣ уменьшилась, въ ней усиливалась.

ГЛАВА LIX.

Я встрѣчаю мою первую подругу и покоряюсь заслужённому наказанiю.

Темпль просилъ меня сопровождать его на востокъ Лондона, чтобъ отговорить капитана Вельша отъ задуманнаго имъ эксцентричнаго подвига и обѣщая доставить мнѣ свиданiе съ интересною женщиной только что попавшею подъ его опеку. Темпль полагалъ что я узнаю ее, но не будучи увѣренъ въ ея тождественности и не желая подвергать меня разочарованiю, не говорилъ мнѣ ея имени. Оказалось что капитанъ Вельшъ, послѣ окончанiя своего дѣла, допросилъ своихъ людей и убѣдился что двое или трое изъ нихъ, соблюдая его интересы, говорили ложь подъ присягой. Онъ не прогналъ ихъ, потому что грѣшниковъ не слѣдуетъ отпускать на свободу, сказалъ онъ намъ: это значило бы совратить ихъ съ пути искупленiя и причинить вредъ всему обществу. Но онъ рѣшился заплатить судебныя издержки и вознагражденiе за столкновенiе, что очень встревожило Темпля, такъ какъ онъ первый возбудилъ подозрѣнiя капитана.

— Я хотѣлъ предупредить его противъ этихъ мошенниковъ, сказалъ Темпль,—и полагаю, прибавилъ онъ со вздохомъ,—что капитанъ получилъ высокое понятiе о моей проницательности. Онъ насупился и былъ очевидно разстроенъ. Капитанъ разорился, Ричи, а онъ уже не молодъ и не вѣкъ же ему плавать на *Присциллѣ*. Если онъ заплатитъ, почему не заплатить мнѣ за то что я выскочилъ съ моими совѣтами, почему не заплатить тебѣ или вѣтру который принесъ тебя? Брось только здравый смыслъ за бортъ, и конца не будетъ такимъ хитросплетенiямъ.

Мы отправились на крышѣ омнибуса. Извощикъ толковалъ съ нами съ жаромъ о крикетѣ.

— Крикетъ прекрасная мужественная игра, говорилъ онъ;—въ немъ можно убить человѣка, но это не входитъ въ его программу. Даже иностранцы имѣютъ понятiе что это лучшая игра въ мiрѣ, но забавно видѣть иностранца въ числѣ игроковъ. Никто изъ нихъ не устоитъ противъ шаровъ, и рады бы, да смѣлости не хватаетъ, имъ слѣдовало бы сначала послужить въ солдатахъ. Однажды ему случилось видѣть Француза глядѣвшаго

на игру. Шаръ пролетѣлъ мимо цѣли. Французъ бросается, ловитъ его, поднимаетъ и останавливается съ нимъ посреди поля, а народъ кричитъ на него и посылаетъ его къ чорту. Французъ кричитъ: вы не понимаете никакой вѣжливости. Ха, ха, ха!

Извощикъ хохоталъ и мы кивали, какъ бы соглашаясь что вышеупомянутый Французъ заслуживалъ порицанія. Извощикъ сказалъ намъ что держалъ въ прошломъ году пари за знаменитаго Саддльбенка.

— Старый Андрю Саддль, воскликнулъ Темпль, и мы улыбнулись, подумавъ о славѣ Саддльбенка, и не сомнѣвались что она вполнѣ заслужена.

— Знакомы съ нимъ, господа? спросилъ извощикъ приподнимая шляпу.—Вотъ я и спрашиваю, почему не всѣ джентльмены любятъ крикетъ? Лошади и лошади, круглый годъ. А по моему нѣтъ ничего лучше крикета. Вопервыхъ, моціонъ, и это прекрасно, вовторыхъ, моціонъ пріятный, втретьихъ, запасаешься хорошимъ аппетитомъ для обѣда, эля и портера. Прибавьте трубку въ сумеркахъ и потомъ крѣпкій сонъ и что вы не хотите знать ни доктора ни священника, потому что вы здоровы и тѣломъ и душой, и никакой проповѣдникъ не сдѣлаетъ изъ васъ лучшаго христіанина, за это я вамъ ручаюсь.

Но какъ бы боясь соблазнить насъ, онъ прибавилъ: — Это только мое мнѣніе, господа.

Мы заговорили съ Темплемъ о нашихъ прошлыхъ веселыхъ состязаніяхъ въ крикетъ, въ майскіе дни, на изумрудной лужайкѣ облитой яркими лучами солнца. Я представилъ себѣ степенную, но мало измѣнившуюся Дженету, смотрящую, сидя на лошади, на игру любимыхъ мальчиковъ и потомъ на образцовую англійскую леди, жену и мать возвращающуюся домой, гдѣ ее ждутъ гости ея мужа. Ея мужа!

Темпль понималъ мое горе, но не видѣлъ средства помочь мнѣ. Я зналъ что при всей его любви ко мнѣ онъ въ душѣ считаетъ меня справедливо наказаннымъ.

Мы долго сидѣли у капитана Вельша и нашли его непоколебимымъ, какъ я и ожидалъ. Его люди, сказалъ онъ, сознались въ своемъ грѣхѣ. Онъ мужественно осуждалъ самого себя.

— Гдѣ приключенія тамъ и пороки, мистеръ Ричмондъ, а если на кораблѣ существуютъ пороки, вы можете прямо винить капитана. Я долженъ былъ наблюдать за моими людьми какъ за моею собственною совѣстью и *провѣрять ихъ ежедневно*. И вотъ неожиданный случай показалъ мнѣ что я жилъ ослѣпленный

самообольщеніемъ. Меня это очень огорчило, мой молодой другъ, а заплатить деньги мнѣ не тяжело.

Я и Темпль спорили съ нимъ, но такъ же безуспѣшно какъ во время нашего пребыванія на *Присциллѣ*.

— Развѣ вердиктъ основанный на лжи угоденъ моему Создателю? сказалъ онъ.—Если я сохраню эти деньги, мои молодые друзья, одѣнутъ ли они меня? Да, терніемъ. Накормятъ ли они меня? Да, ядомъ. А тѣ кому они должны принадлежать будутъ нуждаться.

Онъ не говорилъ бы такъ горячо, еслибы мы не спорили съ нимъ.—Эти деньги самъ сатана въ моихъ рукахъ, заключилъ онъ и даже уже не возвращался къ этому предмету.

Онъ заговорилъ съ увлеченіемъ о спасеніи молодой прекрасной грѣшницы. Оказалось что въ промежуткахъ между своими путешествіями, капитанъ Вельшъ имѣлъ обыкновеніе посѣщать Ричмондскій холмъ, съ котораго открывался видъ на Темпль. Онъ считалъ это мѣсто прекраснѣйшимъ въ мірѣ. Однажды онъ засталъ тамъ женщину въ горѣ, заговорилъ съ ней, утѣшилъ ее и предложилъ ей убѣжище въ своемъ домѣ. Имя ея было Мабель Больтонъ.

— Она нуждается болѣе въ нравственной чѣмъ въ матеріальной помощи, ибо соблазны прародителя зла сильно дѣйствуютъ на такую красавицу, говорилъ капитанъ.

То была моя первая подруга, дочь Дилвельскаго мельника. Мабель Свитвинтеръ, увезенная изъ роднаго дома маркизомъ Эдбери, когда я былъ въ нѣмецкомъ университетѣ, и брошенная имъ теперь по настоянію леди Кенъ.

Она сама разказала мнѣ свою исторію, сообщивъ мнѣ что видѣла меня однажды съ Эдбери у двери его клуба. Свиданіе было не совсѣмъ неожиданнымъ какъ для нея такъ и для меня. Она слышала что меня ожидаютъ, видѣла Темпля, а я догадался, услыхавъ ея имя и описаніе ея прекрасныхъ волосъ, что увижу ее прежде чѣмъ она вошла въ каюто-подобную гостиную доброй старухи матери капитана Вельша.

Объ Эдбери она не могла говорить безъ сожалѣнія, полагая что онъ все еще любитъ ее и дѣйствуетъ по принужденію. Ея продолжительная, неизмѣнная привязанность къ негодяю освобождала ее, повидимому, отъ мелочныхъ сожалѣній, которыя, по мнѣнію капитана Вельша, наполняли ея грѣшный умъ. После нѣсколькихъ минутъ замѣшательства, вслѣдствіе нашихъ общихъ воспоминаній, она заговорила объ Эдбери просто и

хорошо. Она не скрывала что была очень довольна своимъ тихимъ убѣжищемъ (она окинула добродушно насмѣшливымъ взглядомъ миніатюрные корабли на каминѣ и картину изображавшую Іосифа и Марію съ Младенцемъ на ослѣ), предохранявшимъ ее отъ соблазновъ, которые, какъ я могъ легко вообразить, встрѣчали бы на каждомъ шагу женщину съ ея наружностью. Лицо ея было прекрасно, тѣло худо. Я поблагодарилъ въ душѣ моего отца нѣсколько разъ пока разговаривалъ съ ней. Мельникъ умеръ, братъ ея былъ въ Америкѣ, у нея не было другаго безопаснаго пріюта кромѣ того который предложилъ ей капитанъ Вельшъ. Когда я спросилъ ее (безъ всякаго повода) согласилась ли бы она возвратиться къ Эдбери, она покраснѣла и расплакалась. Я досадовалъ на себя за свою грубость.

— Пусть поплачетъ, сказалъ капитанъ Вельшъ, прощаясь со мной у двери.—Слезы утѣшаютъ женщинъ.

Къ нашему изумленію онъ объявилъ намъ что намѣренъ взять ее съ собою въ свое плаваніе на *Присциллѣ*. Зачѣмъ? спросили мы.

— Дѣлать добро вполовину, сказалъ онъ,—хуже чѣмъ вовсе не дѣлать его; это трата времени и поводъ для торжества въ аду, мои молодые друзья. Женщина прекрасна какъ возлюбленная Соломона и слаба какъ вода, а тотъ человѣкъ пороченъ. Онъ прислалъ ей письмо. Онъ хочетъ продолжать съ ней прежнія отношенія, а онъ женатъ или скоро женится. Я проницателенъ, она правдива, и я опять бѣденъ и долженъ идти въ море. Я уговаривалъ ее и убѣдилъ ѣхать со мной, чтобъ удалиться отъ соблазновъ. На кораблѣ я не боюсь его, и она узнаетъ благость Создателя среди бурнаго моря.

Мы поморщились за нее, но не могли ничего возражать.

Увидать Дженету послѣ Мабели было странно. Я чувствовалъ что моя милая оскорблена, но поправить дѣла не могъ. Я молчалъ и слѣдилъ за печальными приготовленіями. Не такъ поступалъ Геріотъ. Онъ пріѣхалъ въ это время въ отпускъ изъ Ирландіи. Его разсужденія о женщинахъ напоминали попрежнему ястреба съ прилипшими къ клюву пушистыми перьями, послѣдней проглоченной птички, но его высокое мнѣніе о Дженетѣ и участіе ко мнѣ сдѣлали его горячимъ противникомъ ея намѣренія. Пользуясь правами дружбы, онъ приводилъ ей всевозможные доводы въ подкрѣпленіе своихъ уговоровъ. Она отражала настойчиво его нападенія и отвѣчала на

его убѣжденія просьбами уговорить меня принять Риверсли. Столкновенія между ними происходили ежедневно, и каждый вечеръ Геріотъ описывалъ ихъ мнѣ. Онъ не могъ объяснить ея упрямство ничѣмъ инымъ какъ умопомѣшательствомъ. Упрекая меня въ моей прошлой непростительной слѣпотѣ, онъ негодовалъ на безуміе Дженеты и клялся что добьется своего. Я говорилъ ему что старанія его тщетны, но считалъ ихъ дружескими, хотя видѣлъ что сопротивленіе Дженеты задѣло за живое его самолюбіе. Когда онъ ходилъ взадъ и впередъ по моей комнатѣ, болтая невообразимый вздоръ, среди котораго прорывались иногда здравыя сужденія, видно было что достиженіе цѣли сдѣлалось для него дѣломъ личнаго интереса. Темпль, котораго онъ смѣшилъ своими хвастливыми выходками, сказалъ мнѣ что у Геріота есть дѣйствительно планъ. Вскорѣ мы услыхали что его и Эдбери видѣли пьяными въ гостиницѣ близь Темзы. Дженета также узнала это и перестала принимать Геріота. Я получилъ письмо отъ леди Кенъ и былъ радъ что могу со спокойною совѣстью отвѣчать на него презрѣніемъ. Старуха усердно трудилась для своей обезьяны, какъ она называла Эдбери. Я сравнилъ ее съ моими сторонниками, съ Темплемъ, проводившимъ половину жизни въ парикѣ, и съ Геріотомъ, хвастливо опорожнявшемъ бутылки. Другіе друзья, преимущественно Чарльсъ Этерель, говорили мнѣ съ участіемъ о моей будущей карьерѣ, но молодой человѣкъ думая о карьерѣ ставитъ себя въ ней на первый планъ, а будущій Гарри Ричмондъ казался мнѣ въ тѣ дни такимъ жалкимъ что я спѣшилъ отвернуться отъ него.

Послѣдніе дни проходили съ поразительною быстротой. Дженета понимала что самые отдаленные намеки на день ея свадьбы были пыткой для меня, и потому я узналъ не отъ нея что Джулія Белстедъ великодушно предложила взять моего отца на свое попеченіе. Леди Сампльменъ вызвалась принять его къ себѣ на послѣднюю ночь предъ свадьбой Дженеты. Онъ былъ тихъ и, повидимому, могъ безпокоить только тѣхъ кто неспособенъ былъ слушать равнодушно его недосказанныя фразы и неумѣстныя восклицанія.

Прощай, моя милая! Бываютъ женщины которыхъ трудно привлечь, эту чудную женщину трудно было отвергнуть. Могъ ли я надѣяться что послѣ моего двадцатилѣтняго пренебреженія къ ней, она пожертвуетъ человѣкомъ которому дала слово и вознаградитъ меня за мое позднѣе раскаяніе. Могъ ли я на-

дѣяться что женщина доказавшая мнѣ свою твердость разорветъ связь скрѣпленную ея честнымъ словомъ? Эдбери нравился ей, она видѣла только его лучшія стороны и любила его. Исправленіе Эдбери было ея задачей. Послѣ многихъ лѣтъ униженія отъ меня, она обратила вниманіе на молодаго лорда ухаживавшаго за ней, ждавшаго отъ нея помощи, исправлявшагося подъ ея вліяніемъ, передававшаго ей комплименты восхищеннаго свѣта. Она считала себя его поддержкой и спасительницей. Она не поддалась Геріоту, она не поддалась вліянію болѣе сильному, вліянію принцессы Оттиліи. Тетушка Дороти сказала мнѣ что Оттилія писала ей; Дженета обдумывала или показывала видъ что обдумываетъ доводы принцессы и не остановилась предъ прямымъ отвѣтомъ. Она осталась при своемъ рѣшеніи. Исчезновеніе румянца, исчезновеніе блеска въ глазахъ было единственнымъ признакомъ страданія, котораго ей это стоило.

Мы старались замѣнить Дженету Джуліей въ помутившемся разсудкѣ моего отца, но онъ сопротивлялся отчаянно и говорилъ вещи противъ которыхъ не устоялъ бы никто кромѣ желѣзной Дженеты.

Наканунѣ дня въ который я долженъ былъ взять его, она подала мнѣ руку со словами:

— Прощайте, милый Гарри. Я сказалъ почти то же. Лицо ея было страшно, хотя она и старалась улыбаться. Конецъ приближался.

Онъ наступилъ и былъ поразительно холоденъ и кратокъ.

Онъ оледенилъ мою кровь и задалъ тому что мнѣ казалось нервами моего мозга мучительную работу считать безпрерывно минуты остававшіяся до ея брака. Я ничего не ждалъ, но теперь, когда мы разстались, мнѣ казалось что мнѣ не было бы отказано въ послѣдней сценѣ, которая разбила бы окончательно мое сердце. Тетушка Дороти молчала и начинала плакать, когда я заговаривалъ о Дженетѣ, что бы я ни говорилъ.

Минуты бѣжали отъ обстоятельства къ обстоятельству въ судьбѣ Дженеты и каждое окружалось въ моемъ воображеніи кровавымъ цвѣтомъ, какъ край призматическаго отраженія. Я переживалъ ихъ безсчетное число разъ прежде чѣмъ они случались.

Благодаря разнымъ женскимъ хитростямъ, отецъ мой не почувствовалъ разлуки съ домомъ Дженеты. Она сама отвезла

его къ леди Сампльменъ, и когда я пришелъ туда, ея уже не было. Она оставила мнѣ письмо:

„Милый Гарри!

„Я не буду жить въ Риверсли, никогда не поѣду туда. Не допустите чтобъ онъ перешелъ въ чужія руки, что случится если вы не поселитесь тамъ. Ради сосѣдей и бѣдныхъ я не могу оставить его пустымъ. Я была главною причиной несчастія. Вы никогда не осуждали меня. Дайте мнѣ утѣшеніе думать что нашъ старый домъ живъ. Прощайте.

„Любящая васъ
„Дженета“.

Я разорвалъ письмо и сохранилъ клочки.

Мысль о невыносимой жизни которую мнѣ предстояло начать черезъ день, парализовала чувства. Мой отецъ болталъ, леди Сампльменъ останавливала его; она сказала что я могу поручить его ей, и я отправился къ капитану Вельшу, чтобы проститься съ нимъ и почерпнуть утѣшеніе въ бесѣдѣ съ человѣкомъ такъ сильно вооруженнымъ противъ гоненій судьбы.

Я былъ пораженъ увидавъ Мабель въ обществѣ Кіоми.

— Онѣ встрѣтились случайно на углу улицы, и были друзьями въ дѣтствѣ, сказалъ капитанъ и прибавилъ: она ненавидитъ мущинъ.

— Еще бы не ненавидѣть, когда они животныя, сказала Кіоми.

Онъ взглянулъ на ребенка котораго она держала на рукахъ.

Кіоми нахмурилась, когда я обратился къ ней съ вопросомъ.

— Я не причиню вамъ никакого вреда въ этотъ разъ, сказала она.

Среди обильныхъ слезъ Мабели и старой мистрисъ Вельшъ, Кіоми не выказывала ни малѣйшаго волненія.

Капитанъ Вельшъ хотѣлъ чтобы Мабель отправилась на *Присциллу* немедленно, вслѣдствіе разныхъ слуховъ, сказалъ онъ мнѣ. Кіоми предложила побыть съ ней на кораблѣ пока не придетъ капитанъ. У него были дѣла въ Сити.

Мы смотрѣли какъ они отчалили отъ берега.

— Еслибъ я оставилъ эту женщину на сушѣ, я далъ бы дьяволу возможность овладѣть его жертвой, сказалъ капитанъ Вельшъ, оторвавъ глаза отъ лодки на которой Кіоми и Мабель отправлялись на *Присциллу*.

До него дошли слухи что ея соблазнитель продолжаетъ преслѣдовать ее.

Я разстался съ нимъ (и навѣки) на перекресткѣ въ центрѣ Сити. Тамъ я видѣлъ въ послѣдній разъ человѣка для котораго

искупить ошибку правосудія деньгами накопленными на старость, казалось дѣломъ столь же обыкновеннымъ какъ идти по мостовой,—человѣка единственнымъ бременемъ котораго было безуміе людей.

Я спрашивалъ себя съ отчаяніемъ подъ какимъ предлогомъ могу я бѣжать изъ Англіи и отъ моего необузданнаго духа? Отвѣтъ явился какъ бы чудомъ: въ моей комнатѣ лежало письмо отъ графа Лика, увѣдомлявшаго меня что его начальникъ очень желаетъ видѣть меня. Я тотчасъ же отправился въ посольство, узналъ тамъ что въ одномъ изъ нашихъ портовъ стоитъ австрійскій военный корабль, отправляющійся въ экспедицію на Востокъ, и былъ представленъ капитану, очень приличному господину, какъ большинство офицеровъ его отечества. Найдя во мнѣ бывшаго нѣмецкаго студента и радостную готовность, онъ предложилъ мнѣ занять должность секретаря экспедиціи, вмѣсто заболѣвшаго барона Редвица, не вынесшаго краткаго знакомства съ Адріатикой и нашимъ каналомъ. Условіе было заключено немедленно, и я обѣщалъ явиться на корабль капитана не позже какъ на слѣдующій день. Графъ Кезенскій отвелъ меня въ сторону и выразилъ сожалѣніе что не могъ сдѣлать ничего лучшаго для меня, но я считалъ его участіе безпримѣрнымъ и сказалъ ему это. Онъ отвѣчалъ что намѣренія его были всегда хороши, хотя до сихъ поръ ему не удалось принести мнѣ большой пользы,—намекъ на Чиппенденъ,—а о болѣзни Редвица онъ узналъ только въ этотъ день. Я поблагодарилъ его отъ всего сердца, и онъ проводилъ меня до двери, оставивъ меня въ заблужденіи что этотъ случай свидѣтельствуетъ объ особомъ благоволеніи Провидѣнія ко мнѣ. Такая мысль была утѣшительна. Но кому поручить мнѣ отца на время моего отсутствія? Капитанъ Белстедъ и Джулія вывели меня изъ затрудненія: они пріѣхали въ Лондонъ, чтобъ увезти отца моего въ Белстедъ. и оставили у меня на столѣ записку, которой приглашали меня придти обѣдать въ ихъ гостиницу. Они негодовали на Дженету, но если я прощаю ее, говорили они, то они будутъ молчать о ней и постараются забыть ее. Я разказалъ имъ какъ Дженета ухаживала за моимъ отцомъ нѣсколько мѣсяцевъ.

— Я готова ухаживать за нимъ хоть нѣсколько лѣтъ, сказала Джулія.—Дѣло въ томъ, мой милый Гарри, что я и капитанъ Вильямъ никогда не живемъ такъ дружно какъ въ то

время когда вашъ отецъ у насъ; мнѣ совѣстно ссориться при немъ. Онъ нашъ, и пусть всѣ знаютъ что вы можете обойтись безъ помощи вашей родни, а ваша тетушка можетъ пріѣзжать къ намъ когда вздумаетъ.

Дѣло было рѣшено, и капитанъ Белстедъ отправился со мной къ леди Сампльменъ, чтобы приготовить моего отца къ перемѣнѣ няньки и мѣстопребыванія. Тамъ мы узнали что онъ отправился обѣдать въ одну изъ большихъ столовыхъ Сити, съ альдерменомъ Саддльбенкомъ. Я не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ.

— Э, другъ мой, мистеръ Гарри, сказала леди Сампльменъ,— старые друзья знаютъ другъ друга, повѣрьте мнѣ. Я обращалась съ нимъ какъ будто онъ совсѣмъ здоровъ, дала ему мадеры за завтракомъ, а альдерменъ Саддльбенкъ, который завтракалъ съ нами, взялъ его обѣдать въ Сити, какъ въ былое время, и онъ тамъ славно пообѣдаетъ.

Она считала болѣзнь моего отца ничтожною и полагала что ему необходимо развлеченіе. У двери столовой насъ встрѣтилъ Андрю Саддльбенкъ, увеличенное изданіе Риппенджерова школьника. Онъ сообщилъ намъ что мой отецъ „на ногахъ“ и говоритъ рѣчь. Я испугался и съ помощью Саддльбенка вошелъ въ комнату.

— Принцъ! Коварный возлюбленный! Жестокій отецъ!

Это были первыя слова долетѣвшія до моего слуха. Вообразите мое удивленіе, когда я услыхалъ повтореніе моихъ собственныхъ аргументовъ по этому поводу.

Онъ просилъ своихъ слушателей остерегаться принцевъ, дурныхъ принцевъ и, давъ волю своей богатой фантазіи, называлъ ихъ то серебряными лампами, то кровожадными соколами.

Они привлекательны какъ лампа, обладаютъ аппетитомъ сокола и, имъ нечего дѣлать какъ только блистать. Руки у нихъ ничѣмъ не заняты, они монументы англійской системы компромисовъ. Счастіе для человѣчества если они только монументы! Счастіе для нихъ! Но они надѣлены страстями людей. Лесть толпы вскружила имъ головы, ихъ самоуваженію не на что опереться, если только не на презрѣніе къ льстецамъ.

До сихъ поръ онъ повторялъ то что слышалъ (но не въ эпиграммѣ), какъ заученный урокъ. Неожиданно оборвавъ рѣчь, онъ началъ излагать слушателямъ очеркъ реформъ которыя

онъ произвелъ бы, еслибы выигралъ свое дѣло. Тутъ красно-рѣчіе полилось потокомъ. Принцы съ умомъ, принцы вождй, принцы украшеніе страны, принцы которые были бы руководителями общества, а не дурачили народъ, „заставляя васъ расплачиваться развращеніемъ нравовъ за мнимые успѣхи въ политикѣ". Что-то въ этомъ родѣ. Вся сцена была слишкомъ комична и прискорбна. Но вниманіе съ которымъ его слушали было поразительно, отчасти утѣшительно, подумалъ я, и прикоснувшись къ плечу одного изъ слушателей, сказалъ:

— Я его сынъ, я хочу взять его, но боюсь что его опасно прервать. Я не шучу.

И всѣ слушали покорно человѣка котораго не смѣли прервать изъ опасенія вызвать припадокъ бѣшенства.

Но мнѣ пришлось рискнуть. Устремивъ на меня вытаращенные глаза, онъ готовился привести меня въ примѣръ. Я заговорилъ съ нимъ рѣшительно.

— Мой сынъ, господа, сказалъ онъ, низко наклонивъ голову, и тотчасъ же отдался въ мои руки.

Слушатели встали, довольные своимъ освобожденіемъ, и разошлись кучками. Альдерменъ Саддльбенкъ горячо благодарилъ меня за услугу.

— Я никогда не слыхалъ ничего трогательнѣе начала рѣчи вашего отца, сказалъ онъ.

Я не могъ судить, потому что не слыхалъ начала рѣчи; можетъ-быть было дѣйствительно хорошо. Въ толпѣ повторялось замѣчаніе что многое изъ того что говорилось о Фитцахъ было справедливо. Мой отецъ тяжело оперся на меня и пошелъ со мною опустивъ голову. Я передалъ его Джуліи Белстедъ и отправился на иностранный корабль, покинувшій Англію прежде чѣмъ занялась заря дня свадьбы Дженеты.

ГЛАВА LX.

Заключеніе.

Вѣтеръ былъ силенъ въ то утро. Дождь лилъ сѣрыми потоками, чрезъ которые мы неслись по взволнованной поверхности моря, то поднимаясь, то ныряя и не имѣя минуты покоя.

Я помню что думалъ о *Присцилль*, глядя какъ наши ловкіе

Далматы скользили по мокрой палубѣ фрегата *Верона*. Ночью поднялся штормъ. Я воображалъ что его послало Провидѣніе чтобъ оторвать мои мысли отъ земли и показать мнѣ какъ ничтожны люди.

Чему же уподобить ихъ страсти? Бурѣ въ облакахъ?

Я философствовалъ, но страданіе мое было ужасно.

Слова Дженеты „прощайте, Гарри" положили конецъ всему чѣмъ я жилъ, омрачили, казалось, день и вызвали безпощадный дождь. То былъ мрачный день, подобный тѣмъ которые предшествовали сотворенію земли, и всѣ дни были одинаковы, пока не проглянулъ свѣтъ, возвратившій мнѣ способность думать.

Меня начала мучить моя несправедливость къ послѣдней рѣчи моего отца. Онъ причинилъ мнѣ столько страданій что я запривыкъ думать о себѣ, когда онъ просилъ сочувствія или заслуживалъ сожалѣнія. Но теперь, далеко отъ него, я очистилъ его рѣчь отъ всѣхъ прикрасъ и принялъ его къ сердцу. Онъ очень вѣрно опредѣлилъ свое положеніе, какъ я самъ понималъ его прежде чѣмъ тяжелыя испытанія не пріучили меня думать болѣе о своей чѣмъ объ его судьбѣ. Я это чувствовалъ и думалъ что никогда не слыхалъ рѣчи трогательнѣе. Мнѣ казалось что міръ въ долгу у насъ. Что̀ можетъ быть утѣшительнѣе для человѣка всего лишившагося?

На самомъ же дѣлѣ безпокойное маленькое существо во мнѣ называемое *я*, выдумывало себѣ утѣшенія и искало ихъ въ каждой идеѣ, въ каждомъ обстоятельствѣ и такъ успѣшно что когда я узналъ положительно что Провидѣніе не принимало никакого участія въ моей судьбѣ, я не вдругъ почувствовалъ благодарность къ благородной женщинѣ окружившей меня иллюзіями. Оказалось что я обязанъ принцессѣ Оттиліи, дѣйствовавшей чрезъ графа Кезенскаго, и возможностью уѣхать изъ Англіи въ самое тяжелое время моей жизни, и моимъ избраніемъ въ члены парламента! Я узналъ это отъ капитана *Вероны*, когда, черезъ годъ и девять мѣсяцевъ путешествія, мы вошли въ Остъ-Индскій портъ, и баронъ фонъ-Редвицъ прибылъ на корабль, чтобы занять мою должность. Фонъ-Редвицъ (сынъ канцлера принца Эрнста, какъ оказалось) зналъ болѣе чѣмъ сообщилъ мнѣ, но онъ привезъ мнѣ письмо отъ принцессы, настойчиво звавшей меня домой и предписывавшей мнѣ ѣхать чрезъ Германію и Саркельдъ. Вызовъ былъ мнѣ непріятенъ, ибо я уже увлекся моими научными занятіями и успѣлъ дока-

зать моимъ спутникамъ что я человѣкъ не угрюмый и не чванный. Капитанъ Мартиницъ, однако, убѣждалъ меня возвратиться, да и между строками письма Оттиліи я прочелъ вѣсть о чемъ-то радостномъ. Не обязанъ ли я повиноваться ей? Другіе же повинуются: молодой Редвицъ, напримѣръ, получивъ телеграмму, тотчасъ же притворился больнымъ, чтобъ уступить свое мѣсто мнѣ, когда она желала облегчить мое страданіе перемѣной мѣста и работой для головы и рукъ; не малое самоотверженіе съ его стороны. Оттилія была моею принцессой, она же была и моимъ провидѣніемъ. Она писала:

„Пріѣзжайте домой, другъ мой Гарри. Вы были въ отсутствіи слишкомъ долго. Податель этого письма займетъ ваше мѣсто на кораблѣ и поѣдетъ дальше, а вы домой. Домъ вашъ всегда тамъ гдѣ я, но можетъ-быть будетъ и въ другомъ мѣстѣ. Оттилія говоритъ вамъ что откладываніе теперь трата жизни. Я не скажу ничего болѣе. Вы меня знаете, если я говорю: пріѣзжайте, то этого довольно.“

Простымъ прощаніемъ и ея именемъ заключалось таинственное письмо. Ни слова о принцѣ Германѣ. „Что случилось?“ думалъ я съ любопытствомъ. Но лишь только мнѣ показалось что я отгадалъ, какъ я понялъ нелѣпость моего предположенія. Кромѣ этого мгновеннаго порыва фантазіи, я не оскорбилъ высокую властительницу моей души никакимъ недостойнымъ подозрѣніемъ. Оттилія никогда не позвала бы меня къ себѣ. Но неужели Дженета свободна? При одной этой мысли, надежда, не хотѣвшая жить въ атмосферѣ чистѣйшаго покоя окружавшаго Оттилію, вспыхнула яркимъ пламенемъ, и никакія сомнѣнія не могли потушить ее. Можетъ-быть мужество моей милой сломилось въ послѣднюю минуту? Я воображалъ что это возможно и былъ увѣренъ что этого не случилось. Но надежда создавала цѣлый міръ невѣроятныхъ случайностей и жила ими, хотя я сознавалъ ихъ несбыточность. Не безъ борьбы свернулъ я въ сторону съ большой Италіянской дороги. Я выбралъ путь чрезъ Бреннеръ и провелъ полдня въ Иннсбрукѣ, въ гостяхъ у полковника Геддона, отъ котораго я услыхалъ пріятное извѣстіе что двѣ изъ его дочерей въ Германіи, гдѣ должна совершиться помолвка одной изъ нихъ съ Англичаниномъ. Принцесса Оттилія пригласила Люси Геддонъ въ Саркельдъ для свиданія съ Темплемъ и Темпля для свиданія со мною. Я помчался далѣе и скоро увидалъ старые лѣса окружавшіе Лѣтній Дворецъ и вспомнилъ мою первую любовь. Я былъ встрѣченъ съ теплою привѣтливостью прекраснѣйшею изъ властительницъ и

съ мужественною угловатостью принцемъ Германомъ, и не успѣлъ я подумать о странности моего положенія подъ кровлей замужней Оттиліи, какъ она ввела меня въ библіотеку, гдѣ сидѣла моя милая, моя утраченная и возвращенная Дженета. Она встала въ смущеніи и прошептала мое имя. Мы были одни. Я зналъ что она свободна. Вопросъ: какъ это случилось? таился во всемъ что̀ я дѣлалъ или говорилъ, но созерцаніе ея знакомаго лица, прикосновеніе къ ея свободной рукѣ удерживали меня и отнимали охоту предложить его. Но это было загадочно. Я опять положился на Провидѣніе, смиренно въ этотъ разъ. Я страстно поцѣловалъ ея руку.

— Подождите пока не узнаете всего, Гарри, сказала Дженета, и ея голосъ былъ глубже, мягче, и въ его знакомыхъ звукахъ, какъ и въ ея манерахъ и глазахъ, было что-то новое. Это была не цвѣтущая, здоровая дѣвушка прежнихъ лѣтъ, а подобіе блѣдной, измученной Дженеты, сказавшей мнѣ: „прощайте, Гарри". Видно было что она плакала. На ней не было ничего похожаго на трауръ. Можетъ-быть она сняла его, чтобы не оскорбить моего неукротимаго духа. Я сказалъ:

— Я не буду предлагать никакихъ вопросовъ, если вы мнѣ скажете что вы опять моя милая Дженета.

Она слегка улыбнулась.

— Мы думали что Темпль пріѣдетъ раньше васъ, Гарри.

— Нравится вамъ его Люси?

— Да, очень.

Намекъ на Риверсли оживилъ ее, и она передала мнѣ удовлетворительныя извѣстія о моемъ отцѣ, почерпнутыя въ последнемъ письмѣ Джуліи Белстедъ.

— Такъ давно ли вы, спросилъ я въ удивленіи, — давно ли вы у принцессы?

Она покраснѣла:

— Такъ давно что я теперь хорошо говорю по-нѣмецки.

— И читаете свободно?

— Я серіозно полюбила чтеніе, Гарри.

Вѣроятно у нея не хватило мужества и она уступила мнѣ въ то несчастное утро когда я видѣлъ въ послѣдній разъ Англію сквозь потоки дождя. Я не сказалъ этого, боясь оскорбить ея гордость, но спросилъ:

— Вы здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ?

— Да.

— Много?

— Да, отвѣчала она, потупившись и потомъ, вскинувъ на меня глаза, прибавила поспѣшно:—Подождите Темпля, Гарри. Онъ опоздалъ на цѣлый день. Мы не знаемъ чему это приписать.

Я сказалъ шутя что ему можетъ-быть вздумалось прокатиться по морю и онъ выбралъ нашъ первый путь въ Германію, на баркѣ *Присциллѣ*, съ капитаномъ Вельшемъ.

Она содрогнулась, закрыла глаза и опустила голову.

Наше свиданіе не удовлетворило моего сердечнаго голода. Скитаніе *Вероны* лишило меня писемъ. Дженета можетъ-быть и вдова, судя по тому что̀ я знаю. Для меня она все же Дженета. Но какъ она свободна? Почему нѣсколько мѣсяцевъ въ Саркельдѣ, у принцессы Оттиліи? Можетъ-быть она не дѣвушка и не вдова, а жена бѣжавшая отъ негодяя мужа? Но при такихъ обстоятельствахъ принцесса не вызвала бы меня. Что̀ мнѣ было думать? Два мучительные часа отдѣляли меня отъ времени одѣванья, когда я могъ бы, какъ я придумалъ, вывѣдать у слуги дѣвушка или вдова англійская гостья. Маркграфиня и принцъ Эрнстъ были въ отсутствіи. Германъ занимался въ музеѣ, показывая свои сокровища полковнику Геддону. Я сидѣлъ съ дамами въ воздушной башнѣ Лѣтняго Дворца, жертва мучительныхъ соображеній, которыя сами себя поглощали и изъ огня превращались въ дымъ, и разказывалъ мои путевыя приключенія. Дамы слушали какъ будто сами не могли сообщить мнѣ ничего новаго и какъ сфинксы хранили мучительную тайну. Я, конечно, и въ половину не жаждалъ бы такъ узнать ее, еслибы Дженета не зашла такъ далеко какъ только можетъ зайти порядочная женщина. Загадка заключалась въ ея очевидной любви ко мнѣ, въ ея вѣроятной свободѣ, въ ея непостижимой сдержанности и въ ея желаніи чтобъ я повидался съ Темплемъ прежде чѣмъ она сброситъ свою женскую броню, что̀, судя по намекамъ, одобряла и Оттилія.

Прежде всѣхъ увидала моего друга его возлюбленная Люси, когда онъ медленно спускался съ холма въ дворцовой каретѣ, посланной ему на встрѣчу. Онъ отнялъ у меня не мало минутъ своими „какъ поживаете", и извиненіями. Наконецъ я увелъ его въ мою комнату и узналъ всю истину. Темпль не виноватъ что не началъ прямо. Я отнялъ у него возможность разказать все по порядку, спросивъ:

— Скажи мнѣ, Темпль, была она у алтаря?

Онъ отвѣчалъ:

— Да.

— Да? такъ она вдова?

— Нѣтъ, не вдова, отвѣчалъ Темпль, сбитый съ толку моими вопросами.

— Такъ ея мужъ живъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Темпль и при этомъ замѣтилъ комическую сторону разговора.

— Была она замужемъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, едва удерживаясь отъ смѣха, и прибавилъ:—тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго, Ричи.

— Развѣ я смѣюсь? Да, говори же. Случилось съ Эдбери что-нибудь наканунѣ свадьбы?

Темпль отвѣчалъ опять отрицательно, въ этотъ разъ умышленно загадочно, и самъ въ этомъ сознался, свваливъ вину на мое нетерпѣніе. Онъ подавилъ смѣхъ, готовясь къ моимъ дальнѣйшимъ нападеніямъ.

— Эдбери самъ отказался отъ брака?

— Нѣтъ, былъ опять отвѣтъ.

Я вспылилъ, но Темпль успокоилъ меня и попросилъ выслушать.

— Эдбери утонулъ, Ричи.

— Наканунѣ?

— Нѣтъ, не наканунѣ. Я могу разказать всю исторію въ десяти словахъ, Ричи, если ты выслушаешь спокойно, и я увѣренъ что ты будешь такъ же счастливъ какъ и я, иначе не сталъ бы шутить. Онъ отправился наканунѣ на *Присциллу*, чтобы повидаться съ Мабель Свинвинтеръ, единственною женщиной которую онъ могъ любить, и былъ взятъ въ путешествіе какъ мы съ тобой. Онъ былъ пойманъ, арестованъ и увезенъ, та же исторія, съ тою только разницей что *Присцилла* не вернулась. Она погибла во время бури въ Сѣверномъ морѣ. Это все что мы знаемъ. Я ожидалъ что это когда-нибудь случится съ его людьми. Помнишь, я говорилъ тебѣ что *Присцилла* именно названіе свойственное кораблю утопающему со всѣмъ багажемъ и отправляющему на берегъ бутылку? На нашемъ восточномъ берегу была найдена бутылка, бѣдному капитану пришлось убѣдиться въ послѣднюю минуту что такія вещи водились на его корабаѣ, а въ бутылкѣ бумагу на которой имена пассажировъ и матросовъ были написаны такимъ твердымъ почеркомъ, какъ будто онъ писалъ ихъ сидя дома, въ своемъ кабинетѣ. Наверху стояло: „Воля Господа готова

свершиться", а внизу: „мы идемъ на Его судъ покорно и радостно". Узнаешь стараго капитана, Ричи?

У Темпля были слезы на глазахъ. Мы оба стояли съ минуту моргая.

Я не могъ не спросить что побудило Эдбери отправиться на корабль.

— Неужто ты не понимаешь, Ричи? сказалъ Темпль.—Эдбери поѣхалъ уговорить Мабель остаться, или хотѣлъ только повидаться съ ней, но увидавъ началъ уговаривать. Она, кажется, согласилась, но капитанъ прибылъ на корабль и поступилъ съ Эдбери какъ съ нами: взялъ его въ свое плаваніе ради дисциплины и „спасенія души".

— Почему тебѣ все это извѣстно, Темпль?

— Ты знаешь что твоя подруга Кіоми была въ числѣ дѣйствующихъ лицъ. Капитанъ отпустилъ ее, потому что для нея не было мѣста на кораблѣ. Она говорила намъ что Эдбери предлагалъ капитану сотни тысячи фунтовъ выкупа за себя и за Мабель, потомъ за одного себя. Онъ старался возмутить экипажъ. Бѣдный малый умолялъ, унижался, говоритъ она, потомъ грозилъ спастись вплавь. Капитанъ заперъ его.

Я подумалъ объ урокахъ изъ Библіи которые пришлось проглотить Эдбери и о плескѣ волнъ сопровождавшемъ неожиданное и торжественное провозглашеніе ея истинъ.

Странное стеченіе обстоятельствъ, подумалъ я.

Темпль продолжалъ:

— Геріотъ на слѣдующее утро не сказалъ объ этомъ ни слова и былъ въ числѣ гостей, хотя клялся что не пойдетъ. Онъ какъ-то выдалъ себя Дженетѣ, и она съ тѣхъ поръ не принимала его.

— Какъ выдалъ себя, спросилъ я.

— Вѣдь никто же иной какъ Геріотъ предалъ Эдбери въ руки Кіоми, отвѣчалъ Темпль.—Эдбери не узналъ бы что Мабель уѣзжаетъ, и на какомъ она кораблѣ, безъ помощи Кіоми. Она оставила его на берегу, когда пошла къ капитану Вельшу, и когда капитанъ ушелъ въ Сити, Эдбери отправился на *Присциллу*. Геріотъ не виноватъ въ послѣдствіяхъ. Его предположенія были очень вѣроятны. Онъ полагалъ что Эдбери и Мабель какъ нельзя болѣе пара, и что если Эдбери увидитъ ее, онъ не разстанется съ ней, а леди Кенъ будетъ стоять и махать своими перьями въ напрасномъ ожиданіи предъ алтаремъ. Такъ и случилось, и славная же это была сцена! Она считала

минуты, когда перешло за двѣнадцать, рычала на священника и заставила бы его простоять до часу, еслибы Дженета не повернулась и не ушла. Старуха преградила ей дорогу:

„Что?" сказала Дженета; „можете вы обвинить *меня* въ чемънибудь?" и ушла. „Ахъ, Темпль", сказала оба мнѣ, „было бы ужасно, еслибъ я не была увѣрена что исполнила свой долгъ относительно ихъ". Съ тѣхъ поръ я не видалъ ее до ея отъѣзда въ Германію. Ричи, она думаетъ что ты никогда не простишь ее. Она писала мнѣ что принцесса другаго мнѣнія, но я, говоритъ она, знаю его хорошо.

— О, Боже! Какъ же она меня мало знаетъ, воскликнулъ я.

Темпль сдѣлалъ вторую ошибку, едва не поблагодаривъ меня за мою постоянную любовь къ Дженетѣ, между тѣмъ какъ самъ же онъ превозносилъ ея гордость и мужественное самоосужденіе, заставлявшія ее опасаться что я не прощу ее. „Однако онъ и Дженета знаютъ меня давно, подумалъ я. Можетъ-быть мое мнѣніе о себѣ противорѣчитъ ихъ мнѣнію только потому что я считаю себя такимъ какимъ я сдѣлался, а они такимъ какимъ я былъ въ прежніе годы? Я сужу по цвѣтку, а они по корню и стеблю. Но цвѣтокъ явленіе временное, цвѣтокъ спадаетъ, а на слѣдующій годъ выходитъ другой. Не справедливѣе ли они судятъ обо мнѣ?"

Оттилія была проницательнѣе всѣхъ. Она угадала чего можно ожидать отъ меня. Я былъ до сихъ поръ подверженъ возвратамъ не совсѣмъ созрѣвшей натуры, какъ я замѣтилъ, когда оглянувшись на свое прошлое назвалъ его „страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ", что было старою привычкой приписывать Провидѣнію особое вниманіе въ моей судьбѣ: слѣдствіе самомнѣнія и глупости.

Между тѣмъ Темпль и я мылись и брызгались предъ двумя тазами, и я былъ скрытнѣе съ нимъ чѣмъ съ вами, ибо не открылъ ему приговора произнесеннаго надо мною въ тайномъ судилищѣ моей головы. Правильно ли я тогда понималъ себя, дѣлается сомнительнымъ, когда я вспоминаю его веселый смѣхъ и восклицаніе: — „Ричи, ты нисколько не измѣнился! Ты все такой же какой былъ мальчикомъ." Нѣкоторые внѣшніе признаки, свидѣтельствовавшіе о внутреннемъ успокоеніи, характеризовали приближеніе Темпля къ положенію британскаго мужа и отца. Мы много говорили о капитанѣ Вельшѣ и о печальномъ комизмѣ его идеи исправить такого человѣка какъ Эдбери, среди бурнаго моря, и о странномъ положеніи аресто-

ванныхъ подъ его строгимъ управленіемъ и о трагическомъ концѣ. Слѣдующія двѣ минуты наединѣ съ Дженетой я прожилъ подъ впечатлѣніемъ этого разговора. Только мое нетерпѣливое желаніе увидаться съ ней опять наединѣ доказало ей что я ея поклонникъ а не судья, и потомъ, узнавъ какъ я счастливъ надеждой что мы возвратимся въ Риверсли мужемъ и женой, она сдалась, предупредивъ меня впрочемъ, послѣ безпощаднаго самоосужденія, что если испытаніе повторится, то очень можетъ быть, даже вѣроятно, что она поступитъ такъ какъ уже разъ поступила. Къ счастію для насъ обоихъ, я теперь зналъ что мущины и женщины чувствуютъ не всегда то что произносятъ, и у меня было теперь средство зажать уста произносившія вздоръ. Притомъ я долженъ былъ скоро сдѣлаться господиномъ въ такихъ вопросахъ. Она согласилась съ этимъ, прибавивъ, съ страннымъ содроганіемъ, что нѣтъ ничего опаснѣе безусловной свободы. — „Для женщинъ?“ спросилъ я. Она предпочла сказать: „для дѣвушекъ“ и потомъ: „да, и для женщинъ, при томъ воспитаніи какое онѣ получаютъ теперь.“ Вліяніе принцессы украсило ея рѣчь. Новымъ въ ней для меня были слѣдствія огня чрезъ который она прошла, борьбы, страданія, рѣшенія принесть себя въ жертву гордому сознанію долга. Она когда-то была желѣзомъ. Изъ огня вышла чистѣйшею сталью.

— Риверсли, Гарри, промолвила она, и моя улыбка, слова, пожатія ея руки возвратили ей всю прелесть свѣжаго англійскаго утра, которое она напоминала собою.

Возможно ли было представить что мы возвратимся въ Риверсли не мужемъ и женой?

Прежде чѣмъ отвѣтить на такой вопросъ, она должна была сдѣлать признаніе, и произнося его, покраснѣла, ибо въ немъ упоминалось объ Эдбери и какъ будто намекалось на ея привязанность къ нему. Дѣло было въ томъ что она считала себя обязанною уплатить его долги. Такими простыми средствами какъ ея „Риверсли, Гарри“ и мой поцѣлуй ея руки, когда дѣло зашло о деньгахъ, мы отбросили послѣдніе признаки отчужденія и узнали другъ друга съ болѣе теплою чѣмъ прежде любовью. Когда я попросилъ чтобы свадьба была скорѣе, она отвѣчала:—Я согласна, Гарри.

Чувствительности вы конечно не увидите отъ стали. Она чистосердечно презирала женщинъ выставляющихъ свои чувства

на показъ: опасная самонадѣянность для существа менѣе сильнаго чѣмъ она.

Слѣдуя однажды верхомъ за нею и Темплемъ, рядомъ съ принцессой, я спросилъ: что̀ вамъ нравится больше всего въ Дженетѣ?

Оттилія отвѣчала:

— Ея мужество. Оно такого рода что дѣлаетъ лишними всѣ остальныя добродѣтели. У меня бываютъ порывы и я способна на увлеченія, но истиннаго мужества у меня нѣтъ, и я завидую и удивляюсь ей, даже когда мнѣ приходится осуждать ее, ибо знаю что это качество, отличающее ее отъ всѣхъ насъ, выдержитъ испытаніе огня. Я могу вообразить что качества которыми я горжусь могутъ исчезнуть при долгомъ испытаніи, я не могу представить что ея мужество когда-нибудь поколеблется. Можетъ-быть потому что у меня его нѣтъ, я считаю его самымъ рѣдкимъ и драгоцѣннымъ даромъ. Мнѣ кажется что оно заключаетъ въ себѣ половину всѣхъ добродѣтелей и дѣлаетъ другую половину не необходимою.

Съ теченіемъ времени я убѣдился что Оттилія была права и что она опредѣлила свое мнѣніе такъ вѣрно какъ только возможно въ немногихъ словахъ.

Способность моей Дженеты выносить испытанія обнаружилась когда мы приблизились къ дому, вечеромъ, позднею осенью, и увидали зрѣлище тяжелѣе котораго нельзя было придумать для испытанія ея твердости. Поднимаясь въ гору, мы увидѣли зловѣщее зарево надъ Риверсли, а на вершинѣ намъ бросились въ глаза погребальные факелы Гренджа. Ударъ былъ ужасенъ, неожиданъ, необъяснимъ. Поселяне, фермеры, рабочіе, группы депутаціи ходившей встрѣчать насъ на станцію и возвратившейся не видавъ насъ вслѣдствіе того что мы опоздали, стояли со всѣхъ сторонъ. Гренджъ горѣлъ съ двухъ концовъ, казавшихся огненными столбами среди багроваго дыма. Центральная зала и комнаты были еще цѣлы, но внутренность ихъ освѣщалась таинственными рядами свѣта, то померкавшаго, то прояснявшагося и составлявшаго отрадный, но загадочный контрастъ съ дикимъ пламенемъ свирѣпствовавшимъ по краямъ. Внутренній свѣтъ скоро потухъ. Въ центрѣ воцарилась тьма, и вдругъ взрывъ пламени охватилъ все зданіе. Жена протянула мнѣ руки. Весь объятый пламенемъ, нашъ старый домъ стоялъ въ величіи ужаса приводящаго въ трепетъ, и казалось приказывалъ намъ смотрѣть и не приближаться.

— Чѣмъ заслужилъ Риверсли такую участь? промолвила Дженета.—Его комната, сказала она, когда изъ юго-восточнаго крыла, гдѣ была спальня дѣда, вырвался потокъ пламени. Мы подъѣхали къ парку и остановились предъ первою группой зрителей. Они сказали намъ что въ домѣ не было ни одного живаго существа. Тетушка Дороти была въ Белстедѣ. Я замѣтилъ между слугами Толлингби и подозвалъ его къ себѣ. Подошли и другіе, и изъ общаго говора и взглядовъ съ ужасомъ обращенныхъ на огненныя стѣны, мы узнали что мой отецъ готовилъ намъ торжественную встрѣчу: лампы, огни во всѣхъ комнатахъ, факелы на подъѣздахъ, иллюминація вдоль оконъ, большой фейерверкъ, все что только можно было придумать. Огонь вспыхнулъ въ сумеркахъ, отъ взрыва фейерверка съ одной стороны, и отъ неизвѣстной причины—съ другой. Домъ окруженный фейерверкомъ, факелами, вензелями изъ бумаги и кисеи и необычайными декораціями, приготовленными отцомъ для празднованія нашего возвращенія, былъ подобенъ минѣ. Къ намъ подъѣхали всадники. Капитанъ Белстедъ, ѣздившій за пожарными трубами, схватилъ мою руку и произнесъ рѣзкимъ шепотомъ: „Видѣли вы его?" Онъ говорилъ о моемъ отцѣ. Поднялась тревога, группы разбѣжались, вездѣ повторялось имя моего отца, котораго искали и не находили. Онъ бодро тушилъ огонь, когда капитанъ Белстедъ оставилъ его. Мы обратились къ слугамъ и къ конюхамъ, державшимъ лошадей и собакъ; они могли сообщить намъ что скотъ цѣлъ, но не знали ничего о моемъ отцѣ. Среди криковъ женщинъ, треска рушившихся потолковъ, мы бросились въ жаръ пламени, надѣясь найти входъ въ зданіе и спасти живое существо можетъ-быть находившееся въ немъ. Ночь была свѣтла какъ день и оживленнѣе дня. Дженета отослала лошадей въ Белстедъ и сидѣла въ отпряженной каретѣ, глядя на догаравшій Риверсли. Каждый разъ какъ я подходилъ къ ней, она обнимала и цѣловала меня молча.

Она много плакала, когда однажды, послѣ холодной зимней ночи, бѣдная Кіоми была найдена замерзшею надъ могилой своего ребенка. Она плакала еще болѣе, когда мы получили извѣстіе что другъ нашъ Геріотъ палъ на полѣ битвы въ Индіи.

Мы заключили изъ показаній опомнившейся прислуги что мой отецъ вѣроятно остался въ загорѣвшемся домѣ, отыскивая тетушку Дороти. Мы болѣе не видали его

КОНЕЦЪ.

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 k. съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

То же на 1871—72 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 k., съ перес. 70 k.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѲЕЯ, для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 k., съ перес. 50 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИЗШИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цес. Николая. Ц. 80 k., съ перес. 1 р.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНІИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 k., съ перес. 1 р. 75 k.

ОСНОВАНІЯ СИНТАКСИСА ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА. Синтаксисъ обыкновенный, преимущественно аттической прозы, д-ра К. В. Крюгера, перевелъ съ нѣмецкаго К. Мысовскій. Изданіе Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 р.

КАТОНЪ СТАРШІЙ И ЛЕЛІЙ ЦИЦЕРОНА. Объяснилъ и особымъ словаремъ снабдилъ А. Ананьевъ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. 70 коп.

